

Миссионерское обозрение
1896 г. 1 отделение

Январь. Книга 1-я

«Яко же посла Мя Отец и Аз посылаю вы». Ин.20:21.

«Идите **паче** ко овцам погибшим дому израилеву». Мф.10:6.

«Скорбь ми есть велия по братии моей». Рим.9:1–3.

От Редакции. Наше дело и его задачи //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. III–XVII

„Тако нас да непщует человек, яко слуг Христовых“. 1Кор.4:1.

Божественный Пастыреначальник и Совершитель нашего спасения, основополагая Церковь Свою на земле, Сам (посланный Богом-Отцом Ин.20:19) «проходил грады и веси, уча и проповедуя Евангелие Царствия Божия. Увидев же народы, *милосердова* о них, яко бяху *смятени и отвержени*. Тогда сказал Он ученикам своим: жатва многа, делателей же мало. Молитесь Господину жатвы, да изведет делателей на жатву свою». И потом, проведши «всю ночь в молитве к Богу», по наступлении дня Он *призвал*, их же *хотяше* Сам и от них *избрал дванадесять*, а потом и *инех 70-т*, да будут с Ним и **да посылает их проповедати, их же и апостолы нарече** (Мф.9:35–38; Мк.3:13,14; Лк.6:12,18,10:1). Сих-то и послал Он, заповедуя им: *на путь язык не идите и в град Самарянский не внидите. Идите же паче ко овцам погибшим дому Израилеву* (Мф.10:5). Это повеление, имея в начале характер временный и местный. получает вековечное и всемирное значение полномочий и обетовании в торжественном повелении Господа, по Его воскресении, тем же ученикам: *дадеса Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мф.28:18). *Яко же посла Мя Отец и Аз посылаю вы: приимите Дух Свят* (Ин.20:21–22), *шедше в мир весь, научите вся языки, проповедите Евангелие всей твари* (Мк.16:15). **Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века** (Мф.28:20).

Вот незыблемое историческое основание и непререкаемое свидетельство Богоучреждённости и божественных полномочий и прав церковного учительства **избраннейших** (только, а не всех одинаково) членов Церкви Христовой. «Той дал есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовестники... пастыри и учителя к совершению святых, в дело служения, в созидание Тела Христова» (Еф.4:11).

Прияв сии божественные права и силы, довлеющие для своего устройства внутреннего и внешнего. Церковь, по данному ей полномочию, через ближайших преемников апостольской власти – Епископов, по усмотрению духовных нужд, избирает сотрудников, споспешников и соработников пастырству в деле его служения *словом учения*. По принятому христианской Церковью и богословской наукой слововыражению, эти соработники на ниве сеяния Слова Божия именуются «миссионерами», а дело служения их – «миссией». Соответственно тому, куда, по преимуществу, направляется Церковью деятельность сотрудников слова и учительства – ко внутреннему ли устройению членов Церкви для духовного её возрастания или же ко внешнему расширению пределов её в мире языческом – и миссию обыкновенно называют *внутренней* или *внешней*.

Но какого же рода миссия – внутренняя или внешняя – должна преимуществовать относительно данного времени и местности? Решение этого вопроса, как и само дело миссии, стоит в полной зависимости от правящей Церкви. Но основание к решению его надлежит усматривать в *первой* же заповеди Христа о миссионерском служении, – преподанной Им первым миссионерам на земле Церкви Христовой – св. Апостолам: *идите **наипаче** к погибшим овцам дома Израилева (Мф.10:6)* ... Кто эти овцы и чем вызывается преимущественное попечение Божие о них? Это тот «народ мног, который Господь видел смятенным и рассеянным». Это народ Завета, овцы от двора Божия, смятенные в чувствах, мыслях и ожиданиях, беспомощные от вторжения и нападения со стороны волков хищных и разбойников, а потому стоящие на краю великой опасности и гибели. Эти овцы от двора Божия, находящиеся на погибельном пути, и вызывают особую заботу и усиленное попечение о них **прежде всего и преимущественнее всего**.

В дому богоизбранного нового Израиля – в нашей отечественной Церкви, кто эти *погибшие овцы*, как не legiony тех единокровных братьев наших, которые *от нас изыдоша* (1Ин.2:19). Прежде всего наши раскольники старообрядцы, – эти коснеющие в своём упорстве «служители буквы, убившей в них

животворящий дух (2Кор.3:6) любви, веры, смирения, покорности (1Кор.13:4–8)». А затем и наше, так называемое, рационалистическое и мистическое сектантство, широко раскинувшее среди православного населения многих епархий свои «сети ловчи» под различными наименованиями.

Заботясь о поддержании внешней миссии, соответственной главе и величию православной Церкви, и потребностям нашего обширного отечества, в составе коего находятся многие миллионы ещё не уверовавших во Христа, наша отечественная Церковь, благочестивейшие Государи наши и императорское правительство никогда не оставляли *особыми своими* попечениями внутренней миссии. В последние же годы вопрос о возвышении и расширении деятельности внутренней миссии и о необходимости деятельной борьбы с лжеучениями еретического сектантства занимает, по справедливости, одно из первых мест в ряду многочисленных забот Церкви и государства, вследствие чего миссией в наше время предпринимается и сделано весьма много полезного и существенного. Основание нашего противосектантского печатного органа служит новым выражением заботливости правящей Церкви о внутренней и в частности *противо-сектантской* миссии, делу которой посвящено «Миссионерское Обозрение».

Начиная ныне с Божией помощью и благословения Церкви издание специального журнала, мы не можем умолчать об особенных трудностях этого дела, зависящих от широты и серьёзности тех задач, преследовать которые сообразно потребностям времени должно наше издание. О том, как мы понимаем и определяем себе наши задачи, нам и хотелось бы сказать несколько слов теперь-же, при начале дела, чтобы читатели наши знали, чего им ждать от нового органа, что мы будем делать, и к чему стремиться.

Задачи специального периодического издания, посвящённого на служение интересам внутренней противо-сектантской миссии отечественной церкви, с одной стороны обуславливаются характером самого сектантства и его отношениями к церковной, общественной и государственной современной жизни, с другой же вызываются самой практикой

миссионерского дела. Объясним это несколько подробнее. Прежде всего, что такое наше сектантство? Не подлежит никакому сомнению, что сектантство представляет собой печальное и болезненное явление в церковно-общественной жизни; притом – явление болезни злокачественной, способной заражать окружающую духовную атмосферу здоровой части общества и порождать новые духовные язвы и немощи, вызывать у отдельных лиц и целой массы нескончаемые душевные муки религиозного фанатизма, изуверства, сомнений, колебаний и проч. Как всякая болезнь, – оно имеет свои причины, симптомы, формы выражения, историю течения или процесса и свои последствия.

Исследовать общие и частные причины происхождения сектантства, определять его разнообразные формы выражения, указывать влияние на здоровую жизнь церковного организма, следить за развитием сектантства, возрастанием, упадком и переходом одной формы в другую – вот первая в порядке последовательности задача специального противо-сектантского печатного органа. Но сектантство, как болезненное явление, в своём развитии естественно нарушает правильный порядок и вообще здоровое течение церковной жизни, и в тоже время, по тесной связи Церкви с государством, оно нарушает и правильное развитие жизни государственной. Как известно, православная Церковь и русское государство, в котором всё получает своё освящение, силу и действенность в глазах народа при посредстве Церкви – православие и самодержавие – общественная и бытовая жизнь русского народа и его религиозные верования, – всё это так тесно, так органически связано между собой, что все вопросы веры и Церкви в тоже время у нас и вопросы государственные. История и современные наблюдения доказывают, что формы религиозного шатания и вольномыслия так часто скрывают в себе, а иногда только прикрывают собой вольномыслие социальное, а религиозные верования и исповедания так близко соприкасаются в наше время с политическими симпатиями, что закрывать глаза на явления религиозного сектантства и церковной анархии в народе или обществе нет никакой

возможности с точки зрения политической. Отсюда вытекает обязанность *миссионерского* печатного органа освещать сектантские вопросы и с этой стороны, тем более, что мысль о необходимости государственной борьбы с сектантством усвоена и разделяется далеко ещё не всеми представителями правительственных сфер в России.

Борьба Церкви и правительства с сектантством, как общественным злом, не может не иметь самого близкого отношения к интересам русского *образованного* общества... Но... тут мы встречаемся с некоторым недоразумением... Если бы наше образованное общество всё было *действительно* русским по настроениям, идеалам и мировоззрению, то отношение его к сектантству было бы совершенно одинаково и вполне определённо. Культурные и исторические задачи России, как государства самобытного и своеобразного, всецело зависят от незыблемости культурных исторических основ её, т. е. православия, самодержавия и народности. Всё то, что колеблет эти основы, естественно, ослабляет самобытную мощь и мешает культурному развитию дорогого отечества. Стало быть, отношение истинно русского общества, как культурного слоя, к сектантству может быть только чисто *отрицательное*. К сожалению, в действительности это не так, потому что общество наше (если не в большинстве, то далеко и не в малом числе) до сих пор, не смотря на поучительные уроки недавнего прошлого, склоняется более на сторону идеалов западноевропейской цивилизации, до противоположности чуждой идеалам истинно русских людей. Поэтому не мало, так называемой, интеллигенции, отрицательно настроенной против коренных основ России, в лучшем случае – остаётся совершенно равнодушной к задачам и делу внутренней миссии, и пассивным сторонником свободы сектантства, а в худшем – сильным поборником и усердным распространителем в народе антицерковных лжеучений и сектантства, в каких бы нелепых формах не проявляло себя последнее. За примерами ходить не далеко. Достаточно указать на пашковщину, толстовщину, на сочувствие либеральной прессы к расколу, духоборству, штундизму и проч.

Сообразно с разделением нашего интеллигентного общества во взглядах и отношениях к сектантству на два противоположных лагеря, и задача миссионерского издания, по отношению к обществу (интеллигенции), раздвояется: одной, лучшей части общества, сохранившей связь с родиной, журнал должен раскрывать идеи и стремления, заключающиеся в религиозных видах и формах нашего сектантства, и указывать на отрицательное отношение последнего к основным началам нашей государственности и культурным задачам России: другая же часть, т. сказать сектантствующая часть «интеллигенции», естественно в интересах миссионерского дела требует зоркого наблюдения за её антицерковными стремлениями, как растлевающими духовно-религиозный мир народа, и вызывает на борьбу с собой в не меньшей степени, чем борьба с сектантством народным.

Подводя итоги сказанному, мы видим, что определившиеся доселе теоретические или, т. сказать, академические задачи миссионерского издания заключаются, главн. образом, в разработке общих вопросов внутренней миссии по исследованию и определению сектантства и сект с церковной, государственной, исторической и культурно-общественной стороны. Но затем остаётся ещё обширная область *миссионерской практики*. Само собой понятно, что наше издание не может не принять самого широкого участия в этой чисто технической стороне миссионерского дела. Деятельность внутренней миссии, понимаемой в самом тесном смысле слова, обыкновенно должна направляться прежде всего на вразумление заблудших и возвращение отпадших чад Церкви в её ограду. Способы и средства этого возвращения и вообще воздействия на поколебленную веру и совесть отпадших, составляя область миссионерской практики, – также разнообразны и многочисленны, как многочисленны и разнообразны виды и формы нашего сектантства, с неустойчивостью его религиозной догмы и быстрой сменой одних воззрений другими, часто самыми нелепыми и дикими, – как не одинаковы места и условия, среди которых приходится подвизаться миссионерам, как, наконец, бесконечно

разнообразно умственное и религиозное состояние субъектов, подлежащих уврачеванию миссии. Лицам, посвятившим себя подвигу духовной борьбы с врагами Церкви, действующим в разных местах и при неодинаковых условиях на необозримом пространстве нашего православного отечества, важно следить за общим ходом дела борьбы и знакомиться со всем обширным материалом миссионерского опыта и практики, и вообще «быть, что называется, в курсе дела», относительно всех мер и способов борьбы с сектантством и ухищрениями последнего против Церкви. Всё это обязан знать и вовремя сообщать к сведению и руководству миссионерского института специальный орган против-сектантской миссии. Излишне доказывать, что сведения по сектоведению, обличению и миссионерской методике интересны и важны не для одних только миссионеров: они нужны и всякому приходскому пастырю, ревнующему об охранении и спасении вверенных ему душ. Собственно говоря, центр успеха внутренней миссии главным образом и покоится на приходском пастырстве. Между тем, большинство наличного состава приходского духовенства далеко не вооружено необходимым запасом знаний по миссионерской практике. Вследствие чего те приходские пастыри, которым предстоит становиться лицом к лицу с сектантством, вынуждены бывают достигать потребных для успешной борьбы с врагами Церкви теоретических и практических сведений по миссионерству тяжёлым и длинным путём самообразования и личного опыта и это в такое время, когда враг, укрепившись на приходской ниве, свободно сеет злое семя своих пагубных лжеучений. Затруднительность положения приходского пастыря в борьбе с новыми сектами усугубляется также скудостью и неразработанностью нашей полемической и апологетической литературы. В последние годы, правда, в периодической духовной печати и немало стало помещаться полезных статей по обличению и сектоведению: но они, будучи разбросаны по разным, главным образом, по епархиальным периодич. изданиям, в большинстве пропадают бесплодно для практических целей миссии, оставаясь или неизвестными, или недоступными для лиц, которые по долгу служения своего

должны были воспользоваться готовым результатом *миссионерского* опыта. В виду изложенного, долг специального миссионерского издания, в отношении практических сторон миссионерского дела, заключается прежде всего в том, чтобы установить тесную связь между многочисленными деятелями миссии, – миссионерами и пастырями, дать им возможность на страницах специального органа вести деятельный обмен своими, всегда ценными и живыми наблюдениями и мнениями о наилучших и более верных способах и средствах духовной борьбы с многочисленным сектантством, расколом и другими внутренними врагами Церкви. Затем, – руководить, направлять и оживлять деятельность подвизающихся на миссионерском поприще, разрабатывать нужную для практической стороны дела специальную литературу, и тем доставлять миссии все средства, которыми располагает богословская и историческая наука в этом отношении. Наконец, дело внутренней миссии не ограничивается тесным кругом одного вразумления заблудших и возвращения отпадших в лоно Церкви. С точки зрения миссии, **как мы её понимаем**, очень важно не только вразумлять и возвращать отпадших, но и охранять и предупреждать духовное заражение здоровых членов Церкви от злокозненных, тлетворных действий (тайных и явных) сектантства и всячески, если не всецело, устранять сами случаи соращения в секту. Вопрос об охране верных чад Церкви от увлечения пагубными ересями и утверждении их в истинах своей веры составляет свою особую и чрезвычайно важную задачу *внутренней* миссии. Набожный народ наш потому легко и соращается в секты, что верует только сердцем, в простоте детской души, и не научен устами исповедывать свои внутренние верования, а также он и беспомощен в отражении соблазнительных наветов сектантства на Церковь... На эту именно задачу миссии Церкви ныне обращается самое серьёзное внимание. Эта сторона миссионерского дела, совпадающая с церковным учительством, подлежит *собственно* ведению и обязанностям *приходских пастырей* и зависит от тех или других условий церковно-приходской жизни, которыми создаётся та или другая почва для развития сектантства в

данной местности. В виду важного значения предупредительных мероприятий для пресечения противо-сектантской пропаганды, *миссионерский журнал* по необходимости должен обращаться к выяснению тех условий приходской жизни, которые помогали бы пастырям ограждать вверенное им стадо от расхищения волков хищных, проникающих от инуду во двор прихода в овчих одеждах. Стало быть, в наши задачи входит разработка и вопросов *церковно-приходской жизни*.

Нам остаётся ещё добавить, что практические интересы миссионерского дела требуют от журнала не только разработки миссионерских вопросов и руководственного содействия пастырям и миссионерам в их многотрудном служении, но и *непосредственного* участия самого журнала в этом деле. Мало того, чтобы указывать пастырям на необходимость веро-проповедничества, для пользы дела нужно и дать им лучшие образцы проповедей и поучений, содержанием и формой вполне соответствующих потребностям и нуждам данного времени. Необходимо также дать народу пищу, которая способствовала бы его утверждению в прадедовской вере и предохраняла бы от соблазна сектантских лжеучений и новшеств. А тем, кто не устоял в истине и соблазнился, необходимо сказать слово, обличающее их мудрование.

Эта задача непосредственного участия издания в миссионерской практике побудила нас ввести в программу журнала другие особые отделы, которые исключительно направлены к утверждению православных в вере и нравственности и к вразумлению заблудших.

В частности, при введении отдела *катехизических* поучений и *догматической* проповеди имелось в виду, что со временная гомилетическая литература наша далеко не богата катехизическими поучениями, а между тем сектантский дух времени и обстоятельства Церкви настойчиво требуют, чтобы на церковной кафедре предпочтительно была *катехизация* и обучение народа *догматам* веры и правилам христианской нравственности.

Народная школа вообще и церковная особенно являются незаменимым орудием Церкви и государства в их борьбе с

расколом и сектантством. К сожалению, учебная литература – школьная *по закону Божию* не располагает пособиями и руководствами к миссионерскому воздействию на молодое поколение и детей отцов, поколебленных лжеучениями. Чтобы споспешествовать народной школе – выполнять её высокие задачи в отношении миссии Церкви, издаваемые при журнале катехизические поучения, предназначаются также и в качестве пособия к преподаванию Закона Божия на школьных уроках в тех приходах, где существует сектантство.

При журнале нашем издаются также и *миссионерские листки* для народа. В этом отделе наше издание идёт по совершенно новой дороге, не имея в русской народной религиозной литературе себе предшественников. Миссионерам известно, что отпавшие не признают силы убедительности за обращёнными к ним книжными вразумлениями, в виде обычных наших брошюр и народных листков: все назидательные произведения духовной и народной литературы сектанты, почивающие на букве Св. Писания, называют «полóвой¹, смешанной с зерном», и не читают их. Для вящего вразумления отпавших журнал решил издавать *миссионерские листки* особого типа. Они будут состоять из ряда вопросов, относящихся к известному догмату веры и подбора текстов Св. Писания, а также св.-отеческих свидетельств, приводимых в ответ на каждый из поставленных в листке вопросов, в конце же следует заключение, утверждающее читателя в православном понимании данной истины. Мы питаем надежду, что такие листки сектанты охотно будут читать и вразумляться. Вместе с тем таким путём и православные начётчики легко освоятся с теми текстами Св. Писания, которые обличают мудрование сектантов и заграждают уста глаголющих неправое.

Для удобства пользования журналом и в видах более успешного воздействия со стороны издания на жаждущую света религиозного знания народную массу, мы решили издавать «Миссионерское Обозрение» ежемесячно в 2-х выпусках. Содержание книжки *первого* выпуска будет относиться к разработке общих и руководственных вопросов миссии, а также

просветительных задач и потребностей пастырско-миссионерского служения в Православной Церкви.

Книжки *второго* выпуска будут заключать в себе статьи по изъяснению Слова Божия, изложению святоотеческого учения и раскрытию основных истин веры и нравственности и другие статьи, намеченные в 1, 2 и 3 отделах программы, а также и все приложения к журналу: поучения, вне-богослужебные беседы и собеседования и миссионерские листки для народа.

Эти вторые выпуски журнала, представляя готовый материал для учительства в церкви, вне церкви и школе, предназначаются для всех чад православной Церкви, *да некое будет иле подано духовное дарование (Рим.1:11) здоровым и богатым верой к вящему возрастанию и обогащению, немощным и колеблющимся к утверждению и охранению, заблуждающим к вразумлению, согрешающим ко исправлению, «доколе все придут в меру полного возраста Христова, Который есть Глава Церкви Тела Своего» (Еф.4:12–15 ср. 2Тим.3:15,16).* «Противящимся истине Божией и отпадшим от Церкви дано будет здесь не мало потребных наставлений, увещаний и обличений в духе кротости со всяким долготерпением, не даст ли и им Бог покаяния к познанию истины (2Тим.2:25).

Истина и правда, проникнутые духом кротости и любви, составляют девиз наших *бытописаний, вразумлений и увещаний.*

Если во всяком благом деле свет *истины*, прежде всего должен быть и светить, то в нашем деле борьбы со тьмой человеческих религиозных заблуждений нужен свет обильный и не мерцающий: ни где фальшь, темнота и недомолвка не могут иметь столь вредных последствий как в деле миссионерского служения Церкви и отечеству, – в вопросах веры и совести, – в деле спасения духовно-погибающих... Миссия есть духовная борьба за религиозную истину, за правду веры, – борьба за благодатную жизнь, против вносящих пагубные заблуждения и смерть в ограду Церкви Божией. Всякая борьба представляет большое искушение для борцов впасть в личное раздражение, гнев и даже ненависть к противнику, и таким образом потерять,

что называется чувство меры, трезвого взгляда на дело Божие как на дело созидания, а не разрушения. Вот почему рядом с истиной мы ставим и *правду*. Но свет той и другой должны не только светить, а и согревать; такой только свет даёт жизнь и Божие созидание. Свет знания и холодной правды без *любви* есть свет зимнего солнца, который светит, но не согревает и жизни не пробуждает (Филарет Митр. Моск.; ср. 1Кор.8:1).

Памятуя слово Апостола, мы не будем уклоняться в пустые словопрения и состязания, «которые производят больше споры, нежели Божия назидания в вере». Но всемерно потщимся, чтобы и те из наших читателей, кому придётся встретить правдивое, но горькое, слово обличения, не могли не почувствовать, что и оно есть *искреннее* «слово любви от чистого сердца, доброй совести и нелицемерной веры». (1Тим.1:4,5).

* * *

Мы окинули беглым взглядом наше дело и указали на задачи его, коснулись и характера выполнения их. Осуществлять эти задачи в возможно большей полноте и совершенстве мы поставляем целью себе. Трудности многочисленны и очевидны, но стремиться преодолевать их – есть дело законное: «мы не из колеблющихся на погибель, но стоим в вере ко спасению душ» (Евр.10:39). К тому же мы не одиноки в этом деле, не на *собственные силы возлагаем надежды*... Посвятив себя святому делу миссии Церкви и приняв благословение Церкви, мы под руководством её являем себя *слугами Христовыми* и становимся соработниками многочисленного сонма служителей Церкви Божией и ревнителей правды святой: от Церкви приемлем бодрость и силу, и способность служить делу её. «Имея же, по милости Божией, таковое служение, мы не унываем (2Кор.4:1). мы не сильные в себе против истины, сильны силою Церкви Божией за истину» (2Кор.13:8): с нами и за наше дело все те, кому дороги духовные интересы и нужды родной для всех нас – Матери Церкви и нашей православной отчизны, все кто призван, так или иначе, служить этим интересам, и кто в этом служении видит высшее благо своей земной жизни. При такой

уверенности в могущественный союз споспешествующих нам молитвою, сочувствием, словом и делом; в твердом уповании на милость Божию, с живою верою в правоту и святость дела, с горячим участием к погибельной судьбе заблуждающихся братьев, – какие трудности не преодолимы?

Если Бог за нас, кто против нас? (Рим.8:31).

«Ей, молим вас, *присные* сотрудники (Συζυγοί) наши, и всех, имена коих написаны в книге жизни, помогайте подвизающимся во *благовестии* вместе с нами» (Флп.4:3): наипаче «молитесь, братия, о нас, чтобы Бог отверз двери в сердца спасаемых для слова, дабы нам с дерзновением возвещать, *как должно*, тайну благовестия Христова» (Еф.6:18–20; Кол.4:3,4). Если из многих званых и малое число, услышав глас, возвратятся и удержаны будут в ограде Церкви, то не напрасен труд наш...

А если бы и не так, то пусть *множайший* и искуснейший нас братия о Господе, *возревновав* о *вящем* успехе, *паче* дерзают Слово Божие глаголати. По зависти и ревности или же и за благоволение Христа проповедуют: что убо? и о сём радуемся и возрадуемся (Флп.1:14–18).

Редакция

Аз есмь Пастырь добрый:

Пастырь добрый душу свою полагает за овцы.

А наемник, иже несть пастырь, ему же не суть овцы своя, видит волка грядуща, и оставляет овцы, и бежит: и волк расхитит их. Ин.10:11,12.

Что вам мнится; аще будут некоему человеку сто овец, и заблудит **едина** от них: не оставит ли девяносто и девять в горах, и шед ищет заблудшия? Мф.18:12,13.

Внимайте убо себе и всему стаду, в нем же **вас** Дух Святый постави епископы, **пасти** Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию Своею.

Аз бо *вем сие*, яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас, не щадящий стада. И от вас самех востанут мужие *глаголющий* *развращенная*, еже отторгати ученики во след себе. Сего ради **бдите**. Деян.20:27–31.

Молю вы, братие, блюдитесь от творящих *распри* и *раздоры*, кроме учения, ему же вы научитесь, и уклонитесь от

них. Таковии бо Господеви нашему Иисусу Христу не работают; благими словесы прельщают сердца незлобивых.

Хощу вас мудрых убо быти во благое, простых же во злое.

Бог же мира да сокрушит сатану под ноги ваша **вскоре**.
Рим.16:17–20.

Заветное слово архипастырской любви ко всем пастырям Церкви Русской // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 1–5

„К словесем мудрых прилагай твое ухо... Напиши я себе трижды“. Притч.22:18,21.

„Старцы иже в вас молю, яко старец сый“. 1Пет.5:1.

Да не посетуют на нас читатели, если мы, памятуя завет древних мудрецов – восхвалять славных мужей и отцов нашего рода, коих мудрые слова и правые дела не забываются, а имена живут и по смерти (Сир.44:1.3–5.9.13.14), открываем страницы нашего издания заветным словом приснопамятного Иерарха отечественной Церкви к своим сослужителям – пастырям Церкви².

«К вам обращаемся, ближайшие наши сотрудники, братия и сослужители о Христе, пастыри Христовой Церкви. Плоть от плоти и кость от костей ваших, мы *вемы ваши добрые дела, и любовь, и службу, и веру, и терпение., и скорбь, и нищету, и хулы, отовсюду облегающие нас. Но не бойся ничесоже, яже терпиши и имаши пострадати.* Только буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота, – глаголет всякому из нас Первый и Последний, Иже бысть мертв и се жив есть (Апок.2:8–10). *Но имаши в себе нечто и укорно,* – продолжает Господь. Пред вознесением своим на небо Пастыреначальник наш Господь Иисус Христос, посылая первоначальников нашего священнослужения святых своих Апостолов во все концы земли, завещавает им, а в лице их и нам: *шедше в мир весь, проповедите евангелие всей твари. Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам.* Отсюда проистекают три особые обязанности церковного пастырства: обязанности *учительства, священнодействия и управления церковного.* Из них если не важнейшая, то **первая обязанность – это долг учительства.** Увы! Пред сим долгом мы в своей совести оказываемся крепко повинны, даже более того, почти безответны... Воспрянем же, братия, не попустим, чтобы

словесные овцы наши оказывались бессловесными и безответными перед вопрошающими нас о вере нашей. Не попустим, чтоб они не ведали первоосновных истин веры, важнейших событий евангельской истории, употребительнейших молитв, символа веры и десятословия; чтоб не разумели почти ничего и в том, что даже могут прочесть без разумения; чтоб не различали икон и начертанных на них святых ликов, чем подаётся некоторое основание к укору, будто бы мы идолопоклонники. Вспомним грозное слово святого Апостола Павла: *аще благовествую, несть ми похвалы. Горе же мне, аще не благовествую.*

К исполнению **второго** долга *священства*, к совершению священнодействий и требоисправлений мы усердствовали искони, по ревностнейшей приверженности к Церкви и из любви к красоте дома Божия, к которому душа многих из нас стремилась и стремится, яко елень на источники водные. Тем не менее не невиновны мы и перед сим долгом. Уврачуем же наше немощное и восполним оскудевающее. В совершении нами общественного богослужения и требоисправлений нередко не достаёт назидательности и умиленности священнолепия. Устраним же сей недостаток благоговением к дому Божию, предстоянием при священнодействии всегда со страхом Божиим и верою, исполнением церковного устава, всевозможным благочинием в церковном чтении и пении, в чтении ясном, разумном и вразумительном и строго церковном по самой интонации, в пении трогательном, по искони принятым церковным распевам, в испытанном и проверенном церковном духе, с устранением всего искусственного или ласкающего прихотливый слух и ложный не церковный вкус, всего соблазнительного для ревнителей истовой церковной красоты. Поставим дело отправления священнодействий так, чтобы никому из нас даже в совести своей не приходилось приложить к себе слово Пророка: *проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением*; а наоборот, чтобы наша общественная молитва приводила и на память, и в чувство услаждения каждому из молящихся слово другого пророка, что молитва наша

направляется прямо в небо, яко дым кадильный, воздеяние рук наших, как курение перед Богом жертвы вечерней.

О! перед **третьим** долгом пастырства наставлять всех пасомых, блюсти всё, что Пастыреначальник наш заповедал всем нам, многие из нас виновны тяжко. Вспомним же и не забудем слово великого Апостола пастыреучителя: *образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верой, чистотой. Внемли чтению, сам для себя и для других, утешению, учению. В сих поучайся, в сих пребывай, в сих разумевай, да преспеяние твое явлено будет во всех (1Тим.4:12–15).* Святой апостол Павел завещает предсмертным заветом, можно сказать, заклиная пастырей Церкви своим предсмертным закланием, говоря: *засвидетельствую аз перед Богом и Господом нашим Иисусом Христом, хотящим судити живым и мертвым в явлении Его и царствии Его: проповедуй слово, настой благовременно, и безвременно, обличи, запрети, умоли, со всяким долготерпением и учением. Ты же **сам** трезвися о всем, злопостражди, дело сотвори благовестника, служение твое известно сотвори (2Тим.4:1–5). Сия бо творя и сам спасешия и слушающии тебе. (1Тим.4:16).* А святой апостол Пётр умоляет, заклиная пастырей: *старцы (пресвитеры), иже в вас, молю, яко старец (пресвитер) сый и свидетель Христовым страstem, иже и хотящей славе явитися общник: пасите еже в вас стадо Божие, посещающе не нуждею, но волею, и по Бозе: ниже неправедными прибытки, но усердно, ни яко обладающе причту, но образа бывайте стаду. И явльшуся Пастыреначальнику, примете неувядаемый славы венец (1Пет.5:1–4).* Станем чаще сами вспоминать, и за то не будем собою другим напоминать грозное слово пророка Иезекииля, или точнее слова Самого Господа, изречённое на пастырей всех стран и времён, как и на нас с вами, братия: *сия глаголет Адонаи Господь: оле пастыри Израилевы, еда пасут пастыри самих себе? Не овец ли пасут пастыри? Се млеко ядите и волною одеваетесь, и тучное закалаете, а овец Моих не пасете. Изнемогшаго не подъясте, и болящего не уврачевасте, и сокрушеннаго не обязасте, и заблуждающаго не обратисте, и погибшаго не взыскасте, и*

крепкое оскорбите трудом, и властью наказасте я и наруганием. И рассыпашася овцы Моя, понеже не имеяху пастырей, и быша на изъядение всем зверем сельным. И расточишася овцы Моя по всем горам, и заблудиша по всем холмом высоким, и на лице всея земли рассыпашася овцы Моя, и не бе взыскающего, ни обращающего. Того ради, о пастырие, слышите слово Господне: живу Аз, глаголет Адонаи Господь, понеже учинена суть стада Моя в расхищение, и овцы Моя быша в снадение всем зверем сельным; занеже несть пастырей, и не поискаша пастырие овец Моих, но пасоша пастыри самих себе. а овец Моих не пасоша. Сего ради, пастырие, слышите слово Господне: сия глаголет Адонаи Господь: се Аз на пастыри, и взыщу овец Моих от рук их (Иез.34:2–10).

Сам же Господь мира да даст всем нам мир всегда во всяком образе (2Фес.3:16). Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святого Духа со всеми вами».

Скворцов В. Существенные признаки и степень вредности русских мистических и рационалистических сект ³ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 5–18

I.

Существующие у нас секты имеют характер мистический и рационалистический. К первому разряду относятся: хлыстовство, шалонутство, скопчество и другие с ними сходные, но имеющие в разных местах свои названия, напр. – монтанство, мормонство и проч. К разряду рационалистических сект принадлежат: духоборство, молоканство, штундо-баптизм, пашковщина⁴. Одинок по характеру своему стоит секта жидовствующих.

Начало проявления в русской церкви мистического сектантства восходит к XVII столетию, рационалистического же ко второй половине XVIII века. Коренная, отличительная особенность в учении мистического сектантства заключается в *человеко-обожании*, или в чувстве безотчётной (слепой) веры в непосредственное общение человека с Божеством, Которое, по их мнению, воплощается в последователях секты и таковые искренно воображают себя богами, христами, пророками, богородицами и проч... Внешними признаками принадлежности к мистическому сектантству могут служить: необычный для мирян аскетический образ жизни, изнурённый вид, лицемерно-смирненное поведение в обращении с властями и духовенством и заносчивость с народом, не употребление мясной пищи и хмельных напитков, упорное отчуждение от невинных бытовых увеселений и народных игр, не посещение свадеб, крестин и родин, уклонение неженатых и девиц от заключения брачных союзов, а супругов от брачного сожития. Секты рационалистические отображают в себе занесённые в начале XVIII века западноевропейские религиозно-протестантские понятия. Рационалистическими последние секты называются потому, что собственный «разум» (ratio) в деле веры ставят выше всего, а потому отвергают авторитет Церкви, допуская свободомыслие в понимании и толковании Св. Писания. Внешняя отличительная черта рационалистического сектантства – иконоборчество и отвержение церковной обрядности.

II. Секта жидовствующих или иудействующих (они же субботники). С. 6–9

1) Не признаёт пришествия в мир Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа и Его Божественного достоинства, отвергает Его учение, таинства, обряды и все установления христианской новозаветной Церкви. Иудействующие допускают обрезание, празднуют субботу вместе с другими еврейскими праздниками и постами и, вообще, соблюдают Закон Моисеев, а также предписания еврейского толмуда. Последователи этой секты называют себя «народом Божиим», «новым Израилем» «пришельцами к Израилю», «пришельцами к Закону Божию» и др. В каждой общине есть свой раввин, избираемый обществом из начётчиков. перед наступлением пасхи во всех домах запасаются опресноками на 8 дней, дома свои очищают от всего кислого, питаются в это время пресными лепёшками и горькими кореньями (луком, редькой, чесноком). В субботу не занимаются никакими работами, относительно пищи строго держатся разделения животных на чистых и не чистых, но особенно не терпимым считается свинья и раки.

2) Учение секты воспитывает в последователях её, «в коренных русских людях, отказавшихся от Христа, христианства и своей национальности», враждебное отношение к православной вере, вместе с тем и к общественному строю русской жизни, так что жидовствующие не считают себя подданными русского Царя, а пленниками России, и ежедневно молятся о скорейшем избавлении их от русского ига и водворении в земле Обетованной. Все чаяния жидовствующих прикованы к земным благам, к наживе.

3) В своём семейном и общинном быту жидовствующие совершенно утрачивают исконные черты русской народности и самобытности, перевоспитываясь до полного сходства с евреями, от которых усвоили не только внешние формы жизни, но и внутренние, вредные в общественном отношении, качества семитической расы.

4) Учение секты жидовствующих, проповедуя потворствующее чувственности многожёнство, допускает и лёгкие разводы, что вредно отражается на семейном устройстве и на судьбе детей.

5) Независимо от вышеизложенного, секта жидовствующих склонна к прозелитизму (распространению), и последователи её не перестают проявляться как между православными, так и между другими сектами, напр. молоканами и штундистами. Указывая на мнимую вечность Закона Моисеева и на успех в промышленности и наживе еврейской нации, жидовствующие легко совращают в свою секту простых людей. Наоборот, случаи возвращения из упомянутой секты, совершенно порвавшей связь с православием и народностью и живущей своей замкнутой кагальной жизнью, не часты; миссионерская же борьба с этим лжеучением весьма затруднительна. Значительное число жидовствующих проживает в Астраханской губернии (в царевском и черноморском уездах), а также на Кавказе.

Миссионерский съезд, обсуждая степени вредности лжеучения жидовствующих, приняв во внимание, что секта отторгает сынов православной Церкви в нехристианское исповедание, воспитывает русских коренных людей в противонациональном, вредном не только для Церкви, но и для государства, духе еврейства, полагал, что секту эту следовало бы отнести по закону к *разряду наиболее вредных*, а акт совершаемого русскими жидовствующими раввинами обрезания над детьми – к преступлениям, предусмотренным статьёй 1482 улож. о наказ. (о членовредительстве). При этом соответственным было бы со стороны правительственной власти, в видах пресечения развития столь вредной в социальном отношении секты, восстановление действовавших ранее административных распоряжений о недозволении субботникам отлучек с мест постоянного жительства без особого всякий раз разрешения губернаторов, о недопущении строить особые молитвенные дома для кагалных молебных собраний, заводить свои домашние школы, иметь у себя в услужении православных несовершеннолетнего возраста, а также

распространение на жидовствующих и всех тех ограничений по торговле (торговля спиртными напитками – любимое занятие их), какие приняты в отношении коренных евреев в Империи.

III. Секта хлыстов. С. 9–12

Хлыстовские секты, а с ними и скопчество, будучи проникнуты пантеистическими и мистическими началами языческих восточных религий, хотя сохраняют по практическим побуждениям во всём наружное общение с православной Церковью, – в действительности содержат совсем не христианские, а языческие верования.

1) Хлыстовство не верует в Божество Господа нашего Иисуса Христа и имеет своих лжехристов и лжепророков.

2) Допускает человеко-обожание и учит о перевоплощении душ умерших в другие живые существа.

3) Секта хлыстов отрицает богооткровенность Свящ. Писания, называя его «мёртвыми буквами», а учение своих лжехристов и лжепророков «божественными словами, натканными в сердца последователей её». На место христианского религиозного и нравственного учения хлыстовство установило, как обязательный для своих последователей закон веры и жизни, заповеди своих лжепророков⁵.

4) Следуя сему лжеучению, хлысты отрицают брак, гнушаясь его, как скверны, и вводят при своих радениях так называемую «духовную любовь», которая в сущности есть преступная половая связь, не чуждая иногда кровосмешения.

5) У хлыстов, по их правилам, не должно быть семьи и деторождения, под угрозой изгнания из «корабля»; вследствие такого жестокого учения нередко бывают случаи вытравления плода и убиения новорождённых младенцев. Оставшиеся же в живых дети, прижитые до перехода в сектантство или же в хлыстовство, – не пользуются должной любовью своих родителей, которые считают детей карой Божией и называют их «грешками», «щенками», «бесенятами», а потому хлысты упорно уклоняются от посещений свадеб, называя их гнусными словами, и крестин. Слишком ограниченное в своём числе молодое поколение этой секты лишено бывает надлежащего нравственно-воспитательного влияния семьи, которая

производит собой особое впечатление вымирающего дома. Обстановка у хлыстов всегда отличается безукоризненной чистотой и опрятностью, стены увешаны множеством икон.

6) В состав богослужебного культа хлыстовства входят так называемые «радения», соединённые с гнусными деяниями и изнурительными для здоровья самоистязаниями, в разных формах кружения и верчения. В состав богослужебного культа входят также и «пророчества». Ради изнурения плоти, как злого начала, хлысты не едят мяса, не пьют хмельного и особенно усердны к труду.

7) В общественной жизни и в отношении к православным хлысты отличаются крайней духовной гордостью и заносчивостью. В отношении к правительственной власти и духовенству они, соблюдая внешне-лицемерное уважение, проникнуты в сущности непримиримой к ним ненавистью. Православный народ, по словам хлыстовских песен, «злой мир», «неверный народ», «злые люди», «тати», «злой князь мира» и др., правительственные и духовные лица: «звери кровожадные», «волки злые», «безумные люди», «злые фарисеи» и т. п.

8) Хлыстовство, будучи сектой тайной, легко распространилось среди православного населения; оно привлекает многих таинственностью своих радений, соединённых с физиологическими возбуждениями; возбудивши к себе сочувственное внимание простолюдина, хлысты с величайшим искусством и замечательной последовательностью начинают втягивать доверчивых в свои трясины; тайны свои они открывают постепенно, пока не завлекут окончательно человека в свой толк; наоборот, при скрытности и лукавстве сектантов, которые обязываются грозной клятвой всячески скрывать существование секты и её тайны, возвращение заблудших в лоно Церкви крайне трудно: кто раз попал в хлыстовство, тот редко возвращается из него, а при возвращении, скрывает до гроба тайны хлыстовства из опасения подвергнуться неумолимому преследованию со стороны фанатических главарей секты за измену.

Судя по возникающим в разных епархиях судебным процессам, район распространения тайной секты хлыстов весьма обширен. Особенно широкое распространение хлыстовство имеет на Кавказе, – в Ставропольской епархии, значительное число хлыстов встречается и в центральных губерниях, как напр. в Калужской, Тульской, Московской. Рязанской и в поволжских губерниях.

Принимая во внимание, что секта хлыстов, отрицая христианство, проповедует грубо-языческие религиозные заблуждения, а в основу нравственного поведения и жизни своих последователей поставляет противонаравственные заповеди своих учителей, произвольно измыслила свои догматы и обряды, соединённые с изуверством и гнусными деяниями и с вредным бракоборным учением, которое в корне подрывает семью и вовлекает последователей этого лжеучения в гнусные и преступные деяния, съезд отнёс эту секту к разряду *наиболее вредных* и полагал, что для пресечения дальнейшего развития этой вреднейшей для Церкви и государства секты надлежит, вместе с мерами духовного вразумления, и правительственной власти привлекать последователей хлыстовства к ответственности за саму принадлежность к секте наравне с скопцами, так как обе эти секты, по существу учения, совершенно тождественны. Главное отличие последней секты состоит лишь в том, что скопцы, во избежание хлыстовского разврата и на мнимом основании Свящ. Писания (Мф.12:19), подвергают себя тяжкому физическому уродству (оскоплению).

IV. Молоканская секта. С. 12–14

1) Молокане принимают Св. Писание, как источник вероучения и содержат учение о Боге, Троичном в лицах и о божестве Господа нашего Иисуса Христа, но не право мудрствуют о Св. Троице и воплощении Сына Божия, не признавая равенства лиц Св. Троицы и действительности воплощения Христа, а равно и Его искупительной жертвы. Не признают молокане свящ. *предания*, руководствуясь в делах веры непосредственным наитием благодати, которую получить считают возможным для каждого из членов. Молокане отвергают также почитание и призывание Богородицы, св. ангелов и угодников Божиих, св. икон и животворящего креста Господня, не признают таинств и обрядов.

2) Отрицая весь богоустановленный строй истинной Церкви Христовой, молоканство является совершенно уклонившимся от православной Церкви, в отношении которой секта воспитывает в последователях своих крайнюю вражду и ненависть. А потому действие миссии по возвращению отпадших в лоно Церкви весьма затруднительно; молоканству же, как секте отличающейся прозелитизмом, склонять православных удобно между прочим по завлекательности учения секты о лёгкости спасения через невидимо действующую благодать, без подвигов деятельного христианского благочестия, а равно и вследствие обольстительности учения их о гражданской свободе и социальном равенстве всех людей между собою.

3) Не выступая открыто и решительно с политическими противоправительственными воззрениями, секта молокано-духоборческая заключает однако в своём вероучении такие положения, которые должны воспитывать в последователях её несочувственное отношение к строю и порядкам русской гражданской жизни, а равно и к правительственной власти. Не почитая Царя за помазанника Божия, уча о всеобщем равенстве всех людей (Гал.3:28), молокане в принципе отрицают и повиновение Царю и властям, от него уставленным, учат, что в нравственной жизни человек должен быть свободен от всяких

человеческих принуждений и законов. Мирские власти поставляются для сынов мира (Ин.17:14); для духовных же христиан, которые не от мира, мирские власти не нужны, и повиноваться они должны только одним законам Божественным. Восстают молокане против военной службы и оправдывают измену на войне; не принимают присяги, и иногда отказывались от уплаты податей и есть основание полагать, что только страх и боязнь неизбежного наказания удерживают этих сектантов от открытого противления законам⁶.

4) Браки у молокан заключаются часто, вопреки законам церковным и гражданским, между близкими родственниками, и почти всегда ранее определённого законами совершеннолетия. Число брачных союзов у них не определено ни для мужчины, ни для женщины, съезд, на основании совокупности вредных признаков, заключающихся в учении секты, *крайне* опасной в социальном отношении, полагал отнести молоканство к более вредным сектам.

V. Штунда. С. 14–18

Штундизм с самого начала своего появления сделался известен в литературе, под именем «младо-штундизма» или «штунды духовной» и «старо-штундизма» или «штунды баптистической». Секта эта – новая, в Пашковской она имеет верную союзницу, в баптистах немецких своих наставников и руководителей. 1) По существу учения и культу штундо-баптизм и пашковщина – секты однородные. Все они веруют в Св. Троицу, чтут Иисуса Христа, как Сына Божия и признают значение искупительной жертвы Спасителя, в смысле оправдания человека и духовного возрождения. Однако между штундистами вырабатывается направление, поддерживаемое образованными по преимуществу людьми, отрицающее Божественность Христа, а на искупительную смерть Его указывающее только, как на пример, долженствующий ободрять всех страдальцев. Толк этот очень близок к учению толстовцев. Отличительной чертой штундовых толков между собой служит, допущение одними – *старо-штундистами* водного крещения непременно в реке, в зрелом возрасте, через одно погружение в воду, по вере в смерть Христову, а также причащения или чаши, в смысле обряда: другой же толк штунды (духовная) отрицает необходимость совершения над собой упомянутых таинств и крещения детей, не признаёт также и существующего у старо-штундистов института пресвитеров и диаконов. Словом, *духовная штунда* в церковном устройстве своём проповедует полную анархию. 2) Приписывая себе «помазание от Святого», штундисты односторонне пользуются Свящ. Писанием, стараясь извлекать из него и сопоставлять только те изречения, в которых надеются найти опору своему учению; свящ. предание и церковные обряды отвергают, для своих собраний сами измышляют молитвы и песнопения, заимствуя последние от лютеран и немцев баптистов. Держась учения о спасении верой, пренебрегают значением для спасения добрых дел. 3) Из фарисейского лицемерия воздерживаются от худых дел, не упиваются, не сквернословят, но с православными сварливы,

дерзки и враждебны. Считают необходимым равенство для всех людей, мечтают о свободе на всё, об общности в имуществе и равенстве благ для всех; подобно молоканам штундисты отрицают (в принципе) всякую власть, начиная с царственной, также восстают против присяги и военной службы и избегают учреждённых судов, довольствуясь самосудом, но повинуются правительству и закону не за совесть, а страха ради, уступая силе, так как от этого нельзя избавиться. 4) Склонностью к прозелитизму секта отличается особой: при встрече с православным, всякий штундист старается посеять в нём сомнения относительно чистоты нашей веры. и Церкви, выставляя мнимые преимущества своего учения, кощунственно смеётся над иконами; священнодействиями, заповедями церковными, хвалит несложность и удобоисполнимость своих учреждений: в православном духовенстве совратители указывают лицемерие и вымогательство, в народе грубость и нетрезвость: причём хвалят немецкие порядки, как единственное условие благосостояния хозяйственного. 5) В помощь лживым речам совратителями добываются, – главным образом из заграницы от своих единоверцев, – послания, печатные листки и тетради, в которых излагается лжеучение сектантское в противоположность православному. Для распространения штундового лжеучения штунда располагает хитро организованной миссией, которая имеет многочисленный штат разъездных и местных проповедников, миссионерской кассой, откуда выдаётся вознаграждение распространителям и денежное пособие ново-совращаемым, и также и всем другим членам в особой нужде. Последнее обстоятельство, вместе с предоставлением некоторых житейских выгод совращаемым, показывает, что на столько же трудно возвращение отпавших в лоно Церкви, на сколько трудно людям бедным и простым устоять, чтобы не впасть в эту пагубную, но соблазнительную секту. 6) Борьба с штундой представляет Церкви и правительству громадные трудности и огорчения, так как эта секта производит более всех других сект пагубное и опасное влияние на православное население и не только в религиозно-нравственном отношении, но и в гражданско-государственной

жизни. Положительное вероучение штундо-баптизма отвлечённо и мало развито, в секте преобладает грубо-отрицательное учение, относительно всех религиозных святынь православного народа; воспитательное воздействие на сердце христианина церковно-религиозной обрядности у последователей штунды совершенно устранено. Находясь под руководством враждебных православию и чуждых нашей народности начал, русская штунда порывает духовную связь с нашим историческим прошлым и всецело наклоняется в своих сердечных влечениях на сторону чужеземных порядков и обычаев.

Состав членов секты в подавляющем большинстве своём принадлежит к городскому и сельскому пролетариату, представляя собой людей, обездоленных в своём материальном благосостоянии, дерзких и не спокойных по характеру, недовольных окружающими его социальными условиями жизни и чающих от секты прежде всего улучшения народного быта. Вследствие этого религиозная настроенность последователей секты принижается до холодного безразличия в вере: чувства благоговения, страха Божия и смиренной покорности авторитету Церкви усыпляются безумным ослеплением сектантов своей мнимой святостью и самомнением о богословском всеведении толпы, вместе с гордой фарисейской заносчивостью последователей этой секты. Беспощадное порицание и хуление святынь православия особенно развращает совесть, ум и сердце молодого сектантского поколения, возрастающего без освящающей и возрождающей благодати таинств и без всякого религиозного воспитания и научения. При этом появление штунды в приходах неминуемо влечёт и в православной среде охлаждение к церковности, упадок набожности, дух колебания и сомнения, в отношении догматов веры и коренных устоев Государственной жизни. Грядущее будущее грозит русской Церкви и Государству нарождением в народной среде людей без духа веры и патриотизма, религиозных нигилистов и материалистов из народа⁷. съезд отнёс эту секту к разряду наиболее вредных и

проектировал ряд мер духовного вразумления и административного пресечения пропаганды⁸.

Фудель И., свящ. Основа борьбы с сектантством // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 18–22

I.

В исторической жизни каждого народа можно проследить последовательную смену двух различных периодов: одного устойчивого, спокойного, в котором течение жизни совершается в обычном порядке установившегося строя и вековых традиций, и другого – бурного, в который духовный и бытовой строй народа терпит толчки и колебания, вследствие возникшего, по каким-либо причинам, брожения. Этот второй критический период имеет более или менее сильное влияние на всё последующее течение истории, смотря по тому, насколько серьёзны причины, вызвавшие брожение, и как глубоко это брожение успело охватить жизнь.

Есть основание думать, что переживаемое нами время относится к числу подобных «бурных» периодов истории. Эпоха реформ Александра II дала толчок многим центробежным силам, находившимся до того в связанном состоянии. В результате получилось: с одной стороны, великое смятение умов, с другой – смятение экономических условий жизни, бытового строя и религиозно-нравственного состояния. Интеллигенция, именно в 60–70 годы, дошла до кульминационного пункта своего поклонения Западу и отчуждения от народа. В это же время, освобождённый от крепостной зависимости народ был предоставлен собственной самостоятельности и, благодаря новым судам, земству, всеобщей воинской повинности и школам, должен был стать лицом к лицу с чуждыми его мировоззрению началами, проводимыми в жизнь интеллигенцией. Не трудно понять, что такое положение должно было внести некоторую смуту и расстройство в духовную сторону народной жизни. Так оно и вышло. Не входя в подробное рассмотрение всех явлений этого расстройства, укажем только на одно из них, более заметное и крупное, – на развитие сектантства.

Общее мнение всех исследователей сектантского вопроса сводится к тому, что особое развитие и распространение новые секты получили в последние 30 лет. Особенно это заметно по отношению к рационалистическим сектам, из коих многие за это время возникли, охватили собой большие районы и довольно сильно укрепились в народном организме. Таковы: пашковщина, толстовщина, штундизм и штундо-баптизм. Затем характерное явление именно нашего времени составляет стремление сект к мелкому дроблению. Не успеет возникнуть новая секта, как начинается в ней процесс выделения новых толков с различными оттенками, причём эти толки разрастаются, соединяются между собой, переходят в новые формы, образуют новые секты, с совершенно иным характером, чем первоначальные. Прежде было несколько видов сект строго определённого характера и никогда между собой не смешивавшихся: раскольники ничего общего не имели с рационалистами, а эти последние с мистиками. Теперь не то; все карты перепутались. Бывшие старообрядцы («древле-православные») превращаются в сектантов крайне рационалистического оттенка («немолены» Нижегородской губернии), а рационалисты увлекаются мистическими бреднями (как напр. штундисты – малеванцы). Видимо и на сектантах отражается характер переживаемого исторического периода, т. е. дух колебания и отрицания установившегося строя. Но и в этом явлении мало утешительного.

II.

Нельзя сказать про нашу борьбу с сектантством, что она малоуспешна. Нет. Развитие и распространение сектантства в последнее время зависит не от недостатков нашей внутренней миссии. И меры церковной власти по возвышению миссионерства и старания отдельных лиц, посвятивших себя этому делу, не оставляют желать ничего большего. По мере роста сектантства, растёт и энергия борьбы с ним. Но всё дело в том, что до последнего времени, у нас обращалось внимание почти исключительно только на один вид этой борьбы – именно на *миссионерство* и забывалось, что одно это, очень почтенное, орудие ещё не в силах искоренить зло во всём его

объёме. Мы употребляем здесь слово «миссионерство» в его тесном смысле «обращения заблудших». В этом ограниченном смысле миссионерская деятельность носит, по существу, внешний характер. Она имеет дело с *явлением*, с внешним фактом, а не с причиной его. Факт отпадения от Церкви вызывает деятельность такого миссионера; раз этого факта нет, или, по крайней мере, нет видимых признаков его, и деятельности миссионера нет места. Такое *условное* положение этой деятельности, такая связь миссионерства с *внешним выражением* зла составляет слабую сторону его и заставляет обращать особенное внимание на другие средства борьбы с сектантством.

Недостаточность и ограниченность в борьбе с сектантством одних миссионерских мер «обличения» и возвращения заблудших ясно видна из следующих данных миссионерского опыта. Распространение сектантства обусловливается отчасти сравнительной лёгкостью совращения. Но совращению предварительно предшествует колебание веры, что также не представляет особенной трудности. «Один штундист способен, обыкновенно, поколебать, смутить, потрясти веру десятерых односельцев, а где 10 отпавших, там найдёте сто поколебленных в самых основных догматах и дорогих чувствах своей отеческой веры»⁹. Стало быть, шаткость религиозной веры православного крестьянина является очень удобной почвой для посева на ней всевозможнейших плевел, и как мало нужно усилий для того, чтобы почва эта была засорена!¹⁰ Но если так легко её засорить, то совершенно очистить её от плевел уже представляется почти невозможным. Слово убеждения может воздействовать на совесть и ум отпавшего члена Церкви, он может снова вернуться, воссоединиться и стать православным, но совершенно вырвать из сердца все корни посеянных плевел он уже никогда не будет в силах. «Похулительное лжеучение в отношении истин и святынь православия надолго оставляет следы своего тлетворного влияния на девственные чувства веры побывавших в штунде простецов наших, которые если и выходят из неё, то являются духовно-искалеченными членами Церкви». Таково уж свойство

рационалистического соблазна; он одним своим прикосновением *вытравляет* в душе *чистоту* веры и, как бы потом человек ни отрекался от рационализма – дело уже сделано, чистоты не вернёшь. Червь сомнения, на время успокоенный, нет-нет, да и подымет голову. И миссионерство в этом случае бессильно. Духовно-искалеченные сектанты и по присоединении к Церкви, остаются уже искалеченными членами её¹¹.

Условность и неполнота одной миссионерской деятельности для ослабления сектантства видна ещё из того, что деятельность эта по необходимости следует за развитием сектантства и никогда не может не допустить этого развития. Секта возникает, растёт, разносится по разным местам. Прежде чем бороться с ней, её надо определить, изучить; это требует времени. И затем, когда все миссионерские силы употреблены на борьбу с ней и она стала падать, в это время уже развивается в ином месте какой-нибудь новый отпрыск или толк старой секты, или же возникает новое лжеучение, на борьбу с которым потребуются те же миссионерские силы.

Всё это – и особенное распространение в последние 30 лет в России сектантства, преимущественно рационалистического, и особенная лёгкость совращений, и чрезвычайное разнообразие форм сектантства, превращающихся одна в другую, – указывает на присутствие общей причины всех этих различных болезней народного организма, на общее *заражение* его. А если это так, то ясно, что успешно бороться с этим злом можно только в том случае, когда главные силы борьбы будут направлены на сам *источник* зла.

Приведённое сравнение сектантства с болезнью даёт нам возможность яснее выразить нашу мысль. Если организм заражён какими-нибудь микробами, то он болеет и болезнь его выражается различными внешними явлениями, как то: опухолью, лихорадкой, сыпью и т. п. Если обращать внимание только на эти внешние явления (симптомы) и лечить их, то болезнь не пройдёт; она будет только менять свой характер, свои симптомы. Для излечения организма необходимо обратить внимание на корень болезни, на заражение крови и стараться

уничтожить заражение. В сектантском вопросе миссионерские способы борьбы могут быть очень успешны, но они одни слишком недостаточны для искоренения зла. Они могут быть прекрасным вспомогательным средством при том условии, чтобы главное внимание обращено было на устранение источника болезни. Необходимо прежде всего укрепить расслабленный организм, чтобы в нём не находили себе благоприятной почвы болезнетворные микробы. Тогда и миссионерство получит своё значение и необходимую плодотворность – в связи с другими сторонами борьбы с сектантством.

(Окончание следует).

Свящ. И. Фудель

**Завитневич В. К вопросу об изучении нашего
сектантства // Миссионерское обозрение. 1896 г. №
1–12. С. 23–30.**

Первым условием разумного лечения всякой физической болезни признается правильная постановка её диагноза. Врач, не умеющий определить болезни, не может лечить её успешно, ибо каждая болезнь требует своей особой системы лечения и своего особого лекарства. Бывают болезни лёгкие, наружные, с которыми можно справиться простыми наружными средствами, или самое большее – путём лёгкой операции; но есть и такие болезни, которые являются следствием долго развивавшегося худосочия, и поэтому, коренясь в самой крови организма, они глубоко поражают своим ядом весь его состав. Для борьбы с такого рода болезнями нужны серьёзные мероприятия и при том такие, которые направлены были бы не только против внешних форм проявления болезни, но и которые уничтожили бы самые условия, породившие худосочие. Сколько бы вы не срывали побеги с сорной травы, вы никогда не уничтожите её окончательно, пока будут оставаться её корни.

Положения эти, верные по отношению к болезням физического организма, верны и по отношению к болезням организма духовного. Никто, надеемся, не станет отвергать той истины, что наше сектантство есть болезненная нарость¹² и что первая наша задача состоит в правильной постановке диагноза этого болезненного явления. Но справились ли мы с этой задачей? Знаем ли мы точно те жизненные соки, которыми эта худосочная нарость питается, определили ли мы те органические элементы, на счёт которых она растёт и увеличивается?

Было время, когда появление между членами Православной Церкви сектантства в западноевропейском духе, т. е. в духе отрицания авторитета Церкви в пользу произвола личности, – признавалось делом невозможным. Такая точка зрения основывалась, во-первых, на самом духе Православной Церкви, которая, объединяя своих членов в одном живом

организме, в тоже время оставляет значительный простор для проявления законной свободы личности; во-вторых – на характере русского народа: благоговейный в деле веры наш народ, берёгший её в течении веков и проливавший за неё потоки крови, жил всегда в ближайшем общении с Церковью и, принимая ближайшее участие в её судьбе и делах, никогда не обнаруживал никакого посягательства на авторитет и руководство своих пастырей и учителей, никакого стремления к вольному личному толкованию Слова Божия и т. д. По отношению к такому народу считалось невозможным, в некотором роде даже кощунственным, допустить, чтобы он самолично, по собственной, так сказать, инициативе, мог впасть в заблуждение, уклонившись от предания своей Церкви. Сообразно с этим и вопрос об источниках нашего сектантства решался легко и просто. Религиозная жизнь других народов, особенно наших западных соседей, богата, как известно, самыми разнообразными формами проявления, между которыми не трудно было отыскать нечто аналогичное тому, что у нас происходило. А раз аналогия отыскивалась, связать два аналогичные явления посредством искусственно созданного моста было не трудно. Козлом отпущения в этом случае легко мог явиться какой-нибудь заезжий иностранный миссионер, беглый солдат, немецкий колонист и т. д.

Нельзя отрицать того, что эта точка зрения имеет свою долю правды. Права она прежде всего в том отношении, что, действительно, *поводом* (а не причиной) для возникновения многих из наших сект послужили пришедшие извне воздействия; это факт, достаточно наукой установленный. Но особенно права эта точка зрения в применении к объяснению тех религиозно-философских направлений, какие переживало наше интеллигентное общество со времён реформы Петра Великого. Известно, что, начиная с половины XVIII века, направления эти изменялись у нас чуть ли не с каждым новым царствованием: сначала мы были рьяными волтерианцами, потом ударились в масонство, затем ухватились за Шеллинга и Гегеля, наконец, без оглядки отдались новейшему материализму с его всевозможными разветвлениями, платя по

временам дань Пашковщине, Толстовщине и т. д. Для современного историка причина этого шатания из стороны в сторону понятна. Утратив связь с историческими традициями, выйдя из сферы влияния Церкви, не имея в то время что народившейся науке крепких основ для здорового критицизма, наше интеллигентное общество осталось без всяких устоев и, не имея под ногами твёрдой почвы, на которую могло бы опереться, невольно стало отдаваться всем тем течениям, которые приходили к нам с Запада. Понятно, что все эти направления никогда не были у нас глубокими: как легко они к нам приходили, так легко и уходили, оставляя каждый раз в душе пустоту, которую необходимо было чем-нибудь наполнить. Порывая связь с Церковью, наше общество в этом случае отрицало её авторитет не во имя свободы исследования, которое могло бы возратить его опять в лоно Церкви, а во имя слепой веры в авторитет западной науки, которая становилась для нас своего рода фетишом, требовавшим слепого поклонения. Характерную особенность нашего отношения к шедшим с Запада всевозможным веяниям составляла именно слепая подражательность, не допускавшая и тени самобытного творчества; постигнуть чужую мысль, выразить её чужими словами, поближе к подлиннику – вот что было нашим идеалом; возникал новый подлинник, а вместе с тем изменялся и прежний идеал. Истинных идеалов, которые бы овладевали не только мыслью, но и чувством и волей, словом – всем существом человека, и которые бы делали человека способным на серьёзную жертву, у нас не было и быть не могло. Это было нечто аналогичное с тем, что мы теперь видим в области мод, меняющихся с каждым сезоном по указаниям парижского журнала мод.

Ничего подобного нельзя сказать о наших сектантах, принадлежащих народной среде, если, конечно, не иметь в виду разного рода проходимцев, пользующихся доверием наивных простаков для преследования своих корыстных целей. Кто знаком с нашими сектантами не по книгам только, не из чужих слов, а изучал их в живой действительности, тот не станет оспаривать того, что характерную особенность большинства из

них составляет *неподдельное, живое, искреннее, переходящее в страстность, чувство*, сопровождающееся нередко волей, готовой на самые страшные жертвы. В самом основании некоторых сект, например, скопчества, лежат предписания, которыми нельзя увлекаться из-за одной только моды. Люди, с увлечением отдававшие разного рода эволюциям в масонских ложах, в ужас пришли бы при одной мысли о тех страшных жертвах, на которые решаются деревенские женщины, вступающие в секту скопцов. Вы скажете, что это изуверство. Совершенно верно; но для исследователя это именно и важно: мелкое, пустое чувство не может разразиться изуверством. Некоторые из сектантов уже одним своим видом свидетельствуют, что они пережили и переживают тяжкие внутренние страдания. «Пече мене, пече», восклицает сектант, обращающийся к миссионеру с мольбой разрешить не дающий ему житья недоуменный вопрос. Полагаем, что это совсем не то, что, не ударяя палец о палец, толковать на изящном французском языке «о спасении одной верой», о «поклонении Богу в духе и истине», или оказавшись в условиях, гарантирующих всякую безопасность, проповедовать «о непротивлении злу».

Но всякое сильное живое чувство требует соответствующей формы для своего проявления. Это именно *искание формы для проявления религиозного чувства* составляет вторую характерную особенность нашего сектантства. Говорим – *чувства*, а не мысли, ибо рассудочная мысль не играет сколько-нибудь видной роли у наших сектантов, даже у тех из них, которых мы подводим под категорию рационалистов. Если оставить в стороне отрицательную сторону их полемики, представляющую, обыкновенно, однообразное повторение раз заученных с чужих слов фраз, то положительная сторона их катехизиса легко может быть сведена к весьма немногим положениям; но и в этих последних они не всегда согласны бывают между собой. Теоретическими вопросами у сектантов обыкновенно занимаются их руководители, между которыми не редко встречаются люди бывалые и даже значительно образованные. Простая масса, уже вследствие своей

неразвитости, не может интересоваться этими вопросами; её интерес не выходит из пределов желания уразуметь читаемый текст Свящ. Писания.

Но если сущность сектантства заключается в искании форм для проявления порывов религиозного чувства, то почему же наши сектанты в своих поисках не остановились на тех формах, которые предлагаются Православной Церковью?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, необходимо предварительно навести маленькую историческую справку. Известно, что во время введения на Руси христианства наше язычество представляло некоторую особенность, с которой редко приходится встречаться у других языческих народов: имеем в виду отсутствие жреческого класса. Не входя здесь в подробное объяснение этого обстоятельства, мы удостоверяем только как исторический факт, что у славян, по крайней мере у русских, каждый взрослый мужчина, каждая взрослая женщина могли быть жрецом и жрицей, т. е., помимо всяких посредников, становиться, так сказать, лицом к лицу с богами. С совершенно другим порядком вещей русский язычник встретился в христианстве: он видел, что здесь все таинства, все важнейшие молитвословия и обряды совершали особо учреждённые для этого лица, а он по своей неподготовленности не мог сознательно следить за тем, что совершали представители иерархии. Понятно поэтому, почему, прослушав христианское богослужение, он спешил за овин или в рощу, где и находил удовлетворение своему религиозному чувству. Но языческое богослужение объявлено было делом незаконным и, как таковое, подвергалось преследованию. И вот новый христианин, остававшийся в душе язычником, волей-неволей, стал усваивать в христианстве то, что более всего было для него доступно; а таковым была внешняя форма. Задача христианского просвещения состояла в том, чтобы одухотворить эту форму, дать ей соответствующее содержание. Но печально сложившиеся исторические обстоятельства не позволили осуществиться этой задаче. В результате получилось то, что мы, спустя более семи веков после принятия христианства, устами известного Посошкова должны были сознаться, что «мы

россияне, ни веры своя, какова она есть, ни благочиния духовного, ниже естественного добронравия... не разумеем» ... Историк даже лишён утешения смягчить суровость этого приговора, признав его преувеличением действительности, потому что постановления Стоглава и Духовного регламента, обличительные послания и проповеди пастырей Церкви служат несомненным его подтверждением. А между тем религиозное чувство в русском народе не только не умалялось, но, напротив, росло и увеличивалось. Росло оно и под влиянием постигавших Русь политических бедствий и под воздействием приходившей из Византии аскетической литературы, которая, по понятному созвучию с душевным настроением, находила у нас большое сочувствие. Одностороннее развитие чувства, не умеряемого и не направляемого слабо развитым рассудком, дало в результате ряд таких болезненных явлений, как кликуши, массовые сожжения и т. д. Нет сомнения, что здесь именно, в этом болезненном состоянии духа, заключается коренная причина, породившая наше сектантство. Мы любим проводить аналогию между нашим сектантством и западным протестантством. Аналогия действительно существует, но эта аналогия не полная. Когда протестантский учёный отрицает римско-католическую церковь и её предание, его отрицание имеет характер принципиальный; он ведёт борьбу не с внешней только формой, но с самим духом Церкви, с которым он знаком не хуже любого католика. Попробуйте поговорить с нашим сектантом, и вы увидите, что он не имеет понятия ни о православной Церкви, с которой он враждует, ни о её предании, которое он отрицает. Если наши сектанты отрицают внешнюю форму, то не почему другому, а потому, что форма эта в их сознании никогда не была одухотворена, т. е. она никогда не была связана с той идеей, воплощением которой она служит. Когда западный протестант отрицает авторитет Церкви в пользу своего личного разума, то он в сущности отрицает не авторитет Церкви, который на Западе давным-давно попан, а авторитет одной личности – папы, т. е. он присваивает каждой личности то, что узурпаторски присвоил себе сначала один папа. Православная Церковь папства не знает, а поэтому и борьба с

ним у нас не может иметь места; а главное то, что наши сектанты до таких тонкостей никогда не доходили. Правда, любимым коньком наших сектантов служат нападки на православное духовенство. Но вслушайтесь внимательнее в их речи и увидите, что главная сила их нападок направлена не против таинства священства, смысла которого они не понимают, а против недостатков духовенства, т. е. они нападают на то, что порицает и сама Церковь. Само собой разумеется, что, говоря всё это, мы не имеем в виду тех из наших сектантов, в роде, напр., Иванова или Павлова, которые получили серьёзное протестантское образование и усвоили все тонкости западного рационализма.

Как бы то, впрочем, не было, мы держимся того мнения, что поставленный выше вопрос о зарождении и дальнейшем развитии нашего сектантства может быть разрешён только на почве *народной психологии*. Но так как народная психология, как наука, у нас пока ещё не существует, то мы предлагаем помочь этому горю следующим практическим мероприятием.

В своём месте мы заметили уже, что как скоро сектантское общество возникло, в своём дальнейшем существовании оно по возможности старается подвести себя под общий тип сектантской жизни. Те же чисто психологического характера мотивы, под давлением которых оно возникает, и те первичные элементы, из которых оно зарождается, можно подметить лишь в момент самого возникновения общества, когда в душе будущих его членов ещё происходит та внутренняя борьба, которой сопровождается всякий более или менее значительный нравственный переворот. И действительно, опытные наблюдатели давно подметили, что члены православной Церкви, прежде чем перейти в секту, обыкновенно «проявляют какое-то особенное настроение в религиозном отношении», чем и выделяются из толпы. Это *особенное настроение* проявляется в возбужденном состоянии религиозного чувства, в жажде чтения Евангелия и вообще книг религиозного содержания, в мистико-аскетическом настроении духа и т. д. Иногда этого рода люди обнаруживают свойства и качества, диаметрально противоположные тем, какие они потом

проявляют в сектантстве. Они часто бывают лучшими членами прихода: усерднее других посещают церковь, строже других исполняют церковные предписания, наприм., посты, внимательнее бывают к священникам и т. д. Часто за свою странность они получают у народа особого рода клички, в роде – «порченный», «скаженный», «дурный», хотя при более близком знакомстве с такими «дурными» вы убеждаетесь, что они гораздо умнее тех, которые их так прозвали, что, впрочем, нисколько не мешает им отличаться некоторыми своеобразными странностями. Люди этого типа, если их не собьёт с толку какой-нибудь внешний толчок, обыкновенно всю свою жизнь остаются верными Церкви; хотя подмечено, что люди этого именно типа, при воздействии извне, скорее всего переходят в сектантство. Дело в том, что характерную особенность этого рода людей почти всегда составляет тревожное состояние духа, свидетельствующее о недовольстве их своим настоящим состоянием; это-то недовольство и толкает их в сектантство. Вообще, среди нашего народа, особенно на юге России, в позднейшее время на религиозной почве возникает много своеобразных явлений, уследить за которыми из учёного кабинета нет возможности. Но люди, близко стоящие к народу, легко могли бы заняться изучением этих явлений и обогатить науку своими ценными наблюдениями. Под такими людьми мы разумеем сельских священников, народных учителей, образованных помещиков и, вообще, интеллигентных людей провинции. Посредником между такими непосредственными наблюдателями и наукой мог бы стать ныне выходящий в свет журнал *«Миссионерское Обозрение»*, в программе которого с этой целью выделен особый отдел: *«Из выписок и дневников миссионеров и пастырей»*. Собранными таким путём данными, конечно, не замедлили бы воспользоваться люди науки, и, осветив их историческим светом, способствовали бы движению вперёд этого немаловажного в нашей жизни вопроса. А в этом вопросе ещё много есть такого, над чем необходимо серьёзно подумать.

В. Завитневич

Титов Ф. О сущности русского сектантства, и причинах происхождения его ¹³ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 31–44

Сектантские движения представляют одно из самых крупных и выразительных явлений исторической жизни русского народа. Современное русское сектантство, разделяющееся на множество ветвей, раскинувшее свои сети по разным уголкам нашего обширного отечества и насчитывающее у себя значительное число последователей, не есть какое-либо новое явление, не есть даже недавнее явление. Корень современного нашего сектантства должно искать в давнопрошедших временах русской истории. Правда, трудно проследить с желательной точностью и постепенностью связь ныне существующих сектантских движений с однородными им явлениями прежних времён. Но подобное затруднение оказывается почти неизбежным при изучении и объяснении всех таких исторических явлений, в происхождении и развитии которых принимает участие сложная и многочисленная группа причин и условий. Однако же если нельзя показать с желательной точностью, как современное русское сектантство выродилось из прежних сект, за то всякий внимательный исследователь легко может заметить сходство между учением нынешних сектантов и сектантов прежнего времени. Учение современных штундистов в некоторых пунктах буквально совпадает с учением духоборцев – молокан в самом первоначальном виде его, а в основе некоторых духоборческих сект бесспорно лежат нелепые мнения жидовствующих, которые, в свою очередь, имеют нечто общее с учением древних наших богомилов. Точно также в основе хлыстовско-скопческого учения лежат ясные следы древнерусского язычества и нашего давнего сектантства, возникшего на почве т. н. двоеверия, причём хлыстовско-скопческая секта имеет нечто общее с духоборческой и сродными ей рационалистическими сектами. Таким образом, русское сектантство в основе своей представляет *нечто целое*, однородное явление и, как таковое, сектантское движение

характерной чертой проходит почти через всю историю русской Церкви.

Будучи *давним и постоянным явлением*, сектантство представляет вместе с тем и *самородное, самобытное, самостоятельное* выражение духовной жизни русского народа¹⁴. Излюбленный приём объяснять загадочные, тёмные явления исторической жизни народа путём только заимствования у других народов *неудобоприменим* к русскому сектантству, по крайней мере, к большей группе русских сект. Наблюдаемое не редко сходство, иногда даже близкое сходство между явлениями исторической жизни разных народов нисколько не оправдывает такого метода объяснения. Совершенно однородные и сходные явления в жизни двух народов часто бывают следствием единства человеческого духа, или общности происхождения народов, а не заимствования. Вот почему и в русском сектантстве (напр., в масонстве, хлыстовстве, скопчестве и др.) нередко замечается сходство с сектантскими движениями таких народов, с какими русский народ никогда не имел и не мог иметь никаких сношений. Правда, идеи иногда распространяются, как говорят, по воздуху, сами собой. Следует возникнуть какому-либо оригинальному учению, или даже какой-либо оригинальной мысли на одном конце земного шара и в короткое время отголоски их слышатся далеко, на противоположном конце. Однако же не следует забывать, что это бывает преимущественно среди народов образованных, имеющих оживлённые и непрерывные сношения между собою, благодаря усовершенствованным путям сообщения. А между тем наше сектантство зародилось в такое время, когда русский народ имел самые слабые сношения с другими народами, причём некоторые наши секты, как, напр., *сапунов, прыгунов, общих* и др., возникали в такой глуши русской земли, куда не только не могло проникать какое-либо прямое стороннее влияние, но куда с величайшим трудом проникало даже благотворное влияние отечественной Церкви и отечественного просвещения. Конечно, *в некоторых случаях, имело место и постороннее* влияние. Отрицать это по отношению к некоторым *русским сектам*

(напр., масонству, пашковщине, штундизму и др.) было бы совершенною исторической несправедливостью. Но даже и в таких случаях, даже при несомненном возбуждении со стороны, русское сектантство в окончательном своём виде есть самородное проявление духовной жизни нашего народа. Всякое постороннее влияние может иметь место только в том случае, когда оно находит вполне подготовленную для себя почву, когда оно встречает сочувствие в сознании народа, к которому проникает. С другой стороны, постороннее влияние только тогда делается прочным, долговечным, когда чуждые, посторонние идеи делаются для народного сознания своими, родными. Таким образом, чуждое влияние, даже когда оно бесспорно имело место в истории русского сектантства, играло роль только внешнего повода к возбуждению самодеятельности ума русского народа.

Сущность русского сектантства, как *постоянного и самобытного* явления исторической жизни русского народа, заключается в том, что оно есть *самостоятельная попытка*, правда, ложная и иногда даже прямо уродливая – *попытка нашего народа найти путь ко спасению помимо руководства православной Церкви*, независимо от её учения и предания. Основу всякого сектантского движения составляет именно стремление отыскать истинный, верный путь к союзу с Богом и через то, ко спасению. Стремление это, свойственно *всякому* вообще русскому сектантскому обществу и в такой или иной форме неизменно встречается во всех наших сектах. Потому мы и считаем себя вправе признать это стремление существенным признаком русского сектантства, как одного целого жизненно-исторического явления, повторяющегося через ряд веков в различных формах и видоизменениях его. Духовное, внутреннее богопочтение духоборцев, молокан и их современных преемников – штундистов, еврейские бредни жидовствующих, хлыстовско-скопческие радения с их отвратительными обрядами причащения грудью молодой девицы и кровью младенца, с их ещё более омерзительными обрядами оскпления, – всё это, по разумению заблуждающихся, есть только различные пути, ведущие к одной

и той же цели, различные средства для удовлетворения одной и той же потребности, свойственной *русскому человеку* у его жажды найти верный путь ко спасению и себя и своих ближних. «Не для корысти, не для почестей поступил я так», – говорил один скопец перед судом присяжных в ответ на вопрос о причинах, побудивших его вступить в число последователей секты, – «а для души, В самой своей молодости искал я спасения, искал правды и нашёл её. Я крепко убедился в этом и потому не считаю себя грешным ни перед Творцом, ни перед вами». «Я слышал», – говорил на суде один штундист, – «как мой мальчик читал евангелие, почувствовал, что надо перестать делать неправду и жить по правде». «Я уверился», – говорил также на суде другой штундист, – «что это есть настоящий праведный путь; я почувствовал, что нужно жить ихней богобоязненной жизнью и потому присоединился к ним».

Итак, русское сектантство в основе, в сущности своей есть религиозное явление, есть самостоятельная, неправильная попытка русского человека найти правый путь ко спасению, независимо от руководства Церкви и её пастырей. Конечно, во всяком почти сектантском движении есть элементы и гражданского, общественного характера, но только это элементы побочные, второстепенные, составляющие только результат приложения религиозных понятий сектантов к их семейной и общественной жизни.

Какие же причины вызвали и вызывают сектантские движения в жизни русского народа?

Русский народ от начала своей истории отличался глубоким, живым чувством веры в Бога. Он был таким ещё во времена своей языческой жизни. Уже тогда он отличался особенным усердием в почитании и угождении своим идолам. С принятием христианства, он перенёс это усердие на почитание истинного Бога, Спасителя, Богоматери и святых угодников Божиих. Лучшим образцом русского народа в этом отношении может служить его просветитель, св. князь Владимир. Усердный язычник, он затем сделался самым ревностным последователем христианства, насадителем и распространителем христианской веры в русской земле.

Но если сам просветитель русской земли сделался христианином сознательно, путём разумного испытания христианской веры и сравнения её с другими религиями, то русский народ, крестившийся в днепровских водах вслед за своим князем, в массе своей сделал это не столько по сознанию превосходства христианской веры перед прежней его верой, сколько по подражанию и по «страху к повелевавшему». Христианство, с его готовыми, возвышеннейшими и безусловными ответами на все вопросы истинного знания, озарило тёмную дотоле душу русского человека полным светом, открывшим его верующему взору все тайники боговедения, мироведения и человековедения. «И бывшим нам слепым, истинного света неведящим», говорит м. Иларион, «помилованы Бог, и взсияв на нас свет разума, еже познати Его... и солнце евангельское землю нашу осия». Русский народ с благоговением преклонился перед великими истинами христианского учения. Но его слабая, не подготовленная мысль не могла возвыситься до ясного и отчётливого понимания христианских истин. Поэтому, русский народ и не мог самостоятельно отнестись к христианскому вероучению, которое к тому времени уже совершенно выработалось на востоке и требовало тонкого понимания и высокой степени развития умственных сил человека. Вот почему мы и видим, что русский народ с одинаковым правом допускал в своём употреблении, хотя бы и литературном, как строго православное исповедание веры во Св. Троицу, так даже и еретическое: *«верую в единого Бога Отца нерожена, и в единого Сына рожена, в един Святой Дух исходящий: три собщества свершена, мыслена... единым нероженьем старей Отец Сыну и Духови... Сын подобесущен Отцу... Дух есть пресвятой, Отцу и Сыну подобносущен и присносущен»*¹⁵. Мысль русского народа, очевидно, не поднялась ещё до точного определения отношений лиц св. Троицы между собою и не сознавала существенной разницы между определениями православными и еретическими, а потому и относилась к ним с таким безразличием. Эту нетвёрдость мысли можно ясно видеть также и в понимании таинства воплощения Сына Божия, где она

особенно сказалась в смешении понятий: «существо» и «естество». Следствием этого и была вполне понятная возможность выразиться о Христе Спасителе, что Он «во двою существу» воплотился¹⁶.

Итак, русский народ, в момент принятия христианства, не соединял сознательного логического содержания с истинами веры Христовой. Его неподготовленное мышление не давало почвы для сложных формул и весьма тонких определений христианского богословия. Истины христианского учения были для него делом веры, сами не питаясь в его уме и, с своей стороны, не давая ему пищи. Русский народ принял крещение без ясного знания христианского учения, по вере. Чувством своим он усвоил образ Господа И. Христа и Его божественное учение, в сердце своём он проникся этим учением и при том проникся глубже и сильнее, чем если бы это он мог сделать при ясном, точном знании догматических истин христианского учения.

С этой же глубокой сердечной верой, безотчётной и неясной, но зато сильной, русский народ оставался долго и впоследствии, а простой наш народ остаётся с ней и доселе. Шли века за веками, а он всё-таки не знал точно своей веры, восполняя этот недостаток ведения глубиной и искренностью своего чувства. «Крестьяне, как люди зело простые», по выражению архиеп. Маркелла вологодского, «от времён св. Владимира до XVII в. научились только именам – Христос. Богородица, в молитвах своих только эти имена и произносили, и молились всяк по своему разумению, елико кто что умеюще». Но и после XVII в. русский народ долго ещё оставался, а в простой массе своей и доселе остаётся, с самыми смутными и неясными понятиями о догматах исповедуемой им веры, о Боге в Его существе и свойствах, об искуплении мира Спасителем, о св. таинствах, св. угодниках Божиих и св. иконах. На протяжении нескольких веков русский народ произносил одни только христианские имена, подкладывая под них понятия, бессознательно заимствованные из прежней своей языческой веры. Русский народ, как принял христианство без ясного понимания его, так и после того долго оставался «сущим

младенцем по вере», а тёмная масса простого народа и доселе ещё остаётся таким же младенцем. Искренне, глубока и сильна вера нашего народа, но в тоже время и неясна, безотчётна и темна. «В какой вере», говорит покойный Херсонский архиеп. Никанор, «в какой церкви верующий может родиться, жить и умереть, вовсе не зная своей веры? Единственно у нас! Горько, позорно, но истинно». Вот пример, красноречиво подтверждающий слова преосв. Никанора. В 1888 г. один ставропольский крестьянин, по просьбе священника, следующим образом прочитал молитву ангелу хранителю: «ангел мой, хранитель мой, сохрани мою душу, сокрепи мое сердце; враг – сатана откочнись от меня, тут тебе не дело, тут тебе не место; есть надо мною Господень гроб, на том гробу три лица написаны: Марк, Лука и Микита мученик, за нас Богу молятся, Христу Спасу кланяются».

Итак, русский народ в простой массе своей долго после принятия христианства оставался, а в некоторых местах даже и теперь ещё остаётся младенцем в христианской вере, не имеющим ясных понятий о главнейших истинах этой последней.

Но являются по временам среди простого, непросвещённого, но даровитого русского народа лица, которые не удовлетворяются одною сердечною верою, одним чувством, у которых пробуждается и начинает делать запросы их природный, живой, сильный и пытливый ум. Такими лицами овладевает страстная жажда знания, во что они веруют, веруют ли они право и приведёт ли их вера, исповедуемая ими, ко спасению. Счастье, великое счастье, если такие лица найдут себе хороших руководителей, которые удовлетворят их душевной жажде и направят их на истинный путь. Но что должен делать простой человек, не находящий для себя подобного руководителя (а это и бывало иногда у нас, когда даже наше духовенство не обладало точным знанием православной веры), и тем не менее томимый внутренней, горячей жаждой знания? Лишённый надлежащего руководства и будучи совершенно несведущ в возвышенных христианских истинах, такой человек нередко сам обращался к св. Библии, где, как он знал, изображён истинный путь ко спасению. Он

читал и перечитывал эту святую книгу, ища в ней ответа на свой неотступный вопрос о том, как вернее всего спастись самому и спасти других, и получались примеры, подобные следующим.

Крестьянин Владимирской губернии, по фамилии Никитин, сжёг дом свой и в нём двух своих детей, предварительно зарезав их ножом на горе за селением. На допросе перед судом он спокойно показал, что поступил так, начитавшись Библии, и совершил детоубийство, подражая Аврааму, приносившему некогда в жертву Богу сына своего Исаака, и что в то время, пока он резал своих детей, жена его, мать малюток произносила слова, молитвенно объяснявшие цель заклания. – Никитин, конечно, был наказан и сослан в Сибирь. Живя здесь, он часто уходил в лес, где была маленькая часовня. Сначала не знали, зачем Никитин часто удаляется в лес, но скоро дело объяснилось самым неожиданным образом. Пастухи однажды были привлечены к часовне столами человека и увидели здесь следующее. В часовне, на кресте висел какой-то человек, как оказалось потом, сам Никитин; голова его в терновом венце была склонена на бок, посредине он был подпоясан белым платком, в боку была рана и всё тело было облито и забрызгано кровью, у подножия креста лежали копье и орудия страстей Христовых. Когда сбегавшиеся люди сняли распятого со креста, он был ещё жив. Когда его вылечили и стали допрашивать, то Никитин показал, что он жертвовал собой за грехи людей и, выбрав для того вечер великой пятницы, сам себя распял. Трудно было ему решиться на это, но он перед тем долго и усердно молился. После молитвы, успокоившей его, он сначала прибил ко кресту свои ноги правой рукой, придерживаясь левой за поперечное древко креста, потом левую руку нанизал на большой гвоздь, вбитый предварительно с задней стороны поперечной доски креста. Тоже самое хотел он сделать и с правой рукой, да, видно, изменили ему силы, он ослабел и повис. Так, с опущенной рукой он и найден был пастухами. «Захотелось умереть, как умер Христос за людей», говорил в последствии Никитин. – Понятно, что человек с такой железной силой воли и с такой беспредельной готовностью страдать, жертвовать собой для блага людей, невольно

внушает уважение к себе и находит множество последователей, которые готовы беспрекословно исполнять всякое слово его, и начинается сектантское движение.

Вот другой пример. В николаевском уезде самарской губернии живёт простой крестьянин Михаил Акинфиев Попов. Обладая светлым умом и добрым сердцем, будучи грамотен и имея сравнительно достаточные средства к жизни, он часто и подолгу читает Библию. Всё ему хочется решить вопрос, как вернее всего спастись. И вот он находит, между прочим, следующие слова в Библии: *все же веровавшии бяху вкупе, и имяху вся обща* (Деян.2:44). Слова эти поражают его: в них он видит прямой ответ на свои постоянные думы, и с ревностью новообращённого он начинает исполнять эти слова. Он, прежде всего, раздаёт всё своё имущество своим соседям. Знакомые сначала удивляются поступку Попова, но потом начинают сочувствовать ему. Находится множество подражателей Попову, целые сёла обращаются в его «веру» и является секта «общих».

Что, спрашивается теперь, создало эту секту? Главным образом и прежде всего незнание русским простым человеком православной веры, совершенная неподготовленность его к решению вопросов, назревших в его душе, искренно и глубоко верующей, способной на безграничное самопожертвование во имя «правой веры». И не так ли, в сущности, произошли и все другие наши секты, или, по крайней мере, большинство их? «Духовная вера» духоборцев, молокан, а отчасти штундистов разве не явилась только дальнейшим развитием ложного, одностороннего понимания некоторых мест и выражений, находящихся в Св. Писании, напр., «Бог есть дух: и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин.4:24), «дух животворит; плоть не пользует нимало» (Ин.6:63; ср. 2Кор.3:6) и т. д.? Или уродливая скопческая секта не есть следствие ложного понимания слов евангелия: «*есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами, для Царства Небесного*» (Мф.19:12) и слов св. ап. Павла: «*умертвите земные члены ваши*» (Кол.3:5)?

И так, вот первая, основная причина происхождения русского сектантства: отсутствие правильных, ясных понятий о

своей вере, недостаток надёжных руководителей у русского человека, у которого пробудилось желание отдать себе отчёт в том, во что он верует, истинна ли вера его и каким путём вернее всего можно спастись? Незнание основных истин христианской православной веры, неподготовленность русского человека к суждению о вопросах веры вместе с недостатком у него надёжных руководителей в этом отношении лежит в основании всех сектантских движений русского народа в качестве главной положительной причины. Не только в духоборчестве, молоканстве, хлыстовстве, скопчестве и других подобных сектах, основателями коих были люди простые, необразованные, совершенно не представлявшие себе ясно основных истин христианской веры (напр., непонимание таинства воплощения у хлыстов), но даже и там, где основателями сект были люди светски образованные, причина действует и остаётся во всей своей силе. На наших глазах возникло и распространяется толстовское сектантство. Что вызвало эту новую секту? Прежде всего и главным образом незнание её основателем главных истин христианской веры, непонимание им духа и предания православной Церкви. На этой именно почве, на почве незнания и непонимания учения и духа христианского и совершенно незаконного отвержения предания церковного возникло отрицание толстовцами клятвы, юридических судов, патриотизма, на этой же почве создалось и пресловутое толстовское евангелие. Без всякой предварительной подготовки, без отчётливого и ясного знания основных истин христианства, без руководства церковного предания, с одним только своим талантом художника основатель толстовства приступил к переделке четырёх евангелий и... получилось толстовское евангелие. «Я старался», говорит он, «методически, шаг за шагом, рассеять тот туман, который скрывал от людей истину, я переводил снова стих за стихом четвероевангелия, сравнивал их, соединял их в новую конкорданцию¹⁷, исправлял заблуждения» (это в евангелиях заблуждения)! Так, очевидно, может говорить только тот, кто совершенно не знает христианства, его учения, его предания и духа, кто совершенно не понимает всего этого!

Рядом с указанной нами сейчас положительной причиной происхождения русского сектантства действует если не всегда, то, по крайней мере, нередко другая, отрицательная. В христианском обществе всегда возможны злоупотребления и недостатки. Те и другие неизбежны среди людей с природой хотя и облагодатствованной, но всё-таки и испорченной. Недостатки эти настолько обычны в человеческих обществах, что для большинства людей они и незаметны. Но для людей с возбуждённым религиозным чувством они сразу бросаются в глаза и не дают им покоя. У таких людей непременно является роковой вопрос: как примирить подобное противоречие между истинным христианским учением и действительной жизнью верующих? Решение подобного вопроса для таких людей возможно только одно: исправить существующих недостатков нельзя, но и жить среди людей, не желающих исполнять учения Христова, также невозможно, а потому необходимо удалиться от них и жить самостоятельно, по заповедям евангелия. Так, недостатки в христианском обществе вызывают против себя протест, который, неудерживаемый в должных границах благоразумия, ведёт к образованию сектантского общества. Так, напр., возникла секта стригольников, так же произошли и некоторые другие русские секты с сильным отрицательным характером.

Наконец, нельзя отрицать в происхождении сектантских движений и участия сторонних влияний. Это должно сказать, напр., о масонстве, пашковщине, штундистах и друг. Только не должно придавать этим влияниям того главного, первостепенного значения, какое иногда усвоится им в данном случае. Как недостатки в христианском обществе, так и сторонние влияния чаще всего играют роль только непосредственных поводов к возникновению сектантских движений, а коренной причиной этих последних всё-таки служит незнание русским народом своей веры, его неумение отличить в этой последней существенное от несущественного, неспособность его дать надлежащий отпор чуждому религиозному влиянию.

Мы указали общие и главные причины происхождения русского сектантства. Затем появление каждой отдельной секты обуславливается ещё особенностями в настроении времени и среды, в которое и в которой возникает секта, а также и личным характером первых основателей и распространителей её.

Из сказанного нами видно, что русское сектантство и в сущности своей и в причинах своего происхождения есть явление болезненное, неправильное, ложное и достойное сожаления. Потому глубоко ошибаются те, кто видел и видит в русском сектантстве что-то особенное, усматривает в усилении сектантского движения наступление новой эпохи в жизни русского народа. Нельзя, конечно, отрицать присутствия в некоторых наших сектах светлых сторон. Но это светлое не есть что-либо самостоятельное, не есть самородное произведение сектантства. Светлые черты, наблюдаемые иногда в русском сектантстве, все заимствованы им из христианского учения, в совершенной чистоте и целостности хранимого православной Церковью. Если же такие черты выделяются в жизни сектантов, то это нисколько не говорит в пользу истинности, или живучести сектантского движения. Светлые пятна, как бы малы они ни были, всегда бросаются в глаза на общем тёмном фоне. И кто же может с совершенно спокойной, чистой совестью утверждать, что таких светлых, таких отрадных явлений, какие наблюдаются в жизни русских сектантов, совсем нет в жизни православных христиан? Они есть, но только, при множестве своём, не так ярко выступают здесь, как в жизни сектантов.

Будучи болезненным явлением, сектантское движение не может не возбуждать сожаления о нём в православной Церкви. Церковь православная не может оставаться спокойной при виде усиления болезни среди чад её. По заповеди Своего Божественного Основателя, она должна даже оставить 99 здоровых, не заблудших овец своих и идти искать сотую заблудшую и, отыскав её, радоваться о ней более, нежели о тех 99. И всякий верующий христианин должен разделять эту скорбь своей Церкви, должен заботиться о вразумлении заблудших своих братьев, обращение которых поставляется ему в величайшую заслугу, как выражение истинной братской любви.

Но для того, чтобы исправлять заблуждение, врачевать недуг, необходимо, прежде всего, узнать, в чём заключается сама болезнь и какие причины её происхождения.

Изучение русского сектантства сопряжено с величайшими затруднениями. Русское сектантство есть чрезвычайно сложное историческое явление. История его представляет много самых неожиданных, темных и загадочных явлений. Наконец, сектантское движение не есть совершенно закончившийся исторический процесс, так как оно и сейчас ещё продолжает развиваться. Поэтому, делать какие-либо выводы касательно подобного явления должно всегда с осторожностью.

Но при неизбежных затруднениях, изучение русского сектантства представляет и глубокий интерес. Сектантство, как мы знаем, есть болезненная и неправильная, но зато самостоятельная попытка русского народа в области веры. В нём типически проявилась своеобразная историческая жизнь массы русского народа, и не только жизнь религиозная, но умственная, нравственная и общественная. Под влиянием сектантских учений складывается и развивается домашняя и семейная жизнь значительной части нашего народа. Сектантство своеобразно обуславливает и взаимные отношения своих последователей, как членов известного общества. Сектантство отражается известным образом и на материальном благосостоянии своих членов. Поэтому, помимо прямой цели – определить наиболее целесообразные приёмы борьбы с болезненным явлением, изучение русского сектантства представляет ещё глубокий интерес в психологическом, историческом и этнографическом отношениях.

Русское сектантство, представляя в сущности своей нечто целое и однообразное, в тоже самое время развивается в различных направлениях, смотря потому, чем больше всего руководятся его члены в достижении главной своей цели. Одни сектанты ищут правого пути ко спасению под руководством своего ума, другие полагаются на чувство и идут по его указаниям. Первый путь ведёт к рационализму в деле веры, а второй к мистицизму. История рационалистических и мистических сект и будет предметом наших исследований.

Ф. ТИТОВ

Троицкий И., свящ. [Рец. на:]: Лондонское издание (1869 г.) Нового Завета на русском языке и значение его для наших сектантов // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 44–49

Поименованный в заглавии Новый Завет, напечатанный на русском языке в Лондоне 1869 г., в немалом количестве распространён среди штундистов. Текст его тождествен тексту Нового Завета, изданного св. Синодом. По форме Лондонское издание сходно с седьмым Синодальным, в $\frac{1}{16}$ листа, в два печатных столбца на странице. Отличительная особенность рассматриваемого экземпляра – указание параллельных мест. Св. Синодом ещё не издано на русском языке отдельного экземпляра Нового Завета с параллельными местами; таковой находится в полной славянской и русской библиях. Мы сравнили Лондонское и Синодальное (по Библии, изд. 1889 г.) издания и нашли между ними немаловажное различие.

С внешней стороны разница между ними такая: 1) В Синодальном издании Библии параллельные места (цитаты) напечатаны внизу страницы к целому стиху или отрывку из главы Свящ. Писания; а в Лондонском цитаты помещены на боковых полях, справа и слева страницы, к отдельным словам, выражениям и предложениям стиха, разделяемого с этой целью цифрами, поставленными перед поясняемым словом или предложением. Такое размещение цитат делает Лондонское издание более удобным в случаях необходимости, напр. во время собеседований, наивозможно скорее найти параллельное место. 2) Параллельные места в Лондонском изд. Нового Завета исключительно взяты из новозаветных свящ. книг; из книг ветхозаветных указываются только те изречения, которые с необходимостью предполагаются самым содержанием текста, как, напр., «сие всё произошло, да сбудется реченное Господом через пророка» ... Мф.1:22,23 ср. Ис. 7:14; Мф.2:6 ср. Мих.5:1–2.3) Параллельных мест в Лондонском издании показано гораздо больше, чем в Синодальном. Обилие параллели объясняется тем, что в Лондонское издание вошла в

большинстве изречений параллель, так сказать, случайная, т. е. сделаны в нём ссылки на одинаковые слова и выражения; тогда как в Синодальном издании параллельными считаются преимущественно места Св. Писания сходные по мыслям. Без сомнения, в Новом Завете тождественных слов и сходных выражений несравненно более одинаковых мыслей. На первый взгляд параллель к слову и выражению в Лонд. издании кажется делом механическим; но при тщательном рассмотрении, тут открывается нарочитая цель издателя – разъяснить новозаветный текст Писания самим же текстом: путём снесения и сличения слов, выражений и предложений придать изъясняемому изречению смысл, если не противоположный, то по крайней мере иной, чем какой в том месте усматривается православной Церковью. Чтобы не показаться голословными в своём заключении, приводим для доказательства примеры. Прочитаем 15 ст. II гл. 2 посл. к Солунянам (2Фес.2:15): *«Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим»*. Мысль, выраженная в этом изречении, ясна: христианин в вере и в жизни должен руководствоваться Апостольским учением – письменно сообщённым (Свящ. Писанием) и устно – преданным (Свящ. Преданием). На этом между прочим изречении Православная Церковь основывает учение о необходимости Свящ. Предания. В Синодальном издании к приведённому изречению не указано параллельных мест; а в Лондонском издании параллельных мест приведено довольно большое количество. Перед словом: **«стойте»** цитируются – 1Кор.16:13 и Флп.4:1. *«Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды»*. *«Итак, братия мои возлюбленные и возжеленные, радость и венец мой. стойте так в Господе»*. К выражению из последнего изречения: *«стойте так в Господе»* указан параллельным 27 ст. 1 гл. послания к Филипп. – *«живите достойно благовествования*

Христова, чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь за веру евангельскую» (Флп.1:27). Во второй половине 15 ст. II гл. 2 Солун. (2Фес.2:15) перед словом – *«предания»* первая ссылка

на 1Кор.11:2: «*хвалю вас, братия, что вы всё моё* (1Кор.4:17 – «для сего я послал к вам Тимофея, который напомним вам о путях моих во Христе, как я учу везде, во всякой церкви) *помните и держите предания* (1Кор.7:17 – «Каждый поступай так, как Господь призвал. Так я повелеваю по всем церквам»), *как я предал вам*. Другая ссылка на 2Фес.3:6: «Завещаем же вам, братия, именем Господа нашею Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас», (2Фес.2:15). Последнее указание на 2Фес.2:15, т. е. на тот же текст, к которому приводились параллельные места, даёт полное право сказать, что разъяснение слов Апостола Павла «*Стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим*» закончено. Очевидно, центром разъяснения было выражение: «*предания, которым вы научены... словом... нашим*». В виду отсутствия в указанном месте преданий, устно-сообщённых Фессалоникийцам ап. Павлом, Лондонский издатель Нового Завета взял на себя задачу отыскать их, и, к удивлению, все предания, т. е. устную проповедь Апостола Павла нашёл в посланиях того же святого Апостола – 1Кор.7:17,16:13; Флп.1:27;4:1. Таким образом наставление Апостола Павла: «стойте и держите предания, которым вы научены словом или посланием нашим» должно понимать так: «бр., живите достойно благовествования Христова; стойте в одном духе, подвизаясь за веру евангельскую; помните мои пути во Христе; каждый поступай сообразно Божью определению, удаляясь от всего нечестивого». Возможный вывод отсюда будет затемняющий и ослабляющий ясное свидетельство Апостола в пользу св. Предания.

Точно таким же путём искусственного снесения и сличения с параллельными местами в Новом Завете Лондонского издания ослабляется значение VI гл. евангелия от Иоанна, на основании которой Православная Церковь учит о пресуществлении в таинстве св. причащения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Веским для доказательства православного учения о пресуществлении считается 52 ст. VI гл. евангелия от Иоанна (Ин.6:52). «Тогда (т. е. когда Иисус Христос сказал: «хлеб,

который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» – 51 ст.) *иудеи стали спорить между собой, говоря: как Он может дат нам есть плоть свою*». Очевидно, иудеи справедливо поняли слова Спасителя – буквально, как и Он сам далее (53 ст.) велел понимать их. Между тем на основании параллельных мест, приведённых к 52 ст. в Лондонском издании Нового Завета (Ин.7:43;9:16;10:19;3:9) выходит, что иудеи не потому заспорили, будто поняли слова Иисуса Христа буквально, а по привычке всегда что-либо возражать Иисусу Христу. Для разъяснения же того, как должно понимать слова Иисуса Христа: *«ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную»* (54 ст.), к этим словам приведены параллельными: 27 ст. той же главы («Старайтесь не о пище тленной, а о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую вам даст Сын человеческий»), 40 ст. («Воля Пославшего Меня есть, та, чтобы всякий видящий Сына и верующий в Него имел жизнь вечную»), Ин.4:14. («Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать во век; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды живой»). Итак, значит, вкушает Плоть и Кровь Христову тот, кто имеет глубокую веру в Иисуса Христа; эта вера и даёт такому человеку жизнь вечную, а не тленная пища – хлеб и вино. В усиление такого разъяснения слов Спасителя к 54 ст. приведён параллельным ещё 63 ст. той же VI гл. – «Дух животворит, плоть не пользует ни мало. Слова, которые Я говорю вам, суть дух и жизнь». Таким образом, на основании параллельных мест Лондонского издания, VI главу евангелия от Иоанна должно понимать не в собственном (буквальном) смысле, как понимали её св. Отцы и учителя Православной Церкви, а в смысле переносном (духовном), как толкуют эту главу наши сектанты, называющие себя «духовными христианами».

Подобный сему переносный смысл, посредством искусственно-сведённых параллельных мест, в Лондонском издании Нового Завета придаётся и тем местам Свящ. Писания, которые служат основанием и доказательством правильности совершаемого в Православной Церкви таинства Крещения в воде, напр., словам Спасителя – *«если кто не родится от*

воды и Духа, то не может войти в Царствие Небесное» (Ин.3:5) и словам Апостола Петра – «Так и нас ныне подобное сему образу (потопу, бывшему во дни Ноя) крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа» (1Пет.3:21). В рассматриваемом издании Нового Завета прежде всего указаны параллельные места в объяснение выражения: «родится от воды и Духа» Мк.16:16; Деян.2:38. Рождением от воды и Духа, по смыслу этой параллели, справедливо названо крещение. Но, чтобы выяснить, в чём состоит крещение, указаны: Ин.3:18,36; Деян.3:19;16:30–32; Рим.10:9. В этих ссылках говорится о великом значении веры в Господа Иисуса (Ин.3:18,36; Рим.10:9), о проповеди покаяния (Деян.3:19) и об обращении темничного стража к вере проповедью Ап. Павла (Деян.16:30–32). Такие параллельные места дают повод думать, что крещением в собственном смысле называется вера в Иисуса Христа и в Его учение. Такое предположение может показаться несомненным, когда прочитаем слова Ап. Петра со всеми параллельными к ним изречениями, указанными в Новом Завете Лонд. изд. «Так и нас ныне подобное сему образу крещение («Христос предал Себя за Церковь, чтобы освятить её, очистив банею водною, посредством слова» Еф.5:26; «Вы уже очищены посредством слова, которое Я проповедал вам» Ин.15:3; ср. 17:17), не плотской нечистоты омытие. («Мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий; жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга» Тит.3:3 ср. 1Пет.4:3; 1Кор.6:11; Еф.2:1; Кол.1:21;3:4) – но обещание Богу доброй совести спасает («потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» – Рим.10:10) воскресением Иисуса Христа («Благословен Бог, возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому» 1Пет.1:3). Выходит, по Лондонскому изданию, что и Спаситель и Ап. Пётр говорят (в Ин.3:5; 1Пет.3:21) не о крещении водой, которое, как таинство, совершается в Православной Церкви, а о вере в Иисуса Христа, которая, как дар Божий, возжигается в сердцах

людей Духом Святым и укрепляется, и поддерживается проповедью, имеющей силу грешников делать праведниками.

Думаем, достаточно этих примеров, чтобы видеть, как параллельными местами в Новом Завете Лондонского издания извращаются на протестантский лад основные истины православного христианского учения. Новый Завет – с такими параллелями – дорогая книга не только для штундиста, но и для других наших сектантов, как рационалистического, так и мистического направления, напр. духоборцев, молокан, пашковцев, сютаевцев, малеванцев и т. п. С помощью этого Нового Завета наш сектант оправдывает изречениями Свящ. Писания всякое своё верование. Православному миссионеру ознакомление с этой книгой разъяснит, почему иногда самые ясные места Св. Писания, приводимые в обличение лжеучения или в доказательство православного учения, оказываются неубедительными для сектантов. Причина неубедительности текста Свящ. Писания тут скрывается в несовпадении ссылок миссионера с параллельными указаниями сектантского Лондонского изд. Нового Завета, как, напр., миссионер учение о необходимости Свящ. Предания развивает на основании 2Фес.2:15, а это изречение, как мы видели, по Новому Завету Лондонского издания, не доказывает необходимость свящ. Предания, устно – сообщаемого. Сектант верит своей книжке Слова Божия, а потому, когда замечает, что в его Евангелии известное изречение не изъясняется параллелью в смысле истины, доказываемой или раскрываемой миссионером, то и не убеждается такими указаниями; в этом случае слова миссионера для него – «медь звенящая» (1Кор.13:1), хотя миссионер и говорит, а сектант слышит *Слово Божие*.

Священник И. Троицкий

Скворцов В. Секта адвентистов „седьмого дня“ и малеванское движение в штунде // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 50–56

Отличительной чертой русского раскола и сектантства является догматическая неустойчивость в учении и склонность к более или менее быстрой изменчивости религиозных воззрений последователей их. Особенно это заметно в новейших сектах – баптизме, пашковщине, штунде, успевших за недолгое время своего проявления в России подразделиться на несколько толков; причём каждый новый толк сектантства, обыкновенно, всё дальше и дальше уносит совращённых от родного православия в область суемудрых пагубных учений лжеименного разума. Причина такого характера нашего сектантства заключается в безграничном произволе, который лежит в основе сектантства, относительно понимания и толкования Св. Писания каждым членом секты, а также слепое стадное подчинение невежественных последователей секты авторитету малограмотных вожаков общины, мнения которых часто доходят до грубого нелепого извращения смысла Св. Писания и отрицания основных истин христианства.

Такое явление догматической неустойчивости и быстрой изменчивости и перерождения сектантства принято считать за признак внутреннего разложения секты, что в некотором отношении признаётся утешительным и даже желательным. С точки зрения миссионерской практики взгляд этот нужно считать ошибочным: новые толки, всё более и более отуманивая здоровое религиозное понятие темной массы, удаляют отпавших от истин, исповедуемых православной Церковью, и тем затрудняют дело вразумления заблудших, осложняют миссионерскую борьбу, делая её с некоторыми сумасбродными учениями решительно невозможной, как невозможна умная здравая беседа с людьми умственно расстроенными. Кроме того, миссии нельзя закрывать глаз от новых осложнений, происходящих в сектантстве и в виду того социального вреда

для отечества, которым могут сопровождаться в жизни общин нелепые и изуверные лжеучения.

Изложенные соображения побудили нас сообщить к сведению деятелей православной миссии о появившейся в последнее время в среде современного сектантства, а через него и в православном населении, пропаганде нового нелепого, но крайне вредного и опасного по своим последствиям лжеучения секты, так называемых, *«адвентистов седьмого дня»*. Секта адвентистов, как особая община, с своим лжеучением и церковной организацией, стала известна не более 50 лет; она зародилась в Северной Америке. – Основателем секты адвентистов считается некто Вильям Миллер: который в 1843 году с величайшей ревностью начал распространять лжеучение, известное в истории древней церкви под именем заблуждений хилиастов. Он пророчествовал, что скоро придёт Христос «паки» на землю и устроит на ней тысячелетнее царство. Проповедь Миллера имела необычайный успех в массе; тысячи увлечённых бросали все свои занятия и по целым дням ожидали минуты, когда Христос видимым образом сойдёт с неба. Миллер, ссылаясь на известные слова Священного Писания (2Фес.2:1–3), утверждал, что только «день и час» пришествия Христа скрыт от ангелов и людей, но год можно определить и таковым проповедник назначил 1843 год. В этот год, по предсказанию Миллера, мир, лежащий во зле, должен погибнуть и явится Христос на земле и приготовит верующим во второе пришествие тысячелетнее, а за ним и вечное блаженство в обителях Отца Небесного. Когда же безумные глаголы несчастного мечтателя не сбылись, он отсрочил ожидание пришествия Спасителя на 1844 год; но вскоре умер, не дав твёрдой организации общине и обоснования лжеучению своих последователей. После того одушевление легковверных последователей Миллера понемногу охладело, но совсем однако не исчезло с лица земли, а существует и до настоящего времени. Так живучи бывают религиозные заблуждения. Остались прежние и явились новые горячие последователи Миллера, которые, не смотря на очевидный обман несчастного мечтателя, занялись продолжением проповеди и обоснованием

доктрины своего учителя; они обратились к исследованию пророчеств Даниила и откровения Иоанна Богослова. Толкуя произвольно XIII гл. Откровения и XXIV гл. Евангелия Матф., сектанты проповедовали, что все пророчества, относящиеся ко второму пришествию Спасителя, уже будто бы исполнились и потому надо ждать в скором времени конца этого мира и второго пришествия Мессии. Вместе с тем они проповедовали материалистическое безбожное учение о сие душ и об имеющем быть уничтожении нечестивых, т. е. всех, кто не разделял их суемудрия. Название своё эта секта получила от латинского слова «adventus» – пришествие, что характеризует её, как общество верующих во второе пришествие Христово. По мнению секты, вопреки ясному учению слова Божия, свидетельствующему о сознательности жизни людей по смерти (Лк.16:19–31;23:43; Откр.6:9–11), при разделении души и тела, умирает не только тело, но и душа, которые одинаково спят, т. е. находятся в бессознательном состоянии, из которого они будут пробуждены трубой архангела и призваны к бытию при втором пришествии Христа. Это новое бытие для верующих будет блаженное, ибо они сперва наслаются радостями тысячелетнего царствия, а потом вечным блаженством. Понимая буквально те места ветхого завета, где говорится об истреблении от земли живых нечестивых, адвентисты учат, что нечестивых ожидает несчастное пробуждение, так как последние, после краткого сильного страдания, будут совсем уничтожены, т. е. вовсе перестанут существовать. Такой конец, утверждают адвентисты, легче нежели бесконечное мучение и достойнее Бога. Истинное христианское учение о бессмертии души сектанты считают заимствованным будто бы от язычества и не согласным с Библией. Отличительной чертой адвентистов служит почитание ими субботы, вместо воскресенья. Субботство ещё с 1843 года приняла часть адвентистов, которые учили о праздновании субботы, как обязательном для всех людей; впоследствии учение о праздновании субботы принято всеми последователями секты. Адвентисты утверждают, что заповедь «помни день субботний, чтоб святить его», относится также и к нынешним христианам, как к ветхозаветному Израилю и будто

бы обязывает всех святить седьмой день, т. е. субботу, а потому последователи этой секты называются адвентисты *седьмого дня*. Субботники-адвентисты отличаются необычайной ревностью к проповеди и распространению печатных трактатов о своих умствованиях. Если верить сведениям заграничных миссионерских журналов, то адвентисты насчитывают своих последователей до 30.000. Главный центр секты находится в Бетль-Крике (в Америке), где они имеют свою академию и типографию. Из последней выходят книги и листки во множестве почти на всех языках, а в последние годы появились и на русском. Летучие листки рассылаются в закрытых пакетах и, большей частью, бесплатно, даже и тем, которые их не просят и не желают. Секта издаёт в Базеле свою газету *Gerold der Wahrheit und Prophetischer Erklärer*», там же и главный склад изданий под фирмой «международное трактатное общество».

Подобно всем сектантам-мечтателям, адвентисты считают себя единственными истинными христианами, обществом, похожим на общество апостолов и первых христиан; напр., автор брошюры «Богом освящённая ночь» разделяет всех христиан на две весьма не равные части: на истинное апостольское, христианское общество, к которому принадлежат только «адвентисты седьмого дня», и на весь остальной, будто бы ложный, христианский мир, где только мнимые христиане, погружённые в духовную тьму.

В других пунктах учения адвентисты, как и все протестантствующие секты, отрицательно относятся к обрядовой церковной стороне, не признают и таинств веры; в этом пункте учения секта близко подходит к нашему, так называемому толку – духовной штунде.

В одном сочинении этой секты говорится, что все изображения Спасителя и всех святых суть идолы, запрещённые первой и второй заповедью, что все христианские праздники не верны по времени, так как в действительности Пасха была, будто бы, осенью, а не весной, а Рождество Христово случилось не 25 декабря, а ночью с 2-го на 3-е сентября. Об этом, говорится в статье, один из пророков секты узнал «от Самого Господа Иисуса Христа, Который явился ему

ночью с 2-го на 3-е сентября (1863 года?) и благодатными словами, которые Он ему тогда сказал, в нём первом зажёт настоящий день – первый день христианства. Во всём так называемом мире была до 2-го сентября (1863 года) темнота и невежество... 2-го сентября Христос родился духовно, ибо мнимое фальшивое христианство превратилось тогда в настоящее «истинное» ...

Очевидно, секта вместе с нашими хлыстами учит о духовном, таинственном воплощении Христа в душах избранных и допускает человекообожание. Адвентисты отвергают также св. отеческое предание (в брошюре «Суббота Господня») и постановления вселенских соборов, толкуют священное Писание совершенно произвольно. Так, напр., в 5 № упомянутой газеты за 1893 год помещена заметка, что всё, что Библия говорит о Боге, надо понимать буквально, но в 16 № той же газеты за 1893 год (в статейке «жизни слова») отвергается истинное учение о таинстве св. причащения, о котором кощунственно говорится, что оно не имеет никакого смысла и что слова Спасителя: «Приидите, ядите, сие есть тело Мое» ... нельзя понимать буквально, потому что они будто бы относятся только к учению Спасителя. «Единственный способ, которым кто-либо из людей может приобщиться Тела Христова, учат сектанты, состоит в том, что надо всем сердцем верить всему, чему Спаситель учил. Таким образом он может принимать Тело Христово без содействия иерея или епископа. До чего доходит безумный мистицизм адвентистов, можно усмотреть из следующего их заявления, «все те, которые освящены Творческой силой Христа, в них действующей и совершенное освящение которых запечатлено печатью субботы Иисусовой, принадлежат к лику 144,000 или же к верующим евреям последнего времени, которые вновь заключали вечный союз. (Здесь автор ссылается на кн. Исх.31:17 и Откр.14:1); но все те, которые празднуют Воскресение, носят знамение зверя (Откр.13:16–18). Столь сумасбродного учения этой иностранной секты мы бы конечно и не стали касаться на страницах нашего издания, если бы, как замечено выше, нелепое учение это не стремилось распространяться среди нашей народной массы,

склонной к восприятию мистических суеверных толков. Как известно, любимым мотивом большинства народных легенд – является идея страшного суда и второго пришествия. Возбуждаемые адвентистами нелепые толки по этому вопросу могут найти почву в суеверном страхе нашей тёмной массы. А что учение адвентистов имеет распространение среди населения немецкого и русского в России, об этом свидетельствуют миссионерские наблюдения. Так миссионер Волынской епархии о. Немечек сообщает нам, что среди Волынских немцев колонистов и чехов в настоящее время находится немало последователей «адвентистов седьмого дня», которые празднуют субботу, а в воскресенье работают. Среди штундистских общин Киевской и Херсонской губернии в последние годы всё чаще наблюдаются случаи принадлежности сектантов к «субботникам», – которые имеются и в Игиевской городской штундовой общине. На Кавказе, как нам известно, целые баптистические общины (Николаевская) принимают учение адвентистов о субботах и о времени второго пришествия Спасителя.

Главный способ распространения в России лжеучения адвентистов состоит в распространении печатных листов, с изложением мистических мнений секты на русском языке, таких листов выпущено 24 №№, из них целых 6 посвящено вопросу о праздновании субботы. Последний вопрос разработан сектой детально и настолько коварно и хитро доказывается суббота, что в нашей миссионерской литературе в противовес воззрениям адвентистов ничего подобного не имеется. Адвентистами издана также и графическая таблица апокалипсических зверей.

Листки эти рассылаются для наших сектантов и православных целыми пудами (в 16 долю листа на жёлтой бумажке). Деятельным агентом секты, по поставке в Россию листов и ведению религиозной руководящей переписки являлся некто Перк. В настоящее время, сколько нам известно, этот деятельный и убеждённый последователь учения о субботах переселился в пределы России в качестве заведующего отделением Братского библейского общества в

одной из Поволжских губерний в С-ве, где, надо полагать, не перестал проводить вредные и нелепые мнения адвентизма среди немецких колонистов и русского крестьянства.

Насколько в социально-общественном отношении может быть вредным и опасным подобное адвентистскому лжеучение о страшном суде, о наступлении последнего времени и приближении блаженного царства на земле, убедительным доказательством служит относительно недавняя история с так называемым «малеванским» движением, появившимся в пределах Киевской губернии среди штундовых общин. Источник идей, вызвавших это движение, исследованием с точностью не установлен. Но не подлежит ныне сомнению, что проповедуемое «малеванщиной» мистическое учение «о наступлении последнего времени», о пришествии Спасителя мира «в телесном виде», о скором наступлении страшного (для неверующих) суда, за которым должно наступить «блаженное время» здесь же на земле для «верующих» – слишком сходно с адвентистским. Главным очагом брожения был Сквирско-Васильковский район штундизма, который давно находится в сношениях с Волынскими колонистами. Среди ярых последователей малеванщины были немцы и католики – шляхта. Единичные проявления подобного же рода сектантства заметны в Херсонской епархии. История с малеванщиной, будучи в высшей степени интересна по своим трагическим подробностям и последствиям, в тоже время весьма поучительна и в миссионерском отношении. В следующем номере нашего журнала мы познакомим читателей с этим новым мистическим видом западных сектантских лжеучений на русской почве. Предварительно заметим, что воссоединение и вразумление малеванцев идёт крайне медленно и борьба с этим диким отпрыском мистического ново-штундизма крайне затруднительна. На все доводы малеванцы, обыкновенно отвечают: «так мини Бог дал, так мини Отец небесный научает».

Э. Я. Миссионерство, секты и раскол // **Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 57–74**

(Хроника).

Содержание: К читателю. Беглый очерк истории противосектантского миссионерства. Причины его позднего развития. Либерализм 70-х годов и сектантство. Закон 3-го мая 1883 года. Обстоятельства, содействовавшие оживлению противосектантской миссии. Синодальное распоряжение 1885 г. и его благие последствия. Новое направление в миссионерской практике и обновление состава деятелей миссии. Оживление специальной литературы. Всероссийские миссионерские съезды и результаты их совещаний. Высокопр. Харьк. Амвросий о *новом* принципе (основании) для классификации сект и об относительной их вредности. Работы по миссионерскому истолкованию Библии и исправлению русского перевода Библии. О важнейших распоряжениях духовной власти. Значение эпохи царствования Александра III в истории борьбы с сектами. Усиление средств миссионерского фонда. Восстановление забытой идеи о правительственном ограждении святынь православия от сектантских глумлений. Меры и действия гр. А. П. Игнатьева (начальн. юго-зап. края) по пресечению сектантской пропаганды и успокоению народной массы. Новый закон 4 июля 1894 года. Два слова о нынешнем состоянии старого и нового сектантства. Интеллигентное сектантство и его преступные затеи. – По поводу одного недоразумения в пастырско-миссионерской практике.

В настоящем отделе наш журнал будет давать читателям возможно полное, верное и живое изображение современной борьбы Церкви и государства с существующими сектами, расколом и другими видами религиозных лжеучений и заблуждений нашего времени. Здесь будет вестись летопись всех выдающихся событий, явлений, фактов и эпизодов из области внутренней миссии Церкви, а также из мира сект и раскола. Особое место в хронике отводится миссионерским дневникам и запискам, как наиболее живому,

непосредственному и задушевному материалу. Таким образом, отдел этот является в тесном смысле слова миссионерским обозрением.

Для начала его считаем вполне уместным бросить хотя бы самый беглый взгляд на современное состояние противосектантской нашей миссии и на нынешнее положение дел в борьбе её с сектантством.

Полагаем, что мы довольно верно отметим характерную черту современного положения противосектантской миссии, если скажем, что в настоящее время она начинает видимо и быстро расти и крепнуть.

Такая характеристика делает впечатление о противосектантской миссии, как деле новом и молодом, а между тем, скажут, – сектантство в России отнюдь явление не новое, а потому необходимо объясниться.

Противосектантская миссия, как особый институт, как дело организованного миссионерского воздействия на отпадших в ереси, стала развиваться, действительно, сравнительно недавно и гораздо позже, чем, напр., противораскольническое наше миссионерство. Причины этого явления заключаются в том, что сектантство не заявляло о себе ни разу в истории отечественной церкви так громко и воинственно, как в позднейшую после-реформенную эпоху 70–80 годов нашего века. Крепостное право удерживало свободный дух народа от религиозного рационализма. Народу нельзя и некогда было умствовать, и увлекаться пропагандой иноверных лжеучений, распространявшихся ещё в то время в виде молоканства и духоборства. Интеллигенция же более интересовалась внешними явлениями западной культуры.

Что касается мистических сект, то они всегда, как и ныне дела свои ведут в тиши, неприметно и с таким смиренно-лукавством, что ещё и в наше время весьма не редки случаи, когда приходские пастыри совершенно искренно считают в своём стаде этих лютых волков в овчей одежде лучшими по внешней набожности прихожанами, а между тем последние, под видом лицемерного благочестия, и уловляют в свои пагубные сети из среды православной простые доверчивые души.

В эпоху Императора Николая I центр борьбы с сектантством заключался в мерах решительного правительственного воздействия на сектантство, путём массового выселения молокан и духоборов из православной среды в места малонаселённые и отдалённые. Этим вырывались тогда сектантские плевелы с корнем в православном населении, и местной церковной миссии оставалась только одна охранительная задача. Если развернём историю нашей внутренней миссии, то там мы найдём приснопамятные имена выдающихся борцов с расколом, каковы, например, епископ Иаков Нижегородский, архимандриты: Неофит и Питирим, протоиереи: Журавлев, Верховский, инок Никодим, блаженной памяти архимандрит Павел Прусский и др. Наоборот, не встречается ни одного выдающегося исторического деятеля, как полемиста и как борца против собственно сектантства... Знаменательно, что оживление и развитие рационалистического сектантства совпадает исторически и самым тесным образом связано с либерализмом 60–80 годов.

Общественный дух и направление того либерального времени как нельзя более способствовали развитию рационализма, колебания и сомнения в отношении к вековым устоям и авторитетам и в обществе, и в народе. С этой стороны резко всюду начинает распространяться притязание на право каждому иметь своё мнение и даже суждение о предметах веры, и учение о мнимой *свободе* совести, под которой разумеется неограниченное право верить во всякую ложь и распространять всякое заблуждение. Пробуждавшуюся в народе, если не во всей его массе, то в отдельных её представителях, особенно же в поселянах, вкусивших городской и фабричной цивилизации, а также побывавших в военной службе¹⁸ религиозную пытливость и вполне законное стремление не только веровать сердцем, но исповедывать устами и деятельно участвовать в жизни Церкви, – либеральный дух того времени в течении долгих лет направлял в тоже русло вольномыслия и свободолюбия, которое так ново было и заманчиво освобождённых от крепостной зависимости крестьян. В народе постепенно росла

ни кем и ничем не сдерживаемая свобода и своеволие в мысли и в жизни.

Отрешённое от Церкви и веры народное образование, пробуждая самосознание и любознательность, развивало в народе религиозную алчбу¹⁹ и жажду, но намеренно устраняло из школ достойное удовлетворение этой пытливости, что также послужило одним из важных факторов в деле развития сектантства²⁰. Сюда же нужно отнести искусственно созданную *необдуманную* торопливость в распространении Священ. Писания малограмотному люду без должного книжного и живого руководства к пониманию и толкованию его. И вот едва выпущенный на свободу и научавшийся разбирать печатную книгу простолюдин, взяв в руки Библию, возомнил себя «новым богословом», которому дана воля на всё, не исключая измышления и сочинительства новой веры, а равно и разрушения, и поношения православных основ Церкви, заведения самочинных соборщ и открытой проповеди ересей.

Таким возбуждённым стремлением народного сознания к свободе и знанию, как нельзя лучше воспользовались для удовлетворения своего прозелитизма наводнившие юг России проповедники немецких сект пиэтистов, меннонитов и баптистов, а также агенты заграничных миссий в лице книгонош британского библейского общества. Трудно сказать, как бы пережиты были в народе все эти искушения времени, но с уверенностью можно утверждать, что штунды он не создал бы сам по себе, если бы немецкие проповедники не преподали ему этих чуждых мировоззрению русского человека доктрин. Не упустили случая половить в мутной воде словесной рыбки и наши дремавшие до того времени секты молоканства и духоборства.

Новое время, как известно, потрясло верхние слои общества более всего. В образованных классах выбитая из колеи религиозная мысль чаще стала обращаться к вопросам о вере, но либеральный дух времени и здесь сказался: православие оказалось не ново, хотя его и не знали в существе искатели религиозных приключений. И вот является Редсток с проповедью новой веры и создалась «салонная штунда», во

главе которой стал известный аристократ, богач, отставной подполковник Пашков²¹. Сын того же времени и сочинитель самоизмышлённого своего христианства гр. Л. Толстой, с его евангелием, заповедями и прочими кощунственными прихотями буйной религиозной фантазии, не сдерживаемой законами Божественного разума и послушанием авторитету Церкви. Развитию и укреплению сектантства как нельзя более благоприятствовало равнодушие, а иногда и попустительство со стороны судебных и административных сфер, неправильно поставивших сектантский вопрос, как вопрос **только** «поповский» и «церковный», сочувственное отношение к сектам значительной части общества, а равно и всей либеральной печати, представляющих, по глубокому недомыслию, эти явления, как отрадные и светлые с точки зрения прогресса.

Сочувствие интеллигенции и печати в пользу сектантства невольно примиряет с ним колеблющееся чувство народной массы и способствует быстрому распространению и проникновению религиозного вольномыслия в глубь православной России. Борьба с сектами предоставлена была исключительно силам и средствам одного духовенства, которое оказалось неподготовленным выносить эту борьбу на своих плечах. Тем более что либеральный дух времени на столько принизил духовенство и его авторитет, что ему нужно было считаться с вопросами собственного бытия.

Закон 3-го мая 1883 года о правах и льготах русского раскола является прямым последствием той же либеральной эпохи. В исполнении и применении своём этот законодательный акт имеет громадное значение в истории развития сект и раскола. Главная причина печальных последствий закона 3-го мая заключается в допущенном смешении признаков вредности всех толков и подведении, без разбора, всего раскола и сектантства к категории одинаково безвредных со включением в разряд менее вредных сект и таких нетерпимых, с социальной и государственной точки зрения, сумасбродных лжеучений, каково, например, лжеучение секты *странников* или бегунов, – этих в сущности бродяг по принципу – или же *хлыстовства* с его разветвлениями. Между тем закон 1883 г. не отказывает и

им в гражданских правах и свободе *открытого* исповедания своих вредных и диких заблуждений.

Какое значение упомянутый закон имеет в истории сектантства, красноречивым свидетельством могут служить статистические данные. Австрийский, напр., толк старообрядческого раскола увеличился в своей численности за это время едва ли не в 10 раз. Секта штундистов в пределах одной Киевской губернии, с подведением её под действие упомянутого закона²² 1883 г., в течение первых же пяти лет увеличилась относительно пунктов распространения с 37 на 180, а относительно численности сектантов – в пять раз. С того времени начинается движение и распространение штунды из Херсонской и Киевской губерний и в другие, так что уже в 1891 году по сведениям съезда она значится более чем в 30 губерниях. Но все эти печальные для Церкви обстоятельства, благоприятствовавшие усилению развития сектантства, и антицерковного духа в так называемой интеллигенции, и послужили к возрождению и оживлению нашей внутренней миссии, ставшей на подобающую высоту как по своему составу деятелей, по целесообразности мер, средств и приёмов борьбы с сектантством, так равно и со стороны миссионерской литературы. В истории возрождения современной противосектантской миссии и возвышения её деятельности имеют значение важнейших событий следующие обстоятельства: прежде всего здесь нужно отметить введение с 1885 года в курс семинарских наук особой кафедры по истории и обличению раскола и сект и заведение при семинариях преподавателями этого предмета, при участии учеников, образцовых полемических бесед с сектантами, а также и внеклассных практических занятий для учеников оканчивающих курс, с целью ознакомления последних с способами опровержения сектантских возражений, и с источниками, какие необходимы для полемики с сектантами. Мера эта богата целым рядом самых благих последствий. Она подняла уровень теоретических и практических познаний в сектоведении и миссии в приходском духовенстве. Последнее нередко потому уклонялось и уклоняется от прямой *борьбы* с появившимися лжеучениями,

что, не обладая опытом, боялось взяться за дело открытого обличения отпавших. Нынешние наблюдения над деятельностью приходской миссии показывают, что молодые священники являются более ответственными для замещения пастырских вакансий в приходах, заражённых сектами, и ведут дело миссии гораздо успешнее и деятельнее, чем священники не получившие в школе специальной миссионерской подготовки²³. В самом миссионерском институте упомянутая мера создала новую миссионерскую школу, способствовала обновлению состава практических деятелей миссии, в ряды которых вступили ныне люди не только с дарованиями и призванием, как прежние начётчики, но и с образованием: ныне в составе миссионерского института подвизается большинство лиц с высшим богословским образованием, есть даже с высшей учёной степенью магистров богословия. Та же мера не осталась без благотворного влияния и на разработку новых, более правильных приёмов полемики и способов увещания отпавших и охранения верных чад церкви, а также и на развитие и оживление апологетической и полемической литературы, которая до того времени настолько была скудна, что, например, при появлении штундизма долгое время не было ни одного руководства по исследованию и обличению этой секты. Выдающимися, далее, событиями в истории противосектантской миссии являются два первых опыта всероссийских миссионерских съездов, из коих последний в 1891 г. может быть назван противосектантским, так как главные предметы совещаний его составляли и относились к борьбе с сектантством. На этих съездах впервые уяснены – выработкой для миссионеров особой инструкции²⁴ – состав, цель, средства миссии, образ действия миссионеров и пастырей Церкви в отношении к раскольникам и сектантам, определены многочисленные отношения миссионеров к духовной и светской власти и служебное положение их.

На втором же съезде обстоятельно разработан вопрос о существенных признаках вредности наших сект и толков раскола. причём в основу новой классификации сект на более и менее вредные был положен принцип, установленный

Высокопреосвященным Амвросием, Архиеп. Харьковским в его особой записке к съезду. А именно большая или меньшая вредность той или другой секты рассматривалась с точки зрения лёгкости совращения в оную и трудности возвращения отпавших в лоно Церкви. Что же касается ограничительных мер административной власти в отношении сект, то последние должны определяться на основании совокупности признаков вредности в отношении к Церкви и государству и притом – против каждой секты должны быть свои отдельные от других сект меры, направляемые, так сказать, к обезвреживанию её, в отношении господствующего церковно-общественного строя православного отечества. Постановления съездов послужили поводом и основанием к целому ряду важных церковно-административных распоряжений высшей духовной власти, а равно и епархиальной относительно миссионерства. Распоряжения эти уже и ныне за короткое время успели оказать в деле миссионерской борьбы с сектами и расколом не мало благих последствий, но они важны, как прочные основания дальнейшего развития и упрочения успеха миссионерского дела. Для пользы дела отметим следующее: Как известно, самое главное значение для успеха охранительной миссии имеет наше полное величия и назидания православное богослужение, а затем личная жизнь приходского пастыря и его отношения к пастырским обязанностям. «В виду высокой важности церковного богослужения для духовного воспитания и спасения православных христиан», Святейший Синод в заботе об охране православных чад от тлетворного веяния сектантства предложил²⁵ преосвященным употреблять всё зависящее от них наблюдение за правильностью и порядками священнослужения. В монастырях и соборных храмах службы Божии должны быть отправляемы всегда в положенное время без нарушений устава, с неспешным, внятным чтением и благозвучным пением; причты прочих приходских церквей обязаны брать образец с оных. От совершающих богослужение требуется не наружное только (иногда искусственно показываемое, чего отнюдь быть не должно), но смиренное, сердечное, нелицемерное благоговение, сопровождаемое

правильным употреблением внешних знаков молитвы, как например, положения на себя крестного знамения и воздержанием от разговора и, тем паче, смеха. И вне богослужения всё своё поведение члены клира православного должны располагать так, как заповедано в ставленной, данной каждому, грамоте, стараясь в словах своих и наружных поступках не полагать никому соблазна. Виновных в нарушении правил благоповедения епархиальному архиерею предложит исправлять соответствующими взысканиями, а в случае надобности переводить с занимаемых на другие места; особенно сие касается священников в приходах, заражённых сектантством, и они, в случае перемещения, по причине их неисправности, лишаются прав приносить на сие жалобы. В отношении к церковному пению вверено преосвященным наблюдение, чтобы оное производилось всюду по тем нотным книгам, которые изданы и впредь будут издаваться Св. Синодом и которые должны быть в неотменяемом употреблении. Им же, преосвященным, предоставляется учреждать курсы церковного пения, где и когда удобно. От их же усмотрения зависит и разрешение вводить, где признают полезным, общее пение некоторых молитв.

Выше было замечено, что святое по идеи дело распространения среди нашего простого народа книг Свящ. Писания в русском переводе принесло верным чадам Церкви в действительности во многих случаях горькие плоды, сделавшись орудием сектантской пропаганды. Главная причина таких не добрых последствий от доброго дела заключается в отсутствии у нас общедоступных, по цене и пониманию, толкований, хотя бы тех библейских мест, которые «невежды и неутверждённые превращают к собственной своей гибели». Чтобы охранить верующий народ наш от вредного влияния сектантских комментаторов Библии, находящейся ныне в руках народа, необходимо издать и дать тому же народу вместе с Библией и руководство к православному пониманию её. По заключению миссионерского съезда, это дело неотложной и высокой важности, и для внутренней миссии имеет значение первостепенное²⁶.

Вместе с тем необходим пересмотр и самого нашего русского перевода Св. Писания, который, оказывается, в некоторых местах не точно передаёт мысль подлинника, служит камнем преткновения для верующих и поводом (основанием) для суемудрия сектантов. Особенно это нужно сказать о любимом у наших сектантов венском издании Библии.

Далее, для многих из последователей русских сект имеют свою цену и не утратили силы убедительности (по вопросам об истинах веры ими пререкаемых) свидетельства и учение св. отцов первых четырёх вв. христианства. Между тем в нашей миссионерской библиотеке по этому отделу существенный пробел: ни отдельного против-сектантского, ни тем более, популярного издания святоотеческой перво-христианской письменности не имеется.

В своих высоких попечениях о мерах к возвышению успеха миссионерского дела борьбы с сектантством, Св. Синод сделал достойное величайшей признательности распоряжение «о приготовлении материалов к изданию Библии с краткими правильными изъяснениями изречений, неправильно толкуемых лжеучителями, с параллельными для изобличения ложных толкований местами». Высокое поручение это возложено на особую комиссию, состоящую в Киеве, под председательством преосвящ. Сильвестра, ректора Киевской духовной Академии, из профессоров последней, наставников семинарии и других сведущих лиц. Труд по исправлению русского перевода Библии возложен на все академии. Та и другая работа, сколько нам известно, близка к осуществлению. Относительно же издания творений Мужей Апостольских и древних Отцов и учителей Церкви, мнение которых имеет силу в борьбе с сектантами, Учебным Комитетом при Св. Синоде собраны сведения о том, какие творения и где были печатаны, и все ли они могут быть вновь изданы без перемены и какие из них для указанной цели должны быть напечатаны прежде.

В обзоре важнейших явлений в истории развития миссионерства нельзя не отметить и те распоряжения церковной власти, коими создано в последнее десятилетие внецерковное учительство, в форме вне-богослужебных, в

церкви, школах и других местах, чтений, собеседований и бесед, с раздачей грамотным печатных листов религиозно-нравственного содержания. Ближайшей целью их служит отвлечение народа от порочного времяпрепровождения им воскресных и праздничных дней, и его духовное просвещение. Сюда же нужно отнести заботы духовного ведомства о заведении обществ трезвости, братств, попечительств, заботы и ходатайства о закрытии базаров в праздники и прекращении торговли, в особенности. продажи хмельных напитков, в богослужебные часы праздничных дней, так как то и другое служит поводом к разврату для людей слабых и отвлекает многих от церковного Богослужения. При том приходским священникам внушено, чтобы они, «ревнуя о почитании воскресных и праздничных дней, прилагали заботу и о том, чем их прихожанам наполнять свободное от труда праздничное время: грамотным давали бы духовные книги, а для всех устраивали бы вне-богослужебные собеседования и чтения, и не оставляли бы отправлять предписанные Св. Синодом вечерни». Так как совратители часто пользуются случаями зловерно действовать на людей рабочего класса, особенно на мало-возрастных, то духовное ведомство озаботилось также принятием мер к введению поучительных бесед на фабриках и заводах и возложило на пастырей ближайших приходов наблюдение за религиозным поведением рабочего люда у иноверцев (напр., колонистов немцев, раскольников и др.).

Широкое развитие церковно-школьного дела духовного ведомства, с обращением особого внимания на открытие церковноприходских школ и постановку их в сёлах, где гнездятся раскол и секты, имеет самое ближайшее отношение к возвышению успеха внутренней миссии. В этом деле духовной властью народные школы признаны самым надёжным и верным средством к охранению православного населения от приращения к нему сектантских и иноверных лжеучений.

Как в ведении обыкновенной войны орудия играют существеннейшее значение, так и в духовной миссионерской борьбе с расколом и сектами снабжение пастырей Церкви и миссионеров потребными книжными пособиями и

руководствами имеет слишком важное значение. И на этот вопрос Св. Синодом обращено серьёзное внимание. Выработанные на миссионерских съездах каталоги²⁷ миссионерских противораскольничьих и противосектантских библиотек – епархиальных, благочиннических или окружных и церковно-приходских, по рассмотрении и добавлении, утверждены, причём епархиальным преосвященным поручено учредить – первые под личным своим наблюдением при архиерейских домах или где будет признано более удобным; руководство при образовании окружных библиотек возложено на миссионеров, а церковных – на благочинных.

За сим, признавая миссию учреждением многопользным и важным, Св. Синод предложил епархиальным преосвященным, чтобы они, по долгу пастырской душеспасительной попечительности, основали и открыли в своих епархиях миссии в течение 1893–94 г. и имели, сами лично и через оо. благочинных и других доверенных лиц, неослабое и бдительное наблюдение за исполнением, со стороны подведомого духовенства, относящихся к сектантству постановлений Св. Синода. (См. Церковн. Вести. 1886 г. № 13. Цирк. указ. 1886 г. № 4. Церковн. Вед. 1888. Цирк. указ. № 11 и др.).

Не останавливаясь на многих других распоряжениях церковной духовной власти относительно миссионерства и оставляя до следующего раза обзор многопользной деятельности епархиальных начальств по учреждению миссий и возвышению их успехов, мы не можем пройти молчанием и не отметить, с благодарной памятью, распоряжений, относящихся к делу возвышения миссионерской борьбы с сектантством, со стороны правительственной гражданской власти. В этом отношении особенно знаменательна эпоха счастливого для России, по не долговременного царствования, в Бозе почившего Императора Александра III-го. Коснувшись своим всепроницающим мощным духом упрочения всех коренных основ государственной жизни России, Благочестивейший Государь Александр Александрович милостиво явил целый ряд монарших забот о незыблемом благоустройстве отечественной

Церкви. В частности, совместная борьба Церкви и Государства с разраставшимся сектантством была предметом особого монаршего попечения Царя-Миротворца. В царствование Александра III-го была отпущена из Государственного казначейства значительная правительственная сумма на учреждение в 9-ти южных губерниях должностей особых противо-сектантских миссионеров, с ассигнованием каждому щедрого (по 2000 рублей) содержания, что впервые дало возможность привлечь на многотрудный подвиг миссии людей способных и образованных.

Чрезвычайно важное явление в истории нашей миссии представляет и то обстоятельство, что в эпоху в Бозе почившего Великого Монарха вновь возродилась и значительно окрепла давно забытая идея о необходимости взаимодействия, единодушной совместности представителей церковной и гражданской государств. власти в деле борьбы с врагами православия, как первой и главной исторической основы жизни православной Руси. Идея эта покоится на коренных законах Российского Государства, но, как мы замечали выше, либеральный дух времени значительно ослабил проявления её в действительной жизни, так что в сущности в первые десятилетия фанатического разгара сектантской пропаганды новейших лжеучений борьба с ними предоставлена была одним силам и средствам православного духовенства. Значение этого явления в истории развития сектантства громадное. Народ наш так воспитан, что в чём не видит он вмешательства правительственной охранительной власти, то считает не только дозволенным, но и полезным себе. Так же мыслил простой народ и в период разгара штундового брожения, особенно когда последовал ряд оправдательных судебных приговоров относительно преступных действий штунды. Для многих это обстоятельство послужило соблазном и поводом к отпадению в секту, как религию, правительством дозволяемую и в материальном отношении наиболее выгодную, так как с переходом в штунду не требовалось расхода, ни по содержанию церкви, ни притча.

Идея о правительственном содействии духовному ведомству по пресечению пропаганды сектантства и охранению неизблемости отечественной Церкви от всяких посягательств и оскорблений со стороны врагов православия своим господством обязана инициативе самого незабвенного Монарха. Об этом свидетельствуют появившиеся в печати заявления г. Начальника юго-западного края, графа А. И. Игнатьева в его ответных речах к Киевским съездам духовенства и представителям духовенства Подольской епархии. На выражение чувства глубокой благодарности духовенства за содействие Начальника края интересам православия и за его участливое внимание к церковно-просветительным трудам и заботам духовенства, в особенности же за живое взаимодействие гражданской власти в деле борьбы со штундой, обеспечившие духовенству более успешное выполнение своей миссии, граф А. П. Игнатьев не раз с решительностью заявлял, что он «ничего не делает сверх повеленного ему Государем Императором и указываемого законом и долгом верного сына Церкви и отечества,, а потому и не признаёт за собой никаких особенных заслуг на пользу православия».

Известно, что в Бозе почивший Император Александр Александрович, назначая на пост начальника юго-западного края графа А. П. Игнатьева, повелел новому Генерал-Губернатору обратить особое внимание на штунду, как на один из серьезнейших вопросов этой окраины. При вступлении своём в управление краем, новый Начальник всесторонне рассмотрел штундовый вопрос, выработал ряд мер по пресечению пропаганды лжеучения и представил свои соображения в «М. В. Д.» Главным образом ограничительные меры административного воздействия направлены были относительно распространителей сектантских лжеучений. Так, более упорные и злонамеренные агитаторы, избравшие своей профессией проповедь сектантства, по представлению г. Начальника края, были удаляемы в Закавказье; воспрещены были, на основании правил об усиленной охране, общинные собрания сектантов, так как последние служили у вожаков одним из главных способов пропаганды и верным средством ко

внесению народных волнений и смут в приходы, заражённые штундой. Воспрещено было также книгошество агентам британского библейского общества, так как наблюдением установлено, что последние в большинстве, принадлежа к иноверцам или сектантам, занимались распространением штунды. Сектантам не дозволено иметь у себя сирот – детей и вообще несовершеннолетних православного исповедания на воспитании, опеке и в услужении, так как удостоверено, что таким путём штундисты вербовали в свои ряды невинных детей, воспитывая их в духе сектантском, враждебном Церкви православной. Так как сектанты делали попытки образовать в крае свои артели и колонии, путём приобретения земель, то Генерал-Губернатор, на основании данных ему полномочий, отказывал в выдаче свидетельств на права приобретения земельной собственности в крае. Административным органам сельской власти предписано было строго наблюдать за тем, чтобы в состав сельских должностных лиц не были избираемы явные и тайные последователи секты.

Ближайшей задачей действий административной власти в крае было прежде всего успокоение православного населения, смущённого широким распространением из года в год сектантских лжеучений и публичным оскорблением религиозного чувства православного населения. Требовалось осветить должным образом в глазах тёмной массы, отношение русских законов к преступлениям отпавших от дорогой, государству Российскому и всякому истинно русскому человеку, родной православной Церкви и затем пресечь вредную деятельность главных вожаков штунды в крае, и тем оградить, в глазах православного народа, святую неприкосновенность господствующей Церкви и вековых её святынь. Уврачевание же духовных немощей народа, вразумление отпавших, вся широкая сфера религиозной совести предоставлялись делу духовной миссии.

Так как сектантство есть болезнь духовного порядка, то и главные средства её уврачевания должны быть духовного порядка. Настойчивые усилия духовной пастырской и миссионерской деятельности, подвижной неослабной энергией и

руководимой испытанною мудростью Киевского Архипастыря, Высокопреосв Митр. Иоанникия, призванного на сие дело волей того же Монарха в его Августейших заботах о миссии и борьбе с сектантством, дружное во всём содействие духовенству со стороны гражданской власти края оказали за короткое, сравнительно, время самые благоприятные результаты в пределах Киевской, а равно Херсонской епархий – этих главных очагах штунды. Мудрое управление преемственно тремя доблестными иерархами в лице в Бозе почившего архиеп. Никанора, затем нынешнего московского иерарха, митр. Сергия, наконец, ныне правоправящего херсонской епархией, архиеп. Иустина, при таком содействии, какое являл собой бывший начальник новороссийского края Генерал-майор Олив, обнаружило видимо благодетельные результаты и здесь.

Взгляд и действия г. Начальника юго-западного края на сектантский вопрос и меры пресечения его дальнейшего развития были удостоены одобрения в Бозе почившего Монарха Александра Александровича. Результатом чего явилось новое правительственное распоряжение, Высочайше утверждённое 4 июля 1894 г., о признании штундо-баптизма наиболее вредной сектой, с ограничением её в правах и льготах, предоставленных последователям других сект законом 3 мая 1883 г., и с воспрещением повсеместно в Империи общинных богомоленных собраний для последователей штундо-баптизма. Последний закон имеет значение важнейшего события в истории этой секты и нашей миссии. В своём «венке» на гроб в Бозе почившего Императора, напечатанном в заграничном органе русских евангельских христиан, сектанты, выражая скорбь по поводу этого ограничения, утверждают, что им убивается «распространение дела Божия в России (?) и спасение погибающих во тьме»(?).

Обращаясь за сим к вопросу о нынешнем состоянии сектантства, мы можем, по объёму нашей статьи, сказать лишь несколько слов, оставляя подробную характеристику этого состояния до следующего номера журнала. Состояние сектантства представляется нам в таком виде: в старых очагах штунды миссией достигнуты за последние годы значительные

результаты. Численный рост штундизма сокращается, хотя и медленно; случаи возвращений отпавших делаются всё чаще: проявление штундизма в новых пунктах встречается несравненно реже прежнего и ограничивается немногими единицами. Главный же успех борьбы здесь нужно усматривать в успокоении народных масс, которые теперь уже не так увлекаются учением «новой веры», теряющей в старых пунктах своё прежнее обаяние на православное население. Да и сама старая штунда нравственно падает и слабеет в своих показных добродетелях. Что касается новых районов, то штунда и вообще новое сектантство не перестаёт двигаться вперёд. В настоящее время центр его деятельности переносится, по-видимому, с юга на запад, в привислянский край, где брожение сектантства проникает в немецкое и польское население.

Но больше опасности и забот вызывает в наше время *интеллигентное* сектантство и его попытки сделаться руководителями сектантства *народного*, притом на почве не просто религиозной, а социальной, прикрываемой только религией. Что это за почва, достаточно сказать, что в нашем сектантском движении участвуют не только антихристы – толстовцы, но и известный эмигрант Драгоманов, который поместил ряд статей о штунде в галицком, запрещённом для России, журнале «Хлебороб». –

Мы доселе всё говорили о новейшем сектантстве. Что же касается старых сект рационалистических, то среди них по-видимому уже нет прежнего самодовольного покоя и происходит брожение, которого нашей миссии нельзя не иметь в виду. В молоканстве уже несколько лет идёт пропаганда штундо-баптизма, а духоборство в последние годы с ума сводит толстовщина, которая нашла себе в этой секте сродную почву и имеет, по-видимому, значительный успех. – Штундо-баптизм в молоканстве в последнее время сделал себе приобретение крупных величин из молоканства, как напр. известный своей энергией проповедник штунды Иванов, капиталист За-в, близки, как нам известно, ныне к этой секте. И известные богачи, недавние владельцы имения знаменитого Платова – братья *Мазаевы* – они одинаково скоры на поддержку штундовой

пропаганды, как и своей молоканской; и у толстовцев в последнюю секту есть попытка проникнуть с своим учением. Всё это такие крупные явления, которые требуют серьёзных забот миссии и обсуждения. Ко всему этому мы вернёмся не раз. –

В пастыре-миссионерской практике штундовый вопрос, как новый и неопределившийся с канонической и церковно-юридической стороны, создал целый ряд затруднений. Наши подписчики, присылая требования на журнал, в то же время просят советов, как поступать в некоторых недоуменных случаях и положениях. Так, один иерей спрашивает письменно: 1) Как считать самовенчанные штундовые браки и детей от них рождённых, – законными или не законными, при записи последних в книги метрические? и 2) как поступить, если родители изъявляют в последствии покаяние и повенчаются в православной Церкви? В ответ на это мы можем сослаться на распоряжение Киевск. епархиального начальства, которое указом от 10 октября 1893 г. разъясняло, чтобы священники епархий объявляли православному населению в воскр. дни в церкви, что сожитие таких, невенчанных в правосл. церкви, сектантов признаётся по церковным и гражд. законам блудным и незаконным, а равно и дети будут незаконные. Воссоединившихся записывать не в 1-ой ч. метрических книг, а делать отметки в приходских сектантских записях (летописях). В 1-ой ч. записывать только акты крещения детей сектантов, причём родившихся в самовенчанном браке записывать при одной матери, как рождённых вне законного брака.

Э. Я.

Из миссионерских записок и дневников //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 75–81

Случайная встреча моя и беседа с Пашковым. С. 75–78

(Из дневника Миссионера).

Привожу разговор Пашкова со мной. 5-го июня в три часа по полудни Пашков от Д. С., которого не застал дома, заявился ко мне и тотчас же, раскрывши принесённое с собой Евангелие, начал со мной религиозный разговор тем, что он, Пашков, не «враг православия и не ругатель его», как его считают все; напротив, он старается стать ближе к православию, уяснить его и помогать ему. На вопрос мой, почему же он отделился от православия, стал проповедовать новое учение, совершенно несогласное с православием и противное здравому разуму, приобретать себе последователей, которые не стесняются всячески хулить веру православную и её внешние обряды, Пашков отвечал мне: «многие вещи в православии мне *не нравятся* и вообще православие затемнило религию, а религия суть отношения человека к Богу». Какие же «вещи в православии вам не нравятся»? спросил его я. – «У вас, православных, нет уверенности, куда вы последуете из этой жизни, – ведь человеку нужна какая-нибудь осёдлость. Я же уверен, что последую в царство Христово, потому что я уверовал в Него, познал Его. Эта уверенность моя истекает из того, что я нахожусь в руках Сильного. Как книга эта, находящаяся в моей руке (при этом он взял в руку Евангелие и держал его), не может упасть, потому что я держу её – она находится в руках крепкого, хотя и стремится падать. Так и я, хотя по естеству мог бы упасть, но меня держит рука сильного – Спасителя». «Кого Бог избрал, тот уже не может упасть». При этом он привёл к Рим.8:28–34,38–39 ст.

Я возразил ему, что и мы православные уверены, что Иисус Христос своими страданиями и крестною смертью спас нас и приготовил для верующих и любящих Бога вечное блаженство, царство небесное. Господь хочет, чтобы все спаслись (1Тим.2:4 ст.) и всех без изъятия зовёт ко спасению; но одни слышат этот зов и идут по пути добродетели ко спасению, а другие не

слушают этого зова и идут по пути страстей и пороков. Всё это зависит от свободной воли человека. Господь по своему Божественному предведению предусмотрел, кто из людей направит свою волю на добрый путь и сделается достойным избрания к вечному блаженству, и кто злоупотребит своей свободой и будет недостойн. Это Божественное предведение нисколько не стесняет воли человека. Человек свободен в своих действиях – хочет он делать добро, или зло. Искупление, совершённое Иисусом Христом, предлагается в Евангелии всем людям и желающий и подчинившийся всему порядку искупительного домостроительства усвоит себе искупление сам охотно, без принуждения, только при помощи благодати Божией. Вы же своим учением уничтожаете совершенно свободу человека в совершении спасения, потому что стеснены – вас держит рука сильного, и вы хотели бы упасть, да не можете, как в силу естественных физических законов книга не может из рук ваших падать, потому что крепко её держите в руке, хотя она и стремится к падению по физическому закону тяготения. –

«У вас человек не может прямо непосредственно обращаться к Богу – эти посредства, перегородки, не нужны для спасения», сказал он. Я возразил ему, что по учению православной Церкви человек может прямо обращаться к Богу, но спастись без благодатных средств, которые преподаются верующим Церковью, по учению, переданному ей от Апостолов, не может. А проводники этих благодатных средств (я указал ему, какие это благодатные средства: слово Божие, таинства и молитва) верующим суть пастыри Церкви, которые преемственно от Апостолов получили дары Св. Духа учить народ, проповедуя слово Божие, совершать таинства, молиться и вообще, по выражению св. Ап. Павла, пасти стадо Христово (Деян.20:28) церковь Бога живого; Апостолы же получили своё право от Самого Иисуса Христа, как вам известно, по Его воскресении и отшествии на небо (Ин.20:20,21). При этом я указал на послания Ап. Павла к Тимофею и Ефесеянам, где Апостол увещевает пастырей Церкви не терять дар Божий, полученный ими через рукоположение священства, а напротив стараться хранить его и усиливать (1Тим.4:14; 2Тим.1:6;

Еф.4:11–12). – «Я не думаю, сказал Пашков, что для того, чтобы быть служителем Божиим, нужен аттестат, диплом или ярлык, который бы отличал меня от вас. Я такой же проповедник слова Божия, как и вы» и указал при этом на 2Кор.5:20 ст. «Я сорок лет жил в православии, ходил в церковь, молился, исповедовался и причащался, но грешил постоянно с женщинами – мне нравился этот грех, и я знал, что это грех, но грешил, потому что не знал Бога. Тогда я стал сам читать слово Божие и познал Христа, и теперь я ненавижу грех, хотя и сейчас грешу». Здесь я прервал речь Пашкова и указал ему на горячего последователя его И. Ю. А., который учил, что «он познал Христа и Дух Божий живёт в нём, и что он поэтому не может грешить». Пашков на это сказал – «не может быть этого, он так не учил и не мог учить». После этого я сказал ему: «пастыри Церкви, как вы видели из приведённых мест Св. Писания, получили своё право от епископов, а епископы преемственно от Апостолов через рукоположение – право проповедовать Слово Божие и совершать таинства, а вы ни от кого не получали этого права. Вы говорите, что сорок лет были православным и не знали Бога. Я этого не могу понять, как это, будучи «православным», вы не знали Бога? значит, вы не были православным, а только числились? Если вы говорите, что получили своё право проповедовать и учить от Бога, потому что познали Бога, – я этому не верю и не могу верить. Апостол Павел тех, которые сами без его согласия брались за учительство, называет лже-апостолами (2Кор.10:13) и преемникам своим поручал строго обличать таковых (2Тим.4:2–3).

На этом беседа наша кончилась, и Пашков ушёл от меня, пробыв у меня более часу. После этого Пашков пробыл в Матчерке пять дней и всё это время принимал к себе крестьян и сам обходил крестьянские дома в Матчерке и во всех деревнях нашего прихода. Везде крестьяне обращались к нему с разными просьбами, и он всех их удовлетворял – кому дал леса для постройки, кому муки, а кому и денег. В деревне Гаугеровке крестьяне просили у Пашкова земли 33 десятины для священно-церковно-служителей и он обещал им дать, даже

назначил место и велел измерить. Что он говорил и проповедовал, обходя крестьянские дома, неизвестно. Между тем крестьяне деревни Александровки передавали мне, что когда Пашков был у них и ходил по домам, то народ собрался толпой и стал у него просить леса для постройки церкви. Пашков отказал им, сказав: «я сорок лет был православным, ходил в церковь, приобщался, но во мне жил диавол». (Крестьянин д. Александровки Димитрий Косаткин передавал об этом лично мне). Из беседы моей с Пашковым я заключаю, что он самый фанатический сектант, стремящийся распространять своё учение; думается мне, что и все дела милости его крестьянам суть подготовка почвы для более успешной проповеди в крестьянской среде.

Леонид, иером. Штундист у гробницы св. нетленных мощей. С. 78–81

(Отрывок из дневника миссионера, Иеромонаха Феофаниевск. Пустыни о. Леонида).

...Уж третий год, как после 40-летнего моего пребывания в тишине монастырской жизни, я, по воле епархиального начальства, странствую по сёлам, заражённым штундой, пребывая в каждом из таковых по несколько месяцев... Холод, голод и лишения для инока на пользу, но вот душевные тревобления тяжелы... Веду я увещания отпавшим по своему разумению, в простоте... Ведь я самоучка и учёных приёмов полемики не особенно держусь.

У меня заведён своего рода «наряд штундистов», которые по очереди, человек по 3–5, должны являться, в свободное от сельских занятий, а больше в праздничное, время ко мне в келью и выслушивать мои разъяснения истин веры и обличение их сектантского суемудрия. Присутствуют здесь 2–3 человека из православных, как верные свидетели и самовидцы... Посадимся за стол и беседуем, перед лежащим на столе Евангелием и Св. Крестом... И спорим, и плачем и изнемогаем, ибо нередко заговариваемся «об ночь» ... Пьём и чай. Сначала сектанты роптали на мою ревность, а затем смирились и теперь охотно ожидают, когда их очередь настанет... За одну беседу проходим целый ряд основных истин, с разбором заблуждений беззаконной штунды... Велика милость Божия, вразумившая Петра (Волынца), – он у меня теперь правая рука и в церкви, и на беседах... Читал я где-то в миссионерской статье, что вожаки штунды, если и возвращаются в лоно Церкви, всё-таки не могут прийти в меру возраста совершенно православного, – что в глубине души и сердца их остаётся закваска, хотя бы и малая, но что она де всё смешение квасит. А я, по наблюдению за Петром, скажу, что не всегда так... В этом бывшем главаре штунды, – управлявшем 9 сёлами, бывшем на кавказских съездах сектантских, – не осталось и тени сектантского суемудрия: он глубже, разумнее, горячее и верует, и молится, и

читает и поёт Богу нашему... Может быть кара закона и помилование так седмицею очистили его душу... Бог весть.

Но, слава Богу, благодееющему нам. С воссоединением Петра С-ий штундизм потерял поистине голову; стали тихи и внимательны к проповеди моей. А прежде, как осы назойливые, не давали слова выговорить. Теперь вот и другой столп Сал-го штундизма пал, да и при каких ещё поучительных, поистине чудесных, обстоятельствах. О сём надо подробно записать, ибо такие случаи редки.

Иосиф *Новосельский* отпал от Церкви уже более 10 лет. Человек этот недюжинный, честный, но грубый, твёрдый, упорный имеет характер. Ревность по штундизму проявлял всегда паче всех своих односельцев сектантов, – хулитель святынь был не малый... В первые очереди увещания мои по-видимому совершенно не действовали на его грубое сердце. Но чем дальше, тем больше глаголы правды Божией через моё недостойнство видимо воздействовали на помрачённый разум этого заблудшего... Возвращение Петра, его братские беседы нарушили равновесие в этой душе озлобленной и наклонили её опять в сторону родного берега православия. На последних беседах я с радостью замечал, как быстро идёт уврачевание мыслей и чувств этого немощного брата во Христе и молил я Господа Спасителя, да вразумит Он заблудшего, имиже весть судьбами, от злой воли которого зависит духовная участь 3 некрещённых его деток... Приходит ко мне раз вечерней порой Иосиф, целует руку, сам такой серьёзный, озабоченный, в глазах решимость... После некоторого разговора, Новосельский круто обрывает речь и говорит: «я, батюшка, решил так: поедem в Киев; если мне покажут св. мощи, и я увижу своими глазами, что то не обман, не восковые фигуры, или что-либо другое, как утверждают наши братья, то сейчас же вертаюсь до православия». Я попробовал его убедить, чтобы он своим маловерием не искушал, Господа. Но Иосиф был непреклонен и заявил, что «дело это (вопрос о мощах) пече его» (мучит)... Поехали мы скоро же в Киев вместе. Испросил я разрешение у о. Наместник Лавры успокоить немощную мятущуюся совесть спасаемого... Два монаха лаврских, одно светское лице и я с

Иосифом вошли в левый предел великой Лаврской Церкви. Дело это было около 3 часов дня, храм был пуст. Иосиф не был в храме около 10 лет. Вошёл он теперь смущённый, понурился головой. Я стал убеждать штундиста помолиться Господу, чтобы Он, Всеблагий, открыл очи сердца грешника и не погубил со беззаконными... Но каково же было общее наше удивление и негодование, когда Новосельский упал на колена, стал боком к алтарю, и, потупив глаза долу, скрестив руки на груди, поштундовски начал молиться. Монахи возроптали на меня, зачем я такого еретика привёл в Св. Лавру и беспокою нетленные останки святого. Тяжело было моей скорбящей душе видеть такое настроение и поведение рождаемого во Христе сына. Между тем Иосиф молился усердно, из глаз его капали слёзы. Встал, утёрся... Идём в тёмную пещеру, где покоятся нетленные останки святителя Павла Тобольского. Благоговейно поклонились все мы раке святого; Иосиф стоит недвижимо. Инок поднял крышку гробницы, снял верхняя пелены: открылось облачение, показались руки, а за тем и лик нетленно почивающего святителя, как бы не то умильно, не то укоризненно на нас взиравшего. И стало мне страшно и за себя, и за Иосифа. Хотелось бы мне ему сказать в эту минуту назидание, облегчить ему душевную борьбу; но я не смел поднять на него глаз, не решался посмотреть в его душу, чувствуя, что там совершается таинство веры. Мы все трижды снова поклонились нетленным мощам святого и благоговейно облобызали руки его... Но что ж штундист?.. Он стоял, вперив глаза в гробницу; взор его был ужасен... Он сделал шаг вперёд – ближе к гробнице, с тем же испытующим сосредоточенным взглядом, с зардевшимися ланитами. Поистине, страшно было за сего человека и за демонское искушение, постигшее его. Иосиф наклонился к лику святого, окинул беглым взглядом всю гробницу... И вдруг ринулся на колени... и мёртвая тишина пещеры огласилась стоном публичного покаяния штундиста, вопившего: «Господи, помилуй меня грешного! согрешил я окаянный» ... И тут же начал осенять себя православным крестом, класть земные поклоны и слёзы, – крупные, горячие слёзы – лились у него из глаз. Священный трепет объял меня

тогда, слёзы душили меня, я только и мог проговорить тогда ему, – молись, плачь, брат Иосиф, Господь милосерд, не хочет смерти грешника, но хочет всем спастись... Благоговейно Иосиф приложился к св. мощам, помолился перед иконами, попросил дать заметку из жития св., о времени бл. кончины его. Принимая благословение у Высокопреосвященного Митрополита и у о. Наместника, прежде гордый, нелюдимый, Иосиф поклонился этим духовным особам в ноги... Прибыли домой в С-ху. Дети ждали своего отца с нетерпением: – их очень тяготила штунда, и им хотелось побывать в храме. Как они обрадовались, когда увидели отца молящимся при входе в хату!.. В следующее воскресенье совершено было крещение двух его детей... Вот уж месяца два, как Иосиф первый в храм идёт. Да укрепит его Господь Бог! Пример его подействует на многих вразумляюще.

Иеремонах Леонид

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1896 г.
№ 1–12. С. 82–89**

**Сочинения преосв. Иустина, епископа Рязанского и
Зарайского. Догматы по Стефану Яворскому. Т. VII
409 стр.; Т. VIII. 416. Москва. 1895 г. С. 82**

Сочинение Стефана Яворского «Камень веры», написанное ещё в первой половине прошлого века и направленное против заблуждений протестантов, не утратило и в настоящее время своего значения. И теперь это сочинение может служить настольной книгой для всякого интересующегося вероисповедными различиями христианских церквей, а особенно для пастыря православной Церкви, призванного охранять свою паству от заражения разными лжеучениями. «Камень веры» может служить прекрасным пособием и для обличения наших сектантов, усвоивших многие из протестантских заблуждений. Но пользование для этой цели самим «Камнем веры» представляет в настоящее время некоторые неудобства. Сочинение это написано славянским языком, не для всех удобопонятным; тон его – резко полемический, а изложение не чуждо схоластической мелочности и излишних дроблений. Изложение догматов по Стефану Яворскому, сделанное преосв. Иустином, в значительной степени устраняет эти неудобства и потому может вполне заменить собой сам «Камень веры». Изложение написано простым, каждому понятным языком и вследствие этого может рассчитывать на значительный круг читателей, чему отчасти должна способствовать и недорогая сравнительно цена издания (по 1 руб. за том с пересылкой). Для интересующихся приводим перечень догматов, изложенных преосв. Иустином. Т. VII: О преданиях. О добрых делах, необходимых для спасения. О постах. О св. Евхаристии и литургии. О поминовении усопших. Т. VIII: О прославлении праведников на небеси. О почитании пресв. Богородицы. О почитании и призывании святых. О почитании св. мощей. О св. иконах. О крестном знамении. О вечности адских мучений.

**Краткий очерк штундизма и свод текстов к его
обличению. Составил преподаватель Одесской
духовн. семинарии священник И. Стрелбицкий. Изд.
3-е. Одесса. 1895 г. С. 82–84**

Автор – представитель того довольно распространённого у нас взгляда, который считает штундизм явлением заносным, привитым русскому народу извне. Главнейшими причинами появления и распространения штундизма он считает пропаганду немецких колонистов – протестантов и особенно – деятельность невидимых заграничных агентов германизации южной России. Не касаясь вопроса о действительном существовании этих агентов германизации России, – вопроса, о котором ещё недавно так много говорилось в нашей периодической печати²⁸, – мы скажем только, что считать штундизм исключительно изобретением немецкой пропаганды в среде русского народа, значит, явлением совершенно наносным – взгляд довольно односторонний. Штундизм явился результатом неудовлетворённости духовных потребностей нашего народа, с особенной силой пробудившихся в нём после освобождения от крепостной его зависимости. Если этот результат проявился в форме именно такой, какая и положительной и отрицательной стороной так близка к учению протестантства, то в этом, конечно, всецело сказалось влияние на малорусский народ протестантов: прежде всего немцев, а затем и русских с немецким духом отрицания. Считать ли это – влияние преднамеренным или же невольным и естественным, во всяком случае это влияние элементов более культурных, более сильных на менее культурную среду, в которой только что начинало пробуждаться сознательное отношение к предметам веры и требовало такого или иного удовлетворения, а вместе с тем и ограждения от чуждой силы.

Ценность труда о Стрельбицкого заключается собственно во второй части его, представляющей сравнительно полный свод текстов Св. Писания, направленных к обличению заблуждений штундистов. Здесь рассмотрены почти все главнейшие пункты

штундистского вероучения, как то: о св. Предании, о Церкви, о таинствах, о поклонении Богу, об иконах и проч. По каждому пункту автор сначала выписывает те места Св. Писания, которые приводят сектанты в подтверждение своего учения или в опровержение учения православной Церкви, затем даёт краткие объяснения этих мест и, наконец, приводит другие места, которые должны служить к опровержению штундистских заблуждений или к утверждению православного учения. – В этой своей части труд о. Стрельбицкого может быть весьма полезным пособием для каждого православного миссионера, каким он, кажется, уже и успел сделаться.

Н. В. Штундизм, причины появления и разбор учения его. Елисаветград. 1895 г. Миссионера-Священника И. Недзельницкого. С. 84–85

В этом исследовании проведён несколько иной взгляд на штундизм и причины его появления. «Наши южно-руссы, пишет автор, будучи вообще невежественными, но имея стремление к свету, с пробуждением сознания после освобождения от крепостничества, искали выхода из своего незавидного положения. Немцы же только повлияли на них, указав им путь спасения в Евангелии и отречении от православной веры, как языческой». Важнейшими условиями, вызвавшими появление штундизма, автор считает: религиозное невежество народа, небрежное совершение некоторыми священниками богослужения, неудовлетворительное состояние церковного пения и т. п. Как на причину появления штундизма он указывает «нерадение, невнимание и апатию служителей Церкви, оскудение у них ревности к священным своим обязанностям». Вникая же в вопрос глубже, он в конце концов «причиной причин» возникновения штундизма признаёт «те крайне неблагоприятные условия, которые убили просветительную пастырскую энергию духовенства». К сожалению, взгляд – на происхождение штундизма не проведён в исследовании о. Недзельницкого с достаточной устойчивостью и определённой, что, может быть, объясняется склонностью автора говорить по большей части словами других исследователей и наблюдателей штундизма.

Вторая часть труда о. Недзельницкого включает в себе разбор учения штундистов. В этом разборе прежде всего следует отметить некоторые пробелы: так, в нём не рассматривается отношение штундистов к клятве, праздникам, учение их о вере и делах. Кроме того, так как штундисты отвергают не отдельные только обряды православной Церкви, но вообще всякую обрядность, то и автору следовало в опровержение штундизма прежде всего подвергнуть рассмотрению вообще вопрос об обрядах и их значении, а не

ограничиваться разбором возражений штундистов против некоторых отдельных обрядов православной Церкви, как то: каждения фимиама, возжжения лампад и свечей при богослужении и т. п.

Н. В.

**И. К. Обличение штундизма (в библейских текстах).
Из миссионерских записок свящ. Иуст. Ольшевского.
Киев, 1894 года, in 8° – XXX + 157 + 10; цена 1 руб. С.
84–87**

Наша богословско-полемиическая литература по обличению штундизма обогатилась недавно новым трудом, принадлежащим бывшему миссионеру киевской епархии, а ныне преподавателю Полтавской духовной семинарии священнику Иустину Ольшевскому. Не можем не приветствовать нового, по обличению штундизма, руководства, вышедшего из-под пера опытного миссионера, знакомого со штундой и теоретически и практически. – Новое руководство и есть результат практическо-миссионерской деятельности о. Ольшевского (XXVII стр.). Автор в своём руководстве, единственном в нашей богословско-полемиической литературе по обличению штундизма, представил материал для миссионерской деятельности: а) в обработанном виде, б) в сжатой форме и в) с самым точным указанием существенных черт в том или другом вопросе. Автор свои опровержения штундизма исключительно построяет на почве библейского текста, выходя из того очевидного положения, что борьба со штундой, сектой рационалистической, опирающейся в своём веро- и нравоучении исключительно на библейскую почву, и может быть наиболее убедительна для сектантов, потому наиболее рациональна по своей постановке только тогда, когда будет вестись на почве того же библейского текста. «Обличение штундизма», как полемиическое руководство, обнимает собой все вопросы, встречающиеся в миссионерской практике. Кроме традиционных вопросов, встречающихся во всех руководствах по обличению штунды, автор в своём труде рассматривает ещё нижеследующие вопросы: о вере и о делах; о различии веры субъективной от веры объективной; о законе христианском; о толковании Св. Писания; о чтении Св. Писания; об истинных пастырях Церкви; о недостойных пастырях; о поклонении Богу; о чествовании тварей; о богослужении и обрядах (сюда входят

вопросы: об употреблении свечей при богослужении, о длинной одежде, о покрывании головы и о волосах у священнослужителей); о христианской жизни; о христианском единении; о сектантах и об отношении к ним народа и пастырей. Из этого перечня видно, что рассматриваемый нами труд о. Ольшевского весьма оригинален по своему плану и программе, потому и отличается от подобных ему руководств.

В большинстве случаев полемика с сектантами по тому или другому вопросу ведётся автором двояко: положительно и отрицательно, т. е. через рассмотрение основоположений, на которых покоится та или другая истина, и через опровержение сектантских возражений, опирающихся на текст Св. Писания.

За отсутствием надлежащих и миссионерских руководств и указаний, составленных «практиками» (XXVII стр.), автор, при выступлении на миссионерское поприще, испытал не мало затруднений, прокладывая самостоятельно себе дорогу в столь многотрудном деле, как миссионерское. Посему в облегчение пастырей, ведущих борьбу со штундой, он и предлагает свой труд по «Обличению штундизма», как основанный на его личном опыте и практике (XXX стр.). «Обличению штундизма» предпослано введение (XXX стр.), в котором автор даёт несколько ценных практических наставлений, как вести борьбу с сектантами: закону приспособительности он отводит первенствующее место при собеседовании миссионера со штундистами.

К чести автора, нужно сказать, служит и то обстоятельство, что весь библейский материал по всем спорным вопросам собран им самым тщательным образом и до возможной степени облегчено пользование этим материалом: в конце каждого § процитированы *жирным шрифтом* все места Св. Писания, имеющие существенно-важное значение для данного вопроса. Не бесполезно также и то, что в конце рассматриваемого нами руководства приложен «указатель библейских мест, коим дано объяснение в книге» и самое подробное оглавление.

В виде упрека можно поставить автору то обстоятельство, что некоторые отделы его труда (особенно вопрос об иконопочитании) изложены несколько в схоластическом духе:

введено столько делений, подразделений и тонких понятий, что требует от читателя сильных напряжений, дабы не потерять общей руководительной нити. Нам думается, что входить во время полемики в такие подробности нет никакой надобности и даже излишне: все эти тонкости понятий и сопоставлений не по плечу штундисту!

Впрочем, это последнее обстоятельство несколько не умаляет достоинства труда, вышедшего из-под пера миссионера-практика о. Ольшевского и потому заслуживающего полного к себе внимания со стороны тех, кто посвятил свои силы миссионерской деятельности!

И. К.

**Козицкий И. О некоторых вопросах веры,
пререкаемых молоканами и другими сектантами.
Свящ. М. Тифлова. Москва, 1894 г., in 8°, 157 стр. С.
87–89**

Под таким заглавием вышли в свет отдельной книжкой печатавшиеся в журнале «Братское Слово» за 1893 и 1894 гг. миссионерского характера статьи священника М. Тифлова по отдельным вопросам сектантского, по преимуществу молоканского вероучения. Уже само заглавие рассматриваемой книжки говорит за то, что автор её не берёт на себя обязанности разбирать все вопросы веры, пререкаемые молоканами и другими сектантами, и далёк от мысли разбирать все эти вопросы в систематическом порядке. Вследствие того, что труд автора не носит на себе характера строго систематической работы, встречаются по местам излишние дробления одного какого-либо отдела по одному и тому же вопросу на множество мелких, самостоятельных статей. Так, вопрос о священстве делится у него на *шесть* самостоятельных статей: а) о священстве; б) о наименовании пастырей церкви учителями и отцами; в) об одеянии священников; г) о ращении волос священниками и о покрытии ими головы; д) о священническом благословении; е) о средствах содержания пастырей церкви. При систематизации все эти вопросы, конечно, вошли бы в отдел о священстве, но не были бы выделены в самостоятельные трактаты. Бесспорно – им отведено было бы в рассматриваемом отделе второстепенное место, дабы читатель, особенно без надлежащей богословской подготовки, сразу мог отличить в данном вопросе существенное от несущественного.

Хотя автор и дал своему труду скромное название: «О некоторых вопросах веры, пререкаемых молоканами и другими сектантами», однако он в рассматриваемом нами руководстве исчерпал почти весь круг оспариваемых сектантами вопросов веры; недостаёт только отдела о внешнем богочитании (куда должны входить вопросы о храме и о почитании св. икон и св. креста) и о клятве или присяге; в нём рассмотрены такие

вопросы, ответы на которые не всегда можно встретить и в полных руководствах. Так: им обстоятельно разобран догмат о Св. Троице, оспариваемый молоканами; введены трактаты – о вселенских соборах и о Пресвятой Богородице. – Вообще все вопросы разобраны автором подробно и вполне обстоятельно; почти всегда для доказательства истинности оспариваемого сектантами положения приводятся в системе все тексты Ветх. и Нов. Завета, с надлежащим их разбором. Полемику с сектантами автор ведёт так: сперва он опровергает возражения сектантов против того или другого догмата православного вероучения – через сопоставление и указание, при помощи контекста речи, истинного смысла тех мест Св. Писания, на коих покоится сектантское заблуждение, а потом подробно раскрывает все те места Св. Писания, на котором утверждается оспариваемый сектантами вопрос. При этом автор обнаруживает широкое знакомство с библейским текстом и глубокое проникновение в дух и характер нашей богооткровенной письменности.

В упрёк автору можно поставить следующие три недостатка, усмотренные нами в его труде: 1) В его книге нет оглавления, что в значительной степени затрудняет пользование ею. 2) По местам автор не вполне внимателен к сектантским возражениям: слегка их опровергая, не входит в подробное их рассмотрение. Напр., в таком основном положении, как вопрос о Св. Предании, следовало бы больше уделить внимания разбору сектантских возражений, которые, по нашему мнению, довольно поверхностно опровергнуты автором (стр. 4–9); так как от принятия или непринятия сектантами этого основоположения зависит, по нашему крайнему разумению, и успех дальнейшей миссионерской борьбы. 3) Изложение всех без исключения отделов в рассматриваемом нами руководстве страдает значительною растянутостью и утомительной длиной. Положительно нет ни одного отдела, изложенного кратко и сжато. Впрочем, последнего обстоятельства можно и не ставить автору в вину, так как через него достигается простота изложения, доступная пониманию даже простых начётчиков. По-видимому, автор имел в виду не только

миссионеров, ведущих борьбу с сектантством, но и самих сектантов, к пониманию которых и приспособил свой труд.

Вообще книжка М. Тифлова заслуживает полного одобрения: она может быть очень полезна как для священника-миссионера, так и для сектантского начётчика.

И. Козицкий

III. Заграничная печать о русских штундистах // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 89–92

Заграничная печать с большим интересом следит за нашим сектантством и принимаемыми мерами борьбы с ним. В этом случае штундисты пользуются преимущественным покровительством заграничной прессы, которая и в публике старается возбудить сочувствие к их мнимым тяжким страданиям за веру. Симпатии, которыми наши штундисты пользуются в заграничной прессе, объясняются прежде всего тем, что учение штундистов, как известно, есть прямое порождение протестантизма, в худших его формах – баптизма и пиэтизма и потому западные протестанты видят в штундизме меньшего своего брата и готовы во всякую минуту протянуть ему руку помощи. С другой стороны, за последние годы в Западной Европе и в Америке замечается, наряду с усиленным развитием милитаризма, особенно широкое распространение в обществе идей, отвергающих войну, как величайшее зло. В короткое сравнительно время образовались там многие общества, поставившие своей задачей противодействовать всеми мерами возникновению войн и способствовать установлению на земле вечного мира. Эти-то западные «друзья мира», как они сами себя называют, усматривают в русском штундизме те же стремления, которые одушевляют их собственную деятельность, а потому они и общество стараются заинтересовать штундизмом, как отрядным с их точки зрения явлением.

Конечно, нет большой беды в том, если заграничные протестанты видят в штундистах родственных себе по духу братьев, а «друзья мира» *ошибочно приписывают штундизму те же стремления*, которыми они сами одушевлены. Но дурно то, что из сочувствия к этим «любящим Библию и непротивляющимся» людям – штундистам в заграничной печати нередко рассказываются басни о мнимых преследованиях, которым будто бы подвергаются штундисты от русского

правительства и которые, по отзыву английского журнала «The Friend», возможны только в России.

Такой же неправдой отличаются и те сведения, которые сообщаются иногда заграничной прессой касательно возникновения штундизма, истории его распространения и внутреннего устройства секты. Вот, например, какие сведения о возникновении штундизма предлагал своим читателям один английский журнал (The Friend). Своим началом штундизм будто бы обязан некоему Якову Дилякову (Jacob Dilakoff). Этот Диляков, окончивший с учёной степенью одну из американских коллегий, пришёл в Россию и был до того поражён невежеством и суеверием русских крестьян, кланявшихся своим иконам (sic!), что сделался странствующим книгоношей, в чём состояла дальнейшая просветительная деятельность Дилякова среди русских крестьян и каково было его учение, – об этом английский журнал ничего не говорит, очевидно, в том предположении, что об этом каждому легко догадаться. Учение Дилякова приняли многие из православных и немецких колонистов-лютеран. Они начали устраивать в частных своих домах молитвенные собрания, и от этих собраний, назначавшихся всегда на известный определённый час (Stunde), получили название штундистов. Диляков не раз подвергался тюремному заключению, но по освобождении продолжал свою миссию среди молокан Крыма и Поволжья.

А вот что сообщает тот же английский журнал о первоначальном распространении штундизма и первых вожаках его. «Рорбах ²⁹, энергичный немецкий пастор (?) сделал много для того, чтобы сплотить штундистов в отдельную общину; он особенно желал добиться дарования русским штундистам таких же привилегий, какими пользовались соседние немецкие колонисты. Штундисты образовали первую отдельную общину в Осноре (Основе?) Херсонской губ. Первыми вожаками и распространителями штундизма были: Коваль, Баладан (Балабан?), Борекемпер (Бонекемпер?), Ратушный и др. Наконец, «Friend» с великой похвалой отзывается о замечательно-нравственном характере штундистов, причём

ссылается на несуществующую и никогда не существовавшую газету «Киевские Новости» (The News of Kief).

Вообще должно сказать, что западные друзья наших штундистов слишком мало знакомы как с историей и истинным характером, так и с действительным современным положением штундизма. К сожалению, на основании отзывов заграничной прессы о штундизме и сообщаемых ею сведений о мнимых преследованиях, штундистов русским правительством, многие не только за границей, но даже и у нас в России готовы признать в штундистах действительных страдальцев за веру и оказать им не только сочувствие, но и материальную поддержку. Сам «Friend» говорит, что в Петербурге есть много влиятельных лиц, которым нужно только узнать о действительном положении штундистов., чтобы воспользоваться своим влиянием для предотвращения дальнейших их преследований.

Но мы, с своей стороны, позволим себе надеяться, по крайней мере относительно будущего, что едва ли кто-нибудь у нас решится употребить своё влияние на пользу штундистов, не ознакомившись предварительно с самим штундизмом и действительным положением его в государстве. Разумею, конечно, ознакомление основательное, – не по тем превратным суждениям, какие нередко высказывает о штундизме заграничная пресса, а по беспристрастным отзывам о нём многих наших отечественных исследователей, имевших возможность ближе ознакомиться с этим явлением и давших ему надлежащую оценку с точки зрения интересов православной Церкви и блага нашего отечества.

W.

**Заметка. Погребение духоборческой пророчицы –
Лукерии Калмыковой // Миссионерское обозрение.
1896 г. № 1–12. С. 92–94**

В последние месяцы истекшего года в нашей печати (Новое Время, Неделя, Москов. Вед.) появлялись сообщения с Кавказа о происшедшем среди последователей духоборческой секты каком-то брожении и антиправительственных беспорядках, вызванных смертью будто бы духовной главы секты, Лукерии Калмыковой и отсутствием в последние годы управителя этой многотысячной общины. В заграничной газете «Times» Л. Толстой поместил по этому поводу целую статью в обвинение собственно действий администрации местной, по усмирению бунтовщиков. Редакция, располагая вполне обстоятельными сведениями с места о духоборстве и последних событиях в нем, считает долгом сказать, что ни Л. Толстой, ни корреспонденты упомянутых почтенных изданий не знают всего дела во всех его подробностях и потому проводят взгляды на жизнь и организацию этой секты односторонние и отчасти тенденциозные. В своё время мы поговорим об этой забытой секте подробно, а в настоящий момент ограничимся воспроизведением из покойного «Русск. Курьера» характерного описания погребения духоборческой «богородицы» Лукерьи. Из подробностей этого, 9 лет назад сделанного описания, нельзя не видеть, что Лукерья была *sui generis* «царица» духоборья. И действительно, она была последним членом «священной династии» духоборческого царства, существовавшего в Российском государстве. Вот эти подробности.

О похоронах известной руководительницы закавказских духоборов Л. А. Калмыковой сообщают из г. Ахалкалаки следующее: 17-го декабря 1886 г., около половины десятого, вся площадь перед домом покойной, в с. Гореловке, и весь двор запружен был народом: как говорится, яблоку негде было упасть. По середине двора на носилках помещался гроб, обитый чёрным сукном, по обеим сторонам его размещены были в щегольских костюмах конвойные покойной, по пяти с каждой

стороны, а у изголовья небольшая группа мужчин и женщин тянула какой-то наводящий тоску, заунывный мотив без слов. У ворот в память печального дня, брат, сестра и две племянницы покойной раздавали всем без исключения женщинам платки, а приехавшим гостям поднесены были вышитые полотенца. Тем временем народ всё прибывал, и за неимением места во дворе он расположился группами на улице, по которой должно было двигаться шествие. Около 11-ти часов подъехал возок покойной, наподобие лазаретной фуры, но более изящной работы, запряжённый парой прекрасных серых лошадей, покрытых попонами из серого сукна; попоны кругом обшиты были алым сукном с инициалами Л. К. (Лукерия Калмыкова); у ворот стали в ряд четыре конвойных с поднятыми пистолетами. Настал торжественный момент! Народ, понутив головы, безмолвно выражал своё горе и это безмолвие только кое-где прерывалось вздохами и возгласами, вроде того: «Осиротели мы! Скучно будет нам без тебя! Что-то теперь будет с нами!» и пр. По сигналу раздался залп из пистолетов и слышались стоны нескольких тысяч людей, и вся эта масса, обливаясь слезами, как один человек, пала ниц. Шествие тронулось, имея во главе двух конвойных, шедших в ряд, с обнажёнными шашками, Ахалкалакского уездного начальника, офицеров, чиновников и почётных духовоборов, за которыми непосредственно несли гроб и рядом с ним крышку ближайшие родственники покойной; за гробом следовала та же группа певчих с тем же заунывным пением, затем ехал возок и всё это замыкалось 4-х-тысячной массой, которая не переставала всю дорогу всхлипывать. Шествие направилось к фамильному склепу, расположенному в 2-х верстах от Гореловки и от которого концентрически расположены три духовоборских селения: Орловка, Гореловка и Спасское; склеп этот обведён каменной оградой, внутри которой имеется небольшой домик. Когда процессия подходила к ограде, конвойные дали опять залп и гроб направился прямо к приготовленной могиле, рядом с могилой мужа покойной. Сейчас-же, без обрядностей, заколотили крышку и по новому залпу стали опускать гроб. В это время старшина с. Гореловки хотел что-то сказать, но

только и мог выговорить: «Ну, ребята» и, задыхаясь от слёз, в каком-то отчаянии махнул рукой, а вся масса приникла лбом к замёрзшей почве, оглашая воздух рыданиями и стонами.

Таким образом похоронили ту, которая в продолжение 22-х лет руководила целой религиозной общиной.

Февраль. Книга 1-я

**От Редакции. Объявление // Миссионерское
обозрение. 1896 г. № 1–12. С. I–IV**

„МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ” ПРОТИВО-
СЕКТАНТСКОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

По мысли 2-го всероссийского Миссионерского съезда, с благословении Высокопреосвященнейшего Иоанникия, Митрополита Киевского, по утверждённой Святейшим Синодом программе, с января 1896 г., в Киеве разрешено издавать духовный журнал –

„МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ”.

Новое периодическое издание посвящается делу, так называемой, внутренней – по преимуществу, **противо-сектантской миссии** отечественной Церкви, в борьбе её с *рационалистическим и мистическим сектантством*, существующим среди православного населения многих епархий, то в виде старых сект – *духоборства, молоканства, жидовства*, то в новейших формах – *штунды, баптизма, нашковщины, толстовщины*, а также в виде тайных сект – *хлыстовства, шалопутства, мормонства, скопчества* и др.

„Миссионерское Обозрение“ является специальным органом, посредством которого православные противо-сектантские миссионеры и миссионерствующие пастыри, разрозненно действующие в различных местах и условиях, найдут возможность установить тесную между собою связь, вести деятельный обмен своими наблюдениями и мнениями о наилучших и более верных способах и средствах духовной борьбы с сектантством, и тем будут *взаимно содействовать* возвышению успехов миссии Православной русской Церкви, как *по охранению* верных чад её от пагубного увлечения сектантскими лжеучениями, так и *по обращению* заблудших на путь истинной веры и спасения.

С другой стороны, Журнал будет стремиться споспешествовать делу миссии: а) *путём раскрытия и уяснения неправоты сектантских лжеучений* всеми средствами, какие представляет православная богословская и

историческая литература, б) общедоступным изложением основных истин христианской веры и правил нравственности и в) всесторонним исследованием русских рационалистических и мистических сект, со стороны существа и характера содержимого ими учения, духовного и социального влияния на последователей своих и отношений к церковной, общественной и государственной жизни нашего православного отечества.

Программа

„Миссионерского Обозрения“ следующая:

I. Положительное изъяснение и полемико-истолковательный разбор мест Свящ. Писания, извращаемых лжеучениями русского сектантства. **II. Извлечение из творений св. отцов** (преимущественно II–IV вв.) и произведений знаменитейших авторов отечественной церкви – учения о тех догматических, нравственных и обрядовых истинах веры, относительно коих не право мыслят русские сектанты. **III. Апологетические и полемические статьи об основных истинах веры и нравственности. Обличение заблуждений русских сект.** **IV. Критический разбор сектантских обрядников, катехизисов и других письменных вероизложений русского сектантства.** **V. Исторические сведения и материалы** о русском сектантстве, о сектах на западе и об отношениях последних к первому. **VI. О церковно-гражданских узаконениях и действующих распоряжениях власти** о сектах и преступлениях, отпадших против веры и Церкви. **VII. Миссионерская методика.** Руководящие статьи об условиях успешного действия на миссионерском поприще приходских пастырей, членов клира: мирян, приходских попечительств, братств и народной школы. О наилучшем устройстве миссий и способах ведения частных и публичных собеседований с православными, колеблющимися, сектантами, иноверцами, и вообще о миссионерских действиях, по пресечению развития сектантства в приходах и по охранению православного народа от приращения к нему иноверных и сектантских мнений, навыков и обычаев. Руководственные советы в недоуменных и затруднительных случаях миссионерской практики. **VIII. Миссионерская хроника.** О деятельности противо-сектантской миссии и современном состоянии русского сектантства и раскола. Выдающиеся случаи воссоединений с Церковью и отпадений в сектантство. Воспоминание о более полезных и искусных деятелях в борьбе с сектантством. *Из записок и дневников миссионеров и*

*пастырей. Из отчётов епархиальных миссий. О выдающихся судебных процессах по сектантским делам. Этнографические очерки и рассказы о духовной и бытовой жизни русского сектантства. Статистические сведения о русских сектантах, о состоянии и направлении западных протестантских сект. Разные известия и заметки. IX. **Библиография.** Разбор книг и обозрение журнальных статей, церковных бесед и поучений, относящихся к миссии. X. **Приложение:** Проповеди и катехизические поучения об основных догматах веры, правилах нравственности и обрядах Православной Церкви. Внебогослужебные собеседования и*

Миссионерские листки для народа

Журнал будет выходить **ежемесячно**, в объёме от 8-ми до 10-ти печатных листов, **в двух** отдельных книжках, или выпусках.

Книжки **первого** выпуска, по содержанию своему, будут иметь ближайшее и непосредственное отношение к *просветительным* задачам и потребностям **пастырско-миссионерского** служения в Православной Церкви. Сюда войдут: начальственные распоряжения, руководственные статьи и вообще сведения, относящиеся к области пастырско-миссионерской деятельности, означенные в IV, V, VI, VII, VIII и IX отделах программы этого журнала.

Книжки **второго** выпуска будут заключать в себе статьи по изложению святоотеческого учения, изъяснению Слова Божия, и раскрытию основных истин веры и нравственности и др., намеченные в I, II и III отделах программы, а также и все **приложения** к журналу: *поучения, внебогослужебные беседы и собеседования* и **миссионерские листки** для народа, изложенные в *самой простой, общедоступной* для понимания форме.

Представляя вполне обработанный и готовый материал для учительства в церкви, вне церкви и в школе, книжки эти предназначаются для всех чад Православной Церкви, *да некое будет ем подано духовное дарование* (Рим.1:11): *здравым и богатым верою к вящему возрастанию и обогащению, немощным и колеблющимся к утверждению и охранению, заблуждающим ко вразумлению, согрешающим ко исправлению, „доколе все придут в меру полного возраста Христова, Который есть Глава Церкви – Тела Своего“.* (Еф.4:12–15 ср. 2Тим.3:15,16).

Противящимся истине Божией и отпадшим от Церкви дано будет здесь не мало потребных наставлений, увещаний и обличений в духе кротости со всяким долготерпением, не даст ли и им Бог покаяния к познанию истины. 2Тим.2:25.

Подписная цена полному годовому изданию в 24 книжки с пересылкой внутри России **пять** рублей, – за границу **шесть** руб. При подписке на полугодие – **три** руб. С требованиями на журнал обращаться – по почте: в Редакцию журнала „**Миссионерское Обозрение**“ в Киеве (Кирилл. ул.. д. № 10); с личными заявлениями – в контору Редакции „**Миссионерского Обозрения**“ – Большая Владимирская, д. № 20 (против памятника Ирины).

Редактор-Издатель *В. М. Скворцов*

Редактор *Н. В. Переверзев*

Ивановский В. И., проф. С чего и как начинать изучение сектантства? // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 3–11

Открытое письмо.

От всего сердца приветствую появление нового противосектантского журнала. В то время, когда внимание наше почти исключительно остановилось на старообрядческом расколе, когда мы со всем старанием исследовали вопросы о перстах, разъясняли слова и выражения, будто бы спасению препятствующие, и действительно, многое по сему сделали, хотя ещё не всё; – стала надвигаться ещё более грозная туча с другой стороны – сектантства не русского, иноземного. В нём, в этом сектантстве есть всё, что только может придумать своевольная мысль и гордое самомнение, всё, что может породить и воспитать необузданное чувство. Лет 25 назад мы убаюкивали себя надеждой, что эти сорные травы не дадут новых ростков на русской почве, которая слишком, казалось, неудобна для того, чтобы на ней могли произрастать семена подобных плевел. Надежды наши не оправдались. На юге России неожиданно дал почувствовать себя штундизм, – это совершенно не русское явление, привившееся к русской почве, да, пожалуй, ещё и крепче, чем привился он на почве немецкой. На востоке временами обнаруживалось хлыстовство в различных формах, духовное скопчество, общество «Десных» или «Сионская весть», какое-то «мормонство» и т. п. Но всё это проходило мало замеченным. Только духовная администрация и судебные власти временами раскрывали зло и карой закона приостанавливали его распространение. Но давно известно, что одни кары закона не уничтожают зла в его корне; приходится сознаться и теперь, что сектантство в разнообразнейших и безобразнейших его проявлениях не только за последние годы не ослабело и не умалилось, а заметно растёт и расширяется. Несколько лет назад производилось до отвратительности циничное дело о хлыстах в пределах симбирского окружного суда. После него между крещёными мордвинами казанской

епархии было также обнаружено хлыстовство, хотя и не в такой безобразной форме, а в последние годы – баптизм, занесённый с Кавказа одним выходцем. Злоба последователей баптизма ко всем православным была столь сильна, что они в страхе держали всё село. Зло, вовремя замеченное, прекращено с помощью вразумлений и административных распоряжений. Главные коноводы высланы по общественному приговору. В минувшем году (1895) нам пришлось читать судебное следствие о «мормонах» самарской губернии, учение которых представляет какое-то, пока вполне не объяснённое и не обследованное как следует, – смешение понятий штунды и хлыстовства³⁰. В следствии рассказывается также о фактах грязного цинизма. Ещё позднее мы ознакомились с неизвестными по названию сектантами шадринского уезда, пермской губернии, заразившими своим лжеучением едва не целую деревню. Что это за сектантство, сказать было не легко. Местные деятели и свидетели по делу называли их молоканами-субботниками, но, сколько можно думать, это далеко не то. По разбросанным положительным признакам сектанты эти очень напоминают последователей секты, известной под именем «Сионской вести», основанной Ильиным³¹. При этом не можем не обратить внимания и на то обстоятельство, что означенные сектанты – страшные богохульники и хуления их прямо относятся к лицу Господа и Его Пречистой Матери. Не упоминаем о множестве других, менее выдающихся судебных следствиях о сектантах, какие нам пришлось прочесть в последнее десятилетие. В октябре минувшего года и на беседу к нам явился неизвестный человек (говорили, из вятской губернии), и стал поносить до непристойности всё духовенство, отвергал молитвы за умерших и истину Христова воскресения, хотя утверждал, что он признаёт св. Евангелие. Слушатели-старообрядцы довольны остались тем, что он порицал духовенство, и на другой день в частных разговорах хвалили его за бойкость речи, не обращая как бы внимания на отвержение существенных христианских истин. Но на следующей беседе мы показали, что кто отвергает воскресение Христа, тот и христианином не может называться. Ибо, если

Христос не воскрес, то суетна и вера наша, тщетно упование наше и мы ещё во грехах наших (1Кор.15:14,17). Выслушав это, старообрядцы устыдились сообщества с таким проповедником; сам же он куда-то скрылся из Казани.

Не могу не упомянуть также и о том, что и в среде старообрядцев проникают рационалистические понятия и мистическое самомнение. Не буду говорить о давно уже излюбленном старообрядцами приёме с недоверием относиться к некоторым, совершенно ясным, свидетельствам Писания. Когда свидетельства эти говорят против их учения, то они с нескрываемым упрёком замечают: «Вы по чернилам только и читаете; по чернилам-то, конечно, так. Но Писание нужно в глубину проразумевать, видеть духовный его смысл. Вам, видно, этого-то и не дано. Буква, ведь, убивает; вот она вас и убила». Помимо этого старого приёма, некоторые современные старообрядцы пошли далее. Известный старообрядческий лжебогослов, Арсений Швецов, в своих сочинениях договорился в рассуждениях о Церкви до взглядов совершенно рационалистических, разделяя которые можно какое угодно общество признать церковью Христовой. Власть же иерархическую он отодвинул далеко на второй план. Взгляд этот с особенной резкостью и последовательностью проведён им в сочинении под названием: «Исповедание веры в символьную церковь»³². У нас, в Казани, есть один старик беспоповец; зовут его Иван Ефимович. Живёт он на мельнице или точнее, в небольшой келье около мельницы, – в нескольких верстах от города. Более просторную комнату в своей келье он обратил в церковь с иконостасом, с царскими вратами, с престолом, на котором положены крест и евангелие. Мы видели всю эту обстановку и спрашивали: «кто же в этой церкви служит?» – «Разве ты не знаешь, отвечает старик, разве не читал в книге о вере, что таинства Христос совершает»? Сказав это, он дал нам читать главу о «Пречистых тайнах» (гл. 5 и 6). Мы слышали, что старик совершает не только дневные службы, но и евхаристию и причащается. Принадлежит он к той отрасли беспоповцев, которая названа нами беспоповством с рационалистическим направлением (Ист. раск. ч. I, стр. 127,

изд. 4-е), а о. архимандритом Павлом именуется беспоповством, приемлющим самочинное священство (Кратк. свед. о сектах, стр. 51). Православную Церковь он зазирает за изменение обрядов, но более всего за начертание имени Спасителя *Иисус*, которое называет другим лицом, иным богом. Поэтому он бывал и на наших беседах. Раз мы сказали ему, что правило св. апостол запрещает восхищать недарованное им, а кто восхищает, про тех говорится, что они борются с Христом (Корм. л. 30). Блаж. Симеоном Солунским и в Номоканоне те, которые действуют священная, не имея хиротонии, названы диаволами, преобразующимися в ангела света (Сим. Солун. кн. 2, отв. на вопр. 10 и дал. Потребн. п. Иосифа, л. 715). «Как же ты-то, спросили мы, дерзаешь совершать евхаристию»? На наш вопрос старик объяснил нам следующее: «Не я это совершаю, а слушай, – кто и как! Отец приготовляет трапезу, Сын совершает, Дух освящает, Апостол Пётр вино вливает... Нет, поправился он, Мария ³³ вино вливает». – «А Иван Ефимович что делает?» спросили мы. – «Вкушает!» было решительным ответом.

Вот до чего доходят и старообрядцы.

Итак, изучение сектантства рационалистического и мистического составляет вопрос вполне назревший. Но с чего и как начинать это изучение? Правда, журнал не система и можно писать обо всём, соответствующем программе. Но тем не менее и в журнале нельзя начинать с конца, например: разъяснять или опровергать какие либо отрывочные положения, место и значение которых в системе сектантского учения недостаточно ещё определено. К тому же не лишне иметь в виду некоторую постепенность и порядок, дабы не разбрасываться слишком в частности, не уяснив общего и существенного. Впрочем, замечание это может относиться не столько к журналу, сколько к миссионерам и другим деятелям по изучению сектантства. Конечно, целью изучения сектантства, без сомнения, должна быть борьба с ним и оберегание православных от сектантской пропаганды, т. е. то, что мы называем миссионерством, – название усвоенное и настоящим журналом. Об этом мы скажем ещё в конце, а теперь заметим только, что прежде, чем

бороться с кем-нибудь или косвенно действовать на ослабление зла, необходимо хорошо узнать своего противника и употребляемые им приёмы, т. е. заняться обстоятельным изучением разных сект и лжеучений оных. Дело это не лёгкое, требующее и широкого книжного знакомства, и непосредственного живого ознакомления с живыми людьми, с характерными особенностями их религиозных убеждений и их бытовых черт, нравов и обычаев.

Такое ознакомление, помимо прямого миссионерского значения, даст возможность определить и социальный вред той или другой секты, и потому может иметь значение и общественно-государственное, юридическое. Дело в том, что некоторые сектантские лжеучения, например, Толстовщина, – прямо противообщественные. Граф Толстой никак не богослов и не объяснитель св. Евангелия, а прямой социалист, имеющий в виду изменение общественных порядков. Ему хочется перестроить общественный порядок, чтобы не было ни судов, ни присяги, ни войн, ни даже обид, не было бы по сему и законов против обидчиков. Поэтому он только воспользовался текстом евангельского учения, чтобы идеал личной, нравственно – христианской жизни приложить к условиям жизни общественной; царство не от мира захотел воплотить в земном царстве, низвести небо на землю; другими словами, идеал мой, как христианина, быть незлобным, прощать обиды, любить врагов, не противиться злым, не жаловаться на обидчика в суд, быть на столько честным и правдивым, чтобы одного слова – «да» и «нет» было достаточно для удостоверения правды. – всё это он задумал низвести с высоты идеала ученика Христова и гражданина иного, не мирского царства, а царства Божия, и сделать юридическим требованием земного гражданского общества. Вышла, таким образом, путаница нравственно-личных, христианских идеалов и общественно-государственных требований, сообразующихся с действительными нравами людей и внешним упорядочением, и спокойствием жизни на земле.

Чтобы писать против Толстого, нет, кажется, надобности урезывать прямой, буквальный, смысл возвышенных

евангельских заповедей, а нужно только показать и обстоятельно объяснить, что их невозможно прилагать к условиям земного царства, пока мы не достигли ещё в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф.4:13). В этом земном царстве повелено тем же Божественным Законодателем и Царём иного царства воздавать кесарева кесареви, а Божия Богови (Мф.22:21), и избранным апостолом Его – повиноваться властям предержащим не точию благим, ибо «несть власть, аще не от Бога. Князи бо суть боязнь злым, не без ума меч носят. Хощеши не бояться власти, благое твори и имети будеши похвалу» (Рим.13:1–4). И в самом деле, если бы можно было сделать опыт издания законов о непротивлении злу (будем понимать в смысле обид личных, или при нас другим наносимых). даже о негневливости, об отменении присяги, как устрашающего средства, о том, чтобы никогда не воевать, – что увидели бы мы и граф Толстой?.. Вот на улице силач – оборванец, – да и не силач, – снимает с другого шубу, а тог, по закону, должен отдать ему и рубашку. Другой, такой-же, грабит и бьёт, третий, негодный, клеветает и позорит, и никому защиты нет и быть не должно. Что было бы тогда, когда и теперь, при охранении и защите закона, земля стонет от лжи, гнева и обид? Во что превратились бы тогда общества человеческие, о сём и помыслить страшно. И что против всего этого предпринял бы почтенный граф? Не может быть, чтобы сам он этого хотел и хочет. Но вот куда ведут его фантастические советы. Правда, он мог бы тем оправдываться, что рекомендовал свои правила для всех; но тогда не было бы и обидчиков, и лжецов, не было, значит, и обидимых и оклеветанных, и потому советы его сделались бы совершенно ненужными. И на самом деле, если бы это случилось, то случилось бы и без его советов, по указанию Евангелия и при влиянии проповеди Церкви, которую все много раз слышали. В таком случае ему незачем и на Церковь восставать и мнить себя каким-то новым проповедником якобы никому неведомых истин. В том-то и дело, что более чем сомнительно, чтобы все до единого, во всём мире стали на деле исполнять всё сказанное. Сомнительно, что все правительства и воевать перестанут, хотя

об этом последнем говорят и другие, и многие этого искренно желают. Сомнительно даже, что в каждой семье одной водворится золотой век. Впрочем, граф Толстой в своей «крейцеровой сонате» и не желает семьи (сам проведший всю жизнь в семье), вследствие многих её несовершенств, ошибок и болезненных проявлений между мужем и женою. Но едва ли его проповедь и здесь могла бы иметь какой-либо добрый практический результат. И сам он весь век свой прожил в семье. А главное, несравненно ранее графа было сказано: *не добро быти человеку единому* (Быт.2:18). А что разлад то бывает, так где же его нет? – Таково уже свойство земного нашего бытия. *Услышити имате брани и слышания бранем, подобает бо всем сим быти* (Мф.24:6). По сему не к уничтожению или изменению форм бытия нужно стремиться, ибо зло сумеет проникнуть во всякую форму, а к тому, чтобы самому лично не возбуждать и не поддерживать брани и злобы. Таким образом, проповедь графа Толстого представляется проповедью революционно-разрушительного характера, только с другого конца.

Мы остановились на учении гр. Толстого, как наиболее типичного представителя современного социализма. Около него, правда, не сгруппировалось организованной секты, но последователи его лжеучения рассеяны повсюду³⁴. Тот же дух социализма веет и в других сектах молоканско-духоборческого характера. Исследовать и разоблачить всё это заслугой будет не только церковной, но и общественной.

(Продолжение следует).

Вишневский Н. Религиозный вольнодумец V века и его обличитель // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 11–22

Нет ничего неосновательнее, как притязания представителей современного суемудрия на оригинальность и новизну, высказываемых ими, нечестивых мыслей и дерзких суждений против догматов и обычаев Церкви Христовой. Безумие человеческое, к сожалению, не новость. И в древние времена являлись вольнодумцы – оскорбители святыни и тогда же, при первом своём появлении, были надлежащим образом опровергнуты. Уже в начале V века на Западе явился вольнодумец Вигилянций, человек не глубокого, но беспокойного ума и мелкого самолюбия, которого непомерное тщеславие и стремление к оригинальности привели к религиозному вольнодумству. И тогда же православная Церковь выставила с своей стороны ревностного защитника православной истины в лице бл. Иеронима. Как мысли Вигилянция повторяются и вольнодумцами наших дней, так до настоящего времени сохранили свою силу и опровержения бл. Иеронима. Поэтому и самый спор между Вигилянцем и бл. Иеронимом представляет живой интерес и для современного христианина, особенно же для пастыря Церкви, обязанного защищать вверенную ему паству от нападений злых волков.

Вигилянций был родом из Аквитании, из местечка Калагурис (ныне Казер). Когда на Востоке начинались оригенистические споры, в которых бл. Иероним принимал горячее участие, Вигилянций с рекомендательным письмом от Павлина Ноланского к бл. Иерониму и с пожертвованиями на нужды святых мест отправился в Палестину и, прибывши в Вифлеем, был радушно принят бл. Иеронимом. За время своего пребывания в Вифлееме он не только ни разу не высказывал каких-либо подозрений относительно православия Иеронима, но даже выставял себя его горячим почитателем. Но возвратившись на Запад, он начал в Риме порицать Иеронима за его чрезмерное, будто бы, уважение к Оригену. В то же время

он сам начал писать разные сочинения, в которых, будучи мало образован, высказывал подчас разные нелепости в роде того, что «гора, от которой, по Даниилу, был отсечён без помощи рук камень, – диавол; а камень – Христос, как принявший тело от Адама, который через грехи свои вошёл в союз с диаволом». Возмущённый неблагодарностью и вероломством Вигилияncia, а главным образом – его нечестивыми нелепостями, Иероним пишет ему письмо. «Обиду, нанесённую мне, говорит он, я перенёс терпеливо, Нечестия в отношении к Богу я перенести не мог»³⁵. Он убеждает своего противника не мудрствовать больше, чем насколько имеет разум, чтобы не вызывать всеобщего смеха своими нелепостями, и не тратить понапрасну денег на издание своих сочинений, а лучше заняться изучением наук, образующих ум. «Предайся грамматике и риторике, изучи диалектику, займись системами философскими; когда всё изучишь, станешь, по крайней мере, молчать»³⁶.

Но Вигилияncий не внял этим разумным советам. Сделавшись пресвитером Барцелоны, он в 404 г. издал сочинение, в котором восставал против некоторых сторон христианского учения и некоторых установившихся обычаев в Церкви. Он опровергал почитание св. мучеников и их останков, не признавал возможности ходатайства за нас святых перед Богом, смеялся над обетом добровольной бедности и пустынножительством монахов и т. п. Мысли Вигилияncia нашли себе сочувствие не только среди мирян и низших клириков, но даже и у некоторых епископов. Тогда пресвитеры Рипарий и Дезидерий, приходы которых находились в соседстве с приходом Вигилияncia и начинали заражаться учением последнего, обратились с письмом к бл. Иерониму, который в то время уже славился на всём Западе не только как знаменитый учёный и писатель, но и как ревнитель чистоты православного учения. Они уведомили его о лжеучении Вигилияncia и сообщили ему главнейшие идеи последнего. Но не имея перед глазами сочинений самого Вигилияncia, бл. Иероним ограничился на этот раз кратким ответом, в котором твёрдо и решительно высказался только в защиту почитания св. мощей и просил прислать ему книги самого Вигилияncia, для того чтобы

написать на них полное опровержение³⁷. Книги эти были ему присланы уже в 406 г., и он тотчас же по получении их в одну ночь написал резкое по тону, но основательное по мыслям опровержение – «Книгу против Вигилияncia».

Бл. Иероним не только опровергает идеи Вигилияncia, но и рисует нам непривлекательный портрет нравственной личности последнего. Из изображения этого человека у бл. Иеронима мы видим, что и в древности, как и в настоящее время, религиозное вольнодумство развивалось, главным образом, на почве нравственной испорченности. Вигилияncий был Калагуританским трактирщиком, и прежняя профессия наложила на его нравственный облик неизгладимую печать. Он корыстолюбив, предан чувственным удовольствиям, любит пирушки и весёлые собрания; его беспорядочному характеру не могут правиться строгие требования церковной дисциплины. Будучи тщеславен, он в тоже время мало образован и в слепоте своего невежества не может видеть нелепости высказываемых им рассуждений. Бл. Иероним говорит, что ему следовало бы называться не Вигилияncием, что значит бодрствующий, а Дормитанцием, т. е. *спящим, сонливым* ³⁸.

Вигилияncий более всего восставал против почитания и призывания святых. Ему казалось невозможным, чтобы умершие святые ходатайствовали перед Богом за живущих. «Пока мы живы, – говорит он, – мы можем молиться друг за друга, а после смерти ни чья молитва за другого не может быть услышана, особенно потому, что мученики, молившие об отмщении за свою кровь, не могли испросить этого (Апок.6:9)»³⁹. На это бл. Иероним отвечал: «Если апостолы и мученики, будучи ещё соединены с телом, когда ещё должны были заботиться о себе, могли молиться за других, то не тем ли более после венцов, побед и триумфов»? Указав затем на примеры Моисея и первомученика Стефана, которые ещё при жизни молились за других людей (Исх.32:31,32; Деян.7:60), он спрашивает: «Неужели после того, как они станут быть со Христом, они будут иметь меньше силы? Апостол Павел говорит, что ему дарованы двести семьдесят шесть душ, бывших с ним на корабле (Деян.27:37), неужели он, после того

как, разрешившись, будет со Христом, сомкнёт уста и не будет в состоянии вымолвить слова за тех, кои во всём мире уверовали его евангелию? И неужели лучше будет живая собака Вигилянций, чем этот лев умерший? Наконец, святые не называются умершими, но усопшими. Поэтому и Лазарь, имевший воскреснуть, называется «уснувшим» (Ин.11:11). И Апостол запрещает фессалоникийцам скорбеть об «усопших». Вигилянций ссылался в подтверждение своего учения на апокрифическую книгу Ездры, «в которой написано, что после смерти никто за других не смеет молиться». На это Иероним ограничивается простым ответом: «Книги этой я никогда не читал, ибо какая надобность брать в руки то, чего не принимает Церковь?»⁴⁰.

Особенное негодование возбуждали в бл. Иерониме кощунственные слова Вигилянция относительно почитания св. мощей. «Что за необходимость, говорил Вигилянций, не только чествовать таким благоговением, но и поклоняться тому, не знаю чему, что почитаешь ты в маленьком, носимом с собой сосудце? Зачем с поклонением лобзаешь прах, завёрнутый в полотенце?» В этом, а равно и в обычае чествовать останки св. мучеников через возжжение свечей он видел идолопоклонство; ему казалось, что почитающие св. мощи воздают им божеское почитание, и потому называл их пепельниками (т. е. почитающими прах) и идолопоклонниками. Мало того, сами мощи он считал предметом нечистым⁴¹. Эти кощунства приводили бл. Иеронима в глубокое негодование. «Кто, о безумная голова, – восклицает он, – кто когда-нибудь поклонялся мученикам, как Богу (*martyres adoravit*), кто человека считал Богом?»⁴². «Мы не обожаем, не говорю уже об останках мучеников, ни солнца и луны, ни ангелов, ни архангелов, ни херувимов, ни серафимов, ни *всякого имене, именуемаго не точию в вещи сем, но и во грядущем* (Еф.1:21), – не почитаем твари более, чем Творца, благословенного во веки. Но мы воздаём честь останкам мучеников, чтобы этим самым почтить Того, чьи мученики. Мы воздаём честь рабам, чтобы эту честь распространить на Господа, Который говорит: *уже вас приемлет, Мене приемлет* (Мф.10:40)»⁴³. А против

кошунственного мнения Вигилиянция, будто останки мучеников нечисты, бл. Иероним только ставит ряд следующих вопросов: «Неужели в самом деле нечисты останки Петра и Павла? Неужели будет нечисто тело Моисея, которое, (по еврейскому подлиннику Библии), погребено самим Господом (Втор.34:6)? Неужели и тело Господа, положенное во гроб, было нечисто? И ангелы, облечённые в светлые одежды, стояли на страже у мёртвого и нечистого трупа...?»⁴⁴.

«Если останки мучеников не должны быть почитаемы, продолжает бл. Иероним, то каким же образом читаем мы; *честна пред Господом смерть преподобных Его?* (Пс.115:6)». Примеры почитания останков святых он находит во всей истории Церкви Божией на земле, начиная со времён патриархов и кончая его временем, и никогда, конечно, эти останки не почитались нечистыми. «Если кости мёртвых праведников оскверняют прикасающихся к ним, то каким образом мёртвый Елисей воскресил мёртвого, и тело, презираемое Вигилинцем как нечистое, дало жизнь (4Цар.13:21)? После этого были нечистыми и все станы войска израильского и народа Божия, потому что евреи несли с собой по пустыне тела Иосифа и патриархов и донесли нечистый прах до святой земли. И сам Иосиф, прообразовавший Господа Спасителя, был нечестив, потому что с такой пышностью перенёс в Хеврон кости отца своего, чтобы присоединить его к деду и прадеду и прибавить к мёртвым мёртвого?»⁴⁵. Он указывает также на примеры благочестивого императора Константина Великого, перенёсшего в Константинополь св. мощи апостолов Андрея, Луки и Тимофея, и на императора Аркадия, перенёсшего из Иудеи во Фракию мощи бл. Самуила. Как эти императоры, так и епископы, принимавшие участие в торжественных перенесениях мощей, а равно и весь народ, с радостью и славословиями встречавший эти мощи, – все они засвидетельствовали этим свою веру, что *Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова несть Бог мёртвых, но живых* (Мф.22:32)»⁴⁶.

Вигилинций считал неразумным и бесполезным почитание св. мощей, потому что, как говорит он, «души апостолов и

мучеников восседают или на лоне Авраамовом, или в месте прохладения, или под жертвенником Божиим и не могут обнаруживать своё присутствие при своих гробницах и где захотят: они заключаются не в смрадной темнице между человекоубийцами, но в свободном и почётном заключении на островах счастливых и елисейских полях». — «Ты будешь полагать законы Богу? — восклицает на это рассуждение бл. Иероним. — Ты будешь налагать узы на Апостолов, чтобы до дня суда содержались в заключении и не были со своим Господом те, о которых написано: последуют Агнцу, *амо же аще пойдет* (Апок.14:4)? Если Агнец везде, то нужно думать, что и они, пребывающие с Агнцем, также везде. И тогда как диавол и демоны блуждают по всему миру и с чрезвычайной быстротой везде появляются, неужели мученики, по пролитии их крови, могут быть заключены под крышкой гроба и не могут выйти оттуда?»⁴⁷.

Вигилияний глумился над обычаем возжигать свечи при богослужении, особенно днём, когда солнечный свет, казалось, делал это совершенно излишним. А в возжжении свечей перед останками мучеников он видел языческое суеверие, и людей, делавших это, прямо называл идолопоклонниками. В ответ на это бл. Иероним разъясняет, что возжжение свечей имеет двоякую цель. Прежде всего свечи возжигаются верующими для того, чтобы умерить темноту ночи и бодрствовать до света». Если же они возжигаются и днём, то это потому, что свет их и пламя служат для христиан выражением их пламенной веры, любви к Богу и радости. Притом же «если некоторые делают это из-за почитания к мученикам, то что ты теряешь через это? — спрашивает Иероним Вигилияния. — Когда-то и Апостолы переговаривались, что тратится мир, но были обличены Господом (Мф.26:7–14; Мк.14:3–9). Ибо ни Христос не нуждался в мире, ни мученики не нуждаются в свете свечей: однако же та женщина сделала это в честь Христа, и доброе чувство её намерения приемлется. И те, кои возжигают свечи, имеют награду по вере своей, по слову Апостола: «каждый в своём чувстве да преизбыточествует (Рим.14:5)». Поэтому решительно несправедливо называть верующих, возжигающих свечи перед

мощами мучеников, идолопоклонниками. Если способ выражения почитания одинаков у них с язычниками, то предметы совершенно различны, ибо язычники так почитали идолов, а христиане – Бога и Его святых мучеников⁴⁸.

Вигилинций восставал и против чудес, совершавшихся от св. мощей. Но, как видно, по этому вопросу он не мог много сказать. Не будучи в состоянии отрицать действительность чудес, он только старался умалить их значение, говоря, что чудеса «полезны для неверующих, а не для у веровавших». – «Как будто, – замечает бл. Иероним, – теперь вопрос о том, для кого они совершаются, а не о том, какой силой совершаются. Пусть, – говорит он, – знамения совершаются для неверных, с тем, чтобы они, хотевшие веровать слову и учению, были приведены к вере знамениями, и Господь творил знамения для неверующих; но из того, что они были неверующие, не следует унижать знамений, напротив, – они должны быть достойны большего удивления, так как были столь сильны, что поражали и возбуждали к вере умы. Итак, – заключает бл. Иероним, – я не хочу, чтобы ты говорил мне, что знамения служат для неверующих, но отвечай мне на то, каким образом в «ничтожнейшем прахе и пепле неведомо каком»⁴⁹ оказывается такое присутствие знамений и сил?⁵⁰».

Отвергая почитание св. мощей и считая их даже нечистыми, Вигилинций доходил до того, что воздерживался от посещения базилик, построенных в честь мучеников, опасаясь, чтобы не оскверниться от находящихся там мощей. Это кощунственное поведение Вигилинция приводит бл. Иеронима в глубокое негодование, и он не может объяснить его ничем иным, как только предположением, что Вигилинций одержим демонами, которые не могут побороть своего страха перед честными мощами св. угодников Божиих. Правда, Иероним сам сознаётся, что иногда испытывает страх, удерживающий его от посещения базилик. Но этот страх – совершенно другого рода. – «Когда я бываю рассержен, говорит он, или помыслю что-нибудь злое в уме своём и обольстит меня ночное видение, тогда я не осмеливаюсь войти в базилики: так я весь трепещу и телом, и духом»⁵¹. Но страх Вигилинция перед посещением базилик

кажется ему именно доказательством обитания в нём демонов, и он даёт ему такой совет: «ходи ты в базилики мучеников и когда-нибудь очистишься: там найдёшь многих сообщников своих и будешь сожжён не свечами мучеников, которые тебе не нравятся, а невидимым пламенем и тогда признаешь то, что теперь отрицаешь»⁵².

Вигилияний, как бы оправдывая заранее прозвище, данное ему потом Иеронимом, «гнушался бдений» и говорил, что «их не следует допускать, чтобы не казаться часто совершающими пасху». При этом он указывал также и на некоторые злоупотребления, имевшие место во время бдений и производившиеся легкомысленною молодёжью. Иероним отвечает: «И на этот раз (Вигилияний) опровергает данное ему имя; Вигилияний хочет спать и не слушает слов Спасителя: *так ли не возмозосте единаго часа побдети со Мною? Бдите и молитесь, да не внидетс в напасть. Дух убо бодр, плоть же немощна* (Мф.26:40,41). И в другом месте воспеваает пророк: *полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* (Пс.118:62). В евангелии мы читаем, что и Господь проводил ночи без сна (Мф.14:23 и сл.); и Апостолы, заключённые в темнице, проводили всю ночь в бдении, так что вследствие псалмопения их потряслась земля, уверовал страж темничный, ужаснулись правители и граждане города (Деян.16:24–36). Ап. Павел говорит: *в молитве терпите, бодрствующе в ней* (Кол.4:2); и в другом месте: *в бдениях множицею* (2Кор.11:27)»⁵³. Итак, бдения, совершаемые верующими, имеют для себя твёрдое основание в учении и примере как самого Господа Иисуса Христа, так и Его святых Апостолов, и если они совершаются в церкви часто, то это нисколько не умаляет их значения: «что хорошо, если делается однажды, то не может быть худо, если делается чаще». А если Вигилияний думает, что бдений не следует допускать потому, чтобы не казаться часто совершающими пасху, то, рассуждая так, можно прийти к заключению, что «и в день воскресный не должны быть приносимы жертвы Христу, чтобы не совершать часто пасхи воскресения Господня и не иметь не одну, а много пасх». Наконец, «злоупотребления юношей и низких женщин»,

замечаемые иногда во время совершения бдений, «не должны вменяться благочестивым людям; вина немногих не служит к унижению благочестивого дела, – немногих, которые и без бдений могут грешить в своих или в чужих домах. Веры Апостолов не разрушило предательство Иуды. Поэтому и наших бдений не разрушат дурные бдения других»⁵⁴.

В то время как на Востоке, так и на Западе получило сильное развитие монашество и особенно пустынножительство. Политические невзгоды и развращённость больших городов вынуждали людей, искавших спасения, удаляться в пустыни, чтобы быть ближе к Богу и дальше от тревог и соблазнов мира. Вигилинций восстаёт против монашества и смеётся над пустынножительством. Он рассуждает: «Если все заключат себя и будут в пустыне, то кто будет служить в церквах, кто будет приобретать для Бога людей мира, кто будет обращать грешников к добродетели?» Бл. Иероним, сам монах и отшельник, горячо опровергает Вигилинция. Он, иронизируя, обращает против него его же собственный аргумент. «По такому рассуждению, – говорит он, – если все вместе с тобой будут глупы, то кто будет умён? И девства нельзя будет одобрить. Ибо если все будут девственниками, то не будет брака, погибнет род человеческий». Затем он показывает, что аргумент, которым пользуется Вигилинций, несостоятелен и сам по себе. Монашество никогда не может привести к тем последствиям, которых опасается Вигилинций, потому что никогда все люди не сделаются монахами. Монашество, как и девство, – удел немногих избранных. «Добродетель редка и не многими взыскуется. И о если бы все были такими, каковы немногие, о которых написано: *мнози суть званы, мало же избранных* (Мф.20:16;22:14)!» Но это – только идеал, к полному достижению которого человечество всегда будет только стремиться.

«Зачем, скажешь, ты идёшь в пустыню?» продолжает Иероним свою защиту монашества. «Да затем, отвечает он, чтобы не слышать, не видеть тебя, затем, чтобы не возбуждаться твоим неистовством, чтобы не терпеть твоих нападений, чтобы не пленил меня глаз блудницы, чтобы

прекрасная наружность не влекла к преступным объятиям. Ответишь: это значит не воинствовать, а бежать. Стой в строю, сопротивляйся во всеоружии врагам, чтобы после победы получить венец. Я признаюсь в своей слабости. Не хочу ратовать в надежде победы. Если убегу, то избегну меча; если буду стоять, то мне нужно или победить, или пасть. А какая необходимость оставлять верное и гнаться за неверным? Нужно избегать смерти, – щитом ли, или ногами. Ты, ратующий, можешь и быть побеждённым и победить. Я, когда убегу, не побеждаю через то, что убегаю; но я затем убегаю, чтобы не быть побеждённым. Нисколько не безопасно спать подле змеи. Может случиться, что она меня не укусит, но может случиться, что когда-нибудь и укусит. Поэтому мы и уклоняемся от городского многолюдства, чтобы не иметь побуждений делать то, что побуждает делать не столько природа, сколько свободная воля»⁵⁵.

В V веке религиозное чувство было ещё настолько сильно, что не редки бывали случаи, когда человек, желая буквально исполнить заповедь Христову, продавал всё своё имение и раздавал бедным. Вигилинций находит такую ревность неразумной; ему кажется, «будто лучше делают те, кои пользуются своим имением и понемногу раздают бедным плоды своих стяжаний, чем те, кои, продав своё имение, зараз жертвуют всё». Бл. Иероним разъясняет, что, хотя и тот способ пользования богатством, какой указывает Вигилинций, хорош, однако к полному совершенству может привести только способ, указанный самим Господом. *Аще хощиии совершииен быти, иди продай всё, что имеешь, и даждь нищим, и гряди вслед Мене.* – говорит Он тому, кто хочет быть совершенным и кто с Апостолами оставляет корабль, отца и сети. Та ступень, которую ты хвалишь, есть вторая или третья; её принимаем и мы, зная однако же, что первое должно предпочитать второму и третьему»⁵⁶.

Сильное слово бл. Иеронима не только заставило замолчать его противника, но и надолго поразило его нечестивые идеи. По крайней мере, в течение больше чем тысячелетия никто ни на Западе, ни на Востоке не высказывал

их вновь, пока не явился на Западе второй Вигилянций в лице Лютера.

В заключение не лишним будет привести следующий случай из жизни Вигилянция, рассказываемый всё тем же бл. Иеронимом. Когда Вигилянций был в Вифлееме, случилось в одну ночь землетрясение. И вот, этот вольнодумец, этот «благоразумнейший и мудрейший из смертных», каким он себя считал, поражённый внезапным суеверным ужасом, выбежал нагим из своей кельи и на глазах всех братьев «молился нагой и представлял Адама и Еву из рая». На этом примере мы только убеждаемся, что и тогда, как и в настоящее время, религиозное вольнодумство не освобождало своих представителей, этих «благоразумнейших и мудрейших из смертных», от суеверия. Понятно поэтому, что, рассказавши о приведённом факте, бл. Иероним имел полное право воскликнуть с негодованием и презрением: «Таковых-то противников имеет Церковь; таковые-то воители ратуют против крови мучеников»⁵⁷.

Н. В.

Кальнев М. Ново-хлысты Кубанской области //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 23–31

(Новая секта).

В истории возникновения и дальнейшего существования сект и ересей замечается тот непреложный закон, по которому, чем дальше существует известная секта, тем более она дробится на новые из неё вырождающиеся толки, которые в свою очередь дают ещё более мелкие и многочисленные их виды. Тому же самому непреложному закону подвержены и все наши секты. Сколько, напр., уже народилось толков у хлыстов, малокан, духоборцев, жидовствующих, и сколько чуть не с каждым годом появляется новых видов названных сект! Штундо-баптизм, напр., сравнительно очень недавно появился, а уже имеет несколько своих толков (старо-штундисты, младо-штундисты, штундисты субботствующие, штундисты воскресники) и успел уже дать из себя, совершенно непохожую по вероучению, новую, крайне мистическую секту так называемых «малеванцев», более сродную с сектой хлыстов.

Без сомнения, это постоянное саморазрушение и саморазложение раскола и сектантства будут продолжаться и дальше до тех пор, пока не прекратится само их существование. Но, на смену им появятся новые заблуждения человеческой религиозной мысли, которые, по слову Божию, всегда были и будут (Мф.24:4–12; 2Пет.2:1–3; Иуд.1:17–18 и др.).

В настоящей статье мы имеем в виду познакомить читателей с недавно появившейся и открытой нами в Кубанской области новой сектой, выродившейся из секты хлыстов. Следуя обыкновению давать название новым сектам по имени их основателей, мы назвали бы её «козинщиной» по имени её основателя Козина, но, очень сильно отразившееся на лжеучении Козина влияние Хлыстовщины, к которой Козин принадлежал раньше, даёт нам больше оснований назвать эту новую секту **«НОВО-ХЛЫСТОВЩИНА»**.

Обстоятельства, при которых нам удалось впервые открыть секту *ново-хлыстов* и познакомиться с её учением, были

следующие. В 1893 году, совершая миссионерскую поездку по Кубанской области, мы между прочим посетили и сильно заражённую тогда штундизмом станицу Владимирскую. Во время многочисленных, с успехом ведённых здесь со штундистами бесед, плоды которых Господь благословил одновременным присоединением к православию более 30 душ штундистов, на одну из таких бесед мы пригласили здешних хлыстов, которые, по словам местных жителей и священника, давно уже появились в названной станице. К удивлению нашему, половина из них заявила, что беседа, направленная к раскрытию заблуждений хлыстов об их лжехристах, для них, сектантов, совершенно не имеет интереса, так как они сами отвергают хлыстовское учение о перевоплощениях Христа.

– Разве вы не хлысты? спросил я не знакомых ещё мне сектантов?

– «Нет. Когда-то мы были хлыстами, когда ходили ещё во тьме человеческой; теперь же мы ничего общего с ними не имеем и отвергаем все их бредни».

– Так может быть вы одного учения со штундистами?

– «Не обижайте нас, г. миссионер» – поспешили заметить на это присутствовавшие на беседе штундисты. – «Что общего у света со тьмою? Такой глупой веры, как у них, долго будете ездить, да не найдёте».

– Но в таком случае скажите вы сами, обратился я к ново-сектантству, к какой вере вы принадлежите, чтобы нам знать, с кем мы имеем честь теперь беседовать?

– «Как хотите, так и называйте нас, но только мы и не штундисты и не хлысты: они сами по себе, а мы сами по себе».

– Но как же вы называете последователей вашего учения?

– «Как хотите, так и называйте нас».

Так мы и не добились от сектантов, какое название они усвоят своей секте.

Несколько первоначальных наших бесед с новыми сектантами состояли главным образом в знакомстве с их учением путём расспросов самих сектантов ст. *Владимирской*, из которой для более обстоятельного ознакомления с сектой я отправился в соседнюю станицу *Зассовскую*, где собственно

впервые, 5 лет тому назад, и возникло среди хлыстов новое лжеучение и где живут первые последователи и главные вожаки *ново-хлыстов*.

Начало своей секты *ново-хлысты* относят к первым временам мира и человека. По их мнению, первый созданный Богом человек исповедовал их лжеучение. От первого человека это учение перешло к его потомкам, те научили потомков своих и так далее шло, и сохранялось их учение среди патриархов, пророков, царей и апостолов, которые «все были де одной веры с ново-хлыстами». Так учат о времени происхождения своей секты ново-хлысты. На самом же деле секта эта появилась сравнительно очень недавно, лет пять тому назад; основатель её – майкопский мещанин Евдоким *Козин*, поселившийся в ст. *Зассовской* Кубанской области. Недовольный лжеучением хлыстов, где он играл тоже немаловажную роль, Козин стал распространять среди зассовских хлыстов своё, дотоле неслыханное ими учение. До 1890 года он пропагандировал среди зассовских хлыстов своё лжеучение тайно, не прерывая в то же время, по обыкновению всех хлыстов, хождения в православную церковь. Но в 1890 году Козин сразу порывает всякое общение с хлыстами, приобретает от среды их последователей себе и становится открыто во враждебные отношения к православию. На сколько дерзко по отношению к последнему он вёл себя, показывает, напр., хотя бы то, что, являясь на клирос, он во всеуслышание поносил св. иконы, когда же его выводили из храма, он насильно врывался в него в шапке, произнося возмутительные кощунственные ругательства, и замечательно, что, благодаря бездействию местных станичных властей, все эти дерзкие поступки Козина сходили ему с рук безнаказанно. Возмущённые постоянными дерзкими поступками Козина и его последователей столько же, сколько и бездействием властей, казаки ст. *Зассовской* 26-го декабря 1890 г., после того как хлысты открыто на площади начали издеваться над св. хоругвями, несёнными после погребения с кладбища в храм, собрались и огромной толпой отправились избивать по станице всех хлыстов и в особенности последователей Козина. От этого побоища, вследствие

которого, говорят, один из хлыстов скоро и умер, успел скрыться один Козин, убежавший отсюда в соседний город Майкоп, где за публичное распространение противогосударственных *идей* и пропаганду своего лжеучения был арестован и заключён в тюрьму, но выпущен из неё, так как на суде признан экспертами сумасшедшим. Заметим, что в последнее время вошло в моду со стороны экспертов объявлять умственно ненормальными религиозных преступников подобных Козину, хитрых вожаков сектантов и раскольников и тем давать ложное основание к оправданию их на суде.

Оправданный на суде Козин в 1892 г. перенёс свою пропаганду из ст. Зассовской в соседнюю станицу Владимирскую, а затем и в другие близлежащие станицы. Таким образом ново-хлыстовщина распространилась теперь уже в следующих шести соседних местах Кубанской области: в г. *Майкопе* и в станицах *Зассовской, Владимирской, Тульской, Кужорской* и *Упорной*. Сколько всех теперь последователей Козина, пока трудно определить за отсутствием положительных данных. На основании же слов самих сектантов и наших личных соображений, число всех ново-хлыстов в 1894 г., кажется, достигало более 50 семейств.

Вот содержание религиозно-нравственного мирозерцания *ново-хлыстов*⁵⁸, в котором читатель не увидит и тени христианства, до того сильно искажено оно в лжеучении этой новой секты.

Единственным источником своего вероучения *ново-хлысты* признают только *человеческий разум*; богодуховенность же всего ветхозаветного и новозаветного Писаний, а тем более св. Предания, они решительно отвергают. «Мы, впрочем, – заметил мне как-то вождь их Бондаренко, – принимаем из Писания только-то, что *нам нравится*, а что *не нравится*, то отвергаем и работаем собственным умом». Строго же говоря, ново-хлысты отвергают всё св. Писание, как это видно из дальнейшего изложения их вероучения.

Учение ново-хлыстов о Боге, сравнительно с учением о Нём других сектантов, довольно оригинальное, но исполненное самых грубых противоречий, в высшей степени запутанное и

трудно понимаемое, в особенности, если взять во внимание своеобразный их способ выражаться всегда фигурально, что замечается вообще у всех хлыстов. Только после многих бесед и расспросов можно было понять их учение о Боге; передаём это учение так, как мы уяснили его себе со слов самих сектантов.

По учению ново-хлыстов, Бог есть дух, вечный, всемогущий, вездесущий, внутренне «пребывающий во всём движущемся». Он есть сама движущая весь животный мир сила; в неорганическом мире Его нет. Всё, что обладает присущей ему от природы способностью самостоятельного движения, имеет внутри себя Бога, вернее, – частицу Божества; так что, по словам Бондаренко, всякое животное и последняя козявка, имеют в себе частицу Божества. Отдельно от мира и самобытно, по учению сектантов, Бог не существует. Он разлит по неравным частям во всём животном мире, но сознаёт себя, как Бога, только в человеке, и то в одних только *ново-хлыстах*.

Разделяя пантеистическое воззрение на Божество, ново-хлысты, как это ни странно и не логично, в то же время придерживаются и учения о Нём антропоморфистов. По учению ново-хлыстов, до творения видимого мира Бог не имел Лиц св. Троицы; Троица явилась уже только перед самым сотворением мира. До этого же времени от вечности существовала, по их словам, какая-то неопределённая масса, в которой пребывал Бог Дух. Желая создать видимый мир, Дух и начинает отделяться от этой бесформенной массы, чтобы из неё уже создать вселенную. Но так как Бог устроил мир словом, а дух без плоти говорить не может, то Бог прежде устройства мира, – учат ново-хлысты, – «набирает на Себя плоть пречистую, подобно тому как бабочка набирает сама на себя красивые цвета». Дух, одевшись плотью, (в форме человеческого тела) и вселившись в неё, уже может говорить, и тогда-то начинает из массы творить мир словом, т. е. посредством речи. Таким образом в момент принятия Духом на себя плоти и появляется Троица: первое лицо – Дух, второе – Плоть и третье – Слово. Проще, – Бог есть тот же во плоти человек, только бесконечно могущественнее обыкновенных людей; потому то Он и мог мир

создать. Бог, учат сектанты, и есть, собственно говоря, первый на земле человек во плоти. «Ведь сказал же Он, рассуждает Бондаренко: «сотворим человека по образу и по подобию Нашему», значит, Бог при творении человека имел уже плоть и слово, так как один дух без плоти ни образа никакого не может иметь, ни говорить не может. В то время как Дух отделяется от неопределённой массы и «набирает на себя пречистую плоть», от этой же массы отделяются части, из которых впоследствии Бог творит солнце, луну и звёзды, а Сам остаётся на земле, на которой создаёт всё существующее и человека.

Вопреки ясному учению Слова Божия о происхождении всего рода человеческого от одной Богом созданной четы (Быт.3:20; Деян.17:26; Рим.5:12,16,18 и др.), ново-хлысты учат, что Адам, не есть единственный родоначальник человечества, что и до него было так же много людей, как и других вообще созданных тварей. Но люди ничем не отличались по своей жизни от животных, потому что не знали, что они сотворены по образу Божию. Когда же Бог избрал одного из среды всех многочисленных людей и просветил его, т. е. «сотворил», или, когда Дух вошёл в человека, тогда только последний сознал, что сотворён он по образу Божию, через что получил блаженство, или рай духовный, внутренний. Это собственно и был первый созданный Богом человек. От него произошёл род людей благочестивых, т. е. *ново-хлыстов*; но через несколько поколений один из рода благочестивого, тоже могший от своих уже родителей получить «Духа» и блаженствовать, «был прельщён природой»: жил, как ему хотелось, проливал даже кровь братьев, за что и изгнан был из рая, т. е. лишился духовного блаженства, полученного предками: это и был библейский Адам, имя которого означает «изгнанник» (?), первый же созданный Богом человек неизвестно, как назывался.

Тогда как Слово Божие ясно учит о заражении всего человечества Адамовым прародительским грехом (Пс.50:7; Рим.5:12,16,18; Еф.2:3 и др.), ново-хлысты учат, что грех Адама не мог перейти на всё потомство его, так как дети, происшедшие от согрешивших прародителей, могли и теперь

могут получить духа «через просвещение словом», или путём научения от людей благочестивых, т. е. *ново-хлыстов*; поэтому никакого первородного греха у человека и быть не может.

Христианское учение о духах бесплотных *ново-хлысты* совершенно отвергают. Мира невидимого, или ангелов, по их словам, Бог вовсе не творил. Если христиане верят в существование бесплотных духов, то это, по мысли *ново-хлыстов*, величайшее их заблуждение. Духи бесплотные никаким образом существовать не могут; ангелы непременно должны иметь тела, иначе они, как духи, не имея, по выражению Бондаренко, «перегородок», т. е. тел, все сольются между собой подобно тому, как воды, если не заключены в известные сосуды или не разделены природными препятствиями, должны непременно слиться в одну массу. Ангел есть в каждой отдельной личности человеческой, проще сказать, – каждый человек есть в тоже время и ангел. Ангелы разделяются, учат *ново-хлысты*, на три степени: на ангелов *видимых, невидимых и злых*. Человек, который «просвещён словом», т. е. учением этой секты, есть ангел «*видимый*», потому что он ближе к Богу, «*видит* Бога»; непросвещённый словом, т. е. не принадлежащий к секте *ново-хлыстов*, – ангел «*невидимый*», ибо он удалён от Бога, «*невидит* Бога»; злые ангелы – это те люди, которые приняли учение *ново-хлыстов*, но у которых дела не согласуются с их учением, между тем как они имеют дерзость против Бога считать Его в себе. Следовательно, начало в мире зла не от злого духа, а от самого человека, или вернее – от природы, которою прельщается человек. Ангелы существуют единственно для прославления Бога, посему Иисус Христос явится во второй раз «на лицах ангелов *видимых*», т. е. на лицах *ново-хлыстов*.

Мы уже видели, что *ново-хлысты* совершенно отвергают христианское учение о первородном грехе; отсюда уже естественно вытекает и их лжеучение о лице Господа нашего Иисуса Христа: отвержение учения о Нём, как о Спасителе мира. В своём лжеучении о лице Спасителя *ново-хлысты* не только исказили учение о Нём христианское, но и резко отвергли учение хлыстов об их лжехристах. Хлысты верят в

постоянное непрерывное перевоплощение Иисуса Христа и почитают за «христов» более выдающихся своих вожаков, окружающих себя «богородицами», «апостолами» и «пророками», *ново-хлысты* всё это учение хлыстов, весь этот религиозный их культ называют «сумасбродством». Вот, напр., мнение Бондаренко, ученика Козина, о лжехристах хлыстовских. На вопрос наш, есть ли и у них свои христы, Бондаренко ответил: «какие там христы? христов теперь нигде нет; да и можно ли простого мужика считать за Христа видимого? Разве это не выходит безумное идолопоклонство, когда хлысты становятся перед своими христами на колени, целуют их ноги и воздают им многие другие видимые божеские почести? Ведь Христос хлыстовский, по их же учению, рождает своих учеников духовно, а поклонения от них требует себе видимого; значит он не Христос, а от слов: «и родил» – «Ирод».

По учению *ново-хлыстов*, Иисус Христос был обыкновенный человек: зачался Он и родился, как и все люди; никаких чудес Он не творил, да и не мог творить, потому что их на земле никогда и не было. Словом, Христос, учат сектанты, был простой человек, а не Богочеловек. Но Он имел в себе Духа Божия (т. е. принял учение *ново-хлыстов*) и посвятил всю свою жизнь тому, чтобы свидетельствовать словом о Боге. Слово Его в некоторых вселилось, вследствие чего они приблизились к Богу; но многие из людей не поняли Его учения и распяли Его, отчего Он назван Христом, что означает «распятый» (!?). После смерти Христос, учат сектанты, воскрес, т. е. воскрес своим учением в душах своих последователей, и вознёсся на небо, т. е. «на них бо», – на главы своих учеников духом. «Это только вы, говорят *ново-хлысты*, православные, осиротели, ибо ваш Христос ушёл от вас куда-то на небо, у нас же внутренне во всех всегда Он пребывает». На этом основании *ново-хлысты* любят говорить, что в них во всех Христос и они все во Христе.

Сильно верят *ново-хлысты* тому, что Христос придёт вторично, но не как Бог, а как могущественный человек, который будет жить на земле несколько лет, и слава о Нём пройдёт по всему миру. Придёт Он для того, чтобы обличить тех, которые не приняли учения *ново-хлыстов*. Обличение Его будет так

сильно, что совесть каждого человека как бы сожжёт его, во избежание чего и нужно каждому поспешить вступлением в секту ново-хлыстов. Впрочем, по убеждению сектантов, православие существовать не вечно будет: рано или поздно (скорее всего тотчас после пришествия их христа) восторжествует их учение, после чего почти каждый поспешит присоединиться к ново-хлыстам и будет блаженствовать с ними, каковое блаженство (внутреннее, духовное) сектанты и теперь имеют, так что лучшей награды за их веру и жизнь уже более им не будет, да её им и не нужно. Те же люди, которые почему-либо не поверят имеющему вторично явиться ново-хлыстовскому христу, чрезвычайно сильно душой будут мучиться, что видели его, но не приняли и тем сами удалили себя от блаженства.

(Окончание будет).

Э. Я. Миссионерство, секты и раскол // **Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 32–53**

(Хроника)

Содержание: Интеллигентное сектантство и его отношения к народному. Историческая постепенность в развитии сектантской догмы. Переживаемый новейшим сектантством кризис и интеллигентные попытки к объединению лжеучения рационалистических толков. Восприимчивость сектантства к религиозно-социалистической пропаганде и вожделения конституционалистов. Антихристианское направление в сектантстве. Анонимные сектантские произведения и трактаты и их вредные тенденции. Новые пути и оригинальные способы сектантской пропаганды. Интеллигентные проповедники сектантства, в роли странников – пилигримов, чернорабочих и мелких торговцев. Тенденциозные народные издания и журналы. Заграничный орган штундистов по поводу распространения безбожных сочинении графа Л. Толстого. История Штевен с миссионерской точки зрения. Успехи штундо-баптизма среди молоканства. Тифлисская община. Штунда среди молокан Самарской и Таврической губернии. Где „свободно“ живётся на Руси штундо-баптистам? Штундизм на почве мистических сект и старообрядчества. Новые секты „Мормонов и Грачевцев“. Религиозные воззрения и общинный быт Ставропольских жидовствующих сектантов. По поводу статьи Недели „Самарские еретики“.

В январском нашем обозрении современного состояния новых и старых толков рационалистического сектантства мы коснулись вопроса об опасностях, вызываемых настойчивыми попытками интеллигентного сектантства стать руководителями тёмной массы последователей народных новейших ересей.

Явление это служит действительным и важным фактором, с которым миссии Церкви приходится серьёзно считаться и который в будущем грозит крупными осложнениями существующей сектантской болезни. В настоящий раз мы остановим внимание читателей на фактической стороне

указанного вопроса. Численный рост новейших сект, как сказано было ранее, в последние годы относительно приостановился, но за то прогрессирует с большей силой внутреннее развитие этих сект, выражающееся в стремлении к формальному самоопределению и логическому обоснованию догмы своего лжеучения. В истории всех наших народных сект наблюдается одно, общее всем им, явление – это преобладание (в первой стадии жизни отпавших в новую секту) отрицательной стороны учения над положительной. Всякий отпавший от православия легко скажет, *во что он не верует* и что отрицает из учения православной Церкви, но никак не может дать не только более или менее определённого, но и какого бы то ни было, ответа на вопрос: *во что он верует ныне*, при соращении в сектантство.

Если вы сразу беседуете по этому предмету с несколькими сектантами, то все они будут разноречить друг с другом в ответах на вопросы о положительном учении своей секты, а в конце концов скажут собеседнику: «вы просвещённые, а мы люди тёмные и малограмотные», и попросят «распытаться на счёт их новой веры у Петра или Ивана», (вожаков), которые дело понимают-де лучше всех других и могут дать ответ о их уповании... Не согласны в своих понятиях и сами вожаки. Такое преобладание отрицательной стороны над положительной, составляющею обыкновенно главное содержание секты в первый период её жизни, естественно становится недостаточным для дальнейшего её развития. Это, более или менее, скоро же сознаётся передовыми представителями общины (но отнюдь не всей массой: последняя в сектантстве чрезвычайно темна в вопросах веры). Тогда начинается период искания положительных формул содержания исповедуемой сектантской общиной новой веры, период относительной разработки положительной доктрины сектантства. Для многих сект – это период *критический*, так как выработать свой устойчивый положительный строй мировоззрений и правил жизни несравненно труднее, чем жить отрицанием существующих, унаследованных от предков, уставов церковной и бытовой жизни. С этого периода для одних сектантских общин начинается период разложения и дробления на под-секты, а для

других – слияние с толками, более родственными по духу, и притом, более близкими к истине христианского учения, а потому и более устойчивыми. Задачи миссионерского наблюдения состоят в том, чтобы не упускать из виду ни на минуту этих периодов развития в жизни сект. В частности, современной противо-сектантской миссии необходимо знать, что наше новейшее сектантство пережило изложенный первый период в своей новой религиозной жизни и вступает уже во второй трудный процесс внутреннего самоопределения. Наблюдения доказывают, что в последние именно годы сектантский рационализм ищет выражения в одной общей форме и стремится в лице передовых представителей своих к более устойчивому религиозно-философскому обоснованию своей догмы; вследствие чего делаются постоянные попытки к сближению и объединению в одно целое многих толков и разновидностей современных сектантских лжеучений. Ещё на втором миссионерском съезде в Москве 1891 г. упоминалось о существенных попытках передовых сектаторов объединить рационалистическое сектантство в одной форме, «чтобы дружнее действовать против православия и в интересах успеха своей ереси». На съезде предполагалось, что со временем господствующей формой русского рационалистического сектантства будет штундо-баптизм, который в последнее двадцати-пятилетие значительное получил распространение не только среди православных, но и среди молоканства, штунды духовной, пашковщины, и даже среди беспоповщинского раскола.

В настоящее время едва ли можно вполне согласиться с упомянутым предсказанием съезда миссионеров. Секты наши, в большинстве своих последователей, скорее всего способны объединиться на почве такого религиозного лжеучения, которое, разрешая вопросы веры, в тоже время не оставляло бы без ответа и социальных интересов общественной и государственной жизни. И потому будущее предстоит интеллигентной религиозно-рационалистической доктрине, а не народной, какой является штундо-баптизм. Не надо забывать, что все секты, выходя из одностороннего теократического

взгляда на жизнь общества и формы управления государственным, относятся крайне критически ко всем современным формам и строю не только церковной, но и общественной жизни православного отечества и таят в сердце своём совершенное недовольство ими. И вообще почва сектантства очень удобна для воздействия либеральной «интеллигенции» на народную массу. Сектантство тёмную массу народа делает восприимчивой ко всякому ветру учения, как сбитую с пути её исторических устоев, а этого только и нужно всевозможной «интеллигентной пропаганде», давно стремящейся овладеть мировоззрением народа, чтобы растлить его потугами либерального прогресса. Пока «интеллигентная» пропаганда 60-х годов подходила к народу слишком грубо и слишком прямо обнажала своё нигилистическое мирозерцание, диаметрально противоположное мирозерцанию набожного народа, масса не поддавалась обольщению и сторонилась от просветителей «блажных». Теперь эта пропаганда может принять и уже начинает принимать более тонкие и более обманчивые формы, являясь в библейской оправе рационалистического сектантства.

Враждебно настроенные к православной Церкви вместе и к государственному строю русской жизни наши интеллигентные конституционалисты, по-видимому, давно поняли эту слабую сторону народного сектантства и потому являются к нему в последние годы с своими настойчивыми услугами, пытаясь внушить сектантам, ограниченным русскими законами в свободе пропаганды своих лжеучений, что религиозные стеснения в России и меры административного пресечения развития сектантства среди православного населения – результат монархизма и что свобода исповеданий возможна в нашем отечестве только с падением «царско-чиновничьего режима», при конституционных порядках государственного управления.

Конституционалисты лелеют надежду, что они в своих «бессмысленных мечтаниях» найдут себе в последователях сектантства верных товарищей и союзников. Достоинно внимания, что, в своих настойчивых стремлениях добиться равноправия с господствующим православием, все секты

протестантского направления временно вошли в союз, оставив мелкие догматические разногласия... Эти ухищрения, по-видимому, интеллигентных пропагандистов, хотя и несомненно бесплодные, повсеместно подняли снова дух сектантов в последние месяцы, как об этом сообщают нам миссионеры.

Видимым результатом интеллигентного содействия народному сектантству служит, между прочим, рождение среди последователей наших сект особого типа сектантов – рационалистов. Последние, содержа одинаковое со всеми прочими рационалистическими сектами отрицательное учение в отношении догматов, обрядов и установлений православной Церкви, отрицают Божество Спасителя мира, признавая Его за великого учителя; крестную же смерть Богочеловека считают спасительной лишь в том смысле, что она служит вечно ободряющим примером для всех страдальцев за правду и истину. Священное Писание сектанты этой группы не признают богооткровенным и незыблемым источником веры и допускают полный произвол не только в понимании и толковании Св. Писания, но и в выборе из него тех или других мест, сообразно со своим суемудрием, – причём тексты, обличающие их лжеумудрование считают позднейшими интерпелляциями (вставками), сделанными будто бы «церковниками» (иерархией) и правительством в своих интересах господства «над званым в свободу» – народом Божиим. Главным, руководящим в жизни людей, законом, признают не заповеди Господни, а разум, совесть и благо личной и общественной жизни людей.

Направление это, отличаясь некоторыми претензиями на религиозно-философское обоснование своей догмы, появилось и распространяется среди тёмной массы штундистов, конечно, не самостоятельно, а при участии и живом содействии интеллигенции. В руках передовых представителей народных сектантских общин попадают рукописные анонимные произведения, несомненно принадлежащие интеллигентным авторам, в форме религиозных сектантских трактатов, в катехизическом популярном и даже простонародном изложении. Одни из таких произведений заключают в себе исповедание веры, в духе упомянутого направления, другие же – популярные

комментарии на св. Писание, аллегорические, в библейском духе, рассказы, а также и апологии рационалистического сектантства. В религиозном отношении произведения эти имеют задачей провести в сознание народа не только противочерковные и противогосударственные, но и прямо противохристианские *деистические и пантеистические* взгляды на Божество, мир и человека. Догматы отечественной Церкви, весь её строй и служителей её лица этого направления подвергают самой язвительной и беспощадной критике и осуждению, трактуя учение православия, как нечистое учение, содержащее еврейские легенды: Ветхий Завет не признают они нужным для христиан, а Евангелие не считают святой и богодухновенной книгой; заповеди Закона Божия отрицаются и заменяются законом «совести»; нужная для благоугождения Богу вера определяется ими «как совокупность убеждений», руководящих жизнью человека и т. д. В довершение всего эти сектантские трактаты не ограничиваются областью веры, а останавливаются преимущественно на вопросах чисто общественных и разрешают таковые только по-видимому на религиозной почве, при посредстве ряда ссылок на библейские тексты, но в духе социализма и не везде даже прикровенного. Особенно часто затрагиваются и тенденциозно разрешаются вопросы о благе всех людей, свободе, равенстве, братстве, властях, о государственных повинностях, присяге, войне и судах...

Противо-сектантская миссия, чтобы во всеоружии вести дело борьбы с этими опасными течениями в нашем сектантстве, должна внимательно следить не только за происходящими в мире сект явлениями, но за *теми путями*, по которым идёт современная пропаганда сектантских лжеучений. Пути же эти весьма разнообразны, и мы отметим из них лишь наиболее характерные. И в этом отношении наше время представляет не мало новых и неожиданных скрытых и хитрых приёмов пропаганды⁵⁹, гораздо более опасных для православного народа, чем те, которые употреблялись в первый период жизни сектантства немецкими простонародными проповедниками лжеучения. Из таких новых способов пропаганды должно

обратить внимание приходской миссии на распространение лжеучений странниками – сектантами. Известно, что народ наш искони любит «странничков Божиих» и относится к ним с полным доверием. И вот в последнее время иногда появляются странники, по внешнему своему виду ничем не отличающиеся от традиционного типа странников. Тот же длинный кафтан, – отращенные волосы, котомка за плечами, посох в руке. Появляются они в монастырях, заходят в церковь и по-видимому молятся, крестятся (хотя не часто). Затем, без всякого труда сходятся с простым людом, с богомольцами, которые всегда не прочь послушать интересного рассказчика, много на своём веку исходившего по св. местам. И вот тут-то начинается пропаганда сектантства, пропаганда осторожная, ловкая, замаскированная, медленно вливающая яд духовного растления в раскрытое доверием сердце простолюдинов, особенно из богомольцев. Сатанинская хитрость достигает своей цели: чего нельзя сделать прямой проповедью, то достигается под маской благочестия; чего не стали бы слушать от штундистского пресвитера, то легко усвоят от чтимого странника. Здесь обман почти неуловим в своих действиях и не искореним в своих пагубных последствиях.

Странники – сектанты чаще из фанатичных добровольцев интеллигентов, чем из простолюдинов. Года два назад в Киевских обителях появился из далёкого севера (Архангельска) такой интеллигент, проповедник пашковщины: молодой человек, симпатичной наружности, занимал хорошо обеспеченное место (в 1200 руб. жалования); совращённый Петербургскими «дамами большего света» в пашковскую секту, несчастный фанатик оставил дом, родную семью, старика – отца и, одевшись в подбитый ветром полукафтан, пошёл странствовать по белу свету с проповедью о спасении «одной верой без церкви, таинств, без креста, поста и попа». В Курске пристал к сектанту – пилигриму какой-то «недужный» шальной купеческий сын. Самозванные учителя сняли в Киеве квартиру, куда зазывали из начлежных домов и монастырских странноприимниц слушателей и слушательниц из простого народа и вели с такими беседы о вере по целым ночам, пели и

пили чай. Но к счастью не долго этим проповедникам пришлось сеять свои плевелы на Киевской благодатной ниве.

Другие из интеллигентных проповедников сектантства с университетскими дипломами – навязываются за дешёвую цену (наприм., 1 руб. 50 коп. в месяц) к крестьянам в работники. Так, между прочим, ведётся пропаганда толстовщины на Кавказе, среди духоборья и молоканства. При этом один из таких проповедников – работников, плохо умеющий возделывать поля, усердно трудится над разработкой, по его выражению, молоканской засорённой почвы, очищая её от трёх пунктов помешательства, т. е. веры: *в богодухновенность св. Писания, в божественность Спасителя и в чудеса...* А хозяин молоканин, вероятно, и не подозревает коварства «дешёвого батрака».

В близком духовном родстве с упомянутыми типами проповедников странников и рабочих стоит и тот проповедник баптизма, который, по свидетельству «Камчатск. Епарх. Вед.», распространяет своё лжеучение в далёком Амурском крае. Этот проповедник (фамилия его Делака) – довольно тёмная личность. Он родился несторианином в Месопотамии. Явившись в Россию, он перешёл сначала в молоканство, потом в штундизм, и наконец, сделался баптистом, а далее перейдёт в толстовщину. Лжеучение его пока распространяется среди молокан. В столице, а равно и в других больших городских центрах, где привилось новейшее сектантство, как напр., в Киеве, Харькове и Одессе, для распространения лжеучений среди простого народа практикуются свои особые приёмы и учреждён целый штат миссионеров – торговцев, которые. под предлогом торговли, скитаются около фабрик, извозничьих квартир и других мест, где бывает постоянное скопище народа. Заходят они и в кухни господских квартир и всюду, предлагая свой товар, заводят разговор о божественном и стараются совратить простодушных людей в свои погибельные ереси. Между этими замаскированными торговцами часто встречаются книгоноши, продавцы суровых товаров, тёплых рубах и рукавиц, разносчики чая, сахара, мяса, рыбы, дичи, овощей и фруктов. Все они очень мало заботятся о выгодной продаже

своего товара, который и носят собственно только для прикрытия своей действительной цели, а главным образом стараются о совращении возможно большего числа людей в своё учение; за что получают несравненно большее вознаграждение, чем сколько могла бы дать им торговля. С.-Петербургский Духовный Вестник⁶⁰ так описывает преступную пропаганду этих миссионеров сектантства. Заходит такой книгоноша в квартиру рабочей артели и предлагает купить книгу или другое что, у него есть ещё – перья, карандаши, чай, он принимает заказы на штемпеля, печати. Пока покупатель выбирает, что ему надо, он вынимает евангелие и начинает читать подчёркнутые места. Продавцы суровского товара, большей частью раскупаемого женщинами, и действуют среди лиц женского пола; последние легче, чем мужчины, поддаются убеждениям красноречивых проповедников. Продавцы тёплых фуфаяк и рукавиц раскидывают свои сети преимущественно по дворницким, так как дворники всегда себе покупают на зиму тёплые рубахи. Разносчики рыбы, мяса и овощей избирают для своей деятельности мелкие квартирники бедных кварталов. Разносчики дичи и фруктов ходят по кухням господских квартир и легко совращают с пути истины простодушных, доверчивых и в большинстве случаев безграмотных деревенских женщин и девушек.

Но намечены и облюбованы сектантской пропагандой и другие более удобные пути засорения народной мысли и медленного, но верного отравления православного самосознания и чувства простого народа. Это народная литература и школа. Особенная бдительность в этом отношении должна быть со стороны пастырской миссии – именно в настоящее время какой-то лихорадочной суетливости в области народного образования. Среди интеллигенции и около этого дела организуются целые кадры добровольцев, занимающихся составлением и изданием народных книжек. Появляющиеся на свет Божий новые книжки печатаются десятками тысяч и усердно распространяются во всех и даже самых далёких, уголках России. Фабрикуются все эти издания «для народа» все теми же «интеллигентами», мировоззрение которых полу-

сектантское, полу-атеистическое, а больше материалистическое и легко укладывается в рамки всяких штундистских отрицаний, в отношении коренных устоев нашей церковной и народной общественной жизни. Понятно, что в произведениях таких авторов не могут не проглядывать, хотя бы при самой строгой цензуре, если не прямо мировоззрение таких авторов, то их взгляды, симпатии и т. д.

Целая серия таких религиозно-народных изданий сектантствующей интеллигенции, ныне в большинстве своём запрещённых к распространению среди народа, принадлежит закрытому в 1885 году «Обществу распространения религиозно-православного чтения». Общество это служило органом пашковщины. Во главе издательского дела стоял своей инициативой и капиталом известный глава пашковской секты отставной полковник В. А. Пашков, Барон Корф и К°.

К тому же антицерковному типу принадлежат и издания известной фирмы «Посредник». В последние годы фирма эта сделалась органом Толстовщины. Издания фирмы «Посредник», составленные занимательно и народно, имеют широкую распространённость среди грамотного народа и даже на самых отдалённых окраинах. Особенно любимы книжечки Пасредника сектантами. На Кавказе, напр., последователи такой темной секты, как духоборческая, которая искони относилась враждебно к грамотности и ко всякой книжке, и те зачитывались «Эпиктета, Сократа, Диогена, Фабиолы» и др.; оттуда между прочим почерпают просветление своих религиозно-социальных понятий, а может быть, и вдохновение для печальных событий в духоборье последних двух лет.

Большой пользуются популярностью у сектантов разных толков и периодические издания – «Воскресная Беседа», издаваемая в С.-Петербурге княгиней Щербатовой, и «Братская Помощь», издаваемая в Саратове с 1888 года, членом судебной палаты г. Устимовичем. Первоначально последний журнал преследовал только цели благотворительности, но потом расширил свою программу и сделался журналом, посвящённым разрешению вопросов общественной жизни на началах христианской любви.

По отзыву органа С.-Петербургской Академии журнал г. Устимовича является проводником протестантских идей, лёгших, как известно, в основу учения большинства наших рационалистических сект. При этом редактор очень часто наполняет свой журнал перепечатками того, что из литературы цензурой изъято и признано вредным по направлению. Так, г. Устимович перепечатывает в свой журнал пашковские брошюры и статьи из пашковского журнала «Русский Рабочий», журнала запрещённого и давно изъятого из употребления, причём не везде даже указывает эти заимствования. При этом журнал явно избегает тем и предметов православно-церковного содержания. Как относятся сектанты к журналу почтенного судебного деятеля, вот что рассказывает один священник в Церковн. вестнике. «Входя в дом одного из вожаков сектантов – баптистов, я увидел прибитым на стене в переднем углу лист, окрашенный в светло-голубую краску и испещрённый без всякой связи текстами из Евангелия и Апостола, напечатанными крупными чёрными буквами. Сверху листа к этим текстам шли лучи в виде полукруга, а снизу под текстами помещена подпись громадными чёрными буквами: «Памятка Братской Помощи. Устимович». Хорошо зная недоверчивость наших сектантов к религиозно-нравственной литературе православных писателей, я весьма заинтересовался журналом «Братская Помощь» г. Устимовича, о котором до сих пор имел смутное представление. Расспросил о содержании этого журнала сектантов, и они дали мне о нём самые блистательные отзывы». Совершенно откровенно и прямо служат пропаганде лжеучения сектантства и раскола гектографические станки и скорописные машины Риненгтона и др.

Исполнительным органам административной власти при наблюдениях за сектантской пропагандой приходится встречать гектографированные вероизложения и обрядники сектантов, дневники и копии с писем более уважаемых вожаков сектантства или интеллигентных любимцев последних, как напр., гр. Л. Толстого, кн. Хилкова, В. А. Пашкова. Машины Риненгтона очень усердно служат тайному изданию религиозно-социальных и моральных произведений графа Л. Толстого. На

юге России и на Кавказе открыты целые мастерские по изданию ручными способами новых творений смелого сочинителя нового христианства и составителя барственного евангелия. Настолько широко распространение запрещённых сочинений гр. Толстого, что даже заграничный орган русской штунды в одном из последних своих № истекшего года с тревогой замечает о распространении в России в тысячах экземпляров (среди последователей сект) последнего сочинения гр. Толстого «Царствие Божие внутри вас или христианство, не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание», и предостерегает последователей своих сект от увлечения богохульными воззрениями графа на основные догматы христианской веры. Вот до каких геркулесовых столбов дописался граф – беллетрист в области веры, что внушает страх за веру самым крайним сектантам.

Сектантская пропаганда давно обнаруживает стремление проникнуть за стены начальной народной школы. Почин в этом сделали ещё в 80 годах пашковцы в Петербурге учреждением школ и приютов без закона Божия и проч. В истекшем году обнаружился один очень характерный в этом отношении факт, наделавший довольно шуму в печати. Это история г-жи Штевен. Образованная и состоятельная светская барышня Штевен, которой, очевидно, наскучила пустота светской жизни, решила посвятить себя, свои знания, способности и материальные средства доброду делу народного образования. С этой целью она поселилась у себя в деревне (в Арзамасском уезде) и открыла здесь школу; потом начала и в окрестных сёлах постепенно открывать школы грамоты, учителями в которые назначала туда лучших учеников окончивших те же школы. Наконец, в 1894 году для лучшей подготовки учителей она открыла у себя в деревне Яблонове летние учительские курсы. На первых порах деятельность г-жи Штевен пользовалась сочувствием населения, поддержкой со стороны местного духовенства и даже покровительством высших властей. При таких благоприятных условиях школы г-жи Штевен быстро открывались одна за другой. Но очень скоро положение дела совершенно изменилось. Прежде всего изменили свои

отношения к школам г-жи Штевен сами крестьяне. Среди них начали ходить рассказы о том, что один из назначенных Штевен учителей ел в Великий пост скоромное и потчевал им учеников, другой не ходит в церковь и т. п. Эти рассказы побудили и местное приходское духовенство, в ведении которого должны по закону находиться все школы грамоты, отнестись повнимательнее к деятельности г-жи Штевен. При этом обнаружились некоторые обстоятельства, вызвавшие у приходских священников недоверие к просветительной деятельности Штевен: оказалось, например, что г-жа Штевен близко знакома с известным Пашковым и в учителя своих школ она старалась определять бывших учеников Пашковских училищ, а сами школы свои нередко снабжала книгами и брошюрами, частью не одобренными и не рекомендованными Учебным Комитетом при св. Синоде, а частью даже прямо запрещёнными. Наконец, из официальных донесений Нижегородскому епархиальному училищному совету от его отделений и от священников – наблюдателей выяснилось, что некоторые из штевенских учителей оказались неблагонадёжными в религиозно-нравственном отношении, а одна учительница была устранена от должности по политической неблагонадёжности. По получении всех этих сведений Нижегородский епархиальный училищный совет постановил: воспретить г-же Штевен всякую деятельность по открытию и организации школ грамоты в Нижегородской епархии, освободив её от звания попечительницы тех школ, при которых она в этом звании состояла («Церк. Ведом.» 1895 г. № 29).

Эта «штевенская история» представляет для нас двоякий интерес. С одной стороны, несомненно, что штевенские школы являлись проводниками в народ идей Пашкова. Толстого и других современных вольнодумцев. Если влияние этих школ, может быть, ещё не успело сказаться значительным заражением народа, то за это мы должны быть благодарны только бдительности местного духовенства и своевременно принятым мерам епархиального начальства. Без этого же штевенские

школы грамоты, наверное, в скором же времени сделались бы школами пашковщины, толстовщины и т. п.

В современной жизни старых рационалистических сект мы в прошлый раз отметили одно интересное для миссионерства явление, – это отсутствие в последних прежнего самодовольного покоя и устойчивости в воззрениях, вследствие чего секты эти представляют ныне удобную почву для пропаганды идей новейшего сектантства. О молоканстве миссионерские отчёты сообщают, что штундо-баптизм проник во все главнейшие центры этой секты и имеет там видимый успех. Так, в Тифлисе штундо-баптистическая община, довольно многочисленная, исключительно составила из отпавших от молоканства; большинство из членов этой общины люди богатые (купцы); один из Тифлиских баптистов некто г. Ф-лов владетель целого квартала домов. Общинное моление, обыкновенно, у него отправляется в роскошной гостиной, под сенью целого леса комнатных цветов и растений; в этом отношении Тифлисская моленная Ф-ва не уступит моленным салонам столичных пашковисток.

Во Владикавказе идёт ожесточённая борьба между баптистами и молоканами. Нужно заметить, что молокане поселены в этом городе сравнительно недавно из Закавказья, по инициативе одного администратора, желавшего осчастливить город русским элементом, во к сожалению не знавшего, как и многие другие деятели Кавказской окраины, ничего лучшего в России, кроме сектантов... О происках молокан местные баптисты отзываются с ожесточением и говорят, что «православные обыватели сравнительно с молоканами кроткие агнцы и что нет той клеветы и злобного навета, которых бы не решались молокане взвести на местных баптистов... Среди молокан Самарской губернии также успешно распространяется штундо-баптизм, причём в Николаевском уезде штундизм привился в форме евангелизма, а в Новоузенском – в форме баптизма. Причина этого, по отзыву миссионера о. Матушевского, заключается в различии религиозных воззрений проповедников лжеучения в том и другом уезде.

Насадителем штундизма с характером евангелизма были Игнатий Саяпин и его ученик Борис Федюнин; пропагандистами же баптизма являются Ив. Шапошников и книгоноша Саратовского библейского общества Дубовский мещанин Яков Деляка (Сириец). Нужно заметить, что между этими пропагандистами не было розни: их объединяла вражда к православию и они даже вместе совершали миссионерские путешествия. Внимание пропагандистов штундизма было первоначально устремлено на вожаков и влиятельных лиц в среде молоканства, которым, в случае перехода их в штунду, предоставлялось право пресвитерства и духовного руководства. Начётчики молоканские превращаются в штундовых пресвитеров. В деле распространения штундизма среди молокан играют также немалую роль и родственные между ними связи.

Отмечены в отчёте св. М-ского следующих два характерных эпизода из истории насаждения штундизма в Николаевском уезде. Начётчик Андросевских молокан Песков самостоятельно дошёл до убеждения, что молоканство, через отрицание внешних проявлений в религиозных чувствах, впало в противоречие с евангельским учением; склонил он к этой мысли и своих единомышленников, создать же своей секты он не мог. Штундист Федюнин воспользовался этим обстоятельством и насадил в среде Андросевских молокан штундо-евапгелизм; многие из них приняли крещение от вожака штундо-баптизма Шапошникова.

Интересен также следующий эпизод из пропагандистской деятельности штундистских вожаков, характеризующий настроение молокан по отношению к незванным учителям новой веры. Штундистские вожаки: Н. Шапошников, Я. Деляка и Б. Федюнин однажды посетили собрание Яблоно-Врагских молокан в воскресный день: в этом собрании был Самарский молоканский начётчик Чернышев. Между Шапошниковым и Чернышевым произошёл горячий спор по поводу «*вводного*» крещения. Перевес был на стороне Шапошникова, доказавшего на основании слова Божия необходимость *водного* крещения. Чернышев, будучи не в состоянии опровергнуть эти доводы,

прибѣг к следующей молоканской уловке: «в какое время дня вы крестите»? он спросил. – Федюнин ответил: «ночью». – «Если ночью, то вы тати, следовательно, не христиане». Это возражение Чернышева произвело полный эффект. Спор кончился тем, что непрошенных проповедников изгнали с посрамлением.

Были попытки насадить штундизм в других местах Самарской епархии, но особого успеха не имели. Численность последователей обеих фракций штундизма в Самарской епархии простирается свыше 700 человек обоего пола.

В Таврической губернии штундизм также сделал значительные успехи на счёт молоканства, откуда отпал известный капиталист Захаров, который строит дома – моленные для штундистов не только в своей местности, но и в Саратовской губернии, в Оренбургской, в то же время не оставляет своими благотворениями и молокан. В Таврической губернии, как сообщает нам о. Миссионер Тихвинский, возбуждѣн духовным ведомством перед администрацией вопрос, подлежат ли штундисты, вышедшие из молоканства, относительно своих собраний закону 4 июля 1894 г. Дело в том, что штундисты, под видом молокан незаконно укрывались от действия упомянутого закона. Разумеется закон 4 июля 1894 года не предоставляет никаких изъятий в этом отношении. Все исповедующие штундо-баптизм, за исключением природных немцев, относительно своих богомолений должны подчиняться действию упомянутого Высочайше утверждѣнного положения. Между тем, оказывается, закон этот не везде одинаково применяется и понимается. В г. Владикавказе, напр., мировой судья даёт закону этому распространѣнное толкование, не смотря на разъяснения администрации, что закон изъятий не имеет для русских баптистов или баптистов из молокан. По поводу подобного разъединения в действиях администрации и агентов суда и самих судебных учреждений между собой, Редакция наша имеет в своём портфеле очень интересный документ, в котором сообщается: «где свободно» живѣтся «людям Божиим» (штундистам) и высказывается недоумение, почему одни из их братьев пользуются покровительством закона

о немецких баптистах 1879 г. 27 марта, другие – законом 3 мая 1883 г., третьи подведены под действие закона 4 июля 1894 г.

При этом недоумение разрешается так: *у нас в России в деле применения закона к жизни, очень много значит характер исполнительной власти, которая может вести дело по своему желанию, не смотря ни на какие повеления свыше. Либеральные правители смягчают действие закона, – консервативные, наоборот, ещё более делают его суровым.* (Курсив подлинника). По отзыву того же документа сектантского, в губерниях Саратовской, Бакинской и Самарской, в Харькове, Екатеринославе и Елисаветполе собрания происходят беспрепятственно наравне с молоканами. Хотя молитвенных домов не позволяют строить, но братья собираются открыто, а в некоторых с соблюдением некоторых предосторожностей. В Таврической губернии баптисты на практике подведены под закон 1879 г. наравне с немцами. Sapienti sat!..

В Самарской губернии появилась новая секта под названием «мормонство», представляющая собой редкое явление в истории сектантства, – объединение мистических и рационалистических начал сектантства в одном толке. Почтенному профессору Казанской академии Н.П. Ивановскому, в качестве эксперта, удалось собрать немногие сведения об этой секте, на основании которых он приходит к заключению, что секта представляет собой штундизм, усвоивший некоторые из чисто хлыстовских понятий. От хлыстов мормоны заимствовали главную отличительную особенность этой секты – *радения*. Они радеют не только на собраниях, но и во всякое другое свободное время, где случится, напр., в поле во время послеобеденного отдыха; кружатся в одиночку и вместе, – иногда полураздетые; во время радений поют разные песни. Подобно хлыстам, они думают, что во время радений на них сходит «дух»: есть у них и «живой бог», – тоже как у хлыстов. Вступающие в секту дают клятву хранить тайну, не слушаться ни отца, ни матери, а слушаться только «живаго бога» и делать то, что он велит. Всё это – признаки чисто хлыстовские. Но, с другой стороны, эти сектанты едят мясо, не крестят младенцев, живут невенчаные открыто с одной женщиной, не отвергают

брака и только от церковного венчания уклоняются; некоторые из них никогда не причащаются, иные же, если и причащаются, то перед причастием едят из желания показать неуважение к святыне. По отношению к иконам сектанты с настойчивостью и не скрывая проявляют свой изуверный фанатизм, на ликах икон выкалывают глаза, уродуют весь лик уколами шила, или другого какого орудия, в церковь если и ходят, то изредка и только некоторые. Эти признаки совершенно чужды хлыстовству и характеризуют штундизм. Таким образом, новая секта представляет собой смешение мистических элементов хлыстовства с рационализмом новейшего штундизма. Признаём ли мы это новое лжеучение штундизмом, усвоившим некоторые особенности хлыстовства, как думает проф. Ивановский, или же хлыстовщиной, подвергшейся влиянию штундизма, или, наконец, сектой по своему началу самостоятельной (все эти предположения при скудости сведений о новой секте представляются одинаково вероятными), – во всяком случае возникновение новой секты есть явление прискорбное, особенно если принять во внимание, что и так уже религиозным сектам и толкам разных наименований у нас почти и счёт уже потерян.

О зарождении новой секты сообщают и из Ставропольской епархии. Последователи этой секты получили название «грачевцев». Учение их представляет собой смесь старообрядчества с шалопутством. На съезде окружных миссионеров, бывшем в Ставрополе в августе истекшего года, на эту секту было обращено серьёзное внимание. На том же съезде был констатирован также факт почти повсеместного движения *шалопутов в баптизм*. Это явление, отмеченное в своё время и во Всеподданнейшем отчёте г. Обер-Прокурора св. Синода за 1890–1891 гг., показывает, что противоположность между сектами рационалистического и мистического характера далеко не так велика, как кажется с первого взгляда. При некоторых условиях мистицизм и рационализм могут даже уживаться вместе, как это и видно, напр., в ново-появившемся «мормонстве».

Интересные сведения находим в миссионерском отчёте Ставропольской епархии о секте жидовствующих.

Наиболее выдающимися центрами жидовствующих в Ставропольской епархии являются – станица Михайловская и село Высокое. Появление сектантов в с. Высоком относится к концу XVIII ст. Жидовствующие переселились сюда из Тамбовской и Воронежской губ.; до 1866 г. они наружно были православными; в тайне же придерживались закона Моисея и были врагами православия. В 1866 г. они открыто оставили православную Церковь и организовались в секту; вожаком её в настоящее время считается крестьянин Степан Чернов: он венчает, обрезывает младенцев, совершает богомоления и различные требы. Число сектантов – свыше двухсот.

В станице же Михайловской жидовство возникло в 1845–46 годах. При переименовании ст. Александрова в село, а Козаков – в крестьян, несколько семейств пожелало остаться в казачестве и переселилось в станицу Михайловскую; сюда переселилось несколько семейств из ст. Тихорецкой; в числе новоприбывших оказалось 25 семейств жидовствующих; они и явились насадителями жидовства в Михайловской и ближайших станицах. Раввином в этой станице считается богатый и влиятельный казак Л-ко; число жидовствующих здесь простирается до 2000 душ обоего пола. Между ними оказались своего рода фарисеи, претендующие на особый почёт и святость, не желающие себя равнять с жалкими прозелитами из православия и иметь с ними общение в молитве: ибо они непосредственно происходят от жидов. Следствием такого самомнения коренных жидов явились две синагоги: одна – для прозелитов, другая – для коренных. Между теми и другими нашлись такие ревнители закона Моисеева, что пожелали иметь богослужение непременно на *еврейском* языке, хотя из них никто не знает ни слова *по-еврейски* – почему и явилась третья по счету синагога.

Под помещение синагоги отведена самая обыкновенная казачья изба; внутри синагоги мужчинам отведено место впереди, женщинам в задней части, которая отделяется от мужской – занавеской; у восточной стороны находится

аналогий, покрытый белой скатертью домашней работы, а на нём Библия на русском языке синодального издания; в углу шкаф – место хранения книг Закона. По середине мужской и женской половины стоят простые, не крашенные столы с светильниками из воска, вправленными в разную домашнюю, негодную к употреблению посуду. Раввин по одежде ничем не отличается от прочих членов; только на шее имеет шарф из белого атласа с мишурной бахромой по концам. Богомоления свои сектанты называют *литоргиями*, которые и совершаются таким образом. Раввин, подойдя к аналогии, набрасывает на себя полосатое покрывало с белым колпаком для головы и начинает читать заунывным речитативом псалмы или места из Пятокнижия Моисея: присутствующие следят по книгам за чтением и последние три слова каждого стиха повторяют хором также, как и раввин, заунывно.

Молитвенные собрания жидовствующих производят на присутствующих тяжёлое впечатление и навевают мрачные мысли: *слепые вожди руководят слепыми!*

Из отчёта окружного миссионера, священника М. Костко видно, что вопрос о времени пришествия Мессии – это главный камень преткновения жидовствующих. Все ветхозаветные пророчества касательно пришествия Мессии сектанты неправильно толкуют, где и кроется коренная причина их заблуждения. Первое такое пророчество, по времени, патриарха Иакова: «не отойдёт скипетр от Иуды... доколе не придет Примиритель» (Быт.49:10) толкуют в том смысле, что оно совершенно не приложимо ко Христу, согласно Его словам: «и блажен, кто не соблазнится о Мне.» (Мф.11:6; Лук.7:3). т. е. не признают Христа за Мессию. Кроме этого они дают означенному пророчеству и другое ещё толкование. Под Примирителем, предсказанным Иаковом, говорят сектанты, нужно разуместь Навуходоносора, а не Христа; Христос же Сам сказал: «не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч» (Мф.10:34). Пророчество патр. Иакова, по мнению сектантов, относится к Навуходоносору, так как он силой водворил среди Иудеев мир и отнял скипетр от Иуды. – Пророчество пророка Даниила, ещё более ясно и определёнno

указывающее как на время пришествия Мессии, так и на сам год искупления человечества крестной смертью Христовой, также превратно толкуется сектантами. Они исполнение пророчества Даниила относят ко времени Маккавеев. Да и выражение пророчества: «помажется Святый Святых» (Дан.9:24), по мнению сектантов, не относится ко Христу, так как нигде не сказано, чтобы Христос был кем-либо помазан.

Пророчества Аггея и Малахии о славе второго (Заровавелева) храма Иерусалимского (Агг.2:6–9) и о пришествии Господа в этот храм (Мал.3:1) сектанты толкуют в том смысле, что под храмом нужно разумеать «третий последний храм», о котором где-то говорится в Библии (?).

Само собой разумеется, что возражения жидовствующих по вопросу о времени пришествия Христа и толкования ими пророческих ветхозаветных мест, относящихся сюда, положительно не выдерживают критики: они до крайности наивны и смешны. Побиваемые по всем пунктам сектанты в своё оправдание говорят: «да мы согласиться можем, что Мессия пришёл, но Он не отменил старый закон».

По глубокому убеждению миссионера Костко единственная причина, по которой жидовствующие коснеют в своём заблуждении, лежит не в убеждении их в истинности их верования, но в грубом, закоренелом упорстве. Время и здравый рассудок, нужно надеяться, сделают своё дело.

В 4 № Недели помещена тенденциозная статья «Самарские еретики», в которой набрасывается неблагоприятная тень на деятельность епархиального миссионера о. Матушевского, который будто бы неосновательно, по неуместной ревности, желая отличиться перед начальством, отдал под суд, за принадлежность к хлыстовству, истинно православного человека, купца Прохорова, известного в городе благотворителя, бывшего церковным старостой, получившего благословение св. Синода и проч. Автор скорбит, что почтенный купец сидит в тюрьме, по постановлению следственной судебной власти.

Значит дело ещё в производстве и говорить в защиту или обвинение подсудимого нам бы с почтенным журналом

следовало повременить. Мы лишь заметим, что к хлыстовству принадлежали и не такие ещё «благодетели», как купец Прохоров.

В ответ на упомянутую статью Недели мы в следующий раз приведём ряд известных нам хлыстовских типов.

Э. Я.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1896 г.
№ 1–12. С. 53–58**

1) Что необходимо для успешнейшей борьбы с сектантством? (Отзыв о брошюре „Условия успешнейшей борьбы с сектантством“ И. Яновского, изд. 95 г.). С. 53–56

Мы не станем говорить о том, сколь велико зло сектантства, какая это опаснейшая язва в нашей церковной и государственной жизни, и потому, сколь необходима серьёзная борьба с ним, – спросим только: вполне ли правильно и целесообразно поставлена эта борьба, и если так, то сопровождается ли она надлежащими, желательными результатами?

К сожалению, на эти вопросы мы колеблемся дать утвердительный ответ. Опыт борьбы с штундизмом и другими сектами показывает, что наши старания в этом отношении далеко не всегда сопровождаются надлежащими результатами. Зависит это как от упорства и фанатизма сектантов, не поддающихся никаким мероприятиям, так и от недостатков и несовершенств самой борьбы с ними, от незнания или упущения из виду условий борьбы с сектантством. Помочь сколько-нибудь делу, показать (тем, кто не знает) условия, необходимые для успешнейшей борьбы с сектантством, и тем предупредить возможность в этом деле разных нежелательных случайностей и ошибок – является не только не лишним, но и необходимым... Эту то цель и имеет в виду рассматриваемая нами брошюра.

Снабжённая вначале эпиграфом, взятым из послания Ап. Павла к Ефес. (Еф.6:11,16) и выражающим главное существенное содержание брошюры, она состоит из двух отделов. В первом отделе указываются общие условия, касающиеся наших отношений к сектантству и борьбы с ним; во втором – частные условия, касающиеся вящих успехов пастырско-миссионерской проповеди. Частнее, в первом отделе говорится: 1) о необходимости полнейшей солидарности в отношениях к сектантству духовных и гражданских представителей и печати. Здесь автор касается не согласных с

интересами и видами православия отношений к сектантству со стороны некоторых членов нашего светского общества и органов печати, преимущественно, светской (следуют факты), и, показывая их вред и несостоятельность, приходит к мысли о необходимости всеобщего, единодушного и безраздельного согласия и соответствия интересам и видам православия, как единственного средства успешной борьбы с сектантством; 2) о необходимости дружной, единодушной борьбы с сектантством духовной и гражданской власти. В подтверждение того, сколь благотворными результатами сопровождается такое единодушное отношение к делу борьбы духовной и гражданской власти, приводится пример киевской епархии и других мест, где ведётся борьба с сектантством и где, благодаря совместным усилиям духовенства и гражданского начальства, сектантству нанесён решительный удар. В заключение высказывается желание, чтобы и православные миряне, православный народ, принимающий иногда участие в борьбе с сектантством, присоединились к общему сонму воинствующих, составили с духовной и гражданской властью одну общую, тесно сплочённую, дружину, направленную против одного общего врага – сектантства... Тут же приведён пример мирян херсонской епархии, показывающий, как мирянам – добровольцам поставить свою борьбу с сектантством (стр. 12–13); 3) о необходимости противодействовать сектантству всеми возможными способами и средствами, всячески (согласно словам Ап. Павла: Еф.6:11,16) как в деле пресечения, так и предупреждения сектантской заразы. Это – главный, центральный пункт брошюры. На ряду с другими мыслями, тут, между прочим, рассматриваются и разрешаются интересные вопросы: а) о частных и публичных собеседованиях с сектантами (и те и другие признаются важными и необходимыми в деле борьбы с сектантством); б) о методе ведения собеседований с сектантами (где доказывается, что миссионер должен являться как «отражающий» нападения сектантов, так и «нападающий» на них; с) о том, можно ли и полезно ли прибегать в борьбе с сектантством к насмешкам, угрозам, упрёкам и выговорам, брани и даже к кулачной расправе, как

это нередко практикуется в отношении сектантов среди мирян, особенно сельских жителей?.. 4) О необходимости для скорейшего поражения сектантства главным образом направить внимание на вожаков его, позаботиться прежде всего об их ослаблении, обращении, ибо в главаре, вожаке сектантства, как в фокусе, сосредоточиваются вся сила и крепость известной сектантской общины и пр. Мысль эта иллюстрируется между прочим фактом обращения в православие вожака Новоспасских шалопутов Екатеринославской губ., Мариупольского уезда Кулибки и вслед за ним его последователей, в количестве 17 человек...

Последним общим условием успешнейшей борьбы с сектантством служит её своевременность, необходимость вовремя приступить к борьбе с сектантством, каковое условие имеет громадную важность как для пресечения, так и для предупреждения сектантской заразы.

Во втором отделе частнейшими условиями выставляется то, чтобы, во-первых, проповедь пастырско-миссионерская проникнута была духом христианской любви и сопровождалась доброю жизнью пастыря-миссионера; во-вторых, чтобы пастырь-миссионер действовал против сектантства: а) непременно, временно и безвременно (2Тим.4:2) и б) совместно с другими приходскими пастырями и православными прихожанами-мирянами... Здесь (в последнем пункте), в противовес разрозненному, единоличному действию в борьбе с сектантством приходских пастырей, доказывается необходимость коллективной приходской миссии. В пример такого способа ведения борьбы с сектантством приводятся противо-сектантские миссионерские комитеты Екатеринославской епархии, основанные преосв. Серапионом (ныне покойным) с 85 года, которые и доселе действуют там, «принося благословенные плоды на поприще духовной брани с врагами православной Церкви» ... Тут же указывается на необходимость и целесообразность – для достижения возможно-больших результатов в борьбе с сектантством: а) каждому приходскому пастырю позаботиться об устройстве и образовании так называемых миссионерских кружков,

состоящих из наиболее деятельных ревнителей православия в среде прихожан-мирян... б) устройства епархиальных и окружных миссионерских съездов; в-третьих, чтобы приходский священник-миссионер был *всем для всех, да всяческая сохранит* (1Кор. 9:22), был не только духовным, но и телесным врачом своих прихожан, справедливость каковой мысли подтверждается примером обращения в православие одного вожака сектантов, а вслед за ним и всех его последователей, после обращения его за врачебной помощью в болезни к своему приходскому пастырю (39–41)... Из указанного сейчас краткого содержания брошюры видно, что она, при своём, сравнительно, небольшом объёме (41 стр. $\frac{1}{8}$ д. л.), включает в себе очень много полезного для тех, кто так или иначе соприкосновен делу борьбы с сектантством.

Цена брошюры 40 коп. При выписке 25 и больше экземпляров уступки 20%. Склад издания: в г. Екатеринославе, в Дух. Сем. у Г. Яновского, и Арзамасе (Нижег. губ.) в Дух. учил., у И. Яновского.

**2) Козицкий П. [Рец. на:]: Примечания к Евангелию в
обличение штундистов и подобных им сектантов. С.
Кохомского. Киев, 1896 г. in. 8° стр. 70+II. Цена 35 коп.
с пересылкой. С. 56–57**

Предлагаемая г. Кохомским под таким заглавием книжица ставит ближайшей своей задачей дать в руководство пастырям Церкви ряд изъяснительных примечаний к тем текстам Четвероевангелия, которые среди штундистов считаются наиболее благоприятствующими их лжеучению. Примечания эти предлагаются автором в порядке евангельских глав и стихов. Выбор для объяснения тех или других стихов не случайный: среди штундистов циркулируют экземпляры Евангелия с подчёркнутыми в нём текстами; этим-то текстам, по-видимому благоприятствующим сектантской догматике, и даны надлежащие объяснения в духе православной Церкви.

Истолковательные примечания к тексту Евангелия устанавливают истинный смысл тех или других мест – отчасти при помощи контекста речи, – отчасти с помощью параллельных мест. Толкования предлагаются автором в большинстве случаев в краткой и удобо-вразумительной форме. Некоторым стихам даны более, а другим менее подробные объяснения; это сделано автором сообразно степени важности того или другого евангельского текста.

По нашему мнению, некоторым стихам автор уделил сравнительно, слишком мало внимания, потому и объяснение их является не вполне достаточным; на других же стихах он останавливается без нужды больше, чем следует, вследствие чего в изъяснении получается некоторая растянутасть. Так, 39 стих V главы, Ев. Мф., на котором главным образом и опирается учение Толстого о *непротивлении злу*, объяснён весьма легко и недостаточно для миссионерских целей. Следовало бы также больше обратить внимание и на 11-й ст. XV гл. Мф., на который главным образом опираются сектанты в своём отрицании постов, установленных православной Церковью. Недостаточно также изъяснён Лк.4:4 стих, на

котором строят штундисты своё ложное учение о таинстве причащения (Евхаристии). Местам же из Евангелия Луки: Лк.1:1–2;5:21;22:15–20 автор уделяет больше, чем достаточно внимания и истолкование их, в сравнении с другими стихами, явилось несколько растянутым.

По местам у автора встречается неясность в выражениях. См. 21 стр. Через несколько строк ниже на той же странице повторяется та же неясность. Впрочем, эти недостатки не имеют существенного значения и не умаляют достоинства труда полезного и могущего послужить подспорьем пастырю – миссионеру в его борьбе со штундой и другими родственными штунде сектами.

П. Козицкий

3) Козицкий П. [Рец. на:]: О том, что присяга не запрещена Иисусом Христом, но предписана. С. В. Кохомского. Киев 1895 г. Цена 25 к. С. 57–58

Брошюра под выше поставленным заглавием представляет собой экзегетическое исследование того места из Нагорной проповеди Господа Иисуса Христа, где речь идёт о клятве (Мф.5:33–37). Автор в своём трактате различает два вида клятв, бывших в употреблении среди современных Господу иудеев: клятвы предметные (не прямые) и клятвы именем Божиим. Первые из них, минуя страшное имя Божие, были в большом распространении у евреев, особенно фарисеев (Мф.23:16–22). Против этих именно клятв, а не против клятв именем Божиим, и направлял свою речь Иисус Христос в Нагорной проповеди. Мысль эту автор раскрывает посредством сопоставления указанного места из Нагорной проповеди с параллельными местами (Мф.23:16–22, Иак.5:12), подробным их разбором и анализом – с одной стороны, а с другой – филологическими изысканиями. Слово ὅλως – *всяко* в ст. 34-м V гл. не имеет обобщающего значения, а употреблено, по мнению толковников, в смысле усиливающем, потому должно быть переведено не *вообще*, а *во всяком случае*. Слова Христа: *ей, ей, ни, ни* – автор трактует как высший вид клятвы именем Божиим, как поставление себя пред лицом Божиим. Отменяя предметные клятвы, укоренившиеся среди народа еврейского, Господь Иисус Христос узаконил единственную и истинную клятву, соединённую с памятованием о Боге: *ей, ей, ни, ни*. Не можем не отметить в исследовании г. Кохомского того обстоятельства, что автор клятву смешивает, вопреки установившемуся общепринятому порядку, с обетами; поэтому и *клятвы* трактует как обеты и под эту точку зрения подводит все важнейшие моменты религиозной и церковной жизни, ибо важнейшие моменты религиозной жизни заключают в себе клятвенный характер (элемент свободного произволения и неложного исповедания). С этой точкой зрения автора, конечно, нельзя согласиться вполне.

Брошюра С. В. Кохомского может быть признана полезной и пригодной в особенности для священника – миссионера: в ней он найдёт прочные основания в защиту присяги, отвергаемой толстовцами, пашковцами, штундистами и другими сектантами.

П. Козицкий

Заметка. Обследование духоборческой секты. // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 59–61

«Москов. Вед.» в № 33 с. г., в корреспонденции из Тифлиса от 28 января сообщают, что среди общества закавказской столицы давно не было такой оживлённой смены мыслей и чувств, как в настоящее время. Злобами дня, около которых вращаются общественные толки и думы, служат слухи о сенаторской ревизии, закрытие армянских церковных школ и духоборческая история. Последняя сдана была уже у нас обществом в архив, как дело достаточно и давно пересуженное и исчерпанное; но с прибытием на Кавказ, со специальным поручением по духоборческому делу, старшего чиновника особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода В. М. С. о духоборческой истории снова и горячо заговорили и на новую уже тему о том, что последние события, преступные со стороны сектантов, исходят ли из недр самого духоборья, или же они навеяны, «извне толстовской пропагандой». При этом в корреспонденции говорится, что «толстовизм» на Кавказе очень популярен и что из тамошних интеллигентов (особенно дамы) весьма многие – немножко «толстовцы».

На Кавказе есть несколько колоний толстовцев и самые рьяные проповедники этого учения. Довольно того, что адъютант одной слишком высокопоставленной в военной иерархии особы потомок древнейшей Грузии, князь Да-ни недавно снял с себя воинские доспехи, облачился в мужичью чуйку и пошёл в колонию Нал-к «мировое дело творить», то есть землю пахать и языки чесать» ... По словам газеты, результатами наблюдений чиновника С., как специалиста сектантского дела, кавказское общество, а равно и местная власть, очень интересуются. Г. С-в вначале жил более недели в Тифлисе, изучая архивное делопроизводство по духоборческой истории, и мнения общества, а в конце декабря выехал для осмотра духоборческих местностей. Духоборы весьма охотно и откровенно вели беседы и разговоры с чиновником, потому что он сносился с духоборами безо всякого содействия местного

начальства и беседовал при совершенно не принуждённой обстановке, и притом со всей толпой сразу. А толпа хотя и криклива, и бестолкова, но откровеннее выборных заправил.

В большинстве случаев духоборы думали, что чиновник «ездит описывать» разные веры, тем более что В. М. С. собирал для бесед и других сектантов. Такие объезды «любопытных» туристов, говорится в корреспонденции, для кавказских сектантов не новость: там два года назад целые два месяца, подобно г. С-ву, разъезжали по сектантским селениям американские квакеры. Газета слышала, что во второй половине февраля доклад г. С-ва будет обсуждаться в особой комиссии, под председательством г. Обер-прокурора Св. Синода.

В дополнение к приведённому сообщению Московской газеты редакция считает нелишним с своей стороны присовокупить. В. М. Скворцов, редактор-издатель настоящего противо-сект. журнала, в ноябре истекшего года, по соглашению г. Обер-прокурора Св. Синода с министром Внутр. Дел, командирован был на Кавказ для всестороннего обследования нынешнего состояния духоборческой секты, причин и характера, происшедшего среди этих сектантов, крайне вредного анархического брожения. К 1 февраля обследование это им закончено.

Духоборы переселены в Закавказье из Таврической губернии с Молочных вод, при Императоре Николае Павловиче, в 1841–45 годах, вследствие обнаруженных в секте жестокостей и изуверства. Ныне сектанты эти обитают в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии, в Елисаветпольской губернии и в Карской области. Всего числится духоборов на Кавказе до 20 тысяч. Пользуются сектанты большими наделами пахотной земли и пастбищ; занимаются скотоводством, хлебопашеством, извозом и живут вообще весьма зажиточно и привольно.

Секта духоборья, отличаясь крайней замкнутостью, выработала в течении полуторавековой своей истории особый строй общинной и бытовой и жизни свой богослужебный культ, кодекс своих правил дисциплины и отношений к другим; духоборы носят особый костюм (квакерский), сто лет имели

свою «линию» главарей (колмыковых), которые деспотически могли распоряжаться всем духоборчеством, в качестве священной их династии. Так что духоборье – это *sui generis* маленькое государство на кавказской окраине... Последние события в духоборье составляют целую эпопею, беспрецедентную не только в истории наших сект, но и вообще.

За преступное поведение своё многочисленная противоправительственная партия духоборов Тифлисской губернии, временно выселена из своих мест жительства в туземные селения четырёх уездов, из других губерний несколько сот бунтовщиков заключены под стражу. Правительственным разрешением общего вопроса о духоборческой секте в настоящее время занята особая комиссия, состоящая из г. Обер-прокурора Св. Синода, министров В. Д., и Юстиции и г. главно-начальствующего на Кавказе гражданской частью.

Редакция

Март. Книга 1-я

Ивановский В. И., проф. С чего и как начинать изучение сектантства? ⁶¹ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 3–12

Закон наш, предусматривающий запрещённые и наказуемые деяния сектантов, очень краток. Всё его содержание начерпывается, можно сказать, двумя–тремя статьями, 196, 201, 203, – если, конечно, не иметь в виду статей побочных. 203-й статьёй воспрещается сама принадлежность к известного рода сектам; статья 196-я предусматривает распространение лжеучения между другими. Статья эта значительно дополнена кассационными решениями Сената, поясняющими разделение сект на разряды, понятие распространения и т.п. Но замечательно, что ни в той, ни в другой статье сами секты не поименовываются, кроме одной секты скопцов. В самих статьях закона (203) и в кассационных решениях (примеч. к ст. 196) указываются только признаки сект более или менее вредных, более или менее терпимых. За принадлежность преследуются только последователи таких сект, которые соединены с изуверством и противонравственными гнусными деяниями. Последователи всех остальных сект преследуются, – кроме публичного оказательства – лишь за соращение других; при этом секты эти делятся на более вредные и менее вредные, – разграничиваемые признаком вреда государственного, или общественного: в зависимости от этого меняется сам состав преступления, т. е. понятие распространения. Такая общность и недостаточная определённости неизбежно ведёт к тому, что всякое более или менее серьёзное дело не может обойтись без помощи учёной экспертизы и от усмотрения экспертов иногда всецело зависит направление дела.

Обстоятельство это, по-видимому, не представляет никаких особых затруднений и ничего неестественного. Но, прежде всего, дело в том, что мы не можем похвалиться многочисленностью людей в надлежащей степени сведущих, (раз эксперт духовных скопцов признал за поморцев). А за тем:

так как указанные в законе признаки (изуверство, гнусность, противо-общественность) могут или расширяться, или суживаться; то ясно, что и между опытными экспертами могут происходить несогласия, и вследствие этого деяния однородные и однокачественные в разных местах могут подводиться под разные статьи. (Пример сего можно видеть в нашей заметке в Журнале Министерства Юстиции за 1895 г., июнь). Судебные же следователи при производстве предварительных следствий действуют иногда совершенно без ясного представления о том, к чему направлять всё следствие, какие вопросы предлагать свидетелям и какие показания свидетелей должны быть твёрже обоснованы и наиболее раскрыты.

Кроме неопределённости указываемых в законе признаков чувствуются иногда и пробелы. И во 1-х, кроме признаков изуверства и гнусных действий могут быть ещё и такие характерные свойства секты, по которым она также едва ли может быть терпима. Нам случалось по делам следственным и иными путями ознакомиться с такими безобразными сектами, как по отношению к церкви и христианской вере, так и – к государственному и общественному строю, что невольно удивляешься тому, как они могут быть терпимы. А между тем под 203 статью они не подходят по указанным в ней признакам; другой же статьи нет. Во 2-х. помимо распространения бывают иногда такие деяния сектантов, которые сами по себе составляют криминал, а между тем сектанты за них не преследуются. Мы разумеем приёмы и укрывательство бегунов, этих тайных, никому неведомых распространителей вредного учения, а также и их постоянное бродяжничество, и уклонение от исполнения всяких требований гражданской власти. Означенные деяния остаются безнаказанными, возбуждаемые дела прекращаются, и вся забота о предупреждении и пресечении их лежит на полицейских властях.

Указанные неопределённости и недомолвки от того, по нашему мнению, и произошли и потому и держатся, что мы мало знакомы с характером сектантства, с учением и обычаями каждой секты. При недостаточном знакомстве мы не в

состоянии и разобраться в перепутанном хаосе лжеучений: – каждой секты отвести своё место, к каждому явлению из жизни сектантов отнестись с подобающей справедливостью. Серьёзное, беспристрастное изучение сектантства во всех его частностях откроет нам глаза на многие такие вещи, относительно которых судили и судят поверхностно, мало вникая в их смысл и значение, иногда даже как будто сочувствуя тому, что вовсе уже сочувствия не заслуживает. Сообщив правильный взгляд на эти вещи, обстоятельное изучение сектантства укажет вместе с тем и пути к прекращению или ослаблению оно, к предохранению народа от увлечения и соблазна.

Вот задача, которую мы прежде всего желали бы наметить для сотрудников журнала и для всех тех, кто принял на себя труд принести пользу Церкви и обществу в борьбе с сектантством. Каждая заметка, раскрывающая лжеучение и быт сектантов, заметка, основанная на непосредственном наблюдении за их жизнью, могла бы быть очень ценной и полезной. Работа на первых порах должна быть кропотливой, заключающаяся не в обобщениях, а в собирании материала. При этом, само собой понятно, выступает практический интерес в том, как давно появились известные лжеучения и на сколько прививаются они к народу. Сгруппирование всех сведений в одном издании придаст интерес цельности и значительно облегчит труд тех, которые могут изучать сектантство лишь по книгам.

На первый раз мы могли бы указать и некоторые секты, требующие обследования, это – именно те секты, которые мы в начале уже назвали и о которых нам приходилось сказать своё слово по двум следственным делам, т. е. самарские «мормоны»⁶² и шадринские сектанты. Затем, мы недостаточно знаем кавказских «шалопутов» и другие виды хлыстовства. Наконец, недавно напомнили о себе и закавказские духоборцы. Что они-такое, – прежние ли духоборцы, некогда обследованные, или с примесью новых понятий, с более резкой противно-общественностью?

Все упомянутые секты можно обследовать только на месте, человеку опытному и знающему.

Но каковы должны быть эти подготовительные знания и откуда их взять? Вопрос этот, думается, далеко не праздный. Много ли найдётся у нас людей, хорошо подготовленных для исследования сектантства? Поэтому необходимо сказать хотя о какой-нибудь общей подготовке. О разных сектах не мало написано в разных повременных изданиях; есть особые объёмистые сборники документов и статей об этих сектах; есть, наконец, и специальные обработанные исследования. Но изучить все эти источники было бы и долго, и трудно. Ещё труднее было бы оценить по достоинству каждую журнальную статью, всякое учёное исследование, – тем более, что частные взгляды и мнения авторов далеко не единообразны. Всякий поймёт, что начинать ознакомление с чем угодно по разбросанным по всюду статьям, без систематического руководства, совершенно неудобно. Остановливая же внимание на отыскании систематических, хотя и кратких, пособий, мы не находим ничего, кроме немногих печатных листов (5–6), составляющих 3-ю часть нашего «Руководства». Эта часть до сих пор, кажется, какая-то заброшенная: в духовных школах ею, по-видимому, мало интересуются. А между тем только в ней и можно видеть первое систематическое изложение сведений о сектах рационалистических и мистических, с указанием и тех источников, откуда эти сведения заимствованы. По сему, кому понадобилось бы узнать о чём-либо более обстоятельно, тот может и указание найти, где прочитать о сём. Первоначальные, хотя и краткие, научные сведения и должны служить основанием для дальнейшего ознакомления с развитием сектантства. При помощи этих сведений откроется путь к дальнейшей сознательной работе, не будет особенно трудно определить род и вид какой-либо малоизвестной секты и поставить её на известное место.

В настоящее время не редко приходится читать сообщения о сектах с разнообразнейшими названиями, как о сектах новых. Но читая эти сообщения недоумеваешь, что тут нового – одно ли название, принятое в известной местности, или

действительно перед вами какое-нибудь новое явление в сектантстве. Такого рода отрывочные сообщения в существе дела ничего не приносят и проходят совершенно бесследно. Это от того именно и происходит, что за дело берутся люди, не имеющие знакомства с сектантством вообще, с основным, существенным характером известных уже сект.

На основании современного состояния науки и общепризнанных существующих взглядов, все секты. – кроме старообрядческих, – принято делить на два разряда: на секты мистические и секты рационалистические. Правда, и в некоторых сектах второго разряда также проявляются начала мистические; но тем не менее мистицизм первых на столько своеобразен и исключителен, что тот и другой род сект невозможно подводить под одну общую категорию сект мистических. Духоборец, прыгун, танцующий баптист далеко не – хлыст. Мистические бредни сектантов первого разряда доходят до человекообожания, до представления многих «христов» «богов», «богородиц», «пророков», «батюшки-искупителя», – которых обожают, на которых молятся. В основе нравственных требований означенных сектантов – лежит дуализм, следствием которого является абсолютное отрицание брака и семьи. Богослужебные культ сектантов мистиков заключается в радениях и пророчествах. Отношения к православной Церкви – совершенно лицемерные; сектанты представляются лучшими людьми в среде православных. усерднейшими почитателями Церкви Божией, наиболее строгими исполнителями её уставов. Действительные же свои убеждения они тщательно скрывают, по заповеди первого ересиарха, «не объявлять о том ни отцу, ни матери». Вот что известно самого существенного о сектантах-мистиках.

Но в последнее время стали замечаться между ними колебания и уклонения то в одну, то в другую сторону, от чего является неизбежная спутанность в определении самых существенных его черт. И во 1-х, теперь можно спросить: сохранились ли. и если сохранились, то на сколько, – мистические бредни о прежних ересиархах – Даниле Филиппове, этом мнимом «саваофе», Иване Тимофееве, –

мнимом «сыне Божиим», о Кондратии Селиванове, этом скопческом «батюшке-искупителе», – что тоже о императоре Петре III, – об Акулине Ивановне, этой «богородице», что тоже – Елисавете Петровне, – и т. п. Во множестве прочитанных нами судебных следствий мы ни разу не натолкнулись на эти имена, хотя иногда ставили для судебных следователей прямые вопросы об этом. Если предания о них не сохранились уже между сектантами, то на чём держатся их верования и обычаи, из какого источника проистекают их дикие богомоления, соединённые с человекообожанием, отрицание здорового семейного начала, с освящением разврата? Психологические ли и бытовые причины тут действуют, или есть и историческая подкладка? Разъяснение этого вопроса, без сомнения, очень трудно, но оно существенно важно и в научном и в практическом отношении. От разрешения его зависит характер миссионерской деятельности, а также и гражданские мероприятия. До сих пор, когда нас спрашивали, как действовать против сектантов-мистиков, мы не указывали на прямую полемику, потому что, при скрытности сектантов, и полемизировать не о чём, – они во всём будут соглашаться, – а рекомендовали прилагать заботы о возвышении нравственного уровня в народе вообще, как можно благоговейнее совершать богослужение, открытие вне-богослужебных назидательных собеседований, – чтобы тайным собраниям противопоставить явные, для всех доступные. На этих собеседованиях должно говорить о пристойном, благоговейном служении Богу, о священных исторических лицах, об идеалах истинно-христианской жизни и истинно-христианского подвижничества, вооружаться словом обличения наиболее распространённых народных пороков: – пьянства, разных неприличных гуляний и т. п., – вообще всеми мерами стараться удовлетворять благочестивые потребности духа, питать религиозное чувство здоровой пищей; при этом сами собой будут исчезать болезненные проявления чувства и воображения. Во 2-х, заметны невыясненные колебания в самом характере сектантов. Не будем говорить о появлении скопцов духовных, т. е. о необязательности самого оскпления, – причём характер

секты со стороны юридической существенно изменяется. В последнее время какие-то необъяснимые колебания замечаются и между хлыстами. С одной стороны, у нас, в казанской епархии, стали известны, так называемые, «кантовщики», несомненно хлыстовского пошиба, но с такими смягчёнными обычаями, что и радений у них не замечалось. Сверх сего, судя по многим следственным делам несомненно о хлыстах, между ними происходили и происходят секретные собрания, но только с сладкими ужинами, в виде поминок, с чтением и пением, с прихлопыванием руками и больше ничего. Возбуждаемые дела были прекращаемы по отсутствию состава преступления (ст. 277), так как распространения не было обнаруживаемо. Рассматривавший и рассматривающий дело эксперт не мог и не может выходить из области фактических данных, в деле имеющихся, и что-либо сочинять от себя; его задача в том заключается, чтобы осветить факты.

Но с другой стороны хлыстовство не в нашей, а в других местностях заявляет себя возмутительными противонаравственными деяниями. В этом отношении особенного внимания заслуживает дело о Тарусских хлыстах (калужской губернии). Сведения о них сообщаются в газетах. «В корне искажая и подрывая православие, говорит корреспондент «Нового времени», современная хлыстовщина оказывает губительное влияние на народную нравственность своим отношением к брачной жизни. С одной стороны, хлысты отрицательно относятся к законному браку, как церковно-гражданскому акту, считая его «скверной»; с другой – они не только терпят, но и всячески поощряют вне брачные, неупорядоченные сношения мужчин с женщинами, eo ipso содействуя крайнему растлению народной нравственности. Одному православному мать его, умершая хлыстовкой, не раз советовала бросить законную жену, потому что жить с женой, по её словам, «беззаконие». Этот же православный посоветовал раз хлысту, имевшему дочь невесту, выдать её замуж, иначе де «девушка может потерять себя». На это отец девушки цинично ответил: «знаешь пословицу: нет того дерева, на котором бы птица не сидела? Это – молодость: побалует и отстанет» ... В

трактирах, на улицах и проч. хлысты всегда высказываются в том смысле, что де: «от жены отлепись, а к чужой прилепись» ... «Путаться с чужими жёнами» значит «делать добро», значит «иметь любовь», «все одно, что голубь с голубкой» ... Хлыстовский разврат тем более вреден, что сопровождается ещё диким самокалечением. Несмотря на крайне распутную жизнь, хлыстовки редко имеют детей. Это объясняется именно тем, что они, в случае замеченной беременности, принимают им одним известные, меры к вытравлению плода. Прямым последствием этого является вырождение населения, что и было доказано на суде неоспоримыми цифровыми данными»⁶³. Всё это в сущности не ново: но ново во 1-х слишком уже открытое проявление цинизма: во 2-х, – в прежнее время хлыстовский разврат, в виде «свального греха», преимущественно привязывался к радениям, теперь же он, по видимости, имеет другую форму постоянного распутства, и в 3-х, он не доходил до вымирания поколения. По этим новым проявлениям сообщение является весьма важным, и хлыстовщина в таком виде становится сектой не только «более вредной», но и положительно нетерпимой.

Вот в каких направлениях замечается современное развитие хлыстовщины. Нашему времени предстоит трудная задача разобраться во всём этом, сдвинуть густое покрывало, каким окутываются сектанты, уяснить действительный смысл явлений, и той и другой отрасли хлыстовства отвести своё место. Если бы нам удалось выполнить эту задачу, то мы принесли бы большую пользу и научную, и практическую, знали бы, к кому как относиться, что с кем говорить.

(Окончание следует).

III.

Где причина и объяснение тех симптомов болезни, на которые мы указывали в предыдущей главе? Ответ на это, кажется, можно найти отчасти в характере религиозности русского народа, отчасти в характере того исторического момента, который мы переживаем. И то, и другое, впрочем, находится между собой в непосредственной связи.

Искренняя религиозность русского народа – факт общеизвестный. Иностранцы, приезжающие изучать Россию, прежде всего останавливаются перед этим, резко бросающимся в глаза, явлением. Но не менее общеизвестный факт, что религиозность эта довольно односторонняя, направлена преимущественно на *внешнюю* сторону религиозной жизни. Внутренние же, нравственные устои каждого русского человека очень слабы. К этому присоединить надо чрезвычайно смутное знание истин исповедуемой веры, граничащее почти с абсолютным незнанием. Отсюда полное смешение истины с ложью, веры с суеверием; отсюда, с одной стороны, вызывающая удивление набожность, соединённая с самым точным соблюдением предписаний и уставов Церкви, с другой – полная безнравственная разнузданность, не стесняющаяся ни внутренним законом совести, ни положительными предписаниями религии, – и это всё уживается вместе; страстная привязанность к обычаю и обряду, доходящая до «староверского» буквализма, и в то же время странное безразличие по отношению к догматам веры; смешение христианских начал с языческими суевериями в личной жизни крестьянина, высокий авторитет знахарства, недоверие к «попу» и т. д. Таких житейских фактов великое множество; они на каждом шагу и всем известны. И вот, когда наблюдатель народной жизни останавливается перед одними этими фактами, он по неволе приходит к неутешительным выводам. Но тот, кому приходится входить в тесное общение с крестьянином,

имеет утешение видеть и другую, более светлую, сторону его духовной жизни: это именно то, что дало Ф. Достоевскому основание сказать про наш народ, что это «народ – богоносец».

И действительно. На ряду с незнанием основных истин веры в русском народе поражает наблюдателя удивительное проникновение его духом Православия, глубокое понимание этого духа и усвоение его. И это именно качество дало русскому народу силы вынести на своих плечах всю тысячелетнюю историческую тяготу, перестрадать все невзгоды, выйти из них победителем и создать самое могущественное и обширное в свете государство. Мужик не различает икон в иконостасе, не знает кому молится, или, как нам пришлось слышать, говорит: «когда Бог умрёт, то Николай – угодник на его месте будет»; – но этот же мужик так крепко усвоил себе христианское *мировоззрение*, что в этом поучиться у него приходится любому богословски-образованному человеку. Из этого источника вытекает всё то, что бывает так привлекательно в простом русском человеке: его смирение, покорность воле Божией, терпение, выносливость, его военные подвиги, удивляющие иностранцев, его постоянное сознание своей греховности и то покаянное чувство, которое лежит в зародыше в душе каждого русского человека. *Смысл жизни ему ясен* – и в этом заключается его личная сила даже при всей слабости его нравственных понятий, и при всей его умственной «темноте».

Таков в общих очертаниях характер религиозности русского народа. Нетрудно понять, что на его развитие оказали своё влияние исторические условия жизни. Приняв христианство во времена своего младенчества, русский народ и до сих пор в вере остался сущим младенцем. Все его силы, вся его энергия за десять веков были направлены к одной только цели – к самозащите и к созиданию для того сильного государства. Для сознательной переработки и усвоения принятой сердцем веры не оставалось времени и возможности. Сначала княжьи междоусобицы и борьба с кочевниками, далее татарское иго, собирание расчленённой Руси под стяг Москвы, борьба с внешними врагами, смутное время, прикрепление крестьян к земле, искусственная прививка западной цивилизации – вот

главные стадии созидания нашей государственной силы. Для распространения просвещения, для борьбы с религиозным невежеством простого народа нужны были учительные силы, а их было мало. Духовенство само не всегда отличалось высоким уровнем; да притом материальное положение сельского священника ставило его всегда в тяжёлые условия. Для развития нравственных понятий необходима, кроме просвещения, ещё церковная дисциплина, а она также стояла у нас не на высоком уровне. На укрепление же в народе христианского мирозерцания оказали своё влияние: богослужение, таинства и духовная литература. Под впечатлением слышанных молитв, псалмов, канонов, песнопений, под благодатным воздействием таинственных священнодействий и обрядов воспитывалось в народе понимание духа православия и проникновение этим духом. Этим объясняется, по нашему мнению, одновременное сосуществование в народе религиозного невежества по отношению к истинам веры вместе с христианским мирозерцанием.

Итак, в общем деятельность народа и духовенства в религиозной жизни за первые девять веков была чисто *охранительная*. Полученное сокровище надо было бережно и в чистоте сохранить. Это и было сделано безукоризненно⁶⁵. Теперь же настало иное время, и совершенно другие условия, в которых находится народ, могут, как кажется, оказать своё влияние на дальнейшее развитие его религиозности. В первой главе мы указали уже на некоторые из условий современной народной жизни. Это прежде всего – освобождение крестьян от крепостной зависимости, что положило резкую грань между старым временем и новым. Благодаря дарованной свободе, народ стал в непосредственное *общение* с тем индифферентным слоем нашего образованного общества, который называется «интеллигенцией». Для общения этого открыты с 60-х годов широкие двери: земские училища, школьные библиотеки, народные чтения, земские собрания, самоуправление, общая воинская повинность, народная литература – всё это так или иначе способствует этому

общению. Изменившиеся экономические условия народной жизни, погнавшие крестьянина в город, на фабрику, в отхожий промысел, необыкновенное развитие путей сообщения, удешевлённый проезд – всё это служит всё тому же общению. Напомним ещё, что в те же последние 30 лет интеллигенция наша переживает зуд сближения с народом ради тех или иных целей, для того чтобы «просвещать» народ (как хотят «либералы») или же самим учиться у него (как хотят «народники»). Но разные цели имеют всё-таки один результат: *сближение*. Желательно или нежелательно это сближение – вопрос этот мы считаем теперь совершенно излишним. Прекратить его нельзя; преграды все разрушены, поток не остановишь. Каковы же будут результаты сближения – трудно теперь сообразить; победит ли народ и приблизит к почве оторванную от неё интеллигенцию, или же эта последняя привьёт народу яд своего индифферентизма и расшатает вековые устои народной жизни – это покажет ближайшее будущее. Но во всяком случае мы – пастыри Церкви и ближайшие руководители народа уже не можем оставаться безучастными зрителями происходящего движения. *Народ проснулся* – вот краткая формула того исторического момента, который мы переживаем. Это момент критический, который, быть может, есть начало нового периода русской жизни, периода культурного созидания, как предыдущий был периодом государственного устройства. Народ ищет *знаний*, он хочет учиться, хочет сознательно усвоить то, что до сих пор было воспринято сердцем. Везде, во всех уголках России слышится это движение. Это ясно для всякого, кто стоит вблизи народа и видит его потребности. Поэтому мы не останавливаемся на этом факте подробно: считаем только не лишним привести одну справку, иллюстрирующую наше положение. Общее количество экземпляров *народных* книжек, изданных в 1892 году, было около 6 миллионов; 1893 году это количество увеличилось до 8 миллионов, а в 1894 году уже было издано *15-ть миллионов* экземпляров. Полагаем, что эти цифры достаточно красноречивы.

Но если *духовные запросы* народа, составляют самую крупную величину в общей сумме современных жизненных явлений, то попятно, что в вопросах миссионерских необходимо прежде всего иметь в виду эту величину и считаться с ней. Кто *удовлетворит* этим запросам духа? Самозванные учителя? или те, кому вверено слово истины? Кто *поспешит* на встречу новым потребностям жизни? В этом весь узел вопроса. Возвращать на правый путь тех, кто совращён самозванным учителем – дело святое, великое. Но чтобы это дело не было чрезмерно трудным – необходимо понять важность переживаемого момента, его смысл и значение, необходимо знать новые потребности народной жизни и *удовлетворение их взять в свои руки*. На этом только и может быть основана плодотворная *борьба с сектантством*.

Свящ И. Фудель

Титов Ф. Секта стригольников⁶⁶ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 18–27

„Ино, сынове, и сами ведаете по Божественному Писанию, колико шатание и неистовство и укор, и мятеж бывший прежде на истинную и на православную христианскую веру, и на Божию церковь... А церковь Божия, утверждена Богом и данным нам законом новым, и огражена повеленьми апостольскими и укрепляема божественными и святых отец пра-вилми седми собор, светится паче солнца, яко сущее небо земное украшена, и красящаяся непобедимым благолепием православия“. (Из послания м. Фотия псковичам от 23 сентября 1416 года. См. Акты Историч. стр. 42).

Предварительные замечания о древнейших против-церковных учениях в России. Бремя зарождения и происхождения секты стригольников. Название секты. Основатель секты. Внешняя история секты.

Раньше других сект в истории русской церкви делается известною секта *стригольников*. Существовали ли в нашей церкви сектантские общества до появления стригольничества, – трудно сказать. Вероятно, их не было, так как сохранившиеся памятники древнерусской письменности ничего не говорят о них. Но те же самые памятники дают основание думать, что если в древнерусской церкви до XIV в. не было сектантских обществ, за то в ней с весьма раннего времени начали появляться различные против-церковные учения. Только эти учения были большей частью заносные, сторонние, *не русские*, а потому они и не получали широкого и прочного распространения в среде русского народа.

Так, напр., упоминаются *волхвы*, иначе *кудесники*, ведуны. Они представляют пока странное и мало понятное явление в нашей древней церковной истории. Весьма скудные и разрозненные сведения не дают возможности составить ясное понятие о древних русских волхвах. Но во всяком случае несомненно, что волхвы были представителями особенного, своеобразного против-церковного учения и находили себе

последователей в среде русских христиан. Волхвы были родом *финны* и проповедовали своё учение сначала на границах славянских и финских поселений, а потом и внутри русских областей. Есть основание думать, что некоторые из волхвов пытались формулировать своё учение, представлявшее странную смесь христианства и язычества. Христианского Бога они признавали небесным Богом, предоставляли Его власти небо и души людей в земной и загробной жизни, а для языческих богов удерживали землю, земную судьбу человека и его тело при жизни и по смерти. Некоторые волхвы в иных местах, как, напр., в Новгороде в XI в., приобретали себе целые сотни последователей. Но вообще учение волхвов, как явление чуждое, произведение не русской почвы, не привилось к религиозному сознанию христианского русского народа и исчезло бесследно.

Тоже самое случилось и с *богомилством*. Последнее было занесено к нам из Болгарии в XI в. Богомилство, бывшее в полном смысле слова против-церковной сектой, также не встретило сочувствия в русском народе. Проповедники его у нас были легко устранены и богомилство со временем совершенно затерялось.

Вообще должно сказать, что в первые века нашей христианской истории в русском народе отсутствовали условия для возникновения против-церковных мнений и обществ. С одной стороны, в это время русский народ, как народ новообращённый, был глубоко, крепко предан своей вере – христианской, а с другой стороны, вскоре после принятия христианства для русского народа наступили тяжёлые времена, когда сознание народа отвлекалось в другие стороны его жизни; поэтому, во весь удельный период и в первое время последовавшего за ним монгольского ига русский народ, если можно так выразиться, не имел времени вдуматься в свою веру и отдать себе полный отчёт в ней. Оттого же, быть может, попытки критического отношения к вере и стремления к сознанию против-церковных учений и обществ раньше всего и возникают в тех областях русского государства, которые меньше других претерпели от иноземного ига. Таковы были именно

новгородская и псковская области, где и возникли первые русские самородные секты.

Первые известия о *стригольниках*, как о секте вполне определившейся, относятся ко второй половине XIV в. Первоначальное же зарождение секты стригольников относится к более раннему времени. Есть некоторые основания предполагать, что мнения, из которых впоследствии образовалось учение стригольников, существовали уже в самом начале XIV в. Так, в житии св. м. Петра (1308–1326 г.), составленном еп. Прохором (†1327 г.), упоминается о каком-то *еретике*, которого митрополит «препре, приехавши на прю и прокля и». По некоторым известиям, этот еретик был «новгородский протопоп, соумышленник тверского епископа Андрея», который в свою очередь, как видно из жития св. м. Петра, обвинял этого последнего перед константинопольским патриархом Афанасием в *симонии*. А, как увидим сейчас, «поставление на мзде», или симония, была одной из главных причин происхождения секты *стригольников*.

Секта *стригольников* своё наименование получила от прозвища основателя её. Основателем секты считается псковский диакон Карп, бывший «художеством стригольник». «Художество» диакона Карпа состояло в пострижении новопоставляемых дьяков. *Духовенство* обязано было *выстригать* волосы на верху головы, на темени. *Выстриженное темя* головы называлось *гуменцем*. *Выстрижка* гуменца совершалась при посвящении всякого духовного лица в первую степень церковного клира, в чтеца, или дьяка. Сам епископ, посвящавший чтеца, постригал новопоставляемого крестообразно, а настоящую выстрижку гуменца поручал делать другому лицу. Такие лица, избиравшиеся обыкновенно из среды церковного клира, назывались *стригольниками*. Таким же стригольником был, полагают, и псковский диакон Карп.

Псков в то время находился в церковном подчинении своему старшему брату – Новгороду. Новгородский архиепископ по временам приезжал в Псков и поставлял здесь избранных кандидатов в чтецы, диаконы и священники. В это именно

время диакон Карп и исполнял свои обязанности стригольника. Но бывало и так, что псковские клирики сами отправлялись в Новгород, где их и поставлял новгородский владыка, причём диакон Карп в таких случаях не мог исполнять своих обязанностей стригольника. По существовавшему у нас в то время обыкновению, поставление во все церковные степени обязательно оплачивалось известной суммой денег. Размер таких ставленнических пошлин большей частью зависел от воли епископа и окружавших его лиц. Иногда эти пошлины бывали очень велики и со стороны ставленников требовалось значительное напряжение, чтобы уплатить ставленническую пошину, которая, начинаясь с первой клирошанской степени чтеца, или дьяка, повторялась затем в увеличенных размерах при поставлениях в диаконы и священники. Понятно, что такой порядок вещей был весьма неприятен, прежде всего, для духовенства, которого он касался прямо и непосредственно, а потом и для мирян, которые, при выборном начале, существовавшем тогда в Пскове для духовенства, также материально страдали от ставленнических пошлин.

Но не трудно видеть, что диакон Карп, как стригольник, мог иметь особенные, чисто корыстные, основания и побуждения к недовольству сейчас показанным порядком вещей. С одной стороны, для него было бы гораздо удобнее и выгоднее, если бы поставления в священные степени, когда он являлся необходимым лицом, совершались всегда в Пскове. А это было бы возможно только в том случае, если бы в Пскове был свой епископ, чего однако же никак не желал допустить г. Новгород и новгородский архиепископ. Карп мог иметь чисто личное недовольство тем церковным порядком, какой существовал тогда в Пскове. Карп с другой стороны, как стригольник, мог ближе и лучше других знать быт ставленников-клириков и слышать сетования ставленников и нарекания их на тяжесть этих пошлин, а может быть и злоупотреблений, какие, иногда, возможны с уплатой таковых пошлин. Достаточно было на его месте иметь восприимчивый, решительный и энергичный характер, чтобы открыто заявить недовольство существующим порядком. А между тем, судя по сохранившимся

свидетельствам о *Карпе стригольнике*, это был именно человек такого характера: книжный по своему времени, гордившийся своей начитанностью, впечатлительный, самоуверенный и дерзкий. Такой человек, особенно под влиянием общего настроения, действительно, мог решиться на открытый протест. Карп стригольник в своих смелых речах, вероятно, вооружался главным образом против ставленнических пошлин, «поставления на мзде», а вместе с тем, быть может, и против церковной зависимости Пскова от Новгорода.

Так как протест диакона Карпа существенно затрагивал интересы новгородского архиепископа, его псковского наместника и старшего духовенства, имевшего свою долю в ставленнических пошлинах, то он был лишён сана диакона и звания стригольника. А так как расстрига Карп и после того не прекратил своих смелых речей, то он был предан проклятию, что было равносильно совершенному отлучению его от Церкви и общения с нею в молитвах и таинствах при жизни и лишению христианского погребения и поминовения по смерти. Полагают, что это ещё более ожесточило дерзкого и самонадеянного расстригу. Отлучённый от православной Церкви, он задумал образовать подобие своей собственной церкви из своих последователей. Этими последователями Карпа были, вероятно, прежде всего подобные же ему дьяки и вообще клирики, за интересы которых, казалось им, пострадал Карп, а потом и миряне, особенно люди книжные, начитанные между ними. Да и вообще-то в последователях себе Карп не мог иметь недостатка в Пскове, где всегда существовало свободное отношение к духовенству и живо было недовольство зависимостью Пскова от Новгорода в церковном отношении.

Как долго местом деятельности Карпа был г. Псков, не можем сказать. Только спустя некоторое время он перешёл в Новгород. Но здесь на первых порах пропаганда стригольника – Карпа была встречена не сочувственно. Это и неудивительно, потому что здесь была на лицо высшая иерархическая власть и, кроме того, личность вожака сектантов была мало кому известна. Должно полагать, что новгородский архиепископ, как только узнал о пропаганде Карпа стригольника в Новгороде,

предал его суду. Следствием этого суда, вероятно, и была жестокая расправа новгородцев с вожаками стригольнической секты. В 1376 году, как сообщает летописец, новгородцы побили диакона Карпа, диакона Никиту и ещё третьего их сообщника и бросили их в реку Волхов, как развратителей веры христианской. Но такая решительная и быстрая расправа с вожаками стригольников не прекратила сектантского движения. Наоборот, некоторые, и не без основания, полагают, что эта расправа могла только содействовать большему распространению сектантского учения. Казнь сектантов, мужественно перенесённая ими, должна была обратить общее внимание на новое учение, а у некоторых, кроме того, могла вызвать чувство сожаления и сострадания к погибшим. Но как бы то ни было, а только и в Новгороде, и в Пскове стригольническое лжеучение продолжало существовать, к великому смущению истинных православных христиан. Скоро сектантское движение приняло такие широкие размеры и сделалось настолько значительным, что для прекращения его потребовалось содействие высшей церковной власти в лице московского митрополита и константинопольского патриарха, который признавался тогда главой русской церкви. Действительно, о возникновении в Новгороде и Пскове стригольнической секты было сообщено в Москву. Но, к сожалению, в Москве тогда происходили смуты и беспорядки по случаю замещения митрополичьего престола. Только к началу 80-х годов XIV в. смуты эти поутихли и тогда было донесено константинопольскому патриарху о появившейся в Новгороде и Пскове стригольнической секте. Смущённый и глубоко опечаленный п. Нил, при содействии суздальского епископа св. Дионисия, составил *увещательную грамоту* в Новгород и Псков к стригольникам. Патриаршую грамоту доставил в Новгород и Псков тот же преосв. Дионисий, которому, между прочим, было поручено от патриарха личными увещаниями дополнить его послание там, где это оказалось бы необходимым. Св. Дионисий исполнил поручение и, по замечанию летописца, успокоил мятежи и соблазн «о проторех, т. е. издержках иже на поставлениях». Но успокоение было

видимо неполное. Стригольническое лжеучение по-прежнему продолжало существовать в Новгороде и Пскове и вскоре затем начало даже усиливаться. Этому, полагают, немало содействовали смуты, которые по-прежнему продолжались в среде высшей русской иерархии. Только к началу 90-х годов XIV в. смуты эти совсем прекратились и на московском митрополичьем престоле прочно утвердился м. Киприан. Теперь явилась возможность серьёзно заняться вновь возникшей сектой. Новый константинопольский патриарх Антоний, которому было сообщено о продолжающемся сектантском движении в России, прислал от своего имени в Москву вифлеемского митрополита Михаила и с ним свои увещательные грамоты в Новгород и Псков по делу о стригольниках. Вифлеемский митрополит вместе с московским митрополитом Киприаном отправились в Новгород. Здесь к ним присоединился ещё полоцкий архиепископ Феодосий, так что в Новгороде, вместе с здешним архиепископом, составилась как бы поместный собор, который и занялся сектой стригольников. Собор архипастырей, прежде всего, огласил патриаршие грамоты сначала в Новгороде и потом в Пскове. К увещаниям патриарха архипастыри присоединили затем и свои собственные наставления, которые клонились к тому, чтобы православные заботились об исправлении и вразумлении сектантов, а с нераскаянными из них не имели никакого общения и изгоняли их из среды своей. Есть основания думать, что миссионерская деятельность архипастырей сопровождалась успехом. Некоторые сектанты раскаялись в своём заблуждении, а более упорные из них должны были оставить свою родину и бежать в Галицию. По поручению константинопольского п. Антония, вифлеемский м. Михаил отправлялся и туда с целью увещания нераскаянных стригольников и прекращения вызванных ими здесь смут. Благодаря отчасти этим мерам, а больше всего потому, что в Галиции стригольничество было явлением чужим, оно не утвердилось здесь и скоро совсем исчезло. Но не то было в Пскове и Новгороде, – родине стригольнического лжеучения. По-видимому, затихшее с 1395 г., оно в начале XV в. возникает здесь снова и заявляет о себе ещё

с большей против прежнего силой. Полагают, что, кроме местных условий, этому не мало содействовали также и те смуты, какие происходили тогда в русской церкви. Деятельность нового московского митрополита Фотия на первых порах вызвала недовольство у некоторых. Особенно м. Фотием недовольны были в Киеве и в Литве. В последней был избран даже особый митрополит, известный Григорий Самвлак. Замечательно, что западнорусские епископы, избравшие м. Григория, во главе с вышеупомянутым полоцким архиепископом Феодосием, который, конечно, был хорошо знаком с учением стригольников, в числе других оправдательных побуждений к принятой ими мере, указывали, между прочим, и на то самое обстоятельство, которое послужило ближайшим поводом к возникновению стригольнической секты. В своей соборной окружной грамоте они во всеуслышание заявляли, что решились сами избрать себе митрополита, так как константинопольский патриарх и священный его собор «поставляют, кого повелит царь, и от того дар св. Духа продаётся и покупается. Так поступил по отношению к церкви киевской в наши дни отец царствующего Императора с митрополитами Киприаном, Пименом, Дионисием и многими другими, заботясь не о чести церковной, а о серебре и золоте. Отсюда происходили тяжкие долги, многие соблазны, толки, смятения». Некоторые не без основания полагают, что под «толками и смятениями» соборная грамота разумела именно стригольническую секту, исходившую в своём лжеучении из вопроса о святокупстве. Эта догадка имеет тем большую правдоподобность, что именно в год издания соборной грамоты в Пскове особенно оживилось движение между здешними стригольниками. Псковское духовенство дало знать об этом м. Фотию. Этот последний ответил им увещательным посланием, в котором просил православных не смущаться сектантским движением, вразумлять заблуждающихся, а, в случае упорства их, изгонять их от себя. Под воздействием увещаний митрополита, псковские граждане, вероятно, начали усиленно вразумлять стригольников, следствием чего было появление в среде этих последних внутреннего брожения, которое потом

повело к распадению стригольнической секты на толк. Однако же и после того стригольническое лжеучение было довольно сильно в Пскове. По крайней мере, в 1427 году до м. Фотия доходили слухи «о сущих ныне некоторых нововозмущённых» в Пскове. Вследствие таких слухов, м. Фотий писал в этом году два послания к псковичам. Первое послание м. Фотия от 22 июля возбудило ревность в псковичах, которые отвечали митрополиту, что они, по его грамоте, «обыскали и показнили еретиков», одни из коих убежали, а другие всё-таки остаются упорными в своём заблуждении. Тогда 23 сентября м. Фотий отправил к псковичам второе послание, в котором благодарил их за ревность по отеческой вере и увещевал их удаляться от нераскаянных сектантов в пищу и питье и обращать их к православию, но только не смертными казнями, а внешними казнями и заточениями. Св. Иосиф Волоцкий свидетельствует, что после того был ещё совет князей и святителей, вследствие решения и указаний которого псковичи схватили всех стригольников и заключили их в темницы, где они и окончили свою жизнь. О дальнейшей судьбе стригольнической секты ничего точного неизвестно. Впрочем, хотя стригольническая секта, как самостоятельное общество, и прекратила своё существование, но она не исчезла бесследно. Как увидим, она выродилась в новую секту жидовствующих, которая и была прямым продолжением крайнего толка стригольнической секты.

(Продолжение будет).

**Бортовский свящ. Первая моя беседа с
штундистами и хитрые приёмы вожаков этой секты
// Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 27–33**

(Из записок миссионера).

херсонской губернии, елисаветградского уезда, среди местностей, заражённых штундой, обращает на себя особое внимание хутор *Рыбалки*.

Лет 10 тому назад крестьяне разных мест херсонской и киевской губерний взяли у землевладельца барона Швахчема в аренду землю и образовали деревню дворов в 40, под названием «хутор Рыбалки», в 12 верстах от приходской церкви с. Новокрасного. Некоторые из новых поселенцев этого хутора прямо объявили себя штундистами и начали деятельно пропагандировать свои заблуждения среди своих новых соседей; особенно грозила большая опасность, в этом отношении, жителям деревни Воеводского, находящегося всего в одной версте от хутора Рыбалки.

В 1892 году хутор Рыбалки уже стал гнездом штундизма чуть не всей херсонской и даже киевской епархий. Собрания штундистов происходили здесь открыто, торжественно и были многолюдны. Сюда собирались штундисты из разных мест, отстоящих от х. Рыбалки на сотни вёрст; собрания «держались» всегда самыми видными представителями штундизма. Религиозная совесть православных была на столько смущена и подавлена, что, по свидетельству местных священников, православные здесь выглядели как бы униженными перед штундистами, виноватыми: штундисты же, напротив, держали себя гордо и надменно.

Получив назначение на должность миссионера, я поспешил обратить самое серьёзное внимание на хутор Рыбалки. Первая моя миссионерская беседа в этом гнезде херсонской штунды представляется настолько характерной и поучительной не только для себя самого, но, думаю, и для со-работников наших на ниве Господней по исторжению плевел духовных, что я решаюсь описать её с полной откровенностью. Беседа эта

показывает, как вообще штундисты наши далеки от христианского духа любви, смирения, которыми так фарисейски они кичатся перед православными и на сколько они зависимы от вожаков своих.

Прибыв около пяти часов вечера на хутор Рыбалки, мы остановились, за отсутствием другого подходящего помещения, в доме штундиста Ивана Б-ского, которого и просили принять на себя труд собрать штундистов. Кстати отметить, что в Рыбалке на сорок дворов нет не только старосты, но и вообще никакого должностного лица, – даже десятского. Пока собирались штундисты, мы беседовали с приехавшим с нами штундистом К. Косиченко. Ко-ко попросил нас объяснить тёмное, по его заявлению, для понимания пророчество Иакова об Иуде. Но это был (как оказалось после) заранее обдуманый план. Пророчество я объяснил; К-ко не удовлетворился: стал предлагать по поводу же пророчества разные пустые вопросы. Я отвечал ему. Когда в избу набралось довольно народа, мною предложено было выбрать какой-нибудь один вопрос для беседы. Но К-ко обратился ко мне с такими словами: «чего вы, господин, торопитесь? вечера теперь большие, а работ у нас никаких, успеем побеседовать о многом... Вот вы лучше объясните нам XXI главу 3-й книги царств, хотя с 1–17 стих; это будет для общего нашего и вашего назидания». – «С 1–17 стих XXI гл., – ответил я, и объяснять нечего. Это не притча какая-либо и не пророчество, а обыкновенная, случившаяся в жизни нечестивых царей Ахава и Иезавели история. Но так как, по словам Апостола, всё Писание дано для *нашего назидания*, то из этой истории нам нужно извлечь такой урок: каждый из нас, если не желает подвергнуться Божью гневу, должен довольствоваться тем, чем наделил его Бог, и не завидовать достоянию ближнего, а тем более не употреблять ни хитрых, ни насильственных мер к присвоению не принадлежащего нам; в противном случае его может постигнуть та же участь, какая постигла нечестивых царей». – «Ну нет, – возразил на это К-ко, – это для вас, православных, история Иезавели не имеет никакого значения; для нас же (штундо-баптистов) она значит многое. Не даром о нечестивой Иезавели упоминается в Новом

Завете; не при Ахаве только она существовала, а во все времена. Разве её теперь нет?.. Разве не захватывается достояние, принадлежащее всем? Разве не говорите вы: *«всех православных христиан да помянет Господь Бог во царствии своём»* ... а за нас, баптистов, пусть Бог забудет? Разве мы не одного Отца дети?.. зачем преследуют нас? Когда это от Бога дана власть составлять на христиан верующих протоколы, сажать в темницы, выселять в Закавказье, лишать утешения в чтении слова Божия и молитве?.. Звери ваши писатели пронесли имя наше по всему миру... Полюбуйтесь, что пишут о нас ваши архиереи да попы! Вот слушайте, как описал нас тот прославленный вами архиерей Д.!»... После сих слов он начал озлобленно вычитывать обвинения против штундистов по статье, изложенной в книге Стрельбицкого (стр. 49–53): «— преследуют какие-то дальние цели, в роде коммунистических, которые, впрочем, тщательно скрывают. Они пускают в среду народа мысли о братстве и равенстве, о непригодности настоящего порядка жизни, о том, что никаких начальников не нужно, так как один Пастырь душ – Иисус Христос». Читали эту тираду из книги О. Х. Стрельбицкого, можно сказать, все; буквально вырывали книгу, один из рук другого, стараясь друг друга перекричать, требуя объяснения каждого слова, каждого выражения, всё же вместе сопровождалось едкими замечаниями, остротами и даже бранью. Что я испытывал перед этой разъярённой толпой, один Бог знает. Но я твёрдо решил молчать, пока не пройдёт то опьянение гневом, хотя ко мне непрестанно обращались за разъяснением, за доказательствами, требовали защищать своих единомышленников, но я продолжал молчать. И я не ошибся в расчёте; молчание произвело впечатление на всех, хотя и неодинаковое: одни ещё более озлобились и стали кричать: «молчишь, потому что и сам такой, как миссионер, не раз пачкал, да писал на нас разные кляузы!» и т. п. Другие (большинство), поняв неодобрительность своего поведения, замолчали сами, да и других расходившихся стали урезонивать и успокаивать. Однако обвинения и упрёки продолжались не менее 3 часов. Наконец, хозяин дома сказал: «перестаньте,

господа, кричать, дайте мне сказать несколько слов» и затем, обращаясь ко мне, стал говорить: «Видите ли, господин миссионер, ваши архиереи да священники очернили нас перед Царём, выставили нас, как политических преступников, готовых выйти из повиновения, не платить податей, не давать рекрутов и т. д., и т. д. Что ж после этого удивительного, если Царь, поверив вам, стал издавать против нас самые строгие законы? Если бы он знал, что всё это ложь и ваша выдумка, нас, конечно, не преследовали бы. А то вот вчера здесь был составлен на 15 душ протокол⁶⁷. Вот так все вы делаете: хороши апостольские преемники!»

Выслушав последние слова штундиста Бонишевского и видя, что волнение уже несколько поулеглось, я обратился к присутствовавшим приблизительно с такими словами: «Много говорили вы все, а я молчал; теперь позвольте и мне сказать вам несколько слов. Начну свою речь словами св. ап. Павла к Коринфянам: Нам, последним посланникам, Бог судил быть у вас как бы приговорёнными к смерти; потому что мы сделались позорищем для мира, для ангелов и человеков... Ради Христа и святого Евангелия мы стали у вас безумными и немощными... Мы в бесчестии у вас... Мы как сор, как прах вашими *ногами попираемый* (1Кор.4:9–12). Разве не то, о чём я прочитал сейчас, случилось со мной у вас? пришёл я к вам с евангельской проповедью; при входе в дом приветствовал вас миром, – а вы?.. Вы встретили меня так, как не встречают своих врагов даже язычники, не просвещённые ещё Божественным светом; ибо если враг придёт к язычнику с миром, то его принимают, как гостя, любезно и радушно. Вы же, не сказав и одного доброго слова, не пригласив даже сесть, подвергли меня всевозможным упрёкам, насмешкам, поруганию и проч. Так что, действительно, я стал у вас позорищем мира, прахом, который вы попирали ногами своими! Конечно, основываясь на словах Христовых, я мог бы отрясти и прах от ног своих, сделав через это вашу участь печальнее городов Содома и Гоморры. (Мф.10:14–15.) Но, Бог с вами! я не погибел вашей ищущей спасения; посему я останусь у вас и разберу все ваши неосновательные обвинения»!..

Какое впечатление произвели на штундистов мои правдивые слова, трудно и передать. Все, за исключением вожаков, по инициативе которых всё это и произошло, наперерыв стали извиняться передо мной и просить, чтобы я не сердился. Я отвечал, что сердиться я не буду, но всё-таки разберу все пункты обвинения подробно. – «Вы меня упрекали в молчании? ведь вы так были возбуждены, что не только меня, но вероятно и самих себя не слышали. Что же было бы из того, если бы я стал возражать вам, – защищаться?.. Только больший крик и больше ничего. Теперь же, когда вы немного успокоились, я объясню все недоразумения, которые были вызваны чтением статьи из книги о. Стрельбицкого. Затем последовательно, слово за словом, выражение за выражением, я стал разбирать статью о политическом характере сектантов. Говорить пришлось долго и много. Развивая учение сектантов о братстве, об отрицании присяги, иерархии и проч., мы вместе делали логические выводы, которые вполне совпадали с выводами статьи. Сектанты поражались результатом, но оправдывались тем, что они не только никогда так не говорили, но даже и не думали. Более вспыльчивые горячились и поднимали опять шум, но их сами же сектанты вовремя останавливали.

Только местные вожаки не могли ни как успокоиться и всё время донимали нас разными колкими замечаниями. А один (Андрей Б-ский), после неудавшейся попытки отвлечь меня посторонними вопросами от предмета беседы, прямо сказал: «не слушайте его, господа, это обольститель; посмотрите, он вас всех одурачит. Советую лучше расходиться». Б-ий вышел, но так как его примеру никто не последовал, то он сам возвратился через несколько минут; но до конца беседы молчал. Беседа продолжалась далеко за полночь. Прощаясь штундисты ещё раз просили извинения в нанесённых мне оскорблениях, и высказали желание беседовать со мной почаще.

Дальнейшие беседы были более мирного характера; хотя штундисты возражали дружно, но основательно и спокойно. Впрочем, К-ко, Андрей Бо-кий, Р-ка и другие представители всегда стремились к тому, чтобы изгладить неблагоприятное для

секты впечатление и затемнить сущность вопроса. Для сей цели употребляли все возможные для них средства: предлагают не относящийся к делу вопрос: то просят, будто для лучшего уяснения излагаемого предмета объяснить то или другое место св. Писания; то, не слушая никаких доказательств, твердят одно: «а я вам говорю: – иконы «идолы» или – «один у нас пастырь–Христос, а вы наёмники!» и т. п.; а иногда подвергают наши слова ядовитым насмешкам и замечаниям. Так на беседе о Церкви» К-ко стал смеяться: «где же это та святая и непорочная церковь: не в кабаках ли, не на базарах ли, не в тюрьмах ли?.. хороша святость, нечего сказать!»

Беседа о таинстве Причащения показала мне, на сколько штундисты увлечены духом гордости. Сознывая, что для спасения необходимо причащаться Тела и Крови Христовой, что таинство это должно быть совершаемо законно поставленными пресвитерами, чего у них нет, сектанты говорили, что в православии причастники миряне унижены. «Христос и апостолы, говорили они, заповедал нам любовь и смирение, а вы, священники, превознося себя, унижаете мирян: ведь вы сами и совершаете, и причащаетесь так, как установил Христос, а мирянам преподаете ложечкой из чаши, будто они ниже и хуже вас. Вот это и удаляет нас из вашей церкви». – Я объяснил, с какой доброй целью изменён порядок или обычай причащения.

Но штундисты всё-таки твердили, что они сознают всю важность таинства, и потому желали бы, чтобы их не унижали, а предоставили им право причащаться по установленному И. Христом обычаю.

Беседы мои в х. Рыбалки посещали исправно и видимо интересовались ими; но особенно заволновались все, когда в конце одной беседы я объявил, что на следующий день буду говорить об иконопочитании.

(Продолжение будет).

Скворцов В. Малеванское движение в южнорусской штунде ⁶⁸ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 33–43

В Юго-Западном крае среди сектантов-штундистов начали появляться в 1888–89 гг. пророчицы, которые пропагандировали среди своих единоверцев дикие, нелепые мнения о пришествии спасителя на землю, а одна из таковых объявила себя избранной свыше для рождения ожидаемого лже-спасителя, который должен вновь явиться на земле во плоти. Скоро затем появились в населении толки, что ожидаемый штундистами лжеучитель уже явился в г. Тараще, киевск. губ., в лице мещанина Конрада Малеванного, который в непродолжительном времени сделался внешним объектом мистического движения и предметом богопочитания целых сотен своих последователей. Между тем сектантский герой мистического ново-штундового толка, по заключению врачей экспертов, был страдающим «паранойей» – хроническим умопомешательством, которое явилось у него, как результат, с одной стороны, злоупотребления спиртными напитками, а затем с переходом в штундизм, как следствие долговременной религиозно-возбуждённой жизни и сильного напряжения мысли над решением библейских истин. Безумный бред привёл его к признанию себя Иисусом Христом, спасителем мира, и Малеванный объявил ближайшим сектантам, что скоро наступит страшный суд и Отец Небесный объявит его всему миру и поклонятся ему все цари земные и народы и он, Малеванный, устроит новую блаженную жизнь. Во время молитвы Малеванный поднимал руки вверх, от чего последние начинали дрожать, за дрожанием рук появлялись судороги, которые нередко бывали ритмическими, распространялись и на другие части тела; всё это объяснялось вхождением в лже-спасителя Св. Духа и производило большое влияние на простодушных окружающих, из которых многие мало по малу и сами начали подвергаться тряске и судорогам. Сначала около Кондрата образовалась небольшая община, поселившаяся в доме

ересиарха на началах коммуны. В конце 1889 г. движение приняло эпидемический характер, быстро и почти одновременно охватив до 15 отдельных штундовых общин в разных уездах.

Переход последователей рационалистических толков в мистическую малеванщину совершался целыми общинами, иногда в количестве нескольких сотен и представлял собой картину стадного религиозного движения в народной массе.

Все сектанты, с переходом в мистический новый толк, оставили обычный образ жизни и занятий и стали обнаруживать странные и вредные в общественном отношении поступки. Так, например, в ожидании имеющего будто бы наступить страшного суда, уходили они целыми сотнями в поля и в снежную ночь мылись в холодной воде, мужчины и женщины вместе, а также мыли и своих малых детей. На общих собраниях мужчины переодевались в женские костюмы, а женщины бывали обнажёнными. Одна женщина в припадке религиозной экзальтации задушила своё шестилетнее дитя. В одном селении сектант поджёг ригу и намеревался сам подвергнуться сожжению, в другом – сектантка женщина пыталась поджечь селение. Один сектант подверг себя долговременному, свыше 50 дней, посту, по тем же религиозно-фанатическим мотивам. Вместе с тем у малеванцев появилась склонность к мотовству, доходившая до смешного и вызывающая резкое чувство негодования окружающего населения.

Новое, выродившееся на почве штунды, сектантское движение, будучи противохристианским по своему исходному началу и по своей сущности, в дальнейших проявлениях своих приняло болезненные свойства нервно-психической эпидемии. По отдельным чертам малеванское движение сходно в своих болезненных проявлениях с истерическими эпидемиями, описанными под именем средневековой пляски св. Витта, тарантизма, демономании, судорог, экстаза и квиэтизма.

По существу своего вероучения, мистический новоштундизм представляет собой печальное выражение христианского сознания, сбитого с пути нашего православного народа. При отрицании Христа, пришедшего во плоти и Живого Троичного в лицах Бога, среди сектантов этого толка штунды

бродит пантеистическое представление о Боге, как силе, проникающей всю вселенную и все члены человека; вместе с ним малеванцы учат о душе-переселении и христо-воплощении, одинаково с хлыстами и шалопутами, решительно отрицают воскресение мёртвых и питают твёрдую уверенность в личное своё бессмертие. Таким образом, видно, что религиозное сознание последователей этого толка крайне затемнено. По характеру своих верований и по психическому состоянию душевных сил штундисты-мистики безумно упорны и мерам духовного миссионерского воздействия они, за редким исключением, не поддаются.

Малеванцы жили в постоянном ожидании конца мира, который, по их понятиям, будет лишь какой-то благотворной переменой в условиях внешнего существования человека на этой земле, на которой наступит идеальный порядок всеобщего равенства и братства, мира, правды и общего блаженства, без смерти и тления, без грехов, судов и начальства, без труда и забот о будущем.

Всякий «Малеванец», по требованиям учения секты, обязан был продавать своё имущество, и некоторые из них положительно всё движимое продали, или роздали, не желая иметь никаких земных забот.

Болезненное психопатическое состояние сектантов выражалось резче всего в обонятельных галлюцинациях и галлюцинациях общего чувства, напр. чувства лёгкости, воздушности своего тела, или его бестелесности, чувства как бы отделения от земли и поднятия на воздух; у некоторых малеванцев случались галлюцинации слуха и зрения, слышания повелений бога, шёпота св. духа, появления звёзд разнообразных цветов. При этом на всех малеванцах наблюдаются явления очевидной психической усталости, пассивности и преобладания чувства над волей.

Но самое яркое наглядное выражение болезненного состояния последователей этого толка составляет необыкновенно резкая склонность их к судорогам, которые обыкновенно появляются у малеванцев, когда они становятся на молитву.

Собрания их обыкновенно начинаются пением, что и составляет самое обычное религиозное упражнение малеванцев, проповедь же и чтение Св. Писания совсем устранены у них. Здесь вскоре же начинаются молитвенные вздохи, всхлипывания, слёзы и другие проявления душевного волнения, которые скоро переходят в истерические припадки. Тогда среди общего шума, крика и беспорядка, одни падают, как сражённые молнией, другие восторженно или жалобно кричат, плачут, прыгают, хлопают в ладоши, бьют себя по лицу, дёргают себя за волосы, стучат в грудь, топают ногами, пляшут, издают всевозможные звуки, – то подражают собачьему лаю, конскому ржанью и т. п. Между страстными позами и движениями нередко замечались такие, которые не оставляют сомнения в том, что их субстратом служит половое возбуждение, иногда сопровождающееся соответствующими галлюцинациями. Судорожные движения нередко длились до изнеможения субъекта. Случалось, что среди прыганья и судорог женщины распускали на себе волосы, обнажались и стремительно бросались к мужчинам с необузданным, продолжительным, страстным поцелуем.

При высших степенях возбуждения у некоторых из участников собрания наступает особое возбуждение центра речи и особого рода «verbaration», выражающееся в быстром произнесении бессмысленных слов. Малеванцы объясняют это явление схождением Св. Духа на сектантов, подобно сошествию Его на Апостолов в день Пятидесятницы, который и сообщает им дар иностранных языков. – Как, в каких уродливых формах и с какими пагубными последствиями на почве южнорусской штунды стало было распространяться хлыстовство в связи с ожиданием пришествия Спасителя, проповедуемого сектой «адвентистов», прекрасно иллюстрируют нижеследующие (бытовые) картины, взятые с натуры в одном из пунктов малеванского движения в киевской губернии (васильк. уез.).

* * *

Месяц апрель 1892 года. Солнце близилось к закату. В это время по улице с. Табуровки бежала босая растрёпанная

девочка лет двенадцати; завидев в одном дворе девочку почти одних с нею лет, она позвала, чтобы та подошла к воротам. – «Да скорее»! Торопила она девочку, которая над чем-то возилась и не спешила на её зов.

– «Что это так скоро тебе нужно»? осведомилась Варя, подходя к звавшей.

– «А то мне нужно, что до нас приехал «сын света» и требует, чтобы собрались к нам в «хату» все братья и сёстры нашей Табуrowsкой церкви,⁶⁹ сказывают – *новую* благодать привёз. Скажи, сестра, своему отцу и матери, чтобы приходили до нас в сумерки».

– «Что это ты, Оленко, – забыла, что у нас нет *ни батька, ни матери*, а только *брат и сестра*?» Заметила Варя, упрекая Оленку за то, что та не соблюла обычая штундистов – всех без разбора называть «братами» или «сёстрами». – «Прости меня, сестра, забыла! ответила на это Оленка и поклонилась подруге своей до земли, а та сказала: «Бог тебя простит, и я прощаю», и поцеловала Оленку.

Распроставшись с Варькой, Оленка побежала дальше. Ей пришлось бежать мимо приходской церкви; невольно взглянула она на храм Божий, в который по праздникам в малолетстве она ходила с своей матерью. Ей вдруг до того стало жаль старой церкви, что на детских глазах её выступили слёзы. «Бедная сироточка»! прошептала Оленка, глядя на церковь и чуть не перекрестилась; но в это время мимо церкви проходила старуха, и поэтому Оленка, как дочь штундистского пресвитера, постыдилась или побоялась старухи, и не перекрестилась; однако же продолжала смотреть на церковь, на крестах которой в это время сидели галки, собираясь на ночлег. – «Такие чёрные, словно монашки», подумала Оленка, глядя на галок, и ей самой вдруг захотелось быть черничкой. В это время взгляд её упал на окна церкви, в стёклах которой весьма ярко отражались лучи заходящего солнца, и поэтому она подумала: «вот где находится Господь Света!.. *Света от Света, Бога истинна от Бога истинна*» ... Прошептала при этом Оленка слова из Символа православной веры.

– «Гм... Приехал какой-то там «сын света»; тут что-то не так: отца и матери, – говорят, – не нужно, а только чтобы были братья да сёстры, и вдруг является «сын света»! подумала Оленка и побежала дальше созывать своих на собрание, по требованию «сына света».

* * *

Девять часов вечера. Обширная хата пресвитера Табуrowsкой церкви Игната Жомара была битком набита «братами и сёстрами» штундовой общины; она едва вмещала таковых: многие из сестёр вынуждены занимать места на печке и «припечку»; теснота была невообразимая. Глаза всех присутствующих устремлены на *сына света*, который сидел за столом. Это был мужчина лет под 50, роста высокого, по физиономии смахивал на поляка; его звали Петро Осинский. Одет он был в модный пиджак и полосатые брюки. Во избежание нашествия «поганных» (так титулуют сектанты православных!), двери хаты пресвитера были крепко накрепко заперты деревянным засовом, а окна завешены «ряднами»⁷⁰. Вот собрание зашевелилось: «сын света», взлезши на лавку, протёр усы клетчатым платком и начал благовествовать приблизительно так⁷¹:

– «Мир вам, братья и сёстры! Благодать св. Духа да пребудет с вами! Привёз я вам *новую благодать*. От нынешнего дня, братья, увидите вы *новое небо и новую землю*; ибо *прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет...* как сказано в Откровении... «Разумеете ли вы, братья и сёстры, о чём это сказано»? – вдруг спросил «сын света», обводя глазами все собрание.

– «Нет. Ещё Господь не излил своего Духа на нас, а потому мы и не разумеем». Ответил за всё собрание пресвитер Игнат. – «То-то не разумеете! А сказано: *с нами Бог – разумеите языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог*. Сам бог – Кондрат Малеваный. Слыхали вы, что живёт в Тараше? Он есть истинный бог христос, такой же бог, каким был Иисус Христос»

...

– «Позвольте... но как же так? Бог же один на белом свете; так и сказано: *Я Господь Бог твой, да не будет у тебя других*

богов. Вот, читайте!» сказал один молодой штундист, выступая вперёд и подавая «сыну света» Библию, раскрытую на 6-й гл. Второзакония.

«Сын света», бросив молниеносный взгляд на неожиданного смелого противника, сказал пренебрежительно: – «Оставь Библию, теперь она не нужна, сказано в «откровении», что *моря уже нет*: вот Библия и есть то глубокое и бездонное море, в котором можно утопиться; потому то её теперь и *не надо*. Теперь уже *новое небо и земля*; а прежнее сказано – миновало. Прежнее небо и земля, это прежняя наша вера, прежнее учение; а новое небо, новая земля, то новое учение, новая вера и новая благодать, которую я вам привёз... Сказано: *да не будет у тебя других богов*, ну и не поклоняйся тем другим, которым кланяются «поганные» (т. е. православные). Бог, конечно, должен быть один, как одна огненная головня, а от ней сыплются много огненных искр, но всё то будет один огонь», – поучал возбуждённую толпу новый проповедник. – «Так и Господь Бог, – Он раз принял человеческую плоть, потому и может быть в каждой человеческой плоти Бог. Вот Кондрат Малеваный и есть истинный бог, истинный свет, а я сын божий, сын света» ...

– «Не правда, не правда!.. Если нет отца и матери, а только братья и сёстры... разве может быть сын?» слышался звонкий полудетский голос, перебивший речь проповедника. Глаза всех присутствующих устремились по направлению к печке, где стояла знакомая уже нам, дочь пресвитера Игната, Оленка, детские глазки которой горели огнём негодования к оратору.

– «Замолчи»! почти в один голос крикнули на Оленку мать и отец её, пресвитер Игнат.

– «Отец! сказано в слове Божиим: не заграждай рта у вола молотящего, ну и не запрещайте мне говорить правду: Господь моими устами *хочет обличить мудрых в лукавстве их*⁷². Ответила Оленка на грозный крик отца, и он умолк. Но «Сын света», распалённый гневом заревел:

«Змея ты, порождение ехидны, замолчи»!..

«Господь сказал: вот я посылаю к вам пророка, мудрого книжника, сына света, и кто не станет его слушать, того убейте».

– «Вы согласны убить эту ехидну»? Обратился оратор с воззванием к собранию.

– «Согласны!.. Кровь её на нас»! Послышались голоса возбуждённой толпы... Оленка побледнела, но только на минуту. – «Ох, забыли вы слова Христа, который сказал: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: Я Христос (Мф.24:4–5). Вот и пришёл к вам змий – искуситель, тот самый, что навёл на грех Адама и Еву: он не сын света, а сын тьмы» Оленки дальше не дали говорить: мать первая бросилась на неё и схватила за горло, а затем в одну минуту её свалили на пол, накинули на лицо подушку и навалились несколько человек и непорочная душа рабы Божией Елены переселилась в иной мир...

Когда открыли подушку и убедились, что обличительница «сына света» была мертва, то сей последний распорядился оставить её на полу, сказав: «завтра можно будет схоронить объявив, что Оленку задушил «дехтярык»⁷³.

Прерванное на несколько минут благовестие было продолжено:

«Разумейте и покарайтесь, с нами Бог, сам Кондрат Малеванный – истинный бог на земле; Бог небесный полюбил и освятил его своим пребыванием в нём; он такой же святой помазанник Духа Святого, как Христос. Потому и нам не нужно курить «табак» и пить «водку», чтобы Бог полюбил нас и обитал с нами. Кого Бог полюбит, того самого Он сделает богом, а женщину – богородицей» и вознесёт нас на небо. Сказано: «вы боги и сыны Вышнего все вы»; – «уже скоро, скоро – продолжал оратор – мы все пойдём на небо: в месяце **мае** будет кончина века, придёт наш Бог Спаситель и всех вознесёт с собой на небо. Но нам нужно обновится духом ума и облечься в *нового человека*, а для этого нужно и молиться по-новому, и рождать новую веру – умножаться. Наша новая молитва должна быть такая, какая была у св. Давида: с *скаканиями и взыграниями*, до изнеможения, пока сам дух св. не сойдёт на нас; а когда сойдёт дух, мы начнём говорить *иными языками*, как это было с апостолами: не даром сказано: «сделался шум» (Деян.2:2)... Тогда огонь должен быть погашен и всякая сестра должна

принять целование любви для умножения церкви»... «Первую службу и первую *новую молитву* вы должны совершить сегодня же в моем присутствии, я научу вас. Вот как нужно молиться» ... И сказавши эти слова, «сын света» начал быстро вертеться и кружиться по хате, произнося сначала на распев слова из псалмов, какие приходили только ему на ум. Его примеру последовало все собрание: каждый и каждая из присутствовавших начали вертеться и кружиться с различными выкрикиваниями и причитаниями. Вдруг «сын света» упал на землю и в судорогах и корчах начал лепетать бессмыслицу звуков, в роде: абун, татораб, кендита, пелеман ля ля» ...

– «О! уже дух св. сошёл... тушите скорее огонь»! скомандовал пресвитер...

Молитва по новому штундо-хлыстовскому способу окончилась на этот раз в три часа ночи. Но братья продолжали говорить *иными* языками до самого рассвета. Почти в каждой хате штундиста слышны были выкрикивания бессмысленного набора слов, чрезвычайно быстро произносимых ими. Восходящее солнце прекратило лепет *иными* языками... С этого дня в селе Табуровке для «просвещённых *новой* верой» начался сплошной ежедневный праздник, приостановились все работы и всякие хозяйственные занятия прекратились. Каждую ночь устроятся вечера любви и молитва *по-новому* «с скаканиями и взыграниями» продолжается до утра... Все с нетерпением ждут пришествия бога и деятельно готовят к великому дню вознесения на небо...

Наконец настал желанный месяц май – месяц, назначенный для вознесения; все члены Табуровской общины готовы к отшествию: имущество их всё распродано и вырученные деньги израсходованы на «вечери любви», устраивавшиеся с дорогими винами и сладостями, частью же употреблены на приобретение новой белой одежды, которая была ничто иное, как саваны, сшитые из белого чистого холста... Побросав свои жилища Табуровцы по целым дням бродят то по селу, то выходят за село, садятся над дорогой, ожидая ни встретят ли они желанного бога, который должен был забрать всех на небо... То и дело раздаются восклицания *иными* языками...

– «Слышите, как штунда зовёт своего бога»? – смеялись православные на выкрикивания бессмысленных слов своих односельцев штундо-хлыстов, – «так на небо хотят»!

А штундисты вполне были готовы уйти на небо: у них ничего не оставалось на земле: они в исступлении до умопомешательства ожидали указания часа и места явления к ним бога и восхождения с ним на небо... бродили распевая известную штундовскую песню:

«О, пастырь наш Иисус
Словесных агнцев в мире
Блюдуший верных душ...»

* * *

Продолжительный экстаз и непрерывно возбуждённое состояние сильного ожидания повысил значительно в среде массы процент сумасшедших большей частью параноиков. У субъектов истеричных и квиетистов помешательство выразилось в столь значительной мере и действовало так заразительно на массу, что представлялось необходимым, по заключению врачей и ходатайству общества, многих из них поместить в психиатрическую лечебницу.

В экономическом отношении штундисты этой группы на столько подорвали своё хозяйство, что в течение многих лет будут представлять собой самых слабых членов сельского общества в платёжном отношении.

**А. И. Б. Мормонство // Миссионерское обозрение.
1896 г. № 1–12. С. 43–47**

Мормонство принадлежит к числу самых уродливых явлений в религиозной жизни американских переселенцев из Европы. Возникло оно благодаря самому пустому обстоятельству в начале второй четверти настоящего века. Один из рудокопов в западной Америке в 1827 г. покинул свою шахту, потому что, как он выражался, более целесообразно ценить людей не по золоту, добываемому из земли, а по золоту их веры в Бога. С этой целью он решился сделаться «пророком нисходящей с неба истины». Этот рудокоп, – по имени Иосиф Смит, – принадлежал к широко распространявшей своё влияние тогда секте методистов. Своими религиозными возбуждениями методисты доводили весьма многих до того напряжённого состояния, в котором они были готовыми на все самые неожиданные действия. Методисты видели в такого рода возбуждении божественное действие Духа Святого. Тоже самое было и со Смитом.

Он торжественно объявил, что 22 сентября 1827 года ему явился ангел с неба, вручил ему две блистающих, подобно золоту, скрижали и повелел написанное на них учение объявить миру, как золотую мудрость. Воспользовавшись в широкой мере протестантским учением о непосредственном откровении Духа Божия духу человека, И. Смит объявил себя правоспособным толкователем слова Божия и составил так называемую «книгу Мормонов». Нужно заметить, что первоисточником фантастических вымыслов И. Смита послужила составленная одним пресвитерианским проповедником романтическая история о первобытных обитателях Америки. Они происходили будто бы от Иуды и, под предводительством своего вождя Леги (Lehi), переселились в Америку, где и образовали одно великое племя. Около 400 года после И. Христа благочестивые представители этого племени вместе с пророком Мормоном и его сыном Морони были истреблены. перед смертью своей сын Мормона скрыл в одной пещере книгу божественного

откровения, написанную его отцом и им самим на золотых досках, чтобы таким образом оставить по себе памятник последующим поколениям благочестивых. Рукопись этой истории в подлиннике или в копии попала в руки И. Смигу и послужила основой для его проповеди и его первого сочинения. Составленная И. Смигом книга появилась в свет в Америке в 1830, в Европе в 1841, на ирландском языке, и, хотя её содержание вполне напоминает детскую сказку, тем не менее И. Смит нашёл многих, которые поверили в то, что он и есть тот великий пророк, которому, – согласно предсказанию Мормона, – суждено было восстановить в Америке истинное учение И. Христа, лично являвшегося в Америке после своего воскресения благочестивому племени «нефитов». Из верных приверженцев И. Смига образовались общины «святых». Вследствие столкновений со вновь прибывшими в ту страну колонистами, мормоны были оттеснены постепенно к западу. Первый город с великолепным храмом, построенный ими, был Наувоо в штате Иллинойс. Но вследствие произведённого здесь возмущения со стороны мормонов, правительство решило преследовать их, как возмутителей, оружием. И. Смит и его брат при этом пали жертвой взаимного ожесточения. Мормоны создали из них мучеников, память которых подогрела фанатизм сектантов и возбудила в них ревность к распространению мормонства. Могила Смига, место которой известно только мормонам, сделалось для них священным местом, куда они и теперь отправляются на поклонение.

После смерти И. Смига во главе мормонства стал Брагам Юнг, как президент «двенадцати апостолов», составляющих верховный совет этого единственного в своём роде религиозно-общественного явления. Верховному совету подчинены 70 «старцев», «первосвященники», «старейшины», обыкновенные «священники», «учители» и «диаконы». Б. Юнг родился в 1810 году, на 20-м году своей жизни он уже принадлежал к секте и с 1834 года начал заседать в «коллегии апостолов». Как проповедник («евангелист») он переходил с места на место по восточным штатам северн. Америки, был в Англии и здесь в первый раз издал «Библию Мормонов». Потом он собрал и

издал в свет своё сочинение «Тысячелетняя звезда». Таким образом ему, как деятельнейшему представителю секты, было вручено главенство в ней. Он заметил, что жизнь мормонов среди других колонистов не может беспрепятственно развиваться, и счёл необходимым избрать для них область, где они могли бы без стеснений и столкновений осуществить свои государственные и общественные идеалы. С этой целью он предпринял переселение мормонов в сравнительно пустынную местность плоскогорий Утах, в окрестности Соляного озера, которая сделалась для мормонов своего рода обетованной землёй. С беспримерной силой воли принялись мормоны за возделывание новой страны и устройство своего главного города, которому дано громкое имя «Нового Сиона» или «Нового Иерусалима». Переселение произошло в 1847 году летом. Два года спустя в городе было 900 обитателей, а во всей стране (по исчислению 1850 года) было 11,354 жителей. Через 10 лет народонаселение почти утроилось, причём в главном городе было более 11 тысяч жителей. В 1852 году Б. Юнг объявил так называемый у мормонов «небесный закон о браке», или многожёнство. В основе его лежит необходимость для «народа святого» размножаться, как песок морской, т. е. распространять истинную церковь Христову. В защиту основоположений этого закона, Юнг ссылается на то, что в Библии будто нет нигде запрещения многожёнства, как думают «язычники» (христиане). Число жён по закону Юнга может быть неограниченное. Кто из них захочет, кроме одной жены жениться на другой, третьей, четвёртой и т. д., тот должен получить согласие своей избранницы, затем её родителей или воспитателей, – что, впрочем, не необходимо. Но без согласия «пророка» обойтись нельзя никоим образом. После этого совершается торжественное религиозное благословение («запечатление»), которое даёт право новобрачной вступить в полные права супруги хозяина дома, как будто она первая и единственная его жена. Из такой постановки дела видно, как должны быть велики власть и влияние пророка, без которого не может состояться ни один брак. – Как ни странным является многожёнство в среде цивилизованных людей, тем не менее у

мормонов оно стоит очень прочно, потому что оно есть средство к возрастанию на земле царства Христова, а, следовательно, и одно из средств к достижению небесного Его царства. Самыми ревностными поборниками многожёнства являются представители мормонства и из них первым оказывается Б. Юнг, имевший 18 законных жён и больше 40 детей. В 1857 году Б. Юнг издал законы, которыми подробно определялось устройство государства мормонов (штата на плоскогории Утах). Видно, что он обладал большими организаторскими и административными способностями. Власть его в штате, губернатором которого он был признан официально в 1850 году, была безгранична: он был и светским главой, и, одновременно с этим, духовным, владыкой штата до самой своей смерти в 1877 году. С его смертью мормонство, как секта, понесло невоснаградимую потерю, потому что никто из его преемников не был в силах удержаться на степени, которую занимал он. К этому присоединились и внешние обстоятельства. Умственное и религиозное невежество, на котором покоится основание штата мормонов, не могло выдерживать борьбы с идеями американской цивилизации. Уединённая, замкнутая жизнь держала мормонов во тьме, которая стала рассеиваться по мере проникновения в их «священную пустыню» образованности. Постепенное заселение соседних областей, распространение железных дорог и их проведение к центру мормонства, к «Новому Иерусалиму» было причиной всё большего и большего их соприкосновения с христианским миром, или, как выражаются сами мормоны, «с миром язычников», который не остался без влияния на умственный и религиозный склад воззрений молодых поколений мормонов. Старики их стали вымирать, а с ними разрушались «столпы» мормонства. Молодые мормоны стали стыдиться своей веры и стали стремиться к тому, чтобы сравняться с соседями в образе своей домашней жизни. Да это необходимо и в видах полного присоединения штата к Союзу С.-А. С. Штатов.

Попытки к распространению своей секты мормоны делали неоднократно, но почти нигде не встретили себе сочувствия. Наибольший успех они встречали себе среди шведов и датчан.

В настоящее время число их простирается до 300 тысяч. В Америке час мормонства пробил, так что, если они не отыщут для себя новой «пустыни», новой «обетованной земли», имя их должно будет исчезнуть с лица земли, и только величественные постройки около Соляного озера будут свидетелями их существования⁷⁴.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1896 г.
№ 1–12. С. 47–53**

1) П. К. [Рец. на:]: Молоканская секта. Об иконопочитании и иконопоклонении, сочинение протоиерея Е. А. Остромысленского. Выпуск 1. 1882 года. Выпуск II. 1888 г. 96 стр. + 71 стр. С. 47–49

Вопрос об иконопочитании является одним из главных камней преткновения для наших миссионеров в борьбе с так называемыми духовными христианами: духоборцами, молоканами, штундо-баптистами, пашковцами и другими. Трудность эта обуславливается широтой данного вопроса – захватывающего много побочных понятий, необходимых для выяснения сущности православного учения об иконопочитании, – с одной стороны, а с другой – недостатком хороших полемико-апологетического характера сочинений по тому же предмету. Правда есть не мало отдельных брошюр, трактатов и бесед в защиту православного учения об иконопочитании; все они в большей или меньшей мере удовлетворяют своему назначению и служат подспорьем нашим пастырям и миссионерам в их борьбе с иконоборческими сектами. Но таких сочинений в нашей противо-сектантской апологетико-полемической литературы, которые бы всецело были посвящены вопросу об иконопочитании, всесторонне освещали предмет и отличались убедительною доказательностью, найдётся очень немного. К числу таких редких, *бесспорно* полезных, глубоко и всесторонне захватывающих предмет и в тоже время не лишённых популярности произведений и принадлежит труд под вышеназванным заглавием протоиерея Е. А. Остромысленского. – Автор вопрос об иконопочитании подразделяет на два частных вопроса: об иконопочитании и об иконопоклонении. На сколько обстоятельно обследуется данный вопрос, можно видеть из того, что выяснению понятия об иконах, чествуемых православной Церковью, предпосылается целый ряд вопросов: понятие о кумирах и всяких подобиях; вещи и принадлежности богослужения, возбраняемые и предписываемые в Слове Божиим; Бог – истинный и боги языческие; боги – как образы вымышленные; образы небесных

предметов; кивот завета – как образ Божий; образы херувимов; ветхозаветные явления Бога в образе, человеческом; различие между иконами и кумирами как по их содержанию, так и по самым побуждениям к их созиданию; иконы – для воспоминания о Боге: иконы – олицетворённое Слово Божие; различие между иконами и кумирами по цели, для которой они устраиваются. Точно также подробно рассматриваются автором и вопросы об иконопоклонении или чествовании икон притом всецело на основании мест из св. Писания В. и Н. завета. Во второй части названного труда протоиерея Остромысленского предложен трактат о священном Писании, выясняющий вопрос о том, как нужно читать Слово Божие и чем руководствоваться в истолковании его, – и указывающий какие вредные последствия влечёт за собой произвол в понимании и толковании Слова Божия: различные секты, существующие у нас, в России, в том числе и молоканство, представляют собой печальный результат горделивой пытливости ума человеческого, вышедшего в деле понимания Слова Божия из повиновения святой Церкви.

Труд о. протоиерея Остромысленского особенно в первой своей части, трактующей об иконопочитании, несмотря на то, что вышел из под пера автора более 10 лет тому назад (в 1882 г.), не только не устарел, но до сих пор является единственным в своём роде и, благодаря своему простому, популярному даже изложению, может оказать неоценённую услугу пастырю-миссионеру в деле борьбы с иконоборческими сектами, а по теплоте христианского чувства и отсутствию всякого вида нетерпимости и раздражительности может служить образцом для пастыря-миссионера в его беседах с заблуждающимися.

П. К.

2) П. К. [Рец. на:]: Беседы священника с наставниками молоканскими в опровержение мнений по главным пунктам вероучения молокан и штундистов, протоиерея Павла Боброва. СПб. 1896 г., 78 стр. Цена 25 коп., с пересылкой 40 коп. С. 49–50

Труд протоиерея П. Боброва представляет из себя три трактата, предложенных читателю в виде бесед и касающихся трёх главных пунктов православного вероучения, пререкаемых молоканами и штундистами: иконопочитания, священного Предания и Церкви Христовой с богоустановленной иерархией. Автор в популярной форме ведёт речь свою в защиту православного учения об этих пунктах; при этом он попутно, сообразно с ходом бесед, опровергает молоканские возражения и неправильно толкуемые этими сектантами места из Слова Божия, приводимые ими в подтверждение своего лжеучения.

Из предложенных трёх трактатов – бесед – первый из них об иконопочитании значительно слабее остальных двух; впрочем, это и понятно: вопрос об иконопочитании – один из самых труднейших вопросов нашей догматики, оспариваемых сектантами.

В виде упрёка можно поставить автору то обстоятельство, что его беседы не имеют строгой системы: чтение этих бесед производит такое впечатление, как будто бы автор в собеседованиях своих руководствовался течением вопросов, предлагаемых сектантами в ущерб даже единству предмета и цельности беседы. Вследствие этого и понятны встречающиеся в беседах повторения (30, 31, 41 стр. и др.).

К числу недостатков чисто внешнего характера рассматриваемого труда о. Боброва нужно отнести и то, что автор тексты приводит на славянском, а не на русском языке. Между тем общеизвестен факт, что ни одна из рационалистических сект в настоящее время не пользуется славянским текстом свящ. книг В. и Н. Завета. Если в устных беседах с сектантами миссионеры не находят возможным пользоваться славянским текстом Библии, то тем более этот

текст не должен иметь места в печатных, миссионерского характера, беседах. Популярное изложение рассматриваемых нами бесед рассчитано, по-видимому, на то, чтобы они нашли для себя читателей и среди сектантов. А если так, то славянский текст свящ. Писания, который совершенно игнорируется сектантами, не уместен в печатных миссионерских практического характера произведениях.

Нельзя также оправдать автора и за то, что он в свой печатный труд привнёс некоторую долю вульгарности: выражения «мы *нажидали* вас, жить *на волке*, *молоканить*, *необычилось*» и некоторые другие (3–5 стр.), по нашему мнению, совершенно неуместны в печатном, хотя бы и предназначенном для простолюдинов, произведении.

Впрочем, названный труд о. Боброва, несмотря на вышеуказанные недостатки, может быть полезен для пастыря миссионера: он служит наглядной иллюстрацией, как вести беседы с сектантами.

П. К.

3) Козицкий П. [Рец. на:]: Поучения в ограждение православных от штундистских заблуждений, священ. киевской епархии Владимира Данкевича. Москва, 1893 г., 104 стр., цен. 40 к., с пересылк. 55 к. С. 50–51

Предлагаемые свящ. В. Данкевичем поучения в ограждение православных от штундистских заблуждений обнимают собой почти весь круг штундистского суемудрия и исчерпывают почти все вопросы, пререкаемые сектантами. Кроме таких общих вопросов, как вопросы: о свящ. Предании и св. Писании, о храме, о кресте и крестном знамении, об иконопочитании, о молитвенном призывании святых, о посте, о таинствах и повиновении законно-поставленным, а не самозванным, учителям, – автор касается и более частных вопросов, как напр.: можно ли толковать св. Писание по своему личному разумению, какая вера спасает, о необходимости внешних обрядовых действий при молитве и богослужении, о нареканиях на пастырей Церкви из-за платы за требы, об оскорбительных суждениях штундистов о церкви и церковных сборах.

Почтения о. Данкевича написаны просто, удобовразумительно для простолюдинов и не лишены даже назидательности; направлены они не столько на опровержение сектантских заблуждений, сколько на ограждение и охранение православных от сектантского суемудрия и утверждения сынов нашей Церкви в православии. Потому вполне понятно, что автор подтверждает в своих поучениях те или другие положения обильными выписками из творений святоотеческих и творений мужей апостольских (15, 17, 20, 39, 52, 54, 55, 66, 68 и др. стр.), церковной истории (11, 12, 13, 25, 46 и др. стр.), из Четьи Миней и Печер. Патерика (43, 44, 48, 59, 60, 68 и др. стр.). Эти выписки сообщают поучениям характер церковности и назидательности.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в некоторых местах к поучениям простым и незатейливым по своему построению и изложению приставлены тирады, преимущественно в начале, написанные возвышенным

богословско-философским языком, отличающиеся ораторской отделкой и глубиной и широтой богословского мировоззрения, (10, 49, 50 стр.). Подобные тирады, не гармонирующие с общим строем простых поучений, мало понятны для того круга слушателей, для которого эти поучения предназначены, а потому они являются совершенно неуместными.

Утверждать, как делает автор «Почений», что со времени В. Князя Владимира более восьми веков не было у нас ересей (4 стр.) – историческая неточность, – и что данное в В. Завете обязательно для нас и для наших времён, за исключением *лишь обрезания*, которое заменено крещением (38 стр.) – неточность догматическая. Подобные неточности не полезны; желательно было бы их не встречать, в особенности в поучениях миссионерского характера.

П. Козицкий

4) Козицкий П. [Рец. на:]: Беседы о разных истинах православной веры против молокан и сродных им сектантов: штундистов, баптистов и др. (из внебогослужебных собеседований), священника с. Степановки, Пензенской епархии, Николая Быстрова. Пенза. 1889 г. 265 стр., ц. 85 коп., с пересылк. 1 р. С. 52–53

Автор своим беседам предпосылает краткое предисловие (3–6 стр.), в котором излагает причины, побудившие его выпустить в свет свой труд под выше указанным заглавием. О. Быстров, поступив священником в сектантский приход, напечатал в «Пастыр. Собеседнике» в ограждение православного учения ряд бесед об иконопочитании и издал их отдельной брошюрой. Брошюрки эти были розданы тем, кто заподозрен был в принадлежности к сектантству, и произвели между ними известного рода сенсацию. Через несколько времени один из сектантов представил о. Быстрову нечто в роде молоканского катехизиса, или вернее, – в роде изложения вероучения сектантов. О. Быстров и ответил сектантам в форме беседы. Из этого объяснения автора с читателем видно, что беседы о. Быстрова должны отличаться оригинальностью и не походить на обычный тип миссионерских противо-сектантских бесед. Более близкое знакомство с рассматриваемым нами трудом вполне подтверждает наше предположение.

Довольно объёмистая книжка о. Быстрова (265 стр.) включает в себе шесть отделов: 1-й – о свящ. Предании (IX бесед), 2 – о почитании святых (VI бес.); 3 – молитвенном призывании святых (VIII бес.); 4 – о почитании святых мощей (XI бес.), 5 – об иконопочитании (VIII бес.); 6 – о св. кресте и крестном знамении, (XII бес.). Все эти отделы распадаются на две части: в первой части автор самым подробным образом разбирает те основания, на которых покоится то или другое из рассматриваемых им учений православной Церкви; во второй – опровергает пункт за пунктом возражения сектантов по тому или

другому вопросу, заимствованные преимущественно из представленного ему молоканского катехизиса. В своих доказательствах положительных истин автор ссылается на места свящ. Писания, на доводы разума, на свящ. Предание, заключающееся в святоотеческой литературе и на церковно-исторические данные. Этим же путём он разрешает и возражения сектантов. Ссылки на свящ. Предание при опровержении возражений сектантов по тому или другому пункту православного вероучения о. Быстров мотивирует тем, что «ближайшее знакомство сектантов с учением Церкви, при непосредственном руководстве и указаниях свящ. Предания, скорее всего откроет глаза заблудившимся и побудит их оставить заблуждения» (6 стр.).

К числу достоинств рассматриваемого нами труда о. Быстрова нужно отнести: простоту изложения, ясность мысли, глубокое проникновение в дух свящ. Писан., широкое знакомство и умелое пользование святоотеческой литературой, спокойный тон изложения и всестороннее рассмотрение разбираемого вопроса. Указанные достоинства «Бесед» о. Быстрова дают нам право отвести им видное место в нашей миссионерско-полемиической литературе и обратить на них внимание ратоборцев на миссионерском поприще.

П. Козицкий

**Заметки // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12.
С. 53–61**

1) Достойный подражания пример борьбы с сектантством. С. 53–56

В одном из уездов Владимирской губернии, Меленковском, давным-давно свило себе гнездо молоканство. Оно насчитывает в рядах своих последователей более 1000 человек. Пропаганду своего лжеучения главари секты вели до сих пор энергично. Они обыкновенно для своей проповеди избирают такие окрестные сёла и деревни, где бывают ярмарки, базары, торжища. Здесь среди многолюдной толпы православного люда непризванные учителя и «толкаются» с проповедью своих лжеучений. Для подкрепления её и для большего распространения среди тёмного люда своего лжеучения, пропагандисты даром раздают экземпляры Нового Завета «с ясными отметками текстов, якобы подтверждающих их вероучение», а также щедрой рукой раздают и брошюры сектантского характера.

На подобную деятельность молокан обратило своё внимание Владимирское братство св. Александра Невского. Оно сочло нужным в главном центре молоканства, с. Коровине, учредить должность особого миссионера. Выбор пал на местного священника о. Г. Орфеева. Молодой и энергичный батюшка умело взялся за дело. Он разъезжал по местным сёлам и деревням и вёл публичные беседы с молоканами. Но трёхлетний опыт показал ему, что одних публичных бесед слишком мало для ослабления молоканства. И вот о. Орфеев решается открыть в своём селе Коровине, с целью приготовить из прихожан и некоторых других ревнителей православной веры помощников себе в борьбе с сектой молокан, противосектантское братство с особой организацией и соблюдением особо составленных для этого правил. Из 9-ти правил особенно обращают на себя внимания правила 4, 5, 6. Правило 4) члены отделения дважды в месяц должны являться на общее собеседование для подробного разъяснения истины православия и раскрытия вопросов, предлагаемых сектантами православным; 5) для утверждения православных в св. вере,

члены-сотрудники праздничными днями перед православными ведут религиозно-нравственные чтения по предметам, указанным о. Орфеевым; с этой же целью они посещают дома лиц, в которых замечается охлаждение к православию; 6) с целью привлечения сектантов в лоно Церкви, миссионер, при участии членов-сотрудников, ведёт публичные беседы, а после них члены-сотрудники по домам сектантов и колеблющихся в православии той деревни, где происходила беседа, снова раскрывают предметы публичной беседы в частных уже беседах».

В отделениях, кроме свящ. о. Г. Орфеева, членами-сотрудниками состояли ещё десять крестьян; в ряду последних находятся трое, до 1893 года принадлежавшие к секте молокан. Коровинское противо-сектантское братство имеет свою библиотеку, которая главным образом состоит из книг и брошюр противо-сектантского содержания.

Прежде чем вызвать на помощь миссии членов-сотрудников о. Григорий Орфеев в целом ряде «братских бесед» раскрыл перед ними главные и важнейшие истины православия, а также подверг вполне доступному для их понимания разбору главнейшие положения молоканства и те возражения, которые делают молокане против православных. Эти беседы, происходившие дважды в месяц в здании церковно-приходской школы, по замечанию самого о. Орфеева, «дали копьё и меч каждому из его сотрудников» по борьбе с молоканами.

Подготовленные таким образом члены-сотрудники, действительно, явились ревностными помощниками о. Орфееву. Их ревность к делу защиты святой истины доходит до самоотвержения. По словам о. Орфеева, «в зимнюю пору, оставляя своё хозяйство, поддерживаемое трудной работой в рудниках, не взирая ни на холод, ни на вьюгу, члены-сотрудники отправлялись на публичные беседы в деревни и сёла, отстоящие от их жилищ вёрст на двадцать и более». Члены-сотрудники не только помогали о. Орфееву во время публичных бесед, но и после них оставались в том или другом селе, где велась беседа, на день, а иногда и на два, чтобы ещё раз среди колеблющихся в православии христиан раскрыть и уяснить

предметы проведённой публичной беседы. Кроме того, эти же члены-сотрудники в своих деревнях посещали дома колеблющихся в православии, разъясняли по указанию о. Орфеева те или другие предметы св. веры, а иногда и вели чтения рекомендованных миссионером о. Орфеевым статей противосектантского характера. Зимой эти чтения члены-сотрудники вели в своих домах, а летом среди улицы под открытым небом. Бывали и такие случаи, когда члены-сотрудники о. Орфеева являлись в собрания молокан и здесь предлагали лже-наставникам вопросы, которые в большинстве случаев ставили главарей молоканства в затруднительное положение.

Результаты подобной деятельности противосектантского коровинского братства в высшей степени благотворны. Православные раньше никогда не решались дать отпор сектантской пропаганде молокан, чувствуя себя не в силах бороться с молоканами, и не редко были уловляемы ими в сети своего лжеучения. Теперь же положение вещей круто изменилось. Православные, благодаря непрерывным беседам о. Орфеева и его членов-сотрудников, ободрились и относятся с недоверием к сектантской проповеди, так что переход православных в молоканство в приходах, заражённых им, совершенно прекратился. Мало того, теперь и некоторые из молокан стали оставлять свои заблуждения и возвращаться в лоно православной Церкви.

В настоящем году это Коровинское отделение братства вступило уже в третий год своего существования. Число членов его год от года увеличивается, район его противосектантской деятельности тоже расширяется. Насколько широки размеры этой деятельности, видно из того, что в последнее время члены-сотрудники, вместе со своим вождём о. Орфеевым, провели свыше 30 публичных бесед.

Дай Бог, чтобы Коровинское противосектантское братство своей благотворной деятельностью вызвало подражание и в других пастырях нашего обширного отечества.

2) Опыт дешёвого устройства уличной библиотеки. С. 56–59

Ещё в июле м. 1891 г. по ходатайству г. Обер-Прокурора Св. Синода, её Императорскому Величеству, ныне вдовствующей Государыне Императрице Марии Феодоровне, благоугодно было положить начало одному из самых полезных, практичных и самых дешёвых способов просвещения простого русского народа, именно: устройству, так называемых, «уличных библиотек»⁷⁵. С того времени эти библиотеки стали постепенно множиться и приобретать некоторую популярность. Между истинными ревнителями народного просвещения нашлись такие люди, которые посвятили немало времени и труда устройству уличных библиотек, создали для них некоторую организацию и тем содействовали их постепенному росту. В этом полезном деле весьма видное место, бесспорно, *принадлежит* И. Д. Митрополову, который *пользуется* вполне заслуженным вниманием общества не за то только, что он устроил уличные библиотеки в С.-Петербурге, Саратове, Воронеже, Задонске, Екатеринбурге, в некоторых даже местечках и селениях, но и за то, что дал много полезных советов и указаний тем, которые захотели бы подражать ему в деле устройства таких библиотек и послужить ко благу тёмного народа⁷⁶.

По его планам и указаниям, устроена и Шуйская уличная библиотека, при церкви Всемиловитового Спаса. Вот что рассказывает об устройстве этой библиотеки и пользе её сам устроитель библиотеки, священник Д. Г. «Прочитав со вниманием в Церковных Ведомостях заметки И. Д. Митрополова об устройстве уличных библиотек и ознакомившись с планами и способами устройства их, я, говорит устроитель означенной библиотеки, вознамерился воспользоваться этими заметками и открыть при своей Спасской церкви, по одному из предлагаемых Митрополовым планов, небольшую уличную библиотеку. Центральное положение в городе Спасской церкви, мимо которой ежедневно проходит много народа, могло вполне обеспечивать успех

предприятия. Можно было вполне надеяться, что библиотека, будучи выставлена на открытом видном месте, с хорошим подбором назидательного чтения, сослужит свою службу в деле проведения в народную массу полезных и душеспасительных знаний и принесёт некоторую пользу. Испросив в августе месяце прошлого года архипастырское разрешение на устройство библиотеки, я приступил к делу.

Из многих планов и способов устройства, так называемых, уличных библиотек, указанных г. Митрополовым, я избрал самый простой и самый дешёвый, именно, способ устройства на дощечках, который выполняется таким образом: на сухие сосновые дощечки наклеивается сперва белая бумага, а потом, сверх бумаги, – наклеиваются листки для чтения и покрываются желатином и дамарным (картинным) лаком, чтобы они от непогоды и других неблагоприятных условий не портились. Приняв этот способ устройства библиотеки, я заготовил 10 нужных дощечек в 1 арш. и 6 верш. длины и 6 вершков ширины, приобрёл по два экземпляра общепользных брошюр, совершенно одинаковых и по содержанию и по времени издания, и приступил к расклейке их на дощечках. При этой работе, первая страница, нечётная, берётся из одного экземпляра, а вторая, чётная, берётся из другого такого же экземпляра, третья страница опять нечётная, берётся из первого экземпляра, а четвёртая – чётная, из второго и т. д. После того, как все страницы из двух брошюр бывают расклеены в последовательном порядке, – одна под другой, – получаются на дощечках продольные параллельные столбцы, заключающие законченные чтения. Когда таким путём была приготовлена Шуйская уличная библиотека, то выставлена была на решётках церковной ограды, с южной стороны, при Спасской церкви.

Вскоре после сего можно было наблюдать, как проходившие мимо церковной ограды, движимые любопытством, устремлялись к вывешенной библиотеке, и, несмотря на непогоду осеннего времени, подолгу стояли здесь, прочитывая наклеенные на дощечках листки. В воскресные и праздничные дни, особенно при благоприятной погоде, у

библиотеки замечалось значительное скопление народа: один напр. читал про себя, другой вслух, а окружавшие его напряжённо слушали читаемое. Так продолжалось дело в течение осени до зимы. С наступлением же зимы, когда довольно обильно выпавший снег и холодное время стали препятствовать чтению прохожих на открытом воздухе, то библиотека была снята с церковной ограды и убрана до весны.

По истечении Великого поста, при наступлении тёплой погоды, устроитель библиотеки снова вывесил её на прежнем месте, заменив почерневшие от времени листки новыми и пополнив состав библиотеки четырьмя большими рамами со стёклами⁷⁷. За стеклом в каждой раме выставлен толстый картон, а на картоне кнопками прикреплены листки, как и на дощечках. Так как каждая рама особым переплётom разделена на две равные половины, то чтения, как и на дощечках, идут в два ряда на каждой половине, так что в каждой раме помещается до четырёх небольших законченных чтений, составленных из брошюр. Кроме сего, в ограде церковной, под аркой одной двери, которая никогда не отворяется, также размещены чтения религиозно-нравственного содержания. Одни из этих чтений, представляя собой отдельные листки большого формата, крупной церковно-славянской печати, наклеены на прочный картон и прибиты к стене. таковы, напр., слово св. Иоанна Златоустого к смеющимся и разговаривающим в церкви (с картиной), «о мире и согласии» его же, а также большой лист, гражданской печати, «о приглашении христиан покупать восковые свечи по возможности в церкви, о воскресном дне» и т. п., а другие чтения, без всякой наклейки, прибиты прямо к стене арки, где они прикрыты и от дождя и от ветра и где читать их удобно даже и в дождливое время.

В летнее время всегда можно замечать читающих что-либо из вывешенной библиотеки. В воскресные и праздничные дни число читающей публики увеличивается. Особенно перед началом службы много является охотников до чтения. В таких случаях обыкновенно бывает так, что из целой толпы выделяется один грамотный и начинает чтение, а прочие слушают и по временам, снимая шапки, крестятся.

Нет надобности распространяться о пользе и рациональности устройства уличных библиотек: то и другое очевидно само собой. Опыт показал, с какой охотой читает народ книжки и листки духовно-нравственного содержания. Издаваемые Троице-Сергиевой лаврой листки и книжки, как известно, расходятся ежегодно сотнями тысяч экземпляров. Но листок, ставший достоянием одного лица, прочитается одним, другим и, много, третьим, и затеряется, тогда как тот же листок, будучи прибит или приклеен к доске и выставлен на видном месте для всех, может быть прочитан не одной сотней людей.

3) Одна из мер борьбы с расколом. С. 59–61

В селе Кузьмине, Серпуховского уезда, существует церковно-приходская школа; законоучителем в ней состоит приходский священник П.Д. Кремышенский. Так как приход означенного села имеет значительное число раскольников, то законоучитель, воспитывая детей в духе православия, желает охранить их в будущем от соращения в раскол, поэтому он расширил пределы программы по Закону Божию: о. Кремышенский довольно уделяет времени для преподавания детям истории раскола и наглядно знакомит их с книжками и брошюрами по его обличению. Для укрепления в памяти учащихся детей сведений по части раскола, в Кузьминской школе развешаны по стенам напечатанные крупным славянским шрифтом таблицы из «тринадцати вопросов о св. Церкви и священстве, поданных лже-архиепископу Антонию Шутову Егором Антоновым», – таблицы о именованном перстосложении для благословения и троеперстном сложении для молитвы; – есть таблицы, составленные законоучителем под заглавием: «Вопросы в обличение поповщинского толка». Каждый воскресный и праздничный день, после утрени до обедни, ученики собираются в школу; сюда же приходят дети и из соседней, в деревне Глотаевой, школы, вместе с своими отцами или старшими братьями, и отчётливо громким голосом один из старших учеников в наущение присутствующим прочитывает развешанные таблицы. Само собой понятно, что дети с малых лет, усваяя уроки по Закону Божию, в то же время, при указанном школьном порядке, приобретают хотя краткие, но ясные и основательные познания по обличению раскола; от частого повторения незаметно эти сведения укрепляются в памяти не только малых детей, но и слушающих безграмотных родителей их или родственников. В известный период времени, по испытании законоучителем детей в знании помещённого на таблицах, последние сменяются другими подобного же содержания. Что такой порядок борьбы с расколом благотворно отражается на населении, можно видеть из того, что в

последнее время были отрадные случаи искреннего, – по словам о. законоучителя, – обращения из дебрей раскола к свету Православной Церкви. – Член Серпуховского уездного отделения Кирилло-Мефодиевского братства, Воскресенской города Серпухова церкви свящ. С. Д. Поспелов, производивший 26-го мая прошлого года в упомянутой школе окончившим курс учения экзамен, не мало был удивлён осмысленными и толковыми ответами их на следующие, например, вопросы: «как произошёл на святой Руси раскол? кто первые расколоучители? сохранилось ли у старообрядцев единение? Какие признаки истинно – Православной Церкви? есть ли эти признаки в обществах раскольнических?» и т. п. В Кузминском приходе с давних пор раскол, по-видимому, укрепился и, так сказать, торжествовал над православием, потому что, по-своему ожесточённому упорству, не поддавался никаким воздействиям со стороны местного духовенства; но теперь настала иная пора: начинающееся ослабление его посредством школы обещает в недалёком будущем полное торжество православия («Русск. Лист.»).

Апрель. Книга 1-я

Ивановский В. И., проф. С чего и как начинать изучение сектантства? ⁷⁸ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 3–10

Относительно сект, называемых рационалистическими, известно следующее: первой по времени образования была рационалистическая секта, названная духоборческою. Но в ней в значительной степени примешивались мистические бредни. Один из первых сектаторов (Иларион Побирохин) называл себя сыном Божиим и собирался судить вселенную. Бредни его возмутили самых близких к нему людей. Зять его Семён Уклеин, возмущённый таким самомнением, отделился от него и организовал секту с направлением строго рационалистическим, рассудочным, названную молоканской. Идеи рационалистические занесены были к нам в Петровское время и обнаруживались несколько ранее Уклеина в тамбовской губернии, в пределах которой и получила начало молоканская секта. Но к чистому рационализму скоро примешались понятия и установления еврейские. Затем, как в духоборчестве, так и в молоканстве отвержение иерархии, проповедование равенства, а также и стремление нравственные евангельские идеалы, односторонне понятые, перенести в жизнь общественную положили начало социальным тенденциям (отрицание присяги, военной службы и т.п.). Далее: провозглашённый принцип полного равенства и рассудочности не был, – да и не мог быть – выдержан и в молоканстве; скоро явились мнимые пророки и апостолы, открылась дверь и разного рода мистическим бредням, свойственным духоборчеству. Наконец, мысли о религии чисто духовной, чуждой всяких внешних проявлений и упорядоченного богослужебного культа, также оказались неосуществимыми; явились молитвы с коленопреклонениями и чины на разные случаи жизни. И вот молоканство, на первый взгляд, по-видимому, простое и стройное, руководящееся как будто только евангелием и признающее за идеал церковь первых веков христианства, скоро стало разлагаться, внесло какой-то хаос в жизнь религиозную, послужило источником

новых и новых сект, то стремящихся вперёд в развитии известных упомянутых начал, то уклоняющихся назад от идей чистого молоканства. Явились прежде всего «воскресники и субботники»; образовалась секта «общих» с их коммунизмом; явились сумасбродные пророки, проповедовавшие наступление тысячелетнего царства на земле, около Араратских гор, пытавшиеся, подобно Илии, вознестись на небо, восторженные прыгуны и наивные самозванные короновавшиеся цари. В более близкое к нам время сделалась известной «Сионская весть», представляющая смешение духоборческого мистицизма и еврейских понятий с грубым материализмом, при очевидной социальной подкладке, направляющая воображение к идеалам чисто фантастическим в форме того же тысячелетнего царства. С другой стороны, и обрядность, столь противная чистому молоканству, всё более завоёвывала и себе место: образовался «Донской толк», в коем и обряды, и богослужение, и вечера. При этом, независимо от всего этого развития идей, присущих молоканству, вторглась штунда и заразила многие местности. Вот что нам более или менее было известно до сих пор. Но проявления разнузданной мысли сектантов идут вперёд; к старому, известному примешивается новое, неизвестное и настолько иногда своеобразное, что перед ним невольно останавливаешься в недоумении; бывший хаос понятий, требований и обычаев всё более увеличивается. Задача нашего времени постепенно разбираться в этом хаосе и вносить луч света во тьму лжеучений. Но при изучении-то этих явлений и необходимо иметь предварительные знания, быть знакомым со всем тем, что было до сих пор известно, по крайней мере со стороны общих руководящих начал. При этом только, ознакомление с современными явлениями в области сектантства будет, действительно, шагом вперёд, будет сознательно, целесообразно и плодотворно. При этом только, поставленные в соприкосновение с означенными явлениями, мы будем уметь ценить, что важно в известном явлении и что не важно, что случайно и что существенно.

Можно надеяться, что если мы станем изучать сектантство с необходимой, хотя и необширной подготовкой, то в недалёком

будущем достигнем того, что в состоянии будем систематизировать все виды и проявления оного.

* * *

То, что мы хотели сказать, сказали. Но в виду могущих быть недоразумений и в особенности перетолкований, не излишним находим сказать несколько и о дальнейшем. В начале мы заметили уже, что нашу конечную цель составляет не простая систематизация сектантских лжеучений; не желание одного ознакомления с жизнью сектантов должно руководить нами, а разоблачение лжи сектантства, борьба с заблуждением. В прежнее время систематизирование разных сектантских лжеучений считали иногда даже вредным. Взгляд этот составлял, быть может, и недоразумение, но более всего он проистекал, как можно думать, из того, что занимавшиеся изучением сектантства и его заблуждений, на этом только и успокаивались, останавливаясь таким образом на половине дороги. Идти далее, – к опровержению, они считали чем-то скучным, неинтересным, точно ненужным, во всяком же случае не своим делом. Таким образом разрывалась связь между различными болезненными явлениями и их оценкой и ослабление между историей и полемикой. При таком положении лучше, действительно, не работать на пользу других, лучше и интереса, и любознательности не возбуждать, чем ознакомлять и как бы повод давать с удивлением останавливаться перед замысловатыми иногда системами лжеучения, в коих казовая сторона может представляться совершенно невинной, а, – бывает, – даже и симпатичной. Бесспорно, что лучше совсем не говорить, чем популяризировать лжеучения. Но с другой стороны мы уже замечали также, что, если иметь в виду борьбу с противником, разоблачение его заблуждений, фальши, софистических тонкостей, – нужно хорошо знать всё это. Ибо как же мы будем бороться, не зная, с чем именно нужно бороться? При незнании системы лжеучения и коренных её основ, – большая опасность создать собственные иллюзии и бороться с ними, или, ещё скорее: – выхватить несколько положений, не имеющих в системе существенного значения, или имеющих слабый, скрытый смысл, и разбивать эти

положения, прикрываемые известной благовидностью. В том и другом случае труды наши пользы не принесут, так как не поразят противника в самое сердце; удары обличения будут для него совершенно не чувствительны, ибо не в ту сторону направлены; полемика может разрастись весьма обширная, но малополезная. Дело в том, что каждый сектант похож на человека, обрывающего ветви величественного дерева и пересаживающего их на другую почву каменистую гордого самомнения и самообольщения, или заросшую другими негодными травами. Сделав эту пересадку, он хвалится украденной веткой, как чем-то своим. Естественно, оторванная ветка, без корня, на дурной почве, начинает гнить и засыхать: прежний аромат исчезает и заменяется гнилостным запахом, – тогда как на дереве на месте отломленной ветки являются новые, полные благоухания. Так поступают решительно все сектанты, начиная от старообрядцев, вырвавших клочки из «старых» книг, продолжая молоканами разнообразнейших оттенков и до хлыстов, скопцов и «Сионской вести» включительно. Все они держат в руках Библию; последователи и пропагандисты и последней секты также читают Библию и подчёркивают известные места, перетолковывая их по-своему. Поэтому и не видится пользы останавливаться на отрывочных, вне системы, – каких-либо частных положениях и на опровержения их тратить всю свою энергию, не видится необходимости обрывать листья и сучки от ветки сектантства, нужно докопаться до корня и расследовать почву, на которую ветка пересажена. – Наилучшая полемика – та, где немногими словами, образно выраженными, можно обнаружить бесплодность, или негодность почвы, или где возражения можно обратить в ноль, не входя в обширные и спорные рассуждения со стороны фактической. Конечно, достигнуть этого не легко и можно не вдруг, а путём продолжительного изучения цельной системы каждой секты, на котором мы и настаиваем. Чтобы мысль наша была понятнее, приведём пример, хотя и из другой области. перед нами раскольник – старообрядец. В основе его раскола с Церковью лежат три мысли: охранение обрядов, учение о наступлении царства антихриста, полу-разрушившего

церковь и третья. – отношение к ним правительства и церковной власти. Зная всю систему, зная почву, мы можем прямо на это и направлять свои речи, совсем иногда не пространные. Первое, относительно обрядов спросить: что в новых обрядах еретического! На второе сказать: «ты антихриста ищешь: – нужно искать Христа, а не антихриста; есть ли у тебя Христос, Его жертва, Его церковь?» Третье, – «тут одни придирки, ибо отношения всегда и ко всем были не одинаковы». К этим основным мыслям и присоединяется всё остальное. О сущности обличения сект другого ради говорить не буду, призывая пока к изучению оных.

Но и здесь, берясь прямо за полемику, мы являемся не с пустыми руками.

Не теперь полагается начало словесной борьбе против сектантов. Вопросы, сюда входящие, в общем многие уже известны; известны более или менее и решения этих вопросов. Начиная с «камня веры» Стефана Яворского имеется довольно обширная письменность и в виде журнальных статей, отдельных монографий и исследований, и даже чего-то, в роде систем. Кроме того, многое написанное против лютеран и других западных сектантов может быть сказано и против наших сектантов – рационалистов. Вопросы о церковном предании, о авторитете церкви, о церковной иерархии, о таинствах, о призывании святых, о почитании икон и т. п. далеко не новые вопросы и, при массе пособий, решение их не может представлять большой трудности. Но недостаёт одного. Тогда как в борьбе с расколом старообрядства мы имеем массу описаний бесед, описаний очень хороших, правдивых и обстоятельных, здесь таких описаний слишком мало, и от этого мы недостаточно знакомы с живой речью сектантов. В составлении подобных описаний живых бесед и всего к ним относящегося и составляет ближайшую задачу в разработке противо-сектантской полемики. Описания должны быть безусловно правдивы, с непременным указанием наиболее характерных доказательств и возражений, которые не должны ни сглаживаться, ни ослабляться. Такие описания дадут понять, что именно выставляется теми или другими сектантами, как

самое сильное с их стороны, и что со стороны миссионера было сказано тоже, как наиболее сильное и вразумительное, что можно заимствовать и другим в подобных случаях. В случаях же затруднительных не должно быть ложного стыда, чтобы замалчивать сказанное, а тем более переиначивать. Сделанный промах всегда можно поправить. При живом обмене мыслей, при правдивом описании бесед сами собой откроются новые стороны, выступят новые частные вопросы, требующие внимательного обсуждения, причём более сведущий да поможет менее сведущему, поможет советом и указанием устным ли то, или письменным, но – без всякого догматизирования своих мыслей. Работы во всём этом настоящим и будущим труженикам будет не мало.

Наконец, два–три слова относительно некоторых приёмов. В разного рода миссионерских инструкциях и правилах давно писалось и пишется, что миссионером должна руководить любовь и снисхождение к заблудшим. Пусть это правило не будет одной фразой. Но при этом требуются некоторые пояснения. Первое, нужно строго отличать заблуждение от заблуждающегося. Там, где идёт рассмотрение ложного учения, там не может быть и речи о каком-нибудь снисхождении, или податливости, там уместна и необходима и сила мысли, и образность слова и обнаружение вытекающих безобразных иногда выводов. Но при этом нужно именно говорить о заблуждениях, но не о лице заблуждающемся, говорить основательно и сильно, но мягко и спокойно, ибо мягкое и спокойное слово скорее найдёт доступ к сердцу. Что касается лиц, то чем меньше будем говорить о них, задевать их самолюбие, тем лучше. Конечно, иногда необходимо бывает называть и имена, дабы других предохранить от их влияния, но в таком случае необходимо – быть очень осторожным и осмотрительным особенно в выражениях; всё резкое, порицательное здесь совершенно неуместно. Личное терпение, сожаление и любовь к людям, вот девиз миссионера. Второе. В приёмах обличения и в доказательствах необходимо избегать всяких натяжек. В словесной беседе натяжку подметят и обличат, значит и миссионера сконфузят, в письменной же

статье, увидя натяжку, скажут с иронией: «бумага всё терпит», а что ещё хуже, так это то, что потом будут выставлять её напоказ, будут обобщать её и таким образом воспользуются ею во вред миссионерскому делу. Третье. Между всеми тружениками, на одном поприще трудящимися, должна быть полная солидарность и взаимное уважение, дабы противники наши не могли бросить нам упрёк, что мы представляем царство, разделившееся на ся. Посему всемерно нужно избегать полемики между собой, особенно резкой, унижающей другого. У всякого довольно своего дела, чтобы заниматься взаимными препирательствами. Случаи же несогласий в решении каких-нибудь вопросов, или в употреблении тех или других внешних приёмов, могут быть разъясняемы иным путём, – в этих случаях могли бы дорогую службу сослужить съезды, – или если уже нельзя обойтись без печатных объяснений, то объяснения эти должны даваться с полным спокойствием и серьёзностью. Никто да не мнит себя быть бесконтрольным учителем! Вот что мы можем сказать на основании нашей почти 25-ти летней миссионерской практики, хотя несколько и в иной области. Вот что мы не сочли грехом пожелать и новому журналу, и всем труженикам на тернистом пути просвещения тёмного народа светом истинной веры Христовой.

В. Ивановский

Титов Ф. Секта стригольников ⁷⁹ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 11–24

Учение сектантов. Богослужение, устройство и нравственная жизнь сектантов. Разделение секты на толки. Стригальничество как самородная секта. Причины и поводы её происхождения. Недолговременность существования секты и причины этого. Общая характеристика мер борьбы против стригольников.

Дать полное и систематическое изложение учения стригольников невозможно, так как они сами, кажется, не имели его. Упоминается, впрочем, какое-то «писание», которое составил основатель секты – Карп. «Показа им писание», читаем об этом в грамоте м. Антония, «еже списа на помощь ереси своей, дабы им уставити народ на священники». Каково было содержание этого «писания», трудно догадаться. Но только, судя по словам патриаршей грамоты, едва ли это было «вероизложение» сектантов. Слова патриарха дают скорее основание предполагать, что это было «писание», обличавшее православную иерархию и возбуждавшее народ против неё. Таким образом, за неимением прямых данных, мы должны восстанавливать учение стригольников на основании тех большей частью отрывочных сведений, какие заключаются в произведениях православных обличителей стригольничества – константинопольских патриархов и московского м. Фотия.

Основатель стригольнической секты, как известно, начал свои протесты с возражения против поставления клириков «на мзде». Такое поставление он считал незаконным. Это возражение Карпа и послужило семенем, зародышем, из которого потом постепенно выросла и развилась стригольническая секта. Так как не одни только низшие клирики, но и епископы и митрополиты, по мнению стригольников, поставлялись «на мзде» и так как, далее, в этом святокупстве принимал участие и сам патриарх константинопольский с его священным собором, то всех их сектанты признавали незаконными, недействительными. «Недостойн есть патриарх, и

недостойни суть митрополити», говорили стригольники, по словам п. Антония. «Оклеветал (Карп стригольник) весь вселенский собор, патриархов и митрополитов, и епископов, и игуменов, и попов, и весь чин священный, и глаголет, яко не по достоянию поставляеми», свидетельствует тот же п. Антоний. Таким образом, всю современную православную иерархию не только русскую, но и греческую сектанты признавали недостойной, незаконной. А для того, чтобы отвержение ими православной иерархии казалось их последователям более убедительным, вожаки стригольнической секты старались находить и указывали и другие, кроме «поставления на мзде», недостатки в православной иерархии. Между прочим, они обвиняли православное духовенство и порицали его за невоздержность в пище и питье и за любостяжательность. «Глаголют стригольници», пишет в своей грамоте п. Антоний, «о нынешних святителях и о попех: недостойны тех службы, яко... имением взимают у христиан подаваемое им приношение, и за живые и за мертвые... сии учителя пианицы суть, ядят и пьют с пианицами, и взимают от них злато и серебро и порты, от живых и мертвых». – Признав всю православную иерархию, на указанных сейчас основаниях, недостойной и незаконной, сектанты, по естественному ходу мышления простых книжников, которым трудно было отличить действия от деятелей, общий порядок от частных злоупотреблений, отвергли потом и все православно-церковные священнодействия, таинства и всю вообще внешнюю, обрядовую сторону православной веры. По свидетельству п. Антония, Карп стригольник говорил своим последователям: «недостойни суть пресвитери по мзде поставляеми, недостойно от них причащаться, ни каятися к ним, ни крещения от них приимати». Тот же Карп, по словам грамоты п. Антония, «почал людям глаголати: недостойно над умершими пети, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за мертвые приносить к церкви, ни пиров творити, ни милостыни давати за душу умершаго». Отвергнув православную иерархию и все те священнодействия, какие совершались ею, стригольники тем самым порывали всякую связь с современной православной Церковью. Но они на этом не остановились, а пошли дальше.

Они отвергли и все церковные предания и признали недостойной и всю древнюю церковную иерархию, которая, подобно современной им, поставлялась, по их мнению, «на мзде». «И таковыи в вас обретаются», писал м. Фотий псковичам, «словесми глаголюще себе христиан!, делесы же яко не суще, о преданом великом православном хрестыянском предании яко нерадяще». Путём постепенного отрицания всего того, что в православной Церкви основывается на священном *Предании*, стригольники пришли, наконец, к тому заключению, что только *апостольская* церковь есть истинная христианская Церковь, только *Апостолы* были истинными пастырями и учителями и только *апостольские* Писания должны служить источником истинной христианской Церкви. Здесь, в этих апостольских Писаниях они и искали подтверждения и основания для всех главных положений своего лжеучения. Так, здесь они находили оправдания для своего главного положения, что христианские пастыри должны быть нестяжательными, неимущими, бедными людьми. «Вы, стригольницы», обличал их п. Антоний, «уловляете христиан тем словом, еже Христос рекл Апостолом» – «не имайте влагалища, ни меди при поясах ваших». В апостольских же писаниях сектанты находили оправдание и для учреждения ими у себя самозванных учителей. «Вы же, стригольницы», обличал их за это тот же патриарх, «глаголете, еже Павел и *простому* человеку повеле *учити*: тогда бо вси неверни быша, а не вам еретиком то речено бысть». Тот же патриарх в другом месте своей грамоты говорит: «Ныне стригольници, ни священства имуще, ни святительскаго сана, сами ся поставляют учителя народом, от тщеславия и высокоумия, и слушающая их сводят в погибель».

Из последних слов п. Антония видно, что у стригольников были свои собственные наставники, которые избирались самими же сектантами из среды своих книжных людей. Эти же наставники, по всей вероятности, были и совершителями богослужения. Богослужение стригольников было, по-видимому, просто и несложно. Храмы православные они отвергли на основании слов св. Писания, что «Всевышний не в

рукотворенных храмах живет» (Деян.7:48). Своих храмов они, конечно, не могли иметь. Поэтому, молитвенные собрания сектантов происходили в обыкновенных домах. Можно думать, что у них было своё крещение. Все же остальные таинства православной Церкви они или отвергли, или понимали их своеобразно. Так таинство Евхаристии они не совершали, понимая его в духовном смысле. «Вы, стригольници», обличал их за это п. Антоний, «убиваете человеки разумно смертию, удаления ради от пречистых тайн тела и крови Христовы... аще ли кто от сих пречистых тайн удаляется, то несть истинный христианин». Из самого толкования установительных слов Спасителя во время тайной вечери, какое даёт затем п. Антоний, с целью вразумления стригольников, можно видеть, что эти последние не желали буквально понимать слов Спасителя, а толковали их в духовном смысле. Таинство покаяния стригольники удержали у себя, но совершалось оно у сектантов в высшей степени странно и своеобразно. «Ещё и сию ересь прилагаете, стригольници», обличал их п. Антоний, «велите к земли каятися человеку, и не к попу». Некоторые полагают, что припадание стригольников к земле, во время покаяния их Самому Богу, могло делаться ими в видах большего сосредоточения. Но, кажется, вероятнее будет предполагать, что стригольники каялись именно земле, которую как-то своеобразно в данном случае олицетворяли. По крайней мере, п. Антоний в другом месте своей грамоты так вразумлял стригольников: «а кто исповедается к земли, то исповедание несть ему в исповедание: земля бо бездушная тварь есть, и не слышит и не умеет отвещати, и не воспретит, да не согрешаем». Священнодействие погребения мёртвых вместе со всеми молитвословиями за умерших стригольники отвергали решительно. Они говорили, что не нужно петь над умершими, поминать их, делать какие-либо приношения за них в церкви, раздавать в память их милостыню, устраивать поминальные пиры и вообще молиться за умерших. Есть также основания думать, что стригольники отрицали почитание святых («восстаёте на святых»), св. икон и св. креста («суть у вас и таковии людие, ротники, и крест целуют накриве»). Отвергали

стригольники и монашество, «чин великаго Божия священства», по словам м. Фотия, «и иночества яко ни во что же полагающе, но умаляюще».

Нравственная жизнь стригольников, судя по некоторым данным, отличалась многими добрыми чертами, которые, впрочем, не были какими-либо положительными подвигами сектантов, а являлись скорее прямым результатом их отрицательного отношения к православной Церкви и к православным христианам. Наставники стригольников обыкновенно ничего не брали с своих последователей за свой труд учительства. Такой иестязательностью своей они видимо производили сильное впечатление на своих последователей, которые с гордостью указывали православным на своих учителей, как на полную противоположность их духовенству. «Стригольници неции, безумни», замечает по этому поводу п. Антоний, «глаголют: си не грабят имения, не собирают». Наставники стригольников были в большинстве случаев люди книжные, начитанные, видимо гордившиеся своей образованностью перед православным духовенством. «Изучисте», обличал их за это и. Антоний, «словеса книжная, яже суть сладка слышати крестиянам, и поставистесе учителя народом. А не помянусте слова Христова, еже рече: «не входяй дверми в двор овчий, но пролазя инудя, *татъ* есть и разбойник». В среде всех вообще стригольников книжность также была распространена и пользовалась уважением, чем они гордились перед православными. С целью вразумления гордых своей начитанностью сектантов п. Антоний говорил им: «книжное почитание, рента, правоверным недвижимо спасение: всяк бо почитая книжное писание, без смирения и кротости, аще кого укорить чим, и тем впадает в ересь и бывает ему соблазнению камень, и на жизнь вданая ему заповедь обретается ему в смерть».

Стригольники видимо с особенным вниманием изучали Св. Писание и в своих беседах с православными любили часто ссылаться на слова евангелия и апостольских посланий, по поводу чего п. Антоний замечал: «если бы не от книжного писания глаголали, кто бы послушал их?.. еще бо нечто и

дивнее того реку: и бесермнове⁸⁰... от книг глаголют, но не подобает внимати их». Стригольники любили, кажется, подолгу молиться, усердно постились, вели вообще аскетический образ жизни и выделялись из среды других людей своим серьёзным, сосредоточенным и печальным видом. П. Антоний в таких действиях стригольников и в таком образе их жизни видел много лицемерного и в утешение и предостережение православным замечал: «фарисеи тацѣ же беша: постишася дважды на недели, весь день не ядуще... такови же беша и вси еретици, постницы, молебницы и книжницы, лицемерницы, пред людьми чисти творящесь: аще бо бы нечисто житие их видели людие; то кто бы веровал ереси их?.. еще бо нечто и дивнее того реку: и бесермнове постятся» ... В домашней своей жизни стригольники отличались видимо трезвостью и воздержанием в пище и питье. От этого, быть может, зависело и то, что большинство стригольников были люди богатые и влиятельные в среде своих сограждан. Есть основания даже думать, что своим влиятельным положением среди сограждан сектанты пользовались в целях пропаганды своего лжеучения. По крайней мере, м. Фотий в послании к псковичам от 23 сентября 1427 года писал: «у церквах, у вас такови людие старостят, и на властех седают и судят».

Всё, сказанное нами доселе об учении и нравственной жизни стригольников, представляет секту стригольническую в её первоначальном виде. Но с течением времени в стригольничестве произошло распадение на толки. Как ни скудны наши сведения об этом предмете, но всё-таки у нас есть основания предполагать, что в среде стригольников со временем образовалось *три* толка. Первый из них удержал основное учение секты, представленное нами выше. Последователи другого толка, который может быть обозначен в отличие от других, как крайний, не остановились на полпути, как то сделали последователи умеренной партии, а пошли дальше. Они с логической последовательностью довели до конца начало отрицания, положенное в основу секты. Крайние стригольники отрицали *решительно всё внешнее* в христианстве, не желали признавать никаких, даже апостольских писаний, отвергали

воскресение мёртвых и будущую жизнь и даже, кажется, потеряли саму веру в Божественного Испытателя человечества, полагая, что для спасения достаточно молиться на небо, призывая в молитвах Отца небесного, дойдя, таким образом, в своём отрицании до некоторого деизма. В таком именно виде представляют крайнее стригольничество грамоты м. Фотия, писанные им псковичам в 1427 году. «Суть в вас и таковии обретающиеся ересеводци», писал им м. Фотий 22 июня, «и тех Божественных Апостолов и богоносных отец укрепление и основание рушаще, и чин великаго того священства и своего христианства яко уничижающе, конечное яко не надеющиеся и воскресению быти (ср. в начале послания: «яко садукеем онем подражающе, еже яко и воскресению ненадеюще быти мняху»). «Эти стригольницы», писал он же 23 сентября, «отпадающе от Бога и на небо взирающе беху, тамо Отца себе называют: а понеже бо тех самых истинных евангельских благовестий и преданий апостольских и отеческих не верующе, но како смеют, от земли к воздуху зряще, Бога Отца себе нарицающе, и како убо могут Отца себе нарицати?» – Такое крайнее направление, вероятно, вызвало в стригольнической секте противоположное течение. Некоторые сектанты, порицая православное духовенство за его недостатки и крайнее развитие обрядовой стороны в православной Церкви, в тоже самое время не желали порывать всяких связей с нею. Они посещали храмы православные, участвовали в православном богослужении и делали приношения в церковь за умерших. К ним, быть может, принадлежали и те стриголиники, о которых м. Фотий говорит, что они «на властех сядят и судят». Понятно, что такие тайные стригольники должны были служить соблазном для православных и могли причинять православной Церкви ещё больший вред, чем явные сектанты. Поэтому-то, м. Фотий внушал псковскому духовенству быть особенно осторожным в отношении к таким сектантам, не принимать их в церковное общение, до полного их раскаяния, а всех вообще православных граждан Пскова увещевал воздерживаться от всякого общения с такими сектантами: «и вы убо, священники», писал он, «никако приношения тех приимайте к церквам

Божиим, и отлучайте таковых и отметаите, яко сгнилые уды, от здорового тела церкви Христовы; а мирстии же вси никакo с теми приобщайте себе в ясты и питии, и да никакo осквернят себе с тиковыми, дóндеже с покаянием и с слезами обратятся таковии в благоразумие истиннаго христианства. Смотрите о сих всех прилежне, православнии вси о Господе и Господни священници, да никакo сообщение ваше с теми падшими будет, до их обращения и покаяния к Богу о сем и благопокорения к своим духовным отцам». – Разделение между стригольниками вместе с энергичными мерами, принятыми против них, и повело к скорому разложению и затем к совершенному вырождению секты.

Секта стригольническая, сравнительно весьма недолго существовавшая у нас, была явлением самородным, русским. Секта эта, по словам м. Макария, «без всякого сомнения, была плодом своего времени и произведением русской почвы. Это очевидно из самого учения стригольников». С мнением м. Макария вполне согласны и все другие исследователи, занимавшиеся изучением стригольничества (проф. Малышевский, Иконников и др.). В пользу же этого мнения говорят и послания константинопольских патриархов и русского м. Фотия, написанные по поводу стригольнической секты. Никто из них не говорит о чуждом влиянии в деле происхождения стригольнической секты, хотя поводов к тому у всех обличителей стригольничества было немало. Какие же местные причины и обстоятельства вызвали появление нашей первой самородной секты?

В происхождении стригольничества принимали участие, прежде всего, общие причины, такие недостатки, которые были свойственны всему тогдашнему русскому христианскому обществу. Коренной причиной возникновения секты служило недостаточно развитое верующее сознание православных христиан, отпавших от православной Церкви. Об этом весьма красноречиво говорят послания православных святителей, боровшихся против секты. Все они указывают на ложное смешение сектантами существенного с несущественным в деле веры, как на основание и начало сектантского движения. Напр.,

в качестве главного побуждения, почему они отделяются от православной Церкви, сектанты указывали на то, что в ней иерархия поставляется «на мзде». П. Нил подробно разбирает это основное положение сектантов, находя в нём недомыслие, неразличение общего порядка от частных злоупотреблений. «Церковь Христова», говорит он, «соборная и апостольская, от конец и до конец земли живущая благодатью и силой Самого Христа, пребывает неизменной, твёрдой и непоколебимой, как в догматах своих, так и в тщательном соблюдении и исполнении священных канонов, и рукополагающих за деньги, как продающих непокупаемую благодать Святого Духа, мы ставим на ряду с Симоном, Македонием и другими духоборцами. Так думает и учит совершенно вся Церковь Христова, так и поступает всегда. Если где и найдутся дошедшие до того нечестия, что дерзают рукополагать за деньги: то это вовсе не относится к кафолической Церкви. Бывают и такие, которые блудодействуют тайно и совершают другие несообразности; но как только они сделаются известными, Церковь и увещевает их, и осуждает и исправляет. Посему, если и некоторые из епископов совершают рукоположения на мзде, вам не следует из-за этого отделяться от Церкви и называть всех еретиками, но надлежало бы только о худо поступающем епископе возвестить его митрополиту»... Тоже самое внушал сектантам и м. Фотий, который, в видах искоренения злоупотреблений при рукоположении, в одной из своих грамот приводил постановления церковные, определяющие сам размер ставленнических пошлин.

Но если коренной причиной возникновения стригольнической секты послужило недостаточное развитие верующего сознания православных, отпавших от православия, то были, без сомнения, и ближайшие поводы к появлению секты в виде различных недостатков, действительно существовавших в русском христианском обществе. Так, сектантов соблазняло поставление на мзде». Последнее, действительно, существовало тогда в православной Церкви и, хотя не давало права отделяться от неё, но всё-таки не могло не соблазнять некоторых немощных. Злоупотребление это явилось рано. Уже в

XII в. ростовцы изгоняют своего епископа за то, что он, «без нужды умножая церкви, грабил попов», при назначении их к церквам. В том же веке Владимирский князь не принимает к себе епископа за то, что он «был поставлен на мзде». В XIII в. на Владимирском соборе м. Кирилл II сильно порицал обычай, по которому епископы брали большую плату с ставленников, а при неимении у них денег, посылали их жать и косить на своих полях и лугах. С XIV в. крайне соблазнительный пример относительно «поставления на мзде» подавала нам Византия. В Царьграде брали иногда очень большие деньги, за поставление наших митрополитов и, в видах получения большей суммы, поставляли их иногда одновременно по два и по три. Митрополиты для покрытия издержек, употреблённых при поставлении, в свою очередь, делали усиленные сборы с епископов, а эти последние с священников и вообще низших членов клира. Сами константинопольские патриархи, боровшиеся против стригольнической секты, не отрицали действительности факта «поставления на мзде», а только давали ему другой смысл, говоря, что то не мзда за поставление, а необходимые «проторы»⁸¹ при поставлении. – Или, напр., стригольники в оправдание своего отделения от православной Церкви указывали на недостатки в жизни православного духовенства. И это указание имело свою долю правды. «Обличения такого рода», замечает преосв. Макарий, «самых митрополитов Кирилла, Алексия, Фотия, обращённые к духовенству, иногда и к инокам, достаточно объясняют раскол стригольников и с этой стороны».

Кроме указанных сейчас общих причин и поводов, в происхождении стригольнической секты имели значение и некоторые чисто местные условия. Как в Новгороде, так и в Пскове церковная иерархия находилась несколько в ином отношении к пастве, чем в других областях русского государства, напр., в Москве. Во все время существования стригольнической секты, в Пскове и Новгороде действовал ещё вечевой порядок общественного управления, который сосредоточивал в себе все отправления общественной жизни. В то время как в московском государстве высшее духовенство

зависело от княжеской власти, а низшее – от своих епископов и было свободно от влияния паствы в этом отношении, в Новгороде и Пскове, наоборот, духовенство зависело от веча, будучи только одним из его органов. Здесь граждане сами себе избирали архиепископа и членов низшего духовенства. И как архиепископ, так и низшее духовенство в Новгороде обязано было нести общественные повинности наравне со всеми остальными гражданами. Участвуя в избрании духовенства, новгородцы затем и на всю последующую деятельность его распространяли право своей отчётности. Отсюда – весьма свободное отношение граждан Новгорода к своему духовенству. Новгородцы, избрав себе архиепископа, считали дело поконченным и потому не спешили с его посвящением. Бывали случаи, что избранный архиепископ не посвящался год, два, пять лет (Евфимий II), а иногда и до конца жизни оставался без посвящения, хотя архиепископы в Новгороде избирались иногда из простых монахов, необлечённых ни в какой духовный сан (Арсений, Евфимий I). Недовольные своим архиепископом почему-либо, новгородцы удаляли или изгоняли его точно так же, как и всех прочих выборных членов церковного клира. В Пскове духовенство находилось ещё в большей зависимости от «веча». В Новгороде архиепископ хотя несколько мог ослаблять влияние и власть «веча» над низшим духовенством. В Пскове же не было своего епископа и потому здесь усилиями граждан духовенство было совершенно обезличено, как особое сословие, и было совершенно подведено под общий земский строй. Одно время (около 1395 г.) псковское «вече» подчинило своему суду духовенство и судило его публично на ряду с мирскими людьми, пока за право псковского духовенства не вступился московский митрополит Киприан. Оттого в Пскове существовало ещё более свободное отношение граждан к своему духовенству, что выражалось иногда в резких противоканонических воззрениях на священное звание клириков. «Случилась у вас страшная вещь», писал м. Фотий псковичам в 1410–1417 гг., «некто сам на себе *в – схыти* сан священства и крещает». Свободное, иногда легкомысленное отношение псковичей к своему духовенству даёт знать о себе

даже и в позднейшее время, чем какое мы имеем в виду. Так, уже во второй половине XVII в., когда в Пскове была самостоятельная епархия, псковский м. Маркелл жаловался царю, что в Псковской области «архиереи не имеют власти, а всем владеют мужики; они располагают церковными имуществами; отчёта не дают; архиерея и его чиновников не слушают и бесчестят». Что же могло быть раньше, – в рассматриваемое нами время, когда в Пскове не было своего епископа и когда во главе здешнего духовенства стояли «попы»? Итак, в Новгороде и Пскове всегда, можно сказать, существовало свободное, критическое отношение граждан к церковной иерархии. А это отношение, как известно, и составляло один из главных элементов, из коих образовалась стригольническая секта. Но это только одна сторона дела. В общественной жизни Новгорода и Пскова было ещё одно обстоятельство, которое могло содействовать возникновению здесь стригольнической секты. Новгород в церковном отношении зависел от Москвы, а Псков – от Новгорода. Такая зависимость для новгородцев и псковичей была неприятна и нежелательна в двух отношениях. С одной стороны, как новгородцы в своей церковной зависимости от Москвы, так и псковичи в такой же своей зависимости от Новгорода видели, и совершенно справедливо, одну из причин и политической своей зависимости – первые от Москвы, а вторые от Новгорода. А с другой стороны, церковная зависимость Новгорода от Москвы и Пскова от Новгорода соединялась с необходимостью уплачивать денежные пошлины. В Новгороде делались сборы в пользу московского митрополита, а в Пскове – в пользу новгородского архиепископа. Кроме того, Московский митрополит имел право месячного суда в Новгороде, а новгородский архиепископ в Пскове, причём право это было соединено с денежными сборами. Следует при этом заметить ещё и то, что денежные сборы здесь и там ложились иногда тяжёлым бременем не на одно только духовенство, но, по тесной связи жизни духовенства с общественной жизнью, и на самих граждан – новгородских и псковских. Отсюда происходила частая борьба новгородских граждан с

московскими митрополитами и псковских граждан с новгородскими архиепископами, особенно из-за права месячного суда. И неудивительно, если эта борьба развивала и усиливала в свободных новгородских и псковских гражданах критическое отрицательное, недоброжелательное отношение к высшей иерархии православной русской церкви. А так как этих последних в их борьбе с новгородскими и псковскими гражданами постоянно поддерживал константинопольский патриарх, то новгородцы и псковичи невольно должны были чувства своего нерасположения переносить и на него. Как далеко иногда заходили новгородцы в этом своём нерасположении к главе русской церкви, видно из того, что во время, напр., своей борьбы с м. Киприаном из-за права месячного суда, новгородцы угрожали патриарху, в случае неисполнения их требований, принять католицизм. В частности, такая борьба с высшими иерархами могла воспитывать в новгородцах и псковичах подозрение православной иерархии в любостязательности. А обвинение православного духовенства в любостязательности служило также одним из главных составных элементов стригольнического лжеучения.

Наконец, и личные обстоятельства жизни основателей секты, разумеется, могли иметь своё значение в деле происхождения стригольничества. «Очень могло быть», говорит м. Макарий, «что первые расколоучители, диаконы Карп и Никита, восстали против духовных властей по каким-нибудь только личным соображениям, напр., или вследствие неудавшейся попытки получить сан священника, – на что требовали с них значительной платы, – или вследствие какого-либо наказания от местного архиепископа».

Секта стригольническая просуществовала у нас недолго. Это случилось, можно полагать, по следующим причинам. С одной стороны, секта стригольников в основе своей была более общественным, чем церковным – религиозным явлением. Оттого учение её и не могло прочно привиться к верующему сознанию православных. С другой стороны, стригольническая секта была скоро замечена и против распространения её были приняты весьма энергичные и решительные меры.

В борьбе с стригольнической сектой принимали деятельное участие не только местные архипастыри – новгородские архиепископы и полоцкий архиеп. Феодосий, но и московские митрополиты и даже константинопольские патриархи. Особенно плодотворна была, кажется, деятельность п. Антония и м. Фотия. Послания этих святителей, написанные по поводу стригольнической секты, показывают, что они были прекрасно знакомы с учением стригольников и с условиями, при каких оно возникло.

Главные приёмы борьбы с сектантским движением, какие употребляли православные архипастыри – миссионеры, состояли в следующем. Прежде всего, они предостерегали православных граждан Новгорода и Пскова от увлечения сектантским лжеучением. Затем они увещевали самих сектантов, а упорных из них обличали и доказывали им их заблуждение. Здесь позволительно, кажется, будет заметить, что православные архипастыри – миссионеры старались бороться с сектантами на одном поле и обличать их и побеждать их же оружием. Стригольники в своих заблуждениях основывались на евангелии и апостольских писаниях. И православные архипастыри доказывали им их заблуждение и неправомыслие также на основании Св. Писания. В отношении к закоренелым сектантам православные архипастыри советовали новгородским и псковским гражданам употреблять меры кротости и миролюбия и в самом крайнем случае избегать всяких сношений с ними и изгонять их из среды своей. Жестоких мер вразумления сектантов православные архипастыри не одобряли. Так, когда псковичи донесли м. Фотию, что «они обыскали и показнили стригольников», то владыка отвечал им: «яко же прежде к вам лисах и ныне пишу, удаляйте себе от тех в ястии и питии, и казньми, (токмо не смертными, но внешними казньми) и заточеньми» «приводяще тех, да будут в познание и обращение к Богу».

Ф. Титов

(Новая секта).

Учение ново-хлыстов о загробной жизни находится в некоторой связи с их учением о душе человеческой. По их учению, каждый человек и каждое животное состоит из тела и души; но принявший учение ново-хлыстов принимает в себя вместо души духа Божия, который вселяется внутри его «в невидимой бессмертной плоти», имеющей форму человеческого тела в миниатюрном виде. Этот дух и руководит всем существом сектанта, весь же видимый организм его является только как бы оболочкой, «рубашкой», как выразился Бондаренко, на «невидимой бессмертной плоти». Таким образом обыкновенный человек состоит из полу-разумной души и тела, а ново-хлыст – из тела и разумного духа, заключённого в невидимой бессмертной человекообразной плоти, находящейся внутри видимой плоти его.

Когда умирает ново-хлыст, то его дух, по верованию сектантов, вместе с невидимой своей бессмертной плотью или сейчас, или же по прошествии некоторого времени вселяется в другого ново-хлыста, соответственно степени его подготовки и стремлению уподобиться умершему. Отсюда каждый сектант, в целях достижения бессмертия и личного существования по смерти, должен всеми силами стараться «просвещать» учением своей секты других, чтобы успеть духовно воспитать кого-нибудь и сделать способным принять в себя после смерти научившего дух его в бессмертной плоти. На этом именно основании все умершие ново-хлысты не умерли, но живы и теперь в сектантах и будут жить в них до известного времени, именно до тех пор, пока путём переселения из одного сектанта в другого не усовершенствуются в своём развитии до того, что на земле им нет уже места.

На мой вопрос, куда же деваются духи тех из ново-хлыстов, которые достигли на земле последнего возможного для них совершенства, Бондаренко, указывая на небо (беседа велась с

ним ночью), сказал: «видите вы звезды? Это всё души наших праведников, блистающих светом на грешную землю».

– Откуда же вы узнали, спросил я Бондаренко, что эти звёзды – души праведников ваших и чем вы могли бы меня в этом убедить?

– «Ничем, потому что вы всё равно не поймёте, так как всё это для вас закрыто, темно, а для нас совершенно ясно; мы видим их своим духовным оком. Если бы все были просвещены словом (т. е. учением ново-хлыстов), то все бы и видели их, как видим их мы».

Немного раньше мы заметили, что, по учению ново-хлыстов, не только человек, но и все вообще живые существа имеют полу-разумную душу. Разумность, а, следовательно, и нравственное достоинство души животных и человека имеют многочисленные стадии своего развития, как многочислен и разнообразен мир животных и человека. Чем смыслённее, развитее, полезнее и, если можно так выразиться, добрее животное, тем, по мнению ново-хлыстов, оно имеет и более развитую, более усовершенствованную в добре душу; причём сообразно степени усовершенствования души известного животного она переходит в животное более совершенное, из этого последнего в ещё более совершенное и т. д. до самого человека, душа которого была прежде непременно в каком-либо животном. Души людей таким же образом соответственно нравственному своему усовершенствованию и развитию переходят в более совершенных людей, пока, будучи просвещены учением ново-хлыстовской секты, не превратятся в духов и не поселятся в тела сектантов. «Вы думаете, обратился как-то к нам Бондаренко, почему лошадь или вол понимают меня, когда я обращаюсь к ним с известными словами? Потому, что в них вселились души людей, которые, быть может, скоро перейдут снова в других людей и будут просвещены словом, как просветилась недавно и моя душа».

На мой вопрос, куда же уходят по смерти души обыкновенных людей, не ново-хлыстов, Бондаренко ответил, что они вселяются обратно в различных животных и насекомых,

сообразно нравственному их достоинству и в наказание за то, что не приняли учения ново-хлыстов. И такому непрерывному переселению, и странствованию душа подвержена до тех пор, пока не вселится в такого человека, который способен будет просветиться словом, т. е. стать ново-хлыстом. Но и душа, напр., бывшего ново-хлыста, урядника ст. Зассовской, Круглова, после многих с ним бесед обращённого нами в православие, по уверению сектантов, после смерти его переселится в самое низшее ничтожное животное и будет обречена на слишком долгое скитание, пока снова не достигнет того состояния, в каком она была, но не устояла, т. е. пока снова через многие, быть может, сотни или тысячи лет не заслужит права и возможности поселиться в ком-либо из ново-хлыстов.

Эсхатологическое учение ново-хлыстов, или учение о последних судьбах мира и человека, очень краткое и простое: ни рая, ни ада, по их учению, нет, ибо ни того, ни другого никто никогда из них не видел; существует только постоянный круговорот переселений душ из людей в животных и обратно, пока они, достигнув известной степени нравственного развития, не обратятся в духов и не вселятся в тела сперва менее, затем более совершенных людей, а из них – в тела ново-хлыстов, из которых они уже уходят в надземные миры, светя оттуда вечным, божественным светом на нашу грешную землю.

Земля и весь видимый мир с населяющими его живыми существами, по учению ново-хлыстов, будут существовать вечно в том же виде, в каком существуют и теперь. Произойдёт изменение, касающееся собственно одного человека, это изменение произойдёт во время второго пришествия Христа Спасителя. Оно будет состоять в том, что как просвещённые словом (сектанты), так и непросвещённые составят после второго пришествия единое стадо; и непросвещённые, уверовав наконец в истину ново-хлыстовского лжеучения, будут так же близки к Богу, как и сектанты, будут светить таким же божественным, неземным светом, как и последние. Это своё учение о последних судьбах мира и человека, несколько напоминающее оригеновское учение об *апокатастасисе*, ново-хлысты, как и Ориген, основывают на том соображении, что Бог

никому не желает зла и что непросвещённые не виновны в том, что они не были научены словом.

В чём будет состоять вечное блаженство людей, это новохлысты представляют себе довольно неопределённо и смутно; большинство, впрочем, полагает его во внутренней духовной радости и спокойствии, вытекающих из самого близкого, непосредственного единения с Богом, единения, доходящего до полного слияния с Ним.

Вот в общих чертах религиозное учение секты новохлыстов; не менее интересно и *нравственное* их учение.

Под *добром* ново-хлысты разумеют прежде всего все то, что только согласуется с их учением, все же несогласное с ним, по мнению сектантов, есть зло. В частности, понятие о нравственности выражается ими в таких приблизительно определениях: не убивай делом и словом, не кради, не суди, не завидуй, оказывай помощь каждому, если только это принесёт ему пользу, трудись и не гордись, просвещай других словом, т. е. пропагандируй учение своей секты. К числу нравственных предписаний относятся и предписания о пище, которые соблюдаются ново-хлыстами очень строго. По учению новохлыстов, употреблять в пищу можно только все растительное и молочное, употребление же в пищу мяса последователями ново-хлыстовщины строго воспрещается на том основании, что заключающаяся в мясе кровь затемняет ту невидимую бессмертную плоть в каждом сектанте, в которой пребывает разумный дух его. Запрещая употребление в пищу мяса, новохлысты приводят ещё и то основание, что растительная пища, говорят они, лучше действует на человека в том отношении, как испытали на себе многие из них и в особенности Бондаренко, что «лучше работаешь умом, уразумеваешь и исполняешь своё учение и через это имеешь больше в себе духа». Кобцев, самый близкий друг вожака новохлыстов Бондаренко, будучи страстным охотником, по целым неделям и месяцам пропадает в горах Кубанской области на охоте, питаясь там преимущественно дичью, за что в большой опале не только у всех новохлыстов, но и у своего друга, вожака их. Но что самое мерзкое, самое нечистое из употребляемого в пищу людьми так

это, по мнению ново-хлыстов, – яйцо; его нельзя есть ни под каким видом, потому что в яйце заключается (потенциально) не только мясо (цыплёнок), но и все насекомые, все гады, всё нечистое, так как курица кроме зёрен ест насекомых, червяков, ест даже гадов, копается в мерзком навозе и т. п. Таким образом, ново-хлысты являются самыми крайними современными вегетарианцами. Быть может, от слишком сурового воздержания в пище почти все они и выглядят такими слабыми, бледными, как будто каждый из них недавно перенёс очень тяжкую болезнь.

Отвергая, подобно другим сектантам, все таинства и обряды православной Церкви, секта ново-хлыстов, как недавно образовавшаяся, пока не выработала ещё своего самостоятельного определённого религиозного культа; а как выродившаяся из секты хлыстов, удержала и все их обряды при молениях, начиная с пения хлыстовских песен и кончая, как говорят, кружениями и плясками; хотя нужно заметить, что и пение, и кружение, совершающиеся в их собраниях, вовсе не служат выражением их молитвенного настроения: «так как, говорят сектанты, мы имеем в себе самих Духа Бога, то мы никогда и не молимся Ему, ибо Бог внутри нас, и, след., молиться нам некому; да Бог и прежде молитвы нашей знает, кому из нас что нужно». Если ново-хлысты собираются и кроме стихотворных песен, собранных ими в особом молитвеннике числом до 200, поют, подобно хлыстам, молитвы и песнопения православной Церкви: «Отче наш», «Верую», «Благослови, душе моя, Господа» и др., то они это делают только для себя же лично, «для своей духовной радости». Правда о совершающихся в их собраниях «радениях» сами ново-хлысты умалчивают, но от казаков, которых сектанты допускали в свои собрания, нам стало известно, что у ново-хлыстов совершаются «радения» подобно тому, как они происходят и у хлыстов. Бывает ли у ново-хлыстов во время радений и свальный грех, который совершается, повсюду во время радений у кавказских хлыстов, нам не удалось разузнать достоверно; но некоторые обстоятельства и наши личные соображения сильно заставляют нас предполагать, что во время радений разврат у ново-

хлыстов такой же, как и у хлыстов. Кроме пения и радений в своих собраниях ново-хлысты поучаются один у другого и, главным образом, у того, кто имеет больший дар «духа».

Никаких обрядов при браках, рождении и погребении у ново-хлыстов не бывает. Взял жену, как работницу (а не «духовную жену, как учат хлысты), – значит, женился; родился кто-либо в семье, мать даёт ему имя,⁸³ так как она «трудилась», т. е., страдала во время рождения ребёнка; умер кто-нибудь, отнесли, зарыли его в землю, – вот и всё.

В секту ново-хлыстов может поступить каждый, изъявивший на это своё согласие, и без особенных обрядов; но для получения «духа» нужна жизнь, иногда многолетняя, согласная с их учением. «Духа», впрочем, можно получить и через несколько дней, но это очень трудно: для этого нужно такое покаяние во всём прошедшем, такое сильное желание новой жизни, что человек как бы должен забыть всё земное, бренное и всем существом своим устремиться к Божеству, – тогда только он может получить «духа»; но в таких случаях обыкновенно плоть человека «не выдерживает» и он становится как бы помешанным, юродивым от избытка силы вселившегося в него «духа», что, говорят, с некоторыми из ново-хлыстов уже и случилось...

Семейная жизнь ново-хлыстов в высшей степени не привлекательна, что вытекает из самого взгляда сектантов на женщину, как на существо, занимающее средину между животным и человеком. Даже жёны ново-хлыстов, по мнению сектантов, не имеют в себе полного «духа», а обладают им в самом зачаточном, первичном виде. Сообразно такому низкому взгляду на женщину, ново-хлысты держат своих жён, как говорится, в чёрном теле и при первом же случае недовольствия на них, без стеснения прогоняют их на все четыре стороны вместе с прижитыми от них детьми. Случаи сожительства с чужими жёнами у ново-хлыстов не редки, встречаются даже случаи добровольного по уговору обмена жёнами. Так, напр., года два тому назад Б. добровольно поменялся с одним из зассовских хлыстов жёнами; другой из зассовских же хлыстов сманил к себе жену К. и живёт с ней, как

с своей женой. Словом, у ново-хлыстов брачные отношения самые низкие, прямо стадные.

Что касается взгляда ново-хлыстов на их общественные и государственные обязанности, то они высказываются сектантами не очень охотно по причинам понятным. Во всяком случае о своей секте они чрезвычайно высокого мнения: «если бы были, говорят они, все наши (т. е. ново-хлысты), не нужно было бы ни замков, ни судей, ибо не было бы воров и судить было бы некого, – ни войска не нужно было бы содержать, ибо войны не было бы. Вести с кем-либо войну, учат они, есть преступление (и это учат так казаки!), проливать кровь можно только при личной самозащите».

Что касается верховной власти, то на словах необходимость её ново-хлысты признают, но это признание её сектантами нам кажется лицемерным и не искренним, и наше предположение пока косвенно подтверждается некоторыми фактами. Так, напр., сам основатель и глава этой секты Козин несколько лет тому назад на базаре в г. Майкопе публично, говорят, проповедовал, что никаких податей платить и государственных повинностей нести не нужно. Вообще политическая благонадёжность ново-хлыстов нам кажется более чем сомнительной, хотя, к сожалению, мы не можем пока подтвердить своё мнение более выдающимися фактами. Впрочем, считаем до некоторой степени достаточным и приведённого нами, чтобы считать секту ново-хлыстов одной из сект вредных не только в церковном, но и государственном отношении.

Бросая взгляд на все изложенное нами веро- и нравоучение секты ново-хлыстов, нельзя не заметить, что, хотя в нём видны сильные следы влияния учения хлыстовской секты, яркой нитью проходящие через всё учение ново-хлыстов; но в тоже время в их учении есть много нового, самостоятельного, оригинального и *отличного* от учения секты старо-хлыстов.

Так прежде всего учение ново-хлыстов о Св. Троице совершенно отлично от учения о Ней обыкновенных хлыстов. В то время как хлысты признают отдельно существующие три лица Св. Троицы, веря в тоже время в постоянное

перевоплощение второго Лица Её, ново-хлысты учат о Божестве в пантеистическом смысле, отвергая троичность в Нём Лиц и признавая Бога только несравненно могущественнейшим человеком, состоящим из духа и плоти и обладающим словом, или способностью членораздельной речи.

Как мы уже видели, перевоплощения Христа в хлыстовском смысле ново-хлысты решительно отвергают, след., не признают один из главнейших и существеннейших пунктов вероучения хлыстов, на котором, собственно говоря, оно более всего и держится.

Само учение о душепереселении у ново-хлыстов более подробно чем у хлыстов. Эсхатологическое учение первых совершенно разнится от такого же учения вторых: в то время как хлысты верят в существование рая и блаженства в нём в непосредственном общении с Богом, ново-хлысты совершенно отвергли существование и рая, и ада, веря в общее восстановление падших людей и населяя их душами небесные светила.

Удержав пока религиозный культ хлыстов, ново-хлысты уже несколько изменили их нравоучение и нравственные предписания. Так, напр., хлыст смотрит на женщину, как на равную себе по достоинству. Известно, что хлыстовские «богородицы» в иных кораблях имеют огромное влияние на религиозные дела общины и пользуются почти равным, часто даже большим уважением, чем хлыстовские апостолы, пророки, а иногда таким же почётом, как сами хлыстовские «христы»; оттого на женщин у хлыстов мужья смотрят как на „духовных жён“, достойных со стороны мужей уважения и полного к себе внимания, по крайней мере пока они сохраняют ещё свою молодость, красоту, здоровье и свежесть физических сил. У ново-хлыстов положение женщины, как мы видели, совершенно иное, далеко худшее; здесь она всегда трактуется как существо среднее между животным и человеком, во всяком случае считается по нравственному достоинству гораздо ниже мужчины и потому лишена с его стороны всякого человеческого уважения и внимания. Жена в глазах ново-хлыста только рабочая и самка. Следовательно, положение семьи в секте ново-хлыстов

ещё безотраднее, чем у хлыстов, с которыми они сходятся только в одинаковом разврате.

Обращает на себя внимание различие ново-хлыстов от хлыстов и в предписаниях относительно пищи. Сходясь с хлыстами в запрещении употреблять в пищу мясное, ново-хлысты в этом отношении пошли несколько дальше. Нам по крайней мере лично известно, что хлысты более всего употребляют в пищу молоко и яйца; между тем, по учению ново-хлыстов, ничего нет более нечистого и запрещённого из пищи, как яйцо, по причинам, объяснённым нами выше.

Наконец, коренное отличие секты ново-хлыстов от хлыстов состоит уже в том весьма важном, по нашему мнению, обстоятельстве, что в то время, как хлысты не прерывают хотя видимого общения с Церковью и остаются до сих пор тайными последователями своего учения, не смотря на то, что со времени появления их секты протекло около полутора столетия,— ново-хлысты сразу же открыто оставили православие, открыто пропагандируют своё лжеучение и открыто же, нисколько не стесняясь, а даже с большой долей фанатизма, защищают свою ересь во время публичных с ними бесед. Этот их фанатизм и смелость пропаганды, без сомнения, могут иметь в будущем немаловажное значение для успешного распространения их лжеучения в особенности среди хлыстов.

Чем же, спросим теперь, опасна и вредна для Церкви и государства секта ново-хлыстов?

Вредна она прежде всего по крайне грубому отрицанию всего христианства, в чём каждый мог убедиться, прочтя наше исследование о секте ново-хлыстов. Ближайшее же наше знакомство с этой сектой убеждает нас, что её учение, собственно говоря, есть полнейший и самый грубый *атеизм*. Для подтверждения наших слов мы приведём хотя один пример из жизни ново-хлыстов, ярко характеризующий крайне *атеистическое* направление их религиозной мысли. В ст. Зассовской один из более видных и религиозно-убеждённых последователей ново-хлыстовщины, увидев разразившуюся сильным градом над своей нивой тучу, выбежал на улицу и, грозя на небо кулаками, стал в исступлении кощунственно

кричать: «что Тебе надо от меня? если Ты Бог, то думаешь – я боюсь Тебя? Ешь, ешь весь посев мой, не испугаешь Ты меня!» И после этих сумасбродных слов дерзкий сектант разразился самой возмутительной, кощунственно-безумной бранью.

Если взять во внимание этот приведённый факт и некоторые ему подобные, если обратить, далее, внимание на некоторые не подлежащие сомнению антигосударственные идеи и вредные социальные воззрения ново-хлыстов, если наконец взять во внимание крайне смелую их пропаганду своего лжеучения, – то нет сомнения, что при упадке и довольно сильном шатании религиозной мысли разно-племенного народа на сев. Кавказе (а это шатание религиозной мысли мы имели возможность наблюдать и изучать лично), при существовании многочисленных и разнообразных сект, – секта ново-хлыстов будет иметь большой успех, если только тамошняя миссия и местная администрация не обратят на эту вредную секту должного и своевременного внимания. Нужно этот пожар нового заблуждения религиозной мысли тушить скорее, в самом начале его появления, чтобы не пришлось потом тратить слишком много усилия для его прекращения.

Оканчивая этим наше исследование о секте ново-хлыстов, позволим заметить от себя, что главная цель его состояла в том, чтобы через специально миссионерский орган печати ознакомить с историей возникновения и учением этой новой секты как духовенство Ставропольской епархии, так и миссионеров её; чтобы тем облегчить им борьбу с такой сектой, которая очень мало кому из них известна и которую мы сами открыли случайно, употребив для изучения её вероучения не мало времени и много труда. Впрочем, это не значит, что мы считаем изучение этой секты вполне законченным: секта ново-хлыстов, как ещё новая и не вполне выработавшая своё вероучение, и свой религиозный культ, будет ещё нуждаться в более тщательном и более подробном её изучении для успешной борьбы с ней, в чём искренно желаем местной миссии полнейшего успеха.

Херсонский епархиальный Миссионер *Михаил Кальнев*

Э. Я. Миссионерство, секты и раскол //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 35–47

(Хроника).

К вопросу о времени для деятельности миссионеров. Правительственное распоряжение об охране чествования христианских праздников. Великопостные апологетические чтения для интеллигентного общества, как новое средство миссионерской борьбы с религиозным вольномыслием. Достойный внимания почин в упорядочении кафедрального проповедничества. Полемические собеседования с раскольниками и сектантами. Значение для дела миссии практических бесед при семинариях. Знаменательное присоединение к православной Церкви раскольничьего лже-священника. Миссионерские собеседования в г. Николаеве и присоединения к Церкви.

По поводу пятидесятилетнего юбилея таврического Архипастыря.

Миссионерская борьба с заблуждениями многочисленных наших сект и раскола – поле для делания слишком обширное, но, к сожалению, для этого многотрудного служения и делателей мало, и не всякое время в году удобно, так как миссионеры в этом отношении находятся в зависимости от экономических и климатических условий крестьянской жизни. Миссионерство есть акт воздействия на религиозную совесть отпавших путём свободного убеждения их ума и сердца... Если к беседам миссионера увещаемые собеседники стали бы относиться «воздыхающе» о своих житейских делах, если отпавшие, являясь на беседы неохотно, стали бы вести себя там раздражённо, то проповедь миссионера в таких случаях потеряла бы на половину своего значения и доброго влияния на них. Во избежание подобных неблагоприятных для успеха миссии явлений, миссионерская методика и рекомендует подвизающимся на миссионерском поприще не упускать из виду ст. 188 улож. о наказ. и разъяснения к ней, (сделанного в уставе о пресечении преступл.), и соблюдать особую осторожность и

благоразумие в выборе времени, назначаемого ими для собеседований или увещаний, относя их по преимуществу на такую пору, когда большая часть крестьян, сравнительно, свободна от срочных работ. А такое время в экономическом быту нашего крестьянина составляют дни воскресные и праздничные и то разве в глубокую осень и зиму, т. е. во время года сравнительно очень краткое и самое тяжёлое и неудобное в климатическом отношении, когда к нелёгкому бремени миссионерской борьбы с врагами православия присоединяются ещё и чисто стихийные трудности от сырой грязной осени и зимней стужи, которые приходится испытывать деятелям миссии, заброшенным в непроходимые дебри деревенских закоулков, где, обыкновенно, любят привитать⁸⁴ наши сектанты и раскольники.

Холод в храмах, духота и теснота в школах – обыкновенно сопровождают миссионерские беседы с народом в осеннее и зимнее время, которые часто длятся от пяти до восьми часов без перерыва... В весеннюю и летнюю пору, когда обширной аудиторией для миссионера могут служить и церковный погост, и сельская площадь, и тенистый сад священника. – в эту пору, к сожалению, все крестьяне и в будни, и в праздники бывают поглощены заботами о хлебе насущном и заняты сельскохозяйственными работами. Миссионерская проповедь в это время года поневоле должна умолкнуть, за неимением для неё у слушателей деревни времени; затихает, впрочем, к этому времени по тому же и сектантская пропаганда, также усиленно действующая, обыкновенно, в осеннюю и зимнюю пору. Таким образом время для миссионерской работы на засорённой сектантскими плевелами ниве Христовой сравнительно коротко и крайне неудобно. Больше было бы простора миссии, если бы и у нас, в православной России, также свято охранялся покой воскресных и праздничных дней, как напр. в Англии или Швейцарии. Тогда бы и святое дело пастыре-миссионерского просвещения народа в нашей православной Церкви стало в более благоприятные условия, относительно времени; а теперь отовсюду слышатся сетования ревнителей православия на сильный упадок в населении чувства уважения к святыни

праздничного времени. Без страха пред Богом и без стыда перед людьми, крестьяне, именующиеся православными, производят работы не только в воскресные дни, но и в великие двенадесятые праздники; особенно часто это печальное явление наблюдается на Юге России. Разлагающее в этом отношении влияние на жизнь южнорусского населения производят владельцы обширных земель и больших заводов из евреев и немцев. Сами пренебрежительно относясь к религии местного православного населения, они путём долголетней денежной кабалы усыпили и во многом вытравивали религиозное чувство у православного малорусского населения, когда-то особенно чуткого в охранении священных времён, обрядов и обычаев родной своей веры. Вот что, между прочим, сообщают нам по данному вопросу. Один немец, управляющий имением православного помещика юго-западного края, без всяких стеснений в письме к приходскому священнику делает ему упрёк, «зачем так часто в приходе у него звонят в церкви, что смущает «де» простой народ и удерживает его от найма на подённые работы», причём откровенный немец не постеснился поставить на вид пастырю получаемые от экономии материальные блага: которые будут отняты у священника, если колокольные звоны не сократятся в рабочее страдное время». И это явление не из истории давно минувших, а наших дней... В дни двенадесятых праздников, и именно в те часы, когда в храме происходит колокольный благовест, призывающий к богослужению, обыкновенно, по сёлам южнорусским далеко раздаются звуки скрипки, зурны и бубна из барского фургона, объезжающего деревню, с приглашением на господские поля, где, по случаю праздника, будут утешать рабочих «музыка и водка».

Приманка сильная, а слабых всегда находится много... Церковная проповедь священника против подобного безобразия бессильна; о вне-богослужебных беседах, торжественных вечернях – в летнее время при подобных условиях не может быть и речи, приезд нарочитого миссионера в такую пору считается бесцельной тратой времени. В виду высокой важности охранения праздничного покоя, наше миссионерское издание с

особенным удовольствием отмечает к сведению наших читателей отрадное сообщение о новом правительственном распоряжении, коим устанавливается для нехристиан ответственность за препятствование христианам исполнять их религиозные обязанности. Для работ в ремесленных заведениях назначается шесть дней в неделю и с тем, что в воскресные дни и двенадесятые праздники рабочие из христиан не должны работать без особой нужды. В эти дни могут трудиться мастера нехристиане, без принуждения к тому же подмастерьев и учеников христиан. Нехристианам, нанимающим христиан для домашних услуг и иных работ, воспрещается препятствовать нанятым в чествовании воскресных и праздничных дней и в исполнении прочих религиозных обязанностей, под опасением денежного взыскания до 50 руб.

Если вспомнить, что пресловутая штунда привита насильственно православному народу немцами – баптистами через русских работников последних, то будет понятно важное значение для Церкви и миссии настоящего мероприятия власти.

Уповаем, что закон этот утешит попечительных о духовных нуждах своей паствы пастырей Церкви и усугубит ревность забот их и всех подвизающихся на поприще внутренней миссии о том, чтобы дать возможность и средства народу наполнить праздничный досуг его соответствующими святости праздника занятиями. Способы и средства к тому указаны в изобилии, лишь бы не угасал дух инициативы и духовного трудолюбия у руководителей народа.

Истекшая четырехдесятница ознаменовалась особым оживлением миссионерской деятельности во многих епархиях по охранению интеллигентного общества и простого народа от тлетворных веяний религиозного вольномыслия и по обличению сектантского суемудрия, как свидетельствуют о том сообщения епархиальных органов печати, что ещё раз подтверждает, что святое время поста и покаяния есть самое удобное и благоприятное для миссионерского воздействия на христиан и деятелям нашей миссии нужно всячески дорожить этим временем духовного врачевания верующих, которые наиболее

бывают в это именно время расположены к слушанию и хранению слова Божия. Инославные миссии, особенно же католические, могут дать нам в этом отношении поучительные примеры. Там лучшие миссионеры – проповедники всегда командировались на великий пост в те или другие города, приходы и храмы, где по требованию времени и обстоятельств нужно усилить влияние церкви на общество.

У нас нет такого обычая, но в тех же целях в последние годы и у нас во многих епархиях стали вводить апологетические религиозно-нравственные чтения для интеллигентной публики. По характеру своему и задачам этот новый вид религиозно-нравственного просвещения Церкви представляет собой одну из полезнейших и благовременных мер миссионерского воздействия на общество. Как известно, эпоха прошедшего царствования ознаменовалась значительным оживлением и подъёмом религиозной мысли и чувства в интеллигентных слоях русского общества. Но, к сожалению, не призванные и совершенно не компетентные в религиозном отношении учителя, в роде граф. Л. Толстого и князя Хилкова, взялись сеять полной рукой на почве этого религиозного оживления плевелы своих опасных антицерковных мудрований; а вслед за ними устремилось не мало других интеллигентов, и интеллигенок, совершенно невежественных в отношении познания догматов своей Православной Церкви. Для противодействия такому разлагающему влиянию на народ со стороны учителей, не призванных наележит неотложная нужда для миссии Церкви принять меры духовного влияния на интеллигентное общество, с которым, по-видимому, давно порвалось живое и деятельное общение нашего пастырства Церкви, представителей богословской науки и духовной литературы. Великопостные религиозно-нравственные чтения для интеллигентной публики, заводимые по инициативе архипастырей и имеют целью восстановить эту порванную связь, удовлетворить духовным запросам образованного общества и разоблачить вредные лжеучения овладевающих мыслью общества религиозно-философских современных теорий.

Судя по отзывам епархиальных органов, подобные чтения в истекшую четыредесятницу велись в нескольких губернских городах и привлекали в аудитории значительное число интеллигентной публики, начиная с представителей властей. Такие чтения были в Астрахани при епархиальной библиотеке, во Владикавказе в зале гимназии, в Пскове при семинарии. Темы везде избирались научно-богословского характера по вопросам интересующим современное образованное общество; особенной серьёзностью отличались чтения при Ставропольской семинарии и при Тобольском архиерейском доме⁸⁵. Чтения везде сопровождались стройным пением пьес лучших церковных композиторов, в исполнении семинарских, или архиерейских хоров, чем одновременно предоставлена была слушателям возможность знакомиться и с церковной музыкой. Темы, содержание чтений и их обстановка сами собой говорят о том серьёзном значении, какое это новшество должно иметь в деле влияния на образованное общество со стороны Церкви и духовенства. Нельзя не пожелать, чтобы новый способ духовного воздействия богословской науки на интеллигентную среду и церковного руководства её в правильном понимании вопросов веры и жизни получил широкое распространение и начатые опыты не оставались бы единственными и исключительными. Для миссионерской борьбы с существующим в интеллигентном обществе религиозно-сектантским вольномыслием этот новый путь христианского просвещения образованных классов весьма важен. Можно лишь пожелать, чтобы предметами чтений были не одни только религиозно-философские и научные вопросы, но и догматические истины, в научном раскрытии и всестороннем уяснении которых наше общество весьма нуждается: в большинстве своём оно дальше гимназических познаний катехизиса не идёт и потому поверхностно знает православие и историю отечественной Церкви, вследствие чего ненадлежаще ценит несравнимые блага родного православия и легкомысленно увлекается всяким ветром модных лжеучений.

По идее и задачам призвана влиять на образованные классы общества церковная проповедническая кафедра

соборов епархиальных, куда, обыкновенно, допускаются лишь лучшие проповедники из городского духовенства на просветительное влияние соборных кафедр не особенно значительно: причина этому заключается отчасти в случайности выбора тем для проповедей и в отсутствии руководящего начала и системы в ведении этого дела очередными проповедниками. Достойную внимания попытку дать надлежащее направление очередному кафедральному проповедничеству мы встречаем в Тульской епархии. В видах большего влияния проповеди с кафедры Тульского собора на местное общество и народ, тульский архипастырь Еп. Ириней учредил проповеднический комитет, на обязанности которого возложено обратить особое внимание на постановку очередного проповедничества градскими священниками в кафедральном соборе. По мысли владыки комитет «призван прийти на помощь тульским градским проповедникам в выборе тем, соответствующих нуждам времени и условиям церковно-религиозной жизни». И действительно, комитетом выработана целая система для очередного проповедничества в кафедральном соборе. Дабы очередной проповедник не брал случайно попавшейся ему темы, при том, самого общего характера, комитетом предложены целые группы тем, тесно связанных между собой по мыслям и направляемых к одной общей цели, – именно: постановлено дать проповедническому делу в кафедральном соборе такую организацию, чтобы проповедник последующий был как бы продолжателем того, что говорилось проповедником предшествующим. Комитет не оставил без внимания и миссионерской стороны в проповедничестве. Для борьбы путём проповеди с кафедры тульского собора с учениями антирелигиозными и антицерковными, (и преимущественно учениями «модного писателя», гр. Л. Н. Толстого) распространившимися в интеллигентном обществе, комитетом назначено 10 высокочестивых дней, когда проповедникам предоставлено право избирать темы апологетического характера, преимущественно против современных нам лжеучений, силящихся в корне подорвать Веру Христову.

Новая постановка дела очередного проповедания в тульском кафедральном соборе: систематизация его и применительность к нуждам времени и условиям церковно-религиозной жизни – заслуживают полного к себе внимания и достойны подражания!

Как известно, прямым выражением миссионерской деятельности Церкви по воздействию на отпавших служат полемические собеседования или прения о вере. В последние годы эти миссионерские беседы всё более и более входят в церковную жизнь епархий. Ведутся они при семинариях преподавателями обличения раскола и сект и специальными миссионерами, где учреждены епархиальные миссии, а равно и более опытными из приходского духовенства. Особенное значение для возвышения успехов миссионерского дела имеют семинарские полемические беседы, которые, согласно распоряжению высшей духовной власти, должны бы вестись везде при семинариях. Цель их практическая: на этих беседах будущие пастыри-миссионеры, под руководством своего наставника, должны изученную теорию по обличению сектантских и раскольничьих лжеучений приложить к делу и на школьной скамье основательно познакомиться с лучшими приёмами и правилами миссионерской методики. В успехе семинарских бесед заключается и общий успех пастыре-миссионерского дела епархии. Многие из почтенных пастырей старой школы потому только и упускали сектантское движение в приходах, что не знали вовремя, как взяться за полемику с проявившимися врагами Церкви, а потом уже оказалось поздно.

При некоторых семинариях такие беседы заведены давно и идут с успехом, привлекая массу слушателей из народа и отпавших; таковы, напр., противо-раскольничьи беседы при московской семинарии, рязанской, тамбовской, донской, ставропольской и др. Но, если судить по отчётам епархиальных органов, то при большинстве семинарий, к сожалению, ещё не ведётся таких миссионерских собеседований, хотя и желательно, чтобы много-полезное учреждение это стало необходимой принадлежностью как семинарских, так и академических кафедр по обличению раскола и сектантства.

Из полемических бесед, производившихся в истекшую страдную для миссионеров – зимнюю и осеннюю пору, обращают на себя внимание московские собеседования (ведутся кружком духовенства, под руководством Еп. Тихона) с старообрядцами в д. Шумова; январские столичные собеседования профессора Н. И. Ивановского, Черниговские, – в посадах Стародубья беседы миссионеров оо. Рябухина и Радионцева, Костромские синодального миссионера о. прот. Крюкова и др.

Плодами миссионерских бесед были нередкие случаи обращения избранных из отпавших в лоно Церкви. Наиболее знаменательным является недавнее присоединение к православию раскольничьего лже-священника австрийского поставления Ивана Зиновьева Кузнецова с женой и двумя детьми. В последнее время случаи присоединения раскольничьих попов к православной Церкви весьма нередки, что может служить явным признаком внутренней слабости раскола, лживость которого сознают и сами вожди его из тех людей, у которых не сожжена ещё совесть и которые не потеряли страха Божия. Обращение таких лиц, обыкновенно, бывает плодом многолетних душевных страданий и большой пытливости ума. Присоединение таких лиц, как г. Кузнецов, представляет ценное приобретение для православной Церкви, – раскаявшиеся вожди – живой укор окаменевшему в своём фарисейском упорстве и выросшему на деньгах расколу, – они же и ревностные противо-раскольнические миссионеры, – из таких избранников вышел знаменитый деятель в истории нашей миссии, приснопамятный о. Павел Прусский. Новоприсоединённый лже-поп Кузнецов ставленник московского лже-архиерея Савватия; прежде служил певчим у г. Морозова, на Глуховской мануфактуре, при существующей здесь раскольничьей церкви, и к ней же поставлен был в попы. Переведённый потом в Кострому, он имел большое влияние на тамошних старообрядцев, но в глубине души сознавал незаконность своего священствования и очень тяготился им. Воспользовавшись проездом миссионера о. Крюкова, Кузнецов сообщил ему о своих сомнениях относительно

старообрядчества, особенно о том, как тяготят его совесть священнические действия, при сознании, что он незаконно их совершает. Он говорил, что особенное смущение чувствует всегда при погребении покойников, когда читает в разрешительной молитве, что прощает и разрешает умершему грехи властью, «друг-другопреимственне» приятою от апостолов, а между тем сознаёт, что именно апостольской-то преимственности и не имеет их австрийское священство, и значит никакого права разрешать грехи людям он не получил.

Неоднократные беседы Кузнецова с отцом Крючковым окончились тем, что мучимый сомнением лже-поп раскольничий изъявил решительное намерение присоединиться к Православной Церкви. Преосвященный Виссарион принял в нём живое участие и в кафедральном соборе сам совершил над ним чин присоединения, торжественно, при большом стечении православных и старообрядцев. На последних это торжество произвело сильное впечатление. Бывшая паства Кузнецова приметно поколебалась в преданности расколу, есть и надежда, что многие последуют за своим бывшим лже-пастырем.

Сколько нам известно, в раскольничьем духовенстве большое смущение произвела позапрошлогодня история с разоблачением подложности мощей, на которых освящаются антиминсы в раскольничьих моленных.

Наш корреспондент, свящ. о. Аксенов сообщает интересные сведения о беседах, происходивших в св. четырёхдесятницу в городе Николаеве, самар. г., с старообрядцами разных толков. Редкий звон большого соборного колокола созывал ревнителей веры в храм Божий. Беседы, не смотря на их продолжительность, (начинались в 7 час. вечера и кончались после полуночи) отличались необыкновенным оживлением и таким многолюдством, что обширный храм был переполнен слушателями. Можно было видеть среди мирян и многих из духовных лиц, которых привлекло желание поучиться трудному полемическому делу у опытных полемистов, какими являлись епархиальный миссионер о. Д. Александров и окружной о. Алешин.

Первая беседа посвящена была вопросу о вечности Церкви Христовой, причём доказано было, что все старообрядческие общества являются чуждыми Церкви, самочинными и не спасительными обществами и что истинная, неодоленная и вечная Церковь Христова есть Церковь Православная Греко-Российская. В заключении первой беседы присоединившийся к Церкви Православной из австрийского толка Иван Абакумов, вызвавший своим присоединением немалый переполох в среде своих бывших единомышленников, с благословения миссионера, взошёл на кафедру и поведал народу, что он и его жена 40 лет пробыли в расколе австрийского толка, долго колебался, но всё-таки, при помощи Божией, «отряс тину от умного своего ока», и присоединился к св. Церкви, причём неопит просил у православных молиться ко Господу, дабы ему пребыть истинным членом Церкви Христовой и чтобы обратились к свету истины его сын и жена пребывающие до днесь в расколе, благодаря проискам лже-попов. Исповедь эта произвела сильное впечатление на слушателей. Во второй беседе говорилось о ложности и безблагодатности австрийской иерархии раскольничьей. Третья беседа была по вопросу о клятвах соборов 1666–1667 годов. Четвёртая – по вопросу о пришествии антихриста. В заключение всех бесед о. миссионер сделал краткий обзор содержания произведённых им собеседований. Выступали и со-вопросники; но не из сильных, главный же наставник местного раскола, известный Перетрухин, выехал на это время из Николаева. Это общий приём главарей, которые наперёд знают, с кем из миссионеров можно говорить, а от кого надо уезжать... Николаевские собеседования закончились отрадным фактом присоединения к св. Церкви из австрийского толка семьи крестьянина Иродиона Галкина. Присоединение этой семьи совершено было в полночный час, весьма торжественно, при возожжённом паникадиле и общении всех молящихся, которые оставались в храме после беседы. Обряд присоединения совершён был о. протоиереем Лебедевым, при участии оо. миссионеров, О. Александров произнёс одушевлённое слово. Сильное впечатление на народ

производил, по словам о. Аксенова, умилительный обряд присоединения, совершённый в столь необычную пору.

Описанные нашим сотрудником противораскольничьи собеседования оо. Самарских миссионеров Александрова и Алешина заслуживают полного одобрения с точки зрения миссионерской методики. Допущенный о. миссионером акт публичного исповедания о заблуждении со стороны раскаявшегося раскольника был вполне уместен; такие приёмы могут быть рекомендованы и в других подобных случаях, если только подобные заявления будут плодом искреннего сокрушения воссоединённых. Но в тоже время мы позволяем себе выразить и недоумение по поводу необычайной поспешности относительно присоединения в полнощный час раскаявшейся семьи раскольничьей.

Торжество вышло бы гораздо естественнее, если бы оно отсрочено было до ближайшего праздника, или хотя бы до следующего дня. Мы останавливаемся на этом не соответствующем существу дела обстоятельстве потому, что оно в миссионерской практике встречается не редко, а между тем подобная торопливость в столь важном деле, как духовное возрождение кающихся грешников, не может быть ничем оправдана.

В марте месяце исполнилось пятидесятилетие должностной службы таврического архипастыря, Епископа Мартиниана, для которого наша и внешняя и внутренняя миссия во всё время служения Церкви была предметом особого внимания и забот. Назначенный в 1869 г. из настоятелей иркутского монастыря в епископа Селенгинского, а затем Камчатского (с 1877 г.), преосвященный юбилар впредь до перемещения своего на нынешнее место святительского служения (в 1885 г.) руководил миссиями вверенных его управлению сибирских епархий. Десятилетнее управление таврической епархией, где нашли себе приют, благодаря историческим обстоятельствам, всевозможные секты, ознаменовано неусыпной попечительностью этого благостного архипастыря о преуспевании миссионерской борьбы с заблудившимися сектантами; предметом главных забот мудрого архипастыря служит

поднятия в приходском духовенстве энергии и уровня знаний по сектоведению и миссионерству. Да продлит Господь благоплодное служение доблестного покровителя миссионерского дела и ещё на многие и многие лета!

Э. Я.

Р. П. Летопись печати по вопросам миссии //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 47–62

Недуг много-учительства (Моск. Церк. Вед.). Еп. Феофан о гр. Толстом (Душеп. Чт.) и архимандрит Антоний по поводу лжеучения последнего о непротивлении злу (Прав. Соб.). Христианское учение о войне (Рад. Хр.). Храм и его значение (Моск. Церк. Вед.). О призывании святых (Рус. Палом.). Обличительная речь Иисуса Христа (Вер. и Раз.). К вопросу об иконопочитании (Душ. Чт.). К обличению заблуждений спиритов и сектантов-мистиков по вопросу о чувственных сношениях между живыми и умершими и о новых откровениях (С.-Петер. Дух. Вест.). Школа как средство борьбы с расколом и сектантством (Церк. пр. шк.). Суждение Церковн. Вести, о мерах пастырского миссионерского влияния на интеллигентное общество (Церк. Вестн.). Веротерпимость (Моск. Вед.). Из дневника о. Иоанна Кронштадтского.

Каждая эпоха имеет свои добродетели и недостатки, свои настроения и модные веяния, которым общество поклоняется как идолам времени.

Много-учительство, стремление каждого учить других, это самодельное и потому обманчивое и опасное посягательство на умственное превосходство перед другими, – представляет собой один из самых распространённых и заразных недугов нашего времени. Оглянитесь кругом, присмотритесь к любому классу общества, – и вы увидите, что это действительно так. Всякому желается руководить, учить, проповедовать; но не слушать и повиноваться.... Везде появляется множество непризванных, глашатаев какой-то вечной правды, учителей народных, проповедников.... Так характеризуют настроение нынешнего общества «Московские Церковные Ведомости» (№ 3. «Один из современных недугов общества – много-учительство»). Но если это замечание справедливо относительно всего вообще русского общества, то особенно приложимо оно к тому тёмному царству отщепенцев от Церкви Христовой, в котором, за отвержением последними

учителей истинных и законно-поставленных, появилось многое множество самозванных учителей, ставших слепыми вождями слепых, таковы, напр., раскольничья иерархия, штундовые пресвитеры, молоканские наставники, духоборческие цари, хлыстовские пророки и кормщики и современные интеллигентные антихристы – проповедники, из коих самым выдающимся и опасным, бесспорно, является граф Л. Толстой. И борьба с его всё более распространяющимся противохристианским лжеучением представляет для православного защитника истины особенно много трудностей и даже опасностей. Трудность опровержения толстовских заблуждений и разоблачение его клевет на православную Церковь заключается главным образом в спутанности и неопределённости основных положений его учения и крайней противоречивости отдельных его мыслей, суждений и выводов. На эту трудность борьбы с лжеучением Толстого указывал ещё преосв. Феофан – затворник. В одном из своих писем к М. Д., печатающихся в настоящее время в «Душеполезном Чтении» (февраль 1896 г.), этот учёный подвижник Богослов рассказывает, что он сам несколько раз брался писать против Толстого, но каждый раз бросал, не окончивши начатого труда, и делает по этому поводу следующее интересное замечание, которое нелишне бы принять во внимание слепым поклонникам сочинителя новой веры. *„Против Толстого я несилен, потому что он слишком лукав или глуп... в его речах страшная путаница... то одно говорит, то совсем другое об одном и том же... Бесы его учат такому лукавству“*. Сообщая далее известие о том, что в печати уже начали появляться основательные опровержения против Толстого, великий подвижник замечает: *«это будет: Л. Толстой, вывороченный на лицо... ибо в писаниях его имеется только изнанка»* (письмо 38). Ни одно из религиозных заблуждений нашего времени не вызывало такой оживлённой печатной полемики, как лжеучения гр. Толстого. Но полемика эта главным образом направляется на опровержение положений (тезисов) лжеучителя, логической и догматической их несостоятельности. Положительному же раскрытию православного учения по вопросам, возбуждаемым и

извращаемым в учении Л. Толстого, доселе уделялось, сравнительно, мало внимания и места; а между тем, усиление этого элемента в форме твёрдого обоснования и точной формулировки учения православной Церкви о предметах, послуживших камнем преткновения для Толстого и его последователей, принесло бы по нашему мнению несравненно большую пользу делу утверждения истины и разоблачения лжи, (а иногда и клеветы), чем неблагодарная систематизация спутанных афоризмов самодельного философа-богослова и опровержение его тезисов. Свет истинного учения Христова, с надлежащей ясностью и основательностью изложенного, скорее просветит ослеплённые суемудрием очи заблудших, чем все усилия человеческого разума; только нужно, при этом, раскрыть толстовцам ту сеть противоречий и заблуждений, которыми опутаны не утверждённые в Христианской истине умы Толстого и учеников его. Вот почему особого внимания заслуживают две новые статьи, содержащие в себе именно такое положительное раскрытие православно-христианского учения о предмете, который в настоящее время занимает не только последователей Толстого, но и вообще, значительную часть нашего образованного общества. Разумею вопрос о непротивлении злу насилем и в частности о законности войны с христианской точки зрения. Вопрос «о непротивлении» обстоятельно рассматривается в статье ректора Казанской дух. Академии, архимандрита Антония: «Нравственное учение в сочинении Толстого *Царство Божие внутри вас* перед судом учения христианского» (Правосл. Собесед. январь). Статья, насколько можно судить по приведённому заглавию и напечатанному началу её, будет представлять собой полный разбор нравственного учения Толстого, раскрытие внутренних его противоречий и несогласия его с духом учения Христова. В напечатанной уже статье раскрывается хилиастический грубо-чувственный характер понимания и определения Толстым понятия Царства Божия в смысле царства земного, имеющего наступить тогда, когда люди достигнут общего равенства, счастья и безгрешного настроения; далее выясняется пантеистический и материалистический характер религиозного

учения Толстого, на котором основывается нравственное его учение, и, наконец, разбирается вопрос о непротивлении злу, составляющий главнейший пункт толстовской морали. Здесь почтенный автор даёт своё собственное решение последнего вопроса, – притом, решение глубокое и в тоже время простое и ясное, – в следующих положениях:

„В Новом Завете, говорит о. архим. Антоний, – нет разрешения прибегать к насилию в борьбе со злом, даже в борьбе за зло, наносимое другим людям, хотя нет и прямого воспрещения; прибавим далее, что ни одно церковное определение, ни одна молитва Церкви не даёт утвердительного ответа на вопрос Толстого о том, может ли христианин, оставаясь христианином, допускать насилие в достижениях благих целей“. „Совершенный христианин, допустивший насилие, весьма погрешает, но погрешает меньше, нежели в том случае, когда он, не желая допустить насилия, отказывается вовсе от борьбы со злом. Если, напр., человек видит разбойника, преследующего девушку, или злодея, похищающего детей для растления, то видящий это христианин более погрешит, когда пройдёт мимо такого явления, нежели в том случае, если вступит в борьбу со злодеем, хотя бы последняя окончилась убийством“...

Но неужели в подобных случаях нет иного исхода кроме указанных двух, т. е. пассивного отношения к злу и борьбы с ним посредством насилия? Есть.

„Истинный, совершенный христианин имеет возможность и здесь не употребить убийства; если он всецело проникнут верой, то Бог пошлёт ему силу убеждения, а если злодей ожесточится и против этой силы, то Господь Сам будет его казнителем, как Анании и Сапфиры“. „И если такой человек, который имеет внутреннюю возможность проникнуться святым вдохновением настолько, чтобы совершить чудо, но по минутному упадку духа, подобно Моисею при изведении воды из камня или Саулу, не дождавшемуся Самуила при битве, оставит надежду на Бога и прибегнет в защиту истины к насилию, то он безусловно виновен; но если он такой силы не имеет, а зло совершается сейчас и совершается безвозвратно,

если христианину остаётся выбор между сопротивлением злу через насилие и бездейственным созерцанием зла, то он более согрешит в последнем случае, нежели в первом: в первом он поступит наилучшим из доступных ему способов отношений“.

Это справедливо не только относительно отдельных личностей, но и об обществах и целых народах.

„Если русский народ, созерцая истязания болгар и их насильственное потурчение, имел бы настолько духовных сил, чтобы убедить турок прекратить жестокости, или болгар принять мучение, или, наконец, воззвать к Богу с такой силой веры, чтобы Господь Сам чудесно сохранил невредимыми христиан и устранил мучителей; тогда народ русский был бы безусловно виновен, если б, поленившись напрячь дух свой, предпочёл обратиться к оружию; но так как подобной апостольской силы духа он не имел и ему предстоял выбор между войной и преступным равнодушием священника и левита, в притче о впадшем в руки разбойников, то он поступил наилучшим из доступных для него способов отношения к балканским распрям“.

И Церковь не одобряет войны, как клеветает на неё Толстой, а только терпит её. В канонах церковных есть даже прямо и определённо выраженная епитимия Василия В. – лишать убивавших на войне причастия на три года (прав. 13), (стр. 39–41).

Более подробно рассматривается вопрос о войне в статье «Христианское учение о войне», журнала «Радость Христианина», 1896, кн. 3. Как известно, вопрос о дозволенности и законности войны с нравственно-христианской точки зрения принадлежит к числу труднейших проблем христианской совести, и даже в настоящее время сознание христианских обществ и народов ещё не пришло к окончательному решению этого вопроса. Выдающиеся богословы и мыслители решают вопрос о войне различно: одни доказывают, что война христианством допускается и в известных случаях даже одобряется, другие же, напротив, – что она совершенно противоречит самому духу христианства и смыслу некоторых, вполне ясных заповедей Христовых. В виду

той огромной практической важности, какую имеет решение этого вопроса не только для отдельных личностей, но и для целых народов, понятно, какой живой интерес должна возбуждать каждая попытка решения этого вопроса или, по крайней мере, правильной его постановки. В последнее время интерес к этому вопросу со стороны русского общества и печати особенно усилился вследствие широкого распространения подпольных сочинений гр. Толстого: «Царствие Божие внутри вас», Государство и Церковь или «Тулон», «Николай Палкин», а также по поводу появления статьи В. Соловьева «Смысл войны» (Прилож. к «Ниве» 1895, № 7). Последняя собственно статья и высказанные против неё мнения некоторых других русских публицистов, доказывавших законность войны с христианской точки зрения, вызвали и появление названной выше статьи неизвестного автора «Христианское учение о войне». В этой статье вполне ясно и определённо проводится тот взгляд, что христианство, как религия мира и любви, не может иметь ничего общего с насилием и не одобряет войны, а только терпит её. Защитники войны, как нравственного поступка, ссылаются на Свящ. Писание, в котором они находят оправдание войны. В рассматриваемой статье разбираются все такого рода места из Свящ. Писания. Появление отмеченных статей нельзя не признать вполне современными и весьма полезными для выяснения интересующих общество вопросов. С некоторыми выводами их, может быть, вполне согласиться и нельзя, но для миссионерской полемики статьи эти заключают весьма ценный материал, так как сектанты наши рационалистического направления все настроены против войны и оружия.

Из других статей, посвящённых раскрытию истин, составляющих предмет заблуждения сектантов, отметим обстоятельно и с назиданием написанное чтение для народа «О храме и его значении для нашей жизни» пр. Т. П-ского («Моск. Церк. Вед.» № 7) и статью свящ. Л. Паевского «На чём основывается призывание святых в молитвах» («Русск. Паломн.» №№ 2 и 3). Сюда же можно отнести и статью свящ. Гр. Мозолевого, «Обличительная речь Господа нашего И.

Христа против книжников и фарисеев» («Вера и Разум», кн. 3). Статья эта имеет учёный характер, но судя по напечатанному началу её, она будет представлять интерес и для противосектантской полемики, поскольку в ней выясняется истинный смысл тех обличений Господних, которые сектанты без долгих рассуждений относят к церковной иерархии и духовенству вообще. Но особенный интерес в миссионерском отношении представляет собой напечатанный в «Душеп. Чтении (кн. 2) отрывок из недоконченной статьи покойного еп. Феофана «Об иконопочитании», направленной против молокан. Лучший способ предохранить православных от сектантских заблуждений касательно иконопочитания преосв. Феофан указывает в том, чтобы дать в руки православных простую, но подробную историю иконоборчества, из которой каждый легко мог бы видеть, откуда и как это заблуждение появилось. Таковую-то историю и хотел написать сам преосв. Феофан; напечатанный отрывок представляет собой как бы вступление к этой истории. В этом вступлении показывается, как православный ещё прежде всякого рассуждения об иконопочитании может, так сказать, сбить молоканина и штундиста с позиции, доказавши ему: 1) что сам он, молоканин, не всему тому верит и не всё то принимает, что написано в св. Писании (напр., крещение, причащение), и следовательно, не имеет права спрашивать: где написано, что надо почитать иконы, как будто сам он верует во всё, что написано, и 2) что не всё необходимое для спасения записано в св. Писании, но многое сохранилось в предании. – Ясность мысли, убедительность доводов, оригинальная простота изложения, мало чем отличающегося от обыкновенной разговорной речи, – заставляют искренно пожалеть, что труд преосв. Феофана остался неоконченным. Он, бесспорно, был бы весьма ценным вкладом в нашу обличительную противосектантскую литературу.

Заслуживают внимания также статьи А. Н. – «Возможны ли и нужны ли чувственные сношения между живыми и умершими, по учению слова Божия» и «Допускается ли возможность новых откровений по христианскому воззрению» («С.-Петерб. Дух. Вестн.» № № 1, 6 и 7). Обе статьи, отличающиеся полнотой

раскрытия вопроса и основательностью доводов, направлены собственно против учения спиритов, но вторая из них может быть полезной и против лжеучений мистического сектантства (хлыстовства, шалопутства, духоборцев).

Из статей по вопросу о способах успешнейшей борьбы с сектантством отметим статью Л. Денисова «Одно из средств борьбы с расколом и сектантством» («Моск. Церк. Вед.» № 8) и свящ. В. Лузанова «Как я достиг доброго влияния церковно-приходской школы на штундизм...» и пр. («Церковно-приходская Школа», кн. 1). В первой из этих статей указывается на церковно-приходскую школу, как на одно из могущественнейших орудий борьбы с расколом и сектантством; в статье же свящ. Лузанова сообщаются некоторые наблюдения над фактами действительности, вполне подтверждающие справедливость суждений г. Денисова о громадном значении школьного воспитания в деле борьбы против распространения и усиления сектантства.

Сообщённые в нашем журнале (февральская хроника) сведения о вредной деятельности интеллигенции известного направления по распространению религиозного вольномыслия среди народа, обратили на себя внимание светской и духовной печати. Более обстоятельное обсуждение этого явления находим в Церковном Вестнике (№ 10), который коснулся вместе с тем и вопроса о возможных мерах к пресечению этого зла. Высказав предположение, что «Миссионерское Обозрение» будто бы склонно относить главную вину в распространении сектантства на счёт исполнителей закона и представителей власти, орган столичной академии признаёт, что то или другое отношение административной и судебной власти к сектантам и их вожакам имеет большую важность, но однако *центр тяжести в вопросе о противодействии сектантской пропаганде, откуда бы она не исходила, лежит в пастырстве и оказываемом им духовном воздействии, а не во внешних мероприятиях светского характера* (курсив наш). И затем, почтенный журнал горячо настаивает на необходимости, в интересах миссии, поднять научно-образовательный уровень духовной школы, а, следовательно, и нашего пастырства.

„Тогда только, когда пастыри церкви будут стоять на высоте своего призвания и снабжены будут всеми средствами, чтобы удовлетворять духовным запросам народа, – *не окажется места для пропагандистов*, говорит Церковный Вестник. В частности, необходимость парализовать вредное влияние интеллигенции на простой народ выдвигает особого рода задачу. Совершенно отрезать народ от интеллигенции, и через то прекратить всякое влияние последней на народ, невозможно, да и нежелательно: тенденция к пропаганде свойственна всякому духовному превосходству и никакими путями её нельзя сдержать, к тому же не всегда пропагандируется одно дурное, подчас и хорошее. Следовательно, задача не в том, чтобы засыпать источник, который если не здесь, то в другом месте непременно прорвётся, а в том, чтобы приносимые этим источником воды не были мутны и грязны. Нужно позаботиться, чтобы интеллигенция производила на народ не разлагающее, а созидющее влияние, и чтобы плоды этого влияния были добрые, а не дурные. Для достижения же этой цели необходимо, чтобы сама интеллигенция находилась под влиянием церкви, и чтобы не прерывалось живое и деятельное общение пастырей церкви с интеллигентными сферами светского общества. В качестве непрямого условия для такого общения, от пастырей церкви требуется **высокое образование**, которое обеспечивало бы им уважение со стороны светского общества. У нас издавна принято жаловаться на то, что светские дома тщательно закрывают свои двери перед священниками и что в то время, как протестантский пастор или римско-католич. ксёндз считаются желанными гостями в высшем круге своей паствы, появление православного священника в *салоне* способно произвести только замешательство или смущение... В латинских и протестантских странах, приготавливая кандидатов священства, имеют в виду все слои общества и стараются поставить образовательную и воспитательную часть таким образом, чтобы будущий служитель церкви стоял в уровне не только с простым народом, но и с интеллигентными классами; у нас-же, напротив, главным образом, имеется в виду простой народ, а высшие

сословия как бы забываются. Отсюда и происходит, что мы, теоретически признавая обязательным апостольское правило „быть всем вся“, на практике вырабатываем тип пастыря *неудобоприемлемый* высшим сословием. Плоды мы теперь и пожинаем: в интеллигентных слоях, стоящих вне церковного влияния, началось самодельное религиозное движение, старающееся захватить и простой народ. Ясно, что мы во избежание ещё большего зла и для исправления того, которое уже допущено, должны устранить традиционный пробел и, нисколько не выпуская из внимания потребностей простого народа, не забывать вместе с тем и образованного класса. *Настойт крайняя нужда не понижать, а напротив – поднимать научно-образовательный уровень духовной школы*, так чтобы её воспитанники, будущие служители церкви, не были удалены от светского образованного общества ещё на большее расстояние, но по возможности приближены и через то открыт был бы путь к взаимообщению. Нельзя поэтому не удивляться близорукости поборников того мнения, будто для противодействия сектантству достаточно создать *добронравных и благочестивых* пастырей, которые обладали бы необходимыми в церковной практике сведениями и *были бы непричастны всяким хитростям светской мудрости*. Такие пастыри, быть может, и удовлетворительны для массы деревенского населения, но для людей образованных, они едва ли достаточны, следовательно, и противодействовать сектантству с полным успехом не могут, потому что не в состоянии повлиять на корень, на тот источник, из которого между прочим выходит в настоящее время сектантская пропаганда“.

По поводу приведённого мнения «Церковным Вестником», мы поставляемся в необходимость возразить, что предположения академического органа на счёт взглядов и направления «Миссионерского Обозрения» совершенно ошибочны, если он думает, что миссионерское издание *главнейшую вину за развитие сектантства слагает на суд и администрацию, а центр тяжести в деле борьбы с сектантством полагает во внешних мероприятиях светской*

власти, а не в пастырстве и мерах духовного воздействия на отпавших. Автор заметки, полагаем, не впал бы в это недоразумение и не ввёл бы в заблуждение своих читателей, если бы он не навязал нам со всем не нашего отзыва о характере исполнительной власти, «которая может вести дело по своему желанию, несмотря ни на какие повеления свыше, причём либеральные правители смягчают действие закона (относительно сект), – консервативные, наоборот, делают его ещё более суровым» и проч. Характерный отзыв этот буквально заимствован нами и буквально приведён из сектантского документа, что и было оговорено и подчёркнуто, а между тем на страницах «Церковного Вестника» он явился принадлежащим самому «Миссионерскому Обозрению». Свой взгляд по вопросу о мерах пресечения сектантства «Мис. Обозр.» определённо высказало на первых своих страницах, заявив, что *центр успеха внутренней миссии покоится, главным образом, на приходском пастырстве*⁸⁶. Наше издание перестало бы быть органом миссии, а явилось бы глашатаем полицейских репрессий, если бы оно предпочитало в борьбе с религиозными заблуждениями внешние мероприятия правительственной власти духовному воздействию пастырства на заблудших. Сектантство есть болезнь духовная и действенными мерами врачевания этого недуга могут быть только меры духовного порядка. Мы знаем цену тем и другим мерам не только с академической точки зрения, но и по практике миссионерского дела. Ограничительные мероприятия светской власти в борьбе с сектантством имеют место не более, как паллиатив – как меры второго порядка и значение их здесь простирается не далее временно-пресекающего влияния на разливающийся поток сектантского зла, пока не будет водворён порядок и такой строй в народной жизни, который бы обеспечивал возможность успешного действия духовной миссии и её собственными мерами. Чтобы понять известное значение внешних мер, не надо закрывать глаз и на тот важный фактор в истории распространения сектантства, что большинство последователей наших народных сект в период усиленного возбуждения их вожаками, по своему умственному и нравственному состоянию,

делаются решительно не проницаемы для воздействия на них мерами духовного убеждения и впадают в сектантство, будучи водимы далеко не теми внутренними, разумными мотивами, какие предносятся кабинетному воображению гг. либералов. Благами света могут пользоваться лишь зрячие; слепцы же и больные глазами, хотя бы все лучи солнца устремились на таковых, всё равно не способны узреть окружающих красот мира. Таких духовно-слепых в сектантской толпе подавляющее большинство, и остановить их необдуманный быстрый бег на пути к грозной пропасти может один только властный окрик поводыря, которому привык слепец беспрекословно повиноваться... Бессильно слово миссионерского убеждения также и тогда, когда оно встречается с злонамеренною агитацией, своекорыстным расчётом, с преступной волей, с стадным фанатическим движением обезумевшей толпы и проч.

Отсюда понятно, что ограничительные меры пресечения светской власти в деле борьбы с сектантством должны держаться своего строго очерченного и законом предусмотренного круга воздействия на заблудших. Не вмешиваясь в личную сферу верований и убеждений, исполнительная власть должна быть на страже ограждения святой неприкосновенности господствующей Церкви и её святынь от посягательства на неё врагов православия, а также и охранять совесть «сих малых» от смущения и насилия, со стороны преступной пропаганды вожаков сектантства.

Миссионерские наблюдения не дают основания согласиться с рискованным мнением «Церков. Вест.» и о том, что будто бы **не окажется места для пропагандистов**, «когда пастыри будут стоять на высоте» и будут снабжены всеми средствами для борьбы с сектами... По теории оно может быть и так, но по истории и на практике от проникновения сектантства никогда ещё не был застрахован ни один образцово-благоустроенный приход, при наличии пастырей просвещённых и примерной жизни. Болезнь везде и всегда найдёт себе жертв...

Трудно так же согласиться с почтенным журналом и в том, будто бы одно *высокое образование* служит *непременным условием* для обеспечения уважения нашему духовенству, со

стороны светского общества и для установления живого взаимообщения пастырства с интеллигентным кругом. Сколько в столицах и губернских городах высоко просвещённых пастырей, однако и для них дверей салонных также не открывают, и эти пастыри также чужды и далеки для салонного света, как и прочие их собратья, и наоборот, нередко не блещущие своей просвещённостью иереи бывают более популярны и влиятельны в обществе: примеры воочию не единичные и в самой столице... Да и понятна ли будет салонной просвещённости «сынов века сего» мудрость «сынов света»?.. В силу исторически сложившихся условий жизни и просвещения, наше *салонное* общество и православное духовенство настолько и так давно разошлись, что разучились понимать друг друга. Пастырство наше и раньше, в особенности же теперь, по справедливости может считаться просвящённейшим сословием в государстве (разумеется относительно среды и предметов своего служения). Запас его научных знаний и умственного развития во всяком случае в общем не ниже наших интеллигентных классов и несравненно выше католического духовенства, на высокий авторитет которого в своей пастве указывает «Церк. Вест.». Для миссионерских интересов нужна не в поднятии нынешнего научно-образовательного уровня духовенства, которое владеет достаточными средствами для успешного ведения миссионерского дела не только с народным сектантством, но и с интеллигентным. Последнее в существе дела не менее невежественно относительно религиозных знаний, чем заблудшие из народа. Слабость современного влияния духовенства на светское образованное общество и относительно малая успешность его в борьбе с религиозными лжеучениями заключаются, по нашему мнению, со всем не в том, что духовенство недостаточно просвещённо и что интеллигенция будто бы имеет над пастырями духовное превосходство. Причина тут в чём-то другом, и не в одном духовенстве. Со стороны последнего, мы склонны видеть эту причину скорее в недостатках воспитания нашего духовного юношества, в отсутствии строгой выдержанности и дисциплины в духовных школах, которые не дают надлежащей

убеждённости кандидатам священства в святости и высоте их будущего пастырского служения, – в недостатках руководства духовенством в его жизнедеятельности, при том духовном одиночестве и материальной приниженности, в каких совершают своё многотрудное служение наши приходские и особенно сельские пастыри Церкви...

Веротерпимость, свобода совести, свобода исповеданий – излюбленнейшие слова в лексиконе либеральной части нашей интеллигенции, а в миссионерской практике эти понятия являются самыми боевыми возражениями, с которыми часто приходится и в обществе, и в печати встречаться и считаться миссионерам и пастырям Церкви. Обыкновенно, понятия эти всегда лежат в основе либеральных иеремиад, по поводу тех или других мер, принимаемых правительством к ограничению свободы вредной инославной и сектантской пропаганды. В начале настоящего года вышла в свет интересная книга польского гр. Леливы, который, между прочим, под прикрытием тех же принципов веротерпимости и свободы совести, пытается защитить права на свободу действий в западном крае католического духовенства и резко критикует административные меры, направленные к ограничению проповеди религиозно-политического сепаратизма со стороны коварных ксёндзов. Одна из столичных, сентиментальничающих по религиозным вопросам, газет была глубоко тронута писаниями польского апологета и, на почве опять тех же принципов, играет в руку польских вождельцев, возражая против правительственных ограничений католического духовенства западной России в костёле, в школе и народе. Спор этот дал повод «Моск. Вед.» высказаться принципиально, по вопросу о веротерпимости, о котором в обществе нашем господствуют самые смутные представления. Суждения почтенной московской газеты, (которая, нужно сказать, ярко выделяется среди нашей светской печати своим серьёзным и чутким отношением ко всем современным церковно-государственным явлениям), на столько основательны и верны, что мы считаем не лишним познакомить наших читателей с взглядом почтенной газеты по этому боевому в миссионерстве вопросу. Указывая на некоторое в последние

годы оживление религиозной мысли в обществе, «Московские Ведомости» замечают, что ныне всё чаще и чаще возникает вопрос об отношениях государства и Церкви.

Вопрос этот сравнительно легко разрешается, пока дело идёт о свободе и веротерпимости вообще; но он становится крайне трудным и запутанным, как только эти общие понятия приходится применять к действительной жизни, как только с вопросами религиозными сплетаются вопросы национальные и социальные, справедливо говорит газета. Нельзя человека силой заставить переменить убеждение или верить тому, в чём он сомневается, – сама попытка сделать это станет для него аргументом не за, а против навязываемой ему веры... Поэтому совершенно понятно, что чем сильнее религиозное чувство человека, тем сильнее претит ему инквизиционный способ душеспасения.

Но было бы крайне неосторожно смешивать свободу совести с бесконтрольной свободой пропаганды религиозных, политических или нравственных учений. Не только в сфере религии, но и во всякой другой, невозможно запретить человеку думать именно так, как он думает: но отсюда не следует, чтобы необходимо было предоставить ему право распространять свои мысли хотя бы с явным вредом для государства или для общества.

Государство не только обязано уважать свободу совести своих граждан, но оно должно ограждать её ото всяких на неё посягательств: а также оно не обязано и даже не может относиться вполне безразлично ко всем вероисповеданиям. Поэтому понятие о господствующей Церкви отнюдь не противоречит понятию свободы совести, как пытаются доказать это сторонники разделения церкви и государства... Те самые вероисповедания, которые теперь громче других требуют для себя равноправности, скоро отказались бы от этого требования, если б им удалось сделаться господствующими.

Вера человека есть дело его совести и не подлежит никакому внешнему контролю: но вероисповедание, как выражение этой веры, требует внешних проявлений и

проявления эти могут быть вполне согласны с законами и целями страны или же могут противоречить им.

Никому не придёт в голову во имя веротерпимости требовать допущения человеческих жертвоприношений или беспрепятственного распространения членовредительства.

Ясно, что принцип невмешательства и веротерпимости обязателен для государства лишь до тех пор, пока дело идёт о внутреннем мире человека, и становится совершенно неприменим, как только действительные или мнимовероисповедные требования становятся в противоречие с государственными законами.

Государственная власть не может предоставить учениям, которые она признаёт не только ложными, но и вредными, одинаковых прав с теми, которые оно считает истинными и плодотворными. Ещё менее может оно допустить, чтобы под флагом религиозных убеждений проводились социальные и политические теории, имеющие не только мало общего с религией, но грозящие его внешней безопасности или внутреннему порядку. Оно не может допустить, чтобы под предлогом вероисповедных различий поддерживалась племенная рознь и возбуждались противогосударственные стремления.

Конечно, возможен вопрос о коллизии религиозных верований с требованиями, предъявляемыми государством: но в таком случае для того, кто искренне и глубоко убеждён в правоте своей веры, остаётся только безропотно нести последствия такой коллизии, тем более, что, вообще говоря, последствия эти далеко не так тяжки, как были в первые времена христианства.

Само собой разумеется, что государственная власть должна возможно меньше и реже вмешиваться в дела религиозные; но она не может не следить за тем, чтобы в церквях и в школах, особенно на окраинах, под видом религиозной проповеди, не производились тенденции сепаратизма. Конечно, всякое ограничение такой тенденциозной проповеди будет выставляться проповедниками как стеснение свободы совести.

В заключение отметим печатающийся в «С.-Петерб. Дух. Вестн.» высоко-назидательный дневник о. Иоанна Кронштадтского, под заглавием – «Богопознание и самопознание, приобретаемое из опыта». Вдохновенная личность О. Иоанна, его глубокая вера, широкое милосердие и беспримерная к нему любовь верных сынов Церкви и иноверцев производят своё обаяние и на сектантский мир, враждебно относящийся, обыкновенно, к нашим пастырям Церкви. При указании в беседах на благодатные дарования этого пастыря, умолкают и самые злоречивые из со-противников. Нам приходилось встречаться с испытующими расспросами об о. Иоанне, со стороны последователей старых сект далёкой Закавказской окраины. Вразумление отпадших словами писаний этого высокопочитаемого всею Русью пастыря Церкви, несомненно будет иметь силу убедительности для сектантов и особенно для колеблющихся. В дневнике же о. Иоанна нередко встречаются наставления и о пререкаемых сектантами вопросах веры. Вот напр. что он говорит о силе св. креста и молитвы ко Пр. Богородице.

Хочу воздать славу Животворящему Кресту Господню! Многократно овладевали моим сердцем страсти – и демон каждый раз получал через них как бы власть тиранить мою душу, тяжело давил её: а я, с верой изображая крестное знамение, нарочито придавливал нижним концом знамения крестного чрево своё: – и вся адская тяжесть мгновенно исчезала вместе со страстью, спокойствие и радость поселились в душе моей. Нравоучение. Изображай же при каждой страсти с сердечной верой крестное знамение, где будешь чувствовать тяжесть, там особенно и полагай спасительное знамение. При этом помни, что не напрасно Церковь говорит о силе креста и в молитвах своих просит у Господа даровать нам, между прочим, силою креста Его, разные духовные блага. Церковь говорит это из опыта.

Когда хочешь молиться Владычице, – наперёд окинь умным оком – её величайшую святость, её безмерное величие, или безмерное расстояние, которое находится между нею, честнейшей херувим, – между тобой, грешнейшим паче всех: и

тогда молись Ей с глубочайшим смирением. Вместе с тем представь её глубочайшее смирение, в котором Она теперь пребывает у Своего Сына и Бога, её величайшую благодать, непостижимую нашими злыми, маловерными сердцами, а с благодатью – самую возможную близость её к нашим душам, искренно к ней обращающимся: и тогда молись Ей с полной уверенностью, что Она услышит тебя и необходимое для тебя непременно подаст: – не напрасно св. отцы и признательные к её благодеяниям обыкновенные люди называют Её пребыстрой Заступницей. Такое название взято от самого дела.

П-я. Р-ли

Скворцов В. Новые Заграничные сочинения о русском сектантстве и их клевета на православное духовенство и наше правительство // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 62–66

Заграничная печать продолжает живо интересоваться русским сектантством протестантского направления, особенно же штундизмом. Независимо от мелких заметок и статей, нередко появляющихся в иностранных журналах и газетах (особенно в английском «The Christian Worlet»), в последнее время стали выходить отдельные книжки, посвящённые нашему южнорусскому штундизму, таковы, напр., роман – хроника английской писательницы Гесбы *Стриттон*, переведённый на немецкий язык, под заглавием: «Der große Leidensweg am Ende des neunzehnten Jahrhunderts. Von Hesba Stretton. Mit Vorwort von Otto Funke. (По-русски: «Великий скорбный путь в конце девятнадцатого столетия»). Почти одновременно появилась в Швейцарии на французском языке брошюра профессора теологии Godet (Годэ), под заглавием «Persécutions, actuelles en Russie». (Преследования, производимые в России) 1896 ap. Neuchâtel.

Мисс Стриттон написала свой роман из жизни южнорусских штундистов, по её словам, при деятельном участии одного из русских эмигрантов, проживающих в Англии, известного (?) писателя (уж не при участии ли раздавленного недавно поездом ж. д. революционера Степняка?), и на основании *анонимных* журнальных статей, а также и частных писем из России от сектантов и их покровителей.

Брошюра Годэ повторяет в сущности те же сведения о штундизме, его организации, культе и положении секты в нашей Церкви и государстве, какие заключаются в романе Мисс Стриттон, только в иной форме. Очевидно, источник у обоих заграничных авторов один и тот-же. Этот сомнительный источник, откуда почерпнуты почтенными авторами сведения для сочинений о нашем штундизме, уже сам по себе не может

говорить в пользу беспристрастного и правдивого изображения сложного штундового сектантского вопроса.

Более того, ближайшее знакомство с содержанием упомянутых заграничных сочинений о русском штундизме открывает и нечто новое, интересное для нас относительно происхождения настоящих изданий. Это уже не прежняя обычная заграничная любознательность, пробавляющаяся о нас и о наших домашних делах, обыкновенно, карикатурными или наивными суждениями западноевропейской печати. В сочинениях мисс Стриттон и профессора Годэ слишком ясно сквозит, до глубины души – оскорбляющая русского читателя тенденциозность, рассчитанная на известную цель. Эти две книжки английской и швейцарской печати, очень напоминают нам приёмы последней, когда Европа берётся «за больного человека», т. е. Турцию, чтобы создать там политические вопросы, подобно Армянскому, Балканскому и др., – от сочинений о русском штундизме слишком отдаёт той же тенденциозной агитацией. С чьей же стороны? Конечно, не от серой толпы рядовых последователей русского штундизма, а наших образованных доморощенных и заграничных покровителей штунды. Агитация по-видимому рассчитана на то, чтобы создать за границей общественное мнение в пользу якобы угнетённых русских сектантов и тем оказать известное давление на наши правительственные сферы, в надежде вызвать, слава Богу, забытое, благодаря минувшему царствованию, «лакейское расшаркивание» перед европейским баринном, т. е. общественным мнением. Наши либералы и конституционалисты никак не хотят помириться с тем, что нынешнее благословенное царствование есть *продолжение* счастливой для национальных интересов России эпохи Александра III; этим, по-видимому, и объясняется заграничный дружный литературный выстрел в последнее именно время по старому штундовому вопросу, в правительственных отношениях к которому в сущности ничего нового не произошло. Подтверждение этого мы находим и в самих сочинениях. Так, автор предисловия к роману Стриттон Г. Функе откровенно молит Царя небесного, чтобы Он дал «молодому монарху Российской Империи геройское мужество

руководиться в своём управлении словами великого Фридриха: «в моём государстве каждый может по своему сделаться блаженным», при этом почтенный немец усматривает все несчастья России *в ложных, по немецкому взгляду, принципах русского правительства* относительно основного начала нашей государственной жизни, т. е. *православия*; запуганному клеветой русских эмигрантов воображению автора – чудится у нас на Руси «мёртвая ночь, великие испанские трагедии», жертвами которых являются сотни тысяч штундистов, а также немцы – протестанты (им-то ещё плохо на гостеприимной Руси!) Остзейских провинций, обманутые (?) вероломством русского правительства, вопреки договорам (?), закреплённым клятвою?..

«Автор не надеется видеть» просвета в этой ночи на Руси, если не будет объявлена здесь полная *свобода совести и исповеданий*, что произведёт «спасительное преобразование» (реформацию) не только «в окаменевшей» русской церкви «в которой ныне нет истинно-христианских духовно-просвещённых руководителей, а большинство объято властолюбием и корыстолюбием: но и во всём строе русского государства».

Касаясь истории происхождения штундового движения в России, автор обвиняет русское духовенство в том, что оно-де не умело овладеть движением чисто миссионерскими средствами, не захотело любовно взглянуть на новое религиозное стремление, которое сначала было чисто внешним, подражательным, относительно *добрых обычаев немцев – колонистов?!),* в христианском времяпрепровождении праздников за чтением св. Писания. Духовенство «напустилось» на бедных новаторов – штундистов, как на «проклятых еретиков...». С развитием сектантского движения духовенство, почувствовав бессилие своё, призвало к содействию «грубую силу светской власти, которая не замедлила по своему подать им руку помощи» ... Отсюда начинается измышление никогда не существовавших ужасов преследования наших сектантов и восхваление до небес последователей штундизма, которые «далеко стоят впереди остального русского народа, все грамотны, стремятся к высшему образованию, трезвы и честны,

к женщине относятся с уважением и являются «милосердными самарянами в отношении окружающей среды». Словом, это – праведники, которых вся вина заключается в чтении Св. Писания и неисполнении требований корыстолюбивого духовенства... Причём автор добавляет, что штундисты, которых подкрепляют лучшие люди страны (кто? либералы?), помогая им советом и *где нужно защищая*, могут стать «обновляющим началом» не только греческой церкви, но и государства русского... Заграничная печать ведёт и статистику штундистов: по её исчислению штундистов в России более трёх миллионов. – Как видит читатель, досужий автор очень откровенен, и сведущ: он открывает новые горизонты относительно надежд, возлагаемых на штундовое брожение лицами известного лагеря в России.

Насколько правдоподобны сообщения о мнимых преследованиях сектантов, читатель может судить уже из такого совершенно ложного сообщения, что будто бы детей сектантов в России насильно отбирают от родителей, крестят и затем отдают в дома духовенству на воспитание.

До какого бесстыдства заграничная печать способна доходить в своей защите нашего штундового движения, довольно будет привести первые строки из брошюры профессора Годэ, который говорит: «время религиозных преследований не прекратилось, – не только в Китае и Армении (лестное сравнение!), где страдают христиане за свою веру, но и в стране, которая называет себя христианской, *святой* Русью, – в русской церкви, управляемой *Святейшим* Синодом».

Нельзя не пожалеть легкомыслия авторов упомянутых заграничных пасквилей на Россию, которые позволяют вводить себя в явный обман и заблуждение ухищрениям наших интеллигентных сектантов и либералов, порвавших всякую нравственную связь с родиной. В России их подкопы под религиозные устои и попытки поколебать исконную верность народа и правительства русским началам православия достаточно оценены; – бессильные у себя дома, они теперь забили заграничный набат в пользу свободы религиозной пропаганды в России. Хотя всё это не более как либеральное

пустозвонство, но оно не настолько наивное и безобидное, чтобы не разоблачать его ложь и клевету на нашу церковь и правительство.

«Миссионерское Обозрение» считает своим долгом давать отповедь подобным ухищрениям и надеется вернуться к упомянутым заграничным сочинениям.

В. С.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1896 г.
№ 1–12. С. 66–75**

Козицкий П. [Рец. на:]: Опыт апологетического изложения православно-христианского вероучения профессора Богословия в Нежинском Историко-Филологическом институте кн. Безбородко, свящ. П. Я. Светлова. (Т. 1. Киев, 1896 г. XIX+356 + V. стр. Цен. 2 р. 25 к.). С. 66–69

Предлагаемый труд профес. П. Я. Светлова есть переработка лекций, читанных в Нежинском кн. Безбородко Историко-Филологическом Институте за 1889–1893 гг.; ближайшая цель его дать пособие к ознакомлению с православным догматическим богословием всем тем лицам из светской образованной среды, которые, сознавая недостаточность полученных ими в школе религиозных познаний, стремятся восполнить эти пробелы соответственным чтением». Автор в своём предисловии констатирует тот общеизвестный печальный факт, что антирелигиозные и антицерковные движения у нас в светском обществе имеют свою причину в недостаточном знакомстве с положительным учением Православной Церкви. Известное антихристианское движение последних лет среди интеллигентного общества, связанное с почётнейшим не только в русской, но и общеевропейской литературе именем графа Толстого, достаточно ясно показывает истинную причину отпадения от Церкви вожака или главы этого движения (автора «Исповеди», «Нового Евангелия», «царства Божия») и его последователей: это отсутствие надлежащих сведений о вероучении православной Церкви. Книга почтенного профессора имеет в виду помочь ищущему *истины* избежать тех ошибок, в которые впал автор «Исповеди», – и уяснить ему, *что́*, как и *насколько* должно быть предметом сего искания (IX стр.).

По своей системе труд о. Светлова примыкает к той группе писателей, которые следуют в распределении догматического материала теологическо-генетическому плану, типическим образцом которого является «Православно-догматическое

богословие» митр. Макария. Том I-й рассматриваемого нами сочинения обнимает собой так называемое *простое богословие*, которое в свою очередь распадается на три отдела: I-й отдел – о Боге в отношении к человеческому сознанию или введение в Православно-Христианское учение – об источниках православно-христианского вероучения, II отдел – о Боге в Самом Себе и III отдел – о Боге в общем отношении к миру, как его Творце и Промыслителе.

По плану изложения труд этот не может быть назван оригинальным; по методу же изложения он имеет полное право на оригинальность: в нём догматика соединена с апологетикой. Оставив положительно-догматический метод, которому в большинстве следуют наши отечественные писатели – догматисты, о. Светлов своей системе придал апологетико-философский характер, имея в виду неотложные нужды нашего времени, которым богослов должен отвечать, а именно: ослабление веры в образованном обществе и усилие неверия, питающегося лже-именным разумом. Поэтому-то апологетический метод должен расчистить пути для догматических истин и устранить для них все препятствия в виде заблуждений и лжи неверия, в атмосфере которого дышит и живёт с самого рождения душа современного образованного человека (101–103 стр.).

К внешним особенностям книги нужно отнести разделение её текста – на крупный и мелкий: крупным шрифтом напечатано изложение *догматических истин* и вообще всё самое существенное по тому или другому вопросу; мелким же – изложение догматических мнений, разбор и опровержение тех или других рационалистических теорий, имеющих соприкосновение к догматическим истинам, и необходимые, более подробные разъяснения.

По нашему мнению, самым ценным в данном труде является апологетико-философский элемент, заключающий в себе разбор и оценку теорий и мнений, выставляемых рационализмом и естествознанием для ниспровержения или ослабления тех или других истин веры. Апологетический элемент полезен, как для ума, отравленного сомнения и

расслабленного духом рационализма, и в тоже время не утратившего *искры Божией*, так и для пытливого любознательного верующего сердца.

Язык сочинения – простой, доступный пониманию образованного круга читателей, без всякой темноты и напыщенности, по местам даже изящный, что свидетельствует о ясности мысли автора, глубине понимания предмета, искренности и истинности его убеждений.

Нельзя не поставить на вид автору того обстоятельства, что его определение *догмата* страдает крайней неточностью и неопределённостью, не говоря уже о том, что оно далеко не научно (79 стр.). По нашему мнению, определение *догмата*, как такового, является краеугольным камнем во всяком догматическом богословии. Иначе, – читатель, не получав надлежащего понятия о догмате, не может надлежаще уяснить себе объёма и задачи догматического богословия. Правда, автор ниже (на 104 стр.) даёт более точное, более научное определение догмата, но оно там, к сожалению, мало уместно, – и остаётся как бы в тени.

По своим литературным и научным достоинствам труд о. Светлова заслуживает полного внимания: он, отвечая запросам нашего рационалистического века, может служить путеводной звездой для ищущего религиозной истины – с одной стороны; а с другой – может восполнять знания тех, кто по долгу учительства, по слову евангелия, должен светить всем (Мф.5:15) истинным светом учения Христова. Независимо от того, сочинение о. Светлова по своему апологетическому характеру имеет самое близкое отношение и к задачам внутренней миссии и составляет ценный вклад в литературу нашего дела: миссионеры и пастыри найдут в книге учёного пастыря полезное пособие по миссионерской апологетике и полемике в борьбе с интеллигентным вольномыслием религиозным.

П. Козицкий

Зверев Г. [Рец. на:]: Поучения и беседы на воскресные и праздничные дни целого года – из святоотеческих творений. Составил П. С. Киев. 1896 г. 310 стр. Цена с пересылк. 1 руб. 20 коп. С. 69–70

Уясняя в предисловии к изданию цель своего труда, составитель «Поучений и бесед на воскресные и праздничные дни целого года – *из святоотеческих творений*». в тоже время правильно определил значение, какое может иметь его книга в нашей проповеднической литературе. Наши церковные библиотеки крайне бедны творениями св. отцов, даже знаменитейших, а между тем не святоотеческие ли писания, богатые и внутренним содержанием, и внешними достоинствами изложения, – та нескучная сокровищница добрых учений, из которой всякий христианин, а тем более пастырь Церкви, не только может, но и должен почерпнуть правильное познание путей веры и жизни христианской? Это особенно нужно сказать о настоящем времени, когда самоизмышлённые мудрования непризванных учителей часто выдаются за *православную* истину к соблазну в простоте верующих. И по ставленной иерейской грамоте, предстоятели церквей, исполняя свою проповедническую обязанность: «во вся дни, наипаче же во дни воскресные» поучая народ «словесам благочестия», должны делать это, не преступая предания богоносных, отец не иначе изъясняя слово Писания, как это изложили они в своих творениях, и «сими более удовлетворяясь, нежели составлением собственных слов, дабы, при недостатке умения, не уклониться от подобающего». Писания св. отец – плод святой жизни их и помазания от Духа Святого. Из такого материала составитель нашей книги выбрал поучения и беседы на все воскресные и праздничные дни года, произвёл по местам сокращения, переложения и замену устаревших оборотов речи современными. Всего в состав книги вошло 106 поучений и бесед, заимствованных из творений свв. Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоустого, Прокла Константинопольского, Ефрема

Сирина, Епифания Кипрского, Иоанна Лествичника, Амвросия Медиоланского, Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, блажен. Августина и др. Работа составителя по выбору, по сокращению и переложению святоотеческих трудов выполнена умелой рукой, а среди самих тем видим немало таких, которые прямо касаются истин веры и нравственности, извращаемых нашим сектантством.

Г. Зверев

Н. В. [Рец. на:]: Православному простолюдину о православной христианской вере по учению слова Божия. Против *молокан, баптистов и штундистов*. Казань. 1886 г. 103 стр. Цепя 25 к., с перес. 40 коп. *Выпуск второй*, С.-Петербург., 1891 г. VI+53 стр. Цена 30 коп. Священ. Русанов. С. 70–71

В книжке о. Русанова рассматриваются все главнейшие вопросы против-сектантской полемики, как то: о Церкви и иерархии, о законности материального обеспечения духовенства, о таинствах крещения, причащения и покаяния, о св. предании, об иконопочитании, о храме, о присяге, о поминовении умерших, о молитве, посте, жертвоприношении, о почитании святых. Но не все из этих вопросов раскрыты автором с достаточной полнотой и надлежащей ясностью. Так напр., в главе о различии веры и вероучения второе понятие раскрыто подробно и обстоятельно, но первое мало, а вследствие этого и различие между ними показано недостаточно ясно. В главе о Церкви без особой нужды вдался автор в подробное обоснование положения, что церковь составляют верующие всех времён, как живые, так и умершие, но недостаточно внимания уделил уяснению вопроса о том, что *вне Церкви нет спасения*, а также вопросу о признаках, отличающих истинную Церковь от всяких сектантских обществ. Глава о таинствах главным образом посвящена разбору возражений сектантов против православного учения и полемически рассматривает основания, приводимые ими в защиту своего заблуждения. Вся глава о священном предании состоит в истолковании тех мест святого Писания, на которых основываются сектанты в своём отвержении предания. Таким образом почтенный автор главной задачей своего труда поставил подбор и миссионерское изъяснение текстов св. Писания, служащих к подтверждению православной истины и к опровержению сектантского заблуждения, вследствие чего изложение и раскрытие положительного учения православной

веры у него поставлено на втором плане. Эта односторонность содержания рассматриваемой книжки делает её не вполне пригодной для того собственно читателя, для которого она предназначалась автором, т. е. для православного простолюдина. Положительную сторону учения православной веры автор излагает в виде заметок, как бы мимоходом и потому простой читатель не в состоянии на основании книжки о. Русанова составить себе цельное и ясное понятие о тех предметах веры, которых касается автор. Притом изложение книжки не отличается простотой и ясностью, язык более книжный, сухой и потому для народа чтение этой книжки должно быть и утомительно и малопонятно. Книжка о. Русанова имеет своё значение в истории противо-сектантской полемической литературы, как одна из первых попыток дать пастырям церкви и грамотному народу печатное орудие против усиленно распространявшегося тогда лжеучения новых толков, рационалистического сектантства. В своё время труд о. Русанова был весьма полезным для миссионерства, в настоящее время книжка эта может служить добрым пособием для миссионеров и пастырей при полемике их с сектантами, особенно со стороны подбора текстов свящ. Писания по тому или другому пререкаемому вопросу.

Н. В.

Вишневский Н. [Рец. на:]: П. Никольский. «Иисус Христос Спаситель мира». «Христова Церковь». «Пастырь Церкви». «Таинства крещения и миропомазания». «Таинство покаяния» и др. (15 брошюр). Москва. 1893 и 1894 гг. С. 72–73

Книжечки г. Никольского открыто не преследуют никаких миссионерских целей, ни опровержения сектантских заблуждений (такое мы встречаем только в одной брошюре – «Храм Божий»), ни ограждения от них православных читателей; однако же в деле борьбы с сектантством эти книжки могут оказаться гораздо полезнее многих изданий специально противосектантского характера. Такое значение их для интересов дела внутренней миссии обусловливается не только предметом их, но и их выдающимися достоинствами, как изданий народных. Г. Никольский пишет весьма ясно и просто; каждая его книжка может быть легко понята от начала до конца самым простым читателем. Затем, автор пишет очень живо и интересно, и потому книжки его и нисколько не утомляют внимания читателя. Наконец, в каждой почти книжке г. Никольского предмет раскрывается с замечательной простотой, естественностью и по большей части с достаточной полнотой.

В виду указанных достоинств изданий г. Никольского мы не можем не рекомендовать их вниманию всех православных пастырей, особенно же тех, которым настало время позаботиться об ограждении своих приходов от заражения сектантскими лжеучениями. Давая книжку г. Никольского прихожанину, пастырь может быть уверен, что она охотно будет им прочитана, достаточно понята и даст ему правильное представление о том предмете, о котором в ней трактуется. К этому нужно ещё прибавить, что серьёзный тон искреннего благочестия, которым проникнуто изложение рассматриваемых книжек, невольно возбуждает в читателе чувства уважения и благоговения к тем предметам, о которых в них говорится. Понятно отсюда, какое значение могут иметь книжки г. Никольского в деле ограждения православной паствы от

заражения сектантскими лжеучениями, которые, как известно, особенно успешно распространяются именно на почве религиозного невежества и равнодушно-холодного отношения к предметам веры.

Кроме указанных в начале, для миссионерских целей могут быть полезны ещё следующие брошюры: «таинство брака», «таинство елеосвящения», «Храм Божий», «поминовение усопших». Остальные же («пьянство и его губительные плоды», «молебны», «забота о душе», «отчего мы обеднели», «Божия Матерь») могут быть вообще полезны для народа, как хорошее религиозно-нравственное чтение.

Цена книжек с пересылкой: за 100 экз. 4 р., за 45 – 2 р. и за 20 – 1 руб. Выписывающий может по своему усмотрению назначить, каких названий и сколько экземпляров ему желательно иметь. Выписывать от автора (г. Тамбов, Павлу Андреевичу Никольскому).

Н. Вишневский

Скворцов В. [Рец. на:]: Хлыстовщина или секта духовных христиан. Разбор 12 заповедей основателя этой секты. Говорит ли Дух Св. через пророков хлыстов? Свящ. В. Барбарина. Москва. (Дом Покровского собора) 1890 г. Цена 30 коп. С. 73–75

Как известно, хлыстовщина – секта старая: начало распространения её в России восходит к XVII в. Вместе с тем, секта эта должна считаться одной из распространёнейших среди православного населения разных епархий. Хлыстовство с его тёмным гнусным лжеучением, не теряет склонности к своему распространению (прозелитизму) и в наше просвещённое время, чему служат доказательством между прочим и частые громкие судебные процессы по делам о распространении и совращении в хлыстовство.

Не смотря на всё это, наше приходское сельское духовенство далеко не обладает нужными для успешной миссионерской борьбы с этой ересью сведениями. Нередко проходят целые годы, пока священник заметит и убедится в проникновении в его приход мистических лжеучений хлыстовства. Не порывая видимой связи с православной Церковью, хлысты стараются во всём казаться усерднейшими исполнителями церковной обрядности; они исторически выработали столь хитрые приёмы для сокрытия своей принадлежности к сектантству, что долго не замечается ни каких поводов пастырю подозревать в отпадении таковых от православия. Известны случаи, что самые завзятые из последователей этой секты, сами «кормщики кораблей» умеют в тоже время пользоваться репутацией лучших по набожности прихожан. Чтобы составить священнику убеждение в принадлежности к хлыстовству того или другого из прихожан подозреваемых народом в отступлении от православия, необходимо основательное вообще знакомство с историей, учением, бытом и культом хлыстовства, и внимательное

наблюдение, в частности, за жизнью и мировоззрениями подозреваемых. Но здесь большее встречается затруднение в скрытности и потаённости сектантов и в тех местных особенностях, какие у последователей Хлыстовщины допускаются относительно названия, устройства и порядков общинного управления, зависящих от усмотрения «кормщиков» и «богородиц». Хлыстовство в одних местах называется «шалопутством», в других «монтанством», «мормонством» и даже «молоканством», т. е. именем, усвоенным в науке совсем другой секте, – рационалистической.

Литература по истории и исследованию этой секты может считаться довольно разработанной, но по обличению – скудной, и методических руководств и указаний о наиболее соответственных способах, приёмах и средствах миссионерской борьбы с мистическим сектантством совсем не существует. А между тем полемика с хлыстовством должна иметь свои особенности методические, сравнительно с приёмами обличения рационалистического сектантства или раскола.

Озаглавленная книга о. Барбарина представляет собой попытку к составлению собственно обличения заблуждений хлыстовства, заключающихся в 12 заповедях основателя секты, Данилы Филиппова.

Попытка эта не претендует ни на серьёзность, ни на капитальность, но всё-таки труд о. Барбарина представляет собой шаг вперёд в нашей миссионерской литературе. Объём книжки небольшой (106 стр., в 16 д. листа). Содержание её заключает в себе краткие сведения по истории происхождения и распространения секты. Эта часть составляет недурную компиляцию капитального сочинения по хлыстовству и скопчеству К. Кутепова; затем идёт разбор упомянутых заповедей секты. Более всего автор остановился на разборе двенадцатой заповеди: «Св. Духу верьте». В начале отдела этого (ему посвящено более половины своей книжки) автор почему-то ставит вопрос: говорит ли Дух Св. через хлыстовских пророков? Метод полемический, тон местами довольно придиричивый, изложение ясное, простое, но в общем растянутое. Автор любит останавливаться на второстепенных

вопросах, в ущерб обстоятельному и сильному опровержению главных заблуждений. В полемике с мистическими сектами нужно заботиться более о сердечности и теплоте чувства, чем о воздействии на интеллект этих сектантов, – в спорах с которыми нужно помнить, что это люди безотчётного чувства и слепой веры. Встречаются у о. Барбарина и неправильности, которые могут ввести в заблуждение читателей, как, напр. о «шалопутстве» автор говорит, что «сектанты эти, во многом (в чём же?) сходясь с хлыстами, отрицают водное крещение, почитание икон, имеют свои заповеди» (3 стр.) и проч.

Откуда почерпнул такие странные сведения почтенный автор? Миссионерский съезд 1891 г. пришёл к заключению, что шалопутство совершенно тождественно с хлыстовством, – разница только в названии. Могут быть у шалопутов некоторые свои особенности, но уж не такие коренные. Если бы шалопутство отрицало всё то, о чём говорит о. Барбарин –, оно перестало бы оставаться мистической тайной сектой. Название «духовных христиан» – (в заглавии) тоже не хлыстовское специально, – хлысты себя любят называть «людьми Божиими» ... Издание тоже оставляет желать лучшего, особенно относительно бумаги.

Тем не менее книжка о. Барбарина может быть рекомендована вниманию приходских пастырей, как доступная и полезная для полемических целей в борьбе с хлыстовством.

В. Скворцов

**Заметки // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12.
С. 76–80**

Э. Я. Интерес иностранцев христиан к православию и уважение к святыням нашей Церкви. С. 76–78

В истекшем феврале посетил Россию Лорд-епископ англиканской церкви Викельсон, который несколько дней был гостем нашей столицы. Предпринимая столь далёкое путешествие, лорд-епископ, между прочим, желал ближе ознакомиться с православной русской церковью. Наше богослужение своей величавостью, как равно и благолепие храмов произвели громадное впечатление на представителя англиканской церкви и *бывших с ним англичан*. Мы были свидетелями благоговейного почитания лорда-епископа и сопровождавшей его свиты наших обрядов и святынь. Присутствуя на богослужении, англичане осеняли себя крестным знамением и молились, как православные люди. Настоятель столичной английской церкви, почтенный Уатсон, когда бывает в православном храме, всегда во время пресуществления Св. Даров становится на колена и молится как добрый христианин; в красном угле его квартиры мы видели св. иконы, по русскому православному обычаю. Епископ Викельсон посетил в Петербурге иерархов наших, коим заявлял о горячем стремлении английской церкви к воссоединению с православной церковью.

Мы имели приятный случай посетить английского епископа в то время, когда к нему прибыл с ответным визитом присутствующий в Св. Синоде Архиепископ Одесский Иустин, а вслед за тем и о. Иоанн Кронштадский и другие представители столичного духовенства. Со всеми духовными особами епископ братски лобзался, о. Иоанн облобызал крест, который украшал грудь английского епископа. Все англичане-миряне брали благословение у нашего Архиепископа и у о. Иоанна, которого встретили с громадным восторгом. Настоятель церкви Уатсон предложил русским гостям посетить английский храм, который во многом напоминает православные: стены и окна его украшены иконной живописью, а на престоле, отделённом от храма решёткой (по-католически) стоял св. крест.

Архиепископ Иустин, о. Иоанн и все присутствующие русские и англичане помолились перед общей христианской святыней, Св. Крестом, причём, о. Иоанн, воскликнул: «вот центр нас объединяющий: я горячо молюсь к Спасителю нашему о соединении христианских церквей» ... На что все отвечали: «аминь, аминь» ... Здесь же в храме несколько прекрасных слов сказал Архиепископ Иустин на тему Первосвященнической молитвы Иисуса Христа «да вси едино будут». Викельсон ответил, «что он будет считать настоящий момент единения в общей молитве православных русских и англичан к Единой Главе Церкви о воссоединении всех – знаменательнейшим в своей жизни» и ещё раз заявил о возрастающем в англиканской церкви интересе к православию и о глубоком уважении к чистоте и святости её догматов и к величию её глубоко трогательных и назидательных обрядов.

После отъезда Архиепископа Иустина, лорд епископ в особой аудиенции долго беседовал с о. Иоанном, которого по заявлению иностранцев хорошо знают и в Англии и благоговеют перед его личностью и высокими делами. О. Иоанн и епископ Викельсон вручили друг другу на память свои портреты. Здесь же в квартире пастора Уатсона пригласили о. Иоанна к одной болящей иностранке, слёзно просившей о. Иоанна помолиться об исцелении её недуга. Любвеобильный о. Иоанн совершил тут же молитву; нельзя было не видеть глубокого умиления иностранцев, они не скрывали своего истинного восторга от посещения их высокочтимым пастырем нашей церкви.

Какой поучительный урок, а вместе и обличение всё это должно, по нашему мнению, заключать в себе для наших народных, а равно и интеллигентных иконоборцев, поклонников английского сектанта Редстока, – хулителей крестного знамения, храма! Стыдно становится за наших отщепенцев – когда вспомнишь о фанатическом упорстве наших невежественных штундистов, ни за что не желающих войти в храм Божий ни на беседы, ни на царские молебны.

А интеллигентные сектанты разве далеко ушли в своём фанатизме от народных? Довольно вспомнить известную историю с погребением князя Гагарина... Неужели нужно вновь

иностранцам вразумлять наших легковерных последователей иноверных заблуждений, когда сами же иноверцы ищут вселенской истины и церковных идеалов в нашей церкви, когда с таким уважением относятся они к нашему православию, нашим обрядам, святыням и иерархии? Не лишено будет назидания, полагаем, описанное нами столь уважительное и любовное отношение иностранцев к нашему православию и для штундистов и прочих сектантов?..

Э. Я.

Основание русского миссионерского журнала за границей и речь Епископа Алеутского. С. 78–80

По ходатайству епископа Алеутского Николая, Св. Синод разрешил издавать при нашей американской миссии журнал под названием «Американский Православный Благовестник». Новый орган будет выходить с начала следующего церковного года, т. е. с 1 сентября 1896 г. в Нью-Йорке, на русском и английском языках, под редакцией нового настоятеля Нью-Йоркской православной Церкви, о. Хотовицкого, который 25 февраля рукоположен во священника епископом Николаем, причём архипастырь, как сообщает Церк. Вест. (№ 13), сказал новопосвящённому иерею – миссионеру знаменательную речь, из которой приводим места о миссионерстве православной Церкви среди инославных христиан и об отношении последних к православию.

«Воодушевляйся идеей своего высокого служения в стране сей, – назидал ставленника Архипастырь, – никогда не забывай, что ты своим деланием здесь приобщаешься к великому делу апостолов, – к их подвигу... Один из zde предстоящих братий наших сравнил Америку с гобзующей⁸⁷ нивой, которая давно ждёт своих делателей... Да, это не преувеличение... Могу подтвердить это и личным опытом... Не говоря уже о множестве единоверных и единоплеменных нам христиан, рассеянных всюду в этой стране и остающихся без религиозного утешения по многу лет, сколько ещё есть и не от двора нашего овец, которых подобает нам привести во двор овчий, – а сколько есть таких, которые уже и сами стучатся в двери этого двора!.. Ты сам был, за это короткое время пребывания у нас, – свидетелем, как стучат в двери к нам: слышал о письме одной девушки из штата Айова, читал, быть может, письмо из штата Орегона от неизвестного нам человека. А сколько я получал и получаю подобных писем и заявлений, о которых другие вовсе ничего не знают?! Что ж? Неужели нам оставаться глухими к этим воплям, к этому стуку приходящих к нам?! О, да не будет!.. Пусть не говорят, что у нас, в России, есть много дела для своих

инородцев, что миссии в Америке излишни и не нужны, – пусть не говорят этого... *Православие не должно заключаться в одной народности, оно, по существу своему, должно быть вселенским, ибо Господь велел проповедать не одному народу, а всем людям.*

«Пусть теперь наши приходы не велики, но я смотрю на эти приходы», – говорит досточтимый Епископ миссионер, – «на эти миссии, как на *спасительные станции* для сидящих во тьме и сени смертной или для тех, кто хотя исповедует истину, но в неправде... (Рим.1:18). Как на спасительных станциях – огонь служит путеводной точкой во мраке ночи, а звук колокола – во время снежной метели, так и на наших станциях: каждый священник есть вместе и свет миру, влекущий к себе усталых путников, и колокольный благовест, на который могут приходить блуждающие вне ограды овчей... Нужно ли говорить, как моя душа всегда радуется, когда я успеваю к уже существующим спасительным станциям прибавить ещё одну – другую, – как светло бывает у меня на душе, как радостно бьётся моё сердце, когда я вижу, что светильники, мною возожжённые, не коптят, а действительно горят ярким пламенем и распространяют свой свет всё на большие и большие пространства?! И наоборот: должно ли тебя уверять, как глубоко скорблю я, как страдаю я всем своим существом, когда вижу, что люди не хотят меня понять, не хотят войти в смысл той идеи, которою удушевляюсь я в своём служении в стране сей... Мы и без того уже опоздали на поприще всемирного миссионерства: неужели же так и оставаться в своей замкнутости и далее?¹ Неужели быть исполнителями заповеди Спасителя – **проповедовать всюду** – должно стать преимуществом только римской церкви и протестантских общин; неужели сознание наше не говорит нам, что грех, имея ключи царствия Божия, – держать запертыми двери этого царствия – и, содержа истину, – безмолвствовать, тогда как другие открыто проповедуют даже и совершенную ложь?! – Нет, пора оставить такой образ мыслей; – пора и нашим миссионерам выступить на мировое поприще: иначе может статься, что Господь отымет и от нас, как

отнял от Израиля, своё царство и даст другому, более нас успевающему в этом деле».

* * *

26 апреля настоящего года истекает 500-летие (1396–1896) со дня кончины св. Стефана Пермского. В г. Перми учреждается в память этого юбилейного торжества *«Общество ревнителей православия для борьбы с расколом»*.

* * *

По инициативе архиепископа Рижского Арсения учреждаются *две новых должности епархиальных миссионеров*: одна из них предназначается для противо-раскольничьей, другая для противо-сектантской миссии.

* * *

Епархиальный миссионер Тульской епархии протоиерей о. Г. Панов, согласно прошению, освобождён от занимаемых им обязанностей, которые возложены на преподавателя Тульской духовной семинарии, по кафедре раскола и сект А. Бриллиантова.

* * *

При Кавказском Экзархате предполагается учреждение двух вакансий противо-сектантских миссионеров.

Май–Июнь. Книга 1-я

Скворцов В. Общий характер старообрядческого раскола, существенные признаки и степень вредности отдельных его толков⁸⁸ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 3–19

I.

1) Старообрядческий раскол образовался в русской Церкви во второй половине XVII столетия; поводом к тому послужило исправление богослужебных книг и обрядов при патриархе Никоне. Существенную характерную черту русского раскола старообрядчества составляет **обрядоверие**, т. е. *смешение обряда с догматом*, усвоение обряду и букве богослужебных книг значения **неизменности**, а потому и вся сущность старообрядчества заключается в содержании богослужебных обрядов и погрешительных религиозных мнений, укоренившихся в церковной практике в течение, главным образом, последних 2 столетий перед временем патриарха Никона, – таковы: *двуперстие*, *хождение по́солонь*, *сугубое аллилуия*, *употребление седми просфор на проскомидии*, *разности в чтении символа веры, молитв и в чинопоследованиях церковных служб*, *мнение о почитании одного лишь осмиконечного креста*, *о начертании имени Исус вместо Иисус и проч.* Указанные обряды и другие разновременно

вкравшиеся в богослужебные книги и чинопоследования погрешности, имевшие временный и местный характер, по верованию поборников «древляго благочестия» существовали будто бы в русской церкви «от лет князя Владимира» и исключительно они одни только и употреблялись на протяжении всей истории нашей церкви до самых времён п. Никона: при последнем же введены обряды будто бы новые, ныне общеупотребительные в православной Церкви, называемые на языке раскольничьей литературы «*никонианскими новшествами*» или просто – «*никонианством*», *повредившим православие* господствующей Церкви, которая будто бы утратила со времени Никона своё благочестие, тесно якобы соединённое с содержанием известных обрядов.

Религиозная практика и нравственность раскольников – старообрядцев также имеют свою особенность, состоящую преимущественно в удержании всего, что существовало до п. Никона, – в точном исполнении правил монастырского устава относительно Богослужения и молитв, выполнения поклонов, какие когда положены по уставу, соблюдения постов, употребления пищи и питья и строгого содержания прежних житейских обычаев, коим придаётся значение религиозное, как например, хождение православных в церковь только в известной, старинного (из времён Никона) покроя одежде, с «лестовками» (в роде монашеских чёток) в руках и др. В общем раскольничье старообрядчество представляет собой как бы застывшую жизнь древней Руси XVII столетия.

Приверженцы раскола в большем или меньшем количестве находятся ныне во всех без исключения епархиях, как европейской, так и азиатской России⁸⁹.

2) Современный русский раскол старообрядчества поражает своими бесчисленными **дроблениями** на различные толки, согласия и упования, друг к другу враждебные и объединяемые только большей или меньшей ненавистью к православной Церкви. Главнейшие группы в современном расколе составляют собой: **поповщина**, т. е. раскольники, приемлющие самочинное священство, известное под именем австрийской или белокриницкой лже-иерархии; **беспоповщина**, в состав которой входят многочисленные толки, не признающие священства, и беглопоповщина, – т. е. раскол, «окормляемый» бегствующим от господствующей православной церкви священством. Со стороны количества последователей в настоящее время является преобладающим первая секта т. е. *австрийская поповщина*⁹⁰.

Последователи этой секты раскола составляют более $\frac{2}{3}$ общего количества всех раскольников. Имея своим главным центром Москву с пресловутым Рогожским кладбищем, где воздвигнуты раскольниками со времени царствования Александра I обширные храмы и здания для убежищ и других надобностей поповщины, австрийская секта раскинула свои заманчивые для тёмного простого народа сети

преимущественно в Поволжском крае, на Дону и на Кавказе, а также в Черниговской епархии. **Секта беспоповцев** имеющая свой центр также в Москве на Преображенском кладбище, распространена преимущественно в северных и западных епархиях, а также в Новгородской, Псковской и Рижской. Наибольшую часть раскольников в Вятской епархии и в Сибирском крае составляют также беспоповцы. Последователи **беглопоповщинской секты** особенно многочисленны в епархиях Донской, Курской, Тульской, Черниговской и Пермской. В последней их более $\frac{2}{3}$ общего числа тамошних раскольников.

а) Раскольники, приемлющие австрийскую или Белокриницкую лже-иерархию, в свою очередь начали делиться на партии или толки, со времени издания так называемого **Окружного Послания**, вызвавшего нескончаемые споры, пререкания и раздоры, в которых приняли участие старообрядцы по австрийскому согласию, и духовные, и миряне, разделившись на **окружников, противо-окружников. мнимо-окружников.**

К согласию **окружников** принадлежат те раскольники поповщинской австрийской секты, которые приняли так называемое «Окружное послание», составленное неким Кларионом Кабановым (Ксеносом) и изданное в 1862 году от раскольниковьего духовного совета, за подписью лже-епископов Антония и Софрония под названием: «Окружное послание единыя св. соборныя, апостольския, древле-православныя – кафолическия церкви». В послании осуждены все общераскольничьи взгляды, мнения и порицания на греко-российскую церковь и её священство. По характеру своих религиозных воззрений это согласие ближе всех стоит к православной Церкви. Число **окружников** незначительно. К **противо-окружникам** принадлежат поповцы, оставшиеся недовольными Окружным посланием, которое не подписали и проклинали. Последователи этого согласия содержат еретические мудрования, «что в греко-российской церкви царствует антихрист, что она верует в иного Бога *Иисуса Христа*, рождённого осмью годами позже *Исуса*, что четвероконечный крест никакой силы не имеет, что агнец, приносимый на

бескровной жертве великороссийской церкви, есть несправедливый и проч. **Мнимо-окружники**, которые хотя и приняли учение, содержащее в послании, но в сущности держатся общих всем раскольникам заблуждений⁹¹.

б) Но одробление на партии искони характеризует преимущественно *беспоповщину*, выделившую из себя множество толков, из них наиболее численными и известными в истории являются: поморский толк, Федосевщина, Филипповщина, толк странников или бегунов, спасово согласие или нетовщина и многие другие, так называемые мелкие толки⁹².

в) Мир и единение у *беглопоповцев* зависят от их взглядов и отношений к тому или другому из бегствующих от православной Церкви священников. В последнее время беглопоповцы испытывают крайнее затруднение при своих поисках бегствующих попов.

3) Общими характеристическими чертами современного раскола в его массе остаются по-прежнему – тьма, невежество и загроможденная косность мысли, обман, лукавство, мелочность, пустота. Такова именно масса раскола, таковы и его вожди – руководители, в буквальном смысле «слепые», но с инстинктами и страстями хищных волков. Поистине, печально и тяжело видеть, как массы людей, весьма часто прекрасных в своём житейском быту, бродят в потёмках беспросветного религиозного невежества и суемудрия, борются и спорят, связанные как путами, мёртвой неподвижной косностью мысли. Неудивительно, что среди такого мрака и умственной смуты вождям раскола полное раздолье: что ни скажут они, во всём верят их последователи на слово, что ни прикажут, во всём повинуются им беспрекословно.

К характеристике внутреннего состояния современного раскола и крайнего религиозного невежества в недрах его может служить весьма важное в современном раскольничьем мире явление. В последние годы у наших раскольников возникла было и силилась утвердиться новая иерархия, наряду с Белокриницким священством.

Родоначальникам новой лже-иерархии явился самозванец Аркадий, именующий себя архиепископом беловодским, получившим, якобы, поставление в Японии («Ополонском царстве») от какого-то незнающего «никонианских новшеств» патриарха. В сущности же раскольничий архиерей оказался проходимец Аркадий (киевский уроженец, сын коллежского асессора, Антон Савельев Пикульский). Пользуясь простотой русских раскольников, Аркадий предъявил им ставленническую грамоту, от Мелетия патриарха Славяно-Беловодского и приобрёл не малое число последователей, которым поставил и попов⁹³.

В грамоте делается обращение к русскому Государю и Самодержцу с просьбой об утверждении Аркадия в его звании архиепископа царским повелением, а русским вельможам «составляющим синклит и пребывающим в воинстве, и всему христианскому собранию» делается приглашение представить поставленному вождю их спасения свои души со всяким смирением и послушанием и служить, и повиноваться ему. как самому Владыке Христу. Чиноприём от раскола и православия Беловодский владыка установил через миропомазание с требованием проклятия ересей православной Церкви, которая де учит «о переселении душ после смерти в птиц и зверей, что солнце стоит, а земля ходит, громы и молнии бывают от некоего, – якоже развратно пишут никониане, электричества, и якобы туча с тучей сходятся, от того бывает гром и молния и т. п. Как ни кажется невероятен Аркадий и общество, принявшее его. – тем не менее и тот и другое – явления действительные: у Аркадия нашлось немало последователей, которые без всякого опасения принимали от него попов и обращались с требами к этим попам!.. В настоящее время преступной деятельности самозванца Аркадия положен конец, арестом его в пределах Уфимской губернии.

Наряду с умственным невежеством и душевной пустотой в расколе доселе царит поражающий крайней нетерпимостью **враждебный православию фанатизм**. Почти все раскольничьи толки (за исключением искренних окружников) доселе держатся ещё Аввакумовского взгляда, что православные храмы есть

«мерзость антихриста», о таинстве св. причащения отзываются так, что не лет есть и глаголати, доселе большим грехом считают раскольники совершать вместе с православными молитвы.

О дерзком и кощунственном отношении раскольников к господствующей Церкви, её таинствам и обрядам и при том с явственным намерением оскорбить религиозное чувство православных, свидетельствуют не редко возбуждаемые гражданской властью судебные дела о привлечении хулителей Православия к уголовной ответственности.

На какие дикие глумления способен фанатизм раскольничий в отношении православных вообще и в частности пастырей церкви, в отчёте г. Синодального Обер-Прокурора указан случай, как одного православного священника раскольники вместе с лошадью выкупали в луже, последствием чего была смерть священника. Известны и многие другие случаи столь же возмутительных со стороны раскольников истязаний и насилий над православными, причём притеснения учиняются не над отдельными только личностями, но и над целой массой православного и единоверческого населения, затёртого среди больших раскольничьих посёлков.

Особенное изуверство проявляет раскол над православными членами в смешанных семьях, — над вышедшими замуж за раскольников православными женщинами, для совращения которых употребляются жестокие меры: «в церковь православную не пускают, заставляют ходить в раскольничью молельню, издеваются над православными обычаями и верованиями, обходятся с презрением, иногда наносят побои каждый день, а если муж не побьёт жену, то его самого побьёт мать — раскольница; за общий стол не садят, а где-нибудь у порога, есть не дают, так что иные молодухи сознавались, что они, выйдя с пойлом в хлев, ловили из лохани корки хлеба и тем утоляли свой голод, иногда же лишались и этого скотского корма, если не им приходилось поить скотину: «похлёбку старшая молодуха раскольница сладит православной младшей из ополощин. т. е. когда отъедят раскольники, она остатки пищи из их блюд соединит в одно,

ополощет их чашки и эти ополощины вольёт туда же в остатки пищи, – и эту смесь, которая обычно выливается в лохань, подставляет несчастной как некую снедь, – туда же. или на стол, кинет корку хлеба, достаточную только для возбуждения аппетита, а не для утоления голода. Если же от такой пищи отвращается душа, то оставайся совершенно голодной. Если муж любит жену, – он украдкой вынесет ей кусок хлеба, и благодари Бога». Неудивительно, что немногие выносят такие истязания; большинство совращаются в раскол, или же умирают. В болезни, как ни проси раскольника, ни за что не пойдёт за священником. В отчёте по С.-Петербургской епархии сообщается случай посещения приходским священником такой больной, по наказу её с православным, зашедшим проститься с умирающей: и вот он нашёл больную, лежащей не в переднем углу, где обычно кладут опасно больных, а под корзиной у порога на двери в подполье. Когда священник стал требовать, чтобы зажгли свечку и перенесли больную в передний угол, она со слезами начала умолять священника, чтобы он не делал этого, так как после ухода священника столько ей будет истязаний, что не дадут спокойно умереть. И эта мученица так и умерла на той двери под корзиной, у порога на самом грязном месте! Не менее трогательными чертами изображаются в том же отчёте страдания, какие испытывает при родах православная женщина, вышедшая за раскольника. Прежде всего, когда приближается опасное время родов, православную молодуху изгоняют из дому, чтобы не осквернила его рождением младенца, «ибо родит еретица в доме, говорят раскольники, всем нам да будет канон», (епитимья раскольничья). И бедной роженице приходится рожать или в холодной бане, или в хлеву, но это ещё счастье, а то и в хлев не пустят: «пускай заколеет еретица, – хлев и двор – одна связь с домом, всё равно и в хлеву родит – дом осквернит». После родов известное число дней не впускают роженицу в жилую избу, в особенности если есть кому ходить за скотом; в противном случае, лукавство раскольников придумывает какое-либо извинение, чтобы родившая, не смотря на послеродовые болезни, исполняла по хозяйству все обязанности работницы и

это иногда прямо для того, чтобы непокорную неподдающуюся убеждениям скорее извести. –

5) Что касается нравственных начал жизни раскольничьего мира, то они не могут быть высокими уже потому одному, что раскол находится в безблагодатном состоянии, лишён в течении нескольких веков религиозно-просветительного влияния Церкви и воспитательного руководства со стороны пастырства, грамоты и школьного обучения. Сверх того, раскол беспоповщинский ввёл в жизнь прямо безнравственную доктрину бракоборства, в силу которой отцы семейств открыто дают своим детям прямо безнравственные наставления, сделавшиеся раскольничьими заповедями, – каковы напр.: «хоть семь жён, да „не новожен“» (т. е. не последователь особого толка), или: «семерых, дочки, в подоле принеси, выкормлю, избу выстрою, – только замуж не ходи». Беспутство, разврат, все средства к истреблению плода в расколе находят себе оправдание и освящение в самом лжеучении.

Если сюда присоединить общие всем раскольникам отрицательные черты нравственного характера, каковы веками выработанная система лжи, коварства, обмана, фарисейской гордости и смиренно-лукавства, то увидим, что раскол весьма безнравствен.

II.

Переходя к определению существенных признаков и степени вредности каждого в отдельности раскольничьего толка, 2-й Миссионерский съезд и здесь принял в основание тот же принцип лёгкости соращения из православия и трудности возвращения отпавших в лоно Церкви, как и при обсуждении сектантства. С этой точки зрения является в расколе наиболее вредной и опасной для Церкви сектой, *австрийское поповщинское согласие*.

1) Последняя секта внешним видом своего богопочтения, стараясь во всём подражать устройству Церкви православной, тем самым вводит в заблуждение и привлекает к себе простых чад её. Секта эта имеет трёхчинную иерархию, а с ней вместе и через неё, все таинства, хотя и незаконно совершаемые. Молитвенные здания этой секты, особенно по внутреннему

своему устройству и богатству украшений, близко сходственны с православными храмами; их священнослужители облачаются в такие же священные одежды, как и наши, и стараются истово отправлять службы церковные. Австрийские лже-иереи и архиереи пользуются полной свободой не только при отправлении своих церковных служб, но и для переездов по России, чтобы утверждать своих единомышленников и совращать православных. Большинство последователей этой секты составляют, так называемые, неокружники, которые хулят Церковь нашу, якобы заражённую антихристовой скверной, и у них нет молений и не приносится просфора за предержащую власть. Оплот австрийской поповщинской секты представляет Рогожское кладбище в Москве, а лже-иерархическое средоточие находится в Белой Кринице. Рогожское кладбище торжественными там службами и другими способами содействует успеху совращения православных, а из Белой-Криницы исходят печатные издания, враждебные нашей Церкви. Великим соблазнением служит ещё то обстоятельство, что духовенство австрийской секты в воссоединённом участке Бессарабии пользуется такими же в отношении к богослужебным собраниям правами, какие предоставлены вообще клиру нашей Церкви. Признавая весьма соблазнительными открытые и торжественные служения лже-архиереев австрийского толка, с употреблением всех священных облачений, в моленных, подобных храмам, а особенно на Рогожском кладбище, лже-соборы оных в Москве и само пребывание в ней лиц австрийской лже-иерархии, Миссионерский съезд сделал утверждённое за сим св. Синодом постановление о том, чтобы просить правительственную власть: а) воспретить лже-иерархиям пребывание в Москве и б) не допускать их самочинные службы на Рогожском кладбище, в) чтобы самому этому месту дано было иное, сообразное с законом, назначение: чтобы г) воспрещение (по закону 3 мая 1883 г.) – лже-клирикам австрийского согласия носить одежды в моленных – богослужебные, а в домах и открытых местах присвоенные священнослужителям, имело силу не в одной Москве, а по всюду в православной России, д) Представить

также на внимание правительства, что духовенство австрийского толка, в воссоединённом участке Бессарабии – повергает в смущение и соблазн людей русских своими храмами, с колокольным при них звоном, крестными ходами и другими торжественными службами, а через этот соблазн затрудняет всех ревнителей православия в борьбе с расколом; и просить, чтобы публичное оказательство австрийской поповщинской секты в Измайловском уезде было прекращено, а последователи оной там были уравнены в своих правах с прочими раскольниками того же толка в империи.

Из беспоповщинских толков Миссионерским съездом отнесены к числу сект наиболее вредных для Церкви и государства – секта **Федосеевская**, с которой согласна и **Филипповская**, а также толк **Странников** или бегунов.

2) В основании учения Федосеевицины и Филипповщины лежит мнение **об антихристе**, который «от лет Никона царствует в русском государстве, уничтожил семь таинств церкви, и восседает ныне в наших храмах, где православные ему и поклоняются. Священнослужители господствующей церкви суть слуги антихриста, равно как и все правительственные лица». Отсюда у последователей этого толка явилось правило **не молиться за Царя** на общей службе, а равно в тропарях и канонах, ибо, по мнению Федосеевцев, просить в молитве преуспевания Царю, значило бы тоже, что желать успеха антихристу. Подчинение же государственной власти и её установлениям у раскольников этого толка есть дело вынужденное необходимостью. Считая невозможным при антихристе существование таинств, допуская, впрочем, только крещение и исповедь, совершаемые мирянами начётчиками, последователи этого толка с особенной силой восстают против браков и вводят безуспешно **обязательны девство**. Брак, по их мнению, есть блудное сопряжение и непростительнейший грех, не законное же сожитие поощряется, как удобоизглаживаемое покаянием преступление, только бы не было детей. Последствием сего является в жизни этих сектантских общин разврат, сопровождающийся истреблением плода и детоубийством.

Таким образом, в Федосеевской и Филипповской сектах подорваны основы семейной и общественной жизни. Детей, рождённых в брачном сожитии, Федосеевцы считают рождёнными от блуда и дети считают родителей своих блудниками, не едят с отцом и матерью из одной чашки, не молятся вместе, не берут благословения, так что молодое поколение с детства не признаёт первого в жизни авторитета – родительской власти и таким образом не научается должному подчинению. Родители тяготятся своими детьми, как «засадой (помехой) спасения», тем более что при всяком деторождении наставники секты и община публично отлучают такие супружества от участия в молитве. Вследствие чего Федосеевцы, живущие в браке единокладно с жёнами, последних не считают таковыми, а именуют «покойщицами, сиделками», часто меняют жён, а детей отдают на воспитание чужим старухам, от чего дети вырастают без всякого воспитания и понятия о родительской власти. Статистика рождений и акты о принадлежности детей своим родителям в этих сектах ведутся настолько несоответственно действительности и фальшиво, что для правительства крайне затруднительно иметь верные сведения относительно лиц, подлежащих по закону к отбытию воинской повинности.

3) *Секта странников*, или бегунов, выродившаяся из Филипповской, довела учение об антихристе до крайних пределов; она дерзко утверждает, что антихрист царствует **в лице российских государей**, начиная с Петра 1-го. Посему странники отвергают подчинение всякой власти; требуют от членов своих уклонения от **всяких** государственных и общественных повинностей; чтобы избежать власти антихриста, странники считают грехом записываться в ревизию, брать паспорта и отбывать воинскую повинность, удаляются от населённых мест и видят возможность спасения в постоянном странствовании, так как «всё в государственной и общественной жизни подчинено антихристу и потому спастись только и можно вне мира».

Борьба с миром и стремление освободиться от сетей антихриста доходит в этой секте до такого состояния

фанатизма, что из среды сектантов образуется особый сорт лиц-ревнителей, так называемых «красносмертов». которые с религиозной целью прибегают к убийству – удушению своих заболевших или престарелых сочленов, для снискания последним якобы венца мученического.

Для удобнейшего укрывательства своего и для снискания средств к жизни без труда, через подачки от единоверцев, секта странников в состав своих членов ввела особый разряд последователей, называемых «страноприимцами или пристанодержателями». Последние живут в обществах, на существующем гражданском положении и устраивают у себя «тайники» на чердаках и в подземелье, где и укрывают бегствующих последователей этой секты.

Однако и странноприимцы, вступая в секту, дают обет рано или поздно быть действительными членами секты, т. е. бегунами в собственном смысле и таковыми умереть для более надёжного получения спасения. Обыкновенно при болезнях, постигающих «странноприимцев», последних тайно выносят за село, в рощу или поле, где во всякое время года перекрещивают на открытом воздухе, с наречением нового, в большинстве случаев иноческого, имени, и если таковой перекрещенец выздоравливает, то он уже не может остаться при доме, семье и хозяйстве, но беспрекословно обязан оставить всё и сделаться действительным бегуном. Нередко изуверное перекрещивание больных осложняет болезнь и ускоряет их смертный исход. Странники ещё решительнее, нежели Федосеевцы, восстают против брака; умножению разврата в странствующей секте весьма много способствует совместное мужчин и женщин бродяжничество и проживание в тайниках.

Принимая во внимание изуверное, бракоборное учение и тот вред, который приносят для Церкви и государства вышеназванные раскольничьи беспоповщинские секты, имеющие главным центром своим Преображенское московское кладбище, а также и другие беспоповщинские обители мнимых девственников, – съезд полагал, что правительству необходимо закрыть эти убежища разврата и дать означенному кладбищу человеколюбивое и согласное с постановлениями православной

Церкви назначение. Относительно же секты странников или бегунов, бегством укрывающихся от закона и власти, а равно и против «укрывателей» бегунов, съезд признавал соответственным распространение закона (950 ст. улож. о наказ.) о пресечении бродяжничества и укрывательства, тайники же, где, обыкновенно, скрываются мужчины и женщины, – члены этой секты, должны бы быть уничтожены.

В. С.

**Скворцов В. О постановлениях и распоряжениях
власти, касающихся внутренней миссии и
сектантства // Миссионерское обозрение. 1896 г. №
1–12. С. 19–31**

Высочайшее повеление об изменении и дополнении действующих узаконений об ответственности лиц нехристианских исповеданий за препятствование христианам исполнять их религиозные обязанности. «Государственный Совет, в Соединённых Департаментах гражданских и духовных дел и законов и в Общем Собрании, рассмотрев представление Министра Юстиции по делу об изменении и дополнении действующих узаконений об ответственности лиц нехристианских исповеданий за препятствование христианам исполнять их религиозные обязанности и соглашаясь с заключением тайного советника Муравьева, мнением положил: статьи: 430 Устава о промышленности (т. XI ч. 2 Св. Зак., изд. 1893 г.), 88 Устава о предупреждении и пресечении преступлений (т. XIV Св. Зак., изд. 1890 г.) и 48² Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (т. XV ч. 1 св. зак., по прод. 1890 г.), изложить следующим образом:

I. Ст. 430 Устава о промышленности;

«Ремесленных рабочих дней шесть в неделе. В день же воскресный и дванадесятые праздники ремесленники не должны работать без необходимой нужды. Мастерам нехристианам дозволяется работать в сии дни, но с тем, чтобы отнюдь не употребляли для сего подмастерьев и учеников из христиан. Мастера из христиан не должны принуждать к работам подмастерьев и учеников из нехристиан в те дни, когда сим последним, по закону их, работать не дозволяется; но они, вместо того, могут употреблять нехристиан в работы по христианским праздничным и воскресным дням».

II. Ст. 88 Устава о предупреждении и пресечении преступлений:

«Нехристианам, нанимающим лиц христианских исповеданий для постоянных домашних услуг или иных работ, воспрещается препятствовать нанятым лицам, в чествовании воскресных и установленных праздничных дней и во исполнении прочих религиозных обязанностей», – и

III. Ст. 48² Устава о наказаниях, налагаемых, мировыми судьями: «за препятствование лицам христианских исповеданий, нанимаемым нехристианами для домашних услуг или иных работ, или же обучающимся у нехристиан ремёслам, в чествовании воскресных и установленных праздничных дней, равно как и в исполнении прочих религиозных обязанностей, виновные в том нехристиане подвергаются: денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей».

Его Императорское Величество изложенное мнением Государственного Совета, 12-го февраля 1896 г., Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить (Собр. узак. и распор. правит., № 25 за 1896 г.)».

О важном значении для миссионерства настоящего узаконения в Миссионерском Обзрении (говорилось ранее⁹⁴. На приходских пастырях, как на главных пестунах и охранителях народной веры и нравственности, лежит долг иметь живое попечение о том, чтобы новый царский закон не остался мёртвой буквой, а твёрдо проводился бы в жизнь. В виду чего духовенству необходимо точно знать сам текст проведённого закона, с которым и сообразоваться в потребных случаях.

* * *

Постановление Св. Синода и циркулярное распоряжение Министра Внутренних Дел о предотвращении кощунственного отношения к святыням веры православной при театральных представлениях.

«В последнее время до Святейшего Синода стали доходить сведения, что на театральных представлениях допускается употребление крестного знамения и священных изображений. Вследствие сего Синодальный обер-прокурор, по поручению Святейшего Синода, вошёл в сношение с Министерством Внутренних Дел, прося о воспрещении, в предотвращение кощунства и соблазна, в сценических представлениях

совершать молитвенные и сходные с церковными обрядами действия, а равно изображать священные предметы и употреблять духовные одеяния. Сообщая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение о строгом исполнении приведённого требования Святейшего Синода. Подписал за министра Внутренних Дел, товарищ министра *Долгово-Сабуров*». (Циркуляр М. В. Д. от 19 марта 1896 г. к губернаторам, градоначальникам и полицеймейстерам).

Настоящее распоряжение Св. Синода вызвано появившимися в печати и обществе суждениями и кривотолками по поводу легкомысленно допущенного столичными и провинциальными артистами крестного знамения, при исполнении пресловутой драмы гр. Л. Н. Толстого «Власть Тьмы», а также и употребления св. икон на одной из сцен той же драмы. Мнения по поводу изложенного разделились: истинно православные люди не могли не возмутиться подобным кощунственным и соблазнительным новшеством в русских Императорских театрах и решительно настаивали на неуместности употребления крестного знамения и священных изображений вообще на сцене, другие же, наоборот, с усердием, достойным лучшего употребления, толковали об уступке требованиям художественной правды и реализма, повторяя избитые и неверные фразы о том, что театр есть будто бы высокая школа жизни и нравственности общественной, что он преследует те же цели, что и Церковь и т. п. К прискорбию, и некоторые из представителей белого столичного духовенства, мнение которых по сему вопросу успел некий досужий корреспондент опросить в один вечер, не достаточно определённо, решительно и твёрдо высказали свои пастырские воззрения по сему предмету. Изложенное постановление высшей церковной власти разрешает настоящий вопрос в безусловно-отрицательном смысле, чем и положен конец кривотолкам; правительственная же власть гражданская приняла свои меры к предотвращению нового соблазна, который способен смутить благоговейное чувство народной веры в отношении иконопочитания и крестного знамения более,

чем все сектантские глумления над этими святынями. Штундисты и пашковцы не преминули бы воспользоваться кощунственным театральным реализмом, как новым доводом к оправданию своих иконоборческих воззрений и действий к оскорблению религиозного чувства верующих чад Церкви. Приветствуя появление этого распоряжения высшей власти, мы должны заметить, что наше законодательство о зрелищах определяет только, чтобы «в общенародные игры, забавы, театральные представления и песни не включать и не употреблять поносительных слов или поступков, нарушающих благопристойность или наносящих кому-либо вред», (Устав о пресечении) – но ничего не говорит о пресечении кощунства на сцене. Очевидно, законодатель не допускал возможности подобных явлений в православной России, которые в последнее время нашли себе место и у нас и вызвали ныне распоряжение, представляющее восполнение указанного пробела к закону о зрелищах, а вместе и новый шаг к оздоровлению общественной атмосферы от явлений наносных и чуждых основным началам русского народного духа и святым заветам отечественной старины.

* * *

Мероприятия Калужского епархиального начальства к пресечению распространения хлыстовского сектантства и раскола.

Калужское Епархиальное Начальство, войдя в обсуждение способов борьбы с усилившимся в последнее время, в пределах Калужской епархии, расколом и хлыстовским сектантством, признало необходимым принять с своей стороны следующие меры: 1) продолжать миссионерские собеседования с раскольниками в церкви при Калужской духовной семинарии, а равно посылать миссионеров для собеседований с раскольниками в места, наиболее заражённые расколом; 2) благоустроят прежние и открывать новые церковно-приходские школы и школы грамоты, в особенности в местностях с раскольничьим населением; 3) вести приходским священникам как в церквях, так и в селениях прихода вне-богослужебные собеседования; 4) открыть при Калужском

епархиальном свечном заводе и уездных епархиальных свечных лавках, а также и при некоторых церквях, продажу, по доступной для простого народа цене, книг и брошюр нравственно-назидательного и полемического содержания; 5) назначить из более способных к ведению собеседований с раскольниками священников окружных миссионеров и 6) относительно лиц, принадлежащих к хлыстовской секте, приходским священникам предписать руководствоваться следующими правилами: а) объявить прихожанам, принадлежащим к названной секте, что они к принятию св. тайн Тела и Крови Христовых будут допускаемы лишь в том случае, если, по принесении искреннего раскаяния перед духовником, выполнят обряд присоединения к православию, с выдачей установленной подписки, или, по усмотрению духовника, выдадут ему одну эту при свидетелях подписку; б) при допущении раскаявшихся хлыстов к принятию Святых Таин наблюдать, чтобы они преподанные им Святые Дары проглотили тотчас же и запили три раза теплотой; в) обряд присоединения раскаявшихся хлыстов к православию совершать в храме по 3-му чину отречения от ересей, с прочтением разрешительной молитвы не после исповеди, а по совершении самого обряда присоединения, а лиц, приходящих на исповедь и объявляющих себя непричастными грехам человеческим, оставлять до вторичного испытания их на исповеди; д) от лиц простого звания, приходящих на исповедь из чужих приходов и неизвестных местному священнику, требовать, чтобы они представляли от приходских священников удостоверения, о свободе их от следствия и суда, по делу о хлыстовской секте, и е) лиц, подозреваемых в принадлежности к хлыстовской секте, но заявляющих о себе, что они непричастны к этой секте, по испытании их совести, освобождать от совершения над ними чинопоявления в святую Церковь, равно и от выдачи подписки, требуя лишь от них краткого письменного заявления о непринадлежности к хлыстовской секте, по получении коего допускать их и ко святому Причастью. Независимо от вышеизложенных мер, Калужское Епархиальное начальство признало необходимым просить в установленном порядке сельскую власть: 1)

освидетельствовать через полицию, с участием депутатов от духовного ведомства, все существующие в Калужской епархии раскольнические моленные и, по освидетельствовании, закрыть те из них, кои окажутся открытыми без надлежащего разрешения, упразднить в этих моленных алтари и походные церкви и отобрать от раскольнических требоисправителей ставленные грамоты, выданные им раскольническими лже-епископами; 2) внести в свод уставов, о предупреждении и пресечении преступлений, 2-ю часть 10 правила закона 3 мая 1883 года, о непризнании за раскольническими требоисправителями духовного сана или звания; 3) вменить полицейским властям в обязанность совершать метрические записи о рождениях, погребениях и браках раскольнических, по предварительном сношении с местными приходскими священниками; 4) при совершающемся пересмотре судебных уставов Императора Александра II внести в закон, чтобы за всякое совращение в раскол подвергать суду по 1 ч. 196 ст. Улож. о наказ. независимо от того, сопровождалось ли такое деяние отпадением кого-либо от православия, хотя бы и добровольным, или же последствий этих не имело, и чтобы дела сего рода были отнесены к ведению суда, с сословными представителями, и 5) просить Святейший Синод: а) поручить кому-либо из специалистов, по изучению хлыстовско-скопческой секты, составить для напечатания образцовые поучения против этой секты, коими бы могли пользоваться священники, состоящие в заражённых этой сектой приходах; б) отпускать Тарусскому миссионерскому братству по 1100 руб. ежегодно на содержание школ-приютов для воспитания детей-питомцев Московского воспитательного дома и других сирот, в) разрешить созвать представителей духовенства на съезд в город Калугу, для обсуждения способов борьбы с расколом и сектантством.

Признав принятые Калужским Епархиальным Начальством меры к пресечению раскола и сектантства в Калужской епархии соответствующими цели, Святейший Синод определил: предоставить Калужскому Епархиальному Начальству и впредь продолжать применять означенные меры в борьбе с расколом и сектантством, поручив Его Преосвященству донести

Святейшему Синоду о последствиях принятых мер. Что же касается мероприятий, независящих от Епархиального Начальства, то Св. Синод предоставил Синодальному Обер-Прокурору снести о них, с кем следует.

Как известно, хлыстовство одна из старейших и распространённых русских сект, но последователи этой тайной гнусной ереси умеют настолько искусно скрывать свою принадлежность к сектантству и притворяться людьми благочестивыми, что миссия Церкви всегда меньшее внимание уделяла борьбе с мистическими лжеучениями, чем с рационалистическими. Вследствие этого в миссионерской практике чувствуется недостаток в твёрдых и единообразных мероприятиях и в методических указаниях, относительно мер и способов воздействия на последователей хлыстовства.

Изложенные мероприятия Калужского епархиального Начальства восполняют в миссионерском деле указанный пробел. Будучи одобрены Св. Синодом, мероприятия эти могут служить для пастырей и миссионеров других епархий надёжным руководством в их борьбе с хлыстовщиной. Вместе с тем проект Калужского епархиального Начальства о пресечении распространения раскола заслуживает серьёзного внимания и в том отношении, что в нём затронуты принципиальные вопросы большой важности, таков вопрос об алтарях и походных церквях в раскольничьих моленных австрийского толка, устраиваемых в обход закона 3 мая 1883 г., под прикрытием неопределённости редакции статьи закона о раскольничьих моленных, – о предварительном сношении полицейских властей с приходским духовенством при составлении актов и записей рождений у раскольников, браков и погребений, о привлечении раскольников к суду за соращение и распространение своего лжеучения независимо от того, сопровождалось ли это деяние отпадением кого-либо в раскол или нет.

* * *

Учреждение Миссионерского союза пастырей в Самарской епархии.

Епархиальным начальством Самарской епархии разрешено приходским священникам нескольких смежных сёл ново-

узенского уезда образовать из себя **Миссионерский Комитет**. Цель учреждения Комитета – сообща содействовать утверждению православных в истинах православной веры и правилах христианской нравственности, и противодействовать пропаганде местного сектантства – молоканства, духоборчества и баптизма.

Для достижения намеченной цели в отношении православных членам комитета вменяется в обязанность: неспешное благоговейное, с соблюдением древних напевов, отправление служб церковных, а также домашних треб и молитвословий; неопустительное преподавание слова Божия в форме кратких, доступных пониманию народа, поучений в каждый из воскресных и праздничных дней; устройство при каждой церкви приходской библиотеки и ведение религиозно-нравственных чтений с туманными картинками, при сём чтения производить преимущественно в зимние вечера поочерёдно в каждом приходе. Сверх того, предположено образовать церковно-общественную кассу, при деятельном участии церковно-приходских попечительств, с целью оказать помощь беднейшим лицам прихода.

По отношению к местным сектантам члены комитета принимают на себя обязанность всеми способами оказывать друг другу поддержку в борьбе с заблуждающимися и советом, и миссионерскими познаниями, и личным трудом, с какой целью все члены, в полном своём составе, устраивают частные (в домах сектантов) и публичные (в церкви или школе) собеседования с представителями всех, имеющих в приходах сектантских общин, по особо выработанной программе. При частных беседах имеется ввиду непосредственное, более близкое знакомство с личным характером сектантских руководителей, – с внешней обстановкой их жизни, – с их семейным бытом и вообще с внутренним распорядком их обыденной жизни, так что частные беседы являются собственно подготовительной ступенью к публичным беседам. Предполагается также раздача брошюр противосектантского содержания, а в противовес общему пению на сектантских собраниях, приучение мальчиков и девочек школ, под

руководством псаломщиков, к пению в церкви и школе, особенно когда здесь бывают религиозно-нравственные чтения, и – постепенное введение общего пения во время богослужения в храме.

Вполне сочувствуя прекрасным задачам нового полезного миссионерского учреждения, мы позволяем себе высказать, что официальное название Новоузенского пастырского союза «Миссионерским комитетом» не вполне соответствует нынешнему составу членов учреждения, в котором одни только пастыри 3–4 приходов. Затем мы склонны ожидать более успешной деятельности от этого почтенного пастырского союза, если бы в состав комитета были введены, в качестве сотрудников приходских пастырей, и другие способные члены клира, как, напр., диаконы и псаломщики, как естественные помощники своих настоятелей, а также учителя народных школ и начётчики из мирян, отличающиеся религиозностью и добрым поведением. Миссионерские наблюдения с несомненностью убеждают в пользе сотрудничества мирян в деле миссии.

* * *

Указ Казанского архиепископа и циркуляр Томского губернатора по вопросу о поднятии народной нравственности.

«Архиепископ Казанский и Свияжский, Высокопреосвященный Владимир, в одном из своих указов по епархии, обращает внимание священнослужителей и вообще духовенства на широкое распространение в народе привычки «сквернословить», и указывает, что, по донесению одного из благочинных «в некоторых местах прихожане заражены, как бы язвой, пороком сквернословия». В виду этого, Высокопреосвященнейший Владимир находит нужным разъяснить духовенству в упомянутом указе, что «употребление сквернословия в частных и общественных местах настолько грубый и гнусный, настолько почти традиционный порок простого русского народа, что он предусмотрен даже в гражданском законодательстве. Для искоренения этого зла рекомендуется пастырям церкви принимать все меры пастырского вразумления и воздействия, сделав его предметом

особых поучений в церквах и убеждений при требоисправлении. В случае же встречи лиц, закоснелых в этом пороке и явно упорствующих против убеждений, согласно 38 ст. о нак., нал. мир. суд., пастыри церкви могут обращаться за содействием к земским начальникам».

В тех же заботах о народной нравственности почтенный Томский губернатор А. А. Ломачевский издал достойный внимания циркуляр, «коим предписано административным органам местной власти представлять Начальнику губернии точные сведения каждое 1 число месяца между прочим, и о положении общественной нравственности за отчётный месяц, о заслуживающих внимания проявлениях христианского человеколюбия, рдения ко храмам Божиим и народной грамотности, о ведении родителями детей до 10-летнего возраста и о поведении и образе жизни растущего поколения от 10 до 20-летнего возраста. Обращая особенное внимание на доставление требуемых сведений, циркуляр прибавляет, «что донесения, заключающие в себе таковые, должны быть излагаемы безусловно точно, ясно и, по возможности, кратко, так, чтобы употребляемые в них слова и выражения вполне устанавливали действительное положение вещей, не заставляя искать истину путём всякого рода догадок и предположений».

Во всех русских сектах, за исключением раскольничьих, сквернословие решительно не допускается и невоздержные на язык члены подвергаются наравне с пьяницами строгим дисциплинарным взысканиям, включительно до отлучения из общества. Будучи, действительно, воздержны от этого порока, сектанты резко нападают на православную Церковь и духовенство за широкое распространение среди православного населения порока сквернословия, что для некоторых из сектантов нередко служит и камнем преткновения в деле воссоединения их с Церковью. А потому, призыв Казанского архипастыря к пастырству о принятии мер к смягчению народных нравов в духе христианской скромности заслуживает глубокой признательности. Представляет высокий интерес и циркуляр Томского губернатора, сделавшего в своём роде счастливый почин, относительно более живого, зоркого

наблюдения и глубокого проникновения светской власти в духовные нужды и интересы народных масс, чем какое установили в этом деле шаблонные рамки чиновничьего бюрократизма. Либеральные благодетели народа не могут, конечно, без иронии отнестись к отеческой попечительности о народной нравственности, как это и сделала Неделя (№ 17), но истинные друзья «малых сих» от души порадуются примерному и вполне соответственному и жизненному распоряжению начальника далёкой Сибирской губернии. Давно пора понять, что *семя свято стояние града...* (Ис.6:13).

* * *

Архипастырское воззвание Курского епископа к духовенству по поводу курения табака.

«Из личных бесед со многими священнослужителями нашей епархии, равно как и из письменных, присылаемых мне жалоб, со скорбью убеждаюсь, что некоторые из священнослужителей и даже жёны их (увы!) имеют отвратительно – дурную и вовсе неприличную для священнослужителей алтаря Господня привычку курить табак. Привычка эта, сама по себе противная здоровью и здравому смыслу, служит, сверх того, большим соблазном для прихожан, а в Евангелии, как мы все знаем, Господь возвестил великое горе тем, кто производит соблазн (Мф.18:6,7), потому и считаю своим долгом предложить отцам благочинным обратить на это особенное внимание и от моего имени требовать от всех подчинённых им священно и церковнослужителей, подверженных нравственной болезни табако-курения, что бы они, имея в памяти свои пастырские обязанности, из страха суда Божия за соблазн ближним, понудили себя оставить эту греховную привычку. С своей стороны, через эти строки, также усердно прошу о том же всех священно-и церковнослужителей нашей епархии, имеющих эту губительную привычку. Конечно, не трава грех, но пристрастие грех, тем более, что оно даёт пасомым повод к справедливому осуждению своих пастырей. *«Тако согрешающе в братию, и биющие их совесть немощну суцу, во Христа согрешаете»* (1Кор.8:12).

Если скажут: трудно оставить долговременную привычку – отвечаю: правда, но возможно и должно это сделать ради Бога и Его повелений, в силу своего пастырского долга, вспоминая слова Спасителя: *царствие небесное нудится и нуждницы восхищают е* (Мф.11:12) и изречение Апостола: *кийждо свою мзду приимет по своему труду* (1Кор.3:8).

Прошу подумать и о том, что в этом деле есть другая сторона. Деньги, хотя и небольшие, которые употребляются на покупку ненавистного благочестивым людям табака, могут быть руками бедных, нуждающихся братьев, пересланы в вечную сокровищницу, хранимую в небесах, по слову Самого Господа в Евангелии (Мф.5:20; Лк.12:33). А променивая эти деньги на табак и выкуривая его потом, ко вреду своего здоровья и соблазну ближних, что получают курящие священно и церковнослужители, кроме справедливого порицания от ближних своих и неблаговолепия, а может быть и гнева от Господа, сказавшего: *Сын человеческий воздаст комуждо по деяниям его* (Мф.16:27). *Раб ведевый волю господина своего и не уготовав, ни сотворив по воли Его, биен будет много* (Лк.12:47).

Страшно есть впасти в руке Бога живаго (Евр.10:13). *Не льститеся: Бог поругаем не бывает: еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет. Сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление, а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный* (Гал.6:7,8).

Итак, словами св. апостола, повторяю мою усерднейшую просьбу ко всем принадлежащим к церковному клиру нашей епархии: *будем промышлять добрая нетокмо перед Богом, но и перед человеки* (2Кор.8:21). *Кийждо вас ближнему да угождает во благое к созиданию* (Рим.15:2). *Дондеже время имамы, да делаем благое ко всем* (Гал.6:10), *ибо «еше мало елико, елико грядый приидет и не укуснит»* (Евр.10:37). В виду последнего понудим себя оставить дурные, греховные привычки, пока ещё имеем время: оно незаметно и быстро исчезает день за днём и приближает нас к переходу в иную жизнь, о котором сказано: *«лежит человеку единою умерети, потом же суд»* (Евр.9:27).

Увещание и наставления – полезные для пастырей других епархий. Вопрос о непозволительности для духовенства табакокурения был, между прочим, предметом рассуждений на 2 Миссионерском съезде, на котором установлено было, что по видимому незначительное явление это имеет однако нередко весьма серьёзные неблагоприятные последствия в деле миссии, особенно противораскольничьей, служа тормозом успеху пастыре-миссионерского влияния на массу отпавших. Знаменательное явление, что решительно все сектанты и раскольники не терпят табакокурения, как греховной привычки. Нетерпимость раскольников в этом случае доходит так далеко, что последние не пустят в дом миссионера – трубокура и не будут вести с ним беседы. У православных старообрядцев (единоверцы) пастыри, замеченные в курении табака, теряют всякое уважение и только одной этой привычки бывает достаточно для жалобы к епископам и ходатайствам об удалении «попа – трубокура», как выражаются ревнители древних обрядов. Не любит и наш православный, простой русский народ видеть своего духовного отца курящим, называя привычку табакокурения «баловством, блажью», осуждает пастырей и блазнится той привычкой. Высшие классы также не уважают в духовенстве этой не духовной привычки. А потому нельзя не пожелать, чтобы архипастырское увещание – оставить курение, унижающее в глазах общества авторитет духовного отца, не осталось без доброго влияния на пастырей, усвоивших эту вредную во всех отношениях привычку, и дозволяющих себе к соблазну меньшей братии и порицанию своего звания с развязностью светского человека курить папиросы на местах и в собраниях людных, особенно, (наприм.) на вокзалах железнодорожных.

В. С.

Вишневский Н. Христианство и любовь к отечеству // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 32–42

(По поводу сочинения гр. Л. Н. Толстого „Патриотизм и христианство“. Женева 1895 г.).

Христианство предназначено для всех народов, и в нём все народы равны. В мире дохристианском иудей превозносился перед язычником своим законом, и эллин перед варваром – своей культурой. Христианство устранило эти основания для национальной гордости и само-превозношения и сравняло все народы в вере в единого Бога и «здесь нет различия между Иудеем и Эллином, потому что один Господь у всех, – между Иудеем и язычником, потому что все одно во Христе Иисусе» (Рим.10:12; Гал.3:28).

Но если, по учению христианства, все народы равны перед лицом правды и милости Божией, то, по-видимому, нет оснований и для нас, христиан, отдавать предпочтение одному народу перед другим, людей одного народа любить, а ко всем другим относиться холодно или даже враждебно. Христос ясно научал своих последователей с братской любовью относиться ко всем вообще людям. И верный апостол Христов Павел в своей проповеди евангелия не ограничивался одним каким-нибудь народом, но считал своей обязанностью благовествовать Евангелие всем, без различия национальностей (Рим.1:14,15).

Если же Господь наш Иисус Христос повелел нам с одинаковой любовью относиться ко всем людям, то согласна ли с духом христианства так называемая любовь к отечеству или патриотизм, т. е. преимущественная любовь каждого человека к людям того народа или государства, к которому принадлежит он сам? Чтобы получить на этот вопрос ясный и исключаящий всякие недоразумения ответ, необходимо прежде всего точно установить истинный смысл заповеди Христовой о любви ко всем людям и выяснить сущность и истинный характер того чувства, которое мы называем любовью к отечеству.

Заповедь о любви ко всем людям представляет собой одно из самых высоких и самых трудных требований христианской нравственности. Любить отца и мать, которые сами нас любят и о нашем благе пекутся, любить наших родственников и близких знакомых, с которыми мы находимся в личных отношениях и связаны общностью насущных интересов жизни, – легко. Такая любовь представляет собой естественное чувство; она сама собой зарождается в душе человека и не требует от последнего особенных нравственных усилий для своего воспитания как высшая добродетель: «не и язычницы ли такожде творят» (Мф.5:47)? Труднее полюбить человека, нам незнакомого и ничем с нами не связанного, такого, например, которого мы видели один раз в жизни, или о существовании которого слышали, но не имеем никаких сведений ни о его характере, ни об образе жизни, убеждениях, стремлениях и т. п. Но любить всех людей, всё человечество, т. е. испытывать живое и тёплое чувство любви: ко всем без изъятия представителям человеческого рода, – добрым и злым, близким и далёким, знакомым и незнакомым, к таким даже, о самом существовании которых мы ничего не знаем, – в высшей степени трудно. Такая любовь предполагает в человеке высокую степень общего нравственного совершенства, которой достигают только немногие избранные. Притом же христианская любовь ко всем людям существенно отличается от любви к родителям, родственникам и вообще ближним, с которыми мы связаны личными отношениями: здесь человек любит конкретные, живые личности, там же – человека вообще, как живое разумное создание Божие, носящее в себе образ своего Творца, как брата искупленного кровью Иисуса Христа. Этим именно и обуславливается трудность заповеди о любви ко всем людям. Она представляет собой наивысшую форму христианской любви к ближним и выражается в прочно установившемся любовном настроении духа, которое всегда готово перейти в чувство живой любви к каждой конкретной личности, с которой христианин приходит в общение, – независимо от её личного отношения к нему и нравственного достоинства или недостойнства. Высокий образец такого пребывающего

любовного настроения мы видим в великом апостоле любви и возлюбленном ученике Господнем, Иоанне Богослове.

Любовь к отечеству, т. е. к своему народу, является как бы переходной ступенью между любовью к отдельным личностям и любовью к человечеству, т. е. к абстрактной идее человека вообще. Она зарождается и поддерживается сознанием общности национального характера, интересов и стремлений всех представителей данного народа и этим приближается к любви семейной и родственной. Но существенное отличие её от этой последней заключается в том, что объектом её является не отдельная личность, а национальный тип в его наиболее существенных и общих всем представителям нации чертах. В этом отношении любовь к своему народу уже напоминает собой любовь ко всем людям, т. е. как к абстрактной идее человека вообще.

Таким образом, любовь семейная и родственная, любовь к отечеству и любовь ко всем людям представляют собой как бы три различные ступени одной и той же христианской любви к ближним вообще. Они не только не исключают друг друга, но даже одна другой предполагаются. Кто не любит своих близких и родных, тот не может любить и людей своего народа. И кто неспособен возвыситься до любви ко всем представителям своего народа, тот тем менее может воспитать в своём сердце любовь ко всему человеческому роду. Поэтому каждая высшая форма христианской любви к ближним необходимо должна соединяться с формами низшими: кто любит своё отечество, тот непременно любит и своих родных, и кто действительно любит весь род человеческий, тот непременно любит свой народ и своих родных. При этом низшая форма, как более лёгкая, доступная и понятная человеческому сердцу, всегда является более живой и интенсивной. Как бы мы ни любили всех людей, но тот народ, к которому принадлежим мы сами, всегда останется нам дороже и милее всех других, и национальные интересы его всегда будут для нашего сердца ближе интересов других народов. И как бы ни сильна была наша любовь к отечеству и ко всем нашим единоплеменникам, любовь к родителям и родственникам все же будет в нас живее и глубже,

чем любовь к каждому другому представителю нашего народа. Ясное сознание человеком своего долга перед обществом заставляет его нередко жертвовать радостями семейной и родственной любви и даже как бы отказываться от своих родных ради блага всего народа; но даже в этих случаях любовь к родным не уничтожается и не подавляется любовью к народу, а только на время отодвигается ею на второй план. Равным образом, когда человек ради блага всех людей жертвует своими национальными симпатиями, то это не значит, что он отказывается от своего народа и перестаёт любить его.

В жизни и учении Господа нашего Иисуса Христа и Его святых апостолов мы находим прекрасное подтверждение высказанных нами мыслей. Когда Иисус Христос проходил Своё служение роду человеческому, а мать и братья призывали Его к радостям родственной любви, Он спрашивал: *кто есть Мати Моя. и кто суть братия Моя?* (Мф.12:48). Но показывал ли этим Господь, что любовь ко всему человеческому роду и служение ему несовместимы с любовью к родителям и родственникам и что Сам Он, отдавши себя этому служению, искоренил в Своём сердце любовь к Матери и братьям своим по плоти? Нисколько! Мы знаем, что в важнейший момент Своего служения человеческому роду, в час предсмертных своих страданий на кресте, Господь явил нам и высочайший пример любви к Пречистой Своей Матери (Ин.19:25–27). Таким образом, уча Своих последователей любить всех людей, Иисус Христос не отменил однако заповеди о преимущественной любви детей к родителям и родителей к детям. Напротив, естественное чувство родственной любви, освящаемое в христианстве благодатью Св. Духа, получает в нём особенно важное значение. Ап. Павел заповедует воспитывать в детях эту любовь прежде всех других добродетелей (1Тим.4:4) и даёт понять, что в ком её нет, тот не способен к проявлениям любви и на более обширном поприще, например, в служении Церкви Божией (1Тим.3:4–5).

Сам же Господь подал нам пример и любви к отечеству или родному народу. Великой, бесконечной любовью любил Он весь род человеческий, за который и душу Свою положил; но родной

Ему народ иудейский пользовался с Его стороны особенным попечением (Ср. Мф.10:6;15:24–26). Весь род человеческий был погружен тогда в глубокий мрак неведения Бога истинного; но ослепление и ожесточение против истины иудеев вызывало особенно глубокую скорбь в любящей и совершеннейшей душе Богочеловека. «Иерусалим, Иерусалим», с горечью восклицал Он в один из последних дней своей земной жизни, «Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели»! (Мф.23:37). Такой же любовью к родному народу отличались и все апостолы. Апостолу Павлу Господь назначил в удел языческие народы, повелевши проповедать им евангелие любви, и великий Апостол отдал всю свою жизнь на это дело. Однако он не только никогда не забывал своего родного народа, но всегда молился о его спасении и страдал душой, видя его ожесточение и предвидя отвержение его Богом. «Желание моего сердца, пишет он, и молитва моя к Богу об Израиле во спасение. Ибо не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией» (Рим.10:1,3). «Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, т. е. Израильтян» (Рим.9:2–4).

Таким образом, как любовь родителей к детям и детей к родителям не исключает собой любви к отечеству, так и последняя не исключает любви ко всем людям и, следовательно, нисколько не противоречит духу Христова учения о любви ко всем вообще ближним, без различия национальностей. Но при этом необходимо помнить ещё следующее. Истинно-христианская любовь ко всем людям, как мы уже заметили, предполагает в человеке такую высоту нравственного совершенства, какой достигают на земле только редкие избранники. Относительно этой любви с полным правом можно сказать то же, что сказал Господь относительно безбрачной жизни: *могий вместити да вместит* (Мф.19:12). Каждый, конечно, должен, по мере своих сил, преуспевая в

любви, расширять круг людей, на которых его любовь направлена. Но при этом нужно быть очень внимательным к себе и осторожным, чтобы в конце концов не оказалось в нашей душе вместо одинаковой ко всем любви, одинакового ко всем равнодушия. Полное и совершенное целомудрие – идеал, к которому должен стремиться каждый христианин, но которого достигают только очень немногие. И если человек пожелает осуществить в себе этот идеал, но не будет иметь достаточных для того сил, то он может в конце концов впасть в такое самообольщение, что будет считать себя уже достигшим совершенной чистоты, между тем как в душе его грех будет царствовать во всей своей силе. Точно также, если кто, не взвесивши достаточно своих сил, пожелает осуществить заповедь Христову об одинаковой любви ко всем людям, то он легко может впасть в то заблуждение, что, вытравивши в душе своей любовь к родным и близким и не испытывая после этого никакого в сущности чувства ни к ним, ни ко всем остальным людям, будет воображать, что относится ко всем людям с одинаковой любовью. Космополитизм относится ко всем народам одинаково, но только не с одинаковой любовью, а с одинаковым ко всем равнодушием.

Легко, конечно, умозаключать: Христос повелел нам любить всех людей, и потому мы не должны в своей любви ограничиваться только людьми одного нашего народа. Но не много нужно знания человеческого сердца и внимания к современному состоянию человеческих обществ, чтобы видеть, как трудно вообще человеку возвыситься до любви ко всем людям и как ещё далеко современным христианским обществам до полного осуществления заповеди Христовой о такой любви. Большинство людей любят свою семью, родных, близких знакомых, а ко всем остальным в сущности равнодушны; если такие люди не делают по крайней мере другим того, чего себе не желают, то считаются даже примерными членами общества. Спрашивается, легко ли таким людям возвыситься до любви ко всему человечеству? А легко ли возвыситься до этой любви тем холодным и чёрствым эгоистам, тем ожесточённым и озлобленным неудачникам, тем

огрубелым развратникам и закоренелым преступникам, для которых и само чувство любви едва знакомо? Очевидно, что требовать от таких людей любви ко всему человечеству – почти то же, что требовать от неграмотного умения хорошо читать. Научите неграмотного читать хоть как-нибудь, и с течением времени он, может быть, и сам уже научится читать хорошо. Заставьте человека познать сначала само чувства любви, хотя бы к одной только личности, и, может быть, впоследствии он возвысится до любви ко многим. Расширьте умственный кругозор человека, замкнувшегося в тесном кругу интересов и симпатий своей семьи, рода и немногих близких знакомых, раскройте перед ним связь его со всеми остальными соотечественниками, дайте ему возможность узнать свой народ со всеми его достоинствами и недостатками, познакомьте его с жизнью народа, в её прошлом и настоящем, в сером однообразии повседневного труда и в священной торжественности великих исторических моментов, одним словом, познакомьте человека с его народом, каким он является в истории и в лучших произведениях отечественной литературы, – и тогда такой человек может возвыситься до сознания своей глубокой родственной связи со всем своим народом, этой великой семьёй, может полюбить его всем сердцем и при случае пожертвовать даже собственным благосостоянием и жизнью ради блага всего народа. И уже тогда, когда Человек научится любить свой народ, для его сердца станет понятной и возможность любви ко всему человечеству. Таким образом, при настоящих условиях жизни людей, разделённых на государства и народы, человек даже не может сразу перейти от любви родственной к любви, обнимающей всех людей, не воспитавши предварительно в своём сердце любви к своему народу, которая служит как бы переходной ступенью между указанными формами христианской любви.

Хотя идеальной христианской любви ко всем ближним достигают только очень немногие, тем не менее всем нам должно стремиться к достижению идеала и дорожить каждым шагом, приближающим нас к этому идеалу. Последнее особенно должно сказать в приложении к настоящему времени, когда

замечается в христианских обществах оскудение духа любви, преобладание эгоистических побуждений, обострённость борьбы между трудом и капиталом и враждебность в отношениях отдельных слоёв общества. В такое время каждое проявление, каждая крупница истинно христианской любви к ближним является как бы драгоценной жемчужиной на дне бурного моря. И тем более драгоценной является в такое время любовь к отечеству, которая, обнимая и проникая собой целый народ, способна угасить вражду между отдельными классами, ослабить борьбу страстей и частных интересов и вообще внести мир во внутреннюю жизнь народа. А гр. Л. Толстой позволяет себе глумиться над усилиями христианских правительств воспитать такую любовь в своих подданных!

Когда говорят, что патриотизм не согласен с духом христианства, то определяют патриотизм, как такое предпочтение своего государства или народа всякому другому государству и народу, при котором каждое государство и каждый народ считает себя лучше всех других. Конечно, если бы в этом именно заключался патриотизм, то он действительно противоречил бы духу Христова учения, по которому все люди равны. Но очевидно, что такое определение патриотизма неверно. Неверность же его проистекает из самого грубого смешения понятий. Патриотизм есть любовь к своему отечеству или народу. Но любовь далеко не есть такое предпочтение, при котором любимый предмет признаётся лучше всех других. Это истина бесспорная, и достаточно нескольких примеров, чтобы сделать её и очевидной для каждого. Отец, любящий беспутного сына, не считает его однако лучшим из всех чужих сыновей, равно как и сын, покаявшийся ворчливого и выжившего из ума старика отца, не считает его лучшим из отцов, хотя любит, конечно, больше всех чужих отцов. Точно также и человек, любящий своё отечество и свой народ, не считает их лучше всех других государств и народов. Даже, напротив, истинный патриот лучше всякого другого видит недостатки и пороки своего народа и слабые стороны своего государства. Гоголь глубоко любил русский народ, а кто лучше его знал и умел изобразить недостатки национального русского характера и

тёмные стороны русской общественной жизни? Никто также не станет утверждать, что Пётр Великий считал русский народ лучше всех других народов, но скажет ли кто, что он и не любил своего народа?

Истинная любовь к своему государству и народу нисколько не предполагает собой враждебных чувств по отношению к другим государствам и народам. Может ли любовь быть источником вражды? И почему любовь к своему отцу и своей матери не вызывает в человеке враждебных чувств ко всем чужим отцам и матерям, а любовь к своему народу непременно должна вызывать вражду по отношению ко всем другим народам? Враждебные отношения между народами вызываются не патриотизмом и не патриотами, а множеством других причин, о которых было бы слишком долго говорить. Истинный же патриот всегда стремится к поддержанию и упрочению мирных и дружественных отношений между своим и чужими народами. Он знает, что война, даже самая успешная, представляет одно из величайших народных бедствий, и потому никогда не желает для своего народа войны, как и никакой разумный и любящий сын не пожелает, чтобы его отец вступал с кем-нибудь в драку.

Вообще, когда указывают на несогласие патриотизма с духом христианства, видят в нём источник войн, и препятствие к установлению мирного и дружественного взаимодействия христианских народов, то обыкновенно – по недоразумению ли, или от недостаточно искреннего отношения к вопросу – именем патриотизма называют явление, совершенно от патриотизма отличное и имеющее своё специальное название. Дело в том, что патриотизм, поскольку он является чувством и подлечит общим законам развития человеческих чувств, может при известных условиях переходить в страсть. Страсть не управляется разумом и ослепляет сам разум. Любовь, перешедшая в страсть, заставляет считать любимого человека лучше всех остальных людей, в урде видеть красавца и в обыкновенном характере усматривать признаки гениальной натуры. Точно также, когда патриотизм переходит в страсть, то заставляет считать свой народ, своё государство лучше всех других народов и государств и интересы своего государства

поставлять выше интересов не только каждого другого государства, но и всего человечества. Эта вырождающаяся из патриотизма политическая страсть называется своим особенным именем *шовинизма*. Шовинизм выражается в этой немецкой песне Deutschland, Deutschland über Alles, которую Толстой считает наилучшим выражением чувства, называемого патриотизмом. Шовинизм – чувство низкое в нравственном отношении, потому что унижает достоинство всех людей перед людьми только одного народа, и опасное в отношении политическом, потому что всегда стремится дать преобладание одному народу над всеми остальными и вследствие этого является постоянной угрозой международного мира.

Нельзя не сознаться, что в настоящее время понятие патриотизма вообще значительно затемнено в обществе. Не один Толстой у нас, но и многие публицисты и политические деятели на Западе склонны отождествлять патриотизм с шовинизмом. Другие готовы усмотреть проявления высокого патриотизма в стремлении побеждённой народности к реваншу, в сепаратистских стремлениях народа, утратившего свою политическую самостоятельность, в антисемитизме, религиозной нетерпимости и т. п. Такое смешение, конечно, очень печально, но оно несколько не говорит против законности и возвышенности того чувства, которое называется патриотизмом и которое не имеет ничего общего со всеми этими проявлениями вражды и национальной исключительности. И если во имя ложно понятого патриотизма совершаются иногда людьми поступки не согласные с требованиями христианской нравственности, то отсюда не следует, что само чувство патриотизма противно духу учения Христова. Ведь и во имя самого этого учения Христова, только ложно понятого, совершались инквизицией такие действия, которые мы в настоящее время не задумаемся признать положительно безнравственными: но говорит ли этот факт хоть сколько-нибудь против чистоты самого нравственного учения христианства?

Остаётся после этого пожелать, чтобы каждый христианин проникся искренней любовью к своему отечеству и ясным сознанием того, что составляет истинное благо для его народа и

что не может служить злом для народов других. Остаётся пожелать, чтобы истинный патриотизм проник собой все народы и все общественные слои, и тогда только можно надеяться на благополучное устранение тех причин между народной вражды, которые теперь зарождаются на почве столкновения интересов ложно понятого блага отдельных народностей и государств. Тогда только можно надеяться, что мир и взаимное доверие воцарятся в великой семье христианских народов, как царят они в каждом благоустроенном обществе, отдельные члены которого связаны крепкими узами родственной любви в самостоятельные семейные группы.

Н. В.

**Добротин Г. Закон и свобода совести в отношении к
лжеучению и расколу // Миссионерское обозрение.
1896 г. № 1–12. С. 42–56**

Глава I-я (вступительная).

Кого разумеет ваше законодательство под именем еретиков и раскольников? Части уголовного кодекса, подлежащие настоящему исследованию. Общий план и задача исследования в связи с указанием оснований к такому, а не иному его составлению.

Происхождение, развитие и характер учений еретических наше русское законодательство поставляет в тесную зависимость от происхождения, развития и характера учений раскольнических. Под именем же раскола оно разумеет в настоящее время как старообрядчество, отделившееся от законной иерархической власти, при полном сохранении всех существенных обрядов, а тем более догматов веры, так и разные направления, выродившиеся из него около половины XVII века и образовавшие кроме двух главных ветвей раскола *поповщины* и *беспоповщины* множество толков и сект обрядового раскола, а в связи с ними, под иностранным воздействием, не малое также количество еретических сект *мистического* (скопцы, хлысты и др.) и *рационалистического* характера (молокане, духоборцы, штундисты и др.⁹⁵).

В отечественных наших законах нормы уголовного законодательства против еретиков и раскольников сосредоточены в собрании законов, известных под названием Уложения о наказаниях. Уложение о наказаниях состоит из двенадцати разделов. Вслед за первым разделом, содержащим в себе постановления о преступлениях, проступках и наказаниях вообще и служащим как бы введением к Уложению, второй раздел говорит «о преступлениях **против веры** и о нарушении ограждающих оную постановлений». Таким образом преступления против религии вообще отведено **первое** место в Уложении – знак, что преступления эти Законодатель считал самыми важными и тяжкими. **Второй раздел** Уложения в свою

очередь разделяется на 5 глав: 1) о богохулении и порицании веры; 2) *об отступлении от веры и постановлений церкви*; 3) об оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния; 4) о святотатстве, разрытии могил и ограблении мёртвых тел и, наконец, 5) о лжеприсяге. *Вторая глава второго раздела Уложения* опять подразделяется на три отдела, из коих в первом содержатся постановления, определяющие наказуемость преступных деяний по отвлечению и отступлению от веры; **во втором** – *постановления, определяющие наказуемость преступных деяний еретиков и раскольников*, а в третьем определяются наказания за уклонение от исполнения постановлений церкви (Улож. о наказ. проф. Таганцева, изд. 1885 г.). Второй отдел второй главы второго раздела Уложения, носящий заглавие: «**О ересях и расколах**», собственно и должен был бы служить предметом настоящего исследования. Однако статьи, помещённые в этом отделе Уложения, не исчерпывают всех карательных мер, установленных нашим уголовным законодательством против еретиков и раскольников за их действия, направленные против веры или соприкасающиеся с ней. В Уставе о предупреждении и пресечении преступлений против веры (XIV т Пол. Свод. Закон. изд. 1890 г.) в разделе первом, состоящем из пяти глав и обнимающем собою всего 102 статьи, третья глава посвящена определению преступных деяний еретиков и раскольников, деяний, направленных против веры и Церкви. Указанные главы этого раздела имеют теснейшую связь со второй главой второго раздела Уложения о наказаниях, носящей заглавие: «об отступлении от веры и постановлений церкви» и, главным образом, со вторым отделом этой главы, носящим название: «о ересях и расколах». **Там**, главным образом, изложены общие начала законодательства о предметах веры и определяются преступные действия и нарушения законодательных постановлений еретиками и раскольниками: **здесь** содержится уголовный закон об этих преступлениях в его чистом виде⁹⁶.

Наше действующее законодательство относительно еретиков и раскольников получило настоящий свой вид не сразу: законодательные нормы его вырабатывались в долгий

период борьбы правительства с еретиками и раскольниками на пространстве двухсотлетнего существования раскола и его различных и многочисленных сект, причём сменилось до пяти правительственных систем действия на раскол и его секты, и каждая новая система, с одной стороны, влекла за собой появление новых административных распоряжений и узаконений, с другой стороны, когда законы относительно еретиков и раскольников получили определённый вид и были *кодифицированы*⁹⁷, – реформирование, дополнение или отмену старых и введение новых уголовных законов против еретиков и раскольников. Такой продолжительный процесс работы нашего правительства над выработкой норм уголовного кодекса относительно еретиков и раскольников не избавил, однако, этот кодекс от разного рода нареканий и нападок, которые делаются на него не только со стороны людей образованных вообще, людей нашего века, культуры и цивилизации, дилетантов, но и людей, специально посвятивших себя изучению нашего уголовного законодательства, компетентных в данном случае, – криминалистов. По мнению всех этих людей уголовный кодекс наш относительно еретиков и раскольников не только не может быть причислен к типу вполне определившихся, законченных и потому устойчивых кодексов⁹⁸, но, напротив, настолько устарел, что не может быть сравнён ни с одним из западно-европейских уголовных кодексов этого рода и принадлежит к самым отсталым отделам в нашем уголовном законодательстве, а потому и нуждается в коренной перестройке, в существенных изменениях⁹⁹. Главный недостаток указанного кодекса по воззрению современных криминалистов и наших представителей культуры и цивилизации заключается в том, что нормы его, направленные против еретиков и раскольников, и коренные начала, выраженные этими нормами, *не осуществляют всецело понятий свободы совести и веротерпимости*¹⁰⁰. А зависит это, говорят представители культуры и цивилизации, от того, что кодекс наш не может *отрешиться ещё от устаревших, не культурных начал* (абсолютной ортодоксии и монопольного прозелитизма), которые он заимствовал из церковно-государственного

византийского законодательства относительно лиц, разномыслящих и неправомыслящих в вере, еретиков и раскольников, – начал, выработанных церковью и государством в Византии ещё со времени Константина Великого. Отсюда, крупный недостаток нашего уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников, лежит, по мнению указанных лиц, в том, что он есть наследие византийского церковно-государственного законодательства и что начала, проникающие наше уголовное законодательство относительно еретиков и раскольников, носят чисто-канонический характер (Будзинский, проф., О преступлениях в особенности, Москва, 1887 г.). Таким образом, если в настоящее время и должно быть реформировано это законодательство, то реформа должна быть направлена против канонических элементов его проникающих; в уничтожении этих элементов и лежит именно центр тяжести и важное значение указанной перестройки. Насколько некультурны, (с точки зрения представителей западноевропейской культуры) вышеназванные начала вероисповедной политики русского государства, настолько же, по их мнению, ненормальна и причина практического осуществления и применения этих начал в русском уголовном кодексе относительно еретиков и раскольников. Что же это за причина? Причина эта лежит в том, что между церковью и государством в России установилась та же система отношений, которая существовала между двумя упомянутыми институтами в Византии. До XVIII века отношение между церковью и государством в России определялось строго византийскими началами, в особенности с возвышением Москвы и с усилением власти московских государей, которые, усвоив себе идею исторического преемства после византийских императоров, усвоили и византийское воззрение, что от сохранения единства веры зависит целость и могущество государства русского, установили между последним и православной церковью самый тесный союз. Единство церковно-государственного организма составляло поэтому и в России такой же идеал правительственной политики, как и в Византии¹⁰¹. Остался в России в существе дела и старый девиз этой правительственной

политики, провозглашённый ещё Константином Великим: «один Бог, одна вера, одна империя»: этот девиз получил только себе здесь более точное выражение: *«православие, самодержавие и народность»*. Церковь таким образом мыслилась (и мыслится) в России как религиозная сторона, а государство как политическая сторона одного и того же общения¹⁰². Но вступление государства в союз с церковью и являющееся следствием этого вступления обеспечение ей со стороны государства господствующего положения, привилегий и охраны, ведёт к вмешательству государства в дела церкви, которое, по мнению представителей современной культуры и цивилизации, совершенно несвойственно его природе и назначению. Государство, говорят представители современной культуры и цивилизации, должно в делах веры держаться принципа полнейшего невмешательства; оно должно отделить общественную и государственную жизнь от жизни религиозной, сделав первые две сферы жизни независимыми от всякого влияния религии, предоставить церковь в деле её дальнейшего развития своим собственным силам и средствам, а не давать ей своих привилегий и полномочий. В свою очередь и *церковь попадает* в несвойственное её природе положение, когда, заручившись государственными полномочиями, получает возможность выступать принудительно против еретиков и раскольников; она утрачивает тогда свой духовный характер, обязывающий действовать её только мерами кротости, любви и убеждения. Вступив в союз с церковью, государство в России, как и в Византии, переступило границы своего права, вышло из своих рамок, из подлежащей ему сферы ведения: оно стало вмешиваться в такие дела веры, которые должны подлежать исключительно ведению церкви, её юрисдикции; от того *церковь, получив некоторые привилегии от государства, стала его прислужницей*, орудием для достижения государственных целей и таким образом *утратила как свою свободу, так и свободу каждого отдельного своего члена*¹⁰³. Вывод отсюда для лиц, не принадлежащих к этой привилегированной и господствующей церкви, должен был получиться один и тот же в России, что и в Византии: политическая и гражданская их

бесправность, преследование законом за само содержание ереси или раскола, за совращение из православия и отступление от него, за пропаганду ереси и раскола, в каком бы виде или форме она не производилась и за открытое обнаружение культа¹⁰⁴. Вообще говоря, в России должен был явиться приблизительно тот же круг преступлений против веры, определяемый уголовным законодательством, и столь же суровые кары за эти преступления, что и в Византии¹⁰⁵. Со времени Петра 1-го русское правительство стало знакомиться с началами западноевропейского законодательства и отчасти вводить их у себя дома. Этот процесс заимствований иностранных законоположений продолжается у нас и доселе и ещё с большей силой, чем прежде. Тем не менее и в действующих российских законах отношение между церковью и государством сохраняет, говоря вообще, основные черты древнерусского и древне-византийского склада с немногими существенными изменениями относительно свободы вероисповедания¹⁰⁶. Церковь и государство в идее рассматриваются как один организм, хотя ряд столетий, протекший со времени возникновения византизма, выяснил до очевидности ту истину, что принадлежность к известной вероисповедной церкви и принадлежность к государству не могут совпадать между собой так, чтобы только принадлежностью к церкви устанавливалось пользование правами религиозными, гражданскими и политическими¹⁰⁷.

Установив общеизвестный факт непосредственной связи и существенного сходства нашего уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников с церковно-государственным византийским законодательством этого рода, представители современной культуры и цивилизации утверждают ещё, что наш уголовный кодекс относительно еретиков и раскольников с равным правом может быть уподоблен по своим началам ортодоксии и монопольного прозелитизма тем западно-европейским уголовным кодексам названного рода, которые существовали на западе в средние века до конца XVIII столетия и были прямым следствием

теократической средневековой системы отношений церкви к государству¹⁰⁸.

Признав таким образом негодность нашего уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников, (как принадлежащего к старому типу законодательств этого рода, и к устарелой формации, выработавшейся под влиянием ненормальных отношений государства к церкви, представители современной культуры и цивилизации не замедлили предъявить требование, чтобы наше уголовное законодательство относительно еретиков и раскольников во всем согласовано было с новейшим типом западно-европейских кодексов и осуществило в себе принципы личной свободы совести и веротерпимости¹⁰⁹, ибо эти последние коренятся в самом существе христианства, как религии свободы, любви, простоты и терпения¹¹⁰; вытекают с необходимостью из самого понятия свободы совести, которое предполагает совершенно удовлетворённую способность внешнего обнаружения вероисповедания по всем признакам, заключающимся в понятии религиозной свободы¹¹¹, и, наконец, оправдываются всецело и даже более того – вынуждаются нравственно-практическими требованиями культурного века сего, – требованиями мира и согласия, крепости и силы, счастья и благоденствия для государств и народов, удовлетворение каковых требований наступит только тогда, когда абсолютная свобода совести и веротерпимость найдут себе полное практическое применение и всецелое осуществление в жизни¹¹². Приведённые и осуществлённые во всей своей полноте понятия свободы совести и веротерпимости, само собой разумеется, должны исключать всякую мысль о возможности государственного преследования еретиков и раскольников уголовными карами. Новейшие западно-европейские кодексы действительно и отказались от преследования религиозных диссидентов уголовными карами; преступления этих диссидентов против веры и церкви подлежат юрисдикции церкви, ведаются её судом и, как имеющие чисто-духовный характер, влекут за собой и духовные же наказания, взыскания, лишения¹¹³. Но на западе осуществление и проведение в жизнь

начала личной религиозной свободы произошло под влиянием совершенного разъединения и отделения церкви от государства, характеризующимся невмешательством государства в дела церкви, вследствие чего тот и другой институт действуют независимо друг от друга в принадлежащих им сферах ведения, так что церковь там является свободным учреждением в свободном государстве ¹¹⁴; естественно, что изменение и уподобление нашего русского уголовного законодательства относительно преступлений против веры и церкви западно-европейскому может последовать только *тогда, когда в России изменятся отношения, существующие в настоящее время между церковью и государством*, т. е. когда нарушится между ними органическое единство и когда они явятся как два, совершенно отдельные, независимые и самостоятельные в подлежащих им сферах ведения института, обоюдное существование которых определится девизом: «свободная православная греко-восточная русская церковь в свободном российском государстве». *Наши представители культуры и цивилизации* и не замедлили выразить желание, чтобы и у нас было, по образцу западных государств, проведено *отделение церкви от государства*, при каковом отделении только и возможно осуществить принцип вероисповедной равноправности и уничтожить отжившие канонические начала нашего уголовного кодекса относительно лиц разномыслящих в вере, – начала (ортодоксии, монопольного прозелитизма и неверотерпимости), развитые на почве византизма¹¹⁵.

Нападки и нарекания на наше уголовное законодательство относительно еретиков и раскольников, делаемые не только нашими представителями культуры и цивилизации вообще, но и представителями современной юридической науки, показывают нам, что вопрос о том, какой нормы, каких общих основ и взглядов должно держаться наше уголовное законодательство относительно еретиков и раскольников, хотя и есть старый, давнишний и даже избитый вопрос, но в тоже время и доселе не лишний вопрос и даже, может быть, более чем когда-либо должен почитаться вопросом великой практической важности и самого затрагивающего научного интереса. Конечно не можем

обойти молчанием его и мы; напротив, если что и может иметь, по нашему мнению, важное значение в данном предмете, *то это именно принципиальное решение этого вопроса*. Реформаторы нашего уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников делают нападки на его основы, критикуя их с точки зрения свободы совести и веротерпимости, а также с точки зрения отношения государства к церкви в России; с тех же самых точек зрения и мы должны установить своё принципиальное суждение о началах, выраженных нормами нашего уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников, т. е. решить следующие *вопросы: действительно ли* начала, проходящие в вышеназванном кодексе, противоречат понятиям свободы совести и веротерпимости? Правда-ли, что только те начала вероисповедной политики должно почитать истинными по существу и целесообразными началами в жизни церкви и государства, которые дают полный простор для внешнего выражения личной религиозной свободы? И можно ли вывести такую веротерпимость из самого существа христианской религии, из понятия свободы совести и нравственно-практических требований современной культуры и цивилизации? Далее, действительно ли отношение церкви к государству в России, представляющее собой один из типических образцов церковно-государственного единства, есть явление ненормальное, вредное для развития церкви и государства? Очевидно, что решить верно эти вопросы можно только тогда, когда, с одной стороны, мы установим *истинно-христианский взгляд* на понятия свободы совести и веротерпимости, взгляд, соответствующий существенным чертам Богооткровенного учения и существенным чертам учения древне-вселенской церкви; с другой стороны, когда установим такой взгляд на отношения между церковью и государством вообще, который был бы вполне *согласен* с сущностью христианского учения, требованиями природы двух указанных институтов и их назначением и задачей. Таким образом проверка суждений наших представителей юридической науки и цивилизации о русском уголовном законодательстве относительно еретиков и

раскольников, чтобы быть в результате, в выводах, принципиально правильной, должна быть сделана с точки зрения общих принципиальных же основ вероисповедной политики, которых должно было бы держаться всякое государство, и при том вестись на почве чисто канонической.

Определив таким образом задачу настоящего исследования, мы не можем не сказать здесь словами уважаемого учёного профессора Казанского духовной академии, Н. И. Ивановского, что выполнение её на почве априорных рассуждений нелегко. Главная трудность здесь заключается в том, что нельзя установить истинную норму отношений между церковью и государством. В этом случае не играет существенной роли даже то и другое теоретическое решение данного вопроса. «Как бы в теории ни разрешался вопрос об отношении между церковью и государством, говорит проф. Ивановский, в смысле ли совершенного обособления, или в смысле органического единства, на практике неизбежно их взаимообщение и влияние друг на друга; и это создалось не вследствие той или другой доктрины, а силой вещей. Секрет здесь только в том, чтобы *установить точную границу этого взаимообщения* и не переступать положенных пределов ни с той, ни с другой стороны. Задача теоретиков в том и состоит, чтобы открыть этот секрет, и эта задача вековая и до сих пор не разрешённая¹¹⁶». Эти рассуждения уважаемого профессора показывают, что *оценивать* существующую в известной стране *систему* отношений между церковью и государством нужно не с принципиальной только точки зрения или с намеченного однажды и определённого идеала этих отношений, а принимать при оценке этих отношений и силу вещей, которой они создались. Отсюда мы выводим, между прочим, то заключение для себя, что и в настоящем труде, при определении отношений государства к церкви в России, *не лишне будет* коснуться вопроса и о том, *как и почему выработалась эта система на практике* силой исторических условий жизни русского народа.

Представители современной культуры и цивилизации говорят, что начала абсолютной ортодоксии и монопольного

прозелитизма есть следствие того порядка отношений между церковью и государством, который называется церковно-государственным единством. Этот порядок даёт возможность одной какой-либо церкви занимать господствующее положение в государстве, приобретать от него привилегии и охрану, а через это и возможность выступать принудительно против еретиков и раскольников, пользуясь государственной помощью, иначе говоря, выступать с такими средствами против них, которые вовсе не свойственны церкви, как институту, имеющему духовный характер. Вместе с тем, тот же самый порядок заставляет и государство вмешиваться в такие дела церкви, которые должны лежать вне сферы его ведения, и решение которых должно быть предоставлено на волю церкви¹¹⁷. Отсюда, своё исследование мы должны начать с изображения того, как, с точки зрения представителей современной культуры и цивилизации, под влиянием исторически – складывавшихся отношений между церковью и государством на востоке – в Византии и на западе – во время средневекового теократического устройства государства возникли и получили с самого первого момента распространения христианства в византийских церковно-государственных законах и в западно-европейских уголовных кодексах относительно еретиков и раскольников начала, подавившие собой принцип свободы совести и веротерпимости. Исследовать же этот вопрос, мы считаем нужным для того, чтобы после, в своём месте, указать, как древне-вселенская церковь поняла смысл Евангелия относительно свободы человека? Как приложила она первый к последней? Как согласила Божественный авторитет учения Христова с естественной неоспоримой свободой человека? Нашла ли в этом учении достаточные основания, чтобы допустить принцип личной индивидуальной свободы совести? Если нашла, то насколько признала и допустила эту свободу? Если же нет, то как сама в своём понимании религии и приложении её к жизни человека обращалась с его свободой? Действительно ли церковь древне-вселенская, взятая в целом, как институт божественного происхождения, выступала по *своему почину* принудительно против еретиков и раскольников и

ей ли принадлежит инициатива гонений на них воздвигавшихся? Действительно ли её тесный союз с государством, её господствующее положение в нём, пользование от него охраной и привилегиями, влёт за собой стремление её к насилию над еретиками и раскольниками? И теряла ли древне-вселенская церковь свою духовную природу, изменяла ли своему назначению в мире и своей задаче, пользуясь государственной охраной?

(Продолжение будет).

Доброво М. Штундист (из записок священника) // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 56–62

Это было в селе Н. Черниговской губ. Однажды прихожане сообщили мне – по секрету, что между ними появился штундист, производящий смуту среди крестьянской молодёжи, а, что такое штунда, об этом наши крестьяне ещё и понятия не имели. Так называемый штундист был уроженец этого же села, но давно его покинувший. Как бесприютный сирота, он был отдан ещё в раннем детстве одним из своих дальних родственников в город, в услужение, и с тех пор о нём не было вести. Воротившись теперь в своё родное село, с намерением поселиться в нём, он продолжал скрывать своё прошлое, неохотно отвечая на расспросы односельчан о том, где он жил и чем занимался. Звали его Василием, а фамилии не буду упоминать, так как личность эта существует и по ныне в нашем селе и даже приобрела некоторую известность в окрестностях.

– Откуда же вы знаете, что Василий – штундист? спрашиваю я.

– А он парней к себе собирает и всё что-то читает им по вечерам.

– Что же он читает?

– Всё про божественное. И к девкам на «вечёрки» ходит и тоже всё про божественное читает. Песни запрещает, а вместо того учит псалмы петь и игрища тоже запрещает. Теперь у нас такая святость по селу пошла! И все его слушаются. Скоро не будет на селе человека, который не пошёл бы хоть разок послушать, о чём таком болтает Василий, а прозвище ему дали «Штунда» ... Василий Штунда.

– Что ж он болтает – худое?

– Всякое болтает... Оно бы ничего, да только народ он от Церкви Божией отбивает. Ходить, говорит, в церковь незачем – всё одно Бог везде. И сам не идёт, а как в праздничек святой заслышит колокольный звон, сейчас за свои книжки, по тем книжкам свою службу правит и сам про себя поёт и читает. – Худое про него грех сказать, если бы только храм Божий

почитал, а то говорит: «я сам себе *поп* и во мне Божий Дух живёт... Хорошо, складно так говорит... а будто-б не совсем ладно.

Я велел позвать к себе Василия.

Приходит. Вижу – парень лет 28-ми, небольшого роста, худенький и золотушный, с длинно отпущенными волосами, как у послушника, и с ясным спокойным взглядом голубых глаз. Одежда длинная, полу-монашеская, а поверх неё обыкновенный крестьянский кожух, порядком притёртый (дело было зимой). На голове картуз. Странная, сборная одежда субъекта красноречиво указывала на недостаток средств.

– Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа буди со всеми нами, – приветствовал меня странный субъект от Апостола. Моей просьбы присесть он не принял, но остановился у порога с выжидательным видом.

– Слышал я, братец, что ты народ смущаешь, – сказал я.

– Я народ не смущаю, – ответил бойко Василий. – Я народ добру учу.

– Кто же тебя поставил учительствовать?

– Дух Божий руководит мною в путях моих, – ответил Василий книжным языком, и взгляд его загорелся энтузиазмом.

– Дух Божий избрал меня, слабый сосуд, и творит сильным, по воле Его, и в немощи моей свершает великое дело.

– О каком великом деле говоришь ты?

– Я открываю уши глухим и глаза слепым – духовно слепым – и подаю им пищу, в которой они нуждаются – духовную пищу, – ответил горделиво Василий, всё более и более наэлектризовываясь собственными своими словами. – Я тьму рассеиваю! Где я, там и свет... И никого не страшусь, а тебя и вовсе. Не застращаешь ты меня ни судом, ни тюрьмой. Для меня один суд – суд Божий. Тьмы и уз темничных не убоюсь: где Дух Господень, там свобода. (2Кор.3:17) А Дух Господень во мне живёт. Значит, где я, там нет тьмы темничной и уз, но свобода, свет и просвещение истины... В церковь я тебя, господин, слушать тоже не пойду, – заключил решительно

Василий. – *Дух Божий дышет, где хочет (Ин.3:8)*, вы же, церковники, думаете, что он через вас только действует...

Выпаливши всю эту тираду, можно сказать, единым духом, Василий вынул из кармана красный клетчатый платочек и отёр пот на лбу, выступивший от напряжения.

Я сразу понял каким-то чутьём, что за человек стоял передо мною, и как мне следовало вести себя с ним, чтобы не дать возрасти его озлоблению против духовенства и храма. Я не вступил с ним в словопрения, вспомнив слова Апостола Павла: *от глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры; рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым.* (2Тим.2:23,24). Я решил, что в настоящем случае всего полезнее будет для меня последовать примеру Апостола Павла в афинском ареопаге (Деян.17:22–24): похвалой за доброе смягчить и расположить к себе моего противника. Как человек книжный, начитанный, как энтузиаст, движимый искренним религиозным чувством, способный увлекаться, а, следовательно, и увлекать толпу, действуя на неё непосредственно, даже одной только силой своего убеждения, он показался мне в высшей степени опасным для моей паствы. Необходимо было во чтобы то ни стало или привлечь его в лоно церкви, или вовсе удалить из среды тёмной народной массы, где он мог беспрепятственно сеять свои вредные плевелы. Что предпринять? Я прибегнул к такому способу действия. Отметивши слабую сторону характера в моём противнике – излишнее самомнение и кичливую гордость, к которым так склонны наши сектанты – штундисты, я ударил именно на неё.

– Брат, сказал я, положив руку на его плечо, – Христос велел нам любить друг друга...

– Так. А ты, господин, хочешь преследовать меня, – не дал мне продолжать Василий.

– Ошибаешься, друг. Я, кажется, ничем не показал этого и позвал тебя совсем не для того, чтобы причинить тебе какой-либо вред, а просто хотел познакомиться с тобой, так как много слышал я хорошего о твоей жизни. Ты просто почему-то предрасположен против меня.

Василий поглядел на меня испытующе и опустил глаза в землю.

– С некоторыми из твоих мнений я не могу, конечно, согласиться, – продолжал я, – но это не делает глаз мой слепым. Я вижу то доброе влияние, которое ты оказываешь на нашу молодёжь, и хочу благодарить тебя за это. Говорят, ты извёл много непристойного на тех ночных сборищах, которые на селе называются «вечерницами».

– Да, говорили тебе, господин – батюшка, правду. Теперь девушки вместо своих дьявольских игрищ и песен псалмы поют, – ответил кичливо Василий, – а парни тоже не озорничают: который грамотный, псалтырь или другую какую священную книжку читает. Один почитает, потом другой, а неграмотные слушают да поучаются.

– Спасибо, друг, спасибо. Дело ты сделал хорошее. Честь тебе великая. Отдаю должное по справедливости. Присядь, будь гостем! Попьем чайку вместе! Я искренно хотел бы поближе познакомиться с тобой, так как о тебе говорят, что ты правильной жизни человек, каких теперь мало. Василий по-прежнему недоверчиво покосился на меня, но, на этот раз, поблагодарил за приглашение и, сняв свой кожух, присел за стол.

– Ты сделал, друг, одно хорошее дело, не мог ли бы ты сделать ещё и другое – вывести из употребления водку?

– Да у нас на «вечёрках», водки тоже не полагается, сказал вдруг весь засиявши Василий. Страшное это дело – водка... то есть, как бы это так по истинности сказать... орудие это дьявола – водка и служит она ему искони; но Дух Божий сильнее духа зла, и Он победил. Действуя во мне, сосуде своём избранном, победил! Слава Всевышнему!

– Да, истинно, Господь дал тебе дар слова не напрасно.

– *Каждому даётся проявление Духа на пользу. Одному даётся Духом слово мудрости, другому слово знания. Одному один путь Господь указывает, другому – другой и да не имать противления сердце твоё. Следуй всякий пути Его.*

Василий обладал недюжинной памятью. Он постоянно пересыпал речь свою текстом от Писания, то подлинно верным,

то слегка перефразированным. Во время нашего чаепития я нарочито избегал вопросов религиозного характера, постоянно сводя нашу беседу с теоретической на более практическую почву. Тем не менее, я успел узнать, к немалому моему удовольствию, что сидевший передо мной парень ещё не сделался настоящим, завзятым штундистом, но, как человек довольно потолкавшийся по свету и встречавшийся с сектантами, он нахватался на лету кое-каких идей, которые и колобродили теперь в его голове без всякой системы. По существу, Василий просто был глубоко религиозный человек, всей душой жаждавший пищи духовной и жизни «по Божьему» и искавший истину осязательно во мраке своего невежества.

Когда я показал Василию мою маленькую библиотеку духовных книг, он накинулся на неё с жадной любознательностью и тут же присел читать. Читал он внятно, толково и с выражением.

– Да ты, брат, читаешь совсем не по «пономарски», – пошутил я. Василий и на этот раз ответил мне нечто вроде того, что Дух Божий глаголет его устами.

– Как жаль, – продолжал я, что ты так странно настроен против храма Божия, а то ты мог бы исполнять у нас некоторые обязанности причётника и – я уверен – гораздо лучше, чем он. По крайней мере, ты яснее его читаешь и с большим выражением. Каждое твоё слово доходило бы до сердца молящихся. Вот где бы ты был как раз на месте, поучая народ и чтением церковным и примером благочестия!

– Оно, пожалуй бы, да только я давно уже не был в вашем молитвенном доме, – сказал Василий с усмешкой.

– Душевно сожалею, – продолжал я, – и решительно не понимаю, отчего бы тебе чуждаться церкви так упорно. Ты сказал вот сейчас, не так давно слово, значительное для меня: «где я – сказал ты – там и свет». В тюрьму тебя ввергнут, и там будет свет. Так ли я тебя понял?

– Истинно так, господин – батюшка.

– Так неужели же, если придёшь ты в дом, назначенный для молитвы, – свет покинет тебя? Нет, если точно в тебе пребывает

Дух Божий, то войдёт с тобой и в дом молитвы, и будешь ты сиять перед народом, как светоч благочестия.

Василий воззрелся на меня, широко раскрыв свои ясные глаза, радостно засиявшие, и замигал ресницами. Он не нашёлся, что ответить мне, пойманный врасплох на им же сказанном слове, но я увидел с радостью по выражению его лица, что бросил некоторое семя в его сердце и навёл на размышления. Нужды нет, что я оставлял Василия при его точке зрения на некоторые религиозные вопросы и при его гордом самомнении; против этого зла я надеялся найти способ действовать впоследствии, исподволь, в данную же минуту моим настоящим желанием было только одно: каким бы ни было путём привести его в церковь, дабы народ перестал видеть в нём штундиста, возмущённого и возмущающего других против церкви.

Василий ушёл от меня, унося с собой для прочтения несколько книг из моей библиотеки, и это было как нельзя более кстати: штундист, читающий книги, полученные от священника, уже неполный штундист в глазах народа. Так по крайней мере представлялось мне по некоторым соображениям.

Прошло более недели, – Василия я не видал; но он у меня не выходил из головы. Между тем, в приходе случился покойник. С затаённой надеждой, я призываю Василия и предлагаю ему почитать над покойником в церкви псалтырь. Он согласился и – прибавлю – с тех пор никому на селе не уступал этой обязанности, исполняя её безвозмездно. С беспокойством жду, придёт ли Василий к обедне. – Пришёл ведь. Это даже произвело некоторую сенсацию в народе. Василий, впрочем, не обращал ни на кого внимания и вместе с причтом на клиросе усердно отпевал покойника. В следующее воскресенье Василий пришёл в церковь уже без особого внешнего побуждения. В награду я дал ему разрешение читать «Апостола», что в селе считается большим почётом для грамотея. Василий прочёл положенное зачало из Деяний св. Апостол умело и с чувством, и с тех пор опять-таки вменил себе это чтение навсегда в обязанность, которую уже никто у него не оспаривал.

Так произошло постепенное воцерковление «штундиста», который стал необходимым членом причта, – и, надо видеть, с каким усердием всегда исполняет обязанности, выпадающие на его долю, как охраняет благочиние в церкви, как понуждает к молитве молодёжь, имеющую обычай во время богослужения заниматься беседованием на паперти церковной. Он первый идёт с иконой в руках или с хоругвью во время крестных ходов и последний выходит из церкви, где проводит часто уединённые часы, молясь до слёз, до религиозного экстаза. Таким образом нашло себе исход и удовлетворение религиозное настроение, которым охвачена была душа Василия. Иногда, впрочем, и теперь, наткнувшись на какое-нибудь мало понятное место свящ. Писания, Василий приходит ко мне потолковать и поспорить, как человек, имеющий своё особое мнение; но мне уже не страшны его умствования, потому что, как я и ожидал, с воцерковлением «штундиста», он потерял для народа значение новатора идей и стал своим на селе человеком, а это именно то, чего мне хотелось достигнуть. Впрочем, по старой памяти, за ним утвердилось прозвище Василия Штунды, на которое он страшно обижается.

М. Доброво

П-ий. Из мира заграничного сектантства //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 63–84

Содержание. Несколько слов о современной религиозной жизни на христианском востоке и западе. Протестантство и протестантские секты. Значение баптизма в истории возникновения и распространения штунды в России. Отношение заграничных баптистов и других протестантских сект к последним мероприятиям русского правительства против штундизма. Наветы и тенденциозность в помещённых в гамбургском органе германских баптистов „Wahrheitszeuge“ письмах из России. Сведения баптистского органа о штундизме в России (ст. der stundismus № 7 за 1895 год) и наши возражения: суждение о происхождении штунды, о прежних отношениях к сектантству наших судебных учреждений, о характере и устройстве штундовых обществ, о строгих мерах против штунды. Заграничные предположения о близком торжестве штунды над православием в России.

В то время, как христианский, православный восток крепко стоит на почве Богопреданного Христова учения и в течение 19 веков сохраняет единство веры, не смотря на тяжёлые многовековые страдания от неверных, на рассеянность чад Православной Церкви по разным отдалённым и разъединённым природой странам, наконец, на разность народных характеров и политических интересов, – западный христианский мир давно уже потерял первоначальное религиозное единство, и не только не восстанавливает его, но идёт последовательно к большему обособлению и разделению в религиозном отношении¹¹⁸.

Римско-католическая церковь, отпавши от единства с восточной, не может удержать в своих недрах и западные народы. Целые миллионы западных христиан в средней и северной Европе в XVI в. отпали от неё, – не будучи в состоянии долее выносить церковные беспорядки, иерархический произвол, догматические новшества, единичный деспотизм папства, пренебрежение его к духовным потребностям народа, и образовали новые христианские

общества, претендовавшие на восстановление истинной Христианской Церкви или на реформирование существующей римско-католической (разумеется, в лучшем смысле слова). Это и есть *протестантство*, разветвившееся на три главные отрасли: *лютеранство*, *кальвинизм* или *реформатство* и *англиканство*. К сожалению, в основе этого одушевлённого религиозного движения оказались идеи, воспитанные средневековой пантеистической, антицерковной мистикой и шедшие гораздо дальше простого отрицания вкравшихся в западную церковь злоупотреблений и недостатков. Под влиянием их протестанты совершенно отвергли авторитет Св. Предания и иерархии; признали единственным источником вероучения Св. Писание и крайним судьёй в деле веры – сознание и совесть каждого. Этим положено начало тому произволу человеческого разума в деле веры, который, после Лютера, Цвингли, Кальвина и друг., продолжается в протестантстве и поныне. Первые реформаторы отвергли многие существенные догматы в христианской Церкви (кроме св. Предания и иерархии, большинство таинств, молитвенное призывание и почитание Божией Матери и святых, почитание св. икон и мощей и пр.). Но отделившись от римско-католической церкви протестанты на этом не остановились. Нашлись другие реформаторы, которым реформы, произведённые Лютером, Кальвином и др., казались несовершенными. Они брали на себя задачу *продолжить* и *закончить* дело этих последних, или же просто считали нужным *начинать* дело *реформы* *вновь*. Так являлись в среде протестантства новые секты, которые, имея одни и те же общие основные начала учения, резко расходились между собой в частном применении и развитии этих начал. Такое рождение новых сект в протестантстве продолжается и в настоящее время. Отличительной чертой всех протестантских сект служит сильное стремление к прозелитизму. Но между всеми современными западными сектами особым рвением к пропаганде своего учения заявляет себя *баптизм*.

Распространяясь на западе, баптисты в начале 60-х годов настоящего столетия успели проникнуть и в Россию, приняв

здесь деятельное участие в развитии и укреплении среди русского народа диетического религиозного движения, сделавшегося потом известным под именем «штунды». «Миссионерское Обозрение», имея в виду знакомить своих читателей с современным состоянием западных сект, родственных по характеру своему с нашим новейшим сектантством, а также с внутренней организацией и приёмами враждебных православию, заграничных, по преимуществу баптистических миссий и проповедников, доселе являющихся главными руководителями штундовой пропаганды, – в настоящий раз ограничивается сообщением сведений об отношении баптистической секты к нашей Церкви и к последним мероприятиям русского правительства против распространения штундового сектантства в православном народе.

Теперь едва ли кто станет оспаривать непосредственное участие баптистов в развитии у нас в России того движения, которое называется штундизмом. Ещё в 60-х годах на юг России прибыли эмиссары общества немецких баптистов, именно из Гамбурга, который и ныне служит средоточием их союза или общества. Таковы были: Карл Ондра, Иоанн Прицкау, Отто Вильям Шульц, Карл Эндингер. Франц Липовский, Михель Филк, Либиг и другие. Они вызвали сильное брожение в среде здешних немецких колонистов лютеранского и кальвинического исповедания, а вскоре и в среде русских крестьян¹¹⁹. У пришельцев, пропагандистов баптизма, нашлись ревностные сотрудники из обращённых местных колонистов: Георг Клуудт, Майер, Гибнер, Эйдингер, в особенности Иоанн Вилер.

Из этих последних Гибнер и Эйдингер, с помощью Прицкау, увлекли в свою секту из среды бывших в немецких колониях первых последователей и ярых проповедников нового штундового учения: Ратушного, Балабана и Рябошапку, через которых штундо-баптизм потом стал распространяться в губерниях Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Киевской. Правительство старалось воспрепятствовать деятельности пришельцев, но действовало в ту пору не настойчиво, при том сами эмиссары баптизма и их неофиты употребляли всевозможные извороты, чтобы обмануть

бдительность властей и, производя смуты в народе, уловлять простодушных в свои сети: высылаемые из России за границу, они проникали сюда обратно под другими видами, напр. с турецкими паспортами (Карл Эйдингер и Франц Липовский); высылаемые в другие места, они притворно каялись, давали подписки в верности прежнему исповеданию и даже обещания содействовать обращению других, но всё это было лицемерием, с целью ослабить правительственный надзор за ними и свободнее продолжать свою сенаторскую деятельность (Клундт, Михель Филк и др.). Заграничные эмиссары баптизма посещали те места, где начиналось сектантское движение, делали распоряжения и организовали самостоятельные общины. В 70-х годах баптисты дали русским сектантским общинам и своё исповедание веры, буквально переведённое с немецкого языка на русский. Только в прошлое царствование Государя Императора Александра III было обращено серьёзное внимание правительства на успехи в нашем народе и зловредный характер штунды, и приняты меры к ограничению сектантского брожения в народе, причём и Высочайше издан был 4 сентября 1894 г. закон о признании *штундизма*, а вместе и штундо-баптизма, *сектой более вредной*. Мероприятия эти не могли не оказать благотворного отрезвляющего воздействия на народную массу. Брожение видимо стало затихать. Пришлым эмиссарам преграждена возможность сеять смуту в народе. Это приходится, конечно, не по вкусу заграничным баптистам, да и другим единомышленным с ними протестантским сектантам, и вот они стали разглашать в своих заграничных органах и изданиях о мнимых жестокостях русского правительства по отношению к их братьям, напоминая якобы, ни более, ни менее, как времена первых гонений на христиан со стороны римских императоров, а также – инквизиции времени французского короля Людовика XIV. Отметим здесь некоторые из таких отзывов и выскажем своё суждение о них.

В № 22 гамбургского органа баптистов «Wahrheitszeuge» («Свидетель истины») за 1894 г. (9 июня) помещена ст. под заглавием: «Помните узников». Здесь редакция, приведя слова ап. Павла Евр.13:3, замечает, что во времена апостолов были

лица, за Христа и истину претерпевшие посмеяние, поношение и узы; но иначе ли теперь? спрашивает автор статьи и с грустью отвечает, что воздыхают де и теперь угнетённые за веру даже в христианских странах, льются и ныне горячие слёзы, а поэтому и для нас имеет силу увещание апостольское: «помните узников»... Вслед затем, очевидно, для иллюстрации высказанных журналом мнений, приводятся два письма из России о положении баптистской пропаганды, с замечанием от редакции, что она приводит только «некоторые примеры», умалчивая об именах корреспондентов «по благословным причинам».

Проследим по этим письмам, как «воздыхают» и о чём льют слёзы у нас в России немцы-баптисты.

Первое из упомянутых писем принадлежит одному сотруднику «Mitarbeiter», т. е. проповеднику баптизма в «балтийских провинциях». Автор выражает глубокую скорбь о том, «что у него отнята (правительством) возможность получать милый Wahrheitszeuge («свидетель истины»), что в великой исполинской России распространители баптизма рассеяны и деятельность их (по распространению этого лжеучения) всё более и более суживается».

«Но мы», продолжает баптистский пропагандист, «не унываем, так как я знаю, что наши, потусторонние братья сочувствуют нам узникам (d. Gebundenen). Земная власть может запрещать видимое, – невидимых уз любви никакой меч пресечь не может. Это обращение (Verkehr) нам остаётся всё ещё открытым, об этом последнем мы будем заботиться. «Не смотря на запрещения, мы всё же работаем (хорошее угнетение!) и не замолкнем скоро перед угрозой исполина. Конечно, есть общества, где никто, кроме проповедника, не решается делать ничего, так как там есть полиция православная, греко-католическая (die Polizei orthodox, griechisch-katholisch). В других местах в здешней стране хотя произведены расследования, но Господь держал Свою защищающую руку над Своими посланниками (Boten)... Богу одному слава! Я иногда очень радуюсь, что люди идут слушать слово о кресте, но я также часто и скорблю о том, что они уж

более не обращаются (в баптизм)... «Я постоянно в путешествии и перехожу с места на место (о чём же плачется Wahrheitszeuge?), проповедуя почти каждый день (курсив наш). Вообще противно моей природе губить драгоценное время благодати ничего неделанием. Посещение моё различных обществ (Gemeinden) отнюдь не бывает без благословения» и проч.

Писавший это письмо, очевидно, действует по преимуществу среди лютеранского населения Остзейских губерний и смотрит на недавние распоряжения нашего правительства, как на угрозы «исполина», которые однако он и его единомышленники находят возможным игнорировать. В той среде, где автор приведённого письма действует, ему представляется «великое поле» для деятельности. Итак, мнимо-угнетённый баптист, как видит читатель, не только, «не воздыхает», но прямо дерзает...

Второе письмо прислано с другой стороны «великой, исполинской Российской империи», – с Урала. Здесь те же жалобы на стеснения (открытой) пропаганды баптизма, от которой и здесь однако преследуемые законом проповедники баптизма, по-видимому, не думают отказываться. – «Быть может вы услышите, что Х. во второй раз водворён в Оренбург. Но благодарение Богу! его свидетельство осталось не без плода, так как Господь благословил его слово. В городе (в каком, не сказано) и окрестности возникло общество свыше 120 сочленов... Мы не находим здесь никакого христианского листка, и не имеем никаких средств издавать у себя что-нибудь. Поэтому просим прислать нам, если можно «Wahrheitszeuge», чтобы мы по крайней мере через него сознавали себя соединёнными с нашими милыми братьями за границей. Всё здесь так ужасно мертво и темно вокруг нас» ... Редакция на это в скобках замечает, что все её периодич. издания со включением «Wahrheitszeuge» и «Friedensbote». (Вестник мира») запрещены в России, о чём ещё совсем не знает «милый брат».

«Преследование в России не ослабеваает», – продолжает автор письма. «В начале этого года были здесь обвинены и

осуждены три брата, *отторгшие несколько лиц от Православной веры.* (Курсив наш). Их заковали в оковы (?) и отправили в Закавказье. Также много и других были высланы административным порядком без суда за Кавказ. Но, не смотря на преследование, дело Божие идёт вперёд. Молитесь за нас».

Итак, на что-ж сетуют и плачутся баптисты и их заграничный орган, когда сами они свидетельствуют об открытой пропаганде своего лжеучения и совращения православных в секту, за что по коренным законам империи полагается ссылка в Закавказье? Это не новость для подданных России. Но чтобы заковывали будто бы осуждённых в оковы, – то это сушая ложь, внесённая автором письма для красного словца, и рассчитана, вероятно, на большую подачку от своих «милых братьев» для осуждённых. В кандалах препровождаются только каторжники, а все прочие осуждённые под конвоем. Что касается запрещения в России баптистских изданий (в 1894 г.), то это было мерой давно необходимой для пресечения баптистской пропаганды. Какое значение для развития в России пропаганды этого лжеучения имели до сих пор баптистские заграничные, в особенности Гамбургские издания, показывает следующий факт. Орган немецких баптистов «Wahrheitszeuge» в 36 № своём за 1894 г. (22 сент.) поместил письмо будто бы от его подписчиков в России к «милым братьям и дорогим труженикам в винограднике Христовом». «С стеснённым сердцем» изображают они печальное своё положение в России: «Мы живём в рассеянии по различным деревням и колониям среди безбожников и гонителей (unter Gottlosen und Verfolgern)». «Всегда желанным другом» их был милый «Wahrheitszeuge»; вместе с дорогой Библией он служил и учителем, и проповедником; теперь вдруг эта радость исчезла, и вместо неё наступила печаль и лишение. Мы кажемся себе пленниками (wir kommen uns wie Gefangene vor). Да будет воля Господня! Мы можем только в тишине молиться ко Всемогущему, в своей руке содержащему всё, а также и сердца сильных и правителей. На Господа мы возлагаем наше упование. Продолжайте, милые братья, работать; если мы и ничего не будем получать, то есть однако тысяча других, *которые через «Wahrheitszeuge»*

делаются благословенными!» – Итак, сектанты, пропагандирующие у нас своё учение, питались до сих пор изданиями заграничных братий. Здесь они находили себе поддержку и побуждение к насаждению своего лжеучения среди других. Интересен взгляд приютившихся в России немецких баптистов на коренных жителей Российской империи, которых сектанты обзывают «безбожниками» и «гонителями», а себя воображают «пленниками» и «узниками», вздыхая о своём Сионе, о котором вещал им «Свидетель истины». Жалуясь в том же № на потерю 1000 таких подписчиков в России, редактор баптистского органа «Wahrheitszeuge» приглашает заграничных собратий к приобретению новых подписчиков, взамен утраченных в России, присовокупляя, что «каждая марка чистой выручки (из этого издания) идёт, прямо или косвенно в пользу миссии и нашего дела».

Признание штундизма, а вместе и так называемого русского баптизма сектой более вредной встречено заграничными баптистскими органами с видимым ожесточением. Для немецких сектантов, которые только себя одних считают истинными христианами и которые до сих пор так злоупотребляли благодушным отношением русского правительства к распространению в отечестве нашем лжеучений западного сектантства среди колонистов и православного населения, новые законом предусмотренные мероприятия власти кажутся несправедливыми и жестокими. Они знают не хотят того, что наша православная христианская вера и Церковь, имеющая высокое зиждительное значение государственной религии, в праве пользоваться со стороны власти покровительственным ограждением своей неприкосновенности, как имеющая в себе печать апостольского происхождения и как исконный оплот государственной мощи России. Они забывают, как много смуты произведено их отрицательным учением в народе, их резким порицанием Церкви и её св. обрядов, сколько духовного разврата заграничные сектанты внесли в мысль и жизнь русского народа своим оппозиционным и явно враждебным отношением к исконному у нас церковному и отчасти гражданскому быту (идеи

о личной свободе, о равенстве званий и состояний, об излишестве церковного освящения брака и т. п.), какое пренебрежение и отчуждение со стороны пасомых к пастырям они поселяют, сколько горя и расстройств в семьях производят они своей деятельностью, какому насилию подвергаются прочие члены семьи от совращённых в штундо-баптизм!

С явной целью произвести на западное христианское общество впечатление в свою пользу, а затем воздействовать в том же смысле и духе и на русские правящие сферы, орган баптистов поместил на своих странницах в 7 № за 1895 г. (16 февраля), ст. *Der Stundismus*. Поводом к этой статье выставляется сообщение газеты «*Deutsche Tageszeitung*» о последних распоряжениях нашего Правительства против распространения штундизма в России, который, по выражению органа баптистов, «в действительности возведён в высший класс, а именно в класс сект очень опасных». Удовлетворяя желанию «Немецких известий дня» (№ .159) «чтобы наконец какой-либо штундист поведал миру об учении этой секты», редакция постаралась от себя сообщить «необходимое о происхождении, учении и сущности этой секты, дабы, по её словам, любезный читатель мог сам себе составить истинный образ этой ненавистнейшей в России из всех сект».

Как же началась эта секта в России? По изображению баптистского органа дело было очень просто. «Блаженной памяти Императрица Мария Феодоровна (нужно – Александровна), супруга Александра II, как известно, дозволила перевести (*lies... übersetzen*) Новый Завет на русский язык, – а дотоле его имели только на славян. языке, – и так как он был продаваем по дешёвой цене, то сделался легко доступным для народа» ... Здесь всё исторически неточно и требует исправления. Перевод Нового Завета на русский язык сделан ещё в царствование Императора Александра I Благословенного¹²⁰; в царствование же Благод. Императора Александра II Св. Всероссийским Синодом предпринят новый перевод Св. Писания (согласно Синод. определ. 24 января–20 марта 1858 г. и с Высоч. разрешения). Все книги Св. Писания, начиная с Нового Завета, выходили «с благословения Св.

Синода»¹²¹. Первые издания Нового Завета в русском переводе (четвероевангелие, 1860 г., и Деяния Ап., послания Ап. и Апокалипсис, 1862 г.), были в 8-ю д. л. В 1863 г. Благочестивейшая Императрица Мария Александровна указала напечатать Новый Завет в 32-ю д. л.¹²², что и было сделано Синодальной типографией, причём новому изданию назначена самая незначительная цена – 16 коп. за целый экземпляр. Много также содействовало быстрому распространению Св. Писания среди народа специальное «Общество для распространяя Св. Писания в России». – «Через это, продолжает баптистский «Свидетель истины», религиозная потребность народа была возбуждена, а это и было причиной, что грамотные православные сблизились с так называемыми «братьями из среды лютеранских и реформатских церквей, чтобы достигнуть понимания прочитанного, и скоро начали, по примеру тех, устраивать частные собрания, которые состояли в молитве, учении и изъяснении прочитанного, вследствие чего в разных местах обратились на путь истины самые дурные, нечестивые люди (die schlechtesten gottesvergesenssten leute) » ... объяснение происхождения штунды – тенденциозное. Брожение умов в народе произошло будто бы только от чтения Нового Завета в русск. переводе. Здесь дескать встретилось русскому грамотному крестьянину много недоуменного. К кому же обратиться за разъяснением? – Ну, конечно, думает баптист, не к православным пастырям. Крестьянин ведь сам находил свет только у немцев-колонистов, и без дальнейших рассуждений обратился прямо к ним, стал просить у них разъяснения своих недоумений, подражать им в частных собраниях для чтения Св. Писания, молитвы, учения и изъяснения прочитанного, от чего произошло решительное обращение к Богу самых преступных и нечестивых людей. Здесь очевидное лукавство пишущего баптиста. Ему, конечно, было известно, что это дело происходило вовсе не так просто, как представляется. О кабале русского крестьянина у немца-колониста ни слова, о стеснениях в деле веры крестьянина-батрака, брошенного судьбой в немецкие колонии, о злых насмешках над простой верой наших крестьян и открытой

пропаганды сектантского учения среди сих крестьян – тем более ничего не говорится. Напрасно также орган баптистов говорит о якобы благотворном воздействии штунды на нравственность народа: если где и заметна была перемена нравственности в народе под воздействием штунды, то не к лучшему, а скорее к худшему. Пусть люди опытные скажут: лучше ли нравственность в Чаплинке, Косяковке и др., штундовых пунктах сравнительно с теми, где штунды вовсе не было и нет? Обыкновенно с появлением штунды в том или ином месте среди населения усиливается нравственная распущенность и дикая разнузданность: в дополнение к прежним порокам здесь прибавлялось лицемерие, ложь, насмешки и ругательства над всем священным, непочтение к старшим, насилия над младшими членами семьи, разрешение себе на всё, незаконные сожития и т. п. Правда, штундистов везде старались выставить, особенно известная нашей часть интеллигенции, людьми нравственными. Больше же всего говорилось о трезвости штундистов и честности. Но о трезвости заботились и заботятся пастыри Церкви, и эта добродетель не есть отличие штундиста от православного. Даже в самую цветущую пору штундизма были нередки случаи тайного и явного пьянства притом среди вожаков штундизма, а ныне многие из штундистов прямо спились с круга. Ещё более проблематична мнимая честность штундистов. Многие факты (действительные и доказанные) свидетельствуют противное. Мы не говорим уже о грубости и обычной наглости штундистов в отношении к православному духовенству. Как часто они публично глумились над православными пастырями, без всякого вызова с их стороны, особенно там, где уверены были в полной безнаказанности, достаточно прочесть беспристрастно многострадальную для православной Церкви и духовенства историю первого распространения штундизма в 60-х и 70-х годах, чтобы убедиться, что все похвалы немецкого органа по адресу русских штундо-баптистов – голословны если не сказать – предвзятая ложь.

«В начале, – продолжает Wahrheitszeuge, эти люди были защищаемы судебными учреждениями, потому что последние

видели в них людей полезных и делающих дело доброе» ... Обычный приём – оправдывать успехи секты мнимыми добродетелями! Органу баптистов, конечно, весьма по вкусу тогдашняя шаткость идей и спутанность взглядов нашего русского общества по самым существенным вопросам нашей жизни. Он, конечно, считает вполне нормальным явлением тогдашнее «либеральное» направление в среде нашей интеллигенции, в администрациях и судах. Действительно, в ту пору мы, к сожалению, часто встречаемся с печальными фактами попустительства вредной деятельности сектантов со стороны администрации и судов, рядом с восхвалениями их в нашей периодической прессе. Но каких деятелей и каких только отрицательных учений, систем и диких явлений тогда у нас не приветствовали, не одобряли, не защищали, не оправдывали не только газетные репортёры, но иногда и лица, и учреждения служебно-административные и судебные? (Стоит вспомнить дело Веры Засулич!) Невольно приходит на память слышанное нами замечание одного из готовившихся вступить на поприще общественной деятельности в то смутное время: «я не защищаю штунды по существу... Но нахожу её весьма полезной тем, что она стремится разрушить существующее» ...

Далее в статье идёт речь, как с распространением штундизма «священники господствующей Церкви» начали преследовать штундистов, стараясь побудить правительственные учреждения к их угнетению. Их собрания не были более дозволяемы, и разгоняемы силой, с ними обходились самым грубым образом, на них налагали тяжёлые денежные пени, передовых деятелей (вожаков) подвергали домашнему аресту, который состоял в том, что они будто бы не смели отлучаться от места своего поселения далее 5 вёрст. Церковное ведомство назначало миссионеров, которые разъезжали всюду для публичных собеседований с людьми, чтобы их опять приобрести для Церкви, и когда попытки к их обращению оставались без последствий, то на них жаловались, как на неисправимых, опасных для государства сектантов. Миссионеры издавали сочинения, в которых высказывали против этих спокойных и беззащитных в мире людей (gegen

diese harm-und schutzlosen leute) ужаснейшие (?) обвинения, а, чтобы отметить новых отступников «жестоким словом», их стали называть «штундистами», объяснив первоначальное происхождение и значение этого слова (от братских собраний у немцев – die stunden и от посетителей сих собраний – die stundenbrüder), баптистский «Свидетель истины» жалуется на то, что в России слово «штундист» приобрело и печальную известность». Если кто-нибудь «основательно» чисто по-русски выругался и к этому прибавил ещё: «ах, ты штунда»! этим и все сказано. *Сами же себя русские последователи новой секты называют евангелическими христианами*, полагаю, имеют на это право, потому что их учение есть учение Христа» ... Здесь опять многое извращено. Упорство и скрытность сектантов-пропагандистов и неопитов затрудняли не редко успех пастырских собеседований. Весьма обольстительно также для народа сектантское приволье, жизнь вне всяких обязанностей и законного авторитетного надзора и руководства. Наконец, пропагандисты при состязании дерзко требовали от пастырей невозможного, напр., чтобы вся церковно-каноническая и обрядовая практика была доказана буквально через нарочитые свидетельства и предписания в св. Писании, тогда как многое передано Церкви Господом нашим Иисусом Христом и Апостолами устно и сохранилось в св. Предании. Меры гражданские были необходимы для ограничения действительно упорной, при том, назойливой сектантской пропаганды. Слово «штунда» сделалось, действительно, самым бранным и обидным в устах русского народа, и этим набожный, преданный религии своих отцов наш народ вполне по достоинству оценил нравственные и религиозные качества этой секты.

«В заграничных газетах, продолжает баптистский «Свидетель истины», здесь и там появляются статейки о сектах в России и сообщается о них неправильное и ошибочное, тотчас чувствуется от сообщающего, с какого рода сектой он имел дело, так как в заключение обыкновенно говорится: крещения, причащения, учительского служения (lehramt), Правительства – эти люди не признают. Есть ли это так называемые штундисты? Нет и нет! С признанием немецких баптистов в России в 1879 г.,

штундисты приняли исповедание веры баптистов всех стран. Св. Писание есть единственный авторитет, который приверженцы этой «секты» признают, они решительно отвергают всякий другой и берут себе в образец первые общины времён Апостольских. Вследствие этого каждое общество избирает себе из своей среды старейшин (Aelteste) и диаконов, мужей безукоризненного поведения и хорошо знающих св. Писание, которых обязанность заботиться о религиозном и нравственном состоянии общества; они совершают крещение над такими, которые обществом испытаны и найдены верными, совершают святое причащение, и отправляют венчания. По воскресным дням они собираются в частные дома, зимой также в еженедельные вечера, и посвящают 2–3 часа пению, молитве, чтению библии и дружественному обмену мыслей о религиозных предметах. Все сомнительные вопросы рассматриваются при свете св. Писания и в отношении к нравственности практикуется строгая дисциплина (strenge Zucht). Трудолюбие, умеренность и любовь к ближним суть основные черты их жизни. О политике эти люди (будто бы!) совсем не заботятся и говорят об Императоре и империи не иначе, как с выражением детской любви и почтения (ehrfurcht)... Здесь с первых строк бросается в глаза маскировка дела. Пусть сами баптисты скажут: как они смотрят на таинства, совершаемые нашей Церковью, в том числе и на крещение и причащение, как они относятся к священно-учительскому сословию православной Церкви, все ли правительственные распоряжения они принимают? Принятие штундистами баптистского исповедания приурочивается к 1879 г. только для того, чтобы распространить права немецких баптистов и на совращённых ими русских крестьян.

Это давнишнее тайное желание, над осуществлением которого давно работают враги России. Мы уже выше показали, что само возникновение штунды, – не говорим уже об усилении и утверждении её – обязано баптистской пропаганде. Правительство, дозволяя немецкий баптизм в России, вовсе не давало права баптистам сеять своё лжеучение и поселять в народе смуту и раздоры. Если баптизм желает возвратиться к первенствующей Церкви, то основные черты её и теперь

сохраняются без всякого искажения в Православии. Правда, сектанты в том числе и русские братья немецких баптистов, по указке последних, рисуют идеал Церкви иначе, но таких творцов христианства много выходит с запада и все они строят свои системы, по-видимому, на Св. Писании и выступают с претензией восстановить подлинное учение Христа и Апостолов. На самом же деле все эти системы в значительной степени суть продукт человеческого разума и строятся на рационалистических основаниях, хотя и аргументируются тенденциозными ссылками на Св. Писание. Судьба их одинакова: всегда они выступают самонадеянно и претендуют приобрести значение вселенской Церкви, но затем теряют силу свежести и новизны и уступают место другим аналогичным явлениям. Святая, соборная, вселенская и Апостольская Церковь одна: она и ныне всюду на востоке, в тех местах, где проповедовали Христос и Апостолы; это-та самая, которая и у нас в России принята и содержится с тех пор, как Господь благоволил вывести нас из тьмы язычества в чудный свет Своего небесного учения. Эта Церковь воспитывала, подкрепляла и спасала наш народ, возвела его, наконец, на высшую, почётнейшую степень между народами не в политическом только отношении, но и в духовном. И её ли теперь государственная власть отдаст на жертву разного рода религиозных новаторов, тайно приходящих к нам и действующих хитростью и коварством, – этих злохудожных деятелей, которых ап. Павел называет волками лютыми не щадящими стада Христова (Деян.20:29)?.. Автор рисует штундистов людьми мирными, с любовью и почтительностью относящимися к Императору и империи. Мы на это скажем, что нет более верного и преданного своему Государю народа, чем народ русский, православный. О штундистах же этого нельзя сказать. Доселе они ничем не доказали своей любви к Государю, кроме разве слухов о том, будто и Государь принадлежит к их обществу; напротив, они всегда действовали вопреки Высочайшей воли, смущая народ своей агитацией и даже отзываясь с порицанием о порядках Российской Империи,

высказывались о равенстве званий и состояний, о переделе земли и т. п.

Продолжая далее речь о последних мероприятиях нашего правительства против распространения штунды, орган баптистов называет их «насильственными». Передавая содержание проекта «высшего церковного управления в Одессе» (Консistorии) в 1890 г., по которому между прочим (5 пункт) предлагалось «распространителей этой секты ссылать в места отдалённые» ... «Wahrheitszeuge», «Свидетель истины» говорит, будто бы этот последний пункт был применяем весьма жестоко: сектантов без суда и следствия высылают и куда же на убийственный (?) Кавказ (nach dem mörderischen Kaukasus). Город Елизаветполь составляет средоточие страдания и бедствия ради Христа. Это сделалось жребием многих тысяч (?). Туда также ездит и «миссионер» с целью обратить отпавших к Церкви, предполагая, что они, испытав бедность и нужду, станут податливее. Но если это не поможет, то остаётся ещё одно утешение (для правительства?!), что убийственный (?) климат и прочие лишения сделают их навсегда безвредными».

Здесь, что ни слово, то или подтасовка фактов, или извращение истинного положения дел и настоящих церковно-правительственных отношений к русской штунде. Прежде всего мы должны заметить, к сведению заграничных защитников русской штунды, что судебные расследования по преступлениям сектантов и ныне производятся на тех же основаниях, как и всегда по законам империи, разве с той только разницей, что присяжные теперь реже стали выносить виновным оправдательные вердикты; а это указывает лишь на перемену взглядов и направления в обществе и народе на сектантство и происходящий от него вред для Церкви и государства... Так называемая административная высылка без суда, по правилам усиленной охраны, на основании приговора сельских обществ, данных полицейского расследования и заключений губернаторов и начальников окраин, существует в России не первый год, а давным-давно; применяется эта мера не к одним сектантам, а ко всем тем порочным членам, которые оказываются нетерпимыми в данной местности и опасными в

государственном или общественном отношении. Мера эта всегда распространяема была и в отношении наиболее упорных агитаторов по распространению всех вообще сектантских лжеучений, а равно и штунды. Почин в ходатайстве о применении административной высылки к пропагандистам штундо-баптизма сделали сами же немцы и их лютеранская генеральная консистория, вследствие чего первыми из последователей этой секты в России подверглись административной высылке, по распоряжению Новороссийского Генерал-Губернатора Коцебу, немцы-баптисты Онкен, Эдингер, Винклер и Прицкау.

Спрашивается, если русская гражданская власть признавала нужным уступить просьбе немцев – колонистов и оказать защиту немецким лютеранским пасторам и их приходам в борьбе с пагубным религиозно-сектантским движением родного им баптизма, почему та же власть должна безучастно относиться к ходатайствам православным сельских обществ и духовного ведомства относительно защиты неприкосновенности святынь их родной веры от назойливой, иноверной и иноземной сектантской пропаганды? тем более что сельским обществам Высочайше дарованы права удаления из своей среды порочных членов, каковыми твёрдый в своей вере православный народ всегда считал отступников и хулителей господствующей Церкви и её святынь – изменников родному православию. Если хочет знать немецкий орган, то наша широко-веротерпимая администрация в этом отношении в прежнее время не мало погрешила перед православным народом в угоду либеральных защитников сектантства: местные власти всегда сдерживали общества в отношении высылки сектантов и нам известно множество случаев неутверждения подобных сельских приговоров. Духовенство наше, по самому положению о крестьянском самоуправлении, не может вмешиваться в дела подобного рода, как высылка, и потому напрасно винят его в этом наши и заграничные радетели штунды. Да будет также известно заграничным и нашим апологетам штундового сектантства, что представление местной гражданской власти о высылке того или другого неблагонадёжного лица

рассматривается и утверждается в особом совещании при Министерстве Внутренних Дел. Высылке подвергаются лишь те из упорных и отчаянных агитаторов сектантства, над которыми предварительно испытаны все меры духовного миссионерского вразумления и административного воздействия на месте, по удостоверении, что агитация подобных проповедников секты ничего общего не имеет с религиозными убеждениями, а является или орудием социальной смуты, или же средством к материальной наживе через обман простодушной и тёмной массы.

Относительно количества сосланных в Закавказье сектантов и «убийственности климата г. Елисаветполя» новое измышление. По точным сведениям в нашей редакции, в Елисаветполе никогда не было и одной тысячи ссыльных сектантов, а в январе месяце сего 1896 г. всех ссыльных сектантов там было только 460 душ и сосланных главным образом по суду, в том числе большинство хлыстов и шалопутов. Где же многие тысячи? Город Елисаветполь в климатическом отношении один из счастливейших уголков не только в Закавказье, но и в России: там вечная весна, чудные сады, богатые виноградники и весьма дешёвая жизнь. Административно ссыльные, не имеющие заработка, получают от правительства так называемые кормовые. Таким образом все нарисованные ссыльными корреспондентами заграничных друзей штунды ужасы их положения в Закавказье ни больше, ни меньше, как сказки, рассчитанные опять-таки на жалость и подачки заграничных единомышленников. Водворённые на постоянное жительство в Закавказье молокане, духоборцы и баптисты живут там богато и привольно.

Выселяя в закавказский край нетерпимых православным обществом пропагандистов сектантства, правительство имеет единственной целью сделать таковых менее вредными и опасными для православия, в виду состава туземного населения этой окраины. Сообщению немецкого журнала о миссионерских посещениях закавказских сектантов можно бы только порадоваться, но, к сожалению, и это свидетельство немецкого «Свидетеля Истины» ложно, так как в Закавказье

доселе не имеется противо-сектантских миссионеров, а только в начале текущего года проектировано организовать давно желанную миссию по воздействию на местных сектантов.

Далее, заграничный орган немецких баптистов спрашивает: «какое общее суждение русского народа об этой секте»? «Свидетель истины» сам же и отвечает на это, говоря, что народ де считает штундистов спокойными, умеренными, благопристойными людьми, которых влияние действует на всю округность облагораживающим (?) образом, которых благосостояние, при одинаковых условиях с православными крестьянами, будто бы стоит несравненно выше, что они аккуратные плательщики податей и усердные исполнители требований правительства... Если же, заключает «Свидетель истины», противники обвиняют последователей иптунды в политических тенденциях, то это безосновательное – (будто бы?) обвинение, которому не верят даже сами противники, и если выставляют их такими, которые подкапывают русскую народность, то разумеется только национальная особенность господствующих пороков» (das nationale der herrscheunder lastier (?)).

Если «Свидетель истины» даёт такой отзыв от имени русского народа, то он весьма ошибается. Это мнение не народа, а известной либеральной части нашей интеллигенции, привыкшей в своём поклонении западу к самооплеванию и порицанию всего истинно русского и национального, и к восхвалению всего иноверного и иноземного... Повторяем, народ очень невысокого и не важного мнения о штунде... Не только превозносить штундиста, но и сравнивать его в нравственном отношении с православным русским человеком недобросовестно. Наш смиренный русский православный крестьянин во всех отношениях был и будет выше и симпатичнее гордого и надменного штундиста. Выдавать штундистам похвальный аттестат за трезвость, как великую добродетель, совершенно неосновательно уже потому одному, что это качество у них вынуждено обязательными для членов секты дисциплинарными её правилами, и не имеет ничего общего с истинной добродетелью.

Материальное состояние штундистов вообще никак не выше, а скорее ниже православных односельцев, а если очень бедные и поправляют свои дела с переходом в штунду, то никак не насчёт трудолюбия и бережливости, а на счёт общинной взаимопомощи и через лёгкие подачки от заграничных миссий и более зажиточных единоверцев. Главный контингент последователей штунды составляет сельский и городской пролетариат, народ обездоленный, беспокойный по характеру и душевному настроению, и если таковые платят подати исправно, как и все вообще сектанты, то – почему? Не потому-ли, чтобы отклонить от себя всякие поводы к претензиям на секту со стороны местного начальства и при благосклонности его (начальства), иметь более возможности обходить законы о вере. И сектанты в своих расчётах на благоволение ближайшего начальства не ошиблись: большинство низших исполнительных органов власти в своём невежестве на счёт истинного характера сектантства, в большинстве случаев – защитники сект. С другой стороны, уплата податей легка сектантам и вследствие кагальной общинной их организации, благодаря которой существуют для этого и особые фонды при миссионерских комитетах секты.

Вопрос о политических тенденциях штундо-баптизма настолько серьёзен, что мы не станем о нём здесь подробно трактовать, а только заметим, что правительство в Высочайше утверждённом мнении Комитета Министров решительно высказалось по истечении 30 летней истории исследований и наблюдений над жизнью этой секты, о вредном политическом направлении её. В циркуляре М. В. Д. ясно выражено: «что по имеющимся как в Министерстве Внутренних Дел, так и в духовном ведомстве сведениям, последователи секты штунд, отвергая все церковные обряды и таинства, не только не признают никаких властей и восстают против присяги и военной службы, уподобляя верных защитников престола и отечества разбойникам, но и проповедуют социалистические принципы, как, напр., общее равенство, раздел имуществ и т. п. и что учение их подрывает в корне основные начала православной

веры и русской народности». (См. циркуляр Мин. В. Д. 3 сент. 1894 г. № 24).

Орган баптистов считает штунду распространённой по всему (?) пространству Российской Империи, видит всюду к ней сочувствие и думает, что лишь репрессалии мешают русскому народу отречься от родной матери – свят. Православной, Соборной и Апостольской Церкви и что «об этой секте не имеется ничего ясного (Keine Klarheit herrscht) потому, что в России ничего нельзя писать в пользу штунды, (горе тому, который хотел бы вступить за сектантов) (!). Поэтому ничего приблизительно верного не может быть сказано и об их числе. Сколько известно (немцам?), штундизм распространён по всей империи (Sich der stundismus uber das gahze keich erstreckt), угнетённому и рабскому (вот как!) народу недостаёт только случая освободиться (loszusagen) от своих превратных догматов и расшатать устои церкви через распространение Евангелического учения» ...

Заветная, но тщетная мечта немецких баптистов и наших штундистов! Очевидно, что и здесь заграничный «свидетель истины» располагает весьма сомнительными сведениями на счёт штундового вопроса в России. Коротко зная истинное положение дел этого наносного явления в нашей церковно-государственной жизни, мы можем совершенно точно и правильно ответить «свидетелю истины», что, не смотря на 30-ти летние усилия штундовой пропаганды, на относительно слабое противодействие миссии Церкви, при мало-просвещённости народа, при попустительстве суда и властей, штундизм сделал успехи слишком незначительные и представляет собой каплю в русском православном народном море. Киевская губерния считается, например, одной из наиболее заражённых этой ересью, но и здесь по самой тщательной статистике число отпавших. в эту секту простирается до 4825 душ обоего пола, вместе с детьми, на 2 миллиона православного населения; приблизительно тоже число в Херсонской губ. Лжёт и клеветает «Свидетель истины», когда говорит, что православному русскому народу «не достаёт только случая, чтобы освободиться от своих превратных

догматов» ... Да ведают иноземцы, что испытанная и укреплённая вековой многострадальной историей верность русского народа св. Православию слишком крепка, чтобы поколебать её штунде... Врата адова не одолеют св. православной Церкви, а сыны погибельные не страшны ей.

В заключение два слова по поводу той напраслины «Свидетеля истины» на наше правительство, будто бы в России ничего нельзя писать в пользу сектантов. В опровержение этого недоразумения, рекомендуем заграничному журналу хотя бы последить за апологиями одной «Недели», напр., в защиту духобор – анархистов, самарских мормон (хлыстов) или познакомиться с последними статьями этого журнала под «Право веровать», откуда немецкий орган баптистов, надеемся, заглавием вполне убедится, что у нас можно свободно писать в пользу сектантства и в подрыв авторитета отечественной Церкви. Полагаем, что при знакомстве с воззрениями некоторых органов светской печати по вопросам веры и церкви и самому «Свидетелю истины» можно бы поучиться у нашей либеральной лукавнующей прессы усердию в защите свободы пропаганды религиозных лжеучений сектантства, и умерить свои заботы о русских единоверцах, которые имеют у себя дома довольно опекунов и покровителей.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1896 г.
№ 1–12. С. 85–103**

1) Козицкий П. [Рец. на:]: Последнее сочинение графа Л. Н. Толстого «Царство Божие внутри вас» (Критический разбор). Харьков, 1894 г., in 8°, 189 стр. Цена 60 коп. сер. С. 85–92

Последний подпольный труд Л. Н. Толстого «Царство Божие внутри вас» является как бы завершительным звеном в ряду его философско-богословских произведений: в нём с такой ясностью и определённой рельефностью и выпуклостью выражены религиозные воззрения графа и все его чаяния в практическом их применении к жизни, что дальше уже некуда идти. Это подпольное произведение, являясь не столько религиозным, сколько социально-общественным с религиозной подкладкой трактатом, нашло себе самый широкий круг читателей не только в интеллигентной, но и в крестьянской среде. Появление этого произведения не могло пройти незамеченным и в нашей богословской литературе. На страницах журнала «Вера и Разум» в 1894 году – явился целый критический трактат, посвящённый разбору вышеназванного сочинения и вышедший потом в свет отдельной книжкой. Содержание этого трактата, имеющего весьма важное значение в нашей богословско-полемиической литературе, таково.

В предисловии к своему трактату (1–18 стр.) автор (пожелавший скрыть своё имя) дабы «не ставить толстовцев в ложное положение к их мнимому основному принципу о *непротивлении злу насилием*» (9 стр.), устанавливает, как критерий при разборе сочинения Толстого «Царство Божие внутри вас», следующие три общие положения: 1) Толстой, грубо и кощунственно издевающийся над учением Божественного Откровения о деле искупления, и считающий христианское вероучение выработанным людьми IV века, потому для настоящего времени не имеющим никакого значения (10 стр.), не может и не имеет никакого права называть себя *истинным* христианином; 2) учение его может быть названо социалистическим, анархическим, но не христианским; 3) истинный христианин, не переставая быть христианином, не

может, подобно Толстому, отвергать ни ветхо-заветных пророчеств, ни новозаветных – апостольских писаний. Руководствуясь этими положениями, автор разбирает лжеучения Толстого и в то же время излагает истинно-христианское учение о тех предметах, о которых Толстой рассуждает в своей книге (18 стр.).

Разбираемый нами критический трактат состоит из пяти глав. В 1-й главе – «Толстой и его предшественники» – анонимный автор почти словами самого графа знакомит с *историей вопроса о непротивлении*. Оказывается, что не Толстому, как он десять лет тому назад утверждал, принадлежит честь открытия учения о *непротивлении* злу: у него были предшественники в лице немногочисленных квакеров и не имевших себе последователей Гаррисона, Балу, Деймонда и Хельчицкого, – и что если это учение не распространилось раньше, то единственно потому, что, по словам графа, *существует какой-то не высказанный, но твёрдый уговор – замалчивания всех таких попыток*. Беспристрастное исследование предмета говорит, что *не уговор замалчивания*, а искажение учения Христа и совершенный произвол делают недолговечными и бесплодными общества «непротивленцев». Толстой не захотел понять этого урока, какой ему указали американцы в судьбе квакеров, Гаррисона, Балу (34 стр.) ...

Вторая глава посвящена разбору «анти-критики Толстого». Толстой в своём последнем произведении «Царство Божие внутри вас» с усердием, достойным лучшей участи, критически разбирает и опровергает возражения своих антагонистов на его сочинение: «В чём моя вера»; ориентируясь в мнениях критиков, он делит их на две категории – на духовных и светских; последних в свою очередь подразделяет на русских и иностранных. Разбор мнений своих критиков Толстой ведёт более чем небеспристрастно, и при том пользуется способами не вполне одобрительными: 1) он прибегает к *приёму умолчания* (останавливает своё внимание только на том, что для него выгодно и полезно: разбирая мнения противников о *непротивлении* злу, обходит молчанием все их возражения и опровержения его лжеучения о непротивлении злу); 2)

прибегает ко лжи и инсинуациям и 3) широко пользуется софистическими приёмами в своей полемике, сопровождая свой разбор сарказмами и глумлением над противниками, доходящим даже до крайней злобы и бранчивости¹²³. Анонимный критик, в свою очередь показывая несостоятельность возражений автора сочинения «Царство Божие внутри вас», устанавливает главным образом то положение, что учение о непротавлении злу, высказанное ещё в Ветх. завете за долго до Христова пришествия, вопреки лжеучению Толстого, не имеет особого значения в области христианской морали и вовсе не составляет сущности христианского нравовучения. Толстой, называя учение о непротавлении злу *заповедью*, и полагая в ней *всю сущность христианского учения*, впадает в противоречие. По его же словам, в нагорной проповеди выражен Христом вечный идеал, к которому свойственно стремиться людям. Посему и содержащееся в ней учение Христа нельзя понимать в смысле заповедей. И учение о непротавлении злу – не есть заповедь в смысле внешней объективной преграды, охраняющей человека от нарушения любви к ближнему, а высшее состояние души человека, обуславливаемое степенью нравственного развития, степенью деятельного усвоения учения Иисуса Христа (42–49 стр.).

Содержание третьей главы, посвящённой разбору «суждений Толстого о церкви», представляет собой много интересного и поучительного: здесь мы находим наглядную иллюстрацию того, к каким печальным результатам может прийти человек, вышедший из повиновения авторитету св. Церкви, предавшийся в деле веры исключительно суемудрым умствованиям и утративший веру в бытие личного, отдельного от мира Бога. «Великий писатель земли русской», неверующий в бытие личного Бога, (под словом Бог он понимает в отвлечённом смысле *истину* или вообще пантеистическое понятие) и признающий Иисуса Христа *обыкновенным человеком*, не мог одобрительно отозваться. о православной Церкви, её сущности и деятельности. По нему, Христос принёс учение, отрицавшее не только всякие божества, но и всякие

человеческие учреждения, и вместо правил выставил только образец внутреннего совершенства, истины и любви; с течением времени это учение было извращено и искажено (извращение началось со времени апостольского собора в Иерусалиме) и в конце концов всё понимание учения Христова свелось к резюме – к символу веры. «Церкви же, о которой читается в Символе Веры: «верую в непогрешимость тех лиц, которые составляют церковь», Христос не учреждал». Мысль свою граф подтверждает указанием на существование различных церквей – православной, католической, лютеранской, из коих каждая считает себя истинной, а остальные – ложными. «Существующие же рядом с церквями ереси, в которых заключается *истинное движение*, и составляют истинную церковь, и то только до тех пор, пока в них происходит движение. В церквях же – нет христианства; церкви – учреждения противохристианские, ничего кроме зла не заключающие в себе». Это своё положение Толстой иллюстрирует на деятельности русской церкви, которая будто бы: 1) внушает стомиллионной толпе отжившие, не имеющие никакого значения для нашего времени, формулы византийского духовенства о Троице, о Божией Матери, о таинствах; и 2) деятельно поддерживает идолопоклонство, выражающееся в почитании св. мощей, икон, принесении им жертв.

Опровергая лжеучения Толстого на основании доводов истинной философии, истории и откровенного учения, наш анонимный критик устанавливает истинный взгляд на Церковь и христианство, как богооткровенную религию; при этом замечает, что учение Христа настолько искажено и извращено Толстым, что, читая его последнее произведение, можно подумать, что здесь речь идёт о чём-то другом, а не об учении Христа (65 стр.). Суждения Толстого о православной Церкви напоминают собой суждения явных безбожников, некоторых евреев и враждебно к ней настроенных фанатических сектантов (88 стр.). Безграничная враждебность графа к православной Церкви, заключает критик, без сомнения, явление – грустное и весьма прискорбное для верующего христианина; но такая вражда, по слову Божию, всегда была и будет (104–105 стр.).

«Суждения Толстого об отношении науки к христианству» (IV глав.) интересны для нас по столько, поскольку в них выражен взгляд Толстого на христианство, как на религию. Полемизируя с *людьми науки*, которые считают христианство в том виде, как его исповедуют различные церкви, отжившим свой век учением, Толстой христианство, как религию, низводит с неба на землю. По нему, христианство, чуждое всего сверхъестественного, не включает в себе никаких твёрдых, вечных и неизменных истин; смысл и значение его должны изменяться с каждым поколением в человеческом роде. *Христианство, по учению Толстого, есть только известная форма понимания жизни и вытекающей отсюда деятельности.* Сущность же религии, по нему, заключается в свойстве людей, пророчески провидеть и указать те пути жизни, по которым должно идти человечество. Всегда и во все времена были люди, в которых свойство этого провидения проявлялось с особой силой, и они устанавливали иное понимание жизни, из которого вытекала иная, чем прежде, деятельность на многие сотни и тысячи лет (109 стр.). Христос, по Толстому, не выделяется из ряда таких указателей, каковым является и сам Л.Н. Толстой. Иначе сказать – Толстой религию хочет заменить философией, забывая, что философия, как проявление человеческого духа (разума), не может удовлетворить нравственным запросам человека и практической его деятельности, – между тем как религия вполне удовлетворяет этим требованиям человеческого духа, – и что попытки поставить философию на место религии давно уже осуждены теми же «людьми науки».

Установив новый взгляд на христианство, Толстой, следуя теории эволюции, *таких пониманий жизни признаёт три:* первое – личное или животное, направляемое к удовлетворению воли одной личности; второе – общественное или языческое, направляемое к удовлетворению воли многих личностей (семьи, рода, государства); третье – всемирное или божеское. Эти три формы жизнепонимания и служат основой всех существовавших и существующих религий. Вся жизнь человечества – есть не что иное, как постепенный переход от

жизнепонимания личного к общественному, от общественного к божескому; первые два уже пережиты (кончая историей древнего Рима), последнее переживается теперь. Но все эти формы жизнепонимания нельзя признать законом, как утверждает Толстой, а только явлениями жизни, вытекающими из потребности духа человеческого подчинять частное общему; нельзя также считать первые два жизнепонимания уже пережитыми человечеством, ибо эти все три явления находят для себя место и теперь в христианстве, конечно, понимаемом не в том виде, как мыслит его Толстой.

Ратоборствуя с «людьми науки», силящимися требования любви к Богу и служения Ему заменить любовью к ближним, к человечеству, Толстой не находит возможным провести границу между человеком и высшим животным, потому и настаивает, что христианское учение о любви к Богу – учение единственно истинное и незаменимое. Но признав Богом чисто пантеистическую идею (истину), он по необходимости должен был и любовь к Богу перенести на пантеистическую почву, перенести на человека – того же Бога, заключённого только в живую оболочку. Иначе, – Толстой повторяет то, что уже давно было сказано пантеистами и что давно уже осуждено наукой и теми же людьми науки, с которыми он полемизирует. О нём можно сказать словами ап. Павла: *осустилось его сердце в умствованиях своих, и его предал Бог превратному уму* (Рим.1:21–28).

Гвоздём сочинения Толстого «Царство Божие внутри вас» является трактат о государственном переустройстве на началах коммуна-социалистических. Сущность социально-нигилистических и анархических чаяний Толстого сводится к следующим положениям. Необходимость разрушения нынешнего социально-общественного строя, по Толстому, обуславливается *противоречиями нашей жизни с нашим христианским сознанием*, противоречиями в экономической, государственной и международной области. Переустройство должно начаться с уничтожения государственного строя с его делением на классы: все судебные учреждения, войско и воинская всеобщая повинность, общественные подати и

духовенство – всё это должно быть уничтожено. В основе государственного переустройства должно лежать *общественное мнение*, под которым разумеются социально-анархические чаяния графа. Анонимный критик Толстого замечает, что можно было бы пройти молчанием все эти анархические бредни нового учителя веры, если бы только они имели иную окраску, – если бы они не были построены на религиозной подкладке. Разбирая эти бредни Толстого, критик замечает, что в данном случае проповедник новой веры перестаёт быть богословствующим философом: он, прервав всякую связь с христианством, которое никогда не одобряло противления государственной власти, является анархистом в самой грубой форме, драпируясь в тогу *истинного* христианства (177).

Крайний вред социально-политических идей Толстого сознали не только у нас, в России, но и за границей. Здравомыслящие, просвещённые люди запада о Толстом говорят, как о человеке, сбившемся с истинного пути, бесшабашном анархисте, не способном к здравому логическому мышлению и даже, как о человеке душевнобольном. Свой разбор сочинения «Царство Божие внутри вас» анонимный критик закапчивает выдержкой из сочинения весьма даровитого и популярного – западноевропейского писателя Макса Нордау «Вырождение», в котором показана вся несостоятельность учения Толстого по всем пунктам, учения – полного внутренних противоречий и лишённого единства – руководящей идеи. Даже больше. Нордау причисляет Толстого к числу не нормальных людей, страдающих *манией сомнения и умствования* в той форме, которая свойственна вырождающимся высшего порядка, что и подтверждается страстью графа к противоречиям и склонностью к самостоятельным во чтобы-то ни стало взглядам (Вырождение 107 стр.). Если же учение Толстого, полное противоречий, и нашло себе отклик во всех частях земного шара, то это объясняется болезненным состоянием современного человечества, переживающего в некотором роде чуму вырождения и истерии (ibid. 422).

Для борьбы со злом, причиняемым учением Толстого, учёные западной Европы указывают следующие средства: 1) энергическая борьба правительства с разрушительными идеями Толстого, направленными на уничтожение основ семейной, общественной и государственной жизни; 2) опровержение лжеучения Толстого путём литературным и через публичные чтения; 3) распространение в обществе здоровых истинно-христианских понятий; 4) воспитание юношества на началах, согласных с духом истинного христианства (189 стр.). Свой разбор анонимный критик заключает: «прискорбно и губительно для русского общества будет, если мы не сумеем воспользоваться мудрыми советами благоразумных людей (189 стр.).

Рассмотренный нами разбор последнего произведения графа Л.Н. Толстого «Царство Божие внутри вас» заслуживает всяческого одобрения: в нём мы находим обстоятельную критику всех основоположений лжеучения Толстого как с точки зрения Богооткровенного учения, так и с точки зрения философии. Анонимный автор в своём труде, рассчитанном, к сожалению, на круг читателей философско-богословски-образованных, разбор суемудрых лжеучений «самозванного учителя новой веры» сопровождает, к великой пользе читателя, положительным изложением истинно-христианского учения о пререкаемых Толстым предметах.

П. Козицкий

2) Н. В. [Рец. на:]: Я. И. Полонский. Заметки по поводу одного заграничного издания и новых идей графа Л. Н. Толстого. С.-Петербург. 1896. 106 стр. Цена 60 коп. С. 92–97

Сочинение графа Л. Н. Толстого «Царство Божие внутри вас» уже вызвало против себя в нашей богословской литературе два основательных опровержения, принадлежащие – одно ректору Казанской духовной академии архимандриту Антонию (о статье его см. «Мис. Обзор.» Апрель, кн. 1, «Летопись печати»), а другое – неизвестному автору (Последнее сочинение графа Л. Н. Толстого «Царство Божие внутри вас». Критический разбор. Харьков, 1894). «Заметки» г. Полонского написаны также по поводу заграничного издания сочинения Толстого «Царство Божие внутри вас». Г. Полонский не имеет в виду последовательного и обстоятельного разбора этого сочинения и нисколько не претендует на особенную глубину и основательность богословской критики. Его «Заметки», это – просто ряд мыслей, возникших в авторе по поводу чтения книги, затрагивающей самые важные вопросы человеческой совести и извращающей самые очевидные и дорогие человеку истины. Мысли автора не всегда отличаются особенной новизной или оригинальностью; в большинстве случаев автор лишь повторяет то, что давно уже высказано разными критиками Толстого. Однако есть в книжке г. Полонского и нечто такое, чего мы не найдём в других направленных против гр. Толстого сочинениях. Автор этой книжки – маститый русский поэт; поэты же, как известно, особенно чутки ко всякой фальши, лжи и лицемерию, ко всему, что противно человеческой природе, что извращает её естественные стремления и насилует её законные потребности. А таково именно и есть учение гр. Толстого, и потому для нас должно быть особенно интересно видеть, как относится к нему поэт с точки зрения простого здравого смысла и непосредственного чувства правды. К этому необходимо прибавить ещё, что сам г. Полонский признаёт себя «неизменным поклонником» гр. Толстого (т. е. литературного

таланта последнего), с которым и никогда не находился в каких-либо враждебных отношениях («Заметки», стр. 105). Это обстоятельство даже для последователей Толстого должно служить достаточным ручательством в пользу полной искренности и непредубеждённости г. Полонского, как критика идей их кумира.

Есть тексты св. Писания, говорит г. Полонский, которых нельзя понимать буквально; потому нельзя и заботиться о буквальном осуществлении в жизни тех нравственных предписаний, которые в таких текстах содержатся («Заметки», гл. V). Христос, например, заповедал нам: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»; но несомненно, что никогда мы, существа ограниченные условиями пространства и времени, не можем достигнуть такого совершенства (гл. XX). Точно также нельзя буквально понимать и тех слов Спасителя, на которых гр. Толстой основывает своё пресловутое учение о непротивлении злу. Можно ещё не противиться злу, говорит г. Полонский, если это зло направлено лично против меня; можно, напр., простить и даже обнять человека, оскорбившего меня. Но если зло направлено против другого человека, а тем более против целого народа, то здесь христианин уже не может оставаться равнодушным зрителем совершающегося зла. «По совести, мне легче верить, что за себя я могу не бороться, но за других, а тем паче за мою родину – обязан». Поэтому и убийство, совершаемое человеком на войне, нельзя приравнивать к обыкновенному убийству. «Убивать из корысти или из мести – преступление; но убивать, жертвуя своей собственной жизнью за миллионы людей, оставшихся назади, – доблесть». В этом случае не зло, а совесть подскажет человеку: убивай. «Совесть подскажет мне, что ближний мой не то, что око моё, и ближняя моя не то, что зуб мой. За выбитый мне глаз я могу не мстить; но тут не месть, тут защита ближних, которых спасать я уже потому должен, что не дано мне, подобно Христу, жертвуя собой, спасти верующих» (IX). Если бы, вняв проповеди Толстого, не защищать христианских народов от вторжения народов нехристианских, то не прошло бы и

столетия, как Христос и Его Евангелие были бы сметены с лица земли неверующими ни в Христа, ни в Евангелие (IX).

Впрочем, что гр. Толстой не желает войн, это понятно; но если он воображает, что войны прекратятся и люди перестанут истреблять друг друга, когда разложится государство и общество, то это – самообман, потому что природа человеческая всегда останется одной и той же – наполовину плотоядной и грубо-эгоистической. Для художника и мыслителя такой самообман особенно непростителен (XII). С гораздо большим правом можно ожидать уничтожения войн от деятельности того именно учреждения, разрушением которого Толстой особенно озабочен, – от деятельности Церкви Христовой. По крайней мере мы видим, что под влиянием христианства войны последнего времени стали гораздо человечнее. Так, ни Рим французами, ни Страсбург немцами, ни Адрианополь русскими не были разрушены; прежнее мародёрство солдат теперь отошло в область преданий (XXVII).

Толстой игнорирует основные свойства человеческой природы и в том случае, когда требует уничтожения собственности. Человек, замечает г. Полонский, по природе эгоист, следовательно, по природе же будет всегда стремиться к приобретению собственности. Осуждать же человека за его эгоизм, это – тоже, что требовать от шара или окружности, чтобы у них не было диаметра. Поэтому уже первого человека Адама Сам Бог сделал собственником, дав ему рай во владение (XVII). И Христос не отрицал собственности, зная, что чувство собственности есть одно из свойств чисто-человеческих. Лишите человека этого чувства, и он тот же час станет ближе к зверю (XIX). Толстой хотел бы совершенно вывести из употребления деньги, в которых он видит источник множества зол. Но ведь и огонь нередко причиняет людям величайшие бедствия, а следует ли отсюда, что огонь – зло и что его нужно поэтому совсем вывести из употребления? (VI).

Нельзя согласиться с Толстым и в том, будто уничтожение правительств и государственного строя приведёт к водворению на земле мира и всеобщего благоденствия. Масса людей или весь народ заключает в себе такое разнообразие

всевозможнейших страстей и порочных наклонностей, что лишить его всякого правительства и очутиться среди хаоса или беспощадной анархии – одно и то же (VI). Очутиться доброду и честному человеку вне всяких законов и установлений, выработанных тысячелетиями, – тоже, что очутиться на козлах запряжённого экипажа без вожжей и отдаться на произвол лошадей, скачущих, куда глаза глядят (XXVII).

Вообще, если бы, как того хочет Толстой, уничтожить не только правительства, но и всякую собственность и все роды промышленности и торговли, то не прошло бы и ста лет, как в толстовском царстве Божиим не оказалось бы даже иголки, чтобы зашить дыру, ни даже соломы, чтобы починить протёкшую крышу. Полу-холодное, полуголодное человечество пришло бы к полному одичанию, и жизнь, или то царство Божие, которое пророчит нам граф, было бы хуже, чем времена первобытной дикости (XXIV). Без истории, без Церкви, без государства, без семьи, без прав и обязанностей люди стали бы такими же немняемыми, как и всякий дикий зверь, всякая птица, всякое насекомое (I).

В религии Толстой отвергает всякую обрядность, всякие внешние формы. Но как не может существовать без внешних форм никакое искусство, так немислима без них и религия. Мысль или религиозные верования и творческие вдохновения, – чем они глубже и выше, тем очевиднее требуют форм для своего проявления. Поэтому беспочвенна, пуста и эфемерна та религия, которая не нуждается ни в каких формах (XIX). А такую именно религию и хочет навязать нам гр. Толстой, отвергающий в христианстве всякую обрядность и культ (XXI). Между прочим, он смотрит, как на идолопоклонство, на содержимое православной Церкви почитание икон. Г. Полонский устанавливает различие между этими двумя вещами и метко замечает, что если и есть в народе идолопоклонники, то всё же они несравненно выше тех, которые, ничего не зная, ничему не верят. Животные не кланяются идолам, но выше ли они поэтому человека – идолопоклонника? Идолопоклонство, это – детство веры, и истинному христианину не за что бросать камень упрёка в того, кто всё ещё идолопоклонник и иным быть

не может, по стечению неотразимых обстоятельств, по своей ограниченности и своему невежеству (XXVI). А между тем, какую великую службу сослужили иконы в деле утверждения христианства среди русского народа! Известно, что семена христианства, посеянные в русском народе св. князем Владимиром, пали на почву языческую, совсем почти не подготовленную к сознательному усвоению возвышенных истин христианского учения. И вот тут-то поклонение иконам совершило великое дело. Племенам безграмотным, разрозненным, разобщённым дремучими лесами и болотами, образа заменяли грамоту и в продолжение многих веков и во все продолжение удельных распрей и татарского ига напоминали им Христа, Богоматерь, Апостолов и святых подвижников, которые отказывались от богатых родителей, уходили из мира, обрекали себя бедности и прославлению имени Божия (XXI).

Вообще дух человеческий и не может проявлять своих творческих сил на земле иначе, как только воплотившись в какие-нибудь формы или учреждения. Эти формы могут быть несовершенны, но с течением времени и с развитием человечества несовершенства их мало по малу устраняются. Долг каждого человека, а тем более художника и мыслителя – указывать на эти несовершенства, на всё отжившее, на всё, что причиняет нам боль и недовольство жизнью. Если бы граф Толстой делал это, – нечего было бы и опровергать его. Но он не делает этого, а отрицает все вообще формы жизни, всему ещё живому и сильному старается подать чашу, отравленную ядом огульного отрицания (XXVIII), думая, что люди станут ангелами, если уничтожить собственность, государство, Церковь и вообще весь строй современной жизни. В этом собственно и корень заблуждения Толстого, что он следствие берёт за основание. Он не говорит людям: будьте ангелами, покорите в себе все ваши дурные, животные страсти, паче же всего гнев, жестокость и жадность, и не будет ни судов, ни полиции, ни тюрем, ни казней. Нет, он проповедует совершенно обратное: разрушьте Церковь, государство, уничтожьте суды, тюрьмы и наказания, и вы сделаетесь ангелами, и наступит царствие

Божие.... Нет, восклицает г. Полонский, не царствие Божие наступит, а наступит то, что последние времена станут горше первых (XVII).

В заключение не можем не выписать следующих глубоко-прочувствованных слов поэта-старца г. Полонского. «Если для вас есть ещё что-нибудь на земле святое или дорогое, и, если ещё в вашей собственной голове не сложилось никакого мирозерцания, никаких идей, вами выстраданных и руководящих всеми вашими поступками, советую вам не читать книги графа Л. Н. Толстого, озаглавленной «Царство Божие внутри вас». Ничего не щадит он: всё, что для вас свято и дорого, для него – зло, насилие, ложь или лицемерие; всё, во что вы ещё верите, что поддерживает ваши силы и зовёт к труду и к борьбе, развивает способности, всё, что с раннего детства окружало вас и давало пищу вашему уму и воображению, всё, за что вы готовы отдать свою жизнь, – ложь, зло и насилие» (XV).

Н. В.

3) Н. И. Черняев. О русском самодержавии. Москва, 1895. 70 стр. С. 97–99

Русскую церковь нередко обвиняют в цезаре-папизме. Такой упрёк часто высказывается иностранными писателями, как духовными, так и светскими, особенно в тех случаях, когда поднимается вопрос о соединении церквей. Но и у нас в России приходится иногда слышать ложное мнение, будто русские монархи усвоили себе неограниченную власть над русской церковью, и будто русский царь даже по основным законам Империи признаётся главой церкви. Такое мнение можно слышать не только от образованных представителей нашего либерализма, но даже от раскольников и некоторых сектантов. Обыкновенно указывают на то, что Государь назначает архиереев, что его именем делаются все распоряжения Св. Синода, и что сам Синод находится в такой же зависимости от него, как Сенат, министерства и другие высшие правительственные учреждения, и отсюда делают вывод, что русская церковь находится в противном канонам подчинении Государю.

В книге г. Черняева, представляющей собой всестороннее раскрытие и обоснование идеи самодержавия, мы находим основательное опровержение этого обвинения русской церкви в подчинении светской власти. Если в России Государь назначает (по представлениям Св. Синода) православных архиереев, наблюдает за деятельностью Св. Синода и т. п., то это нисколько не значит, что русская церковь находится у него в подчинении. Ведь в таком же точно положении находятся в России и все другие исповедания, и однако никто не упрекает их за это в подчинении светской власти. Мало того, и в западных государствах, даже республиканских, правительства имеют влияние в вопросах церковного управления не меньшее, чем русские государи. Такое положение дела, естественно обуславливающееся союзом между церковью и государством, нисколько непротивно церковным канонам и вполне оправдывается древней церковной практикой. Известно, что в

первые века христианства сам народ принимал участие в избрании епископов. Впоследствии, когда христианство сделалось государственной религией Римской империи, власть и влияние, которыми пользовался в этом деле народ, естественно должны были перейти и действительно перешли к христианским государям, законным представителям всей суммы той власти, которой обладает народ. Как глава народа, составляющего собой церковь, Государь может быть назван главой церкви; но только крайнее невежество может усвоить этому названию такой же смысл, в каком считают себя главой Церкви римские папы, и в каком это название приличествует одному только Господу Иисусу Христу. Никогда и никто из православных русских государей не заявлял ни малейших притязаний на непогрешимость или хотя бы даже на какой-нибудь авторитет в вопросах христианского вероучения. Государь – глава своего народа; но как член Церкви, как мирянин Он только первородный Сын Церкви и не поставляется в ряду лиц составляющих церковную иерархию. Такого взгляда всегда держались и держатся и православная Церковь, и русский народ, и сами государи русские. Очевидно, что о цезаре-папизме в русской церкви не может быть и речи.

4) Н. В. [Рец. на:]: Н. Кутепов. О священном предании (Против мнимо-духовных христиан). Новочеркасск, 1890. 57 стр. Цена 10 коп. С. 99–100

Брошюра г. Кутепова написана по самому простому и естественному плану. Сначала излагается учение о свящ. предании православной Церкви и взгляд на этот предмет мнимо-духовных христиан, а затем приводятся основания православного учения и разбираются возражения против него сектантов. С особенной полнотой и обстоятельностью изложены основания православного учения о св. предании и разобраны сектантские возражения против необходимости и важности его. Зато определению самого понятия св. предания и изложению взгляда мнимо-духовных христиан на этот предмет отведено в брошюре очень незначительное место (немного более трёх страниц). Но нам кажется, что этим именно пунктам вообще следовало бы уделять больше внимания и места, как в противосектантских изданиях, так и в устных беседах с мнимо-духовными христианами. Известно, что последние, отвергая св. предание и заимствуя против него доводы из св. Писания, под самым преданием не всегда понимают то самое, что понимает под ним православная Церковь. Сектанты редко даже употребляют само слово *предание*, а говорят обыкновенно *предания*, приписывая таким образом преданию православной Церкви такой же характер и значение, какими отличались те предания старцев, *предания человеческие*, которые осуждал Спаситель (Мк.7:7). Отсюда очевидно, что в спорах с сектантами, отвергающими предание, необходимо прежде всего с наибольшей ясностью и полнотой раскрыть самое понятие св. предания, как источник христианского вероучения, как руководящего начала при истолковании слова Божия, как совокупности правил христианского благочиния и благоповедения и т. п., и затем, показавши на основании св. Писания необходимость такого предания для спасения, можно легко уже устранить большую часть возражений сектантов простым указанием на то, что они имеют в виду не предание,

которого держится православная Церковь, а те предания старцев, которые и сама Церковь вслед за своим Божественным Основателем осуждает. Только в том случае, если предмет спора с самого начала выяснен во всех своих подробностях, можно надеяться избежать в течение самого спора того печального, но обычного явления, что православный миссионер защищает одно, а сектанты возражают против другого. Между тем в брошюре г. Кутепова понятие св. предания раскрывается лишь попутно: так напр., о св. предании, как руководительном начале при определении боговдохновенности и канона книг св. Писания, говорится только уже на стр. 18-й; о предании, как руководстве при объяснении св. Писания, – на стр. 28-й. Определение же данное в начале, не содержит даже указания на это значение св. предания. При том же это определение по нашему взгляду отличается такой краткостью и сжатостью, что без надлежащих разъяснений едва ли может быть правильно понято человеком простым.

Если не считать отмеченной особенности в способе самой постановки вопроса, то во всех остальных отношениях брошюра г. Кутепова отличается обычными достоинствами, свойственными противо-сектантским изданиям этого автора. Предмет в ней исследуется основательно и всесторонне; каждый вопрос исчерпывается до мельчайших подробностей. Тон изложения отличается спокойствием и достоинством, а язык простотой. Для каждого православного миссионера книжка несомненно полезная и даже необходимая.

И. В.

**5) Козицкий П. [Рец. на:]: Записки по обличению
молоканства. Составлены преподавателем
Таврической духовной семинарии А. Высотским,
Симферополь. 1892 г., 157 стр., цена 60 к., с
пересылкой 70 коп. С. 100–102**

Богословско-полемическая литература по обличению молоканства, несмотря на то, что это лжеучение является представителем рационалистического сектантства прежнего времени, далеко не может быть названо обширной; в особенности мало трудов, посвящённых разбору всей системы молоканского вероучения. Этот чувствительный пробел в области полемическо-обличительной литературы восполняется трудом преподавателя Таврической духовной семинарии А. Высотского. «Записки по обличению молоканства» названного автора, как исчерпывающие всю систему молоканского вероучения и как вышедшие из-под пера специалиста по сектоведению, заслуживают к себе полного внимания с нашей стороны.

Труд г. Высотского касается нижеследующих основоположений молоканской догматики: учения молокан об источниках веры, о церкви, об иерархии, о таинствах, о почитании святых и молитвенном их призывании, о почитании св. мощей, о храме и об иконопочитании. Автор, к похвале его, дал своему разбору молоканской догматики весьма рациональную постановку. Прежде чем разбирать то или другое молоканское догматическое основоположение, он приводит по данному вопросу учение молокан на основании их исповедания веры или на основании других имевшихся в его распоряжении источников; потом он устанавливает с помощью св. Писания и св. предания истинный взгляд Православной Церкви на оспариваемый или искажаемый молоканами вопрос. Автор при обличении молоканских лжеучений пользуется и свящ. преданием и святоотеческой литературой, преимущественно в пределах первых трёх веков; потому что молокане, как гласит их вероисповедание, помимо книг свящ. Писания, «читают и

другие богодухновенные и духовно-нравственные книги и из оных поучаются, но в основание своей веры их не полагают» (Исп. в. мол. Д. т. I, 12). Возражения сектантов по тому или другому вопросу он разбирает таким же путём, т. е. с помощью св. Писания и св. Предания.

Учение молокан об источниках веры разобрано автором с такой полнотой и обстоятельностью, что отдел, посвящённый этому вопросу, во всей книге является наиболее законченным и всесторонне – обследованным. Вопрос об иконопочитании изложен также довольно подробно и, что весьма важно, в популярной, общедоступной для простого читателя форме, какового качества не достаёт у многих из руководств по обличению нашего сектантства.

Социальный принцип молоканства, сущность которого сводится к отрицанию властей, военной службы и присяги, подвергся также разбору и опровержению, хотя и не вполне обстоятельному. По нашему мнению, следовало бы уделить больше внимания разбору этого принципа; тем более это уместно и необходимо в руководстве, посвящённом систематическому разбору молоканского вероучения, что вышеозначенные тенденции хотя и практического характера, но всецело покоятся на религиозной основе.

Нельзя пройти молчанием и того обстоятельства, что в труде г. Высотского, рассчитанном, по-видимому благодаря довольно простому его изложению, на самое широкое распространение среди полукнижных сектантов, встречается латинская терминология (50 стр.) и филологические изыскания (107 стр.), что далеко не по силам молоканским начётчикам.

Нельзя не пожалеть о том, что книжка г. Высотского издана небрежно в корректурном отношении (ошибки преимущественно в области цитат). Популярность изложения «Записок по обличению молоканства», посвящённых систематическому и обстоятельному разбору сектантского вероучения, даёт нам право рекомендовать их, в качестве весьма полезного пособия тем, кто стоит близко к делу миссионерской борьбы с этим сектантством.

П. Козицкий

**6) Козицкий П. [Рец. на:]: Записки миссионера
Вологодской епархии, священника Иоанна
Полянского. Выпуск IV. Москва 1895 г. 88 стр. in 8°; ц.
20 к. с пересылкой 25 коп. С. 102–103**

Миссионерская борьба с расколом старообрядчества и для деятелей с специальной подготовкой является делом трудным. Трудность эта обуславливается тем обстоятельством, что собеседования с раскольническими наставниками и начётчиками, по-видимому, представляют Сизифову работу: вращаясь всегда около излюбленных вопросов, на которых зиждется здание старообрядчества, миссионер часто бывает поставлен в безвыходное положение удивительным упрямством и слепой верой раскольника в старопечатные книги. Читая появляющиеся от времени до времени печатные записки миссионеров невольно поражаешься непонятным упрямством и равнодушием расколо-вождей к истине при всей очевидности неправоты старообрядчества и в тоже время проникаешься глубоким сожалением к упорствующим. «Записки Миссионера Вологодской епархии, свящ. И. Полянского», заслуживающие к себе полного доверия со стороны читателей, подтверждают высказанную нами горькую истину. IV выпуск «записок» посвящён исключительно беседе о. Полянского с главным начётчиком и наставником филипповского согласия д. Шемейкина Лукой Ивановичем, о котором сами староверы означенной деревни и её окрестностей так выражаются: *мы без Луки, как без языка* (87 стр.). Предметами этого собеседования были главным образом вопросы о браке, перстосложении и хождении «посолонь». Преимущественное внимание во время беседы было уделено вопросу о браке, так как филипповцы – бракоборы, у которых *даже через край льётся бракоборная премудрость* (20 стр.). Несмотря на бракоборство филипповцев, у них есть деления на *мирских* и *монахов*; среди них появляются *старожёны* и *молодожёны* (23 стр.). Из бесед о перстосложении выяснилось также, что и Лука, как и другие начётчики перстосложение смешивает с крестом; к хождению же

посолонь он относится даже с особым умилением. По словам Луки, филипповцы обходятся двумя таинствами (крещением и покаянием) по нужде, за неимением священства; других таинств нет у них, ибо они *не дерзают восхищать не дарованного* (72 стр.). Все доводы, все убеждения миссионера для названного Луки остались, гласом вопиющего в пустыне и беседа велась, по-видимому, не ради искания истины, а словопрения ради... «Записки» О. Полянского характеризуют отчасти и бытовую сторону филипповцев; написаны они тепло, сердечно; язык их – превосходный как, по чистоте, так и по ясности изложения; тон – замечательно спокойный. Глубокое знакомство автора с святоотеческой литературой, умелое пользование – вовремя и кстати – материалом старопечатных книг, строгая логика и острота мысли – достоинства рассматриваемого нами труда, скромного по своему заглавию, но далеко не заурядного по своему внутреннему содержанию. С полным правом мы можем сказать, что «записки миссионера». О. Полянского заслуживают полного к себе внимания тех, кто практически соприкасается с делом миссии.

П. Козицкий

**Скворцов В. Известия // Миссионерское обозрение.
1896 г. № 1–12. С. 104–137**

Торжество Православия и церковности на коронационных Московских празднествах и высоконазидательный для всех сынов России пример царской веры и набожности. (Впечатления и наблюдения очевидца).

Содержание. Прибытие Их Величеств в Петровский дворец и поднесение иконы. Торжественный Царский въезд в Москву. Колокольный звон, молебствие и встреча Их Величеств у церквей и монастырей. Государь Император и Государыни Императрицы у Иверской часовни. Проезд в Кремль через святые (Спасские) ворота. Молебствие и встреча в Успенском соборе. Говение Их Величеств. Приём патриарших deputаций и поднесение икон. Освящение Царского знамени и речь духовника Их Величеств. Канун великого события 14-го мая: всенощная у Спаса за золотой решёткой и слушание Их Величествами правила. Церковно-гражданские торжества 14-го мая: на соборной площади, в Кремлёвском дворце, в Успенском Соборе и Грановитой палате. Участвовавшее в короновании православное духовенство и присутствовавшие в соборе представители инославного духовенства. Окропление св. водой Царского пути Шествия Их Величеств в собор и встреча духовенством. Поклонение Их Величеств св. иконам. **Обряд священного коронования.**

Чтение Государем православного Символа веры. Молитва коленопреклонённого Самодержца и молитва коленопреклонённой Церкви и России о венчанном Царе. Поздравление Их Величеств Августейшими Особами и приветственная речь Высокопреосвященнейшего Палладия. Литургия в Успенском Соборе. Величие православного богослужения и восторг присутствовавших иностранцев. *Таинства Миропомазания и Причащения Их Величеств.* Окончание литургии и поклонение Их Величеств святыням Архангельского и Благовещенского Соборов. Участие православных иерархов в торжественной трапезе Их Величеств

в грановитой палате. Благодарственные молебствия 15-го мая. Принесение поздравлений Их Величествам и приветственная речь Митрополита Киевского от православного духовенства. Поднесение Их Величествам св. икон и хлеба-соли. О Царских наградах и милостях по случаю Коронации. Несколько слов по поводу Всемилоостивейшего присвоения пастырям церкви права на ношение наперсных крестов. Обед старшинам и речи Царя к представителям крестьянского и дворянского сословий. Царское паломничество в Троице-Сергиеву Лавру. Пожертвование Их Величеств и возложение на раку Преподобного Сергия ценного покрыва. Молитвенная беседа Митрополита. Народный праздник и Ходынское несчастье. Их Величества на дворцовой панихиде по убиенным на Ходынке и у постели раненых. По поводу пред-коронационных происков и домогательств раскольников и сектантов.

Господу споспешествуя, в первопрестольной Москве исполнились великие, радостные, глубоко-знаменательные, любопытные дни Священного Коронования и Миропомазания Благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя нашего **Императора Николая Александровича** и Его Августейшей Супруги, **Государыни Императрицы Александры Феодоровны**.

Нам выпало счастье быть в числе непосредственных свидетелей и очевидцев совершившихся Московских церковно-государственных коронационных празднеств: происходившее в достопамятный день торжественного въезда Их Величеств в Москву (9-го мая), мы созерцали с вековых стен Московского кремля; во время же Коронования и Миропомазания Их Величеств Господь привёл нас под священными сводами величественного Успенского Кремлёвского собора.

Что всяким очевидцем видено, слышано, пережито и перечувствовано в эти незабвенные дни, во всей полноте никакому перу не описать, никакой кисти не изобразить... Можно смело сказать, что и все вместе взятые описания нашей и всемирной заграничной прессы, приславшей в Москву десятки лучших своих представителей, не в силах дать вполне точного изображения как внешней обстановки Московских празднеств –

изумительных по своей роскоши, богатству и фантастической чисто сказочной красоте, так равно и внутренней духовной жизни сердца России, – тех чувств и мыслей, которыми жили миллионы сердец коренного и пришлого населения Матушки Москвы. На коронационных Московских празднествах можно было не только с восхищением и национальной гордостью созерцать богатство и роскошь, блеск и великолепие столичного убранства, Царского двора, Государевой свиты, Императорской армии, Высочайшего стола, придворных зрелищ и балов и всего прочего; но и с умилением поучаться трогательными уроками благоговейной веры и великого смирения могущественнейшего из земных властителей перед Царём Царствующих, сыновней покорности Помазанника Божия правилам и уставам Матери – Церкви, набожной преданности благоверных Царя и Царицы православным церковным обрядам, благочестивой верности Их Величеств унаследованным от царственных предков Своих святым обычаям седой старины... Наблюдаемые с этой стороны, столь достопримечательной для веры и благочестия как верных сынов отечественной Церкви, так и для отпавших и заблудших, коронационные празднества, душу которых составляет церковный обряд Коронования и святейшее таинство Миропомазания православного Царя на русское царство, – являются воистину **торжеством Православия и Церковности.**

На коронационных торжествах наблюдалось и чувствовалось слишком много такого, что особенно способно окрылять дух подвижающихся на тернистом поприще борьбы за родное православие и давать самые внушительные уроки вразумления и обличения хулителям святынь православия, отступникам от господствующей Церкви, короновавшей Державного вождя святорусской земли, создавшей силу, славу и величие Царя и России, воспламеняющей священный огонь самоотверженной любви народной к престолу и Отечеству... А потому мы считаем долгом поделиться с читателями Миссионерского журнала – живыми и жизненными для православия впечатлениями.

Как известно, коронационные празднества начались с прибытием Их Величеств 6 мая в первопрестольную Москву. Здесь в Царской встрече Их Величеств в Петропавловском дворце достопримечательным для веры и благочестия являются *поднесение Государю Императору* командующим войсками Московского Округа, Генерал-адъютантом А. С. Костандой *иконы Святителя и Чудотворца Николая*, с молитвенным благопожеланием от лица Христолюбивого воинства, чтобы святыня эта охраняла Державного Вождя России во всех царственных Его путях и подвигах. Его Величество милостиво принял св. икону, благоговейно осенил себя крестным знаменiem и приложился ко св. Образу, причём изволил благодарить генерала и войска за подношение. С прибытием Их Величеств в Москву спешная работа по украшению столицы сделалась ещё более лихорадочной и напряжённой, но вместе с тем всё это время до момента совершения Коронации было днями непрерывной *усугублённой, пламенной молитвы к Царю царствующих* Москвы и всех верных сынов Церкви и Отечества о благолепном совершении предстоявшего великого церковно-государственного события. Все жители столицы, с редким единодушием, на которое способны только москвичи, — от низших народных слоёв до высших представителей материального и духовного могущества государства были заняты одной заботой о посильном участии в предстоящем торжестве и о содействии его блеску и величию. Все подготавливались ко дню Коронации с трепетным чувством благоговения перед высоким церковно-историческим значением этого торжества. Сердцу и уму москвичей, как и всякому верному сыну отчизны и преданному слуге Царя, был понятен глубокий смысл подготавливавшихся пышных и блестящих церковных и гражданских церемоний, которые, представляя собой необходимый священно-исторический, церковно-государственный обряд, должны были служить достойным выражением перед глазами всего света величия и славы русских Самодержцев, силы и могущества нашего исполинского Отечества.

Начавшись 6 мая, коронационные торжества закончились 26 мая проводами Их Величеств в с. Ильинское, в подмосковное имение Великого Князя Сергея Александровича. Двадцатидневные празднества эти протекли столь стройно, что в воспоминаниях наблюдателя ныне представляются одной грандиозной волшебной картиной, на которой всё до мельчайших подробностей приковывает очи изумлённого созерцателя. На этой картине вырисовываются, блещут и чаруют самобытностью русских красок и высотой духовного смысла два события: – это исторический торжественный въезд Царя в Москву и церковные торжества 14 мая – дня коронования. Кто сам собственными глазами не видел Государева въезда в Москву и происходившего в Успенском соборе церковного обряда коронования, – тот не составит себе о том настоящего понятия и целостного впечатления ни по каким наилучшим описаниям.

Царский въезд в Кремль грандиозен и обаятелен и по своему историческому смыслу, и по внешней обстановке, и по своей величавой, чисто-русской красоте и церковному благолепию. Само Небо благословило это торжество, даровав 9 мая благодатную погоду, тогда как ранее во все дни не было и часа светлой и тёплой погоды: дождь, холод, ветры – приводили всех в отчаяние и уныние; на Николин же день с утра солнце засветилось ярко и приветливо согрело своими тёплыми лучами холодный воздух Москвы, а ветерок чуть-чуть шелестел флагами на высоких местах. Убранство улиц и домов блесло яркими красками в живописном сочетании всевозможных цветов. Но лучшим украшением Москвы в этот день были эти тысячи войск и сотни тысяч народа, – эти раскрытые окна и балконы, пестревшие живыми лицами и нарядами мужчин, женщин и детей, эти блиставшие золотым и серебряным шитьём мундиры сановников и сословных представителей – эти разноцветные кафтаны, поддёвки и халаты волосных старшин, собравшихся со всех краёв и углов необъятной России в Москву на коронацию; они в день въезда были поставлены живописными рядами на Красной площади, по пути следования Их Величеств. Тот, кто видел и наблюдал процессию в минуты

торжественного въезда, сопровождавшегося радостными движениями, восторженными кликами и благопожеланиями многомиллионного народа, невольно проливавшего слёзы радости и восторга о Царе Своём, – тот не мог не прочувствовать всей глубины внутренней – духовной связи Русского православного Царя с своим православным народом. Казалось, что в великий исторический день торжественного въезда *Государя Императора и Государыни Императрицы* в Москву на встречу Их Величествам выступила из тесных границ телесного бытия вся могучая душа русского народа и охватила это народное море одним дыханием безграничной любви и преданности к своему обожаемому Монарху... И не мог не видеть весь мир, в лице своих представителей на коронации, что и ныне русский народ всё тот же великий царелюбивый исполинский народ, каким он был, когда ликовал с Владимиром, – Красное Солнышко и когда проливал слёзы по Невском, – тот царелюбивый народ, что, отвергнув в години лихолетья все ухищрения и искушения чужеродных государей, избрал себе природного Царя Михаила, клялся в верности родоначальнику царствующего дома Романовых и кровью Сусанина запечатлел свою верность, – народ богатырь, который полагал живот свой в бесчисленных бранях за три сокровища Руси святой – за Веру Православную, за Батюшку Царя и за Отечество, что свергнул иго восточного Монгола и низложил могущество западного деспота, что с христианским терпением вынес все исторические бури и непогоды на своих могучих плечах, ожидая облегчения только от Царя, надеясь только на Самодержца и веря только Помазаннику Божию!..

Трудно представить что-либо более пленительное и трогательное, чем эти чувства народной любви, веры и надежды на Царя-Помазанника Божия, самодержавной власти и неограниченной воле которого вверено Божиим Промышлением всё благо и счастье величайшего и могущественного в мире государства!

В 12 час. дня, (9 мая) все было на своих местах и готово к встрече Монарха и Его Августейшей Супруги, Которую теперь в первый раз Москва сретала, как Императрицу и как Мать

Отечества. Раздался с Тайницкой башни гром одиннадцати пушечных выстрелов, означавший, что процессия начала строиться у Петровского дворца. Ударили в колокол у Ивана Великого и ему в тот же миг ответили доброгласные колокола «Сорока-Сороков»: Москвы открылся благовест и понёсся, оглашая стогны необозримой Москвы, тот могучий колокольный звон, которого нигде более не встретишь в мире; сопровождая коронационные торжества, этот звон придавал их гражданскому блеску свой особый колорит церковности, чем, так сказать, символизировалась в глазах неведущих своеобразных красот церковного колокольного звона, неразрывность в России связей между православием и самодержавием, между Церковью и государством... Могучий колокольный звон приводил в изумление и восторг иностранных гостей Москвы, говоря им своей типической характерностью: «здесь русский дух»... Как только ударили в колокола, стоявшие под кремлёвскими стенами народные полчища все, как один человек, сняли шапки и благоговейно перекрестились с словами: «Господи, благослови»!..

Настоящий момент единодушного выражения народного благочестия и набожности, как и многие другие послужил иностранной прессе основанием посвятить горячие похвалы живым чувствам веры, благочестия и патриотизма русского народа. Читая их, нельзя не порадоваться, что наконец-то иностранцы воочию могли убедиться, насколько несправедливы наветы заграничной печати, наших штундистов и их единомышленников, будто бы вера русского народа полуязыческая, замкнувшаяся в мёртвую форму обряда, в обожание вещей и т. п. О если бы и другие народы просвещённой Европы имели такую же глубокую, живую веру в Бога и в Богоучреждённую на земле власть, какой проникнут, живёт и воодушевлён наш православный народ – Христоносец!

В 2 ч. 30 мин. послышалась снова пальба из пушек, возвещавшая, что Государь сел на коня и шествие началось. Тогда при всех церквях Москвы открылся «красный звон» во все колокола; в Большом Успенском Соборе началось благодарственное Господу Богу молебствие, которое совершали

высокопреосвященные митрополиты и прибывшие в Москву для участия в торжестве архиепископы и епископы; здесь же были также и старейшие архимандриты лавры и ставропигиальных монастырей, протопресвитеры и многочисленный сонм протоиереев, облаченных в новые богатые коронационные ризы из золотого глазета с царскими гербами. Облачения эти сооружены на отпущенные по Высочайшему повелению суммы Дворцового ведомства.

В Соборе на молебствии присутствовали не участвовавшие в торжественном шествии православные сановники и депутаты из разных городов и окраин России. Вне собора, против алтаря, были размещены представители иноверных исповеданий.

При начале шествия народная миллионная масса, доселе неподвижно стоявшая плотной стеной по всему пути шествия Их Величеств, вдруг всколыхнулась от края до края, взоры всех устремились по направлению к Петровскому дворцу на Петербургское шоссе... пышно-величавая процессия растянулась более чем на 2–3 версты. Царь, Властелин могущественного государства, составлял центральное лицо этой величественной картины... Вот слышались сначала отдаленные, несмолкаемые раскаты могучего «ура»; по мере приближения Государя клики становились всё ближе к Кремлю и громче, как возрастающая своей силой океанская волна... Сосредоточенный, серьезный, не отнимая руки от козырька и этим военным поклоном отвечая на горячие приветствия народа, Государь тихо ехал один, впереди своей блестящей свиты, на статном белом коне, в мундире полковника лейб-гвардии Семёновского полка. На челе глубокая дума и выражение ясного сознания священной важности совершаемого события во славу монархической власти, возложенной на Его Царские рамена Божиим Провидением и законом наследственности. Свиту Государя, производившую эффект своей многочисленностью и блеском, составляли все русские великие князья, владетельные князья Черногории и Болгарии, множество иностранных принцев, представители всех держав и стран, громадное число государственных сановников гражданских, военных и придворных.

В великолепных придворных экипажах, украшенных бархатом, драгоценными камнями, золотым шитьём и такими же орлами и запряжённых превосходными статными лошадьми в богатой упряжи следовали Великие Княгини и Великие Княжны, сопровождая Их Величеств Государынь Императриц.

Государыня Императрица Мария Феодоровна ехала в золотой карете под короной. Восемь белых, породистых безукоризненных по красоте, стати и шерсти лошадей, по две в ряд, были впряжены в карету. На верху её корона с самоцветным камнем.

Её Величество в этой же карете ехала и в 1883 году тогда с Великой Княжной Ксенией Александровной. Вслед за вдовствующею Императрицей в особой карете изволила ехать её Величество Государыня Императрица Александра Феодоровна.

Чарующее впечатление производила молодая Императрица своей чисто царственною красой, лаской и милостивыми поклонами на народное восторженное приветствие. На протяжении 7 вёрст Государыня ни на минуту не оставляла милостиво кланяться направо и налево народу, с энтузиазмом приветствовавшему Матушку – Царицу.

Участие в торжествах Императрицы – Матери, которой везде отведено первое место, давало ему особенный отпечаток сердечности, вместе с благодарными воспоминаниями о почившем незабвенном Императоре. По пути следования процессии Его Величеству в разных пунктах делали встречи представители административных и сословных учреждений Москвы.

При проезде вблизи каждой из приходских церквей и монастырей, на встречу Их Величествам выходило местное духовенство в полном облачении, со св. крестами в руках: у церкви св. Василия Кессарийского два псаломщика в стихарях держали храмовую икону со свечами – справа и слева стояли местные священники и диаконы с кадилами, старший священник со св. Крестом в руках, хоругвеносцы с хоругвями. Такие же встречи были устроены при храмах: Воздвижения Креста Господня, что при Новиковской богадельне,

Благовещения Пресвятые Богородицы, что на Тверской; у Страстного монастыря вместе с духовенством принимали участие в встрече монахини этой обители с настоятельницей во главе; у храма св. Димитрия Солунского, у Казанского и Покровского (Василия Блаженного) соборов; в Вознесенском монастыре в Кремле, так же, как и в Страстном, вместе с духовенством встречали Их Величества монахини с своими настоятельницами.

Православному русскому народу в высшей степени поучительно, отрадно и трогательно было зреть явленную здесь Великим Монархом, в столь знаменательный исторический момент, верность Его благочестивым обычаям и присущую истинным сынам Православной Церкви набожность и благоговейное почитание обрядов и святынь православия: так, при проезде около храмов Божиих, близ св. икон, при церковных встречах духовенством – Его Величество всякий раз осенял себя истовым православно-русским крестом... Нужно было видеть, каким священным восторгом проникался тогда народ, как тысячи рук воздевались вслед за молитвенным мановением Царя на крестосложение для единой с Ним молитвы к Царю царствующих и ещё сильнее, – из самой глубины души и сердца исторгались в эти святые незабвенные минуты молитвенные благожелания и исполненное радости громогласное «ура» благочестивому Государю верному Стражу и Охранителю Отечественных преданий и св. Церкви и Его Августейшей Супруге. И долго, долго после, паче всего прочего, виденного 9 мая, вспоминал народ о Царском Крестном знамении и молитве Царя перед св. храмами, перед честным крестом и перед ликами св. угодников Божиих...

Но вот в половине 4 часа Царская процессия приблизилась к Воскресенским воротам: Иверская святыня остановила торжественное шествие. Государь Император изволил сойти с коня, а обе Императрицы и великие княгини из своих карет и пешком по устланному красным сукном помосту направились в Иверскую часовню на поклонение чудотворной иконе.

У Иверской часовни Их Величества встречены были викарным епископом с крестом в руках, при пении тропаря

Чудовским хором. Приложившись ко св. кресту, Государь и Обе Императрицы вошли во внутрь часовни и здесь перед великой для всей Руси Святынею, где и православные Венценосцы и Их верноподданные искони приобыкли в молитвах изливать и горе и радости, преклонив колена, молились Царице Небесной. В окружающей толпе воцарилась благоговейная тишина, вещавшая о молитвенном соучастии набожного народа с Своим благочестивым Государем. Облобызав чудотворную икону Иверской Божией Матери, Их Величества вышли из часовни. Из толпы последовал необычайный взрыв восторженного приветствия. Процессия снова тронулась, направившись на Красную площадь, которая разнообразием своих украшений и убранства решительно превосходила все другие улицы и площади Москвы и представляла пленительное зрелище... В 4 часа Государь изволил прибыть к Спасским воротам, через которые, обыкновенно, все в Москве проезжают с обнажёнными головами, в знак уважения к святыням и седой старине Московского Кремля. Не забывал Царь и об этом исконном обычае Москвы: въезжая в Спасские ворота, Он обнажил Свою царственную голову и дал знак свите, которая вся, не исключая и иностранцев, въехала в Кремль также с обнажёнными головами.

Когда торжественная процессия вступила в Кремль, из алтаря Успенского собора вышли на южную паперть Высокопреосвященные Митрополиты: Палладий, Иоанникий и Сергей; пресвитеры собора вынесли Корсунские кресты и запрестольную икону Богоматери; по бокам митрополитов поместились оо. Сакелларии¹²⁴, из которых один держал на блюде св. крест, а другой – сосуд с святой водой. Преосвященные архиепископы расположились сзади митрополитов на паперти, а архимандриты и прочее духовенство в два ряда до самых Царских врат. Два протодиакона – В. И. Попов и А. З. Шаховцев с кадилами стали впереди митрополитов. Когда Их Императорские Величества Государь Император и Государыни Императрицы приблизились к паперти, Митрополит Палладий осенил св. крестом Их Величества и по целовании креста Митрополит Иоанникий

окропил Их св. водой. Затем Их Величества, с шедшим впереди Их с крестом Митрополитом Палладием, в начале пятого часа вечера, вступили в собор. В эту минуту, по сигналу, данному комендантом, был произведён салют из орудий, а звон прекратился. Придворная капелла исполнила концерт: «Воспойте, людие, благолепно в Сионе». Их Императорские Величества прикладывались к местным иконам Спасителя и чудотворной иконы Владимирской Божией Матери, а затем направились к северной двери собора. Здесь Они изволили приложиться к ковчегам с многоцелебной ризой Господней, гвоздём Христовым и ризой Божией Матери; ковчеги держали пресвитеры собора. Потом Их Величества проследовали в Петропавловский придел, где и прикладывались к мощам св. Петра Митрополита, а отсюда проследовали через солею главного храма к местной иконе Успения Богоматери и к мощам св. Филиппа Митрополита и прикладывались к ним. Затем Их Величества сошли с амвона и у южного столба возле патриаршего места дослушали концерт; по окончании его, Их Императорские Величества, предшествуемые Митрополитом Московским Сергием с крестом в руке, двумя иподиаконами с трикирием и дикирием, изволили выйти из Успенского собора через южные двери и по помосту, покрытому коврами и красным сукном, проследовали в Архангельский собор. Начался вновь торжественный звон; крики «ура!» оглашали воздух. При входе в собор Их Величества у южных дверей были встречены членом Св. Синода архиепископом новгородским Феогностом со свв. крестом и водой. В соборе Их Императорские Величества изволили прикладываться к местным иконам Спасителя и Божией Матери, именуемой «Благодатное Небо», а также к мощам свв. Царевича Дмитрия, князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора; поклонившись гробам Царственных своих предков, Их Величества вышли из Архангельского собора и, предшествуемые митрополитом московским со св. крестом, при торжественном колокольном звоне и кликах «ура» проследовали в Благовещенский собор, где при входе были встречены духовником Их Императорских Велиществ о.

Протопресвитером И. Л. Янышевым с придворным духовенством.

В Благовещенском соборе Их Императорские Величества изволили прикладываться к иконе Спасителя и чудотворному образу Донской Божией Матери. Затем, в предшестве о. духовника и хора придворной капеллы, исполнявшего тропарь «Спаси, Господи», Государь Император, Государыни Императрицы с прочими особами царской фамилии, изволили направиться из собора через красное крыльцо во дворец.

Поднявшись на верхнюю площадку, Государь и Государыня поклонились народу. Трудно передать словами то, что произошло на площадке в эту высоко-знаменательную и глубоко взволновавшую всех минуту. Площадь огласилась таким восторженным «ура», что казалось заколыхались древние стены Кремля...

Их Императорские Величества через внутренние покои дворца вступили в святые сени, где Их Величества встретило духовенство придворного Верхо-Спасского собора; приложившись ко св. кресту и приняв окропление св. водой, Их Величества изволили проследовать во Владимирский зал, при входе в который протопресвитер о. Янышев, осеняя Их св. крестом, направился в храм Спаса, что за золотой решёткой.

В то время, когда Царственная Чета вступила в большой Кремлёвский дворец, во всех храмах Москвы совершены были благодарственные молебствия, по случаю благополучно и благолепно совершившегося торжества. Так совершился торжественный Царский въезд в Москву. Как видит читатель, по державной воле благочестивого Государя все моменты вхождения и исхождения благочестивого Царя в этом государственном священо-историческом событии были освящены, проникнуты и объаты молитвой и благословением Церкви и её смиренных служителей. Достоин всегдашней памяти, что живая вера и от царственных предков и незабвенного Родителя унаследованное благочестие подвигли утомлённую Царственную Чету почтить решительно все многочисленные святыни Кремлёвских соборов поклонением и лобзанием Их царственных уст. Какие высоко-назидательные

уроки веры и благочестия должны почерпнуть отсюда верные и иноверные сыны благочестивого Отца-Царя! Нет надобности пояснять словами то, чему так красноречиво назидают дела и подвиги Царёвы...

Как истые христиане Царь и Царица изволили приготовляться к великим таинствам Миропомазания и св. Причащения говением, уединившись в загородном Александровском дворце, в домовом храме которого ежедневно с 10 мая для Их Величеств совершались божественные службы.

Настало и 13 мая, – канун незабвенного отныне для России дня. В 3 часа по полудни раздался с колокольни Ивана Великого благовест, возвещавший начало великого, всероссийского торжества; этому благовесту ответили звоном все московские храмы и монастыри, в которых совершено было молебствие пресв. Троице. В 7 часов вечера по третьему удару в большой колокол Успенского Собора, снова начался одновременный благовест во всех московских церквях для всенощного бдения; Их Величества слушали бдение в церкви Спаса за золотой решёткой, а по окончании богослужения ими выслушано было правило ко св. Причащению.

По вот над расцветшею под весенним майским солнцем святорусской землёй засветился и сей наречённый, великий и благословенный день – 14 мая: в первопрестольной Москве совершилось светящееся на всю необъятную Россию и на весь мир священное торжество Коронования и св. Миропомазания Их Императорских Величеств. Всю ночь бодрствовал царелюбивый народ и уже в 5 ч. утра Кремлёвские и прилегающие площади и улицы были запружены народом, тихо, благоговейно стоявшим. В 7 часов утра по сигналу 21 пушечным выстрелом начался от Успенского собора благовест с перезвоном. К 8 ч. утра собралось в Успенский собор православное духовенство, избранное Св. Синодом для участия в совершении коронования. Здесь было 3 митрополита, 8 архиепископов, 1 епископ (Костромской), 3 протопресвитера, 23 архимандрита и 9 протоиереев, в числе их о. Иоанн Кронштадтский; здесь же были 4 митрополита и архиепископ – представители восточных патриархов. Представителям

патриархов ко дню коронации также были сооружены новые роскошные облачения и митры, как дар от Русского Царя. Инославному духовенству христианских церквей отведены были в соборе места на эстраде с правой стороны; во главе их были епископы Англиканской и армянской церквей¹²⁵. В 8 час. совершено в соборе торжественное молебствие, после которого началось чтение часов и совершение проскомидии. Великолепную картину представлял собой Кремль и в частности соборная площадь с помостом устланном красным сукном, с чудным видом на красное крыльцо, красивыми рядами бравых представителей всех родов оружия, с группами богато разодетой публики, среди которой ярко вырисовывались разноцветные костюмы представителей восточных азиатских народов. В парадных залах Кремлёвского дворца шпалерами расставлены были лица, назначенные к участию в торжественном шествии, между тем как свиты иностранных принцев и посланники ранее заняли места в Успенском соборе. Величественный храм этот ко дню коронации был, по Высочайшему повелению, благолепно реставрирован и дом Пресвятыя Богородицы теперь стал просто не узнаваем; это поистине место селения славы Божией, достойнейший на земле престол невидимо присутствующего в св. храмах Царя Небесного! Реставрированный иждивением Благочестивейшего Государя на суммы, щедро отпущенные дворцовым ведомством, Успенский собор будет служить молящимся в нём на многие и многие лета лучшим памятником благолепия и красоты коронационных торжеств 1896 г. и немолчным свидетелем народу православному об одушевляющих Царя чувствах глубокой веры и истинного благочестия. В соборе заново реставрированы как живопись и позолота стен, так и св. иконы и утварь. На раки св. мощей святителей московских Петра, Ионы и Филиппа сделаны по случаю коронации новые балдахины из малинового бархата с золотыми позументами и кистями, а на сами раки сооружены дорогие покровы из парчи с гербами. Киот для чудотворной иконы Владимирской Божией Матери отделан внутри малиновым бархатом и золотым позументом. Находящееся у северного столба древнее Царское

и патриаршее место также роскошно отделаны. В алтаре также всё поновлено, – причём для древней сени сделан новый великолепный балдахин из красного бархата, на котором вышиты золотом и серебром изображения ангелов с рапидами.

Вся середина собора, между колоннами, занята была высоким помостом, возвышающимся слишком на два аршина. От амвона на помост ведёт широкая лестница с тремя площадками и двенадцатью ступеньками. Посреди помоста стояли троны для Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Над этим местом – великолепный висячий шитый золотом балдахин из малинового бархата. На балдахине помещены металлические, вызолоченные государственные гербы, шитые золотом узоры в русском стиле, корона и порфиры, с надписью на верху «с нами Бог», а также вензеля Их Величеств. Весь пол на царском помосте и на ступенях покрыт был малиновым бархатом. По бокам царского помоста устроены площадки для высочайших особ; все места посредине собора окружены вызолоченной решёткой. С южной, западной и северной сторон, на высоте полутора аршина от пола, устроены задрапированные красным сукном места в десять ступеней для высокопоставленных особ первых 2 классов и для немногих избранных представителей московского дворянства; туда допущены были и некоторые из художников и представителей печати. Собор мог вместить не более 800 душ.

В ожидании Высочайшего выхода на Сборной площади Кремля господствовала необыкновенная тишина и величавое спокойствие: взоры всех прикованы были к Красному крыльцу...

По прочтении часов, на южную паперть собора были вынесены соборными оо. пресвитерами (священникам Успенского Собора присвоено официальное наименование *пресвитеров* ¹²⁶) вынесены «Корсунские» кресты и запрестольная икона Божией Матери; вышли сюда же и оо. сакелларии с крестом и св. водой, а протодиаконы с кадилами, а за ними вышел из алтаря и маститый иерарх, Московский митрополит Сергей для встречи её Величества, вдовствующей

Императрицы Марии Феодоровны, Которая изволила шествовать в 9 час. из внутренних покоев дворца в Успенский собор в порфире и короне. От нижней ступени Красного крыльца до паперти собора над её Императорским Величеством несён был 16 особами 3 класса балдахин. Приложившись к св. кресту, Государыня с молитвой вошла в храм Господень и изволила занять Своё место под особым балдахином на престоле Царя Алексея Михайловича.

До начатия шествия Государя Императора, духовник Их Величеств прот. И.Л. Янышев, со крестом, имея при себе двух диаконов, нёсших в золотом блюде св. воду, окропил путь следования Их Императорских Величеств.

Когда верховный маршал донёс Государю Императору, что всё к шествию готово, тогда Их Императорские Величества изволили из внутренних покоев прибыть в Тронный зал и воссесть там на престолы под балдахином. Государь был в полковничьем мундире лейб-гвардии Преображенского полка с цепью ордена Андрея Первозванного и Александровской лентой через плечо, – Государыня в белом парчовом платье.

В 10 ч. последовало Высочайшее шествие Их Величеств от Красного крыльца в Успенский собор в порядке, указанном церемониалом, и тогда начался звон во все соборные колокола. Впереди несены были регалии старейшими сановниками Империи. Сошедши с Красного крыльца, Их Величества вступили под роскошный балдахин, который несли 32 генерал-адъютанта. Шествие Их Величеств в святилище храма для Коронования встречено и сопровождаемо было восторженными приветствиями и горячими молитвенными благопожеланиями верноподданных.

По приближении регалий к южным дверям собора высокопреосвященные митрополиты, все архиереи и прочее духовенство выступили из церкви на паперть, и митрополит киевский почтил регалии каждением фимиама, а митрополит московский окропил их святой водой.

По внесении регалий в церковь, архиереи с прочим духовенством ожидали на прежнем месте, вне церкви, пришествия Их Императорских Величеств, а когда Их

Императорские Величества приблизились к помянутой паперти, в миг всё смолкло, – и митрополит московский Сергей произнёс речь о благодатном (сакраментальном) значении предстоящего Их Величествам Коронования и Миропомазания; после того митрополит С.-Петербургский Палладий поднёс крест к целованию, а митрополит киевский Иоанникий окропил Их Величества святой водой.

В предшествии архипастырей и духовенства при пении придворной капеллой псалма «Милость и суд воспою», тихо, смиренно, как истинные рабы Господни, вступили могущественный Монарх с Своей Августейшей Супругой под Священную Сень векового Кремлёвского храма... Взошедши на амвон, Их Величества совершили перед царскими вратами троекратное поклонение, затем, приблизившись к местным иконам Господа Вседержителя и Владимирской Богоматери, Царь и Царица сотворили перед этими святынями земное поклонение и благоговейно облобызали пречистые лики Спасителя и Богоматери, а потом снова положили земной поклон, и после того изволили проследовать на трон, где воссели Государь (занимая левую сторону) на престоле первого Российского Царя Иоанна III, а Государыня, по правую сторону, на престоле родоначальника Царствующего дома Романовых – Михаила Фёдоровича.

Изнемогает наше слово, чтобы передать те трепетные чувства, которыми объята была русская верующая душа в эти минуты сретения в храме молящегося, коленопреклонённого Царя и Царицы, сиявших неземной красотой и благоволением. Невольно священный трепет проникал всё существо и из глаз катились слёзы умиления и радования О Царе Своём!.. Сердцем и душою чувствовалось в храме веяние особой благодати и присутствие окрест Царя сонма ангелов Божиих!..

Когда Их Императорские Величества прикладывались к святым иконам, сановники, нёсшие Императорские регалии, возложили Их на приготовленный возле Престолов, покрытый парчой, стол.

По окончании пения псалма, митрополит с.-петербургский Высокопреосвященнейший Палладий взошёл на амвон трона и,

обратившись к Его Императорскому Величеству, произнёс положенную по чину Священного коронования речь, которая оканчивалась знаменательными словами: *«да соблаговолит Величество Ваше в слух верных подданных Ваших исповедать Православно-Кафолическую веру: како веруеши?»*

Тогда Его Величество, взяв преподнесённое митрополитом чинопоследование коронационной службы, изволил произнести православный Никео-Цареградский Символ веры. Государь читал громко, твёрдо и отчётливо; каждый догмат, каждое слово священного для сынов православной Церкви Символа выходила из Царственных уст Его и доносились до слуха присутствующих глубоко проникнутыми чувством твёрдой веры и высокого уразумения божественных истин, содержимых святой православной отеческой Церковью. Нам казалось, что царственная мысль и чувство с особой силой останавливались на некоторых пунктах и словах св. Символа, которыми именно определяется отличие веры православной Церкви от других христианских церквей и исповеданий. Таковыми глубоко запечатлевшимися в нашей памяти и доселе ясно звучащими в сердце, были слова: верую *во Единого* Бога... Иисуса Христа... Бога *истинна, рожденна, не сотворенная, воскресшаго* в третий день... и *паки грядущаго*... и в Духа Святого... Иже *от Отца* исходящаго... во *едину, святую, Соборную и Апостольскую Церковь*... чаю *воскресения* мертвых и жизни *будущаго века*. О, если бы сей достопримечательный момент торжества православия споспешествовал к уразумению истины веры отвергшим Символ вселенского исповедания веры для какого-то, напр., баптистического исповедания!..

По окончании чтения Символа, митрополит возгласил: «благодать пресвятого Духа да будет с Тобою» и благословил начало богослужения священного коронования, которое шло стройно и не спешно... Произнесены умиленные ектеньи, прочитаны паремии, апостол и евангелие... После того митрополиты Петербургский и Киевский восходят на амвон трона... Наступили минуты сколько глубоко-трогательные, столько же и назидательные, когда каждое действие внушали уму и сердцу несравненные уроки веры и патриотизма!.. Его

Величество снимает с Себя обыкновенную цепь ордена св. ап. Андрея Первозванного и отдаёт её сановнику, а митрополиты петербургский и киевский подносят Императору порфиру, которую Он возлагает на свои царские рамена; митрополиты же служат Монарху при возложении оной, причём митрополит петербургский возгласил: «во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь». По облачении в порфиру, Государь Император преклоняет главу, а митрополит петербургский, осенив крестным знаменiem, возложил крестообразно руки на неё и прочёл трогательную молитву, в коей от лица всей церкви и народа молит Царя-Царствующих «призреть на верного раба Господня, Великого Государя Николая Александровича, помазать Его елеем радования, даровать ему долготу дней, смирить перед Ним все варварские языки, хотящие брани, соблюсти Его в непорочной вере, показать известного хранителя святыне Своей Кафолические Церкви догматов»... По прочтении вслед затем второй молитвы, сановник подносит митрополиту Императорскую корону, которую первосвященник отечественной Церкви вручает Государю и Самодержец, при произнесении митрополитом молитвы «во имя Отца и сына и св. Духа» венчает царственную главу Свою прапрадедовской императорской короной. В таком же порядке из святительских рук архипастыря приемлет Богом венчанный Самодержавный Царь в десную руку Свою скипетр, а в левую – державу, а затем, по выслушании установленной речи митрополита, Государь изволил воссесть на императорском своём престоле...

Не успел ещё созерцатель справиться с нахлынувшими в душу чувствами и впечатлениями от только что благоговейно зримого, как последовали новые, всё более и более захватывающие душу и сердце, священные действия... Государь кладёт скипетр и державу и изволит призвать к Себе Государыню Императрицу Александру Феодоровну. Став перед Государем, Императрица склоняет перед Августейшим Супругом Своим Свои царственные колена на бархатную малиновую подушку... Венценосец Монарх, сняв с Себя корону, прикасается ею ко главе Государыни и затем снова возлагает её на Себя, а меньшую драгоценнейшую корону укрепляет на голову

Императрицы, и вслед затем возлагает на её Величество порфиру и цепь ордена св. ап. Андрея. По совершении коронования, Государыня Императрица, встав, изволила облобызать своего царственного Супруга и возвратилась на свой престол.

В то время как под сводами Успенского собора совершались описанные священнодействия, наполнявшие Кремль народные толпы, а за ними и вся благочестивая Москва и Русь горячо, из глубины души молили Господа Бога о преизобильном ниспослании даров Своей благодати и милостей венчающемуся своему обожаемому Царю. Народные полчища безмолвно, сосредоточенно стояли во всё время богослужения, как будто они присутствуют при самом совершении священнодействия... Никто слова не проронит, никто не смеет нарушить благоговения другого. Такие моменты безмолвной молитвы сотней тысяч христианских душ явления редкие, исторические... В них ярче всего сказывается вся глубина и сила веры нашего царелюбивого Русского народа. Да и как было верным сынам отчизны не молиться о даровании святого Духа Тому, Чей скипетр простирается на множество народов, Чья держава объемлет все четыре части света, Чья воля есть закон для сотни миллионов людей, Чьё слово даёт веленье от Китайской стены до Вислы и от Ледовитого моря до Арарата!..

После коронования, протодиакон Попов, обратясь лицом к Государю, произнёс многолетие его Величеству с полным царским титулом; к обычному многолетию Государыни Императрицы добавлено было: «Благоверной, Благочестивой, Венчанной и превознесённой Государыне» и проч. Во время многолетия раздался звон во все колокола кремлёвских соборов и пушечная салютационная пальба в 101 выстрел... возвестили Москве о совершившемся короновании... Всколыхнулось народное море, обнажились вмиг головы, закрестились православные русские люди, засветилась на лицах блаженная радость!.. А по железным нервам земли понеслась эта радостная весть по всей Руси и всему необъятному миру. Возликовала Москва, которая в своих стенах держала весь мир в его духовных и гражданских

представителях, а с ней и вся Русь православная и в порыве духовного восторга все хвалили и благодарили Бога за совершившееся великое событие!..

По многолетию все присутствовавшие в соборе со своих мест воздали Их Величествам приветствие троекратным поклоном. Но вот сходит со своего трона вдовствующая Императрица, известная всему миру Своей материнской любовью и взоры всех останавливаются на ней. Государыня направляется к коронованным Детям своим и первой выразила Им в этот священный момент Их жизни материнскую свою любовь и радость троекратным лобзанием своего возлюбленного первенца Монарха и Августейшую невестку Императрицу, на что венценосные Дети отвечают Августейшей Матери лобзанием её десницы. Вслед за Императрицей Матерью приносили поздравления Их Величествам высочайшие особы императорского дома и иностранные принцы.

Окончилось принесение поздравлений. Тогда Венценосный Монарх во всех знаках своего Царского величия преклоняет колена и произносит (по книге) с чувством глубочайшего умиления трогательную молитву, в которой, исповедуя неисследимое Божие о себе смирение, оправдавшее Его Царём и Судией народа Божия, в следующих выражениях: молит Господа: «да будет со Мною приседая Престолу Твоему премудрость, да разумею, что есть угодно пред очами Твоими и что есть право по заповедям Твоим... Буди сердце Мое в руку Твою, еже вся устроить к пользе врученных Мне людей и к славе твоей». Могущественнейший из владык земных, облечённый во все знамения возможного на земле величия, в присутствии не только своих верноподданных, но и представителей почти всех народов, живущих на земном шаре, православный Русский Царь повергается ниц перед величеством Божиим, и со смирением и глубокой верой в небесный Промысл Правящий вселенной, один коленопреклонённо молится пред Творцом за себя и за весь свой многомиллионный народ! Молитва эта исторгла слёзы и у Царя, и поистине потрясала сердца присутствовавших верноподданных!..

Вслед затем наступил другой не менее трогательный момент. Когда, по прочтении молитвы, Государь Император встал, вся церковь в лице всех присутствующих в соборе, преклонив колена, во умилении сердец молилась о том, чтобы Господь наставил Царя непреткновенно проходить великое служение, чтобы показал Его врагам – победительна, злодеям – страшна, добрым–милостива, чтобы согрел сердце Царёво к призрению нищих, к заступлению нападствуемых, чтобы Господь помог управить подчинённые правительства на путь истины и правды, отражать от лицепрятия и мздоимства, – чтобы сотворил Его Господь о чадах веселящимся, умножил дни живота и даровал во дни Его безмятежие, мир, благорастворение воздушных и земли плодоносие.

После молитвы, высокопреосвященный митрополит Палладий приветствовал Их Величества прочувствованною речью, выразив в ней между прочим, радость православной Церкви, «которая видит в Государе Царя *по сердцу Божию*, ревнителя веры и благочестия, высокого Своего Покровителя и Защитника, преемственного исполнителя древнего о ней проречения *«и будут царие кормителие Твои»* (Ис.49:23).

После пения «Тебе, Бога хвалим», в исходе 11 часа началась литургия; совершали её три митрополита, три протопресвитера и о. Иоанн Кронштадтский. По прочтении Евангелия, архиепископы Антоний Финляндский и Тихон Иркутский, в полном облачении, подносили св. Евангелие на царский амвон Их Величествам для целования. Богослужение совершено было чрезвычайно истово, величественно и стройно, при чудном пении капеллы. За богослужением употреблялось: древнее Евангелие в золотом окладе, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, золотые сосуды с бриллиантами, пожалованные в Бозе почившей Императрицей Екатериной II, кресты: золотой, пожалованный Императором Александром II, и жемчужный Бориса Годунова.

Величавость православных священнодействий и богослужебных обрядов, громогласие при торжественной обстановке, видимо производили обаяние на иностранцев, не исключая и духовных особ инославных исповеданий.

Но вот приблизился уже и тот момент Св. Миропомазания и Причащения Их Величеств, что собственно составляет существеннейшую часть всего коронационного богослужебного чина.

По исполнении причастного стиха, посредине храма московский губернатор с ассистентами расстилал бархатный ковёр, по которому должны были следовать Их Величества к принятию великих таинств; около царских врат до Св. Престола поверх ковра была послана парча. Отворились царские врата, из коих вышли два архипастыря – экзарх Грузии и архиепископ Новгородский, и, став на царский помост, по установленной форме возвестили Их Величествам о наступившем времени Их Св. Миропомазания и Причащения.

Отдав шпагу сановнику, Государь, а за Ним Государыня в порфирах изволили шествовать к царским вратам; из алтаря вышел один из сакеллариев, держа на золотом блюде драгоценный сосуд со св. миром, стоявший во время литургии на св. престоле. О. сакелларий стал у иконы Владимирской Богоматери. У иконы Спасителя стоял другой сакелларий с золотым блюдцем и с хлопчатой бумагой.

С.-петербургский митрополит, выйдя из алтаря, взял древний драгоценный сосуд, для сего великого дела нарочно устроенный, и, омочив уготованный к тому драгоценный же сучец во св. миро, помазал Его Императорское Величество на челе, на очах, на ноздрях, на устах, на ушах, на персях и по обе стороны на руках с произнесением слов: *«Печать дара Духа Святого»*, а митрополит киевский отёр места помазания хлопчатой бумагой.

По совершении миропомазания произведён был колокольный звон и 101 выстрел из пушек.

Государь Император изволил стать по правую сторону, против местной иконы Спасителя. После сего приступила к царским вратам и стала на ту же парчу Государыня Императрица и была помазана миром высокопреосвященным Палладием только на челе, при произношении вышесказанных слов: *«Печать дара Духа Святого»*, а митрополит московский отёр хлопчатой бумагой место помазания.

После миропомазания её Величество стала по левую сторону против иконы Божией Матери.

Через отверстые царские врата, Митрополит Палладий вводит Помазанника Божия во св. алтарь. Благоговейно вошедши и став перед св. Престолом на золотой парче, Порфироносный Монарх преклоняет колена и повергается ниц перед Божественною трапезою. В это время царские двери были закрыты. Царь остаться со служителями Алтаря Господня у св. Престола. Здесь иерархи служат Его Величеству при Св. Причащении. Митрополит петербургский читает молитву «Верую, Господи», митрополиты – киевский и московский послужили Его Величеству поддержанием порфиры. Его Величество соизволил принять от того же с.-петербургского митрополита Святые Тайны по чину Царскому, то есть, как причащаются священнослужители: особо Тела и особо Крови Христовой.

Архиепископ казанский Владимир поднёс Его Величеству антидор и теплоту, а архиепископ холмско-варшавский Флавиан послужил при умовении уст и рук.

По причащении Святых Таин, Государь вышел из алтаря теми же царскими вратами и отошёл к иконе Спасителя; тогда её Величество приступила к царским вратам и восприяла от митрополита петербургского Святое Причастие обыкновенным порядком, причём архиепископ иркутский Тихон послужил её Величеству в поднесении антидора и теплоты, а архиепископ виленский Иероним – при умовении уст и рук.

Затем Их Величества соизволили вместе шествовать к трону и воссесть на престолах.

Царский духовник прочитал благодарственные молитвы по причащении. Литургия окончилась в исходе первого часа дня обычным многолетием и поднесением Их Величествам св. Креста для целования.

По окончании литургии, Помазанник Божий возложил на главу свою корону, взял в руки Скипетр и Державу и изволил, вместе с Августейшей Супругой Своей выйти из собора северными дверями. Тогда начался звон и открылась пальба из орудий. Став под балдахин, Их Величества изволили открыть

торжественное шествие, направляясь в Архангельский и Благовещенский соборы для поклонения праху своих царств. предков и местным святыням. Узрев теперь своего обожаемого Монарха, Помазанника Божия, увенчанного прародительским царским венцом в порфире, с символами своего величия и самодержавной власти в руках, – верноподданный народ пришёл в неописуемый восторг. Народные клики в эти минуты, словно громы, заглушали и грохот пушек, и звон колоколов!.. И это были не простые патриотические клики вернопреданных сынов Царя, какие обычны при встрече Их Величеств, теперь это были клики священные, клики православно-народного духа, ощущавшего чувством религиозным присутствие и веяние снисшедшей на Боговенчанного Царя благодати Всесвятого Духа, – клики народа, сретавшего своими задушевыми приветствиями не просто Царя и повелителя, а *Помазанника Господня, Наместника Божьего на земле*, – народа, не знающего после Бога, никого больше и выше, как Царя – Помазанника.

По приближении Государя Императора и Государыни Императрицы к Архангельскому собору, Их Величества встретил служивший в том соборе литургию епископ костромской на паперти, с крестом и святой водой, и, поднеся крест к целованию, предшествовал перед Их Величествами в церковь со крестом.

Их Императорские Величества, по вступлении в храм, прикладывались ко святым иконам и мощам, причём о. протодиаконом провозглашалась ектенья и многолетие, а потом изволили поклониться гробам Своих предков, отсюда Их Императорские Величества изволили шествовать тем же порядком в Благовещенский собор, где встретил Их Величества служивший литургию архиепископ херсонский Иустин со св. крестом и водой.

Из Благовещенского собора Их Величества изволили проследовать к Красному крыльцу. Взошедши на верхнюю площадку его, Государь и Государыня оттуда поклонились народу тремя русскими глубокими поясными поклонами.

Какой священный восторг тогда объял всех, что каждый здесь пережил, почувствовал, – словами не описать... Здесь одними чувствами благоговейной радости и священного умиления жили все, как один человек, – взирая на своё Красное Солнышко – Государя и Государыню... Их Величества удалились во внутренние покои, а умилённый народ всё стоял и смотрел вслед венчанных Царя с Царицей. Да, здесь в этот во веки незабвенный исторический момент со всей яркостью и силой сказались таинственные, глубокие, вековые связи между Царём и народом – те связи, которые создали великую Русь, носительницу вечных идеалов Православной Христовой веры.

15 мая, на второй день после Коронации, в Успенском соборе и во всех Московских храмах торжественно совершены были литургия и благодарственное Господу Богу молебствие за благополучно совершившееся Священное Коронование и Св. Миропомазание Их Величеств. В тот же день Царь с Царицей изволили принимать в Тронном зале Кремлёвского Дворца поздравления с высокорадостным событием Св. Коронования Их Величеств.

К 11 часам утра в Александровском зале Дворца собрались члены Святейшего Синода и высшее православ. духовенство, духовные особы иностранных христианских исповеданий, члены Государственного Совета, министры, главноуправляющие, сенаторы и другие высшие сановники.

Первыми принесли поздравления Их Императорским Величествам Св. Синод и высшее духовенство, среди которого находились и представители восточных патриархов, причём Митрополит Киевский сказал Его Величеству приветственную речь от лица православной Церкви и духовенства, в которой, между прочим, архипастырь выразил, что православное духовенство, воспитанное с юных лет в вере в богоучреждённость власти на земли, передаёт эту веру и пастве своей, внушая ей повиноваться власти не только за страх, но и за совесть, по убеждению. «И благодарение Господу, – сказал архипастырь – овцы слушают гласа своих пастырей и хранят сию св. веру, постигая если не всегда умом, то своим живым чувством и сердцем, что в этой вере корень и оплот

благоденствия и величия св. Руси. Мечты и замыслы горсти несчастных, утративших сию св. веру, основать благо и счастье народа на иных, самоизмышлённых началах, не встречают сочувствия себе, несмотря ни на какие их ухищрения. Православный Русский народ смотрит на них, как на изменников своему отечеству».

В числе подношений Их Величествам от сословий, городов и учреждений были или св. иконы, или же хлеб-соль на роскошных блюдах. Между прочим, иконы поднесены были через представителей патриарших от имени их святейшеств патриархов Константинопольского и Иерусалимского; через архиепископа Иркутского от духовенства пяти Сибирских епархий (драгоценный складень), от Афонского Пантелеймонова монастыря (икона св. великомученика Пантелеймона и Божией Матери Скоропослушницы); от НовоАфонского Симона-Кананитского монастыря, от Петербурга и друг. Иконы подносили и большинство волостных старшин. Их Величества, милостиво принимая св. иконы, осеняли Себя крестным знаменем и лобызали их.

Повинуясь внушениям истинно-христианского чувства милосердия и любви и следуя заветам царственных предков Своих, Его Величество соизволил, в ознаменование священного события Коронования, осчастливить верноподданных Своих великими и богатыми милостями, которые щедро излиты были на всех верноподданных, особенно же «на страждущих, хотя бы и по собственной вине и нерадению». Много горьких слёз осушил коронационный Царский манифест, много материальных облегчений принёс он бедным или впавшим в несчастье, много вольных и невольных прегрешений, по беспредельному Монаршему милосердию, предано было забвению!.. Даруя обширные льготы лицам, учинившим преступления и проступки, Государь Император, по безмерному Своему милосердию, распространяет эти облегчения и на государственных преступников, нарушивших клятву верности престолу, закону и отечеству. Применение милостей к государственным преступникам предоставлено министру Внутренних Дел «по удостоверении в добром поведении осуждённых». Кроме того,

министру Внутренних Дел, по соглашению с министром Юстиции, разрешается о тех государственных преступниках «кои, по свойству их вины или раскаянием в совершенных ими преступлениях и добрым поведением, заслуживали бы смягчения, превышающего размеры в пунктах 1, 4, 6, 11, 15–19 и 21 ст. XIII указанные, входить с особыми всеподданнейшими докладами». Таким образом, Манифест открывает всем раскаявшимся преступникам путь на стезю обновлённой жизни.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что во всемилостивейшем манифесте ничего не говорится о понёсших наказание по суду или в административном порядке за преступления против веры и церкви, – т. е. о сектантах и раскольниках. Не послужит ли сие на душевную пользу отпадшим, как вразумление и обличение их суемудрия и тяжких неправд перед Богом и помазанниками Его? Но и для сектантов и раскольников, как и для других непоименованных преступников, Царским манифестом открывается прямой путь к милостям Царя через искреннее «раскаяние их в своих заблуждениях и доброе поведение». О, если б коснулся усыплённой совести сектантов этот Царский милостивый призыв к раскаянию! О, если бы этот милостивый призыв Царя к раскаянию и высокий пример верности Помазанника Божия догматам и уставам отечественной Церкви, благоговейного чествования святынь и уважения к пастырям её коснулись отяжелевшего слуха и зрения наших сектантов, а наипаче, благодатный свет Его Помазания от Святого проник в ожесточённые упорством вражды к божественной истине сердца заблуждающихся наших братьев, и возвратил этим непокорным детям добрые качества сердца и правый образ мыслей их благочестивых предков и отцов, чтобы представить из них единый Русский Православный народ, приготовленный Господу (Лк.1:17)!

Наиболее всего Царские милости и облегчения простираются на податные классы и земледельческое крестьянское население.

Православное духовенство, по случаю Коронации, также взыскано высоким Царским вниманием, выразившимся в

Высочайше дарованном всему духовенству праве носить серебряные наперсные кресты. Доселе крест был одною из высоких наград, достигавшихся немногими, сравнительно, из пастырей, особенно же сельских. Высочайшее пожалование этим правом знаменательно в том отношении, что служит новым выражением Царственного попечения о поднятии авторитета и значения православного духовенства в обществе и народе. Вместе с тем награда эта для самого пастырства является призывом *ходить* достойно своего звания во всех отношениях, не исключая и внешнего благоприличия. Ношение наперсного креста благодетельно для пастырей и в том ещё отношении, что даст возможность обществу не смешивать пастырей с лицами, которые хотя одеваются в одежду пастырей, но ведут себя не вполне соответственно званию пастыря церкви, каковы так называемые рясофорные послушники монастырей, разные восточные странники и др., неблагопристойности в поведении которых часто без разбора в народе и обществе относятся на счёт духовных пастырей церкви.

По случаю Коронации, Его Величество изволил милостиво пожаловать за доблестную службу престолу и отечеству многих иерархов церкви и государственных мужей высокими наградами и рескриптами. Последние для нас важны и ценны особенно потому, что из них мы узнаём, что нововенчанный наш Государь в деятелях отечественной церкви прежде всего ценит: а) заботливость о благоустроении духовно-учебных заведений и церковно-приходских школ, б) ограждение православного народа от пагубного сектантства, в) охранение дорогих сердцу Государя преданий церковной старины, г) учёные труды, д) утверждение в истинах веры разноязычного населения, е) расширение миссионерской деятельности, ж) поддержание существующих и устройство новых храмов и, наконец, з) заботы о просвещении заблуждающихся.

Говоря о *народном образовании*, которое так близко связано с Церковью, Его Величество, в рескрипте на имя К. П. Победоносцева, выражает Свою благодарность этому Государственному мужу «за повсеместное умножение церковно-

приходских школ и школ грамоты» и «за благоустройство в строе учебных заведений».

В рескрипте на имя г. министра народного просвещения Его Величество выражает благодарность за пламенное усердие к *сердечно близкому* Государю делу *воспитания и образования* народа, в коем Всемиловитейший Монарх полагает «*главнейший залог* народного преуспеяния».

Свои царственные заветы крестьянскому сословию Монарх выразил в следующей своей речи 18 мая на обеде волостных старшин:

«Императрица и Я сердечно благодарим вас за выраженные вами чувства любви и преданности. Не сомневаюсь, что их разделяют все ваши односельчане. Когда увидите их, передайте им Наше спасибо. Заботы о благе вашем также близки Моему сердцу, как они были близки Деду Моему и незабвенному дорогому Родителю. Помните слова¹²⁷ сказанные Им здесь волостным старшинам при венчании Его на царство. Между вами есть многие слышавшие их сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вам твёрдым руководством. Дай вам Бог в будущем здоровья и успехов в труде и добрых делах».

Тогда же Его Величество изволил сказать и представителям дворянства следующие знаменательные для высшего сословия в Империи слова:

«Благодарю вас сердечно за ваши чувства и верную службу. Не сомневаюсь в том, что дворянство всегда будет, как оно и было, опорой Престола, и искренно ценю полезное и бескорыстное участие дворян в местных делах. Мне известно трудное время, переживаемое помещным дворянством. Будьте спокойны, Я не забуду его нужд в Моих заботах о преуспении Нашего дорогого отечества. Душевно благодарю вас за ваше тёплое участие в наших торжествах».

По благочестивому обычаю православного русского народа и царственных предков Своих, после коронования Боговенчаный Царь, вместе с Государыней Императрицей и в сопровождении всех особ Царской фамилии изволил путешествовать в Троице-Сергиеву Лавру на поклонение мощам преподобного Сергия.

По прибытии в Лавру (23 мая в 11 ч. дня), Их Величества были встречены у св. ворот крестным ходом, во главе которого находился митрополит московский Сергей, приветствовавший Помазанника Божия речью. Проследовав пешком за крестным ходом в Троицкий собор, Их Величества выслушали здесь литургию, а по окончании её молебен преподобному Сергию.

При окончании молебна из алтаря был вынесен драгоценный покров на раку преподобного Сергия, пожалованный Их Императорскими Величествами и освящённый перед началом литургии. Их Императорские Величества Государь Император и Государыня Императрица собственноручно изволили возложить этот покров на свв. мощи преподобного Сергия и, помолившись, приложились к ним, вместе с прочими особами Императорской Фамилии. Когда Государь и Государыня взяли на Свои царственные руки покров, чтобы возложить оный на раку преподобного, старец – архипастырь произнёс следующее прочувствованное молитвенное воззвание к преподобному, глубоко тронувшее всех присутствовавших:

«Приими, преподобне отче Сергие, сие священное приношение от Благочестивейших наших Царя и Царицы, Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Феодоровны, преклоняющих венценосные главы Своя пред Твоею нищетой земной и Твоей славой небесной, и, прияв вещественный покров сей, охраняй незримым покровом Твоих молитв телесное Их здоровье и покой душевный, и вожделенное для Них благосостояние верных Их подданных».

Покров этот бледно-малинового цвета, шёлковый; внизу его превосходно сделан шёлком, золотом и серебром государственный герб с орлами, вверху изображение креста, сделанное из жемчуга и драгоценных камней, а в середине превосходно исполненное шелками изображение св. преподобного Сергия, по древнему образцу. По местам покров украшен крупным жемчугом и драгоценными камнями и по краям его находится следующая надпись, сделанная жемчугом: «В лето от Рождества Христова 1896 Великий Государь, Царь и Император Николай Александрович и Супруга Его Государыня

Императрица Александра Феодоровна соорудили в память Священного Своего венчания на Царство сей покров к мощам преподобного и богоносного Отца нашего Сергия, Радонежского чудотворца».

Поднеся к целованию св. крест, митрополит Сергей благословил Их Величества дорогими иконами и вручил просфоры. Затем, Их Величества в предшествии владыки митрополита со св. крестом и двух иподиаконов с трикирием и дикирием, изволили проследовать из Троицкого собора через южную дверь в Серапионовскую палатку, где прикладывались к иконе Явления Богоматери св. Сергию, к мощам свв. архиепископа Серапиона Новгородского, архимандрита Дионисия и архидиакона Стефана, а затем проследовали в придел св. преподобного Никона, где прикладывались к иконе над гробницей этого преподобного. Отсюда Их Императорские Величества, при торжественном звоне всех монастырских колоколов, изволили проследовать через южные стены собора в архиерейские покои, при громких кликах «ура».

Здесь Их Величества изволили милостиво принять св. иконы от общества Хоругвеносцев и от настоятельницы Покровского Хотькова монастыря.

В покоях высокопреосвященного митрополита Их Величества и все Высочайшие особы изволили завтракать; после того осматривали ризницу лаврскую, где изволили обратить особое внимание на ризу, древние деревянные сосуды, кожаные сандалии преподобного Сергия и др.

Из Лавры Их Величества изволили проехать в Гефсиманский скит, посетили древнюю Успенскую и трапезную церкви, пещеры, новый храм Черниговской Божией Матери. Отбыв из Москвы в 9 ч. утра, Их Величества возвратились в 6 ч., посвятивши целый день на сей душеспасительной подвиг веры и благочестия.

Светло праздная коронационные торжества, наш Милостивый Государь не оставил без праздничного утешения и бедный трудящийся народ Свой. По Высочайшему повелению в течение всего времени пребывания Их Величеств в Москве, при монастырях и др. благотворительных учреждениях, несколькими

тысячам бедняков г. Москвы ежедневно выдавались даровые обеды с пивом и мёдом от Царских щедрот. В тех же заботах о даровании утешения народу организовано было небывалое доселе угощение и увеселения для народа на Ходынском поле. Но попущением Божиим, как известно, не одна тысяча жизней стала жертвой несдержанного благоразумием народного энтузиазма на этом празднике. Несчастье это глубоко омрачило светлые дни коронационного торжества. Но истинно-религиозное чувство верноподданных Царя нашло и тут нечто высоко-поучительное и отрадное для себя: оно ещё раз убедилось в том, насколько необходима постоянно бодрствующая рука, которая регулировала бы свободные действия народа для охранения его же собственного благополучия; оно ещё раз видело пример по истине Царского милосердия и набожности, которые явил воочию всех Нововенчаный Монарх и Его Царственная Супруга. Тотчас, по докладе о Ходынском несчастье, Государь повелел принять похороны убитых и лечение раненых на Свой счёт, а осиротелым семьям выдать по 1.000 рублей. На другой день по желанию Царя совершается в присутствии Их Величеств панихида по убиенным; оставив всё, Государь и Государыня отправляются в больницы. Здесь Их Величества лично обходят всех больных, опрашивая обстоятельства и причины Ходынской катастрофы, Своим посещением, высоким милостивым вниманием и добрым словом облегчают тяжесть утраты, и смягчают болезни страдальцев. Так и в радостных, и в горестных обстоятельствах наш обожаемый Монарх явил Себя миру и подданным Своим, к утешению их, Царём благочестивым, избранником по сердцу Божию... В Ходынском несчастье Царь и народ ещё раз опознали друг друга: никогда не было так могуче, так искренне народное «ура», как при царском выходе на Ходынском празднике, так и при отъезде Их Величеств отсюда после несчастья. Пострадавший народ сердцем понял скорбь Царя – Отца и Своей сыновней любовью утешил Его.

Слушай Божий народ, что Господь говорит
О венчанном Царе, Своём Избраннике,

И внимлите князья словам Крепкого, –
Он однажды сказал, – дважды слышал пророк:
(Пс.61:12).

«Горы сдвинутся, холмы сгладятся,
Вечна милость Моя,
Не отступит от Тебя
Завет мира Моего не разрушится»
(Ис.54:10).

* * *

Заканчивая наши беглые наброски о совершившихся коронационных торжествах, не можем в заключение не отметить пред-коронационных происков нашего раскола и сектантства, которые для целей торжества своего суемудрия не брезгают никакими средствами. Светло праздничным событием коронации исконным обычаем Царей оказывать милости и льготы верноподданным раскольники и сектанты пытались воспользоваться к своим выгодам. И в заграничных и наших газетах перед коронацией, стали появляться статьи в пользу раскола и сектантства, посыпались прошения и просьбы их в разные правительственные учреждения с небывалыми претензиями, хотя и под прикрытием благочестивого желания: «дать им возможность торжественно (т. е. с оказательством) молиться за Царя, Помазанника Божия, в дни коронации» ... В Стародубье уже год назад заготовлены были коронационные походные алтари для часовен, которые, обыкновенно, после коронации за недосугом убрать, стоят годы. На самом же деле ни одна секта в расколе не признаёт благодати в православной церкви, а наоборот все раскольники (за исключением горсти истинных окружников) учат, что у нас в православной Церкви господствует антихрист. Отрицая все обряды и таинства, сектанты не признают благодатного значения и за таинством Венчания и Помазания Царя на царство, а, следовательно, и тем и другим молиться по поводу этого священного события по сущности их учения нет никаких побуждений. Особенное усердие и смелость в происках этих выказали представители московского старообрядчества австрийской секты, которые по случаю коронации возбудили незаконное домогательство об

отмене Высочайших распоряжений блаженной памяти Императора Николая I относительно алтарей Рогожского кладбища, хотя нужно заметить, что последнее не составляет собственности этой именно секты, а беглопоповской, угнетённой и поглощённой расколом австрийского согласия. Не упустили также случая представители московского лже-священства воспользоваться прибытием на коронацию патриарших депутатов, к которым являлись с наветами на мнимое неблагочестие православной Церкви и на угнетённость свою в государстве. Получив от митрополита Никомидийского Филофея строгий упрёк в раздорничестве и внушение примириться с отечеств. церковью и прекратить вековую вражду, не раз осуждённую восточными православными церквами, – старообрядцы остались весьма разочарованными.

В. Скворцов

Э. Я. Пятидесятилетний юбилей Обер-Прокурора Св. Синода, Статс-Секретаря К. П. Победоносцева // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 138–142

15 числа текущего июня исполнилось пятидесятилетие служебной достославной деятельности г. Обер-Прокурора Св. Синода, действительного тайного советника Константина Петровича Победоносцева. Досточтимый юбиляр принадлежит к числу знаменитейших государственных мужей нашей эпохи, высокопросвещенную церковно-государственную деятельность которого высоко чтит вся Россия и хорошо весь знает образованный запад и восток. Имя Константина Петровича Победоносцева, как государственного деятеля, тесно связано с историей благословенного Царствования Императора Александра III, в юные годы Которого наш маститый юбиляр был преподавателем юридических наук, а в годы Царствования этого блаженной памяти великого Монарха – преданнейшим и мудрым советником.

Полувековая деятельность достославного юбиляра на пользу православной Церкви и Отечества слишком широка по разносторонности своей и глубока по благим последствиям для духовной и государственной жизни России. Отечественная Церковь благословляет юбиляра, как преданнейшего сына, одушевленного ревнителя православия, мощного защитника и твёрдого охранителя интересов её и авторитета духовенства. В период времени Обер-Прокурорства в Св. Синоде Константина Петровича положение приходского духовенства во многом улучшилось: возвысилось воспитание и образование духовенства, усилена пастырская просветительная деятельность, влияние духовенства в обществе и народе значительно поднялось, а также и материальное обеспечение, благодаря исходатайствованию казённого жалования.

Благодарное отечество глубоко чтит в юбиляре убеждённого мужественного поборника священной идеи о

незыблемости вековых устоев государственной жизни России – православия, самодержавия и народности.

Православный народ будет сохранять вечную признательность к нынешнему Обер-Прокурору Св. Синода за содействие к восстановлению приходов и церквей, закрытых при предшественнике его, и открытию новых на Св. Руси, за попечение о церковном благолепии храмов Божиих и благослужения, за обучение и воспитание молодого поколения народа в духе православной веры и церкви через восстановление церковных школ и умножение этих любимых народом рассадников истинного народного просвещения.

Отечественная наука высоко ценит досточтимого юбиляра, как первоклассного учёного юриста и высокообразованного талантливое писателя.

Заслуги Юбиляра перед Церковью, Престолом и Отечеством достойно оценены и с высоты царского престола в недавнем знаменательном Высочайшем рескрипте, данном Обер-Прокурору св. Синода в день коронации, при пожаловании ордена Владимира 1 степени. Царский рескрипт представляет собой яркую характеристику доблестной полувековой службы Константина Петровича, и мы, в виду предстоящего юбилея этого великого государственного деятеля, долгом считаем воспроизвести на страницах Мис. Обозр., обращённые к юбиляру высоко-знаменательные царские слова этого рескрипта:

Константин Петрович!

Полувековое просвещённое служение ваше, одушевляемое непоколебимой приверженностью к славе Престола и к пользам любезного Нашего Отечества, заслуживает особой Монаршей признательности. После целого ряда лет неутомимой деятельности в судебном ведомстве и участия в законодательных работах Государственного Совета, вы, с 1880 года, исполняя важные обязанности Обер-Прокурора Святейшего Синода, ознаменовали это поприще многочисленными плодотворными трудами, вполне отвечавшими предужазаниям Незабвенного моего Родителя и Его всегдашним душевным заботам о благе святочтимой

Православной Церкви. С искренней любовью содействовали вы повсеместному умножению церковноприходских школ и школ грамоты, прилагали старание к оживлению церковной проповеди, сообразованной с потребностями прихожан. Столь же утешительны восстановление и открытие самостоятельных приходов, а равно и преобразования, направленные к достижению желаемого благоустройства в строе учебных заведений, и те полные самого возвышенного значения усилия духовно-просветительной деятельности, которые имеют целью утверждение в истинах православной веры части населения, по невежеству пребывающей в прискорбных заблуждениях.

Независимо от прямых ваших обязанностей, вы постоянно принимали ревностное участие в деятельности высших государственных установлений, причём ваши обширные научные познания по всем отраслям государственного управления и долголетняя опытность, в связи с отличающими вас выдающимися дарованиями, всегда приносили и приносят существенную пользу для дела.

Высоко ценя многообразные заслуги ваши перед Церковью и государством, а также присущие вам искони добросовестность, беспристрастие и примерное усердие, Я, в виду предстоящего наступления пятидесятилетия достохвального служения вашего, от Имени возлюбленного Родителя и от Себя, в знак глубокой признательности, жалую вас кавалером ордена святого равноапостольного князя Владимира первой степени. Сердечно желаю, чтобы мне дано было ещё на много лет сохранить вас в числе ближайших Моих советников.

Пребываю к вам навсегда благосклонный,

На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукою написано:

«и благодарный **НИКОЛАЙ**».

Присоединяясь к сонму искренних почитателей высоких заслуг достославного Юбиляра, юный миссионерский журнал, обязанный покровительству г. Обер-Прокурора св. Синода и своим возникновением и направлением, считает ныне благовременным напомнить своим читателям и о том, как много

для противо-сектантской миссии сделано центральным церковным управлением и государством за недолгое время Обер-Прокурорства в св. Синоде К. П. Победоносцева, благодаря высокому вниманию и сердечному участию к этому святому делу юбиляра.

Если церковно-приходская школа *воссоздана* Обер-Прокурором св. Синода, то о нынешней противо-сектантской миссии нужно сказать, что она *создана* им.

Назад тому 15 лет, собственно говоря, не было этой миссии ни как учреждения епархиального, ни как организованной деятельности: не было ни средств, ни деятелей, ни литературы, ни даже вопроса о правильном миссионерском воздействии на отпавших. В настоящее же время в редкой епархии не существует этого многополезного учреждения, создалась значительная литература по обличению и истории раскола, имеются три специальных периодических органа по миссионерству и множество повременных изданий миссионерских листков для народа, основаны кафедры при академиях и семинариях по истории и обличению местных сект, через что степень познаний по сектоведению и миссионерству в приходском духовенстве сравнительно возвысилась; испрошены значительные государственные суммы на содержание миссионеров в южных губерниях и почти повсеместно изысканы епархиальные средства на этот предмет, обновлён состав деятелей миссии лицами с высшим богословским образованием, развивается новое более обеспечивающее успех борьбы с сектами направление в миссионерской практике, учреждены с миссионерскими задачами братства, заведены миссионерские съезды всероссийские, епархиальные и окружные, организованы вне-богослужебные полемические беседы, издан ряд полезных распоряжений по миссионерству, начаты миссионерские опыты по истолкованию библии и исправлению текста, а главное получили широкое распространение Синодальные издания библии по цене доступной для народа.

Одно простое указание на новые явления и мероприятия в области миссионерства достаточно свидетельствует о

бессмертных заслуг юбиляра перед миссией отечественной Церкви. Мы знаем и уверены, что миссионерствующее пастырство, коему облегчена ныне борьба с врагами Церкви и все деятели миссии, также, как и все верные сыны Церкви и отечества возносят горячие молитвы Главе Церкви, Христу Живодавцу, чтобы Всевышний не лишал Церковь, Россию и Царя счастья и ещё многие и многие годы пользоваться плодотворною церковно-государственною деятельностью верующего, мудрого, добродетельного Юбиляра!

Сообщаем краткие биографические сведения о высокочтимом всей Русью юбиляре.

К. П. Победоносцев уроженец Москвы: высшее образование получил в Училище Правоведения, которое окончил 30 мая 1846 г. На государственную службу поступил в канцелярию 8 департамента Сената на должность секретаря. В 1853 году переведён был в Москву в общее собрание Сената. В это уже время Константин Петрович начал заниматься разработкой научных вопросов и помещать их в Русск. Вестн., а в 1863 году получает почётное поручение сопровождать Наследника Цесаревича Николая Александровича в Его путешествии. Письма К. П-ча с пути, печатавшиеся в Русск. Вестн. читались всей Россией с величайшим интересом. Поселившись по возвращении из путешествия в Москве, К. П-ч занимался в сенате и вместе читал лекции в университете по гражданскому праву и преподавал законоведение Великим Князьям Александру Александровичу и Владимиру Александровичу. В 1865 году К. П. был назначен членом консультации при М. Юстиции, а в 1872 году – членом Государственного Совета. В 1880 году, 24 апреля юбиляр назначен обер-прокурором Св. Синода. В 1886 году на К. П-ча была возложена обязанность участвовать в трудах комиссии по выработке нового положения об Императорской Фамилии. Наконец, К. П. принимал живое участие в организации добровольного флота.

Из многочисленных литературных трудов Юбиляра считается классическим его Курс гражданского права и мн. другие исследования в области юридических наук истории. Не смотря на лета и многосложность служебных занятий, маститый

юбиляр не оставляет и доселе дарить отечественной литературе свои талантливые работы. Последний труд юбиляра вышел в Москве перед коронацией под заглавием «Московский Сборник», в том же году вышла «Вечная память» – воспоминание о почивших. Но особенно широким распространением пользуются почтенные труды достославного юбиляра по вопросам религиозно-нравственным, отличающиеся цельностью мировоззрений, возвышенностью истинно-христианских чувств, пластичной ясностью мысли и редким изяществом языка, при роскошной внешности всех изданий и общедоступной цене. Известное сочинение «о подражании Христу» – выдержало 6 изданий и сделалось настольной книгой всякого образованного христианина. «История православной Церкви» – 3 издания, «Праздники Господни» – два издания, – а «Победа победившая мир» четыре издания в течение одного года.

Э. Я.

Июль–Август. Книга 1-я

**Кохомский С. В. Рассказы гр. Л. Толстого в
отношении их к православному вероучению //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 3–14**

Между рассказами графа Льва Толстого, написанными в последнем периоде его литературной деятельности и имеющими религиозно-нравственный смысл, первое место занимает рассказ под заглавием: «Чем люди живы»? Ангел Божий, по имени Михаил, получил от Бога повеление вынуть душу у женщины, недавно лишившейся мужа и только-что родившей двух младенцев – девочек. Ангел колебался исполнить это повеление, которое показалось ему жестоким («нельзя детям без отца, без матери прожить»). За это колебание ангел был послан на землю, чтобы узнать, «что есть в людях, и чего не дано людям, и чем люди живы». Нашедши себе приют у бедняка сапожника, он узнал, что в людях есть любовь; из случая с богатым толстяком, который заказывал себе сапоги с условием, чтобы они носились целый год, и был через несколько часов поражен смертью, – узнал он, что людям не дано знать, чего им для своего тела нужно; наконец, узнав, что дети той вдовы, из которой он вынул душу, вскормлены и с любовью выращены чужой женщиной, он узнал, что люди живы любовью.

Но если в людях есть любовь, то откуда взялся этот надменный богатый толстяк («морда красная, налитая, шея как у быка, весь как из чугуна вылит», – аттестует его любвеобильный автор), который ругает смиренного сапожника без всякой причины, грозит ему острогом, если он дурно сошьёт ему сапоги? Значит в людях не одна любовь. есть и надменность, и своекорыстие, и жестокость. Любовь есть обязанность, выполнение которой столь не совершенно, что всегда люди остаются должниками перед Отцом небесным, заповедавшим любовь. Кто имеет её, в том она по необходимости должна весьма часто направляться на защиту слабого, больного и бедного от надменности, презрения и жестокости тех, которые питают чувства, противоположные

любви. Если бы мы уверовали в то, что в людях есть, вселилась и осуществилась во всей полноте христианская любовь, то это привело бы нас к отрицанию и полной отмене всех преград, полагаемых для действия других чувств и побуждений (своекорыстных, враждебных). Но для сего не настала пора, потому что любовь есть только требование, исполняемое далеко не во всей полноте; признать её за вполне действующую и все благоустраивающую силу – значит обмануть себя призрачным утешением, усыпить себя мечтательной надеждой, вместо того, чтобы быть постоянно на страже для бодрого противодействия (посредством суда, обороны) тому, что противоположно любви. Но пусть в людях есть любовь (хотя, конечно, не во всех). в чём же она может проявляться, если людям не дано знать, чего им нужно? «Не дано было знать матери, чего её детям для жизни нужно. Не дано было знать богачу, чего ему самому нужно. И не дано знать ни одному человеку: сапоги на живого, или босовики¹²⁸ ему же, на мёртвого, к вечеру нужны. – Остались живы сироты не тем, что обдумали их, а тем, что была любовь в сердце чужой женщины, и она пожалела, полюбила их». Однако эта добрая женщина «обдумывала» своих приёмышей, когда заказывали им у сапожника башмаки и говорила: «вот с этой (девочки) две мерки сними, на кривенькую ножку один башмачок сшей, а на пряменькую три. У них ножки одинакия – одна в одну». Говоря это, она конечно знала, сколько-нибудь, что им нужно, и в этом знании не ошибалась (хотя в другом случае могла и ошибаться). И раньше, когда она растила их, то также знала, что им нужно, чтобы не умереть с голоду или от какой-нибудь болезни. Вообще, в чём бы могла выражаться и состоять наша любовь к ближнему, если бы мы совершенно не знали, чего ему нужно, что ему полезно, и что ему опасно или вредно? Всё это мы можем знать только по самим себе, по собственному опыту, по нашим страданиям, бедствиям, неудачам, или (напротив) радостям и успехам. Если бы мы решительно не знали, что нам самим нужно, то не могли бы мы знать и того, что нужно другим, а тогда не в чём было бы нам выразить и свою любовь к другим. Милосердый самарянин возливает на раны *впадшего в*

разбойники масло и вино, даёт содержателю гостиницы два динария, говоря: позаботься о нём, и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе (Лк.10:33–36). Всё это делается, конечно, на основании известного представления о том, в чём нуждается израненный, едва живой человек. Любовь, не руководимая таким представлением, бездействовала бы и терялась бы в незнании, что сделать для ближнего. Один из великих, но осуществимых, подвигов любви в том и состоит, чтобы на основании собственного опыта и опыта других приобрести и ясное познание о том, что и когда человеку нужно, чем и когда можно ему послужить. На этом основаны сложные человеческие учреждения, государственные, церковные, общественные, благотворительные, попечительные, имеющие целью по возможности обеспечить для людей пользование благами временными и достижение благ вечных, изыскивать для этого наиболее верные средства и настойчиво осуществлять их. Для того и дан человеку разум (хотя и ограниченный), чтобы знать, чего ему нужно; этот разум и руководит любовь, чтобы она могла выражаться в делах, истинно полезных нашему ближнему, чтобы она могла разумными и действенными мерами ограждать его от всего того, что ему губительно.

Если в решении первых двух вопросов у автора слышатся неправильные ноты, то тем более в решении третьего: чем люди живы? Вопрос поставлен в форме слишком общей. Живут и праведники, живут и злодеи; общего между жизнью тех и других очень мало; одни живут честным трудом, а другие насилием и обманом. Как можно сказать, что все люди живут любовью? Не принимается ли и здесь требуемое, желаемое, заповедуемое, за действительное и существующее? Желательно, чтобы все люди любили друг друга, чтобы эта любовь составляла руководительное начало их жизни, чтобы в ней заключалось и вернейшее обеспечение нашего временного и вечного счастья. Так заповедует и Господь, дающий нам спасительные законы и указующий истинные цели для нашей жизни. Но это не значит, что так есть и на самом деле. Чтобы сказать, что люди живы только любовью, для этого требуется изменить или понятие о жизни, или понятие о любви.

Если мы усвоим такое понятие о жизни, что живёт только тот, кто любит, что только жизнь любящего человека может быть названа жизнью, что жизнь не любящего, напротив, есть смерть, тогда, конечно, мысль, что люди живы (т. е. имеют истинную жизнь) только любовью, не будет содержать в себе ничего странного и будет сообразна с учением Евангелия, которое поставляет истинную жизнь в истинном богопознании (Ин.17:3) и в искренней любви к Богу и ближнему (Ин.3:14). По-видимому и гр. Толстой хочет внушить читателю такое же понятие о жизни. «В лице» сапожника, думающего только о том, как себя с женой шубой прикрыть и хлебом прокормить, ангел видит смерть; а когда этот сапожник решается сделать доброе дело, высказать любовь, то становится «как живой». Тоже и жена сапожника: пока она хочет выгнать бездомного Михаила (ангела), «мёртвый дух идёт у неё изо рта», Михаил не может «продохнуть от смрада смерти» и знает он, что умрёт она, если выгонит его. Когда же она переменилась – «в ней уже не было смерти, она была живая». Таким образом любовь в человеке есть основа и существо истинной жизни (а не всякой, потому что есть и не истинная жизнь), и любящий есть в тоже время и истинно живущий.

Но изменив понятие о жизни, разумея под жизнью только истинную, исполненную любви – жизнь, гр. Толстой не ограничился этим и изменил представление и о любви; это не только чувство человеческое, не только образ наших действий в отношении ближнего; это есть нечто высшее и большее, уже не человеческое, а божественное; это есть Бог. В лице сапожника ангел «узнал Бога»; в его жене он также «узнал Бога». «Бог есть любовь», заключает ангел свою речь к приютившим его людям, перед своим отшествием от них и возвращением на небо. Отсюда следует (через перемену понятия о любви, через то, что она обожествляется), что если люди живы любовью, то, значит, они живы Богом. Становится понятным и ответ на первый вопрос: в людях есть любовь. Это значит: в людях есть Бог.

Что же вытекает из всего этого? Если мы станем на ту точку зрения, что истинно живёт только тот, кто любит, и что в тоже время любовь божественна, любовь и есть то, что называют

Богом, то будет следовать, что бытие Божие сокращается и умножается по мере того, как люди перестают любить или возрастают в любви. Если же утвердимся в той мысли, что Бог есть нечто большее, чем человек и его сердце (1Ин.3:20), и что в тоже время Он и есть именно то, что называется в нас любовью, то будет следовать, что присутствие или отсутствие в нашем сердце и в наших действиях любви есть дело не от нас зависящее; если нет в нас любви, то конечно это зависит не от нас, а от Бога, Который не вселился в нас (тогда как Он и есть именно то, что называется любовью). Первый вывод есть атеистический: нет никакого истинно так называемого Бога, нет ничего, что было бы выше человека, находилось за пределами его ограниченного бытия. Второй вывод ведёт к безнравственному успокоению нашего сердца в той мысли, что человек не волен ни любить, ни ненавидеть, ибо любовь есть только присутствие в нём Бога, а ненависть есть отсутствие Бога.

Вся эта запутанная философия гр. Толстого безмерно ниже ясного и чистого, вразумительного и библейского воззрения. По учению Слова Божия, хотя все люди живут, но не все живут истинной жизнью; некоторые живут жизнью, которая равна и подобна смерти (1Ин.3:14). Истинная жизнь состоит в том, чтобы познавать Бога и любить Его, равно как и любить брата, или ближнего. Но эта любовь не есть Бог, ибо Бог по совершенству и бесконечному превосходству Своего бытия неизмеримо возвышается над человеком; наша любовь есть лишь подобие той любви, которая составляет основу божественной жизни и деятельности. Вообще свойства и действия Бесконечного Существа выставляются в образец человеку для подражания, но не делаются через это его собственными. Святость Бога, милосердие Его, всепрощение Его, равно как и любовь, должны находить себе подобие в наших действиях и чувствах не делаясь через это нашими. (Мф.5:48,6:14; Лк.6:36). Бог, Коему поклонение и служение вменяются нам в обязанность Евангелием, не есть любовь, общая всем любящим, но есть Лицо (или Троица Лиц), безмерно изобилующее любовью. Пребывание Его в тех,

которые подражают Ему в любви, есть милостивое снисхождение, а не тождество между бытием бесконечным и конечным, безначальным и сотворённым.

После толстовских рассуждений о Боге и любви естественно слышать от сектантов, что Бог – в самом человеке, что Его не нужно нигде искать вне человека; что кто любит ближнего, тот имеет в себе Бога, так как эта самая любовь и есть Бог, что ему нечего искать спасения и вечной жизни, так как любовь, или – что тоже – Бог, и есть эта самая жизнь. К чему тогда храмы, как особые жилища Божества, к чему жертва Евхаристийная, молитвы и пощения, как средство примирения с Ним, если Бог не имеет личного бытия, а имеет бытие в ином, в человеке, в прочих живых созданиях, причастных любви и жизни. Но такой Бог не есть Бог, а есть создание человеческого вымысла. В самом деле, под именем Бога мы разумеем Существо совершеннейшее, Которому свойственно всё лучшее и высшее. Несомненно, что бытие личное и самостоятельное лучше чем безличное (воздух, земля и прочие стихии) и лучше, чем бытие не самостоятельное, наблюдаемое и находимое в чём либо ином (теплота, чистота, добродетели, любовь). Если же мы будем почитать за Бога любовь людей, то будем приписывать Ему бытие и не личное, и не самостоятельное, следовательно худшее, а с таким бытием существо недостойно имени Бога.

В своих повестях гр. Толстой затемняет истинное понятие как о Божественном Существо, так и о Христе. Как усматривается у него стремление превратить Божественное Существо из личного в безличное, так подобное же стремление замечается у него и в отношении Христа: он хочет образ личного Христа заменить чем-то безличным, существующим в разных людях, из коих каждый может сказать о себе: я Христос, хотя ни один не может сказать этого о себе в том смысле, в каком Церковь говорит это о Сыне Девы, страдавшем, вознесшемся и паки грядущем. Для уяснения Толстовских воззрений на этот предмет очень важна его повесть: «Где любовь, там и Бог».

Самое заглавие этого рассказа указывает на его руководящую мысль, на его связь с рассказом: «Чем люди

живы», в котором усмотрели мы отступление от веры в живого личного Бога и уклонение к мысли о Боге, как о любви и жизни. Содержание вполне подтверждает ожидания, внушаемые заглавием.

Сапожник (это ремесло, по мнению Толстого, должно быть, более других способствует и соответствует восприятию новых религиозных истин и откровений) Мартын Авдеич, зачитывающийся Евангелием, слышит однажды в дремоте таинственный голос: «смотри завтра на улицу, приду». И вот Авдеич весь следующий день поджидает к себе – Христа. Но вместо Христа он принимает у себя и поит чайком прозябшего усталого дворника Степаныча, солдатку с грудным ребёнком обогревает и кормит, мирит старую торговку яблоками с уличным мальчуганом, стянувшим у неё яблоко...

По прошествии дня, когда Авдеич раскрыл Евангелие, таинственный голос стал шептать ему: «Мартын, а Мартын! или ты не узнал Меня? Ведь это Я. И выступил из тёмного угла Степаныч, улыбнулся и как облачко разошёлся. – Это Я, сказал голос. И выступила из тёмного угла женщина с ребёнком, засмеялся ребёночек, и тоже пропали. – И это Я, сказал голос. – выступила старуха и мальчик с яблоком; и оба улыбнулись, и тоже пропали. – И радостно стало на душе Авдеича, перекрестился он, надел очки и стал читать Евангелие – там, где открылось. И на верху страницы он прочёл: и взалкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня, был странником, и вы приняли Меня. И внизу страницы прочёл ещё: Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. И понял Авдеич, что не обманул его сон, что точно приходил к нему в этот день Спаситель его, и что точно он принял Его».

Итак, Христос, это – Степаныч, это – солдатка с ребёнком, это старуха с мальчиком, являющиеся, улыбающиеся и пропадающие: что может сравниться с этим по дикости, безумию и кощунству? Всякий христианин ищет общения с тем Иисусом Христом Сыном Божиим и Сыном Девы, Который нас ради человеков и нашего ради спасения сшел с небес и воплотился и вочеловечился, и пострадал при Понтийском

Пилате и был погребён и воскрес и восшел на небеса и сedit одесную Отца и грядет судить живых и мертвых. А гр. Толстой хочет заменить Его Степанычами, солдатками и старухами! Почитая евангельского Христа, христианин ищет приблизиться к Нему молитвой, соединиться с Ним через таинства, запечатлеть в своей мысли Его образ посредством созерцания священных изображений, или икон. А. Толстой говорит: Христос есть не иной кто, как те люди, которые нуждаются в твоей помощи и получают её от тебя. Понятно, что через это Христос у Толстого исчезает, как исчезают, или пропадают, призраки, являющиеся сапожнику Мартыну Авдеичу.

Правда Христос сказал: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

Но говоря эти слова Господь очевидно не отождествляет Себя с «сими братьями»; если бы Он был одно и тоже с ними, то конечно не назвал бы их меньшими по сравнению с Собой: меньшее не есть одно и тоже с большим; по сему алчущий, жаждущий, странник не есть Христос, а есть только меньший брат Христа. Христос, по милости Своей, только принимает дело доброе, сделанное для Него Самого; но Себя с этими братьями заодно и тоже не объявляет. Он говорит: «это для Меня», – но не говорит: «это Я». Подобным образом Господь говорил: «принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает, а принимающий Меня, принимает Пославшего Меня (Ин.13:20)». И здесь три дела (принятие апостолов, принятие Самого Христа, принятие Отца) принимаются за одно; но лица остаются различными: апостолы не тоже, что пославший их Христос, а Христос уже самым посланничеством отличается от Отца, пославшего Его.

Хорошо побуждать людей к благотворению, но рассказы, подобные двум выше изложенным, могут затмить и затмевают в сознании и чувствах людей образ высочайшего Отца, Виновника бытия людей, их Законодателя и Судии, а также и образ исторического, личного и присносущного Христа, – а между тем Христос сказал апостолам: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин.15:5). Кто утратил Христа, тот не способен к истинному благотворению.

Несомненно, лучшим рассказом Л. Толстого является его рассказ: «Два старика». Два пожилых крестьянина, Ефим и Елисей, собрались на поклонение святыне в Иерусалим. Практичный и расчётливый Ефим достиг Иерусалима, а добродушный и простой Елисей застрял на дороге в малороссийской деревушке, и большую часть денег, назначенных на путешествие, употребил на то, чтобы спасти от голодной смерти незнакомую семью, в хату которой он зашёл только для того, чтобы напиться. Так и не дошёл Елисей до Иерусалима, но зато спас и поставил на ноги погибавших бедняков. С художественным мастерством очерчены характеры действующих лиц и та постепенность, с которой развивается и созревает на почве истинной доброты искреннее благотворение. Но и здесь, конечно, Толстой остался верен себе. Вот какими словами рассказывала Ефиму о том, что сделал Елисей, женщина, мать того семейства, которое было им облагодетельствовано. «Нам нельзя странников не привечать. Мы от странника жизнь узнали. Жили мы, Бога забыли, и наказал нас Бог так, что все только смерти ждали. Дошли летось¹²⁹ до того, что все лежали, и есть нечего, и больны. И помирать бы нам, да послал нам Бог такого вот как ты, старичка. Зашёл он среди дня напиться, да увидал нас, пожалел, да и остался с нами. И поил, и кормил, и на ноги поставил, и землю выкупил и лошадь с телегой купил... Не приди он к нам (говорил мужик хозяин), – мы бы все в грехах померли... Помирили мы в отчаянии, на Бога и на людей роптали. А он нас и на ноги поставил, и через него мы и Бога узнали, и в добрых людей уверовали». Очевидно слова эти говорит не русский верующий крестьянин, а религиозная философия гр. Толстого. Русский крестьянин познаёт Бога в проявлениях не только Его милосердия, но и Его правосудного гнева. В голодный 1891–92 год русские мужички умирали без ропота, с молитвой на устах, со свечками в руках, одевшись в чистые рубахи; грамотные сами себе читали отходную... Таков конец человека, верующего не только в любовь Божию, но и в Его правосудие, и в неисследимость путей, которыми ведёт Он нас к вечному спасению. Но граф Толстой ограничил бытие

Божие одной любовью, притом узко понимаемой; мало того, он поставил Его за одно с любовью человеческой, вообразил, что Бог есть принадлежность человеческого сердца. И вот он влагает в уста крестьянина речи своего собственного направления: «через него (Елисея) мы узнали Бога».

Если бы Бог имел бытие только в людях, только в сердцах их, как их любовь, то конечно и познание Его могло бы получаться только через обращение с людьми, имеющими такую любовь. Но Бог имеет бытие вечное, неизменное, от людей независимое, существует Сам в Себе и познаётся в бесконечно разнообразных проявлениях Своей всесвятой жизни.

С. Кохомский

**Добротин Г. Н. Закон и свобода совести в
отношении к лжеучению и расколу ¹³⁰ //**
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 14–26

Глава 2-я

Взгляд современных представителей западной культуры на происхождение и исторические условия образования уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников, и основные начала его у западноевропейских христианских народов да конца 18-го века.

В ходе отношений человека к вере вообще и формулировке этих отношений, как в виде определённых основных начал, так и в виде уголовных законов по предметам веры, представители современной культуры и цивилизации различают две системы или формации: старую – наследие прежних времён, и новую – прямой продукт современной культуры и цивилизации. Как, и при каких исторических условиях создавалась старая система уголовного кодекса по преступлениям против веры вообще и, в частности, относительно еретиков и раскольников? На эти вопросы современные цивилизованные люди отвечают так. Не может быть и речи о преступлениях против веры у первобытного человека, как не существует у него и государственных преступлений. Пока племена живут рассеянно, пока их верования представляют обрывки тёмных, неопределённых суеверий, пока верования не сложились в твёрдые определённые догматы, пока религия не организовалась, пока не сложился известный культ, с организованной кастой, или сословием жрецов, – ведающих дела религии, – до тех пор у рассеянных племён мы не находим преступлений против религии. Последние, как и государственные преступления, появляются вместе с объединением племён, с организацией общества в религиозном и политическом отношении. В древних государствах, существовавших как в Азии и Африке, так и в Европе, вместе с их организацией и сложением религий в национальный культ, возникают и преступления против веры¹³¹.

В законах египетских, индийских, еврейских, вавилоно-ассирийских, персидских, китайских, греческих и римских мы встречаем постановления о преступлениях против веры. Оскорбление божества, неуважение к святыне и осквернение её, клятвопреступление, святотатство, неисполнение обрядов или приверженность к отжившим *обрядам старого*, первобытного культа – вот те действия, которые в законах этих народов объявлены были преступлениями против веры, обложенными тяжкими казнями. Но вследствие того, что религии этих народов были вполне национальны и не заключали в себе идеи объединения, они лишены были стремления к прозелитизму и не считали себя за единственно истинные, за такие, которые должны быть приняты каждым человеком, принадлежащим к данному государству. Вот почему история знает так мало действий, объявленных в законах этих народов уголовными преступлениями, действий, вытекавших, с одной стороны, из прозелитизма, с другой стороны из духа нетерпимости¹³².

Вопрос о преступлениях против веры делает решительный шаг с возникновением религий не национальных только, но, если можно так выразиться, общенародных. К числу таковых принадлежит христианская религия. Утверждение и торжество христианской религии среди древних и новых народов, восточных и западных, поставило вопрос о преступлениях против веры на ту почву, на которой он до сих пор стоит. Новая постановка этого вопроса в новейших европейских законодательствах возникла из прежней постановки, без уразумения которой нельзя понять и её.

Христианская религия, по самому существу своему, содержала начала религии общенародной. Провозгласив идею единого Бога, общего Отца всех народов и Покровителя всех трудящихся, обременённых и угнетённых, она по одному этому должна была распространиться среди самых различных народов, которые постепенно её воспринимали¹³³. Отсюда, появившись в Римской империи, она сделалась началом, объединяющим народы Римской империи в сфере религиозной, подобно тому, как императорство явилось объединяющим

началом в сфере политической¹³⁴. Ещё будучи гонимой, христианская религия стала твёрдо держаться учения абсолютной ортодоксии, т. е. **что она только есть единая истинная религия**, а все прочие суть плоды заблуждений человеческих, что вне христианской религии нет и не может быть спасения, что о сём спасении должен заботиться каждый, и что спасти душу человеческую, путём хотя бы насильственного присоединения к христианской религии, есть обязанность каждого верующего. Отсюда дух прозелитизма, заметный в христианстве при самом его возникновении. Но пока христианская Церковь сама была гонима, она все силы свои обращала на то, чтобы отстоять своё существование защитой своих истин проповедью начал веротерпимости, изложением доказательств того, что исповедующие христианскую веру суть люди мирные, добрые и полезные государству граждане. К этому периоду относится организация церковной иерархии. Когда христианская религия была объявлена господствующей в империи, церковная иерархия явилась уже вполне сложившимся учреждением. С этих пор образ действия церковной иерархии изменяется. Воспитанная в гонениях, она усвоила себе не идеи веротерпимости, которые во время гонений были ей благоприятны, а идеи противоположные, *идеи абсолютной ортодоксии, идеи исключительного монопольного прозелитизма*, Нетерпимость римского языческого правительства не только была усвоена христианскою церковью, но и доведена до последних крайних выводов, дальше которых нельзя идти.

Признавая христианскую веру единой истинной религией угодной Богу, а все остальные тяжким, богопротивным заблуждением, представители христианской церкви признали себя вправе, в качестве служителей этой религии, всячески противодействовать всему тому, что являлось отступлением от её догматов, и содействовать разными средствами всему, что способствовало её распространению в массах¹³⁵.

На этих началах была построена система преступлений против веры в прежних законодательствах христианских народов. Уже законы первых христианских императоров

Римской империи, принявших христианство, проникнуты были тем же духом нетерпимости по отношению к религиозному разномыслию, ересям, расколам и отступлению от христианской веры. Эти законы продиктованы были церковью и её представителями и составлены в соответствие с постановлениями соборов и сочинениями церковных авторитетов¹³⁶. Пастыри церкви скоро позабыли времена угнетений и преследований христианства, чтобы отстаивать неприкосновенность свободы вероисповедания, признанную в 322 году знаменитым эдиктом Константина и Лициния¹³⁷. «Среди епископов, стоявших во главе христианской церкви, говорит Маассен, кажется не было ни одного, который мог бы предостеречь императора от нарушения им же самим провозглашённого принципа свободы совести»¹³⁸. Отцы же церкви последующего времени, хотя и выступали на защиту свободы совести, как напр. Иларий, св. Афанасий, св. Иоанн Златоуст, утверждавшие, что мир в церкви не может иначе водвориться, как дарованием возможности жить всем по своему убеждению, без всякого рабского понуждения, что истина провозглашается не мечом, но путём убеждения и назидания, ибо Господь не понуждает, а предоставляет выбор свободной воле каждого, говоря: «кто хочет последовать за Мной», что христианам не дозволено разрушать заблуждения принуждением и насилием, – напротив, они должны действовать для спасения людей путём убеждения, вразумления и кротости: но эта защита, говорят, раздавалась обыкновенно в виду притеснений, которым подвергалась православная церковь со стороны сектантов, и таким образом носила как бы характер самозащиты¹³⁹. Притом же «защита свободы не всегда выдерживалась великими учителями церкви; нередко и из их уст раздавались слова нетерпимости, как напр., из уст Златоуста, который, объявив убеждение и любовь единственно истинным средством разрушения заблуждений, впоследствии допускал для еретиков лишение свободы и не удержался от разрушения языческих храмов и от поощрения неоднократными письмами монахов, посланных в Финикию, к подобному же предприятию»¹⁴⁰. При слабости защиты в первые

века христианства со стороны представителей церковной власти принципов свободы совести и веротерпимости, эти последние, (принципы) после миланского эдикта, не могли иметь продолжительного, устойчивого существования и практического применения и скоро были нарушены. Почин нарушения принципа свободы совести сделан был самим же Константином, немного спустя после издания указанного эдикта, сначала по отношению к иудеям, а потом и язычникам¹⁴¹. Следующие императоры, на которых христианские писатели возлагают миссию распространения новой религии, предпринимают сначала разрушение языческих храмов, истребление идолов, а затем переходят к преследованиям самих язычников. Страница истории перевёртывается: та самая защита, которой прежде государство охраняло языческую государственную религию, переходит на сторону христианской. Денежные штрафы, лишение гражданских прав, конфискация имущества, разные виды телесных наказаний и смертная казнь, прежде угрожавшие последователям христианства, теперь перешли на язычников¹⁴².

Но христианские императоры не ограничиваются признанием привилегии христианства перед язычеством; они берут на себя роль протекторов того из христианских вероучений, которое они считают истинным. Уже Константин объявил, что привилегии, дарованные религии, должны принадлежать только кафолической церкви, а не еретикам и схизматикам. Нет для него ничего более ненавистного, как расколы: сохранение единства, спокойствия и мира в церкви стоит у него на первом плане¹⁴³. Основная идея Константина была та, что император не только должен защищать и поддерживать христианскую церковь, но и направлять её, руководить ею¹⁴⁴. Эти идеи нашли себе истинную опору не только, как мы сказали, в авторитете выдающихся писателей церкви, но и в свежих традициях языческого государственного строя, признававших охрану и руководство государственного культа обязанностью императоров. Таким образом, prerogatives языческого императора, как главы религиозного, были перенесены и на христианского, чем последние

воспользовались как нельзя лучше и вскоре выработали целую политическую программу, девизом которой были следующие слова: «один Бог, одна церковь, одна империя»¹⁴⁵. Единство веры представлялось христианским императорам, как условие политического могущества государства; они желали видеть в христианской религии такую же единую основу государственной жизни, какую императоры языческие видели в римском государственном культе¹⁴⁶. Отсюда проистекало стремление императоров к установлению религиозного единства в империи. Государство и церковь составляют один организм – государство, объединённое одной христианской религией. В силу органического слияния государства с церковью, кто не принадлежит к церкви, тот не имеет права на существование в государстве¹⁴⁷. Религия христианская делается государственной религией, сами постановления, касающиеся веры, даже преимущественно эти постановления, приобретают силу государственных законов. Отсюда ересь и раскол получили значение государственных преступлений, против которых государи считали себя вправе предпринимать известные меры. Эти меры, при характере власти императоров, как защитников мира и единства в христианской церкви, естественно должны были перейти в насилие, в принуждение. Константин за отступление от христианства и принятие иудейства и всякой другой веры объявил конфискацию имущества; он же повелел сослать в заточение главарей донатистов, а церкви их отобрать. Феодосий и Валент пошли дальше: они обложили отступление от веры, отягчённое духом прозелитизма, смертной казнью. Эти законы послужили фундаментом для будущего законодательства христианских народов. Смертная казнь в течение многих веков сделалась обыкновенным наказанием за ересь¹⁴⁸. Таким образом к преступлениям против веры, каковы: богохульство, оскорбление и осквернение святыни, клятвопреступление, святотатство, которые известны были всем организованным культам, в том числе и культам древних классических народов, – христианская церковь присоединила неизвестные до тех пор преступления: отступление от веры, разное верие и ересь, которые у новых народов получили

преобладающее значение в системе преступлений против веры¹⁴⁹.

Система насилия возведена была в политическую теорию блаженным Августином. Истинная церковь, по учению Августина, есть одна, всеобщая, единство коей должно быть поддержано всякими средствами; каждый отдельный человек должен верить в её авторитет, так как без неё нет спасения; весь вопрос, таким образом, только в том, чтобы он был к ней приобщён, а каким образом – это дело второстепенное; во всяком случае лучше обратить грешника к истине путём принуждения, чем вовсе не предпринимать никаких средств для его обращения к истине. Правда, путём принуждения никто не может сделаться христианином; но принуждение спасительно, ибо оно приводит фанатиков к размышлению и пробуждает сознание, что не следует отвергать принуждение само по себе, так как всё дело в том, к чему принуждают: многие были весьма благодарны после того, как принуждали к добру. Сам Христос прибежал к насилию для изгнания менял из храма; только собственное ослепление еретиков виной тому, что они навлекают на себя наказание государства по поручению церкви. Ещё определённое формулировал эту теорию друг Августина – Амвросий, который утверждал, что о терпимости к язычникам, евреям, еретикам и раскольникам и вообще врагам церкви не может быть и речи и что если люди, власть имеющие, не преследуют последних, то они соучастники в их преступлении, а какое же преступление может быть важнее того, которое совершается против Высшего Существа?¹⁵⁰ Благодаря таким учениям разного рода наказания, направленные против еретиков и раскольников, и смертная казнь естественно представлялись императорам самым справедливым и законным делом. Практикуя впоследствии смертную казнь, императоры могли опираться на авторитет не только двух названных епископов, но и папы Льва Великого, который, в виду предстоящей казни, писал: «хотя церковь в своей кротости довольствуется священническим решением и избегает кровавых наказаний, однако она поддерживается строгими законами императоров, так как многие из страха телесного наказания

опять прибегают к средствам духовной помощи»¹⁵¹. «Упорное и коварное сопротивление безбожных еретиков сглаживается, если оно обуздывается императорской властью», писал тот же папа императору, ища содействия последнего в борьбе с еретиками¹⁵². Обращение за содействием к светской власти для преследования ереси и раскола равносильно было упразднению духовной природы церкви и свободы религии¹⁵³. Христианская церковь, вступив в союз с государством, дабы приобрести от него привилегии и средство выступать принудительно против непокорных членов, тем самым принесла в жертву не только свободу совести каждого отдельного лица, но и свою собственную. «Господство её в данном отношении упрочилось через посредство государства насчёт её собственной свободы». Государство, услужливо предоставив церкви искомые ею атрибуты, вознаградило себя подчинением церкви своему господству. Церковь стала прислужницей государства, орудием его государственных целей¹⁵⁴. При таком положении дела независимость области религии от государства, лежащая в существе христианского учения, должна была исчезнуть и уступить место прежнему языческому принципу смешения этих областей: изменился таким образом только религиозный объект, а языческое начало, что *jus sacrum* (священный закон) составляет часть *jus publicum* (публичное право) осталось¹⁵⁵. Так, говорит Сретенский, на востоке утвердилось отношение между церковью и государством, сделавшееся известным впоследствии под именем **цезаре-папизма**. Четвертым веком оканчивается образование основ цезаре-папизма. Целый ряд последующих столетий составляет период развития и приложения к жизни этих основ всех зол, внесённых в церковь последующим столетием. Общее печальное положение церкви в данную эпоху можно характеризовать, говорят, следующими словами: «церковь в полном порабощении у государства»¹⁵⁶.

Что касается запада Европы, то подчинение церкви государству продолжалось здесь лишь до тех пор, пока политическое влияние её было слишком слабо, сравнительно с императорской властью. Но, по мере того, как оно, силой

политических обстоятельств, возрастало, церковь сбрасывала с себя бремя государственной зависимости и сама приобретала природу государства ¹⁵⁷. Стремление пап господствовать над душами и телами людей, при благоприятных условиях, закончилось вырождением католической церкви в своего рода теократию, в духовную абсолютную, с своим особым цезарем и столицей, империю, обнимавшую большую половину тогдашнего культурного мира, – в которой духовная власть, опирающаяся на светскую, сосредоточилась в руках единого лица, веления коего, как исходящие от самого Божества, запечатлены сакраментальным характером. Государство сделалось не более, как дополнением к церкви; *вне церкви не существовало никакого права*, в отношении к которому она не претендовала бы быть источником; нельзя было найти ни одной жизненной области, которую она не втянула бы в свою сферу; *церковь заключала в себе всё*¹⁵⁸.

Представленные здесь два исторические процесса, из которых один характеризуется тем, что органы церковной власти вступают в союз с государством, на счёт и в ущерб принципу свободы совести, а другой тем, что церковь, в борьбе за государство, одерживает верх и сама принимает характер господства, – различны только с внешней своей стороны¹⁵⁹. В своём же основном характере они вовсе не различаются. Существенным признаком обоих служит неуважение к тому вечному закону, что религия имеет дело только с внутренностью, со свободой человека. Вместо царства Божьего на земле, которое представляется церковью, внешнему восприятию предлагается царство, насквозь проникнутое земными интересами, борющееся земным оружием, царство от мира сего, всё равно: будет ли стоять во главе его император – папа или папа – император¹⁶⁰. Таким образом теократический средневековой строй не мог быть благоприятен свободе совести. И действительно, никогда эта свобода не была так подавлена, как в средние века. Господствующей идеей политической системы средних веков была признана та, что единство мнений и верований необходимо для безопасности государства: одна вера, один закон, один государь – вот

основное воззрение прежних законовевов и политиков¹⁶¹. Всякое правительство обязано предупреждать раздоры, междоусобия и беспорядки, которые всегда порождают религиозные несогласия; христианский государь должен блюсти чистоту веры, следовательно, не относиться к ней с позорным равнодушием, а устранять еретическую заразу; если закон преследует поношение величества и оскорбление государства, то не следует ли с гораздо бóльшей карой относиться к тем, которые поносят и оскорбляют Бога и святую веру, ибо Божие величие бесконечно выше императорского¹⁶². Таким образом в основание религиозного преступления, греха, духовная власть положила не идею нравственной вины, а мысль о личном оскорблении Божества, которое, будучи задето преступлением, подобно грозному библейскому Богу – Мстителю, жаждет мести и наказания грешников. Согласно с таким воззрением на религиозные преступления, и сами формы наказаний за них должны были получить самый жестокий характер. В особенности же беспощадна была светская власть в преследовании раскола и отступивших от принятой догмы, как таких, которые посягали на неприкосновенность господствующего культа. Ординарным наказанием за лжеучения или ереси было признано сожжение¹⁶³, ибо благотворная строгость против еретиков и разнообразные против них наказания служат побудительной причиной, чтобы они обратились к церкви и познали истину»¹⁶⁴. Такой же взгляд на необходимость наказуемости еретиков проводили и церковные писатели. Фома Аквинский учил, напр., что «ересь есть грех, который должен быть искоренён не только из церкви отлучением, но из мира смертью. Ибо гораздо преступнее повредить веру, которая есть жизнь души, чем сделать фальшивую монету, так как настоящая монета служит только для временной жизни»¹⁶⁵. Это воззрение на ересь неразрывно было связано с взглядом на истину. В средние века последнюю почитали как нечто откровенное Богом и переданное церкви на сохранение; истина поэтому безусловна, такова теперь, как и прежде. Человеку остаётся заглушить все свои сомнения и всецело подчиниться этой безусловной истине, ибо она, как

открытая свыше, есть для него закон, абсолютное требование. Кто не подчиняется ей, тот не подчиняется велениям Божества, следовательно, есть нарушитель последних, нарушитель закона, преступник; отсюда все эти гонения на ересь и на всё обнаруживавшее признаки несогласия с учением церкви¹⁶⁶. Преследование и истребление еретиков, как общая мера (частные преследования были постоянны), было предписано законами трёх церковных соборов, бывших – один в Латерне в 1179 году, другой – в Вероне в 1184 г., а третий также в Латерне в 1215 г.¹⁶⁷. С этих пор неключимая нетерпимость сделалась лозунгом западной церкви и распространила своё господство на несколько столетий¹⁶⁸. Свободный голос совести был совершенно подавлен, а сама государственная власть была низведена в положение раба или палача, исполнявшего приказания церкви. Вот те исторические условия, при которых, по воззрению современных представителей западной культуры, издавалось уголовное законодательство относительно еретиков и раскольников у всех западноевропейских народов и те начала, которые легли в его основу. Таких начал можно насчитать четыре: а) абсолютная ортодоксия господствующей религии; б) монополярный прозелитизм; в) неверотерпимость и г) убеждение, что то или другое действие, направленное против религии, оскорбляет Божество¹⁶⁹. Из этих именно начал и вытекают постановления о таких преступлениях, как отступление от веры, содержание ереси или раскола, распространение иноверческих и еретических религий или раскольнических толков и, наконец, учение об оскорблении Божеского величия¹⁷⁰.

(Продолжение будет).

Титов Ф. И. Секта жидовствующих ¹⁷¹ //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 27– 41

Глаголющим же им про Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия: „како может Бог на землю снити и от Девы родиться яко человек? но ни есть тако; яко пророк бе подобен Моисею, а не равен Богу Отцу“: и не вероваху, еже от Пречистыя Девы Богородицы рождеству Ея, ни воскресению Его, ни на иконах писаному образу по человечеству Господа Иисуса Христа Сына Божия не поклоняхуся, ни Пречистыя Образу, ни святым Его угодникам, но хуляще и ругающиеся глаголаху: то суть дела рук человеческих, уста имут и не глаголют и прочее; подобни будут творящий и вси надеющиеся на ня“; и такоже божественную службу совершающе ядше и пивше, и тело Христово ни во что же вменяюще, яко прост хлеб, и кровь Христову, яко просто вино“... Поли. собр. Русск. Летопис. IV, 158–159.

„И толико бысть смущение в христианех, якова же никогда же быша.... Ныне и в домех, и на путех, и на торжищах иноцы и мирстии и вси сомнятся, вси о вере пытаются... по истине прииде отступление. Отступити бо человецы от истины и от православия. Се уже прииде отступление“. („Просветитель“ стр. 58. Послан. Нифонту епископу суздальскому).

Название секты. Начало её. Жид Схария и его умственно-религиозное направление. Образование сектантского кружка в Новгороде. Перенесение секты в Москву. Открытие секты в Новгороде, донесение архиеп. Геннадия в Москву и суд над сектантами в 1488 г. Усиление секты в Москве. Собор 1490 г. и его приговор над сектантами.

Секта жидовствующих получила своё название от сходства некоторых положений её лжеучения с учением иудейской религии. С другой стороны, усвоению такого названия секте, без сомнения, содействовало то обстоятельство, что в происхождении её принимали некоторое (хотя и не главное, не первоначальное) участие жида, т. е. евреи. Так как иудейский элемент был очень слаб и незначителен в секте

жидовствующих, то это последнее название далеко не выражает сущности секты.

Местом происхождения секты жидовствующих был Новгород. Первоначальное обнаружение её здесь относится к концу XV в., именно к 1487 году. В августе, или сентябре этого года новгородский архиепископ Геннадий донёс московскому митрополиту о появлении в Новгороде секты с приложением подлинного розыскного дела о ней. Из этого последнего видно, что образование секты в виде особого общества началось раньше, именно в 1470 году.

В этом последнем году в Новгород вместе с князем Михаилом Александровичем, братом киевского князя Симеона, приглашённым самими новгородцами, прибыли из Киева, по торговым делам, несколько евреев. Главным между ними был Захария Скара. Он был крымский уроженец, занимал влиятельное положение на родине среди своих единоверцев и был человек, по своему времени, весьма образованный. По характеру своего образования и по своим религиозным убеждениям, он был караим. Отличительную особенность караимского направления в еврействе составляло свободное, критическое отношение к вере отеческой и глубокое уважение к научному образованию. Из наук особенным уважением у караимов евреев пользовались философские и математические со включением астрономии. Захария Скара, видимо, в молодых годах получил основательное караимское образование, значительно дополненное и развитое впоследствии путём самостоятельных занятий. Он хорошо знал св. Писание, и притом не только ветхозаветное еврейское, но и новозаветное христианское; ему были известны даже творения отцов и учителей христианской церкви. Преп. Иосиф Волоцкий характеризует его, как человека, наученного «всякому изобретению, чернокнижию, чародейству, звездозаконию и астрологии». Характеристика эта красноречиво свидетельствует о широкой образованности Скары. Архиеп. Геннадий говорит, что жидовствующие имели астрономическую рукопись «шестокрылию», на основании которой предсказывали небесные явления, чем сильно действовали на православных

христиан; рукопись эта бесспорно еврейско-караимского происхождения. Неудивительно, если астрономические предсказания сектантов смущали новгородских христиан, которые смотрели на всякое физическое явление, выходящее из ряда обыкновенных, как на событие особенное, предвещающее какое-либо общественное бедствие. Преп. Иосиф Волоцкий говорит, что астрология, проповедовавшаяся сектантами, подрывала веру новгородских христиан в Провидение Божие, почему некоторые стали презирать св. Писание, как ненужное для христиан; астрологические знания также бесспорно распространялись в Новгороде евреями караимами. По свидетельству архиеп. Геннадия, первые жидовствующие в Новгороде употребляли математические рукописи, которые, по своим замысловатым фигурам и начертаниям, должны были казаться простым русским книжникам «волшебными тетрадами, чернокнижием». Вообще все свидетельства о секте жидовствующих в первое время её существования говорят о том, что образование, так сказать, сформирование рационалистического сектантского общества в Новгороде произошло под влиянием еврейско-караимского умственно-религиозного направления, занесённого сюда киевскими евреями, во главе которых стоял Захария Скара. Но евреям караимам принадлежало именно одно только сформирование готовых элементов, которые они нашли в Новгороде.

Евреи караимы явились в Новгород преимущественно с торговыми целями. Торговля же в Новгороде находилась тогда под покровительством церкви. При храмах здесь хранились товары, весы и меры. Отсюда является вполне естественным и понятным первоначальное сближение караимских еврейских купцов с Новгородским духовенством. Ближайшее знакомство неизбежно должно было обнаружить некоторое согласие в умственно-религиозном направлении между евреями караимами и новгородским духовенством. Мы знаем, что в Новгороде перед тем существовало стригольническое лжеучение. В крайнем своём направлении стригольничество пришло к отрицанию всего христианства и к признанию единого

Бога, Которому сектанты молились, глядя на небо. Отсюда недалеко уже было и до либерально-философского иудейства, каким и было караимское еврейство. Крайнее стригольничество, хотя и притихло в начале XV в., вследствие решительных мер, принятых против него, но не прекратилось совсем. Оно существовало тайно как в самом Новгороде, так и в самых отдалённых глухих уголках новгородской области (напр., в немчиновском монастыре, настоятелем которого был чернец Захар – упорный стригольник, перешедший впоследствии на сторону жидовствующих). Одно летописное сказание даёт основание предполагать, что первыми сообщниками и последователями евреев – караимов были духовные лица Новгорода, если не вполне разделявшие стригольническое лжеучение, то, по крайней мере, в душе сочувствовавшие ему. «Мнози от попов и диаконов, *живущие свинским житием*», – говорится здесь, – «начаша к ним (жидам) ходити и бражничать и учиться волшебским книгам». Попы и диаконы, «*живущие свинским житием*», – это, вероятно, и были новгородские священники и диаконы, люди начитанные, воспитанные на свободных мнениях, пущенных в обращение стригольниками. Из таких именно духовных лиц, должно полагать, и образовался в Новгороде вокруг евреев-караимов первый сектантский кружок. Первыми последователями Захарии Скары современные свидетельства называют новгородских попов Дионисия и Алексия, которые, по тем же свидетельствам, отличались умом и образованием.

Замечательно, что этим только и ограничилась активная деятельность евреев – караимов в распространении секты. По крайней мере, все сохранившиеся свидетельства того времени решительно умалчивают о дальнейшей деятельности жидов в Новгороде с целью пропаганды. Поэтому, можно думать, что они сами не занимались и не имели в виду заниматься пропагандой своего учения в Новгороде. Обстоятельства и занятия привели их к сближению с новгородскими священниками, которые, по складу своих убеждений и своего умственно-религиозного направления, очень близко подходили к ним и, при своём отрицательном отношении ко всему внешнему в христианстве,

очень склонны были к усвоению их религиозных воззрений и их научного образования. Новгородские священники, усвоив воззрения либерального иудейства, начали энергично распространять их между своими сослуживцами. В скором времени к ним присоединилось в Новгороде много священников, диаконов и причётников, а также знатных граждан и городских чиновников. Преп. Иосиф одних священников, присоединившихся к сектантскому обществу, насчитывает более 10. Вообще сектантское лжеучение на первых порах распространялось в Новгороде более всего между духовенством и высшими светскими лицами. К сектантам с самого начала присоединились такие важные лица, как софийский протопоп Гавриил и сын знатного боярина, имевшего великую власть в Новгороде, Григорий Михайлович Тучин. Так с течением времени в Новгороде образовалось довольно многочисленное сектантское общество, состоявшее преимущественно из лиц духовного звания и выдающихся по своему образованию или по своему положению в обществе светских людей. Общество это представляло пока тайный кружок, тщательно скрывавший свои верования от посторонних и открыто не порывавший своих связей с православной Церковью. перед людьми, твёрдыми в вере, сектанты старались являться не только православными, но и страшными врагами всех еретиков, щедро рассыпали на них проклятия и с клятвой старались уверять всех в своей преданности православной вере. Но за то тайно, при всяком удобном случае, они совращали слабых и поблажали разным порокам их, чтобы привлечь их в своё общество. С особенным усердием они старались проводить своих единомышленников на священнические места для того, чтобы через них потом распространять своё учение. И при покровительстве влиятельных лиц, это им большей частью всегда удавалось. Благодаря этому, вскоре не только в городах, но и в сёлах на местах священнических были лица, разделявшие лжеучение сектантов и совращавшие в секту мирян, несведущих в делах веры, то ласковым обращением, то всякого рода послаблениями. Согрешит ли, напр., кто и придёт покаяться к

своему духовному отцу, этот последний, вопреки церковным правилам, прощает грешника, не страшит будущим наказанием, или же успокаивает смятенную совесть кающегося тем, что в будущем свете, за гробом, ничего не будет. С другой стороны, сектанты постоянно выказывали себя глубокими книжниками и мудрыми. Они хвалились, что имеют такие священные книги, которые, при всеобщем невежестве, были незнакомы большинству. Конечно, им легко было приводить выдержки из таких книг в подтверждение своих слов и давать им произвольное толкование. Наконец, сектанты и особенно руководители их вели воздержную жизнь и своим видимым благочестием обращали на себя общее внимание. Главные вожаки сектантского общества – попы Дионисий и Алексей – были известны своим умом, книжностью и благочестивой жизнью не только во всём Новгороде, но и далеко за пределами его. Ложная слава их образованности и благочестивой жизни скоро достигла до великого князя Иоанна Васильевича. Обстоятельство это сопровождалось самыми печальными, роковыми последствиями.

В 1480 году Новгород посетил великий московский князь Иоанн Васильевич. Слыша общие похвалы уму и благочестию здешних попов Дионисия и Алексия, он познакомился с ними ближе. Оба они так понравились великому князю, что он, нимало не подозревая их в сектантстве, взял их с собой в Москву и определил – Алексия протопопом Успенского собора, а Дионисия – священником Архангельского собора. Как любимцы князя и как люди образованные, книжные и воздержные в жизни, они скоро приобрели широкую и громкую известность и расположение в среде московского общества. Пользуясь этим обстоятельством, они стали постепенно и осторожно распространять в Москве своё лжеучение. В этом деле они поступали чрезвычайно ловко – «таяхуся, якоже змиеве в скважне», по выражению преподобного Иосифа Волоцкого. Показывая себя, перед кем нужно было, праведными, воздержными и кроткими, они в тоже время тайно распространяли своё лжеучение и вели дело пропаганды так искусно и так скрытно, что, напр., архиеп. Геннадий в

продолжение пяти лет, до своего отъезда в Новгород, не знал о существовании секты в Москве. Замечательно при этом ещё то, что и здесь, как и в Новгороде, последователями сектантов делались люди преимущественно образованные, передовые в своей среде. Сектантам скоро удалось образовать в Москве около себя учёно-литературный кружок из местных книжников, разделявших их лжеучение. Между прочим, они привлекли к этому кружку: симоновского архимандрита Зосиму, славившегося своими дарованиями и учёностью; чернеца Захара, также человека, по своему времени, очень образованного; знатного придворного дьяка Феодора Курицына с братом его Иваном Волком, крестовых дьяков Истому и Сверчка и из купцов – Семёна Кленова. Кроме того, они на помощь себе старались переводить из Новгорода в Москву людей единомышленных с ними. Так, в Москве мы видим вскоре зятя протопопа Алексия, священника Иоанна Максимова. Этот последний был даже одним из влиятельных и деятельных членов московского сектантского кружка. Ему приписывается обращение невестки великого князя Елены в сектантское общество. Представителем образовавшегося в Москве сектантского кружка служил дьяк Феодор Курицын, дом которого был центром сектантского движения и местом сектантских собраний. Сам дьяк Феодор Курицын был человек видимо образованный и при том с критически-либеральным направлением. По свидетельству преп. Иосифа Волоцкого, он также, как и протопоп Алексей, «прилежал звездозаконию, многим баснотворениям, астрологии, чародейству и чернокнижию», т. е. был человек книжный и учёный. Другие свидетельства современников также характеризуют его, как человека образованного. Ему, между прочим, приписывается перевод повести о Дракуле Волошском и апокрифического Лаодикийского послания. Общее направление этого последнего произведения и встречающиеся в нём выражения в роде, напр., выражения: «душа человека свободна, но преграда ей вера», достаточно ясно характеризуют дьяка Феодора Курицына, как человека свободомыслящего, делают понятным, почему он мог примкнуть к новгородским сектантам. Но особенную силу и

значение вновь образовавшемуся в Москве сектантскому обществу придавало сочувствие его направлению и расположение к представителям его со стороны великого князя Иоанна Васильевича. Протопоп Алексей и дьяк Феодор Курицын, по словам современника, имели такое дерзновение к державному, как никто иной, и служили твёрдым оплотом секте. Сам великий князь знал о еретических заблуждениях своих любимцев, но, несмотря на это, продолжал своё благоволение к ним. Благодаря этому, сектанты могли быть спокойны и по-прежнему продолжали свою пропаганду. Они собирались обыкновенно в дом Феодора Курицына. Здесь они рассуждали о вере и, по выражению современника, поучались на православных; здесь же они спокойно совершали и своё богослужение. Впрочем, в деле пропаганды своего лжеучения сектанты и теперь, как и прежде, держались своей обычной тактики. Не смотря на явное покровительство верховной власти, они скрывали свои верования, не порывали внешних связей с православною Церковью и распространяли своё лжеучение тайно и осторожно. Благодаря этому, они и могли так долго скрываться от взоров истинных ревнителей православной веры и от высшего церковного правительства. Это последнее видимо совершенно не знало о существовании зловредной секты, которая между тем не только утвердилась в месте своего первоначального происхождения – в Новгороде, но и успела даже проникнуть в самое сердце православной Руси – в Москву. Зависело это больше всего и главным образом от неправильных отношений, существовавших тогда между Москвой и Новгородом, и особенно от продолжительного отсутствия прочной и твёрдой высшей иерархической власти в Новгороде после падения его самостоятельности. Только со вступлением на архиепископскую кафедру Геннадия установилось в Новгороде прочное и твёрдое церковное управление. Архиепископ Геннадий был человек стойкий, самостоятельный, энергический, не любивший скрывать свои убеждения и слепо, преклоняться перед авторитетом, хотя бы это было сопряжено с неприятностями для него. Энергично принявшись за исправление недостатков, каких тогда было весьма много в

церковной жизни Новгорода, архиепископ Геннадий вскоре открыл существование здесь зловередной секты.

Первое сведение об этом дошло до архиепископа почти случайно. Несколько новгородских попов, принадлежавших к сектантскому обществу, поссорились между собой в пьяном виде и стали упрекать друг друга в нечестивых делах, между прочим, в поругании над святыми иконами. Услышав об этом, архиепископ Геннадий немедленно дал знать в Москву великому князю и митрополиту. Получив приказание от них не допускать распространения секты, Геннадий начал делать обыск. Во время обыска один из покаявшихся сектантов, поп Наум, открыл архиепископу всё, касающееся секты, и даже принёс псалмы, которые сектанты пели на своих тайных собраниях. Архиепископ Геннадий приказал схватить всех обнаруженных сектантов и отдавал их на поруки до окончания следствия. Между тем 4 сектанта, отданных на поруки, бежали тайно в Москву. Тогда архиеп. Геннадий отправил в Москву к великому князю и митрополиту, при особом послании, всё следственное дело о сектантах, называемое в летописях «подлинниками», или «подлинными списками». Вместе с этими подлинниками новгородский владыка препроводил митрополиту и «тетрадь», по которой сектанты молились на своих тайных собраниях. Это было в августе, или сентябре 1487 года.

К сожалению, в Москве не обратили на этот раз должного внимания на донесение архиеп. Геннадия и долго не давали хода делу о сектантах. Причины этого, можно думать, заключались в следующем. С одной стороны, секта в это время уже успела прочно утвердиться в Москве и руководителями её здесь были люди, самые приближённые к великому князю и его влиятельные советники. Эти лица, конечно, могли предупредить великого князя, что новгородский владыка преувеличивает дело и что секта вовсе не так опасна и вредна, как он представляет в своём донесении. С другой стороны, и митрополит московский Геронтий не совсем был расположен к архиеп. Геннадию, вследствие прежде бывших неприятных столкновений между ними. После этого становится понятным, почему грамоты архиеп. Геннадия так долго оставались в Москве без всякого

движения. Только обращение новгородского владыки к содействию других епископов (сарского Прохора, суздальского Нифонта и пермского Филофея) заставило высшее гражданское и духовное правительство обратить серьёзное внимание на секту. Обыскное дело, присланное архиеп. Геннадием, было рассмотрено на соборе в начале 1488 года, причём трёх сектантов решено было подвергнуть «торговой казни», а четвёртый был освобождён, как недостаточно обличённый. Кроме того, в феврале того же 1488 года великий князь и московский митрополит прислали архиеп. Геннадию грамоты, в которых поручали ему продолжать розыск о сектантах «с велим прилежанием» и тех из них, которые покаются, подвергать церковной епитимии, а нераскаянных отдавать наместникам князя для торговой казни. Архиеп. Геннадий, действительно, с свойственною ему энергией принялся за исполнение данного ему поручения. Он весьма внимательно произвёл розыск, распорядился со вновь обнаруженными сектантами так, как ему было велено, и всё розыскное дело отправил в Москву. Но здесь теперь не обратили на донесения новгородского владыки никакого внимания и «положили дело ни за что», как сам он скоро (25 февраля 1489 года) писал ростовскому архиепископу Иоасафу. Главная причина этого заключалась в чрезвычайном усилении к этому времени секты в Москве и в очевидном покровительстве ей со стороны высшей власти.

Теперь центр сектантского движения был окончательно перенесён в Москву. Здесь сектантам жилось гораздо свободнее, чем в Новгороде. Поэтому, многие новгородские сектанты бежали в Москву. И те из них, которые раскаялись перед архиеп. Геннадием и «действия свои писали сами на себя своими руками», не только пользовались здесь полной свободой, но даже имевшие священный сан служили в московских храмах с православным духовенством. Кроме того, пользуясь покровительством высшей власти, бежавшие в Москву новгородские сектанты старались всячески вредить ревностному поборнику православия – архиеп. Геннадию. Особенно таким врагом новгородского владыки заявил себя чернец Захар. Он был прежде настоятелем немчиновского

монастыря новгородской епархии и принадлежал к секте стригольников. Будучи тайным стригольником, он в течение трёх лет и сам не причащался св. тайн и своим подчинённым не позволял делать этого. Иноки немчиновского монастыря обратились с жалобой на своего настоятеля к архиеп. Геннадию. Когда последний призвал к себе Захара и спросил, почему он сам не причащается и не позволяет своим инокам причащаться, то он отвечал: «а у кого причащаться? попы по мзде ставлены, митрополит же и владыки тоже по мзде ставлены». Архиеп. Геннадий сослал его в одну из пустыней, как сектанта, о чём и донёс в Москву. Но отсюда вскоре получилась грамота великого князя с приказанием архиеп. Геннадию возвратить Захара в его обитель, взяв только с него подписку в том, что впредь и сам он будет причащаться и не будет запрещать этого своими инокам. Вот этот-то чернец Захар, бежавший в Москву ещё в 1487 г., благосклонно был принят здешним сектантским кружком. Живя в Москве, он писал обличительные грамоты, направленные против архиеп. Геннадия, которого обвинял в разных преступлениях и даже называл его еретиком. Такие свои грамоты он рассылал по всей России и особенно распространял их в епархии самого архиеп. Геннадия.

Высшее московское правительство всё это, конечно, знало и допускало. Архиеп. Геннадий теперь видимо не пользовался расположением в Москве. Им были даже прямо недовольны за его строгие меры против сектантства. Его считали здесь беспокойным человеком и не только не обращали внимания на его донесения о секте, но даже перестали приглашать его в Москву для участия в происходивших здесь соборах. Всё это было, без сомнения, делом сектантов, которые теперь пользовались ещё большим, чем прежде, влиянием и расположением со стороны высшей власти. Покровители секты – Курицыны, Патрикеевы и Ряполовские были самыми приближёнными лицами у великого князя. Насколько было сильно влияние и значение руководителей московского сектантского общества, можно судить уже по одному тому, что даже на престол московской митрополии им удалось провести

лицо, если и не принадлежавшее к секте, то, по крайней мере, видимо сочувствовавшее ей и разделявшее сектантские стремления. По свидетельству преп. Иосифа Волоцкого, основатель секты в Москве, протопоп Алексей перед смертью «своим волхвованием подойде державнаго» поставить на митрополичий престол человека своей партии, симоновского архимандрита Зосиму, и великий князь поддался внушениям своего любимца. В сентябре 1490 года духовные власти избрали Зосиму митрополитом, зная, что этого желает «державный». Архиеп. Геннадия, по обыкновению, не пригласили на собор. Он сам хотел ехать, но великий князь приказал ему оставаться в Новгороде ради каких-то «великих дел». От него потребовали только письменного согласия, или т. н. «повольной грамоты». Впрочем, архиеп. Геннадий не противился выбору Зосимы, потому что ещё не знал о сочувствии его сектантам; но сильно оскорбился тем, что ему не позволили лично присутствовать на соборе. Было очевидно, что здесь действовали враждебно настроенные к нему руководители сектантского общества. Сам митрополит Зосима, избранник сектантов, также враждебно относился к новгородскому владыке, что не замедлил открыто обнаружить тотчас же по вступлении на митрополичий престол. Он, между прочим, потребовал от архиеп. Геннадия исповедания веры, какое обыкновенно давали архиереи при своём поставлении. Это означало, что его подозревают в неправоверии. Несмотря однако же на все-такие интриги врагов и видимое неблаговоление высшего начальства, новгородский владыка не терял энергии. Продолжая, по-прежнему, разыскивать сектантов, архиеп. Геннадий скоро убедился, что в Москве, действительно, существовал сильный сектантский кружок. Некто Самсонко, возвратившийся из Москвы, на допросе, между прочим, показал, что он постоянно ходил в дом дьяка Феодора Курицына, где многие собираются и «поучаются на православных». Архиеп. Геннадий не замедлил донести об этом в Москву. Но здесь не только не обратили никакого внимания на его донесения, а даже самого Геннадия стали обвинять в том, что он «мучил Самсонку». Видя полное покровительство

Москвы сектантскому движению, новгородские сектанты, притаившиеся раньше, под влиянием строгих мер, принятых архиеп. Геннадием, теперь осмелились и заявили о себе самым дерзким кощунством над православною христианскою святыней. Напр., один подьячий Алексей Костин, напившись пьян, влез в часовню, «да сняв с лавицы икону Пречистые, на нее скверную воду спускал и иные иконы ногами переворачивал». Такая неслыханная дерзость сектантов сильно возмутила архиеп. Геннадия и ещё более возбудила в нём ревность к защите православия. Он сначала отправил послание к митрополиту Зосиме и в этом послании, дерзновенно упрекая самого великого князя за нежелание призвать его в Москву, где между тем секта свила себе прочное гнездо и приобрела себе сильных покровителей, категорически настаивал на необходимости соборного расследования раньше представленного им дела о сектантах, причём безбоязненно называл главных московских покровителей зловерного лжеучения. Кроме того, не надеясь на успех этого своего послания к митрополиту, архиеп. Геннадий отправил одновременно с ним другое послание к собору русских архиереев, находившихся тогда в Москве. Здесь он ещё с большей настойчивостью убеждал святителей принять решительные меры к прекращению сектантского движения и, прежде всего, рассмотреть представленное им дело на соборе. В обоих своих посланиях архиеп. Геннадий жаловался также на деятельность чернеца Захара, поносившего его в своих грамотах.

Послание архиеп. Геннадия к собору владык и на этот раз, как и прежде, оказало немедленное действие. Митрополит Зосима, как видно, не противился открытию собора, лишь бы предметом соборных занятий не был суд над сектантами. Он хотел ограничить его занятия простыми состязаниями о вере, в которых надеялся на несомненную победу сектантов. Но впоследствии митрополит должен был в силу необходимости уступить общему желанию епископов и большинства духовенства, требовавших суда над сектантами. Собор открылся 17 октября 1490 года. Архиеп. Геннадия опять не

пригласили на собор, несмотря на то, что он просил епископов добиваться вызова его на собор. Большинство членов собора высказалось за предание сектантов смертной казни. Но митрополит Зосима воспротивился этому и сказал: «достоит я проклятию предать и сослать в Новгород на покаяние под стражу, зане мы от Бога не поставлены на смерть осуждать, но грешные обращать к покаянию». Это мнение митрополита было, вероятно, поддержано представителями белоозерских иноков в лице знаменитых подвижников – Паисия Ярославова и Нила Сорского. Наконец, так как этому решению должен был сочувствовать и великий князь, находившийся тогда под влиянием партии, покровительствовавшей сектантам, то оно восторжествовало и в согласии с ним было постановлено соборное решение. Основываясь на показаниях, присланных Геннадием, и на некоторых свидетельствах, собранных в Москве, собор 1490 года обвинил новгородского протопopa Гавриила, священников: Дениса, Максима (Ивановского), Василия (Покровского), диаконов: Макара и Самуила, зятя Денисова Басюка, чернеца Захара и дьяков Гридю и Самсонку в том, что они старались развратить чистую и непорочную веру в Бога, в Троице славимого, и погубить православное христианство, отвергали божество Иисуса Христа, Его воплощение от Пресвятыя Девы Марии и воскресение, считая Его пророком, подобным Моисею, а не равным Богу Отцу; ругались святым иконам, называя их, на ряду с идолами, делами рук человеческих; совершали литургию по принятии пищи и питья и ни во что считали тело и кровь Христову в таинстве евхаристии, держались больше ветхого завета и праздновали пасху по-иудейски; в среду и пяток ели мясо и молоко и совершали другие еретические дела и многих простых людей прельстили своими ересями. Обвиняемые ни в чём не желали сознаться перед великим князем и владыками и «быша, яко во изступлении ума». Собор всех их предал проклятию, духовных лишил священного сана и осудил на заточение; кроме того, некоторых сектантов великий князь отправил в Новгород, где они, по распоряжению архиеп. Геннадия, были преданы публичному поруганию.

(Продолжение будет).

Из писем прот. И. Наумовича о противо-штундовом миссионерстве ¹⁷² // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 42– 47

(Из частной переписки).

Киев. 23 декабря 1887 г. Моя миссионерская поездка в заражённые штундой местности Сквирского у., Киев. епархии, а именно; в сс. Тур., Луч. и Дед., произвела на меня очень грустное впечатление, хотя в конце концов я утешаюсь надеждой, что здесь во многом будет лучше, и именно благодаря штунде... В православной русской деревне я почти не бывал, и здешнее сельское духовенство так близко наблюдаю впервые. Познакомился с местным о. благочинным в с. Кр-м, мужем ума и сердца и образцовым душепастырем, сосед его в с. Кор-не, тоже честный и благоразумный пастырь; он сумел отвратить опасность штунды от своего прихода, между тем как в этом селе есть сахарный завод. Но более всех заинтересовала меня личность о. Василия Луз-ва в с. Тур-ке, мужа апостольской ревности в деле миссии и по истинно апостольской бедности.... Тур-ка – приходец маленький, храм здесь бедненький, маленький, народ развращён водочными заводами, шинками и панами, а тут на эту почву враг – человек насеял штундовых плевел и всё село духовно разорено. Одни открыто принадлежат к секте, другие сочувствуют и дожидаются лишь подходящих для перехода поводов и времён... Рассказывают, что при предшественнике о. Василия штунда доигралась здесь до отчаянной воинственности, окончившейся неслыханной дерзостью. Однажды вожаки секты ворвались в храм во время отпевания тела одной покойницы, которую считали своей последовательницей, а между тем последняя, умирая христианской православной кончиной, завещала священнику и православным родственникам не допускать штундистов к погребению и не лишать её православного погребения. Прах был из дома принесён в храм, началось погребение, как вдруг врываются с шумом фанатики, учиняют свалку с православными родственниками покойной, стараясь

унести из церкви (из «капища», по выражению штундистов), священника побили... Победа осталась на стороне православных. Старуху похоронили по православному, а с буянами правительство расправилось военным судом... Вообразите теперь картину штундизма в с. Тур-ке и его деморализующих последствий на православную среду... Но вот послал Бог достойного пастыря, вышедшего из народа, и потому близкого к нему. После суда штунда присмирела и стали лучи света понемногу разгонять нависшую тьму, и ныне совращаемых числится только несколько десятков душ, а были сотни, но и упорство оставшихся видимо смягчается¹⁷³...

В сопровождении о. Василия мы отправились прежде в Дед-у, здесь штунда недавно, но успела принять угрожающие размеры. К сожалению, застали мы священника – старика тяжело больным воспалением лёгких, так что мы от него в этот раз почти ничего узнать не могли, и только на следующий день после 45 пиявок (!) он мог нам сказать, что в приходе штундистов числится около 36 душ.

Сектанты были приглашены в приходский дом: явилось их около 12 человек, вооружённых библиями, и мы начали обыкновенные собеседования о церкви, таинствах – особенно евхаристии, иконах, иерархии и проч. Они слушали нас с большим вниманием, и сказали, что такие собеседования им очень приятны, так как они будто бы прежде никогда не слышали от священников таких речей, но говорят, что это – обычный приём сектантского лукавства при беседах с новыми увещателями, а может быть они и не лгали...

На наши доказательства, между прочим, штундисты говорили, что они готовы возвратиться «в рукотворенную церковь», но пока эта церковь представляет де тьму и пока от неё исходит зло и гибель народа, погрязшего вместе с вождями своими в бездне пороков, нам де нельзя иметь общения с православными... На моё возражение, что дело не в личностях, а в началах, и что начало должно стоять выше личностей, они высказались яснее и сказали, что православное духовенство не суть те пресвитеры Христовы, образ которых начертан ап. Павлом, а что они ветхозаветные священники, которые распяли

Христа, и которые, по слову Божию, теперь уже не нужны для «новой твари» во Христе... О, невежество! Пришлось собеседникам раскрыть историю новозаветной иерархии. А когда, между прочим, указал я на пример о. Иоанна Кронштадтского, сектанты сказали, что один в поле не воин и тут же свели речь на материальную сторону, жалуясь на своего батюшку за то, что он берёт за похороны по рублю и по полтора (?!), получая 240 руб. казённого жалования. *По рублю за похороны и это много!* подумал я себе, но, чтобы сказали они обо мне, если бы узнали, что я сам получал по 50, 80 гулд. за похороны, а за венчание, обыкновенно, у нас в Галиции дают не менее 10, 15 гульденов, и никогда жалоб никаких не бывает... Не добр русский народ к своим душепастырям, если так низко ценит их труды!.. А может быть его так штунда извратила?.. Перешла речь на иконы. Здесь меня удивило, что один штундист упрекал святителя Николая, что он ударил Ария на соборе, и заметил, *что они (сектанты) высоко уважают Ария*. Я спросил их: за что же вы его так уважаете? Со-вопросники смутились и даже покраснели, значит – промахнулись. Видно, что они знали, кто был Арий и чему учил. Кажется, что штунда уже глубже идёт, до отрицания божества Христа, потому мы должны были поднять этот вопрос и указать им на 1-ю главу к Евреям, послание к Колоссянам и на другие места св. Писания. Собеседование длилось пять часов. Начитанность в священном Писании О. Василия поражала со-вопросников в самую главу, говорил он спокойно и логично, объясняя смысл текстов, я же говорил больше к сердцу, и нельзя было не заметить, что такой приём больше достигает цели в своём влиянии на толпу. Рассуждения богословские туго понимают простецы и скоро забывают, голос сердца глубже проникает. Надо говорить и к омрачённому уму заблудших, но больше – к сердцу и совести отпавших. Наше слово увещания многих тронуло до слёз, но когда одни плакали и внимали, другие (вожаки) перекидывались взглядами друг с другом, как бы говоря: «вот фарисеи и книжники»!..

И ещё одна подробность поразила меня. Когда я сказал сектантам, что, отделяясь от Церкви, они приносят вред и

делают радость врагам, которые, видя могущество России, очень рады такому раздору, штундисты сказали: мы молимся и за начальство и за власть, «чтобы они нами хорошо управляли, и готовы повиноваться правительству во всём, но под условием, если законы правительства не будут противоречить заповедям Господним» ... А когда о. Василий заметил, что все сыны России и Царя должны быть одно, в виду врагов, и если бы последние задумали нанести отечеству вред, или прийти на нас с оружием, не должны ли мы тогда стоять все, как один человек, пустили ли бы мы врагов на наше отечество? Скажите! Ответа не было; только после паузы один сказал: «Божья воля»! Вот и всё. Придёт враг, мы не пойдём на него».

– А как ты рассуждаешь о войне? Спросил я этого последнего.

– Её вовсе не нужно.

– Ну, а если придёт на нас враг?

– Мы встретим его с любовью.

– Ну, если же это будет не частный, а общий враг всего нашего отечества? Пойдёшь с ним воевать?

– Нет.

– Но тебе прикажут идти на войну в виду общего блага, ради спасенья отечества, – защиты жён, детей, и дадут тебе оружие?..

– То я не буду стрелять.

– Как не будешь?

– Стрельну вверх, в воздух...

Э, вот такая подкладка в штундизме, подумал я. Вера и библия только покрывало, и под ним прячется анархия. Штундисту теперь не надо церкви, попа, чтоб одним начальством («игом» на их языке) было меньше. И он привыкает обходиться без духовной власти. Но потом, в своё время, придёт очередь и до государства, и до правительственных учреждений и лиц, с которыми навывшие в церковной анархии способны также легко расправиться... Да, эта откровенность Дед-кой штунды наводит меня на многие невесёлые размышления. Ясно, что в секте вопросы веры и политики близко связаны между собой. Да это и понятно. Другого конца

ждать нельзя, когда возвышенное евангельское учение о христианской духовной свободе и братстве находится в руках тёмной грубой толпы, водимой своим своевольным разумом или хитростью врагов Православной России...

Сектанты спрашивали меня, почему начальство возбраняет им сходиться для бесед и чтения евангелия. «Разве чтение евангелия преступление? тогда для чего царь повелевает издавать свящ. Писание, разносить книжки по сёлам и так дёшево продавать, если нельзя нам читать слово Божие»? говорили мои со-вопросники. Я им ответил; русское правительство всякую церковь уважает и никого в деле веры не стесняет, но ваше общество церкви не составляет, а секту и притом тайную, неопределившуюся. Правительство не знает вас хорошо, кто вы, почему и для какой цели отделились от господствующей церкви, кто ваши руководители, о чём беседуете на своих собраниях и т. д. Вы, по своей духовной и умственной незрелости, ещё дети и никакое правительство, раз оно попечительно и верует в истину и силу своей Церкви, не может оставить народа без опеки и под руководством врагов России и православия. Если вам что не по душе и вы обижены чем – это дело начальства выслушать вас и зло предотвратить, а ваш долг не мудрствовать паче, нежели подобает... На эту тему я многое и другое им говорил и в духе мира и любви обличал заблудших, доказывая, что они не последователи Христа и апостолов, так как Христос «по вся дни» бывал в «рукотворенной церкви и учил, апостолы также учили в храме... и вам – говорю я – тоже нужно идти в храм и учиться там вместе с братией православной разумению закона Господня... – «Нам нечему там учиться, мы, сколько Господь открыл и нужно для спасения, познали Слово Божие: не пьянствуем, не лаемся (не бранимся), не ворует, трудимся, – пусть православная Церковь отучит вперёд своих от пороков, а мы с порочными не можем сообщаться: какое причастие свету ко тьме?.. Если нам дадут в церкви говорить и учить, – мы пойдём, пожалуй» ...

Какова гордость! и какие претензии! Вот тебе и серый, русский мужичок с его мытаревым смирением!

Штундисты набираются, обыкновенно, из среды самых бедных поселян и только в виде исключения пристают иногда к секте более богатые крестьяне. В Дед-не ни одного лучшего хозяина до сих пор пока не совратилось; хотя по словам сотского, есть уже немало колеблющихся и склонных к переходу в секту. Этот почтенный сельский страж общественной тишины и спокойствия 15 лет на этой должности и в рот не берёт хмельного, слишком обеспокоен штундой и пророчит, что через два года почти все в селе будут «штундеры» (так сектантов называют в народе¹⁷⁴).

В том нет сомнения для меня, что штундизм и социализм почти одно и то же, только в разной оправе. В Библии на всё можно найти текст. Бедный ищет утешения и ему указывают в евангелии, перетолковывая небесные истины на земной лад.

Прот. И. Наумович
(Продолжение будет).

Березницкий И., свящ. Двадцатилетняя борьба с приходской штундой и трехкратное одоление // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 48–55

(Летописное сказание о штунде в селе Моринцах Звенигородского уезда Киевской губернии).

Село Моринцы – один из тех пунктов, на которые штунда, появившись в Киевской епархии, сделала первое нападение. Когда известный Герасим Балабан, воспитанник Херсонской штунды, придя в родное село – Чаплынку, посеял здесь первые семена нового учения, а затем часто был вызываем в Киев и Таращу на объяснение: то во главе первых чаплынских штундистов стал жаркий последователь Балабана, Яков Коваль. Моринцы отдалены от Чаплынки 30-ти вёрстным расстоянием и лежат не на линии первичного движения штунды в наш край; но случилось, что у Ковалья в Моринцах была родня, свояк Даниил Школьный, и вот Коваль, не бывавший у этой родни уже несколько лет, в новом своём положении вспомнил о ней и, как снег на голову, прибыл в Моринцы в самый день освящения новой церкви, 1875 года 25 сентября на кануне храмового праздника. «Что вы, тёмные головы, слушаете этих длинноволосых и ходите в это идольское капище?» – шепнул своей родне Коваль, и на эту тему вёл с ними беседу целых три дня; а уходя домой, просил в свободное время и его не забывать. Всё это делалось в полном семейном секрете, и о посещении Ковалья мы узнали лишь спустя два года. Даниил Школьный – человек пожилой, неграмотный, но натура жестокая властолюбивая. Он был рад открытию Ковалья и мысль – поведать в селе, хотя бы и в таком важном деле, как религия отцов, пришлась ему по сердцу. С него и пошла штунда в Моринцах.

1876-й год. Слухи о появлении в Херсонской губернии какого-то мужика Рябошапки, проповедующего новую веру, дошли и до моего прихода. Толкуют о сём по селу много и горячо, но все согласны, что дело это нечистое, проделки сатаны. Уже все знают и название новой секты – это

«штундовые». Поясняют, что штундовые молятся только по ночам и не иначе, как ставши вокруг налитого водой ушата; тогда ихний бог «вырывает» из воды и учит их новой вере. «Народная фантазия»! – подумал я сначала; но потом сообразив, что этой фантазией народ, может быть, облакает явление действительное, и притом православию неблагоприятное, сказал сам себе: «надо быть на страже», и осенью посетив святыни киевские, купил двенадцать книжек четь-миней св. Димитрия Ростовского за деньги, собранные приходскими «сестрицами». Книги разобраны нарасхват и хотя бойких чтецов не более пяти–шести, но берутся за чтение все – и сильные в нём, и слабые. Слава Богу! В селе тихо, в пост великий говели все.

1877-й год. Оказывается, что Даниил Школьный, тайно от глаз посторонних, работал, в своём интересе: истекший и настоящий годы употребил он на привитие штунды в своей семье. Сам не умея читать, он эту миссию властно и всецело возложил на своего женатого сына Феодосия, в 60-х годах прошедшего приходскую школу и жившего при отце. За это время отец с сыном побывали не раз и в Чаплынке, где и получили от свояка – Ковалёва нужные указания. Когда перед праздником Рождества Христова, я с молитвой посетил дом Школьного, жильцы его заметно не рады были приходу моему. Старика не было дома, старуха неохотно двигалась, убирая хлам со стола, невестка и две дочери стояли неподвижно смущённые, а сын Феодосий мелькнул под окном, видно, – перед моим приходом он вышел нарочито из хаты. По прочтении молитвы наличные члены семьи и призванный в избу по настоянию моему Феодосий приложились ко кресту обычно, но в медленной поступи их, в потупленных взорах, в неровных движениях я подметил что-то недоброе. Иконы были на месте, на полке около их лежало, редкое ещё тогда в употреблении крестьян, евангелие в русском переводе. Я заподозрил штунду и внутренне смутился. В приходе распространился слух, что Феодосий Школьный читает штундовые книги, по праздниками Рождества, Нового года и Богоявления все почти члены этой

семьи в церкви были на лицо и молились, как ни в чём неповинные.

1878-ой год. Боже мой! в приходе моём штунда, – совершенная, настоящая, как её описывают в епархиальных известиях. Генваря 7-го дня я посетил дом Школьных для кропления св. водой и застал там (штундовое) собище; насчитал там около 20-ти лиц обоего пола; как видно, они знали, что я располагал быть на этой части села и приготовились. До моего прихода они плотно сидели кругом стола и о чём-то рассуждали; при появлении моём с клириком и пении праздничного тропаря они поднялись на ноги, не покидая своих мест. Я окропил св. водой передний угол с иконами, а затем и прочие стены. Стоящие не шевельнулись и не наклонились, как принято. На столе, покрытом чистой скатертью, хлеба не было, лежало лишь раскрытое евангелие, прежде мной виденное на божнице. На моё предложение – приложиться ко кресту и принять окропление св. водой – все отказались, мотивируя свой отказ тем, что «крест деревянный не – божество и святит их вода живая, то есть слово Божие». Я понял, с кем имею дело... Незнакомый дотоле трепет прошёл по всем моим жилам, а к сердцу и к горлу подступила такая жалость о погибших овцах двора моего, что я готов был заплакать. Защищая своё поведение, члены сбища кидались к евангелию и указывали тексты. С терпением и любопытством я вслушивался в их толкования и, стараясь сохранить присутствие духа и спокойствие, говорил: «да так ли это? всматривайтесь получше, найдите нечто иное». Не подав вида, что я признаю их отступниками от Церкви, я простился с ними мирно, пожелав, чтобы они чтением евангелия в совершенстве узнали волю Божию, в чём я готов быть им усердным пособником. В дом свой я возвратился поздно, пища не шла мне в горло, сон бежал от очей моих. Я дал обет молиться о моих совращённых прихожанах и в следующий воскресный день на проскомидии, при вынутии о них части, молитва моя вылилась в следующей форме: «помяни, Господи, заблуждающихся рабов Твоих Даниила, Иоанна, Феодосия и прочих, яви им истину и благодать Твою, яже хранить изволил

еси во святых Твоей апостольстей Церкви, да и тии с нами славят всесвятое имя Твое ныне и во веки».

1879-ый год. О моих штундах говорит, не умолкает всё село; к толкам о них я прислушиваюсь, над ними самими наблюдаю. В церковь то тот, то другой штундист являются, особенно те, коих жёны не склоняются к штунде и их самих удерживают. Довольно часто встречаю их на похоронах и при освящении колодцев; принимают во многом участие, но при целовании креста и окроплении св. водой стоят в стороне, не подходят. Слышно, посещает их собрание новое лицо – Савва Шляхта. Уже в руках их явилась и библия. Мучат они меня: иной раз, смотря на их набожность, сдержанность, думаю, – не ошибаюсь ли я, может быть они хотят быть только хорошими православными – и луч светлой надежды блеснёт в душе моей. Но вдруг слышу в толпе: «Данило назвал церковь синагогой, Иван говорил: попы – фарисеи, Феодосий утверждает, что попы ничего не знают»; – и я опять погружаюсь в горькие думы. Приблизился пост великий; я получил синодальную библию в русском переводе и решился на широкое предприятие: видя, что мои со-вопросники нахватились изречений священного Писания урывками и без связи, я задумал эти урывки систематизировать в их сознании, а для этого и провести их по всей библии, тем более, что к ней они и сами льнут и других приглашают. Мы условились: во дни первой седмицы в 2 часа пополудни всем мужчинам – сектантам собираться в школьное здание и вести здесь чтения по библии до позднего звона вечернего. объявив, что приглашаю их к любимому ими чтению Слова Божия, я всякую принудительную к тому меру обошёл, и штундисты точно в первые дни являлись исправно и в полном составе. В собственном смысле всей библии мы не читали – для этого потребовалось бы много времени – а дело велось так: читалась отдельно и внятно ветхозаветная история Москвина и при встрече с событиями, имеющими в данном случае великую важность, обращались к самой библии и слово в слово вычитывали сказание по ней. Пользуясь таким приёмом, я по библии указал слушателям своим в течение седми дней следующие места: извращение сердца человеческого грехом

первородным (Быт.3:12), обещание Избавителя (Быт.3:15), кожаные одежды в раю, как признак первых жертвоприношений за грех, непочтение Хама к отцу, Авраамово жертвоприношение, начало идолопоклонства (Быт.35:2–4 ст.), освящение земли Богоявлением в купине, установление пасхального агнца, чудодействие жезла Моисеева, устройство скинии и золотые в ней херувимы, поклонение Аарона, Моисея и всего народа перед дверями скинии, наказание Корея, Дафана и Авирона за возмущение, молитва Моисея с воздетыми руками при сражении с Амаликом, пленение филистимлянами Кивота и падение идола Догона в виду его, устройство и освящение храма Соломонова и явление в нём славы Божией в виде облака, чудо от костей Елисея пророка, обращение пророка Даниила в молитве ко храму Иерусалимскому и отвержение им идола, поставленного на поле Дейре, построение второго храма по повелению Господню, изречённому пророком Аггеем, жертва Иуды Маккавея в храм на молитвы об убитых в сражении воинах. В конце чтений перечислены слушателям пророки с указанием места, времени и обстоятельств, при которых они пророчествовали. Чтения эти при других трудах первой седмицы крайне утомили меня, но я утешался тем, что, благодаря им, мои со-вопросники превратились в покорных слушателей, возбудились прежним уважением ко мне, а главное – познакомились из первоисточника с теми священными изречениями и событиями, которые сектанты или обходят, или извращают, равно и с такими, на которых опирается и православное учение и хочет основаться и штунда. Кажется, мои собеседники поняли, что, устроив чтения близ церкви, я рассчитывал на посещение ими и повечерий церковных с покаянным канонами св. Андрея, и – тогда как православные, выслушав чтение, по звону колокола направлялись со мной в церковь – они много не думая направлялись домой. «Видно и говеть они не будут» – шептали в толпе. А вот посмотрим – отвечал я. И сверх чаяния мои штунды на этот раз говели. Правда, ходили в церковь одни сутки, стояли за чтениями угрюмо, холодно, но говели. Далось заметить, что посещавшие чтения мужчины были сговорчивее при исповеди, чем женщины,

не прослушавшие их: эти последние старались рисоваться вольностью движений и назойливостью. Варвара, жена Андриенка, не в очередь и нагло став перед аналогием, потребовала непременно исповедовать её, а не другую, ибо ей некогда; заявление уважено; исповедавшись, никакой жертвы на содержание причта в тарелку не положила, громко заявив, что спасение не покупается, а подаётся даром... Отбыв говение общим порядком, для всех православных, сектанты постарались однако отличить себя от них хотя малым чем: в день Пасхи они не принесли к церкви для освящения яств праздничных: «не хлеб пасха, а Христос пасха» – свысока вещали они. К осени новую печаль принесли мне мои отщепенцы: эта самая Варвара, жена Андриенка, 9-го октября родила сына; все мы ожидали, что будет дальше. А дальше было то, что штундовые собрались к Андриенку, нарекли новорожденного Иаковом, почитали, попели, закусили и оставили дитя некрещённым. Я крепко восскорбел и, не зная чем утешиться, принялся писать сборник свидетельств об иконопочитании, рассчитывая хотя в рукописи вычитывать его моим заблудшим овцам, если в печати ему не найдётся места.

1880-й год. Штунды наши истекшим праздником Рождества Христова пилигримствовали в Чаплынку. Многие видели их при выходе из села, другие видели их в дороге. Возвратились и похваляются, что были там на штундовых собраниях и не нахвалятся хорошими порядками на своих собраниях. Православные слушают и недоумевают. «Итак, думаю я, нашествие вражеское усиливается, надо и себе прибавить сил и оружия. Библию со всевозможным вниманием прочёл я ещё в прошлом году и поделал в ней нужные знаки и выноски. Теперь обратился к книгам руководительным. Мало их нашёл я у себя: богословие пресвящ. Макария, проповеди митр. Филарета, обличит. богословие архим. Иннокентия и только. Всё, что в этих книгах касалось лютеранских воззрений, я прочёл в этом году и составил для себя заметки, которыми руководился и тогда, часто пользуюсь и теперь. Для пополнения своей скудной библиотеки я выписал теперь: послания Игнатия Антиохийского, творения Киприана Карфагенского, изъяснение литургии митр.

Арсения, беседы Златоустого на 1-е послание к Коринфянам. Для народного чтения приобрёл: розыск Димитрия Ростовского, жития святых в русском переводе Извольского, Одесский Воскресный листок за первый 1876 г. и друг. Прочтением сих и некоторых других книг подновив свои богословские знания, я во всеоружии сей подготовки начал вести в сём году с штундистами довольно пространные рассуждения и беседы. Но так как повод и случай к ним давали большей частью мои посещения штундистских домов предпраздничные, причём, кроме посещаемого семейства, посторонних и лишних лиц почти не бывало: то беседы сии не нарушали мирных с сектантами моих отношений. Совершенно другого характера выходили эти беседы в том случае, когда я натёкался на целые штундистские сбиряща. Первый такой случай был в доме того же Даниила Школьного, когда я явился к нему с кроплением св. водою. Вхожу – опять у них собрание. Верно частые посещения мои уже им наскучили, потому что все сразу нахмурились. Невольно возбудился и я. Пропели тропарь. Я окропил голые стенки, подхожу к Даниилу, спрашиваю: «можешь целовать св. крест»? – «Не могу». – «Почему»? – «Это-не божество». Спрашиваю другого, третьего, следующего – все повторили то же. Было у меня в кармане русское евангелие малого формата; я вынул его, раскрыл на заложенной странице и, поднося к губам Даниила, спросил: а это можете целовать»? Он молча приложил уста к раскрытому евангелию, за ним по порядку сделали то же все, кроме последнего по ряду Кирилла Гаркуши, который отказался от сего, заметив, должно быть, на лице моём скрываемую улыбку. «Прочитай теперь место, к которому прикладылись» – обратился я к Андриенку. Тот прочитал: «тогда он (пилат) предал Его (Иисуса) им на распятие; и взяли Иисуса и повели; и неся крест свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски голгофа» (Ин.19:16–17 ст.). Некоторые сейчас же догадались и сделали гримасу. Тогда я заключил: «да, всякое слово в евангелии целовать можно и должно; но если можно на бумаге целовать слово крест и распятие, то почему же на дереве нельзя целовать крест и распятие»? Толпа молчала и только нервно задвигалась... «Зачем вы нас кропите

водой? – вопрос. – «Затем, что она освящённая». – «Мы и без неё освящаемся Духом святым». – «Да, Духом Святым, но через воду». – «Довольно и одного Духа Святого». – «Было бы довольно, если бы так Бог изволил; но Бог изволил освящать не одним Духом, но водою и Духом, т. е. Духом через воду». Возражения посыпались со всех сторон и высказывались так наступательно, грубо и дерзко, что псаломщик страха ради начал тянуть меня прямо за рукав из не гостеприимной избы иптундистской. Чтоб мирно расстаться с ними, я у порога обратился лицом к моим поносителям, благословил их иерейской рукой и произнёс: «если не сильны для вас наши речи, то уж Сам Господь да просветит ваши умные очи к познанию Его истины». По мере приближения великого поста я старался уладить все пути для хождения штундистов в церковь и говения. Сократил некоторые чтения, утомлявшие тёмный люд (да простит мне Господь!), чтецам велел предварительно просматривать на дому подлежащее чтение в церкви и читать громко и внятно. Для образчика сам ходил на клирос и читал, пение улучшил прибавкой голосов из школьников. По воскресениям вместо вечерен читал любимое штундами евангелие Матфея в русском переводе, кратко и в положительной форме разъясняя православным места, подставляемые штундами. Всё с моей стороны было устроено к принятию этих странников мира, попавших в сектантские дебри, но... увы! ни один из штундистов в сей пост в церкви не показывался, и никто из них не пришёл говеть. «Кончено» – повторял я грустно в светлый день Пасхи. «Что дальше будет и что дальше мне делать – Сам Ты, Господи, меня настави».

Священник И. Березницкий
(Продолжение будет).

Э. Я. Миссионерство, секты и раскол //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 56–90

(Хроника).

„Религия-это главная основа государства. Церковь – величайшая на земле святыня. Состояние духовенства всегда привлекало Наше особое внимание.“ (Из резолюций Императора Николая 1).

Содержание: Царственная деятельность Императора Николая I на пользу православия и внутренней миссии. (По поводу столетия со дня рождения в Бозе почившего Монарха). Высота воззрений Императора на государственное значение Церкви, и широта личного участия Его в делах церковного преуспевания. Оживление и расширение внутренней миссии Церкви. Централизация в направлении миссионерского дела: столичный и губернские совещательные (по миссионерским делам) комитеты. Учреждение епархиальных миссий. Миссионерские отделения при академиях и семинариях. Высочайшая инструкция и взгляд Императора на основы борьбы с расколом и задачи внутренней миссии. Служебное и материальное положение миссионеров в царствование Николая I: взаимодействие светской и духовной власти в борьбе с расколом и сектами. Законодательные административные ограничения личных и общинных прав последователей более вредных раскольничьих толков и сект. Выселение в закавказский край духоборцев. Попечения Императора о религиозно-нравственном просвещении православного народа в духе православной веры и Церкви. Меры к поднятию нравственного, умственного положения приходского духовенства. Дарование духовному сословию прав и привилегий. Заботы Императора о храмоводстве и церковном благолепии и благочинии. Внешняя миссия в царствование Императора Николая I. – Годовщина православного миссионерского общества. Учреждение первого в России миссионерского института. Ещё по поводу пред-коронационных раскольничьих происков и ухищрений.

Ознаменованье Черниговскими единовѣрцами патриотических торжеств восшествия на престол Их Величеств и дней коронации. – Семинарские миссионерские листки. – Предостережение журналу „Неделя“ за статью с идеями толстовскаго сектантства. Вызов Русских штундистов в немецкую семинарию.

25 июня текущаго года исполнилось сто лет со дня рождения Императора Николая I. С глубоким чувством благоговейнаго почитанія молитвой и добрыми делами благодарная Россія вспоминала в эти славные царственныя поминки замечательнѣйшаго из Россійских Венценосцев, Государя, положившаго в теченіи своего тридцатилетняго царствованія твёрдое начало главнѣйшим устоям государственной мощи и славы Россіи – **православію, самодержавію и русской народности**. Величавый образ блаженной памяти Монарха отпечатлѣлся неизгладимой печатью решительно на всех сферах церковной, государственной и народной жизни Россіи. Религиозный, глубоко-верующій в Бога и Его промысл, в самобытныя силы и призваніе Россіи, убеждённый поборник монархических начал власти, рыцарски честный, искренний и прямодушный, ненавидѣвшій ложь и неправду, верный друг своих вероломных друзей, твёрдый как скала на словах и в дѣлѣ, – строгий к себѣ и к другим, – Император Николай Павлович создал своим царствованием целую эпоху в исторіи Россіи, о которой нынѣ здравствующіе Его современники, потомство и исторія вспоминают с такой же народной гордостью, как и об эпохѣ Великих Петра и Екатерины. Кто сам зналъ и помнит Монарха, – исполнен почти беспредельнаго и безотчѣтнаго благоговѣнія к светлой памяти Царя, – кто родился или сложился характером уже после него, с детства привыкъ чтить в нём воплощеніе Государя строго-справедливаго, отечески-ласковаго, и властнаго, отзывчиваго и любвеобильнаго по отношенію как ко всему своему народу, так и к каждому отдельному лицу. Многих из старѣющаго поколѣнія шестидесятых годов, многих из мятущейся умом и сердцем молодѣжи смущает до сих пор величавая фигура Русскаго Самодержца, запретившаго

внутреннему неустроению и мятежам в разгар напряжённейшего и тревожнейшего из столетий.

Ко дню празднования столетия памяти Императора Николая I историческая литература, как светская, так и духовная, а равно и периодическая печать дали читающей России обстоятельное жизнеописание почившего Императора, подробную характеристику (насколько последняя возможна ещё в наше время) царственной деятельности и заслуг сего Государя перед отечеством. Долг миссионерского органа вспомнить перед читателями своими о царственных заботах и трудах почившего Великого Монарха на пользу православия и Церкви и в частности о заслугах Николаевской эпохи в отношении внутренней миссии отечественной церкви – для дела церковно-государственной борьбы с сектантами и расколом. Нельзя не заметить, что эта сторона царственной деятельности Императора Николая I в юбилейной печати как-то обойдена, замолчана¹⁷⁵: как будто она теневая для славной памяти незабвенного Императора, или маловажная. А между тем для отечественной церкви царствование Императора особенно памятно по той непрерывно сердечной заботливости, с которой Государь относился к делу православия, к интересам духовенства, к вопросам миссии с первых же дней Своего царствования и до самой Своей кончины. После забот об армии и русском солдате, едва ли можно указать другую сферу государственной жизни того времени, где бы была проявлена почившим Императором такая широта сердечной любви и личного попечительного участия, как в делах духовного ведомства, и в частности относительно мероприятий, содействовавших успехам внутренней миссии Церкви и ослаблению раскола и сектантства в Империи. Так что в сфере церковного управления, в жизни и быте духовенства и в делах внешней и внутренней миссии Николаевская эпоха является беспримерной в церковной нашей истории по тому подъёму и оживлению сил деятелей Церкви, по обилию жизненности и строгой целесообразности церковно-государственных мероприятий, по благотворности плодов этого царствования для православия.

Воспоминание о разносторонней неутомимой царственной деятельности Императора на пользу Церкви и миссии может дать немало поучительных уроков и нашему чуткому к миссионерской борьбе с расколом и сектами времени.

Достаточной характеристикой взглядов и отношения Императора к религии, Церкви и миссии могут служить уже одни вышеприведённые и другие не менее классические слова Монарших резолюций: **«религия – это главная основа государства, – своеволие понятий вредно для общества и есть последствие удаления от религии», «Церковь – величайшая на земле святыня».** «Добрая нравственность должна быть в сердце и иметь своим основанием религию¹⁷⁶.

«Вы хотите принуждением, силой сделать из немцев (Остзейского края) русских, (православных) с мечом в руках, как Магомет, но мы этого не должны потому, что **мы – христиане...** мы должны любовью и кротостью привлечь (на сторону православия) немцев»¹⁷⁷. «Миссионеры и священники обязаны действовать *«как учением, так и примером, приспособляясь к понятиям (иноверцев); которые святого крещения принять не пожелают, таковым принуждения не чинить и не угрожать, но поступать по образу апостольской проповеди с великим смирением, тихостью и кротостью, оставляя их с миролюбием до другого благоприятного времени»* (из Высочайше утверждённой инструкции). «Слава Богу, но подтвердить действовать осторожно и не торопливо». (Резолюция Государя по поводу присоединения униатов) и т. д. Такие гуманные начала положены были в основу миссии Николаевского времени, что, как видит читатель, уже само по себе совершенно исключает укоренившийся в некоторой части общества и печати тот неверный взгляд, будто бы миссия Николаевской эпохи опиралась на одни только полицейские меры, шла неверным путём и потому оказалась малопродуктивной. Беспристрастное обследование состояния и организации миссионерского дела по вразумлению раскольников и сектантов приводит к заключению, что никогда ранее наше миссионерское дело не имело такой полноты мероприятий, такой строгой организации и единства взглядов и действий Церкви и государства на раскол и секты и

на меры борьбы с ними. В принципе путь начертан был правильный: впереди шли церковные меры духовного воздействия в духе христианского смирения и терпения. Государственным ограничительным мерам в отношении сектантов и раскольников отведено было второстепенное, содействующее, значение. Если же бывали уклонения и меры репрессий врывались не в свою сферу, вина – не в законодателе, а в излишнем усердии, в невежестве, а также и нередко в недобросовестности исполнителей велений Царя. Притом, резкость и настойчивость некоторых законодательных Николаевских мер в отношении заблудших (переселение духобор, правовые ограничения некоторых толков раскольничьих) обуславливалась особыми историческими обстоятельствами, а также состоянием сект и раскола – тем воинствующим характером пропаганды сектантства и раскола, к каким привели неблагодарных отщепенцев мягкие гуманные меры благороднейшего из Монархов Александра I.

Чтобы правильно оценить репрессивные меры Императора Николая I-го, нужно установить верный взгляд на историю сектантства и раскола, и состояние, в каком застало их последнее царствование. Довольно напр. припомнить известный проект камергера – скопца Еланского, поданный Императору Александру Благословенному об учреждении скопческого управления Россией, – о хлыстовских кораблях, о духоборческих изуверствах на Молочных Водах, о всеильном господстве над бедным православным населением раскольничьего капитала, созидавшего в видах возвеличения своей веры такие храмы и скиты, каких не имело православное население.

В Бозе почивший Император Николай Павлович в основе правительственных отношений к расколу и сектантству оставил те же начала веротерпимости, которые вошли в жизнь с Екатерины Великой и господствовали при Александре I. Раскольники и сектанты за содержание той или другой веры не преследовались; ограничение их гражданских личных и общинных прав направлены на пресечение прозелитизма и обуздание вредной для православия пропаганды усилившихся

лжеучений. В тоже время правительство полагало своими мерами обеспечить успех миссионерского воздействия на тёмную массу, которая по своей духовной слепоте казалась бессильной к восприятию спасительных благ истины православия.

Обращаясь собственно к мероприятиям миссионерским, мы видим, что миссионерская деятельность против раскола возложена была на обширный круг лиц с различными обязанностями и полномочиями. Во главе миссионерского дела при Св. Синоде был утверждён центральный комитет, а в губернских городах совещательные по миссионерским делам комитеты, состоявшие из епархиальных архиереев, губернаторов и других высших и низших начальствующих лиц духовного и гражданского ведомства. С.-Петербургский центральный комитет должен был следить за общим ходом борьбы с расколом и вырабатывать общие соображения по делу, которые, по обсуждении вопроса Св. Синодом и утверждении Государем, отсылались для осуществления в епархии. Епархиальные комитеты делали тоже самое по отношению к своим епархиальным делам, в пределах своего епархиального района и предоставленных им законом полномочий. Часть исполнительная лежала главным образом на епархиальных архиереях, которые сами должны были избирать средства и орудия для выполнения высших предначертаний, и на приходском духовенстве, являвшемся чаще всего этим орудием, хотя оно и не считалось специально для этого предназначенным. С исключительной целью миссионерства в разное время были организованы миссии из двух и более духовных лиц, состоявших под непосредственным ведением преосвященных, в епархиях: Олонецкой, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Новочеркасской и Иркутской. Первоначально состав миссий набирался из наличных представителей духовенства, удовлетворявших лишь известным требованиям, но после, в 50-х годах, Государь Император повелел озаботиться подготовкой специальных миссионеров. В 1851 году он повелел Св. Синоду обсудить вопрос «о приготовлении особых миссионеров для вразумления

раскольников», и в 1853 году утвердил Синодальное определение, установившее главные основания этого приготовления. С 1853 г., по новому закону, стали открываться при духовных академиях и семинариях особые миссионерские отделения, с обучением в них слушателей истории и обличению раскола, статистике его, церковной археологии, пастырско-миссионерской практике и истории противораскольнической литературы.

В 1854 г., по повелению Государя, в Петербург было вызвано из 14 епархий несколько протоиереев, священников, иеромонахов и диаконов для слушания уроков по расколу от Синодального члена архиеп. Григория, автора известного сочинения «Истинно-древняя, истинно-православная Церковь Христова».

Порядок и характер миссионерской деятельности был определён во множестве указов и инструкций, изданных и во всеобщее руководство, для отдельных епархий и лиц. Достоин внимания, что первая программа миссионерских действий была начертана самим Государем Николаем Павловичем. В 1828 г. Государь передал Св. Синоду через митрополита Серафима повеление об учреждении в Пермской епархии противораскольнической миссии, в котором поручая Св. Синоду снабдить миссионеров подробнейшей инструкцией, сам наметил главные основания организации миссионерского дела, характеризующие глубокое внимание Монарха к миссии¹⁷⁸.

Эти основания организации миссионерского дела на столько целесообразны и жизненны, что, несмотря на то, что Высочайше преподаны назад тому 40 лет, почти целиком входят в действующие ныне правила «о миссии», составленные да первом и дополненные на втором миссионерских всероссийских съездах, — что свидетельствует о замечательной проницательности Императора Николая Павловича и глубоком понимании хода миссионерского дела. Нужно заметить, что те пункты нынешних правил, в каких допущены существенные отклонения от основ, преподанных Высочайшей Николаевской инструкцией, оказываются на практике не достигающими цели. Особенно это нужно сказать о том пункте (6) Николаевских

правил, коими ограждалась свобода убеждений и действий сектантской массы от давления со стороны сильных и влиятельных главарей раскола и сект, которые, как ранее, так и теперь, являются главными врагами истины и поборниками раскольничьего мракобесия и сектантского вольнодумства в вере, в тоже время и деспотическими властителями над тёмной сектантской массой. Император Николай Павлович видимо чувством глубоко-верующего человека прекрасно постигал психологию раскола и сектантства, а потому и мероприятия Его оказывались столь жизненными и целесообразными.

Вопрос о наилучшем составе деятелей миссии, об их служебном и материальном положении – был предметом особой попечительности в Бозе почившего Государя. На Высочайших докладах по этому предмету встречаются поучительные и для нашего времени отметки и резолюции незабвенного Монарха. Так, на докладе (1829 г.) о необходимости учреждения епархиальных, против-раскольничьих миссионеров Его Величество начертал: «стараться должно увеличить число миссионеров, приготовляя таковых заблаговременно». На другом докладе (1853 г.) Государь написал «быть как в действиях, так и в выборе миссионеров крайне осторожным». Круг деятельности миссионеров определялся весьма широко: последние назначались «для наблюдения за действиями священников и благочинных в приходах (с ново-крещёнными, а равно и сектантами, и раскольниками) и для обращения ещё не знавших христианства и заблудших». Ясно определены были также и задачи миссионерства, состоявшие в том, чтобы «направлять заблуждающихся к сближению с св. Церковью». Относительно способов и средств миссионерского действия Государь лично не раз преподавал по духовному ведомству руководящие указания, вполне соответствовавшие высокому характеру этого святого дела, а именно: священникам и миссионерам рекомендовалось соблюдать в своих действиях «осторожность, постепенность и мягкость в обращении». В 1835 г. Государь Николай Павлович Высочайше повелел Саратовскому епископу: «продолжать действия миссии *не торопясь и более посредством примеров и убеждений*, и

отнюдь не показывать намерения к *насильственному действию*». Когда епископ Полоцкий Смарагд, под влиянием успехов миссионерского дела (по воссоединению униатов) сделал представление о том, что было бы полезно и благовременно обратиться от имени Св. Синода ко всем униатам с воззванием, Император начертал на докладе: воззвание «делать не время и без того милосердый Бог благословляет видимо ход сего важного дела». На другом докладе о воссоединениях униатов Государь снова начертал: «Слава Богу, но подтвердить действовать *осторожно и неторопливо*, с делом сим (воссоединением) для самой оного пользы и достоинства. Прежде чем воссоединять, Высочайше одобренной инструкцией рекомендовалось действовать на понятия народа и постепенно убеждать его к воссоединению, склоняя прежде всего представителей (а в унии духовенство), и потом через них покорять народ – массу.

Не лишне вспомнить эти уроки мудрой миссионерской осмотрительности доброго старого времени и нашим современным руководителям и деятелям миссии, из которых многие отличаются нетерпеливостью в ожидании обращений отпавших в лоно Церкви, любят ценить успехи миссионерского делания одними цифровыми данными о воссоединившихся... Отсюда не редко имеет в миссионерской практике место непростительная поспешность при воссоединениях без достаточного искусства, без приготовления и научения в истинах православия.

Объединив деятельность церковной миссии через учреждение центрального и губернских совещательных комитетов, Государь стремился также достигнуть единства взглядов и действий и со стороны исполнительных органов местной светской власти с деятелями духовного ведомства. На обязанность первых возложено было оказывать во всех потребных случаях дружное содействие духовенству в его борьбе с вековым злом, каким были в глазах Монарха раскол и секты. Независимо от того полицейская власть обязана была иметь строжайшее наблюдение за неуклонным применением и

исполнением всех правительственных распоряжений и узаконений относительно раскола.

Обозревая эти, изданные в царствование Императора Николая I многочисленные законодательные и административные распоряжения по делам сект и раскола, нельзя не видеть, что одни из таковых были направлены «к сближению раскольников с православием», – что было заветным желанием Монарха, – и имели характер мероприятий поощрительных в отношении кающихся; сюда нужно отнести все те права и льготы, какие Высочайше дарованы были воссоединявшимся. Ряд других правительственных мероприятий направлен был к ограничению личных и общественных гражданских прав отступников. В этих последних мерах правительственная власть имела в виду явить сектантской и православной массе населения своё авторитетное доказательство высокого значения православия, как истины и как государственной силы, а в тоже время и вредности раскольничьих лжеучений. Независимо от ограничительных узаконений, были изданы и чисто карательные, имевшие целью пресечение развития пропаганды лжеучений. Здесь Император, как верный сын отечественной Церкви, явил Себя строгим охранителем и бодрым стражем святой неприкосновенности православия: Он был неумолим к совратителям.

В видах сближения раскола с православием», между прочим, Высочайше разрешено было священникам освящать браки раскольничьи в единоверческих церквях по старопечатным книгам, венчать детей раскольников православным браком, без разрешения родителей, приводить раскольников к присяге на старопечатном евангелии и проч. Особенное внимание обращено было Императором на распространение и укрепление единоверия, как верного средства в деле сближения раскола с православной Церковью, а потому эпоха царствования Николая I является самым цветущим временем в истории единоверия. При живом содействии Императора, единоверие было насаждено во всех епархиях и успело укорениться в самых закоренелых центрах

раскола, каковы Иргиз Саратовский, Черниговское Стародубье, Московские Преображенское и Рогожское кладбища¹⁷⁹.

К числу *ограничительных мер*, касавшихся всех вообще уклонившихся от православия, относятся: лишение раскольников права нанимать за себя рекрутов из православных, занимать какие бы то ни было общественные должности, а, чтобы мера эта не ложилась тяжестью на православных односельцев, установлен был с раскольников особый денежный сбор. Здесь будет не лишне заметить, что раскольники и сектанты и ныне ограничены относительно занятия сельских должностей, так что где раскольник избирается на общественную выборную должность, там кандидатом ему назначается обязательно православное лицо. Штундисты совершенно не допускаются ни на какие должности. Насколько прозорлив был законодатель относительно этой меры, убедительные доказательства тому встречаются и доселе. Отовсюду слышатся не только жалобы, но прямо стон и вопль со стороны православных и единоверцев на крайний произвол и недобросовестную партийность, в интересах своей секты, со стороны раскольников, стоящих во главе городских и посадских самоуправлений. Нам сообщают из Черниговских богатых раскольничьих посадов, что единоверцы там просто бедствуют и нет им помогающего: сильные своим числом, капиталом и сплочённостью раскольники не пропускают ни одного представителя от единоверцев в состав гласных думы и делают самые произвольные обложения имуществ перешедших в православие, налагая своего рода контрибуцию на неофитов: кто платил в расколе рубль, с переходом в единоверие вынужден платить 18 руб., своим лже-архиереям и попам преподносят поля и угодья из городской земли. Стародубский лже-владыка Сильвестр искони веков пользуется *сотнями* десятин общественной луговой земли, прирезанной к его резиденции. Неудивительно после этого, если единоверие замерло в своём росте!

Другими распоряжениями Императора Николая I раскольники лишены были прав на всякие отличия, в том числе и на почётное гражданство. Эта мера законом 3 мая 1883 г.

отменена, и ныне многие из раскольников имеют ордена. Прекращена была также выдача свидетельств на обучение детей и воспрещено принимать к себе в раскольниковы семейства детей православного исповедания. Мера эта имеет за собой непреходящее значение и в наше время. Обучение молодого поколения раскола должна находиться под руководством правительства, а не в руках невежественных фанатиков. К сожалению, наблюдения показывают, что дети раскольников и сектантов учатся и доселе у своих «мастеров», а наши земские и правительственные школы или пустуют, или не существуют в раскольниковых и сектантских посёлках. Из прочих ограничений отметим запрещение раскольникам записываться в купеческие гильдии и иконописные цехи, последней мерой имелось косвенно в виду и охранение чистоты православного иконописного стиля, торговать же раскольники могли только «на временном праве». Велено было называть всех раскольников в полицейских книгах и во всех официальных бумагах так, как установлено в своде законов, без всяких изменений, чтобы видно было, кто из них и какой секты, причём требовать от каждого объявления, какую ересь содержит. Ограничивая личные права раскольников, правительство тем более должно было ограничить права раскольнических обществ. Раскольнические общества были лишены права на законное существование. На их имя запрещалось приобретать недвижимые имущества; духовные завещания в пользу их не были утверждаемы. От имени раскольнических обществ не принимались даже пожертвования. Раскольнические общежития, напр. Преображенское и Рогожское кладбища, владевшие уже недвижимыми имуществами, рассматривались как благотворительные учреждения на общих основаниях и были подчинены ведению приказов общественного призрения, а с 1853 г. ведению Императорского человеколюбивого общества.

Во внутреннюю бытовую жизнь сект, в рассмотрение религиозной стороны раскола, в обсуждение богослужебного ритуала и др. религиозных действий Императорское правительство не входило, если последние совершались в кругу последователей раскола; но не придавало никакого

значения этим религиозным действиям, поэтому браки, заключаемые в расколе, считались не действительными. Кроме того, не преследуя раскольников за совершение богослужения, им запрещалось отправлять требы публично и с явным оказательством своего учения и богослужения. Относительно беглых попов был предпринят целый ряд мероприятий, которыми власть старалась ограничить незаконные действия последних и совсем прекратить это печальное явление, получившее, благодаря закону (1822 г.) Александра I, широкое развитие. Относительно молитвенных зданий было поставлено, чтобы построенные до 1826 г. оставить в том положении, в каком они в то время были, после же этого не дозволялось вновь ни строить ничего похожего на церкви, ни перестраивать и починять старые молитвенные дома, при этом велено было снять с часовен кресты и убрать колокола. В раскольнических скитах запрещались всякие исправления зданий, и министру внутренних дел было предоставлено постепенное упразднение этих рассадников раскола. Чтобы привести в известность наличность последователей раскола и сект и затем не допускать новых соversions и вообще распространения раскола, правительством составлялись именные посемейные списки отступников, с указанием их церквей, монастырей, скитов и количества жителей. Детей раскольников велено было крестить в православной церкви, после чего они уже не считались в числе раскольников.

К разряду Николаевских мер пресечения развития пропаганды раскола и сектантства нужно отнести Высочайшее повеление об отдаче в военную службу и ссылку в Сибирь совратителей. 1830 г. секты духоборцев, иконоборцев, молокан, иудействующих, хлыстов и скопцов были объявлены особо вредными, и против них приняты меры наибольшей строгости. В 1832 г. Саратовский и Тамбовский епископы получили от Синода, по Высочайшему повелению, секретную инструкцию о средствах против размножения в их епархиях духоборцев и молокан. В 1836 году вновь усилена строгость взыскания за принадлежность к секте духоборцев, причём было запрещено, разрешённое Императором Александром I, свободное

переселение духобор из внутренних губерний в Мелитопольский уезд Таврической губернии, и начато выселение их в закавказский край. Переселение это явилось, как замечено выше, результатом обнаруженных особой следственной комиссией ужасающих преступлений в духоборческих поселениях, центром которых был так называемый «сиротский дом», – резиденция правителей секты – Колмыковых, людей распутных и жестоких. Последние присвоили себе неограниченную власть деспотических распорядителей не только имуществом, но и жизнью своих последователей, слепо уверовавших, что их вожди есть будто бы действительное воплощение самого Бога. При «сиротском доме» устроены были застенки с кошками¹⁸⁰ и плетями для ослушников и протестантов против установившегося в секте режима: нередко таковых здесь в подземелье и засекали насмерть. От имени пьяных развратных Колмыковых неумолимо действовал грозный синедрион 30 ангелов полубога. Жестокость сектантов доходила до того, что они однажды живым закопали священника – увещателя. Расследование тянулось несколько лет и вызвало Высочайшее повеление о переселении нескольких тысяч духоборцев из тучных полей Таврии на малопродуктивные степи высокого плоскогорья Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии. Переселение совершено в течении 5 лет (1841–1845 гг.). Император поступил с духоборцами решительно, круто и твёрдо, но в тоже время и великодушно. Он повелел сектантам за всё оставшееся на Молочных водах имущество уплатить из казны и отвести достаточные наделы казённой земли в Закавказье, кроме того духоборам и даны льготы на несколько лет по уплате податей. Возвещая им волю Императора, Новороссийский генерал-губернатор справедливо объявил, что «Его Величество, наказуя духоборцев за их злодеяния, оказывает им и знаки своей милости».

Молоканство, как секта с духоборчеством родственная по основным пунктам своего религиозного и социального учения, также находилась у правительства в подозрении. Хотя на эту последнюю секту и не была распространена упомянутая мера массового выселения, но, чтобы охранить местное

православное население от тлетворного влияния молоканства, правительство поощряло выселение последователей и этой секты в далёкий закавказский край путём запрещения приписываться к городским и сельским обществам, кроме закавказского края, куда значительное число молокан и выселилось.

Последователям *скопческой* ереси повелено было прекратить выдачу торговых свидетельств и паспортов на отлучку.

Особое место в церковно-государственных событиях Николаевской эпохи занимает ознаменованная беспримерными успехами миссия по присоединению к православию униатов западнорусских губерний. При вступлении на престол Николая Павловича униатская церковь в России состояла из 4 епархий: Брестской, Виленской, Полотцкой и Луцкой. Состояние её было крайне тяжёлое. Люди, принадлежавшие к ней, жаловались на систематическое преследование католическим духовенством, на постоянное насильственное отторжение от церкви лучших её членов, на преобладание базилиан¹⁸¹, присвоивших себе лучшие места и фондуши, и т. п. стеснения. С самого начала своего царствования Император озабочен был мыслью о лучшем благоустройстве православно-униатской церкви западного края, об оздоровлении её от католических наростов. Польское восстание 1830 г. побудило Императора настойчиво стремиться к отделению униатской церкви от влияния католицизма. Св. Синоду предложено было заместить епископов в западном крае людьми наиболее энергичными, учреждена была «греко-униатская коллегия», а позже особый «совещательный (миссионерский) комитет, во главе миссии поставлен был приснопамятный Иосиф Симашко, который повёл дело воссоединения тихо, осторожно, но последовательно и верно. Соединённые неуклонные труды комитета, коллегии, епархиальных архиереев и гражданской власти привели в 1839 г. к полному воссоединению униатской церкви с православной и отторгнутые некогда насилием и коварством папистов снова возвращены были в лоно отеческой церкви, в миллионном числе. Государь живо интересовался

ходом этого дела и на «синодальном деянии» о воссоединении униатов начертал: «благодарю Бога и принимаю».

Широкие задачи внутренней миссии церкви не были однако ограничены в царствование Императора Николая Павловича одним воздействием на заблудших и заботами только о воссоединении отпавших. Не менее живо одушевлён был Монарх и делом охранения православного населения от увлечения сектантскими заблуждениями и утверждения народа в истинах веры, а также и просвещением масс светом грамоты в духе православной Церкви. В заботах о преуспевании этой именно стороны внутренней миссии Церкви Государь установил зоркое непосредственное наблюдение за ходом церковного управления, за умственным нравственным состоянием приходского духовенства, и его служебно-просветительной деятельностью, за состоянием церквей и школ духовных и народных, а равно и за религиозными нуждами и потребностями народа.

Чтобы поднять церковную жизнь, улучшить управление, возвысить церковное учительство и просвещение, Император во время своего царствования открыл 15 новых самостоятельных епархий, учредил 5 викариатств и таким образом православный епископат увеличен на 22 кафедры, число новых приходов увеличилось на 9 тысяч. Озабоченный интересами церкви, Император установил тесную связь с правящей духовной властью: он не только рассматривал доклады на Высочайшее имя, но и следил за обычными текущими делопроизводствами в Св. Синоде, был коротко осведомлён во всём, что происходило в духовном ведомстве, что поступало в высшее духовное правление, знал, какое направление сообщалось там делам, так что ни ранее ни позже процесс церковного управления не был так приближен к особе Монарха и никогда наше ведомство не находилось под таким живым Высочайшим покровительством и руководством¹⁸².

Православное духовенство было предметом особого внимания и попечения приснопамятного Государя Николая Павловича. Как глубоко-верующий Он высоко чтит звание служителя алтаря Господня; видя в православии незыблемую

основу России, и зиждущую государственную силу, Император признавал великое значение и за духовенством, которому отводил высокую роль в церковно-государственной жизни. Стремясь найти в духовном сословии культурную силу и подготовить в деятелях Церкви надежду и непоколебимое основание всех своих лучших церковно-государственных мероприятий на пользу отечественной церкви и России, Государь предпринял целый ряд мер к тому, чтобы поднять духовенство в служебном, умственном и материальном отношении на подобающую ему высоту. «Состояние духовенства всегда привлекало наше *особенное внимание*... в твёрдой уверенности, что добрые христианские нравы составляют основу общественного благополучия, а нравы создаются и утверждаются *наставлением и примером духовенства*... Я остаюсь твёрдо удостоверенным, что духовенство верным служением Церкви и престолу и пламенным усердием в исполнении своих обязанностей потщится оправдать Моё о нём попечение» – писал Император в своих резолюциях. (Указ 11 янв. 1828 и 6 д. 1829 гг.).

Насколько высокое представление имел Император о звании священническом, можно судить по резолюциям Его на делах о сложении священниками своего сана. «Полагаю», писал Он, «что звание священническое столь важно, что сколько должно быть разборчиву и осторожну при удостоении оно, столько же должно затруднять добровольное оно сложение» ... «Никак нельзя допустить, чтобы лицо, носившее сие высокое звание, могло непосредственно посвящаться иному служению, какое бы ни было... (после снятия сана) как бы в доказательство, что *мирские обязанности выше духовных*».

О взглядах Императора на культурное, государственное значение духовенства может свидетельствовать то напр., обстоятельство, что на Кавказе он вменял местному духовенству в обязанность «примирение вражды между горцами». В бывших польских провинциях, на месте польско-католической sprawy, Государь рассчитывал передать в духовные руки насаждение русской культуры путём школьного

воспитания народа, которое, по его мысли «должно быть применено к политическому положению и потребностям края».

Неумолимо строгий и требовательный вообще к долгу службы, Государь Николай Павлович не терпел служебной распущенности и нравственных недостатков в пастырях Церкви. В очищении наличного состава духовенства от позорящих священный сан недостойных членов клира Государь видел одну из необходимых мер к поднятию деятелей Церкви на требуемую служебным их положением высоту. По поводу одного проступка священника Черниговской епархии Государь повелел Обер-прокурору кн. Мещерскому донести Св. Синоду желание Его Величества, «чтобы Св. Синод обратил особое внимание на равнодушие, с коим епархиальное начальство смотрело на поведение упомянутого священника. Его Величество изволит находить, – писал обер-прокурор – *что люди, видя в пастыре вместо благочестия пример порока, теряют уважение к сану и впадают в раскол и своеволие понятий*, столь вредные благоустроенно государств. Государь Император изволит считать необходимым строжайше подтвердить немедленно же епархиальным начальствам иметь деятельнейший надзор за священнослужителями и тех из них, *кои уже замечены дурными, ныне же удалять от должности*, а сомнительных переместить под личный надзор архиереев». Высокопреосвященный митрополит московский Филарет составил целую записку о том, как исполнить это повеление. Несколько позже шло новое подобное напоминание лично от Государя: «опять повторяю, что... мало местное духовное начальство обращает внимания на ставленников и подтверждаю – *сомнительного поведения священников отнюдь не терпеть*; доставить Мне полный список всем священникам, находящимся при должностях, кои были под судом или следствием». Рассмотрев поданный Ему список, от 4 июня 1829 года, Государь повелел Св. Синоду: «ныне же строго рассмотреть... весь список и тех священников, кои, по мнению Св. Синода, *окажутся недостойными священнодействовать, отрешить от должностей*»¹⁸³.

В 1831 году был произведён строгий разбор в духовном сословии, причём в военную службу забирали праздных лиц

духовного звания, а из служащих – церковников «негодных и неисправных», из детей духовенства были оставлены в покое лишь получившие образование и взяты в службу все не учившиеся в тех видах, чтобы они не могли получать духовных должностей. Это была последняя выдающаяся по своей строгости мера по очищению наличного состава духовенства.

Однако такая Монаршая строгость в отношении недостойных была ничем иным, как выражением горячей любви Императора к отечественной Церкви и высокого уважения Его к священному сану, что доказывают и неусыпные заботы Государя во всё время Его царствования об умственном, материальном и правовом возвышении деятелей Церкви и Его всегдашнее горячее участие к нуждам служителей алтаря. «Изыскание способов к образованию достойного духовенства» – постоянно озабочивало Императора, и Он не раз предлагал Синоду «неукоснительно» представить Ему по этому предмету свои соображения. Плодом этих высоких стремлений Монарха были Высочайшие Указы (1829–1833 гг.) на имя епархиальных преосвященных, чтобы последние «в избрании и рукоположении ищущих звания священнослужительского поступали бы со всяким опасением, обращая внимание на лета и испытывая поведение и образ мыслей поставляемого всеми способами и удаляя всех замеченных в пороке и сомнительных в отношении строгой нравственности, как равно и недовольно понимающих важность духовных обязанностей и высоту сана», причём требовалось назначать на священнические места исключительно окончивших курс академий и семинарий, не учившиеся допускались как временное и неприятное исключение.

Для доставления средств и способов к более широкому образованию духовенства увеличено было в царствование Николая I число семинарий (на 9) и училищ (на 55), при попечении Великой Княгини Ольги Николаевны, положено начало женскому образованию девиц духовного звания, открыта духовная академия в Казани, содержание воспитанников в семинариях принималось почти вполне на иждивение казны. Духовно-учебные заведения в период этого царствования

подверглись троекратной реформе, в основе которой положено было стремление «согласовать образование и воспитание кандидатов священства с уставами Церкви, с прямыми нуждами её служителей и с духом народным», причём курс семинарских наук расширен в пользу предметов, имевших применение «к практической жизни сельского пастырства»; между прочим введены были пастырское и собеседовательное (гомилетика) богословие, естественные науки, начала медицины и сельского хозяйства. О благотворности всех этих мероприятий красноречиво свидетельствуют статистические данные, по которым число образованных священнослужителей в царствование Императора Николая I-го увеличилось на 20,000 слишком и представляло уже $\frac{2}{3}$ всего приходского духовенства.

Насколько близок был сердцу благочестивого, набожного Государя вопрос об улучшении материального быта духовенства, можно судить из следующих знаменательных слов именного Высочайшего Указа от 11 января 1828 г.: «Мы всегда желали, чтобы чин духовный имел все средства к прохождению служения... *не препинаясь заботами жизни и безбедного своего содержания...* Мы проявили уже в разных случаях Св. Синоду мысль и волю нашу и ныне признали за благо сим снова повелеть, дабы Св. Синод неукоснительно представил способы... дабы лица духовному званию себя посвящающие, особливо приходское духовенство, обеспечены были в средствах содержания везде и особенно в приходах бедных». Таким образом Император шёл впереди своей инициативой, своим сочувствием и заботами о положении бедного духовенства; до царствования Николая I-го ни один из сельских священнослужителей не получал казённого жалования, в это же царствование по вопросу об обеспечении духовенства сделано так много, как никогда на всём протяжении нашей церковно-исторической жизни, а именно: Высочайше повелено наделить церкви «тройной пропорцией» земли, постепенно снабжать причты церковными домами и казённым жалованием, в размере оклада от 300–500 р. на причт, для чего с 1830 г. начат отпуск из Государственного казначейства суммы в 500,000 руб. ежегодно.

С присоединением униатских епархий, Государь особое внимание обратил на обеспечение жалованием причтов северо- и юго-западных губерний, где особенно была ощутительна нужда; всего на этот предмет ассигновано 1½ миллиона, так что в это незабвенное для духовенства царствование число священнослужителей, пользовавшихся определённым казённым жалованием простиралось свыше 55 тысяч, при 13,214 церквях в 32 епархиях. Кроме того, жалование назначено было военному духовенству и законоучителям, гражданским чинам, служащим в духовных заведениях и консисториях оклад жалования удвоен, причём предоставлены были права на пенсию и пособия. Не оставлял Император без внимания и временных, случайных нужд духовенства, Он так в 1828 г. повелел отпускать по 28 т. на пособие духовенству пострадавшему от пожаров.

Чтобы поднять духовное сословие и звание в государстве и обществе, Император Николай Павлович даровал ему права и привилегии, которые делали лиц духовного звания равноправными с служилым сословием государства. Дети священников считались равными детям штаб – и обер-офицеров, освобождены были от телесных наказаний, им дозволено поступление на военную и гражданскую службу на одинаковых основаниях с детьми дворян и гражданских чинов. Образование и служба в духовно-учебных заведениях давали право на соответствующие чины, пенсию и мундир.

Так много сделано в незабвенное царствование благочестивейшего Государя Николая I-го для блага духовенства и в обеспечение успеха его пастырско-просветительной деятельности!.. Счастливо начатое Императором Николаем I дело высокой церковно-государственной важности по обеспечению духовенства, приостановившись в царствование Царя Освободителя, вновь продолжено и успешно поведено в благословенное царствование Царя-Миротворца. Да поможет же Господь ныне царствующему Императору довести до конца это заветное дело Его Августейшего Прапрадеда! В свободе духовенства от материальной зависимости от паств заключается один из

главных залогов успеха его миссионерской деятельности против сектантства, всегда начинающего с протеста против поборов духовенства за требы...

Царствование Императора Николая I ознаменовано важными заслугами в деле *храмоздательства*, которое, как известно, имеет высокое церковно-просветительное, религиозно-воспитательное значение для народа. Своей глубоко-верующей душой Император понимал, что для нашего обрядоловливового народа храм, как училище веры и благочестия, церковное благолепие, красота и величие богослужения – являются незаменимым оплотом веры и вернейшей охраной против всяких сект и расколов. При частых путешествиях своих по России, Государь воочию убедился, как много недостаёт в этом святом деле. Постройка храмов велась по личному усмотрению часто невежественных и не искусных строителей, не существовало определённых указаний относительно стиля и характера внешней и внутренней орнаментации храмов, не было в обычае поручать это дело, архитекторам; по сёлам храмы были тесны, низки, душны и число их далеко не соответствовало количеству населения; тормозом в храмоздательском деле для бедных приходов было, между прочим, действовавшее с 1800 г. распоряжение о допущении только одних каменных храмов. Заботы Императора о церковном зодчестве начались с первых же годов его царствования и дело это поставлено на прочную почву. По Высочайшему повелению составлены и изданы были точные правила, указывавшие чего достигать и к чему стремиться в церковном зодчестве: ими определялся возможно точно строительный тип церковно-храмовых сооружений не только каменных, но и деревянных и архитектурный стиль; церковным украшениям обеспечен был соответствующий духу православия характер и священное достоинство, выработан был также тип военно-походного храма. Требовалось поручать составление чертежей и планов сооружений архитекторам, сверх того проекты церквей в губернских и уездных городах представлялись для проверки в архитектурное отделение М. В. Дел. В конце царствования Николая I повелено было именным

указом готовить в Московском архитектурном училище учёных архитекторов специально для духовного ведомства. Господствующим стилем для храмов был объявлен в общее употребление древний византийский и даны образцы его в чертежах Тона и Беретти. Количество храмов увеличилось на целых почти 10 тысяч; многие города, сёла и учреждения обогатились в это царствование монументальными церковными сооружениями, которые являются величественными, вековыми «рукотворенными памятниками» набожности Царя-храмоздателя. Император, проезжая, во время своих путешествий по городам и сёлам, имел обыкновение всегда посещать храмы. Заметив недостатки и неблаголепие, Император немедленно предписывал сооружать новые церкви, или произвести исправление, перестройку, для чего учреждались Им строительные комиссии и отпускались средства.

Относительно церковных украшений было сделано правительственное распоряжение о недопущении в церквях, кроме икон, никаких других изображений, не исключая и царских портретов, а также неискусных и неприличных резных украшений, которыми наполнялись в подражание католическим костёлам православные храмы западных губерний. Обращено было также внимание и на иконописное дело, которое к тому времени успело уклониться в сторону светской живописи не православной итальянской школы. По личной инициативе Императора в церковной живописи насаждено было стремление к точному подражанию древним византийским образцам. Отечественная археология и церковные памятники древности обязаны царствованию Николая I своим охранением и реставрацией. Св. Синодом издано было по духовному ведомству распоряжение, чтобы ни под каким предлогом не допускать в древних церквях ни малейшего исправления, возобновления и изменения живописи и др. предметов старины без Высочайшего разрешения. По Высочайшему повелению реставрирована мозаичная живопись Киевской св. Софии и некоторые другие древнейшие храмы империи.

Для поднятия благолепия церковного богослужения обращено было Высочайшее внимание на *исправление церковного пения* по древним напевам и на введение древнего истового церковного пения в общее употребление. Для чего по Высочайшему повелению директор певческой капеллы Львов собрал и переложил древние напевы, употреблявшиеся в Успенском соборе и других наших обитателях, и издал на отпущенные Государем средства обиход церковного пения; последний был распространён по епархиям к обязательному употреблению. Вместе с тем состоялось запрещение употреблять рукописные и печатные ноты, без одобрения оных директором Львовым или Св. Синодом. Для практического ознакомления провинциальных хоров с правильными напевами, вызывались в Петербург в капеллу лучшие певчие архиерейских хоров. Нельзя пройти молчанием в настоящей миссионерской поминке благословенной деятельности в Бозе почившего Императора и на пользу *внешней миссии*. Дело христианского просвещения иноверцев и инородцев также успело стать в Его царствование на прочную почву, получив верное направление, стройную систему организации, усиление деятельности и расширение пределов своего просветительного влияния на сидящих во тьме и сени смертной. Число деятелей внешней миссии увеличилось против прежнего во много раз, открыто 18 новых миссий. Для приготовления способных миссионеров из инородческих священников, при нескольких духовных семинариях и даже училищах было введено преподавание инородческих языков, при Казанской академии учреждено противо-мусульманское миссионерское отделение. Высочайше утверждённым определением Св. Синода предлагалось епархиальным епископам «к новокрещенским церквам избирать с особенным вниманием и определять священников учёных, благонравных, знающих языки местных жителей». Были изданы Высочайше одобренные «правила о наставлении и утверждении иноверцев в вере христианской», в которых определялся способ действий миссионеров и священников инородческих приходов при обращении иноверцев и утверждении в вере новоокрещённых; предписывалось духовенству, между прочим,

соблюдать свободу и беспристрастие в увещаниях и проповеди, действовать учением и примером, не чинить принуждения и не угрожать тем, которые не желают принять крещения» и проч. Предписано было повсеместно завести обучение детей иноверцев, чтобы создать поколение, воспитанное в духе православия. В видах содействия успеху внешней миссии и для облегчения трудных задач веропроповедников, правительством издан был ряд распоряжений, располагавших иноверцев к скорейшему принятию христианской веры, а ново-крещённых к верности и твёрдости содержания догматов православной Церкви, сюда нужно отнести мнения: Комитета Министров (1826 г., 1837 г.) «о выгодах для иноверцев от принятия св. крещения», Высочайшее повеление «о мерах вспомоществования калмыкам» (1830 г.), «о пособии обращающимся крымским татарам» (1834 г.), «о льготных правилах для евреев, принимающих христианскую веру» и др. Вместе с тем в кодекс наших карательных законов внесена была, по Высочайшему повелению, (1828 г.) новая статья о судебном преследовании «отступников от Церкви из инородцев и их совратителей, как преступников».

Видимым выражением успехов внутренней и внешней миссии Церкви в царствование Императора Николая Павловича служит крупная цифра присоединённых в период времени с 1825–1855 г. к православной Церкви из разных вер, исповеданий, раскола и сект. Цифра эта восходит до 2.400.000 душ; таким образом средним числом на каждый год приходится до 80.000 душ, принятых в Церковь. Одна эта статистическая справка слишком красноречиво говорит в пользу церковно-административных мероприятий Николаевской эпохи по делам миссии раскола, сект и иноверия. Бóльшего успеха относительно обращений история миссионерства не знает.

Царствование Николая I ждёт своего историка, последний остановит своё критическое внимание и на церковно-государственной и в частности миссионерской стороне деятельности Монарха. Относительно этой последней, как известно, существует мнение, что меры Николаевские в отношении миссии против раскола и сект, исключительно, будто

бы, опирались на полицейские средства и потому не достигли якобы цели. Не место входить здесь в полемику, но нельзя не сказать, что мнение это – односторонне. Законодатель, как и следует, стремился центр борьбы создать на мерах духовного воздействия; а не на полицейских репрессиях, пути намечены были правильные, законы, стремления и принципы Монарха были «святы», – но не были ли исполнители-то «лихие супостаты ... ? – Митрополит Филарет прав, сказав по поводу раскола, что последний вырос «на деньгах и невежестве». Кроме того, исторические судьбы остановили ход этой упорной с обеих сторон борьбы на полдороге... Тем не менее для своего времени результаты достигнуты громадные. Имя Императора Николая I в истории православия и миссии велико, а память о Нём будет вечной. –

Православное миссионерское общество 16 июня праздновало в Москве 26-ю свою годовщину. После литургии и благодарственного молебствия члены общества собрались в годичное собрание в зале городской думы, под председательством высокопреосвященного митрополита московского Сергия. Из прочитанного отчёта за минувший год видно, что всех членов общества, в 44 отделениях, было 12,802, почётных членов 12. Положение денежных средств общества представляется в следующем виде: от 1894 г. оставалось 1.298,730 р., в 1895 г. поступило 360,435 р., израсходовано 347,321 р., так что капитал увеличился почти на 13,000 р. К началу 1896 г. оставалось 1.311,844 р. В числе пожертвований особенно значительным представляется пожертвование, поступившее по завещанию Ф. Н. Самойлова, оставившего 40,000 р. В течение года трудами православных миссионеров в Сибири, Европейской России и Японии приобщено к православной Церкви 2,239 новых чад. В школах, содержимых на средства общества, обучалось 11,615 детей. Смета расходов общества на текущий год исчислена в 290,000 р. В собрании высокопреосвященный председатель сообщил, что устав учреждаемого обществом *миссионерского института* при Московском Покровском монастыре Св. Синодом рассмотрен и одобрен и в скором времени будет

представлен на Высочайшее утверждение. По имеющимся у нас сведениям, в скором времени предполагается открыть приём желающих поступить в миссионерский институт, а в недалёком будущем открыто будет чтение лекций. Во главе этого, нового в России, специального миссионерского учебного учреждения будет стоять настоятель Покровского монастыря архим. Иннокентий, служивший, до поступления своего в академию, в Сибирской миссии. Учащиеся будут помещаться в монастыре на полном казённом содержании.

В дополнение к сообщённым в «Миссион. Обзор.» сведениям о пред-коронационных происках московских раскольников, считаем не лишним заметить, что представители раскольничьей австрийской лже-иерархии не один раз осаждали в Москве патриаршие депутации, — являлись не только лже-попы, но и один из более видных лже-архиереев этой секты. Ухищрения раскольников будто бы направляются к тому, чтобы выведать почву, нельзя ли добиться как-нибудь у Константинопольской патриархии оправдания неканонических действий митр. Амвросия, а, следовательно, и признания законным безблагодатного австрийского лже-священства. Говорят, что раскольничьи интриганы в своей новой затее заигрывают на той слабой струне, что де Константинопольская патриархия огорчена отторжением Болгарской церкви, и потому охотно согласится якобы взять под патриаршее покровительство «Российскую церковь древляго благочестия», которая во всём де признаёт православие господствующей Церкви, но не может лишь мириться с нынешним управлением её. Напрасно раскольники думают, что им также легко удастся провести патриарха греческого, как они сделали то с боснийским митрополитом. —

Отрадные вести сообщают нам из черниговских старообрядческих единоверческих приходов об успехах тамошней миссии среди раскольников. Патриотические события восшествия на престол ныне царствующего Императора, общее всероссийское одушевление и торжество православия и церковности на коронационных Московских празднествах не остались без вразумляющего воздействия и на

старообрядческую среду. В ознаменование первого события прихожане посадских единоверческих церквей, по инициативе церковного старосты посадка с. Клинецер, почтенного фабриканта Барышкова, и по убеждению приходских единоверческих пастырей, постановили «на великом выходе божественной литургии и на ектеньях всех церковных служб отселе поминать Государя Императора, Государыню и весь Царствующий дом», чего, как известно, по старообрядческим обычаям не полагается и не было в богослужебной практике у черниговских единоверцев, как безусловно не допускается этого моления и на богослужениях у всех раскольников. В первые три дня коронационных празднеств во всех единоверческих церквях совершены были литургии и крестные ходы совместно православным и единоверческим духовенством, при попеременном пении хоров и напевов православного и единоверческого. Особенной торжественностью и задушевностью отличались церковные торжества в посадке Воронке, где образовался приход только в последние годы, благодаря ревностной миссионерской деятельности свящ. Родионцева и купца Карамина, выстроившего на свой счёт единоверческий храм; оба эти деятеля из недавно воссоединённых из раскола. На помощь к этим ревнителям православного единоверия присоединился из раскола и ещё один деятель, купец Гордей Коробейников, один из известных местных начётчиков. Ему епархиальным начальством благословлено подвизаться в собеседованиях с старообрядцами, в качестве миссионерского сотрудника.

В письме в нашу редакцию Г. Коробейников сообщает о необыкновенном подъёме патриотического одушевления их единоверческого прихода во время коронационных празднеств 14–17 мая, которое захватило и раскольников; последние толпами шли за крестным ходом на площадь, хотя все влиятельные раскольники отсутствовали, и никто из раскольников в положенное время на молебне не стал на колена и не подошёл к св. Кресту. Так велик ещё фанатизм! Достоин внимания, что лже-попы австрийской секты (их три в этом посадке), чтобы отвлечь «своих» от участия в православно-

единоверческом молебствии за Царя – стучали в медные доски (а они пудов в 10–20), заменяющие им колокола (обход закона 3 мая 1883 г.!).

14 мая тысячи раскольников собрались в посадской Управе, во главе которой стоят, конечно, одни раскольники, для подписи всеподданнейшего адреса от имени «старообрядцев, приемлющих священство». Горячие споры вызвал вопрос о том, как подписываться лже-попам; решили подписаться «старообрядческие священники» в том расчёте, что ежели последует Высочайший ответ с упоминанием «старообрядческие священники», то таковые слова напечатать золотыми буквами и вывесить в управе для удостоверения сомневающихся в том, что правительство признаёт *законным* австрийское священство. (Какие ведь ухищрения!). В управу прибыли любопытствовать и единоверцы во главе с священником Родионцевым. Последний, приглашая в день всеобщей радости, к единению в союзе любви и мира, просил к себе австрийских лже-попов на чай, но последние уклонились. В память священной коронации в том посаде были два трогательных случая воссоединений из раскола. Но об этом предоставим рассказать г. Коробейникову словами собственной его корреспонденции.

«Того же 14 мая к о. Родионцеву зашёл раскольник Австрийского согласия Иларион Спиридонов Шихарев и сказал следующее: батюшка! как мне жаль было, что вы теряли милые речи нашим лже-попам; я не далеко стоял в Управе и всё слышал, как вы им говорили и понял, что не вы раздоротворцы, а они; я давно слышу беседы православных с нашими, но никогда не приходило мне на мысль, чтобы присоединиться к Православию, в сегодняшний же радостный день пришла мне такая мысль: ежели бы не права была Православная Вера и Церковь, то не держался бы её наш Православный Царь, Который сегодняшний день возложил на себя царскую корону. Так я сегодня весь день думаю и с горячей любовью к своему Царю хочу, чтобы вы соединили меня с Православной верой, дабы я был такой же веры, как наш батюшка Государь; кроме того, не знаю какую бы память сотворить в знак священного

коронования, не нахожу более никаких средств, как только это: я имею троих сыновей почти школьного возраста и единственную дочь, да будут они в дар от меня Православной вере для Отца моего Царя».

«Обрадованный таким заявлением раскольника добрый пастырь – миссионер, благословил кающегося готовиться к присоединению».

«На другой день, 15 мая, Иларион Шихарев был торжественно присоединён из раскола к Православию двумя священниками о. В. Родионцевым и о. А. Пикулевым в Богоявленском единоверческом храме, – при громадном стечении православных и раскольников. Священник Родионцев приветствовал новоприсоединённого речью, в которой, похвалив неопита за верноподданнические чувства, возблагодарил Господа за то, что ради благочестивейшего Государя, Он, Всеблагий, даровал спасение заблуждающемуся в расколе и детям его».

«После присоединения о. Родионцев вручил новоприсоединённому Шихареву Св. Евангелие и, взявши св. иконы и хоругви, православные и единоверцы двинулись крестным ходом на базарную площадь; хоры на пути пели попеременно «Спаси, Господи, люди Твоя».

«На площади, при многочисленном стечении православных и раскольников, служили молебен, а вожди раскола, как и прошлый день, стучали в доски. По окончании молебна о. Пикулев говорил проповедь, а в это время к о. Родионцеву подошёл единоведец и сказал: «батюшка! раскольник Тит Феодоров Овчинников, в память священного коронования, желает сейчас же присоединиться к св. Церкви, к которой принадлежит православный Царь». О. Родионцев передал такое заявление о. Пикулеву; последний публично объявил, что сейчас же будет ещё присоединение из раскола: оба хора – единоверческий и православный – пропели многолетие, затем – пели «Днесь благодать Св. Духа нас собра», и вместе пошли в Богоявленский единоверческий храм, где торжественно, при участии двух православных священников, миссионер Родионцев

присоединил раскольника Овчинникова к Православной Церкви».

«Когда присоединяемый читал Символ веры, то раскольницы, родственницы присоединяемых, ворвались в Храм и неистово закричали: «Ларион! Тит! погибают»! они хотели кинуться на новоприсоединённых, и лишь благодаря содействию полиции фанатики не произвели скандала».

«После радостного события, новоприсоединённые были приглашены о. Родионцевым к нему на обед, – куда приходили некоторые из раскольников, близкие к православию; последние братским лобзанием приветствовали новоприсоединённых говоря: «Дай Бог спасти вам свои души в православной Церкви: помолитесь и за нас, чтобы мы не погибли во мраке раскола».

«Так в полном единении, в союзе мира и любви *православные и единоверцы* совершали радостное празднование священного коронования и торжественного присоединения в лоно Церкви двух раскольничьих семейств, в память коронации. Сердца всех истинных ревнителей святого миссионерского дела наполнились неслыханной радостью от того, что недавно бывшие враги православия и православного Государя в настоящее время горячо молятся Господу за Царя-Помазанника Божия и готовы за Него жертвовать жизнь свою и детей своих».

На страницах «Пермских Епарх. Вед.» встречается интересное сообщение о привлечении воспитанников местной семинарии к участию в содействии против-раскольничьей миссии, путём составления сочинений на темы по полемическим вопросам, которые потом издаются в виде отдельных листков и распространяются по епархии. По словам епархиальн. органа мера эта даёт очень хорошие результаты: «уездные миссионеры встретили «семинарские листки» с живейшей радостью, народ читает их с удовольствием, польза несомненная» и проч... Подготавливать практически будущих пастырей к миссионерству ещё на школьной скамье дело естественное и необходимое, но наиболее целесообразной мерой для сего нужно признать внимательное и вполне обстоятельное изучение будущими миссионерами

существующей литературы по расколоведению и обличению, а затем практическое участие семинаристов выпускных классов в устных беседах, под руководством преподавателей и миссионеров. Упражнять же в сочинительстве листков и выпускать такие упражнения из печати едва ли благовременно и полезно для школы и народа. Слово печатное не то же, что слово устное... Мы думаем, что окружные миссионеры, с большей пользой для дела могли бы сами, на основании опыта, составлять подобные листки и распространять их в народе. В редакцию «Миссионер. Обзор.» то и дело поступают письма от приходского духовенства, с просьбой рекомендовать им для борьбы с той или другой сектой и расколом полезные и необходимые пособия и руководства; причём наши корреспонденты откровенно сознаются, что семинарские уроки по этому отделу мало дали им нужных сведений. Вот на эту-то сторону дела практической подготовки будущих пастырей-миссионеров и следует обратить особенное внимание в семинариях, а листки сочинять есть кому и без семинаристов.

Журналу «Неделя», о тенденциозных суждениях которого по вопросам миссии и сектантства было уже замечено на страницах «Миссионер. Обзор.», недавно последовало от Министра внутренних Дел второе предостережение, между прочим, за статью г. Меньшикова «Ошибки страха», написанную в духе толстовского сектантства. Нужно заметить, что за кривотолками газет и других органов повременной печати, касающимися раскольничьих и миссионерских вопросов, зорко следят главари раскола и сектантства, которые ничего не упускают из виду для поджигательства несбыточных надежд сбитой ими с толку тёмной массы отпавшего народа. По миссионерским наблюдениям в последнее время во многих местах нарушен душевный мир сектантов и заметно усиление брожения там, где казалось ранее всё было успокоено. Не малое имеют здесь значение и непрекращающиеся ухищрения заграничных друзей нашего штундо-баптизма. В этом отношении заслуживают серьёзного внимания сообщённые нам последние наблюдения Херсонского епархиального миссионера М. А. Кальнева. Почтенный миссионер пишет, что признание

русским правительством штундизма сектой особенно вредной как в церковном, так и государственном отношении, с воспрещением штундистам молитвенных собраний, служивших преимущественно и местом, и средством пропаганды лжеучений этой секты, усиление православной миссионерской деятельности и заметные её успехи среди заблудших, – видимо, сильно тревожат заграничных друзей и покровителей нашей штунды, – немецких баптистов. Последние усиливши теперь особенно распространение направленных против православия листов и брошюр среди наших сектантов, озабочены принятием и других мер к распространению и поддержанию штундистской секты среди русского православного населения. Как видно из доставленного миссионеру, недавно присланного на имя одного херсонского штундиста, письма¹⁸⁴, заграничные немцы-баптисты решили систематически воспитывать и обучать для русской штунды вожаков и главарей – проповедников, и вербуют на пятилетний срок в миссионерскую баптистскую семинарию в Гамбурге более грамотных молодых штундистов, с целью приготовления из них новых миссионеров баптизма в России, подобных В. Павлову, там же обучавшемуся в начале 80-х годов и потом, по приезде в Россию, сделавшемуся одним из самых рьяных пропагандистов штундо-баптизма. Павлов получал, – как это видно из протокола одной из штундистских конференций, и жалованье за труды свои оттуда же, из Гамбурга.

«Удивительно, право, – говорит Кальнев, как это и некоторые либеральные органы нашей печати и иные из русской интеллигенции до сих ещё пор, вопреки самым очевидным фактам, отрицают какую бы то ни было связь и всякое влияние немецких заграничных баптистов на наш русский штундизм! Пора бы, кажется, убедиться в том, что давным-давно исследователям известно, как доказанное многочисленными, неопровержимыми документальными данными: пора убедиться в том, что и нравственно и материально наш штундизм поддерживается главным образом заграничными немцами сколько в видах религиозных, столько же, если не более, в

видах чисто политических, в видах онемечения нашего южнорусского края».

К изложенному можем добавить, что редакция и ранее располагала сведениями об этом новом немецком ухищрении, которое теперь подтверждается документально. Года два–три назад в ту же Гамбургскую миссионерскую школу штундобаптизма определены были из Киевской губернии дети одного известного на юге России штундового проповедника К-го, высланного в Закавказье. Позже приглашаем был в Гамбург из Киева некто Р-ий, маляр – регент местной штундовой общины. Последнего немецкие благодетели снабдили всякими самоучителями немецкого языка. Бросив работу и оставив православную старуху – мать без куска хлеба, кандидат с увлечением молодого фанатика предался подготовке в семинарию штундовую, прельщаемый и славой учёного вожака, и хорошим вознаграждением, получаемым питомцами этой школы из миссионерского заграничного фонда.

Затея эта, как видит читатель, хитрая и далеко не пустая, чтобы не обратить на неё должного внимания. Руководимое ныне невежественными, малограмотными вожаками сектантство наше не имеет определённости и устойчивости в своей догме, вследствие чего подвержено постоянному внутреннему разложению. Другое дело, когда станут во главе воспитанные за границей русские фанатики с протестантским богословием в руках и космополитическими, а может быть и социалистическими, воззрениями в душе ... Об этом следует подумать... Положим, для миссионерства лучше иметь дело с шлифованным со-вопросником, чем с нынешними невеждами, но для интересов Церкви и государства готовящаяся новая формация штундовых главарей более опасна.

Э. Я.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1896 г.
№ 1–12. С. 90–103**

1) Козицкий П. [Рец. на:]: Секта Пашковцев. Г. Терлецкого. С.-Петербург. Издание книгопродавца И. Л. Тузова. 1891 г. in 8° 139 стр. Цена 60 к. С. 90–93

Секта Пашковцев, сходная с молоканством и штундо-баптизмом и принадлежащая к типу рационалистических сект новейшей формации, в нашей богословско-полемиической литературе мало обследована. Правда, в период зарождения этой секты и первоначального формирования, во второй половине 70-х и начале 80-х годов, когда в Петербурге совращённый Редстоком Пашков гремел на всех перекрёстках и во многих салонах своими проповедями о новой вере, писалось и говорилось в нашей повременной – светской и духовной печати – даже более, чем достаточно, о модном лжеучении. Но все эти статьи и заметки – беглого характера и представляют из себя только сырой материал, в котором должен будет ориентироваться будущий исследователь этой секты. Попытка представить цельное и обстоятельное с научной подкладкой исследование принадлежит г. Терлецкому. В виду того обстоятельства, что труд г. Терлецкого включает в себе много интересных данных о пашковщине и, к сожалению, является единственным в этой области, мы позволим себе познакомить с ним наших читателей.

Первые три главы рассматриваемой нами книжки Терлецкого посвящены истории возникновения пашковщины на петербургской почве. Отсюда мы узнаём, что насадителем пашковщины был Редсток, известный в петербургском великосветском обществе под именем «Лорда – апостола»; Пашков же является только ревностным поборником его учения, предавшимся с фанатизмом и крайним увлечением делу насаждения новой веры на русской почве, по преимуществу в среде простого народа. Успех пашковщины настолько ослепил её последователей, что они поставили своей задачей – преобразовать в религиозном отношении всю Россию и достигнуть того, чтобы «русский Император вместе со своим народом воспел новую песнь Агнцу» (31 стр.). С этой целью

было основано «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», преследовавшее ближайшим образом пропаганду пашковщины литературными средствами, т. е. изданием целого ряда брошюр с протестантской подкладкой.

Четвёртая глава (35–63 стр.) посвящена довольно обстоятельному анализу содержания брошюр, изданных «Обществом поощрения духовно-нравственного чтения» и обзору статей журнала «Рабочий», издававшегося в Петербурге под редакцией некоего Пейкера, начиная с 1875 года. Брошюры, рассматриваемые нашим автором, делятся на три категории. Первую категорию составляют брошюры, в которых ничего, по-видимому, не заметно противного православному учению; вторую, – в которых выдвигается лёгкий сектантский оттенок, и третью, где этот оттенок выступает весьма рельефно. Тенденция этих брошюр – *одна вера* во Христа дарует человеку оправдание и спасение, а чтение Слова Божия, молитва и стремление ко Христу сердцем дарует ему единение со Христом. По нашему мнению, эта (IV) глава в труде г. Терлецкого, как знакомящая нас с источниками вероучения и средствами насаждения пашковщины, должна иметь первенствующее значение.

В пятой главе, рассматриваемой нами книги «Секта пашковцев» мы находим интересные сведения о тех побочных средствах, к которым прибегал Пашков и его единомышленники для распространения своего лжеучения. Здесь также в выдержках, при том довольно полных, помещена наделавшая в своё время не мало шуму переписка Пашкова с протоиереем И.Л. Янышевым

Шестая глава знакомит нас с успехами Пашковщины за пределами Петербурга, внутри Империи.

В седьмой главе автор делает попытку установить главные положения пашковского вероучения и показать всю их несостоятельность перед судом учения православной Церкви. Если бы основоположения сектантского вероучения были точнее формулированы, подробнее и обстоятельнее разобраны автором, то эту главу в труде г. Терлецкого можно было бы

назвать центральной, имеющей самое важное значение во всём исследовании.

Восьмая глава представляет попытку установить различие пашковщины от штундизма, баптизма и молоканства и указать место этой секте в ряду рационалистических сект, нашедших себе место на Руси святой. Оказывается, что пашковцы в первой половине 80-х годов, когда секта их находилась в зените своего развития, были не чужды замыслов сплотить воедино сектантов-рационалистов всех оттенков и направить их против православия, наглядным подтверждением чего служит апрельская конференция сектантов-рационалистов, происходившая в Петербурге в 1884 году (132 стр.).

Хотя труд г. Терлецкого, как первая в нашей литературе попытка научно обследовать секту пашковцев, не чужд некоторых недостатков и страдает отчасти неточностью в выражениях и в формулировке тех или других положений (92, 97, 103, 107, 109), однако он заслуживает

одобрения: он знакомит нас, как с историей возникновения и распространения пашковщины у нас, в России, так и с типическими, в сравнении с другими сектами, особенностями её вероучения. Рассмотренное нами произведение «Секта Пашковцев» очень полезно, по обилию заключающегося в нём материала, для интересующихся историей рационалистического сектантства на Руси.

П. Козицкий

2) И. И. [Рец. на:]: Борьба за иконопочитание в Византийской империи. Свящ. В. Преображенского. Москва, 1890 г. Цена 30 к., с перес. 40 к. С. 93–95

В числе священных предметов, подвергающихся нападению со стороны ваших сектантов рационалистического и мистического пошиба, первое место принадлежит иконам Спасителя, Богоматери и святых: их отождествляют с идолами, подвергают безумному хулению на словах и святотатственному поруганию на деле, считают употреблением в Церкви Христовой не только не дозволенным, но и положительно запрещённым в Св. Писании, и будто бы даже не существовавшим в первенствующей Христовой Церкви (в первые три века).

Причину такого отношения к святыне на ряду с фанатической ненавистью к Православной Церкви, нельзя не видеть в полном невежестве сектантов как относительно истинного значения иконопочитания в Православной Церкви, так и оснований, на которых утверждается оное. Если бы сектанты имели благоразумие отнестись внимательно к учению Церкви и её истории от начала, то они увидели бы, что совсем разные вещи – запрещаемые в св. Писании кумиры и употребляемые в Церкви св. изображения или иконы, что поклонение св. иконам не есть идолопоклонство, а лишь одно из видимых выражений нашего духовного общения со Христом и святыми Его, что, наконец, почитание св. икон восходит к самому началу Церкви, стало входить во всеобщую церковную практику с тех пор, как прекратились на христиан гонения от языч. императоров, наконец, принято Церковью с большой предусмотрительностью на VII всел. соборе, в определениях которого оно точно выяснено и установлено на твёрдых началах Св. Писания и Св. Предания. «Вот почему полезно обратиться ко временам давно прошедшим, посмотреть, как возникал и решался вопрос об иконопочитании во дни минувшие, что ставили возражением против иконопочитания, и как опровергались возражения. Историю справедливо называют

учительницей народов». Такую именно задачу ставляет себе и автор книжки с вышеозначенным заглавием.

В книжке оставляется в стороне историческое развитие иконопочитания в христианской Церкви от её начала до иконоборческих смут в 8 и 9 вв. После кратких замечаний об иконопочитании в предшествующее время, автор прямо вводит читателя в историю борьбы за иконопочитание в Византийской империи в период, известный под именем иконоборческого (717–842 гг.). Изложение чрезвычайно просто и положительно. Последовательно, без лишних отступлений, излагается ход борьбы за иконопочитание в Византийской империи до утверждения иконопочитания на VII всел. соборе и после него, до полного торжества над иконоборчеством в 842 г., при имп. Михаиле III и благоч. матери его Феодоре. То, что излагается здесь, полно глубоко-захватывающего интереса и доступно пониманию самого простого малообразованного человека. Важно направление, в котором ведётся рассказ от начала до конца: в книжке прекрасно очерчены как – с одной стороны – источники и формы иконоборчества, так с др. стороны – основания и сущность истинного иконопочитания. Здесь читатель найдёт много поучительных данных, проливающих свет на сущность и характер того и другого направления, и учения в церковной жизни. Так, из истории борьбы за иконопочитание в Византийской империи видно, что употребление св. икон в Церкви было исконным обычаем, и иконопочитание крепко вкоренилось в сознании православного народа, что, с другой стороны, иконоборчество было делом политического эгоизма некоторых императоров, а не чистого христианского сознания, что за св. иконы стояли и правосл. пастыри и весь народ, что на стороне иконоборчества были, кроме императоров и придворной партии, лишь очень немногие личности из духовенства, которые руководствовались притом совсем не нравственными мотивами, что иконоборческие постановления, даже проведённые на соборах (особ. в 754 г.), лишены всякого значения, как исторгнутые насилем императоров – иконоборцев и внутренне несостоятельные, что иконоборчество имело лишь силу, пока искусственно было

поддерживаемо императорами, и наоборот, падало, лишь только предоставлялось самому себе, что, наконец, соборные совещания при утверждении иконопочитания велись свободно и, вместе с опровержением лживых доказательств иконоборческих, привели к точному определению смысла и значения иконопочитания.

Вообще книжка о. В. Преображенского приводит читателя к убеждению в законности и необходимости употребления св. икон. Полагаем, что это сочинение было бы весьма полезно для народного чтения.

И. И.

3) Петрушевский П. [Рец. на:]: Догматическое значение седьмого вселенского собора. Научно-историческое исследование важности и необходимости иконопочитания, по поводу заблуждения г. Пашкова и его единомышленников. Гр. Остроумова. 1884 г. Карлсруэ. VII+203 стр. С. 95–97

Появление этого сочинения также стоит в связи с современной борьбой православной Церкви с протестантствующими за почитание св. икон. Православные, по словам автора в предисловии, в доказательство справедливости своего взгляда на св. иконы, ссылаются на вероопределение об иконопочитании VII всел. собора, которое обязаны принимать безусловно все христиане без исключения, под опасением, в противном случае, строгого и решительного суда Церкви, в силу заповеди Самого Господа (Мф.18:17). Современные нам иконоборцы (пашковцы, с которыми солидарны молокане, штундисты и др. сектанты) на это отвечают, что второй Никейский собор, который восточная и католическая церкви называют вселенским седьмым, не может быть назван вселенским собором, имеющим догматическое значение и непреложный авторитет, а, следовательно, и вероопределение его об иконопочитании не обязательно для христиан. Такое мнение не новость в протестантском мире и, очевидно, рабски повторяется нашими протестантствующими сектантами. Для сих последних отрицание вселенского значения 2-го Никейского собора необходимо для вящей свободы в отвержении иконопочитания, как мнимого идолопоклонства. Автор поставил себе задачу доказать, что 2-й Никейский собор удовлетворяет всем главным признакам или условиям вселенскости собора, а именно: 1) со стороны состава собора (всеобщность) и принятия решений (единогласие), 2) со стороны порядка и характера прений и рассуждений (свобода и честность их), 3) со стороны факта верования всех церквей по

критерию всеобщности (во что верили всегда повсюду и везде) и, наконец, 4) по отношению к соборным определениям со стороны всех частных христианских церквей (принятие всеми частными христианскими церквями соборных определений). Поставленная автором задача выполнена им в означенном сочинении с успехом. Доказательства вселенскости 2-го Никейского собора по каждому из вышеприведённых пунктов ведутся правильно, на основании подлинных документов, соборных актов и свидетельств современников, с опровержением ложных взглядов, сложившихся в протестантской науке (напр. Мейрика, и др.) под влиянием общего предубеждения к восточной Церкви, и со ссылками на мнения лучших, беспристрастнейших историков запада – католиков и протестантов (Лебо, Мишо, Шлоссера, Гагенбаха). Из многих явлений церковной жизни, затрагиваемых автором, упомянем здесь лишь о тех, на которые любят ссылаться современные иконоборцы, как на факты, будто бы, противоречащие определениям 2-го Никейского вселенского собора: таковы определения Эльвирского собора в Испании (305 г.), случаи иконоборства некоторых епископов (св. Епифания Кипрского в IV в., Ксения или Филоксена Иерапольского в IV в.), в особенности недоразумения, возникшие по поводу определений VII вселенского собора в некоторых местах на западе и отразившиеся иконоборческой тенденцией в Каролингских книгах и определениях западных соборов – Франкфуртского (794 г.) и Парижского (825 г.). Автор прекрасно и убедительно доказывает, что определение Эльвирского собора направлено не против истинного иконопочитания, а против злоупотребления им (следов., против того, против чего восставал и VII всел. собор), что случаи иконоборства в первые века происходили не из лона христианства, а со стороны – от иудеев и язычников, в последствии же были от предполагаемого злоупотребления у христиан (св. Епифаний в Алаблахской церкви) или от невежества самого иконоборца (Филоксена) или неразумия (См. стр. 55–66). В особенности тщательно автор исследует причины и значение противодействия определениям VII всел. собора со

стороны императора Карла Великого и западных соборов (См, стр. 148–174). На востоке и западе *почитание вообще*, – без различия, относится ли оно к Богу или к иконам, затем – *почитание*, относимое только к *одному Богу*, и наконец, *почитание*, относимое к *иконам*, обозначились не одинаковыми названиями (προσκυνήσεις ὑατρειᾶ, cultus, adoratio, veneratio). При переводе на западе определений VII всел. собора на латинский язык допущены были грубые неточности, подтверждаемые в книге характерными примерами. Этим обстоятельством, в связи с некоторыми политическими мотивами, вполне объясняется значение противодействия западных соборов определениям VII вселен. собора.

Вообще чтение этой книги производит доброе впечатление, приводит к полному убеждению во вселенском характере 2-го Никейского собора и законности употребления св. икон, разрывая хитросплетения неправоумствующих. Книга эта может служить дополнением к книжке о. В. Преображенского и полезна в особенности для наших пастырей, миссионеров и интеллигентных читателей.

П. Петрушевский

4) **Н. В. [Рец. на:] Н. Кутепов. О почитании св. икон (Против мнимодуховных христиан). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва 1889 г. 66 стр. Ц. 10 к., с перес. 15 к. – Свящ. Савва Богданович. Беседа православного миссионера со штундистами о почитании св. икон. (Изд. 2-е Житомир 1891 г. 30 стр. Ц. 12 к.) О прославлении пресв. Богородицы, ангелов, святых. Богом прославленных, и чествовании икон (А. П. Беляева). (Изд, Отдела распространения духовно-нравственных книг. Москва 1887 г. 32 стр. Ц. 5 к.) – Диакон Н. Успенский. О св. иконах и о почитании св. Христовых тайн. (С.-П.-б. 1894 г. 38 стр.). С. 98–102**

Один и тот же вопрос – вопрос об иконопочитании – трактуется во всех брошюрах, названия которых мы выписали, но в каждой из них раскрытие предмета отличается особенным характером и своими особенными достоинствами. Брошюра **о. Кутепова** преимущественно отличается особенной полнотой и обстоятельностью; с этой стороны она больше всего подходит к типу учёного трактата, вполне, впрочем, доступного пониманию всякого, даже не особенно образованного, читателя. В ней тщательно собраны все места св. Писания, могущие служить к подтверждению православного догмата иконопочитания и всем им дано нередко остроумное и всегда основательное объяснение. С достаточной также полнотой собраны автором и исторические свидетельства, подтверждающие существование в христианской Церкви догмата иконопочитания с самых первых времён христианства. При разборе возражений сектантов против иконопочитания раскрывается истинный смысл тех мест св. Писания, в которых сектанты видят положительное запрещение делать и почитать всякого рода священные изображения, и показывается, что во всех такого рода местах запрещается лишь почитание идолов, т. е. изображений богов

ложных, но нет запрещения для почитания вообще священных изображений, которое прямо предписано Богом. Наконец, не оставлены автором без разбора и те мелочные (а подчас даже и вздорные) возражения сектантов, которые касаются некоторых отдельных изображений в иконописании, частных особенностей в почитании икон, лиц, пишущих их, и проч. (таковы, напр., возражения сектантов о том, что православная Церковь чтит не одну, а многих Богородиц, как то: Казанскую, Тихвинскую, Владимирскую, Троеручицу, Скоропослушницу и др., о том, что иконы пишутся нередко людьми дурной нравственности и потому не следует почитать их, и т. п.).

Вообще по полноте и обстоятельности раскрытия предмета брошюра о. Кутепова – вполне необходимое для каждого миссионера пособие, в котором собран и достаточно обследован весь материал для полемики с сектантами по вопросу об иконопочитании. – «Беседа» о. Саввы **Богдановича**, написанная в форме диалога между православным миссионером и штундистским вожаком, начинается с того, что миссионер предлагает штундистам привести свои доказательства против иконопочитания. Штундисты приводят слова Деян.17:29: «мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого». В разъяснение этих слов миссионер показывает различие между идолом, который есть плод человеческого вымысла, и свящ. изображением действительного существа, и доказывает, что только идолы и их почитание запрещены св. Писанием, почитание же свящ. изображений действительных существ не только не запрещено, но даже прямо предписано Богом. При этом миссионером разъясняется истинный смысл и характер нашего поклонения перед иконами и раскрывается значение свящ. изображений в религиозно-образовательном отношении. Штундист начинает представлять возражения, касающиеся некоторых частных иконописаний, в роде того, напим., что на иконах нередко изображаются животные и звери (св. Георгий Победоносец – верхом на коне, поражает копьём змия) и даже сам сатана и что православные, следовательно, кланяясь

иконам, вместе с тем кланяются и изображённым на них зверям и даже диаволу. Миссионер без труда устраняет эти возражения и переходит к главнейшему пункту сектантских доказательств – ко второй заповеди Моисеева десятословия, в котором штундисты видят ясное запрещение делать и почитать какие бы то ни было изображения. Это возражение разрешается миссионером в нескольких словах – простым указанием на то, что и сам Моисей, по повелению Божию, устроил в скинии свящ. изображения херувимов и поклонялся перед ними. Затем миссионер указывает на самое разительное и для всех очевидное доказательство того, что почитание св. икон угодно и приятно Богу, – на чудеса, которые Бог творит через иконы. Наконец, штундист предлагает ещё некоторые возражения против почитания св. икон – возражения, совершенно уже слабые, которые миссионер легко устраняет. Оканчивается беседа тем, что штундист соглашается на доводы православного миссионера в пользу почитания св. икон и высказывает намерение съездить в Козельщину, чтобы самому на месте проверить всё слышанное им о тамошней чудотворной иконе и тем окончательно рассеять все свои сомнения касательно богоугодности иконопочитания.

Конечно, не всегда беседу со штундистами об иконопочитании можно и следует вести по тому именно плану, по какому она ведётся в брошюре о. Богдановича. Тем не менее эта брошюра несомненно может быть полезна для миссионеров, особенно начинающих, показывая им один из возможных способов собеседовательного раскрытия трудного вопроса об иконопочитании. Но особенно пригодной может быть брошюра о. Богдановича для простого народа. Она написана простым и ясным языком, изложение в ней живое, способное поддерживать в читателе интерес к предмету, а самая форма её, беседа, – одна из наиболее любимых народом. Её могли бы с пользой для себя читать и сектанты, если бы не один промах, допущенный в ней автором. Дело в том, что выведенный в брошюре миссионер делает штундистам тяжёлый и весьма обидный упрёк в том, что они, отступив от православной Церкви, знают теперь с «нечистым», с ним братаются и

целуются. Это говорится, конечно, в переносном смысле, но не трудно понять, какое впечатление может произвести такой упрёк на сектантов. Зачем понадобилось автору прибегнуть к этому приёму, из брошюры о. Богдановича решительно не видно. Мы же думаем, что никогда и ни при каких обстоятельствах подобные упрёки, вообще – резкие бранчивые выражения не могут быть полезны для миссионерских целей, а вред могут принести очень часто, вызывая в противниках напрасное раздражение, при котором уже не может быть и речи о спокойном обсуждении предмета.

Брошюры **А. П. Беяева** и диакона **Успенского** отличаются прежде всего сравнительной скудостью содержания. Первая из них направлена собственно против протестантов разных толков, но имеет в виду и наших доморощенных скептиков, повторяющих протестантские возражения против почитания святых и их изображений. Собственно, вопросу об иконопочитании отведены в брошюре г. Беяева последние 11 страниц (21–32); но и на этих немногих страницах автор однажды возвращается к вопросу о почитании святых (стр. 23–26), другой раз говорит о возможности чудес вообще и о вере в чудеса и чудесное (27–29) и в заключение брошюры о значении вообще веры христианской (31–32). Таким образом, вопрос о чествовании св. икон рассматривается г. Беяевым всего на пяти страницах. Указана древность иконопочитания в христианской Церкви, рассказан один случай чудесного исцеления от иконы, показано, что изображение в картинах и ваянии свящ. событий и лиц внушено Церкви Духом Святым (скиния Моисеева); затем опять речь о чудесах от икон и св. мощей, о том, как должен христианин относиться к этим чудесам, и, наконец, разобрано одно возражение, касающееся некоторых уродливых изображений на иконах. Этим и исчерпывается всё содержание вопроса об иконопочитании, как он рассмотрен в книжке г. Беяева.

В брошюре диакона Н. Успенского, имеющей в виду читателей православных, вопрос о почитании св. икон разделяется на следующие частнейшие вопросы: 1) Об иконах вообще и святости их; 2) употребление и почитание св. икон

основывается на св. Писании и 3) на св. Предании; 4) оно освящено чудесами, какие Господь совершал через иконы; 5) о правильном почитании св. икон. – Не можем не отметить, что о. Успенский даёт такое именно определение иконы, на котором сектанты строят одно из своих возражений против употребления икон. «Икона, говорит о. Успенский, это изображение Бога и святых Его». Первая половина этого определения совершенно неудачна. Православные миссионеры в беседах с сектантами всегда стараются разъяснять им, что на иконах Бог изображается не в неведомой и неопишуемой Своей сущности, а в тех видах, в каких Он благоволил являться людям, так что и икона есть не изображение Бога, как думают сектанты, а лишь изображение Его явлений людям. Такое разъяснение своего определения необходимо было сделать и о. Успенскому, потому что оставленное без всяких разъяснений оно совершенно на руку сектантам.

5) Н. В. [Рец. на:]: Л Тихомиров. Духовенство и общество в современном-религиозном движении. (Москва, 1893. 36 стр.). С. 102–103

Религиозное движение, замечаемое в последнее время среди образованного русского общества, отличается некоторыми такими чертами, которые заставляют убеждённых радетелей об истинном благе Церкви отнестись к этому движению крайне осторожно и даже несочувственно. Характерной чертой этого движения является прежде всего его *самочинность*, так как его представители, стремясь к разрешению религиозных вопросов, не желают обращаться за этим к Церкви, естественной и единственной законной учительнице в области религиозной истины, а думают достигнуть этого собственным разумом. Отсюда объясняется и другая характерная черта этого движения: оно есть движение не столько *религиозное*, сколько *умственное*, так как в основе его лежит не религиозная потребность в смиренном отдании себя Богу, подчинении Его воле, а дерзновенное желание собственным умом дойти до познания Бога. И конечная цель такого рода стремлений – *не небо*, т. е. не усовершенствование нравственной личности человека, а *земля*, т. е. социальное благоустройство человечества. Иными словами: представители современного религиозного движения ищут не самодовлеющей религиозной истины, а истины прикладной, – такой, которая могла бы послужить основой для разрешения тех жгучих социальных вопросов, которые волнуют весь современный мир. Доколе это движение будет отличаться указанными чертами, оно останется чуждым Церкви и может представлять собою, как и сейчас уже представляет, только благоприятную почву для возникновения всевозможных сект и лжеучений. –

Вообще в небольшой брошюре г. Тихомирова можно найти много верных и метких мыслей, замечаний и выводов относительно современного религиозного движения в русском обществе.

6) Н. В. [Рец. на:]: Л. Тихомиров. Борьба века. 2-е изд. Москва. 1896. 87 стр. С. 103

Борьба века, это – борьба нашего столетия с идеей революции. Автор очерчивает главнейшие фазисы этой борьбы, раскрывает психологическую почву, на которой зарождаются революционные стремления, – отчуждение человеческой личности от Бога, – показывает вред революционной идеи, её несостоятельность и противоречие основным положениям социальной науки.

Интересен взгляд автора на учение Толстого, или толстоизм, как оно называется в Западной Европе. В этом учении г. Тихомиров видит последний фазис, до которого в настоящее время дошла в своём логическом развитии революционная идея. «Толстоизм, говорит он, идёт далее динамитного анархизма. Толстоизм не действует положительным образом даже и в разрушении. Это единственный настоящий анархизм. Для социального мира он гораздо страшнее динамитного анархизма, ибо вносит в общество не острые кризисы, не оживляющую борьбу, а безнадежное мёртвое гниение. Он пронизывает общество бациллами омертвления, подтачивает его во всех жилах и нервах. Если бы предположить прогрессивное развитие толстоизма, в нём для общества один конец: оно должно просто рухнуть, как подточенное червями дерево». («Борьба века», стр. 23–25).

**Известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1896 г. № 1–12. С. 104**

Торжество открытия св. мощей

Указом Святейшего правительствующего Синода от 24 июня дано знать преосвященному Антонию, епископу Черниговскому и Нежинскому, что на 9 сентября сего года назначено в Черниговском кафедральном соборе открытие честных мощей **Святителя Феодосия** архиепископа Черниговского и что открытие их поручено совершить высокопреосвященному Иоанникию, митрополиту Киевскому и Галицкому совместно с преосвященным Антонием. Св. Феодосий Углицкий жил в конце XVII века и состоял архимандритом Елецкого Успенского монастыря в Чернигове, а затем был рукоположен в архиепископа Черниговского и преставился в 1696 г. Для мощей святого заказана Н. А. Терещенко в Москве серебряная рака с серебряным балдахином, которые изготавливаются на фабрике Овчинникова; стоимость пожертвования превышает 50,000 р.

Редкое торжество открытия св. мощей в последний раз совершено было в Царствование Императора Александра II, назад тому 35 лет в г. Задонске, Воронежской губернии, когда открыты были нетленные останки святителя Тихона. Великое и дивное событие это является воистину **торжеством православия**, как явное уверение видимое свидетельство истинности и святости нашей православной Церкви, а в тоже время и самое разительное обличение отметающихся православия хулителей, – раскольников сектантов, потому последние так яростно и восстают против чудодейственной истины нетления мощей святых угодников Божиих. Предстоящее Черниговское торжество является великой милостью Божией к нашему времени и нынешнему благословенному царствованию. Исполняя сердца всех верных чад своей Матери-Церкви неизреченной радостью, событие это должно быть особенно знаменательно для дела вразумления заблудших братьев наших, которые так многочисленны в этой именно епархии, – разумею раскольников Черниговского Стародубья.

Сентябрь. Книга 1-я

Антоний, архим. К вопросу о правильной постановке обличения заблуждений современного русского рационалистического сектантства ¹⁸⁵ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 107–114

Последователи новейших рационалистических сект, в своей полемике с православными миссионерами по вопросу о том, в каком смысле они различают себя от Церкви, обыкновенно, любят приравнивать это различие к отношению евангельского закона к фарисейскому и талмудическому направлению врагов Христовых, которым гордые сектанты постоянно уподобляют верных чад православной Церкви. Любимым, напр., изречением пашковцев для возражения против православных являются известные слова Евангелия: *одесятствуете мятву, и копр и кимин, и остависте вящшая закона суд и милость* (Мф.23:23). Основным положением всех новейших сект рационалистического направления надо признать то, что они принимают лишь те установления веры, которые, по их мнению, вытекают из основной заповеди любви и нравственного совершенства, причём учение Библии о крещении, причащении и об иерархии понимается ими духовно. Правда, в полемике с православными сектанты-рационалисты любят становиться на почву вероисточников и обыкновенно выставляют себя покорными учениками Библии и ревностными охранителями всякой черты и йоты Писания: из уст их при беседах не сходят заключительные слова Апокалипсиса¹⁸⁶ и анафема ап. Павла против даже ангела, если б он принёс иное благовествование¹⁸⁷. Но подобный приём сектанты употребляют, как выгодный для них в том отношении, что он заставляет и православного миссионера в беседах с ними отыскивать основания и оправдания в букве библейского текста («строкою») не только для догматов православной веры, оспариваемых сектантами, но и для всех отдельных постановлений и обычаев Церкви, не исключая иконопочитания, крестного знамения, благословения иерейского и т. п. Когда

миссионер, обладающий не менее ловкой диалектикой, находит подтверждение пререкаемым религиозным обычаям и церковным постановлениям в законе Моисеевом, сектантские со-вопросники в этом случае спешат стать под защиту слов Христа Спасителя к Самарянке и апостола Павла к Евреям, утверждая, что Моисеев закон храмового богослужения отменён в новом завете.

Допустим, что сектанты, в своей духовной слепоте, вполне искренно считают Библию¹⁸⁸ причиной своего отступления от православия; спрашивается, что же побудило отщепенцев подвергнуть унаследованную ими от предков господствующую православную веру критике, с библейской точки зрения? На это сектанты, обыкновенно, отвечают, что таким побуждением для них были порочная жизнь православных христиан и представляющаяся им несообразность церковных уставов, обрядов и обычаев с Библией. Но при ближайшем знакомстве с религиозными воззрениями нашего сектантства, становится несомненным, что Библия служит здесь не столько причиной отвержения сектантами уставов Церкви, сколько средством или оправданием такого отвержения, вызванного с одной стороны их неумением сознать органическую связь церковных постановлений с евангельским законом любви и чистоты духовной, с другой: – хотя и добрым, но своевольным, стремлением – привести всю свою жизнь к святым началам Евангелия, вне водительства и благодатной помощи Церкви. Только этим и объясняется, почему сектанты с такой лёгкостью отвергают те постановления Нового Завета, которые по своей ясности, кажется, никак не могли бы дать почвы для лже-толкования. Таково, напр., постановление о таинствах крещения и причащения; то и другое ими отвергается, или во всяком случае, понимается не по-Евангельски; столь же не согласна с Новым Заветом мысль пашковцев о греховности всякой молитвы, кроме молитвы Господней.

При таком направлении современного сектантства, православному полемисту представляется два пути в миссионерской борьбе его с еретическими заблуждениями: или опровергать мысль протестантствующих сект о достаточности

для спасения заповеди любви и спасительной веры, или показывать, что все требования и верования Церкви православной всецело основываются на этих заповедях и необходимо из них вытекают, хотя и не оговариваются нарочито в св. Писании. Наши миссионеры почти всегда становятся на первый путь полемики и тем самым впадают в односторонность и являются безответными перед ищущими истинного уразумения известных евангельских изречений о двух заповедях о том, что вечная жизнь в знании истинного Бога, что любящий исполнил закон и пребывает в Боге: первый из указанных выше приёмов миссионерской полемики если и может принести благоприятные результаты в смысле защиты пререкаемой истины от со-вопросников, то в наилучшем случае он (этот приём) может привести сектантов к тому убеждению, что их представления о христианской религии неправильны потому только, что они были слишком высоки, что на самом деле христианская религия не так свята и чиста, как им представлялось – что она вовсе не свободна от чисто-формальных требований, не сродных с духом истинного христианства и заключает в себе ряд постановлений, вовсе, будто бы, не связанных с заповедью о любви и проч. Нужно ли говорить, как нежелательна установка подобного отношения сектантов к нашей Божественной вере? Что сказано о защите церковных определений перед лже-библейскими, протестантскими сектами, то же следует сказать и о защите догматов православной веры и против тех рационалистических сект, которые отрицают догматы о св. Троице, будущей загробной жизни и мздовоздаянии. Сектанты этого направления, с граф. Толстым во главе, остановившись на мысли, что Христос принёс к нам, как сказано в начале Иоаннова послания, новую жизнь, (а не философию), отрицают не только те истины веры, которые, по их мнению, не касаются раскрытия этой новой духовной жизни, но отвергают и сами священные книги, содержание которых даже с точки зрения сектантов и их приёмов толкования, не может быть отрешено от нежелательных им догматов Церкви: загробного воздаяния, повиновения властям и т. п. Ради этого сектанты¹⁸⁹ отвергают,

напр., послания апостола Павла и некоторые другие св. книги. Убеждать подобных заблудших в истинности всех важнейших догматов веры путём толковательным – конца не будет; не будет уже потому одному, что если мы и принудим их в данном случае согласиться, что против них идёт одна из тех священных книг, которую и они принимают за священную: то что их удержит от исключения последней из принятого ими же канона, раз это допущено по отношению к значительному количеству священных книг? Итак, остаётся одно: показать, что без догматов о св. Троице, о Божестве Иисуса Христа и спасительных Его страданий и смерти, невозможно усвоить и осуществить содержания той благодатной жизни, которая была единственным предметом учения Христа, как Сам Он об этом сказал, что в «Нём была жизнь», что слова Его «суть дух и жизнь» (Ин.6:63;1:4). Нужно показать, что наши православные догматы и наши церковные постановления суть не только древние и правильные, но и *истинно – святые*.

Важность подобного именно направления миссионерской проповеди, думается, исключительна. Раз сектантами поставлено против православия возражение с точки зрения не какого-либо нелепого предрассудка или исступлённого вымысла, но с точки зрения главнейших истин христианства, мы не можем уверить усомнившихся в истине никакими улучшениями церковно-бытовых условий, пока не дадим положительного ответа на запросы заблуждающейся мысли. Грозное значение этого запроса усматривается уже из того обстоятельства, что он раздаётся с самых противоположных сторон, составляя основу учения молоканства, баптизма, штундизма, пашковства, сятаевщины, толстовщины и даже мистического хлыстовства, т. е. ряда учений, зародившихся совершенно независимо друг от друга, в самых разнообразных племенных, бытовых, сословных и образовательных слоях русского народа. Разнообразясь во многом, все названные секты объединяются в данном запросе. Нужно полагать, что подобного запроса и не существовало бы, если б он в достаточной степени удовлетворялся наличным состоянием учительства как во храме, так и в школе. С другой стороны, мы

сами не могли бы верить в святость и истинность православной Церкви, если б хотя на минуту усомнились в том, что она ясно и вполне определённо показала спасительное значение своих догматов и постановлений. Итак, нельзя не признать, что эта именно существеннейшая сторона в деле церковного учительства не с достаточной ясностью и силой проводится в современном учительстве и даже – не грех сказать – оставляется им в небрежении. Действительно, наши учебные руководства и церковная проповедь более стараются о показании обязательности известных верований и установлений, чем о раскрытии их нравственно-возрождающей и воспитывающей силе.

Спрашивается, где же миссионеру искать раскрытия сей последней, – для сообщения её заблудшим братьям?

Если мы скажем, что спасительная сторона догматов раскрывается в учении св. отцов, а нравственное значение уставов и обрядов – в Богослужебных книгах, то этим ещё очень мало пособим миссии и миссионерствующему пастырству. Святоотеческих сочинений, во-первых, очень много; во-вторых, св. отцы и не имели в виду нарочито многих из тех затруднений в деле веры, с которыми встречаются современные сектанты. Поэтому святоотеческие творения могут служить только материалом, который употребить с пользой возможно лишь через самостоятельное его изучение¹⁹⁰ и применение к современным задачам и потребностям церковной миссии. Тем не менее здесь мы укажем хотя на важнейшие из творений св. отцов между теми, сравнительно не многими, которые переведены на русский язык. Так, прежде всего правильному способу толкования Библии нас научает «Христианская Наука» блаж. Августина; в ней между прочим говорится, что все книги Священного Писания содержат в себе только две основные мысли: о любви к Богу и о любви к ближнему. Затем спасительное значение веры во Св. Троицу можно найти в той же «Христианской Науке» блаж. Августина и в творениях вселенских учителей и в богословии Иоанна Дамаскина. Св. Ефрем Сирин. Иоанн Златоуст и Григорий Богослов раскрывают спасительную силу веры в Божество Иисуса Христа. Об

искуплении, о значении веры и добрых дел всего лучше читать толкование св. Иоанна Златоуста на послания к Римлянам и к Галатам; хорошо читать и св. Афанасия о воплощении Бога Слова. Учение о распространённости греха Адамова с особенной пользой можно изложить на основании творений св. Григория Нисского. Пашковскому учению о слиянии души нашей со Христом следует противопоставить творения св. Тихона Задонского, особенно – «Об истинном христианстве»: учение о возрождении во святой воде крещения находим в словах св. Кирилла Иерусалимского: полезны для сей цели и гимны св. Григория Богослова. Что касается до установлений Церкви, то кроме особого их разъяснения в богослужебных песнопениях должно их основывать на общем учении о Церкви и единстве Богочтения. Здесь много помогут творения св. Киприана епископа Карфагенского, блаж. Августина «О граде Божием» и беседы св. Иоанна Златоуста, особенно на послания к Коринфянам. В частности, для объяснения иконопочитания следует читать «Деяния Седьмого Вселенского Собора», изд. в Казани. Но особую, незаменимую и ни с чем несравнимую пользу для проповедника миссионера и богослова оказывает ежедневное чтение св. Библии, так чтобы проходить всю её, хотя трижды или дважды в год. Известны опыты что, кто однажды предписал себе прочесть Библию в год три раза, тот уже сам не прекратит постоянного чтения её целую жизнь.

Архимандрит Антоний

**Добротин Г.Н. Закон и свобода совести в
отношении к лжеучению и расколу ¹⁹¹ //**
**Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 114–
137**

Глава 3-я.

Новейшие начала уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников – абсолютная свобода совести и веротерпимости. Теоретич. Оправдание этих начал с 18 века и практическое применение их в западно-европейск. общест. 19 века. Свободная церковь в свободном государстве западной Европы. Современный тип кодекса уголовных законов религии на западе. Наше отечественное законодательство в его отношении к западноевропейскому. Литературные защитники абсолютной свободы совести и веротерпимости в России и предъявляемые ими требования в отношении инославных исповеданий и раскола.

В прошедшем столетии в западноевропейских обществах мало по малу получили господство, совершенно противоположные вышеупомянутым началам, начала свободы совести и веротерпимости и недостижимой высоты Божеского Существа, за оскорбление которого человек, не находясь в непосредственном с Ним соприкосновении, не может и являться мстителем. в чём лежит теоретическое оправдание этих начал, как они развились и под влиянием чего осуществились? Поищем ответов на это у современных защитников принципа безусловной свободы совести и веротерпимости. Факт существования у всех народов, на каких бы стадиях культуры они не стояли, религиозных верований в своём внешнем проявлении неизбежно переходящих в культ, служит, говорят эти защитники, достаточным основанием для признания права на существование как первых, так и последнего; но не трудно, разумеется, отыскать и чисто философские основания к оправданию этого права¹⁹².

Во-первых, требование практического осуществления понятий личной свободы совести и безусловной

веротерпимости имеет, говорят, свои первые, глубочайшие основания в самом существе христианства. Христианская религия имеет дело единственно с внутренним миром человека. Для спасения душ Христос пришёл в мир, умер на кресте и воскрес из мёртвых... Средство, при помощи которого человек приобретает исходящее от Христа спасение, есть нравственное возрождение. Перед Богом имеет цену только внутреннее настроение, из которого возникает деяние; внешнее дело без соответствующего расположения души не имеет никакого значения. «И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы». «Любовь есть исполнение закона». Поэтому христианский закон есть закон свободы. Хотя Евангелие и требует повиновения, по это повиновение свободное, радостное, проистекающее из живой веры, из любви к Богу, из глубочайших способностей внутреннего человека¹⁹³, свободных по самому существу своему, которые, если теряются вследствие греха, то могут быть восстановлены лишь при помощи Божией благодати¹⁹⁴. Из общего понятия христианской религии, как религии свободы, в основе которой лежит дух христианской любви, – свободы, не содержащей в себе ничего принудительного, имеющей дело только с внутренним настроением человека и дорожающей только этим свободным настроением и расположением человека, вытекает, – учат, – то положение¹⁹⁵, что «религиозная истина, которую содержит в себе христианская религия, не есть нечто объективное, не есть закон, предписываемый с авторитетом нашему уму; она относительна; она сама есть начало внутреннее, субъективное, существующее только в той мере, насколько человек его принимает; нельзя требовать от человека признания религиозной истины, которую ум его отвергает, ибо это признание невозможно: можно заставить человека повиноваться, но нельзя его заставить верить¹⁹⁶»: вера касается разума, который внешней силе не подчиняется¹⁹⁷. Сам вопрос о возможности достигнуть этого принуждением, по выражению некоторых (Бентам), есть оскорбление здравого смысла¹⁹⁸, ибо никто не имеет права выдавать свой разум за правило и претендовать на подчинение своим мнениям других. Желать,

чтобы я думал согласно вашему мнению – это всё равно, что требовать, чтобы я смотрел вашими глазами; принуждение скорее укрепит человека в его убеждении, чем поколеблет. Из сознания несостоятельности принуждения, как средства прививки душе человека известного верования, сам собой вытекает принцип терпимости в делах веры; нельзя никого заставить самого верить, можно сожалеть о том, кто ошибается, но нельзя его осуждать¹⁹⁹. Да если бы христианская истина и была вполне объективна, то для убеждения в ней не требовалось бы принуждения. Истина для пленения умов и сердец нуждается только в самой себе, светит своим собственным светом, борется собственным оружием, которое имеет чисто духовную природу²⁰⁰. Как вода и огонь, ночь и день, смерть и жизнь противоположны друг другу, так и принуждение чуждо истине²⁰¹. Если природа религиозной истины такова, что исключает собой всякую мысль о принуждении и насилии, то, следовательно, в делах веры всякое принуждение исключается. Так что если бы кто – лицо или учреждение (напр. государство), – захотел дело веры или религиозного внутреннего настроения возвести на степень внешнего юридического веления, исполнение которого вынуждается и нарушение наказывается, тот стал бы в явное противоречие с самим существом христианской религии²⁰². Вынуждено может быть только внешнее исповедание. А кто исповедует то, что он не считает за истинное, тот даёт ложное свидетельство, и ложь его тем хуже, чем священнее предмет, профанируемый ею. Но мы знаем, что перед Богом, смотрящим в сердце, одно внешнее исповедание не имеет значения²⁰³.

Отсюда, внешнее принуждение в делах веры, которое бывает необходимым спутником исключительной государственной церкви, ставит эту последнюю в диаметрально противоположное противоречие с свободой совести, имеющую своё основание в существе христианства. Христос желал свободного восприятия веры в открытые Им истины спасения, а не принудительного учреждения. То, что говорится об исключительных правах одного вероисповедания, последовательным образом должно быть применяемо и к

допущению многих культов, при одновременном исключении других. Право на свободу существует для всех вероисповеданий в равной мере, без всякого различия. Но коренящаяся в существе христианства свобода совести требует более, чем избегания только прямого внешнего принуждения, которое есть необходимый спутник исключительно господствующих культов. Христианский нравственный закон вообще не допускает, чтобы в делах спасения и веры прибегали к какому-нибудь другому мотиву, кроме простого убеждения в истине. Поэтому, – умствую далее – христианской религии одинаково противоречит как предоставление ей со стороны государства привилегий перед нехристианскими религиями, так и привилегированное положение одного христианского исповедания перед другими. Целая и полная христианская религиозная свобода ведёт за собой совершенное равенство²⁰⁴.

Во-вторых, требование практического осуществления понятия религиозной свободы оправдывается, говорят, характеристическими признаками, входящими в состав этого понятия. Вера в истинность положительного содержания религии и религиозное, убеждение создаются единственно непосредственным, независимым от логической доказательности, восприятием совести, как органа религиозных идей. Каково бы ни было содержание совести, действительная совесть обнаруживает одно важное свойство: она обладает «повелительностью» над человеком, независимо от того, правильна ли она бывает в объектах своих понятий или неправильна. Поэтому-то повелительность совести одинакова как для людей правомыслящих, так равно и для неправомыслящих²⁰⁵. Эта повелительность совести с одинаковой принудительностью сказывается как в области жизни нравственной, так и религиозной. Насколько бывает принудительна совесть в жизни религиозной, это показывает история мученичества за религиозные убеждения. Она представляет нам много примеров, когда люди с сильной совестью прямо отказывались изменять своим религиозным убеждениям и подвергались за это разного рода истязаниям и смерти, а люди с совестью слабой, не будучи в состоянии

выступить против принуждения гонителей со своим исповеданием веры, изыскивали разные средства к тому, чтобы, избежав наказания, в тоже время сохранить свою веру и тем удовлетворить понуждение своей совести²⁰⁶. Отсюда, гонение того, что усвоено совестью по отношению к религии, обыкновенно не приносит желанных результатов: гонением заглушаются совести только людей слабых, но зато вызывается реакция людей более сильных, так что одно возмещается другим. Поэтому ещё Тертуллиан о гонениях за религиозные убеждения заметил, «что религия никогда так не процветает, как среди гонений» (соч. рус. перев., I, 14). Этим история убеждает нас в опасности отрицать право совести; повеления совести всегда оказываются сильнее внешних понуждений, а между тем поставляют тех, у кого отнимается право следовать своей совести, иногда в положение противников власти²⁰⁷.

Другое важное свойство совести то, что она есть «*начало самоопределяющееся*» и независимое ни от влияний от вне, ни даже от воли субъекта. Не от нас зависит убедиться в чём-либо потому только, что мы хотели бы этого. Не смотря на все усилия наши, совесть может отказаться уверовать в то, во что бы мы хотели уверовать. Тоже самое и по отношению к чужой совести. Мы напрасно старались бы построить целое здание посылок и доказательств для того, чтобы возбудить в ком-либо веру в то, во что мы пожелали бы: если вера не появится непосредственно, – всё будет напрасно²⁰⁸. Религиозная совесть, говорят, является вследствие этого началом до некоторой степени неменяемым человеческой свободе²⁰⁹, как бы глубоки ни были её заблуждения. Вот почему естественная неменяемость совести, как начала самоопределяющегося, послужила древним церковным писателям основанием для мысли о возможности *смягчения* (только *смягчения*!) правосудия Божия к невольному или, что то же, добросовестному заблуждению²¹⁰. В виду этого свойства совести, вполне справедливо, говорят, требовать совершенной отмены государственных законов, карающих людей за их религиозные убеждения или за такие действия, которые суть необходимые выражения этих убеждений²¹¹. Представители

юридической науки (Блюнчли) поэтому поводу рассуждают так: «свобода совести, свобода религии не есть результат развития человечества в правовом отношении и не есть положение человеческого права: эта свобода вложена в человеческую душу Самим Богом. Бог Самому Себе предоставил невидимым путём действовать на душу и таким же невидимым путём открываться ей. И эта свобода, которую Бог даровал человеческой душе, самой невидимостью её защитив её от власти государства, принадлежит посему тому вечному Царству, в котором властвует не земная власть, а Сам Бог. Отсюда, обязанность государства признать и охранять эту свободу. Для государства должно быть ясно, что здесь положена граница его могуществу»²¹². Как достояние внутренней жизни человека, развивающейся в недостижимых глубинах его духа, религиозное убеждение субъекта, пока оно не проявляется во внешних актах, недоступно ни для какого непосредственного воздействия или принуждения, а потому, строго говоря, и не нуждается в правовой защите²¹³.

В числе важнейших по своим следствиям свойств совести, продолжают рассуждать защитники свободы, должно признать её стремление к внешнему обнаружению. Совесть не может оставаться в человеке в мёртвом виде: она требует, так сказать, употребления. Это употребление совести и является именно в виде потребности обнаружения её убеждений, воспринятых ею религиозных идей, будет ли это обнаружение являться как положительная деятельность, или как деятельность отрицательная – уклонение от всего, что противно совести²¹⁴. Само христианство признаком христианской совести считает обнаружение христианских убеждений, или внешнее исповедание веры, как необходимое условие пребывания в христианстве (Рим.10:10); а древняя Церковь считала даже еретиками тех из именующих себя христианами, которые отрицали необходимость обнаружения своих христианских убеждений, считая достаточной только одну внутреннюю, в совести, принадлежность к христианству²¹⁵. Словом, жизнь совести есть жизнь по совести; так что обычное выражение: «свобода совести» должно признать равносильным выражению:

«свобода обнаружения убеждений совести». Отсюда должно признать привилегией весьма сомнительной важности, когда исповедники какой-нибудь религии объявляются не преследуемыми за свои религиозные убеждения, но преследуются за, так называемое, оказательство своих убеждений ²¹⁶. В таком случае одно из двух: или совесть остаётся в таком же состоянии порабощения. в каком она была до этой привилегии, или совесть прибегает, так сказать, к искусственным формам обнаружения, обходя закон о необнаружении религиозных убеждений²¹⁷.

Из того свойства совести, что она не может оставаться только на степени внутреннего акта, а стремится обнаружиться во вне, вытекает её абсолютное право на разные формы внешнего выражения религиозных идей, составляющих её содержание: в тех или других жестах и телодвижениях, в тех или других религиозных действиях и обрядах, совершаемых как единолично, так и коллективно, совокупность которых обыкновенно называется культом. Там ещё нет свободы совести, где нет права устроить так называемое внешнее богочтение, культ, хотя бы религиозные мнения объявлялись непреследуемыми. Право устройства культа, т. е. свободного богослужения по обрядам и церемониям последнего, освящённым религиозными верованиями последователей этого культа, должно быть логическим следствием признания за известной религиозной совестью права быть терпимой, так как культ есть необходимый способ удовлетворения религиозной совести. Из той же потребности совести – обнаруживать свои убеждения во вне вытекает её право частно или публично убеждать других в истинности исповедуемых религиозных положений, т. е., право пропаганды или прозелитизма, в какой бы форме ни производилась эта пропаганда: в форме ли слова, письма, печати или изображений. Свободу слова, как необходимое условие свободы совести, признавали и древние церковные писатели. Когда к св. Иустину – мученику иудей Трифон обратился с вопросом, истинно ли Иустин признаёт то, что проповедует, этот христианский философ отвечал, «я не так несчастен, чтобы говорить иное, нежели что думаю» (соч. рус.

пер., 282 стр.). Право же распространять свои религиозные убеждения, как истинные, в свою очередь, предполагает право свободы на исследование, критику, отрицание мнений с ними несогласных, равно как и на выражение мнений враждебных религии. Значит, всякий свободный мыслитель, будь это деист или атеист, имеет такое же право исследования и критики в области откровенных религий, как и последователи таковых в области учений и систем или совершенно отвергающих всякую религию или создающих на место откровенной религии чисто умозрительную или так называемую естественную. Наконец, из той же потребности религиозной совести обнаруживать свои убеждения во вне вытекает право свободного образования и самоуправления религиозных обществ, т. е., свободы возникновения последних без предварительного разрешения государства, а также самостоятельность в установлении религиозных догм, культа, иерархии и дисциплины²¹⁸.

В-третьих, осуществление в жизни понятий религиозной свободы должно быть, доказывают, прямым следствием нравственно практических требований, которые предъявляются со стороны современной культуры и цивилизации. *Всеобщий интерес человечества требует допущения и утверждения свободы мнений, совести и богослужения.* Это есть единственное средство установить между людьми братство, мир и согласие, так как при абсолютной невозможности достигнуть соединения всех в одних религиозных убеждениях, братство и согласие возможны только под условием оказания уважения тем, которые держатся противоположных религиозных мнений.

Веротерпимость в больших государствах необходима для крепости, силы и стойкости правительства: при веротерпимости государствам нечего опасаться, так как она, способствуя спокойствию умов и умиротворению страстей, отнимает всякий (?) предлог для недовольства. При преследовании религиозного разномыслия, малые силы, отдельные группы соединяются и образуют опасную силу. При господстве же противоположного режима в стране, разделённой на великое множество сект, ни

одна из них не может претендовать на господство и, следовательно, все пребывают в спокойствии.

Нельзя преследовать ересь, ибо она есть понятие *относительное*. Что такое ересь, как не мнение о догмате, различное от того, которое принято в известной стране²¹⁹? Лютеранство есть ересь в Риме, католичество – в Лондоне. Магомет считается в Константинополе святым, а в Севилье – еретиком. Все народы должны относиться с терпимостью к различию религиозных мнений; одна национальность не может преследовать другую под предлогом ереси, не подвергаясь опасности испытать тот же самый способ обращения с собой²²⁰.

Великий интерес для монарха состоит в том, чтобы иметь верных граждан, храбрых солдат; но от того, что подданные его будут иметь мнения, отличные от мнений монарха и остальных членов нации, должны ли они в менее сильной степени обладать указанными качествами? Не христиане ли были лучшими солдатами в армии Деоклетиана? Не были ли протестанты во Франции, при Людовике XIV, преданными подданными, промышленно-образцовыми мануфактуристами и мужественными солдатами²²¹? «Ересь не может быть гражданским преступлением, ибо в противном случае все люди один по отношению к другому суть еретики и преступники, подлежащие наказанию»²²².

«Абсолютная ортодоксия, монополюный прозелитизм и неверотерпимость были источниками величайших бедствий в истории новых европейских народов: они порождали религиозные войны внешние и внутренние; они поддерживали смуту, замешательства и волнения среди управляемых, вооружали руку правителей на своих подданных, питали ненависть населения против правительства отечественной страны, поддерживали полицейские, административные и уголовные преследования целых масс населения; и породили огромное количество кар и наказаний, в виде лишения прав, изгнания, тюрьмы и ссылки, мучений и телесных наказаний и, наконец, в виде смертных казней» и проч...²²³. – Такова сила и значение аргументов, подготовивших торжество начал свободы совести и веротерпимости. Но практическое приложения этих

начал было прямым следствием изменившихся отношений между церковью и государством на западе Европы.

Ещё со времени реформации у западных государств возникает стремление освободиться от опеки церковной власти²²⁴; это стремление в XIX веке завершилось совершенным отделением государства от церкви, немедленно отразившимся на всех сферах церковной и государственной жизни, в частности, и на уголовном законодательстве относительно религиозных преступлений вообще. Старый девиз этих отношений – «одна вера, одна церковь, один государь» – мало по малу утрачивает на западе своё значение. Ближайшими историческими фактами такой метаморфозы отношений между церковью и государством нужно считать, с одной стороны, конституцию Северо-Американских Соединённых Штатов 1789 года, провозгласившую принцип совершенного отделения церкви от государства и полную свободу и самостоятельность религиозных общин²²⁵, с другой стороны, великие политические движения 1848 г., расширившие политическую свободу граждан в западноевропейских государствах и содействовавшие вместе с тем распространению принципов личной религиозной свободы и свободы государства от опеки церкви²²⁶.

Новое государство не считает себя заинтересованным в деле религии. Верует кто в Бога или нет, для государства всё равно – христиане ли его подданные или евреи, для него безразлично. Религия и исповедание её – это дело частное, до государства не касающееся. Поэтому государство никого не принуждает исповедовать ту или другую и вообще какую-нибудь веру и никому не позволяет делать другому какое-либо стеснение или насилие в деле веры. Государство предоставляет полную свободу переходить из одного вероисповедания в другое и запрещает церковным властям ставить какие-нибудь внешние препятствия к тому. Оно контролирует деятельность церковных властей в наложении дисциплинарных взысканий за религиозные преступления, наблюдая, чтобы эти взыскания носили чисто церковный характер, чтобы они не затрагивали физической личности, имущества, свободы и гражданской чести наказуемых.

Государство отказывается в какой бы то ни было степени содействовать приведению в исполнение церковных наказаний, предоставляя на волю каждого подчиняться или не подчиняться этим наказаниям²²⁷. Каждый гражданин может распространять свои религиозные убеждения среди близких ему людей, особенно же в еврей семье, и устроить богослужение сообразно своим верованиям. Для устройства домашнего богослужения не требуется никакого правительственного разрешения²²⁸. Домашнее богослужение также, как и домашний покой, пользуется защитой власти против всяких нарушений и оскорблений со стороны посторонних лиц. Могут быть распространяемы религиозные верования и вне домашней среды, в более или менее обширном кругу последователей. Последователи известного религиозного верования могут составить из себя особое религиозное общество. Учреждение религиозных обществ происходит беспрепятственно, на общем основании и праве граждан учреждать общественные союзы, без разрешения правительства, а только с его ведома. Члены религиозного союза могут установить у себя известный кодекс верований и нравственных правил, учредить чин богослужения, завести внутреннюю дисциплину, поставить религиозных руководителей и пастырей, снабдить их известными полномочиями и проч.²²⁹ Но со стороны государства духовные лица этих обществ не пользуются официальным признанием, не имеют никаких преимуществ и льгот по отправлению государственных повинностей личных и имущественных²³⁰. Равным образом все уставы религиозного общества, нормирующие его внутреннюю жизнь, имеют такое же значение, как и уставы всяких других общественных союзов частного правового характера: они обязательны только для членов религиозного общества и действуют только в их сфере и под условием добровольного подчинения им со стороны членов общества. Новое государство не вмешивается во внутреннюю жизнь религиозных обществ и не даёт своей санкции их уставам²³¹, но оно предоставляет всем членам таких обществ равенство в гражданском и политическом отношении²³². В новом государстве нет государственной религии; его природа

исключает всякую связь с религией. Оно смотрит на религиозные общества, как на частные религиозные союзы, до которых ему нет прямого дела. Оно не делает между ними различия по их вероисповедному характеру. Оно относится ко всем одинаково безучастно. Не только господствующей, но и привилегированной религии не полагается в новом государстве²³³. Предоставляя религиозным обществам, как вновь возникающим, так и унаследованным от истории, известную степень автономии в их внутреннем управлении, новое государство себе самому усваивает право *суверенитета* по отношению к ним, т. е. право самостоятельно определять юридическое положение, их: напр. дать санкцию вновь учредившемуся обществу или отказать ему в праве на существование. Оно может ограничить право христианских церквей учреждать монастыри; может совсем запретить существование некоторых монашеских орденов и т. под.²³⁴ Относясь равнодушно ко всем религиям, новое государство и чисто гражданское общежитие совершенно отделило от всяких отношений к религии, от какого бы то ни было её влияния на него. Так, регистрация случаев рождения, смерти и бракосочетания поручена, вместо служителей церкви, государственным чиновникам, а вместе с этим потеряли значение и религиозные обряды, которые совершались прежде в этих случаях. Самый важный акт в частно-правовых отношениях – брак – нормируется исключительно государством, которое устанавливает для него свою гражданскую форму заключения, само определяет условия законности брака и брачного развода, не принимая во внимание религиозных мотивов запрещения брака²³⁵. Принадлежность граждан к тому или другому религиозному исповеданию не должна влиять на право государственной службы. В государственных школах не должно быть преподаваемо религиозных предметов и т. п.²³⁶.

Так осуществляется тот принцип отношений между церковью и государством, который принято формулировать выражением: *«свободная церковь в свободном государстве»* и само осуществление которого, достигнутое государством,

считается величайшим успехом его в области человеческой культуры!

Уголовные западноевропейские кодексы относительно преступлений против веры вообще составлены в соответствие с требованиями принципа личной, индивидуальной религиозной свободы, принципа, выраженного в только что указанных отношениях нового государства к церкви. 1) Они отказались от абсолютной ортодоксии. Они провозгласили, что каждая религиозная община, признавая внутри себя и для себя своё вероучение правильным, должна считать однако же своей обязанностью не препятствовать и общинам других вероисповеданий держаться того же мнения относительно своей религии. Дорожа святостью своей веры, каждая религиозная община должна уважать нерушимость таковой святости и других. 2) Они отказались от учения не-веротерпимости, предоставив каждому вероучению, каждой секте беспрепятственно, исповедовать свою веру, публично отправлять богослужение и всенародно его проповедовать под охраной общих законов. 3) Они отказались от монопольного прозелитизма, предоставив каждому исповеданию принимать в свои недра иноверцев и конкурировать в привлечении своих последователей. И замечательно, говорят защитники личной религиозной свободы, со времени признания веротерпимости, дух прозелитизма во всех вероисповеданиях иссяк, каждое вероисповедание сумело одними моральными средствами и внутренней дисциплиной охранить свою неприкосновенность и противодействовать вторжению влияния других. 4) Они отказались, наконец, от миссии мстить за Бога, поставив под защиту закона верования каждого признанного культа от обиды и оскорбления, от стеснения и материального нападения. В силу этого исключено богохульство, в смысле непосредственного оскорбления Бога христианского культа, а явилось публичное оскорбление верующего, производимое посредством поносных слов, относящихся до Божества, будут ли поносные слова относиться к христианскому культу всех исповеданий или же к магометанскому, еврейскому или языческому. Таким образом в новейших уголовных кодексах круг

преступлений против веры, сравнительно с прежним временем, значительно сузился; в них мы не встречаем преступлений, признанных старыми уголовными кодексами: богохульства в его прежней форме, ересей, отступления от веры, колдовства, святотатства, в смысле религиозного преступления, и лжеприсяги²³⁷. Французский уголовный кодекс 1810 г., содержащий в себе только пять статей рассматриваемого рода, *есть типичный кодекс* этой системы, этой формации понятий о преступлениях против веры. Он послужил образцом и для остальных европейских кодексов: итальянского, общегерманского 1871 г., представляющих из себя буквальное повторение французского; – бельгийского, содержащего в себе всего три статьи, посвящённые преступлениям против веры, под заглавием: «Проступки, касающиеся религии»; – венгерского 1879 г., в котором рассматриваемые преступления изложены только в трёх параграфах, с указанием четырёх деяний против веры, подвергаемых каре, под заглавием: «Преступления и проступки против свободы религиозного культа²³⁸». В самом новейшем из уголовных кодексов – голландском, изданном в 1881 году, нет особенных отделов для рассматриваемых преступлений, так как последние имеют общее название «Преступлений против общественного порядка»²³⁹. Ересь и раскол, как мы и ранее заметили, изъять из разряда преступлений в новых западноевропейских уголовных кодексах. Они считаются преступлениями со стороны церкви, а в государственном смысле не считаются таковыми и не подлежат наказанию по государственным законам; они ведаются, и наказываются только церковным судом²⁴⁰. Впрочем, церкви не предоставлено право конкуренции с уголовным судом в преследовании преступлений, отнесённых к её ведомству. Западно-европейское законодательство предоставляет церковному суду налагать лишь домашнюю епитимию за эти преступления или же, вообще говоря, лишать преступника благ церковных же²⁴¹. Такой характер наказаний еретиков и раскольников имеет своё обоснование в мысли, что нравственную цену пред Богом имеет только то, что возникает из внутреннего настроения человеческой души. Отсюда и

средства, употребляемые для обращения грешника, должны быть направлены только на внутренний мир человека и быть чужды насилия²⁴².

Вместе с уменьшением самого круга преступлений в новейших западноевропейских уголовных кодексах смягчается и характер налагаемых ими наказаний за преступления против веры. По французскому, бельгийскому, итальянскому и общегерманскому кодексу преступления против веры наказываются тюремным заключением не свыше трёх лет; по венгерскому, судя по тяжести преступлений, налагается тюремное заключение от одного года до двух лет и штраф от 200 до 1000 гульденов; наконец, по голландскому кодексу, некоторые из преступлений наказываются тюремным заключением до одного месяца, высшее же наказание определено не более одного года²⁴³.

Мы представили с достаточною подробностью характеристические черты, отличающие две системы западноевропейских уголовных кодексов относительно преступлений против веры, – старую и новую в исторических условиях их развития. Общая характерная черта новой системы западноевропейских уголовных кодексов относительно преступлений против веры заключается *в том, что в этой системе принцип личной религиозной свободы нашёл себе всецелое воплощение*, тогда как в старой он ограничен началами ортодоксии и монопольного прозелитизма. Опрашивается: к которой же из этих систем нужно отнести наше действующее ныне законодательство относительно еретиков и раскольников?

Для решения этого вопроса сделаем вкратце обозрение действующего отечественного уголовного законодательства относительно разномыслящих и неправомыслящих в вере. Прежде всего укажем на общие начала вероисповедной политики русского государства, положенные в основание этого отдела уголовного законодательства. При обозрении этих начал не лишне, – предостерегают современные криминалисты, – с осторожностью оценивать их истинное достоинство, ибо некоторые из них, по существу своему правильные и

основательные, будучи высказаны в одном месте в абсолютной форме, вслед затем, в частных положениях, терпят ряд видоизменений, ограничивающих и умаляющих силу и действие общих начал.

Вот эти общие начала и их ограничение: 1) первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть христианская, православная, восточного исповедания (Пол. Соб. Зак. т. I, изд. 1892 г.; Уст. о предуп. и пересеч. преступ. против веры т. XIV Св. Зак. изд. 1890 г., 65 ст. под литерой а). 2) Все, не принадлежащие к господствующей церкви подданные и иностранцы, живущие в России, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по своим обрядам (Пол. Св. Зак., I т., 44 ст.). 3) Свобода веры присвоается не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам (Пол. Св. Зак., I т., 45 ст.; Уст. о предуп. и пресеч. преступ. против веры, XIV т. Св. Зак., изд. 1890 г., 65 ст. под литерой б). Раскольники не преследуются за мнения их о вере (Уст. о пред. и пресеч. преступ. против веры, XIV т. Св. Зак., изд. 1890 г., ст. 45²⁴⁴). Таковы общие начала, заслуживающие полного одобрения, с точки зрения даже представителей западной культуры, как согласные с общепринятыми в науке учениями. Но затем следуют ограничения, которые сокращают, видоизменяют, а по воззрениям их и вовсе парализуют изложенные выше начала. Первое ограничение: как рождённым в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер, запрещается отступать от неё и принимать иную веру, хотя бы то и христианскую (Там же, ст. 36). Второе ограничение: одна господствующая церковь имеет право в пределах государства убеждать не принадлежащих к ней подданных к принятию её учения о вере (Там же, ст. 70). Третье ограничение: всякое отвлечение не только от веры православной, но и от других терпимых вер, строжайше воспрещается (Там же, 77 ст.). Четвёртое ограничение: раскольникам запрещается совращать и склонять кого-либо в раскол свой (Там же, ст. 45). Пятое ограничение: когда открываются совращения и совращённые, то епархиальное начальство, на основании предписанных ему

правил, действует мерами вразумления, входит в согласие с гражданским начальством и доносит Св. Синоду (Там же, ст. 37). Шестое ограничение: раскольники хотя и могут совершать общественную молитву (Там же, ст. 48), но не пользуются свободой публичного богослужения; равным образом религиозные общины и их пастыри не пользуются признанием (Там же, 46–64). Наконец, седьмое ограничение: раскольники не имеют тех политических и гражданских прав, которыми пользуются православные; правоспособность их ограничена (там же, 60 и 62 ст.; Улож. о нак., изд. 1885 г., ст. 190²⁴⁵).

Выходя из этих общих начал, уголовное отечественное законодательство установило сложную систему законов по предметам веры, изложенную как в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений против веры, так и в Уложении о наказаниях. Между прочим, как мы и выше заметили, эта система содержит в себе отделы об отвлечении и отступлении от веры, а также об ересь и расколах, – отделы, которые давно уже не существуют в западноевропейских уголовных кодексах и, если судить с точки зрения новых начал, проникающих эти законодательства, должны быть уничтожены, по-видимому, и в нашем кодексе.

Из обозрения начал нашего законодательства и законодательных положений, ограничивающих эти начала, открывается, что наше уголовное законодательство относительно преступлений против веры принадлежит к старой формации и по типу своему сходно с теми системами права, которые во всей Европе существовали до конца XVIII столетия и отмена которых стала производиться с начала нынешнего столетия²⁴⁶. Этот тип характеризуется *учением об абсолютной ортодоксии, монопольном прозелитизме, неверотерпимости*, возможности непосредственно оскорбить Божество и обязанности человека мстить за это. Последнее начало утратило своё значение в нашем уголовном законодательстве, так как оскорбление Божеского имени отнесено не на счёт Божества, а на счёт лица, при котором Божество оскорблено. Но первые из указанных начал достаточно выдержаны в нашем законодательстве. Правила веротерпимости, выработанные

общественным сознанием и теорией в разных государствах западной Европы, в русском законодательстве сводятся в сущности к праву отправлять богослужение. Затем, свобода проповеди, свобода избрания веры и, наконец, даже различные права лиц, принадлежащих к разным исповеданиям, подвергнуты разного рода ограничениям²⁴⁷.

Сила и степень наказуемости действий, причисляемых нашим Уложением к преступлениям против веры, напоминает наказуемость тех же действий в ныне отменённых европейских законодательствах. Так, степень и мера наказаний за отвлечение путём увещания от какой бы то ни было христианской веры в веру нехристианскую влечёт за собой лишение всех прав состояния и ссылку в каторжную работу на время от восьми до десяти лет (Улож. о нак. проф. Таганцева, изд. 1885 г., 184 ст.). За распространение ересей и расколов определена ссылка на поселение с лишением всех прав состояния (там же, 196 ст.) и т. п.

Характеристика двух систем западно-европейских уголовных кодексов – старой и новой, изображение исторических условий, при которых они возникли, определение начал, которыми эти системы проникнуты и сопоставление этих начал с началами действующего отечественного уголовного кодекса должны, по-видимому, привести нас к мысли о необходимости изменить в последнем принципиально, по существу, постановку норм относительно преступлений против веры и уподобить его (кодекс) в этом отношении западно-европейским. А для этого необходимо нарушить прежде всего органическое единение между православной Церковью и русским государством и сделать их совершенно отдельными, самостоятельными и независимыми в подлежащих им сферах ведения институтами, обоюдное существование которых определилось бы формулой: «свободная православная церковь в свободном Российском государстве». Практическим следствием этого изменения отношений между церковью и государством в России явится всецелое воплощение в наше законодательство принципа личной религиозной свободы и уподобление его во всех отношениях западно-европейским

кодексам: уничтожение одной господствующей религии православной, предоставление всем исповеданиям и всем религиозным обществам и союзам одинаковых вероисповедных прав, уничтожение некоторых видов религиозных преступлений, в том числе отвращения и отступления от веры, ереси, раскола и смягчение наказаний за сами преступления. В пользу такого радикального реформирования нашего уголовного законодательства относительно лиц разномыслящих и неправомыслящих в вере раздавались и доселе раздаются в литературе более или менее сильные голоса защитников принципа свободы совести и веротерпимости. Так, одни из этих защитников, не довольствуясь тем, что инославные исповедания – католическое, протестантское и армяно-грегорианское считаются нашим законодательством не только терпимыми, но и признанными, требуют, чтобы этим вероисповеданиям, наравне с православными, помимо права свободного отправления богослужения по обрядам своей веры, было предоставлено и право распространения своего учения²⁴⁸.

Другие из этих сторонников проведения указанного принципа в наше законодательство требуют права полной свободы вероисповедания для наших раскольников и сектантов²⁴⁹ или, по крайней мере, уравнивания их прав в религиозном отношении с иностранными вероисповеданиями²⁵⁰ и с иноверцами нехристианских исповеданий²⁵¹. Не стеснять свободы вероисповедания, говорят защитники свободы совести, есть долг человеколюбия и справедливости, предписываемый самым существом христианства, минимальное требование которого заключается в положении: «не делай другим того, чего себе не желаешь»²⁵². Свободы вероисповедания требует и право естественное, так как люди, искренне проникнутые известными религиозными верованиями и убеждениями, имеют непреодолимую потребность «оказывать», обнаруживать, проявлять свои верования в соответствующем богослужении²⁵³. Правда, что за последнее время нашим законодательством сделаны уступки в пользу как религиозных, так и гражданских прав раскольников. Именно, по закону 19 апреля 1874 года, раскольники получили возможность заключать браки (законные)

так называемые гражданские, признаваемые государством, со всеми законными последствиями, вытекающими из таких браков для жены и детей. Затем, по закону 3 мая 1883 года, раскольники не только получили некоторые новые гражданские и политические права, но и дозволение (со значительными, впрочем, ограничениями) исполнять духовные требы и совершать богослужение по их обрядам, как в частных домах, так и особо предназначенных для сего зданиях, без нарушения при этом общих правил благочиния и общественного порядка²⁵⁴. Но в этих постановлениях и уступках по отношению к расколу и его различным фракциям правильнее будет видеть, говорят, зарю – предвестницу того светлого дня, когда веротерпимость и свобода совести преодолеют все препятствия, которые им стоят на пути. Во всяком случае, в настоящее время русский раскол и различные его фракции домогаются права, чтобы им предоставлено было в русской земле столь же определённое положение, каким пользуются разные иноверцы нехристианских исповеданий в пределах широкого русского государства: евреи, магометане, и язычники²⁵⁵ или то положение, в котором находятся вероисповедания католическое, протестантское и армяно-грегорианское²⁵⁶. Признание поповских и беспоповских обществ в той мере, в какой признаны еврейские, магометанские религиозные общества и инославные исповедания, есть, – говорят, неминуемый вывод не из принципиальных только положений о свободе совести, но из фактов истории, свидетельствующей, что мера стеснения и преследования не в состоянии была сломить раскол²⁵⁷.

«Статистика в России сектантов, определяющая количество их в $\frac{1}{9}$ всех русских подданных, с достаточною ясностью свидетельствует за непригодность нашей старой законодательной системы относительно раскола²⁵⁸. Численность сектантов и раскола должна бы – говорят – убедить русское правительство в том, что время дать им полную свободу вероисповедания или, по крайней мере, наделить их той степенью религиозной свободы, которую уже давно пользуются католики, протестанты, армяно-грегориане, евреи, магометане и др. в русском государстве, на что они

имеют де право как по своей сравнительной численности, так и в силу большей близости своего учения к православию. Раскол должен иметь самобытное гражданское и церковное существование, должен быть признанным вероучением²⁵⁹. Если прошлое и настоящее отвело только два места для раскола или в постановлениях уголовных или же предупреждающих и пересекающих преступления на ряду с беглыми – это ненормальность²⁶⁰ доказывающая только нашу гражданскую незрелость мысли²⁶¹. С уравнием раскольников с последователями других религиозных обществ в гражданских правах, с дарованием им права на публичное отправление богослужения, должно быть признано в своём положении и раскольничье духовенство: архиереи и священники в поповстве, наставники и учителя в беспоповстве²⁶². Подобного признания требует – говорят – не только принцип свободы совести и несостоятельность старой законодательной системы, но и прямая польза государственная. Сознание известных классов граждан о некоторой приниженности их вероисповедания перед другими служит источником гражданского развращения и озлобления этих классов против государства»²⁶³.

Свобода исповедания веры должна быть признана правом раскола и его различных сект потому ещё, что она есть необходимость государственная²⁶⁴. Настоящая система государственных мер по отношению к расколу и его сектам была причиной того явления, что в учении последних вырабатывались взгляды противогосударственные²⁶⁵. И Бог знает какое направление примут в будущем эти взгляды и недовольства, если брожение не найдёт своего естественного и прямого исхода в предоставлении расколу религиозных прав»²⁶⁶.

Изложение оснований, на которых утверждается мысль о необходимости полного проведения принципа личной религиозной свободы в наше уголовное законодательство относительно еретиков и раскольников – открывает нам, что эти основания тождественны в существе дела с теми, во имя которых произошло реформирования по новому типу

западноевропейских уголовных кодексов относительно преступлений против веры.

Справедливы ли эти основания, рассматриваемые с теоретической точки зрения? Действительно ли они настолько вески, неоспоримы и убедительны, чтобы можно было отдаться им в руководство при осуществлении такого важного дела, как коренная ломка известного отдела уголовного кодекса? И действительно ли проведение в законодательство принципа индивидуальной свободы совести, опирающегося на эти основания, должно сопровождаться плодотворными практическими результатами? Если да, то, следовательно, наши уголовные законы относительно еретиков и раскольников должны быть подвергнуты коренному и, по возможности, скорейшему преобразованию. Если же нет, то эти законы сами по себе носят несомненные начала истины, целесообразности и потому живучести, а, следовательно, не имеют и нужды в коренной существенной их перестройке. Очевидно, что для решения последнего вопроса следует подвергнуть критике те основания, на которых опирается идея о необходимости полного проведения принципа *индивидуальной свободы совести в уголовные кодексы относительно еретиков и раскольников*, а затем обратиться к подробному анализу и оценке тех начал, которые положены в основу нашего уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников, или к выяснению того, почему именно положены эти, а не другие какие-либо начала: что и будет предметом следующих глав настоящего исследования.

(Продолжение будет).

Вишневский Н. Летопись печати по вопросам миссии // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 137–152

Содержание: Вопрос о веротерпимости на страницах светских либеральных органов печати („Неделя“ и „Вести. Евр.“). Как смотрел на дело внутренней миссии митр. Григорий („Псков. Еп. Вед.“). Пути сектантской пропаганды (Еп. Вед. Тамб. и Екатериносл., „Мисс. Сборник“). Проповедь „непротивления“ („Книжки“ Недели). Из недавнего прошлого нашего сектантства („Самарск. Еп. Вед.“). Из истории штунд-баптизма: Конференция баптистов 1884 г. („Екатер. Еп. Вед.“). Рассказы из сектантского быта. Светская газета (Моск. В.) о взглядах затворника Феофана на еретическое богословствование Л. Толстого.

Вопрос о веротерпимости или свободе веры – вопрос не только миссии, но и общественной совести. Каждый, кто не совсем индифферентно относится к делам веры, должен так или иначе решить для себя этот вопрос, чтобы с таким или иным его решением сообразовать и свои отношения к иноверным согражданам. В виду этого нельзя не порадоваться тому явлению, что этот важный в религиозном и общественном отношении вопрос начинает в последнее время всё чаще и чаще затрагиваться органами нашей печати даже самого противоположного направления. Факт этот показывает, что в нашем обществе продолжает усиливаться интерес к религиозно-общественным вопросам. К сожалению, в светской печати читателям приходится встречаться с такой постановкой этого вопроса и с такими приёмами его решения, которые способны скорее затемнить, нежели уяснить данный вопрос в сознании общества.

Один из самых характерных образчиков такого рода отношения к вопросу о веротерпимости находим на страницах «Недели» в ряде статей М. О. М. под заглавием «Право веровать». «Один из основных до сих пор нерешённых вопросов наших – это свобода веры», – так начинается г. М. О. М.

свои рассуждения, и сразу же вводит читателя в заблуждение. Вопрос о свободе веры давно уже решён в нашем законодательстве; об этом не мог не знать и сам г. М. О. М., вся статья которого направлена именно против существующего по предметам веры и Церкви законодательства и правительственных взглядов и действий. Правда, с принципиальным решением вопроса о веротерпимости в законодательстве и общественном мнении не всегда согласно то решение, какое даёт ему практика отдельных представителей административной, судебной, иногда даже и духовной власти в единичных случаях. Это-то обстоятельство, вероятно, и ввело автора в заблуждение. По крайней мере приводимые им факты доказывают не то, для доказательства чего они автором приводятся, т. е. не то, что вопрос о свободе веры у нас *не решён*, а лишь то, что в сознании народных масс и низших представителей власти ещё не везде проникло то решение, какое дало этому вопросу законодательство и правительственная власть, и потому свои отношения к иноверцам эти низшие слои нашего общества иногда может быть более сообразуют с голосом страстей, нежели с неизвестными им или ложно понятыми определениями закона. В самом деле, если «дурные и задорные люди», кабатчики и т. п. враждебно отнеслись к самарским сектантам «мормонам», за то, что они «водки не пьют, табаку не курят, на гулянки не ходят, по праздникам сидят дома да читают евангелие», то значит ли это, что у нас нет свободы веры и даже не решён сам вопрос об этом? Ведь в данном случае, собственно говоря, не было даже никакого вопроса веры, а была только злоба кабатчиков и буйных гуляк хотя и к трезвым и мирным людям, но заподозренным в каком-то сектантстве. Далее, если возможны у нас случаи неправильного и неосновательного обвинения в принадлежности к вредной секте, в роде приводимого автором случая с неким Нилом С., которого с целым семейством едва было не обвинили в принадлежности к скопческой секте, не смотря на отсутствие достаточных улик, то и это только лишний раз доказывает возможность судебных ошибок в таком сложном и специальном деле, как сектантство, и ничего более. Всем

известно недавнее дело мултанских вотяков, когда по-видимому невинных людей окружной суд дважды осудил за убийство с религиозной целью, на основании улик, добытых неправильно ведённым предварительным следствием. Что-же? Скажет ли кто, основываясь на этом примере, что вопрос об уголовной ответственности за убийство у нас не решён, или что в судах у нас нет справедливости и беспристрастия? Трогательными чертами изображает г. М. О. М. горе того «хохла из-под самого Киева», у которого полиция отнимает евангелие. «Лишать народ евангелия, останавливать идущего к народу Христа – подумайте, какую мы берём ответственность на себя»!.. Но видно автор не знает, что есть разные издания евангелия, есть такие издания, которые, выражаясь словами бл. Иеронима, из евангелия Христова делают евангелие человеческое или, что ещё хуже, евангелие дьявола. Об одном из таких изданий читатели нашего журнала уже могли себе составить понятие по статье свящ. Троицкого («Лондонское издание Нового Завета», Мисс. Обзор. янв., кн. 1). Распространено также среди совращённых в штунду и колеблющихся в вере крестьян Синодальное издание «Нового Завета» с горизонтальными и вертикальными чертами, которыми отмечены все те тексты, на которых основывают свои воззрения пашковцы. Операция эта произведена искусно от руки над тысячами экземпляров обычного издания священной книги в лаборатории В. А. Пашкова, когда ещё он жил в России и деятельно пропагандировал своё лжеучение среди столичной интеллигенции и черни. Ныне пометки этих экземпляров скопированы. Чтение св. книги по условным чертам, в известном порядке и постепенности, без снесения покрашенных текстов с другими, приводит читателя к усвоению протестантских и сектантских воззрений на вопросы веры. Таким образом подготовленная книга служит верным орудием пропаганды. Спрашивается: как должен поступить благоразумный человек, когда видит, что его сыну дают «вместо хлеба камень, или вместо рыбы змею»? Не должен ли он отнять от него предлагаемое, чтобы тот не был укушен змеей и не изломал бы без пользы своих зубов о твёрдый камень? А если

бы и был когда-нибудь и такой случай, что полиция отнимала у крестьянина совсем обыкновенное (не заграничного издания) евангелие, то в этом можно видеть лишь доказательство той давно известной истины, что наши мало-просвещённые низшие должностные лица, особенно сельские власти, в данном деле не стоят на высоте своего положения в деле пресечения сектантства. И это вполне понятно и предусмотрено правительственными распоряжениями, которые требуют все отобранные у сектантов книги направлять в Консисторию на рассмотрение, откуда дозволенные к обращению в народе издания возвращаются по принадлежности. Так что автор напрасно тратил краски на изображение картины горя упомянутого хохла, который несомненно уже получил своё евангелие, если оно не было пашковского или заграничного издания. Г. М. О. М. хотел бы, что бы у нас не только было предоставлено каждому право веровать, как и во что он желает, *но и право открыто и свободно выражать свои верования и религиозные убеждения, или что тоже, право свободной пропаганды каких угодно религиозных лжеучений.* Автор рассуждает: «Боятся: если дать свободу веры, все тотчас отпадут от истинной веры и впадут в ложную. Но это значит иметь слишком дурное мнение об истинной вере, полагать, что она совсем бессильна, совсем непривлекательна и что любая ложь заманчивее её для ума и сердца человека. Допускать, что истина может соперничать с заблуждением только при помощи карательных мер, значит несправедливо унижать истину». Никто не боится, что если дать свободу веры, то все тотчас отпадут от истинной веры и впадут в ложную: истинная вера будет существовать до скончания века и врата адовы не одолеют ей. Если же у нас, однако, не предоставлена полная свобода всяких лжеучений, то причина этого, смеем думать, понятна даже самому г. М. О. М., хотя он и не признаётся в этом. Сам же он, изобразивши густыми красками религиозное невежество русского крестьянина, замечает вполне справедливо, что при такой первобытности своей *человек склонен не нападать, а скорее подчинятся любому учению, если оно выражено сколько-нибудь энергично* и что, действительно, наш народ, как

показывает история, крайне податлив на всевозможные ереси. Что же? Следует ли предоставить всем ересям и сектам полную свободу пропаганды, руководствуясь тем прекрасным теоретическим соображением, что истина всегда оказывается победительницей, или же, приняв во внимание факты истории и современной действительности, значительно ограничивающие справедливость указанного теоретического положения, следует эту свободу ограничить и держать её в известных пределах, – до той по крайней мере поры, когда религиозно-нравственное просвещение в духе христианской веры настолько проникнет в сознание нашего простого народа, что явится достаточно сильным в руках его оружием для ограждения той истины, которую теперь наш народ исповедует лишь в простоте своего верующего сердца?... Ответ на этот вопрос ясен.

«Вестник Европы» также хотел бы, чтобы сектантам была предоставлена полная свобода, и думает, что только таким путём и можно в конце концов достигнуть соединения сектантов с православной Церковью. Подтверждение своего мнения журнал находит даже в одном указе императора Александра I о духоборцах (от 27 ноября 1801 г.). «И разумом и опытом дознано, говорилось в этом указе, что умственные заблуждения простого народа, прениями и народными увещаниями в мыслях его углубляясь, единым забвением, добрым примером и терпимостью мало по малу изглаждаются и исчезают» (В. Е. Апрель стр. 905). Однако, тем же опытом и даже на тех же духоборцах, которых имел в виду указ, с несомненной очевидностью дознано, что забвением заблуждения их не изглажены и не уничтожены, а, напротив, только прочнее укоренились и развились до последних крайностей, приведших к недавним волнениям среди закавказских духоборцев. Да и согласен ли с требованиями христианской нравственности совет забыть наших заблудших братьев? Разве такому отношению к ним научает нас Спаситель в притчах о пропавшей овце и потерянной драхме?

Не такому отношению к заблудшим учил и приснопамятный митрополит с.-петербургский Григорий (Постников). В 50 годах настоящего столетия, когда было обращено особенное

внимание на дело противораскольнической миссии, в Петербург были вызваны из наиболее заражённых расколом епархий лица белого и чёрного духовенства для приготовления к противораскольническому миссионерствованию. Дело этого приготовления было поручено Григорию, тогда ещё архиепископу Казанскому, которому принадлежала и сама идея учреждения противораскольнических миссионеров из лиц, получивших полное богословское образование, а не из обратившихся раскольников – начётчиков, как это было прежде. Вот как описывает беседы Архипастыря с вызванным духовенством г. Д. Соколов («Пятидесятые годы в истории противораскольнической миссии вообще и местной в частности «Псков. Еп. Вед.» № № 9, 10). «Необычайная аудитория, представляла поразительное и величественное зрелище пастырей, среди которых виднелись и убелённые сединами, но ещё более было молодых и энергичных лиц. Слышался серьёзный и убеждённый голос маститого Иерарха, всю жизнь свою посвятившего великому делу возвращения на путь истины отпавших от Церкви чад. Тихо и непринуждённо лилась его речь, дышавшая искренней любовью к заблудшим, проникнутая скорбью об этих людях, имущих ревность, но не по разуму, одарённых живым, религиозным чувством, но ложно направленным... Крепко и глубоко западали в умы и сердца будущих миссионеров истинно-христианские наставления действовать на раскольников не внешними мерами, не помощью полиции и её агентов, а единственно верным и полезным в данном случае путём кроткого и мирного убеждения. «Все полицейские меры – не ваши меры», говорил слушателям преосвященный Григорий: «святые апостолы действовали словом истины и силами Божиими; да и обращение прочно и спасительно только то, которое произведено силой истины».

В деле оценки сравнительной пригодности и полезности мер против развития сектантства первостепенную важность имеет выяснение вопроса о самих причинах, вызвавших появление и способствующих распространению той или другой секты. Известно, что прежде всякого лечения болезни

необходимо устранить те условия, которыми болезнь вызвана и поддерживается. В виду этого мы с удовольствием можем отметить частое появление на страницах духовных журналов статей, посвящённых именно выяснению вопроса о причинах появления сект, устойчивости сектантских заблуждений, дальнейшего распространения их в среде православных и т. п. Так, например, в статье Д. Б-ва «О религиозном брожении в народе и о главнейших мерах борьбы с ним» (Тамб. Епар. Вед. № 19), как на одну из причин распространения баптизма указывается на энергичную пропаганду его, которая находит для себя самую благодатную почву в неразвитости и сравнительной холодности к вере православного населения. Сектантская пропаганда, которая за последнее время принимает всё более и более скрытный характер, ведётся всеми более или менее грамотными сектантами. Случаи же для пропаганды представляются постоянно. «Вышли, напр., соседи посидеть на завалинке, – сейчас же и разговор о «божественном» и проповедь «новой» веры. Поехали мужики в извоз, – по пути, от нечего делать, опять толки о вере. Начался сенокос. Людей в степи видимо-невидимо. Где же лучше, как не на привале, под благодатным летним небом, под шелест ветерка, дышащего «где он хочет», вести разговор о возрождении от Св. Духа?.. И идёт баптистская пропаганда и сеет она в одних полную религиозную смуту, в других – холодность и сомнение, а третьих – и вовсе вырывает из лона православной Церкви. Что всего удивительней, – эту пропаганду поддерживают даже тёмные, деревенские бабы: и они, попав в сектантки, делаются потом горячими проповедницами новой веры. У этих доказательства проще и нагляднее. Баптистка не затруднится рассказать своей соседке, как она получила Св. Духа в новом крещении. «Как сошла я в воду, милая моя, свят-то Дух и полез в меня! У меня инда между рёбрами чтой-то захрустело... А вы, бабыньки, что? вы ничего не чувствуете, потому в вас нет Духа Божия, вы не poznали ещё Христа, вы не дети Его»!.. А простодушные и суеверные бабы «верят этим рассказам исступлённой сектантки так же, как раньше они верили дяде Феодору, который сам, «своими, то есть, глазами» видел домового, перелезавшего к нему с

вязанкой сена в лошадиный хлев». Этим-то суеверием и неразвитостью деревенского православного люда автор и склонен объяснять поразительный и на первый взгляд непонятный рост по деревням разного рода мистических бредней, как напр., хлыстовских.

Сектантская пропаганда довольно уже давно перестала быть исключительно устной и начала прибегать к услугам печати. Известно, какую важную роль в деле распространения пашковщины сыграли пашковские брошюры издания «Общества поощрения духовно-нравственного чтения». С характером и направлением этих брошюр знакомят нас Екатеринославские Епарх. Ведомости (№ № 4, 5) в статье «Литературная пропаганда штундизма». По отзыву автора статьи, «брошюры эти тем особенно и вредны, что, прямо не противореча православию, совсем не заключают в себе характерных признаков его, его духа, необходимых выражений его сущности. От начала до конца в них веет чем-то не нашим, не родным, чуждым тех религиозных воззрений, в которых мы воспитаны с детства. Эти брошюры проникнуты духом протестантизма, который ищет себе всё новых и новых адептов в православном русском народе». Хотя в настоящее время «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» давно уже не существует, тем не менее плоды его деятельности продолжают сказываться ещё доселе, потому что значительное количество той массы печатного яда, которую выпустило это общество, несомненно остаётся ещё в народе и продолжает оказывать своё тлетворное влияние на его организм. Бороться же с этим влиянием чрезвычайно трудно, особенно потому, что и в настоящее время существуют, даже у нас в России, издательские фирмы, деятельность которых довольно близко напоминает деятельность сказанного общества по части издания брошюр для народа. Так, напр., свящ. А. Львов в статье «Нечто о причинах, способствующих устойчивости молоканских воззрений и влиянию их на народную массу» («Мисс. Сборн.») одну из таких причин усматривает в народных изданиях одной русской фирмы, которая упорно работает над распространением в среде простого народа чуждого ему духа

отрицания. Общая, хотя и тщательно замаскированная, тенденция изданий этой фирмы заключается в том, что важны в деле спасения только добрые дела; вера же, т. е. вероучение, не имеет существенного значения. Нельзя, конечно, не согласиться, что издания с такой тенденцией должны иметь на народ крайне вредное в религиозно-нравственном отношении влияние.

Заговорив о литературной пропаганде сектантских лжеучений, нельзя обойти молчанием и того факта, что даже некоторые из наших светских журналов либерального направления иногда являются органами распространения в обществе разных лжеучений. Говорим это ближайшим образом по поводу той проповеди «непротивления», которая ведётся г. Меньшиковым в «книжках» Недели в статьях под общим заглавием «Ошибки страха». Статьи эти весьма любопытны и характерны как со стороны приёмов обоснования и защищения учения о полном непротивлении злу насилием, так особенно со стороны тех крайних и очевидно нелепых выводов, до которых договаривается автор в своём стремлении отстоять излюбленный принцип абсолютного непротивления во всей широте его. Целый аппарат блестящих сравнений, более или менее остроумных и удачных сопоставлений, фактов и наблюдений из самых разнородных областей знания употреблён автором для доказательства той простой, для всех очевидной и никем не оспариваемой истины, что любовь выше и лучше насилия, что любовь всегда порождает добро, а зло создаётся только насилием. Сделавши такое открытие, автор считает уже вполне доказанным основной свой принцип, что всякое насилие должно быть совершенно выведено из обихода человеческой жизни, и смело приступает к более подробному раскрытию и разъяснению этого принципа. И нужно, действительно, удивляться смелости г. Меньшикова: его не устрашают даже очевидные нелепости, если только посредством них он надеется как-нибудь прикрыть несостоятельность защищаемого им положения. Вот один образчик рассуждений г. Меньшикова. Когда возражают против учения о непротивлении, то чаще всего берут какой-нибудь такой случай из жизни, на котором легко

показать несостоятельность этого учения. Таков, напр., случай, когда нашей жизни угрожает опасность от разбойника. Очевидно, что, не противясь разбойнику, мы рискуем и сами быть убитыми и другого человека сделать убийцей. Кажется, можно ли чем-нибудь оправдать в этом случае непротивление? Однако же г. Меньшиков неустрашимо берётся даже за невозможное. «В подобном случае, говорит он, ваша смерть неизбежна, это правда. Но может быть, она и нужнее всего в этом случае. Может быть, только смертью вашей вы можете доставить торжество нравственному закону, разрушить чары овладевшей врагом вашим тёмной страсти и вызвать в нём любовь к вам. Может быть, необходима кровь ваша, чтобы спасти его. Убийцей иногда овладевает жгучее раскаяние и страшная жалость к погубленной жертве; и тогда он спасён, он возродится для новой жизни и покорится нравственному закону. Иногда это раскаяние наступает не сразу, а через долгое время; иногда необходимы для этого не одна, а много жертв, нужно, чтобы злая душа пресытилась кровью, но раскаяние – как мне кажется – всегда наступает в злодее. И для этого, с точки зрения нравственного закона, стоит, чтобы пожертвовала собой одна жизнь или многие жизни *и даже жизни всего человечества* (курсив наш). Если один отдал себя, чтобы искупить грехи всех, то все должны быть готовы искупить грехи одного. Все погибли бы, и все были бы спасены в истине, – исполнился бы закон, для которого существует земная, условная, материальная жизнь и началась бы жизнь безусловная, вечная» (Кн. Нед. июнь, 261–262). Итак, люди, подставляйте каждый своё горло под нож убийцы, потому что убийца, зарезавши вас, может быть, потом раскается и через то спасётся. Лучше всего было бы, если бы несколько человек перерезали всё остальное человечество: пресытившись кровью, убийцы раскаялись бы (потому что раскаяние, как кажется г. Меньшикову, всегда наступает в злодее), а через то и спаслись бы; убитые же несомненно спаслись бы, так как пожертвовали бы жизнью ради спасения других. Словом, все погибли бы, и все были бы спасены; вместо жизни условной, началась бы жизнь безусловная²⁶⁷. Подумаешь, до чего только можно договориться!

Из статей, посвящённых истории сектантства и исследованию внутренней его жизни, отметим две статьи «Самарских Епарх. Ведомостей». Одна из них (Сектантские разтвержения. Из жизни «беседников» Самарского уезда) имеет своим предметом явление, сыгравшее немаловажную роль в истории развития у нас сектантства и существующее даже до настоящего времени в некоторых местах России. Явление это, известное под именем черничества, возникло под влиянием естественной и вполне законной потребности народа в удовлетворении своего религиозного чувства, возникло в такую пору, когда эта потребность почти не находила себе удовлетворения в церкви, в ту эпоху, когда почти отсутствовала церковная проповедь, когда церковное богослужение, вследствие упадка искусства чтения и пения, отличалось крайней бедностью, и когда духовенство не принимало почти участия в деле народного образования, и последнее по этому было всецело проникнуто столь несимпатичным народу светским, мирским направлением. Под влиянием таких-то условий и появились во многих приходах чернички. На своих собраниях они занимались чтением божественных книг, душеполезными беседами, пением кантов; в жизни старались показать своё благочестие и любили странствовать по монастырям. Но благочестие их, по большей части, было показное; их собрания, на которых присутствовали и молодые люди обоего пола, нередко служили вертепами разврата. Черничество всегда стояло в глухой оппозиции к духовенству, так как делало то самое дело, которое должно было делать духовенство, и стремилось захватить в свои руки вообще все церковно-приходские дела, что нередко ему и удавалось, особенно в тех случаях, когда приход по какой-либо причине оставался без священника. Главное же в том, что черничество стремилось захватить в свои руки власть учительства и религиозно-нравственного руководства, чем приводило своих членов к полному отчуждению от Церкви и её законных учителей. А между тем, в светской печати черничество находило себе горячих защитников и даже среди приходского духовенства

многие склонны были считать деятельность черничек полезной для Церкви.

В статье М. Гребнева «Очерки из истории сектантства мистического направления в шестидесятых годах» (Сам. Еп. Вед. № 8–11) интересно показание современника об одном из способов распространения хлыстовства, практиковавшемся в шестидесятых годах, так же как практикуется он и ныне. Сектанты строго следят за религиозным настроением православных и чуть кто-нибудь из них выразит шаткость в своих религиозных убеждениях, сейчас же приступают к такому с советами посетить их беседы, называвшиеся обыкновенно беседами «о путях угождения Богу» или «беседами на ради Господа». Поколебленный в своих верованиях идёт на хлыстовскую беседу. А там заранее всё подготовлено. Начинается чтение и толкование св. Писания, толкуют его малограмотные, но искусившиеся в подобных делах начётчики. Чтение св. Писания, соединённое с толкованием, производит на ничего не знающего, простого и доверчивого и притом ищущего утешения в религии, посетителя глубокое впечатление. Первое дело сделано. Семена недоверия к догме православия брошены в душу простеца. Затем начинается поверхностное знакомство его с учением ереси. Руководители секты стараются теперь убедить новичка, что только в их вере «свыше человек озарён будет». Чем чаще ходит новичок на хлыстовские собрания, тем скорее убеждается в правоте проповедуемого на них учения хлыстов. Сильно действует на него видимая праведность их жизни, увлекает его учение о непосредственном, якобы, общении сектантов с Богом во время молений. А для недовольных семейной жизнью и установленным ею режимом не малым соблазном служит учение о побратимстве и посестримстве. Конец не трудно предвидеть. Новичок просит о принятии его в число верных. Как известно, описанный способ совращения православных и в настоящее время практикуется не только хлыстами, но и последователями почти всех других сект.

В деле ознакомления с внутренней жизнью сектантства и в частности штундо-баптизма выдающийся интерес представляет

статья миссионера А.Е. Дородницына «Конференция баптистов» (Екатеринослав. Епарх. Вед. № 1–2). В статье приведён целиком подлинный текст постановлений первого съезда русских баптистов, бывшего в с. Ново-Васильевске Таврической губ. в 1884 году. Этот любопытный документ ещё раз доказывает, что секта штундо-баптизма, так широко раскинувшая свои сети на юге России, представляет из себя великую силу, – тем более опасную, что действия её направляются опытными руками немецких вожаков. «Оказывается, что штундо-баптисты юга России представляют из себя тесно сплочённый союз, отдельные члены которого связаны между собой, кроме религиозных интересов, общностью интересов экономических, бытовых, и проч. Союз штундо-баптистов владеет особым, приличных размеров, капиталом для пропаганды своего вероучения среди православного населения России, содержит целый эскадрон миссионеров для сей же цели, получающих крупные суммы на расходы, устраивает съезды – конференции для определения положения своих дел и успехов пропаганды, – другими словами: союз ведёт себя так самостоятельно, как будто он есть правительственное учреждение, регламентированное законодательными постановлениями». Достаточным подтверждением всего этого может служить даже самый перечень тех вопросов, которые подвергались обсуждению на заседаниях конференции 1884 г. Вопросы эти почти все касались миссии и внутренней дисциплины. Из вопросов, относящихся к миссии, обсуждались напр. следующие: определение местностей, нуждающихся в миссионерах; о назначении «евангелистов» т. е. миссионеров и о жалованье им; о выборе миссионерского комитета т. е. председателя, кассира союзной кассы и членов комитета; о сборах для миссии; о подчинении миссионеров конференции и миссионерскому комитету; о Кавказском отделении кассы миссионерского комитета и др. По вопросам внутренней дисциплины обсуждались: о вторичном вступлении в брак членов, оставленных мужем или женой без вести, о сочетании браком отлучённых членов, а также детей молоканских родителей и

детей, записанных и крещённых в Православной Церкви; с каким отлучённым членом нельзя есть за одним столом; следует ли употреблять рукоположение, или нет; можно ли хоронить или венчать людей, принадлежащих к другой Церкви и т. п.

Время от времени на страницах наших духовных журналов появляются опыты беллетристической обработки, преимущественно в форме небольших рассказов, сюжетов, заимствуемых из мира сектантства. Содержанием таких рассказов, обыкновенно, служит быт сектантов и их учение; иногда они представляют собой просто беседу между православным и сектантом о том или ином пункте христианского учения, извращаемого сектантами. Конечно, такого рода рассказы, в лёгкой и занимательной форме знакомящие читателей с бытом и мировоззрением сектантов и с способами обличения сектантских заблуждений, вообще должны быть признаны очень полезными. Но, к сожалению, те рассказы, какие появляются в настоящее время, по большей части, бледны и слабы в изображении сектантского быта, а в изложении и опровержении сектантских заблуждений отличаются слишком заметной деланностью, которая существенным образом вредит впечатлению, получаемому от чтения такого рода произведений, и обнаруживает в авторах недостаток живых наблюдений над внешним и внутренним миром сектантства.

«В заключение отметим достойный внимания отзыв светской газеты (Москов. Ведом.) о взглядах затворника святителя Феофана на еретическое богословствование гр. Л. Толстого.

В то время, пишут «Моск. Вед.», как наши «интеллигенты» с благоговением прислушиваются к каждому слову новоявленного лжепророка, графа Льва Николаевича Толстого, православные русские люди с глубочайшим вниманием следят за содержанием многого множества писем, появляющихся в духовных журналах, – писем, принадлежащих перу великого подвижника и светильника нашей Русской Церкви, в Бозе почившего святителя Феофана. Из своего тихого затвора на

Выши этот смиренный пастырь – старец неумоимо разливал благодатный свет истины Христовой, И сколько душ жаждущих этого света, этой благодатной истины напоены его словом, воистину благодатным! Не забудем, что этот святитель дал нам превосходные, незаменимые толкования на всего апостола Павла, дал нам богатейшую сокровищницу писаний святоотеческих в пяти громадных томах *Добротолюбия*, дал нам неоценённую книгу *Путь ко спасению*, составил свод Евангельских сказаний, за который удостоен степени доктора богословия, и многое множество других творений.

Отзыв такого святого мужа, такого знатока души человеческой, такого высокопросвещенного, даже в смысле научном, человека (он знал несколько иностранных языков, и его библиотека более, чем на половину, состоит из иностранных книг), – отзыв, говорим, такого мужа о лжеучении графа Толстого для православных особенно должен быть авторитетен; в нём они должны видеть для себя предостережение... Пусть, этот отзыв резок, силён, но этого требует само положение дела, этого требует легкомысленная ветреность в вопросах веры, с какой мы встречаем всякого хулителя Церкви...²⁶⁸ Послушаем же, что пишет Святитель Подвижник одному из присных по духу чад своих:

«Вы помянули, что многие переходят в иную веру, начитавшись сочинений Толстого. Диво! У этого Льва никакой веры нет. У него нет Бога, нет души, нет будущей жизни, а Господь Иисус Христос – простой человек. В его писаниях – хула на Бога, на Христа Господа, на св. Церковь и её Таинства. Он разрушитель царства истины, *враг Божий, слуга сатанин*, как написал (сказал?) сам св. апостол Павел волхву Еллиме, противившемуся его проповеди на острове Кипре (Деян.13:8–10)... (Он) дерзнул написать новое евангелие, которое есть искажение Евангелия истинного. И за это он есть *проклятый апостольским проклятием*. Апостол святой Павел написал: «*кто новое Евангелие будет проповедовать, да будет проклят, анафема*» (Гал.1:8). И чтобы все затвердили это добре, в другой раз это подтвердил... (Гал.1:9). В евангелии богохульника есть цитаты похожа на наши, например: Иоан. гл.

1-я, ст. 1-й, а сам текст – другой. Посему он есть подделыватель бесчестнейший, лгун и обманщик».

«Если дойдёт до вас какая-либо из его бредней, с отвращением отвергайте... В наших духовных журналах он разобран до последних косточек, и всесторонне обличён в безумии и злоумии. Но журналы духовные кто читает? И тетрадки Толстого ходят по рукам секретно и секретно распространяют ложь».

Ревностью Илииною дышит сие слово великого подвижника – святителя. Невольно восстаёт в воображении образ другого великого обличителя ересей – преподобного Антония Великого, который из глубокой пустыни подвигся и пришёл на шумные улицы Александрии, чтобы обличить зловерие еретическое... Для православных слова довольно... Имеяй уши слышати – да слышит!»

Н. Вишневский

Миссионерские запросы и ответы // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 152–164

От редакции. В настоящем отделе будут помещаться «письма в редакцию, Миссионер. Обозрен.», заключающие в себе живые наблюдения корреспондентов над состоянием сектантства и раскола, и встречающиеся в миссионерской практике затруднения и недоумения, вместе с ответами на последние. причём считаем не лишним объяснить читателям, что «наши ответы» не должны иметь другого значения, как только советов, которые нисколько не исключают новых взглядов и иных мнений, и решений затронутого вопроса со стороны подвизающихся на миссионерском поприще. Миссионерская борьба с сонмом врагов православия – дело сложное и слишком трудное; успешно содеваемо оно может быть лишь *во мнозе совете*, а потому в миссионерском журнале известный принцип – *audiatur et altera pars* должен находить широкое применение, и мы охотно будем давать место в настоящем отделе всякому новому выяснению того или другого миссионерского вопроса.

I. Пагубные лжемудрования сектантов моего прихода. С. 152–155

(Из письма священника сл. N Новохопер. у. Воронежской губ.).

В апрельской книжке „Мисс. Обзор.“ объявлено было, что в видах взаимообщения с своими читателями, редакция желает „составлять с деятелями миссии одну тесно сплочённую семью одушевлённых борцов за св. дело православия“, причём почтенная редакция приглашала читателей откровенно сообщать на страницах миссионерского органа свои недоумения, опыты и наблюдения относительно всего, что может клониться к возвышению успехов св. дела миссии, для чего предполагалось открыть особый отдел „Вопросы и ответы“. Счастливая идея, прекрасный почин... Слабость нашей миссии – в разъединённости действий против тесно сплочённого врага. Да не будет так! Спешу откликнуться на этот многополезный призыв настоящим сообщением о некоторых соблазнительных для народа мудрованиях сектантов моего прихода, в уповании, что другие более опытные со-работники на тернистой ниве миссионерского вразумления заблудших в свою очередь поделятся с братией, при посредстве „Мисс. Обзор.“, подобными же сведениями и наблюдениями. Желательно, напр., знать, приводятся ли сектантами других мест подобные нижеозначенным возражения, где найти наиболее обстоятельное опровержение этого лже-мудрия, как успешнее вести обличение и проч.

Сектанты нашей местности²⁶⁹ нечестиво лже-мудрствуют, что книжники, фарисеи и архиереи предали Иисуса Христа на распятие единственно, будто бы, из боязни, как бы новая Христова вера „не отбила у них куса хлеба“, – что мы – православные священники и наши архиереи, – совсем не те „пресвитеры и епископы“, о которых говорится в новозаветном Писании, а прямые де преемники ветхозаветных служителей скинии, воссевшие на Моисеевом седалище, а потому де и именуется духовенство православной Церкви во всех бумагах и

на языке народа по ветхозаветному, т. е. „священниками“ „архиереями“, а не пресвитерами и епископами, как бы следовало по букве Писания; последние, т. е. пресвитеры существуют только в сектантских общинах, а не в церкви. Св. Синод православной Церкви также, по мнению сектантов, не имеет для себя и для своего названия оснований в Слове Божиим, а потому есть не что иное, как „синедрион еврейский“, осудивший Христа на пропятие. Все новозаветные установления, обряды и таинства (за исключением крещения и причащения) сектанты трактуют, как „своекорыстную выдумку попов“? которые не терпят распространения сектантства, подобно древнееврейским книжникам и архиереям, единственно из-за материальных расчётов, боясь лишиться словесных овец, вóлной²⁷⁰ которых одеваются. Архид. Стефан, – продолжают мудрствовать заблудшие мои чада, был последователем их сектантских воззрений и противником якобы обрядов и храмовых установлений, за что первомученика сего священники и побили камнями.

Сильно агитируют сектанты среди набожного православного народа против исконного благочестивого обычая отправляться на поклонение к св. местам, особенно же в Иерусалим, к которому сектанты применяют II гл. 8 ст. Откр. Иоанна Богослова (Откр.2:8) и называют святочтимый всем христианским миром град Содомом и Египтом. „Зачем вы, православные, ходите по св. местам, пустословят сектанты, – разве там не таже совершается литургия, не те же священники? – на всяком месте Господь; или у вас места молитвы разделены на классы, там – в Иерусалиме самый первый класс, в Киеве – второй, в Задонске – пониже“? и проч., при этом отступники зло издеваются над паломниками, когда последние приносят из св. мест оливу, св. воду, ладанки и другие предметы народного благочестивого чествования. Богохульно мои сектанты отзываются и о св. мощах.

При беседе об искушении диаволом Христа Спасителя пришлось встретиться с таким мудрованием, что будто бы искушал Иисуса Христа в пустыне не дух злобы, а человек, так

как искуситель обещает Господу дать все царства мира и славу их, да и Спаситель называет ап. Петра сатаной.

Вменяя ни во что святейшее таинство евхаристии, сектанты ссылаются на слова св. Евангелия: „дух животворит, а плоть не пользует нимало. Слова, которые Я вам говорю, суть дух и жизнь“. (Ин.6:63).

Священник М. Б.

Изложенные о. Б-м лже-мудрования его приходских сектантов, хотя в большинстве и не новы, но представляют для миссионеров свой интерес в отношении постановки возражений и как наглядная характеристика крайнего умственного невежества и убожества последователей нашего сектантства, которые не в состоянии уразуметь столь очевидной церковно-исторической истины, как происхождение новозаветной иерархии в лице пастырей и архипастырей Церкви от Христа и апостолов, а не от ветхозаветных книжников и фарисеев. Нужно заметить, что заблуждение это не исключительное и единичное, а широко распространённое среди сектантства и искренно исповедуемое, и потому, как ни абсурдно подобное суемудрие, – миссии приходится с ним считаться и опровергать²⁷¹. Наиболее обстоятельный разбор сектантских ухищрений против иерархии можно найти в статьях о священстве миссионера о. Кутепова, помещённых в «Мисс. Обзор.», а также в книге о. Ольшевского. В своих безумных речах о таинствах и обрядах Церкви, о св. мощах и святынях сектанты буквально повторяют кощунственные речи гр. Л. Толстого, который (в своих подпольных сочинениях) также всё это обзывает не более как «своекорыстной выдумкой попов». А потому по этим вопросам полезными пособиями будут, кроме известных руководств по обличению сектантства (оо. Троицкого, Стрельбицкого), и статьи о. архим. Антония и сочинения проф. Гусева против гр. Толстого. Обстоятельное изъяснение текста: «дух животворит, плоть не пользует ни мало», на котором молокане и духовная штунда стараются обосновать своё лжеучение о духовном причащении (словом Божиим), можно найти в книге нашего сотрудника С. В. Кохомского (примечание к четвероевангелию). Возражения об искусителе и Иерусалиме, как апокалипсическом Содоме, не

столько серьёзны, сколько любопытны и новы в нашей полемике.

II. Пастыре-миссионерские наблюдения, действия и недоумения. С. 155–159

(Письмо священника, с. Антиповки, Камышинск. у., Саратов. губ.).

М. Г. г. Редактор!

Ознакомившись с вышедшими книжками „Миссионерского Обозрения“, я убедился, что почтенный журнал этот лучший в настоящее время руководитель и союзник православных миссионеров в борьбе с неуклюжим сектантским рационализмом, а потому позвольте поделиться своими пастырскими наблюдениями и попросить разрешить мне некоторые недоразумения из моей миссионерской практики.

Вашему покорному слуге, волей Божией, приходится иметь самое близкое дело с молоканством. По приезде в с. Антиповку, около двух лет тому назад, я был сильно поражён религиозным индифферентизмом и холодностью большинства своих прихожан к православной Церкви. До священства мне пришлось лет семь жить в Саратове, городе, не отличающемся своей религиозностью, приходилось соприкасаться с лицами разных классов, положений и образования, был знаком с лицами, которые к вопросам веры относились безразлично; но такой грубой холодности к Матери – Церкви, признаюсь, даже и там не замечал. При ближайшем знакомстве с своей паствой, я пришёл к заключению, что одной из причин религиозного индифферентизма крестьян нужно считать географическое положение нашего села на берегу Волги, этой артерии всякой цивилизации, вблизи полу-немецкого г. Камышина, а также состав населения. В 18 веке здесь была казачья станица, которая уничтожена правительством за измену престолу во время пугачёвского бунта. После этого погрома и расселения коренного населения по разным местам, здесь всё-таки остались свидетели прежней вольницы; сюда, как в место, богатое и землёю, и другими угодьями, стали стекаться из других мест разные неудачники, искатели лёгкой жизни, и вот из разного сброда выросло настоящее население, чуждое

добрых, местных традиций и устоев. Соседство таких старых молоканских центров, как Быковы хутора, Астраханской губ. и Саломатино, Камышинского уезда, с которыми нашим крестьянам приходится иметь торговые и деловые сношения, имело то пагубное последствие, что сбродное, приходское население, всегда искавшее „лёгкой“ жизни, лет 40 тому назад стало перенимать от них и „лёгкую веру“, и вот теперь в Антиповке до 200 адептов (обоёго пола) молоканской секты и, предполагаю, не менее этого количества заражённых духом этой секты. Молоканство появилось здесь в виде секты „духовных христиан“ и в таком виде оно существовало долго, не раскалываясь и не делясь „на ся“; но лет пять тому назад из них выделились четыре семьи, которые признали необходимым водное крещение и обряд преломления хлеба. У нас они слынут под именем „баптистов“; по мало-опытности своей в миссионерском деле, я не решаюсь их назвать настоящим именем, но судя по некоторым признакам этой секты, каковы: водное крещение в реке в тридцатилетнем возрасте, обряд преломления хлеба, существование у них пресвитера, не охотное исполнение мирских повинностей, крайний прозелитизм и фанатическая нетерпимость к обрядам православной Церкви, – есть основание считать сектантов штундо-баптистами. В пользу этого говорит также то обстоятельство, что на своих собраниях эти сектанты особенно любят распевать песни по сборнику с таким заглавием: „Сборник духовных стихотворений для христиан ев. лютеранского вероисповедания. Севастополь. Типо-лито-графия С. М. Врун. 1892 года. Печать дозволяется. Москва, Евангелическо-лютеранская Консistorия. Мая 3 дня 1892 г. Духовный заседатель, обер-пастор Бекман. Дозволено цензурой. С.-Петербург, 21 мая 1893 г. Издатель Д. Я. А“.

Противоречие в годах: цензурное разрешение 21 мая 1893 г., печать дозволяется от 3 мая 1892 г. и печатано в 1892 г., если здесь нет типографской ошибки, конечно, возбуждает подозрение в возможности цензурного издания в России подобных сборников, содержание которых, при беглом знакомстве во время одной из бесед, показалось мне крайне подозрительным.

Вот с этими то овцами „не двора сего“ и приходится мне, как пастырю словесного стада Христа, иметь дело, – дело трудное и одному в приходе, почти с 6 тысячами населения обоюбого пола, непосильное. Но благодарю Всевышнего, мне на помощь явились трое из православных прихожан, люди довольно знакомые с Словом Божиим, а также с святоотеческими творениями. Из них составила у меня своего рода *миссионерская дружина*, которая имеет целью образовать *кружок ревнителей православия*. Дело миссии мы, обыкновенно, ведём так: помощники собираются у меня, я даю им посильные указания, имеющиеся у меня книги и брошюры противо-сектантского характера и, большей частью, по праздникам они отправляются в места собраний молокан для беседы; в случае недоумения обращаются ко мне. Публичных собеседований в храме с молоканами я ещё не вёл, потому что чувствую себя ещё недостаточно подготовленным к этому. Пока веду чтения в школе с туманными картинками, фонарь для которых любезно мне представило уездное земство; на этих чтениях, кроме обще-просветительных целей, преследуется и миссионерская. Благодаря Богу, нам удалось вразумить и обратить одного баптиста в православие, и есть ещё кандидаты на скорое обращение.

Не могу умолчать о следующем. В Антиповке не редкость встретить в одной семье последователей разных вер: родители – православные, дети – молокане; или мать православная, отец молоканин, дети наполовину баптисты, – наполовину молокане, и т. п. Родители – сектанты, в большинстве случаев, не позволяют своим православным семейным иметь в домах иконы, запрещают им молиться и принимать к себе духовенство с молебнами и другими требами.

Есть в селе две семьи, довольно богатые, которые нанимают себе непременно православных, молодых работников с целью всячески совратить их в свою секту, что иногда им и удаётся. Духовенству бороться с этим злом очень трудно, так как большую часть года они живут по хуторам, далеко от села. Приходилось просить местное начальство, чтобы оно не

позволяло сектантам нанимать православных рабочих, но последнее почему-то уклонилось от этого.

В заключение позволю себе резюмировать следующие, насущные для меня вопросы, предоставляя их на просвещённое разрешение редакции:

1) Как назвать наших сектантов, выделившихся из духовных христиан?

2) Если они штундисты, то следует ли о них донести начальству, в виду того, что секта эта не дозволенная в государстве?

3) Что это за сборник духовных стихотворений?

4) Как поступать в тех случаях, когда родители – сектанты не позволяют исполнять православные обряды своим семейным, при всём желании последних?

5) Есть ли закон, воспрещающий сектантам нанимать православных рабочих? Если нет, как быть в таких случаях?

Священник *Владимир Космолинский*

В последние годы повсеместно замечается настойчивое стремление штундизма проникнуть в среду молоканства. Прозелитизм этой секты, очевидно, не преминул коснуться и ваших палестин, произведши раскол в молоканской Антиповской общине; выделившиеся из последней семьи – *несомненные последователи старо-штундизма*, или иначе штундо-баптистической секты. Донести начальству в установленном порядке, (т. е. своему о. благочинному, а последний сообщит консистории), о проявлении в приходе штундизма необходимо, на тот предмет, чтобы администрация могла принять зависящие меры в отношении штундовых богомоленных собраний, воспрещённых Высочайше утверждённым 4 июня 1894 г. законом, коим секта штунд признана *более вредной*.

Выражение ваше относительно штундовой секты, как *не дозволенной* в государстве, не совсем точно. У нас в сущности все секты – явление не дозволенное в государстве; ибо в законе сказано: «как рождённым в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер, *запрещается отступать от неё и принимать другую веру*, хотя бы христианскую» (ст. 36

уст., о пред. и пресечен. прест.). Но и в тоже время гражданский закон не преследует никого за личные мнения о вере и не карает за отпадение от Церкви и принадлежность к сектам, за исключением одного скопчества, как секты соединённой с свирепым изуверством.

Сборник духовных стихотворений, описанный вами, – есть одна из богослужебных книг штундистов; появился в обращении в последние годы на смену воспрещённого Министерством В. Д. «Голоса веры» (штундовый требник) к обращению. Настоящий сборник представляет своего рода фальсификацию: по содержанию – это тот же «Голос веры», только в других обложках. Согласно правительственному распоряжению, эта книга также подлежит изъятию из употребления.

Закона, воспрещающего сектантам иметь у себя в услужении взрослых православных рабочих, нет; держать же у себя, в качестве служащих или на воспитании и обучении, несовершеннолетних православного исповедания сектанты, согласно циркуляру М. В. Д. (1894 г.), не имеют права, причём на сельских должностных лиц возложено наблюдение за сим; – должны вместе с тем иметь пастырское попечение о сих юных чадах Церкви, в виду представляющейся им опасности совращения в сектантство, и приходские пастыри.

Относительно того как поступать в тех случаях, когда родители – сектанты не позволяют своим православным детям, и вообще семейным исполнять православные обряды и таинства, полагаем, по существу дела и по смыслу относящихся сюда статей закона, надлежит прежде всего принять меры пастырского воздействия на упорствующих родителей – сектантов, внушая последним всю тяжесть ответственности их за нравственное насилие над убеждением и совестью правоверующих детей перед Богом и законом гражданским, причём не лишне будет объяснить и требования закона, о существовании которого в большинстве сектанты и не подозревают, (ст. 190 улож. о наказ.; 17, 19, 36 и 57 уст. о предупреждении и пресечении преступлений против веры). Когда меры пастырского увещания окажутся недействительными, – нужно донести начальству, с

обстоятельным изложением всех обстоятельств дела и ссылкой на свидетелей, могущих подтвердить: как, когда и чем возбраняли родители – сектанты своим семейным исполнять христианский долг в отношении Церкви и таинств. В Киевском окружном суде года три назад слушалось дело по обвинению, на основании 190 ст. улож. о наказ., родителей – сектантов за некрещение своих детей, и суд признал родителей виновными, осудив последних на 8 месяцев в тюрьму. По апелляции обвиняемых Сенат потребовал от суда пересмотра данного дела и доказательств того факта, приводили ли родители своих некрещённых детей вместе с тем и к обрядам и таинствам другого исповедания. За возвращением родителей в лоно Церкви и совершением крещения над детьми дело прекращено.

III. Недоразумение молодого священника в раскольничьем приходе и разъяснение проф. Н. И. Ивановского ²⁷². С. 160–162

(Из письма свящ. с. Стрельны, Мещовск. у., Калужск. губ.).

„В моём приходе, в котором я священствую всего год, есть большая деревня с 3 моленными, из них 2 неокружнические и одна окружническая. Эти раскольники крестят, венчаются и иногда отпеваются у меня, в остальное же время их никогда не залучишь ни для собеседований, ни в храм на богослужение. Для собеседования никого не найдёшь, так как зимой мужчины извозничают в Петербурге, летом же на полевых работах, когда уже им и нам не до собеседований. А женщины, – те никогда не берутся беседовать, боясь своих лже-попов, которые за это на них кладут епитимию. Так вот как мне поступить с этой частью прихожан – староверов, которые крестятся у меня, а в моленных перекрещиваются своими попами, венчаются у меня, а после никогда не ходят в церковь, хотя и дают подписки при браке. У кого ни спрашивал я совета, никто ничего дельного мне не сказал, а потому покорнейше прошу дайте мне указание *практическое*, как поступать священнику в данных недоуменных случаях, и как записывать таковых в метриках: по расколу или православию“?

Священник Б. Пр-кий

Из письма не видится, чтобы моленные, в вашем приходе существующие, были неокружнические и одна окружническая. Не по слухам ли вы о сём узнали? Дело в том, что окружники, равно как и неокружники, имея так называемое австрийское священство, т. е. рукоположенных, хотя и незаконно и властью и церковной, и гражданской не признаваемых, священников, никогда не дозволят своим последователям обращаться с какими бы то ни было требованиями к священнику православному. Из дальнейшей характеристики, вами представленной, нельзя не усматривать, скорее всего, что раскольники вашего прихода согласия беспоповщинского, так называемые, «староспасовцы». Эти сектанты, действительно, крестят своих детей в

православной церкви, в церкви же и брачуют, руководствуясь правилом апостольским, что мирянин не может действовать священная; правило это находится в Кормчей книге. Но два обстоятельства, вами указанные, останавливают сказать сие со всей решительностью. 1-е – Староспасовцы, по указанной выше причине, и общественного богослужения не совершают, значит, и моленных им иметь незачем. 2-е – Староспасовцы, если и крестят детей и брачуются в церкви, то, по их верованию, умереть и быть погребёнными должны уже вне церкви, по своему обряду. По сему отпевать покойника они уже в церковь не понесут; но если, по каким-либо обстоятельствам, они и вынуждены будут сделать это, то постараются, чтобы не был положен венчик и разрешительная молитва; – случалось, что последние они незаметно вытаскивали из гроба при самом погребении, а иногда даже и могилы вырывали. Кроме того, указание на то, что ваши раскольники крестят в церкви, а потом перекрещивают, совершенно уже не вразумительно и не может быть приложено ни к поповцам, ни к Спасовцам. И последние – крещённых в церкви никогда не перекрещивают. Беспоповцы же – перекрещенцы никогда в свою очередь не понесут ребёнка крестить в церковь и никогда не пойдут в церковь брачиться; о погребении уже и говорить нечего. Вообще совместность указанных в письме признаков отнимает всякую возможность дать определённое название вашим раскольникам и указать совет, как с ними поступать, – кроме, конечно, общего совета, всеми мерами стараться теснее сближать их с прав. Церковью. Не можем не усмотреть в письме вашем какого-то крупного недоразумения. Постарайтесь собрать более обстоятельные и, главное, несомненные сведения о ваших сектантах, и снова напишите. Тогда получите более определённый ответ и совет. Главные сведения должны заключаться в следующем: 1-е, кто служит, – поп, или протест, и какие службы совершаются в ваших моленных и 2-е, те раскольники, которые у вас крестят и прочее, но не ходят в церковь, ходят ли в означенные моленные, или просто молятся дома и многих ли вы из таковых похоронить успели? А чтобы вам самим иметь ключ к разъяснению некоторых относительно сектантов недоумений,

возьмите и прочитайте мою историю раскола, а для начала борьбы с ними и обличение, которые можете найти в магазине Тузова. Пока можно дать вам одно указание. Тех, которые в церкви крещены и брачились, записывать «по расколу» нельзя, а которые и погребены, – тем более.

И. Ивановский

IV. Пособия и руководства по обличению лжеучения молокан и субботников или жидовствующих. С. 162–164

(Из письма священ. Самарск. губ., Бузулук. у.).

В вверенном мне приходе существуют сектанты, молокане и субботники, или иначе иудействующие. По долгу пастырской попечительности нужда належит заботиться о вразумлении и спасении и этих заблудших овец моего словесного стада: ибо *не здравии требуют врача, но болящи...* Всеблагий Господь, наш Небесный Пастыреначальник пришёл спасти не праведных, а грешных и всем *хочет спастися и в разум истины прийти*. Как же нам-то, поставленным пасти Церковь Господа Бога, юже стяжал Он кровию Своею, – равнодушно взирать на жалкую участь *сидящих во тьме и сени смертной и влающихся всяким ветром лжеучений!*.. Но вот беда: рвение есть, да средств нет и не знаешь, как и с чем взяться за трудное дело миссионерского уврачевания немощных чад прихода, да и врач-то я ещё молодой и малоопытный в сём великом искусстве... Спешу прибегнуть под опытное руководство вашего „Миссионер. журнала“. Не откажите поруководить и сообщить существующие по обличению лжеучения упомянутых сект пособия и где таковые можно приобрести.

Священник N.

Считаем не лишним предупредить доброго пастыря–корреспондента, что не редко смешивают субботников и жидовствующих в одну секту, между тем субботники далеко не одно и то же, что жидовствующие. Субботство в сущности и не составляет самостоятельной секты: оно есть и в штундизме, и в молоканстве. Содержа основное учение тех коренных сект, среди которых проявилось, субботство содержит, как главный отличительный признак, учение о праздновании субботнего дня вместо воскресного. Существенные признаки секты жидовствующих описаны в 1 янв. кн. «Мис. Обзор.». Для верного уврачевания сектантских немощей своей паствы, начинающему пастырю – врачу, миссионерская методика

рекомендует изучать болезнь и обучаться искусству миссионерского врачевания не по одним только книжкам, но и путём живого, непосредственного наблюдения над состоянием и характером местного сектантства, а для этого не только не следует упускать, но нужно изыскивать всякие поводы и случаи к частным беседам и сношениям с немощствующими чадами приходской паствы, – в духе мира и сострадательной любви к заблудшим. Только этим путём и достигается миссионерская опытность. Каждый окончивший курс семинарии священник владеет таким солидным запасом общих богословских знаний, что и без практической миссионерской подготовки, ничто же сумняся, может сразу же становиться лицом к лицу в ратоборство с самым искусным сектантским со-вопросником, памятуя слова Спасителя: «не заботьтесь, как, или что возглаголете, Дух бо Святой возглаголет»... В миссионерском подвиге главная сила – *ревность. яже по Бозе*. Вот если её нет у пастыря, и он теплохладен к делу миссионерства, тогда сектантские терние и волчцы заполонят его приходскую пажить...

К сведению вашему и прочей миссионерствующей братии сообщаем ниже список существующих в современной полемической литературе изданий по обличению *молоканства* и *секты жидовствующих*, причём книги наиболее полезные напечатаны жирным шрифтом. Приобрести рекомендуемые издания можно в С.-Петербургском книжном магазине Тузова, можно выписывать их и через нашу редакцию²⁷³. Выписывать удобнее наложенным платежом.

Секта молокан.

Арсений, иер. Беседы православного христианина с молоканами о св. иконах. М., 1888. Цена 1 руб. 50 коп.

– Беседы православного христианина с молоканами о храме. Москва, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

– Беседа православного христианина с молоканами на разные их вопросы об иконах чудотворных и явленных, о крестных ходах, и о хоругвях. М., 1886 г. Ц. 7 к.

– На слова Спасителя об истинном поклонении Богу в духе и истине. М., 1888 г. Ц. 7 к.

– Ответы на разные молоканские вопросы об иконах. М., 1886 г. Цена 5 коп.

– **Тексты, для руководства к ведению бесед, о почитании храмов, о почитании св. образов.** М., 1891. Ц. 10 к.

Бобров И., свящ. Беседа священника с наставниками молоканскими о святых иконах с доказательствами из священного Писания. Астрахань, 1883 г. Ц. 10 к.

– *О молоканстве*, – ответ на вопросы православного христианина о молоканском вероучении. Киев, 1891 г. Ц. 50 к.

Высотский А. Записки по обличению молоканства. Симферополь, 1892 г. Ц. 60 к.

Иванов. О некоторых вопросах веры, пререкаемых молоканами и другими сектантами. 1895 г.

Остромысленский Е., прот. Молоканская секта об иконопочитании и иконопоклонении. С.-Петербург, 1888 г. Ц. 20 к.

Секта жидовствующих.

Алексеев А. Очерки домашней и общественной жизни евреев, их верования, богослужение, праздники, обряды, талмуд и кагал. Новгород, 1891 г. Цена 1 руб.

Барбарин В., свящ. Ветхозаветные указания на троичность лиц в Боге. (Против иудействующих и субботников). М., 1890. Ц. 8 к.

Голятовский И. Мессия праведный И. Христос Сын Божий, разговор христианина с евреем. Киев, 1887 г. Ц. 1 руб.

Дейтиш Э. Талмуд, этюд. Перев. А. Ландау. С.-Петербург, 1891 г. Цена 50 коп.

Иосиф, игум. Волоцкий. Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. Казань, 1883 г. Ц. 3 руб.

Э. Я. Миссионерство, секты и раскол //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 165–
180

(Хроника).

Содержание. **Знаменательный ответ Их Величеств на раскольничье приветствие по случаю Священной Коронации.** Закордонный орган русских раскольников и его дерзкие выходки. Новые люди в рядах раскольничьих апологетов и их штундовые претензии. **Новые пути и средства к образовательной подготовке практических деятелей внутренней миссии:** учреждение миссионерской школы в Донской епархии и Тамбовская миссионерско-псаломщическая школа. **Школьное Миссионерство** и преподавание на Нижегородских церковно-учительских курсах сведений по расколу и сектантству. **Миссионерский отдел на всероссийской Нижегородской выставке.** Нижегородские ярмарочные собеседования с раскольниками и сектантами и братские совещания миссионеров. Миссионерские вакансии.

Среди единоверцев и раскольников распространён – большей частью в рукописных копиях – весьма интересный для миссии документ, о котором однако менее всего знают миссионеры; не появлялся он и в нашей печати. Мы имеем в виду последовавший по **Высочайшему** повелению ответ министра проживающему за границей в г. Брайле (в Румынии) обществу старообрядцев, приемлющих, так называемую, белокриницкую иерархию, на посланную последними **Их Величествам** приветственную телеграмму, по случаю Священной Коронации.

Ответ этот составлен в следующих знаменательных выражениях.

«По поводу поступившей на Высочайшее имя **Государя Императора** телеграммы от Браиловского общества старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, с выражением – по случаю Священного Коронования **Их Императорских Величеств** одушевляющих их русских

чувств и молитвенных благожеланий, **Государь Император** Высочайше повелеть соизволил: выразить отправившим эту телеграмму удовольствие за выраженные ими русские чувства. Выражая удовольствие Своё, **Его Императорское Величество** не мог не выразить и сожаления о том, что русские люди не могут доселе присоединиться в молитве ко всему стаду Русской православной Церкви и пребывать в духовном единении и мире со всеми русскими людьми, под руководством законной Российской иерархии, сохраняя все свои святыне от отцов и дедов преданные обряды».

Важный и поучительный ответ этот должен остановить на себе серьёзное внимание как раскольников, так и наших православных расколофилов, усердно в последнее время вдохновлявшихся в своих заботах о расколе не идеями умиротворения и духовного объединения раскола с православной господствующей церковью русской, а «бессмысленными мечтаниями» об упрочении белокриницкой лже-иерархии, путём государственного признания канонических и церковных прав за сектой, которая является во всём расколе самым кичливым и непримиримым врагом господствующей Церкви.

В кратких словах ответа выражены ясно и твёрдо Высочайший взгляд на раскол и Монаршая о нём воля: Государь выражает **сожаление**, что русские люди **доселе**, т. е., не смотря на вековые уроки вразумления, – **не могут присоединиться** в молитве ко всему стаду русской православной Церкви, свято чтимой благочестивейшим Самодержцем, и упорно продолжают коснеть в прежней ненависти к господствующей церкви, и в заблуждениях. Вместе с тем «ответ» является Высочайшим отеческим призывом, обращённым к раскольникам с высоты Царского трона в знаменательные дни церковно-государственных торжеств – **о духовном единении и мире их** со всей семьёй православных русских людей, а, следовательно, и с Державным Отцом этой великой семьи – с благоверным Государем, Который есть первородный сын православной Церкви. Ответ призывает раскольников «к миру и единению со всеми русскими людьми,

под **руководством законной Российской иерархии**, с сохранением всех своих святых, от отцов и дедов преданных обрядов» или иначе – **к единоверию**. Какое по истине трогательное отеческое попечение благочестивейшего Государя о религиозно-заблудших своих детях, – как русских по крови и духу людям! Как живо чувствуется в объявленных расколу мыслях и желаниях возлюбленного нашего Монарха прадедовская попечительность Императора Николая I, особенно близко принимавшего к царственному сердцу своему жалкое положение косневшего в невежественном упорстве раскола, и потому оказывавшего своё мощное покровительство миссии Церкви и, в частности, расцветшему при нём единоверию!

Но поймут ли это современные старообрядцы, способны ли они ныне принять близко к сердцу и восчувствовать это милостивое Царское обращение к ним и высоко-знаменательные слова Высочайшего призыва к миру и единению? Найдутся ли в среде современных расколо-вождей *мужи совета*, подобные приснопамятным деятелям единоверия – прот. Верховскому, иноку Никодиму, Павлу Прусскому и другим, для которых искание «истины и спасения» было прежде всего и выше всего, которые были, действительно, людьми русскими по духу, крови и убеждениям? Вот вопрос. Кто ныне руководит религиозной жизнью и воззрениями раскола? – Швецовы, Мельниковы и им подобная компания современных апологетов – *софистов*, для которых раскол важен и дорог *не седой стариной, не старыми обрядами, а лишь вольностью* в религиозной его жизни, – полной отчуждённостью и независимостью в устройстве церковных дел от правительственной регламентации и государственной опеки. Всматриваясь в прения о вере нынешних апологетов с православными миссионерами, в современные приёмы раскольничьей полемики, и в новые мировоззрения молодых поколений раскола, – знакомясь, наконец, с подпольными раскольничьими тетрадками, в роде «Броня правды», и печатными заграничными памфлетами на православную Церковь, – приходишь к заключению, что обрядоверный раскольник делается прямо-таки штундовым рационалистом.

Так далеко успел зайти прогресс мысли «новых людей» в молодом поколении раскола! Не «сугубая и трегубая аллилуйя» интересует ныне передовых верховодов раскола, не троеперстие, или латинский крыж являются в умопредставлении молодых поколений и новых апологетов главным препятствием к воссоединению с господствующей Церковью, а мнимый «цезаре-папизм никонианства» – благодетельное единение в России Церкви и государства, мощное взаимодействие власти церковной и монархической.... Заговорите наедине, по душе с лже-епископами белокрыницкой иерархии или с миссионерами раскола, почитайте заграничные листки и брошюры раскола об условиях примирения с господствующей Церковью и если вы верный сын своей Церкви и Отечества, то отвернётесь с негодованием от чудовищных претензий верховодов австрийской белокрыницкой секты, которые выступают перед вами уже не в роли угнетённой невинности, а в роли соперника, победу торжествующего и дерзающего диктовать противнику условия мира... Условия эти – упразднение или реорганизация Синодального управления в Российской Церкви, устранение обер-прокурорского посредничества между правящей церковной властью и Монархом, полное разъединение Церкви и государства, епархиальная, общинная, приходская свобода выбора епископов и священников, общинно-бытовое управление делами церкви и целый ряд других претензий, клонящихся к тому, чтобы перевернуть весь существующий строй нашей церковно-общественной жизни и церковно-государственных отношений.

Заметна перемена и в самых приёмах раскольничьей полемики у современных софистов старообрядчества: свои апологии и филиппики они строят уже не на букве и строках старопечатной литературы, а на ухищрениях диалектики и умозрениях рационализма. Это тоже своего рода знамение.

Яркую характеристику «новых людей» в рядах раскола и их воззрений можно встретить в новом закордонном органе русского старообрядчества. Издаётся этот раскольничий журнал с начала текущего года в Румынии, в г. Брайле, под заглавием

«Слово Правды», и, конечно, на деньги раскольников капиталистов, в роде покойного Гусева, – под редакцией некоего Феодора Ефимова, он же и Мельников, – сын Новозыбковского, Черниговской губернии, лже-попа австрийской секты. Пресловутый редактор раскольниковьего журнала представляет собой прототип современного раскольниковьего софиста, у которого нет истины и правды в прениях о вере и нет ничего святого в обращении с печатными источниками и историческими свидетельствами, ни уважения к авторитету и положению лиц, с которыми он говорит: всё дело сводится к словесным ухищрениям, необузданному задору и отуманиванию слушателей. Братья Мельниковы²⁷⁴ в последние годы стяжали себе в расколе широкую известность бойких до дерзости со-вопросников, с которыми не всякий, уважающий своё положение представителя православия, миссионер решается беседовать. Известно, напр., что на беседах в г. Измаиле Мельниковы договорились до столь дерзких ругательств по адресу высокопоставленных особ и царской власти, что прокурор суда вынужден был привлечь наёмных раскольниковьих миссионеров к ответственности. Всякий раз при появлении где-либо опытного миссионера старообрядцы разных мест спешили выписывать для бесед Мельниковых, платя им громадные суммы. В последние годы, однако, Мельниковы присмирели: за ними выявились какие-то тёмные житейские дела, в роде подлога. И вот, спасаясь от кары закона, Ф. Мельников, он же ныне и редактор раскольниковьего «Слова Правды», бежал без паспорта за границу «в Болгарию, а оттуда пробрался в Румынию, где и основал упомянутый орган русского старообрядчества²⁷⁵. За дерзкое и похулительное отношение к Церкви и вредное вообще направление раскольниковий журнал этот запрещён к обращению в России. Но раскольниковьи капиталы всеильны и способны преодолеть всякие препятствия на пути к своему торжеству. Журналом зачитываются и убелённые сединой старцы и особенно модные франты – староверы.

Чтобы судить об органе старообрядчества и о передовых вождах современного раскола, достаточно познакомиться с

одной лишь статьёй «Слова Правды», по поводу упомянутого Высочайшего ответа на коронационное приветствие заграничных старообрядцев. Вместе с тем из этой статьи ясно видно, какого возможно ожидать отношения от нынешних старообрядцев к призыву о мире и единении с господствующею Церковью. Прежде всего статья бестактно озаглавлена: «наша телеграмма». Подчеркнув слова ответа «святые отцов и дедов преданные обряды», писатель раскольничий восклицает: «совершенно верно!» и тут же дерзко вопрошает: «но сколько за эти обряды повешали, пожгли (кто?) невинных жертв»?.. После того извергает целый ряд нестерпимых продерзостей, перед которыми бледнеют штундовые хуления²⁷⁶.

Что сказать по поводу возмутительно дерзкого тона и клеветы раскольничьих писак в статье, напечатанной по поводу такого знаменательного обстоятельства, как высокомилостивый ответ Монарха обществу заграничных старообрядцев? перед такими продерзостями бледнеют штундовые злохуления на Церковь православную. По истине ничего, кажется, не будет уместнее сказать в ответ на выписанную ложь и неправду раскольничьего «Слова Правды», как известное евангельское изречение из нагорной беседы нашего Спасителя (Мф.7:6).

Знают-ли, после этого, наши расколофилы современное прогрессивное направление в старообрядчестве и дух «новых людей»? Не напрасно ли они проливают свои слёзы (крокодила), в защиту мнимо угнетённого раскола? Наш раскол, как изначала, так и доселе остаётся верен себе; как воплощённый протест и оппозиция, – то притихающая, то вздымающаяся, смотря по веянию, – оппозиция против Церкви и Государственной власти, со стороны оторвавшейся от православия народной стихии, в управлении которой должна быть твёрдость и мощь. Сентиментальничающие защитники раскола недостаточно, по-видимому, знают и то, в чьих руках находится религиозно-воспитательное руководство расколом: – всех этих лже-архиереев, попов и наставников, – если играют в пользу закрепощения раскольничьей массы за Белокриницкой лже-иерархией, претендующей на объединение всех толков раскола в одной своей секте. Австрийская лже-

иерархия, – это совершенно невежественная не образованная не только богословски, но и элементарно, не понимающая ни духа Христовой веры, не ведущая ни писания, ни силы его, закостеневшая в фарисейском формализме, и ухищрениях адской злобы и коварства, нравственно разнузданная в своём церковном безвластии стая хищных коршунов, слетевшихся на раскольничий труп. Загляните поглубже в эту не просветную религиозную тьму семейной и общественной раскольничьей жизни, и вы увидите отсутствие всякого религиозного учительства и руководства и в часовне и в доме, пустоту душевную в раскольничьей среде, чёрствость чувств, отсутствие идеалов религиозных, господство материализма, меркантильности, кулачества и проч. многое. Истинные друзья этих русских людей, духовно омертвевших в расколе, никогда не могут пожелать закрепощения массы в его всегдашней слепоте, а, наоборот, всячески должны споспешествовать скорейшему объединению раскола с господствующей православной Церковью. Путь для этого известен: миссионерское вразумление и школьное просвещение молодого поколения.

В заботах о разрешении сложного раскольничьего вопроса не следует увлекаться кривыми и опасными путями, но нужно дружными усилиями всех, кому дорого православие и жалок раскол, – расчищать, углаживать и расширять трудный, но верный, путь организованного миссионерского, просветительного воздействия на тёмную раскольничью среду. Только при силе света и истины и возможны единение и мир православной Церкви с расколом. Измышляемый же расколофилами путь уступок раскольничьей неправде и компромиссов в пользу раскольничьих вождельных никогда не приведёт к цели, а главное – он не достоин святой православной Церкви. Блаженной памяти Император Николай Павлович глубоко постигал своим всепроницающим гением раскольничий вопрос и потому относился с необычайною заботливостью к расширению миссионерской деятельности Церкви и целым рядом государственных мер стремился обеспечить успехи миссии. Для обеспечения успехов

современного миссионерского дела борьбы с расколом и сектами предстоит много ещё сделать: наипаче же всего безотлагательно необходимо усилить состав деятелей миссии, которых слишком ещё мало в каждой епархии, сравнительно с количественным и качественным состоянием раскола и сект в нашей Церкви. Далее, настоятельно требуется поднятие уровня миссионерских знаний не только в приходском пастырстве, но и в прочих членах клира, которые долгом службы обязаны быть ближайшими помощниками своих пастырей в нелёгком подвиге вразумления заблудших членов приходского общества и в охранении верных чад Церкви от приращения к ним сектантских лже-мудрований. В высшей степени полезным представляется также привлечение народной школы к ближайшему и живому участию в деле миссионерского просвещения подрастающих поколений из раскола и сектантства, а также проведение в сознание интеллигентного общества верных сведений и здравых понятий по вопросам о расколе и сектах. Светское общество и газетная пресса слишком мало осведомлены на счёт истинного положения дел в современном расколе и сектантстве и далеки от понимания их сущности, – судят по устарелым сведениям и вдохновляются в своих пристрастных воззрениях и чувствованиях относительно раскола и сектантства на счёт ходячих толков беспочвенного либерализма. В последнее время в удовлетворение указанных нужд миссионерства предпринят целый ряд совершенно новых, полезнейших попыток. Здесь между прочим нужно отметить учреждение в Донской епархии новой епархиальной миссионерской школы, упрочение Тамбовской – миссионерско-псаломщической школы, ознакомление учителей церковно-приходских школ на нижегородских учительских курсах с сведениями по истории и обличению раскола и сектантства, открытие при церковно-школьном отделе Нижегородской всероссийской выставки миссионерского отделения и проч.

Донская епархиальная миссионерская школа открывается, по благословению Св. Синода, на средства епархии, с 1 октября текущего 1896 г. в г. Новочеркасске, с «трёхгодичным курсом, для приготовления молодых людей и лиц зрелого возраста, –

от 22 до 40 лет, к ведению миссионерского дела против старообрядческого раскола и ересей, в пределах Донской епархии, а также для других ревнителей православия, которые пожелают получить познания к изобличению несостоятельности раскола». В новую миссионерскую школу будут приниматься лица всех сословий, не исключая крестьян и казаков Донской области, православного и единоверческого исповедания, по преимуществу из местностей, наиболее заражённых расколом и сектантством. Штат учащихся назначен на первый раз только в количестве 15 человек, из них десять душ будут пользоваться денежным пособием на содержание квартирой и столом, полагая по 12 р. на каждого пансионера ежемесячно в течении учебного года, полагая последний в 7 месяцев²⁷⁷. В школе полагается один класс с трёхгодичным курсом. Окончившие полный курс школы назначаются епархиальным начальством – единоверцы на священно- и церковно-служительские места в единоверческие приходы, а православные – на миссионерские должности в епархии, т. е. на должности самостоятельных миссионеров, или миссионерских помощников. Не получившие же назначения питомцы школы возвращаются к общежитским занятиям, с нравственным обязательством содействовать, по мере своих сил и способностей, рассеянию раскольнических и сектантских заблуждений и утверждению православия. Приём в школу допускается только в начале трёхгодичного курса, и до окончания его никто в школу не принимается. При школе, для ближайшего заведывания ею, состоят: начальник школы, учитель и помощник его. Начальником школы состоит епархиальный миссионер с вознаграждением в 3000 р. сер. Учитель школы назначается епар. архиереем из лиц с высшим богословским образованием, предпочтительно состоящих в священническом сане и известных своей опытностью в ведении беседований с раскольниками и сектантами; жалованья ему – 1,000 руб., если он не будет иметь добавочного вознаграждения из других духовно-учебных заведений епархии или по должности священника. Помощник учителя назначается из окончивших полный курс духовной семинарии, или миссионерской школы, и отличающихся способностями к

ведению миссионерского дела и христианского благочестия; вознаграждения ему – 600 р. в год. Во главе Донской миссионерской школы поставлен, в качестве начальника, известный деятель миссии, епархиальный миссионер, магистр богословия, священник Н. И. Кутепов, автор целого ряда весьма полезных популярных изданий по обличению лжеучений рационалистического сектантства.

Таким образом открывающаяся Донская миссионерская школа по идее и задачам является первой строго организованной попыткой привлечь в ряды практических деятелей миссии лучшие по вере и просвещению силы из народа, в лице ревнителей православия, и в тоже время дать специальное миссионерское образование уже трудящимся на миссионерском поприще так называемым начётчикам. Как известно, и ныне в рядах противораскольничьих миссионеров не мало добросовестных и весьма полезных тружеников главным образом из обратившихся из раскола в православие. Деятели эти, как седмерицей очищенные в горниле сомнений, сердцем и мыслью выстрадавшие истину и правду веры, – имеют одно золотое для миссии качество, – это ревность по обличению и вразумлению своих единокровных заблуждающихся братьев. Но прежде чем стать на высоту миссионерского многотрудного дела миссионеры – простецы путём долгого, тяжёлого труда по самообразованию должны приобретать необходимые сведения, и всё-таки не всегда и не все могут достигнуть потребных сведений по расколоведению и миссионерской методике. Другое дело, когда миссионеру – начётчику придёт здесь на помощь школа, система, направление. Самородки ценны, но в сто крат многоценнее шлифованные бриллианты и алмазы... В противосектантской миссии в рядах трудящихся совсем невидны начётчиков из народа, а между тем здесь эти силы, может быть, даже и более полезны, и уместны, чем в противораскольничьем миссионерстве. Можно надеяться, что хорошо поведённое новое миссионерское учреждение послужит прототипом подобных же школ и в других епархиях, где есть секты и раскол.

Задача Тамбовской миссионерско-псаломщической школы двойная: она имеет в виду подготовить учащихся к псаломщической должности, в тоже время, по прекрасной инициативе местного преосвященного – учредителя, школа эта даёт будущим клирикам потребные знания и по обличению сектантства и раскола. Тамбовское учреждение также в своём роде единственное и в основе его лежит совершенно верная жизненная идея: создать из членов клира способных помощников миссионерствующим пастырям. Известно, что один в поле не воин; а тем паче на поле, поросшем сектанскими терниями, – здесь одному священнику воинствовать и побороть сонмы врагов Церкви слишком затруднительно, притом члены клира по своему положению ближе стоят к народу и потому могут знать своевременно о всех новых веяниях в духовной жизни приходской общины и сообщать о сём приходскому пастырю, как руководителю народа, для принятия соответствующих мер миссионерского воздействия на поколебленных или сомневающихся. Ныне же, когда, кроме пастыря, никто в селе не прилагает близко к сердцу интересов приходской миссии, нередко возможны и такие печальные явления, что штунда успевает укорениться в приходе, а священник и миссионер о ней ещё и не ведают и т. образом первые моменты духовного воздействия бывают упущены бесповоротно. Желательно, чтобы и в других псаломщических школах, по примеру Тамбовской, введено было преподавание миссионерских наук.

Во многих епархиях ежегодно устраиваются в летние месяцы учительские курсы церковного пения и других предметов, но только впервые на нынешних нижегородских курсах, благодаря просвещённой инициативе главного наблюдателя церковных школ империи, известного деятеля по народному образованию В. И. Шемякина, введено было преподавание учителям уроков по расколу и сектантству.

Нижегородские учительские курсы состоялись в две очереди, – в период времени с 10 июня по 12 августа. В первую очередь собраны были учителя и учительницы церковных школ центральных и северных епархий, во вторую – южной России и

северо-западного края. В виду преобладания раскола в первых епархиях признано было наиболее соответственным познакомить школьных деятелей этого района с историей и обличением раскола старообрядчества. Для преподавания сего приглашён был руководителями курсов известный расколовед, проф. Казанск. Акад. Н. И. Ивановский. Познакомив курсистов с общими главнейшими понятиями о том, что такое раскол, секты, миссия, почтенный профессор изложил краткую историю раскола, определил отличительные признаки отдельных его толков и затем указал на главнейшие методические приёмы по обличению раскольничьего суемудрия.

Курсистам второй очереди, подвизающимся на школьном поприще в южной России и северо-западной окраине её, где сектантство успело свить прочные гнёзда, – было признано полезным преподать миссионерские сведения по обличению сектантства, для чего в Нижний Новгород командирован был редактор «Миссионер. Обзор.» В.М. Скворцов. Последним были выяснены задачи школьного миссионерства и изложены методические соображения о требуемых миссией изменениях и дополнениях в школьных уроках по Закону Божию, славянскому чтению и пению: решены вопросы об отношении церковной школы к детям – иноверцам и сектантам, об ограждении детей православных от вредного религиозного влияния первых, о миссионерском воздействии школы на взрослую среду православных жителей прихода и отпавших в секты, об организации школьно-миссионерских чтений и бесед, о необходимости заведения миссионерских библиотечек при школах, об обязанностях учителя в отношении приходской миссии и о предъявляемых миссией требованиях в отношении личного поведения учителей народных школ. В заключительных лекциях В.М. Скворцов познакомил слушателей с краткой историей русского мистического и рационалистического сектантства и с существенными признаками каждой отдельно секты. Лекции, как по расколу, так и по сектантству, вызывали громадный интерес в среде учительского персонала, а также и в местном и приезжем на выставку духовенстве. Аудитория всякий раз была переполнена разнообразными слушателями.

Помимо теоретического ознакомления с миссионерскими сведениями, курсисты второй очереди имели счастливую возможность в тоже время знакомиться с миссионерством и практически, присутствуя на **ярморочных нижегородских собеседованиях** православных миссионеров с раскольниками и сектантами. Такие собеседования производятся здесь ежегодно: ныне они происходили ежедневно в течении всего августа месяца при участии местных и приезжих миссионеров, во главе с проф. Ивановским. Собеседования велись в новом ярморочном Александро-Невском соборе, от 5 ч. вечера и затягивались нередко до позднего часа; и всякий раз они привлекали значительное число слушателей, а также и главнейших раскольничьих со-вопросников, не исключая и известного Швецова. Последний, впрочем, когда был решительно опровергнут проф. Ивановским на двух беседах по вопросу о Церкви и покаянии, перестал являться на публичные прения, а руководил ими закулисно, высылая на состязания своих подручных.

Собравшиеся в Нижний Новгород из разных епархий миссионеры, с благословения преосвященного Владимира, архипастыря в высшей степени отзывчивого к нуждам миссионерского дела, устроили в покоях архиерейского дома братские совещания по разным вопросам внутренней миссии. Миссионерские собрания велись под председательством и руководством почтенного расколоведа профессора Н.И. Ивановского и при деятельном участии В.М. Скворцова, в качестве специалиста по сектоведению. Миссионерские нижегородские совещания благодаря своей жизненной практической постановке, а равно и важности предметов, подлежавших обсуждению миссионеров, заслуживают серьёзного внимания и интереса, и мы считаем полезным на страницах «Мисс. Обзор.» дать об них в следующий раз подробный отчёт²⁷⁸: на совещаниях присутствовало также местное духовенство и некоторые интересующиеся миссией учителя церковных школ.

Живой братский обмен мыслей и миссионерских наблюдений, опытное руководство совещаниями со

стороны почтенного профессора, умудрённого не только наукой, но и многолетними, богатыми опытами практической борьбы с расколом, вызвали в миссионерах горячую признательность преосвященному Владимиру, заботливому попечителю миссионерского дела и профессору Н.И. Ивановскому. Миссионеры вынесли большой запас новых полезных методических указаний и советов и подъём сил и энергии. Желательно учреждение подобных совещаний и в других епархиях.

Тем же целям образовательной подготовки народных учителей и всех других практических деятелей миссии с величайшей пользой послужил и упомянутый **миссионерский отдел на всероссийской Нижегородской выставке**. Отдел этот помещается при церковно-школьном отделении выставки в 3 комнатах верхнего этажа Церкви – школы и включает в себе экспонаты *по инородческой миссии, противо-раскольничьей и противо-сектантской*. В отделении инородческой миссии собрана Московским миссионерским обществом интересная коллекция миссионерских изданий на инородческих языках и многочисленные группы разных фотографических снимков, видов и картин. В противо-раскольничьем отделении выставлены: богатое и многочисленное собрание древних церковно-богослужебных книг, картин и фотографических снимков, служащих к опровержению раскола, полемические и исторические сочинения по расколу. Экспонаты этого отдела принадлежат местному миссионерскому комитету, Московскому братству и Казанской Академии.

В противо-сектантском отделении находятся экспонаты редакции журн. «Миссионерского Обозрения» (миссионерский альбом фотографических карточек типических представителей всех наших сект, коллекция заграничных и русских сектантских изданий, и листов, – собрание противо-сектантских миссионерских изданий и др.), Ставропольского братства и миссионера священника Капралова (по шалопутству), Одесского и Черниговского братства (издания) и друг.

Подробное описание миссионерского отделения выставки дано будет в своё время.

Посетители выставки всех классов охотно посещали миссионерский отдел церковно-школьной выставки, особенно же в те часы и дни, когда в церкви – школе давались объяснения по сектоведению и миссионерству проф. Ивановским и В.М. Скворцовым. В числе слушателей всякий раз не мало бывало и светской молодёжи, бывали здесь сектанты и раскольники. Со стороны любознательных слушателей не раз предлагались лекторам искусовые вопросы и возражения. Выставка безусловно сослужила важную службу в деле пробуждения интереса в обществе к миссионерским вопросам.

Отрадным доказательством пробуждающегося в епархиальных сферах интереса к миссионерскому делу служит, между прочим, открытие, по инициативе архипастырей, на изыскиваемые духовенством епархиальные средства, **новых миссионерских вакансий**; таковые в последнее время открыты в Архангельской губернии – *противо-раскольнического* миссионера, – с жалованьем в 1500 руб. и во Владикавказской – вакансия *противо-сектантского* миссионера, – с жалованьем в 1600 р.

Э. Я.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1896 г.
№ 1–12. С. 180–191**

Козицкий П. [Рец. на:]: Нравственное учение в сочинении Толстого: «Царство Божие внутри вас» перед судом учения христианского. Архимандрита Антония. Казань, 1896 г. in. 8. 66. Цена 20 коп. С. 180–184

Учение графа Л.Н. Толстого о *непротивлении*, составляющее основную канву последнего его произведения «Царство Божие внутри вас», нашло для себя достойного критика в лице ректора Казанской духовной Академии, архимандрита Антония. Вышеназванная брошюра, принадлежащая перу нашего достопочтенного богослова – публициста, всецело посвящена разбору Толстовского принципа непротивления. Брошюра эта, не обширная по объёму, написана мастерски; метко характеризует учение Толстого, как учение – грубо материалистически – пантеистическое, и раскрывает полнейшую его несостоятельность перед судом учения христианского. Это обстоятельство даёт нам право уделить на страницах Миссионерского журнала должное внимание означенной брошюре и познакомить наших читателей с её содержанием.

Сочинение Толстого «Царство Божие внутри вас» раскрывает взгляд грубо-чувственного характера с хилиастическим оттенком на Царство Божие, которое трактуется графом, как *царство земное, внешнее*, заключающееся в известном внешнем устройстве общества (11 стр.). Слова Христа о конце нынешнего века Толстой пре-наивно толкует в смысле гибели государственного устройства и наступления анархии, впрочем не революционной, а фантастически – нравственной; весь смысл мировой жизни заканчивается по нему земной жизнью. Потому нравственное учение Толстого не имеет никакого сходства с учением христианским, как неотторжимо связанное с его философскими понятиями, с так называемым его *религиозным жизнепониманием*, покоящемся на пантеистических устоях, отрицающих бытие личного Бога и личного бессмертия. В силу этого учение Л. Толстого ближе

подходит к учению эгоистических пантеистов и грубых материалистов, чем к учению православной Церкви. Толстой вместе с материалистами, интересующимися миром со стороны его пассивного начала, – т. е., вещества, и вместе с пантеистами, рассматривающими мир со стороны активного начала, т. е. силы, исчерпывающейся в мировой жизни, отыскивает начало управляющее жизнью, каковым и является *закон сострадания* (16 стр.). На этом начале и строится вся мораль Толстого. Его нравоучение, опирающееся на пантеистический и материалистический атеизм, гораздо ниже евангельского и церковного. Превосходство нравственного своего учения перед христианским граф силится обосновать на своём учении о непротивлении злу насиліем, о необходимости безусловного отказа христианина от участия в войне и вообще государственной и тем более церковной жизни (20 стр.).

Кардинальным вопросом в произведении Толстого «Царство Божие внутри вас» является его учение о непротивлении злу насиліем; о нём он на различные лады трактует на протяжении всех почти глав своей книги. Это обстоятельство и вынудило нашего достопочтенного критика специально заняться разбором этого вопроса и предложить читателям разрешение этого Гордиева в Толстовской морали узла. Собственно, Толстой в своём сочинении не даёт надлежащего философского обоснования своей морали и её главного принципа о непротивлении злу, но прибегает к казуистическим софизмам, как напр.: «усмирение злодеев силой – повлечёт гибель мира и добрых»; «признание кого-либо из людей злодеями уничтожает весь смысл христианского учения, по которому все мы равны и братья, как сыны одного Отца небесного»; «нет верного и определённого мерила для отличия злодеев от не злодеев» и т. п. Христианское же нравоучение бесконечно выше Толстовского, ибо требует от человека не внешнего минимума благоповедения, как Толстой с своими пятью заповедями и в особенности – заповедью о непротивлении, а чистоты нравственной, любви внутренней; если и одобряет непротивление насиліем, то лишь такое, которое может уничтожать зло духовной силой; терпит же

противление в том только разе, когда нет возможности преодолеть зло духовной силой и в этом последнем случае понуждает человека с горечью сознавать, что в его подвиге нет чистого добра, а только меньшее в сравнении с непротивлением зло. Потому-то Церковь только терпит войну, как меньшее зло, но не одобряет (25, 29 стр.).

Каковы же, спрашивается, *внутренние и внешние побуждения*, которые автор предлагает своим последователям для укрепления их воли в следовании своим правилам и в частности правилу о непротивлении?

1) *Доводы положительные* или внешние побуждения против насилий и прежде всего убийства – кроются в воззрениях графа на жизнь, как на высшее, безусловное благо, не имеющее ни веса, ни меры, и не могущее быть приравненным ни к какой другой величине; а также и в мыслях его о неизбежности зла и о равных правах всех на блага этой жизни. Жизнь, по Толстому, есть высшее благо и нет другого ещё более высшего блага, ради которого можно было бы жертвовать жизнью ближнего. Такой взгляд на жизнь земную проистекает из отрицания графом загробной жизни. Почему земная жизнь – последняя; задача жизни – наслаждение этой жизнью, ограничиваемое только известными пятью заповедями. Напрашивающийся же вопрос о нравственности Толстым разрешается очень просто. По нему, нравственность только в том и состоит, чтобы наслаждение жизнью было ограничено известными правилами. Высшими целями деятельности у графа являются *наслаждение и страдание*, а не добро и зло. В силу такого воззрения на жизнь наш писатель приходит к такому курьёзному заключению, что будто бы *обязательного для всех определения зла нет и не может быть*. На зло и добро он смотрит с утилитарной точки зрения; зло – это вред, страдание; а добро – счастье, способствующее наслаждению жизнью. Отсюда понятно, что наш писатель, устанавливая такое различие между добром и злом, приходит к следующим ошибочным выводам, сближающим его мораль с грубым материализмом. а) Он ценит поступки не столько по внутренним побуждениям, сколько по последствиям; причём, по его

мнению, случается, что и зло бывает причиной добра, а потому и оно есть добро в своём роде. Определение нравственных понятий у него идёт не изнутри, а извне, что и называется объективацией морали, или отрицанием последней, б) Призывая людей к добру, он опирается на указание их же корыстной пользы от этого обращения и поэтому лишает последнее всякой нравственной ценности (39–43 стр.).

2) *Внутренние побуждения* против насилий заключаются в понятиях или воззрениях Толстого на законы душевной жизни человека. По нему, деятельность человека с необходимостью подчиняется уму; а ум с необходимостью подчиняется истине, заключающейся всецело в учении о непротивлении злу. Следовательно, это учение всецело покоряет всех слушателей. Иначе сказать, отвергая свободу воли или низводя её до нуля, граф настойчиво проводит мысль о безусловном подчинении жизни человека его разуму. Правда, он признаёт *свободу внимания*, т. е. свободу признания или непризнания истин. Это то признание и составляет причину всех явлений жизни человека, оставаясь в тоже время достоянием внутренних свойств человека и не подлежа его наблюдению. Исходя из этого принципа, он и навязывает своим слушателям (точнее – последователям) главное правило своей морали – учение о непротивлении злу, убеждая целым рядом доводов принять его воззрения на данный предмет.

Свой критический разбор учения Толстого о непротивлении злу о. архимандрит Антоний заключает следующей весьма меткой характеристикой Толстовской морали. «Нравоучение Толстого лишено не только всякой психологической убедительности, но, как установившее материалистический взгляд на человеческую душу, оно не имеет и логической возможности воздействовать на ум и волю своих последователей. По своим теоретическим определениям оно, не разграничивая безусловно добра от зла, а определяя эти понятия, как видоизменения выгоды и вреда, не есть учение нравственное, а эвдемоническое, мёртвое» (64 стр.).

К великой чести достопочтенного критика мы должны заметить, что его разбор учения Толстого о непротивлении злу

насилием дышит полным философским спокойствием, христианской снисходительностью и миролюбием и отличается академической серьёзностью, глубиной мыслей и основательностью. Язык по местам несколько сух и тяжеловат, что, впрочем, зависит от богословско-философского характера разбираемого сочинения.

Рассмотренный нами труд о. архимандрита Антония даёт руководительное начало для критики нравственного учения Толстого – с одной стороны, а с другой – весьма удачно и просто разрешает с православной точки зрения вопрос о непротивлении злу насилием; – потому он и заслуживает к себе полного внимания и самого широкого распространения как в нашей интеллигентной среде, нуждающейся в прочных устоях и основоположениях для борьбы с Толстовством, так и среды пастырей, ратоборствующих по долгу своего служения с лжеучениями нашего самозванного проповедника новой веры.

П. Козицкий

Вишневский Н. [Рец. на:]: Открытое письмо к графу Льву Толстому Фридриха Шпильгагена. (Из «Neues Wiener Tageblatt» от 25 декабря 1895 г. № 354). С.-П.-б., 1896. 24 стр. Цена 20 коп. С. 185–187

Ещё один авторитетный и вполне беспристрастный голос раздался в печати против гр. Л. Толстого. Голос этот принадлежит знаменитому немецкому романисту Фридриху Шпильгагену, напечатавшему в конце прошлого года «Открытое письмо к гр. Льву Толстому». Русский перевод этого письма, раньше появившийся на страницах «Русского Вестника» (Апрель, 1896 года), теперь вышел отдельной брошюрой, с содержанием которой мы считаем долгом познакомить наших читателей.

Письмо Шпильгагена вызвано появлением одной русской книги, содержащей в себе трагическую историю молодого школьного учителя Е. Н. Дрожжина, который, всецело проникшись идеями графа Толстого, отказался от отбывания воинской повинности и от повиновения чьей бы то ни было власти, кроме Бога и Сына Его Христа, был за то отправлен в один из дисциплинарных батальонов, где и умер после четырёхлетних тяжёлых лишений. Книга вышла с предисловием самого гр. Толстого, и это-то предисловие собственно и побудило немецкого романиста высказать печатно свои мысли о том положении среди современного общества, какое занял граф в качестве проповедника нового учения, от распространения которого он ожидает наступления царства Божия. Слава великого художника – романиста, говорит Шпильгаген, создала гр. Толстому исключительное положение в русском государстве перед судом не только общественного мнения, но даже и уголовных законов. В этом отношении положение гр. Толстого сходно с положением бывшего железного канцлера Германской империи – кн. Бисмарка. С высоты своего, недоступного для уголовных законов, величия граф может говорить такие слова, «при которых наше лояльное сердце содрогается от ужаса, наше не лояльное сердце трепещет от восторга». Но это

исключительное положение Толстого должно бы налагать на него и великую ответственность перед судом собственной совести за каждую, неосторожно высказанную им мысль. Сам же Толстой пишет в предисловии к книге о Дрожжине: «одно неразумно брошенное слово может для самого лучшего человека послужить источником жесточайших страданий». А между тем что иное, как не слова, неразумно бросаемые самим гр. Толстым, послужили источником страданий для несчастного Дрожжина? Но граф забывает об этом; он упрекает в жестокости царя, министров, прокуроров, тюремных директоров, сторожей и вообще всех, кто так или иначе причастен к страданиям бедного молодого человека, *забывая упомянуть в этом списке самого себя, – главного виновника этих страданий*. Но возмущаясь и негодуя по поводу страданий и смерти Дрожжина, Толстой однако не считает их напрасными или бесполезными: напротив, он видит в них как бы залог дальнейшего распространения его идей, подобно тому как крестная смерть Христа послужила к ещё большему распространению Его учения. На это Шпильгаген справедливо замечает, что Толстой, сам стремясь и других побуждая стремиться к прекрасной в сущности цели, – к утверждению на земле всеобщего мира, – указывает однако ложный путь и не достигающие этой цели средства. Мы все можем видеть хотя медленные, но несомненные успехи мирной идеи среди современных образованных народов Европы. Успехи эти дают нам основание надеяться, что с течением времени мир окончательно (?) восторжествует на земле и мирные отношения прочно и навсегда установятся среди людей. Но чем достигнуты эти успехи? Мирной пропагандой идеи мира – в печати, народных собраниях, парламентах, деятельностью разного рода союзов и обществ мира. А Толстой думает достигнуть торжества идеи мира тем, что приводит в борьбу с крепко установленными государственными формами беспомощных индивидуумов, – борьбу, которая неминуемо ведёт к трагической гибели последних. Что же касается ссылки на пример Спасителя, которым гр. Толстой думает оправдать смерть Дрожжина (точнее: – оправдаться в этой смерти), то граф упускает из виду одно очень существенное различие,

которое делает эту ссылку совершенно неуместной. Несомненно, что Христос Сам умер на кресте: «но я никогда не слышал, замечает не без иронии Шпильгаген, и нигде не читал, чтобы Он для испытания Своего учения предпосылал кого-нибудь другого на Голгофу».

Позволим себе надеяться, что трезвое слово Шпильгагена, пользующегося и среди русской публики довольно широкой популярностью, не останется без некоторого благотворного влияния на рьяных последователей гр. Л. Толстого, из которых многие, к сожалению, действительно готовы отправиться на Голгофу раньше своего учителя, и принести себя в жертву новому *молоху*...

Козицкий П. [Рец. на:]: Религиозные задачи России на Православном Востоке, А. А. Киреева. Москва 1896 г. in. 8°, 31 стр. С. 187–189

Вопрос о религиозных задачах России на Православном Востоке – вопрос, выдвинутый течением исторических событий, поставивших Россию на высоту первенствующей, великой державы, притом державы православной! Кому дороги судьбы православия на Востоке, раздираемом мусульманскими нестроениями и притязаниями национального характера различных народностей, – тот не может не принять близко к сердцу этого назревшего уже и выдвинутого самым положением вещей вопроса. А.А. Киреев, один из плеяды славных наших славянофилов, взял на себя задачу, правильнее сказать – попытку разрешить этот вопрос, и выступил на страницах журнала «Русское Обозрение» со своей статьёй (вышедшей отдельной потом брошюрой) под заглавием «Религиозные задачи России на Православном Востоке». Было бы не малым упущением с нашей стороны, если бы мы прошли молчанием и не познакомили наших читателей с содержанием этой брошюры А.А. Киреева.

Политическое положение вещей на Востоке таково, что рано или поздно должна вспыхнуть война, от исхода которой будет зависеть вся будущность нашей родины, всё её значение, как *носительницы православного культурного начала*. Свойства России – быть церковно-политическим организмом; это ей и даёт мировое – мессианское значение (7 стр.); она, представляя из себя Церковь – Государство, и может осуществить идею Православия, идею Царства Божия на земле. Когда падёт турецкое иго, то неизбежно вспыхнет борьба (на религиозной почве) Востока с Западом. Спрашивается: подготовлены ли мы для этой борьбы – в особенности, если принять во внимание слабость и малочисленность четырёх патриархатов и других автокефальных церквей Востока? А между тем Запад не дремлет. История указывает целый ряд побед его на Востоке: расширение территории Римской церкви

на счёт православной, унии – Лионская, Флорентинская, частые вмешательства пап в дела Востока – красноречивое подтверждение этого печального факта. В настоящем же Рим думает и готовится к этой борьбе, никогда не отказываясь от своей тенденции – подчинить себе Восток. Спрашивается, какие же средства у папы? У него, оказывается, выработана целая система борьбы: у него целый епископат, готовый заполнить собой весь Восток; у него готов целый состав учёных миссионеров; у него готова даже формула унии, требующая лишь признания главенства папы и оставляющая в покое «древние, почтенные обряды»; с папой в союзе и государства Запада, которые смотрят на религию, как на *товар, годный только для экспорта!* Россия, как *часть православного Востока*, почерпающая своё значение лишь в общении со всеми другими – большими и малыми – частями правосл. Церкви, не может остаться равнодушной к своей *этико-религиозной задаче*: она *нравственно* обязана поддержать своих братьев по вере. Стремление к объединению более или менее однородных религиозных единиц теперь выдвигается настойчиво и решительно. Роль России в этом случае, как первенствующей православной державы, должна быть мессианская!

Что же нам делать для выполнения предлежащей нам задачи на православном Востоке? Во 1-х, нам нужно хорошенько понять, что нам предстоит тяжёлая и упорная борьба с могущественным врагом (Римом). Во 2-х, нам необходимо приступить к изучению Православного Востока, познакомиться с его силами и взвесить, насколько он сам, без посторонней помощи, способен к сопротивлению? Для сего нам необходимо, по образцу Рима, иметь совершенно свободных от посторонних занятий учёных агентов для изучения Востока и доставления нам необходимых сведений. Наконец, нам необходимо объединиться и столкнуться, что мы должны защищать. Вопрос об объединении у себя, дома, настоятельно выдвигается, так как у нас, православных, существует разномыслие по многим вопросам. Вот факты из области чисто практической. Мы и патриархаты восточные присоединяем

католиков различно, стало быть и смотрим на них различно; для Греков они – еретики, не крещённые. Также вопрос о разводе у нас и у Греков обставляется в различной степени трудностями. Не менее важны разномыслия в разных православных государствах в понимании отношений между Церковью и мирской властью. Разногласия встречаются и в канонической области: некоторые из канонов практикой отменены, а есть каноны, стеснительные для совести христианина. Все эти разномыслия, нарушающие единство и устойчивость на Востоке, должны быть устранены авторитетом всех православных церквей, т. е. Вселенским Собором. Необходимость Вселенского Собора ясно признана как самой Церковью, так и миром. Только Собор Вселенский удовлетворительно и авторитетно решит распри в церкви, известные под именем «русского раскола», «болгарского раскола», и вопросы: армянский, абиссинский и коптский. Только он один может издать обязательный катехизис православной веры и сборник обязательных канонических правил.

Допустим, что умиротворение Церкви внутри состоялось: Вселенский Собор своим авторитетом разрешил все разномыслия и сделал нас солидарными; допустим, что мы приготовились к борьбе со врагом православия – будем ли мы *в состоянии выполнить свою задачу на Востоке?* Этого мало. Для успешного разрешения нашей задачи на Востоке нужно ещё, чтобы мы были *до мозга костей* проникнуты уверенностью в правоте и святости нашего дела. Когда мы будем ставить интересы Церкви выше всех остальных, когда мы будем *истинными православными*, тогда мы и выполним успешно свой долг, а Россия – разрешит свои высокие и святые задачи на православном Востоке (31 стр.)!

Изложенное нами содержание брошюры А.А. Киреева, написанной языком простым и в то же время увлекательным, говорит за то, что мысли почтенного нашего славянофила близки сердцу истинно русского православного человека, заслуживают полного к себе внимания и достойны практического осуществления. Пожелаем же самого широкого

распространения в интеллигентной нашей среде идей А.А. Киреева.

П. Козицкий

И. [Рец. на:]: Секты и вероучения в Соединенных Штатах Северной Америки, С.-Петербург. 1896 г. Цепя 1 р. (Продаётся в Синодальных книжных лавках). С. 190–191

Под таким названием вышла недавно в свет книжка, трактующая исключительно о сектах и вероучениях в Соединённых Штатах Северн. Америки. Как и следовало ожидать, в стране, где принцип свободы в религиозной сфере отождествляется, с одной стороны с принципом полнейшего безразличия вероисповедного, а с другой – свободы пропаганды всякого лже-мудрия религиозного, нашли себе не только приют, но и обильную почву всевозможного рода вероучения и секты с различными их разветвлениями. Достаточно взглянуть на оглавление рассматриваемой нами книги, чтобы убедиться в справедливости высказанного выше положения: там насчитывается да сорока названий различных сект. Заслуживает нашего внимания тот факт, что сектантство в Североамериканских Соединённых Штатах, вступив на путь свободного развития и свободного отношения (в деле понимания) к Слову Божию, вместе с количественным ростом дробится до бесконечности на бесчисленные под-секты и общества, чем в значительной степени и ослабляется сила самого сектантства. Достаточно упомянуть, что баптисты, – одна из многочисленных сект, дробятся на одиннадцать под-сект; менониты – на двенадцать: методисты – на одиннадцать и т. д. Вследствие такого дробления сект на отдельные под-секты и общины численность некоторых из них доведена до полнейшего ничтожества; так: «Новое Икарийское Общество» насчитывает в своих рядах только 21 член; общество «Адонаи Шамо» – 20 членов (63–64 стр.).

Рассматриваемый нами труд представляет интересную картину религиозной жизни Североамериканских Соединённых Штатов, нашедшей себе выражение в различного рода типах сектантства, и даёт довольно обстоятельные характеристики каждой из сект с кратким указанием отличительных черт их

вероучения, строя их церковной жизни, нравственности, отчасти даже и быта. Не безынтересен тот факт, что некоторые сектантские общины в вероисповедном отношении дошли до такого полнейшего свободомыслия, что отвергли даже необходимость символов веры (54, 61, 79, 88 стр.); у некоторых совершенно отсутствуют определённо-установленные церковно-богослужебные обряды, богослужебные чины и те или другие церковного характера церемонии (56, 63, 79 стр.). Некоторые же из сект, вопреки прямому и ясному указанию Свящ. Писания (1Кор.14:34,35), допускают участие женщин как в совершении богослужения, так и в проповедании, при богослужении, слова Божия (25, 57; 61, 72, 79, 132, 148 стр.). Факты эти весьма поучительны; они красноречиво показывают, к каким печальным результатам может привести крайнее свободомыслие в деле веры!.. Не можем не отметить того отрадного факта, что мормонство, это уродливое явление на почве христианства, начинает понемногу отрезвляться: некоторые из его разветвлений отрицают многожёнство, называя его *мерзостью* (87, 91 стр.).

Но свободомыслие на религиозной почве в Североамериканских Соединённых Штатах пошло ещё дальше: оно задалось целью низвести религию с неба на землю: образовалось «общество для этической культуры» и провозгласило «новую религию нравственности», религию, «в которой Бог – Добро, Церковь – вселенная, небо её – здесь, на земле, а не в облаках» (144 стр.). Правда, общество это малочисленно – оно насчитывает в своих рядах только 1064 члена; но дело не в цифре; дело в том, что подобные суемудрия – печальное знамение нашего времени.

Рассмотренная нами книжка должна быть безусловно полезна для интересующихся сектантством и необходима для наших миссионеров: в отделе, где изложена история баптизма и менонитства, они найдут себе объяснение многих сторон в учении и жизни нашей штунды и других сект, сродных с заграничными сектами, которые стараются поддерживать общение с нашим сектантством и влиять на него. Своим появлением в свет книжка эта обязана просвещённой

инициативе г. Обер-Прокурора Св. Синода и издана в Синодальной типографии. Внешняя сторона издания, как и все издания Синодальной типографии, не оставляет желать ничего лучшего.

**Известия // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–
12. С. 192–208**

**Скворцов В. М. Царское паломничество Их
Императорских Величеств на поклонение вековым
Святыням Киева. С. 192–207**

(Впечатления и наблюдения очевидца).

Мать градов русских, как известно, в истекшем августе удостоилась счастья сретать у своих вековых святынь Богом венчанных Царя и Царицу, поспешивших, по возложении на себя царской короны, в древний священный град на поклонение нетленным мощам сонма Святых Печерских Угодников Божиих.

Телеграф и периодическая пресса тогда же поведали миру, во всех подробностях, о киевских торжествах, которые, при своей величавой внешней красоте, являются по внутреннему смыслу и значению глубоко знаменательным церковно-общественным событием. Отмечаем на страницах Миссионерского журнала в совершившихся Киевских празднествах те дорогие для миссионерства стороны, которые ещё раз явили собой, воочию всех, новые трогательно-вразумительные уроки глубокой веры и непоколебимой преданности Помазанника Божия Отечественной Церкви и пример благоговейного почитания Монархом дорогих сердцу каждого верующего русского человека заветных святынь родного православия. –

И действительно, и цель путешествия Царственной Четы в Киев, вхождение и исхождение, и всё проведённое здесь Их Императорскими Величествами время были посвящены по преимуществу святым религиозным интересам, проникнуты и объаты обильной молитвой и благословениями Церкви... Все дни пребывания в Киеве (с 19–23 августа) Благочестивейшего Государя – и Благоверной Государыни, были, поистине молитвенным подвигом служения Царя земного Царю царствующих, дивному во святых Своих, Господу Богу.

Вся верующая Русь с умилением взирала на сей торжественный подвиг веры и благочестия Царственных Паломников. Не могли пройти киевские торжества без нравственно-вразумляющего и отрезвляющего воздействия и на

тех, кто оторвавшись от почвы родного православия, питается несбыточными вожделениями о возможности насаждения на православной Руси американской свободы религиозных сект.

Их Императорские Величества изволили прибыть в Киев 19 августа в 10 ч. утра. День был будний, но уже накануне город принял праздничный вид. Природная краса помолодевшего в последние годы Киева в сочетании с художеством декоративного искусства производили чарующее впечатление. Ещё с раннего утра местное и пришлое население было всё на ногах и густой толпой запрудило улицы по пути следования обожаемой Царской Четы. Пушечный салют и удар колокола с колокольни св. Софии разнесли по стогнам и перекрёсткам древне-стольного града радостную весть о благополучном прибытии в Киев Их Величеств. Всё вмиг оживилось и воспрянуло духом. После почётной встречи на вокзале, где городской голова, профессор духовной академии С. М. Сольский, приветствуя Царственных Гостей «с въездом в город, который был первой колыбелью самобытной жизни русского народа», поднёс по русскому обычаю Их Величествам хлеб-соль на драгоценном блюде.

С вокзала Царственные Путешественники, в сопровождении Великих князей Владимира Александровича, с августейшей супругой Марией Павловной, и Михаила Николаевича, генералитета, министров и представителей власти, изволили прямо отправиться на поклонение святыням древнейшего храма Св. Софии – Премудрости Божией. Здесь ожидали Монарха киевский митрополит с тремя архиереями, четырьмя архимандритами и тридцатью священниками в золотых ризах, с крестами и хоругвями. Митрополит Иоанникий был в том самом облачении, в котором он находился в Успенском соборе, во время венчания на Царство Императора Николая Александровича. Раскаты «ура» возвестили о приближении к собору Их Императорских Величеств. Звон умолк и певчие запели тропарь «Спаси Господи». Подойдя к паперти Царь, Царица, Великая Княгиня и Князья приложились к Св. Кресту, были окроплены св. водой и приняли благословение от киевского первосвященника, причём Их Величества и Их

Высочества поцеловали руку первосвященника киевского, при взаимном, по обычаю, целовании Архипастырем рук Высочайших особ. После того М. Иоанникий приветствовал Их Величества красноречивым прочувствованным словом, в заключении которого сказал: «с сердечной радостью сретая Тебя, благочестивейший Государь, поспешившего, по возложении на себя Царского венца, осчастливить нас Своим посещением и поклониться древнейшей Святыне нашей, дерзаем надеяться, что под Твоим мудрым водительством град наш достигнет развития, подобающего ему как древнейшему из градов Русских. Из глубины сердца возносим молитвы ко Всевышнему, да благословит Он вождьленным успехом все благие предначертания Твои ко благу народа Твоего и сохранит вхождение и исхождение Твоё в мире от нас. Благословен грядый во имя Господне»!

После этого Их Величества, предшествуемые митрополитом с крестом в руках и всем духовенством, вошли в собор и стали у южного столба. По окончании краткого молебствия, обычного многолетия, Их Величества приложились ко кресту, прошли в Архангельский придел, где поклонились мощам святого митрополита Макария и выслушали от владыки Иоанникия биографические сведения об этом святителе. Отсюда Царь и Царица проследовали в левый придел храма, где прикладывались к частицам мощей печерских чудотворцев и осматривали гробницу князя Ярослава Мудрого. Возвратясь в главный храм, Их Величества рассматривали древнюю мозаику, сохранившуюся в алтаре собора и на столбах его. Владыка – митрополит здесь поднёс Государю икону Христа Спасителя, а Государыне икону Богоматери «Нерушимая Стена». Проследовании из собора, дети церковных школ и приютов числом до 400, усыпали путь Их Величеств цветами, причём одна из учениц церковных школ удостоилась поднести её Величеству букет цветов.

Предполагалось, что Высочайшее посещение Лавры состоится в один из следующих по приезде дней. Но ещё накануне, по Высочайшему повелению, последовало радостное для Киево-Печерской Обители сообщение, что Их Величества,

по примеру Своих благочестивейших Венценосных предков, по прибытии в Киев изволят из Софийского собора проследовать на поклонение святыням Киево-Печерской Обители... В 12 часов дня того же 19 сентября Киево-Печерская Обитель имела счастье радостно сретать под священной своей сенью Царственных Паломников. Их Величества изволили прибыть в Лавру, в сопровождении Великих Княгини и Князей, свиты и высших придворных, военных и гражданских чинов.

На пути в Лавру из Никольского монастыря в сретение Их Величеств вышел крестный ход: во главе братии при древнейшей Обители находился преосвященный Сергей, настоятель монастыря, а из Николаевского военного собора – местное духовенство. Тихо проследовав близ упомянутых храмов во имя св. Николая, Государь и Государыня благоговейно осеняли Себя крестным знамением, настоятели же благословляли Царственных Путников животворящим Крестом Господним. У св. ворот Лавры Их Величеств встретил владыка – митрополит и старшая братия монастыря во главе с о. наместн., архим. Антонием. На всём протяжении от св. врат до великой Церкви путь был устлан красным сукном, а по бокам стояли плотной стеной сотни иноков в мантиях и рясах, в ограде же находилось множество богомольцев. С лаврской колокольни раздавался торжественный – красный звон.

После обычной встречи, Их Величества, в предшествовании крестного хода и высокопреосвященного митрополита, изволили проследовать в «дом Успения Богоматери» – в великую лаврскую Церковь. Звон умолк и раздалось мелодичное Киевского распева пение иноками – певцами и стоявшими на пути – тропаря Успению Богоматери. Стоявшие черноризцы воздали по монашескому обычаю Царю и Царице низкий поклон. Их Величества милостиво отвечали на приветствие братии. Храм был убран зеленью и залит морем огней и фимиама: по совершении обычного краткого молебствия, лаврский протодиакон громогласно провозгласил обычное многолетие. В это время тихо и медленно спускалась перед царскими вратами чудотворная икона Успения Божией Матери. Певчие запели тропарь, Государь и Государыня взошли на

амвон. Его Величество первый преклонил колена перед св. иконой и, сотворив поклон до самой земли, затем благоговейно приложился и снова сотворил земное поклонение перед образом Успения Богоматери. Вслед за Государем и её Величество, набожно осенив себя истовым православным русским крестом, также преклонила колена, облобызала св. икону и паки сотворила земное поклонение; а за Государыней тем же порядком приложились к чудотворному образу и все прочие Высочайшие особы, царедворцы и сановники. Затем, в предшестве владыки – митрополита, Их Величества изволили проследовать к раке св. мощей первого митрополита Киевского Михаила и Князя Владимира. И здесь Их Величества, как истые русские православные люди, творили перед гробницами святыми земное поклонение и давали царственными Своими устами благоговейное лобзание нетленным св. мощам и снова земно молились. Из Церкви Их Величества «со славой» проследовали в покои митрополита. Пока первосвященник разоблачался в своей домово́й церкви, Государь, Государыня и прочие Высочайшие особы изволили рассматривать развешенные по стенам зала рисунки и эскизы художника Верещагина по иконописи и орнаментике, реставрируемой Лаврской Успенской Церкви. С прибытием архипастыря хозяина, Их Величествам и Высочествам, и прочим особам подан был чай, а также славящиеся на всю Россию, лаврского приготовления пиво и мёд, и шампанское. Их Величества изволили откусать чаю и пить шампанского, милостиво пожелав Владыке – хозяину здравия. перед выходом из покоев священник – благословил Государя Императора образом Спасителя, Государыню Императрицу – Божией Матери и св. Угодников Антония и Феодосия, печерских чудотворцев, Великого Князя – иконой св. благоверного князя Владимира, Великую Княгиню Марью Павловну – Иверской Божией Матери, здесь же поднесены были большие лаврские просфоры с вынутыми о здравии Августейших Паломников частицами. Милостиво приняв подношения, Царь, Царица и Князь, царедворцы и сановники, в сопровождении митрополита, о. наместника и старших архимандритов, изволили отправиться

пешком на поклонение св. Угодникам, нетленно почивающим в Киевских пещерах, что внизу, за лаврскими стенами, по направлению к Днепру. Проходя около великой церкви Государь Император изволил обратить внимание на надгробные надписи при могилах Искры и Кочубея. Как знают поклонники Киево-Печерской Обители, ведущий в пещеры путь не близок и не лёгок. Нужно сначала круто спускаться вниз по устланному крупным булыжником и плитами подворью и переулку, а затем идти садом, где дорога часто падает крутыми уступами или же лестницей, спускающеюся вниз на тысячи ступеней. Царственных Паломников Владыка повёл через сад. Погода стояла тихая и крайне душная, и жаркая. Взирая на смирение и труд, ради благочестия подъятый Царём и Царицей, трудно было верующему человеку удержаться от слёз!..

При входе в пещеры, митрополит подал Их Величествам и Их Высочествам большие зажжённые свечи: благоговейно перекрестившись, Царственные Паломники, в предшестве митрополита через узкий пещерный проход спустились вниз в тёмное подземелье к гробницам нетленно почивающих угодников. Обходя св. гробницы, Их Величества воздавали святым мощам благоговейное поклонение и лобзание, посетили пещерные храмы св. Антония и Введения во Храм Пресвятой Богородицы. объяснения о жизни, подвигах и чудотворениях святых угодников печерских давал Владыка – митрополит. Царственные Поклонники пробыли довольно времени в пещерах. её Величество впервые изволила созерцать тот беспримерный, неподобный чудесно-благодатный мир, какой представляют собой Киевские пещеры с множеством св. гробниц нетленно почивающих чудотворцев печерских. С следами глубокого душевного волнения и благоговейного умиления, изволила молодая Царица выйти из пещеры. Побеседовав с высокопреосвященным митрополитом, Их Величества отбыли из Лавры во 2 часу дня, при звоне колоколов и народных кликах, во дворец.

В 2 ½ часа Государь Император изволил принимать представителей местного и прибывшего на торжество духовенства, во главе с архипастырями епархий юго-западного

края, причём архиепископ Волынский имел счастье поднести Его Величеству икону Почаевской Божией Матери. При приёме духовных особ Государь Император, по исконному православному обычаю, принимал от последних благословение с неизменным взаимолобзанием рук. Какой прекрасный урок назидания преподаёт почтительное отношение Государя к православному духовенству нашей полу-интеллигенции, которая стыдится не только облобызать руку своего духовного отца, но и принять благословение от служителя алтаря Господня!..

Первый день Своего пребывания в Киеве Их Величества молитвой начали, молитвой и закончили: В 7 ч. Государь и Государыня с Августейшими особами отправились на вокзал на панихиду, которая была совершена по Высочайшему распоряжению у гроба внезапно в царском поезде почившего верного слуги Царя и Отечества, министра иностранных дел князя Лобанова-Ростовского. На гроб почившего князя были возложены от Их Величеств венки из живых цветов.

Второй день Своего пребывания в Киеве – 20 августа, Их Величества и Их Высочества изволили посвятить участию в знаменательном торжестве *освящения нового соборного храма св. Владимира*, который предназначен служить в роды родов памятником Просветителю России, благоверному Равноапостольному Князю Владимиру. И действительно, новый собор св. Владимира представляет собой великолепное монументальное сооружение, которое должно занять в христианском зодчестве первое место по живописи и орнаментации, не в одной только России. Своим созданием этот памятник – храм обязан благочестивой инициативе митр. Киевского Филарета просвещённому покровительству блаженной памяти благочестивейших Государей Николая I, Александра II и Александра III; закладка храма состоялась в 1862 г. Величественный со вне и поразительный по своей художественной прелести внутри, храм св. Владимира о семи куполах, стоит на высоком месте и виден повсюду в общей панораме Киева. В живописных работах принимали участие

знаменитейшие художники русские, во главе с В. М. Васнецовым.

Накануне дня освящения, 19 августа, совершена была архиерейским служением всенощная, в присутствии г. Обер-Прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева, храм наполняли толпы молящегося народа, который теперь впервые допущен был сюда.

Утром 20 августа около 8 часов раздался благовест и мелодичный гармонический перезвон от новых колоколов собора св. Владимира, уставленных по камертонной системе прот. Израилева. В соборе совершено было освящение воды. С раннего утра народные массы заняли вокруг собора лежащие площадь, улицы и переулки. Войска стали шпалерами от дворца до собора. С 8 часов по улицам города стройной, золотой лентой потянулись к Софийскому собору из Лавры, Никольской обители, Братского монастыря и из церквей всего старого города многочисленные крестные ходы.

В 9 часов началось облачение митрополита и прибывших иерархов епархий юго-западного края, Ставропольской и Воронежской, и чтение часов. Под сводами величественного Храма собралось всё высшее общество и представительство всех сословий и учреждений не только Киева, но и целого края.

Из Софийского собора грандиозный крестный ход, в коем участвовало более 300 священно-церковно-служителей в парчовых золотых ризах, имея во главе 6 архиереев, тронулся по Большой Владимирской улице к собору св. Владимира и занял место вокруг всего храма, близ помоста, по которому имели следовать духовная процессия и Их Величества, при обхождении вокруг ново-освящённого храма с св. мощами. Стройное шествие крестного хода представляло собой чудную, величественную картину. В 10 ч. прибыли Их Величества, а несколько ранее – Их Высочества. Государя Императора и Государыню Императрицу встретил на паперти собора высокопреосвященный митрополит с сослужащим духовенством. Их Величества приложились к кресту и приняли окропление св. водой. По прибытии Их Величеств знамёна и штандарты внесены были в ограду собора и заняли место в

крестном ходе рядом с свящ. хоругвями. Знамя воинствующей Церкви и знамёна победоносного христолюбивого воинства стали здесь на мирном празднике веры и Церкви рядом, как два верных стража Православия и Отчизны. Митрополит и духовенство надели белые запоны (передники) и вошли в алтарь; одновременно проследовали в алтарь Их Величества и Высочайшие особы и сановники. Началось освящение престола по чину. Их Величества заняли правую сторону алтаря и внимательно созерцали совершавшийся обряд. Государь изволил взять в руки требник и по нему вместе с её Величеством следили за подробностями священнодействий и молитвословий чина освящения храмов. Государыня изволила внимательно рассматривать чудную стенную алтарную живопись. По окончании освящения собора Их Величества проследовали в диаконник, где находится жертвенник, для осмотра живописи. На освящённый кипарисный престол надето было духовенством серебряно-вызолоченное облачение, весом до 5 пудов, украшенное иконными изображениями, чеканной работы, в древне-византийском стиле, и соответственную надпись. Одежда эта дар Киевского щедрого благотворителя Н. А. Терещенко.

По освящении престола митрополит окадил его и церковь в предшестве протодиакона с не возожжённой свечой. В храме только перед дискосом с мощами горела свеча. Архимандриты следовали за Владыкой: один окроплял святой водой стены, другой начертывал святым миром кресты на четырёх стенах храма.

После каждения и миропомазания митрополит, по молитве, возжёт из поданного ему кадила свечу и водрузил её на подсвечник на горнем месте перед ликом Господа Саваофа. Тотчас же зажгли в церкви свечи и паникадила, и богомольцы зажгли свечи в руках, а митрополит, выйдя из алтаря, принял, после молитвы, на главу свою дискос с мощами – и духовная процессия пошла вокруг храма. Снова звонили колокола, музыка играла «Коль славен». Духовенство вышло из храма и стало кругом него на обитом красным сукном помосте по причтам: псаломщик, диакон и священник. Между ними –

хоругви, в числе 40, окружили собор, из которого, в предшествии настоятеля, протоиерея И. Королькова, окроплявшего св. водой стены храма, вышел соборный крестный ход. За певчими, одетыми в синие кафтаны, следовали священники, иеромонахи и протоиереи с иконами, 8 архимандритов, преосвященные архиереи; диакон и протодиакон с свечою и кадилом предшествуют митрополиту, окружённому знаками своего достоинства и несущему на главе св. мощи. Торжественно обходит процессия вокруг храма. За митрополитом шествуют Государь и Государыня, великие князья и Великая Княгиня, и весь сонм придворных. Во время крестного хода, стоявшие диаконы кадили несомую святыню, иконы и мощи, а священники осеняли крестом Государя Императора. причём трезвонили колокола и раздавался салют орудий. Обойдя кругом и став на асфальтовой площадке перед запертыми западными воротами, митрополит трижды возгласил: «возмите врата князи ваша... и внидет Царь славы». Изнутри собора оставшиеся там певчие поют: «Кто есть сей Царь славы»? По совершении молитвы митрополит снова возглашает: «Господь сил – Той есть Царь славы», и двери отверзаются, митрополит входит в собор.

Певчие концертом громогласно повторяют: «Господь сил, Той есть Царь славы». За митрополитом вошли в церковь Их Величества, а потом архиереи, архимандриты.

Митрополит в храме осенил и окропил на все четыре стороны молящихся, затем протодиаконом провозглашено Царское многолетие и вечная память Императорам: Николаю I, Александру II и Александру III. Их Величества опустились на колени, а также и все присутствовавшие. Момент был глубоко трогательный. Всем живо почувствовалась недавняя ещё утрата и отсутствие Того, Кто так близко к Своему царственному сердцу принимал дело скорейшего и наисовершеннейшего создания этого величественного Храма – Памятника. После тихой заупокойной молитвы, вновь раздалось громогласное «многолетие» – христолюбивому воинству и всем православным христианам и послышался звон колоколов и перебаты салютационной пальбы из пушек, возвещавшей

киевлянам о совершившемся наконец-то, радостном для верующих людей, событии.

Вслед за освящением храма, совершена была высокопреосвященным митрополитом первая в новом соборе божественная литургия. Величественно было это богослужение, при могучем пении четырёх хоров поющих, при замечательном резонансе! Очи всех присутствующих, после Бога, обращены были на молящуюся Царственную Чету, которая заняла место около южных колонн собора. Нельзя было без умиления и глубокого назидания созерцать воистину истовое православно-христианское сохранение и исполнение Царём и Царицей всех, требуемых от мирян богослужебных установлений и обычаев, о которых так часто мы, простые смертные, небрежём, стоя во храме Божиим... Вот протодиакон возглашает ектеньи: Их Величества, смотря по важности прошений, каждый раз осеняют себя крестом и молятся; слышится ектенья: «о благочестивейшем Государе Императоре Николае Александровиче» – осеняет себя в этот момент крестным знамением – Государыня Императрица; – диакон продолжает – «о благочестивейшей Государыне Александре Феодоровне» – тогда осеняет себя Государь и молится, – заканчивает протодиакон прошение – «Матери Их Императрице Марии Феодоровне, о Наследнике» ... – Государь и Государыня – оба совершают крестное знамение и поклонение... Итак на всех ектеньях. Вот достойный пример и урок воспитания в детях и школьниках такого благоговейного чувства и благочестивого навыка при молитве за Царя и Царствующий дом. Поётся далее «Херувимская песнь» – её Величество опускается на колена; приблизился великий момент совершения Св. Даров, поётся «Тебе поем», следует «молитва Господня», – Их Величества и Высочайшие особы в эти священные минуты преклоняют колена и усердно молятся.

Богослужение окончилось в час дня. Приложившись к Св. Кресту и приняв просфоры, Их Величества, сопровождаемые до паперти митрополитом, вышли из собора и отбыли во дворец, при радостных кликах «ура» со стороны сотен тысяч народа и войска. Порядок был образцовый. Погода стояла чудная, как в

этот благознаменитый день, так и во всё время пребывания в Киеве Царственных Паломников. Само небо видимо благословляло святой подвиг веры благочестивой Царской Четы.

21 августа совершилось в присутствии Их Величеств два церковных торжества: утром в 10 часов – закладка и освящение начала работ соборного храма в Покровском женском монастыре, а в 3 часа – дня освящение и открытие памятника Императору Николаю I.

Киево Покровский общежительный женский монастырь основан и около 10 лет назад устроен иждивением и попечением её Императорского Высочества Великой Княгини Александры Петровны. Монастырь находится в прекрасной местности, и всё в нём, начиная с красоты и полноты церковного богослужения и благолепия храмов, ведётся с таким тщанием, что невольно привлекает и располагает к новой обители благочестивых паломников. Обитель эта является поистине тихим пристанищем для отрёкшихся от мирской суеты инокинь, где нашли себе радушный приют и соответствующее выражение изящества, художественный замысел и неподдельная, высокая и ценная по своей простоте, красота природы, дополненная и сконцентрированная человеческим умом и чувством любви к дарам и созданиям мёртвой материи. Число инокинь и послушниц, желающих поселиться в этой обители, с каждым годом растёт. Значительно увеличивается и наплыв богомольцев, которые, придя на поклонение киевским святыням, считают своим священным долгом помолиться в «Княгининном монастыре» (так зовёт народ Покровский общежительный монастырь). Существующий храм оказался тесным и потребность в устройстве нового, более просторного, с каждым днём стала ощущаться всё более и более. Удовлетворение этой потребности было приурочено к приезду в г. Киев Их Императорских Величеств. В ознаменование этого редкого и выдающегося события новый храм предположено было назвать Николаевским, т. е. посвятить его во имя св. Николая, имя которого носит удостоивший Киев Своим посещением Государь Император Николай II.

Новый храм будет один из обширных в Киеве. Длина его, от восточной стены до западной, 25 саж.; ширина, от южной стены до северной, 18 саж.; высота от земли до главного купола, около 30 саж.; длина главного алтаря – 19 арш., ширина – 12 арш.

На утверждённом проекте храма означено, что проект составлен по эскизу Его Императорского Высочества Великого Князя Петра Николаевича академиком архитектуры В. Н. Николаевым. Внешний вид собора, судя по рисункам, будет очень красив. Эскиз храма написан в древнерусском стиле. Храм будет иметь 15 куполов – 12 над крышами и 3 над входами. Нижняя Церковь будет иметь вид пещеры, со сводчатыми подполками, с окнами в верхней части стен.

Их Величества изволили прибыть на закладку храма в начале 11 часа и были встречены высокопреосвященным митрополитом, тремя викариями, духовенством и сёстрами обители и крестным ходом.

В предшестве крестного хода, Их Величества, вместе с Августейшей Строительницей Обители, изволили проследовать к месту закладки нового собора. Здесь был устроен изящно декорированный зеленью шатёр, под которым поместилось духовенство, Их Величества, Высочайшие особы и высокопоставленные лица. Общее внимание посетителей обращали однообразные на всём многочисленном духовенстве, белые, изящные облачения. Издали казалось, что они из белого парчового глазета, на самом же деле они были сшиты, по указанию Августейшей Строительницы, из белой холщовой материи и отделаны нашивными из парчи крестами. Какое простое, но вместе изящное и полезное нововведение! Оно вполне возможно и для прочих женских обителей.

По совершении молебного пения стройным хором инокинь, первый камень, перекрестившись, заложил Государь Император, второй – Государыня Императрица, далее Августейшая Строительница и прочие Высочайшие лица, и так по всем четырём углам.

Посетив монастырскую больницу, представляющую собой верх совершенства в смысле медицинской и гигиенической

постановки дела, Их Величества изволили откушать у её Высочества; к трапезе были приглашены также и иерархи. Их Величества в 12 часов отбыли из Покровского монастыря во дворец.

В три часа того же дня в городском Александровском сквере, что против университета св. Владимира, состоялось новое церковно-общественное торжество освящения и открытия памятника Императору Николаю I, которому Киев обязан своим нынешним благосостоянием, развитием и видным положением центра южной России.

Против памятника для богослужения был раскинут шатёр, белый с серебром, укреплённый на алебардах и с широким крытым ходом позади, которым Их Величества, встреченные митрополитом Иоанникием, прошли в шатёр. После молебствия, митрополит вместе с Их Величествами обошёл памятник с 4 сторон, окропив его св. водой, которую предносил протоиерей Иоанн Корольков. Депутации возложили венки из живых цветов у подножия памятника. Протодиакон провозгласил многолетие Их Величествам, а затем «вечную память» – Императору Николаю I: причём Государь и Государыня, Августейшие Особы и вся присутствующая многочисленная публика склонили колена перед фигурой памятника Великого Монарха, войска взяли на молитву и заиграли «Коль славен». Среди николаевских ветеранов, собранных на сие торжество, присутствовал 90 летний старец, бывший старшим вахмистром в л.-гв. Кирасирском Его Величества полку, урож. Сквирского у., Киевск. губернии, он прослужил в полку в николаевскую эпоху целых 40 лет. Нужно было видеть детские слёзы умиления убелённого сединами старого служаки! Вдали слышались раскаты салютационной пальбы пушек. Минута была глубоко-торжественная. Слава Киеву, за его уразумение высокого исторического значения знаменательной эпохи Николая I! свидетельством чего и служит величественный памятник Императору – Рыцарю. Торжество закончилось смотром войск, Высочайшим посещением Университета и коллегии Галагана. Но вот настал и грустный день разлуки Киева с обожаемыми Государем Императором,

Государыней Императрицей, решительно очаровавшими всех Киевлян от народа до вельмож Своими истинно царскими ласками, внутренней и внешней красотой. Как вхождение в Киев, так исхождение Царя и Царицы было во истину «во имя Господне». Этот день с 3 ч. и почти до самого отъезда Их Величества и Их Высочества изволили посвятить на поклонение святыням Киева и посещение особо чтимых православными паломниками храмов Божиих и снова – Лавры. Прежде всего Их Величества посетили Владимирский собор и подробно осматривали живопись его внизу и на хорах... Особенное внимание её Величество изволила обратить на икону Васнецова «Преддверие рая». Из Владимирского собора проследовали Царственные Паломники в Михайловский монастырь на поклонение древнейшей в христианском мире святыне – св. мощам Варвары Великомученицы. Настоятель обители, преосвященный Иаков Чигиринский, с старшей братией встретил Августейших Посетителей с крестным ходом, при пении «Спаси Господи». После обычной литии, Их Величества вошли на помост, где находится рака с нетленными мощами Великомученицы. Преклонив колена, Государь и Государыня благоговейно облобызали св. мощи. Преосвященный Иаков благословил Царственных Богомольцев св. иконами, и Государыне и Великой Княгине Марии Павловне преподнёс освящённые при мощах кольца и маленький нагрудный образок для её Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны. Милостиво приняв подношения, Их Величества осматривали мозаику, уцелевшую от 1108 г. При выходе из церкви Их Величества осматривали надгробия покрывающие, по преданию, могилы основателя храма великого князя Святополка (Михаила) Изяславича и его супруги Варвары. Гробницы устроены как бы в нишах и покрыты штукатуркой по кирпичу. В 1108 году великий князь основал здесь первую каменную церковь с 15 золочёнными куполами, отчего и весь монастырь получил название, доныне официально сохраняемое, Златоверхого – Михайловского.

При звоне колоколов Их Величества вышли из храма, провожаемые преосвященным настоятелем обители с её

братией. Кругом уже собрались массы народа, и громкое «ура» загудело на площади. По Трёхсвятительской улице Их Величества проехали в Андреевский собор – эту красу Киева, чудное сооружение Растрелли. У западных врат встретил настоятель собора с духовенством, которое было облачено в голубые андреевские ризы. Войдя в собор, Их Величества приложились к частице мощей св. апостола Андрея Первозванного, а затем подробно осматривали этот великолепный храм. Из Андреевского собора Их Величества изволили отправиться в Киево-Печерскую Лавру, чтобы получить напутственное молитвенное благословение от печерских Чудотворцев и воздать последнее перед выездом из св. града поклонение дорогим святыням. Их Величества въехали в Лавру через экономические ворота прямо к Великой Церкви, без особой встречи. В соборе ожидали Царственных Путников высокопреосвященный митрополит со старшей братией: чудотворная икона Успения Божией Матери была уже спущена и Их Величества, преклонив колена, усердно молились и благоговейно приложились к св. образу Богоматери; затем прошли в ризницу, где подробно осматривали наиболее замечательные в археологическом отношении предметы церковной утвари. Приняв архипастырское благословение и милостиво попрощавшись с преосвященным митрополитом и братией, Их Величества отбыли в 6 часу из Лавры, а в 7 из Киева. Народный энтузиазм при последнем проезде Их Величеств на вокзал не поддаётся описанию.

Вот как, читатель, милостью Божией совершалось Царское паломничество в наш свящ. древний град Киев. Сколько умиляющих душу и укрепляющих дух моментов пережито детьми, видевшими веру и благочестие своего Отца и Матери, – трудно передать! Киевское паломничество Их Величеств – великое событие для миссионерства! Дни пребывания Их Величеств в Киеве были воистину нарочитыми и святыми днями!.. Да ведают же к своему вразумлению колеблющиеся и заблудшие в вере сыны отчизны и Царя, а наши братья, – порицатели, хулители всех вековых святынь православия – как

многоценны, высокочтимы, прелюбезны отвергаемые ими
святыни в очах Державного Вождя православной России!..

В. Скворцов

Памяти архипастыря – миссионера. С. 207–208

† 8 сентября, в Москве, скончался один из старейших иерархов русской церкви, преосвященный Дионисий, епископ Уфимский и Мензелинский, на 78 году своей жизни.

В покойном святителе православное миссионерство потеряло выдающегося деятеля, почти всю свою жизнь посвятившего распространению Христовой веры среди инородцев и до конца дней своих не оставлявшего забот и попечений об этом святом деле.

Покойный архипастырь (в мире Димитрий Васильевич Хитров) родился 1818 г. в с. Хитрове, Данков. у., Рязанск. губ., воспитывался в местной духовной семинарии. По окончании курса в 1840 г. он, по вызову епархиального начальства, отправился в Якутск, где принял священство и пятнадцать лет (1841–1856 гг.) состоял миссионером, распространяя свет христианства среди инородцев. Возведённый в сан протоиерея, почивший с 1856 года занимал должности: смотрителя Якутского духовного училища и ректора Якутской семинарии, продолжая вместе с тем прежнюю миссионерскую деятельность до 1867 года.

Здесь он явился деятельным и полезнейшим сотрудником знаменитого нашего миссионера, преосвященного Иннокентия епископа Камчатского, впоследствии митрополита Московского, – и главным образом по переводу книг св. писания и богослужебных на якутский язык, который изучил в совершенстве.

Овдовев, протоиерей Д. В. Хитров принял монашество с именем Дионисия и 9 февраля 1868 года был хиротонисан во епископа Якутского, а в 1883 г. переведён на Уфимскую епископскую кафедру.

Преосвященный Дионисий не только много потрудился в переводах священных и богослужебных книг на якутский язык, но составил азбуку и грамматику этого языка.

В Уфе покойный Владыка явил себя таким же ревностным и деятельным миссионером, глубоко понимающим потребности и

нужды миссионерского служения, как и в Камчатке: более 60 новых храмов, построенных попечениями Владыки в инородческих селениях Уфимской епархии, и столько же открытых миссионерских школ и тысячи душ обращённых ко Христу – вот добрый плод добре потрудившегося во славу св. Церкви ревностного архипастыря, ныне отшедшего ко Господу своему...

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. По корректурному и редакционному недосмотрам во второй сентябрьской книжке журнала „Мисс. Обозрение“ вкрались следующие крупные ошибки: на странице 154 строка 7 снизу напечатано 1895 г., следует читать: 1845 г., на стран. 157 стр. 7 снизу – „Мамсимовичем“, следует чит. *Максимовичем*. На цветной обложке напечатано: „Беседа в 16 неделю по Пятидесятнице пр. П. Смирнов“, между тем как беседа, заимствованная из 20 № Кишен. Епарх. Вед. за 1894 г., принадлежит свящ. О. Константину Парфеньеву.

Октябрь. Книга 1-я

Амвросий, Архиеписк. Харьковский. В каком отношении опасно для Церкви и государства развитие новейшего рационалистического сектантства // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 211–220

Самыми опасными и самыми вредными сектами для Церкви и государства должны быть признаны секты рациональные: духоборство, молоканство, пашковщина, штунда, толстовщина и проч. К несчастью у нашего правительства они-то и признаются наиболее терпимыми и даже просветительными, так как, по мнению многих современных образованных людей, содержат более разумные и сознательные верования, чем какие имеет раскол, и другие секты, и даже весь наш в простоте сердца верующий народ. Причина такого взгляда на рационалистические секты заключается в самом умственном и нравственном складе многих из наших администраторов последнего времени, воспитанных под влиянием протестантских воззрений по религиозным вопросам, и новейших философских учений. Между тем для непредубеждённого православного образованного человека видно, как нельзя яснее, что крайняя опасность грозит нам именно от рационалистических сект.

Совращение нашего простого народа в рационалистические секты ныне стало легче, чем прежде, по духу нашего времени, склонного вообще к рационализму. Всюду распространяется учение о праве каждого иметь своё мнение о предметах веры и о так называемой свободе совести, под которой разумеются неограниченное право каждого верить во всякую ложь и распространять всякое заблуждение, – стремление к реформам во всех сферах общественной жизни в том числе и церковной; дух отрицания в отношении к христианским догматам и практическим учреждениям православной Церкви. Наконец, стремление к независимости от всякой власти, в том числе и церковной. Молодой землевладелец и чиновник современного образования, недоученый гимназист, сельский учитель,

волостной писарь, лакей знатного барина, наслушавшийся о пашковщине, – все эти люди в среде простого народа, не стесняясь, громко рассуждают вкривь и вкось о христианских догматах и церковных учреждениях. Надобно ещё удивляться, как глубоко в течении девяти веков внедрены в дух нашего народа безусловная вера, страх Божий и послушание Церкви. Старики только вздыхают и крестятся, слушая кощунственные речи этих пошлых передовых людей, но молодёжь уже колеблется. Прибавьте к этому распространяемые десятками тысяч известные брошюры гр. Толстого и пашковцев, и вам будет ясно, какой опасности в религиозном отношении подвергается народ наш от рационалистических сект. Одно то, что можно безнаказанно слушать и говорить всякие враждебные Церкви речи, что правительство ничего, по-видимому, против этого не имеет, так как ничего не делает, представляет уже для простого русского человека величайший соблазн; а когда при этом дают ему ещё и деньги, как делают пашковцы и проповедники штунды, когда при этом говорят ему, что он свободен, что может в церковь не ходить, священников не слушать, ничего им не платить и что за это ничего ему не будет: тогда соблазн усиливается до крайней степени. Безнаказанность соращения в секту в глазах народа подтверждается фактами. Так, во всех случаях, где крестьяне, по ревности к вере, оскорбляемые наглостью штундистов, разгоняли и били их, неосторожные ревнители веры были осуждаемы и подвергаемы тяжким наказаниям; между тем как тем же судом, до которого доходили дела о соращениях, штундисты бывали оправдываемы, потому что он (суд) не имеет закона о преследовании проповедников штундизма, а крестьян подвергает осуждению за строго преследуемое законом самоуправство.

Таким образом оказывается, что защиту у суда находят сектанты, а не православные христиане, в защиту которых закон ещё не придуман! Стоять за верность православной вере и Церкви неразвитому человеку становится не по силам, а соращение в секту представляется благополучием, от которого не следует отказываться. Двумя этими обстоятельствами, т. е.

духом нашего времени и ловкостью, с какой пользуются им пропагандисты рациональных сект, наиболее объясняется их быстрое распространение. Чтобы не осложнять речи подробным разбором современного состояния всех рациональных сект, мы остановимся на штунде, так как она получила в последнее время значительную силу и её характером, и влиянием на народ объясняется значение и всех подобных ей сект.

Трудно историческим путём объяснить с точностью происхождение и распространение рациональных сект, но до последнего времени в движении их была заметна общая всем им черта, – это появление секты в известном месте и постепенное распространение её в другие местности, исключая переселения сектантов группами по распоряжению правительства, как напр. молокан и духоборцев на Кавказ.

Иное дело со штундой: в короткое время она заняла все южные и юго-западные губернии и пробирается уже на север: появляется в городах между прочим и в деревнях между крестьянством, и овладевает сразу десятками и сотнями людей. Из этого видно, что кто-то забрал штунду в свои руки и всюду рассылает для распространения её своих агентов, снабжая их книжками и деньгами. Следы протестантизма на штунде очевидны: произвольное толкование Св. Писания, отвержение церковного предания, православного богослужения, и священства, св. икон, мощей, постов и др. Но несомненно, что протестантские идеи служат только средством для отторжения нашего народа от Церкви, от этого корня и основания нравственной его жизни и нашей государственной силы. Откуда могла взяться у протестантов такая ревность по своей вере и такая самоуверенность, что они возымели надежду сразу превратить православную Россию в протестантскую? Ясно, что кто-то стоит за спиной проповедников этой рациональной религии, и что сами немецкие колонисты и протестантские пасторы, которых считают главными виновниками распространения штунды, служат орудиями в чужих руках. Доселе эта тайная руководящая сила была тщательно скрываемая, но в последнее время прорвалась наружу и показала своё истинное свойство. Штундисты наиболее дерзкие

из крестьян стали оскорблять в глаза полицейских чиновников, с целью получить удар от станового пристава или урядника. С какой же целью? Чтобы сейчас-же, в глазах крестьян, показаться мучениками за веру, что издавна в глазах нашего народа составляет свидетельство истинности веры страждущего. Одним хитрым приёмом, которым легко воспользоваться социалистам, достигаются два результата: распространение секты и указание народу возможности *противления власти*. Представьте себе в будущем полное развитие двух этих сил рациональной религии, доставляющее торжество свободно мыслящему разуму над верой и движением народных масс против правительственной власти, как то и другое видим мы в настоящее время в Западной Европе, представьте себе это, – и вы поймёте, что такое наша штунда и чем она угрожает православной Церкви и нашей монархической России. Основное начало православия есть подчинение разума вере, или по православному Катехизису – доверие к свидетельству истине, т. е. к учению Иисуса Христа, преданному Апостолами, изъяснённое их преемниками, св. отцами, и покорность Богоустановленной церковной власти и на Апостольском предании основанным церковным законоположениям и учреждениям. Неизменная норма отношений разума к вере, по учению православной Церкви, есть доступное ему усвоение, уразумение и изъяснение Божественных догматов веры, и раскрытие смысла и силы церковных учреждений с нравственными целями. Всякое движение разума в христианской религии, вопреки руководству веры, всякое противоречие и своевольное толкование церковного учения и учреждений есть по Апостолу посягательство на разум Божий (2Кор.10:5), а практические изменения в жизни церковной по произволу человеческого разума – суть не что иное, как вторжение его в дело Божие, каковым изображается в учении Божественного откровения всё дело нашего спасения. При ограниченности нашего разума, при его повреждении вследствие грехопадения, при его склонности подчиняться влиянию нашего сердца и его страстей, его посягательство на господство в деле веры неизбежно

оканчивается расторжением союза души с Богом и отчуждением от дарованных Им средств спасения. Начинаются сомнения в тайнах веры, отрицание превосходящих человеческий разум священных догматов, произвольное разъяснение их, смешиваемое с философскими учениями; в церковной практике являются все постепенно умножаемые ограничения и изменения, и всё оканчивается искажением христианского учения и разрушением цельности и стройности священного здания Церкви, которого художник и содетель Бог (Евр. 10). Всё это ясно видно из истории протестантизма: рационализм в религии сначала породил бесчисленные секты, потом ложные философские учения, распространившиеся и в страны католические, а от них в практической жизни брожение, своеволие, противление власти и возмущение. В это-то безбрежное и бурное море рационализма враги наши из Церкви, которую св. отцы справедливо называли кораблём, хотят выбросить наш православный народ.

Религиозная жизнь нашего народа основана на безусловной вере в учение и руководство Церкви. Это и есть первое основание его нравственной силы. Наука большинству народа в должной полноте недоступна, так как ему некогда заниматься ею в его заботе о добывании насущного хлеба. Отнимите у него веру, т. е. полное доверие к возвещаемой Церковью от имени Божия истине – и законом жизни что у него останется? У человека образованного и при заблуждениях есть по крайней мере идеи философские, не лишённые доли истины, в жизни практической есть чувство чести, приличия, уважения, но в душе нашего крестьянина, с утратой элементарных истин веры приемлемых от Церкви, ничего не останется. Пишите на ней, что хотите. Всякая ложь легко к нему привьётся и всякие корыстные и материальные побуждения будут началами его жизни. Благоговение к Богу, страх Божий и опасение греха, внушаемые постоянно русскому человеку Церковью суть могущественные силы, сдерживающие в душе его беспорядочные порывы и страстные движения, охраняющие в нём честность, верность и любовь к ближнему. Отчёт в поведении, какой даёт он при исповеди, есть нравственный суд,

объясняющий ему силу закона и преступления; св. таинство приобщения есть источник благодатного утешения и укрепления его угнетённой души и страждущей совести. Благочестивое проведение праздников, когда не вредят этому благовременные базары и безнадзорные увеселения – есть его душевный и телесный отдых, богослужение – его духовное наслаждение; пост – нравственный подвиг, испытывающий в нём воздержание, терпение, способность переносить лишения.

Допустите отнять все эти нравственные влияния Церкви, воспитавшие в русском народе в течении веков мужественных и выносливых воинов, безгранично преданных своему отечеству граждан, чем вы их замените?.. Сектантскими собраниями, лишёнными общения с Духом Божиим, обитающим в Церкви, их бессодержательными молитвами, холодными поучениями и голыми правилами жизни, поставленными на место многосторонних разнообразных и глубоких воспитательных учреждений Церкви?! Или потом, когда вера в нём оскудеет, когда человеческие страсти в нём возобладают, чем вы поднимите его нравственно? изящной литературой, театрами, высокими принципами прогресса и цивилизации, идеалами равенства, свободы, развития человеческой личности во имя блага человечества? Но это и есть прямой путь к превращению цельного и крепкого народа в сборище космополитов, жадных пролетариев, бунтовщиков и забастовщиков? Если вовремя мы не озаботимся охранением народа от этой опасности, представляемой рациональными сектами и главным образом штундой, это будет значить, что мы не хотели учиться из чужих примеров народных смут и бедствий, какие видим в западной Европе, а нам желательно всё испытать на себе. Но после веры в Бога, составляющей основание нравственной жизни нашего народа, есть у него догмат нравственно-политический, – это вера в Божественное происхождение самодержавной царской власти, выражающаяся не только в безусловной покорности и преданности, но и в сердечной любви к царю, известной всему миру. Она воспитана в нём Церковью: учением о царской власти, как Богом установленной, и о царе, как помазаннике Божиим, молитвами за царя, церковными празднествами во дни

высокоотжественные, объявлением царских манифестов в храмах и на церковных амвонах, где читается и слово Божие. Всеми этими влияниями внедрено в сознание народа не только убеждение ума в высочайших правах царской власти, но и в сердцах воспитано чувство мира и безопасности под покровом этой власти, Богом руководимой и направляемой: «Бог на небе и царь на земле» – вот две силы, на которые уповает русский народ во всех обстоятельствах своей жизни. Нечего и говорить о том, как с устранением влияния Церкви на политические воззрения нашего народа легко могут быть посеяны в нём семена всяких ложных политических учений.

Интересен вопрос: в какой степени представляется возможным возврат в православие последователей рациональных сект? На первых порах совращения православных в эти секты, когда в них не изгладились ещё следы влияния на них православной Церкви, возврат в неё для них возможен. Но когда это влияние изгладится, когда в умах сектантов рационалистические воззрения на предметы веры устоятся, тогда решительно можно сказать к служению Церкви им нет возврата, потому что сердечная связь с Церковью и обитающею в ней благодатью порвана, ум окреп в свободомыслии, человеческая самость заняла место кроткой покорности вере и водительству Божию, сокрытому во всех действиях православной Церкви, наконец, благочестивые навыки, свойственные православным, с детства заменены другими, и Церкви чуждыми. Это доказывается всей историей протестантства, которое, отрешившись от католической церкви, не возвращается к ней и не может найти пути к Церкви вселенской, а идёт по принятому сначала направлению в дебри разномыслия и сектантства. Есть доказательство и у нас: об обращениях молокан и духоборцев совсем не слышно. Да и наши протестантствующие и философствующие образованные люди как относятся к Церкви? Они выражают сомнения, возражения, склонность к рассуждению и спорам, а сердечная преданность вере, любовь к Церкви и склонность к духовной жизни утрачены. Дай Бог, чтобы не на всегда!

Какие же меры могут быть принимаемы против штунды и других толков новейшего рационалистического сектантства? Разумеется, на первом месте и здесь, как во всех подобных случаях, должны стоять проповедь и увещания со стороны миссионеров и духовенства. Нет сомнения, что этим делом надобно спешить и справедливость требует сказать, что духовенство не остаётся равнодушным к этой беде, постигшей нашу Церковь и отечество. Много собрано сведений о штунде, написаны руководства для борьбы с нею, но успеха мало.

Миссионеры знают, как трудно говорить с штундистами. В большинстве случаев у них один ответ: «мы все веруем по Евангелию»; но объяснить, как криво толкуют их учителя Евангельские изречения и установить в их уме правильные понятия, – это тоже, что учить человека ничего незнающего, и притом не желающего учиться. Очевидно, что упорство штундистов поддерживается внешними побуждениями: так как невозможно ничем объяснить, почему простой русский человек оставляет свои православные верования и навеки принимает учение, совершенно ему чуждое и превышающее его разумение. Штунда есть нравственно-политический пожар в нашем отечестве, – его надо тушить усиленными средствами. А вернейшим средством оказалось Высочайшее Его Императорского Величества в Бозе почившего Благочестивейшего Государя Александра III распоряжение, 4 сентября 1894 г., о применении к штундистским собраниям и вожакам штундистов мер правительственных, как против вредных политических собраний и их вожаков.

Нам скажут, что в результате всех наших рассуждений о борьбе с сектантством выходит обращение к помощи правительства, что по мнению многих обнаруживает склонность к религиозным гонениям и преследованиям. Не признаём за собой этой склонности. Нет, мы даём должное место средствам убеждения, но в виду преувеличенных понятий о свободе убеждений, которых держатся многие из наших администраторов столь же упорно, как штундисты своего учения, мы намеренно указали во всех сектах такие положения, в которых сектанты становятся недоступными убеждениям по

совершенному искажению своих понятий, или по внешнему своему положению. В религиозно-нравственной жизни христианского народа есть стороны, прямо принадлежащие правительству. Это именно там, где Церковь теряет всякую возможность действовать на убеждения людей. Есть люди, по религиозным заблуждениям подходящие под разряд психически больных, которых нужно лечить принудительными средствами, вопреки их воле, разумеется согласными с духом христианства, не инквизиционными, есть из них совершенно сумасшедшие, фанатики – пропагандисты, которых нужно вязать и лишать свободы, чтобы спасти от их неистовства других, что конечно должно входить в виды правительства. Мы обращаемся только в крайности к христианскому правительству, на котором лежит значительная доля обязанности своими средствами блюсти Церковь Христову, а с нею весь народ и всё своё государство.

Амвросий, Архиепископ Харьковский

Дородницин А. Я. Социально-коммунистические чаяния штундизма перед судом Священного Писания ²⁷⁹ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 221–230

Есть много непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, каковым должно заграждать уста: они развращают, целые дома: учат, чему не должно, из постыдной корысти. (Тит.1:10–11).

Пресловутые «Правила вероисповедания новообращённого русского братства», – вероисповедной кодекс штундистов, – так определяют отношения штундистов к существующему государственному порядку: «высшая власть в государстве Богом установлена, каковой власти мы обязаны покоряться, где это не противоречит заповедям Царя царей». (9 Член). Итак, существующий государственный порядок, основанный на установлениях божественных, штундисты признают не потому, что он сам по себе есть наилучшая форма государственной жизни народа, а потому и настолько, насколько он не противоречит заповедям Бога, как их понимают и истолковывают штундисты. Но так как штундисты в понимании и изъяснении Св. Писания, единственного по их мнению источника Боговедения, допускают полный субъективизм, и свободомыслие, то поэтому и заповеди Бога каждый из них понимает *по своему*, – всё зависит от личного настроения, от цели, которая преследуется в каждом отдельном случае, так что вся сила богословствующей мысли штундистов уходит не на открытие истинного смысла Св. Писания (да они, равно как и все протестантствующие, никогда его и не откроют, пребывая в разобщении с религиозным сознанием вселенской Церкви, вне руководительного света св. Предания), чтобы потом расположить согласно с заповедями Бога свою жизнь, а на изобретения такого толкования священного текста, которое давало бы благовидный предлог подвести заповеди Бога под формы своей жизни, другими словами – оправдать хорошие и дурные явления своей жизни словами Свящ. Писания.

С особенной ясностью эта тенденциозность богословских измышлений более крайних вожаков штундизма выступает в тех случаях, когда последние пытаются словами св. Писания оправдать потаённые, но заветные мечты секты о тех счастливых временах, с наступлением которых «земля от православных помещиков будет отобрана и разделена штундистам: всему простонародию, которое только поступит в святые штундисты и анабаптисты, будет великое добро: свобода на всё и роскошь; всё будет общее: магазины с шёлком и другими товарами будут открыты для всех, – что кому понадобится, тот и бери бесплатно; денег не будет, всё будет производиться посредством обоюдного согласия и по братски»²⁸⁰. Эти коммунистические чаяния штундистов стоят в центре системы их политических воззрений, составляют её жизненный нерв. Взяв идею всеобщего равенства из Н. Завета (Мф.5:45; Лк.20:36; Ин.1:12; Ин.11:52; Рим.8:15–17, и др.), они частью под влиянием собственных соображений о житейских выгодах, а главным образом под влиянием разных социалистических брошюр, факт распространения которых в среде штундистов не подлежит сомнению²⁸¹, придали ей ложное толкование: равенство перед Отцом Небесным превратили в равенство экономическое! Идеи всеобщего равенства и общности имущества не остаются только в области умозрений штундистов, но при удобных случаях проводятся и ими в жизнь. Вот что, напр., свидетельствует в своём показании (1894 г.) правительственной власти, об одном из вожаков елисаветградской штунды, Никите Пуховом, некая М. Шоликова, крестьянка с. Троицкого Щербатовской волости того же уезда: «Около пяти лет назад, когда муж мой находился в услужении в Одессе, я часто посещала брата своего крестьянина того же села В. Спивака. К нему по вечерам каждый день заходил с целью совратить нас в свою штундовую веру штундист, наш односельчанин Никита Пуховой, с книжкой в руках, которую называл св. Евангелием. Пуховой всякий раз читал книгу эту и разъяснял нам, что вера штундистов есть истинно православная, а нашу веру называл идолопоклонством. А потом Пуховой уверял брата и жену его Агафью, что скоро уже

будет весь народ штундовой, и что один их старший брат, живущий в с. Широком, вблизи г. Николаева, удостоился пред Богом того, что в одно из собраний их братии для поучения, книга сама явилась перед ним и раскрылась, – что этот самый брат отправится куда-то за книгами и, получивши эти книги, пойдёт по свету проповедовать Божие слово и раздавать эти книги, и что царя настоящего не будет, что тогда будут все равны и цари будут по выбору: на кого жребий упадёт, тот и будет царём, а когда царь будет по выбору, тогда золото и серебро, а также всё будет общее и будут открыты магазины с вещами и другими товарами: кто в чём будет нуждаться, тот то и будет брать бесплатно»... Далее Шоликова свидетельствовала, что после смерти мужа, показательницу снова встретил Пуховой и снова совращал её в штунду и, так как она была обвенчана третьим браком, говорил, что если она поступит к ним в общину, то он обвенчает её и четвертым браком... Показания М. Шоликовой были подтверждены и целым рядом других свидетелей²⁸².

В приведённых словах ясно слышится голос пропагандиста социалистических идей, чающего государственного переворота, и переустройства существующего строя общественной жизни, на началах всеобщего равенства и общности имуществ. К таким странным выводам приводит мысль нашего простолюдина – сектанта, лежащий в основе русского рационалистического сектантства принцип свободы в толковании и понимании св. Писания, при руководительстве тёмных неблагонамеренных вожakov сектантских общин. Печальнее всего в данном случае то, что подобным коммунистическим мечтаниям сектантская масса придаёт священный характер евангельских истин и усиливается оправдать их словами св. Писания. В этом случае штундисты рассуждают так: Иисус Христос хорошо знал, что цари, священники и богачи будут его противниками, врагами и убьют его; Он знал также, что Его будут обвинять, как возмутителя народа против римского кесаря, священников и богачей; в виду этого Он скрывал истинный смысл своего учения под иносказаниями – притчами... Священники это знают, но ради своей пользы, не объясняют народу, который для них

выгодно держать во мраке неведения, и только «от своих» простой крестьянин может узнать истинный смысл учения Иисуса Христа.

Сектанты тщатся основать коммунистические воззрения на учении Св. Писания. Но представляет ли Св. Писание какие-либо основания к отрицанию частной собственности и даёт ли оно право утверждать, что государственный строй на началах всеобщего равенства и общности имуществ, который составляет предмет заветных чаяний штундистов, оправдывается учением Иисуса Христа и Его Апостолов и примерами из жизни первых христиан. Не подлежит никакому сомнению то, что священные книги не дают основания отрицать частную собственность, – а наоборот, заключают в себе учение совершенно противоположное. Иисус Христос не только не осуждал частную собственность, Он, напротив, много раз торжественно признавал её и освятил её права. «Не убивай, не прелюбодействуй, не крадь» ... говорит Он юноше, который спросил Его: «что должно делать, чтобы наследовать жизнь вечную»? (Мф.19:18). В другом месте Иисус Христос сказал своим ученикам: «из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кража, лихоимство» ... (Мк.7:21–22). Какой смысл имели бы эти слова в устах Господа, если бы Он отрицал права частной собственности? Каким образом воровство могло бы считаться преступлением у Законоположника, не признающего частной собственности?

Напрасно мы искали бы в евангельских повествованиях хотя одну фразу, которую можно было бы привести против законности частной собственности. Если с одной стороны Спаситель порицает злых богачей, то с другой – бедным заповедует терпение и преданность воле Божией. Он не говорит бедным, что богатые овладели общей собственностью, которую Бог предназначил всему роду человеческому, Он не убеждает их отнимать у богачей свою часть из общего имущества; Он не уподобляет, подобно социалистам, богача вору, и не учит, что собственность есть воровство. Иисус Христос осуждает жадность, порицает тех, которые живут только для того, чтобы

увеличивать свои богатства, которые ржавчина и моль истребляют, которые воры подкапывают и крадут (Мф.6:19); но в то же время Он признавал абсолютное право собственности. Припомним притчу о работниках, посланных в виноградник (Мф.20:1–15). Эта притча, к которой можно было бы присовокупить много других мест Св. Писания, включает в себе очевидное освящение Господом прав и преимуществ частной собственности. Домохозяин, который отказался дать более одного динария работавшим от первого часа, говорит языком абсолютного права: «друг, я не обижаю тебя, не за динарий ли ты договорился со мной? Возьми своё и пойдёшь; я же хочу дать этому последнему тоже, что и тебе. Разве я не властен **в своём** делать, что хочу? Или глаз твой завистлив от того, что я добр?» (Мф.20:13–15 ст.) В приведённых словах находится не только различие «моего» и «твоего», но оно указано как основание справедливости и право в отношениях между собственниками и теми, которых они нанимают в помощь себе.

Предположим на минуту, что И. Христос ясно не санкционировал прав принадлежащих частной собственности, что Он хранил на этот счёт молчание и что, следовательно, вопрос должен быть решён на основании общих принципов евангельского учения. И в этом случае мы находим в Евангелии ясные доказательства *неприкосновенности собственности*. Иисус Христос объявил, что Он пришёл не нарушить закон и пророков, ни исполнить (Мф.5:17). Но какие были по предмету права частной собственности положения ветхозаветного закона, который Спаситель пришёл исполнить? – «Не укради. Не пожелай жены искреннего твоего, не пожелай дому ближнего твоего» (Исх.20:14.17). В таких ясных, недопускающих и тени сомнения выражениях высказывается десятословие относительно частной собственности! Не только частная собственность признана и обеспечена ветхозаветным законом, но она является здесь настолько неприкосновенной, настолько священной, что простое желание воспользоваться благами ближнего есть преступление пред Богом. В виду этой основной заповеди ветхозаветного закона, Спаситель, Который сказал, что Он пришёл не нарушить, а исполнить закон, мог ли полагать

такое исполнение в общности имуществ и всеобщем равенстве, о которых мечтают вместе с социалистами и наши сектанты – штундисты духоборы и проч.? Без сомнения – нет, так-как частная собственность лежала в основании ветхозаветного закона и коммунизм был бы её отрицанием. Уничтожение частной собственности было бы равносильно разрушению ветхозаветного закона в его существенной части – десятизаконии. Очевидно, что если Спаситель благоволил умолчать о частной собственности, то это самое молчание, сопоставленное с приведёнными выше словами Его (Мф.5:17), ясно подтверждает заповеди десятизакония. К такому же заключению приводит нас евангельское учение о милостыне, которое можно установить путём изъяснения священного текста. Господь заповедал творить милостыню: «у кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай тоже». (Лк.3:41. Срав. Мф.6:4–5;25:35–40; Лк.6:30;11:41; Ин.13:34–35;15:12.17). Как штундисты не поймут того, что это учение несовместно с их коммунистическими мечтаниями! Если всякая частная собственность не законна, если она есть похищение из общего достояния всего человечества, если собственник есть вор, то каким образом милостыня творящему её может стяжать благословение Божие? Вор, который возвращает украденное, человек, который возвращает законному собственнику то, что некогда незаконно было взято его предками, могут вызвать в нас только сочувствие к ним, но никогда, ни у одного народа возвращение украденных вещей не рассматривалось, как акт добродетели, заслуживающей награды на небе.

Наконец, есть ещё одно обстоятельство, которое не должно быть пройдено молчанием в решении нашего вопроса. Во время земной жизни И. Христа в Иудее существовала многочисленная секта, известная под именем ессеев. В числе учреждений, которые по мнению представителей сей секты могли одни только освободить человечество от рабства материи и привести к истинному совершенству, была поставлена и общность имуществ. Подобно нашим штундистам, эти сектанты проповедовали, что природа, общая мать всех людей, должна питать всех одинаково, что только жадность людей создала

собственность и те неравенства, которые вытекают из неё. Соединившись вдали от населённых мест в многочисленные общины, где различие между *твоим* и *моим* было неизвестно, ессеи пытались восстановить то, что они называли первоначальной чистотой рода человеческого. Они не собирали ни золота, ни серебра, заботились только о самом необходимом и жили трудами рук своих. Конечно, если бы Иисус Христос отрицал частную собственность и проповедовал коммунизм, то ессеи старались бы прославить Его и стать в ряды Его первых последователей, но историки того времени, как священники, так и языческие, указывают на ессеев, как на злейших врагов Иисуса Христа, действовавших заодно с фарисеями.

Итак, пусть перестанут сектанты утверждать, что их коммунистические мечтания вышли из христианского учения, что они (т. е. мечтания) есть самое истинное выражение евангельского учения. Евангелие не включает ни слова, которое можно было бы обратить против частной собственности; оно нигде ни выступает с словом обличения мнимых несправедливостей социального строя; оно не представляет богатых как угнетателей, и бедных как угнетённых: оно стоит выше этих различий, заповедуя одним преданность воле Божией, другим милостыню, а всем – отвержение от самих себя, милосердие и любовь. Любовь, вот основной принцип нравственного учения Иисуса Христа и этот принцип отнюдь не противоречит принципу справедливости и права. Мы должны подражать, как предписывает Евангелие, благодати Бога, Который повелевает солнцу восходить над добрыми и злыми, но это не уничтожает различия между добром и злом, не лишает добродетельного человека его заслуги, а злого не освобождает от вины. Мы должны любить ненавидящих нас, прощать тем, которые нас обидели, молиться за своих преследователей, но это не значит, что ненависть не есть злое чувство, что оскорбление и преследование невинного не есть преступление. Точно также, когда мы уделяем часть из своих достатков бедным, следуя заповеди Евангелия, то отсюда не должно заключать, что мы не имеем права удерживать её у себя, и что бедные, получая от нас дар, принимают только то, что им

принадлежит. Если бы такой смысл имели Евангельские заповеди о прощении обид и о милостыне, то где тогда были бы любовь и милосердие? Евангелие провозгласило равенство всех людей перед Богом, но оно не осудило неравенство имуществ и общественного положения. Это последнее неравенство есть дело Творца, Который дал одним силы и способности, в которых Он другим отказал. Строй общественной жизни человечества не есть только плод усилий человеческого ума, но в большей мере – дело Творца, ибо выше тех человеческих законов, которыми обуславливается строй общественной жизни людей и течение её, существуют первоначальные законы Творца, которыми однажды навсегда положен предел земной жизни людей и указана ей цель. Евангельская притча о талантах утверждает основание различия между людьми в их земной жизни по воле Творца, дарующего каждому противу силы его. Когда дан евангельский закон, то нет более и не может быть непостижимой судьбы, ни безумной игры случая в управлении жизнью человека, которые осуждали бы бедняка на внешнюю низость его положения: каково бы ни было положение человека, оно указано ему Богом, как наилучшее, в каком он, сохраняя свободу, может сделаться угодным Богу. Занимающий высшую ступень общественной лестницы, равно как и находящийся на низшей её ступени – суть рабы Бога, из которых каждый должен отдать некогда отчёт Господу своему соответственно тому, что вверено было ему здесь (1Кор.12:7–11 Ср. Мф.25:14–30).

Дабы яснее видеть и правильное уразуметь то, как Христос и Его Евангелие относится к вопросам из области социально-экономического устройства человеческих обществ на земле, достаточно припомнить здесь одно событие из земной жизни Господа, записанное Евангелистом Лукой. перед Ним предстали два брата и один из них (вероятно, считавший себя обиженным другим) просил Иисуса Христа решить им вопрос о наследстве: «скажи брату моему, чтобы он разделил со мной наследство» (Лк.12:13). На эту, по-видимому справедливую, просьбу Иисус ответил: «человек, кто поставил Меня судить или делить вас»? (Лк.12:14). Что значит этот отказ? Он значит, что цель и задача

посланничества Сына Божия на землю, Евангельского учения и Церкви Христовой не в том состоит, чтобы путём внешних насильственных мер, предписаний и распоряжений изменять существующий строй общественной жизни, заключающий в себе много не справедливостей, нет – она выше земных интересов: она состоит в том, чтобы путём слова и убеждения на сердце человеческое водворить в человеческих обществах любовь и правду, внушить стремление к царству Божию. Только плоды этих святых семян слова Божия в состоянии устранить между людьми все пагубные следствия корысти и любостяжания или стремления к наживе. А потому Господь как в поучение заинтересованных сторон (имущего и домогающегося иметь), так и в общее назидание всех, прибавил: «берегитесь любостяжания, ибо от изобилия имения не зависит жизнь человека» (Лк.12:15). Истинная причина распри и домогательств – это корыстолюбивое пристрастие к земным благам: корыстолюбие лиц имущих и корыстолюбие, зависть и алчность – неимущих – неодинаковые в глазах людей они одинаковы, равны перед Богом и нуждаются в высшем духовном врачевании словом Евангелия.

И так, напрасно наши политико-экономисты будут искать в Евангелии ответа Христова на их земные партийные вопросы: другого ответа, кроме записанного Евангелистом Лукой, Он не даст им. Но и этого ответа вполне достаточно, чтобы видеть и судить, каковы должны быть отношения истинного христианства и истинной Церкви Христовой к решению вопросов подобного рода. В заключительных словах Господа ясно выражена причина (любостяжание) имущественной несправедливости между людьми и дана надлежащая оценка заботам о приобретении земных богатств... «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, а сия вся приложится вам» ...

**Добротин Г. Н. Закон и свобода совести в
отношении к лжеучению и расколу ²⁸³ //**
**Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 231–
257**

Глава 4-я.

Критический разбор оснований и доводов, приводимых защитниками принципа абсолютной свободы религиозной совести и необходимости проведения его в уголовные кодексы русского законодательства относительно еретиков и раскольников. Их несостоятельность с точки зрения правильного понятия о существе христианства, как религии Богооткровенной, имеющей объективную достоверность истины, и с точки зрения свойств истинной свободы, понимаемой в истинно-христианском смысле. Теория и практика древней вселенской Церкви в отношении вопроса о свободе религии. Свобода религии и свобода в религии... Объективная достоверность истины в христианстве обязывает христианское государство охранять истину от лжи. Суждение о сём предмете православного канониста. Свойство „повелительности“ совести, как акта психологич., не освобождает от ответственности за обнаружения свободы. Маассен и Блюнчли о сём. Печальные результаты абсолютной терпимости религиозной в современной жизни западно-европ. государств свидетельствуют не за, – а против абсолютной терпимости. Вывод из всего сказанного.

Основания, на которых покоится идея о необходимости проведения принципа индивидуальной свободы совести в уголовные кодексы относительно еретиков и раскольников вообще, сводятся главным образом к трём пунктам: во-первых, свобода совести и веротерпимость требуются самым существом христианской религии: эта религия исполнена духа любви, кротости и терпения, перед лицом этой религии дорого только свободное, внутреннее расположение и настроение человека, источником которых служат внутренние, недостижимые тайники человеческого сердца. Как имеющая такие свойства, христианская религия должна давать полную свободу и простор

каждой личности – исповедовать то, или другое религиозное убеждение или верование, не стесняя в этой области самодеятельности ума и направления воли человека; если же христианской религии не противоречит право индивидуальной свободы исповедования веры, то значит, она, по существу своему, не претендует на объективность; коренные положения её не имеют характера непреложной для всех, общеобязательной и самодовлеющей истины, а бывают истинными и принудительными постольку, поскольку таковыми признаются нашим субъективным чувством и воспринимаются нашим индивидуальным, сознанием. Навязывать какие-либо положения кому-либо, как истинные, значит насиловать разум человеческий, который внешней силе не подчиняется и если и может принять и исповедовать навязываемое принудительно учение, то лишь притворно, лицемерно, а на самом деле будет оставаться при прежних религиозных убеждениях. Отсюда, не следует, так или иначе, навязывать кому-либо, а равно и вынуждать силой у кого-либо исповедание веры, даже и в том случае, если предположить, что истина имеет объективный характер; ибо если природа её такова, то она будет принята не в силу каких-либо репрессий от вне, а в силу своей собственной очевидности и непосредственной убедительности. Значит, государство не имеет никакого права внутренний невидимый акт религиозной жизни души подчинять даже в его внешнем обнаружении каким-либо законодательным нормам, нарушение которых влекло бы за собой какие-либо кары, тем более уголовного характера.

Во-вторых, свобода совести должна быть признана *естественным правом* человека, заложенным в его духовно-нравственную природу. В этом не трудно убедиться, если мы свободу совести станем рассматривать как понятие, выражающее собой и заключающее в себе такой психологический акт, характеристические признаки которого не могут оставить никакого сомнения в том, что он составляет неотъемлемую принадлежность духовной, внутренней жизни человека. Анализ этого акта открывает нам, что совесть обладает повелительностью над человеком, безотносительно к

тому, истинно её содержание или ложно; далее, совесть есть начало самоопределяющееся, независимое даже от воли субъекта и в этом смысле, в некоторой степени, неменяемо даже человеческой свободе; наконец, самое важное свойство совести то, что она не может оставаться на степени внутреннего акта, а стремится обнаружить воспринятые ею религиозные убеждения и верования во вне. Из первых двух свойств совести вытекает то положение, что человек не властен в своих религиозных убеждениях и потому не ответствен за них перед внешним законом; из последнего же свойства совести вытекает право религиозных обществ на свободу культа.

В-третьих, индивидуальная свобода совести должна быть необходимо осуществлена в интересах всего человечества вообще и для пользы каждого из государств в частности, ибо проведение её в жизнь служит залогом мира, спокойствия, благополучия и силы, как первого, так и последних.

Взвесим теперь то, какую степень убедительности, силы и значения имеют сейчас приведённые нами доводы, на которых современная наука и цивилизация основывают своё право проведения в уголовном законодательстве относительно преступлений против веры принципа личной свободы совести, понимаемой в смысле права человека исповедовать то религиозное убеждение, которое он считает истинным и необходимым для своего спасения.

Мы видели, что право практического осуществления и проведения принципа индивидуальной свободы в уголовное законодательство относительно еретиков и раскольников либеральные умы, следуя прогрессивным идеям века, выводят из самого существа христианства, из идеи о том, что религия сама по себе и исключительно есть дело совести и что в своей совести человек не обязан отчётом никому, кроме Бога. При этом предполагается, что свобода совести может быть внутренняя, личная, неограниченная не только религией общества или законами государства, но и учением церкви, – такая, что всякий по своему разумению и убеждению может независимо исповедовать ту или другую религию, иметь свой личный образ мыслей в делах веры, без всякого

положительного обязательства поступать так или иначе в этих делах и давать кому бы то ни было отчёт в своих религиозных чувствах и убеждениях. Конечно, совершенно справедливо то мнение представителей современной культуры и цивилизации, что свободу совести нужно производить из существа самой религии, ибо только имея твёрдое основание в религии, она будет истинна, верна в своём направлении и благотворна в своих действиях ²⁸⁴. Но вопрос заключается в том, можно ли выводить принцип свободы совести из существа христианства, понимая эту свободу в смысле *права исповедовать то религиозное убеждение, какое кому нравится*? Имеет ли такая идея религиозной свободы достаточные для себя основания в самой религии, в её существе? И верно ли здесь понимается религия и существо её? Сообразна ли эта идея с положительным учением христианства, с его основными началами в Евангелии, с его чистейшими неповреждёнными первобытными преданиями?

*Идея такой безусловной религиозной свободы не согласна с христианством и не имеет за себя оснований в его положительном учении*²⁸⁵. Как она могла возникнуть у интеллигентных людей западноевропейского образования? Отвечаем: *по недоразумению*²⁸⁶. Справедливость этого мнения открывается из следующих рассуждений. По отношению к религии и совести вообще, вопрос о её свободе существует в двух видах: в виде вопроса «о свободе религии», понимая эту «свободу религии», как свободу жизни по религии, устройства культа²⁸⁷ и т. п. В этом последнем случае, когда под свободой совести разумеется внешнее обнаружение религиозных верований, «свобода совести» делается «свободой вероисповедания» и на этой ступени может быть рассматриваема, как вопрос государственного права, имеющего дело с разными сторонами внешней жизни членов государства. Ясно также, что вопрос о свободе совести, понимаемый в смысле вопроса «о свободе религии», составляет вопрос внешней жизни церкви, как общества видимого, существующего на ряду с обществом другого назначения, т. е. государством²⁸⁸. По отношению к христианству вопрос о свободе совести

существует ещё в виде вопроса *«о свободе в религии»*, или о мере свободы, допускаемой Церковью для каждого отдельного человека – христианина по отношению к содержанию самого же христианства²⁸⁹. Если вопрос поставляется таким образом, что в решении его хотят найти то или другое решение вопроса об отношении, в какое само христианство, по своим коренным принципам, ставит личное богословское мнение христианина, разномыслие по вопросам догматики, обряда и т. п., то вопрос о свободе совести, оставаясь таковым и при такой постановке дела, находит уже своё решение в самом христианстве, в коренных положениях и свойствах догматического закона, и становится вопросом внутренней жизни Церкви²⁹⁰. Из приведённых рассуждений вытекает, что употребляя один и тот же термин «свобода совести», можно иметь в виду два положения совести: одно имеет в виду совесть чисто-христианскую, – совесть человека, принадлежащего к Церкви Христовой, и рассматривает индивидуальное христианское убеждение в его отношении к обще-церковным требованиям; другое имеет в виду совесть в её всеобщности, независимо от того, будет ли она совестью православного христианина, или христианина заблуждающегося, или даже человека внешнего по отношению к христианству²⁹¹. *Свобода совести*, понимаемая безотносительно к содержанию человеком учению религиозному, а только *в смысле свободы устройства внешнего культа*, никогда не была противна к христианству²⁹². Это показывает теория и практика древне-вселенской Церкви, к которым нужно всегда обращаться за разрешением вопросов о религии и в них искать точных ответов: там истинное христианство, там вся его чистота, целостность, сила; там его верный, неповреждённый образ²⁹³.

Древне-вселенская Церковь, взятая в целом, как самостоятельный институт, безотносительно к личным мнениям, выражаемым некоторыми отцами и учителями Церкви по вопросу о веротерпимости, никогда не стояла враждебно к этой веротерпимости и никогда, по своему собственному почину, не стремилась её нарушить. Принуждение в делах веры и проповедовалось и приводилось на практике или отдельными

лицами, – пусть они и принадлежат к Церкви, – которые не могут быть непогрешимы в своих мнениях и действиях, или установлением в истории человечества, вовсе независимым, в громадном большинстве случаев, от мнений самой Церкви, т. е. государством, и возводить нарушение принципа терпимости к самой Церкви, как учреждению Божественному, коим руководит Дух Святой, по меньшей мере несправедливо.²⁹⁴ Основным вопросом по отношению к свободе совести, очевидно, служит вопрос об условиях вступления в христианское общество верующих, или Церковь.²⁹⁵ Какое же коренное начало было положено Церковью для принятия людей, желающих войти в её ограду? Коренным таким началом христианского прозелитизма была *абсолютная свобода* при восприятии религии Христовой, как следствие не нудящей силы, которая влекла бы человека ко спасению даже против его воли, но призывающей благодати.²⁹⁶ Общая мысль Церкви о свойствах «пропаганды» была та, что этой «пропаганды» не свойственно совершаться путём насилия над чужой религией, путём не только прямого, но и косвенного принуждения к принятию христианства, помимо открытой и свободной пропаганды его. Так христианская Церковь первых трёх веков *отрицала* всякую мысль о возможности привлекать к христианству *путём каких-либо облегчений* в гражданской жизни и путём снисхождений: напротив, христианство положительно требовало пожертвований со стороны прозелита в отношении к его гражданской жизни, как доказательства совершенной свободы вступления в христианство, в случае, конечно, конфликта между требованиями христианства и отношениями и условиями внешне – гражданской жизни прозелита.²⁹⁷ Если позднее, в IV и начале V века, Церковь, по видимому, отступила от указанного принципа, прося у правительства некоторых привилегий для вступающих в неё, (например, не принуждать гладиаторов исполнять обязанности их профессии), то это объясняется тем обстоятельством, что эти привилегии обыкновенно касались лишь устранения внешних препятствий, вытекающих из общественного положения обращающегося к христианской вере, по которым сама Церковь не могла принять желающих вступить в неё.²⁹⁸ В общем же

теория абсолютной свободы христианского прозелитизма в древне-вселенской Церкви возведена была в *неукоснительное правило*²⁹⁹. Особенно яркое обнаружение этого принципа можно видеть в отношении Церкви к язычникам. Церковь не одобряла, в видах распространения христианства, уничтожения предметов языческого культа. Так, в 306 г. собор Эльвирский категорически осуждал тех из христиан, кои думали способствовать торжеству христианства уничтожением предметов языческого культа. «Если бы кто разрушил идолов, говорит одно из правил этого собора, и при этом был убит язычниками, то поскольку такое разрушение ни в Евангелии не предписано, ни апостолы этого никогда не делали, собор определяет, чтобы таковой не считался в числе мучеников».³⁰⁰ Древне-вселенская Церковь IV и V веков, в лице своих представителей, – как напр. Афанасия Александрийского, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Кирилла Иерусалимского, в эпоху полной внешней своей свободы, держались той же теории пропаганды христианства, которая была развиваема в первые три века существования христианства. Вступление в Церковь указанными представителями её было признано, независимо от прозелитических приёмов государства, как дело, требующее свободы, любви, а не принуждения или завлечения, с прямым или косвенным насилием над личностью или верой обращаемых.³⁰¹ Церковная практика IV и V веков вполне соответствовала теории. Церковь не только не употребляла насилия или каких-либо материальных средств для завлечения в христианство, но, как и в первые три века, выражала стремление иметь в своей среде *только людей убеждённых*.³⁰² Об этом с достаточной ясностью свидетельствует существование так называемого огласительного института, получившего своё начало ещё в первые времена христианства и имевшего своей целью ознакомление с истинами христианской веры человека, желающего принять крещение и соделаться членом Церкви Христовой.³⁰³ Правда, что Феодорит в своей истории рассказывает о Златоусте, будто он прибегал к насилию над предметами языческого культа: «Узнав, что в Финикии есть безумцы, говорит Феодорит в своей истории, –

служащие ещё демонам, он (Златоуст) собрал пламеневших ревностью подвижников, и, *уполномочив их царскими указами*, послал (в Финикию) для сокрушения идольских капищ, и таким образом, остававшиеся языческие капища они разрушили до основания».³⁰⁴ Действия, приписываемые Феодоритом Златоусту, сомнительны.³⁰⁵ Из собственных писем Златоуста, в которых он излагает своё мнение о том, какие средства он считает дозволенными для действовавших в Финикии монахов, не указано ни одного такого, которое побуждало бы монахов к тому, для чего, по Феодориту, Златоуст прямо посылал их.³⁰⁶ И в позднейшее время, в VI и VII веках, Церковь продолжала держаться той мысли, что не следует усвоить иного способа распространения христианства кроме проповеди, и иных условий принятия в Церковь, кроме свободного убеждения. VI Вселенский Собор в правиле 59 и VII – в правиле 8 категорически высказались против принятия еретиков в лоно Церкви путём поблажек и привилегий. Указанные правила Соборов знают только «хотящих» крещения, а тех, которые, вследствие политики Византийского государства, оказались бы в Церкви без своего хотения, извергает из своего лона и предоставляет им «явно» быть тем, чем они, при наружном христианстве, были «тайно». Только на одном соборе мы имеем, по-видимому, факт противного свойства. Так, пятый карфагенский собор (прав. 69 ср. 95)³⁰⁷ отправил императору Гонорию посольство с просьбой, «искоренить останки идолов по всей Африке», в частности «идолов истребить и капища их в сёлах и в сокровенных местах *без всякой благовидности стоящая*». Но, по толкованию Вальсамона, последнее выражение собор употребил не для того, чтобы различать, что остающиеся без благообразия капища нужно разрушать, а те, которые имеют ещё прежний (благообразный) вид, сохранять, – но, чтобы показать, что капища уже начали разрушаться, оставаясь как бы полуразрушенными.³⁰⁸ Аристин мотивы этой просьбы собора объясняет так: «ибо если эллины почитали некоторые (из предметов, указанных собором) или делали при них прорицания», то зачем «и по уничтожении заблуждения» сохраняться таковым предметам?³⁰⁹ Текст правила и снесённые

с ним толкования, таким образом, показывают внутренний смысл этой противоязыческой просьбы: просьба клонилась *не к насилию* над предметами почитания язычников, а к уничтожению предметов *ненужных никому*, но производящих соблазн и религиозный вред.³¹⁰ Остальные правила этого собора, касающиеся язычества, ничего не говорят о мерах насилия над язычниками, будто бы узаконенных собором. Так, правило 41 карфагенского собора говорит только о том, чтобы государи в городах и селениях запретили языческие пиршества (*convivia*), и чтобы никакие зрелища и ни под каким видом не совершались в дни воскресные.

Эту аксиому о свойствах христианской пропаганды, самой Церковью по собственной её инициативе провозглашённую, она (Церковь) старалась применять на практике; по своей собственной инициативе Церковь не требовала чего-нибудь противного принципу свободы вступления в её лоно; лица, мнением которых дорожило христианское общество, продолжали признавать справедливым тот же принцип, хотя в отдельных случаях и не всегда можно было видеть согласие принципа с совершившимся фактом.³¹¹ Уклонения от коренных идей Церкви относительно свободы христианского прозелитизма и осторожности при принятии в Церковь людей, желающих вступить в неё, стали замечаться на востоке с VI века.³¹² Особенно эти уклонения ярко бросаются в глаза на западе, где ослаблен был институт катехумената и практиковалось насильственное обращение в христианство иудеев³¹³ узаконенное даже собором Толедским. Что же касается государства, то оно начало практиковать меры прямого и косвенного принуждения над разномыслящими и неправо мыслящими ещё в первой четверти IV века. Сама же Церковь, если и не оказывала открытого протеста этим мерам, но нельзя доказать, что она одобряла эти меры.³¹⁴ Итак в первые века христианства и во весь период Вселенских Соборов Церковь сама по себе оказывалась совершенно чуждой всякого насилия совести, нетерпимости и религиозной вражды.³¹⁵

Но если христианству не противна «свобода религии», то отсюда ещё не следует с логической необходимостью, что оно

допускает полную «свободу в религии.» В древней Церкви, в периоде вселенского единства, нечего искать терпимости, в смысле безразличия ко всякой формуле исповедания или в смысле признания за каждым отдельным членом Церкви права одну часть символа принимать, а другую отбрасывать.³¹⁶ Церковь не могла допустить такой терпимости потому, что подобное допущение повело бы к движению в существе самой истины христианской, которая неизменна, непоколебима.³¹⁷ Если Церковь и допускала развитие в христианстве, то только в смысле «объяснения» того, что ранее было недостаточно объяснено, «решения» того, что прежде не было решено,³¹⁸ и, во всяком случае, старалась точнейшим образом определить как «предметы» могущие быть оставленными для свободомыслия, так и «условия» пользования свободой мысли.³¹⁹ Напрасно поэтому утверждают выразители прогрессивных идей века, что свобода совести в том состоит, чтобы *религия человека основывалась на собственных личных убеждениях его ума и сердца*. Очевидно, что они совершенно не могут дать себе отчёта о пределах религиозной свободы, дозволенных христианством и определяемых термином «свобода в религии.» Все их доводы в пользу такого безусловного понимания свободы совести не выдерживают поэтому на малейшей критики. Прежде всего, нельзя выводить такого понимания свободы совести из самого существа христианства, как религии свободы, религии, перед лицом которой дорого только внутреннее настроение и расположение человека и которая, отрицая поэтому всякое насилие над внутренним религиозным чувством человека, всецело проникнута духом любви, кротости и терпения. Ссылаться в данном случае на дух самой религии, без положительных оснований, заключающихся в самом Евангелии и учении Церкви, недостаточно и ненадёжно потому, что дух без живого, ясного слова, без положительного выражения его мыслей и верного, ему принадлежащего, образа, не может быть верно понят, не может быть твёрд и действителен; он будет только отвлечённым понятием, общей идеей, скорее призраком, чем действительностью, и очень легко может смешиваться с

другими, чуждыми ему духами; а неверно понятый в самом себе, он будет уже невольно вводить в заблуждение людей.³²⁰ Поэтому, когда в настоящее время в религиозных отношениях с людьми, разномыслящими в вере, требуют терпимости и гуманности во имя самой религии, исполненной духа свободы, любви, кротости и терпения, то приводят недостаточное доказательство и основание для своего требования.³²¹ Говоря вообще, действительно таков дух христианской религии.³²² Но в приложении к иноверию и разномыслию в вере он имеет свои определённые черты, которые указываются в самом учении религии, которые придают духу её точный образ, ясное очертание, верные границы, наконец – силу положительного закона в христианстве. Эти черты мы должны видеть, напр., в следующих словах Спасителя: *«пройдёт небо и земля, но ни одна йота, ни одна черта из закона не пройдёт, пока всё не будет исполнено. Кто нарушит одну из заповедей малых и научит так людей, тот меньшим всех будет признан в царстве небесном; а кто сделает (всё) и так научит (других), тот великим признан будет в царстве небесном»* (Мф.5:18–19). Следовательно, в истинном христианстве не общий дух только имеет значение и силу нравственную, но и каждое положительное правило веры и жизни обязательны для христианина и всего христианского общества: и только в точном разумении и деятельном исполнении всех этих правил, а не в одном духе религиозном, заключается истинное достоинство христиан.³²³ Сюда, к разномыслию в вере, относятся и слова Апостола: *«еретика человека, по первом и втором вразумлении, отвращайся»* (Тит.3:10); или: *«если мы или ангел с небеси благовестит вам иначе, нежели как мы (апостолы) благовестили, анафема да будет»* (Гал.1:8). Устранять из вида такие черты положительного учения значит повреждать или неверно понимать сам дух учения Христова.³²⁴ Таким образом, религия христианская имеет точный, определённый образ, начертанный в Божественном Откровении, которое и должно служить для нас единственным основанием для определения истинности христианской религии.³²⁵ Отсюда истина христианского учения должна быть абсолютна и едина,³²⁶ а не

безотносительна, как думают некоторые; общеобязательна,³²⁷ а не давать места для безусловной личной свободы при её восприятии и независимости суждений о ней, ибо это поставило бы её в зависимость от человеческого разума и убеждения,³²⁸ – факторов, которые могли бы далеко отклонить человека от той самой истины, которая служит предметом его исканий. А если Богооткровенная истина абсолютна, едина и общеобязательна, то очевидно, что не всякое внутреннее настроение и расположение сердца, хотя бы и совершенно свободное, вытекающее из тайников человеческого сердца и потому искреннее, имеет цену перед Богом, а только такое, которое вполне согласно с этой Богооткровенной истиной.³²⁹ Если же допустить, что само содержание религии необязательно для человека, то нужно признать, что человек может быть и полновластным в религии, может быть не учеником и послушным исполнителем её, а самоучителем и судьёй, т. е. свободно может сам себе составлять учение религии, выбирать в ней удобные себе правила, отвергать неудобные и сам определять свои отношения к Богу. Но в таком случае признание полной свободы человека в содержании религии равняется отрицанию её в совести, ведёт к уничтожению её в действительности.³³⁰ Отсюда, истинная точка зрения на свободу совести должна всецело совпадать с верным пониманием существа христианства и согласоваться с требованиями вытекающими из самого его существа.³³¹ Свобода совести в религии должна вести к точному и неизменному определению и сохранению её по учению Богопреданному, а не по соображениям человеческим. Это подтверждает Сам Спаситель в следующих словах: *«кто исповедает Меня перед человеками, исповедаю его Я пред Отцом Моим, который на небесах. А кто отречётся Меня перед человеками, отрекусь и Я от него пред Отцом Моим»* (Мф.10:32,33). Вот истинная свобода совести в христианстве: это независимость положительной христианской веры, а не собственных мнений и убеждений человека в религии, это открытое общественное, а не уединённое, исповедание в мире Сына Божия и притом такое, которое могло бы оправдаться исповеданием Самого

Сына Божия перед Отцом Небесным, т. е., чтобы Сын Божий мог признать это исповедание верным Его духу, Его учению, Его искупительному делу в мире. Так как слова эти сказаны Спасителем при назначении апостолов на проповедь Евангелия, то ясно, что исповедание должно разуметь здесь евангельское, апостольское, вселенское, а не частное какое-либо или личное, предоставленное собственному образу мыслей каждого из нас.³³² Отсюда должно заключить, что независимое от учения Спасителя, апостольского предания и Церкви исповедание веры, иначе – свободное, личное понимание религии должно почитаться только делом «мира», т. е. людей вольномыслящих, враждебных истинной вере, и потому не может быть и признаваемо христианским.

Теперь, когда мы установили истинно христианскую точку зрения на понятие свободы совести, спрашивается, как должно с этой точки зрения представить себе отношение государства к религиозному разномыслию, когда оно, в своих внешних обнаружениях становится фактом государственного права?

Мы видели, что представители современной культуры и цивилизации требуют от государства вероисповедной равноправности, выходя из принципа личной свободы совести, принципа, имеющего обоснование, по их мнению, в учении о безотносительности христианской истины, иначе говоря, в учении о субъективной только её достоверности для нас. Значит и мы с равным правом можем представить себе преимущественное положение в государстве одной христианской религии, выходя из истинно-христианского понятия свободы совести и обосновывая это понятие, в свою очередь, в той же христианской истине, но представляя эту истину имеющей объективную достоверность. Если достоверно, что религиозная истина одна и что только одно вероисповедание может быть истинным, то свобода совести должна быть понимаема, как согласие индивидуального религиозного мнения христианина с коренными принципами этого вероисповедания. Всё, что выходит за пределы этой свободы, превышает её меру и вредит ей, должно быть устранено. Значит, христианское государство поступает, с точки

зрения христианской свободы совести, законно, если, чуждаясь само мер насильственного привлечения в недра Церкви людей не убеждённых в истине, однако, с одной стороны, своими постановлениями охраняет, распространяет и утверждает это единое истинное исповедание, как неприкосновенное, даёт ему права и способ для развития в обществе, защиту и безопасность от враждебных против него действий иноверия, лжеучения, фанатизма и проч. Сама Церковь нередко испрашивала от Православных государей таких постановлений (Карфаг. 69, 71, 78, 104, 105). С другой стороны, с точки зрения христианской свободы совести, нужно почитать вполне нормальным то явление, если какое-нибудь вероучение, становясь в своём внешнем обнаружении фактом государственного права, не пользуется в христианском государстве полной свободой культа, а признаётся только терпимым, как вовсе не имеющее в себе элементов христианского учения, или-же, хотя и носит в себе эти элементы, но не пользуется полной свободой, как уклонившееся от первоначального учения.³³³ Мало того; христианское государство может и вовсе отказать в праве на существование такому вероисповеданию, в учении которого положены начала, разрушающие совершенно религию, нравственность и социальный строй общества, и культ которого соединён с какими-нибудь противо-нравственными и гнусными действиями. Вот что говорит один из наших знаменитых канонистов, Еп. Иоанн Смоленский, о той норме отношений, которая должна существовать у Церкви и государства к разномыслящим в вере членам гражданского общества. «Что касается до иноверных членов гражданского общества, то, хотя Церковь, по евангельскому праву всемирного распространения веры Христовой и по свойственному ей самой стремлению – обращать заблуждающих на путь истины, не может не желать, чтобы иноверцы присоединялись к её обществу: но она по духу Христову и апостольскому никого не принуждает к обращению (2Тим.2:24–26), а терпеливо ожидает обращения и принимает только добровольно обращающихся (Карфаг. 77, 80, 103 и 122). Соответственно этому духу православной Церкви, и

гражданское общество может иметь свою веротерпимость, обращая её в право для себя и в закон для своих членов, чтобы в составе его имели свои неприкосновенные гражданские и религиозные права иноверцы разных, более или менее отдаляющихся от Церкви, исповеданий; в таком случае иноверцы пользуются свободой вероисповедания. Но священные права Церкви православной, первенствующей в обществе, требуют: 1) чтобы иноверные религии не имели права распространения между православными в обществе, где эта Церковь должна господствовать, и где, следовательно, это право для неё одной должно быть сохранено (Карфаг. 104, 105, 112); 2) чтобы иноверцы своими открытыми обрядами не производили соблазна и вреда для членов Церкви, особенно, чтобы своим вмешательством или насилием не делали никакого замешательства в православной Церкви, её собраниях, обрядах, управлении (Лаодик. 6, Тим. 9, Ап. 75, II Всел. 6); 3) чтобы намеренно не препятствовали распространению православной веры в своих обществах и свободному обращению к ней желающих из своих членов; 4) чтобы, не подлежа прямо внутренним законам православной Церкви, касающимся только её членов, не нарушали внешних, к ней относящихся, постановлений, как то: относительно её мира, благочестия, прав гражданских (Карфаг. 104); наконец, 5) чтобы со стороны государства употреблены были надлежащие меры к предупреждению и пресечению всяких совращений в иновение от веры православной (Карфаг. 69, 71, 95, 104, 120). Мера веротерпимости, соответственно тому, степень свободы и прав, даруемых иноверцам в отношении к их исповеданию, зависит от государственных постановлений, – впрочем, не без соображения с церковными, чтобы свобода иновения не была стеснительна для православия, чтобы усиление прав первого не было противоречием господствующим правилам последнего, не могло бы вести общество к равнодушию или безразличию в вере.³³⁴

Далее, напрасно представители современной культуры и цивилизации, защищая принцип абсолютной свободы совести и веротерпимости и требуя проведения его в наше уголовное

законодательство относительно еретиков и раскольников, стали бы ссылаться на те свойства этой свободы, которые ей присущи, когда она рассматривается как психологический акт: на то, что она обладает повелительностью над человеком безотносительно к истинности или ложности её содержания; что она есть начало скрытое в глубинах человеческого духа, не подлежащее внешней репрессии; что она есть начало самоопределяющееся, независимое даже от воли субъекта и в этом смысле неменяемое даже человеческой свободой; что она, наконец, и это самое главное, – не может оставаться на степени внутреннего акта, а стремится обнаружиться во вне. Эти свойства совести опять-таки не ведут к признанию того, что за еретиками и раскольниками, с точки зрения христианского учения, должно быть признано право абсолютной свободы совести, право содержать всякое религиозное убеждение, какое им только вздумается, и свободно выражать его во вне. Это видно уже из ранее приведённых рассуждений об объективности христианской истины и из определения истинно христианского понятия свободы совести. Не делая насилия над религиозными убеждениями других, христианство провозглашает, однако, в принципе, что религиозная истина есть одна, что не может быть нескольких одинаково истинных религий и что поэтому и точка зрения на свободу совести должна быть одна, именно должна совпадать с верным пониманием христианства и согласоваться с требованиями, вытекающими из самого его существа. Отсюда следует, что обязанность, как всякого частного человека, так и государства, заключается в том, чтобы признать одно только вероисповедание христианское истинным, универсальным для всех людей, независимо от их национальности и принадлежности к тому или другому государству. Вполне естественно, след., со стороны государства и то его действие, если оно именно это одно только вероисповедание, как вполне православное, необходимо нужное всем для спасения, наделяет привилегиями, делает господствующим, и если и терпит и не делает насилия над религиозными убеждениями людей разномыслящих в вере, равно как и над внешними

обнаружениями этих убеждений, то и не даёт этим последним полной и безусловной свободы в ущерб господствующему культу, а ограждает неприкосновенность и целостность этого культа, если прочие вероисповедания, выйдя из пределов предоставленной им свободы, посягнули бы на прерогативы этого культа или действовали ему в ущерб. Мало этого. Государство вправе и вовсе отказать в терпимости и преследовать даже уголовными карами за такие религиозные убеждения, которые, будучи противны христианскому учению и заключая в себе элементы вредные с общественной и государственной точки зрения, в своих внешних обнаружениях являются преступными деяниями, нарушающими правила нравственности, общественный порядок, вредящими жизни или собственности граждан и т. п. Необходимость строгих карательных мер по отношению к внешнему обнаружению таких религиозных учений оправдывают даже самые горячие защитники свободы совести и веротерпимости. Органы, призванные к защите внешнего юридического порядка, по их мнению, не могут оставлять преступления безнаказанным на том основании, что дозволенность его, может быть, составляет предмет религиозного учения. «Мыслим такой случай, говорит доктор Маассен, что какой-нибудь безумец – мечтатель делает во имя религии такие вещи, которые не согласны с юридическим законом, или что индивид, вступивший в конфликт с уголовными законами, ссылается с лицемерной отговоркой на свою совесть для оправдания своего преступного деяния. Что государству не возбраняется по отношению к таким святошам сделать употребление из того меча, который не напрасно носит начальство, – отрицать это не придёт никогда в голову сколько-нибудь серьёзному человеку». Обыкновенно вопрос о том, какие деяния государство с своей стороны не обязано терпеть, хотя бы они были религиозно-совестными деяниями, как теория, так и законодательная практика государства, отказавшегося от гонения, решают в том смысле, что нетерпимы те из форм и актов обнаружения религиозной совести, кои сопряжены с нарушением в каком бы то ни было отношении прав других членов государства. «Если, говорит Блюнчли, каждый имеет

право, следовать субъективно – истинному исповеданию, то однако же никто не имеет права выбирать такую форму обнаружения своей религии, которая (форма) или: а) оскорбляет другие, признанные государством религиозные учреждения и наносит ущерб их существованию, или в) вредит общественному благу и является опасной для общества, – так как государство имеет своей задачей охранять общественное благополучие от ущерба и опасности.³³⁵

Что касается первого пункта, то удобоисполнимость его очевидна: охраняя одну совесть, государство обязано к тому же и по отношению к другой. Но что касается второго пункта, т. е. понятия преступности религиозных идей, как основания для изъятия их из закона терпимости, то уже известный юрист XVII века Томазиус заметил, что здесь государство может оказаться на пути весьма скользком. Ибо как известно, в государстве всегда бывают преступления, так сказать, условные, кои в одну эпоху суть преступления, а в другую – безразличные деяния. Поэтому под именем «преступности» в обнаружениях совести должно признать правонарушения в сфере натурального права, т. е. относительно жизни, имущества и т. п. членов государства. «Можно оставить человеку его иллюзии, насколько они не преступны, говорит один публицист (Portalis), пусть человек заблуждается, лишь бы он был добродетелен, но человек не должен быть безнаказанно преступен, каков бы ни был тот Бог, которого он призывает... Пусть свободно говорят оракулы! Но если эти оракулы потребуют преступлений, они должны быть наказаны, как деятели преступные.»³³⁶ Новое западно-европейское государство поэтому, не смотря на свою заботу о всецелом проведении начала личной свободы совести, совершенно отказывается признать гражданскую правоспособность известного религиозного общества, прежде чем не удостоверится в безвредности руководящих принципов учения этого общества³³⁷ и содержимого им культа. Признания гражданской правоспособности, напр., в германских государствах может ожидать от правительства только такое религиозное общество, которое в своём вероучении, в своих обрядах, уставах и действиях не заключает ничего

противоречащего чувству благоговения к Богу (Саксонский закон 20 июня 1870 г.), требованиям нравственности и законам страны³³⁸.

Наконец, далеко не убеждают представители современной культуры и цивилизации в основательности своих требований безусловного проведения принципа личной индивидуальной свободы совести в уголовное законодательство, когда приводят в своё оправдание те аргументы, что терпимость к различным вероисповеданиям, к обнаружению учения различных религиозных сект и фракций, исключая начала абсолютной ортодоксии и монопольного прозелитизма, служит залогом благополучия государств, проводником мира, спокойствия и довольства внутреннего для всего человечества. Прежде всего представляется не основательным то суждение представителей современной культуры и цивилизации, что абсолютная веротерпимость к разномыслию религиозному, безразличное отношение ко всем вероисповеданиям, игнорирование единства веры, способствуя спокойствию умов и умиротворению страстей, отнимает всякий предлог для недовольства у разномыслящих и неправомыслящих в вере. Действительно, в настоящее время все законодатели на различие вер в государстве смотрят с одной точки зрения: они остаются в той уверенности, что религиозная терпимость к различным исповеданиям есть наилучшее средство сохранять мир и тишину между религиозными диссидентами³³⁹. Едва ли кто решился бы теперь оспаривать и то, что нетерпимость к разномыслию и разноверию религиозному возбуждала всегда религиозный фанатизм преследуемых; что она была причиной, как показывает история, многих религиозных войн одного народа с другим, вредивших миру Европы и, вооружая руки правителей на своих подданных, влекла за собой для последних жестокие кары³⁴⁰, вследствие чего расстраивалось мирное течение жизни государств. Но из признания этого положения вовсе нельзя ещё сделать с логической необходимостью того вывода, будто полная абсолютная терпимость государства к разным вероисповеданиям, в нём существующим, терпимость, доходящая до презрения единой

истинной христианской веры, до крайнего индифферентизма, влечёт за собой мир, спокойствие и благо человечества и государств. Дарование одинаковой свободы вероисповедания всем религиозным сектам и фракциям, исключаящее собой существование в государстве на привилегированном положении единой истинной христианской религии, невозможно, ибо приводило иногда и приводит доселе на практике не к примирению этих религиозных сект и фракций между собой и не к уничтожению в них духа прозелитизма, а к усилению его в них и к столкновению их между собой. Полная равноправность в отправлении религиозного культа, предоставленная государством всем религиозным сектам и фракциям, поведёт к тому, что каждая из них будет искать случая усилиться на счёт другой посредством увеличения количества прозелитов своего учения, путём приобретения себе больших привилегий от государства и достижения в нём большей силы и значения в сравнении с прочими религиозными сектами и фракциями. При таких обоюдных стремлениях различных религиозных союзов к пропаганде своего учения, к захвату привилегий и преимуществ от государства и к распространению в нём своей силы и значения на счёт прочих вероисповеданий, не может быть, конечно, и речи о мирном течении жизни в нём, о его спокойствии и благе, если оно само не обратится, в известных случаях, к репрессивным мерам: не стеснит принцип личной религиозной свободы, не начертает законом определённых границ веротерпимости и не обставит более или менее строгими карами нарушение правил веротерпимости раз установленных законом ³⁴¹. В настоящей жизни Европейских народов можно подметить то явление, что различного рода волнения, беспорядки и неурядицы в государствах происходили и происходят иногда вовсе не от того, что ограничивалась терпимость к религиозным диссидентам в пользу какого-нибудь одного вероучения, а от того, что предоставлялась полная свобода одновременному существованию в государстве многих религиозных верований, сект и фракций, не могших ужиться мирно между собой. Такого рода неурядицы, имеющие своим источником желание одного религиозного общества возвыситься

на счёт другого, испытало на себе и западноевропейское государство, руководствующееся принципом вероисповедной равноправности. Так германские государства вынуждены были совершенно лишиться права на существование такие общества, которые обнаруживали тенденции нарушить политические, гражданские и религиозные права других религиозных обществ (Гессенский закон 23 апреля, 1875 года; Баденский закон 3-го октября 1860 года; Виртембергский закон 9 апреля 1862 г.³⁴²). Но, при допущении абсолютной свободы вероисповедания, источником бедствия для государств может быть не только борьба религиозных вероисповеданий между собой, но и борьба этих последних с государством, могущая явиться следствием обоюдного их стремления к захвату от него больших для себя привилегий. Так католическая церковь в германских государствах, желая усилиться на счёт протестантской, пользующейся в Германии одинаковыми с ней правами, ведёт борьбу не только с протестантской церковью и другими религиозными союзами, но и принципиально стоит в оппозиции новому государству, не желающему удовлетворить её притязаниям на разного рода права. Эта оппозиция во всякое время может принять форму более или менее жаркого столкновения, пример которого даёт нам история в так называемой «культурной борьбе», предпринятой западными государствами с целью подавления возраставшего нравственного влияния и внешнего могущества католической церкви³⁴³. Предупредить эти столкновения, а также нарушение установленных государственных законов со стороны церковных властей новое государство не может; предупредительные меры не в его духе. Оно может прибегнуть в своей защите только к карательным мерам, которые уже и формулированы некоторыми германскими государствами – Прусским, Баденским и Гессенским. По законам этих государств положены уголовные кары (денежный штраф и заключение в тюрьме) за некоторые правонарушения со стороны церковных властей и духовных лиц вообще³⁴⁴. Достаточно привести себе на память и эти факты враждебных отношений между церковью и государством на западе Европы, чтобы прийти к убеждению в том, что и полная

веротерпимость к различным вероисповеданиям не всегда может служить прочной гарантией мира и благоденствия для государств. Кроме этого, одинаковая веротерпимость к различным союзам не только может служить источником разного рода столкновений и распрей между этими последними, навлекать их ненависть на государство и через это сеять в нём смуту и неурядицу, но и прямо, так сказать, непосредственно вредить целостности и прочности государственного организма. Дело в том, что известная, определённая, единая религия служит крепчайшей опорой всякого племени, всякой национальности, неразрывной связью, незаменимым цементом всех частей, входящих в состав того или другого племени, той или другой национальности³⁴⁵. Разрушается эта связь, колеблется целостность и национальных и племенных элементов; получает устойчивость религия, растёт вместе с тем сила и крепость национальных и племенных устоев. Из этого общего закона следует то правило, что если верования какого-либо другого народа, живущего в государстве, помимо верований коренных и природных его обитателей, получают полную свободу в своём внешнем обнаружении, то происходит в данном случае то явление, что верования чуждого народа, получив полную свободу своего обнаружения и распространения, незаметно, может быть, медленно, но неуклонно содействуют сплочению нравственных сил этой чуждой народности, дают ей возможность могущественно воздействовать на упрочение своих и подавление государственных национальных элементов и таким образом организуют для нации известного государства опасного политического противника³⁴⁶. В том же случае, когда обособляется в своих религиозных верованиях от национальной религии известная часть народа, она стремится также к обособлению в политическом и гражданском отношениях, становится маленьким государством в государстве и в этой своей обособленности достигает иногда такой, можно без преувеличения сказать, упругости, если можно так выразиться, самозамкнутости и самособранности, что никакие компромиссы, никакие уступки со стороны государства не заставят эту маленькую часть добровольно слиться со своим целым,

уподобиться или ассимилироваться с ним³⁴⁷. Из признания несомненности последнего факта следует тот вывод, что сепаратизм религиозный порождает и сепаратизм гражданский³⁴⁸. А если последний вывод, в свою очередь, верен, то значит, не веро-исповедно-безразличное государство может претендовать на большую устойчивость, крепость, след., и спокойствие, а государство, которое заботится об охране единства веры и религиозного упования³⁴⁹. Не даром религиозное единение народа составляло могущество государств, и посреди великих исторических потрясений союз с Церковью удваивал силу этих государств³⁵⁰. Замечательно в данном случае то обстоятельство, что западноевропейское государство, в принципе старающееся относиться безучастно ко всем вероисповеданиям и сравнивать их во всех отношениях с другими обществами частного правового характера, на практике не может выдержать безусловно этого принципа: оно как будто доселе более тяготеет к одним вероисповеданиям, чем другим. Так между религиозными обществами существуют на западе и такие, которые имеют характер публичных корпораций или учреждений публичного права³⁵¹. В свою очередь среди религиозных корпораций публичного права выделяются в особую группу великие исторические христианские вероисповедные общества – католическая, протестантская и реформатская церкви³⁵². Государство признаёт за ними даже в сравнении с религиозными корпорациями публичного права большие преимущества и привилегии.

Переходим теперь к последним основаниям, на которых представители современной культуры и цивилизации стараются утвердить своё мнение о необходимости проведения в законодательство, относительно людей разномыслящих и неправомыслящих в вере, принципа индивидуальной религиозной свободы. Они говорят: ересь не должна подвергаться уголовному преследованию не в силу только того, что она есть грех, а не преступление, а потому, главным образом, что она есть *понятие относительное*, ибо все люди в таком случае суть еретики одни по отношению к другим. Чтобы согласиться со справедливостью суждения о том, что ересь есть

понятие относительное, нужно признать то положение, что истина не абсолютна; но мы уже видели, что само существо христианства не допускает такой относительности истины, а, напротив, признаёт существование одной неизменной, безусловной, Богооткровенной истины, которую и предлагает каждому, как необходимо нужную для спасения. След., и еретическое или раскольническое учение перед лицом этой истины не может быть безразличным и относительным. Недаром, конечно, христианство, отвергая всякое принуждение в делах веры, считает, однако, своим призванием быть религией всего человечества, исключаящей все другие³⁵³. Таким образом, ересь если и не преследуется законом (равно как и раскол), то не в силу того, что она заключает в себе понятие по отношению к христианской истине безразличное, а именно только в силу того, что она признаётся законодательством грехом, а не гражданским преступлением. Что касается того утверждения представителей современной культуры и цивилизации, что принадлежность к тому или другому еретическому учению не может быть ярлыком или вывеской его негодности и нисколько не лишает человека права на почётное звание гражданина и титул верноподданного, то и это утверждение можно принять только с большим ограничением. Конечно, и между людьми разномыслящими и неправомыслящими в вере могут быть лица, вполне достойные звания человека и гражданина, но может случиться и обратное явление. В своём месте мы показали, что иногда сама принадлежность к тому или другому еретическому учению, как влекущая за собой антисоциальные и противогосударственные действия, лишает человека права считаться безопасным членом общества и верным сыном своего отечества и подвергает его наказаниям разного рода, не исключая и уголовных.

Выяснения понятий свободы совести и веротерпимости – их сущности, происхождения и значения, во имя которых произошло освобождение западных государств от многовековой опеки церкви и постепенно совершался процесс отделения церкви от этих государств, послуживший в свою очередь прямой причиной коренной перестройки уголовного

западноевропейского законодательства относительно преступлений против веры и проведения в него новых начал, показали нам, что эти понятия были усвоены на западе **неправильно**. Свободу совести нельзя понимать в смысле безусловной индивидуальной религиозной свободы или в смысле права исповедовать всякое религиозное убеждение, и тем более нельзя выводить такой свободы совести из самой сущности христианского учения. Христианство не может признать такого понятия свободы истинным. С точки зрения христианства свобода совести есть радостное, проистекающее из самых заветных тайников человеческого сердца, исповедание веры, вполне согласное с духом и учением Сына Божия. Только такое понятие свободы совести вполне сродно христианству и может проистекать из его сущности. Неверно понятая в своём существе, свобода совести на западе Европы неверно понимается и в своих обнаружениях. Предоставляя право содержать всякому какое угодно религиозное убеждение, западноевропейское государство в своём законодательстве предоставляет такое же право свободы и внешним выражениям всякого религиозного убеждения – всякому богослужению, всякому культу, если только последний не нарушает общепринятых правил нравственности и не может вредить основам жизни государственной вообще. Естественно, что при таком понятии о свободе совести и веротерпимости, у нового западноевропейского государства установилось одинаковое почти и безразличное отношение ко всем культам, в нём существующим. А вследствие этого попирается единая, неизменная, вечная богооткровенная истина, имеющая своей задачей быть религией универсальной, обнимающей всё человечество и исключить все прочие религии, ей несродные или только подходящие к ней, а потому и по существу требующая от государства охраны своему культу от посягательств на него со стороны прочих исповеданий, особого покровительства своему развитию, существованию и распространению. Если, таким образом, ложно были поняты на западе Европы понятия свободы совести и веротерпимости, то ложен был в своём существе и процесс отделения Церкви от

государства, происшедший во имя этих понятий; ложно в своём существе, стало быть, и уголовное западно-европейское законодательство относительно преступлений против веры вообще, явившееся непосредственным результатом этого отделения³⁵⁴.

Секта жидовствующих (Продолжение)³⁵⁵. //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 257–
272

Продолжающееся усиление секты в Москве после собора 1490 года и возбуждение её в Новгороде. Выступление преп. Иосифа Волоцкого на борьбу с сектой. Свержение м. Зосимы и падение придворной партии, покровительствовавшей сектантам. Собор 1503 года и принятие мер к ослаблению секты. Собор 1504 года, осуждение и казнь сектантов. Сочувствие Белоозерских иноков сектантам. Перемены при великокняжеском дворе. Вассиан Патрикеев в Москве и новая вспышка секты. Кончина преп. Иосифа Волоцкого. Торжество учеников преп. Иосифа, противо-сектантская деятельность м. Даниила и соборное осуждение Вассиана Патрикеева. Вспышка сектантского движения в начале второй половины XVI в. Видимое прекращение сектантского движения. Влияние секты жидовствующих на последующее развитие умственно-религиозной жизни русского общества.

Собор 1490 года, как мы видели, отнёсся сравнительно весьма снисходительно к сектантам. Соборный приговор не соответствовал вине осуждённых, по крайней мере, по понятиям того времени. А главное – собор не принял решительных мер к искоренению весьма опасной секты. Соборное осуждение постигло только самых грубых, невежественных сектантов, которые позволили себе открыто ругаться над православной святыней и хулить православную Церковь и её догматы. Но сам источник сектантского движения, руководители его остались неприкосновенными. В лице Зосимы секта восседала на митрополичьей кафедре, а в лице дьяка Курицина и великокняжеской невестки Елены она властвовала при дворе и в гражданском управлении, наконец – в лице многих знатных людей она спокойно продолжала существовать и даже распространяться в Москве. После собора 1490 года секта только притихла, только перестала открыто заявлять о себе, но и то ненадолго.

Вскоре произошло одно событие, которое дало новую пищу секте. В 1492 году истекла седьмая тысяча лет от сотворения мира. По весьма распространённому тогда между православными христианами убеждению, в этом году должна была последовать кончина мира. Ожидание мировой кончины, понятно, сильно занимало и волновало православных. Но сектанты, как люди большей частью начитанные и образованные по своему времени, критически относились к ожиданию православных и заранее смеялись над ними. Когда же совершенно спокойно прошёл 1492 год, они начали открыто глумиться над православными с тем, чтобы, поколебав одно верование, ниспровергнуть и другие. «Как же это», – говорили они, – «семь тысяч лет окончились, и пасхалия прошла, а Христос не приходит? И апостолы написали, что Христос родился в последнее время, а вот уже полторы тысячи лет проходит по рождестве Христове, миру же всё конца нет; стало быть, апостолы неправду писали. Говорят и св. отцы, что Христос скоро придёт, а его всё нет. Ефрем Сирий написал: пророчества и писания скончались, и ничего не осталось дожидаться, кроме пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Но вот уже тысяча сто лет прошло с тех пор, как писал Ефрем Сирий, а второго пришествия все нет.» Во главе открыто издевавшихся над православной Церковью, по свидетельству преп. Иосифа Волоцкого, теперь выступил сам м. Зосима, который «обретая простейших, напоял их жидовским ядом», и открыто произносил самые дерзкие хулы на Господа Иисуса Христа, Пресв. Богородицу и все церковные установления, который, по свидетельству того же преп. Иосифа, говорил, что Иисус Христос Сам Себя назвал Богом, что иконы и кресты всё равно, что болваны, что евангельские предания, апостольские установления и всех святых писания – всё вздор, и даже доходил до отрицания воскресения мёртвых. «А что то царство небесное, а что то второе пришествие, а что то воскресение мёртвых»? – говорил он. «Ничего такого несть; умер кто ин то умер, по та места и был» ... Таким образом после собора 1490 года секта начала пользоваться открытым покровительством и даже содействием высшей церковной власти. Но этого мало.

Приблизительно около того же времени совершилось ещё другое событие, которое должно было ещё более могущественно содействовать усилению и распространению сектантского движения. Разумею слияние секты с одной из сильных тогдашних политических партий. При дворе великого князя Иоанна Васильевича давно уже боролись между собой две партии. Одну составляли новые политические деятели, которых создал сам Иоанн III, в качестве самодержавного государя, и отчасти получил из Литвы; другую наполняли приверженцы преданий старины русской, прежних порядков. Сначала между этими двумя партиями происходила тайная, глухая борьба. Но вскоре им представился прекрасный случай помериться своими силами в открытой борьбе. Со времени смерти старшего сына и наследника Иоанна III (1490 г.), возник вопрос: кого великий князь объявит своим наследником: внука ли своего Дмитрия от покойного сына и невестки Елены, или же другого своего сына – Василия от второй жены своей Софии Палеолог. На сторону Софии и её сына Василия стала партия молодая, состоявшая из людей новых; а на сторону Елены и Дмитрия перешла вся старо-боярская партия. Во главе этой последней партии стояли два могущественные боярина: Иван Патрикеев и Семён Ряполовский, которые и прежде были самыми доверенными и любимыми людьми у великого князя, так что все важнейшие дела проходили через их руки. К ним же присоединились Фёдор Курицын, брат его Иван Волк и многие другие знатные бояре, покровительствовавшие или прямо принадлежавшие к сектантскому обществу. Должно заметить, что великий князь Иоанн III сначала сочувствовал этой последней партии. Помимо других соображений, он мог это делать ещё по следующему побуждению. Некоторые мысли, проводившиеся сектантами, которым покровительствовала и содействовала эта партия, как нельзя более совпадали с мыслями и стремлениями самого великого князя. Особенно охлаждение к духовенству и высшей духовной иерархии, распространявшееся в народе сектантами, подходило к расчётам дальновидного Иоанна III. Как человек в высшей степени практический, пользовавшийся всеми наличными

средствами для достижения своих целей, он видел и в этом подходящее средство для того, чтобы поставить, свою власть выше всякого противодействия со стороны представителей Церкви. Это было для него тем более желательно, что вместе с подчинением себе высшей духовной власти ему представлялась возможность осуществить ещё и другой заветный план – завладеть церковными имуществами, начало чему он уже и положил, отняв у новгородского владыки и новгородских монастырей значительную часть их имуществ. А между тем враждебное отношение к церковной иерархии, отрицание монашества и протест против корыстолюбия всего вообще духовенства составляли главные положения сектантского лжеучения. Всё это, должно полагать, и побудило великого князя Иоанна III покровительствовать партии, защищавшей секту, и объявить наследником своего престола внука Димитрия, сына Елены, которая сама принадлежала к сектантскому обществу.

Теперь секта достигла такого торжества, какого она не достигала никогда – ни прежде, ни после. Московские сектанты сплотились теперь в организованное общество и повели решительную, систематическую, хотя и тайную пропаганду своего лжеучения. По свидетельству преп. Иосифа Волоцкого, они, «всегда собирающиеся тайно по всех местах, идеже кто обреташеся, и жертвы жидовския жряху, и пасху жидовскую и праздники жидовския творяху, на них же и многая хуления изрекоша на Господа нашего Иисуса Христа, и на пречистую Богородицу, и на великаго Иоанна Предтечу и на вся святых Апостолы». Результатом деятельной пропаганды сектантов было весьма значительное увеличение сектантского общества: «и толико», – говорит преп. Иосиф Волоцкий, – «прельстиша и в жидовство отведоша, яко не исчести мощно». А с другой стороны, своей пропагандой они в умах православных христиан возбудили всеобщее волнение и развили страсть к религиозным рассуждениям и спорам. Нападая на современный строй церковной жизни, подвергая критике православные догматы и церковные установления, сектанты вызывали этим православных на возражения. Являлась необходимость для

ревнителей православия опровергать сектантов и вдаваться в объяснения как Св. Писания, так и отцов Церкви. Результатом этого было всеобщее умственно-религиозное возбуждение. «Ныне», – говорит об этом времени преп. Иосиф Волоцкий, – «ныне и в домех, и на путех, и на торжищах, иноци и мирстии и вси сумняся, вси о вере пытаются, и не от пророк, ни от апостол, ниже от святых отец, но от еретиков и от отступников Христовых». Такое всеобщее возбуждение, в котором была, конечно, и своя добрая сторона, так как оно пробуждало самодеятельность в умах православных христиан, в общем было весьма вредно и сопровождалось самыми пагубными последствиями. Особенно печально было то, что, благодаря общему возбуждению, лжеучение сектантов выходило из пределов сравнительно немногочисленного кружка вольнодумцев и широко распространялось в народной массе. Под влиянием вольных мыслей, распространявшихся сектантами в обществе, сама нравственность православных христиан потеряла свой прежний строго аскетический характер и сделалась гораздо свободнее. «Отступили люди от истины и правды», – говорит тот же преп. Иосиф Волоцкий, – «отступили от братолюбия и нищелюбия, отступили от целомудрия и чистоты и предались сластолюбию».

Московские сектанты чувствовали себя в это время настолько сильными, что решились перенести свою пропаганду даже за пределы Москвы, начать её там, где зародилась секта и откуда она была почти совсем изгнана, благодаря ревностной противо-сектантской деятельности архиеп. Геннадия. С этой целью дьяк Феодор Курицын выхлопотал место архимандрита юрьевского монастыря новгородской епархии своему другу и единомышленнику Кассиану. Явившись в Новгород, Кассиан вместе с братом своим, в надежде на поддержку своих московских покровителей, начал открыто собирать около себя сектантов, которые притаились было, под влиянием строгих мер, принятых архиеп. Геннадием, устраивал в своей кельи постоянные тайные собрания, по подобию московских, и старался всячески поддерживать прежде существовавшее и вновь распространять сектантское лжеучение. Деятельность

Кассиана так ободрила новгородских сектантов, что они, по свидетельству преп. Иосифа Волоцкого, «много сквернения и поругания сделалаша на Божественныя церкви и на вся священныя вещи, и на все православное христианство».

Со скорбью смотрел на всё это новгородский владыка. Архиеписк. Геннадий теперь убедился в невозможности единоличной борьбы с зловредной сектой, так могущественно покровительствуемой и так деятельно распространяемой. Поэтому, он решился привлечь к делу борьбы с сектой знаменитого настоятеля волоколамского монастыря преп. Иосифа. Последний обладал решительным, твёрдым, настойчивым и непреклонным характером и был по своему времени широко образованный человек. Обширная богословская начитанность прекрасно восполнялась в нём счастливым даром слова, умением говорить живо, красноречиво и убедительно. К тому же все богатые, и нравственные и умственные силы его были направляемы одной великой мыслью. Преп. Иосиф был исключительно человек веры, истинный ревнитель православия, готовый во имя и для торжества его пожертвовать всем, даже своей жизнью. Наконец, благодаря отчасти своим родственным отношениям, а главным образом благодаря своей строго подвижнической жизни, преп. Иосиф пользовался глубоким уважением со стороны и великого князя, и других влиятельных людей. Во всеоружии таких редких свойств и — главное — с великой ревностью по вере православной, готовый претерпеть всякие страдания за правое дело, преп. Иосиф в 1493 году, по просьбе архиеп. Геннадия, решительно выступил на борьбу с вредной сектой. Он, прежде всего, занялся тщательным изучением истории и самих заблуждений секты. Плодом этих занятий его были 12 слов, которые были, как полагают, написаны им в это время, и в которых он пламенно обличал всех вообще сектантов, а в особенности м. Зосиму. Слова эти, заключавшие в себе вместе с обличением и подробное научно-богословское опровержение различных пунктов сектантского лжеучения, деятельно распространялись как самим преп. Иосифом, так и его учениками между православными христианами и, таким

образом, давали им средство обстоятельно познакомиться с сектой и сознательно отнестись к сектантской пропаганде. Не ограничиваясь этим, преп. Иосиф затем отправил послание к суздальскому епископу Нифонту, на которого тогда смотрели, как на главу «православных христиан». Преп. Иосиф горячо убеждал его восстать против митрополита – еретика. «Как ученик учителя», – писал он, между прочим, ему, – «как раб государя, молю тебя, поучай всё православное христианство, чтобы не приходили к этому осквернителю и отступнику (разумеется м. Зосима, которого преп. Иосиф в настоящем послании изображал самыми мрачными красками) за благословением, не ели и не пили с ним».

Под влиянием ли подобных обличений преп. Иосифа, или по другой какой-либо причине, но только в 1494 году Зосима оставил митропотичий престол «не своей волей», а по свидетельству другого летописца, за то, что «непомерно пития держашеся и о церкви Божией не радяше». Вскоре после того совершилось другое событие, которое наносило ещё более сильный удар делу восторжествовавших было сектантов. В 1499 г. при дворе пала партия Елены, состоявшая из лиц, или принадлежавших, или покровительствовавших секте жидовствующих. Некоторые из бывших придворных покровителей секты были казнены, другие пострижены в монашество, а прочие и в том числе, кажется, дьяк Феодор Курицын подверглись опале. Через два года после того, именно 11 апреля 1502 г. сама невестка великого князя Елена с сыном Димитрием были заключены в темницу, а сын Софии Палеолог Василий был объявлен государем всея Руси. Это было полное торжество партии православных. Сам главный представитель её преп. Иосиф Волоцкий теперь был вызван в Москву и вошёл в полное доверие великого князя.

При деятельном участии преп. Иосифа Волоцкого и новгородского архиепископа Геннадия, которого также теперь стали приглашать в Москву, здесь состоялся ряд соборов. Главным предметом происходивших на этих соборах рассуждений был вопрос об ослаблении и, по возможности, о прекращении пустившей глубокие корни секты жидовствующих

через устранение тех недостатков в жизни православного христианского общества, на которые больше всего нападали сектанты. Так, собор 1503 года сделал постановление, по-видимому, отсекавшее у вольнодумцев исходный пункт для их нападков на православную иерархию. Собор постановил, чтобы впредь не бралось никаких пошлин и ни каких поминков за поставление в священные степени. «Которой святитель из нас и после нас,» – говорилось в соборном постановлении, – «митрополит, архиепископ, или епископ, во всех русских, от сего дни впредь, некоторым нерадением дерзнёт уложение и укрепление преступить, да возмёт что от ставления или от места священнического, да лишён будет сана своего, по правилом святых апостол и святых отец, да извержется и сам поставленный от него без всякого ответа». Затем на том же соборе определён возраст, какой должны были иметь кандидаты на священнические, диаконские и иподиаконские места, во избежание поставлений на эти должности слишком молодых людей. Наконец, в видах устранения поводов к упрёкам сектантов в безнравственности, падавшим на православное духовенство, тот же собор подтвердил уже прежде сделанные распоряжения всероссийских митрополитов св. Петра и Фотия, чтобы чернецы и черницы не жили вместе в одном монастыре, равно как чтобы вдовы священники и диаконы не имели права совершать богослужение. Но положительных мер к прекращению секты на соборе 1503 года не было принято никаких. Великий князь, прежде покровительствовавший сектантам, не решался теперь начинать открытое преследование их. Только уже при последнем свидании с преп. Иосифом Волоцким, по окончании соборных заседаний, великий князь обещал ему «обыскать сектантов по всем городам и искоренить».

На этом основании преп. Иосиф в следующем 1504 г. писал к духовнику великого князя, андрониковскому архимандриту Митрофану, которого просил напомнить его духовному сыну данное им год тому назад обещание относительно сектантов. «Ты, господине», – писал преп. Иосиф архим. Митрофану, – «потщися вседушевно государю подокучить, оставив все дела,

занеже Божие дело всех нужнее. А только ты, господине, о том деле не попечешься, ни донесишь до великаго князя, ино на тебе, господине, Бог възыщет. Страшно бо есть впасть в руце Бога жива... И только бы государь захотел их искоренить, ино бы вскоре искоренил, поймав двух или трёх еретиков, а они всех скажут». Ни откуда не видно, чтобы настоящее послание преп. Иосифа достигло желанной цели. Вероятно, велика была нерешительность Иоанна III в вопросе о принятии строгих и решительных мер против сектантов, которым он сам прежде покровительствовал и которых, поэтому, теперь боялся казнить, как того желал преп. Иосиф Волоцкий. Тогда этот последний начал действовать на великаго князя через другое, самое близкое к нему и самое влиятельное лицо, именно через объявленного наследника престола, который «издавна прилежал церковным делам и которого окружали лица, вполне согласные, по своим убеждениям, с преп. Иосифом. В послании к Василию Иоанновичу преп. Иосиф кратко, но сильно и убедительно, рядом примеров из ветхозаветной и новозаветной церковной истории, доказывал высказанное им в начале положение, что «еретика руками убить или молитвою едино есть». И несмотря на то, что в данном вопросе преп. Иосиф встретил сильное противодействие себе со стороны лиц, которые стояли за снисходительное отношение к заблуждающимся сектантам и во главе которых стоял великий подвижник того времени преп. Нил Сорский, так что между учениками этого последнего и преп. Иосифа возгорелась ожесточённая борьба, – не смотря на всё это, преп. Иосиф Волоцкий, умело действовавший на великаго князя через его сына, вполне достиг своей цели.

В декабре 1504 года состоялся собор, при участии самого Василия Иоанновича, с исключительной целью суда над сектантами. Последние были преданы проклятию, и руководители их были подвергнуты публичным казням – одни в Москве, а другие в Новгороде; остальных сектантов поразослали в заточение по монастырям.

Осуждение и казни главных представителей секты произвели на всех сектантов то самое действие, на какое они и

были рассчитаны. Сектанты были напуганы и притихли. Но несмотря на это, секта всё-таки не была окончательно подавлена и последователей её оставалось много на Руси. А с другой стороны, и само постановление собора 1504 года и его строгое отношение к сектантам не было выражением всеобщего, единогласного мнения членов собора. В числе этих последних были лица, не сочувствовавшие насильственным мерам борьбы с сектой и защищавшие воздействия на сектантов посредством более кротких мер. Точно также и в самом православно-христианском обществе были лица, которые разделяли мнение о более снисходительном отношении к сектантам. Главными представителями этого мнения были белоозерские, или заволжские иноки во главе с преп. Нилом Сорским, который и на соборе 1504 года проводил тот же самый взгляд и протестовал против казни сектантов. Здесь позволительно, кажется, будет заметить, что белоозерские иноки во главе с преп. Нилом Сорским расходились с преп. Иосифом Волоцким и его последователями, бывшими в данном случае выразителями общего православно-христианского направления, не только в вопросе об отношении к сектантам, но и в своих воззрениях на другие стороны умственно-религиозной православно-христианской жизни. Внешне-обрядовой религиозности и строгим приёмам монашеского аскетизма, господствовавшим тогда в жизни православно-христианского русского общества, белоозерские старцы противопоставляли закон «духа и истины» и требования внутреннего, «умного усовершенствования»; обстоятельным расписаниям, «как поститься, как молиться, как милостыню творить, да как какой святыни коснуться в миру живущим», они предпочитали заботы о том, «еже воздвигнути в ближних совесть к любви Божией», крайности мёртвого обряда они противопоставляли созерцательную жизнь, религиозной нетерпимости – возможно большую личную свободу, большее уважение к личному мнению. Словом, если отличительной чертой господствовавшего умственного и религиозно-нравственного направления, представителем которого был преп. Иосиф Волоцкий, служила сильная привязанность к

церковно-обрядовой внешности, при недостаточности понимания внутреннего духа и смысла православно-христианской веры, то отличительную особенность направления, выразителями которого служили белоозерские иноки во главе с преп. Нилом Сорским, составляло стремление возвысить внутреннюю сторону веры над подавлявшей её, внешностью; первое направление идеала для себя искало преимущественно в ветхом завете; а второе видело его исключительно в Божественном лице нашего Спасителя; первое всегда было господствующим в среде народных масс, второе же никогда не было достоянием большинства и последователи его часто считались единицами.

Но расходясь с господствующим общим религиозным мировоззрением в решении всех вообще сколько-нибудь важных религиозно-нравственных вопросов и по тому самому становясь в отрицательное отношение к нему, белоозерские иноки в тоже самое время незаметно для себя сближались с появившимися в Новгороде и затем в Москве сектантами. И это сближение было настолько очевидно для всех православных, что некоторые из этих последних и даже сам преп. Иосиф Волоцкий причислял белоозерских иноков к сектантам. И справедливость требует сказать, что такое сближение, несправедливое в отношении ко всем вообще заволжским инокам, относительно некоторых из них имело полное основание. Действительно, между белоозерскими иноками были единичные лица, положительно разделявшие некоторые личные мнения новгородских и московских сектантов. Проводником и распространителем таких ложных мнений между заволжскими иноками был Вассиан Патрикеев, насильно постриженный в монашество из придворных бояр великого князя Иоанна III. Ещё будучи светским человеком, князь Вассиан Патрикеев принадлежал, или, по крайней мере, сочувствовал стремлениям кружка московских сектантов и, без сомнения, разделял сектантские заблуждения, которых не оставил и после поступления в монашество. Во главе с этим иноком-князем Вассианом Патрикеевым, человеком бесспорно книжным и образованным по своему времени, белоозерские или

заволжские старцы и вступили в открытую борьбу с преп. Иосифом по вопросу об отношении к сектантам. Они обвиняли преп. Иосифа в жестокости и защищали более снисходительное отношение к сектантам, особенно кающимся в своих заблуждениях. На обвинения заволжских пустынников преп. Иосиф Волоцкий отвечал целым рядом сочинений, в которых, доказывая, что еретиков следует разыскивать, выпытывать от них признания в ереси, что к причащению можно допускать после принесённого ими покаяния не всех сектантов, а только таких, которые впадали в ересь невольно, или бессознательно и заблуждались в понимании второстепенных предметов вероучения, что, наконец, не следует принимать вынужденное покаяние от сектантов-еретиков, осуждённых на казнь. Словом, литературная борьба между преп. Иосифом и заволжскими старцами, перешедшая на практическую почву, принявшая самый жгучий характер и затянувшаяся на многие годы, окончилась торжеством первого. Преп. Иосиф сделал всё, употребил все свои силы и средства для успеха того дела, которому всецело отдал себя и на которое смотрел, как на дело Божие.

Но, к сожалению, вскоре обстоятельства существенно изменились и притом не в пользу преп. Иосифа и того святого дела, которому он служил. В 1511 году умер митрополит Симон, который деятельно поддерживал преп. Иосифа и защищал православную веру в борьбе с сектантством. На его место митрополитом был избран Варлаам, – человек, судя по некоторым его действиям, несколько иных убеждений, чем был его предшественник. Кажется, что по его влиянию великим князем Василием Иоанновичем был вызван в Москву представителем белоозерских старцев инок – князь Вассиан Патрикеев, которому митрополит, между прочим, поручил приняться даже за исправление церковных правил. Вассиан, как бывший придворный, скоро вошёл в полное доверие великого князя и сделался первым его советником. Понятно, что он не замедлил воспользоваться таким своим положением для того, чтобы вступить за подвергшихся преследованию и строгим наказаниям сектантов, которым он во всяком случае

сочувствовал, если только не разделял их заблуждений вполне. По свидетельству одного современника, «старец князь Васьян учал печаловаться за еретиков великому князю». Печалование княжеского любимца было далеко небезуспешно. Строгое отношение к сектантам, которые по-прежнему существовали в Москве и возбуждали к себе даже ещё большее внимание и сочувствие, благодаря жестоким казням, каким были подвергнуты их представители, сразу ослабело. Но лишь только сектанты почувствовали перемену отношений высшего правительства к ним, как тотчас же начали открыто заявлять о себе и о своём лжеучении, и с особенным ожесточением стали нападать на главного их противника преп. Иосифа Волоцкого.

Последний однако же не унывал и не терял энергии, как ни тяжело было ему теперь вести борьбу на защиту православной истины. Он по-прежнему пламенно обличал сектантов и безбоязненно доносил великому князю о всяком кощунственном действии этих последних. «Пожалуй и попецйся и промысли о божественных церквях», – писал он, напр., ему однажды, – «занеже, государь, от великия десницы поставлен самодержец и государь всея Руси... Аще не подвигнишия, ино, государь, погибнути всему христианству... Вас бо Бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес посади, милость и живот положи у вас».

Не ограничиваясь безбоязненным и постоянным предстательством перед великим князем за интересы православной Церкви, преп. Иосиф, думая, что белоозерские старцы не без причины принимают открыто сторону сектантов, отправил некоторых своих учеников в самую белоозерскую пустынь. Предполагают, что преп. Иосиф дал им даже нарочитое поручение наблюдать за белоозерскими иноками, хотя и не разделявшими сектантских заблуждений, но сочувствовавшими им. Наблюдения учеников преп. Иосифа скоро хотя отчасти подтвердили подозрение последнего в действительном, а несловесном или литературном только сочувствии белоозерских старцев сектантскому движению. Так, напр., в кельи одного инока белоозерского ученики преп. Иосифа заметили крест под постелью, а другой, при входе их в

келью, бросил в печь книгу, которую перед тем читал... Обо всём этом преп. Иосиф доносил великому князю и умолял его принять решительные меры к прекращению зловредной секты. И несмотря на то, что главный защитник белоозерских старцев – Вассиан был весьма близок в это время к великому князю, последний всё-таки слушался советов преп. Иосифа и, если и не преследовал сектантов, как того желал преп. Иосиф, то, по крайней мере, не позволял им открыто заявлять о своём лжеучении и распространять его между православными христианами. Так продолжалось дело до конца жизни преп. Иосифа.

9 сентября 1515 года скончался великий защитник православия в борьбе с сектой. Хотя мы и не имеем документальных данных, однако же решительно всё говорит за то, что после смерти преп. Иосифа секта жидовствующих снова оживилась и снова начала заявлять о себе. Это тем более вероятно, что тогда был близок к великому князю тот, кто был, по выражению летописца, «всесильным временным человеком», князь – инок Вассиан Патрикеев. Сектанты в это время снова почувствовали себя настолько свободно, что даже открыто начали по-прежнему распространять своё лжеучение между православными. Среди них в это время появился какой-то «жидовин, волхв, чародей и прелестник», который обольщал и увлекал православных. Около 1520 года созывался даже особый собор для суда над этим еретиком. Можно думать, что соборный суд повёл к раскрытию всей силы зла и вреда, какой причиняла секта жидовствующих православной Церкви. Это, в свою очередь, вероятно, побудило русское правительство принять сильные меры к прекращению сектантского движения. Обыкновенно полагают, что принятыми в это время мерами секта жидовствующих была окончательно подавлена. Но с этим мнением никак нельзя согласиться.

В двадцатых годах XVI столетия секта жидовствующих не прекратилась совершенно, а только на время притаилась, как это неоднократно бывало с нею и прежде. Такой образ действий тем более был необходим для сектантов, что тогда престол московской митрополии занимал один из лучших учеников преп.

Иосифа, свято чтивший память его и достойно своего учителя продолжавший дело борьбы с сектой. Митрополиту Даниилу после упорной и продолжительной борьбы удалось, наконец, победить главного защитника и покровителя сектантского движения. В 1531 году Вассиан Патрикеев должен был предстать перед судом собора русских архипастырей. И хотя инок Вассиан на этом соборе не признал себя принадлежащим к секте жидовствующих, но без сомнения, в своих речах, какие он держал перед собором в ответ на обличения его м. Даниилом, он явил себя крайне дерзким вольнодумцем и упорным противником истинного православия, защищавшим некоторые из тех самых еретических мнений, какие проповедовались и жидовствующими. Вассиан был осуждён собором и сослан в заключение, где он вскоре и умер.

Но и после смерти Вассиана Патрикеева сектантское движение, возбуждённое жидовствующими, совершенно не прекратилось. Главными центрами его распространения служили с одной стороны, различные области московского государства, куда были переселены многие новгородские и псковские колонисты, среди которых, конечно, могли быть и люди с вольнодумными убеждениями жидовствующих, а с другой стороны, белоозерские пустыни, где также вольнодумные понятия и воззрения, распространённые Вассианом Патрикеевым, видимо пускали глубокие корни. Даже в половине XVI века как в Москве и в московской области, так и среди заволжских монахов были лица и даже целые общества, которые держались рационалистических заблуждений жидовствующих. Так, на соборе 1553 года судились, с одной стороны, Башкин, московский уроженец, и несколько иноков, живших в белоозерских пустынях, а, с другой стороны Феодосий Косой из рабов одного московского боярина бывший потом белоозерским монахом. Хотя учение первых представляло, кажется, только неосмысленное, бессознательное отражение еретического вольнодумства жидовствующих, но во всяком случае некоторые из них, напр., игумен Артемий с своими последователями составляли отдельное общество, отличное от православной Церкви и в иных пунктах близко примыкавшее к

сектантскому движению, возбужденному жидовствующими. Так, игум. Артемий и его последователи отрицали силу заупокойных молитв (вспомним стригольников!) и восставали против фарисейского понимания религии и против излишней привязанности к религиозной обрядности. Учение же Феодосия Косого представляло самый крайний рационализм, вполне совпадавший с учением одного из направлений, какие существовали в секте жидовствующих. Таким образом, и в начале второй половины XVI века в московском государстве существовало рационалистическое сектантство, бывшее продолжением и дальнейшим развитием крайнего жидовства. Даже более того. Из расследования о сектантах, судившихся на соборе 1553 года, вполне выяснилось, что рационалистические вольнодумные мнения и суждения по вопросам веры были слишком широко распространены в среде русского народа, и особенно среди монастырских иноков, преимущественно заволжских. Напр., игумен Артемий, переходя из одного монастыря в другой (он был в Троицком, Корнилиевском, Ферапонтовом и Кирилловском монастырях) везде ратовал против излишней привязанности к религиозной внешности и даже успел составить особое религиозное общество с специальной целью распространения его вольнодумных понятий и убеждений.

Понятно, что при таких условиях сектантское движение и после мер, принятых соборами 1551 и 1553 гг., не могло быть окончательно прекращено. Оно продолжало существовать и впоследствии, хотя и в различных видах, и под различными наименованиями. Так, в XVII в. оно развилось в церковно-демократические секты беспоповщины, с таким усилением действовавшие в пределах именно Новгородской области. Равным образом в секте «субботников» ещё св. Дмитрий Ростовский открывал черты, ясно напоминающие «жидовство» и на этом основании, считал её продолжением новгородского сектантства XVI в. Нельзя не признать также весьма вероятной догадку тех, которые полагают, что последующее духовоборчество составляло только осложнившееся продолжение рационалистического движения XV–XVI вв. Так, следовательно,

были глубоки и значительны следы, оставленные по себе в русском православном народе сектой жидовствующих.
(Продолж. будет).

**Миссионерские запросы и ответы // Миссионерское
обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 273–285**

**Скворцов В. Допускает ли закон свободу
пропаганды новых лжеучений среди
последователей старых сект? С. 273–278**

(Из письма окружного миссионера Донской епархии).

В Донской Области многие из крестьян Астраханской губернии, большей частью из села Пришиба – издавна арендуют землю на войсковых участках. Поселяне эти ранее держались молоканства, но в последние годы с появлением в нашей области немецких и русских проповедников штундо-баптизма, поселившиеся у нас молокане мало-по-малу, стали переходить в ново-распространяемую секту. Перешедшие из молоканства в штундо-баптизм, прозелиты новой секты рьяно ведут дело объединения молоканства с последней сектой, вследствие чего между представителями той и другой сектантской общины нередко возникают довольно крупные столкновения, наглядным примером чего может служить следующее обстоятельство, которое в то же время интересно, как характеристика приёмов пропагандистов штунды и их нравственного облика.

Баптисты, проживающие вместе с молоканами в д. Васильевой, все меры принимали склонить в свою секту зажиточного молоканина М. Е. Сит-ва. Но как они не убеждали этого завзятого молоканина, он стоял на своём и нисколько не поддавался, как он говорит, проповедникам немецкой веры. Видя неуспех свой, баптисты, чтобы досадить упорному, решили совратить в свою секту тринадцатилетнюю любимую дочь Сит-ва. Были пущены в ход все словесные чары духовного обольщения. Девочка склонилась. И вот, несмотря на то, что реки подёрнулись льдом, баптисты секретным образом от Сит-ва поспешили юную прозелитку закрепить в своей секте через крещение. Бедняжку увезли в степь, слишком вёрст за 20 от села, и там на реке Сал прорубили лёд и по-баптистски окрестили Сит-ву. Крещение совершил только что явившийся из военной службы молодой солдат В. Т. Л-кин. Отец узнал, но уже было поздно. Произошла семейная драма: оскорблённый такой нахальной проделкой баптистов, в пылу гнева Сит-ов жестоко

наказал невинную жертву штундового фанатизма и, созвав однообщественников, донёс хуторскому атаману, которого и просил о происшедшем составить протокол и направить дело по начальству. Но на этом дело и окончилось. Проповедники остались безнаказанными, и теперь нагло заявляют молоканам и православным, что, будто бы заручившись согласием малолетних детей, они вправе вербовать последних в свою секту.

Обстоятельство это невольно наводит на печальные размышления: радоваться ли поражению молокан и успеху среди сектантства штундовой пропаганды? Необузданные ревнители немецкого штундо-баптизма ныне нагло увлекают в свои тенёта молоканских отцов, детей и матерей, считая свою пропаганду делом не преступным: но будучи поощрены успехом, не накинутся ли они, как стая хищных зверей, с своей проповедью, на наши смежные православные селения? Почему остались безнаказанными совратители и крестители дочери Сит-ва? Да имеют ли вообще по закону право безнаказанно проповедовать своё лжеучение штундо-баптистические проповедники среди молокан, или какого бы то ни было неправославного населения, и открыто совершать свои обряды над совращёнными из молокан в штунду прозелитами? Вот вопросы, о которых бы хотелось прочитать в „Миссионерском Обозрении“ компетентное мнение.

Окружной миссионер **Евтихий Холостов**

Возбуждаемый донским миссионером вопрос далеко не праздный: он имеет своё серьёзное принципиальное значение. На самом деле, радоваться или печалиться православной миссии по поводу того, что в застывшем молоканстве идёт брожение и движение, возбуждаемое усиленной пропагандой штундизма? А движение это замечается всюду и оно из года в год растёт, в чём мы имели случай лично убеждаться при служебных командировках на Кавказ и в Поволжские губернии. Богатые Тифлисская и Владикавказская штундо-баптистические общины (см. февр. хронику «Мисс. Обозр.») образовались почти исключительно из совращённых молокан. В Молоканских посёлках Самарской губ. назад тому 5–10 лет не было и слышно

о штундо-баптизме, теперь же рядом с моленными молоканскими беспрепятственно отправляют свои богомоления штундисты под именем «евангеликов». И здесь не менее нахальны пропагандисты штундизма в своих приёмах, и не только в отношении молокан, но и православных. Так в позапрошлом году в Самар. г. имел место, аналогичный с рассказанным г. Холостовым печальный случай баптистического крещения совращённой из православия женщины в праздник Крещения Господня, причём несчастную погрузили на глубине реки в прорубь и упустили под лёд. Вынута она была в обмороке и затем вскоре от потрясения и душевных страданий, вызванных изменой вере отцов, потеряла рассудок. Несчастливая всякий раз, как услышит пение в моленной штундистов, приходила в беспокойство и бежала на сектантское собрание, где в безумии рвала на себе платье и, обнажая срамоту, требовала поклониться ей. Случай этот многих отпавших поразил в самое сердце и произвёл глубокое впечатление на православное население, как кара Божия за вероломство. Высочайше утверждённый закон 4 сентября 1894 года об ограничении штундо-баптизма относительно собраний богомоленных ещё, по-видимому, не возымел действия в Поволжье...

Обращаясь по возбужденному вопросу с справкой к государственным законам, мы там находим, что основными законами Российской Империи (ст. 44 и 45) для всех подданных допускается свободное *исповедание* (т. е. содержание) каждым своей веры и беспрепятственное отправление своих обрядов. Но по тем же основным законам *право проповедания и распространения* (миссионерства) своего учения в пределах империи принадлежит *одной лишь господствующей православной Церкви*. Отсюда ясно, что ни иноверцы, ни отпавшие от Церкви сектанты или раскольники по существу не имеют права на проповедование своих лжеучений не только среди православного населения, но и среди прочего населения империи, хотя бы то и языческого.

Но в тоже время наши законы юридической ответственности и наказания не налагают на виновных в распространении

лжеучений и заведении новых сект среди отпавших от Церкви и иноверцев. В кассационном решении Сената (по делу Абрамова 1869 г. № 877) говорится, что законы ограждают от повреждения преимущественно догматы господствующей Церкви и поэтому постановления ст.196³⁵⁶ Улож. и следующих должны быть применяемы только к распространению существующих или новых ересей между лицами православного исповедания. Другие христианские исповедания закон защищает лишь в одном случае, когда христианин (напр. католик или лютеранин) совращается в нехристианскую веру – (магометанство, еврейство, язычество и проч.). Хотя в виде исключения распространение ересей, признанных особенно вредными, каково напр. скопчество, преследуется и в том случае, когда оно произошло и между неправославными, (а, следовательно, и сектантами). (Кассацион. решение Сената 1871 г. № 1211 по делу Рейман Улож. Таганцева стр. 150). Отсюда понятно, почему дело о наглых баптистических крестителях дочери С-ва не пошло дальше хуторского атамана, и штундисты смело ведут свою пропаганду среди молокан. Таким образом действия штундо-баптистических проповедников, будучи *de jure* преступными по основным законам, *de facto* по практике юридической являются невменяемыми в преступление, как ненаказуемые. Штундовая миссия слишком хорошо организована, чтобы не знать лазеек. Да и одни ли баптисты ведут открытую пропаганду своих лжеучений среди отпавших от Церкви? А австрийская раскольничья секта разве не также энергично и смело миссионерствует среди беспоповцев, и особенно бегло-поповцев, устроая свои миссионерские собеседования, съезды и проч.?

По вопросу о пропаганде новых сектантских лжеучений среди последователей инославия и сектантства можно встретить и в влиятельных правящих кругах, и в руководящей печати мнение, одобряющее это явление, как отрадное, вносящее де внутренний разлад в раскол, или сектантство, а, следовательно, производящее разложение и ослабление. Вследствие господства такого мнения, полагаем, и укоренилась в правительственной и судебной практике теория

невмешательства во внутреннюю религиозно-общинную жизнь сект и раскола, в силу которой предоставлена отпавшим свобода действий внутри себя, в том числе и свобода сектантской пропаганды среди своих. Верна ли эта теория по существу и полезна ли она для миссии Церкви? Вопрос настолько важный, что о нём следует подумать и серьёзно... Мы с своей стороны уверены, что подобная радость об усилении одной секты на счёт другой, о дроблении старых толков на новые рано или поздно прелается в печаль для Церкви и в частности для миссии.

То, что называется внутренним разложением в расколе и сектантстве, собственно никогда не клонится en masse в пользу истины веры, а скорее – к помрачению религиозного сознания отпавших и следовательно к удалению последних от православной Церкви; а это только осложняет и затрудняет дело воссоединения и миссионерского врачевания. Такое разложение способно просветлять умные очи разве только избранных, но не толпы: последняя, с нарождением новых лжеучений, слепо движется по наклонной плоскости религиозного падения всё дальше и дальше в пропасть суеверий и безверия. Доказательство видим в расколе. Он раздробился на массу сект, а приблизился ли к Церкви? А такое движение, как штундо-баптистическое или толстовское хотя бы и в сектантстве есть в сущности печаль сугубая и для Церкви, и для государства. Молокане всё-таки не потеряли ни русского облика, ни русского духа и ни разу не выступали сектой с прямыми космополитическими и социальными тенденциями... Примеры печальных последствий для церкви и государства умывания рук относительно событий, происходящих в недрах сектантства, мы видим в истории немецкого баптизма и кавказского духоборья. Когда бешено вёл баптизм свою пропаганду среди балтийских, западных и южных лютеранских колоний, делая чудовищные успехи, правительство, не смотря на ходатайства лютеранской консистории, предоставило движение самому себе, а в 1879 г., не взирая на серьёзное заявление некоторых членов государственного Совета (Бреверна) об опасном и вредном прозелитивном направлении

этой немецкой секты, дало особое устройство церковного быта... Немецкий баптизм создал России штундовый вопрос, который так озабочивает вот уже много лет Церковь и правительство. Попущенная кавказской администрацией пропаганда толстовщины среди духобор дала известное анархическое движение и среди этой секты, о плодах которой прочитайте ниже, – в известиях Мисс. Обзор.

Долг православной миссии ни на минуту не упускать подобного движения нового сектантства среди старых сект и спешить на помощь к борющимся с светом православного учения, освещая тьму заблуждений и старого и нового сектантства. В период взаимной борьбы сектанты более чутки к слову истины.

В. Скворцов

Ивановский Н., проф. Существует ли особое от православия единоверческое исповедание? С. 278–280

(Из письма единоверца Черниг. губ.).

М. Г. г. Редактор!

Спасибо „Миссионерскому Обозрению“, что оно не упускает из виду нашей противо-раскольничьей миссии, современного состояния раскола и единоверия. В одной из книжек вашего журнала единоверцы с облегчённым сердцем прочли скорбную заметку о том, как нелегко живётся присоединившимся к церкви среди сильного своим капиталом и влиянием раскола. Но причиняемые нам раздорниками утеснения идут дальше материального гнёта и обид в общественной жизни. Раскольничьи заправилы, держа в руках кормило сельского управления, не упустят ни одного случая, чтобы не оскорбить нас в самых наших дорогих религиозных чувствах, глумясь над „единоверием“, называя его „платоновским измышлением“ и прочими нестерпимыми насмешками. А чтобы показать „своим“, что единоверцы якобы не православные, наши управские и волостные деятели – раскольники взяли себе манеру отмечать в паспортах, воссоединённых с православной Церковью на началах единоверия в графе об исповедании «*единоверческого исповедания*». Разъясните, пожалуйста, печатно, законна ли такая надпись, если же нет основания в законе к такой отметке, то необходимо, кому следует, обуздать такое самовольство. Мы, единоверцы со всей русской семьёй суть члены одной православной Церкви и лишь сохраняем одни унаследованные от предков и благословленные нам Церковной властью господствующей Церкви святыне древние обряды.

Единоведец купец **Д. Карамин**. П. Воронок.

Употребление выражения «единоверческое исповедание» в паспортах ли то, или в других каких-либо документах, составляет *недоразумение*, или же преднамеренную насмешку над единоверцами и единоверием. Хорошо известно, что *гражданский закон не знает никакого «единоверческого*

исповедания», как исповедания, отличного от православного. В статьях закона *единоверцы суть те же православные*, только держащиеся иных обрядов, так называемых «старых», и употребляющие в некоторых молитвах и песнопениях другие выражения. *Единовѣрцы суть старообрядцы*, оставившие вражду с православной Церковью и принятые в церковное единение. По сему и взгляд Церкви на них может быть не иной, как тот, что *они и православные составляют единую святую Церковь*. Взгляд этот и выражен был архипастырями, собиравшимися в Казани в 1885 году, и одобрен Высшей церковной властью, т. е. св. Синодом. Значит и употребление выражения, что такой-то №№ «единовѣрческаго исповѣданія» ни в глазах закона гражданскаго, ни в глазах Церкви ничего особеннаго, отдельнаго от православія, не означает, да и по существу выражения оно, т. е. «единовѣрческаго исповѣданія», есть *единое* именно с *православным*, но так как выражение это может употребляться с целью некоторой насмѣшки, а в законе *нигде не встречается* и со взглядом Церкви не согласуется, то в официальных документах-оно и **не должно иметь места**. И это тем более, что между лицами не сведущими относительно настоящаго смысла означеннаго словоупотребленія оно легко может порождать недоразумения; как раз то и было в среде казанскаго воинскаго начальства при производствѣ юнкера в офицеры, в метрической выпискѣ котораго было употреблено выражение «старообрядец по единовѣрію». Начальство потребовало было от юнкера формальнаго присоединенія к православію, пока не было выяснено, что «единовѣріе» тоже православіе, а не раскол.

Проф. Н. Ивановскій

P.S. Таким образом указанные нашим корреспондентом действия сельской власти не могут быть оправданы законом и являются совершенно не соответственными задачам миссии Церкви, которая стремится к устранению всех тех недоразумений, какие подают повод некоторой части единовѣрцев (старопошиба с раскольничьей закваской) мнить себя чем-то отдельным от православной Церкви. Такие действия сельской власти на руку лишь одному только расколу

и не должны иметь места, как незаконные и вредные для Церкви.

Редактор

Следует ли священнику, при пастырских посещениях домов православных прихожан с обычными молитвословиями и св. богоявленской водой заходить и в дома штундистов? С. 280–285

(Из письма священника Киевской губернии.).

М. Г. г. Редактор.

Несколько лет тому назад я удостоен благодати священства. Божественным провидением и изволением начальства назначено мне проходить своё пастырское служение в приходе, где давно уже существует штунда. Много об этой секте я слышал ещё на школьной скамье, не без усердия, как бы предчувствуя свой жребий настоящий, читал и изучал полемическую литературу, но лично с штундистами ни разу не встречался до поступления в с. Ж. . . . Прочитав в сентябрь. книжке „Мис. Обзор.“ ободряющий молодого иерея совет (IV), я решился с Божьей помощью, не откладывая вдаль, теперь же пользоваться всяким встретившимся случаем для личных бесед с отпавшими. Но они крепко замкнулись в свою кружковую жизнь, – это какие-то мрачные тени, – держат себя в стороне от всего и всех, кто не их брат, а от меня, при встречах, прямо-таки отворачиваются, хоронят своих покойников сами, родившихся не крестят, детей в школу не отдают, так что и поводов доселе не выпадает, хотя с некоторыми я уже познакомился, побеседовал. Грядёт Филипповка, а там и праздники Рожд. Хр. и Крещения Господня, и представляется удобный случай узнать своих заблудших овец при посещении домов с молитвой. И я задумался над этим вопросом: имею ли я право заходить в дома сектантов, отпавших от Церкви, с обычным молитвословием перед праздником Рож. Хр. и св. водой в праздник Богоявления? Я вчера завёл об этом речь с причётником своим, здешним старожилом: он окончательно меня смутил, говоря, что сектанты здесь – „народ свирепый“, одержимые бесом, – при виде Животворящего креста и св. воды приходят прямо в неистовство и способны всячески поносить и служителей алтаря Господня и Святыню, так что с ними, –

говорит причётник, – я беды могу нажить... что и молиться у сектантов не подобает, хотя бы они и пожелали выслушать молитвословие, так как у них нет св. икон, что мой предшественник давно оставил штунду в покое и махнул на неё рукой и проч... Под тяжестью дум и сомнений решаюсь, как начинающий пастырь-миссионер, просить вашего опытного совета: как надлежит мне поступить в данном случае? Не существует ли на этот счёт каких-либо начальственных указаний? Не будет ли на самом деле „метанием бисера“ и моё священническое молитвословие и окропление св. водой домов неверующих? Не нажить бы мне на самом деле какой беды при посещении, да и будет ли соответствовать последнее задачам миссии?

Свящ. **Н.**

Хождение по приходу с обычной «постной» молитвой и со св. водой – дело благочестивого обычая, а не законоположения, а потому в церковных канонах определённого решения по затронутому вами вопросу нет надобности искать. Распоряжений и указаний епархиальных начальств по сему предмету не встречалось. Назад тому лет 5–7 одним священником Херсонской епархии был возбуждён вопрос: заходить ли в дома сектантов с молитвой, если последние просят? В епархиальном органе было дано разъяснение тогда же в таком роде, что если приглашение является выражением уважения к молитвословиям и обрядам православной Церкви и раскаяния просящих, то надлежит идти с радостью, а если имеют сектанты в виду нанести посмеяние, или оскорбление православной святыне, то священник должен уклоняться от посещения домов штундистов. Но когда же священнику прозревать в сокровенные намерения приглашающих? Приглашение может случиться у дома сектанта? Тут раздумывать некогда. Упорные штундисты никогда не позовут к себе священника, хотя бы и для глумлений, они скорее спрячутся и запрут двери. Если же позовёт сектант священника, то несомненно – по побуждениям добрым, и пастырь с радостью должен спешить на зов, не вдаваясь в соображения и сомнения, почему и для чего. Об охране святыни и

священнослужителей Церкви от оскорблений печётся закон, – этого бояться нечего (Улож. о наказ. ст. 182, 214 и 215).

Но как правильнее поступить, когда не зовут в свои дома сектанты и даже явно уклоняются от пастырских визитов, – т. е. в том положении, о котором вы спрашиваете? Наш вам, молодой иерей, совет: грядите во имя Господне, с словами мира и любви, ничтоже сумняся!.. Если вы теперь-же, при первом посещении домов ваших прихожан, пропустите столь удобный повод к миссионерскому знакомству с сектантами, то вы много потеряете для миссии, и наоборот, если вам Бог поможет достучаться в дверь загрубелых сердец сектантов до доброго впечатления и мнения о вас, то вы добрым началом на половину облегчите себе дальнейшее миссионерское делание. Вы пишете, что сектанты замкнулись и чужды интересов церковно-общественной жизни прихода. Едва ли это так. Штундисты – люди мрачные, скрытные, – это правда, но они крайне хитрые и любознательные и первые сплетники в приходе о причте. Под личиной отчуждения, поверьте, они зорко следят за вами, как новым пастырем, наверно подсматривали уже под окнами вашего дома, не *курите ли вы*, что кушаете, пьёте, словом – ищут сучков в глазе нового пастыря, чтобы возвести последние «в брёвна». Сектантские вожаки всегда рады пастырям *не право ходящим*, видя в них косвенных союзников своего дела, и наоборот очень злятся, когда пастырь во всеоружии и достойно ходит своего звания. Первый девиз сектантской пропаганды – «поражу пастыря» – во мнении прихода, – «и рассеются овцы» ... Вот почему ваше посещение, как нового пастыря, для них будет интересно, а для вас полезно: вы познакомитесь с семьями, увидите кто и насколько немощен и в этой, больной части вашего стада и какое кому после предложить уврачевание. Штундисты – не отлучены от Церкви, следовательно, ваше право и долг посетить их с словом увещания. Если бы в семье оказались все взрослые совращёнными в штунду, то дети сектантов и по вере нашей и по закону гражданскому (190 ст. Улож.) – чада Церкви, и они должны быть воспитываемы по православному, приводимы к обрядам и таинствам Церкви. Вот вам и законный повод, и

легальная причина к посещению домов сектантов, если бы посыпались на вас обычные укори́зны сектантов: *«чего ходите? мы не ваши»* ... Когда входите, не забудьте приветствовать словами «мир вам», – эти Евангельские глаголы удивительно умягчают сердце самого разъярённого сектанта. Если вам ответят «с миром принимаем», то ваша добрая беседа обеспечена. Садитесь и говорите смело. Дьячка с вопросом, «можно ли зайти», – наперёд не посылайте, – идите сами прямо, как право имущий.

Где будут заперты двери и не отверзнутся, «отрясите прах от ног ваших», но кого-нибудь из отпавших да удастся посетить. Когда расположите в свою пользу беседой и обхождением, то о вашем посещении будут знать в тот же вечер все штундисты, а завтра везде двери будут гостеприимно отпёрты, в хате вожака, наверное, встретите десяток любопытствующих штундистов, и здесь у вас может завязаться серьёзная беседа и придётся выдержать первую атаку, может быть и бешеную. Будьте готовы, наперёд обдумайте какой-либо один предмет, на него сводите речь и им ограничьтесь. Многоглаголания на первый раз не допускайте, так как цель вашего посещения не беседа, а молитва; пригласите со-вопросников к себе на дом для разрешения прочих вопросов, назначив удобное время. Имейте в кармане «Новый Завет», когда пойдёте с молитвой по домам сектантов, и при беседе давайте ответы текстом Слова Божия, которым почаще уснащайте вашу речь. Пастыри делают большой миссионерский промах, когда беседуют с штундистами в гомилетическом тоне общего назидания, и отделиваются общими фразами, не заглядывая в Библию. Штундисты серьёзно убеждены, что Слово Божие только они одни знают, а пастыри его, кроме храма, не читают. Как только вы заявите себя «библеистом», то возбудите к своей особе особый интерес, внимание и доверие к вашему увещанию со стороны отпавших.

Ваше обращение с сектантами должно быть сердечное, мягкое, но серьёзное, исполненное достоинства (Боже, сохрани заискивания, панибратства – вы представитель Церкви, пастырь). В беседе сохраните терпение, самообладание, сдержанность: отнюдь не следует допускать язвительности,

хотя легко и степенно пошутить можно. Давайте больше сектантам высказаться, ваша позиция, как собеседника, должна быть выжидательная и тем выгодная, т. к. вы новый человек, знакомитесь... Ответы нужно, конечно, дать, но по существу, кратко. В полемике победа, по понятию слушателей, за тем, кто не потерял равновесия духа до конца и не впал в пыл гнева и горячности.

Не забудьте также взять с собой, при посещении домов сектантов, помимо причётника, человек двух толковых и почтенных из православных. Ваше посещение сектантов будет предметом толков всего села, и штундисты любят извращать слова собеседника в свою пользу. Когда вы взойдёте в дом, сектанты сейчас же сядут вперёд вас, чтобы заявить о своей независимости. Не смущайтесь такой наглостью. Своим скажете тоже сесть. *Читать ли молитву?* Почему же не читать? Побеседовав, вы пригласите всех присутствующих к молитве, сказав: «теперь помолимся Господу Богу, братия». И все встанут, наверное, и выслушают молитву, конечно с чувством и благоговейно вами прочитанную. Благотворно подействует на сердца отпавших, если вы после церковного молитвословия присоедините своё сердечное моление ко Господу всех «о спасении и вразумлении» заблудших в вере, рек имя хозяина и хозяйки». Отсутствие икон да не смущает вас и ваших спутников, у вас есть Крест и на персях, и в руках.

Сектантам креста целовать не навязывайте: подпустите своих спутников, а прочим преподайте общее осуждение и с миром уходите. Побеседуйте с детками, заставьте перекреститься, спросите, как они молятся... Ребята непременно заревут и ни за что не захотят перекреститься, ибо боятся батька, который после накажет ребёнка за крест. Вот здесь-то благовременно будет выяснить родителям их незаконное поведение в отношении детей; спросите, кто этих детей крестные отцы и матери, и на последних возложите после нравственное попечение о воспитании по обрядам православия и приведении в церковь, опираясь на долг и закон (190 Улож.). С св. водой также не следует проходить мимо домов сектантов. Тут непременно вам вожаки приведут 3–6 ст. 1-го посл.

Тимофея и сделают возражения о св. воде: нужно быть готовым дать ответ вопрошающим. *Окроплять ли св. водой неверующих и их дома?* Благочестие подвигает русского человека окроплять св. водой даже скот и неодушевлённые предметы. Почему же не окропить штундистов и их дома? А может быть Богу угодно будет по вере вашей через окропление св. водой коснуться сердца кого-либо из отступников? Считаем в заключение не лишним предусмотреть и ещё один вопрос: штундисты, по указанию вожаков, могут вам предложить деньги за труды, после вашего посещения. Если вы примете благодарность, будут завтра же трубить, что новый «поп из корысти ходит и так сладко поёт нам», если не возьмёте, то будут хвалиться перед православными своим как бы привилегированным положением: «вы платите, а за нами даром поп ухаживает» ... Тут надо соблюсти и целостность голубя, и мудрость змеи. Нужно предусмотреть, где взять (у зажиточного штундиста), а где отказаться, сказав: «ты беден – я слышал» ... Взятое у зажиточного, в следующем, – но лучше в штундовом же доме, при сектантах, распорядитесь поручить одному из спутников ваших отнести бедной вдове или семье, наказав, чтобы она помолилась о здравии, спасении и вразумлении раба Божия жертвователя.

Вот на какие мысли и соображения навёл нас ваш, честный отче, вопрос, мнение наше предоставляем на ваше пастырское усмотрение... Желательно бы знать практику и других пастырей по данному вопросу.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1896 г.
№ 1–12. С. 285–294**

**Петрушевский П. П. [Рец. на:]: История
православной Церкви до начала разделения
церквей. 3-е вновь исправл. издание. К. П.
Победоносцева. С.-Петербург. 1895 года. Цена 75 коп.
357. С. 285–288**

Задачу этого труда определяет в предисловии сам почтенный Издатель. Она «несложна и проста, и понятна будет всякой душе истинно-христианской», – именно внушить учащимся детям любовь к Церкви, научить любить её *сознательно* за то, что она всё превозмогла, и сберегла в себе тот святой огонь, который Спаситель пришёл Сам низвести на землю! Горит огонь этот и поныне, и, если Бог даст, даже эта малая книжка сможет зажечь его в юных сердцах, когда по прочтении её станет им понятно чувство умиления и благодарности за то, что соблюдена нам наша Церковь во всей красоте своей»! Нельзя, конечно, не сожалеть и не порицать такого изучения истории христианской Церкви, которое состоит лишь в заучивании известных фактов, расположенных в определённом порядке, без восприятия сердцем той великой идеи Царствия Божия, которая провозглашена в самом начале Евангелия и с тех пор непрерывно отзывается в жизни Церкви, а также и без живого ощущения той всемогущей Божественной силы, которая воодушевляет, и подкрепляет и утешает всех верных последователей Христовых в несении креста, в служении Христовой правде, в подвигах за св. православную веру и Церковь. «История Церкви, справедливо рассуждает издатель, должна запечатлеться не в одной памяти, но в сердце каждого, как таинственная история страдания, ради великой безграничной любви. Должно помнить, что все те, которые в борьбе и страдании претерпели до конца, терпели не только ради имени Божия, но нераздельно и ради Церкви Его: как во времена языческие самые страшные гонения не могли искоренить открытого исповедания Господа, так и во времена иконоборчества никакие страшные гонения не могли заставить отречься от св. икон, когда их освятила Церковь, не могли

заставить умолкнуть те чудные песнопения, которые именно во время преследований слагались с такой любовью в честь этих икон». Разумеется, что только слово, сказанное от сердца, найдёт себе отголосок в юном чутком сердце учащегося; слово же сухое, рассудочное особенно будет бесплодно здесь, в обращении к детям. Между тем это очень важно в видах главной цели церковно-школьного образования – развития и укрепления в воспитанниках любви и привязанности к своей Матери – Церкви. «При должном отношении к истории Церкви, говорит издатель, скажется во всей полноте великое значение самой Церкви, и станет понятно, что ничто не может сокрушить её и что она теперь та же, что была в их далёкие времена: – источник нашей лучшей радости и единственное наше земное сокровище». Итак, углубление и укрепление связей воспитываемого поколения с св. Церковью Христовой – вот последняя цель и настоящей истории.

Указанной задачей вполне объясняется характер книги. Предлагаемый труд обнимает судьбы Церкви Христовой от её начала до отделения Церкви западной от единой вселенской и образования Церкви Русской. При изложении сведений о лицах и событиях на первый план выступают не подробности, а их значение, сила, влияние на современников и потомков. В очертах характеров лиц – выразительность, в изображении событий и явлений – живость и наглядность, главное же – все вообще рассказы согреты тёплым христианским чувством. Весьма характерно начало книги: взамен обычных рассказов о первенствующей Церкви апостольской помещено изложение содержания всей книги Деяний Апостольских в порядке глав с приведением буквально некоторых более важных текстов сей книги. Составитель не считает себя в праве *перифразировать* сказания самих апостолов. Назначая свою книгу для учительской школы, он говорит: «детям этих школ уже знакома кн. Деяний, пусть же привыкнут они прямо в этой св. книге находить простое, вдохновенное сказание о том, как сложилась история Церкви с самой той минуты, как прияла она Духа Святого. Пусть представление об этих первых годах роста Церкви останется во всей чистоте своей без примеси нашего

словосочинения... Что можем мы убавить, или прибавить, например, к величавой картине обращения Савла? Священные слова лучше сохранить и для ума, и для сердца, и для слуха в неприкосновенной святости «Слова Божия», в цельном составе той книги, в которой они «сияют лучезарной красотой»».

Книга производит неотразимо – сильное впечатление на душу и несомненно будет благотворно действовать на мягкие и восприимчивые души юных читателей. При чтении её проникаешься благоговением к той силе, которая одушевляет подвижников, исповедников и страдальцев за веру Христову и св. Церковь, к св. отцам и учителям вселенским, которые служили Церкви с полным самоотвержением и любовью, а вместе и к св. Церкви, перенёсшей столько напастей и скорбей, и однако оставшейся нерушимой и неизменной, и восторжествовавшей над врагами своими.

Находя изданную историю весьма полезной для нашей православной в особенности церковно-приходской школы в деле воспитания горячей любви и беззаветной преданности святой православной Церкви, мы не можем не пожелать, чтобы труд сей был продолжен в том же духе и том же *направлении* до наших дней и завершён историей нашей отечественной Российской Церкви в самом не продолжительном времени.

П. Петрушевский

От Редакции: Справедливо говорят, что лучший способ убеждения в делах веры – исторический. А потому настоящая история издания К. П. Победоносцева имеет несомненную ценность и глубокий интерес и для целей миссии. Сектанты сами рвутся на путь исторического розыска о Церкви и пререкаемых истинах веры и христианской жизни; но, к сожалению, они пробавляются или историческими плагиатами в роде брошюры «Жизнь первых христиан», чрезвычайно распространённой среди штундистов, или громоздкой историей Фаррара. Весьма желательно, чтобы этому прекрасному изданию К. П. Победоносцева дана была полная возможность попадать в руки обуреваемых сектантским лже-мудрованием, и они ясно увидят и почувствуют, где искать света истины; а для

того эта книга должна стать необходимой принадлежностью миссионерских библиотек.

Козицкий П. А. [Рец. на:]: Православное учение о почитании святых икон и другие соприкосновенные с ним истины православной веры. Д. Б. Сергия, епископа Могилевского и Мстиславского. Могилёв на Днепре, 1887 г. in 8 138+III стр. С. 288–289

Выше озаглавленный труд высокопреосвященного Сергия, доктора богословия, бывшего епископа Могилёвского и Мстиславского, а ныне архиепископа Владимирского, представляет собой тщательно и вполне научно обставленный трактат о почитании св. икон, направленный в ограждение православного учения об иконопочитании от иконоборческих наветов штунды и других рационалистических ересей, (II стр.). Автор, предпослав замечание об истории иконопочитания (1–5 стр.), доказывает необходимость иконопочитания на основании данных, заимствованных: 1) из свящ. Писания В. и Н. Завета и 2) из свящ. Предания и церковной истории. Кроме этого – истину иконопочитания он выводит из законов самой природы (31–32 стр.) человеческого духа.

Разбирая вопрос об иконопочитании, высокопреосвященный автор касается и вопросов соприкосновенных с православным учением о почитании икон, а именно: вопросов – о почитании святых угодников Божиих и св. ангелов, о почитании св. храмов и о Свящ. Предании, как непререкаемом голосе св. Церкви, с наибольшей ясностью утверждающем истину и всеобщность в Церкви Христовой с древнейших времён иконопочитания. С особой обстоятельностью и полнотой он излагает историю чудотворных икон, так-как чудеса от св. икон, совершаемые Духом Святым, самым убедительным образом свидетельствуют о непреложности догмата иконопочитания и подтверждает спасительность для человека честного поклонения св. иконам.

Разбор возражений сектантов против иконопочитания, отличающийся глубиной и основательностью, тонкий анализ приводимых по ходу речи мест св. Писания, искусство пользоваться для целей полемики контекстом речи; глубокое и всестороннее освещение предмета и неотразимая

убедительность доводов разума – всё это вместе взятое говорит за то, что труд настоящий должен быть отнесён к числу капитальных произведений полемической литературы.

Нужно заметить, что труд высокопреосвященного Сергия по характеру своему резко распадается на две части: Первая – обследующая вопрос об иконопочитании на основании св. Писания и доводов разума в связи с другими соприкосновенными истинами православной веры – представляет из себя вполне научный трактат, не лишённый впрочем некоторой популярности; вторая – трактующая об исторических свидетельствах, начиная с первого века христианства, подтверждающих существование в христианской Церкви иконопочитания – поучительно-назидательного характера. Эта, кажущаяся, двойственность произошла вследствие того, что высоко-учёный иерарх в своём труде стремится достигнуть двух целей: дать читателям орудие для борьбы с иконоборческими ересями – с одной стороны, а с другой – предохранять чад церкви от иконоборческого лже-мудрования и дать им назидательного характера чтение о св. иконах.

Вследствие указанных высоких достоинств рассматриваемого труда сочинение это, должно занимать почётное место в богословско-полемической литературе и быть необходимой принадлежностью миссионерских библиотек.

И. Козицкий

.

Вишневский И. [Рец. на:]: О расколе и по поводу раскола. Семнадцать проповедей епископа Виссариона. Москва, 1890 г. II+204 стр. Цена 80 коп., с пересылкой 1 рубль. С. 290–291

Эта книга представляет собой собрание проповедей, которые говорил преосвященный Виссарион ежегодно в течение многих лет на торжественных годовичных собраниях членов московского противо-раскольничьего братства св. Петра митрополита.

Содержание проповедей преосвящен. Виссариона ограничивается областью вопросов о расколе и соприкосновенных с ним явлениях и в общем довольно разнообразно. Предметом одних проповедей служат некоторые основные вопросы противо-раскольнической полемики; таковы проповеди: «Вечное общение Христа с Церковью» (стр. 95–105), «Неодолимость Церкви» (185–193), «Церковь и раскол» (30–42), «Преимущества чад Церкви перед чуждыми ей» (73–83). Другие выясняют сущность нашего раскола старообрядчества, раскрывают характер его заблуждения и дух его последователей; таковы проповеди: «Наши язычники и мытари» (61–72), «Татие и разбойницы» (130–140), «Наши самаряне» (161–173), «Суеверие и раскол» (174–184) и др. В некоторых проповедях разбираются основания, приводимые раскольниками в оправдание своего отделения от православной Церкви («Толки о клятвах Московского собора 1667 года, стр. 43–60; «Благовидные речи лжеучителей», стр. 84–94), и разные суждения о расколе в светской печати («Толки ревнителей полнейшей свободы раскола», стр. 1–14). Темы проповедей всегда интересны и по большей части касаются таких вопросов, которые по своей существенной важности никогда не утрачивают своего значения.

С разнообразием и занимательностью предмета в проповедях преосв. Виссариона соединяется редкое мастерство изложения и раскрытия трактуемых вопросов. Лёгкость и своеобразное изящество стиля проповедника нисколько не

нарушают важности его речи, вполне сохраняющей тон и характер языка церковной проповеди. Благодаря этой особенности изложения, проповеди преосв. Виссариона легко и с неослабевающим интересом могут быть прочитаны каждым, даже не выработавшим в себе вкуса к строгим образцам церковной проповеди. Этот интерес в значительной степени обуславливается и особенной манерой проповедника в раскрытии избранного предмета. Проповедник говорит о расколе всегда с точки зрения св. Писания; библейские образы, лица и события служат ему для лучшего выяснения сущности нашего раскола и значения происходящих в нём событий. Отсюда в проповедях его очень часты сближения и сопоставления разных библейских образов, лиц и событий с современным расколом и его представителями. Эти сближения выходят у преосв. Виссариона чрезвычайно удачными и замечательно естественно, – без натяжки ярко раскрывают перед читателем сущность нашего раскола, дух и характер его последователей.

Ещё одна особенность рассматриваемых нами проповедей преосв. Виссариона. Совершенно справедливо проповедник видит в расколе не одно только заблуждение ума, но и превратное сердечное настроение, выражающееся в непомерной, чисто-фарисейской гордости его последователей и во вражде их против православной Христовой Церкви. Поэтому и в своих проповедях он, обращаясь к раскольникам, старается действовать не только на их ум, но и на сердце. И проповеди его – не сухие полемические трактаты, но глубоко-искренние сердечные речи разумного отца к своим заблудшим детям, – речи, в которых холод рассудочных доводов согревается теплотой отеческой любви.

Книжка преосв. Виссариона полезна для каждого, интересующегося расколом. Но особенно, думаем, полезною может быть она для тех образованных людей нашего общества, которые, интересуясь расколом, но не будучи основательно знакомы с ним, склонны доверять тем превратным суждениям о расколе, какие нередко высказываются на страницах либеральных органов печати.

В. Т. [Рец. на:]: Прот. И. И. Сергиев, О кресте Христовом (против раскольников), С.-Пб. 1896. 125 стр. 292–294

Новый труд о. И. И. Сергиева представляет собой весьма ценный вклад в нашу полемическую противораскольничью литературу. Важное значение этого труда обуславливается, с одной стороны, его выдающимися достоинствами, а с другой – самим именем его автора. Известно, каким глубоким уважением пользуется имя о. Иоанна Кронштадтского среди всех без исключения православных; отсюда понятно, какое значение в деле ограждения последних от сетей раскольничьего лжеучения может иметь его авторитетное слово по вопросу об истинном виде креста Христова. На самих же раскольников, для которых авторитет о. Иоанна не может иметь такого значения, как для православных, сочинение его должно действовать авторитетом всей христианской древности, силой неотразимых свидетельств истории и археологии, обличающих ложность старообрядческих мудрований. Эти то свидетельства и их истолкование и составляют собой содержание книги о. Иоанна. Последняя начинается с рассмотрения ветхозаветных преобразований св. креста. Здесь прежде всего устанавливается то общее положение, что прообраз непременно должен иметь сходство с прообразуемым им предметом, и затем с точки зрения этого принципа решается вопрос: какой крест – восьмиконечный ли, или четвероконечный, – прообразовали собой такие ветхозаветные события и явления, как благословение Иаковом детей Иосифа, пресечения моря жезлом Моисея, медный змий, крестовидное распростертие рук молящегося Моисея, крестообразное расположение полков израильских в пустыне (Числ.20:11) и др. Следующая, большая часть книжки (стр. 41–94) посвящена описанию сохранившихся до нас древних крестов и изображений креста, начиная с самых первых веков христианства до XVIII в. включительно (о кресте, приписываемом св. Никодиму; о крестах и изображениях креста, открываемых в римских катакомбах; о знамении креста,

явившемся на небе императору Константину; о крестах и изображениях креста в V–X веках; о крестах и изображениях креста XI–XVIII веков в памятниках русской старины). На основании исторических свидетельств и археологических памятников автор показывает, что в Церкви Христианской во все времена почитался крест Христов как четвероконечный, так и восьмиконечный; что первый, как более приближающийся к первоначальному виду креста Господня, даже находился в преимущественном употреблении и почитании у христиан, и что изображение восьмиконечного креста с косым подножием, как не вполне соответствующее действительному виду креста Господня, есть вольность, явившаяся уже только в русской Церкви и почти неизвестная церкви древне-греческой. Отсюда ясно, как заблуждаются наши мнимые старообрядцы, почитающие истинным крестом Господним только крест восьмиконечный и похуляющие крест четвероконечный. И тот, и другой крест одинаково досточтимы и достопокланяемы. как знамения одержанной Господом на кресте победы над адом; старообрядцы же, спорящие о числе концов креста, показывают этим своё невежество, полагая силу креста в числе его концов, а не в искупительной жертве, которую принёс на нём Господь. – Скорбью об этом невежестве проникнуто всё сочинение о. Иоанна. Однако эта скорбь чужда всякой горечи и раздражения; напротив, все увещания и обличения старообрядцев проникнуты духом кротости и отеческой любви к заблудшим.

В виду множества приводимых в книге о. Иоанна ясных свидетельств, доказывающих преимущественное употребление и почитание в христианской Церкви креста четвероконечного, нам кажется, можно было бы без ущерба для дела опустить некоторые свидетельства, говорящие об этом не достаточно ясно, каково, напр., свидетельство о св. Григории Богослове, что даже домашние его одежды были украшены четвероконечными крестами (стр. 61.), так как в нём нет решительно никакого указания на форму этих крестов, почему и автор в решении этого вопроса принуждён ограничиться простым утверждением, что они были, «конечно, такими, какими

и теперь видны на священнических одеждах, т. е. четвероконечными».

Крупные достоинства рассмотренной книги о. И. И. Сергиева и имя всеми уважаемого её автора сами собой говорят о высоком значении нового труда для противораскольничьей миссии по той пользе, какую эта книга принесёт делу вразумления заблудших, утверждения колеблющихся и ограждения всех вообще православных от лукавых наветов и козней наших мнимых старообрядцев.

В. Т.

**Известия // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–
12. С. 294–304**

Иностранцы о набожности Русского Царя. С. 294–296

Безбожная Франция и та не могла не проникнуться глубоким умилением, при виде набожности нашего обижаемого Монарха и молодой Императрицы, во время недавнего пребывания Их Величеств во Франции.

После воистину триумфального въезда в столицу Франции, остановившись в Русском посольстве, Их Величества поспешили в православный храм для выслушания молебствия. Затем в один из следующих дней Государь и Государыня посетили знаменитый Собор Богоматери католической церкви Nonte Dame, где были встречены с величайшим почётом всем французским духовенством, во главе с кардиналом; в Православной церкви, в присутствии Их Величеств было исполнено Те Даум. Всё это, состоявшееся по воле Самого Русского Монарха, произвело глубокое впечатление даже на тех из французов, которые хвастаются своим анти-христианством; словом, пребывание Их Величеств во Франции послужило к пробуждению во французском народе религиозного смысла, ослабевшего, под растлевающим влиянием безбожного направления новейшего времени.

Настоятель церкви св. Николая в Булони, в письме на имя духовника Их Величеств о. протопресвитера И. Л. Янышева, пишет, что вся свободомысленная и религиозная печать, часто богохульствующая относительно христианских догматов и осмеивающая нашу религиозную практику, имела столько приличия, что молчала, «даже более того она удивлялась этому юному Императору и этой прелестной Государыне, Которые умеют воздавать Богу, что Ему принадлежит». При этом о. Жанкэ сообщает один факт, по-видимому, незначительный, однако же очень трогательный, который показывает, как велика сила примера, когда он подаётся великими мира сего. Вот этот факт. В первое по отбытии Их Императорских Величеств воскресенье один либерал известного типа является в одну парижскую церковь просить, чтобы совершили крещение над его

шестью детьми, и прибавляет: «Я решился не крестить моих детей, но примеры веры, только что данные Францией русским Императором, заставляют меня отменить моё решение. Я хочу быть христианином, хочу, чтобы и моя семья была христианской вместе со мною». Священник, крестивший этих шестерых детей, сам рассказал об этом трогательном факте с высоты церковной кафедры. «Я уверен, – пишет Жанкэ, – что Его Величество Император порадует, когда узнает, что Он был причиной этого обращения; ведь и Монархи, как бы могущественны они ни были, не могут, если они имеют веру, не быть счастливы, приобретая души Богу».

С отрадным чувством воспроизводим на страницах миссионерского журнала этот трогательный эпизод о крещении французом 6 детей своих под влиянием высокого примера живой христианской веры и набожности Августейшей Особы православного русского Монарха. Уповаем, что факт этот, сделавшись через миссионеров известным нашим штундобробристам, отвергшим крещение детей своих, не пройдет без доброго влияния на сердца заблудших, но ещё боящихся Бога русских сектантов. Иностранцы и иноверцы, взирая на высокие образцы веры и набожности нашего благочестивейшего Государя, внемлют истине. Неужели кровные дети своего Отца-Царя, русские люди до конца будут пребывать в ужасном заблуждении; которого не разделяет ни одно христианское общество, кроме баптистов, которое заграждает пути к обителям Отца Небесного невинным детям, лишая их освящающей благодати – крещения!

Скворцов В. Духоборы – толстовисты и судебный процесс по делу о сопротивлении властям. С. 296–302

В «Мис. Обзор.» сообщалось о вредном противоправительственном движении среди закавказских духоборцев. Движение это началось со времени смерти в 1886 г. обожаемой сектантами правительницы их, Лукерьи Колмыковой. Из-за выбора нового управителя, духоборцы разделились на две неравные партии, из них одна признала своим повелителем духобора Петра Веригина, секретаря и любовника «их милости Луши» (богини). Эта партия стала называться «писанной», или Веригинской, другая партия не хотела записываться «под Веригина» и стала называться неписанной. Так как Веригин выдавал себя открыто за пророка и называл царём над царями, и не хотел отказаться от преступной роли правителя духоборья, которое вообразило себя «отдельным народом», – государством в государстве, самозванец выслан был в административном порядке в Архангельскую губернию. Но движение, предоставленное самому себе, не унималось: духоборцы поддерживали живые связи с своим повелителем «через послов», которые целыми фалангами курсировали в течение нескольких лет между крайним севером и Кавказом. Веригину отправляли не только громадные деньги из общественных сумм всего духоборья, но и живой товар... Молодой духобор Веригин в Шенкурске жил богато и беспутно, оттуда он издавал повеления тёмной массе рабов – духобор. Мы не встречали в Российской империи более суеверного и тёмного народа, как духоборы, хотя они люди даровитые от природы и даже приятные по характеру. Это дети природы, у которых грамота и просвещение в течение ста лет подвергнуты были остракизму их вожаками Колмыковыми. Только недавно заведена была одна правительственная школа в Славяне. Духоборы всячески старались добиться возвращения Веригина из ссылки. Нужно заметить, что духоборье, в продолжение всей своей истории не имела никаких живых связей с правительственной властью,

кроме платы податей, – «дани» на языке духоборов. За 50 лет жизни в Закавказье не было ни одного дела о духоборах ни в одной правительственной инстанции: у сектантов были свои суды и расправы, с застенками в «Сиротском доме» – резиденции повелителей, – и плетью. Строгость доходила до жестокости: особенно беспощадно наказывалось пьянство и воровство. Отказы правительства на домогательства духоборов относительно возвращения Веригина, крайне озлобили духоборье. Этим настроением ловко воспользовалась толстовская пропаганда, имеющая на Кавказе свои очаги и своих проповедников в лице бродящих и ссыльных последователей гр. Толстого.

Пропаганда велась сразу и с двух концов: в Шенкурске просвещали Веригина, которого обложили подпольными сочинениями гр. Л. Н. Толстого и последний особенно зачитывался книгой «Царствие Божие внутри вас». В Закавказье же толстовцы просвещали более влиятельных духоборов, сподвижников повелителя духоборья. Некоторые из духоборов на выучке, побывали в Петербурге и Москве, где привели в восторг Яснополянского проповедника. В духоборье пропаганда велась и путём распространения сочинений Толстого, но больше всего устно: вышколенные отолстовившиеся, ловкие даровитые от природы духоборы расхаживали по духоборческим сёлам и держали собрания, преподавая новое учение, как заповеди Веригина.

Произошла невообразимая ломка в воззрениях старой секты, представляющая собой целую драму, породившая цикл легенд... Тогда Веригинская партия раскололась на две, – выделив из себя духобор «постников», принявших всю до мелочей толстовскую теорию, с вегитарианством включительно. На этой партии, которая по численности превышает обе первые и число последователей простирается тысяч до 8, проделаны опыты всех утопий и иллюзий толстовизма: решено было в работники не наниматься, прислуг не держать, обходиться во всём личным трудом, на базарах не покупать; заведены были артельные мастерские, артельная обработка полей, в количестве, потребном для прокормления семьи, – аренды

артельные организованы, допущена общинная уборка хлеба: вымолоченный хлеб отмеряли по количеству едаков, уравниены денежные имущества и скот, уплачены долги, заведены общинные кассы из «половинчатого» капитала: даже бракоборные идеи «Крейцеровой сонаты» и те нашли себе применение: постники постановили свадеб не заключать, с жёнами не жить, детей не плодить. Как выражение идеи непротивления и в знак отрицания войны и насилия, всё оружие, которое было в домах постников, предано было торжественному аутодафе в ночь под 29 июня 1895 г. Ополченские свидетельства были сданы духоборами по начальству, бывшие же в рядах войск сложили оружие к ногам своих командиров.

В отношении власти и правительственных учреждений поступлено было на точном основании и даже согласно букве последних писаний гр. Толстого, причём заявлялось открыто полное отрицание, как власти Царя-Самодержца, так и уставленных от него правителей и законов. Духоборы теперь говорят, что признаём одного царя и законодателя, одного судию и Правителя над людьми – «Бога» и проч. Все эти воззрения толстовские приспешники успели облечь в особый молокано-духоборческий гектографированный катехизис.

Нафанатизированная масса ринулась в бездну анархии слепо, – стадно, а когда была разорена уравнием имущества, – то совсем обезумела и готова пойти на смерть. Нужно видеть на месте в период острого движения эту ужасную эпопею, чтобы понять, что такое брошенные в массу семена анархии в религиозной оправе...

Идею непротивления масса, вопреки взглядам некоторых кавказских благодушных администраторов, слишком долго полагавшихся на пассивное непротивление духобор, мы тогда же считали фикцией и предрекали со стороны последних самых эксцентричных действий самоуправства. Помещённый в судебной хронике газеты «Свет» отчёт о процессе по делу сопротивления властям кавказских духобор, доказывает, что мы были правы. Печатаем этот отчёт; он невольно наводит на серьёзное размышление о том, какой в политическом

отношении ненадёжный горячий материал представляет наше рационалистическое сектантство, покоящееся на почве религиозного свободомыслия.

В елисаветпольском окружном суде с 4 по 6 октября рассматривалось дело о жителях сел. Славянки Николае Веригине и др., числом 28 душ, обвиняемых в сопротивлении властям. Около 10 лет тому назад, после смерти религиозной главы духоборов и хранительницы общественных сумм и имуществ Лукерьи Колмыковой, духоборы селений Славянки, Ново-Гореловки, Ново-Троицкого и Ново-Спасского, составляющие славянское сельское общество, разделились на две партии: «писанных», признающих своего односельца Петра Веригина преемником Колмыковой, и «неписанных», не признающих Веригина преемником её. Для урегулирования их отношений между собой, администрация учредила в нём должность правительственного старшины с жалованьем в 300 руб. в год из средств общества. Таким старшиной с 1893 года состоит Михаил Скляр. Летом прошлого года между духоборами славянского сельского общества «писанной» партии обнаружилось движение, выразившееся, между прочим, в том, что они отказались отбывать воинскую повинность и в то же лето объявили старшине, что они больше в нём не нуждаются, жалованья платить ему на будущее время не будут, а если правительство назначило его старшиной, то пусть оно ему и платит. В виду этого, старшина в январе обратился к приставу IV участка Елисаветп. у. Тер-Асцатурову с рапортом о взыскании с «писанных» причитающихся с них 140 р. жалованья, но пристав объявил ему, что дело это не администрации, а он должен обратиться о взыскании в подлежащее судебное учреждение. 24 января Скляр предъявил иск у заведующего дзегамским мировым участком о взыскании с славянского общества 140 руб. Разбор этого дела был назначен мировым судьёй на 31 января, о чём была послана сторонам повестка. Повестка эта была предъявлена на общественном сходе «писанным», которые отказались как от принятия её, так посылки в суд доверенных лиц по иску. Точно также отказались принять и копию с заочного решения судьи о взыскании с них

140 р. и 10 р. за ведение дела. По вступлении решения в законную силу, старшина Склярлов получил из дзегамского мирового участка исполнительный лист и предъявил его для взыскания судебному приставу при мировом отделе Тер-Азарьеву, 13 марта Тер-Азарьев вручил «писанным» повестку о добровольном погашении взыскания по исполнительному листу, 14 марта «писанные» явились на квартиру Тер-Азарьева и категорически заявили, что добровольно уплатить Склярлову 150р. по исполнительному листу не желают; тогда пристав Тер-Азарьев, в сопровождении помощника местного сельского старшины Агафонова, понятых, десятских и всадника земской стражи отправился во двор жителя сел. Славянки из партии «писанных» Николая Малова и там, по указанию Склярлова, описал корову, по распоряжению Тер-Азарьева, десятские и всадник Адигезал хотели было взять описанную корову и дать её на сбережение кому-либо, домохозяин Малов и жена его Анна, схватив корову за рога, увели её в сторону: десятский и всадник вторично овладели коровой и погнали её к выходу со двора. Тогда толпа «писанных», человек до 70, следовавшая за приставом, нахлынула во двор Малова, из них Василий Кабатов ударом палки завернул корову во двор Малова, а когда десятские и всадник пытались опять овладеть, то он оттолкнул их ударами кулаков в грудь. Такому же насилию подверглись со стороны Маловой пристав Тер-Азарьев и взыскатель Склярлов. Вслед затем, Василий Дымовский, Николай Семенов, Василий Кабанов и Василий Елецкий, схватили Тер-Азарьева и Склярлова, повернули его лицом к выходу, а вся остальная толпа «писанных», сомкнув свои ряды и толкая должностных лиц и бывших с ними людей, двинулась вперёд и выгнала их на улицу. Толпа издевалась над ними по случаю постигшей их участи и называла их «грабителями». Кроме упомянутых выше лиц, в качестве зачинщиков были замечены и другие, из которых Николай Веригин уговаривал женщин бить судебного пристава и гнать его со двора, что «на баб суда нет». Судебный пристав Тер-Азарьев вернулся в квартиру и обратился к командиру расположенной в с. Славянке 6-й сотни 1-го лабинского казачьего полка с просьбой об оказании ему содействия

присылкой воинской силы, но получил отказ; тогда он о содействии обратился к участковому полицейскому приставу Тер-Асцатуриву, 17 марта, в сопровождении всадников, понятых и взыскателя Склярова, вышел он из квартиры для описи имущества. Громадная толпа «писанных» ожидала прихода пристава во дворе Маловых, когда же последний миновал двор Маловых и направился дальше, то толпа вышла со двора и последовала за Тер-Азарьевым. На этот раз, по указанию Склярова, подлежала описи лошадь Плотникова. У ворот Плотникова стояло до 10 женщин во главе с хозяйками Пелагеей и Анной. Скляров, шедший впереди, подошёл к воротам, Пелагея Плотникова стала толкать его кулаками в грудь, не позволяя войти во двор, Скляров отстранил её и вошёл во двор, за ним вошли пристав и остальные бывшие при нём лица. Женщины бросились к дверям конюшни и загородили вход. По приказанию Тер-Азарьева, взадники направились к конюшне, чтобы вывести оттуда лошадь, но Авдотья Орехова взяла железные вилы и, держа их на перевес, закричала: «кто осмелится подойти, тому пузо проколю»! К тому времени вошла во двор Плотникова толпа «писанных», числом до 200 человек. Обойдя должностных лиц, часть толпы присоединилась к женщинам, а другая часть стала в стороне. При малейшей попытке всадников подойти к конюшне «писанные» ударяли кулаком, отстраняли их от конюшни. Тогда толпа, разъединив должностных лиц, стала причинять насилие каждому в отдельности. Старшину Склярова схватили за руки и называя его грабителем, трепали во все стороны: судебного пристава Тер-Азарьева со всех сторон толкали кулаками в грудь и спину, понятому Котельникову нанесли побои. Затем, толпа, сомкнувшись в ряды и подталкивая должностных лиц, кто кулаком, кто палкой, выгнала их со двора Плотникова. Зачинщиками на этот раз были те же лица, а Николай Варигин, Семенов, Орехов, Филипов, Кабанов и Елецкий, кроме того, подстрекали толпу к сопротивлению, 3 апреля в сел. Славянку прибыл полицейский пристав Тер-Асцатуров с 10 владниками для оказания содействия судебному приставу Тер-Азарьеву. Того же числа он пригласил к себе «писанных» и стал

уговаривать их уплатить добровольно Склярову по исполнительному листу, 4 апреля, утром «писанные» соседних деревень Ново-Гореловки. Ново-Троицкого и Ново-Спасовки прибыли в сел. Славянку и объявили приставу Тер-Асцатурову, что они положительно отказываются от уплаты 150 руб. старшине Склярову по исполнительному листу. Полицейский и судебный пристава Тер-Асцатуров и Тер-Азарьев, в сопровождении всадников, понятых и старшины Склярова, вышли из квартиры, чтобы взять описанную у Малова 14 марта корову. У квартиры приставов стояла громадная толпа «писанных» всех 4 селений славянского сельского общества. Толпа эта направилась за приставами. У ворот Малова стояла толпа женщин, с Анной Маловой во главе. На требование пристава Тер-Асцатурова пропустить его во двор, толпа женщин ответила, что «не пустят», а Анна Малова угрожающе подняла палку. В то же время толпа «писанных», около 400, обойдя должностных лиц, окружила их кольцом, стала теснить, толкать их кулаками и палками, а когда всадники, по приказанию пристава Тер-Асцатурова, взялись за плети, чтоб очистить дорогу для выхода из толпы, духоборы бросились на всадников, стали отнимать у них плети и бить палками, а женщины бросать в них камни. В виду грозившей должностным лицам опасности со стороны крайне возбуждённой и злобно настроенной толпы, а также во избежание кровопролития, пристав Асцатуров, обнажив шашку, направился в сторону женщин, причём они расступились и должностные лица поспешили выйти из толпы.

Суд после довольно продолжительного совещания, вынес следующий приговор: 20 подсудимых духобор отдать на один год в арестантские отделения, Василия Калмыкова заключить в тюрьму на 8 месяцев, Анастасию и Евдокию Орехову, Анну Малову, Пелагею Плотникову – на 4 месяца, но в силу манифеста подсудимых от наказания освободить. Николая Пугачова и Анну Плотникову по суду оправданными... Начав с неснимания шапок перед начальством, духоборы-толстовисты окончили кулаками... Таковы плоды теории непротивления. Sapienti sat.

Э. Я. 25 лет миссионерской полемики с расколом Н.И. Ивановского. С. 302–304

20 октября исполнилось четверть века, как впервые в 1871 году выступил с своим просвещённым словом на поприще собеседовательной противораскольничьей полемики заслуженный проф. Казан. академии Н. И. Ивановский. Среди других юбилейных торжеств, которыми так богата паша современность, настоящий юбилей представляется явлением исключительным, а для миссионерства – знаменательным и радостным. Н. И. Ивановский пользуется всероссийской известностью, как учёный расколовед писатель и искусный, опытный полемист. Он первый из учёных людей взялся за это дело, как важное и серьёзное, с новыми приёмами человека науки, тогда как ранее прение о вере ведали почти одни простецы начётчики. На миссионерские публичные собеседования с отпадшими ещё и доселе смотрят не одинаково в епархиальных правящих сферах. Просвещённая и многополезная деятельность опытного полемиста – профессора несомненно помогла этому виду миссионерства занять подобающее место и снискать уважение. В наше время отсутствие собеседований где-либо в епархиях уже признаётся большим недочётом, тогда как раньше заведение бесед считалось чуть «не пустой затеей». В рядах миссионеров полемистов теперь мы видим магистров и кандидатов богословия, последователей почтенного профессора.

Полемический опыт и наблюдения Н. И. Ивановского обогатили и саму теорию этого трудного дела цепными методическими указаниями, так что всё, что выходит из-под увлекательного пера Н. И. Ивановского по части расколоведения и руководственных советов и указаний отличается глубокой практичностью и знанием дела полемики и психологии собеседников из раскола. Владея счастливыми качествами образцового полемиста, – хладнокровным спокойствием, благодушием, добротой и простотой обращения «с меньшим братом», меткой находчивостью, ясностью и

точностью речи, при отчётливой дикции и звучном голосе, богатой памятью, широким знанием литературы и приёмов раскольничьих со-вопросников, Н. И. Ивановский даёт многочисленным ученикам своим и последователям живые примеры и уроки верной постановки дела полемики, не допускающей излюбленных приёмов старой полемической школы, с её девизом, – «око за око, зуб за зуб»... Вот какой взгляд печатью высказывает почтенный юбиляр на полемические собеседования: «нынешние собеседования не какое-либо формальное увещание, это – именно беседа, обмен мыслей с той и другой стороны, проверяемых непременно уважаемыми книгами. Авторитет лица, беседующего здесь ни причём. Всякому необходимо доказать и разъяснить свою мысль книжными свидетельствами. Все идут на такую беседу по собственному желанию, всякий может предложить волнующий его вопрос и открыто высказать своё несогласие с мнением противной стороны. Одно только условие при этом требуется и наблюдается – приличие в словах и поступках и правильный с логической стороны ход беседы» (см. брошюры памяти о. Архим. Павла стр. 10–11)

Начавшееся скромно в Казани собеседовательное дело проф. Ивановского, благодаря серьёзной и правильной постановке из года в год росло по количеству слушателей, и по тому благотворному влиянию, какое оказывает на раскольничью среду учёный собеседник. Раскольники чрезвычайно любят беседы и самого Н. И-ча, как беспристрастного собеседника, который всегда с усердием и участием даёт обстоятельный ответ вопрошающему раскольнику. Ежегодно начиная с осени и до Пасхи беседы Н. И-ча ведутся в особом зале для собеседований: зала эта бывает переполнена слушателями раскольниками и православными, из последних около профессора составила целая школа любителей – начётчиков, которые, при своих частых обыденных сношениях с раскольниками, являются прямыми помощниками его в борьбе с расколом. После собеседований, а иногда и в будние дни в собеседовательной зале в поздний час ночи можно встретить сидящими за столом с чашкой чая оживлённо беседующих

профессора, поморца, представителя австрийского согласия и православных начётчиков: со-вопросники кипятятся, волнуются, жарко спорят, поражая друг друга и все обращаются к профессору с вопросом, кто из них правее. Н. И-ч, улыбаясь, с свойственной ему живостью и меткостью начинает их разбирать...

Полемическая деятельность Н. И-ча давно уже простирается дальше Казани: ежегодно его приглашают в Нижний на ярмарочные собеседования, часто в столицу. – Миссионеры и пастыри Поволжья, столь обильного расколом, имеют в Н. И-че своего как бы патрона, к которому обращаются в потребных случаях за советами.

Наш миссионерский журнал, приветствуя с истекшим 25-летием многопольной просветительной миссионерской деятельности старейшего из своих со-работников на поприще миссионерской полемики, от души желает доблестному ратоборцу долгоденственного служения интересам миссионерского дела.

Э. Я.

Ноябрь. Книга 1-я

**Гурий, еписк. Самарский. Психологические причины
упорства сектантов в своих заблуждениях //**
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 307–
314

Многие из раскольников и сектантов, не исключая и руководителей их в вере, – ересиархов – старцев, по-видимому ясно сознают и чувствуют своё религиозное заблуждение потому, что оно ничего не даёт им такого, к чему стремится в своей жизни бессмертный и богоподобный дух человека; некоторые из заблудших, более честные, откровенные и смелые, даже издеваются над верой своих отцов и дедов, проклиная их за уклонение от православия, в котором находят истину и спасительность для человека... Несмотря, однако ж, на всё это, отпавшие не решаются расстаться с сектантством, чтобы присоединиться, во славу Божию и своё спасение, к православной Церкви: одни, по чувству уважения к преданиям своих предков, в чём бы они ни состояли, и по ложному предубеждению, что веру отцов переменять грешно; другие, – по суеверному страху, чтобы через это не нажить себе какой-либо беды в жизни; третьи, – по крайне глубокому невежеству ума, при отсутствии сердечности с её свойствами – смирения, кротости, благодушия и любви; четвёртые, – по безотчётному предубеждению против православия и злобе от горького сознания своего бессилия, в борьбе с ним, отстаивать сектантские заблуждения, возводимые ими на степень непреложных истин. К нашим, как и вообще ко всем сектам, весьма приложимо следующее характеристическое выражение 77 псалма: они, яко же и отцы их. – *род строптив и преогорчеваяй, род, иже не исправи сердца своего и не увери с Богом духа своего* (ст. 8).³⁵⁸ Едва ли в других каких-либо отношениях люди бывают так упорны и настойчивы, как в отношении религиозном. И это, без сомнения, от того, что религиозность есть одно из отправлений, и при том самых высших, сердечной жизни, куда, как известно, не так легко может проникать с своим просветительным влиянием рассудок.

Если ему и удаётся иногда это: то не иначе как путём продолжительной борьбы, причём всё-таки сердечная привязанность к традиционным (переданным устно от отцов детям) суевериям всегда проявляется в безотчётной непокорности, с большим или меньшим огорчением против всех и всего, кто или что силится поколебать или ниспровергнуть излюбленное суеверие, хотя бы оно носило явный характер глупости и сумасбродства, как, наприм., в духоборстве или прыгунстве. Потому-то сектантов и можно назвать, словами означенного псалма, *родом строптивым и преогорчевающим*. Само собой понятно, что всё это может быть только результатом сердца нравственно не воспитанного, неразвитого и тем более испорченного. А таковым сердцем, в большинстве случаев, и обладают сектанты всех категорий, потому они, по истине, суть род, *уже не исправи сердца своего*, по выражению псалмопевца. От этого главным образом и происходит их нетерпимость и ненависть ко всем, кто не разделяет их суеверно-религиозных понятий и тем более, кто, так или иначе, опровергает их. Естественно, при таком душевном настроении, они не могут находиться в должном отношении к истинному Богу, к Богу мира и любви, каковое должно состоять главным образом и первее всего в духе, чтобы потом выражаться в соответствующих формах и во вне, т. е. в тех или других обрядах богочитания, без чего, как известно, не может мыслиться никакая религия. Что сектанты, вследствие своего немиролюбивого душевного настроения, действительно не могут находиться в должном отношении к Отцу Небесному, это со всей ясностью, силой и решительностью подтверждает Сам Спаситель. «Если ты, говорит Он, принесёшь дар твой к жертвеннику, и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя; оставь там дар твой перед жертвенником, и пойдя, прежде помирись с братом, и тогда приди, и принеси дар твой. И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши» (Мф.5:23–24; Мк.11:25). Но могут ли сектанты возносить свои молитвы к Богу *без гнева и размышления*, как выражается апостол Павел (1Тим.2:8), когда они в молитвенные свои дома

собираются не столько для молитвы, сколько для споров и распрей из-за понимания божественных истин слова Божия, дерзко порицая и хуля всех, кто не так верует и исповедует Бога и Христа, как бы хотелось каждому из них? *Дыхая прещением*, по выражению Писания (Деян.9:1), в особенности *на ученики Господни*, т. е. на православно-верующих, они нисколько не думают, что таким душевным настроением их бесконечно оскорбляется Господь Бог. Не ясно ли поэтому, что сектанты в действительности оказываются „неверными Богу духом своим“, хотя и воображают, что служат Ему духом?.. Более простодушными из сектантов оказываются те, которые не задаются слишком ревностно вероисповедными вопросами, и только заботятся о житейском благополучии и счастье. Если последнее удовлетворяет потребности их сердца: то, по их мнению, значит, и вера их хороша и менять её не приходится. Хотя сектанты этой категории не выражают упорства в своих верованиях и охотно, даже не без удовольствия, слушают и сами читают о православии, причём вполне соглашаются признавать его за истинную веру; тем не менее их основное понимание внутренней связи и соотношения жизненных интересов с исповедуемым сектантским вероучением служит непреодолимым препятствием к обращению их на путь истины и спасения. При том же, надобно знать, дело обращения на путь истины и спасения есть дело благодати (спасительной силы) Божией, действующей в душе обращаемого, когда представляются к этому благоприятствующие условия, со стороны последнего. *Поэтому обращение зависит не столько от проповедников истины и спасения, сколько от самих обращаемых*: насколько именно сердца их способны к принятию воздействия на них благодати Божией. Известно, что в религии, в религиозном настроении, должны участвовать все силы нашего духа – и ум, и сердце, и воля; следовательно, и обращение к Богу, чтобы служить Ему в духе и истине, и притом всем существом человеческим, в чём и состоит сущность религии, – должно касаться не одной какой-нибудь стороны или душевной силы, а всех их вместе. Поэтому было бы ошибочно понимать обращение в смысле лишь убеждения ума в

истинности богооткровенного учения о спасении. Что же ещё требуется для обращения к истине, кроме убеждения ума?.. Требуется вера сердца, о которой Апостол говорит, как об оправдывающей: *сердцем бо веруется в правду* (Рим.10:19). Сердечная вера является в человеке тогда, когда он прочувствует сердцем то, что сознаёт умом, как высочайшую и непреложную истину, после чего эта истина становится для сердца вождленным благом, или живом и искреннем стремлении к нему. Это – второй момент, или вторая ступень обращения, за которой является и третья, как следствие, когда и воля подчиняется тому, в чём убеждён человек умом и чему сочувствует его сердце... И по учению Слова Божия, обращение, как и всё наше спасение совершаются не иначе, как при воздействии благодати Божией, ибо как сердечная вера, так и вся деятельность истинного христианина, согласная с верой и любовью, суть плоды Духа Божия (2Кор.3:5 сн. 4:6,7 ст.; Флп.2:13; Евр.13:21; Ин.15:5; Гал.5:22). Действие обращения, таким образом, принадлежит Богу и человеку: оно совершается по взаимодействию божественной благодати и сил человеческих. Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим.2:4), и потому всегда готов принять в свои отеческие объятия всякого человека (Лк.15:11–24; Ин.6:37), заблуждающегося в вере и жизни, коль скоро он, при сознании своего заблуждения, почувствует в себе желание и влечение к истине, хотя бы он даже и не знал, где найти её. Вслед за этим душевным состоянием и является действие божественной благодати, которая, внутренне озаряя и согревая человека, сама приводит его туда, где есть истина, т. е. к святой, православной Церкви, «яже есть, по слову Апостола, дом Божий, столп и утверждение истины» (1Тим.3:15). Если всё это принять во внимание и приложить к сектантам, *то обращение их, естественно, не может совершиться легко*. Они хотя и сознают, в большей или меньшей степени, лживость своих верований и убеждены в истине православия; но ни то, ни другое не проникает в их сердце, преисполненное гордостью и презорством³⁵⁹. В этом то и заключается причина их коснения и упорства во зле своих суеверных заблуждений. И пока они

будут находиться в таком душевном состоянии, их обращение на путь истины и спасения невозможно, ибо сказано в Божественном Писании: «Господь гордым противится, и даёт Свою благодать только смиренным» (Притч.3:34).

Гурий, Епископ Самарский

ОТ РЕДАКЦИИ. Настоящая интересная статья досточтимого Самарского Архипастыря поучительна во многих отношениях и не для одних только миссионеров. Преосвященный автор, благодаря широким наблюдениям и богатому миссионерскому опыту, близко знает миссионерство, немощствующую душу и совесть религиозных отщепенцев. Долговременное просвещённое служение преосвященного Гурия в далёкой Сибири по преимуществу было миссионерским. Энергичный, живой, одушевлённый Илиной ревностью по вере православной и движимый сердечным состраданием к жалкой участи язычников и сектантов, сидящих во тьме и сени греховной, преосвященный Гурий во время своего епископства в Сибири на дальнем Востоке, где в Приамурской области привитают последователи всевозможных сект, принимал непосредственное участие в увещании заблудших и миссионерских беседах. Такую же живую попечительность о миссионерском деле являет архипастырь и на нынешнем месте своего святительского служения в Самарской епархии, где угнездились всевозможные сектантство, особенно же тайное, известное под именем «монтанства» и «мормонства».

Указывая на психологическую причину, как на главный тормоз миссионерского успеха по обращению сектантов в лоно церкви, тем самым преосвященный автор даёт ответ и на модный в светской печати и обществе вопрос о том, почему, несмотря на оживление современной миссии, количественные итоги воссоединений сектантов по-видимому незначительны. Обыкновенно относят это явление к слабости нашей миссии и к неспособности миссионеров и пастырей, но никто не хочет поглубже взглянуть на ту неблагоприятную почву, которую возделывает миссия – на духовное состояние сектантства. Можно встречать и даже в правящих епархиальных сферах

мнение, по которому ещё и доселе количественная сторона возвращений признаётся главным, если не единственным показателем успешного хода миссии и критерием правоспособности миссионеров. Современная миссионерская методика не может признать такие взгляды соответствующими существу и задачам серьёзной миссии, тем более, что господство такого взгляда скорее способно приносить свои вредные плоды, развивая в деятелях миссии суетное стремление к тому, чтобы как можно побольше показать в списке число присоединившихся и тем отличиться перед начальством. Отсюда возникает односторонность и неверность в направлении миссионерского дела, поспешность в присоединениях и непрочность возвращений, рецидивы соversions и т. п. Теория эта укоренила в миссионерах старого доброго времени печальное недоразумение, по которому вся задача бесед поставляется в обращениях и все заботы миссионера направляются к тому, чтобы при конце бесед видеть у ног своих кающегося сектанта. Из представленного преосвященным автором анализа душевного настроения впавших в секты и ереси ясно, что возвращение дело далеко не лёгкое и что быстрый, крутой и решительный религиозный перелом в душе сектанта может совершиться только при помощи благодати и у мощных душой Савлов, прочие же быстро припадающие к ногам миссионеров, с заявлениями о возвращении – народ сомнительный и к заявлениям таковых заблудших нужно относиться с большой осторожностью и тщательно испытывать их глубины сердца, прежде чем принять в объятия матери Церкви. Измерять успехи миссионерской деятельности только одним количественным ростом обращений будет ошибочно и узко. Плоды миссионерской деятельности неуловимы и неисчислимы, их может *исчести лишь Тот, Кто ведает помышления человеческая и пред Коем вся нага и объявлена...*

Кто определит, сколько той или другой миссионерской беседой спасено поколебленных и готовых было ринуться в бездну сектантства, успокоено обуреваемых сомнениями, утверждено слабых, вразумлено тайно заблудших? Главные и

первые задачи и заботы истинной миссии должны заключаться не в погоне за обращениями, а за охранением православного населения от приращения к нему сектантских заблуждений, и пресечением дальнейшего распространения сектантства в известном районе. Самым верным показателем успешного хода миссии и в частности деятельности того или другого миссионера должно считаться то явление, когда после бесед миссионеров в том или другом месте видимо приостанавливается движение сектантское и сокращается число отпадений от Церкви; не появляется совращений в новых смежных пунктах. Это указывает, что миссионерские беседы поразили сектантскую пропаганду в самую главу, отняв у неё благоприятную почву, путём могучего воздействия на православную народную среду. Возвращения же в лоно Церкви находятся в неотразимой зависимости от тех сложных явлений душевной и бытовой жизни сектантства, на которые указывает преосвященный автор и которые в большинстве случаев вне круга влияний миссионерского воздействия на отпадших.

Ивановский Н.И. Чиноприём в секту у современных хлыстов и некоторые бытовые их черты // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 314–320

В своём открытом письме в редакцию «Миссионерского Обозрения», напечатанном во 2, 3 и 4-й книжках журнала, мы, между прочим, замечали относительно хлыстовства, что оно не держится строго определённых правил и обычаев, искони установленных и повсюду принятых. Выходя из коренного принципа своего учения «Святому Духу верьте», т. е. доверяйтесь безусловно пророкам, хлысты в разных местностях представляют очень разнообразный характер; что практикуется в одном корабле, того может не быть и нет в других кораблях. Всё зависит от кормщика или кормщицы и их вожделий. В разное, хотя не давнее время, мы получали любопытные достоверные сведения из двух местностей, относительно приёма в секту хлыстов лиц, совращённых из православия, и относительно некоторых современных обычаев, существующих в хлыстовских кораблях. Сведениями этими, в видах научной разработки и практического интереса, мы и намерены поделиться с читателями «Миссионерского Обозрения».

1) *Приём в секту.* Приёмы в секту бывают разнообразны, да при том они и мало известны, как и многое другое из жизни хлыстов. Приём в секту кощунственно называется у хлыстов введением «во святая святых», как была введена Божия Матерь. В некоторых местностях он происходит следующим образом. В отдельной избе приходящих переодевают: мужчину одевают в длинную белую рубаху с широкими рукавами, а женщину в белую рубаху и синий сарафан, на голову повязывают белый платок концами назад, на ноги обувают лапти. Одетого или одетую вводят в собрание крёстный отец и крёстная мать. Когда введут в собрание, крёстный отец даёт в руки присоединяющимся икону, а крёстная мать зажжённую свечу. В собрании находятся, по возможности, все местные сектанты, мужчины бывают одеты в длинные белые рубахи,

ниже колен, с широкими рукавами и в белые подштанники, ноги – босые. Заправитель собраний спрашивает присоединяющихся: для чего ты пришёл или пришла к нам? Присоединяемые, наученные крёстными отцом и матерью, отвечают: «потрудиться, с вами Богу помолиться», или иначе «Спасову образу помолиться, да с вами поводиться»; – с нами трудиться трудно – замечает присоединяющий, – у нас заповеди есть: мужу с женой жить, как брату с сестрой, женатым разжениться, не женатым не жениться; знай, что жене нельзя даже для мужа обед собрать». Если даже дочь твоя родит, то к ней нельзя ходить шесть недель». Присоединяемые отвечают: «помолитесь за меня государю-батюшке Данилу Филипповичу» (основателю секты). Затем присоединяющий требует хмельных напитков не употреблять, на крестины и свадьбы не ходить, всех присутствующих считать своими братьями и сёстрами, и данных при принятии крёстных отца и мать чтить более братьев, сестёр и крёстных по плоти. Относительно того, что будет происходить на радениях и какие будут петь песни никому не говорить, даже родным отцу и матери; об этом знали бы только «свои губы, да зубы». В церковь ходить можно, но церковных молитв не повторять, а творить молитву так: «Господи Иисус Христос, государь Сын Божий, помилуй нас, аминь». На каждое требование присоединяемые отвечают теми же словами: «помолитесь за меня, государи-приятели». Когда обеты даны, на присоединяемых надевают особый крест с лучами, и присоединяемые объявляются принятыми. После присоединения происходит радение. На радении мужчины и женщины ходят кругом, прискакивая, затем выносят груды полотенец, которыми мужчины перевязываются через плечо, а женщины крест-накрест. Полотенца эти свивают жгутом и хлещут ими себя по спине до крови; некоторые бьют себя в грудь кулаками. Этим сектанты умерщвляют плоть. Во время радений поют песню: «Репушка, матушка, кто тебя сеял, поливал? Сеял батюшка-сударь, поливала матушка-помощница» и т. д. «Взойду на гору круту, посмотрю под красну зорю» и т. д. Радения оканчиваются обедом, или ужином, смотря по времени.

2) *Бытовые характерные черты.* Из бытовых свойств хлыстов местами замечаются следующие:

а) Гнусный разврат хлыстов за последнее время стал подвергаться большому сомнению. И на самом деле, и в прежнее время он не был всеобщим и в науке утвердилось положение, что свальный грех бывает не во всех кораблях. Об изуверных же действиях хлыстов, в роде причащения грудью «богородицы», или кровью «христосика» довольно давно совсем уже перестали говорить и серьёзно об этом едва ли кто теперь и думает. Но по последующим, имеющимся у нас сведениям, и противо-нравственные деяния, а частью и изуверные обнаруживаются в некоторых хлыстовских общинах, только в других видах. Об этих случаях мы уже замечали и в своём «Открытом письме», о которых нам было известно частью из следственных дел, частью из газетных сообщений. Теперь можем сказать о следующих фактах. В одном месте хлысты производят радение в открытом поле, на виду многих, в одной короткой обыкновенной рубашке, в другом месте в обществе хлыстов происходит открытая мена жён, и женщины безусловно этому покоряются; в третьем мужчины и женщины, после радений, идут вместе в баню; в четвёртом молодые мужчины и женщины после радения и ужина ложатся вместе в одной комнате, из которой не вполне посвящённые бывают удаляемы; в пятом хлыстовку открыто обличают в распутстве с родным сыном; в шестом, наконец, одна женщина, подпавшая какому-то совершенно непонятному, точно гипнотическому влиянию хлыстовского пророка, – валяясь с ним в безобразном виде на постели, кричала другой, присутствовавшей в той же комнате, женщине: «ты хотела знать нашу тайну; смотри, вот она, наша тайна!» Сведения обо всех этих фактах мы получили в разное время.

б) Что до проявлений изуверства, то по некоторым следственным делам последних лет, прекращаемым по недостатку улик, или по отсутствию состава преступления, – мы останавливали внимание на замеченном явлении особенной бледности и измождённости хлыстовских женщин, на отсутствие деторождений, при нецеломудрии их, оказанном медицинскими

свидетельствованиями, – вследствие подозрений в оскотлении, – а иногда нахождением пузырьков с какой-то жидкостью тёмно-красного цвета, химически не исследованного. Но ничего, более или менее определённого, из всего этого, конечно, вывести было нельзя. Теперь мы имеем сведение о том, что в некоторых хлыстовских общинах, хлыстовские женщины рожают детей мёртвыми, а иногда хлысты – мужчины уговаривают забеременевших женщин вытравлять плод, принимая напиток из ртути, селитры, пороха и купороса.

Из других обычаев современных хлыстов стоит отметить способ их причащения. Обыкновенно хлысты причащаются кусочками чёрного хлеба, чаще изюмом, иногда синим виноградом. Теперь в одной местности становится известным причастие особого рода. Хлысты глотают пламя и дым от зажжённых свеч. Происходит это таким образом: одна из присутствующих на радении девиц зажигает три восковые свечи, становится посреди собрания и к ней начинают по очереди подходить присутствующие; подходящих она спрашивает: «чем ты кормишься?» Подходящий отвечает: «Господи Иисус Христос, сударь Сын Божий помилуй нас; аминь Царю Небесному. Во имя Отца и Сына и Святого Духа Божьего, аминь Царю Небесному. Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный помилуй нас, аминь. Потом держащая в руках свечи задувает их и с дымом даёт каждому в рот, говоря: «принимай, принимай Св. Божьего Духа». Иногда свечей и не задувают, а заставляют глотать пламя от них.

Из одной местности сообщают ещё о совершенно необъяснимом обычае среди хлыстов. Смерть тех или других последователей хлыстовства будто бы предсказывают заранее их пророки, и приговорённого к смерти заранее отпевают. И на самом деле, предсказание сбывается; вскоре известный человек скоростижно умирает. Не можем не усомниться в последнем сообщении, так как скоростижно умершие, по закону, подвергаются вскрытию, а нам по крайней мере доселе неизвестно ни одного подобного, судебным порядком проверенного факта. Любопытно узнать сам обряд отпевания живого.

Н. Ивановский

Р. S. Отмеченный проф. Н. И. Ивановским существующий в хлыстовской секте обряд «отпевания заживо» принадлежит к разряду тех загадочных и необследованных нашей наукой явлений, которых так ещё много кроется в тайных мистических сектах. К сожалению миссионерство и наука сектоведения на эти секты до последнего времени менее всего обращают внимания, и они представляют собой непочатый для исследования угол. По имеющимся у нас показаниям очевидцев, из ренегатов секты, обряд отпевания «живых мертвецов» совершается в таком порядке: в хлыстовстве есть свои обожаемые пророки и пророчицы, большинство из них сами же хлысты считают шарлатанами, но некоторым безусловно верят, как «прозорливым чародеям». И вот эти то последние являются «злыми вещунами» кому-либо из членов корабля о скорой кончине. В полунощном собрании, обставленном, как всегда у хлыстов и скопцов, таинственностью, пророк возвещает, что Дух открыл ему, что ты, «братец» или «сестрица», «ходишь кверху ногами», – тебя, братец, зовёт к себе «Государь Батюшка», Сам Саваоф (Данила Филиппович, – основатель секты), надо тебя, братец, приготовить и проч... Какое впечатление такой приговор способен произвести на толпу мистиков и на обречённого на смерть, можно себе представить!.. Рыдания одних, безумные восторги с неистовыми взвизгиваниями других, радующихся, что брат или сестра удостоивается счастливого призыва «Самим Государем-Батюшкой», тупые муки и слёзы обречённого на смерть и его присных – всё это смешивается в какой-то сатанинский гам, прерываемый лихим пением молитвенных распевцев и неистойой «работой», – радельными кружениями... во славу призывающего «саваофа» ... Назначается ночь отпевания. Корабль в полном сборе, во главе с «соборным батюшкой кормщиком и «матушкой-кормщицей» – «лжепророками и лжепророчицами»: все в присвоенном радельному собранию белом одеянии. Передний угол с излюбленными у хлыстов иконами ярко освещён. От божницы до дверей моленной расстилают белый холст. Крёстный (по

хлыстовству) батюшка, или матушка вводит «жертву» в моленную. Обречённый тоже в радельном одеянии; его ставят по середине моленной, в которой царствует мёртвая таинственная тишина. Все под давящим впечатлением скорой разлуки с живым мертвецом. Сам обречённый проливает обильные слёзы, а с ним и другие... В руках «живого покойника» зажжённая свеча и «знамечко» – свиток из холста. С зажжёнными свечами стоят и прочие члены корабля. Тогда кормщик или кормщица берёт радельное полотенце, завязывает на конце его узел и заунывным голосом затягивает «Святый Боже», причём, махая полотенцем на подобие священнического каждения около гроба, три раза обходит «живого мертвеца» ... После того дают все присутствующие целование (прощание) «живому покойнику» и на этом оканчивается собственно обряд отпевания. Показатели удостоверяют, что в период нахождения их в секте, около 10 лет, таких отпеваний в корабле им известно пять случаев; отпеваемые – казалось им – были все люди здоровые; но затем «отпетые», действительно, через некоторое время, в промежутки от 3 до 6 недель, умирали и большей частью скоропостижно и безболезненно. Раскаявшиеся хлысты верят и доселе в действительное прозрение хлыстовских пророков, действующих сатанинской силой... Между прочим, один из участников хлыстовства сообщает, что, когда он, испуганный совершившимся на радении, начал про себя читать молитву «да воскреснет Бог», то пророк забрался на печку и завопил: «среди нас есть «предатель», не стал пророчествовать... и собрание расстроилось. Да, в мистических наших сектах есть какой-то «демонизм», обследованием которого необходимо заняться науке сектоведения.

В. Скворцов

**Добротин Г.Н. Закон и свобода совести в
отношении к лжеучению и расколу ³⁶⁰ //**
**Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 320–
337**

Глава 5-я.

Критический анализ современного отношения между церковью и новейшим западноевропейским государством. Внутренняя несостоятельность формулы „свободная церковь в свободном государстве“ и плачевные результаты такого отношения для Церкви и государства в их настоящем и будущем. Общий дух и характер норм западноевропейского законодательства с его главнейшим недостатком. Какое должно быть нормальное отношение между Церковью и государством с точки зрения истинного христианства, и принципы вероисповедной политики государства. Основная точка зрения русского православного законодательства на все ереси и расколы. Общее суждение о нормальных отношениях нашего русского государства к еретикам и раскольникам.

Нам уже известны в общих чертах, как сами начала, проникающие западноевропейские уголовные кодексы относительно преступлений против веры, так и их историческое развитие и даже общая постановка норм указанного законодательства относительно преступлений против веры, вытекающих из этих начал. Но мы недостаточно выяснили себе ещё общий дух и характер последних с точки зрения истинно-христианской, их ценность и достоинство перед судом его. А эту оценку необходимо сделать потому, чтобы показать, должно ли и можно ли государству Русскому наше уголовное законодательство относительно преступлений против веры и, в частности, отдел этого законодательства, подлежащий нашему исследованию, перестроить по новому типу западноевропейских уголовных кодексов, не игнорируя целостности и пользы церковной и государственной и не отказываясь от права именовать русское государство христианским. Чтобы решить последние вопросы, конечно всего лучше обратиться к

изучению характерных черт того исторического факта, который послужил причиной самой перестройки западноевропейских уголовных кодексов относительно преступлений против веры и, в частности, против еретиков и раскольников – факта отделения Церкви от государства. Нормален ли по своей сущности этот факт? К каким практическим результатам для Церкви и государства ведёт его существование? Оправдывается ли это существование требованием природы двух институтов – Церкви и государства? И какое должно быть наиболее правильное с точки зрения христианской отношение между двумя указанными институтами? Если факт этот истинен по самому своему существу, вполне соответствует природе Церкви и государства, удовлетворяет всецело принципам христианского учения и целесообразен, т. е. сопровождается благими результатами для Церкви и государства, то справедливость побуждает признать и западноевропейское уголовное законодательство относительно преступлений против еретиков и раскольников, явившееся непосредственным следствием этого факта, вполне необходимым, целесообразнейшим и христианнейшим из всех уголовных законодательств этого рода; если же нет, то, следовательно, оно не имеет права претендовать на перечисленные сейчас достоинства и не может служить образцом подражания для других законодательств этого рода.

Новейшее западноевропейское государство формулирует отношение Церкви к государству словами: «свободная церковь в свободном государстве». Если это не пустые слова, чтобы только морочить людей с заранее предвзятой мыслью, то это – ошибка. Никакая политика не скроет мысли, которая заключается «в заду» этой великолепной и на первый взгляд безобидной фразы: тут кроется мысль предоставить Церковь «самой себе» так, чтобы ни государство не имело и не признавало надобности принимать участие в Церкви, ни Церковь не считала бы себя вправе требовать участия со стороны государства. а тем не менее имела бы какое-нибудь основание и право входить так или иначе в дела государства. Это, говорим, ошибка. По законам природы свободная сила не может безусловно существовать в другой свободной силе³⁶¹:

между ними должна быть или «связь», следовательно, взаимодействие, и потому одна сила будет сдерживать, ограничивать так или иначе другую; или между ними будет «борьба» и одна сила будет стремиться подавить другую, чтобы быть вполне и действительно свободной. Свободная Церковь ещё может существовать «вне» свободного государства, даже возле него и на ряду с ним; но свободная Церковь «в» свободном государстве существовать не может; тут будет в составе целого внутреннее противоречие: свобода одной силы будет стеснять другую и по законам естественным будет, так сказать, прорывать другую³⁶²; обе свободные силы должны будут войти в союз между собой или в борьбу и только тогда, когда одна сила преодолееет другую и другая потеряет свою свободу, первая будет вполне свободной³⁶³. Справедливость этих суждений как нельзя более подтверждается практикой. Несмотря на то, что божественное происхождение Церкви, её неземная цель и задача, священный характер церковной власти и церковных правил должны были бы удержать новое западно-европейское государство от посягательства на безусловную автономию в её деятельности³⁶⁴, новое западноевропейское государство, включая в себя Церковь, как одну из корпораций, и пользуясь над ней правом суверенитета, путём собственного законодательства старается постепенно стеснить сферу автономии Церкви и установить для неё более узкие границы³⁶⁵. Право суверенитета, усвоенное западноевропейским государством над Церковью, даёт ему возможность реформировать порядки, усвоенные ею в своей деятельности, по своему произволу и с точки зрения раз им (т. е. государством) принятого направления³⁶⁶. И мы уже видели, насколько далеко ушло государство в этом своём направлении: порвав нравственно-духовные связи, которые ранее соединяли его с Церковью³⁶⁷, оно захватило в сферу своего ведения много областей, которые всецело относятся к компетенции Церкви. Достаточно вообще здесь сказать, что государство фактически уже подчинило своему законодательству почти все внешние церковно-юридические отношения, за исключением таинств и области догматики: церковные должности и бенефиции,

отправление монастырских обязанностей, образование духовенства, монастырские общества, церковный патронат, приходские общины, церковно-имущественное право и т. п.³⁶⁸. Успехи, которые сделало новое государство в освобождении себя от всякого влияния религии и захвате в сферу своего ведения церковных дел, не подлежащих его компетенции, не установили, конечно, формальных границ этой компетенции. И те последние области церковные, которые ещё находятся вне сферы государственного ведения, могут войти в эту сферу, если на то будет воля государства³⁶⁹; временное невмешательство государства в эти сферы обманчиво, пределы ведения Церкви могут ежечасно сделаться ещё уже. И это может случиться именно в силу тех отношений между Церковью и государством, по которым последнее, предоставляя, по-видимому, полную свободу Церкви в делах, подлежащих её компетенции, в то же время присвоило себе право суверенитета над нею, перешедшее на деле в правомочие бесконтрольного распоряжения её делами. Значительный круг тех церковных дел, которыми в данный момент обладает новое западноевропейское государство, не может удовлетворить развившийся в нём аппетит к захвату от Церкви ещё больших и гарантировать её от дальнейших посягательств государства в данном отношении. Дело, собственно, тут даже не в количестве церковных прав, усвоенных в данный момент государством: велик ли он или мал – это совершенно безразлично: всё дело тут в принципе: если возможно для государства одно, то оно свободно и в другом; ничто не мешает ему завтра крепче натянуть поводья, опущенные им сегодня³⁷⁰, потому что оно – господин. Не нужно быть пророком, чтобы угадать те печальные последствия для Церкви и государства, которые воспоследствуют в том случае, если новое западноевропейское государство поступательно будет шествовать по пути проведения в свои отношения к Церкви права суверенитета. Это право само по себе посягает на существование Церкви и целостность христианской религии: захват государством церковных областей, ему не принадлежащих, есть порабощение Церкви, а порабощение Церкви, проводимое во всей широте, есть

стремление к уничтожению Церкви; стремление же к уничтожению Церкви есть дерзновенное посягательство на разрушение христианской религии³⁷¹. В самом деле, что имеет в своём основании существование этого права? Оно имеет в своём основании стремление государства к совершенному освобождению себя от влияния Церкви путём подавления её прав и проведению на самых широких началах принципа индивидуальной религиозной свободы; но это стремление, проистекающее в существе дела из безразличного отношения нового западноевропейского государства к делу религии, приведёт его к атеизму, ибо, справедливо замечают, что безразличие в деле религии, религиозный индифферентизм, есть самая опасная форма безрелигиозности³⁷². Правда, в общем новое западноевропейское государство ещё доселе сохраняет прежние черты христианства; оно само желает именоваться ещё христианским. Но пройдет два, три поколения, воспитанных в началах новой безрелигиозной цивилизации, и новому государству, вероятно, не будет надобности маскироваться названием христианского. Таким образом новое государство не только носит в себе в зародыше, но и осуществляет, и даже в значительной мере уже осуществило стремление поглотить права Церкви и положить новые начала для своей жизни и деятельности. Но может ли Церковь поступиться перед государством своими правами, не вступивши за них в борьбу с ним, может ли допустить попытку государства положить рядом с положенным Христом основанием для жизни Церкви и общества начала, противоречащие её учению, её духу, её цели и задачам? Конечно, нет. Христианство, по своей внутренней природе, стоит в диаметральной противоречии с началами, воплощаемыми в жизнь новым западноевропейским государством³⁷³. Вывод из такого положения двух институтов ясен: они враги на жизнь и смерть и не далеко то время, когда они должны будут вступить между собой в смертельную и истребительную борьбу³⁷⁴. На чьей же стороне останется победа в этой борьбе: на стороне Церкви или на стороне государства? Ответ на этот вопрос не труден: победит тот институт, который в своей природе носит более силы, живучести

и устойчивости, т. е. Церковь. Как бы ни было сильно стремление государства отделить, изолировать от влияния Церкви все сферы своей жизни и деятельности, подчинить Церковь своей власти и даже совсем её уничтожить, этого оно не в силах достигнуть. Церковь, как сила духовная, самодействующая, имеющая жизнь в самой себе, может существовать не только вне государства, без его помощи, и действовать своими духовными средствами по своим духовным целям, но даже и при самых враждебных со стороны его отношениях к себе, хотя в последнем случае нелегко представить себе внешнее благоденствие Церкви³⁷⁵. Но государство, как сила вещественная, не может существовать без силы духовной, т. е. нравственной, а, следовательно, не должно находиться к ней и во враждебных отношениях, если не хочет обратиться в скопище безнравственных людей, живущих одной физической силой, и погибнуть³⁷⁶. Сила духовная, сила нравственная заключается в религии, как в своём первейшем и высшем и никогда не иссякающем источнике, и чем чище сама религия, чем правильнее её исповедание, чем твёрже и вернее её соблюдение, тем совершеннее, возвышеннее, действеннее и благотворнее её духовная сила и её нравственное действие в народах и в целом обществе. Никакой рационализм, никакая политика, никакой государственный либерализм не опровергнет этого. А где религия (разумеется – христианская: о другой религии не может быть и речи), там и Церковь: сила Церкви есть сила религии; Церковь есть её тело, её образ, её орган. Следствие ясно: христианское государство не может существовать без Церкви, как силы нравственной. Оно могло бы жить и действовать без Церкви только тогда, когда отказалось бы от нравственного своего характера, от своего высшего нравственного значения и – от религии³⁷⁷. Но неужели можно серьёзно думать, что государство может обойтись без характера строго нравственного и оставаться государством в достойном новейшей цивилизации смысле? Нет. Уничтожая в себе Церковь, отрицая её или борясь с нею, государство отрицало бы и уничтожало бы само себя, боролось бы с самим собой; оно рушилось-бы, как рушится тело без души, как

общество без нравственных начал: других последствий быть не может³⁷⁸. Если, с одной стороны, существование государства, его неразрушимость и целостность возможно представить себе только под условием признания с его стороны за религией и Церковью нравственной силы, государственного значения и неприкосновенности; если, с другой стороны, представительница религии – Церковь – для своего внешнего благоденствия и преуспеяния нуждается в опоре государства: то совместное существование этих двух царств от мира и не от мира сего возможно мыслить только в тесном союзе их между собой. Христианнейший и самый лучший вид отношений между Церковью и государством есть тот, когда они единством веры и духа входят между собой в благонамеренный и общепользительный союз; когда государство принимает под свою защиту права и законы Церкви, без посягательства на их целостность и независимость, своими средствами помогает её действительному благоустроению и благоденствию; когда Церковь с своей стороны, не теряя своей свободы и прав, без греха, без ущерба для себя может сообразоваться в своих делах с постановлениями государственными, освящает, чтит и охраняет государственную законную власть³⁷⁹, ограждает своим учением и правилами добрый гражданский порядок и содействует ему своей духовной помощью, особенно влиянием на совесть и нравственную жизнь народа; когда, не входя в мирские дела, её не касающиеся и ей не подлежащие, и не допуская государство далеко заходить в её собственные дела, Церковь имеет настолько силы и средств, чтобы и в государстве утверждать и отстаивать чистые нравственные христианские начала, и народ воспитывать нравственно, по духу истинного христианства – вот какой должен быть наиболее возжеланный для блага народа и Церкви идеал союза Церкви и государства³⁸⁰. Такой союз Церкви с государством находит тверднейшее своё основание в: 1) Слове Божиим, которое ещё в Ветхом Завете изображало царей «питателями Церкви» (Исх.49:23) и вменяло им в обязанность соблюдать все священные законы веры, преданные от Самого Бога, охранять чистоту, целостность, благосостояние Церкви и не нарушать её прав

Богом освящённых (Втор.17:18–20; 2Цар.5:3; 4Цар.11:12,14,17; 2Пар.23:11,13); 2) в собственных правилах христианской Церкви, которые говорят не только о покровительстве церковным правам и законам со стороны державной власти, но и о правах этой власти в Церкви законодательных, правительственных, судебных и т. д.³⁸¹.

Критический анализ установившихся между Церковью и новейшим западноевропейским государством отношений, принятых определять формулой «свободная церковь в свободном государстве» и считать величайшим приобретением новейшей культуры и цивилизации, показал нам, что эти отношения ненормальны по самому существу своему, не соответствуют ни природе двух указанных институтов, ни требованиям христианства, и ведут к плачевным результатам как для Церкви, так и для государства. Констатирование справедливости этой мысли приводит нас к тому заключению, что и западноевропейское уголовное законодательство относительно преступлений против веры вообще и еретиков и раскольников в частности, явившееся результатом вышеуказанных отношений между Церковью и государством, построено на началах, не соответствующих существу христианской религии, пользе церковной и государственной, а потому не может служить образцом подражания для нашего уголовного кодекса относительно преступлений против веры вообще и относительно еретиков и раскольников в частности. Главный недостаток западноевропейского уголовного кодекса относительно преступлений против веры вообще, который в то же время составляет и его характеристическую черту, – это **индифферентизм в вере**, граничащий с полным безверием.

Резюмируя всё сказанное доселе относительно того, какие принципы с точки зрения истинного понятия о свободе совести и веротерпимости должно проводить государство в своё уголовное законодательство относительно еретиков и раскольников, чтобы его отношения к последним были принципиально правильны, нормальны и целесообразны, нам кажется, что мы не ошибёмся, если укажем на следующие из них. Государство должно сообразовать свои отношения к

еретикам и раскольникам с признанием принципа единства веры, вытекающего из понятия о христианстве, как религии, содержащей абсолютную истину и имеющей своей задачей исключить все другие религии. Обязанность государства признать принцип единства истинной веры влечёт за собой другое требование, требование признания раз усвоенной религии, как истинной, религией господствующей и привилегированной. Государство должно дать этой религии в сравнении с прочими особые права и преимущества, употребляя находящиеся в его распоряжении средства к её утверждению и распространению³⁸², охраняя и оберегая её и её права от всяких покушений к их нарушению со стороны разномыслящих и неправомыслящих в вере³⁸³. Единство истинной веры служит не единичным мотивом к признанию господствующего положения её в государстве, к её утверждению, распространению и охране. Существует и другой мотив, предполагающийся первым и не отделимый от него, который должен побуждать правительство известного государства к подобному образу действий по отношению к религии. Мотив этот носит уже чисто практический характер – это государственная польза. Вера, раз воспринятая нацией, как единая и истинная, служит существеннейшим элементом её духовной жизни и её миросозерцания, срастается, так сказать, с последними, даёт им окраску, делается для нации источником духовной цельности, силы, крепости и мощи, а также залогом мира, спокойствия и благоденствия³⁸⁴. Но если вера служит залогом развития, процветания и могущества нации, то отсюда прямая польза государства находится в теснейшем с ней единении и всячески её поддерживать и охранять³⁸⁵.

Государственное значение религии Моль определяет следующим образом: «Государство, говорит он, – всего менее может игнорировать именно религиозно-нравственные начала, которыми живёт народ. Каждое государство, независимо от сходства с другими по одинаковости жизненных целей и задач, ими достигаемых, имеет и свою особенную природу, зависящую от различного способа удовлетворения жизненных целей, от различного склада идей, которыми живёт народ, одним словом,

от особой цивилизации народа. Известный склад цивилизации влияет необходимо и на характер учреждений, входящих в состав государственного организма, и характер самого государства. Главной же основой цивилизации всегда служила и служит религия народа. Религией главным образом определяется мирозозерцание народа. Нравственные правила, ею преподаваемые, служат фундаментом правового характера. Эти положения составляют истины общеизвестные³⁸⁶.

Признавая у себя господствующей и привилегированной ту религию, которая содержит в себе единую, абсолютную, вечную и неизменную богооткровенную истину, государство должно провести в своё законодательство другой важный принцип христианства – терпимость ко всем прочим вероисповеданиям, исключаящую всякое преследование не только за содержание того или другого вероучения, но и за внешнее его обнаружение, если только последнее не заключает в себе ничего противосоциального и противозаконного³⁸⁷. Терпимость эта, впрочем, должна иметь определённые границы³⁸⁸. Не решаясь определить здесь различные градации и степени этой терпимости, нам следует признать, что она никогда не должна доходить до предоставления еретикам и раскольникам одинаковых религиозных прав с гражданами, принадлежащими к господствующему в государстве культу³⁸⁹, иначе говоря, не должна переходить в религиозную равноправность всех вероисповеданий, всех культов³⁹⁰. Такая равноправность противоречила бы существу христианской религии, как единой, истинной, вечной, богооткровенной³⁹¹. При том такая равноправность всех религий была бы явным признаком религиозного индифферентизма государства³⁹² и сопровождалась бы печальными результатами как для него самого, так и для Церкви. Церковь, лишившись покровительства государства, утратила бы своё внешнее благоденствие³⁹³ государство, разорвав связь с Церковью и перестав оберегать исповедуемое ею вероучение, утратило бы через это свою духовную мощь и силу, которые оно ранее заимствовало от Церкви, и должно было бы подвергнуться разрушению и конечной гибели³⁹⁴.

Изложенные сейчас воззрения на принципы вероисповедной политики государства, с точки зрения которых оно должно относиться к преступлениям еретиков и раскольников, касающимся веры и Церкви, могут служить общим и наиболее, по нашему мнению, верным критерием для суждения и об отношении нашего уголовного законодательства к еретикам и раскольникам. Судя о последнем с точки зрения найденного нами критерия, нельзя не видеть, что оно по своим коренным принципам и даже по их частному осуществлению в законодательных нормах в значительной степени удовлетворяет требованиям указанного критерия. Законодательство наше признаёт господствующей верой православную: «первенствующая и господствующая в Империи вера есть христианская православная кафолическая восточного исповедания» (Осн. Зак. 1 т., ст. 40; ср. Уст. о пред. и проч. прест. против веры, изд. 1890 г., 65 ст., буква а; Пол. Соб. Зак. 1797 март 18 (22092); 1800 февраля 1 (19263); 1803 июля 4 (20837). Законодательство наше считает православие единой истинной на земле религией, исповедание которой безусловно согласно с учением Спасителя, Его Апостолов и учением, и преданием вселенской Церкви. Указы наших Государей и высших правительственных учреждений, защищая православие и ограждая его от иноверия и лжеучений, мотивируют свой образ действий тем, что православие есть единая истинная на земле религия; указы эти называют веру православную «благочестием», а Церковь православную «Церковью благочестивой» (Указ Сенатский 1800 г., февраля 1 (19263); равным образом, исповедание православной веры эти указы именуют «исповеданием истинной христианской веры по преданиям святыя восточныя Греко-Российския Церкви». (Указ Сенатский от 1806 года апреля 12 (22092). Утверждая православие в российской державе религией господствующей, законодательство наше имело в виду и чисто практические мотивы к подобному образу действий, именно то обстоятельство, что православие искони сделалось заветной религией русского народа. С того самого времени, когда св. крещение просветило русский народ светом истинной веры,

вера православная стала для него как бы родовым священным достоянием, а имя православного неотъемлемым его титулом³⁹⁵. И понятно почему. Православной религией с указанного момента определяется всё историческое развитие русского народа; в ней, как в семени, скрываются все зачатки его роста, его значение в общечеловеческом поступательном движении по пути прогресса, его вековая жизненность и деятельность, предназначенная ему Провидением во всемирной истории человечества³⁹⁶. Под непосредственным воздействием православной религии искони складывалось и складывается общее направление умственного и нравственного развития русского народа и главнейшие формы его социального строя: жизнь семейная, экономическая, государственная³⁹⁷. Таким образом, православная вера составляет самую живую силу русской национальности³⁹⁸ и служит для неё основанием нравственной силы, плодотворной деятельности, живучести и непоколебимого могущества³⁹⁹. Заботясь о развитии русской национальности, государство должно было дать первое место православной вере и войти с нею в теснейшее единение. И нужно сказать, что в последнее время в сознании всех истинно русских людей всё более и более пускает корни мысль о высоком значении того теснейшего союза Церкви и государства, который представляет наша история. Все, не нарицающиеся только русскими, но и в действительности, являющиеся таковыми, все истинные сыны России чем далее, тем более, тем всё сильнее и сильнее крепнут в убеждении, что православие создавало и охраняло «единую Россию», что православие блюдет её и ныне, что православие и для времён будущих служит залогом тесной сплочённости, свободного и искреннего единения русского народа не только под кровом единой православной Церкви, но и под скипетром единого православного русского Царя. Ныне почти уже стало аксиомой, что Церковь православная служит несокрушимейшим оплотом государства, что верность Церкви есть надежнейшее ручательство и верности государству, что кто восстаёт против Церкви, тот восстаёт и против государства, кто находится во враждебных отношениях к вере, тот в таких же отношениях

находится к Царю и Отечеству. Церковь русская есть церковь национальная государственная. Полная солидарность двух властей – светской и духовной, единение двух благодарных и могучих стремлений человеческого сердца – чувства религиозного и патриотического проходит через всю историю России. Посреди разного рода бед – внешних войн, внутренних междоусобий, которые нередко грозили русскому государству конечной гибелью, оно находило для себя крепкую опору, а иногда и положительное спасение в православной вере... И опять должны мы, поэтому, повторить, что православием велико, сильно, могуче наше отечество! В Церкви православной заключается основа силы русского народа, основа цельности и твёрдости русского государства! Не на одну, посему, Церковь посягают все те, которые исходят на брань с православием. Расшатывая устои церковности, они колеблют и основы государственности, нанося вред первой, они причиняют вред и последней⁴⁰⁰.

Вот основная, вот первейшая точка зрения на все ереси и расколы, волнующие православную Русь. Чтобы ни представляли из себя эти религиозные разномыслия, чтобы ни проповедовали, чему бы ни учили они, раз они отрывают русский народ от его исконной, от его национальной веры православной, они уже не безразличны для государства, они существенно вредны для него⁴⁰¹.

Отсюда совершенно понятным становится то, какой вероисповедной политики должно держаться русское государство относительно других вероисповеданий, относительно различных еретических и раскольнических сект и фракций, в нём существующих, чтобы эта политика не противоречила истинно христианскому понятию свободы совести и в то же время давала возможность соблюдать целостность православной веры и практические государственные интересы. Государство должно заботиться о распространении православной веры, и потому ей только одной предоставлять право пропаганды или воздействия убеждением на совесть лиц, разномыслящих и неправомыслящих в вере. (Уст. о пред. и прес. против веры, изд. 1890 г., XIV т., ср. 53 ст.; Улож. о наказ.

196 ст., ср. 197, 200, 203, 205, Таганцев, изд. 1885 г.). Государство должно охранять православную веру и считать преступлением всякое отпадение от православия (Уст. о пред. и прес. преступ. против веры П. С. 3., XIV т. изд. 1890 г., 36–39 ст.; ср. 56; Улож. о наказ. Таганцев, изд. 1885 г., ст. 185, 188) и отвлечение от него (Уст. о пр. и пр. пр. против веры, XIV т. II. С. 3. изд. 1890 г., 77–81 ст.; ср. 59; Улож. о наказ. Таганцева, изд. 1885 г. ст. 184, 187, 189, 193, 194, 195), каким бы путём это отвлечение не производилось, и предпринимать против указанных преступлений, как предупредительные, так и карательные меры. Вот существенные принципы вероисповедной политики русского государства, которых оно должно держаться и которых оно действительно и держится на практике в настоящее время. Но следуя этим принципам, государству нет нужды переступать их границы и быть нетерпимым по отношению к другим вероисповеданиям, еретическим и раскольническим сектам и фракциям. Отводя первое место православной религии в своём законодательстве, государство тем не менее должно осуществлять в известных границах и по отношению к другим вероисповеданиям, еретическим и раскольническим сектам принцип свободы совести и веротерпимости. Оно в действительности и осуществляет этот принцип. Так со стороны государства пользуются веротерпимостью по обеим её сторонам, т. е. не подлежат каким-либо ограничениям в гражданских и политических правах и пользуются публичным осуществлением своей религии вероисповедания католическое, протестантское и армяно-грегорианское, хотя публичность эта не имеет того безусловного характера, который носит публичное осуществление православной веры, напр., относительно религиозных процессий⁴⁰². Но христианским вероисповеданиям не предоставлено право свободы пропаганды и права перехода из одного вероисповедания в другое. Пока западные вероисповедания, особенно на окраинах России, не проникнутся государственно-русским патриотическим духом, пока под предлогом религиозной свободы ими будут преследоваться мирские виды, не согласные с интересами России, до тех пор

русское государственное правительство будет иметь основание смотреть на переход из православия в другие вероисповедания, как на торжество нерусских начал над русскими, и на русских людей, переходящих в другие вероисповедания, культ которых отправляется на иностранных языках, как на лиц, недостаточно твёрдых в государственном патриотизме ⁴⁰³. Эта мысль с замечательной силой и ясностью раскрыта в известных ответах обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева президенту швейцарского центрального комитета евангелического союза ⁴⁰⁴. Такая же свобода веры, какой пользуются лица иностранных исповеданий, усвоена законом евреям, магометанам и язычникам. (Основ. Зак. I т., 45 ст.). Что касается собственно еретических и раскольнических сект и фракций, то одни из них считаются только терпимыми в русском государстве ⁴⁰⁵ и не пользуются свободой публичного богослужения ⁴⁰⁶, а другие и вовсе не имеют права обнаруживать свои религиозные убеждения в тех или других внешних действиях и обрядах, как соединённых с противно-нравственными и гнусными действиями или же со свирепым изуверством и фанатизмом. Устанавливая градацию по отношению к отправлению культа разными вероисповеданиями, разными религиозными сектами и фракциями, государство, как мы видели, имело в виду не одни религиозные мотивы указанного распределения, а ту степень вреда, которая может проистекать для него от того или другого вероисповедания, от той или другой религиозной секты и фракции. Оно дало больше прав на религиозную свободу инославным исповеданиям и другим иноверцам, чем раскольническим сектам. Это показывает, что эти последние, государство считает для себя более опасными, чем первые. Как мы уже заметили, между раскольническими сектами есть такие, которые решительно непримиримы с условиями благоустроенного человеческого общежития. Ни одно государство в мире не может признать и легализовать существование религиозных обществ, проповедующих, что глава государства есть антихрист, возводящих в религиозный догмат разврат, самоизуродование или бродяжничество. О признании таких сект не может быть, конечно, и речи. Можно

говорить лишь об известном снисхождении к немощной совести неразвитых людей и, подвергая заслуженному наказанию преступления, совершенные ими под маской религии, щадить сектантов, покуда преступных фактов нет на лицо, из опасения, чтобы преследования за одну принадлежность к секте не обратили религиозную слепоту невежественных людей в религиозный фанатизм⁴⁰⁷. Действительные же причины, говорит проф. Ивановский, по которым нельзя положение раскола определять положением других, существующих в государстве вер, заключаются не только в нарушении некоторыми сектантами правил нравственности, благочиния и государственного порядка, – но главным образом в том, что раскол находится в слишком близком соприкосновении с народом, имеет немало общего с духом и направлением простого народа, – это кость от кости и плоть от плоти самого народа. Отсюда главный контингент для распространения раскола составляет простой народ, в среде которого раскол живёт и действует, так что часто трудно и отличить раскольника от православного; от него притекают в раскол жизненные силы; он сообщает крепость и историческую жизнь расколу. Это недуг нашего народного организма. Эта-то близкая связь народа с расколом, стремление раскола к пропаганде, всегда и повсюду обнаруживающаяся, и не позволяет осуществлять идею охра-приравнивания раскола к положению существующих в государстве различных вер⁴⁰⁸. По этой, конечно, а не по другой какой-либо причине, и в настоящее время правительство, признавая мухаммеданского муллу, протестантского пастора, и, тем более, католического ксёндза в сущем их звании, отказывается утвердить законом раскольнического попа или беспоповщинского наставника-требоисправителя⁴⁰⁹.

(Продолжение будет).

Титов Ф.И. Секта жидовствующих (продолжение)⁴¹⁰
// Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 337–
347

Вероучение секты жидовствующих. Два направления в сектантском обществе. Отличительная особенность сектантского движения жидовствующих. Отношение секты жидовствующих к секте стригольников. Причины происхождения секты жидовствующих.

Имея сравнительно достаточные сведения относительно внешней истории секты жидовствующих, мы в тоже время, к сожалению, владеем очень скудным материалом для знакомства с учением и вообще внутренней историей этой секты. От последователей секты жидовствующих не осталось ни изложения вероучения их, ни сочинений, в которых бы защищалось их лжеучение, ни, наконец, книг, по которым они совершали своё богослужение, за исключением одной тетради, в которой, будто бы, заключаются сектантские псалмы и молитвы. Правда, мы имеем свидетельства современников об этом предмете. Но во 1-х, таких свидетельств не много; а во 2-х, – что особенно важно, – свидетельства эти принадлежат лицам посторонним, не имевшим возможности непосредственно наблюдать жизнь, устройство и богослужение сектантского общества, а составлявшим представление о секте и её внутреннем устройстве на основании или скудных, не всегда точных показаний сектантов, подпадавших суду, или же просто на основании народной молвы. Вот почему и нам ныне в высшей степени трудно составить себе ясное представление о внутреннем устройстве сектантского общества жидовствующих.

Однако же, как ни скуден материал, каким мы владеем для знакомства с внутренней историей секты жидовствующих, он всё-таки даёт нам возможность видеть в сектантском обществе, особенно в самом начале его образования, два направления. Одни из сектантов, преимущественно люди простые и необразованные держались чистого иудейства. По вероучению таких сектантов (вероучение это, конечно, они не сами

создавали, а готовым получали от своих учителей, образованных сектантов), Бог Отец не имеет ни Сына, ни Святого Духа, единосущных и со-престольных Себе. Следовательно, Пресвятой Троицы нет. А что св. Писание говорит, будто Бог имеет Слово и Дух, – то это правда; но Он имеет слово обыкновенное, произносное, а Дух Его есть дух, исходящий из уст Божиих и разливающийся в воздухе. Тот же Сын Божий, о Котором проповедовали пророки, – Сын Божий не по существу, а по благодати. Обетованный Мессия ещё не приходил и не родился, а что касается до Христа, Которого христиане исповедуют Богом, то Он не Бог, а простой человек; Его иудеи распяли; Он умер и не воскресал, не возносился на небо и не придет судить мир. Когда же родится истинный Мессия, то Он будет Сыном Божиим не по существу, а только по благодати, как пророк Моисей, Давид и другие. Если же в пророческом писании и говорится о последнем суде, воскресении мёртвых и пр., то судить будет не Иисус Христос, а Бог Вседержитель. А так как истинный Мессия ещё не приходил, то и должно держаться закона Моисеева. И, действительно, жидовствующие рассматриваемого направления сильно придерживались ветхозаветного закона. Так, по свидетельству архиеп. Геннадия, они всецело следовали ветхозаветным заповедям, или десятословию, держались более еврейского, чем православного летосчисления по переводу 70-ти толковников, употребляли опресноки, наконец, устраивали тайные собрания, на которых «жертвы жидовские жряху и пасху жидовскую и праздники жидовские творяху». Тот же архиеп. Геннадий свидетельствует, что сектанты рассматриваемого нами толка «молились по-жидовски, и что они превратили псалмы на свои обычаи». Полагают, что молитвы и псалмы, о которых говорит в данном случае архиеп. Геннадий, сохранились в одном из сборников библиотеки С.-Петербургской духовной Академии (бывшей Кирилло-Белоозерского монастыря). В одном сборнике содержится «псалтирь» и девять библейских песней в переводе с еврейского на русский народный язык XV в. В конце «псалтири» находится заметка, объясняющая, что книга эта написана при великом князе

Иоанне Васильевиче и при митрополите Филиппе, следовательно, между 1464 и 1473 г. На самом деле это – не псалтирь Давида и содержит в себе не его псалмы, а какие-то другие, краткие, в количестве 74 и содержащие в себе только хваления Богу и молитвы, с пропуском всех пророческих мест о Господе Иисусе Христе. Точно также и помещённые в ней девять библейских песней – не песни, употребляемые в православной Церкви, а какие-то совершенно другие, неизвестные в православно-богослужебной практике. Так как эти псалмы и песни были переведены с еврейского языка, то, вероятнее всего, они были составлены теми самими евреями, которые были первыми проповедниками у нас жидовства. Некоторые, по крайней мере, признают за несомненное, что это была та самая псалтирь, по которой еретики отправляли своё богослужение и экземпляр которой достал архиеп. Геннадий во время розыска еретиков и отослал при деле о них к митрополиту Геронтию. Внимательное изучение этих псалмов и песен показывает, что в них не было ничего исключительно иудейского; наоборот, имея характер славословий и молитв к Богу, они с равным правом могли быть употребляемы как иудеями, так и христианскими сектантами. Но разделение псалмов на кафизмы и славы применительно к православной церковно-богослужебной практике доказывает, что они предназначались для людей, ещё не окончательно порвавших связь с православно-христианской церковностью. Таким образом, на этот памятник можно смотреть, как на результат попытки создать новый самостоятельный культ, приспособленный к новым религиозным понятиям сектантов – жидовствующих. Далее, из летописного сказания, записанного в четвёртой новгородской летописи под 1490 г., мы узнаём, что сектанты рассматриваемого нами направления, держась больше ветхого завета, пасху праздновали по-иудейски, «в среду и в пяток мясо и млеко ядяху и иные дела неподобные еретическая творяху, их же немощно и писанию предати». Наконец, некоторые сектанты рассматриваемого направления принимали даже обрезание, как выражение полного принятия ими иудейской религии. Словом, среди новгородских сектантов,

известных под именем жидовствующих, были такие, которые принимали полное иудейское вероисповедание со всем его учением и обрядами. Интересно, разумеется, было бы решить вопрос: каким образом среди русских православных христиан могли находиться такие, которые решались переходить в иудейскую веру? Как ни трудно объяснить подобное явление, но можно однако же заметить, что переход христиан в иудейство существовал во все времена христианской истории и, кажется, встречался и встречается у всех христианских народов. Известно, что и в первохристианской церкви существовали т. н. иудействующие, которые желали, оставаясь христианами, держаться обрядов ветхозаветной религии. Это, на первый взгляд, странное явление объясняется и должно быть объясняемо близкой связью между христианством и иудейской, конечно, чисто иудейской, ветхозаветной, библейской религией, истины и вероучение которой вошли отчасти и в христианскую религию. Между тем есть основания думать, что то «жидовство», какое существовало у нас в Москве и в Новгороде в XV–XVI вв., было, или, правильнее, желало быть именно чистым, библейским иудейством. К нему некоторые новгородские христиане тем легче могли прийти, что, под влиянием стригольничества, в Новгороде в начале XV в. явились люди, отвергавшие решительно всё внешнее в христианстве, отрицавшие даже и само христианство и остававшиеся с одной верой в Бога, небесного Отца. Но человеку весьма трудно и даже положительно невозможно оставаться без всяких внешних проявлений свойственного ему религиозного чувства. Особенно же это должно сказать о людях простых, необразованных, которые, по самому состоянию своего ума, не способны к иному выражению своего религиозного чувства, кроме внешних обрядов. А так как вся обрядовая сторона христианской религии была признана неверной и была отвергнута, под влиянием крайнего стригольничества, то и естественно было тем простым, необразованным новгородским христианам, которые усвоили религиозные воззрения крайнего стригольничества, принять обрядовую сторону ветхозаветной, иудейской религии. Это

последнее предположение имеет тем большую вероятность, что, судя по свидетельству всех современных писателей, рассматриваемого нами направлении секты жидовствующих держались преимущественно простые и необразованные люди.

Впрочем, таких людей, которые бы принимали и фанатически придерживались чистого иудейства, было немного среди жидовствующих. Большинство последователей секты жидовствующих составляли крайние вольнодумцы, христианские еретики, религиозные воззрения которых были только дальнейшим продолжением рационализма стригольников. Такие вольнодумцы, прежде всего, отрицали догмат воплощения, в чём они сходились с настоящими жидовствующими, о которых мы говорили раньше. Воплощения Бога, по мнению новгородских вольнодумцев, не было; оно и несообразно с высочайшими свойствами Божества и не нужно. «Неужели», – говорили они, – «Бог не мог иначе спасти Адама и его потомство, неужели не имел небесных сил, пророков и праведников, чтобы послать их исполнить хотение Своё; но непременно Сам должен был сойти, как нестяжателен и нищ, вочеловечиться и пострадать и таким образом перехитрить диавола? Неприлично так поступать Богу». Но если Иисус Христос не Сын Божий, а простой человек, то не следует почитать и Пресвятую Богородицу, великого предтечу Иоанна, апостолов и угодников Божиих, – заключали вполне логично сектанты-вольнодумцы. Святую Троицу, по их мнению, изображать на иконах не нужно. Существующее изображение взято с того, будто бы «Авраам принимал у себя Святую Троицу; но это неправда: «Авраам бо прият и учреди Бога с двема ангелом, а не Троицу» ... Как это, – говорила они, – «святые и божественные учителя наши пишут иногда, – как будто бы Святую Троицу принимал Авраам; иногда, – как будто бы Бога с двумя ангелами, а иногда – просто трёх ангелов? Сия убо глаголы мнятся сопротивны себе». Отрицали затем сектанты и поклонение всем вообще иконам, кресту, евангелию, тайнам Христовым, освящённым сосудам, мощам святых и храмам. «СамБог», – говорили они, – «устаи Моисея запрещает поклонение от рук человеческих сотворенным вещам; зачем же,

вопреки запрещению Божию, делать многие подобия, поклоняться и служить им? Но если некоторые вещи и действительно святы и достойны уважения, то поклоняться всё-таки не подобает ничему, кроме единого Бога, ибо писано: «Господу Богу поклонись и тому единому послужи» (Втор.6:13). Но пусть будет так, пусть иконе Христа подобает поклоняться; но что сказать о прочих, которых называют святыми, и образы которых нарисуют и мёртвые кости которых любят и почитают? Каким образом Бог в бездушных телесах и рукотворенных вещах может являть чудеса? – «Святые отцы говорили, что с концом седьмой тысячи наступит конец мира и будет второе пришествие Христово», – рассуждали далее сектанты: «у апостолов также сказано, что Христос родился в последняя лета. Но вот уже семь тысяч лет окончились, и пасхалия преjde, а пришествия Христова нет. Значит, неправду говорили святые отцы и апостолы и писания их ложны». Монашество сектантами-вольнодумцами решительно отрицалось, как измышление чисто человеческое и неугодное Богу. «Монахи оставили заповедь Божию», – говорили сектанты, – «отступили от пророческого, евангельского и апостольского учения, сами себе измыслили образ жизни и держатся преданий не божественных, а человеческих. Если бы жизнь их была угодна Богу, то, конечно, Иисус Христос и апостолы были бы монахами, но ими они не были; следовательно, иноческий образ бесчестен и не есть учреждение божественное. Чёрный иноческий образ не ангелом был придан Пахомию. Если бы это было так, то ангел явился бы в светлом образе; но он явился чёрен; следовательно, это было знамение бесовского действия. Иноки – это и есть те отступники от веры, лжецы, и лицемеры, сожжённые своей совестью, возбраняющие жениться и удаляющиеся от брашен, – лжецы и лицемеры, которые, по словам Апостола, явятся в последние времена (1Тим.4:1–3); к ним относится и слово Моисея: «проклят всяк, иже не восстановит семени во Израили» (Втор.25:5–9).

Таким образом, ересеучение новгородских и московских вольнодумцев второго направления может быть сведено к следующим главным пунктам: 1) они отрицали догмат

воплощения и Божественное достоинство Господа Иисуса Христа, 2) признавая сходство Господа Иисуса Христа с Моисеем и другими пророками, они считали ветхий и новый заветы одинаково обязательными и в практической жизни стремились примирить предписания того и другого; 3) они отвергали поклонение иконам и другим священным предметам православной Церкви, почитание святых и их мощей, как противные, будто бы, предписаниям ветхого завета, но делали при этом исключение для иконы Христа Спасителя, поклонение которой допускалось ими, и для некоторых других священных вещей, почитание которых они тоже считали законным, но не допускали только поклонения им; 4) они критически относились к св. Писанию, св. Преданию и святоотеческим творениям; 5) как видно на примере м. Зосимы, они отрицали бессмертие душ, воскресение мёртвых и будущую жизнь; наконец, 6) они отвергали монашество, как учреждение, будто бы, чисто человеческое, противное пророческим, евангельским и апостольским писаниям, примеру Христа Спасителя и Его Апостолов.

В таком виде определилось лжеучение московских и новгородских сектантов к концу XV в. и к началу XVI в. Впоследствии оно претерпело ещё некоторые перемены и получило дальнейшее развитие, как это можно видеть на примере Башкина и особенно Феодосия Косого. Собор, судивший Башкина, нашёл, что этот последний вместе с своими единомышленниками «исповедают Господа нашего Иисуса Христа неравна Отцу, честное и святое тело Его и святую кровь Его ни во что же полагают, но токмо прост хлеб и просто вино вменяют; также святую и соборную Апостольскую Церковь отрицают, глаголюще, яко верных собор сие есть токмо церковь, сияж зданная ничтоже есть: также и Божественныя плоти Христовы воображение и Пречистыя Богоматери и всех святых Его честных икон воображение – идоли окаяннии нарицают; также и покаяние ни во что же полагают, – отеческая же предания и их жития – баснословие вменяют и на седьмь святых вселенских соборов святых отец гордость возлагают, и просто рещи, вся божественныя писания баснословие нарицают,

Апостол же и Евангелие не истинно излагают по глаголющему апостолу: иже истину в неправде содержащим; к сим же и иныя хульные вины их многи и всяко законопреступление». Итак, в то время, как лжеучение новгородских и московских сектантов, с которыми имел дело преп. Иосиф Волоцкий, заключало в себе хотя самую незначительную иудейскую подкладку, лжеучение Баткина, наоборот, было уже христианско-рационалистической ересью, не имевшей ничего общего с иудейством, хотя и находившеюся в прямой связи с прежним «жидовством», которое обличал преп. Иосиф.

Судя по лжеучению Башкина, новгородские и московские сектанты были в полном смысле слова христианские неверы и вольнодумцы. В цельном и систематическом виде лжеучение их, как таковых, выразилось в лжеучении Феодосия Косого. Этот последний: 1) отрицал божественность Господа Иисуса Христа, основываясь на тех местах св. Писания, где Он называется человеком; 2) не признавал догмата искупления, основываясь на неизменяемости человеческой природы после пришествия Господа Иисуса Христа; 3) отрицал бессмертие человеческой души, почитание икон, которые называл идолами, храмы, посты (основываясь на словах Спасителя, что не то оскверняет человека, что входит в уста, а что исходит из уст), чудеса, мощи (на основании преп. Никифора и преп. Антония Великого, запрещавших наружное погребение тел) и внешние обряды, как человеческие предания, которые введены духовенством и которых не одобряет Василий Великий. Положительная сторона учения Феодосия Косого сводилась к почитанию Единого Бога, почему он рекомендовал особенно читать ветхий завет и при том не из сочувствия к иудейству, а для подкрепления мысли о единобожии. Феодосий Косой не отвергал, впрочем, значения новозаветных книг; он не советовал только читать богослужебных и аскетических книг и молитв, так как не признавал ничего внешнего в христианстве; но чтение Евангелия, апостольских посланий (за исключением послания св. ап. Павла к Евреям, которое он не признавал подлинным) и некоторых отцов Церкви (постническую книгу Василия Великого,

Маргарит Иоанна Златоуста и слова Григория Богослова) он считал необходимым для своих последователей.

В таком виде окончательно определилось лжеучение сектантов, известных под именем «жидовствующих». Оно, как видно, представляло самый крайний рационализм, бывший прямым продолжением стригольнического рационализма, возникшего на русской почве и только возбуждённого пропагандой евреев рационалистического караимского направления. Как само лжеучение жидовствующих, так и вся история секты говорит за то, что жидовство было продолжением стригольничества. Это признаётся решительно всеми исследователями секты жидовствующих. «Возникнув первоначально на религиозноцерковной почве», – говорит, напр., г. Панов, – «ересь жидовствующих была результатом действия тех же самых факторов, существованию которых обязано происхождение большей части подобного рода явлений как на Востоке, так и на Западе, именно недостатку и односторонности умственного и религиозно-нравственного развития общества. Она явилась как реакция крайнему развитию церковно-обрядового формализма и другим недостаткам в существующем строе религиозно-церковной жизни. Рассматриваемое под этим углом зрения, явление это несомненно имеет религиозный характер и в этом отношении находится *в непосредственной генетической связи с предшествовавшими ему антицерковным движением, сказавшимся в ереси стригольников*». Лжеучение последователей секты жидовствующих, будучи явлением чисто русским, выросшим на русской почве, было самым крайним противо-церковным рационализмом; иудейство служило для сектантов только одним из средств к подкреплению их вольнодумного учения, направленного против существующего религиозно-церковного строя, а отнюдь не основанием и даже не исходной точкой его. «Печальной сектой стригольников», – говорит проф. И. И. Малышевский, – «началось у нас, т. е. в некоторой части русского народа то религиозно-рационалистическое движение, которое перешло в следующие десятилетия и века. Не более, как через 35-летие после неё

началось и опять в Новгороде новое такое движение, известное под именем ереси иудействующих. *Иудейство, действительно, участвовало в нём в виде случайного, внешнего возбуждения, преследуя, впрочем, здесь не столько цели чисто-религиозной пропаганды, к которой, с появлением христианства, иудейство утратило и способность, и желание, сколько цели материальные, торгово-промышленные. Но движение это сильнее питалось самородными элементами религиозного своемыслия, в ряду их и укрывшимися остатками ереси стригольников».*

Основную, коренную особенность лжеучения жидовствующих составляло критическое отношение к православно-христианской вере. Из этого критического отношения и сомнения в Божественном происхождении христианства, как из зерна, выросло всё очень сложное и очень запутанное лжеучение новгородских и московских вольнодумцев XV и XVI вв. «Ныне», – говорит о своём времени преп. Иосиф Волоцкий, – «и в домех, и на путех, и на торжищах, – иноцы и мирстии – вси сонмятся, вси о вере пытаются... и на торжищах, и в домех о вере любопрение творяху и сомнение имяху». В другом месте тот же преп. Иосиф говорит, что все лжемудрствования сектантов произошли от того, что они «посмели много веществовати умолчанная (в св. Писании) и истязати сокровенная», что вся погибель произошла от «умного развращения и мыслей благих оставления».

Вот в этом то «умном развращении», в пробуждении свободного духа, критического отношения ко всему строю церковной жизни, ко всему характеру и направлению современной церковности, и заключалась, по нашему мнению, коренная причина, лежавшая в основании происхождения секты жидовствующих. Другая причина того же самого явления, тесно связанная с первой, заключалась в недостаточной подготовке как новгородского духовенства, так и новгородских христиан, среди которых пробудился, под влиянием стригольничества, дух критического отношения к вере, желание отдать себе отчёт в своих верованиях. Тоже самое должно сказать и о московских – духовенстве и христианах, в среду которых скоро после своего

происхождения была занесена новгородская секта и где она главным образом и начала распространяться. Несмотря на то, что последователи секты были люди преимущественно образованные по своему времени, передовые в своей среде, всё-таки они были совершенно неподготовлены к рассуждениям о предметах веры и благочестия. Всё вероучение сектантов, выше нами изложенное, достаточно красноречиво подтверждает наши последние слова.

(Окончание будет).

Капралов Е., свящ. Очерки вероучения северно-кавказских шалопутов ⁴¹¹ // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 347–354

I. О Священном Писании

С одной стороны, боязнь быть разоблачёнными свидетельством Слова Божия, с другой – практический расчёт: не без основательное опасение оттолкнуть от себя желающих со-причислиться шалопутскому «винограднику» или смутить членов общины, питающихся ещё млеком шалопутского учения, – лиц, с детства воспитанных в духе благоговейно-почтительного отношения к Писанию, создало и практикой утвердило в шалопутских руководителях двойственную точку зрения на Свящ. Писание, дипломатически соображённую с коренными устоями шалопутской догматики. Щадя по практическим соображениям почтительный взгляд на Писание мало-утверждённых в «вере», вожаки нашего шалопутства охотно читают и цитируют Писание на своих беседах. Полная Библия, а чаще всего Новый Завет⁴¹² – настольная книга почти у всех шалопутов и редкое шалопутское собрание в присутствии слабых членов не начинается назиданием из Евангелия. Но всё, что заимствуется в этих случаях из Писания, ограничивается у шалопутов областью нравоучительных изречений. Преобладающими темами для поучений подобного рода служат изречения Писания о братской любви, воздержании, терпении, целомудрии и т. под., – причём само чтение этих изречений и наставления по их поводу тенденциозно ведутся с определённой целью подчеркнуть нарушение нравственных правил христианской жизни у православных и неуклонное, будто бы, исполнение их у шалопутов. Все изречения Писания о заблуждающихся в истине, о грехах и наказании за них, приспособительно к указанной цели, относятся целиком к «миру» (православным), а обещания праведникам временных и вечных благ – к «избранным овцам». Понятно, что подобные шалопутские собрания с поучением на человека малограмотного и недальновидного, но искренно желающего поучения «от Писания», производят впечатление вполне благочестивых бесед, а известное умение вести эти беседы в духе проникновенного смирения и видимого соболезнования к

«погибающим» легко порождают в слушателях убеждение в правоте шалопутства. Но раз достигнута эта последняя цель, Св. Писание отлагается шалопутами в сторону и всякое значение его, как богодухновенного источника веро-учительных истин, решительно устраняется. Для того же, кто подумал бы в недоуменных случаях сослаться на истины догматические, содержащиеся в Св. Писании, нашли шалопуты свой метод толкования слова Божия, уничтожающий для православного простолюдина всякую возможность спорить с шалопутом. «Миру тайна не дана, в мире живёт сатана», поют шалопуты в своих собраниях. Выходя из этого положения, шалопуты говорят, что всё учение, заключающееся в Св. Писании, имеет таинственный смысл, представляет сплошную притчу («пришту»)⁴¹³, значение которой скрыто от православных, у коих, при чтении Писания, на глазах лежит Моисеево покрывало (2Кор.4:16). Это покрывало набрасывает на «мирских» сатана, так что, когда священник читает в церкви Евангелие, то, говорят шалопуты, читает собственно не он, а бес, живущий в нём, поэтому читает священник „без всякого понятия»⁴¹⁴. С кого же снято это покрывало, тот прозревает в сокровенные глубины Писания, для того тайн в Писании нет, тот понимает, что всё св. Писание говорит в пользу шалопутов. «Мирские» учат, что Слово писанное нужно разумеать буквально и буквально толкуют его. Но это навет сатаны. «Мирские» забывают, что буква убивает (2Кор.3:6). Животворит же Дух, поэтому и Писание нужно понимать духовно. – Так духовно его и толкуют наши шалопуты. Не только целые исторические события (особенно новозаветные), отдельные эпизоды, слова даже библейские истолковываются ими «по духу». И нужно отдать справедливость: ухищрение, изворотливость мысли и вместе бесцеремонность шалопутских экзегетов в этом случае поистине изумительны и подчас способны искренно развеселить кого угодно. Для примера укажем некоторые образцы шалопутского толкования «в пришту». В Евангелиях повествуется о чудесах Иисуса Христа. Все эти чудеса, говорят наши шалопуты, – иносказания. Повествуется, напр., в Евангелии, что Христос исцелял хромых, прокажённых, расслабленных, давал зрение

слепым, воскрешал мёртвых. Это, толкуют шалопуты, значит: словом Своим Христос укреплял нетвёрдых (хромых) в вере, развратников (прокажённых)⁴¹⁵ обращал на путь правой веры, ослабленных порочной жизнью (расслабленных) исправлял (поднимал на ноги), просвещал невежд, сидящих в сени смертной (слепых), мёртвых душой возвращал к св. жизни (воскрешал)⁴¹⁶. Евангельский рассказ о хождении ап. Петра по воде и утопании его шалопуты объясняют так: ап. Пётр не по воде ходил, а в шалопутской жизни, которая одна только может привести верующего ко Христу; но, под влиянием гонений со стороны неверующих («видя сильный ветер» Мф.14:30), испугался и начал унывать («утопать»), сомневаться, достигнет ли он в шалопутстве Царствия Божия или нет. Христос пристыдил его за малодушие, отрезвил («простёр руку») и таким образом спас. Или: в Евангелии рассказывается об обращении Закхея. Это, говорят шалопуты, тоже притча; она значит следующее: Закхей был смиренный человек («мал ростом»), но возгордился, зазнался не в меру («влез на смоковницу»), Христос, увидев его гордость, повелел ему смириться (сказал: «Закхей, сойди скорее»), ибо иначе Иисусу Христу нельзя было войти в дом его (вселиться в душу Закхея). Брак в Кане Галилейской, о котором рассказывает евангелист Иоанн (1 гл.), есть изображение шалопутской беседы. Беседа в Кане была не оживлённая, не весёлая («вина нет у них»), и «верующие» (шалопуты) ожидали, когда явится к ним Христос с Духом Святым, чтобы оживить собрание. Но Христос медлил («ещё не пришёл час Мой»). Под конец беседы явился, сошёл на «верующих» Св. Дух по повелению Христа и простая, невесёлая беседа превратилась в радостное ликование, когда все, упившись духовным вином (благодатью Духа), расчувствовались и стали проливать токи слёз. – Даже такое событие, как вход Господа во Иерусалим, понимается шалопутами тоже приточно. Христос сел на молодого осла: это значит, толкуют они, Он вселился в душу кроткого человека, вошёл во Иерусалим, т. е. явился в общество шалопутов⁴¹⁷, был встречен детьми, т. е. появление воплощённого Христа радостно приветствовали незлобивые, как дети, шалопуты.

В таком же иносказательном смысле толкуются нашими шалопутами и имена, встречающиеся в Библии. Напр., имя Адам, по шалопутскому объяснению, – несобственное имя, а нарицательное. Оно приложимо ко всякому грешнику. Всякий, кто ведёт греховную, плотскую жизнь, кто далёк от истинной веры во Христа, как бы с жадностью поглощает в себя ад. Такой человек может сказать о себе: «я ад ам»! (ам – ем, поглощаю). Змий – по-простонародному змея, – в которого вселился диавол и который искусил прародителя, по учению шалопутов, тоже иносказание. Разлагая слово змия на части: змий – я, шалопут говорит: змий – это я, – тело человеческое, соблазняющее и смущающее на грех душу. Ной, спасший в ковчеге род человеческий в осьми душах, это Христос иной, совершенно отличный по жизни и духу от людей, тонущих в грехах мирского потопа, живущий во плоти на земле и спасающий в своём корабле верных «чадушек» в малом числе. Пророк Илия – тоже притча. Имя Илия означает: или я, или ты, или кто-нибудь иной будет пророчествовать⁴¹⁸.

Можно было бы привести ещё множество примеров подобного рода шалопутских толкований св. Писания. Но, думается, и из сказанного доселе ясно, что наши шалопуты произвольным объяснением Писания отнимают совершенно всякую возможность полемики с ними на этой почве. Мало того, перед теми, в твёрдости убеждений которых они не сомневаются, они проповедуют совершенную бесполезность его для «истинного» христианина, отрицая при том решительно его богодухновенность. Писание, – говорят они, – произведение человеческого ума и, как таковое, не заслуживает почитания в смысле признания за ним авторитета божественного слова. Писание нужно не почитать (почтительно относиться к нему), а только почитать (читать) немного, как назидательную книгу (равную по значению любой нравоучительной повести) для приготовления себя к восприятию высших единственно спасительных истин в шалопутстве⁴¹⁹. Тот же, кто кроме этого нравоучительного элемента думает найти в св. книгах ещё и путь истинного спасения, погибнет, как погибли, по мнению шалопутов,

спасавшиеся в Ветхом Завете и те, кто руководствовался в жизни писанным Евангелием. *«Которые по Библии (В. 3.) шли, наставлял своих учеников один шалопутский старшóй⁴²⁰, – все в ад пошли, а которые шли по Евангели (Евангелию – Н. 3.), стали ангелы»*. Где же и как можно, помимо св. Писания, получить указание верного пути спасения? В Писании сказано, рассуждают шалопуты, *Дух Св. наставит вас на всякую истину (Ин.16,:3)* и в другом месте: *вы помазание имеете от Святого и знаете всё (1Ин.2:20)*. Это сказано об избранных сосудах благодати, истинных духоносцах – шалопутах. Кто, как шалопуты, имеет в себе Духа Св., не требует, не нуждается, чтобы его учили от писанной строки. Поэтому шалопуту Писание не нужно. Глаголы жизни вечной пишет в сердце его Дух». *«Шалопут слышит в себе по всяк день глас Божий; от гласа Божия – все заповеди, всё спасение»⁴²¹*. Этого Духа не имеют и не приемлют люди душевные, мирские, которых по мёртвым буквам ведут к гибели слепые вожди – священники. Кто же, порвав сети мира, вступит в шалопутский Сион, сейчас же прозрит духовными очами, ибо сподобится причастия Духа, и тогда ему не нужны будут ни учителя, ни писанное слово. *«Как сподобится человек духа Божьего, – говорил наставник шалопутов ст. Холмской, – так без книг будет знать все заповеди и весь путь ко спасению»⁴²²*. – Это прозрение или наставление в вере истинной от Духа шалопут получает путём телесного воздержания, подвигов поста и молитвенного радования в собрании «верных». В одном распевце так изображается научение от живой книги:

Мы сойдёмся, соберёмся,
Все роднёю мы сочтёмся,
Убьём плоть свою слепую,
Прочтём книгу мы живую.
Опростаем свои брюхи,
Впустим в себя Св. Духа.
Святой Дух будет катать,
Радость-книгу нам читать.
Правоверных нас питать,
Маломочных подкреплять⁴²³.

Дух скор на молитвы «верных». Услышав прошения их о наставлении, он медлит не долго.

Посланник с неба катит,

Как стрела летит.

В руках он держит

Живую книгу ⁴²⁴.

Писанное слово трудно читать: его нужно ещё толковать, а толкуя, легко можно споткнуться и упасть. Толковать Писание – всё равно, что по бороздам ездить – и бесполезно и опасно. Гораздо проще обратиться за токованием и объяснением всего недоуменного к Тому же Духу. Дух верным открывает свой закон с толкованием. Об этом шалопуты просят Бога перед началом почти каждого собрания.

Благослови нам, Саваоф, (поют они)

Скатить верным во собор,

Снаряжать престол златой (в сердцах „верных“)

Евангель толковой ⁴²⁵.

В этом толковом Евангелии живописуются небесные указы, слышится голос Самого Бога, и в повиновении только им – свет и спасение.

Вы слушайте с неба глас,

Вы берите мой указ (увещевает шалопутов Дух),

Чтобы свет у вас не вгас (угас).

А кто без (этого) света пойдёт,

Тот и сам в муку зайдёт⁴²⁶.

Посему верный, желающий небесного царства, должен пренебречь всеми другими, измышленными способами спасения,

а только о том и думать, как бы сохранить в себе и осу-ЩФУИВИГЬ «Евангель небесный».

Совсем нужно прекратить,

Только в небушко катить.

Несите Евангелъе,

Примут в небо ангелы,

Саваоф будет встречать

В сердцах свечи зажигать.

Э. Я. Миссионерство секты и раскол //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 354–
375

(Хроника).

Содержание. Знаменательные явления в истории раскола и миссионерства в век Екатерины II. (По поводу столетия со дня кончины Императрицы). Новое направление в отношениях правительственной и церковной власти к расколу. Приснопамятные деятели миссии. Учреждение единоверия. *Пятидесятилетие существования в расколе австрийской лже-иерархии.* Из дел Св. Синода о митрополите Боснийском Амвросии и из архива раскольников лже-архиерея Силуана о нынешнем раскольников духовенстве. К характеристике лже-попов. Отрадное движение в расколе в пользу православия. Пожар единоверческой церкви и нападение на миссионера. Мистическое сектантство на почве беспоповщинского раскола. Любопытная секта. Страничка из дневника владикавказского миссионера о хлыстовстве. Проникновение толстовства в молоканскую секту и полумеры. Добрый почин.

По поводу журнальных заимствований.

Как помнят читатели, 25 июля текущего года истинно русские православные люди в тёплой молитве и задушевных словах вспоминали незабвенной памяти Императора Николая I, по поводу исполнившегося столетия со дня рождения этого великого Монарха. В настоящем месяце православная Русь, во главе с своим Венценосным Вождём, совершала вторые исторические поминки по блаженной и славной памяти Императрице Екатерине II: 6 ноября исполнилось столетие со дня кончины Великой Монархини. Исторические юбилеи в память почивших деятелей во много раз симпатичнее и поучительнее укоренившихся в нашу современную жизнь многочисленных юбилеев в честь живых. «Вспомняв дни древние», по слову царственного Псалмопевца, современники поучаются делам минувших веков и времён и берут уроки истории, как нелицеприятного судии совершившихся событий.

Поминальный юбилей 6 ноября оживил в памяти благодарного потомства блестящий и славный Екатерининский век, с его дотоле беспримерными в жизни России культурно-просветительными и воинскими успехами, а в тоже время и осветил новым, обильным светом исторической правды все стороны государственной и общественной жизни России в эту знаменательную эпоху. Наш миссионерский журнал не исполнит своего долга перед читателями, если не отметит знаменательных явлений в истории раскола и миссионерства в Екатерининскую эпоху. Сюда прежде всего нужно отнести мягкое снисходительное направление в правительственных мероприятиях против раскола и, в отношении к последнему, миссии Церкви.

Господство гуманных, просветительных начал в век Екатерины явно оказало своё благотворное влияние и в этой сфере. В первый же год своего вступления на престол Императрица издала указ о дозволении всем бежавшим за границу раскольникам вернуться на родину, причём им всемилостивейше объявлено было полное прощение за побег и за все прочие преступления, предоставлено право селиться в любых местах, не платить никаких податей, избирать любой образ жизни, носить бороду и ходить не в указанном платье, за что, как известно, Пётр I обложил раскольников двойным окладом. Такие же права и льготы предоставлены были и всем прочим раскольникам, жившим в пределах России; кроме того, последним предоставлено было являться на суд, в качестве свидетелей, и занимать городские и общественные должности. Лишённые исторической постепенности и реальной почвы, эти и подобные новые меры о расколе отзывались по тогдашнему времени излишним сентиментализмом, доходившим до крайностей, к которым нужно отнести указ 1783 г., в коем правительство запрещало употреблять в духовных росписях, в паспортах и в других актах состояния и даже в *словесных разговорах* (?) само слово «раскольник» ... Такое либеральное веяние было выше понятий самого раскола и он отнёсся подозрительно и недоверчиво ко всем заманчивым обещаниям правительства, а потому, не смотря на все льготы, бежавшие

раскольники никак не хотели возвращаться на родину, с Ветки, бывшей в то время в пределах Польши. Тогда встречаемся с другой крайностью в действиях правительства, граничивших уже с деспотизмом власти. В 1764 году правительство посылает в Ветку к послушникам Высочайшей воли Императрицы генерала Маслова с командой, раскольников атакуют, дома и хозяйства разоряют и силой выводят оттуда около 20,000 человек. Не менее решительно правительство Екатерины II относилось и к раскольникам тайным, которые не хотели записываться в установленные списки и уклонялись от дарованных льгот: их ссылали на нерчинские казённые заводы и в рудники. Рационалистическое сектантство, существовавшее уже и тогда в форме духоборчества и молоканства, а равно и мистические секты хлыстов и скопцов, чувствуя свободу в пропагаторских своих действиях, под прикрытием гуманного снисходительного законодательства, приобрело в век Екатерины II жизненность и устойчивость, чтобы расцвести затем пышным цветом в царствование Александра Благословенного.

Гуманный дух и направление эпохи Екатерины II более заметные следы и благотворные результаты оставили собственно на миссии Церкви, придав ей впервые в истории борьбы нашей с расколом тот характер, которым она и должна отличаться. Нужно сказать, что до этой эпохи отношения церковной власти к расколу не всегда были в собственном смысле миссионерскими: в них преобладала строгость неумолимого закона и не доставало кроткой, сострадательной к заблудшим любви и снисхождения. Это чувствовалось и в церковных распоряжениях против раскола, и в прениях о вере и, наконец, в обличительных сочинениях. Снисходительность и бездействие

гражданской власти в эпоху Екатерины II в отношении раскола и сектантства дали место развитию более усиленной деятельности миссионерства, отличавшегося уже большей кротостью и любовью к заблудшим, чем прежде.

То же направление заметно и в полемической литературе. Памятником такого поворота в последней служит изданное в 1766 г., по поручению Св. Синода, архим. Платоном Левшиным

(впоследствии знаменитым Московским митрополитом) «Увещание». Сочинение это резко выделяется из ряда существовавших тогда трудов по противораскольничьей миссии: оно всё проникнуто сердечной скорбью о заблудших, в нём много трогательных и сильных убеждений. Сочинение это и доселе имеет свою ценность.

В ту же эпоху выдвинулись и такие приснопамятные деятели на миссионерском поприще, как архиепископ Астраханский Никифор Феотокий, митрополиты Платон и Гавриил, протоиерей Андрей Журавлев и др. Но самым знаменательным событием Екатерининской эпохи в области раскола и миссионерства является учреждение в 1784 г. **единоверия**, т. е. единения раскольников с православной господствующей Церковью на особых известных условиях. Главными деятелями в этом важном историческом акте были со стороны раскольников – Стародубский инок *Никодим*, неутомимый симпатичный искатель и мужественный страдалец за истину веры и спасение себя и своих единоверцев –, со стороны православия – митрополиты Гавриил С.-Петербургский и Платон Московский, прот. Журавлев, гр. Румянцев и др.

Учреждение единоверия одно из счастливых событий блестящего Екатерининского века: оно представляет собой сколько мудрый, столько же и справедливый акт мира и попечительной любви Матери-Церкви к своим заблудшим сынам. Событие это сильно всколыхнуло тогда раскольничий мир, новое дело с трудом пробивало себе путь вперёд, хотя первые десятилетия ознаменовались несомненными успехами в насаждении единоверия, и последнее давно бы и широко сослужило свою службу в деле примирения раскола с Церковью, если бы предательски не появилась в мире раскола в 1846 г. так называемая австрийская белокриницкая лже-иерархия, отвлекшая от единоверия тоскующие взоры тёмной раскольничьей среды, ищущей благодатного освящения в таинствах. Но, прозирая в ход исторических явлений в расколе, можно предрекать, что это мудрое и справедливое дело Екатерининского века – (единоверие) восторжествует в лучшей верующей части раскола над ложью австрийской лже-иерархии,

как только свет школьной грамоты и миссионерского просвещения откроют слепотствующим ныне очи последователей австрийского согласия, если, конечно, в расколе всё останется statu quo и мы не пойдём на компромиссы, о которых мечтают расколофилы; относительно признания прав за австрийской лже-иерархией. Единоверие не мертворождённое дело, как иногда думают и говорят, оно заслуживает деятельной и энергической поддержки со стороны Церкви и государственной власти в своей непосильной ныне борьбе с сожителяствующим с ним сильным расколом и в частности с воинствующим австрийским толком и его лже-иерархией.

Кстати об австрийской раскольничьей лже-иерархии. Она тоже недавно справляла юбилей, в виду исполнившегося 28-го октября пятидесятилетия беззаконного анти-канонического существования своего. «Петербургские Ведомости» непременно напомнить читающей публике об этом «историческом» событии в ряде статей. Тенденциозно относясь вообще к вопросам о расколе, сектах и миссионерстве, на этот раз почтенный орган князя Э. Ухтомского ограничился лишь исторической справкой и воздержался от выводов; но уже одно приурочение статей и напоминание об исполнившемся 50-летию кое-что говорит для умеющих читать между строками и уразумевать многоточия: смотрите, мол, уже прошло 50 лет, не пора ли дать права этому доблестному учреждению...

Коль скоро заговорил светский орган о раскольничьем юбилее, – к слову сказать – отпразднованном во многих центрах раскола торжественными служениями, то миссионерскому органу тем паче не подобает замалчивать этого позорного в истории раскола эпизода, каким является основание австрийской лже-иерархии, потому что вся эта история изначала и до сего дня соткана из тонкой лжи и обмана и держится на деньгах и тьме раскола, дондеже не воссияет в этой тьме и неправде свет... И на самом деле: стоит только как следует вникнуть в эту историю; заштатный греческий Боснийский митрополит Амвросий был кругом обманут хитрыми ходами от раскола – Павлом Великодворским и Алипием, на

счёт содержимого раскольниками учения и отношений раскола к господствующей Церкви, а сын Амвросия Георгий, склонивший не решавшегося архиерея-отца на побег в Белую Криницу – подкуплен деньгами. В одежде некрасовского казака везли митрополита на пароходе из Константинополя, чтобы не попасться в обмане. Сам чиноприём Амвросия и поставление его на раскольничью кафедру тоже сплошной обман этого святителя, народа и местной правительственной власти: по прибытии в Белую Криницу, составляется «собор толпы», которая сама решает, каким чином «принимать» архиерея; после шума, толпа решает принять через миропомазание ⁴²⁷. Новый обман совершался, когда м. Амвросий, стоя в Царских дверях, сначала велегласно проклинал все мнимые ереси никонианские на русском языке, которым не владел, а славянский чин проклятия ересей был написан для него греческими буквами. После того митрополит удаляется в алтарь с иеромонахом Иеронимом для исповеди, причём последний не знает греческого языка, а первый русского, и потому исповедь ограничилась, по свидетельству очевидцев, лишь тем, что они «уповательно» посмотрели друг на друга, тогда Иероним возвещает народу, что де он испытал глубины сердца митрополита и признаёт его достойным. Опять ложь и обман. Тот же иеромонах Иероним помазывает митрополита Амвросия фальшивым миром и митрополит, будучи таким образом благословлён от меньшего (иеромонаха) поставляется на епископское служение, вопреки и Слову Божию и канонам Церкви, начинает священнодействовать у раскольников и спешит поставлять раскольникам диаконов, иереев, а затем вскоре же единолично поставляет себе преемника епископа, в лице липованского дьяка Киприана Тимофеева, быстро возведённого в сан митрополита старообрядческого и другого епископа Аркадия. Разве всё это не святотатственная комедия? В тайне творилось это тёмное дело и от русской Церкви и нашего правительства. Первое официальное сведение о появлении среди раскольников в Буковине архиерея получено было Св. Синодом лишь в мае 1847 г. На запрос русской миссии в Константинополе, константинопольский патриарх и Синод

отвечали, что действительно м. Амвросий *внезапно скрылся* неизвестно куда и что приняты меры к розыску его, причём митрополиту Карловицкому Иосифу, в ведении которого находился Белокриницкий монастырь, было сообщено «убедить и не допускать сего. ослушного беглого епископа ни к какой должности». Вслед затем Св. Синод, по Высочайшему повелению, обратился с каноническим посланием к вселенскому патриарху Анфиму, в коем ясно и твёрдо изложен взгляд православной Церкви на преступные деяния Амвросия и на незаконность раскольничьей лже-иерархии⁴²⁸. Взгляд этот никак не даёт расколо-филам надежды на то, чтобы православная русская Церковь могла признать когда-либо канонические права за раскольничьею лже-иерархией.

Недолго Амвросий архиерействовал у раскольников: ему было предложено австрийским правительством или возвратиться в Константинополь на вызов патриарха, или отправиться в ссылку. Амвросий избрал последнее и поселился в г. Цилли в Штирии. По несомненным данным, Амвросий находясь в Цилли, не скрывал своего отвращения от раскольничьего мира и их вероломного поступка, а перед смертью он примирился с греческой православной Церковью, исповедавшись у греческого священника. Между тем незаконнорожденная Амвросием Белокриницкая раскольничья лже-иерархия начала расти и плодиться в числе новопоставляемых по градам и весям раскольничьих лже-диаконов, и лже-попов, и лже-архиереев. Разделившись из-за Окружного послания между собой на две враждебные партии, – окружников и противо-окружников, австрийское священство в рядах своих ныне считает до 20 епископов и сотни лже-протоиереев, лже-архимандритов, лже-иереев и прочих членов клира. Всё раскольничье население Империи разделено на епархии и приходы. Московским старообрядчеством управляет «архиепископ» Савватий, Кавказом, Донского областью, Екатеринославской епархией – лже-епископ Силуан⁴²⁹ и проч. Раскольничье лже-священство находится в полной нравственной и материальной кабале от паствы, как в выборе того или другого кандидата в ставленники, так и относительно

средства содержания. Лже-архиереи получают от каждого прихода и лже-священника определённый годовой оклад в несколько десятков и сотен рублей от прихода, независимо от щедродательных приношений со стороны раскольничьей плутократии. В случае, если бы лже-епископ вздумал наложить на лже-попа за его студодеяния какое-либо дисциплинарное взыскание, последний сейчас же бьёт владыку своего по карману, – не высылает оклада, за соседа вступаются другие и у епископа оказывается чувствительный недочёт в статье прихода; волей-неволей наказание отменяется, а студодеяния продолжаются⁴³⁰.

Если принять во внимание, что верховодит всеми церковными делами раскола «Московский духовный совет» во главе с самодурами и раскольничьей денежной аристократией, то власть и деятельность раскольничьих владык сводится только к тому, чтобы «стричь» новых ставленников. Религиозно-нравственного руководящего влияния на массу раскольничья лже-иерархия не имеет и иметь не может, по своему крайнему невежеству, умственному убожеству и нравственной разнузданности. От раскольничьего попа ничего ни приход, ни лже-архиерей не требуют, кроме знания богослужебного устава, голосовых средств и дородства. При личных сношениях и беседах о религиозных предметах с представителями раскольничьей лже-иерархии, приходится удивляться их невежеству и пожалеть слепотствующую раскольничью массу, водимую по истине слепыми вождями... Недавно, при осмотре раскольничьих моленных Черниговской епархии, нам пришлось, в присутствии множества раскольников, вести беседу с лже-попами и вот какие ответы лже-попов записаны в нашем дневнике:

– Вы здесь состоите пастырем, – спрашивали мы, – сколько же у вас пасомых?

– Тысяч восемь–десять, отвечал лже-поп Михаил.

– Как же вы пасёте словесное стадо ваше?

– Справляю требы, служу обедни, молюсь за живых и умерших.

– Отправляя литургию, знаете ли вы, какое великое священнодействие решаетесь совершать?

– Мы совершаем обедню.

– Но ведь обедня-то и есть литургия.

– Может быть оно и так-с, – но это всё указано, как следует, в служебнике.

– Нет, – знаете ли вы, какое святейшее таинство вы совершаете на этом богослужении?

– У нас во время обедни *таинств никаких не совершается*, позвольте вам доложить, а после обедни, действительно-с бывают таинства брака и крещения... – Но, вот смотрите, как ваши пасомые нас внимательно слушают – побеседуем, какой главный момент в литургии? – «Известно, великий выход».

– Нет, когда бывает *пресуществление* даров на литургии (обедне)? навожу я раскрасневшегося лже-попа.

– Да это начинается в самой проскомидии...

– А кончается когда?

– Когда пропоют «видехом свет», дары перенесут на жертвенник и диакон их *истребит* (!).

В другой часовни мы спросили лже-попа, говорит ли он поучения своей пастве и получили ответ, что-де *каноны* не позволяют этого, а надо-де назидать из святоотеческих изборников.

– Да знают ли ваши пасомые, – спросили мы, – заповеди Господни, символ веры?

– Символ-то, поди, старики знают, а если заповеди кому понадобятся, то всегда можно их сыскать-чай в *следованной псалтири*!?

– А позвольте мне спросить, вы-то, пастырь, знаете заповеди, как напр. читается 9 заповедь?..

Лже-поп страшно сконфузился и велел диакону подать следованную псалтирь... Мы ждём, народ слушает. Лже-поп быстро стал перелистывать следованную псалтирь, потом, толкнув диакона, сказал: подай требник; ну и заповедей ни в той, ни в другой книге не оказалось... Народу следившему с затаённым дыханием и ждавшему, как о. Михаил себя покажет...

мы сказали речь на тему: «горе вам, вожди слепые, оцеживающие комара (старообрядческие мелочи обряда, оставляющие в небрежении закон Господень)... Вот почему попы раскольничьи никогда не выходят на собеседования миссионерские.

Да, пора расколу прозреть и видеть, *кто его ведёт и куда он идёт!*.. Благо, Господь ещё долготерпит и не до конца прогневался, если, явленная в дивных чудотворениях ново-прославленного Черниговского Чудотворца Святителя Феодосия, призывающая благодать коснулась сердца многих из последователей застывшего в форме обряда раскола. Из Черниговского Стародубья и других центров раскола нам сообщают, что благодатные черниговские торжества глубоко взволновали раскольничий мир и среди благомыслящей части раскола всё более и более начинает обнаруживаться отрадное стремление в пользу примирения с господствующей Церковью на правилах единоверия. Сообщение «Мис. Обзор.» (окт. кн. 2-я) о присутствии раскольничьих deputаций на открытии мощей Святителя Феодосия, и о публичном исповедании представителями раскола веры в святость, нетление и чудотворения ново-прославленного Угодника Божия трогает сердца, по отзыву миссионеров, даже и завзятых поборников раскольничьей неправды. Выслушав заявление депутатов, Владимирские раскольники крепко задумались; но прежде чем решиться на воссоединение, пожелали ещё навести справку, в каком состоянии находится ныне здоровье виденного соглядатаями чудесно исцелённого Иванина, и послали запрос в волостное правление по месту его жительства. Двое из депутатов находятся накануне своего присоединения к Церкви.

В этой же местности Владимирской губернии, в районе миссионерской деятельности Высенского братства св. Креста, под воздействием черниговского события недавно совершена было воссоединение с Церковью в ново-отстроенном единоверческом храме 16 душ раскольников.

Из центров Московского раскола, как напр. из Орехова-Зуева, сообщаются также благоприятные сведения о нынешнем настроении раскола. Едва ли в другой местности можно

наблюдать такое соединение разных старообрядческих сект, какое встречается в Орехове-Зуеве. Здесь есть и окружники, и не-окружники, перекрещенцы, последователи старо-поморского беспоповщинского согласия, беглопоповцы, адепты так называемой «бабушкиной веры» и т. п. сектанты. Австрийских попов, беспоповщинских «отцов» и разных других наставников, проповедующих своеобразные учения в Зуеве масса. В последнее время раскольничьи учения здесь совершенно расшатались. Руководители не пользуются прежним доверием, – авторитетность их сильно пошатнулась. Старообрядцы стали проверять своих учителей, на слово мало верят и требуют ясных доказательств из писаний отцов церкви.

В настоящее время в Орехове-Зуеве сооружён православный храм, устроено помещение и открыта церковно-приходская школа, рассчитанная на 120 учащихся. Постройка храма начата 11 лет назад, но по недостатку средств, так как местные фабриканты, держась старообрядчества, не сочувствовали этому делу, – и храм не был отстроен. – Окончена постройка храма и выстроено школьное здание на средства К. В. Морозова, также державшегося древляго благочестия, но наконец, познавшего истинное учение.

Независимо от черниговских событий, в последнее время выдающимся, взволновавшим местный раскольнический мир фактом является бегство раскольнического архиерея Иова Замоскворецкого, – проживавшего в окрестностях Зуева. Убежав отсюда, Иов поселился на Переженце, в Васильсурском уезде, Нижегородской губернии. Когда убежище Иова было открыто, главари неокружники ездили к нему, упрашивали вернуться в епархию, но просьбы их оказались напрасными. В виду такого отказа противо-окружнические главари созывают собор, чтобы осудить Иова за самовольное бегство из епархии. А ведь такие соборы и съезды строго запрещены недавним циркуляром М. В. Д.

Да пора бы ограничить разъезды и раскольничьей лже-иерархии по городам и сёлам, с целью материальной и нравственной эксплуатации раскольничьего населения, а равно нелишне бы правительственной власти иметь наблюдение и над

миссионерскими разъездами раскольничьих апологетов. Ведь по основным законам прав миссионерства раскольники не имеют, а свобода пропаганды лжеучений, слава Богу, в России запрещена.

Из Гуслиц сообщают, что в раскольничьем мире обнаружилось сильное движение, вследствие черниговских торжеств. У нас, где есть очень благомыслящие люди из среды старообрядцев, довольно начитанные, тщательно проследившие писания Отцов Церкви и уразумевшие всю неосновательность раскольничьих лжеучений, особенно заметно это движение. До сих пор расколо-учители, старые и новые, твердили, что в греко-российской церкви ничего благодатного нет и огульно порицали православную Церковь, внушая староверческим массам вражду и ненависть к ней. Теперь, по поводу черниговских торжеств, в старообрядческой среде обнаружались иные размышления, заставляющие ревнителей старины подумать о неосновательности причин разделения с Церковью. Выдающиеся местные начётчики ставят на очередь вопрос о примирении раскола с православной Церковью. Начётчики обращаются за разъяснениями к своим самозванным пастырям, в роде Савватия, его советников и ближайших приспешников, но те от них укрываются, не желая вдаваться ни в какие объяснения, потому что не имеют никаких доказательств. Известный начётчик, Иван Ромадин (в деревне Мисцовой), недавно по собственному желанию разоблачившийся от австрийского поповства, справедливо поэтому говорит, что эти самозванные пастыри бегут от своих овец, оставляя их на произвол судьбы. Вместо личного назидания и успокоения, чего по малограмотности, конечно, сделать не могут, — они, (эти австрийские пастыри доморощенной подготовки), обзаводятся расколо-учителями-борзописцами, хорошо платят им, и эти наёмные раскольничьи апологеты воспроизводят в своих лживых тетрадках такую смесь фанатичных бредней, что даже посредственные староверческие грамотеи понимают всю ложь вольнодумных писаний и стали отрешиваться от них. Из канцелярии Савватия, раскольничьего архиерея в Москве, Гуслицкая

наводнена разными брошюрками, отпечатанными на гектографе, заключающими в себе произведения А. Швецова, Е. Мельникова, К. Перетрухина, Механикова и др. современных расколо-учителей.

Всё это возлагает на противораскольничью миссию и особенно приходское духовенство св. обязанность не упускать из виду настоящего благоприятного момента для вразумления раскольничьей массы. Сама Божественная Десница зовёт заблудших на путь истины и спасения: нам остаётся лишь спешить на встречу обуреваемым сомнениями с словом разьяснения и утверждения, памятуя, что се время благоприятно...

Конечно, ждать теперь же значительных обращений раскольников в лоно Церкви преждевременно и до мира ещё далеко, ибо тёмная масса раскола и её невежественные пастыри и усыпленные деньгами и своеволием верховоды слишком ещё фанатичны, но важно возбуждение и направление мысли и чувства избранных на правый путь. А насколько велика ещё нетерпимость раскола к Церкви, доказывает сообщаемая из Измаила, крайне печальная история с явным поджогом новоосвящённого единоверческого храма. В Измаиле почти третью часть населения составляют старообрядцы и привлечение их в лоно православной Церкви давно является заботой духовной власти. Как первый шаг к этому – было назначение в город особого миссионера, которому удалось склонить нескольких человек к переходу в единоверие; для потребностей этой, сравнительно небольшой, паствы была выстроена единоверческая церковь, сооружённая частью на средства, отпущенные Св. Синодом, частью благодаря щедрому пожертвованию архиепископа Неофита. Торжественное её освящение состоялось 2 октября, а 3 октября, новая церковь среди бела дня запылала и сгорела, как факел, в несколько часов. Погибло всё – утварь, св. сосуды, одежды, иконы; колокола расплавились. Это событие возбудило большие толки и подозрения в поджоге насчёт фанатизма раскольничьего. Явления такие известны в истории единоверия, напр., в п. Добрянке выстроенная, согласно Августейшему желанию

проезжавшего через посад Императора Николая Павловича, единоверческая церковь через сутки, после освящения, была объята пламенем и превратилась в пепел. Если и Измаильская церковь сделалась жертвой фанатизма раскола, то, значит, раскольничьи фанатики и в наше просвещённое время ничего худого не забыли и ничему доброму не научились. В той же местности ранее были произведены нападения из-за угла на миссионера, священника Ч-ва, который получил тяжкие увечия в голову.

На ряду с отрадными сообщениями о примирительном настроении лучшей по вере части раскола в отношении православия, всё чаще и чаще появляются сведения и неутешительные, которые свидетельствуют, что раскол, особенно же беспоповщинский, склонен идти также и по пути сектантства как рационалистического, так и мистического. Последнее особенно легко уживается на той же самой почве и грозит внести в эту среду воззрения и начала гнусной секты.

Интересные по этому вопросу сведения находим в «Тульск. Еп. Вед.» в отчёте миссионера-преподавателя семинарии, г-на Бриллиантова, открывшего в расколе Каширского уезда любопытную особую секту, явно проникнутую мистическими идеями хлыстовства с содержанием её бытовых типических особенностей.

Тульские старообрядцы мистики хотят вести строгую иноческую жизнь, находясь в миру, – хотят подражать древним пустынножителям, и постническим образом жизни, продолжительными богомолениями думают заменить недостаток благодатных средств ко спасению, замечая, что будто бы так именно, помимо таинств, достигали спасения и древние пустынники. Подобно монахам, они ведут безбрачный образ жизни, не употребляют в пищу мяса и вина. Непозволительным они признают употребление картофеля, чая, не говоря уже о табаке: всего этого не было во времена святых отцов. Вообще они желают отрицательно относиться к произведениям новейшей культуры: никогда не ездят, напр., по словам вожака секты Корзинкина и его жены, по железным дорогам и на пароходах, предпочитают будто бы лучше

умереть, чем обратиться в болезни к врачу, так как считают это грехом; одежду нового покроя признают измышлением сатаны, так как в ней, по их мнению, нельзя, будто бы, или неудобно бывает класть земные поклоны. Каждый день они подолгу молятся и всегда только после молитвы принимают пищу; особенно строгий пост соблюдают в четыредесятницу. Никто из них, по словам Корзинкина, не занимается торговлей, не имеет фабрик, так как подобные занятия не приличны были бы для иноков – пустынножителей. Ко всему прочему миру они относятся с крайним пренебрежением, отличают себя и от всех прочих старообрядцев. Все, кроме них, по их мнению, развратились, все сделались неключимыми, нет, кроме них, никого творящего благодатью (Пс.13:3). В этом отношении, по своему высокомерию, раскольники-мистики напоминают последователей тайных сект и частью штундистов. При обращении они в особенности и выставляют на вид свой образ жизни, сопоставляя его с образом жизни православных.

На вопрос, почему новые пустынники не идут искать спасения где-либо в настоящей пустыне, в уединении, подобно древним, а живут в миру и притом в такой сравнительно комфортной обстановке, не отказываясь от мирских стяжаний, – Корзинкин сказал лишь, что они живут в миру, чтобы платить правительству подати, и боятся преследования властей в том случае, если бы стали жить в пустыне. От слишком строгого воздержания в великий пост некоторые, по слухам, даже делаются больными; и действительно имеют вид постников. Но за чрезмерное по временам воздержание постники, вовсе уже не по-постнически, находят возможным, по достоверным известиям, вознаграждать себя в другое время переходящим пределы умеренности насыщением на особых обедах. Обеды эти, или вообще угощения, устраиваются обыкновенно после молитвенных собраний их, преимущественно, как передавали в Селине, при поминовении умерших, состоят из рыбы и в особенности из сладких кушаний; за особое пристрастие сектантов к сладкому саму веру их в Селине называют иногда в шутку «сладкой» верой. (Новый признак хлыстовства). Требование всеобщего безбрачия иночествующими

раскольниками оказывается далеко неудобноисполнимым для них при их жизни в миру, как и вообще для безбрачных беспоповцев. Падших женщин сектанты считают подпавшими влиянию «мира», или ушедшими в мир, и последние, по-видимому, предоставляются самим себе. В случае рождения сектантками детей, последние бывают крестимы в церкви православной. Но это не потому, чтобы такое крещение могло быть вменено в истинное, а просто потому, что в среде иноков рождение и крещение детей не должны иметь места и родившие с их детьми как бы игнорируются, считаются «мирскими». Для вступления же в секту непременно требуется перекрещивание.

Перекрещивание может совершать всякий; совершается оно иногда над больными, совращёнными в секту, в реке, даже зимой. Других таинств тульские старообрядствующие сектанты не имеют. Исповедь совершают перед Богом. Особых наставников и совершителей богослужения, по словам Корзинкина, в секте нет. Богомоления состоят в вычитывании утрени, часов, вечерни, с поклонами по лестовке, без пения: по другим известиям, однако, пение во время собраний бывает. Молятся сектанты исключительно литым, вообще металлическим изображениям, открывая их во время молитвы, если они бывают за стеклом. Икон из дерева вовсе не имеют; их в настоящее время, будто бы, некому писать. Характерная особенность сектантов заключается также в том, что они не ставят на могилах крестов, а кладут только камень, так что могилы их, напр., на раскольническом кладбище легко могут быть отличены от могил австрийцев. В объяснение этого обычая Корзинкин сказал, что в нынешние времена христианство находится в поругании, истинные христиане потому должны быть и погребаемы бесчестно и над ними не ставят креста. Погребение совершается без особых обрядов, с краткой молитвой и поклонами. Сектанты собираются, по-видимому, для моления в особенности в дни поминовения умерших. Замечено, что в Липицах, в доме Подставкина, собрания бывают на субботу перед Троицыным днём и на вторник на Фоминой недели: у Корзинкина замечали собрания почему-то на Сретение и 29 августа. На эти собрания приходят откуда-то

личности местным православным жителям совершенно неизвестные, большей частью старики в одежде старинного покроя, с высокими шляпами на голове. Что делается во время собраний, неизвестно.

Такое же явление в расколе замечено, по сообщению миссионера о. Стеженского, и по Тамбовской епархии. Так, в с. *Поганых Пеньков* привилось новое учение, представляющее из себя нечто среднее между хлыстовством и старообрядчеством. Пропагандистом его явился местный крестьянин Матвей. Заразившись где-то хлыстовством, он распространяет лжеучение в своём селе, раскольники усердно посещают его и совершенно свободно совершают в его доме хлыстовские моления, на которые приглашаются и православные. Новоявленный лжеучитель ясно проводит хлыстовские взгляды на учение и воплощение Христа; склонен он при этом к толкованию Св. Писания в крайне переносном смысле. Так, напр., чудо претворения воды в вино, совершенное Спасителем на браке в Кане Галилейской, он отвергает как событие историческое, доказывая, что его нужно понимать в духовном смысле. Эта «духовность» толкования Слова Божия проглядывает у него и в других местах. Хлыстовство даёт о себе знать и в других местах, особенно на Волге, в Самарской губернии, в Предкавказье и Закавказье, которые приютили у себя и раскольников различных «упований» и сектантство всевозможного вида. Во вновь образованной Владикавказской епархии попадают целые хутора, сплошь заселённые сектантами различных толков. Так, Кукуржинские хутора, являясь одним из главных хлыстовских вертепов, дали у себя гостеприимный приют немало числу штундо-баптистов. Страничка из миссионерского дневника сотрудника свято-Михайловского братства А. Друлева, посвящённая поездке на Кукуржинские хутора, чрезвычайно мрачно характеризует быт, нравы и вообще настроение хлыстов, и заслуживает того, чтобы обратить на неё внимание наших читателей. Хлыстовские лжеучители (лжепророки) С. С-ко и С. Р-ко – достойны крайнего сожаления: первый из них совершенно безграмотен, а второй – едва умеет брести по книге. В приезд А. Друлева С. Р-ко

только-что восстал от недельного поста, потому и имел вид совершенно измождённый: достаточно было малого ветерка, чтобы сбить с ног эту фарисейскую фигуру. Хотя он постился тайно, но за 20 вёрст было известно, что он *содержит свою седмицу на кровати*. Этот «тайный» постник, имея за 50 лет, держит явно при себе «лже-христородицу» Татьяну, девку лет семнадцати. В тоже время жена его сожительствует незаконно тут же рядом, в другом дворе, здесь же пребывает и дочь его, разжалованная «лже-христородица» – Татьяна № 2-й, которую он, отец, свёл с Н. К-ом. Последний был хорошим хозяином, но, познакомившись с хлыстами, окончательно разорился и семья его распалась. Хлысты, закрывая глаза на свой крайний разврат, всегда жалуются на разнузданность православных. Во время беседы вышеупомянутого сотрудника Свято-Михайловского братства один из хлыстов А. Р-ко заявил: «я хочу себе спасения; измолodu ходил я по монастырям; затем, прослышав про хлыстов, попал к ним; а теперь пора оставить; может быть что сыщется между хлыстовщиной и православием» (штунда). Хлысты сразу выделяются по своему наружному виду из толпы: впалые глаза, болезненная бледность лица, вялость и безжизненность движения. Среди кукуржинских хлыстов попадаются «назореи с косичками» или, по местной терминологии, с *волосёночками*. Этот обычай занесён сюда из Богословки Кубанской области. Один из хлыстовских лжехристов С-ко своё небесное посланничество доказывает своим же хлыстам лишь неядением мяса, а только яичек, маслица, да канурочек, которые ему ежедневно печёт духовница. Как в большинстве случаев бывает, хлысты отказались и в этот раз признать свою принадлежность к хлыстовству. Разговоры, конечно обличительного характера, на блудную тему, по словам Друлева, несколько не смущают хлыстов: стыд и стеснение у них совершенно отсутствуют. Хлыстовские девки так характеризуют своих же: «мужчины – хлысты – хуже собак».

На одном из Кукуржинских хуторов есть ещё необследованная секта *белоризцев*.

В Миссионерском Обзрении говорилось, что в последнее время молоканство, являясь выразителем старого рационалистического сектантства, вступило в период брожения, потому представляет из себя удобную почву для насаждения лжеучения новой формации: штундо-баптизма, пашковщины и толстовщины. Миссионерский отчёт о деятельности Тамбовского братства за 1895 год сообщает нам любопытные сведения о проникновении в среду молоканства толстовского мировоззрения.

В с. Черновке (Тамбов. г.) пресвитером молоканской общины считается некто Тим. Ф-в: пользуется он во всей окрестности заслуженной популярностью, как книжник и «деляга» (делец), и разъезжает по всем окрестным сёлам для «ответа» миссионерам. Хотя Т. Ф-в и не истовый (не чистый) молоканин, по это обстоятельство и не ставится ему в вину. Он, следуя учению графа Льва Толстого, с которым даже состоит в редкой переписке, не признаёт боговдохновенности св. Писания; по нему: «разум должен взять верх над буквой Писания и должен проверять её (букву) духовным и разумным смыслом; пока же этого не будет, – люди будут ссориться из-за веры и делиться на секты». Этот чисто Толстовский взгляд на св. Писание сильно распространён в Черкасском округе. Там теперь не редкость услышать мнение, что «евангелия противоречат одно другому» и что «в Писании главное – учение о том, как людям жить по Божьи». По рукам метропольских молокан ходит тот том издания академии наук, где помещены богохульные статьи против *католичества* Хельчевского, прототипа нашего яснополянского проповедника, который в своём «царствии Божием» в восторге от идей Хельчевского, которого признаёт своим единомышленником. Спрашивается: где достали и кто указал молоканам на этот том?.. Очевидно толстовисты. Не удивительно после этого, что среди Тамбовских молокан нередко попадаются типы *полуверов и индифферентов*. Так, в Троицкой Дубраве проживает молоканский начётчик Сушили́н. Этот Сушили́н знаком, конечно, поверхностно, с химией, физикой, гальванопластикой; читывал он и сочинения Фаррара, во время собеседований с

миссионерами выглядит присяжным адвокатом молоканства, ратуящим за дело веры единственно потому, что его просят единоверцы, а не по глубокому убеждению в истинности исповедуемого им вероучения. Во время одного из собеседований он торжественно заявил, что «ему нет никакого дела до чистого молоканства, что он даже не верит в него». Подобные Сушилину типы молоканских полуверов нередко встречаются и в других тамбовских молоканских центрах.

В деле миссионерской борьбы с расколом и сектантством, незаменимое содействие могут оказать пастырям начётчики из ревнителей православного населения. Такие люди найдутся в каждом приходе, но вот беда: у всех у них много усердия, но мало умения в приёмах полемических и знания по обличению заблуждений отпавших. Необходима таковым подготовка и правильное руководство и направление. Счастливый почин в этом отношении делает Калужская епархия, где, с благословения преосвященного Макария, по инициативе преподавателя раскола г. Чельцова, в течении Филппповского поста и во время рождественских праздников имели состояться *миссионерские курсы* для начётчиков из мирян. Последние должны были прибыть в Калугу из центров раскола и из сел заражённых хлыстовством. Здесь, под руководством почтенного наставника семинарии, начётчики ознакомятся с старопечатными книгами и главнейшими методическими приёмами обличения, с характером и существом заблуждений. Желательно, чтобы почин этот не был исключительным. Мера эта весьма полезная.

«Миссионерское Обозрение», глубоко интересуясь широким распространением верных взглядов на дело миссии и сектоведения, не может не радоваться тому, что многие другие органы духовной и светской печати полной рукой заимствуют наши сведения и сообщения. Но в то же время нельзя пройти молчанием бесцеремонного отношения некоторых органов при подобных заимствованиях. Так, напр., «Черниговские Губернские Вед.», перепечатав из «Миссионер. Обозр.» известный знаменательный ответ Государя старообрядцам, впервые появившийся только на страницах нашего журнала, –

не указали однако источника, откуда взята перепечатка и вся решительно печать приписала интересное сообщение это «Черн. Губ. Вед.». «Таврич. Епарх. Вед.» целиком перепечатали в размере целого печатного листа из «Мис. Обзор.» житие Св. Феодосия и тоже без всякой пометки. Один духовный журнал не раз при перепечатке сведений «Мис. Обзор.» цитирует второй источник, а не первый. Есть два духовных журнала, (из них один имеет у себя особое приложение «Библиографич. листка» для обозрения духовной печати и книжных новостей) которые за целый год ни словом не обмолвились о существовании нового журнала ни в порицание, ни в похвалу, по-видимому сознательно замалчивая конкурента. Печально, если меркантильные расчёты и приёмы светской мелкой прессы начнут входить в нравы и нашей **духовной** журналистики...

Э. Я.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1896 г.
№ 1–12. С. 375–389**

Вишневский Н.Л. [Рец. на:]: Московский сборник. Издание (второе) К. П. Победоносцева. Москва, 1896 г., 304 стр. Цена 1 р. 25 к. С. 375–381

Названная книга, бесспорно, – одно из самых выдающихся явлений в русской литературе текущего года. Считаю долгом обратить на неё внимание тех из наших читателей, которые ещё не успели познакомиться с ней.

Высокий интерес книги К.П. Победоносцева обуславливается не только серьёзностью и богатством её содержания, но и чисто формальными её качествами. В этом последнем отношении «Московский Сборник» – классическое произведение по ясности и строгой последовательности мысли, изящной простоте и величавости сжатого и точного языка, спокойному и бесстрастному тону. Последний особенно поразителен в книге, представляющей собой критику по таким животрепещущим вопросам, обсуждение которых в печати мы привыкли встречать всегда соединённым с раздражительностью тона, запальчивостью и резкостью полемики. Что же касается прекрасного оригинального языка этой книги, которому даже светская критика отдала должную дань удивления, то он представляет собой по истине удивительное соединение богатства и утончённости современной литературной речи с силой, меткостью и характерной величавостью языка наших древнерусских книжников.

Содержание «Московского Сборника» составляют 20 статей, написанных, по-видимому, в разное время и касающихся самых разнообразных предметов (1) Церковь и государство. 2) Новая демократия. 3) Великая ложь нашего времени. 4) Суд присяжных. 5) Печать. 6) Народное просвещение. 7) Герберт Спенсер о народном воспитании. 8) Закон. 9) Болезни нашего времени. 10) Знание и дело. 11) Вера. 12) Идеалы неверия. 13) Новая вера и новые браки. 14) Духовная жизнь. 15) Церковь. 16) Характеры. 17) Власть и начальство. 18) Из Карлейля: I. Детство: II. Простое правило жизни; III. Воспитание; IV. Дело; V. Религия. 19) Гладстон об

основах веры и неверия. 20) Дела и дни). Не смотря на такое разнообразие предметов, книга оставляет в читателе цельное и стройное впечатление, которое обуславливается цельностью и законченностью миросозерцания самого автора. Правда, автор почти нигде в книге не высказывает своих собственных взглядов по тем вопросам, какие обсуждает, – он только подвергает беспощадной критике чужие взгляды. Однако сам характер критики с несомненностью убеждает читателя, что для автора все эти вопросы решены и решены без остатка. Ибо только тот, кто путём долгой работы ума разрешил для себя эти вопросы и покончил со всеми сомнениями и колебаниями, может с такой поразительной ясностью, так легко и просто распутывать самые сложные узлы человеческого заблуждения. как это делает автор «Московского Сборника».

Сила и особенная убедительность критики К.П. Победоносцева в том, что она не основывается на каких-либо общих отвлечённых принципах, которые сами ещё могут быть оспариваемы, но исходит из опыта и наблюдения, из знания условий действительной жизни, из глубокого понимания человеческой природы и истинных потребностей человеческого духа. Стоя на такой твёрдой почве, автор не имеет нужды рассматривать и опровергать то или другое заблуждение во всех подробностях, доказывая недостаточность его посылок и ложность выводов: он считает достаточным указать на несоответствие теории с действительными свойствами и потребностями человеческого духа, на несогласие её с свидетельствами истории и данными наличной действительности, чтобы признать эту теорию несостоятельной. И нужно сознаться, что этот простой апостериорный способ доказательства в умелых руках автора соединяет все преимущества доказательства простого, ясного и в высшей степени убедительного. Вот, напр., вопрос о взаимном отношении между Церковью и государством. Современная западноевропейская цивилизация воздвигла на почве этого вопроса как бы некоего идола, перед которым и в нашем отечестве многие усердно поклоняются, – пресловутую теорию свободной Церкви в свободном государстве. Сущность этой

теории сводится к полнейшему разделению и разобщению жизни церковной и жизни государственной. Не вдаваясь в подробный разбор этой теории, автор только приводит против неё показания двух свидетелей, – истории и современной действительности. История не знает того, чего хочет эта теория: история знает только одну форму отношения между Церковью и государством, – форму взаимообщения государства и одной господствующей Церкви, при котором Церковь стремится к одухотворению интересов и деятельности государства, а государство об ограждении интересов Церкви. Современная же действительность убеждает нас, что формула свободной Церкви в свободном государстве и не осуществима в жизни; попытки же осуществить её и уравнивать все церкви и все религии, предоставивши всем им одинаковую свободу и равные права, всегда оказываются безуспешными, потому что одна какая-либо религия, или исповедание всегда с течением времени возобладает над всеми другими и окажется религией господствующей, если не *de jure*, то *de facto*. А вот другой идол, – идол демократически-парламентарного государственного устройства. На нём великолепная тога, испещрённая многообещающими девизами: «свобода, равенство, братство», «всё для общественного блага» и т. п. В таком обольстительном виде предстаёт этот идол воображению его почитателей. В «Московском Сборнике» он является перед нами в совершенно ином виде. Уверенной рукой автор спокойно без раздражения снимает с него мишурное одеяние громких слов и красивых фраз и показывает его нам во всей его наготе, с покрывающими его тело ранами и струпьями. Немногими штрихами он рисует перед нами яркую и выпуклую картину закулисной действительности парламентаризма и раскрывает весь простой механизм этого учреждения, – механизм, приводимый в движение старыми, как мир, пружинами грубого эгоизма, честолюбия, корыстолюбия и других подобных страстей. Вместо свободы, равенства и братства, обещаемых этим учреждением, действительная жизнь в государствах с парламентарным образом правления показывает нам самое грубое торжество силы и эгоизма; вместо служения

возвышенному девизу: «всё для общественного блага», в действительности каждый руководствуется совершенно обратным правилом: «всё, не исключая и общественного блага, должно служить на пользу мне».

Так же просто развенчиваются «Московским Сборником» и другие идолы нашего времени. Печать, суд присяжных, народное образование, накопление знаний и т. п., – всё это вещи, бесспорно, хорошие и заключающие в себе подчас великую силу. Но не следует из этих хороших вещей творить себе идолов, потому что ни одна из них не представляет из себя идеала совершенства или всеисцеляющего средства от господствующих в нашей жизни зол и нестроений. Сила, которую представляют из себя эти вещи, может быть благотворной только при умелом и добросовестном пользовании ею; жизнь же показывает, что весьма нередко эта сила является и источником великого зла. Следовательно, не преклоняться должно перед этой силой, но тщательно её исследовать, изучить условия её приложения и способы достижения посредством неё наилучших результатов. – Таким образом в чисто отрицательных результатах критики «Московского Сборника» мы можем находить и некоторый положительный элемент: каждая страница, каждая строка этой книги, это – своего рода напоминание современному обществу забытой им заповеди Моисея: *не сотвори себе кумира!*

Есть люди, которые творят себе кумира даже из слова Божия. Так, многие, основываясь на словах Спасителя о поклонении Богу в духе и истине, желали бы уничтожить в религии всякую обрядность, как излишнее и вредное суеверие. В «Московском Сборнике» мы находим следующее прекрасное рассуждение по этому предмету. «Передовые люди, основатели религий, на высотах созерцания сознавая, в системе вероучения идею Божества и Его отношения к человеку, создают в применении к ней и формы культа, одухотворённые той же идеей. Но масса народная пребывает в долине, и свет чистого созерцания, озаряющий верхи гор, не скоро до неё доходит. В массе, религиозное представление, религиозное чувство выражается во множестве обрядностей и преданий,

которые с высшей точки зрения могут казаться суеверием и идолослужением. Строгий ревнитель веры возмущается, негодует и стремится разбить насильственной рукой эту оболочку народной веры, подобно тому как Моисей разбил тельца слитого Лароном по просьбе народа, в то время, когда пророк пребывал в высоком созерцании на высотах Синайских. Отсюда, доходящая до фанатизма, пуританская ревность вероучителей. Но в этой оболочке, не редко грубой, народного верования таится само зерно веры, способное к развитию и одухотворению, таится та же вечная истина. В обрядах, в преданиях, в символах и обычаях – масса народная видит реальное и действенное воплощение того, что в отвлечённой идее было бы для неё нереально и бездейственно. Что, если, разбив оболочку, истребим и само зерно истины; что, если, исторгая плевелы, исторгнем вместе с ними и пшеницу? Что, если, стремясь разом очистить народное верование под предлогом суеверия, истребим и само верование? Если формы, в которых простые люди выражают свою веру в живого Бога, иногда смущают нас, – подумаем, – не к нам ли относится заповедь Божественного Учителя: «блюдите, да не презрите единого от малых сих верующих в Мя» (стр. 150–151).

Надеемся, что наши читатели не посетуют на нас, если мы приведём из книги К. П. Победоносцева ещё одну выписку, притом касающуюся вопроса, составляющего прямой предмет нашего журнала. Вот, что говорится здесь касательно этого предмета. «От самого начала Церкви нетерпеливые сердца, гордые умы не перестают искать, помимо Церкви и вопреки ей, новых учений, долженствующих обновить человечество, исполнить закон любви и правды, водворить мир и благоденствие на земле. Поражаясь чудовищными противоречиями между учением Христа Спасителя и жизнью христиан, составляющих Церковь Христову, – они возлагают вину на Церковь с её установлениями и, приходя к отрицанию существующей от начала христианства Церкви, думают утвердить вместо неё своё, очищенное по мнению их, учение Христово, отрешённое от Церкви, выводимое по их усмотрению из отдельных текстов Евангелия. Гордость ума, с презрением к

людям той же плоти и крови, возбуждает их разорвать старый закон и созидать новый. Они забывают, что Тот же Учитель Божественный, имя Коего призывают они, будучи кроток и смирен сердцем, не хотел изменять ни одной черты в законе, но каждую черту оживотворял духом любви, в ней сокрытым».

«Не трудно, но и как безумно, как бессовестно соблазнить простую душу, в которой есть только чистое, незанятое поле религиозного чувства, душу не воспитанную, невежественную в истинах веры! Ужасно подумать, что к такой душе приступают с голым отрицанием Церкви и хотят её уверить, что эта Церковь с её учением и таинствами, с её символами, обрядами и преданиями, с её поэзией, одушевлявшей из века в век множество поколений, есть ложное и ненавистное учреждение. Простая душа была душа смиренная, сектантство возводит её на высоту *гордости* – своей, *особливой* верой, а веру вмещает в узкую рамку сектантской *формулы*. Нет души, как бы ни была она невежественна, – к коей нельзя было бы привить такую бессмысленную гордость с уверенностью в своей правде – перед кем? перед целым народом, составляющим Церковь и живущим в смиренном сознании своей греховности перед Богом и в смиренной надежде на прощение грехов и на спасение в молитве церковной. Плоды этой гордости в дальнейшем её развитии очевидны. Это – *лицемерие* в самодовлеющем сознании праведности; это – злобное раздражение против всех иначе верующих, и до страсти доходящее стремление к отвлечению от церковного стада рассеянных овец его, – причём всякие средства считаются годными для достижения цели» (стр. 148–150).

Вообще новая книга К. П. Победоносцева затрагивает такие вопросы, разрешение которых составляет насущнейшую потребность для каждого мыслящего человека, какой бы род общественного служения он ни проходил. И, смеем надеяться, что слово просвещённого и умудрённого многолетней опытностью государственного деятеля не останется без отрезвляющего действия на колеблющиеся и увлекающиеся умы нашего общества. Один критик «Московского Сборника» заметил, что от этой книги веет холодом. И это, пожалуй,

правда. Но только холод, которым веет от этой книги, – не мертвящий холод могилы, а здоровый холод русского мороза, который бодрит организм, волнует кровь и заставляет нашего крестьянина поскорее браться за работы. Этот холод – результат «ума холодных наблюдений», результат серьёзного и вдумчивого отношения к явлениям и фактам действительной жизни. Такого холода боится только пустоцвет разных модных теорий и проектов, культивируемый в тепличной атмосфере кабинетов, но не имеющий для себя почвы в условиях и потребностях действительной жизни. Для настоящего же живого дела – побольше бы нам такого холоду, а поменьше жару и чаду страстных увлечений и бесплодной болтовни.

Н. Вишневский

**Н. В. [Рец. на:]: Открытые письма старосты
Исаакиевского собора г. Пашкову. Одесса 1887 г..
стр. 68. С. 382–383**

Бывший староста Исаакиевского собора генерал Е. В. Богданович выступил со своими «Открытыми письмами» в самый разгар пропаганды Пашковым своего лжеучения в 1883 году. Разошедшееся в количестве более чем 50,000 экземпляров издание этих писем много способствовало в своё время ограничению успехов пашковского лжеучения. Хотя с тех пор пропаганда пашковщины значительно затихла, однако не прекратилась совершенно и доселе. Не прекращается доселе и всё большее и большее распространение секты. Поэтому и в настоящее время «Открытые письма» нисколько не утратили своего значения и не только являются прекрасным памятником противо-сектантской полемики, но могут служить и полезным для каждого миссионера пособием к обличению пашковщины и других сродных с ней лжеучений, как напр., молоканства, штундизма и пр.

Всех писем старосты Исаакиевского собора к Пашкову – три. Первое письмо – это энергичный, полный сдержанного негодования вопрос верного и преданного сына православной Церкви, публично обращённый к самозваному учителю, – по какому праву он дерзнул принять на себя не принадлежащее ему звание учителя, народного проповедника, отвергнуть авторитет вселенской Церкви и заменить его личным своим авторитетом. Во втором письме излагаются и подвергаются разбору некоторые пункты учения Пашкова (о спасении верой, о храмах, св. иконах и пр.). Хотя автор и заявляет, что он не богослов и не может входить в богословские тонкости, тем не менее он даёт в своём письме прекрасное опровержение заблуждений Пашкова. Он, действительно, не вдаётся в тонкости; но от этого его опровержения только выигрывают в ясности и силе. Третье письмо было в первый раз издано спустя некоторое время после первых двух. В этом письме автор обращается к Пашкову уже как гражданин великого русского

народа к своему согражданину и показывает перед ним, что своей деятельностью, направленной в подрыв православия, он вредит и своему отечеству и через то является преступником и против требований гражданского долга. Здесь мы находим прекрасное раскрытие значения православной веры в истории объединения и усиления могущества русского народа; особенно подробно раскрыто значение в этом деле почитания икон, причём приведены и многие примеры проявления милости Божией к русскому народу через чудотворные иконы.

Глубокое одушевление, которым проникнуты «Открытые письма», прекрасный лёгкий язык, сила и убедительность доводов и опровержений в соединении с ясностью и простотой изложения делают это издание одним из лучших произведений нашей новейшей полемической литературы, равно доступным пониманию и чувству каждого – и высокообразованного и только грамотного – сына прав. Церкви и гражданина русского отечества.

К «Письмам» Е. В. Богдановича приложены – ко 2-му отрывок из проповеди митр. Московского Филарета о существе иконопочитания и к 3-му несколько извлечений из книжки преосв. Феофана «Письма к одному лицу в Петербурге по поводу появления там нового учителя веры».

Н. В.

Н. В. [Рец. на:]: Д. Скворцов. Пашковцы в Тверской епархии. Тверь 1893 года, 81 стр. Ц. 1 р. с перес. Очерки тверского раскола и сектантства. Его же. М. 1895 г., 116 стр. Ц. 1 р. 25 к. С. 383–385

В целях основательного и всестороннего изучения нашего сектантства нельзя не признать в высшей степени полезным и желательным появление очерков и исследований, посвящённых сектантству отдельных, сравнительно небольших районов, напр., епархий. Составление таких очерков и исследований для местных научных сил не может представлять значительных затруднений в виду сравнительного удобства для них изучения местного сектантства, как путём личных наблюдений над современным его состоянием и характером, так и путём знакомства с прошедшей его историей по архивным материалам. А между тем такие очерки и исследования, добросовестно и тщательно исполненные, могли бы оказать неоценимую услугу делу всестороннего изучения нашего сектантства, в его многообразных формах, представляя в своих выводах и наблюдениях достаточно твёрдое основание для дальнейших более широких выводов и обобщений, касательно ли сущности и характера всего вообще русского сектантства, или известной его формы.

Книжки г. Скворцова представляют собой именно такие очерки сектантства одного определённого района (Тверской епархии). Первая книжка знакомит нас, преимущественно на основании архивных данных, с историей пашковщины в Тверской епархии. При этом даются и обстоятельные сведения о так называемой сятаевщине, секте, которая, появившись в Тверской епархии в 70 годах, вызвала много оживлённых толков не только в нашей, но даже заграничной печати и, по мнению автора, подготовила почву для распространения здесь впоследствии пашковщины. История распространения самой пашковщины в Тверской епархии представлена автором не только полно, но даже со многими интересными подробностями, добытыми из архивных документов. Благодаря последним,

автору легко было решить и важный вопрос о том, откуда зараза сектантства первоначально была занесена в Тверскую епархию (из Петербурга) и установить факт почти постоянных сношений тверских пашковцев с петербургскими. К этому очерку тверской пашковщины приложены: а) краткий очерк возникновения истории и учения секты, б) литература о секте пашковцев, с указанием источников для обличения её учения, в) указание цитат из св. Писания, приводимых пашковцами в подтверждение своего учения, а также идущих в опровержение этого учения и г) перечень брошюр с тенденциями пашковского лжеучения. Благодаря этим приложениям книжка г. Скворцова, помимо теоретического интереса, может иметь и некоторое практическое значение, так как может при случае послужить и пособием для борьбы с пашковщиной.

«Очерки Тверского раскола и сектантства» главным образом посвящены истории собственно раскола и составлены частью на основании архивных данных, но преимущественно на основании печатных известий. Всех очерков, посвящённых расколу, четыре: 1) Возникновение и первоначальная история раскола в Тверской области; 2) Беспоповщинский раскол и сектантство в Корчевском уезде с центром его с. Китрою; 3) Беглопоповщина в с. Ржеве в первую половину настоящего столетия; 4) К истории внутренней полемики раскола XVIII в. в Тверской епархии. Каждый очерк представляет собой отдельную законченную статью, не связанную с другими очерками. Таким образом книжка г. Скворцова далеко не даёт нам полной и связной истории раскола; тем не менее и то, что она даёт, имеет свою цену. Особенно же ценным в ней является, по нашему мнению, четвёртый очерк, посвящённый неизданному ещё и никем необследованному памятнику внутренней раскольнической полемики прошлого века. Памятник этот, – рукопись Тверского музея (№ 4575) «Разглагольствие двух человек о вере и Церкви Христовой», написанная в 1780 г. и принадлежащая по мнению автора известному раскольническому писателю Ивану Федорову Пешехонову. Разбирая содержание этого памятника, автор находит в нём некоторые интересные данные, характеризующие как личность

писателя, так и современное ему состояние раскола. – Последний пятый очерк книжки г. Скворцова посвящён скопцам Тверской губ. и составлен на основании данных, добытых судебным процессом о скопцах 1888 года.

Козицкий И. А. [Рец. на:]: Беседы о важнейших истинах христианской православной Церкви Против сектантов-штундистов. Общедоступное изложение. Преподавателя Киевской семинарии священника Иоанна Богородицкого. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Киев 1894 г. in 8° II+148 стр. Ц, 75 коп. С. 385–387

Труд свящ. И. Богородицкого с вышеуказанным заглавием явился в свет ещё в 1838 году, благодаря настойчивым желаниям некоторых священников из приходов, заражённых штундой, иметь под руками хотя какое-нибудь пособие для борьбы против сектантов, отвергающих многие и важнейшие истины христианской православной Церкви. Автор, при составлении своих бесед, имел в виду не только пастырей Церкви, ратоборствующих со штундой, но и всех вообще христиан, желающих ознакомиться с теми основаниями, на которых покоятся извращаемые и отвергаемые сектантами истины св. православной Церкви. Сообразно таким задачам и изложение настоящих бесед ведётся автором с возможной простотой и ясностью; обоснование оспариваемых сектантами истин строится почти исключительно на почве свящ. Писания; иногда, впрочем, даётся место и доводам свящ. Предания. Правда, в настоящее время появилось уже не мало сочинений, в которых специально и весьма подробно рассмотрены отвергаемые сектантами пункты православной христианской веры; но во всех этих сочинениях – почти всегда преобладает полемический элемент; труд же о. Богородицкого имеет в виду, по преимуществу, положительные основы оспариваемых сектантами истин, почему и отличается спокойным и серьёзным тоном и основательностью изложения и, как вышедший из под опытного пера, не смотря на появление новейших в этой области произведений, не теряет до сих пор своего значения; потому может быть признан весьма пригодным как для специальных целей священника-миссионера, так и для

ознакомления мирян с основоположениями нашей Православной веры.

Автор в своих беседах касается почти всех истин православия, оспариваемых сектантами; причём одним из них уделяет больше, другим меньше внимания, вследствие чего некоторые вопросы разобраны им недостаточно. Так вопрос об иконопочитании и почитании св. Креста обследован далеко не полно. Между тем как – следовало бы ожидать, что именно этому вопросу, составляющему краеугольный камень в миссионерской практике, автор уделит больше внимания и с большей полнотой и обстоятельностью обследует его в издании дополненном. Тоже нужно сказать и по вопросу о церковной иерархии: беседа девятая, посвящённая вопросу о священстве, как таинстве (60–65 стр.), далеко не исчерпывает всего предмета и не даёт ответов на сектантские злохуления против института пастырей Церкви.

Впрочем, не смотря на эти недочёты, труд о. Богородицкого, как изложенный точным и простым языком, нисколько не умаляется в своём достоинстве и не теряет своей цены и может быть назван весьма полезным для лиц, интересующихся делом борьбы со штундой.

П. Козицкий

**Н. В. [Рец. на:]: Краткое руководство к
собеседованию с мнимыми старообрядцами,
составленное главным миссионером Вятской
епархии кафедр. протоиереем Стефаном
Кашменским. Изд. 2-е. Вятка 1877 г. 57 стр. С. 387–
389**

Трудности миссионерской борьбы с расколом и сектантством вызвали нарождение у нас нового типа школ миссионерских. Задача этих школ – приготовить из среды самих пасомых ревностных и знающих помощников пастыря в деле его миссионерского служения. В большинстве случаев это те же начальные школы, церковно-приходские или иные, ученики которых знакомятся под руководством законоучителя с местным расколом или сектантством и с главнейшими основаниями и приёмами его обличения. Некоторые же пастыри открывают в своих приходах самостоятельные миссионерские школы или курсы, в которые поступают уже взрослые грамотные прихожане, имеющие желание помогать священнику в деле приведения к Церкви заблудших чад её. Сравнительно недолгий опыт существования этих школ уже успел показать, что таким путём могут быть образованы весьма деятельные и способные миссионеры; в некоторых же местах начинают уже обнаруживаться и благотворные плоды их деятельности. Вообще же миссионерские школы, вызванные к существованию самой жизнью и её неотложными потребностями, могут смело рассчитывать на широкое развитие и распространение. Развитию их, нам кажется, много помогло бы издание хороших руководств для собеседований с разного рода сектантами и разных толков раскольниками. Такие руководства, общедоступно написанные и излагающие важнейшие пункты того или другого сектантского лжеучения и главнейшие основания, и приёмы их обличения, могли бы служить весьма полезными пособиями не только в миссионерских школах, но и вне школ, – для всякого вообще миссионера-добровольца,

имеющего охоту послужить Церкви в деле обращения заблудших, но не обладающего необходимыми для этого познаниями.

«Руководство» прот. *Кашменского* написано именно для миссионерской школы, но, к сожалению, не отличается теми достоинствами, какие желательно было бы видеть в такого рода руководствах. Прежде всего мы не находим в этом руководстве истории появления раскола, а между тем показать, откуда и как возник у нас раскол старообрядчества, значит наполовину уже доказать его несостоятельность и тем существенно облегчить дальнейшее развитие его заблуждений. Бесспорно, далее, что для будущих противо-раскольнических миссионеров существенно необходимо ясно усвоить себе различие между догматом и обрядом; без этого невозможно даже само понимание сущности раскола, а тем более правильные приёмы его обличения. Однако и этого мы в «Руководстве» о. *Кашменского* не находим. Правда, автор трактует отдельно об обрядовых разностях (первая часть руков.) и догматических заблуждениях старообрядцев в учении о Церкви, таинствах и антихристе (вторая часть), но различия между этими двумя предметами совершенно даже не пытается установить. Методическая часть (третья) руководства исчерпывается лишь немногими элементарными советами, имеющими притом в виду частные случаи, встречающиеся в миссионерской практике. Нельзя не заметить ещё и следующего. В «Руководстве» нигде не сказано, против какой или каких именно сект раскола оно направлено; судя по некоторым предметам, оно может быть направлено против беспоповщины. Однако, есть основание думать, что автор имел в виду и беглоповцев, а в одном случае он прямо говорит об австрийском лже-священстве. Отсюда ясно, что автор имел в виду не одну какую-нибудь секту, а весь вообще раскол. Попятно, насколько такая постановка неудобна: не всё, что служит к опровержению одной секты, может служить опровержением другой. Если к сказанному прибавить ещё, что «Руководство» изложено в сухой катехизической форме вопросов и ответов, без всякого приспособления к пониманию малоразвитого и

малообразованного читателя, то будет ясно, как мало пригодно оно для цели, предназначенной автором – «облегчить занятия в школе, занимающимся дать возможность правильнее повторять у себя дома и сообщать другим то, что узнают они из старинных книг».

Но если «Руководство» о. Кашменского едва ли может быть признано пригодным для миссионера-крестьянина, то для миссионера-пастыря, с запасом богословских и церковно-исторических знаний, оно, при умелом пользовании им, может послужить пособием очень полезным в борьбе с расколом, благодаря обилию приводимых в нём из старопечатных книг свидетельств, столь необходимых при полемике с раскольниками.

Н. В.

**Известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1896 г. № 1–12. С. 389–392**

– *Случай чудесного исцеления.* В Самарских Епархиальных Ведомостях (№ 11) помещено письмо запасного фельдфебеля Алексея Вострова к священнику И. Беневольскому, в коем Востров описывает чудесное исцеление его от болезни. «Хотел было промолчать, пишет он, но какая-то невидимая сила влечёт меня, чтобы я рассказал об этом чуде».

Состоя в расколе 31 год в беглопоповской секте, я считал все остальные секты, в особенности православную Церковь, еретиками. Будучи отдан в военную службу в 1884 году, я стал ходить в православную Церковь, слушать божественную службу. Сначала она мне не нравилась, а потом понемногу я стал привыкать; после чего мне молельня стала казаться сиротой, но не умер у неё отец и мать, а, напротив, сама секта эта бросила отца и, не хотя подчиниться отцу, возгордилась, а потом гордость эта обратилась в закоренелое зло и всосалась в кровь её последователей. После такого рассуждения я пошёл в православную Церковь и стал слушать божественную службу: она мне очень понравилась. Под влиянием сладких звуков божественной службы, я дал Богу обещание крестить только что родившегося сына в православной Церкви. Полковой священник И. Яроцкий крестил моего сына, взявши расписку в том, что я буду воспитывать сына в духе православной Церкви. Спустя три года я познакомился с одним семейством раскольников. Тогда тридцатилетние корни раскола отпрыгнули вновь, и я, получив другое мнение о православной Церкви, по их совету, обратил сына опять в раскол. После этого у него скоро заболела спина и болела около двух с половиной лет. На спине не было никакого знака, но мальчик согнулся и не разгибался и что ни дальше, то больше стал он жаловаться на боль в спине. Тогда меня стало беспокоить клятвopепреступление и сердце сжимало как тисками. Мне казалось ясным, что Господь в наказание мне послал болезнь на моего сына, за которого я клялся. Я бы отдал тогда всё, что имел, только бы

получить облегчение, но сердце не требовало платы, оно требовало чего-то духовного, для меня непонятного. Однажды мне пришли на память сладкие звуки божественной службы, ради которых я клялся Богу, – это было во время литургии, я наскоро оделся и пошёл в церковь. Став в церкви, я внимательно следил за службой. Мне показалось, что как священник, так и все молящиеся молятся мне в утешение. Мне стало весело и сердце моё стало радостно биться в наболевшей груди. Почувствовав облегчение, я дал Богу обещание перейти всей семьёй в православие, только бы искупить клятвопреступление, стал тихонько от жены ходить в церковь и просить Бога, чтобы он помог убедить мою семью. Придя однажды из церкви, я заговорил об этом с женой, которая, к моему удивлению, согласилась после одной с ней беседы. Не теряя времени, я пошёл к Вам, по Вашему совету написал Преосвященному Гурию прошение, который и решил присоединить меня с семьёй к православию. Придя для принятия православия в церковь Илии пророка 24 апреля 1895 года, привёл я и больного сына моего, который стоял нагнувшись, держа за спину. По принятии православия и приобщившись св. божественных Христовых Таин, мальчик исцелился в один момент, *выпрямился и говорит: «папа, у меня спина не болит»*. В церковь я его с трудом привёл, а из церкви он побежал попрыгивая с ножки на ножку, и теперь вот уже 10 месяцев ни разу не жаловался на боль в спине,

Этим Господь вырвал корни раскола из моей семьи бесследно, и сердце моё, чего просило, то и получило. Слава Господу Богу, обратившему меня помимо моего желания и исцелившему раны сердца моего»!

(Из Саратовск. Епар. Вед.).

Голос из народа в обличение толстовского лже-мудрования. С. 391–392

Как известно, толстовские лже-мудрования в последние годы начали всё чаще спускаться с верхних интеллигентных кругов в нижние слои общества, – в народ. Отуманят ли утопии графа Толстого последователей из народа также, как и наивных, доверчивых интеллигентов, или же здравый смысл скорее прозрит всю фальшь толстовщины, и возьмёт над ней, что называется, верх, вот вопрос?

На столбцах одной московской газеты мы встретили метко брошенный из народа камешек в огород толстовцев, в форме открытого письма в редакцию «Русск. Слова» крестьянина железнодорожного рабочего. Письмо это, очень любопытно, вот что оно гласит:

Мил. Госуд. г. Редактор!

„Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты сделать вызов на ответ г. учителю „о непротивлении злу“, его сиятельству графу Л. Н. Толстому, и развивателю этого учения в книжках „Недели“ г-ну Меньшикову на нижеследующий вопрос:

Я служу на железной дороге старшим линейным рабочим. И вот, в недавнее время я, проверяя путь вместе с линейным сторожем, перед проходом почтового поезда, около полуночи наткнулись на троих злоумышленников, отвертывающих рельсовые скрепления с целью произвести крушение поезда и в суматохе потом „поживиться“.

На мой внезапный крик один с испугу убежал в тут же растущий лес, а двое бросились на нас с дубинами. Благодаря находившемуся у меня в руках французскому ключу, я ловко им ударил нападавшего на меня по виску, отчего тот и упал, а другой, увидав это, убежал в лес за первым. Но нам надо было обезопасить проход поезду и спешить осмотреть путь, а в это время убежавшие воротились и унесли упавшего. Только лужа крови осталась на месте падения.

Не лучше ли было пренебречь долгом службы и, не сопротивляясь, пожертвовать нам собой и почтовым поездом с

людьми? Ответьте пожалуйста и разрешите моё сомнение, вкравшееся в моё сердце от ваших проповедей“.

Вот уж по истине на каждого мудреца есть довольно простоты!..

Декабрь. Книга 1-я

**Скворцов В.М. Предстоящая всенародная перепись
и значение её для сектоведения и миссионерства //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 395–
409**

I.

На основании Высочайше утверждённого 5 июня 1895 года особого положения, в начале нового 1897 года в один день, который будет назначен указом Сената, имеет состояться всеобщая перепись населения Российской империи. Переписи этой подлежат все жители империи обоего пола, всякого возраста, состояния, вероисповедания и племени, как русские, так и проживающие в России иностранцы. Задачей этого правительственного предприятия является обеспечение правильного хода сложной машины государственного управления, требующего обстоятельного знакомства со всеми явлениями современной жизни государства, а равно и с причинами и законами, их вызывающими. Всякие улучшения, всякие реформы, чтобы быть целесообразными, должны считаться с этими последними, и чем настоятельнее потребность в улучшениях, тем больше побуждений к тщательному изучению того строя и порядка, согласно которому идёт жизнь общества. Самым верным средством ознакомления с действительностью признаётся систематическое наблюдение или исследование общественных явлений. Систематическое наблюдение может состояться с одной стороны в *качественном* изучении отдельных явлений, в исследовании постепенных ступеней его развития; такое наблюдение служит орудием истории. С другой стороны, может иметь место *количественное* наблюдение обширных масс явлений; изучая, напр., сколько в данной местности находится православных, иноверцев, сектантов, мы можем себе составить понятие о религиозно-нравственном состоянии населения; зная отношение числа грамотных к общей массе населения – имеем данные, характеризующие образованность, в известной степени, развитие этого населения. Такой приём – так называемого

«массового наблюдения» – служит отличительной чертой статистического метода.

Одним из средств «массового» или статистического наблюдения являются *переписи*. Народонаселение всякой страны состоит из постепенно меняющейся массы отдельных индивидуумов. В неё непрерывно привходят вновь нарождающиеся члены, из неё непрерывно выделяются умершие. Таким образом, масса народонаселения представляет собой нечто колеблющееся и изменяющееся по известным законам. Чтобы статистически исследовать её, наука имеет два средства. Во-первых, она время от времени исчисляет совокупность лиц (индивидуумов), живущих в данный момент на известной территории. Во-вторых, наблюдаются постоянно перемены в составе народонаселения – рождаемость, смертность и т. д., словом *движение* народонаселения. Всякая перепись именно имеет в виду удовлетворить первой цели, т. е. исследует состав народонаселения *в известный момент*, обыкновенно в один определённый день. *Однодневную* будет и предстоящая наша перепись 1897 года, которая должна дать материалы для изучения численности населения и его отношения к пространству, размещения населения по осёдлостям, распределения его по полам, возрастам, племенам, сословиям, *вероисповеданиям*, по гражданскому состоянию, по степени хозяйственной самостоятельности, по роду занятий, по степени образования и пр.

Народные переписи собственно дело не новое, начало их освящено Самим Богом: о переписях известно было в глубокой древности, из библейских свидетельств. Так, в Пятокнижии говорится, что Сам Бог повелел Моисею в пустыне Синайской, на второе лето по исшествии израильтян из земли Египетской, произвести исчисление народа Божия посемейно: *возьмите сочтение всего сонма сынов Израилевых по сродством их, по дому отечества их, по числу имён их, по главам их.* (Числ.1:2).

Произведена была перепись народа израильского также и Давидом, но без Божия на то благословения и по грешным

суетным побуждениям, за что и народ и царь были наказаны Господом (2Цар. 24 гл.).

В новом завете находим евангельское свидетельство, что во дни Кесаря Августа вышло повеление «написать всю вселенную», вследствие чего тогда каждый из иудеев должен был идти записываться в свой фамильный город. Эту гражданскую обязанность свято исполнили св. Иосиф Обручник и Пресвятая Дева Мария, отправившаяся нарочито из Назарета в свой родной город Вифлеем, где и родила Предвечного Младенца, укрывшись, благодаря стечению народа, за неимением помещения, в пещере. Но как в древности, так и в позднейшие века до сравнительно недавнего времени народоисчисления производились крайне приблизительно, без соблюдения тех основных правил, которые выработаны господствующим статистическим методом. Первая попытка систематического народоисчисления в Европе была сделана в швейцарском кантоне, в Цюрихе, в 1567 году, но полной научной высоты дело переписей достигло лишь при Бельгийской переписи, предпринятой в 1846 году по мысли творца современной статистики Ламбера Адольфа Жака Кеттле. Отличие этой последней переписи от предшествующих заключается в том, что при ней определялось *наличное население*, т. е. то, которое в *момент переписи* находилось, действительно, в исследуемой местности. Притом перепись была произведена так, что все сведения были приурочены именно к *одному дню*. Эти два условия являются необходимыми для того, чтобы исследование могло считаться правильно организованным. Начиная с указанного времени (1846 г.), основные правила эти исполнялись при всех бывших в западной Европе переписях.

В нашем отечестве всеобщих однодневных переписей не было до сих пор. Роль их играли т. н. «ревизии», последняя из которых была произведена в 1857 г. Опыт показал несостоятельность их. Не говоря уже о том, что при них не соблюдалось ни одно из приведённых выше правил и все ревизии производились крайне долго, они ещё имели весьма существенный недостаток. Преследуя фискальную цель –

определение числа душ, подлежащих подушному окладу и рекрутской повинности – ревизии совершенно игнорировали те классы населения, которые не несли податной тяготы. Кроме того, население, зная, что ревизия служит основанием распределения податей и повинностей, всегда старалось уклониться от внесения в сказки. Эта утайка, будучи весьма значительна, не могла не отзываться крайне вредно на результатах ревизии – достоверности и точности. Особенно это нужно сказать о наших раскольниках и сектантах, имеющих, как увидим ниже, по самому учению своему предубеждение против правительственных переписей.

Таким образом путём «ревизии» не могла быть уже удовлетворена давно назревшая у нас потребность в основном и всеобщем народо-исчислении, тем более, что около 40 лет не было даже и ревизий.

Однодневная всеобщая перепись 1897 г. будет *первой* в России собственно *всенародной* переписью и займёт в истории место в ряду знаменательнейших событий нынешнего царствования. Производство переписи вот уже более года деятельно готовится правительством. Для общего руководства этим грандиозным государственным предприятием организована в С.-Петербурге особая переписная комиссия, под председательством Министра Внутренних Дел; в губерниях, областях, уездах и округах назначены свои комиссии, в состав которых входят представители администрации, городских и земских учреждений и *духовенства*. Уезды и города разделены на переписные участки, заключающие в себе примерно до 400 домов крестьянских, или до 2000 жителей, в городах до 150 квартир, или до 750 жителей. Саму перепись будут вести счётчики. В состав последних правительством, с разрешения Св. Синода, приглашены *священно-церковно-служители и учителя церковных школ*. Счётчики снабжаются переписными листами разных форм и подробными инструкциями, и указаниями о заполнении каждой графы.

Какие богатые материалы для правительственных целей и всестороннего вообще изучения народной жизни обещает дать перепись, показывает уже один перечень вопросов, на которые

должны собрать счётчики точные ответы⁴³¹. Статистические материалы, добытые переписью, затем подлежат всесторонней разработке в особом комитете.

II.

Не касаясь всех других, подлежащих исследованию переписи вопросов, наш миссионерский орган считает не бесполезным остановить внимание кого следует на 11 вопросе – *о вероисповедании* и высказать свои соображения прежде всего о тех затруднениях, с какими могут встретиться «счётчики» при исследовании вероисповедного вопроса в раскольничьей и сектантской среде, а также и о том важном значении, какое могли бы иметь для сектоведения и миссионерства правильно установленные здесь переписные сведения. Орган Св. Синода – «Церковные Ведомости» (№ 42) не без основания предполагает возможность, – по необычайности дела и недостаточной ясности для массы простого народа тех высших соображений, по которым предпринимается *всеобщая* и притом *однодневная* перепись, появления среди тёмных людей неосновательных толков и слухов о целях переписи и опасений в народе неблагоприятных якобы для себя последствий, вследствие чего могут быть уклонения от переписи, сообщения заведомо неверных сведений, наприм., о хозяйственной правоспособности и проч. В виду этого почтенный журнал рекомендует духовенству подготовить православное сельское население к переписи, выяснив, путём вне-богослужебных собеседований, истинные цели переписи и ту действительную пользу для государственной жизни и в частности для народа, какую должны принести верные сведения по народоисчислению. Но если нужно предостерегать от кривотолков, вредных для хода переписи, православное население, то тем паче раскольничью и сектантскую среду, так что дело переписи должно бы составить особую заботу для миссии, тему для миссионерских и пастырских бесед с отпадшими. Необходимо и этой среде выяснить, что перепись дело не грешное, а освящённое повелением и Самого Господа, и библейскими примерами, что от переписи ни один верный сын отечества и Царя не должен уклоняться, так как она направлена ко благу

населения и будет произведена по Высочайшему повелению Государя Императора, что делается она только для того, чтобы правительство знало точный счёт и состав населения и что предстоящая всеобщая перепись населения совсем не то, что были прежние ревизии, когда раскольников считали для взимания с них особого налога и как плательщиков подушной подати, которая для податного сословия теперь навсегда отменена; а вместе с тем и то, что от всеобщей переписи не следует ожидать ни новых каких-либо налогов, или повинностей, ни каких-либо новых льгот; что для пользы государства нужно, чтобы каждый сообщал о себе и своих домашних самые точные и верные сведения. Словом, что из-за переписи никому никакой неприятности, или ответственности не будет, а будет только польза, когда правительству придётся помочь населению в той или другой нужде; а потому уклоняться или скрываться от переписи, как ранее любили это делать раскольники, нет ныне никакого основания и вообще неразумно и преступно.

При производстве настоящей переписи нельзя упускать из виду и не считаться с исторически сложившимися в этом отношении воззрениями и нравами раскольниковой среды, впитавшей в свою плоть и кровь принцип всяческого уклонения от точной регистрации. Начало такой обособленности и уклонения от всяких связей с общенародной жизнью положено ещё со времени первого сурового закона царевны Софии 1684 г., коим решительно воспрещалось содержание раскола, – упорных, после троекратного увещания повелевалось жечь на костре, а раскаявшихся ссылать в монастыри, менее же виновных наказывать кнутом или ссылать. Разбежались тогда по лесам и дебрям и за границу упорные фанатики, прожили столетия своей замкнутой жизнью, всякий раз враждебно и подозрительно относясь ко всем ревизиям, правительственным предприятиям, клонившимся к установлению точной регистрации последователей раскола. Петровские налоги на бороды и длинные кафтаны и двойные оклады дали новый повод ненавистного отношения к «раскольниковым спискам». Вместе с тем в расколе выработались и дикие религиозные

воззрения, по которым всякая правительственная регистрация, исчисление раскола, метрики – дело *антихристово*. Таких крайних воззрений со всей прямолинейностью и доселе держатся последователи толка «бегунов». Бегуны учат, что антихрист царствует на земле чувственно, в лице царствующих императоров, а печатью его служит повиновение гражданской власти и исполнение общественных обязанностей, в том числе записывание в ревизии, уплата повинностей и выдача паспортов. Жить в обществе, нести государственные повинности, подчиняться требованиям гражданского общежития, по мнению бегунов, значит быть пленённым в область антихриста, а потому их догмат – вечно бродяжничать из одного места в другое; можно наперёд сказать, что эти фанатики отнесутся и к нынешней переписи, как и к прежним ревизиям. Они скорее предпочтут забиться в непроницаемые тайники своих пристанодержателей или в леса, чем позволят счётчикам внести себя в переписной лист. Да и весь раскол вообще, особенно же беспоповщина и так называемые бракоборные толки, отрицающие семейные начала, далеко не приучены к ведению верной и точной регистрации, несмотря на давно Высочайше дарованное им (1874 г.) право ведения полицейских метрических записей, служащих актами рождения и состояния отпавших от Церкви.

На 2-м миссионерском съезде было установлено сведение о злоупотреблениях в ведении этих актов и в частности о систематическом уклонении беспоповцев бракоборцев от записей в метрики своих детей, при единокровном сожитии с «покойщицами» и «стряпухами»; так бракоборные беспоповцы называют своих супружниц или сожительниц, – дети обыкновенно отдаются на воспитание родственникам, где и записываются за сыновей, что способствует обходу закона и уклонению от воинской повинности. У беспоповца бракоборца редкость встретить сыновей, из которых один служит в рядах войск. В поповщинском расколе тоже свои согласия, которые к метрическим записям относятся с предубеждением, как к греховному новшеству. Вследствие всего этого статистика о движении раскольничьего населения всегда хромала на обе

ноги и доселе не может считаться соответствующей действительности. Поэтому настоящая перепись и имеет своё особо важное значение в точном исчислении раскольничьего населения империи; конечно, нынешние раскольники далеко не те изуверы и дикари, которыми они были сто лет тому назад, когда скрывались «на горах и в лесах» Печерского. Но будет фальшивым оптимизмом представлять, чтобы эта среда ныне была чужда указанных выше предубеждений относительно переписи. Раз люди исторически привыкли лгать и обманывать в этом деле правительство, то с теми же явлениями должна встретиться здесь и предстоящая перепись. Среди раскольников много обитателей таких дебрей, куда будет нелегко проникнуть счётчикам и добраться там истины. Года три назад мы воочию убедились в этом, когда нам пришлось по делам службы в Черниговском Стародубке обследовать эти лесные дебри, именуемые скитками с сотнями обитающих в них скитниц. Сюда нельзя было иначе проникнуть, как через тын и забор; причём «скитницы», увидав человека, поскакали как дикие козы – кто на чердак, кто в подвал, а кто прямо в чащу леса, оставив на месте одних немощных калек.

Другая трудность, с которой должны встретиться счётчики – это техническая терминология или наименование толков, как раскольничьих, так и сектантских, – которых, к сожалению, насчитывается множество: «наставление сельским и городским счётчикам» дало по вопросу 11 о вероисповедании только общие руководящие указания и никаких частных и более определённых.

В инструкции сказано о § 11: «сюда вписываются, кто какой веры, причём для сокращения можно отмечать православную «прав.», единоверческую «единовер.» Лица русского происхождения, не считающие себя православными, должны быть обозначены тем *толком или исповеданием*, к какому сами себя причисляют» (стр. 23). Вот и всё наставление, относящееся к вопросу о расколе и сектах. Ниже относительно исповедания единоверцев идёт довольно подробное, – хотя и здесь нужны добавления и поправки, перечисление существующих в России христианских инославных исповеданий

и сект и иноверия, с указанием как сокращённо отмечать последние. Нельзя не пожалеть, что в наставлении не сделано такого же перечисления хотя бы главнейших раскольничьих и сектантских толков с целью ознакомления счётчиков «с терминологией», принятой у самих же раскольников и в науке сектоведения.

Основной руководящий принцип указан наставлением совершенно верный: *обозначать тем толком, каким сами себя признают*. счётчики отнюдь не должны «сочинять» веру того или другого опрашиваемого, но записывать её точно со слов самого раскольника, сектанта. Это в известной степени гарантирует будущие материалы от «сочинительства» счётчиков и служит ручательством, что духовное ведомство сектоведения будет иметь дело с материалом сырым, но несомненно чистым, жизненным, не фальсифицированным. Но беда в том, что сами-то раскольники и сектанты в своём подавляющем большинстве не сумеют назвать своей веры и на вопрос о ней счётчика ответят в большинстве, что: я веры «бугровой», а я «Феклиной» – т. е. обозначают по уважаемому главарию согласия или по владельцу моленной, по покровителю и основателю скита. Но ведь такое определение ничего общего не имеет с истинными задачами переписи по данному вопросу. У сектантов рационалистического и мистического направления есть своя условная терминология, которая может неосведомлённому счётчику показаться странной и бестолковой и он, чтобы не отнесено было это на счёт собственной его бестолковости, легко напишет не то, что ему скажет опрашиваемый, и выйдет вера сочинённая. Одни из сектантов назовут себя «верующими», другие «истинными христианами» (духовная штунда), третьи «духовными» (молоканы), «евангеликами» или «баптистами» (штундо-баптисты), «людьми Божиими» (хлысты, скопцы и «монтаны»). Мы уверены, что по результатам предстоящей переписи окажется в России слишком мало *штундистов*, между тем их, к несчастью, весьма немало, и это потому, что *штундисты* себя не любят называть этим именем, и наоборот, множество окажется «баптистов», так как этот термин в последние годы стал излюбленным и

господствующим. Таким образом графа о вероисповедании в сущности является самою трудной для заполнения, а вместе с тем и никак не менее важной, чем всякая другая; но этот сложный вопрос оставлен без надлежащего уяснения для производящих перепись и даже больше того: в изложенном наставлении допущена неточность и неполнота, какова, наприм., «единоверческая вера»; опрашиваемый единоверец скажет о себе, что он старообрядец «благословенной церкви» или православный старообрядец и редко – единоверец. В перечне инославных исповеданий и иноверных сект упущено «кальвинство» и среди немецких колоний «баптисты». Важность материалов по исследованию вероисповедного вопроса для интересов Церкви и государства русского слишком очевидна, чтобы об этом много говорить, а потому очень будет жаль, если при настоящем столь благоприятном чрезвычайном событии, какова всенародная перепись, не будет сделано обстоятельного статистического исследования вероисповедного вопроса в России, в обширном смысле этого слова, которого вправе ждать и наука сектоведения и миссия. Интересами православия, как основы и зиждущей государственной силы, требуется установление точных сведений о силе и численности противников господствующей Церкви, а, следовательно, и отечества, в лице разного рода отщепенцев, с которыми миссии Церкви приходится вести духовную борьбу.

Особое значение вероисповедные сведения всеобщей переписи в нашем расколе и сектах имеют ещё и в том отношении, что у нас, не смотря на вековую историю раскола и сект, нет точных статистических данных о количестве последователей как всего вообще раскола, так и отдельных его толков, а равно и сектантства, по причинам вышеуказанным. Вследствие чего возможны произволы и ошибки во взглядах и суждениях общества и прессы, в заключениях науки, в действиях миссии и в решениях правительственной власти. Известно, что сами раскольники, а за ними и расколо-филы преувеличивают число своих последователей до 10–11 миллионов в расчёте на то, чтобы в своих притязаниях на права воздействовать на правительство силой количественной.

Оппонентам их естественна склонность уменьшать число до минимума, а верных сведений всё-таки нет. Заграничные друзья штунды считают их в России миллионами: так, наприм., в одном бранном по адресу православия немецком плагиате мы встретили, что будто бы в одной Киевской губернии штундистов 200 т., а здесь и православных столько нет и опять-таки строго точных сведений о том, сколько вообще последователей этой секты, нет ни у Церкви, ни у государства. Повторяем, что для успехов миссионерства и сектоведения получить от переписи точно установленные сведения безусловно важно и потерять этот момент, значить затормозить успешный ход дела ещё на долго. Чтобы вести с верным успехом войну, нужно знать силы врага и его диспозицию. Особенный интерес представляет для науки сектоведения исследование состояния его толков. Как известно, со времени закона 1883 года толки поповщины возрастают в числе, на счёт поглощения беспоповщины и беглопоповщины. Баптизм поглощает молоканство и хлыстовщину, и перепись в этом могла бы дать ценные указания. Но для этого нужно, чтобы счётчики правильно задавали вопросы и верно поняли, и внесли в графу ответы. Что в свою очередь требует подробного (циркулярно) дополнительного разъяснения (если ещё не поздно) счётчикам терминологии в названиях основных раскольничьих и сектантских толков, так наприм., *старообрядец* будет родовое понятие, разделяющееся на православных «единоверцев», поповщину (т. е. признающих священство), беспоповщину (обходящиеся без попов). Поповщина подразделяется: на беглопоповство и австрийское священство. Последнее – на окружников и противо-окружников. В беспоповщине надо различать основные толки: поморцы, федосеевцы, филипповцы, странники, спасово согласие. Все эти термины можно с удобством сократить в заполнении инициалами.

В толках сектантства легче разобраться счётчикам, так как и религиозные понятия и язык сектантов более определительны и разветвления сект на толки не так дробны, особенно это нужно сказать о старых сектах. В рационалистическом сектантстве счётчики встретятся с «молоканством», «духоборством»,

последователи которых твёрдо знают свой термин; затем пойдут молокане «донского толка», «тамбовского», «евангелики» и др. Нетвёрдость и шаткость в ответах о своём исповедании счётчики встретят в новейшем сектантстве, напр., пашковцы, штунда, толстовцы никогда не назовут себя собственным своим именем, а будут говорить аллегорически, что они «истинные христиане», «духовные», «верующие по евангелию» и иногда «баптисты». Тут важно бы счётчикам подставить один вопрос: перекрещён ли именуемый себя упомянутыми тёмными терминами, – тот или другой ответ для сектантства важен, он ясно будет свидетельствовать, что здесь имеет дело с штундо-баптистом; если верующий по евангелию – заявит, что он не перекрещенец или духовный, то значит он «пашковец» или «штунда духовная». Последователи сект мистических или тайных не будут называть себя собственным именем, даже явные скопцы и опознанные хлысты назовутся, что они православные; в этом отношении сектоведению от переписи ждать ничего нельзя, более завзятые из хлыстов назовут себя «людьми Божиими» и только. В виду указанных трудностей, с какими встретятся счётчики в раскольничьей и сектантской среде, для успеха переписи здесь необходимо, чтобы заведующие назначались из людей более образованных, лучше бы всего – из церковнослужителей и учителей, как близко соприкасающихся с этим миром. К сведению последних мы и считали долгом высказаться о том, чего вправе ждать сектоведение и миссионерство от предстоящей переписи; тем более, что духовенство призвано к участию в этом великом государственном деле.

Многим пастырям придётся руководить счётчиками в качестве заведующих участками; вот здесь-то священники и могут дать соответственные указания счётчикам и затем, так как по положению листы должны быть запасены заранее до дня переписи и будут просматриваться участковыми, то графа о вероисповедании должна быть не менее тщательно проверена, чем прочие, и должны быть сделаны нужные в ней исправления и дополнения. К разработке же самого материала по 11 графе необходимо, в интересах правильности выводов, призвать

людей сведущих, которые, очевидно, отсутствовали при составлении «наставления».

В. Скворцов

**Добротин Г.Н. Закон и свобода совести в
отношении к лжеучению и расколу ⁴³² //**
**Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 409–
425**

Глава 6-я.

Содержание: Нормы русского уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников. Различение и разделение еретиков и раскольников перед лицом уголовного законодательства по степени их вредности на три разряда и соответствующие той и другой степени ограничительные и карательные меры.

Высказав общее суждение о тех отношениях, в которых должно стоять наше русское государство к еретикам и раскольникам, мы должны теперь изложить сами нормы уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников. Прямой смысл, как статей уложения, так и статей заключающихся в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений, ясно указывает, что законодательство наше, различая ереси и расколы по степени их вреда, устанавливает на этом основании и уголовную ответственность сектаторов, которые с этой точки зрения могут быть распределены на три разряда: 1) на секты, повреждающие веру, но менее вредные в гражданском отношении (Улож. о нак., ст. 196); 2) на секты особенно вредные, как в отношении к охранению веры, так и в гражданском отношении (ст. 197), и на секты, соединённые с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других, или же с противо-нравственными гнусными действиями⁴³³ (ст. 203). Раскольники первого разряда, на общем основании о терпимости раскола, не преследуются за мнение их о вере⁴³⁴. Раскольникам дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по их обрядам, как в частных домах, так равно и в особо предназначенных для сего зданиях, с тем лишь непременно условием, чтобы при этом не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка⁴³⁵.

Независимо от сего, относительно часовен и других молитвенных зданий соблюдаются следующие правила: 1) раскольникам предоставляется исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в ветхость, с тем, чтобы общий наружный вид исправляемого или возобновляемого строения не был изменяем. На производство упомянутых работ, предварительно приступа к ним, испрашивается каждый раз разрешение губернатора или начальника области. В случае необходимости такой перестройки молитвенного здания, вследствие которой общий наружный её вид должен подвергнуться изменению, соблюдается порядок, указанный в пункте 3-м сей (48) статьи⁴³⁶. 2) Распечатывание молитвенных зданий раскольников допускается с особого разрешения Министра Внутренних Дел и с тем условием, чтобы распечатывание производилось без всякого торжества, причём о каждом случае этого рода Министр входит предварительно в сношение с Обер-Прокурором Святейшего Синода и делает подлежащие относительно раскольников распоряжения, сообразуясь как с местными условиями и обстоятельствами, так равно и с нравственным характером учения и другими свойствами каждой секты⁴³⁷. Распечатывание раскольничьих монастырей и скитов не допускается⁴³⁸. 3) В тех местностях, где значительное население раскольников не имеет ни часовни, ни других молитвенных зданий, дозволяется, с разрешения Министра Внутренних Дел, обращать для общественного богослужения существующие строения. При этом наблюдается, чтобы обращаемому для сего строению не был придаваем вид православного храма и чтобы при нём не имелось наружных колоколов. Наддверные кресты и иконы над входом в часовню, или другое какое молитвенное здание, ставить не возбраняется⁴³⁹. Виновные-же: 1) в исправлении или возобновлении приходящего в ветхость раскольничьего молитвенного здания без разрешения губернатора или начальника области; 2) в перестройке раскольничьего молитвенного здания, изменяющей его общий наружный вид, без разрешения на такую постройку Министра Внутренних Дел;

3) в построении нового раскольнического молитвенного здания или обращении в таковое, без разрешения Министра Внутренних Дел, существующего строения, – приговариваются: к заключению в тюрьме на время от 4 до 8 месяцев. Построенное новое молитвенное здание, а также всё, устроенное без надлежащего разрешения или несогласно с оным, подвергается ломке или исправлению на счёт виновных⁴⁴⁰. Раскольники могут иметь уставщиков, наставников, вообще, лиц, исполняющих духовные требы. Раскольнические требоисполнители не подвергаются за сие преследованию, за исключением тех случаев, когда они окажутся виновными в распространении своих заблуждений между православными или в иных преступных деяниях⁴⁴¹. За означенными лицами не признаётся духовного сана или звания, причём они считаются в отношении к правам состояния принадлежащими к тем сословиям, в которых состоят⁴⁴². В отношении к правоспособности раскольников, вообще, установлено следующее: раскольники получили возможность заключать браки, с точки зрения гражданской законные, признаваемые государством, со всеми законными последствиями, вытекающими из браков для жены и для детей, с тех пор, как полиция обязана стала вести метрические книги о рождении, браке и смерти раскольников, по правилам, изложенным в законе о состояниях⁴⁴³. В прежнее время положение раскольников в этом отношении было чрезвычайно тяжело: они не пользовались семейственным правом, браки их не признавались законными, потому что, с точки зрения церковной, брак есть таинство, совершаемое православной Церковью, к которой не принадлежат раскольники; дети их считались незаконорожденными⁴⁴⁴. Раскольникам дозволено производить торговлю и промыслы на общих основаниях⁴⁴⁵, с ограничением выдачи паспортов для скопцов⁴⁴⁶ и с требованием специального разрешения Министра Внутренних Дел на вступление в иконописные цехи⁴⁴⁷; затем, на общих же основаниях дозволено занимать общественные должности, но с тем, чтобы, в случае утверждения в должности волостного старшины раскольника, помощник его был православным⁴⁴⁸. Последователям раскола

воспрещается публичное оказательство оно́го, которым признаются: 1) крестные ходы и публичные процессии в церковных облачениях; 2) публичное ношение икон, за исключением случая, предусмотренного в пункте I, ст. 49; 3) употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий церковного облачения и монашеского или священнослужительского одеяний и 4) раскольническое пение на улице и площадях⁴⁴⁹. Исключение из этого общего правила сделано для случаев погребения умерших; при погребении допускается: 1) предношение иконы сопровождаемому на кладбище покойнику, и 2) творение на кладбище молитвы по принятым у раскольников обрядам, с пением, но без употребления церковных облачений⁴⁵⁰. Раскольникам запрещается совращать и склонять кого-либо в раскол свой, под каким бы то видом ни было, чинить какие-либо дерзости против православной Церкви или против её священнослужителей и вообще уклоняться почему-либо от соблюдения общих правил благоустройства законами определённых⁴⁵¹. Кто в проповеди или в сочинении будет усиливаться привлекать и совращать православных в еретическую секту или раскольнический толк, тот за это преступление подвергается, смотря по тому, в который раз это предпринято, более или менее строгому исправительному наказанию: в первый раз лишению некоторых, на основании ст. 50 Уложения, особенных прав и преимуществ и заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырёх месяцев; а во второй – заключению в крепости на время от двух лет и восьми месяцев до четырёх лет, также с лишением некоторых, по статье 50-й, особенных прав и преимуществ⁴⁵²; в третий же раз, он присуждается к лишению всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию присвоенных, и ссылке на житье в Сибирь или к отдаче в исправительные арестантские отделения по четвёртой степени статьи 31 Уложения⁴⁵³. Те, которые будут заведомо и также с намерением совращать православных в другое вероучение, распространять такие проповеди и сочинения, **подвергаются**: заключению в тюрьме на время от четырёх до восьми месяцев⁴⁵⁴. На основании приведённой статьи Уложения,

подлежат преследованию только виновные в публичном проповедании раскола, когда ещё не последовало действительного совращения⁴⁵⁵. Раскольники, которые, по заблуждению фанатизма, осмелятся явно оскорблять православную Церковь или духовенство оной, подвергаются: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение: из Европейской России в Закавказье, из Ставропольской губернии и Закавказья в Сибирь, а из Сибири в отдалённые места оной⁴⁵⁶. Законом запрещается печатать и продавать раскольнические богослужебные книги; не дозволяется приобретать и продавать печатаемые в особо-учреждённой в Москве типографии богослужебные книги, сходные со старопечатными⁴⁵⁷. Раскольнические богослужебные книги, привозимые из-за границы, повелевается конфисковать и отсылать в Святейший Синод или в Московскую его контору⁴⁵⁸. О конфискации привозимых из-за границы старопечатных церковных книг и об отсылке их в назначенные места Св. Синодом было сделано следующее определение, получившее силу закона: «на основании Высочайше подтвержденного в 1801 году июня 2 доклада его, для издания книг, сходных со старопечатными, по коим отправляется ныне богослужения, не только в церквах, даваемых раскольникам, принёсшим истинное раскаяние, но и прочим, остающимся в сём звании и не имеющим таковых церквей, учредить только одну типографию, назначив пребывание её в Москве, на иждивении тамошней единоверческой церкви прихожан, так как они просили о сём и прежде. Типографии сей, относительно печатания в ней упоминаемых книг, быть под присмотром имеющих определиться от Синода членов, из которой получать книги за установленную цену могут и все старообрядцы; но дабы не могло последовать ей подрыва от издания таковых же книг в других существующих ныне типографиях, то все, именующиеся раскольническими, необходимо уничтожить, и печатание и продажу выше прописанных, относящихся к церковному служению книг, вообще запретить, да и сам ввоз из-за границы таковых книг оградить строжайшим запрещением и присмотром; в противном же случае, книги сии, конфискуя, истреблять и

виновных в том предавать суждению по законам. Государь Император указать соизволил: существующие при посаде Клинцовском и селении Махновке в Черниговской губернии старообрядческие типографии уничтожить, а вместо оных поставить одну такую типографию в Москве, на отчёте прихожан тамошней единоверческой церкви, руководствуясь в сём случае теми правилами, кои изложены в определении Св. Синода. Что же касается до привозимых из-за границы старопечатных книг, то оные, по отобрании от привозителей, конфисковать и, не подвергая истреблению, отсылать их для хранения в Московскую Синодальную Типографскую контору или в здешнюю типографию при Св. Синоде состоящую⁴⁵⁹. Изобличённые в издании старопечатных книг не в Московской Синодальной или единоверческой типографии, а равно в продаже и распространении каким-либо образом книг сего рода, подвергаются за сие: в первый раз денежному взысканию не свыше двухсот рублей; во второй раз – денежному взысканию не свыше четырёхсот рублей. Изобличённые в том более двух раз приговариваются: сверх денежного, положенного за второй раз, взыскания, к заключению в тюрьме на время от двух до четырёх месяцев. Найденные у них книги отбираются и отсылаются к епархиальному начальству⁴⁶⁰. Законом запрещается раскольникам: заводить скиты и обители⁴⁶¹. За устройство раскольнических скитов или иных сего рода обиталищ, виновные приговариваются к исправительному наказанию, к заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырёх месяцев⁴⁶². Запрещается заводить или распространять между православными какие-либо ереси⁴⁶³. Нарушение этого закона влечёт за собой специальное уголовное наказание для виновных. Виновные как в распространении существующих уже между отпадшими от православной Церкви ересей и расколов, так и в заведении каких-либо новых, повреждающих веру, сект, подвергаются за сии преступления: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение: из Европейской России – в Закавказье, из Ставропольской губернии и Закавказья – в Сибирь, а из Сибири – в отдалённые оной места⁴⁶⁴.

Для применения статьи 196-й необходимо, чтобы распространение раскола сопровождалось обращением кого-либо в раскол⁴⁶⁵. Раскольник, дозволивший себе публично проповедовать своё лжеучение православным или склонять и привлекать их в свою ересь, когда сии действия не имели последствием отпадения кого-либо из православных в раскол, подвергается наказанию, определённым в статье 189 Уложения за привлечение православных проповедью или сочинением в еретическую секту или раскольнический толк⁴⁶⁶. Кто сведает о начальниках, учредителях и распространителях какой-либо ереси, тот обязан донести об этом местному начальству⁴⁶⁷. – Раскольники второго разряда также не преследуются за мнения их о вере и за совершение богослужения и других треб по своим обрядам, без публичного оказательства раскола, но сверх преследования их за поступки, воспрещённые всем раскольникам вообще⁴⁶⁸, они подвергаются специальному уголовному наказанию не только за совершившееся распространение своей ереси, но и за совращение в оную других, т. е. и за склонение кого-либо в свою ересь⁴⁶⁹, причём даже самое первое действие, состоящее в публичном проповедовании православным лжеучения, подвергает такого раскольника ответственности за распространение раскола⁴⁷⁰. К таким особенно вредным сектам наш закон относит: иудействующих (они же субботники или жидовствующие), которые не признают пришествия в мир Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, отрицают Новый Завет, празднуют субботу и допускают другие обряды еврейской религии; – духоборцев, молокан и штундистов, которые не признают никаких таинств и никакой Богопоставленной власти, в учении коих заключаются задатки противообщественных стремлений⁴⁷¹; хлыстов, шалопутов и другие отрасли хлыстовщины, которые проповедуют перевоплощение, признают человекообожание, и отвергают брак; самокрещенцев, признающих царствование антихриста в лице предержащей власти; странников, иначе сопелковцев, иначе бегунов, содержащих тоже учение об антихристе и возводящих в догмат бегство из общества во избежание подчинения антихристову

владычеству⁴⁷²; скопцов, допускающих наравне с хлыстами человекообожание и посягающих сверх того на оскотление себя и других (странники и скопцы могут быть отнесены ко второму разряду только в том случае, когда ими не совершено самого факта оскотления себя или других). Такие секты за распространение своей ереси и свращение в оную других подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в отдалённый край Восточной Сибири, с поручением их строжайшему надзору гражданского начальства⁴⁷³. Когда распространение ереси или раскола будет сопровождаться насилием или другими, увеличивающими вину обстоятельствами, то изблечённый в сём преступлении присуждается к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от двенадцати до пятнадцати лет⁴⁷⁴.

Раскольники третьего разряда, допускающие в исполнении обрядов своей ереси свирепое изуверство и фанатическое посягательство на жизнь свою или других, или же противонравственные гнусные действия, хотя и не изблечённые в распространении своего лжеучения, – преследуются за исполнение своих обрядов и подвергаются специальному уголовному наказанию для раскольников. К этому разряду раскольников отнесены и те из последователей скопческой ереси, которые оскотили себя или других. Все таковые подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке: из Европейской России – в Закавказье, из Северного Кавказа и Закавказья – в Сибирь, а из Сибири – в отдалёнейшие её места для водворения особо от других поселенцев и старожилов. Скопцы-же, по лишению всех прав состояния, отправляются из всех мест в отдалённый край Восточной Сибири, с поручением их строгому надзору тамошнего гражданского начальства. В случае, когда по побуждению сего фанатизма учинено смертоубийство или покушение на убийство, – они подвергаются: наказаниям, определённым за убийство с обдуманым, заранее намерением, в статье 1454 Уложения, или за покушение на оное, на основании правил, постановленных выше сего, в статьях 114 и 115⁴⁷⁵. На

основании 203 статьи очевидно, что в сектах особенно вредных те из последователей, которые изобличены в соединённых с изуверством или в гнусных и безнравственных действиях, за немногими исключениями, подлежат уголовному преследованию не за эти действия в особенности, а за доказываемую этими действиями *принадлежность* обвинённых к означенным сектам⁴⁷⁶. Согласно с 90 и 91 ст. XIV т. Уст. о пред. и пресеч. прест. (изд. 1857 г.), к последователям ересей, соединённых с противо-нравственными и гнусными действиями, относятся не все последователи скопческой ереси, а только оскотившие себя или других⁴⁷⁷. Таким образом, по тексту закона, не все принадлежащие к скопческой ереси могут быть отнесены к сектам, упоминаемым в 203 ст. и преследуемым за саму принадлежность к секте, без распространения её или соращения в неё других лиц, а только сектанты, оскотившие себя или других⁴⁷⁸. Но и по отношению к этим последним лицам должна быть применяема не 203 ст., а статья 201, как специально предусматривающая случаи этого рода⁴⁷⁹: за оскотление других по заблуждению фанатизма, хотя и без насилия, раскольники, виновные в том, приговариваются: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от четырёх до шести лет. За оскотление самого себя, изобличённый в этом подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдалённый край Восточной Сибири с поручением его строгому надзору тамошнего гражданского начальства⁴⁸⁰. Статья 201 преследует не факт отнятия детородных частей, который, отдельно взятый, является деянием вовсе не наказуемым, а оскотление вследствие религиозного фанатизма, возбуждённого скопческим учением⁴⁸¹. В оскотлении преследуются не только преступная цель, но и употребление безнравственных средств, которые сами по себе вредны для общества, страдающего не только от распространения между его членами физического и нравственного уродства, но и от всякого посягательства на семейный союз, составляющий существенную основу общежития⁴⁸²: «Государство, говорит д-р Лохвицкий, не может допустить организации обществ, употребляющих для

достижения своей цели средства, противные нравственности и общественному порядку, хотя бы такие общества и прикрывались религиозными побуждениями; в скопческой же ереси явно преобладает противообщественный элемент, а элемент религиозный представляет совершенное извращение не только православного исповедания, но и христианской веры вообще нелепыми баснословными учениями и вредными действиями»⁴⁸³. Говоря об ответственности за принадлежность к скопческой ереси, закон строже карает преступление оскопителя, как лица, причинившего вред другим, и менее строго наказывает человека, оскотившего самого себя и причинившего вред только самому себе. Собственно, наказание самооскопителей, по 201 ст. Улож., не входит в общую лестницу наказаний для ссылаемых в Сибирь преступников, а есть специальное уголовное наказание для скопцов. Место ссылки последних обозначается обыкновенно выражением: «отдалённейшие и менее отдалённые места Сибири, тогда как о первых сказано, что они отправляются в отдалённый край Восточной Сибири, с поручением их строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства»⁴⁸⁴. Не подлежит сомнению, что этот специальный вид наказания установлен с целью устранить, по возможности, лиц, впавших в заблуждение, от всякой возможности влиять на других и распространять таким образом ересь, признаваемую законом особенно вредной⁴⁸⁵. Конечно, с целью ограничить влияние скопческой ереси на других, законом воспрещается выдавать паспорта скопцам для отлучки *в другие места*⁴⁸⁶. В случае же выдачи скопцам разных видов и свидетельств, в них должен быть обозначен факт оскпления; если же оскпление не будет обозначено, то имеющий подобный вид скопец подвергается определённому за оскпление самого себя в 201 ст. взысканию⁴⁸⁷, т. е. преследуется, как вновь оскплённый⁴⁸⁸. Скопцам запрещается также принимать к себе вновь в семейство, под каким бы то ни было видом, чужих детей⁴⁸⁹. Равным образом хозяин-скопец, нанимающий работника, прислугу, сидельца или принимающий к себе в дом на житьё, под каким бы то предлогом ни было, постороннего человека или родственника, который окажется

оскоплён, между тем как сего в паспорте или виде его не оговорено, подвергается: определённому в 201 статье, за оскотление других, наказанию⁴⁹⁰. По буквальному тексту 202 ст. полагается наказание за сокрытие скопцом, что проживающее у него лицо оскотлено, но, судя по тому, что в этом случае виновный подвергается наказанию, определённому за оскотление других, надо предполагать, что законодатель думал, что оскотление живущих у скопца лиц всегда производится при его участии или пособии. Поэтому в случаях этого рода для того, чтобы оскотление проживающих не было вменено хозяевам, они должны представить точные доказательства, что о факте оскотления им не было известно⁴⁹¹. При определении наказания скопцам, не приемлется в оправдание, когда они при допросах показывать будут: 1) что они оскотлены неизвестными им людьми или теми, кои уже умерли; 2) что оскотление над ними произведено во время сна, или в младенческих летах, так что они не помнят, кем, когда и даже не чувствовали боли сей операции, или же насильственным образом; 3) что они лишились детородных членов или от ушиба, или от болезни, или от других, выдуманных, подобных сему, причин; 4) что они оскотлены, хотя и известными людьми и по собственному их произволению, но в недавнем времени⁴⁹². Оскопленный, который укажет перед судом и уличит своих оскотителей, признаётся невинно-оскопленным и освобождается от всякого преследования, уличённые же им совратители и оскотители подвергаются наказанию по законам⁴⁹³. Налагая более или менее суровые кары на раскольников, которые принадлежат к ересям, соединённым со свирепым изуверством, и фанатическим посягательством на жизнь свою или других или же с противо-нравственными, гнусными действиями, закон в то же время строго предписывает полиции всеми зависящими от неё мерами не допускать исполнения изуверных покушений со стороны этих раскольников⁴⁹⁴. Дела о преступлениях раскольников против веры богохулением, поруганием веры, распространением ересей и расколов и совращением в оные, оскорблением святыни. нарушением церковного благочиния и проч. производятся по общему порядку дел уголовных (ср. ст.

362), и приговоры по сим делам приводятся в исполнение на законном основании⁴⁹⁵. Если кто из раскольников обратится к православию во время производства суда, то, по надлежащем в том удостоверении местного духовного начальства, обратившихся возвратить в прежние их общества⁴⁹⁶. Из сосланных в Закавказье раскольников обратившиеся к православию, по возвращении оттуда во внутренние губернии, подвергаются, для утверждения их в православии, надлежащему надзору со стороны духовного начальства⁴⁹⁷. Губернаторы обязаны немедленно прекращать производство дел о проступках раскольников против православия, если подсудимые обратятся ко Святой Церкви и не воспользовались ещё прощением по силе статьи 545, в то же время они обязаны доносить о том Правительствующему Сенату на окончательное разрешение, с изъяснением: не заключается ли в сказанных делах таких обстоятельств, кои подлежат рассмотрению по общим законам. При объявлении разрешения, внушается освобождаемым, что, в случае нового уклонения их в раскол, они подвергнутся ответственности по ст. 204 Улож. о наказаниях⁴⁹⁸, гласящей: «если последователь ереси и раскола, обратившийся в православную веру и вследствие того, возвращённый из места ссылки, снова совратится в ересь или раскол, то он подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение безвозвратно в Закавказье или в отдалёнейшие места Сибири, на основании постановлений статьи 196 Уложения о наказан.»⁴⁹⁹. Вышеприведённое правило и наказание за его нарушение не распространяется на скопцов и виновных в оскотлении других⁵⁰⁰. Изыскивая все меры к искоренению ересей и расколов в Российской Империи, закон предписывает и пастырям Церкви принимать деятельное участие в борьбе его с ними. По требованию закона о состоянии раскола, где он есть, местные священники должны доносить епархиальному преосвященному, с описанием своих действий как по охранению православных в истинной вере, так и по вразумлению заблуждающих. Епархиальное начальство, руководствуясь церковными правилами и особыми государственными постановлениями, наставляет подчинённое

духовенство в сём важном предмете служения его и оказывает ему пособие сношением с гражданским начальством, обязанным, на основании предшедших статей, ограждать Церковь от оскорблений и не допускать заблуждающих к публичному оказательству раскола⁵⁰¹. Если бы кто из православных, паче чаяния, совратился в раскол или ересь, то законом предписывается духовенству наблюдать следующее: 1) местные приходские священники немедленно приступают к мерам наставления и увещания, которые, если бы не достигли своей цели, повторяются со стороны епархиального начальства через тех же священников или других церковных лиц. Но такие назидания и увещания производятся без отвращения совращённых от мест их жительства и от обыкновенных их трудов и занятий⁵⁰². При безуспешности таких мер, совратившийся вызывается, по сношению с гражданским начальством, и увещается в присутствии Духовного Правления или Консистории и, смотря по надобности, лично Архиереем. 2) Убедившийся обращается в общение Церкви и не подвергается никакой дальнейшей ответственности. 3) О преслушавшем Церковь и о совратителе, буде он известен, и, если, при всех убеждениях со стороны духовенства, не придёт в раскаяние с обращением к Церкви, сообщается гражданскому начальству. 4) Если замеченное совращение простирается на значительное число людей, или соединено с опасностью новых совращений, или же открывается новый раскол или секта, то об открывшемся доносится Св. Синоду⁵⁰³. Удостоверением в отступлении от православия должно признать: а) собственное сознание совратившегося и б) обнаруженное следствием совращение⁵⁰⁴. Попечение об охранении православия малолетних детей лица, совратившегося в раскол или ересь, возлагается на Министра Внутренних Дел, который в случае усмотренной им необходимости принятия в сём отношении мер, превышающих его власть, испрашивает на то Высочайшее Его Императорского Величества соизволение установленным порядком⁵⁰⁵. Вразумлённого в истинной вере и желающего от раскола присоединиться к православию, приходский священник присоединяет по правилам церковным, берет с него подписку о

пребывании в православии и записывает присоединение в метрическую книгу. В сомнительных случаях священник испрашивает от преосвященного разрешения предварительно присоединения⁵⁰⁶. О присоединённых в течение года к православной Церкви из раскола священник представляет Св. Синоду в форме № III; о случаях же более замечательных или о присоединении значительного числа людей доносит немедленно⁵⁰⁷. Равным образом о всех возвратившихся в православие раскольниках и сектантах, церковные причты, не делая о каждом (случае обращения) порознь особых донесений епархиальному преосвященному, должны представлять ему ведомость однажды в год, именно, в начале января следующего года, за подписью всего причта, совершавшего присоединение⁵⁰⁸... Правило это не распространяется на случаи замечательные, равно как на случаи присоединения вдруг значительного числа людей; в тех и других случаях церковные причты должны доносить преосвященному немедленно⁵⁰⁹. Духовное ведомство по закону имеет право духовного суда над еретиками и раскольниками. Именно, дела о преступлениях и проступках, за которые в законах уголовных полагается лишь церковное покаяние или отсылка виновного к духовному суду, подлежат исключительно сему суду⁵¹⁰, ибо в делах об отступлении от веры и постановлений Церкви обвиняемые подлежат суду лишь за такие действия, которые по уголовным законам подвергают или какому-либо наказанию, или ограничению в пользовании правами состояния⁵¹¹. Дела же о преступлениях и проступках, за которые в законах уголовных определено сверх церковного покаяния ещё другое наказание, решаются уголовным судом, приговор коего сообщается начальству, для предания осуждённого церковному покаянию⁵¹². Сведения о происшествиях, заключающих в себе признаки отступления от веры и постановлений Церкви, сообщаются в отношении православных – епархиальному начальству, а в отношении неправославных – их духовному начальству, по принадлежности⁵¹³. Предварительное следствие по делам о соращении из православия или отступлении от веры христианской начинается не иначе, как по требованию

духовного начальства⁵¹⁴. Буквальный смысл этой статьи показывает, что право возбуждения уголовного преследования по делам этого рода предоставлено исключительно власти духовной; только она может и должна разрешить в каждом случае, требует ли интерес Церкви уголовного преследования, совратившегося и совращаемого, несмотря на то, что факт совращения доказан, или же надлежит ограничиться мерами предупреждения и пресечения преступления. Что же касается светской власти, то обязанность её, на основании ст. 1005 судопроизводства по вышеназванным уголовным делам, состоит в сообщении духовному начальству сведений о происшествиях, в которых заключаются признаки отступления от веры, и затем до разрешения духовным начальством вопроса о том, следует ли возбуждать уголовное преследование или нет, – светская власть ограничивается лишь принятием указанных в XIV т. Свода Зак. мер пресечения и предупрежд. преступлений⁵¹⁵. Светская власть по своей инициативе, без участия духовного ведомства, может начать только следствие о распространении скопческой ереси, равно и о совратившихся в скопчество и другие ереси, соединённые со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других, либо с противо-нравственными гнусными действиями. По сим делам предварительное следствие начинается и без требования духовного начальства⁵¹⁶. Когда духовное начальство требует предварительного следствия о совращении из православия или отступления от веры христианской, судебный следователь не вправе отказаться от его производства⁵¹⁷.

Ивановский Н.И. Секта немоляк в Нижегородском расколе // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 425–428

Имя немоляк известно по незначительным заметкам, случайно появлявшимся в журналах и газетах. Но по этим сообщениям трудно было сказать, что это за секта – старообрядческого ли характера, или молоканского; можно было бы думать, что это – одна из отраслей «спасова согласия», можно было предполагать и молоканский характер. В настоящее время в Нижегородских Епархиальных Ведомостях помещён отчёт по Братству св. Креста за 1895 год, в котором сообщаются любопытные сведения о немоляках, находящихся в Семёновском уезде. Семеновский уезд, как известно, представляет один из центров старообрядческого раскола; в нём находились известные в истории Керженские скиты. В настоящее время в нём живут по преимуществу поповцы и отчасти последователи «спасова согласия», а также поморцы. И теперь известны скиты поповщинского толка: Комаровский, Шарпанский, Оленевский. Каким путём на почве раскольнически-старообрядческой появилась такая секта, как немоляки, привилась ли она к старообрядческому расколу и из него выродилась, как реакция обрядоверию, – что в последнее время стало замечаться и в других местах⁵¹⁸, – или она образовалась, как явление, занесённое со стороны, и развивается более в среде православных, чем раскольников, – из отчёта, к сожалению, не видно (Нижег. Епарх. Вед. № 13). Ясно пока одно, что это – секта чисто рационалистического характера. Немоляки в своей жизни руководятся только Библией; никакого другого писания они не принимают. В своём учении они проповедуют религию чисто духовную, так как *Бог есть Дух, а Дух плоти и кости не иматъ (Лк.24:39). Вышний не в рукотворенных храмах живет (Деян.7:48)*. Посему Писание говорит: *не сотворите себе образов рукотворенных (Лев.26:1)*. На этом немоляки основывают отвержение почитания икон и храмов. Всё это очень напоминает молокан.

Но есть и нечто своеобразное, далеко отличное от молоканства. По мнению немоляк, вся Библия написана Святым Духом единовременно, под разными именами. Толковать её способны только они – немоляки, как люди, просвещённые Тем же Духом Святым. Это с молоканством уже не мирится. Мысль о единовременном написании Библии совершенно оригинальна, а мысль о способности толковать её людям, «просвещённым Духом» – чисто духоборческая. Затем, одни из немоляк библейские сказания принимают буквально, другие же – иносказательно, или, как они выражаются, «возводно», т. е. библейские сказания, даже исторического содержания, считают притчами. Выражение «возводно» – раскольническое, беспоповщинское; признание же исторических библейских сказаний за притчи есть учение духоборцев.

Духоборцев напоминает и догматическое учение немоляк. О Сыне Божиим они высказываются так: Бог Отец – ветхий завет, Бог Сын – новый завет, а Бог Дух Святой – Апокалипсис. В частности: «Сын Божий – Слово Божие. Это Слово в ветхом завете открывается под именем манны. Манна есть слово, исходящее из уст Божиих (Втор.8:3). Манна – духовная пища, учение. Апостол говорит: и все ели одну духовную пищу, и все пили одно и тоже питье, ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос (1Кор.10:3–4). Но последнее выражение «Христос», иначе: «Сын Божий», «Слово Божие» означает не воплотившегося Спасителя мира, а нечто духовное, иносказательное или приточное. Немоляки отвергают воплощение Сына Божия, Его рождение от Пресвятой Девы Марии, также всю земную Его жизнь, смерть, погребение и воскресение; всё это они понимают иносказательно. Относительно себя самих, как просвещённых Духом людей, они говорят: кто живёт по духу, а не по плоти, тот не имеет нужды ни в чём плотском; он молится духом; его жертва – дух сокрушен; он – нова тварь; он – Церковь: *вы есте Церкви Бога жива*, говорит апостол (2Кор.6:16). Всякое внешнее богослужение немоляки отвергают, таинств не признают, в воскресение мёртвых не верят. По их толкованию, мёртвые – кто грешит, а кто оставит грех, тот оживает. Умершие воскреснут, когда

услышат глас Сына Божия, т. е. когда услышат Евангельское учение, оживут и изыдут из гробов, т. е. оставят греховную жизнь.

Вся эта догматика всецело – духовоборческая. Если и есть некоторая разница между учением духовборцев и учением немояк, то разница эта совершенно ничтожная и касается несущественных частных; наприм., о Троице духовборцы рассуждают несколько иначе, отыскивая оную в мире (Бог Отец – свет, Сын Божий – живот, Дух Святой – покой), в человеке (Отец – память, Сын – разум, Дух Святой – воля), и частью в истории с указанием на ветхий и новый заветы, но без упоминания Апокалипсиса⁵¹⁹.

Правда, не все немояки приемлют иносказания; есть и такая партия, которая понимает библейские сказания буквально и держится взглядов, обычных раскольникам-беспоповцам. К сожалению, эта партия совершенно не образована. Можно только логически предполагать, что раз евангельские сказания понимаются ею буквально, многое из вышеприведённого учения должно быть оставлено и духовоборческий характер сгладится. Посему было бы весьма важно и в научном и в практическом отношении, если бы лица, непосредственно знакомые с немояками, о второй, менее резкой партии немояк, сообщили, каких взглядов держится эта партия, именно: а) как смотрит она на происхождение Библии, признаёт ли за источник истины предание Церкви и уважает ли какие либо вещи, помимо св. Писания; б) как учит о лице Господа Иисуса Христа и совершенном Им деле искупления, признаёт ли Его воскресение из мёртвых; в) верует ли в воскресение мёртвых и будущую жизнь; г) последователи этой партии совершают ли какие-либо богослужения и, наконец, д) каких именно раскольнических, беспоповщинских понятий они держатся и, в частности, придерживаются ли старообрядчества. Кроме того, чувствуется пробел в решении вопроса относительно происхождения секты немояк, а также относительно определения социального характера той и другой партии. В отчёте есть на это некоторые отрывочные указания. «Один из распространителей секты, крестьянин Костромской губернии

Алексей Ларионов, по засвидетельствованию приходского священника, исполняя евангельское учение: *аще хочеши совершен быти, продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф.19:21), продал всё своё имущество и роздал нищим и отличался строгостью в отношении пищи. Другие пропагандисты, отличаясь зажиточностью, вели строгую жизнь в расколе (?), молились усердно, жили воздержно и даже с маслом не ели». Сведения эти не вполне определённые и их далеко недостаточно для определения социального характера сектантов; важно особенно то, на сколько пример пропагандистов секты повлиял на массу и следуют ли этому рядовые сектанты. Мы обращаем внимание на эту сторону по тому соображению, что усматриваем у описанных сектантов признаки духоборческого учения, а духоборчество, как известно, далеко не чуждо противообщественных тенденций. Зло необходимо захватывать в начале.

Лишь после разрешения поставленных вопросов получится возможность сделать более определённое заключение о секте немояк и указать мероприятия к ослаблению оной.

Н. Ивановский

Капралов Е., свящ. Очерки вероучения северно-кавказских шалопутов (окончание⁵²⁰) //
Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 428–437

2. О сыне Божием

Идея о перевоплощении Христа служит краеугольным камнем шалопутской догматики. В этом случае наши шалопуты повторяют целиком учение своих первых наставников, российских хлыстов⁵²¹. Как у тех, и у наших шалопутов живой Бог-Христос, вечно пребывающий во плоти на земле среди своих овец – главнейший предмет веры, господствующая тема всех почти распевцев и излюбленный материал для бесед и в тесном кругу своей братии и – с православными. Если не каждый шалопут укажет основания от разума и Писания для признания действительного существования на земле живого Христа, то все они твёрдо и необинуясь скажут (и говорят), что, если нет теперь с людьми Христа, то и истинной веры на земле нет. Что же касается лиц, стоящих на страже шалопутской веры и ведающих правильную защиту её, то у них христология развита достаточно определённо, даже с претензией сообщить ей характер некоторой системы. Разумеется, система эта наивна и не поражает глубокомыслием, но для неглубоких умов рядовых шалопутов в этом её и привлекательность.

Сходясь с российскими хлыстами в общей мысли о перевоплощениях Христа, наши шалопуты в подробности и в обоснование этой мысли внесли нечто и оригинальное.

Классическим местом Писания, на котором наши шалопуты утверждают своё учение о вечном пребывании Христа во плоти на земле, служат слова ап. Иоанна Богослова: *всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть дух антихриста (1Ин.4:2–3)*. Этот текст знают решительно все шалопуты – даже безграмотные – и с успехом пользуются им в беседах с православными, причём читается он шалопутами не полностью,

а с опущением слова «пришедшего» и с прибавкой слова «на земли». В таком изменении текст этот присутствует во всяком шалопутском рассуждении о Христе. Развивая мысль этого текста в своей редакции, в связи с «кривым» учением православной Церкви об И. Христе, шалопуты учат: «Христос Спаситель мира попан (?) ногами, нужно искать *живого Бога*»⁵²². Напрасно «мирские» исповедуют и чтут Христа, распятого на кресте при Пилате. Это значит чтить и поклоняться бездушному праху⁵²³. Думают, что Христос вознёсся с плотью на небо. Это грубое заблуждение. Христос во Иерусалиме был убит, тело Его схоронено там и до днесь лежит в земле. «Ваш Христос, спрашивал закавказских молокан «батенька» наших шалопутов, Катасонов, с плотью вознёсся на небо?» «С плотью», отвечали ему. «Какое безумие! возразил он. Если он с плотью вознёсся на небо, то как же он будет жить там? Ведь Ему надо кормиться, а где же он там будет пахать, сеять?»⁵²⁴. Истинное учение о Христе, говорят шалопуты, таково: «Христос вчера и днесь и во веки тот-же». Дух Христа живёт всегда на земле и всегда в одном виде, т. е. в плоти человеческой⁵²⁵». Как это происходит – объяснено у евангелиста Матфея. В начале Евангелия Матфея сказано: «„родословие“ Иисуса Христа» ... Из этих слов и нужно почерпать учение о природе и явлениях Христа. Христос есть воплотившееся слово, рождающееся слово. (Отсюда *родословие*). Это слово, как сказано у еван. Иоанна, было искони у Бога. А потом оно начало переходить по плотям человеческим. Много оно прошло плотей: Авраам, напр., родил Исаака, Исаак – Иакова и т. д. Если бы под рождением Исаака разумелось плотское рождение, то, говорят шалопуты, тогда-бы, во-первых, сказано было *родоплотие*, а не родословие, а во-вторых, сказано было-бы, что жена *от* мужа родила Исаака, а не один муж). Потом слово вошло в плоть Иисуса. Таким образом рождение Иисуса было рождение духовное. Дева Мария, говорят наши шалопуты, не могла родить Иисуса Христа *по плоти от Св. Духа*. Это была бы совершенная несообразность. Рождённое от Духа есть Дух (Ин.3:6). Как же от Духа Св. можно родить плотью? Плоть рождается только от плоти, а не от Духа (Ин.3:6). По плоти

Иисус Христос, утверждают они, рождён был, подобно всем людям, *от греха* (Пс.50:7)⁵²⁶, т. е. от плотского сожития мужа и жены⁵²⁷. Дева Мария родила Иисуса Христа *духом*, научением тайны шалопутства: Она передала Ему тот Дух-Слово, которое было в начале и проходило по плотям от Авраама.

Миссия Христа – воплощённого Слова – заключается в следующем. Слово входит в плоть человеческую и появляется среди людей для наставления их и руководства к небесному царству. На земле Христос собирает вокруг себя избранных, верных людей и, отжив свой век, со всеми верными переходит к отцу своему, чтобы наградить их небесным блаженством. Миссию эту поручает Христу Сам Бог-Саваоф.

Уж ты сын мой, сынок! (*говорит при этом Саваоф Христу*)

Отдаю тебе замок (=от дверей небесного царства)

И золотые ключи,

Чтобы не спать тебе в ночи:

Братьев-сестёр научать,

Ко царствию приручать.

Постригать их у монахи⁵²⁸.

Нарекать им имена⁵²⁹,

Надевать им стремяна⁵³⁰,

Зануздывать ихнюю плоть.

Ты корми их из своих рук⁵³¹,

Избавляй их вечных мук.

Наградив верных блаженством, Христос снова от Духа рождается, входит в избранную плоть, снова устрояет на земле «виноградники», возрождает верных учением своим и ведёт их к Отцу, чтобы опять явиться на землю за тем-же. Такое дело спасения будет идти без конца. Необходимость таких многократных воплощений Христа шалопуты наши выводят из того, что каждый Христос, по их мнению, в том числе и Христос Евангельский, спасал и может спасать только тех, кто веровал в Него во время земной Его жизни. Так в частности Иисус Христос спас от греха и смерти только тех, кто слышал Его учение и им вразумился. А на других грех остался в полной силе, и, так как «всяка душа – дух бессмертный без Христа есть вечно мертвый», то для спасения грешников, живших после Иисуса

Христа, Бог посылал ещё не раз Своего Сына Христа. В последний раз (в наше время), говорят шалопуты, Слово Божие вселилось в препростую плоть «святого старца Перфила Петрова Катасонова, крестьянина Тамбовской⁵³² губернии. Родился Перфил Петрович по плоти тоже естественным порядком греховного рождения. Духом же родила его матушка «Евдокея».

Каждый, получивший благодать Христа, должен, по учению шалопутов, пройти все важнейшие моменты из истории земной жизни Иисуса Христа Евангельского. Прошёл их и «Перфиша»⁵³³. И Перфиша родился в Вифлееме (=в обществе шалопутов). И его рождение ознаменовано было такими же событиями, как и рождение Иисуса Христа. Волхвы пришли в Иерусалим по указанию звезды, встревожили Ирода и «архиереев», нашли Христа и принесли Ему в дар ладан и, хотя дали обещание снова прийти к Ироду, но, получивши откровение свыше, пошли иным путём. Тоже было и при появлении Перфиши. Когда в Тамбовской губ. объявилось воплощённо Слово (родился Христос), то пошла по земле звезда – молва⁵³⁴ о великом событии. Волхвы – православные, услышав о Перфише, стали допытываться подробностей о месте его пребывания и, разумеется, встревожили каждый своего Ирода – священника или архиерея. Последние, с коварной целью сделать зло новоявленному христу, поручили волхвам вывести о Христе» и послали их в Вифлеем, т. е. к шалопутам. Те пошли, руководимые слухом («звезда шла перед ними») и разыскали Перфишу. Увидев его и мать его Евдокию, уверовали в него и изменили свою жизнь: стали жить *ладно* (принесли *ладан*), и хотя дали обещание священникам возвратиться и открыть местонахождение христа, но, получив вразумление *от* духа и уверившись, что у шалопутов с их «батенькой» настоящая жизнь христианская, переменили своё намерение, не пожелали возвратиться к священникам (в православную Церковь), а пошли иным (шалопутским) путём. – Как и Иисус Христос, Перфиша творил всевозможные чудеса от исцеления хромых до воскрешения мёртвых включительно (разумеется, только в духовном смысле). Евангельского Христа

довели до страдания и смерти фарисеи и книжники. И Перфиша, говорят шалопуты, тоже перенёс, по наговору духовенства, ужасное мучение. В этом случае предание шалопутов окружает своего «батеньку» ореолом истинного мученичества. Известное дело Саратовского окружного суда, по приговору которого Катасонов был присуждён к ссылке в Закавказский край⁵³⁵, изображается шалопутами в их распевах не иначе, как в виде «спасительных страд». Батенька, повествуют шалопуты, был нещадно бит, заключён в тяжёлые цепи⁵³⁶, брошен в тюрьму, где его подвергали нестерпимым пыткам, вырезывали даже из его «пречистой» плоти целые ремни и наконец вознесли его на крест (буквально, как убеждены в том многие шалопуты). Эти кровавые страды «батеньки» шалопуты воспоминают в назидание и поучение себе почти при всех беседах. В одной застольной песне они распевают:

... мы побеседовали
Про тебя, свет государь наш,
Про твои страды-мученья,
Из очей слёз теченья,
Что за нас, свет, пострадал,
На кресте плоть распинал,
Кровь пречисту проливал
И покровом покрывал.

Все эти мучения «батенька» претерпел за своих овец: ими он купил для них царство небесное, а себе – свет над всем миром.

Женился наш батюшка (поют шалопуты)
Взял себе невестушку
Саваофа дочь,
Дочку ближнюю,
Небо вышнее.
А землю наш батюшка
В приданое взял.
За то Саваоф отдал,
Что кровью он страдал,
За то Саваоф уступил,

Что кровью нас искупил.

Как пострадавший за овец своих, Христос–Перфиша есть агнец.

Агнец ты наш незлобивый (величают его „овцы“)

Своим деткам ты всем милый!

Ты небесный бог-отец.

Ты за нас всегда страдаешь,

И в скорбях ты пребываешь.

Подобно Евангельскому Христу, батенька воскрес и из мёртвых. Относительно этого вопроса, впрочем, наши шалопуты держатся особенного взгляда. Иисус Христос, по их мнению, воскрес вовсе не так, как представляют мирские. После погребения в пещере, тело Иисуса Христа не восстало: оно там и сгнило. Если в Евангелии и говорится о восстании Христа из мёртвых, то это значит, что Христос *духом* не умер, не покинул навсегда землю, а как обещал своим ученикам: *Я с вами во все дни до скончания века*, так и исполнил: вселился потом в другую плоть. Настоящее же воскресение Иисуса Христа случилось после сорокадневного Его поста. Когда Иисус постился 40 дней, то, по свидетельству Писания, Он взалкал, т. е., толкуют шалопуты, изнемог, ослабел, так что казался мёртвым, но духом своим Он победил эту смерть и ожил, после чего к Нему приступили ангелы (=его избранные) и стали служить Ему, как воскресшему из мёртвых. Так воскрес и батенька Перфиша с той только разницей, что постом своим превзошёл Иисуса Христа. «Ваш Христос постился 40 дней, говорил батенька Закавказским молоканам, а я постился 14 недель. Вам он Христос, а мне брат (конечно, меньшей?). Ваш Христос умирал и воскрес в третий день? и я после поста был мёртв три дня, а потом воскрес и вот теперь живой, а умирать ещё буду»⁵³⁷. По преданиям шалопутов, впрочем, батенька постился ровно 40 дней. причём 20 дней был на ногах, а потом изнемог и лежал в постели. Около него были его ученики; пророки, пошедшие его жизнью, которые следили за его постом и постепенным истощением. В последние дни батенька замер от поста. В это время тело его лежало бездыханно и, как к гробу Христа Иисуса, к нему стекались со всех сторон мироносицы –

шалопутки. Впрочем, эти последние приходили не для того, чтобы помазать тело батеньки благовонными маслами, а для того, чтобы благоговейно приложиться к нетленной плоти «спасителя». В третий день на глазах всех Перфиша воскрес.

Как воплощённому «Божью Слову»-христу своему шалопуты приписывают и все свойства божественного лица. В своих распевцах они именуют его: «Спасителем», «Саваофом» (безразлично Его и Бога Отца на основании Ин.17:21), «бессмертным», «всемогущим», «всеведущим»⁵³⁸ и т. п. Мало того. Батенька-христос не только лицо Божественное, но заключает в себе всю Троицу:

Верим, батюшка родимый, (*поют шалопуты*)
Духу твоему здесь,
Что в тебе, наша надежда,
Живёт сам Спаситель
И вся Троица Святая
В сердце обитая, (*обитает*).

* * *

Возможность со стороны человека вселить в себя Христа и видеть его лицом к лицу наши шалопуты основывают на словах Иисуса Христа: *блаженни чистии сердцем, яко шии Боиа узрят* и на тех изречениях Писания, где говорится, что Бог пребывает в человеке и избирает в нем Себе обитель (Ин.14:21,23;6:56; Ин.4:12 и др.). Общие условия для вселения в себя Христа или для вселения себя в Христа изображаются шалопутами так:

Кто с любовью соединится,
Тот в тебя (Христос) вселится.
Новой жизнью народится,
Младенцем явится.
Кто младенцем явится,
Сердцем обновится.
А кто сердцем обновится,
Тот духом крестится.
А кто духом крестится,
Тот в тебе вселится.

* * *

В чистых крошках во сердцах,

Агнец пребывает сам.

Выработать в себе эти качества возможно только путём борьбы с плотью, с её страстными вожделениями, усиленной молитвой и продолжительным постом. Как только начинает душа спорить (воевать) с телом, плотью, так в ней Бог начинает строить свой престол. «Плоть моя, поучал Катасонов своих последователей кавказских, такая же собака, как и ваши тела, и потому она ни Христос вам и не отец, а отец вам есть *пост мой*, потому что рождает пророка, а пророк рождает христа».

При таком взгляде на условия вселения в себя Христа каждый шалопут может рассчитывать на возможность воплотить в себя «Божественное» слово. И если скромные рядовые шалопуты, проникнутые безграничным, почти детским благоговением к батеньке и его апостолам, считают едва не кощунственной саму мысль стать когда-нибудь Христом, то юркие и сметливые из *старших*, последовательно проводя принцип шалопутского боговоплощения, не всегда считают нужным разделять общее почтительное отношение к авторитету «живого бога» и сплошь и рядом дерзновенно посягали на его абсолютизм, отказываясь подчиняться «батеньке» и составляя самочинные корабли. Батеньке и его секретарям-апостолам волей-неволей приходилось считаться у нас с подобными прискорбными инцидентами. И вот в целях защиты и ограждения «Тамбовского престола», наши шалопуты развили применительно к Св. Писанию, учение и об антихристе. Живой Христос, поучают они, один. Виноградник подлинно христианский тоже один. Кто восстаёт на батеньку, даже осмеливается только сомневаться в божестве его, тот восстаёт и сомневается в самом Боге, тот антихрист или слуга его. В Писании сказано: восстанут лжехристы и лжепророки (Мф.24:24). Это – предостережение верным чадушкам – остерегаться сатанинского обольщения. Горе тому, кто поддаётся этому обольщению: он уподобится Иуде-предателю и прощения ему за это не будет ни в сём веке, ни в грядущем⁵³⁹. А кому выпадет случай подвергнуться искушению от лжехристов, тот должен последовать строгому наказу ап. Иоанна: «кто приходит к вам, и не приносит сего (подлинно

шалопутского, из Тамбова) учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте» (2Ин.1:10).

Ставрополь-Кавказский.

Священник *Евгений Капрялов*

Титов Ф. И. Секта жидовствующих⁵⁴⁰ (окончание). // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 437–445

Обстоятельства, благоприятствовавшие утверждению и сравнительно продолжительному существованию секты жидовствующих. Православные борцы против секты. Общая характеристика мер борьбы с сектой жидовствующих.

Что касается обстоятельств, благоприятствовавших сравнительно прочному утверждению и продолжительному существованию секты жидовствующих, то главнейшие из них были следующие. Прежде всего, большое значение здесь имела скрытность сектантов. Из истории секты можно хорошо видеть, как скрытны были сектанты. В то время, как секта существовала уже в течение нескольких лет, была перенесена из Новгорода в Москву, успела здесь прочно утвердиться, – в Новгороде не знали о существовании зловерного сектантского общества, и только случайная ссора нескольких сектантов выдала их. И во всё время последующего существования секты жидовствующих последователи её отличались необыкновенной скрытностью, так что иногда стоило больших трудов открыть следы существования сектантского общества, как это нередко бывало, напр., с преп. Иосифом Волоцким. По свидетельству этого последнего, сектантов особенно трудно было узнавать и открывать потому, что они не порывали обыкновенно внешних связей с православной Церковью: лица духовные, по переходе в секту, продолжали занимать свои места и совершать богослужение, а миряне – продолжали посещать храмы и исполнять все обязанности, возлагавшиеся на них званием православных христиан. По свидетельству того же преп. Иосифа Волоцкого, сектанты отличались наружным благочестием, кротостью, праведностью и воздержанием; в обольщении православных были очень хитры и осторожны. Обращали в секту по разбору, иначе действуя на знающих св. Писание, иначе на простых. Далее, состояние политических и церковных дел в Новгороде во второй половине XV в. как

нельзя более способствовало утверждению и распространению раз возникшего здесь сектантства... С одной стороны, в то время, накануне падения политической самостоятельности Новгорода, здесь образовались две сильные политические партии. Одна из них, во имя политической свободы, искала покровительства Литвы; а другая, во имя единства веры, стояла за сохранение союза с Москвой. На стороне первой стояло все, что было в Новгороде свободолюбивого и свободномыслящего; сторону же последней держали ревнители отеческих преданий, люди веры по преимуществу, ставившие интересы православия выше всего. Так появилась в Новгороде внутренняя рознь, завязалась в самом сердце его ожесточённая борьба политических партий. Но при тесной связи в то время политических интересов с религиозными, борьба эта естественно должна была перейти из области политической в область религиозно-церковную. Это было тем более естественно и легко, что почва для такой борьбы была достаточно подготовлена предшествовавшим сектантским движением, выразившимся в ереси стригольников. Достаточно было появиться какому-либо внешнему возбуждению, чтобы сектантское движение пробудилось вновь и с новой силой. Такое возбуждение, действительно, и явилось в виде евреев – караимов. Но раз возникло в Новгороде сектантское движение, для развития и утверждения его здесь были тогда самые благоприятные условия. Известно, что в 1478 году Новгород, изнемогший в непосильной борьбе с Москвой, принуждён был покориться великому князю. Лучшие из его сынов пали в бою, были казнены или заточены, или же отведены в ссылку – в Москву. В Москву же в январе 1480 года отвезён был за своё сочувствие народному делу и Феофил, последний новгородский владыка, избранный по старине. Новгородская епархия осталась праздною и оставалась такой в продолжение трёх лет. Само собой разумеется, что такое стечение обстоятельств давало полный простор сектантской пропаганде. Только через четыре года Новгороду дан был владыка, но, к сожалению, слабый духом и телом, менее чем через год оставивший епархию по расстроенному здоровью. Только уже после того в

лице архиепископа Геннадия новгородская епархия получила себе стойкого и деятельного архипастыря, который, как мы знаем, скоро открыл в Новгороде зловредную секту и повёл против неё решительную борьбу. Наконец, из самой истории секты, выше нами изложенной, можно видеть, что сравнительно продолжительному существованию жидовства содействовало, с одной стороны, покровительство высшей власти в лице великого князя Иоанна Васильевича, который имел свои особенные побуждения сочувствовать сектантскому движению, а с другой стороны, сочувствие и поддержка, встреченные сектантами в среде белоозерских, или заволжских старцев, также имевших побуждения сочувствовать некоторым идеям, проводившимся сектантами.

Секта жидовствующих, затрагивавшая самые основы православно-христианской Церкви и веры, не могла не вызвать сильного протеста против себя в среде православных. Весьма многие из среды этих последних, можно сказать, даже вся православная русская Церковь принимала участие в борьбе с вольнодумством, возбуждённым у нас сектантами XV и XVI вв. Известно, что в Москве неоднократно созывались соборы, на которых рассуждали главным образом о мерах борьбы с сектантством. Но история отмечает, как особенно плодотворную, противо-сектантскую деятельность следующих трёх лиц: архиеп. Геннадия, преп. Иосифа Волоцкого и м. Даниила. Архиепископ новгородский Геннадий первый восстал против секты, существовавшей и распространявшейся до него в Новгороде и Москве около 15 лет. Он настаивал на необходимости принятия решительных мер со стороны гражданского правительства к прекращению дальнейшего распространения секты. Но одно только внешнее преследование он считал далеко недостаточным для прекращения возникшего сектантского движения. Коренную причину происхождения и особенно быстрого распространения секты архиеп. Геннадий совершенно справедливо видел в невежестве православных христиан и православного духовенства, которые не в состоянии были критически отнестись к пропаганде сектантов. Приходское духовенство в

Новгороде было совершенно необразованно и в большинстве случаев даже прямо безграмотно. «Приведут ко мне мужика», – писал архиеп. Геннадий м. Симону, – «я велю ему апостол дать читать, а он и ступить не умеет; велю дать псалтырь – и по тому едва бредёт... Я прикажу учить его ектеньям, а он и к слову не может пристать: ты говоришь ему то, а он совсем другое; велю учить азбуке: а он поучившись немного да просится прочь, не хочет учиться»⁵⁴¹. Для того, чтобы хоть сколь-нибудь поднять уровень умственного развития новгородского и вообще русского духовенства, архиеп. Геннадий сильно настаивал на необходимости завести школы. «Для того-то я и бью челом государю», – писал он м. Симону, – «чтобы велел училища устроить: его разумом и грозою, а твоим благословением это дело исправится; ты бы, господин отец наш, государей наших, великих князей, просил, чтобы велели училища устроить» ... И не вина, конечно, архиеп. Геннадия, что хлопоты его о заведении училищ для обучения кандидатов на места священнослужителей не привели ни к чему... Кроме того, архиеп. Геннадий заботился о собрании всех книг Св. Писания и о распространении их в среде православных христиан для того, чтобы эти последние имели возможность читать слово Божие, знанием которого гордились сектанты и которого совсем не знали православные. Вообще архиеп. Геннадий ясно сознавал необходимость бороться против сектантов тем же духовным орудием, каким действовали и они. В феврале 1489 года он, между прочим, писал ростовскому архиепископу Иоасафу: «да есть ли у вас в Кирилове, или Фарафонтове (Ферапонтове), или на каменном, книги: Селивестр папа римский, да Афанасий Александрийский, да слово Козмы прозвитера на появльшуюся ересь – на Богумилы, да послания Фотея патриарха к князю Борису болгарскому, да пророчество, да Бытья, да Царство, да Притчи, да Менандр, да Иисус Сирахов, да Логика, да Дионисий Ареопагит? Занеже те книги у еретиков есть» ... Неизвестно, нашлись ли в монастырях ростовской епархии те книги, о которых спрашивал архиеп. Геннадий. Но этот последний остался непоколебим в своём намерении и плодом его пастырских усилий было собрание в один состав всех книг Св.

Писания Ветхого и Нового Завета на славянском языке – событие величайшей важности, составляющее эпоху в истории нашей Церкви и особенно в истории нашей духовной литературы. Библия архиепископа Геннадия представляла для своего времени особенную ценность в том отношении, что в ней были отделены собственно библейские книги от всех писаний человеческих и соединены все вместе в одном священном кодексе. Такая Библия была тогда тем более необходима, что книги Ветхого Завета, какими пользовались сектанты для пропаганды своего лжеучения, были извращены, как свидетельствует сам же архиеп. Геннадий, по переводам древних иудействовавших еретиков: Акилы, Симмаха и Феодотиона.

Архиеп. Геннадий, можно сказать, только подготовлял оружие и средства для борьбы с сектой. Но сам он, вероятно, занятый делами по епархиальному управлению, не пользовался этим оружием против сектантов и не отражал их нападений на православие. Таким борцом против секты жидовствующих был преп. Иосиф Волоцкий. В целом ряде своих посланий и слов он дал в руки православных христиан возможно полное и обстоятельное опровержение всех главнейших и наиболее распространённых мнений сектантов. Особенно замечательно в этом отношении сочинение преп. Иосифа, известное под именем «Просветителя». Сочинение это было тем более полезно для православных христиан, что оно заключало в себе не только опровержение сектантского лжеучения, но в то же самое время представляло первый и долгое время единственный опыт самостоятельной научной обработки православно-церковной доктрины. Отличаясь глубиной и точностью излагаемых в нём понятий, строго логической последовательностью в развитии господствующей мысли, искусством диалектики и остроумием выводов, силой и убедительностью изложения, а с другой стороны, заключая в себе множество положительных наставлений и руководительных указаний, это сочинение должно было производить и, действительно, производило сильное впечатление на читателей. Сочинение это было написано не

разом и составилось постепенно из разновременных написанных слов преп. Иосифа. Для того, чтобы познакомиться с главными приёмами и отличительными особенностями противосектантской деятельности преп. Иосифа, мы подробно разберём один отдел этого сочинения, состоящий из трёх слов и заключающий в себе опровержение возражений, какие делались новгородскими и московскими сектантами XV и XVI вв. против иконопочитания. Первое слово об иконах (пятое в «Просветителе») начинается вступлением, в котором говорится о кознях диавола и о главных еретиках жидовствующих, разнёсших ересь во многие города и сёла. Вслед затем опровергается мысль сектантов, будто «не должно изображать на честных иконах святую и животворящую Троицу потому, что Авраам принял и угостил Бога с двумя ангелами, а не Троицу». Здесь препод. Иосиф сначала рассматривает сказание. Моисея о явлении Бога Аврааму и объясняет, что патриарх удостоился видеть и принять у себя единого Бога в трёх Лицах, Которые все сидели в кущи Авраамовой на одном месте, как со-престольные и равночестные, и равно принимали от Авраама поклонение и служение; потом целым рядом текстов, преимущественно из Ветхого Завета, доказывает, что со-престольными и равночестными Богу Отцу представляются в Св. Писании только Сын и Св. Дух, но отнюдь не ангелы; наконец, так как св. отцы выражались иногда, что Авраам принял Святую Троицу, а иногда, что он принял Бога с двумя ангелами, иногда же, что принял трёх ангелов, преп. Иосиф приводит несколько мест из Ветхого и Нового Завета, которые кажутся несогласными, даже противоречащими между собой, но, при правильном истолковании, легко примиряются, и, в частности, изъясняет, что нет ни разноречия, ни противоречия и в означенных выражениях святых отцов, что в них подразумевается одна и та же мысль о явлении триипостасного Бога Аврааму. Заключение из всего сказанного выводится то, что христиане справедливо изображают на св. иконах Пресв. Троицу, как Она явилась Аврааму. В слове представлены свидетельства св. Иоанна Златоуста, св. Иоанна Дамаскина, св. Андрея Критского, св. Иоанна Лествичника, Иосифа песнописца и др. Заключение

слова, содержащее в себе учение об иконе Пресв. Троицы, важно по своим положительным наставлениям. По наставлению преп. Иосифа, странники, изображающие Пресв. Троицу, должны сидеть на престолах, чтобы через то видно было их «царственное и господственное и владычественное», – должны иметь на головах круглые венцы, ибо круг образует безначального и бесконечного Бога, – должны иметь крылья, чтобы через то видно было их «гореносное... и самодвижное и к земным непричастное». В следующем – втором (в «Просветителе» шестом) слове опровергается общее лжеучение сектантов относительно св. икон и других священных предметов. Сектанты говорили: «не должно поклоняться вещам, сотворённым руками человеческими», как то: иконам, кресту, евангелию, Христовым тайнам, освящённым сосудам, мощам святых и церквам, – и в подтверждение своих слов ссылались на известные тексты Ветхого Завета: *«не сотвори себе кумира, ни всякого подобия, да не поклониши им»* (Исх.20:4–5), *«не сотворите себе сами богов серебряных и богов золотых»* (Исх.20:23) и проч. Преп. Иосиф перебирает эти тексты, один за другим, истолковывает их смысл и показывает, что Сам Бог, заповедавший через Моисея: *«не сотвори себе кумира и всякого подобия, да не поклонится им»*, повелел однако же Моисею сотворить многие подобия и священные вещи, даже изваянные и истуканные, которые чтили иудеи: скинию, или храм, кивот завета, скрижали, херувимов в скинии; что сам Моисей и пророк Давид даже поклонялись скинии и простирали к ней руки, а другие пророки и вообще иудеи поклонялись храму Соломонову и второму храму, и что есть величайшее различие между идолами и христианскими иконами и между поклонением тем и другим. Затем преп. Иосиф переходит к объяснению необходимости иконопочитания в Новом Завете. Одни из сектантов отрицали меньше, другие больше, и если одни восставали против всякого почитания вещественных предметов, то другие, допуская поклонение образу Божию, были против поклонения ликам святых и мощам и отнимали от священных предметов силу чудотворения. Окончив с первыми, преп. Иосиф отвечает вторым, на основании свидетельств и примеров

преимущественно Ветхого Завета. Обещанием сказать подробнее о поклонении св. иконам, преп. Иосиф заключает шестое слово и тем связывает его с последующим. В этом – третьем (в «Просветителе» – седьмом) слове, которое обширностью своей превосходит оба другие, каждое порознь, преп. Иосиф, действительно, весьма подробно объясняет, как и почему христиане должны поклоняться: иконе Пресв. Троицы, иконе Христа Спасителя, иконе Пресв. Богородицы, честному и животворящему кресту, св. евангелию, св. Христовым тайнам, освящённым сосудам, в которых тайны совершаются, иконам св. Иоанна Предтечи, св. ангелов и св. людей – мужей и жён, св. мощам и св. церквам. Не довольствуясь раскрытием христианского учения о поклонении иконам и другим священным вещам, преп. Иосиф раскрывает, далее, в том же слове, как христиане должны поклоняться и служить друг другу, царям и князьям, и Господу Богу. Приступая к этой последней и обширнейшей части слова, преп. Иосиф замечает: «истинному христианину надобно предварительно знать, что есть Бог и как мудрствовать о Нём, чтобы научиться, как поклоняться и как служить Ему». А потому он сначала излагает, уже на основании Нового Завета, довольно подробное учение о Боге, едином по существу и троичном в Лицах, и, в частности, о Сыне Божиим Иисусе Христе и Его двояком естестве – божеском и человеческом и о Св. Духе и Его исхождении от Одного Отца, причём приводит весьма многие свидетельства учителей Церкви. Потом преп. Иосиф даёт наставления, как должно поклоняться Богу, т. е. истинно молиться Ему, чем возбуждать в себе молитвенное настроение, и говорит о силе и благотворности молитвы, о превосходстве молитвы общественной перед частной, церковной перед домашней, о благовременном хождении во храм, о надлежащем присутствовании при богослужении и о молитве вне храма. Наконец, преп. Иосиф объясняет, как христианину должно служить Богу, причём излагает целый ряд нравственных правил и наставлений, обнимающих всю область христианского благочестия и христианского благоразумия; правила эти

написаны кратко, без всякого разделения на классы, но ясно, с глубоким чувством и силой.

Митрополит Даниил был достойный ученик преп. Иосифа Волоцкого. Если он уступал этому последнему в дарованиях, то отнюдь не уступал ему в своей ревности по православию, в начитанности и обширности своих богословских сведений. М. Даниил ревностно вёл борьбу с сектантским движением как практическую, так и литературную. Его ревности православная Церковь обязана удалением в заточение такого опасного врага её, как Вассиан Патрикеев. С другой стороны, некоторые из его слов, вошедших в известный «сборник» его, как, напр., шестое и седьмое (о премудрости и милосердии Божиим, проявившихся в воплощении Сына Божия и искуплении Им человечества), заключали в себе самое основательное опровержение одного из главных заблуждений жидовствующих.

Таким образом, православная Церковь употребляла следующие меры борьбы с сектой жидовствующих: 1) ограничение свободы сектантов в распространении ими своего лжеучения; если это ограничение принимало иногда резкие формы, то это зависело исключительно от условий времени, а иногда вызывалось фанатизмом самих сектантов; 2) устранение недостатков в жизни православно-христианского общества, какие давали повод сектантам упрекать православную Церковь и оправдывать себя в отделении от неё; 3) опровержение сектантского лжеучения и 4) положительное научение христиан истинам православно-христианской Церкви, раскрытие тех истин, какие извращались сектантами, и вообще просвещение православно-христианской паствы.

Ф. Титов

Березницкий И., свящ. Двадцатилетняя борьба с приходскою штундой и троекратное одоление // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 445–455

(Летописное сказание о штунде в селе Моринцах, Звенигородского уезда, Киевской губернии).

1881 год. Кажется, испробованы всевозможные средства, а результата никакого. Штундисты упорно идут своей дорогой. Не оставить ли мне их в покое, впредь до каких-либо указаний высшей власти? Но пока придут указания, штунда будет шириться и крепнуть. Так раздумывал я в скорбные часы забот об охранении своей паствы. Затем я начал подводить итоги всему, что они отвергают: детей не крестить, св. Таин не принимать, храмы не посещать, икон не почитать. Нет, не снесу я такого самообмана тёмных простолюдинов. Пусть – храм, иконы – дело, положим, трудное для их понимания, но крещение, приобщение... о них такие ясные и положительные указания в Евангелии, что грех превеликий будет на душе моей, если я не помогу им это видеть! И я решил не выпускать из глаз оставляющих своего пастыря и ограду Церкви овечек, тем более, что, уклонившись от говенья, они почувствовали себя вне церковного влияния и, как я предчувствовал, стали сильнее смущать и привлекать к себе православных. Завязалась таким образом упорная борьба, возбуждение обеих сторон было в полном разгаре. Я видел, что действовать мне нужно на два пункта: ободрять православных и умерять воинственный пыл сектантов. На том и другом пунктах я делал соответствующие распоряжения, сообразуясь со средствами. Для ограждения православных я поручил диакону своему, очень хорошему чтецу и певцу, на каждой литургии, после приобщения в алтаре, выходить на амвон и читать народу краткое изъяснение десяти заповедей, имеющееся при букваре Лаврской печати; перед раздаванием же антидора – краткие или продолжительные – смотря по обстоятельствам – импровизации говорил сам. Материал для таковых я черпал большей частью из книги

«Православная вера», Свирелина, изд. 1879 года. Были поучительные чтения и на утрнях между кафизмами, чтения брались из «Одесского Воскресного Листка», изд. 1876 года. В великопостные субботы, во время приобщения говельщиков, в назидание и в устранение шума, на клиросе читались жития Феодора Тирона, Марии Египетской, Иоанна Дамаскина и других. Также в течение всего великого поста во входном притворе, на аналогии лежало раскрытым большое церковное Евангелие; один день оно было раскрыто на том месте, где сказано: *аще кто не родится водою и Духом не внидет в царствие небесное*, а в другой день – на том, где читалось: *аще не снете плоти Сына человеческого, не пиете крове Его, живота не имате в себе*. Слова эти были подчёркнуты полосой красных чернил; входящие и выходящие читали их, успокаивались в сомнениях и укреплялись в вере.

Получили подкрепление от своих-си и штундисты: между ними стали в избытке появляться брошюры и листки религиозного содержания, отмеченные красной печатью с буквами альфа и омега, в каковых брошюрах излагалось чистомистическое учение о добродетелях и не упоминалось ни о Церкви, ни о св. таинствах. Хотя сразу чувствовался в них лютеранский дух и хитрая уловка людей неправомыслящих, но осуждать эти брошюры я вконец признал не благоразумным. Когда сектанты с затаённой радостью подсылали их мне, я подчёркивал в них места, моему делу подходящие, а в конце сделав чернилами добавочное пояснение трактуемого в брошюре предмета, возвращал их обратно. Так, на брошюре «Пшеница и солома» я в конце сделал такую надпись: «в царствии Божием будет тот первой пшеницей, кто в жизни признаёт себя последней соломой» (Лк.18:14). Один из больших листов с красной печатью о любви к нам Божией я прибил на церковных входных дверях, дабы показать штундистам, что сие учение древне-церковное и чтобы его содержать в памяти – нет нужды бежать от Церкви православной. В пополнение и в противовес сектантским брошюрам выписаны были мной и розданы народу первые номера «Троицких листков», причём направленные специально против штунды, числом около

двадцати, переплетены в особые книжицы. Пользуясь тем, что мои штундисты хвастают своими брошюрами, не прочь почитать и всякую хорошую книгу (теперь штундисты уже не те!), я старался как можно щедрее наделять их книгами православного направления. Послания Игнатия Антиохийского, Киево-Печерский Патерик в русском переводе Викторовой, краткие сведения о Павле, Митрополите Тобольском, изд. Козырева, Апостольские постановления целый год ходили у них по рукам; даже такие объёмистые сочинения, как изъяснение Божественной Литургии Митрополита Арсения, творения Киприана, еп. Карфагенского – и те были у них на просмотре и испещрены их неграмотными заметками карандашом и чернилами. К чему, кажется, я сам подал им повод, ибо в каждой вручаемой им книге на внутренней стороне переплёта означал: «Зри», и затем делал краткую оценку книги или писал подходящий текст. Так на Патерике я написал: *«верующий в Мя, – сказал Спаситель, – сотворит и те дела, которые Я сотворил_ и сотворит еще большая»* (Ин.14:12). На посланиях Игнатия писал: *«если мудрое слово услышит разумный, то он похвалит его и приложит к себе; услышит его легкомысленный, и оно не понравилось ему и он бросил его за себя»* (Сир.21:18).

Я должен указать, кто стоял во главе Моринской штундовой общины и на кого я должен был направлять свои просветительные меры по преимуществу. Распорядительную сторону, также поддержание духа ревности к секте принял на себя старик Даниил, учительное же дело держал в руках своих его сын Феодосий Школьный, – голова не очень бойкая, но вдумчивая; ему помогал – много бойчее его – товарищ по школе Иван Андриенко. Православный народ первого честила пресвитером штундовым, второго диаконом. К ним примыкал Евтихий Кириченко, очень даровитый грамотей-самоучка, подававший штундовой братии большие надежды; прочие были малограмотные и безграмотные. Несмотря на то, что заправили штунды познакомились с моими книгами и листками, при посещении мной их домов в Филиппов и великий посты, они не обнаруживали сговорчивости; им вторили и остальные; даже

женщины вмешивались в наши прения. О крещении младенцев, не смотря на мои указания из Евангелия и посланий, они твердили: Духом святым крестит их Господь ещё в утробе; а о причащении – что ещё его они не достойны, или что общение со Христом имеют добрыми делами. Всякую почти речь они сводили на вопрос об иконах, которые уже вынесли из домов, а места их задекорировали пучками сухих васильков, связанных в форме Андреевского креста. Но так как я предположил прежде всего уяснить им нужду в таинстве св. крещения и причащения, то по вопросу об иконопочитании много не разглагольствовал, а указал только на Херувимов, предоставляя им самим работать мыслью и находить сходство между теми и другими. Встречали и провожали меня из дому штундисты не с особенным почётом, часто позволяли себе отпускать на мой счёт шутки и колкости. Год сей, известный в истории нашего отечества ужасным событием, убийством помазанника Божия, ознаменован возмутительным событием и в штунде Моринской. Кирилл Гаркуша в порыве ревности о своей вере острым орудием выколол глаза на иконе святой великомученицы Варвары, за что, по моему донесению, судим был в окружном суде. На суде он отозвался, что сделал сие по неразумию и непониманию и присуждён к семидневному аресту при волостном правлении, где все смотрели на него, как на великого кошуна и чуть не заплевали его. Ещё прежде донесения о сём его поступке Епархиальному начальству, Гаркуша – совершенно безграмотный, был у меня на увещании, удивил меня требованием найти в Библии и читать ему из Исаии главу 40 со стиха 18 и главу 44 со стиха 8. Я отсюда заключил, что моих штундистов дрессирует голова не заурядная, и не ошибся. Скоро открылось, что к ним наезжали учителя из Чаплынки, Каменного-брода, Погибляка и друг. штундовских пунктов, лежащих по этому пути.

Присяга воцарившемуся Императору застала Моринских сектантов врасплох. Они ждали разъяснений по сему делу из Чаплынки. Когда всё православное население в церкви давало присягу, они стояли вне церкви. Пристав и я не принуждали их: так они и остались, не присягнув. В сём году у них и треб

прибавилось: умер Трофим Школьный, которого они проводили к могиле торжественно, с пением псалмов и чтением Евангелия. Прихожане мои не хотели дать трупу место на православном кладбище, я, в устранение большего разъединения и имея в виду лучшее будущее, уговорил прихожан не делать сего. У Ивана Андриенка умерла трёхлетняя дочь Христина, которую он похоронил с братией не на кладбище, а при своём доме в саду. Родились: у Феодосия Школьного (1 марта) дочь Евдокия, у Ивана Овчаренка (25 марта) дочь Мария и остались не крещёнными. В семье Школьного по сему случаю произошла небольшая сцена: сестра родильницы, не без тайного изволения её самой, взяла дитя её, вышла на улицу, захватила случившегося на дороге восприемника и принесла ко мне, прося окрестить. Пока она рассказывала нам, что и как, Феодосий спохватился за новорождённой дочерью и, узнав всё, стремглав побежал ко мне и, войдя в дом, начал кричать, что ни за какие блага крестить дитяти не дозволит. Я и не настаивал, а, похвалив благопопечительную тётку новорождённой за её ревность по вере, велел ей дитя отнести некрещённым обратно... Не отставал в рвении по новой вере и сподвижник Школьного Андриенко. Состоя вблизи лежащей лесопильне подённым работником, он там каждодневно и открыто проповедовал штунду, понося в тоже время обычаи православные. «Зачем вы кормите кабанов сытых?» – говорил он часто своим товарищам по промыслу, разумея под этим именем православных священников. «Дайте корму захудалым и голодающим» – продолжал он – разумея здесь себя и семью свою. Но, слава Богу, православные не придавали большого весу его льстивым речам. «И себя, Иван, не морочь, и нас не дури: ведь ты только для чванства такой вид на себя напускаешь, а там – Бог даст – опять к правой вере воротись», – замечали ему товарищи. Возмутился Андриенко таким уверением и торжественно изрёк: «скорее на моей ладони густой волос вырастет, чем я опять возвращусь к вашей вере». Эту фразу рабочие выслушали как великую клятву, и – оставили его в покое. Ведь его можно легко уличить в пропаганде и за тем, по статье 87 тома XIV, предать суду –

думал я сначала. Но, вспомнив суд над Гаркушей за поругание св. иконы, равно зная вообще нетвёрдость крестьян в показаниях на суде, решился отбиваться от всех штундовских поношений одними духовными средствами, в виду чего через верного человека я братски посоветовал Андриенку воздерживаться от всенародной проповеди, за которую он может быть отдан под суд. Но совет мой, конечно, прошёл бесследно, польза же была тут та, что я с своей стороны ещё раз дал штундисту доказательство своей благонамеренности и искренности, в которые верить он был не склонен.

1882 год. Владимирское Братство отпечатало мою рукопись об иконопочитании и прислало мне 50 экземпляров. Немедля я роздал её в разные руки, все грамотеи взялись за чтение и разъяснение этого жгучего штундовского вопроса. Штундисты дают свои листы моим грамотеям, а сии разят им новой брошюрой, из которой кое-что знают даже наизусть. Таким образом против стана вражеского явилось и ополчение Божие. Слава Богу. Но вот новая вражеская сеть: песни штундистские, выполняемые мужескими и женскими голосами, едва не всех влекут в их собрания. Ничего подобного для домашних часов благоговения у православных не имеется. Как тут горю пособить? Раздумывая об этом, я остановился на Рождественских колядках, сезоном своим как раз совпадающих с разгаром зимних сектантских сборищ. Но так как смысл этих колядок позднейшими вставками и изменениями сильно искажён и затемнён, то я решился на их готовый мотив составить новые слова. Явились таким образом две колядки в честь Рождества Христова: одна для парней, другая – для девиц. Молодёжи они пришлись по сердцу и пошли в ход. Но раздражённый враг устроил нам новое преткновение. По наступлении праздников колядники подряд хотели петь их и в доме Даниила Школьного; но тот им в этом отказал. Оскорблённые парни забушевали и разбили в окнах его хаты несколько стёкол. Я, конечно, не рад был такому случаю, но Даниилу он был отчасти и на руку: он тут же повёл длинную речь о буйстве православного народа и, дождавшись рассвета, явился ко мне с таким заявлением: «Это вы благословили им

так делать? Разве подобает так проводить праздник?» и проч. Видно было, что ему до опьянения была приятна роль обличителя чужих пороков и выразителя штундовой праведности. «Чего же тебе, Данило, хочется?» – «Хочется, чтоб вы совсем запретили им колядовать». – «Нельзя, друг мой: песни их хорошие, грех их запрещать. К тому же, если запретим колядки – могут кинуться на что-нибудь худшее, ведь молодёжь буйна и неудержима». – «Так накажите их за буйство». – «Это другое дело: вразумить нужно. Но в раз уж и тебя, Данило, не минуем, – ведь и ты тут не без греха: они не потерпели, что ты побрезгал их песней, а ты не потерпел их буйства. А ведь Евангелие-то говорит: если кто не то, что стекло разобьёт, а прямо в ланиту ударит – не жалуйся, а терпи и даже подставь другую. Ах, Данило, всех нас нужно ещё многому учить, да горе, что слушать не хотим – одни по молодости, а другие по гордости»... Выслушал Данило такие речи и притих: совесть подсказала ему, что в сей оказии и он поступил не по-евангельски.

В течение великого поста я посетил с молитвой всех своих штундистов. Дверей передо мной они не затворяли, молитву выслушивали, но к кресту не подходили. В каждом доме я старался завести разговор, чтобы подметить качество и силу религиозного настроения семьи. Начатый о предметах обыденных разговор всегда почти сводился на почву религиозную, но не мог тянуться долго в виду краткости времени. В один из таких дней случился во дворе вдовы Трофима Школьного пожар: сгорела клуня (гумно) и весь бывший в ней запас хлеба в снопах. Через неделю после пожара проезжаю я, и вижу – штундисты как муравьи работают на пепелище, а дня через три они из остатков и личных пожертвований деревом возвели вновь клуню для семьи погоревшей. «Доброе дело! хоть кого может заманить в штунду» – подумал я, и, чтоб обезопаситься и с этой стороны, поставил правилом, в случае пожара, в следующий воскресный день после приличного поучения, поставить в церкви тарелку для сбора пожертвований в пользу погорельцев. Причт даёт в этом первый пример, за ним староста – что-либо из церковных

доходов и от себя, потом кладёт свою лепту попечительство, наконец все присутствующие. Набирается сравнительно сумма не большая, пять–восемь рублей, но плоды такого сбора, в виду штунды, очень дороги. Когда после литургии мне нужно было первый раз сдать такой сбор на руки погоревшего, он высказал свою благодарность столь обильными слезами, что и многих заставил прослезиться.

На страстной седмице дошёл слух до меня, что Иван Андриенко болеет: по ночам впадает в беспамятство, а по утрам рассказывает о каких-то бывших ему видениях – страшных и радостных. Я собирался навестить его, но не выпало ни одного дня свободного. Уже накануне Светлого Праздника я послал ему малую карточку, в которой написал: «Христос воскрес! С праздником поздравляю, а вместо красного яичка шлю тебе несколько утешительных слов Божественного Писания: *болит ли кто из вас, да призовет пресвитеров церкви и пусть помолятся над ним, помазав его елеем, во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему*» (Иак.5:14). «А ведь эти карточки – вещь очень подходящая для заочных бесед с штундистами» – подумал я. Почему бы и другим их не послать? И послал, в каждую семью послал. Содержанием карточек были предметы, намеченные штундистами во время моих посещений их с молитвой. Так, Феодосию Школьному, который тогда на моё предложение окрестить дочь Евдокию ответил: «Той вас крестит Духом Святым», я послал карточку с надписью: *такому-то вместо красного яичка: кто может запретить креститься водою тем, которые как и мы получили Духа Святого* (Деян.10:47;8:38)? Кириллу Гаркуше, который все таинства и обряды называл игом, снятым с верных ещё апостолами (Деян.15:10), я на карточке писал: «Христос повелел апостолам: *идите, учите, крестите, велите соблюдать всё, что я повелел вам*» (Мф.28:19). Ивану Овчаренку, который все разъяснения веры ни во что ставил, а твердил одно: «*веруйте в Евангелие*» (Мк.1:15), я писал: «разумей в сём месте Евангелие не в книжку заключённое, а всю Христову проповедь,

ибо когда говорились эти слова Христом, в то время не было ещё ни Марка-евангелиста, ни самого Евангелия от Марка. Так понимал слово «Евангелие» и апостол Павел, когда писал к Коринфянам: *напоминаю вам Евангелие, которое я благовествовал (а не писал,) вам»* (1Кор.15:1). Карточки сии доходили по адресу, читались и – какие будили чувства, какие вызывали помышления – ведаёт один Господь.

Скрытен и двуличен наш малорусский крестьянин. Неискренность и обман, коими в былое время путали его детскую душу польские, униатские и жидовские хитрости, заставили его держать тайник души своей за десять затворами, так что и теперь трудно заглянуть в его душу и прочитать в ней его сокровенные думы... Несмотря на то, что к обращению своих штундистов я приложил всевозможные средства – они три года уже не говели и поворота к лучшему не обнаруживали. Я решил уже, что борьба моя с ними – борьба посмертная, и с этой мыслью уже свыкался; но 28-го июля, в субботу, в 5 часов вечера, въезжая в свой двор из поля, вижу – у ворот его стоит жена Феодосия Школьного, Мария. Молча подходит она ко мне, просит благословения и на вопрос – что ей нужно, отвечает смиренно: «хочу, батюшка, завтра отговориться». (Она была в последнем периоде беременности). Какое-то новое, живое, неизъяснимо радостное чувство охватило меня от этих слов. В избытке нечаянной радости я сразу не нашёлся даже, что ей сказать, и только после некоторой паузы мог проговорить: хорошо, голубушка, прекрасно, Бог на помощь, давно бы так! Немедленно я велел благовестить к вечерни, а ей посоветовал ожидать меня при входе в церковь. Когда к вечерни собрался народ, я в епитрахили и с крестом в руках вышел в притвор и над главой коленопреклонённой Марии, как обращающейся от ереси, прочитал разрешительные молитвы святого Мефодия, затем ввёл её в церковь и дал ей свободу молиться. После вечерни она исповедалась, а на другой день за Литургией приобщилась Св. Таин. Заговорило, заторжествовало всё село, услышав приятную новость. Лучшие хозяева и хозяйки напрашивались в восприемники имеющему родиться дитяти. 31-го июля она

родила сына, названного Стефаном, которого она и муж её пожелали окрестить на дому купно с дочерью Евдокией, рождённой 1 марта 1881 года. Августа 2-го мы крестили этих детей с великим торжеством. Феодосий и Мария за год перед сим вышли из отцовского дома и поселились на краю села особой избой и, как начинающие хозяйничать, жили бедно. Чтоб утешить неимущую семью при такой okazji, восприемники и многие хозяева и хозяйки к урочному часу снесли в дом Школьных всякого добра: и денег, и муки, и хлебов и рыбы и мёду в сотах; для подарков многие принесли яйца, живых кур, куски полотна и прочую домашнюю утварь. За трапезой все с хозяевами здоровались, целовались, на лицах всех гостей сияла радость о едином грешнике кающемся, та радость, которая, по изречению Спасителя, и небо приводит в общее ликование.

«Какой добрый дух внушил вам святую мысль возвратиться к отечественной вере»? – спрашивал я Феодосия и Марию наедине. Феодосий, вообще молчаливый и сосредоточенный, отвечал общо: Господь умилился и наставил. Зато Мария, дочь твёрдых в православии родителей, открыла многое: «мы по принуждению свёкра вступили в штундовую веру; он обещал и от себя и от братии всякие нам вспомоществования, если Феодосий будет заправлять собраниями. Но мы обманулись: братия никакой важной помощи нам не оказывали, свёкор же, видя, что планы его не сбываются, приходил в ярость и часто обзывал нас дармоедами. К тому же и Феодосий дочитался, что без крещения и причащения спастись невозможно, начал задумываться, горевать и проводить бессонные ночи. Посоветовавшись, мы решили оставить отеческий кров и на свободе возвратиться к православию при первом удобном случае. Рождение дитяти и дало сему случай и, хотя свёкор теперь сыплет на нас все угрозы и проклятия, мы очень рады, что порешили с этой штундой».

Думалось, что только для нас воссоединение сего семейства было событием неожиданным. Оказывается же, что и штундовые братья не ждали, чтобы их наречённый пресвитер (в сущности лишь старший брат, ибо штунда эта была духовная)

так скоро и так просто возвратился к православию, всполошились до крайности. Хотя день крещения детей был не воскресный и не праздничный, тем не менее штундисты назначили себе экстренно совещательное собрание в доме соседа Стефана Школьного, и в часы крещения и нашего трапезования по два и поодиночке все прошли мимо дома Феодосиева, чтобы собственными глазами увериться в слышанном. Прошли все они молча и с поникшими головами, один лишь Кириченко выкликнул, обращаясь к спутникам: «вот как враги радуются!» Когда о сём сообщили Феодосию, бывшему в то время в избе, он отозвался: я уверен, что и они скоро примкнут к нам и приобщатся сей радости. Дай-то Бог – сказал я, вмешиваясь в общий говор.

Дозволив жене торжественно воссоединиться с православной Церковью и по её чину окрестить детей, Феодосий не спешил почему-то своим личным воссоединением. Мне докладывали, что тяжёлым для себя он находил само чинопоследование воссоединения – всенародное, с коленопреклонённым стоянием в притворе и вводом в храм подобно родильнице... Это, кажется, и верно, ибо он начал исправно ходить в церковь, обойдя этот обряд. Я и не настаивал. Да простит ему Господь этот грех неведения. На первый раз мы рады и тому, что есть. Впрочем, спустя два–три месяца я, выбрав удобное время, спросил его: «Что ж, Феодосий, и тебе бы отговориться надо? – Потерпите, батюшка, до поста великого, отвечал он. И действительно, на первой седмице сего поста он говел со стариками, исповедался искренно, приобщился Св. Таин с верой и благоговением.

Вишневский Н. Летопись печати по вопросам миссии // Миссионерское обозрение. 1896 г. № 1–12. С. 455–465

Всепоподданнейшие отчёты г. Обер-Прокурора Св. Синода и замечания „Вестника Европы“ по поводу последнего из них о законе 3 мая 1885 года. – К характеристике современного раскола и сектантства (Калужские и Таврич. Еп. Вед.). – Преувеличенная идеализация типа искреннего старообрядца (Новгор. Еп. Вед.). – Статьи против заблуждений гр. Л. Н. Толстого (Правосл. Собеседн. и Богосл. Вестн.). – Статьи против заблуждений других сектантов: о св. предании (Тавр. Еп. Вед.), о таинстве причащения (Донск. Еп. Вед.), о браке, против хлыстов (Ставроп. Еп. Вед.). – Об истинном Богопочитании (Полтавск. Еп. Вед.).

Исследование явлений общественной, а тем более религиозно-общественной жизни всегда сопряжено с чрезвычайными трудностями. Изменчивость форм, сложность причин, быстрая смена явлений, не всегда притом доступных для точного наблюдения, создают почву, на которой неопытному или недостаточно осторожному исследователю представляется особенно много соблазнов к поспешным выводам, к широким и смелым обобщениям, к недостаточно обоснованным заключениям. Такие трудности и опасности представляет и изучение нашего сектантства, как явления религиозно-общественной жизни. Возникнув на малодоступной наблюдению почве религиозного чувства, сектантство продолжает жить и развиваться под влиянием множества самых разнородных условий, – психологических, социальных, экономических, законодательных и т. п. Изучить все эти условия, выяснить значение каждого из них в отдельности и в связи с другими условиями, не упуская при этом из виду особенностей времени и места, различий характера отдельных сект и их исследователей, это – такая сложная и трудная задача, которой пока ещё никто не может разрешить удовлетворительно. Полное разрешение её возможно только в будущем, когда накопится

достаточное для этого количество точных данных. А до той поры все усилия исследователей сектантства должны быть направлены именно на собирание этих данных. При этом главное значение имеет не столько количество добытых данных, сколько их полная достоверность: для будущего исследователя или историка сектантства каждое тщательное наблюдение, каждый засвидетельствованный факт из этой области будет иметь свою несомненную цену. Современный наблюдатель иногда может натолкнуться здесь на явления и факты, непонятные для него, – по-видимому даже исключающие друг друга, тем не менее, чтобы быть верным действительности, он должен тщательно отмечать и такие факты, если только они достаточно характерны.

Все эти соображения возникли в нас ближайшим образом по поводу тех спешных и не резонных замечаний, каким подвергся в ноябрьской хронике «Вестника Европы» последний всеподданнейший отчёт г. Обер-Прокурора Св. Синода в той своей части, которая изображает состояние в империи раскола и сектантства за отчётный период (1892–3 гг.). Отчёты г. Обер-Прокурора, составляющиеся на основании донесений епархиальных преосвященных, дают нам как бы свод наблюдений над наиболее существенными сторонами жизни раскола и сектантства за каждый отчётный период. В этой жизни весьма много разнообразия и изменчивости; в одной местности наблюдаются одни явления, в другой другие; в одно время господствует такое настроение, в другое берет перевес иное; одна и та же причина, действуя в соединении с различными условиями, приводит к различным, а иногда и к противоположным результатам. Естественно поэтому, что и в отчётах г. Обер-Прокурора, в которых изображается состояние раскола и сектантства, говорится не всегда одно и то же, но иногда различное и даже противоречивое. И в этом не только нельзя видеть недостаток рассматриваемых отчётов, а скорее – большое достоинство. Такой характер отчётов показывает, что они составляются на основании наблюдений над тем, что действительно есть, – над действительной жизнью, разнообразной и изменяющейся. Поэтому если в отчётах за

разные годы и даже в отчётах за один и тот же год мы находим различные и даже противоречивые сведения о состоянии раскола и сектантства, то это отнюдь не значит, что составитель отчётов изменяет свои собственные взгляды на один и тот же предмет и впадает в противоречия, а значит только, что изменяющаяся и разнообразная жизнь сектантства всегда находит себе в этих отчётах вполне верное и неизвращённое отражение.

Между тем «Вестник Европы» готов поставить в вину отчётам г. Обер-Прокурора то, что в них об одном и том же предмете нередко даются различные сведения. «С самого вступления в силу закона 3 мая 1883 года, даровавшего некоторые облегчения раскольникам, читаем мы здесь, отчёты Обер-Прокурора дают ряд сведений о результатах реформы, о влиянии её на настроение раскольников и на отношения их к Церкви и духовенству. В этих сведениях сначала была заметна некоторая двойственность: сообщалось, с одной стороны, что раскол ободрился, окреп, усмотрел в новом законе нечто в роде правительственной санкции, с другой – что, благодаря изменившемуся положению вещей, он стал терять прежнюю замкнутость и таинственность, а вместе с ней и часть прежнего своего обаяния для простых и доверчивых людей. Отзывы того и другого рода исходят то из большего, то из меньшего числа епархий... Во второй половине восьмидесятых годов, нерасположение и недоверие духовных властей к закону 3 мая, по-видимому, слабеет; в отчёте за 1885 год, например, епархий, откуда шли неутешительные сведения, названо десять; в отчёте за 1886 г. – только три; в отчёте за 1887 г. «ослабление в расколе фанатизма, упорства и замкнутости» выставляется общим явлением во многих внутренних и почти во всех поволжских и приволжских епархиях; в отчёте за 1888 и 1889 г. отзывов о растущей самоуверенности раскола не встречается вовсе, и на ряду с уменьшением во многих епархиях нетерпимости и фанатизма раскольников, констатируется только значительная кое-где устойчивость раскола. В начале девяностых годов происходит поворот в другую сторону: в отчёте за 1890 и 1891 гг. опять появляются указания на то, что

раскол, в тех или других местах, «чрезвычайно поднял голову и потерял всякую меру сдержанности» («В. Е.» ноябрь, стр. 349–350). – Эта, по-видимому непонятная для «Вести. Европы», двойственность, или точнее, разноречивость сведений о влиянии закона 3 мая 1883 г. на настроение раскольников, находит для себя объяснение в том простом обстоятельстве, что и само это влияние оказывается различным, так как направляется на различную почву и осложняется влиянием множества других условий. Где раскол был слаб или отличался сравнительно мирным характером, там закон 3 мая содействовал ещё большему ослаблению фанатизма и сближению раскольников с православными, особенно если здесь к влиянию этого закона присоединялось ещё умиротворяющее влияние хорошо организованной миссии. Но где раскол чувствовал себя преобладающей силой и отличался духом нетерпимости, там он действительно усматривал в новом законе как бы правительственную санкцию своих заблуждений. Отсюда можно видеть, с какой осторожностью следует делать решительные выводы о влиянии этого закона на настроение всех вообще раскольников, или о его значении в деле борьбы с расколом. По крайней мере, заключение «Вестн. Европы», будто бы даже данные, приводимые в отчётах Обер-Прокурора, не оставляют никакого сомнения в том, что закон 3 мая по меньшей мере не затрудняет, а может быть и облегчает борьбу с расколом, должно быть признано неправильным; из этих отчётов именно и видно, что хотя в иных случаях, при других благоприятных условиях, названный закон, может быть, облегчает такую борьбу, за то в других он положительно затрудняет её.

Какое действие на многих раскольников мог оказать закон 3 мая, можно отчасти судить между прочим по тому, что рассказывает г. Чельцов («К характеристике Боровского раскола». «Калужск. Еп. Вед.» № 18) о нынешних раскольниках города Боровска. «В настоящее время Боровские раскольники весьма внимательно следят за каждым распоряжением и действием нашего духовного и гражданского правительства, за каждым печатным словом. Малейшее к ним послабление они

объясняют, как признание их за истинных православных христиан. В каждом неопределённом слове, хотя бы сказанном не по отношению к ним, они хотят видеть предлог к обвинению православной Церкви и к возвеличению себя. В недавнее время, в 1875 г. на энциклику папы Льва XIII о соединении церквей было издано вселенской Церковью «Окружное патриаршее и синодальное послание». В 8 пункте этого последнего говорилось о том, что православная Церковь издревле содержит трёхпогружательное крещение и избличалось нововведение обливания. Прочитав это, Боровские раскольники повсюду стали проповедовать, что велико-российцы не в согласии с Константинопольским патриархом... Велико-российцы следуют папе Римскому... а старообрядцы идут за патриархом и стало быть они, а не велико-российцы, истинные чада греческой Восточной церкви».

Это стремление истолковывать в свою пользу разные, подчас даже совершенно малозначащие, факты и события замечается не только у раскольников, но и у сектантов. «Можно положительно сказать, пишет по этому поводу Таврический миссионер свящ. П. Тихвинский («Черта сектантов» «Тавр. Еп. Вед.» № 41), что самый невинный факт сектанты обращают в свою пользу и во вред православным. Так, придётся православному пастырю, или другому значительному лицу заночевать в доме сектанта, или побывать у него по делу, сектанты говорят: «а, вот видите, какие мы: у православных не остановился, у них не побывал, а к нам идёт, нам честь отдаёт». Случится православному пастырю, при разговоре с сектантом, в виде шутки или действительно доброго чувства, похвалить сектанта, он сейчас же начинает выставлять это на вид: вот де я каков. Нередко может сорваться слово сектанту: «да, ты это хорошо знаешь», или – «ты знаешь это даже лучше меня», с сектанта довольно и этих слов, чтобы при случае твердить православным; «вот, видите, – такой- то и тогда-то сказал, что я хорошо знаю всё и даже лучше его, – стало быть, моя вера лучше, и я не пойду учиться к православным». Нужно знать деревню, её нравы и обычаи, замечает по этому поводу о. миссионер, чтобы согласиться с тем, что для нас, по-видимому,

не важное и не заслуживающее внимания составляет для жителей захолустья, людей труда, а не знания, целое событие».

Легко понять из этих примеров, какой мудрой осмотрительности требует от пастыря его обращение с сектантами. В числе последних встречаются люди и хорошие, и дурные, встречаются искренно ищущие истины и спасения, но есть и ожесточённые сердцем, ослеплённые в своём заблуждении. Соответственно этому и пастырь Церкви должен относиться к сектантам различно, привлекая одних мягкостью и снисходительностью, смущая других укоризной, устрашая третьих угрозой и прещением и всегда памятуя слова Апостола: *бых всем вся, да всяко некия спасу*. Но чего можно требовать от пастыря, могущего в своём поведении применяться к характеру и настроению отдельных лиц, того никто не в праве требовать от закона, имеющего характер общности и неизменности. Закон не может, подобно человеку, быть *всем вся*, и потому нет ничего удивительного, если иногда один и тот же закон отражается на разных людях различно.

Мы заметили, что в рядах сектантов встречаются как дурные, так и хорошие люди. Последние встречаются, конечно, и среди наших раскольников. Однако мы не можем не признать значительной доли преувеличения и идеализации в той характеристике «искреннего раскольника», какую даёт нам г. Евдокимов в статье «Значение собеседований в борьбе с расколом». Г. Евдокимов пишет: «Всё, о чём он (раскольник) говорит на собеседованиях, есть ничто иное, как видимое (?) обнаружение его мирозерцания. Какое же это мирозерцание? Постоянная дума, его заветное, «огнепальное» желание – это желание видеть царствие Божие на земле, видеть небесную истину уже отчасти осуществлённую здесь, а не созерцать её там в необозримой для человека заоблачной выси. Он не хочет всю жизнь свою томиться духовной жаждой. Как паломник, идя под палящими лучами солнца, усталый от утомительного пути, ищет ручья со свежей, чистой, холодной водой, так и лучший из глаголемых старообрядцев ищет воды живой. Его душа постоянно жаждет небесной истины и небесного света. Он со слезами просить

открыть ему истину. Всюду он обращает свои взоры, ища своей истины, и не находит её. От настоящего времени он переходит к прошедшему. С беззаветной любовью вспоминает он те времена, когда, по его мнению, на земле была всюду святая, почти равноапостольская жизнь, когда жизнь людей мало отличалась от жизни перво-христиан. перед его взорами проносятся сонмы святых угодников Божиих и русских чудотворцев. И вот он, подобно матери, которая, лишившись своего единственного любимого и дорогого сына, старается сохранить всё, что только так или иначе напоминает ей о нём, также старается сохранить всё, что ему досталось от предков. Он думает *в простоте своего сердца* (!), что совершенно достаточно для спасения, если он будет исполнять всё это». Не знаем, где автор наблюдал этих странных раскольников, в которых заветное желание видеть на земле царствие Божие и осуществление небесной правды уживается с такой удивительной простотой сердца, что они считают достаточным для своего спасения одного исполнения старых обрядов. Эта очевидная несообразность, как и весь тон приведённой характеристики, невольно наводят нас на мысль, что автор просто увлёкся созданием своей собственной фантазии, которое и постарался изобразить возможно более привлекательными, хотя и не совсем согласными чертами. – Сама статья г. Евдокимова, затрагивающая очень серьёзный вопрос, почти ничего собственно не даёт для разрешения этого вопроса, и мы решительно не понимаем, почему эту статью, напечатанную в одном епархиальном органе («Новгор. Еп. Вед.») другой такой же орган («Тамб. Еп. Вед.») нашёл полезным перепечатать.

Из статей, посвящённых разбору и опровержению разных сектантских заблуждений, более выдающийся интерес представляют собой две статьи, направленные против заблуждений гр. Л. Н. Толстого. Одна из них принадлежит архим. Антонию, ректору Казанской Дух. Академии. Предмет её вполне точно указан в самом её заглавии: «Какое значение для нравственной жизни имеет вера в Иисуса Христа, как Бога» «Правосл. Собеседн.», сентябрь. Известно, что Толстой

отрицает за этой верой всякое значение в указанном отношении. В статье о. Антония вопрос, поставленный в её заглавии, раскрывается сначала отрицательным путём, а потом положительным. Автор сначала показывает, что отрицание божественности И. Христа непременно связано с отрицанием и Его нравственного совершенства. Эта простая истина, которая часто забывается нашими легкомысленными отрицателями, с очевидностью доказывается примером таких более крупных представителей отрицания, как Ренан и наш Толстой, которые, отвергнув божественность И. Христа, неизбежно приходят к признанию Его не только слабым, но даже порочным человеком. Понятно, что при таком взгляде на И. Христа, образ Его не может иметь почти никакого значения в деле нравственного усовершенствования человека. Такое значение он получает только под условием нашей веры в И. Христа, как Сына Божия и нашего Искупителя. Это значение яснее для нас открывается путём рассмотрения условий нашего нравственного развития, борьбы или усовершенствования. При этом, чтобы не показалось, что саму нравственную жизнь он описывает не по существу, а с скрытым желанием указать влияние на неё этой веры, автор излагает главные условия этой жизни словами мыслителя, отрицавшего самый догмат божества И. Христа и значение этого догмата для добродетели, – Канта. Изложивши суждения Канта о добродетели, о зарождении в человеке стремления к добру, которому противо-воюет нажитая в нём склонность ко злу, о. Антоний раскрывает затем, как непримиримы эти глубокие суждения знаменитого философа с его желанием поставить в качестве идеала нравственного совершенства простого человека, Иисуса, и как из этих же самих суждений с очевидностью вытекает необходимость веры в И. Христа, как Бога и нашего Искупителя, которая одна в состоянии вдохновить в человека решимость вступить на путь добродетели и одна же в состоянии поддержать на этом пути его силы в борьбе с греховным миром и собственной ветхой природой.

Другая статья против гр. Толстого принадлежит профессору Московской Дух. Академии, И.А. Заозерскому («Отношение Св.

Православной Церкви к миру и войне, по учению её канонического права». «Богосл. Вестн.». Октябрь). Автор подробно разбирает сначала обвинения Толстого против православной Церкви, будто она освящает убийство, благословляя воинов, отправляющихся на войну, и освящая воинские знамёна. В ответ на эти обвинения, автор обращается к богослужебным книгам и на основании их раскрывает тот смысл инкриминируемых Толстым действий Церкви, какой придаёт им сама Церковь. Оказывается, что в этих действиях, т. е. в молитвах Церкви о всем христолюбивом воинстве, в благословении воинов, отправляющихся на войну, в освящении знамён, совсем не заключается такого смысла, какой силится придать им гр. Толстой. Молясь обо всём воинстве и в мирное, и особенно в военное время, Церковь этим не выражает своего особенного сочувствия к военному занятию, но молится о людях, всегда готовых положить живот свой за ближних; благословляя воинов, идущих на войну, она не освящает этим самой войны и совершающихся на ней убийств, но только просит небесного благословения и покровительства для людей, которым предстоит трудный подвиг, сопряжённый с великими опасностями не только для тела, но и для души. Но как же относится Церковь к самой войне? Никак, – отвечает автор. Ни в Евангелии, ни в канонах Церкви нет закона: ни «не воюй», ни «воюй». Поэтому «в вопросе об объявлении войны Церковь должна быть всемерно устраняема: это есть дело главы государства... Но раз последовало решение его за объявление войны, все члены государства, каждый в своём чину, должны так или иначе участвовать в ней». Но если Церковь принципиально не высказывается ни за, ни против войны, за то она с решительным осуждением относится к тому, что на войне совершается, т. е. к убийству, и подвергает трёхлетней епитимии всех убивавших на войне (13 прав. св. Вас. В.).

Обличение заблуждений некоторых других сектантов мы находим в статьях свящ. Угрянского, Кутепова и Перевозовского. В статье свящ. Угрянского «О св. предании» («Таврич. Еп. Вестн.» №№ 11–13) приводятся из истории и св. Писания основания православного учения о св. предании, как

источнике христианского веро-и нравоучения, и разбираются главные возражения сектантов. Чего-нибудь нового или оригинального в статье нет. В упрёк автору можно поставить, что он совершенно не коснулся положительного раскрытия православного учения о предании, его сущности, значения и отношения к св. Писанию.

Статье свящ. Н. Кутепова «О таинстве причащения» («Донск. Еп. Вед.» №№ 7–20) может быть сделан упрёк другого рода: в ней, особенно в первой её части, апологетическая цель нередко как бы упускается автором из виду, благодаря тому, что привнесены в статью многие подробности, для дела никакого значения не имеющие. В виду того, что статья о. Кутепова может появиться отдельным изданием, желательно было бы, чтобы в последнем была исправлена странная фраза: «Все эти слова или термины (пресуществление, воплотился, вочеловечился, Богородица и др. подобные слова, которые в Библии не встречаются) составляют особенность церковнославянского языка (?) и выработаны св. отцами и учителями Церкви (!) на основании св. Писания».

В статье свящ. А. Перевозовского «О браке, против хлыстов» («Ставроп. Еп. Вед.» №№ 17 и 18) многочисленными примерами и текстами из св. Писания доказывается богоугодность чистой супружеской жизни. К сожалению, объяснение приводимых в статье текстов не всегда может быть признано удачным, а некоторые выводы, которые делает автор из этих текстов, положительно неверны. Например, имея в виду 1Тим.3:2–4, он, говорит, что, по учению ап. Павла, «одно из условий поступления на пастырскую должность – это имение жены *и плотских собственных детей*».

В заключение приведём некоторые мысли из прекрасной статьи «Об истинном Богопочтении» («Полтавск. Еп. Вед. № 12). Поклонение Богу в духе и истине, которого требует от нас Евангелие, не исключает необходимости поклонения Ему телом. Эта необходимость обусловливается самой природой человека, состоящего из тела и души, тесно между собой связанных. «Потому-то Господь наш И. Христос и дал такое устройство Своей Церкви, что в ней совершающееся действует на всего

человека – и на дух его и на тело. Он не оставил ничего в ней внутреннего без внешних знаков и ничего видимого без внутренней духовной силы; здесь всё внутреннее скрыто под внешним, и всё внешнее представляет собой образ внутреннего». «Нужно быть совсем близоруким, чтобы не видеть ничего священного и спасительного в видимом служении Господу, чтобы поддаваться внушениям лукавой плоти, которая, не терпя никаких трудных подвигов, старается часто извинять себя пустыми предложениями, побуждает находить установление внешней обрядности противным учению Господа о поклонении духом и истиной». Вообще вся статья, направленная «против просвещённых учителей духовного служения Богу» и написанная тепло и с большим одушевлением, может быть с интересом и пользой прочитана каждым, кому приходится сталкиваться с просвещёнными ли или непросвещёнными отрицателями внешних форм богопочитания.

Н. Вишневский

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1896 г.
№ 1–12. С. 465–473**

Козицкий П.А. [Рец. на:]: Какое значение для нравственной жизни имеет вера во Иисуса Христа, как Бога. Архимандрита Антония. Казань. 1896 г., стр. 21. С. 465–468

Вопрос о том, что догматы Символа веры не имеют существенного значения для нравственной жизни – не новый в западной и отчасти и нашей отечественной богословско-философской литературе. На Западе, преимущественно во Франции, образовалось не мало обществ, проповедующих одну чистую мораль без догматов. Ревностным насадителем подобных тенденций у нас, на святой Руси, явился самозванный учитель новой веры – граф Л. Толстой. По нему – догматы не только не имеют никакого существенного значения для морали, но даже противоречат требованиям Нагорной проповеди, излагающей учение о христианской добродетели.

Всегда чуткий и отзывчивый ко всяким новым веяниям и течениям в богословско-философской области, ректор Казанской духовной академии Архимандрит Антоний выступил на страницах «Православного Собеседника» с вопросом: «какое значение для нравственной жизни имеет вера во Иисуса Христа, как Бога», отчасти имея в виду заблуждения Л. Толстого, отчасти желая просвещённых христиан укрепить в сознании, что без веры в Божество Иисуса Христа и в Св. Троицу невозможно надлежащее исполнение заповедей, а вместе с тем невозможно и достижение евангельского совершенства. Содержание этого трактата, вышедшего отдельной брошюрой, таково:

Многие русские интеллигентные люди очень смутно представляют себе неразрывную внутреннюю связь между догматами и добродетелью: они, отрицая божественное достоинство Христа, считают Его своим идеалом и уважают Его учение, конечно, не во всей полноте. Значительная часть Евангелия отвергается неверующими в Сына Божия; некоторые же Его заповеди окружаются сочувствием и уважением, как нечто очень симпатичное для художественного созерцания, но не для исполнения. Евангелие для этих людей – не более как

чувствительная поэма (§ 1, стр. 3–5). Неверующие в Божество Христа вследствие этого сохраняют за собой право выбирать из Евангелия то, что нравится им самим или самозваному их учителю Л. Н. Толстому. Тем более это заманчиво, что отрицательные писатели, в том числе и наш «великий писатель земли русской», не воспрепятствуют называть И. Христа Спасителем; при этом указывают на Него, как на живой пример к подражанию. Допустим, что И. Христос – не Бог, но только совершеннейший человек; тогда по какому праву мы будем называть Его своим Спасителем? Немецкие мыслители-пантеисты силятся доказать, будто Христос удостоверял людей в единосущий с Богом и тем избавил их от страха смерти, научив, что последняя вводит нас в единство с Божеством, сливается с Нирваной. Толстой, представляя Спасителя наиболее популярным пантеистом, прибавляет ещё, что И. Христос, как истинно святой человек, есть наилучший предмет *подражания* в различных сомнительных случаях жизни человека; в этом смысле Христос и есть Спаситель людей. Если так, то спасателями должно назвать и других добродетельных героев, наприим., – Будду, Конфуция, Сократа. Возможно, что при теперешнем столь высоком настроении умов явится немало людей, достойных названия спасителей и искупителей человечества. Отсюда следует, что единым Спасителем нашим И. Христос может быть лишь в том только случае, если мы верим в Него, как истинного Бога. Таково значение в нравственном отношении догмата о Божестве И. Христа со *стороны отрицательной* (§ 2, стр. 5–9).

Но гораздо важнее в решении данного вопроса *положительная сторона*, заключающаяся в рассмотрении условий нашего нравственного развития, совершенствования, которое вовсе неотделимо от живой веры в И. Христа, как истинного Бога. Каковы же эти условия? В человеке происходит постоянно борьба двух начал – добра и зла. «Переход к добру от зла (по Канту) не может произойти в человеке без боли. Чувство внутреннего разлада и обновления причиняет мучительные страдания, так как истребляемые злые наклонности пустили глубокие корни в природе человека»;

«потому умирание ветхого человека, его распятие со страстями и похотями – самое болезненное из всех страданий». Но где же нам искать постоянного побуждения к тому, чтобы не только неуклонно работать над своим усовершенствованием, но и мириться со всеми, проистекающими отсюда страданиями? Кант решает этот вопрос легко: достаточно найти для человека вдохновляющий пример. Бесспорно, нравственный облик И. Христа возвышает и умиляет дух; но этого недостаточно: нужна вера в Божество Христа; в противном же случае этот облик начинает тускнеть и казаться чем-то условным.

Кроме внутренней борьбы – христианин должен ещё бороться с миром, который проникнут грехом в самых основных законах органической жизни и борьба эта закончится победой над миром, который весь во зле лежит, только тогда, когда подвижник будет иметь за собой пример Христа, безначального и истинного Бога, и веру в искупительные заслуги нашего Божественного Спасителя, истинного и доброго Пастыря, сострадающего каждому человеку, объемлющего всех Своей сострадательной любовью и вливающего потому в каждого из верующих нравственные новые силы для борьбы со злом. Итак, Спасителем нашим может быть только Бог, приобщающийся нашего существа, т. е. Богочеловек и при том Сострадалец наш (9–18 стр.). Спасительное учение, принесённое на землю Христом, не только возводит постепенно к святости каждого искреннего своего последователя, но и саму общественную жизнь открывает перед ним в совершенно новом свете, в свете любви и надежды; вера и исполненное любви сострадание – всех объединяет во Христе и возводит ко Христу: о безличном исчезновении всех (слияние с Нирваной), как учат пантеисты и толстовцы, не может быть и речи (20–21 стр.).

Из представленного нами краткого содержания брошюры архимандрита Антония явствует, на сколько глубоко заблуждаются те, которые отрицают внутреннюю связь между догматами веры и нравственностью, и насколько является малоизвестной нравственность, покоящаяся не на догматической основе.

Брошюра изложена довольно популярно, но не лишена при этом научно-философского характера; потому она может быть полезна как для поколебленных в вере пантеистическо-материалистическими воззрениями Л. Толстого, так и для Любомудрствующих в области христианско-богословского ведения.

П. Козицкий

Вишневский Н.Л. [Рец. на:]: Архимандрит Антоний. Беседы о превосходстве православного понимания Евангелия сравнительно с учением Л. Толстого. Изд. 2, СПб. 1891 г., 48 стр. С. 468–469

Автор поставил своей задачей не полемику с гр. Л. Толстым, не указание многочисленных противоречий в его учении, но сравнение религиозно-нравственных идеалов последнего с идеалами православной веры. «Истина православия, говорит он, сияет таким светом, что не нуждается в охулке на всё ей чуждое, в опорочении противных ей учений. Для людей добрых, ищущих истины, достаточно только открыть глаза на этот её духовный свет, чтобы они поняли, где находится истина» (стр. 11). Исходя из этого убеждения, автор держится в своих беседах такого приёма: излагает сначала учение гр. Толстого по тому или другому вопросу и затем противопоставляет ему учение об этом же вопросе православной Церкви; благодаря такому сопоставлению, истина и превосходство последнего сравнительно с первым открываются перед читателем как бы сами собою. Из предметов православного богословия, извращаемых гр. Л. Толстым, в «Беседах» о. Антония рассмотрены следующие: о Боге-Отце, о Христе-Спасителе, о Духе-Освятителе; о заповедях Господних и отношении к ним пресловутых пяти заповедей Толстого. Последняя (6-я) беседа посвящена раскрытию превосходства православного понимания нравственного закона, как требующего от христианина самоотверженной любви и смирения, сравнительно с пониманием его Толстым, полагающим сущность нравственного закона лишь в возвышении духа над плотью.

Учение гр. Л. Толстого трактуется в «Беседах» о. Антония не столько как ложь, сколько как заблуждение, имеющее своим источником недостаточное знакомство с духом православного учения и выражающееся главным образом в узком и одностороннем понимании учения евангельского. Раскрытие полноты превосходства православного понимания последнего

сравнительно с односторонностью учения Толстого ведётся автором спокойно, но убедительно и нигде не прерывается спорами и препирательствами, которые всегда вызывают в противниках раздражение и мешают пристрастному обсуждению исследуемого вопроса.

Нельзя не отметить здесь вполне справедливого мнения о. Антония об одной из причин поразительного успеха у нас толстовского и всяких иных лжеучений. Такую причину он видит в том, что жизнь нашего образованного общества, считающегося православным, слишком далеко уклонилась от Евангелия. «Не мудрена, говорит он, система переделанного (Толстым) Евангелия, её также просто опровергнуть, как и всякие другие заблуждения; но все они будут страшно заманчивы и заразительны, пока истина, пока православие будут существовать только в книгах, да в проповедях, а осуществляться лишь в деревенской глуши, да в пустынях Валаама или Афона» (стр. 48).

Н. В.

**Козицкий П.А. [Рец. на:]: Южнорусский штундизм.
Исследование священника Арсения
Рождественского. СПб. in. 8° IV+295 стр. Цена (без
пересылки) 2 руб. С. 469–471**

Капитальный труд священника А. Рождественского, посвящённый обстоятельному и всестороннему исследованию «Южнорусского штундизма», представляет ценный вклад в нашу богословско-историческую литературу (по отделу сектантства) и, бесспорно, занимает в ряду других исследований по данному вопросу самое видное место. Автор с особой тщательностью и усердием собрал весь имевшийся в повременной тогда (до 1889 года) печати материал, пополнил свои сведения новыми данными, извлечёнными из архивов Киевской и Одесской д. Консисторий и братства св. Андрея в Одессе, и личным знакомством со штундизмом в местах первоначального его зарождения (в Киевской и Херсонской губ.) и с его главнейшими вожаками – пропагандистами, – и с не меньшей тщательностью научно обследовал его. Это-то и даёт нам право на особое внимание к исследованию о. А. Рождественского «Южнорусский штундизм».

Труд о. Рождественского распадается на две почти равные части, из коих первая посвящена внешней истории штундизма (18–165 стр.), а вторая – внутренней его истории (166–285 стр.). Исследованию своему автор предпосылает сравнительно небольших размеров введение (1–17 стр.), где и даёт определение штундизма, касается рукописных (архивных) данных об этом сектантстве, представляет список более или менее выдающихся печатных произведений о нём и навёртывает план для своего исследования. Первая часть состоит из трёх глав. В первой главе автор ставит штундизм в тесную связь с религиозным брожением 50-х и 60-х годов среди русского народа – с одной стороны, а с другой – с брожением среди южнорусских колонистов евангелического и реформатского исповеданий, – и самым подробным образом рассматривает внутренние и внешние условия, создавшие

почву для того же штундизма. Вторая и третья главы посвящены истории возникновения и распространения штундизма в пределах Херсонской, Киевской и отчасти Подольской губерний и касаются тех мероприятий, которые в то время предпринимались духовной и гражданской властью против сектантов. Автор историю штундизма доводит до 1887 года; кстати заметим, что он совершенно искусственно делит историю штундизма на два периода – до 1870 года и с 1870–1887-й год.

Вторая часть состоит из четырёх глав: Первая посвящена изложению вероучения штундистов; причём автор касается здесь таких вопросов, как отношение штундизма к молоканству и пашковщине и воздействие баптизма на штундизм. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что автор излагает содержание вероучения штундистов не согласно делению сектантов на толки (младо-штундисты и старо-штундисты или Косяковский и Чаплинский толки), а согласно характеру самого вероучения: сначала он излагает его отрицательную сторону, а затем и положительную; положительная сторона вероучения заимствована автором из чаплинского вероисповедания. Учение дымиевских штундистов и учение Сливко, как не подходящие под общий тип сектантского вероучения, нашим исследователем изложены отдельно. Не оставлена также без внимания и социально-политическая сторона в учении штундистов.

Вторая глава имеет своим предметом разбор вероучения штундистов; причём разбор сделан как отрицательных, так и положительных пунктов учения сектантов. Постановка дела у автора совершенно правильная, так как лжеучения сектантов он опровергает исключительно на основании Слова Божия. Но так как автор не имел в виду преследовать одни только полемико-апологетические цели, то и самому разбору сектантского лжеучения уделил столько внимания, сколько необходимо было в общей системе его исследования. Потому-то в этом пункте труд о. Рождественского не может быть назван полным и надлежаще разработанным.

Третья и четвёртая главы касаются жизненной стороны сектантства, а именно: третья обследует богослужение и весь

богослужебно-практический его ритуал, а четвёртая – посвящена организации штундистских общин и быту сектантов.

В заключение считаем не безынтересным познакомить читателей с теми выводами (конечно, вполне научными), к которым автор пришёл в своём исследовании. По нему:

1) Штундизм – следствие пропаганды протестантизма, нашедшей себе почву в условиях религиозной жизни приходских общин.

2) Штундисты, по существу своему, – неудачная попытка со стороны простого народа выработать, под влиянием протестантизма, своё особое вероучение.

3) Нравственная доктрина штундизма вследствие того, что широта и глубина нравственных истин оказалась сектантам не по плечу, отличается предписанием узкой морали (282–285 стр.).

В книжке о. Рождественского, как и во всяком серьёзном труде, в конце находится указатель замечательных лиц и мест, встречающихся в исследовании (287–295).

Изложенное нами содержание исследования «Южнорусский штундизм» говорит красноречивее всяких похвал, что труд о. Рождественского заслуживает особого внимания тех, кто особенно интересуется исторической стороной сравнительно молодого ещё в нашей церковной жизни сектантства, известного под именем штундизма.

П. Козицкий

**Краткие беседы Архимандрита Павла с
именующимися духовными христианами, более
известными под именем молокан. Издание братства
св. Петра, Митрополита Московского. 1887 г., л. 8, ст.
55. Цена 7 коп. С. 471–472**

Покойный Архимандрит Павел (Прусский), бывший настоятель единоверческого монастыря в Москве, стяжал себе неувядаемую славу на миссионерском поприще: личность его, литературные и миссионерские труды пользуются широкой известностью. О. Павел, как вышедший из раскола, посвящал труды свои преимущественно делу вразумления близких сердцу его раскольников, хотя в тоже время не уклонялся от собеседований и с сектантами, с которыми приходилось ему встречаться во время миссионерских поездок по России. Беседы эти частью вошли в собрание его сочинений, но в более подробном виде изданы они Московским братством св. Петра Митрополита отдельной брошюрой под вышеприведённым заглавием. В помещённых в настоящей брошюре беседах приснопамятный автор не имеет в виду опровергать систематически все заблуждения молоканской секты, а касается лишь главнейших пунктов лжеучения, так что в рассматриваемом нами издании помещено только пять бесед: о водном крещении, о приношении бескровной жертвы Тела и Крови Господни, о таинствах священства и исповеди, о написанных церковных преданиях, о поклонении иконам и о почитании Креста Христова. Из всех вопросов, разобранных здесь о. Павлом, вопрос о водном крещении, отрицаемом молоканством, наиболее подробно и обстоятельно разобран и самым тщательным образом обоснован данными из Свящ. Писания Н. Завета. Вопросу же о поклонении иконам и о почитании Креста Христова, к сожалению, не достаёт той же обстоятельности.

Изложение бесед – простое, общедоступное, облечённое в диалогическую форму и проникнутое при этом духом любви и снисхождения к заблуждающимся. В виду несомненных

достоинств «Краткие беседы» архимандрита Павла могут быть весьма полезны как для миссионера, так и пригодны для простого народа, нуждающегося в ограждении от сектантских заблуждений.

**Вишневский Н. Л. [Рец. на:]: Прот. И. Виноградов.
Духоборец. М. 1889, 120 стр. С. 472–473**

Рассказы и вообще беллетристические произведения, содержанием которых служит жизнь сектантов, могут иметь значение и цену только в том случае, если они действительно изображают жизнь сектантов, действительно вводят читателя в круг идей и интересов этого скрытого малоизвестного мира. Но для этого необходимо, чтобы подобные произведения являлись результатом наблюдений самого автора над жизнью сектантов, а не были плодом кабинетного сочинительства, на основании «источников и пособий». К сожалению, у нас в литературе есть довольно таких «сочинений» на темы из сектантской жизни и очень мало произведений, знакомящих читающую публику с действительной жизнью сектантов, с их бытом, культом, нравами, обычаями и т. п. «Духоборец» о. Виноградова принадлежит к разряду таких именно сочинённых рассказов, хотя в нём читатель найдёт и романическую подкладку и таинственного незнакомца, в качестве героя, неожиданные встречи, переодевания и другие любимые у беллетристов аксессуары, но всё это, как и сама фабула рассказа, не есть плод творчества и потому не имеют существенного значения, а введены автором единственно затем, чтобы заинтересовать читателя и оживить сухое содержание книжки – изложение и опровержение учения духоборцев. К беллетристическим приёмам автор прибегает всегда, как только ему начинает казаться, что беседа о богословских предметах затянулась и может утомить благосклонного читателя, – тут сейчас же является на сцену и Аксинья Зиновьевна с самоварчиком (40), одна из действующих лиц, – или ножка жареной утки с мочёным виноградом (117) или другое что-нибудь подобное. Беседа несомненно оживляется, но за то внимание читателя постоянно отвлекается от главного предмета, в ущерб задаче труда почтенного автора, и потому рассказ не даёт ни полного изображения жизни и быта духоборцев, ни цельного представления об их вероучении, ни связного опровержения

последнего. «Духоборец» о. Виноградова это – ряд случайных бесед и споров о нескольких предметах духоборческого учения. Нам думается, что, если бы автор эти же самые беседы и споры изложил в некоторой системе и апологетическим методом, работа его была бы ближе к цели. Но и в настоящем виде труд почтенного о. протоиерея, представляя собой эпизодическое изображение некоторых сторон жизни и воззрений секты, несомненно полезен в нашей сравнительно бедной популярной литературе по обличению духоборчества и читается легко и с интересом.

Н. Вишневский

**Известия и заметки // Миссионерское обозрение.
1896 г. № 1–12. С. 474–478**

† **Некролог.** В 8½ час. утра 3 декабря, волей Божией, скончался кафедральный протоиерей Киево-Софийского собора **П. Г. Лебединцев**, на 76 году жизни и на 52 году доблестного служения своего духовному просвещению и Церкви. Уроженец Киевской губернии, воспитанник местной академии, почивший о. протоиерей был одним из известных знатоков края и его истории и горячо любил родную Украину. Начав скромно свою должностную деятельность, в качестве законоучителя Белоцерковской гимназии, а затем второго священника Успенского Киево-Подольского собора, благодаря блестящим дарованиям ума и характера, скоро выдвинулся на высокий пост кафедрального протоиерея св. Киевской Софии и был ближайшим сотрудником четырёх Киевских Митрополитов по административному управлению епархией. Полувековая деятельность почившего была так разностороння и широка, что надлежащая и полная оценка её подлечит суду истории, где имя о. Протоиерея П. Г. Лебединцева будет отмечено в числе выдающихся исторических деятелей здешнего края и епархии Киевской. Известен почивший и в литературе, как историк и археолог. Умный и чуткий к влияниям современности, о. Протоиерей П. Г. не мог стоять в стороне, и от такого жгучего вопроса, как южнорусская штунда, явившаяся в Киевской епархии, когда этот почтенный деятель был ещё в расцвете сил. Вместе с приснопамятным Митрополитом Киевским Арсением о. Протоиерей Лебединцев, на первых же порах проявления этой секты, посещал главные очаги нового штундового брожения. Вопросу о штунде покойным посвящено несколько интересных статей в «Киевской Старине» и местных «Епархиальн. Ведом.». Существует по этому вопросу и отдельное издание почившего под заглавием «Материалы для истории штунда»; в нём сообщены ценные сведения, положившие основу истории южнорусского штундизма о. Рождественского. Независимый вообще, и в этом вопросе почивший о. Протоиерей держался

особого мнения как о происхождении, так и характере штунда, которую он сливал с баптизмом. По вопросу о малеванской секте почивший также держался своего мнения, считая это новое явление старым хлыстовством. На штундовое брожение почивший устанавливал между прочим взгляд как на типическое выражение народного духа малорусского свободолюбивого казачества (гетманщины), и потому полагал, что движение это должно локализоваться в пределах малороссийских губерний и будет чуждо обрядоверного великорусского народа.

Мир праху много потрудившемуся и добре скончавшемуся
служителю алтаря Господня!

Э. Я.

Казанский Р. свящ. Обследование поволжского сектантства. С. 475–478

Известная «поволжская воля» издавна приманила в эту полосу Российской империи «всякую вольницу», в том числе и многочисленных последователей раскола и старого сектантства, а также и немецкую голытьбу, успевшую здесь на тучных полях и степях скоро нажиться и зазнаться. В последние годы в поволжских губерниях стало о себе заявлять новейшее сектантство, – штунда и баптизм и мистические, тайные ереси, известные здесь под именем монтанства, мормонства и просто хлыстовства. Штунда успела проникнуть между прочим и в пределы Нижегородской губернии в среду коренного православного населения. О поволжском сектантстве и в частности о Самарских мормонах между прочим много писалось в нынешнем году в либеральной «Неделе». Обер-Прокурор св. Синода, признавая нужным иметь верные сведения о состоянии сектантства в Поволжье, командировал для специального обследования сектантского вопроса чиновника своего для поручений по сектантским делам В. М. Скворцова, редактора-издателя «Миссионерского Обозрения». Обследование В. М. Скворцовым произведено в течение истекшего сентября и октября месяца. По поводу бесед В. М. Скворцова с сектантами в «Самар. Епарх. Вед.» (№ 21), священником о. Казанским сообщены не лишённые общего миссионерского интереса следующие подробности:

„6 и 7 октября 1896 года село Сухую Вязовку, Вязовый Гай, Николаевского уезда, и село Колывань, Самарского уезда, в сопровождении епархиального наблюдателя А. М. Матюшенского, посетил, командированный Обер-Прокурором Святейшего Синода, для ознакомления с состоянием сектантства сих местностей, редактор-издатель почтенного журнала „Миссионерское Обозрение“ Василий Михайлович Скворцов.

О сём событии нам приятно отметить потому, что в лице его православный народ и сектанты в первый раз увидели светского

учёного, опытного и преданного своему делу миссионера, облечённого особым доверием высшего начальства.

Обычно сектанты и отчасти православные смотрят на духовных миссионеров без особенного доверия, думая, что они увещевают заблудших сектантов исключительно в своих интересах.

В вышеозначенных сёлах г. Скворцов вёл беседы с разными сектантами: хлыстами, мормонами, молоканами, евангеликами и штундистами.

При собеседовании с хлыстами выяснилось, что многие из них, в виду бдительности и энергии нашего Архипастыря Преосвященного Гурия в борьбе с сектантством, убедившись в невозможности сокрыть от глаз священников и епархиального начальства свои гнусные деяния под покровом православия, дошли до мысли назвать себя молоканами, как пользующимися большой свободой, и под сим именем с большей смелостью совершать свои моления с верчениями и плясками.

На вопрос миссионера г. Скворцова, к какой вере принадлежат подозреваемые в хлыстовстве, не желавшие отречься от него, твёрдо и во всех сёлах одинаково называли себя молоканами.

На вопрос, к какому толку, к каким молоканам – старым, или новым принадлежат они, хлысты отвечали, что они и сами не знают. – Знают ли они молоканское вероучение? – Они отвечали, что пока ещё нет, но со временем научатся. На вопрос, сделанный г. Скворцовым старым молоканским начётникам села Сухой Вязовки, желают ли они принять, якобы перешедших из хлыстов в молокане, в свою общину, они решительно отвечали, что не желают из боязни, что они „испортят и их, а об одном (Зенкове) фанатичном хлысте, бывшем ранее в молоканстве, заявили: „потому они отлучили его из своего общества, что он сошёл с ума“.

Старые молокане села Сухой Вязовки на беседе показали себя застывшими в своём вероучении. Наставники их, при своём самомнении, отличаются невежественным пониманием слова Божия, наприм., при рассуждении о необходимости таинства св. причащения, молаканский начётчик чашу, на

которую указывал Иисус Христос на тайной вечери, понимает, как часть страданий.

Штундисты же признают необходимость преломления хлеба раз в год в великий четверг в воспоминание Иисуса Христа, но не как таинство, имеющее благодатное значение, а как обряд. Г. Скворцовым ясно и назидательно были опровергнуты заблуждения тех и других относительно неправильного учения о таинстве св. причащения и незаконности поставления пресвитеров, не имеющих преемственного рукоположения от времён апостолов.

В с. Вязовом Гае хлысты, или так называемые мормоны, назвавшие себя молоканами, представляют из себя смесь хлыстовства с молоканством. Вожаки их отличаются грубостью и фанатизмом. С ними была беседа о необходимости иконопочитания и о церкви. На слова мормонов Селищева и Акима Щелокова: „они потому не желают поклоняться иконам, что в евангелии нигде не сказано об этом“, г. Скворцов ответил, что нет на это и запрещения. Из св. Писания видно, что святыням поклонялись и нужно поклоняться. Далее было выяснено, что икона – святыня, а не идол, как они говорят. Изображения на иконах не выдуманы, а идолы вымышлены, например, Дух Святой изображается в виде голубя потому, что он так являлся на самом деле при крещении Господнем. Если бы Духа Святого изобразили в другом виде, в каком Он не явился в действительности, тогда сектанты могли бы сказать, что православные поклоняются вымышленным изображениям. Язычники же поклоняются вымышленным истуканам. При сём было рассказано, как г. Скворцов сам видел языческих истуканов, почитаемых ими за богов, как язычники, в случае удачи в делах, ублажают их, а при неудаче секут, ругают и т. п.

При беглом знакомстве с Колыванскими хлыстами, назвавшими себя молоканами, для г. Скворцова было ясно до очевидности, что они ничего общего не имеют с старыми молоканами, понятие о которых точно определилось и в науке, и в жизни. Они представляют из себя застарелых фанатичных хлыстов со всеми их безобразными качествами, как физическими, так и нравственными. Лица их бледные, из них

заметно много больных, нервно расстроенных; лицемерие и лживость их не может не возмутить постороннего человека. Когда для доказательства своей принадлежности к молоканству, по просьбе г. Скворцова, они запели из какого-то псалма стихи, то немедленно все пришли в особенное возбуждённое нервное состояние, невольно поражающее посторонних зрителей: почти все хлысты плакали, некоторые начали всхлипывать, а иные пристукивать ногами.

Заслуживают особенного внимания увещательные речи г. Скворцова, произносимые в конце бесед, при значительном стечении и православного народа. Не буду излагать пространное и назидательное содержание их подробно, а коснусь только некоторых мыслей их, особенно подействовавших на слушателей. В речах красноречиво были раскрыты заблуждения сектантов, неприглядные стороны их вероучения, не имеющего общего с истинно-христианским учением. О хлыстах было сказано, что они хуже язычников. Язычникам, по незнанию, по неведению творящим „естеством законное“, легче будет отвечать пред Богом; хлыстам же, предающим себя разврату, живущим по похотям мира сего, не будет оправдания в будущей жизни. Затем православный народ призывался твёрдо держаться православия, а сектанты – оставить свои заблуждения и идти по следам нашего предка князя Владимира и его народа. „Когда князь Владимир, приняв веру православную, призвал к тому народ, то тот народ послушался его, рассуждая: „видно хороша вера, когда принял её наш князь“. „И нам нужно брать пример с наших предков. Государь

Батюшка Царь Наш православный, он твёрдо содержит свою веру. Посмотрели бы вы, говорил г. чиновник, как Государь наш Николай Александрович почитает святыни православной Церкви, с каким благоговением поклоняется он мощам и чудотворным иконам, как приемлет он благословение от митрополита, и смирились бы гордые сердца ваши. Кто такие сектанты, что бы могли думать, что они одни знают истину больше Отца своего – Государя Батюшки!“

„Видя православный народ, истерзанный кощунством и хулениями наших святынь от разных сектантов, Господь послал нам в подкрепление и утешение явное чудо: 9 сентября сего года открыты мощи Святителя Феодосия Углицкого. Двести лет лежало в гробе тело Святителя в сыром месте и осталось нетленным, как будто Святитель умер назад тому несколько дней“, приблизительно так в заключение говорил В. М. Скворцов. При этом рассказано было о некоторых чудесных исцелениях, совершённых у мощей Святителя, и как некоторые старообрядцы, подобно неверующему Фоме, осмотрев мощи, облобызав их и увидев сами чудотворения около мощей, удостоверили перед всеми, что во истину нетленны мощи Святителя Феодосия. Красноречивые беседы, увещания и рассказы очевидца, облечённого доверием высшей власти, произвели на православный народ и на сектантов глубокое, трогательное впечатление.

Самарского уезда села Березового Гая, священник *Дмитрий Казанский*

1896 г. 9 октября.

Примечания

¹ - Мякина, также поло́ва – южн. Полотица вологодск. пелева, мякина, хлебные плевелы, обой от молотьбы, отвеянная лузга. – Редакция Азбуки веры.

² - Из послания преосвящ. Никанора, архиеп. Херсонского и Одесского, доблестного поборника Православия, горячего ревнителя отечественн. преданий и неусыпного охранителя всех добрых начал русской народности. К общему назиданию нашему и к вящей похвале имени незабвенного Архипастыря, со дня блаженной кончины коего ныне исполнилось 5-ть лет.

³ - На основании одобренных Св. Синодом постановлений 2-го миссионерского съезда и сведений всеподданнейшего отчёта Синодального Обер-Прокурора за 1891–92 гг.

⁴ - Сюда-же должно относить толстовщину, не подлежавшую обсуждению съезда, так как еретическое лжеучение это успело позже обнаружиться, как особая секта с ясно выразившимися антицерковными атеистическими и социалистическими чертами.

⁵ - Главнейшие из них следующие: „хмельного не пейте, плотского греха не творите, не женатые – не женитесь, а женатые – разженитесь, на свадьбы, крестины, родины не ходите, заповеди держите в тайне – ни отцу, ни матери, ни попу, ни сырой земле не объявляйте, Св. Духу верьте“.

⁶ - На основании примеров Авраама, принявшего к себе странников (Быт. XVIII гл.), и Раавы блудницы, принявшей к себе в дом еврейских соглядатаев (И. Навина 2 гл.), и наставления Ездры: „старца и юношу у стенах твоих сохрани“ (3Ездр.2:22) и слов Самого Христа: „был странником и вы приняли Меня“ (Мф.25:35), молокане учат, что нужно укрывать у себя всех прибегающих под их кров: военных дезертиров и всяких других преступников. Оправдывая своё пристанодержательство, молокане между прочим говорят: „мы не знаем, виноваты или нравы беглецы; закон часто бывает не справедлив и судьи судят ошибочно, власти же преданы суете, часто требуют противного закону“... „Да если бы преследуемый был и действительно

виновен, если бы он был злодей, разве, убегая наказания, он не может покаяться, а покаяние разве не загладит преступления? Выдавать беглецов правительству, говорят сектанты, воспрещается Писанием“ (Втор.23:15,16).

⁷ - Между тем, некоторые суемудрствующие интеллигенты, либеральная часть нашей прессы и заграничные органы печати и даже иные из исполнительных органов судебной и административной власти, не имея истинного понятия о существе штунды и её настоящем влиянии на народную среду, проводят в обществе неверные мнения о секте и стараются устанавливать спокойный взгляд на её развитие. Всё это делает борьбу с штундовой сектой вопросом сколько трудным и сложным, столько-же важным и не отложным, пока секта находится в первом поколении.

⁸ - Съездом, за отсутствием обстоятельных сведений, не охарактеризованы некоторые из старых сект, как напр. духоборство и другие новейшие. Описание существенных черт учения и жизни на страницах нашего издания будут даны в следующих книжках.

⁹ - В. М. С. „О штундизме и мерах борьбы с сектой“.

¹⁰ - В Московских Ведомостях в 1895 году печатались „Отрывки и Очерки“ Л. Тихомирова под заглавием „Пропагандисты“. Это – воспоминания о революционной деятельности наших политических кружков 70-х годов. Там мы находим один очень характеристичный факт в описании колебания веры рабочих. „Помню, один рабочий стал неожиданно полным атеистом. На вид он дитя и нам самим казался весьма неразвитым, учился плохо, не умел связать двух слов, вообще считался у нас очень „средним“. Вот он-то однажды и объявил, что убедился в несуществовании Бога. Он, оказывается, произвёл опыт: начал есть скоромное по постным дням и ничего вредного от того не почувствовал. Этого оказалось достаточно для него, чтобы совершенно потерять всякую веру“. Спрашивается теперь: на чём у этого рабочего держалась его вера, если так легко можно было её потерять? Ведь тут мы имеем случай даже не „совращения“, потому что и

„совращать“ не с чего. И что, если таких простецов, как этот рабочий, у нас много?..

¹¹ - Какая разница в этом случае по результатам в противораскольничьей миссии. Как часто там обращённый начётчик становится убеждённым и энергичным миссионером!

¹² - Наросль и (редко) нарость, и, ж. устар. (всё, чторосло) То же, что нарост (1–2)... – Редакция Азбуки веры.

¹³ - Литература вопроса: 1) Архиеп. Никанора: „Православие и штунда“ 1886 г. 2) Проф. И. И. Малышевского: „о зарождении религиозных сект в России с рационалистическим направлением“ Тр. Киев. дух. Акад. 1883 г. № 12; 3) „Земство и раскол“. А. Щапова. СПб. 1862 г. 4) А. Пругавина: „Значение сектантства в русской народной жизни“. Русск. Мысль 1881 г. № 1:5) Е. Барсова: „Новейшие исследователи русского раскола“ Прав. Об. 1873 г. №№ 1 и 2; 6) Прот. Панова: „Периодическая печать о значении русского раскола“. Тул. Епарх. Вед. 1881 г. № № 15–17:7) А. Пругавина: „о необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства“ Извест. Импер. Русск. Географ. Общества. 1880 г., вып. 3-й и 8) Г. Георгиевского: „Христианство в понимании русских людей в до монгольский период“ Чт. в Общ. Любит. Дух. Просвещ. 1893 г. № № 5–7.

¹⁴ - Редакция, не разделяя вполне взгляда на русское сектантство, как на явление самобытное, самородное, оставляет на ответственности Автора историч. достоверность и основательность такого взгляда.

¹⁵ - См. Чт. Общ. Люб. дух. Просв. 1893 г. №№ 5–7 статья Георгиевского „Христианство в понимании русских людей“, стр. 283.

¹⁶ - Там же. „Послание некоего старца... о схиме“, стр. 347.

¹⁷ - Конкорданция – Симфония, или конкорданция (греч. συμφωνία «созвучие»; лат. concordia «согласие») книга, в которой собраны из одного или нескольких сочинений места, состоящие из одних и тех же слов (так наз. конкорданция слов) или содержащие один и тот же смысл... – Редакция Азбуки веры.

¹⁸ - Достоинно внимания, что среди последователей штунды процент отставных солдат самый подавляющий, – они же везде обыкновенно занимают руководящее положение в общинах сектантских.

¹⁹ - Алчба́, – книжн. устар.: алчность, голод, жадность, жадоба, ненасытность... – Редакция Азбуки веры

²⁰ - Необходимо заметить, что новейшее сектантство вербует свои ряды, главным образом, из грамотного контингента села, которым является первое поколение освободительной эпохи – люди в возрасте от 25–35 лет от роду.

²¹ - Южнорусские штундисты считают г. Пашкова своим меценатом, по-хохлацки „батька-атаман“ и величают его не иначе, как графом Пашковым.

²² - Собственно говоря, секта штунды пользовалась предоставленными законом 1883 г. правами и льготами неосновательно, так как она вовсе не значится в числе зарегистрированных толков, на которые распространён закон 1883 г.

²³ - Конечно исключения возможны в ту и другую сторону, и опыт есть. Но здесь имеется в виду большинство и при том со стороны одной только подготовки. Между тем успех в деле миссии обуславливается и многими другими качествами миссионеров. Ред.

²⁴ - К сожалению, наши миссионеры и пастыри, невидимому, не все знакомы с этой инструкцией и не всегда сверяются с ней в своей деятельности. В последующих книжках журнала мы намерены напечатать эту инструкцию полностью и издать её отдельно для удобств пользования ею.

²⁵ - Указ Св. Синода № 9 от 21 декабря 1892 года.

²⁶ - Не отрицая, даже нисколько не умаляя серьёзности заключений съезда о высокой важности изготовляемой для печати толковой Библии, мы однако же решаемся высказать опасение, как бы подобное издание, распространённое в народе, не стало так называемым самоучителем и тем самым не ослабило в нём сознания необходимости живого союза с Церковью учащей в лице руководителя, облечённого божеств.

полномочиями Церкви, законного пастыря в своём приходе. Ред.

²⁷ - В следующих книжках „Мисс. Обзор.“ имеют быть напечатаны эти каталоги с указанием, какими новыми изданиями полезно было-бы пополнить каталоги миссионерских библиотек, изданн. в 1891 году.

²⁸ - Говорилось с решительностью и документальностью в утвердительном смысле. Ред.

²⁹ - Рорбах – название немецкой колонии в Херсонской губернии. Ред.

³⁰ - Заметка наша о сём в церковных ведомостях 1895 г. № 37.

³¹ - См. наше руководство по истор. и облич. раскола, ч. III, стр. 207. изд. четвёртое. Более обстоятельные сведения о шадринской секте в связи с сектой Ильина надеемся сообщить в следующей книжке.

³² - Разбор этого сочинения начат печатанием в Страннике (август 1894 г.), но, по неизвестной нам причине, приостановлен. Между тем необходимость его настоятельна в виду предохранения многих от соблазна. Старообрядческие со-вопросники последнего времени и любят прикрываться туманом. Более же туманного произведения мы не знаем.

³³ - Мария – дух, Марфа – плоть. Это термины чисто хлыстовские.

³⁴ - Примечательно, что его последователи, восхваляющие его учение о непротивлении злу и о прочем, и требующие от других исполнения его правил, сами и не думают показать пример. Прошедшим летом неизвестный пассажир, ехавший по Московско-Нижегородской железной дороге, восхвалял пред другими учение Толстого о непротивлении злу, не находя возражателей. Но на одной станции, во время его отсутствия, на его место села новая пассажирка, не зная, что оное занято. Возвратившийся в вагон проповедник стал заявлять свои права на место, и когда новая пассажирка стала их оспаривать, то позвал для разбора дела кондуктора. Тогда один из слушавших его проповедь заметил ему: „ведь вы сейчас говорили, что не

нужно противиться злу и жаловаться на обидевшего, а это теперь сами и делаете“! Проповедник устыдился, отошёл в угол вагона и более не проповедовал. Как легко иногда в жизни решается то, что в теории кажется мудрёным. Приведённый случай передавал нам сам участвовавший в разговоре.

³⁵ - Письмо 57 к Вигилиянцию (Творения бл. Иеронима в русск. перев. ч. II, стр. 168).

³⁶ - Там же. стр. 166–167.

³⁷ - Письмо 89 к Рипарию (Творения бл. Иеронима ч. 3, стр. 59–63).

³⁸ - Твор. бл. Иерон. ч. IV. стр. 293–295.

³⁹ - Там же. стр. 299.

⁴⁰ - Там же. стр. 299–300.

⁴¹ - Твор. бл. Иерон. ч. III. стр. 59; ч. IV. стр. 297.

⁴² - Твор. ч. IV. стр. 298.

⁴³ - Твор. ч. III. стр. 59.

⁴⁴ - Твор. ч. III. стр. 59–60.

⁴⁵ - Там же, стр. 60–61.

⁴⁶ - Твор. ч. IV, стр. 298–299.

⁴⁷ - Твор. ч. IV, стр. 299.

⁴⁸ - Там же, стр. 301–202.

⁴⁹ - Так Вигилиций называет св. мощи.

⁵⁰ - Твор. бл. Иерон. ч. IV. стр. 304.

⁵¹ - Там же, стр. 306.

⁵² - Там же, стр. 305.

⁵³ - Твор. бл. Иерон. ч. III. стр. 62.

⁵⁴ - Твор. ч. IV, стр. 303–304.

⁵⁵ - Там же, стр. 308–310.

⁵⁶ - Там же, стр. 308.

⁵⁷ - Там же, стр. 305.

⁵⁸ - Мы передаём вероучение ново-хлыстов, составленное на основании слов самих сектантов, частью слышанных и записанных нами лично, а частью чрез посредство диакона

станции Зассовской А. Б., находящегося в родстве с главным вожаком местных ново-хлыстов В. Бандаренко.

⁵⁹ - Ныне редко где можно встретить такие открытые приёмы пропаганды, какие, например, по сообщению Киев. Епарх. Вед., пытались в не давнее время практиковать вожаки Шендировской общины: последние выходили на дорогу и открыто смущали идущих в Киев богомольцев, уверяя их, что достаточно только веровать в Евангелие, чтобы спастись и не следует ходить на поклонение св. угодникам. Назад тому лет десять такие же картинки наблюдались и близ Киева. Обыкновенно усталые благочестивые пилигримы, в знойные полудни, завидя златоглавые храмы киевские, останавливаются на опушке лаврского леса близ колодцев, верстах в 5–7 от города. Положивши три земных поклона по направлению к святому граду, путники отдыхают под тенью деревьев, отрясают пыль, умывают загорелые лица ключевой водой. Но вот к группе богомольцев подходят два вожака местной штунды в немецком интеллигентном костюме, подсаживаются к богомольцам под видом отдыха и завязывают, как бы случайно, разговор на тему: откуда и зачем именно в Киев? Пилигримы в простоте отвечают, обыкновенно: «Богу помолиться» – А разве нет в ваших местах Бога? – ехидно вопрошают сектанты. Смущённые неожиданным вопросом простецы поправляются, говоря, – что в Киеве они желают святым угодникам Божиим поклониться и к нетленным мощам приложиться. Тогда сектантские агитаторы и начинают спрашивать, что не ошибаются-ли они и вынимая Евангелие читают и поясняют, что «един Бог свят», что ни в Киеве, нигде в другом месте не может быть на земле святых, а мощи – это обман и прочее известное хуление дорогих народу русскому святынь. В час беседы еретики успевают вселить сомнение в душу верующих простецов и омрачить блаженное настроение детски верующего сердца; но полного доверия к себе не возбуждают. Не так действуют ныне...

⁶⁰ - См. № 41, 1895 г.

⁶¹ - См. февр. кн. 1., ст. 3.

⁶² - На заметку нашу о мормонах, помещённую в № 37-м Церковных Ведомостей за 1895 год, откликнулся в Братском

слове священник М. Тифлов (№ 17-м). Очень благодарны за сделанное им сообщение. Описанные им „Танцующие братья-баптисты“, действительно, во многом напоминают тех „мормонов“, о которых мы заимствовали сведения из следственного дела. Но сказать решительно, что это – одно и то же, мы должны пока поостеречься. Во 1-х, название другое, хотя, по засвидетельствованию о. Тифлова, „Танцующие“ есть и в самарской губернии (стр. 510). От чего же другое название „мормонов“ при известности первого? 2-е, есть основание предполагать у „мормонов“ противо-нравственные гнусные деяния, в виде хлыстовского свального греха. Есть ли что-либо подобное у „танцующих“? 3-е, название „бог“ не нами придумано, а взято из показаний свидетелей, записанных следователем. По этому делу мы не вызывались в суд, а читали предварительное следствие. Во всяком случае желательно, чтобы сказали своё слово о „мормонах“ самарские деятели. За „Танцующих же братьев“ ещё раз благодарим о. Тифлова. Они напоминают несколько и старых „Прыгунов“ в сочетании плясок с понятиями, имеющими связь с молоканством. (Наше Руков. ч. III, стр. 205–207).

⁶³ - Перепечатано из «Нов. Врем.» в «Казан. Телеграфе» № 885-й.

⁶⁴ - См., янв. кн. I.

⁶⁵ - Не в этом ли находит своё оправдание особая привязанность народа в области веры к обычаю и ревнивое охранение себя от всяких «новшеств»?

⁶⁶ - Источниками для знакомства с сектой стригольников могут служить: а) краткие летописные замечания, которые можно читать в Полн. Собр. Русск. Летоп. тт. III (стр. 78, 86, 93, 97 и 231), IV (стр. 29, 46, 72, 83, 146, 194, 195, 200, 201, 252, 255), V (стр. 235) и VIII (стр. 24). Летописные замечания имеют значение, впрочем, почти исключительно для знакомства с внешней историей секты и ничего не дают для знакомства с внутренней стороной изучаемого явления; б) послания константинопольских патриархов: Нила в Новгород и Псков (1382 г.) и Антония в Новгород (1394 г.), а также московского митрополита Фотия в Псков, писанные им в 1416 и 1427 гг. Все

эти послания можно читать в Актах Исторических, собранных и изданных Археографической Комиссией „т. 1 под №№ 4 (стр. 5–7), 6 (стр. 9–16), 21 (стр. 42–45) и 33–34 (стр. 63–67) Послания патриархов и м. Фотия сообщают весьма ценные сведения касательно внутренней истории стригольнической секты: в) некоторые сведения о стригальниках заключает в себе „Просветитель” св. Иосифа Полоцкого. (См., напр., гл. 16-я в казанском издании 1855 г.). – Пособиями для той же цели могут служить: а) История русской церкви м. Макария (т. IV, стр. 150–164 по изд. 1886 г.): б) проф. И. И. Малышевского статья „О зарождении религиозных сект в России с рационалистическим направлением”. (Труд. Киев. Духов. Акад. 1883 г. кн. 12, стр. 644–684); в) В. Иконникова. „Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории”. 1869 г. (стр. 376–689); г) А. Архангельского. „Нил борский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в древней Руси”, С.-Петербург. 1882 г. ч. 1, стр. 266–274; д) Костомарова. История в жизнеописаниях вып. II, отд. I, стр. 315, –319 и е) Н. С. Тихонравова в Трудах 2-го археологического съезда в С.-Петербурге, т. 2, протоколы заседаний съезда, стр. 35–40.

⁶⁷ - Действительно, накануне моего приезда местный священник, случайно встретив пристава, подвёз его до х. Рыбалки; на хуторе пристав случайно же наткнулся на торжественное погребение штундовского ребёнка и составил на всех участников протокол. Конечно, штундисты не верят в случайность приезда пристава. Этим отчасти и объясняется та злоба, с которой меня встретили штундисты.

⁶⁸ - Продолжение ст. „Секта адвентистов и малеванское движение в штунде”. См. кн. 1 янв.

⁶⁹ - Церковью штундисты называют свою общину.

⁷⁰ - Рядно́ – рядна, мн. рядна, ряден, ряднам, ср. (обл.). – Толстый холст из конопляный или грубой льняной пряжи. – Редакция Азбуки веры.

⁷¹ - Речь свою оратор держал на простонародном малорусском наречии.

⁷² - Буквальные выражения, заимствуемые из Библии и влагаемые в уста проповедника и его противников из штунды, вполне характеризуют приёмы и способы употребления св. Писания, обычные штундистам неучам, начётчикам из простых грамотеев. Ред.

⁷³ - Дифтерит. – В основании рассказа лежит действительный факт умерщвления родной дочери своей матерью в исступлённом религиозном состоянии.

⁷⁴ - Труд. К. д. А. янв. 1896 г.

⁷⁵ - См. Церк. Ведом. 1889 г. № 40.

⁷⁶ - См. Церк. Ведом. 1894 г. № 19, стр. 629–633.

⁷⁷ - Каждую уличную библиотеку необходимо возобновлять, примерно, месяца чрез 3 или 4 новыми листками; этим будет поддерживаться интерес к ней в народе.

⁷⁸ - См. кн. 1., март.

⁷⁹ - См. кн. 1-я, март.

⁸⁰ - Бесермяне (самоназвание – бесерман; удм. бесерман, тат. бисермән, бечерман, устар. тат. керәшен) – малочисленный финно-угорский народ в России, разрозненно проживающий на северо-западе Удмуртии – мононациональны. – Редакция Азбуки веры.

⁸¹ - Прóтори, -ей, мн. устар. – затраты, издержки, изъян, расходы (обычно по судебным делам), траты, убыток, урон, ущерб... – Редакция Азбуки веры.

⁸² - См. кн. 1-я, февраль.

⁸³ - Называют друг друга ново-хлысты и старые, и малые, подобно хлыстам, уменьшительными именами: брат Гриша, сестра Марфуша и т. п.

⁸⁴ - Привитáть – устар. жить, обитать где-либо, проживать... – Редакция Азбуки веры.

⁸⁵ - Чтобы судить, на сколько содержательны, интересны и полезны для общества такие чтения, считаем не лишним привести для примера конспект лекции, предложенной 18-го февраля преподавателем Ставропольской семинарии, священником о. Григ. Ключаревым, на тему: „О современных

стремлениях к улучшению человеческой жизни“. Приведя несколько отзывов современных писателей о совершающемся ныне переломе в общественной жизни западной Европы и отчасти России, лектор, разобрал затем три модных учения современных, рекомендующих средства к улучшению чело­веческой жизни, – писателей Зола, Ницше и Л. Толстого. – Первый советует искать спасения в позитивной (материалистической) науке. На основании свидетельств книги Екклесиаста и отзывов представителей подобной науки, лектор показал, что этого рода наука ведёт лишь к разочарованию человека. – Ницше предлагает освободиться от христианской морали для выработки сильных, не сдерживаемых ничем характеров. Мнение это, разобрано было лектором в виду распространения его в современных русских романах, напр., в романе г. Мережковского. Оратор доказывал, что христианство в лице мучеников и других подвижников дало такие сильные характеры, каких не представляет современная жизнь. Л. Толстой советует ничего не делать из того, что люди обычно теперь делают: однако он не даёт ни каких указаний, что же остаётся человечеству делать. – В словах Иисуса Христа: „будьте убо вы совершенны, якоже Отец ваш небесный совершен есть“ (Мф.5:48) просвещённый пастырь указал искать действительное средство улучшения человеческой жизни, разъяснив, что именно здесь человек обрящет удовлетворение всех потребностей своих, безграничное усовершенствование личности и должное отрешение от суетных благ земной жизни. – Таким образом, ни материализм научный (Зола), ни материализм философский (Ницше), ни скептицизм Л. Толстого, не способны произвести переворот к лучшему в современной жизни, а только одно истинное христианство. Из других вопросов, бывших предметом интеллигентных чтений губернских городов, отметим как наиболее интересные следующие: „О целесообразности устройства органического мира“, „О смысле и цели жизни“, „может-ли человек управлять свободно своими поступками“, „о христианском браке, по поводу крейцеровой сонаты“, „разбор системы Бюхнера, с христианской точки зрения“, о посте, благотворительности и др.

⁸⁶ - См. «Наше дело и задачи». Янв. кн. I, стр. 10.

⁸⁷ - Гобзующие – изобилующие добродетелями христиане; небесные умные Силы; богатый; счастливый, успешный; веселящийся, блаженный. – Редакция Азбуки веры

⁸⁸ - На основании одобренных св. Синодом постановлений 2-го Миссионерского съезда и сведений всеподданнейшего отчёта Синодального Обер-прокурора за 1891–92 гг.

⁸⁹ - К числу местностей, наиболее заражённых расколом, относятся: обширный Приволжский край и особенно епархии Нижегородская, Саратовская и Самарская. В первой из этих епархий раскольников считается до 70.000, во второй более 52.500 и в последней 81.000 душ обоего пола. Весьма многочисленны также раскольники в епархиях Вятской (около 72.000), Черниговской (до 50.000) и Полоцкой (до 82.000). Из Сибирских епархий более всего раскольников в Иркутской (до 30.000), Тобольской (до 55.000) и Томской (82.000). Но нигде так не многочисленны раскольники, как в епархии Донской: их насчитывается свыше 106.000. Однако, все число старообрядческих раскольников в империи восходит никак не более 3 миллионов, между тем как раскольничья статистика подтасовывает в своих видах количество последователей раскола до 8–10 и более миллионов.

⁹⁰ - Австрийская поповщина начала своё историческое бытие с 1846 года, когда, благодаря строгим законам Императора Николая I-го, в отношении раскола, оскудело в старообрядчестве «бегствующее священство» и раскольники, отыскав в Константинополе заштатного боснийского митрополита Амвросия, обманным образом склонили его стать во главе старообрядческой иерархии, секретно провезли переодетым в платье казака-некрасовца в Австрию в раскольничий монастырь „Белую Криницу“. Здесь Амвросий принят был в раскольничью церковь иеромонахом раскольничьим же, по 3 чину (чрез отречение от мнимых ересей господствующей русской церкви), затем, согласно договору, поставил (единолично) себе преемника лже-епископа Кирилла (из дьячков) и нескольких попов. Так неканонически началось австрийское раскольничье священство, имеющее ныне десятки

лже-епископов и сотни лже-попов. Амвросий за свои незаконные деяния был подвергнут от патриарха константинопольского церковному осуждению. В Белой Кринице Амвросий епископствовал не более года, всё остальное время, по требованию русского правительства, провёл на покое в г. Цилле: перед смертью он проклял и поставленного им лже-епископа Кирилла и всех хиротонисованных последним лже-архиереев, а также не скрывал и презрения к расколу, умер в союзе с православной Церковью и погребён по греческому обряду.

⁹¹ - Наиболее многочисленную партию составляют мнимо-окружники, хотя формально и принимающие Окружное послание, но совершенно не дорожащие им. Для заведования внутренними и внешними своими делами они имеют в Москве духовный совет, состоящий главным образом из мирян. Номинальным главой мнимо-окружников считается раскольничий лже-архиепископ московский Савватий, а действительными заправителями или вершителями всех дел в этой партии являются светские члены совета, – богатые московские коммерсанты, у которых духовные его члены и сам Савватий находятся в беспрекословном послушании. – Во главе партии истинных окружников стоит братство Чесного Креста. Учредители его должностные лица и члены – все миряне. Противо-окружники управляются также духовным советом, который, в противоположность совету мнимо-окружников, состоит исключительно из духовных лиц. Партия противо-окружников гораздо малочисленнее и слабее окружнической партии. Партию эту обессиливают по преимуществу начавшиеся в ней лет десять тому назад иерархические неурейства и иерархические раздоры из-за обладания московской кафедрой двух противо-окружнических лже-архиереев, Иова Замоскворецкого и Иосифа Нижегородского, которые друг друга проклинаят и отлучают; приверженцы их называются иовляне и иосифляне, последние враждуют друг против друга не менее своих достойных владык.

⁹² - Все толки и согласия, на которые подразделяются современные безпоповцы трудно и перечислить. Здесь всякий

несколько начитанный старик, или старуха легко делаются духовными руководителями в тёмной и невежественной простонародной среде, образуют отдельный толк, которому и дают своё имя; так образовались Аароново и Аристово согласия, Мельхиседеки, рябиновцы, дарники, немояки и проч.

⁹³ - У Аркадия ставленных грамот отобрано было две: в одной, более краткой, он значится рукоположенным во епископа славянских городов Тавризия и Турхилика в лето 7355 (от Рождества Христова 1847), а затем в лето 7358 во архиепископа „богоспасаемому граду Боджукорану – Японскому острову“ и „отпущен со властью архиерейства в Великороссийское государство“. Грамота эта подписана „Божией милостью, смиренным Мелетием, патриархом Славяно-Беловодским, Ост-Индийским, Фест-Индийским, Юость-Индийским и Англо-Индийским и японских островов“ и четырьмя митрополитами. В другой же, более пространной грамоте, писанной в царствующем граде камбайского царства Левеке, тот же Аркадий значится поставленным сначала в епископа города Асомциона в Парагвае, а потом в архиепископа русской церкви. К титулу же самого Мелетия в этой грамоте прибавляется, что он патриарх „Африки, Америки, и Террафирмы. Парагвая и Зелли-Хили, Магеланские земли, над Патагонами, и Бразилии и Абаснии“. Кроме Мелеия грамота подписана ещё „царём и кралем Камбайского царства, Индии и Магеланские земли, Григорием Владимировичем“, 38 митрополитами, 30 архиепископами, в том числе и самим рукоположенным Аркадием, 24 епископами, носящими титул разных островов и городов всех почти государств целого света, 38 архимандритами и 28 игуменами. Вся эта многочисленная иерархия сочинена самим Аркадием с помощью одних географических карт. Во всех частях света, за исключением Австралии, не осталось не только ни одного государства, но даже более или менее известного города, куда бы фантазия Аркадия не поместила своего митрополита, архиепископа, епископа, архимандрита или игумена с монахами.

⁹⁴ - См. Апр. кн. 1-я, стр. 37.

⁹⁵ - Лохвицкий, Курс уголовного права, С.-Петербург, 1871 г. ст. 309; то же, проф. Суворов, Курс канонического права, II т. 510 ст. Ярославль, 1890 г.; то же проф. Градовский, Начала государственного права, С.-Петербург, 1875 г. I т., стр. 378; то же, проф. Таганцев, Уложение о наказаниях по изданию 1866 и 1885 г., отдел: о ересьях и расколах; тоже, Н. Тренеров, преступления против веры и церкви по русскому законодательству, Руков. для сельских пастырей, 1875 г., 3 к., ст. 271– 4.

⁹⁶ - Кто хочет уразуметь постановления нашего уголовного законодательства относительно еретиков и раскольников, содержащиеся в Уложении о наказаниях, тот не может обойтись без изучения и указанной 3-й главы 1-го разд. Устава, о пред. и пресеч. прест. против веры. И наоборот: начала, веления и запрещения, выраженные в статьях этого Устава, явятся в неоконченном виде и не вполне досказанными для того, кто, при изучении их, опустил-бы без внимания постановления Уложения, определяющие наказания за преступные деяния еретиков и раскольников относительно веры и церкви. Мало этого. Помимо статей Уложения о наказаниях и Устава о пред. и пресеч. преступлений против веры, заключающих в себе постановления о преступных действиях еретиков и раскольников относительно веры и церкви, нельзя оставить без внимания и некоторые статьи, относящиеся до порядка судопроизводства над еретиками и раскольниками, помещённые в Уставе уголовного судопроизводства, именно в первом разделе его (XVI т. I ч. Пол. Свод. Зак. по изд. 1892 г.), носящем заглавие: „о судопроизводстве по уголовным делам, производимым с участием духовного ведомства» и несколько статей во второй главе шестого раздела этого Устава, (Пол. Свод. Зак. XVI т. II ч., изд. 1892 г.), носящей заглавие: „о судопроизводстве по уголовным делам, производимым с участием духовного ведомства» и несколько статей во второй главе шестого раздела этого Устава (Пол. Св. Зак., XVI т. II ч., изд. 1892 г.), носящей заглавие: „о судопроизводстве по преступлениям против веры». Правила, устанавливающие порядок уголовного суда над еретиками и раскольниками, не

только дополняют наши сведения о мероприятиях русского правительства по отношению к еретикам и раскольникам, но и вообще могут иллюстрировать характер его отношений к последним.

⁹⁷ - Кодифика́ция – (общее значение) – упорядочивание; юр. форма систематизации нормативных правовых, при которой происходит существенная внешняя и внутренняя переработка действующего законодательства путём подготовки и принятия нового кодифицированного акта; в лингвистике – упорядочение норм языка и их фиксация в справочниках, словарях, грамматиках и т.п. – Редакция Азбуки веры.

⁹⁸ - Русский раскол и законодательство, Вестн. Европы, 1880 г., апрель и май; то же, По вопросу о веротерпимости к расколу, А. Михайлов, Вест. Европы, 1882 г., 2 кн. март, 90 ст.

⁹⁹ - Проф. А. Кистяковский, О преступлениях против веры, Наблюдатель, 1882 г., № 10, стр. 102; то же, проф. Спасович, О преступлениях против религии, прот. угол. отд. С.-Петербургского Юридического Общества за 1881 г., т. III-й, стр. 9–19; то же, проф. Белогриц–Котляревский, О преступлениях против религии в важнейших государствах запада, Ярославль, 1886 г., стр. 292–296.

¹⁰⁰ - Понятие свободы совести и веротерпимости в полном своём, так сказать, составе включает в себе следующие признаки: а) свободу публичного отправления богослужения по обрядам своей веры: б) свободу избрания вероисповедания: в) свободу проповеди, с целью как обращения лица, принадлежащего к другому вероисповеданию в свою веру, так и основания новой церкви и г) возможность пользоваться всеми политическими и гражданскими правами, не смотря на принадлежность к той, или другой церкви. Правила же веротерпимости, как они выражены в русском законодательстве, сводятся только в сущности к праву свободного исповедания веры и отправления богослужения. Затем, свобода проповеди, свобода избрания веры и, наконец, различные права лиц, принадлежащих к разным исповеданиям, подлежат некоторым ограничениям. (Проф. Градовский, Начала государственного права, I т., С.-Петербург, 1875 г., стр. 373–4; то

же, Лохвицкий, Курс уголовного права, С.-Петербург, 1871 г., 304; то же проф. Котляревский, О преступлениях против религии в важнейших государствах запада, Ярославль, 1886 г., стр. 293.)

¹⁰¹ - Проф. Суворов, Курс Канонич. права, Ярославль. 1890 г., II т., 489 стр.

¹⁰² - Там-же, стр. 489.

¹⁰³ - Маассен, Девять глав о свободе совести, 15. 69 стр.; то же, Суворов, Курс кан. пр. 457. 496 стр. Сретенский, Критический анализ главнейших учений о отношении между церковью и государством, 68 стр.

¹⁰⁴ - Проф. Суворов, Курс кан. пр. II т., ст. 489.

¹⁰⁵ - Проф. Будзинский, указан. сочинение, стр. 412.

¹⁰⁶ - Проф. Бердников, Краткий курс церковного права, Казань, 231 стр.

¹⁰⁷ - Проф. Суворов, Курс к. пр. II т., 490–491 стр.

¹⁰⁸ - Проф. Бузинский, указ. соч., 413 стр.; то же, проф. Кистяковский, указ. соч., 110–112 стр. Это сходство подтверждается, говорят, тем, что начала этих старых западно-европейских уголовных кодексов суть те же, что и начала, проникающие церковно-государственное византийское законодательство относительно разномыслящих и неправомыслящих в вере, и также противоречат принципу свободы совести, как и это последнее: начала эти абсолютная ортодоксия и монополюный прозелитизм; они выработались на западе под влиянием тех убеждений, что церковь и государство должны составлять один организм – государство, объединённое одной христианской религией. Сам девиз этого органического слияния церкви с государством был на западе тот же, что и на востоке: „един Бог, един царь, едина империя“. Отсюда и вывод для разномыслящих в вере на западе был тот же, что и в Византии: чрезвычайно широкий круг преступлений, за которые эти религиозные диссиденты подлежали ответственности пред уголовным законом и непомерно жестокие кары за сами преступления. Проф. Котляревский, указ. соч. 21–22 стр.; то же, проф. Осокин, первая инквизиция в России, 490 стр. Суворов,

Курс Кан. пр. 500 стр.; то же Котляревский, 266 стр.

Котляревский, 22, 25 ст.: то же, Осокин, 490; то же, Суворов, II т. 500 ст.; то же, Будзинский, 14 стр.

¹⁰⁹ - Котляревский, 293 стр.; Спасович, О преступлениях против религии, прот. угол. отд. С.-Петер. Юрид. Общества, III т., ст. 18; Градовский, указ. соч., I т., 374 стр.; Кистяковский, Наблюдатель, 1882 г, март, 112–113 стр.; Лохвицкий, указ. соч. 304 стр.; Беседа, 1871 г., март, 125–133; в ней же отдел: русские судные дела, 29–36 стр. Суворов, о происхождении и развитии Русского раскола, Ярославль, 1886 г., 48–61 стр.; Вестник Европы 1880 г., апрель, Русский раскол и законодательство, 507–552 стр.; Вестник Европы 1880 г., май, русский раскол и законодательство, 68–100 стр.; Вестник Европы 1882 г., март, По вопросу о веротерпимости к расколу, 75 стр.; газета Голос, 1880 г., №№ 184 и 280; Голос 1881 г., № 176-й.

¹¹⁰ - Котляревский, указ. соч., 220, 234, 251–3, 266–7 стр.; Маассен. указ. соч., 11–14 стр.; Беседа 1871 г., март, О свободе совести в древней вселенской церкви, А. Лебедев, 125 стр.

¹¹¹ - Котляревский указ. соч. 295 стр.; Суворов, о происхождении и развитии русского раскола, 57 стр.; Суворов, Курс кан. пр. II т.; Маассен; указ. соч., 14 стр.; Вест. Европы, 1880 г., май, 79 стр.

¹¹² - Кистяковский, Наблюдатель, 1882 г., март, 112–116; Голос, 1880 г., 184 ст.; Голос, 1881, № 176.

¹¹³ - Проф. Бердников, Крат. курс цер. права, 207–208 стр.; Прав. Собесед. 1883 г., 3 к., 321 стр.: Суворов, Курс кан. права, II т., 496 стр.

¹¹⁴ - Бердников, Новое государство в его отношении к религии. Прав. Соб. 1883 г., 3 к., 284–348 стр.; его-же, Курс цер. права 273–6 стр.

¹¹⁵ - Кистяковский, указ. соч.; Градовский указ. соч., I т., 373 стр.; Котляревский, указ. сочинение, 293–7 стр.

¹¹⁶ - Прав. Собесед. 1883 г., 3 к., 8 стр. По поводу новых законов относительно раскольников; Сретенский, Критический анализ главнейших учений об отношении государства к церкви, стр. 1-я.

¹¹⁷ - Наблюдатель, 1882 г., март, 104–109 стр. Котляревский, указ соч., 8–28; Маассен, указ. соч., 69 стр.

¹¹⁸ - Правда, и на востоке были и есть общества, отделившиеся от единой, вселенской, соборной и Апостольской Церкви (несториане, копты, яковиты, армяне, абиссинцы...), но их положение в отношении к православной Церкви совсем иное, нежели то, которое занимают западные сектанты в отношении к своей матери, церкви католической (да и большей частью к Церкви восточной, православной, единой, святой, соборной и Апостольской). Расходясь существенно в одном каком-нибудь предмете веры, неправославные восточные христианские общества в остальном все согласны между собой и с православной Церковью. Здесь важно то, что у них никогда не порывалась нить церковного предания и не разрушался основной строй церковной жизни с преемственной иерархией. Благодаря этому, у них сохранилось много общего в учении, обрядах, правилах и порядках церковной жизни с матерью их, Церковью Православной. Этим обстоятельством объясняется и то, почему и по ныне с такой иногда задушевностью выражается в среде восточных неправославных обществ чувство внутреннего сродства и симпатии к Церкви Православной, – что старое разделение почти терялось из виду и готово бывало уступить место братскому союзу и послушанию Церкви единой вселенской, соборной и Апостольской – восточной, православной (таковы в особен. отношения в прежнее время – армян, а ныне – коптов и абиссинцев). Из наших собственно русских сектантов – староверы или раскольники в основных началах учения и церковной жизни большей частью не расходятся с Правосл. Церковью, а отделяются от неё лишь из-за обрядовых мелочей и держатся вне Церкви только благодаря своему умственному невежеству или фанатическому ослеплению; сектанты же рационалистического и мистического направления составляют у нас ничтожное меньшинство: при том, по нашему мнению, они в значительной своей части обязаны учением не своему уму и исканиям истины, а заносным с запада идеям.

¹¹⁹ - Мы не отрицаем здесь значения и других факторов, так или иначе способствовавших развитию религиозного брожения в нашем народе при начале штунды и после этого. Таковы между прочим и піэтические собрания в кол. Рорбах под руководством пастора Бонекемпфера, известные под именем stunden. Однако этим собраниям, как и пастору Бонекемпферу принадлежала известная активная роль только при начале штундового брожения в народе, не имевшего притом в первое время столь враждебного отношения к православию, каким ознаменовала себя штунда после воздействия на неё баптизма: последнему в 70-х годах удалось овладеть упомянутым религиозным брожением и доселе руководить почти всей религиозной смутой на юге России.

¹²⁰ - При главном участии знаменитого в последствии святителя Русской земли Филарета, м. московского, в то время ещё архимандрита и ректора С.-Петербургской духовной академии. Четвероевангелие в русском перев. напечатано в первый раз в 1818 г. (парал. с славян.), а весь Новый Завет в 1822 г. (парал. с славян.) и в 1822 г. (в одном русск. перев.).

¹²¹ - Перевод совершался при духов, академиях, с ближайшим участием Филарета, м. московского, Исидора, м. С.-Петербургского, и протопресвитера В. В. Бажанова и издавался после тщательной проверки в особых заседаниях Св. Синода. Полный перевод Библии на русский язык издан „по благословению Св. Синода“ в 1876 г. Выражая искреннюю признательность Св. Синоду за совершение сего великого дела, Государь Император молитвенно желал от Бога, „да явит Он спасительную силу Своего слова к преуспеянию православного русского народа в вере и благочестии, на коих зиждется истинное благо царств и народов“.

¹²² - Первоначально это издание назначалось для солдат, которым удобнее было поместить в ранце книгу малого формата.

¹²³ - Бранчівый, охотник браниться, ссориться, ругаться; бранчівость ж. свойство такого человека, вздорливость, охота перебраниваться. – Редакция Азбуки веры.

¹²⁴ - Сакеллáрий (греч. ὁ σακελλάριος) – одна из церковных должностей (с XI в.) константинопольского патриархата. Обязанности С. состояли в сборе денег и контроле подведомственных ему церквей и монастырей... – Редакция Азбуки веры.

¹²⁵ - Папский Нунций Алиарди, опоздал на торжество и прибыл только на 3 день.

¹²⁶ - Это обстоятельство нелишне бы взять в разум нашим штундистам, которые серьёзно думают, что в православной Церкви нет пресвитеров, а лишь ветхозаветные священники.

¹²⁷ - В Бозе почивший Император Александр III, между прочим внушал старшинам, чтобы крестьяне не верили распускаемым не добрыми людьми слухам о переделе земли, а слушали бы своих предводителей дворянства.

¹²⁸ - Босовикí – мн. местн. Обувь без голенищ, надевающаяся на босую ногу, шаркуны, шлёпанцы – Редакция Азбуки веры.

¹²⁹ - Лётось, – нареч. простонар. В прошедшем году; прошлым летом. – Редакция Азбуки веры

¹³⁰ - См. Май–Июнь, кн. 1, стр. 42.

¹³¹ - Наблюдатель, 1882 г., Март, 104 стр.

¹³² - Там-же, стр. 104.

¹³³ - Наблюдатель, 1882 г., Март, стр. 105.

¹³⁴ - Там-же, стр. 106.

¹³⁵ - Там-же, стр. 107.

¹³⁶ - Там-же, стр. 107.

¹³⁷ - Котляревский, указ. сочин., 9 стр.

¹³⁸ - Маассен, Девять глав о свободе совести и свободной Церкви. Перев. Н. Суворова, Ярославль, 1884 г., 46 стр.

¹³⁹ - Котляревский, указ. сочин., 9 стр.; Тернер, Свобода совести и отношение государства к Церкви. Сборник государственных знаний, III т., 7–8 стр.; Маассен. указ. соч., 52–59 стр.; Осокин, Первая инквизация, 401 стр.

¹⁴⁰ - Тернер, указ. соч., 7–8; Котляревский указ. соч., 10 стр.

- 141 - Маассен, 47–48; Наблюдатель, 1882 г., № 10, 107; Котляревский, 10 стр.
- 142 - Маассен, 47–48; Суворов, Курс канонического права, II т., 498–9; Котляревский, 10 стр.
- 143 - Маассен, 54.
- 144 - Там-же, 60–61.
- 145 - Там-же, 54.
- 146 - Суворов, Курс кан. права, II. т., 457.
- 147 - Там-же, 458.
- 148 - Наблюдатель, 1882 г., Март, 108 стр.
- 149 - Там-же, 109 стр.
- 150 - Осокин, указ. соч., 404.
- 151 - Маассен, 57 стр.
- 152 - Там-же, 406 стр.
- 153 - Маассен, 69; Сретенский, 68 стр.
- 154 - Маассен, 63 стр.
- 155 - Суворов, Курс кан. права, II т., 457; Сретенский, указан. соч., 8 стр.
- 156 - Сретенский, указ. соч., 35 стр.
- 157 - Маассен, 16; Сретенский, 6В; Котляревский, 10 стр.
- 158 - Маассен, 15–16 стр.
- 159 - Там-же, 15 стр.
- 160 - Там-же, 16 стр.
- 161 - Котляревский, 266 стр.
- 162 - Котляревский, 25; Суворов. Курс права, II т., 500 стр.
- 163 - Котляревский, 22, Осокин, 490 стр.
- 164 - Котляревский, 25.
- 165 - Там-же, 22; Наблюдатель, 1882 г., Марта, 108 стр.
- 166 - Котляревский, 266.
- 167 - Там-же, 24; Осокин, 414.
- 168 - Котляревский, 25; Осокин, 474, 499 стр.
- 169 - Наблюдатель, 1882 г., 109–112.
- 170 - Там-же, 112 стр.

¹⁷¹ - Источниками для знакомства с сектой жидовствующих могут служить: а) летописные сказания, которые можно читать в Полн. Собр. Русск. Летоп. III, 144, 184; IV, 158–159; VI, 49, 235; VIII, 160, 220, 234–242; 244; Никон. VI, 171. Летописные сказания о секте – кратки и касаются почти исключительно внешней истории секты. Впрочем, важное исключение в этом отношении составляет летописное сказание IV, 158–159, заключающее в себе приговор собора 1490 г. над сектами и вместе излагающее сущность лжеучения жидовствующих; сказание это имеет тем большую ценность, что принадлежит, кажется, современнику и очевидцу события и есть одно из самых ранних свидетельств касательно учения жидовствующих, б) Послание новгородского архиепископа Геннадия: 1) к ростовскому архиепископу Иоасафу (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847 г. т. VIII); с этим посланием почти дословно сходны и послания архиепископа Геннадия к епископам: Прохору, Нифонту и Филофею; 2) к митрополиту Зосиме и к собору владык (Акты Арх. Экспед. 1 № 380 ср. Прав. Соб. 1863 г. IV стр. 476–481) и 3) сюда же должно отнести и ответные грамоты в. к. Иоанна Васильевича и м. Геронтия архиеп. Геннадию (Акты Ист. т. 1 №№ 285 и 286), в которых кратко излагается сущность донесений последнего в Москву об открытой им в Новгороде секте. Свидетельства архиеп. Геннадия имеют особенное значение потому, что они относятся к самому раннему времени существования секты жидовствующих и принадлежат лицу, входившему в непосредственное и ближайшее соприкосновение с сектантами; в) сочинение препод. Иосифа Волоцкого: 1) „Просветитель“, составившийся из 16 слов, одновременно написанных в обличение и опровержение главных положений лжеучения жидовствующих; сочинение это имеет особую важность ещё потому, что даёт возможность проследить постепенное развитие сектантского лжеучения; без тщательного изучения как самого этого произведения преп. Иосифа, так и существующей литературы о нём невозможно правильное понимание внутренней стороны секты жидовствующих. „Просветитель“ печатался сначала в „Прав. Собес.“ (1853–1855) и затем издан отдельной книгой; 2) Послание к суздальскому

епископу Нифонту (Чт. в Моск. Ист. Общ. 1847 г. 1 отд. IV); 3) здесь же напечатано было и послание к андрониковскому архимандриту Митрофану, духовнику в. к. Иоанна Васильевича: 4) начало послания к в. к. Василию Иоанновичу (Древн. Российск. Вивлиоф. XVI, 423); 5) послание к старцам (белоозерским) о повиновении соборному определению (Древн. Росс. Вивлиоф. XVI, 424–428). г) Рукописный Сборник, хранящийся в библиотеке С.-Петербургской духовной Академии № 1086, где содержатся псалмы и песни, употреблявшиеся жидовствующими при совершении их богослужения; сборника этого мы сами не имели под руками, а познакомились с ним по описаниям его у м. Макария и г. Панова, д) „Прение Даниила с старцем Васьяном“ (в Чтен. Моск. Ист. Общ. 1847 г. IX отд. IV); оно важно для знакомства с лжеучением Вассиана Патрикеева. Кроме того, для знакомства с лжеучением жидовствующих из сочинений м. Даниила важны шестое и седьмое слова его (анализ их содержания см. у В. Жмакина в сочинении его: „Митрополит Даниил и его сочинения“ М. 1881 стр. 342–369) и е) сочинения инока новгородского отенского монастыря Зиновия: 1) „Истины показание“, изданное в Казани в 1863 г. и 2) „Многословное послание, хранящееся в рукописной библиотеке С.-Петер. духовн. Акад.“ № 1108; подробные сведения о нём и его содержании см. в статье г. Николаевского (Духовн. Вестн. 1865 г., т. XI, стр. 25–54). Сочинения Зиновия отенского необходимы для знакомства с лжеучением Феодосия Косого, которое было продолжением лжеучения жидовствующих. – Пособиями для той же цели могут служить: 1) преосв. Макария Ист. Русс. Цер. т. VI (изд. 2, С.-Петер. 1887 г.) стр. 81–142, 195–205 и 250–280; 2) преосв. Филарета Ист. Рус. Церк. т. III, стр. 106–120; 3) Карамзина Ист. Госуд. Рос. т. IV, стр. 82–85, 90–105; 4) Соловьев Ист. Р. т. V; 5) Костомарова Рус. Ист. в жизнеопис. т. II, стр. 311–341; северно-русс. народ нравств. т. II, стр. 446–448; 6) В. Иконнинова: „Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории“ К. 1869 г. стр. 389–457; 7) А. Архангельского: „Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в древней Руси“, С.-Петербург. 1882. стр. 185–283, особенно 264–274; 8) В. Андреева: „Раскол и его

значение в народной русской истории“. С.-Петербург., стр. 21 и след.; 9) Руднев: „о ересях и расколах в русской церкви“. М. 1878 г., стр. 113–123; 10) И. И. Малышевского: „О зарождении религиозных сект в России с рационалистическим направлением“. (Тр. К. дух. Акад. 1883 г., XII, стр. 644–684); 11) А. Сервицкого: „Опыт исследования ереси новгородских еретиков, или „жидовствующих“. (Пр. Об. 1862 г., т. II, стр. 177–205. 293–323 и 430–442); 12) И. Панова: „Ересь жидовствующих“. (Жури. Мин. Народ. Просв. 1877 г., к. 1. стр. 1–40, кн. II. стр. 253–295 и кн. III, стр. 1–59).

¹⁷² - О. Иоанн Наумович, бывший униатский священник, известный Галицкий патриот, смелый поборник за славянскую идею и страдалец за симпатии к православию и России, способный писатель-публицист, основавший популярнейший в Галиции журнал „Наука“. По переходе своём в православие, почтенный о. Наумович переселился в Россию и состоял на епархиальной службе в Киевской епархии, где, между прочим, около 3 лет исполнял обязанности епархиального противостундового миссионера. О своих миссионерских действиях и наблюдениях о. Наумович имел обыкновение подробно сообщать в частной переписке интересующимся стундовым вопросом. Эта интересная для миссионеров переписка находится ныне в распоряжении редакции журн. „Мисс. Обзор.“ О. Наумович как новый человек в среде православного духовенства и просвещённый свежий деятель миссии является беспристрастным наблюдателем стундового движения, а потому мнения и соображения по сему вопросу почившего доблестного славянина–пастыря заслуживают внимания. Редактор.

¹⁷³ - По последним сведениям, в с. Тур-къ числится стундистов около десяти. Миссионерская борьба здесь шла с переменным счастьем, – в 1890 году число снова было увеличилось, благодаря малеванскому движению, тем не менее победа на стороне истины. Редактор.

¹⁷⁴ - К счастью эти предположения не оправдались. До 1890 года количество сектантов в селе, о котором идёт речь, действительно росло быстро и стунда считала в рядах своих

более сотни душ. Но счастливое назначение в село достойного молодого, энергичного пастыря, с выдающимися миссионерскими способностями, о. Днрд-го, – в связи с общими мерами воздействия на отпавших в Киевской епархии, – остановили дальнейшее движение сектантства вперёд. Происшедший в недрах секты раскол (малеванщина) окончательно поколебал основы штундизма в этом районе и начались воссоединения, так что ныне в селе Дед-не нет уже ни одного сектанта. Редактор.

¹⁷⁵ - Разумею светскую печать. Что касается духовной, то наиболее обстоятельную оценку заслуг Императора для Церкви и духовенства и миссии дал почтенный орган столичного духовенства, „С.-Пет.-бур. Духовный Вестник“, некоторыми сведениями которого между прочим и пользуемся мы для настоящей краткой поминки в Бозе почившего Императора.

¹⁷⁶ - Рус. Стар. Июнь 1896 г.

¹⁷⁷ - Из слов Государя К. Ю. Ф. С., по поводу книжки последнего о введении православия и русск. народности в прибалт. губер.

¹⁷⁸ - 1) В миссионеры выбираются три священника, „честного и благонамеренного жития“, основательно знающие учение об истинной древности и правильности её обрядов и лживости раскольнических нареканий на них. 2) Выбор помощников – сотрудников из диаконов или причётников делается по желанию миссионеров. 3) Миссионеры получают казённые прогоны, часть дохода приходов, при которых состоят и по 1000 руб. жалования; (что для тогдашнего времени было высоким окладом), сотрудники Диаконы по 500 р., причётники по 250 р. 4) Миссионеры обязываются выезжать для проповеди в места жительства раскольников. 5) Об их прибытии раскольники извещаются официально от гражданских властей. 6) Гражданские власти должны наблюдать, чтобы сильные и влиятельные раскольники не оказывали давления на менее упорных и не ставили им преград к вступлению в сношения с православными священниками. 7) Ради сближения с раскольниками, священникам позволяется, в случае нужды, совершать церковные требы по старопечатным книгам. 8)

Крещение раскольничьих младенцев разрешается совершать миссионерам по желанию родителей, с записью в метрические книги, которые должны быть даны от местной консистории „без всяких разбирательств, так как младенцы до крещения также не принадлежат к расколу, как и к Церкви.” 9) К прочим таинствам раскольники принимаются не иначе, как по изъяснению доказательств действительного желания к соединению с Церковью, или прямо, или на правах единоверия. 10) Чтобы расположить раскольников к этому общению с Церковью, священники-миссионеры входят с ними в собеседования о вере и чино-положении, на основании Слова Божия и истинного предания Церкви. 11) Для этого миссионеры снабжаются противораскольническими сочинениями и, если можно, старопечатными и старо-писанными книгами, могущими послужить к опровержению многих древних раскольнических обычаев. 12) О встречающихся затруднениях и о всех своих действиях миссионеры доносят епархиальному архиерею еженедельно, архиерей же Св. Синоду ежемесячно. 13) Для обращающихся раскольников строить церкви, или же приписывать их к православным приходам. Эти начала миссионерской организации в позднейшем Высочайше утверждённом положении для Олонецкой епархии добавлены 4 новыми пунктами: а) в епархиях, где нет специальных миссионеров, преосвященные обращают особенное внимание на священников приходов, близких к раскольникам, и достигают того, чтобы все священники таких приходов были безусловно люди „с достаточным содержанием, кроткие и просвещённые, способные к борьбе с расколом”; б) всё духовенство приглашается к открытию школ в приходах, заражённых расколом, для обучения детей раскольников; в) старообрядческим монастырям запрещается принимать к обучению и воспитанию детей обоюбого пола; г) бродяги раскольники развратители берутся под стражу и предаются суду.

¹⁷⁹ - В обращении богатых и многолюдных иргизских (старообрядческих) монастырей, совместно с духовными увещателями, личное деятельное участие принимал, по

Высочайшему повелению, Саратовский губернатор Голицын. В Стародубье появилось единоверие благодаря личному воздействию Самого Императора на местных раскольников. Проезжая в 1847 г. через Черниговскую губернию, Государь посетил старообрядческий посад Добрянку. Отказавшись здесь принять поднесённый ему раскольниками хлеб-соль, Государь сказал поселянам: „Мне весьма неприятно видеть вас в заблуждении; когда-же вы будете в церковь ходить, тогда и хлеб приму, а церковь Я выстрою Сам.“ После этого церковь была выстроена очень скоро и к ней был назначен единоверческий священник Т. Верховский, который в том же году обратил к единоверию несколько окружных посадов и известный Покровский монастырь. В Москве на Рогожском Преображенском кладбище появилось единоверие уже в последние годы царствования Николая I-го; всех же единоверческих церквей в Империи открыто было 179.

¹⁸⁰ - «Кошка» – плетъ для порки из ремней с узлами и/или свинцовыми шариками на концах. На британском флоте применялась плетъ-девятихвостка, называемая «кошкой» – Редакция Азбуки веры

¹⁸¹ - Базили́ане (василиа́не, официально Орден святого Василия Великого, лат. OSBM, Ordo Sancti Basilii Magni) – общее название нескольких католических монашеских орденов византийского обряда, следующих общежительному уставу, который приписывается св. Василию Великому. – Редакция Азбуки веры.

¹⁸² - На обер-прокурора Св. Синода возложено было Государем докладывать о течении дел в особо назначенные приёмные сроки, письменно доносить о состоянии дел в третних отчётах, кроме того с 1836 года заведено было подавать Государю ещё и общий годовой печатный отчёт. Особо интересующие Государя дела (напр., дела о священнослужителях) Обер-прокурор доставлял Ему в реестрах установленной формы с более или менее подробными извлечениями. Дела особой важности, к каковым относилось и миссионерство имели свой порядок представления, помимо всех других. Наконец, сведения о всех необычайных и важных

происшествиях по духовному ведомству сообщались без промедления через посредство шефа полиции. О размерах внимания, какое Государь уделял делам церкви, можно отчасти судить по тому, что к концу царствования им было издано одних высочайших повелений по духовному ведомству, не говоря уже о многочисленных резолюциях, отметках и отзывах на делах, около 10,500 номеров. При Св. Синоде учреждены были в качестве вспомогательных учреждений – канцелярия Обер-Прокурора (1839 г.), хозяйственное и контрольное отделения, изменён штат канцелярии Св. Синода, преобразована комиссия духовных училищ.

¹⁸³ - С этого времени Николай Павлович устроил неослабный надзор за священнослужителями: по Высочайшему повелению 1828 года, повторенному в 1829 г., Ему доставлялись особо донесения о проступках духовенства и делались подробные указания об обстоятельствах события, о происхождении и образовании провинившихся. На основании этих донесений Государь часто сносился с Св. Синодом и вызывал по ним строгие расследования. Так, в 1833 г. рассмотрев из поданных донесений, что между провинившимися большинство священнослужителей диаконского сана, Государь потребовал, что бы Св. Синод обратил внимание на этот факт, так как он, по-видимому „должен быть отнесён к послаблению его начальства, посвящающего диаконов без должного удостоверения в достоинстве”. Подобные замечания продолжались во всё царствование.

¹⁸⁴ - Передаём содержание этого интересного документа буквально с удержанием всех особенностей его орфографии. (Гамбург, 15 марта, 1896 г.). „Дорогой брат во Христе, С. Ш На привет всем братьям нашим (Еф.43–24,30–32). Письмо ваше от 29 февраля мы получили. Затем сообщаю вам, что в прошлом году когда я несколько раз выслал вам, Трактатов, не получил никакого известие, только на открытой карти было выслано те слова, что управление открывает Письма которыи придут из заграници и что С. П. нету! Конечно мы перестали посылать более. Но если вы согласны как другие братья абонировать на

целий год текущий то это стоит три руб. и получите в каждый месяц четыре брошурки назидательного и нравственного зодержания о настоящей «Истине» как уже знаете, только вы должны и нам написать сколько номеров вы получили, потому я этого не могу знать, так по порядку вишлют вам, но хорошо было бы если бы, ис вас по крайней мера один молодой брат котории хорошо грамотнии, мог бы согласится вступит в Дело Божии, но на это нада пять лет, учению тут в заведении Миссионерском. (Ис.45:22–25; и ещё 58 и 59 Иекінль; 33, 11–20 Малахии; 3:9–25). Затем желаем вам то, что написано Еф.6:10 до 18. И так брат мой возлюбленный, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не щетен пред Господом. Брат ваш во Христе А. Антонов. Ожидаем скорого ответа. Hamburg“.

¹⁸⁵ - Из реферата, читанного ректором московской духовной академии, архимандритом Антонием, на втором всероссийском миссионерском съезде, и предоставленного в распоряжение редакции «Мис. Обзор.» Заключая в себе сведения и соображения, как плод живых наблюдений почтенного автора над современным сектантством, при миссионерских беседах о. Антония в бытность его инспектором академии, статья эта затрагивает один из существенных вопросов миссионерской методики. Рсд.

¹⁸⁶ - Откр.22:19.

¹⁸⁷ - Гал.1:8,9.

¹⁸⁸ - Которая, обыкновенно, изучается последними в отрывочно взятых и тенденциозно подобранных текстах.

¹⁸⁹ - Главным образом, последователи толстовщины.

¹⁹⁰ - Именно с современной миссионерской точки зрения.

¹⁹¹ - См. Июль–Август, кн. 1, стр. 14.

¹⁹² - Котляревский, 290; Тейлор, первобытная культура, перев. Коробчевского, 1872 г., ч. II, 1–8 стр.

¹⁹³ - Маассен, стр. 11.

¹⁹⁴ - Котляревский, 22 стр.

¹⁹⁵ - Котляревский, 266 стр.

¹⁹⁶ - Котляревский, 266 стр.

- 197 - Котляревский, 234 стр.
- 198 - Котляревский, 266 стр.
- 199 - Котляревский, 267 стр.
- 200 - Принудительная её сила в её собственном величии: она пленяет, восхищает, привлекает собственной красотой; её триумф – это её очевидность; любовь, кротость убеждение, свобода – вот её божественные черты; пусть она в таком виде предстанет перед моими глазами, и моё сердце внезапно почувствует (?!) к ней влечение”. Котляревский, 252–3.
- 201 - Котляревский, 252 –3; Маассен, 11 стр.
- 202 - Маассен, 12.
- 203 - Там-же, 13 стр.
- 204 - Там-же, 13 и 14 стр.
- 205 - Проф. В.Ф. Кипарисов, О свободе совести, 13 стр., примеч. 2.
- 206 - Там-же, 13–14 стр.
- 207 - Там-же, стр. 14, примеч. 1-ое.
- 208 - Там-же, 15.
- 209 - Там-же, 16 стр.
- 210 - Там-же, 17 стр.
- 211 - Там-же, 18 стр.
- 212 - Там-же, 18 стр., примеч. 2-ое.
- 213 - Котляревский, 293; Кистяковский, Учебник уголовного права 537–8 стр.
- 214 - Кипарисов, указ. соч., 19 стр.
- 215 - Там-же, 20.
- 216 - Там-же, 20 и 29 стр.
- 217 - Там-же, 21 стр.
- 218 - Котляревский, 290–7; Суворов, О происх. и разв. рус. раскола, 54; его-же. Курс ц. права II т., 514; Вест. Европы, 1893 г., Июнь, Исторический сфинкс. С. Соловьев; Кипарисов, указ. соч., 23 стр., примеч. 1-ое.
- 219 - Наблюдатель, 1882 г., март, 113–112 стр.
- 220 - Наблюдатель, 1882 г., март, 114 стр.

- 221 - Там же, 114 стр.
- 222 - Котляревский, 259 стр.
- 223 - Наблюдатель, 1882 г., март, 115 стр.
- 224 - Суворов, Курс права, II, 472–3: Маассен, указ. соч., 191; Бердников, Курс права, 276, 364 стр.
- 225 - Бердников, Курс церк. права, 268; Правосл. Собесед. 1888 г., 3 кн., 298 стр.
- 226 - Бердников, Курс церк. права, 270; Правосл. Собесед., 1888 г, 3 к., 294; Суворов, Курс...II т., 482–3 стр.
- 227 - Бердников, Новое государство в его отношении к религии. Правосл. Собесед. 1888 г., 3 кн., 286 стр.
- 228 - Бердников, указ. выше соч., 287 стр.
- 229 - Там же, 288 стр.
- 230 - Там же, 291 стр.
- 231 - Там же: 288.
- 232 - Там же, 310 стр.
- 233 - Там же, 288 стр.
- 234 - Там же, 289; Бердников, Курс церк. права, 274–5; Суворов, Курс канон. права, II т., 484–8.
- 235 - Прав. Собесед. 1888 г., 3 кн., 290.
- 236 - Там же, 291.
- 237 - Наблюдатель, 1882 г., марта, 115–118 стр.
- 238 - Наблюдатель, 1882 г., марта, 117; Будзинский, О преступлениях в особенности, Москва, 1887 г.
- 239 - Там же.
- 240 - Проф. Бердников, Курс дер. права, 207 стр.
- 241 - Бердников, наз. соч., 208; Прав. Собесед., 1888 г., 3 кн., 321 стр.
- 242 - Суворов, Курс кан. права II т., 496 стр.
- 243 - Наблюдатель, 1882 г., марта, 118; Будзинский, назв. соч.
- 244 - Исследование основных законов Российской империи в историческом их развитии. Харьков, 1839 г., 84–94 стр.

²⁴⁵ - Исследование основных законов Российской империи в историческом их развитии. Харьков, 1839 г., 84–94 стр.

²⁴⁶ - Наблюдатель, 1882 г., марта, 120–121; професс. Богородский, Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII века. Киев, I т., 19–21 стр.

²⁴⁷ - Градовский, Начала государственного права, I т., 345; Лохвицкий, Курс уголовного права, 1871 г., 304 стр.

²⁴⁸ - Вест. Европы, июнь, 1893 г., Исторический сфинкс, Владимир Соловьев; Беседа, 1871 г., март, отдел: русские судные дела, 29–35.

²⁴⁹ - Суворов, О происхождении и развитии русского раскола, Ярославль, 1886 года, 48–61; Вест. Европы, 1882 г., март, 79–80, 81–85.

²⁵⁰ - Беседа, 1871 г., марта, 30.

²⁵¹ - Суворов, выше указ. соч., 58 стр.

²⁵² - Вест. Европы, 1893 г., июнь.

²⁵³ - Суворов, о происх. и разв. рус. раскола, 54 стр.

²⁵⁴ - Там же, 57 стр.

²⁵⁵ - Там же, 58.

²⁵⁶ - Беседа, марта, 1871 г., стр. 30.

²⁵⁷ - Вест. Европы, май и апрель, 1880 г., 78–90, 507 стр.

²⁵⁸ - Голос, 1881 г., № 176. Суворов, о происхожд. и раз. рус. раскола, 48; Вест. Европы, 1880 г., май, 81 стр.

²⁵⁹ - Вест. Европы, 1880 г., май, 79.

²⁶⁰ - Там же, 80.

²⁶¹ - Там же, 81.

²⁶² - Суворов, о проис. и раз. рус. раскола, 60; его-же, Курс. кан. права, II т., 514 стр.

²⁶³ - Голос, 1880 г., № 184.

²⁶⁴ - Там же.

²⁶⁵ - Суворов, о происх. и развит. рус. раскола, 48.

²⁶⁶ - Голос, 1881 г., № 176.

²⁶⁷ - Однако, как не сходятся у толстовцев слово с делом! Если так, то зачем было г. Меньшикову тянуть в суд Жеденева,

в запальчивости выстрелившего в автора статьи „Ошибки страха“? – нанимать для этого адвокатов, словом – зачем оказывать сопротивление злу по всей форме существующего закона?... Ред.

²⁶⁸ - А вот наш старейший по времени и общественному положению, Киевский орган печати, по-видимому, далеко не согласен с этим. Подобный же отзыв еп. Феофана о лже-мудрствовании Л. Толстого и хуле его на св. Церковь, перепечатанный ранее в „Мисс. Обзор.“, „Киевлянин“ встретил с несоответствующим собственному его положению и важности предмета юмором в тоне апологетов толстовства и с фельетонным назиданием по адресу нашей редакции. За внимание спасибо: из сего читатели Киевлянина лишний раз узнали о существовании в Киеве старого „Киевлянина“ с новейшими задачами... и о возникновении нового журнала с старыми задачами служения св. правде: замалчивать о том, о чём нужно громко говорить во имя правды, а тем паче обелять чёрное и чернить белое – не в принципах последнего, как дело недостойное честных служителей истины и правды. „Горе тем, кои горькое объявляют сладким, и сладкое горьким“! (Ис.5:20). Ред.

²⁶⁹ - К сожалению наш уважаемый корреспондент не определяет, к какой именно секте принадлежат его приходские сектанты. Судя по возражениям они последователи младо-штундизма или штунды духовной. Ред.

²⁷⁰ - Вóлна – устар. и рег. то же, что шерсть, ... «глава Его и волосы белы, как белая вóлна, как снег» ... (Откр 1:14) – Редакция Азбуки веры.

²⁷¹ - Редакция журн. со своей стороны не замедлит дать надлежащие ответы на все выше-поставленные возражения сектантов сл. № Новохоперск. уезд., Ворон. губ. Ред.

²⁷² - Наш достоуважаемый сотрудник, известный расколовед проф. Казанск. Акад. Н. И. Ивановский взял на себя труд давать в настоящем отделе разъяснения и ответы по всем, поступающим в редакцию „Мисс. Обзор.“, запросам из области противо-раскольнической миссии. Ред.

²⁷³ - При редакции с ноября месяца открывает свои операции склад полезных и необходимых по противосектантскому миссионерству изданий.

²⁷⁴ - Оба – ученики не безызвестного Швецова, который около себя обучает последователей. Старший Мельников был секретарём у лжеепископа Анастасия.

²⁷⁵ - Для характеристики руководителей и выразителей современного раскольничьего общественного мнения не лишне будет привести здесь выдержки из письма г. Мельникова. Удерживаем орфографию подлинника. Вот что пишет, после постыдного бегства своего, и как мыслит раскольничий апологет, писатель и редактор. „Ужаснейшие вести получил я по поводу моего бегства... Тятиньку засадили в темницу (за подделку векселя;.. До каких печальных и горестных дней мы, наконец, дожили... Вот чего мы достигли своими стараниями на пользу старообрядчества! Я ныне подданный Румынии, поэтому безбоязненно могу воскликнуть своим сотоварищам: бежите из варварской и злодейской России! (хорошие патриоты?) Я возрадовался, что наш общий друг Ф. не попал в руки разбойников (это русские власти?); но всё-таки он в опасности... дано знать во многие города и станции об его и моём бегстве... Ф-н удрал в Америку... Я здесь не сижу на одном месте, а всё разъезжаю. В Болгарии я старообрядцам говорил блестящие речи о старообрядчестве и новообрядчестве и говорил свободным языком, никого не боясь. И за это старообрядцы были в восторге – кричали браво, хлопали в ладоши и пели многолетие. Это мне напомнило наши шумные беседы с миссионерами. (Поучительно!). Сеня упрекает меня в трусости, а сам бежал. Но я по крайней мере совершил великий (!) геройский подвиг: переправился за границу в том трудном положении, в каком я находился. Только самый смелый человек решится на тот шаг, который я сделал бодро и героически (!), а Ф. этого не сделал, но молодец, что, хотя из Клинцов удрал, а не то был бы в остроге... Тятеньку вместо меня посадили в острог... Об нём хлопочут и Г. А., и новозыбковское купечество, и целая депутация ездила в Стародуб, и советуют и пишут целая стая адвокатов и К-ко, и Усп-ий, и Дав-г и деньги и проч.,

и проч. и ничего не поделают. Вот тебе и надежда'... Дальше мы не будем делать выписок... Льва видно по когтям...

²⁷⁶ - А вот образец того, как орган старообрядчества, во главе с г. Мельниковым, расправляется с историей. „Когда русские епископы просили Петра I сохранить патриаршество, тогда он, положив руку на шпагу, отвечал: отныне вот вам патриарх» и назначил кавалерийского генерала Протасова председателем Синода”.... Пётр I и Протасов – председатель Синода!..

²⁷⁷ - Прощения о приёме в миссионерскую школу подаются до 15 сентября сего 1896 года на имя начальника школы епархиального миссионера священника Николая Кутепова; при прошениях представляются следующие документы: а) метрическое свидетельство или, при неимении его. выписка из метрических книг; б) свидетельство об образовании, если желающий поступить в школу обучался в каком-либо учебном заведении-, в) свидетельство о нравственной благонадёжности от приходского священника или одного из миссионеров; г) установленный вид на жительство; д) свидетельство по отбыванию воинской повинности: казаки представляют свидетельство об исполнении повинности или об увольнении от оной, а прочие – свидетельство об исполнении повинности или о зачислении в ратники ополчения.

²⁷⁸ - Чтения курсистам по вопросу о школьном миссионерстве так же будут напечатаны в „Миссионерском Обозрении”.

²⁷⁹ - Социально-коммунистические воззрения и вообще политическая сторона учения и жизни сектантства менее всего всплывает на поверхность и потому весьма редко бывает предметом миссионерской полемики и обличения. Но миссии ни на минуту не надо забывать, что социально-политические тенденции, скрытые в глубине духа и направления нашего рационалистического сектантства, начиная с старых сект (духоборчество, молоканство) и кончая новейшими (штундизм, толстовство) составляет для подавляющего большинства сектантской массы, а наипаче для вожаков её, – центр вожеланий, – то воображаемое счастье на земле (Царствие

Божие), ради которого ведётся с пеной у рта полемика и о предметах веры и спасения, – об иконах, храмах, иерархии, о клятве, между тем как быть или не быть в церкви всему этому – совершенно безразлично для тех, кто не хочет признавать ни Богоматери, ни бессеменного зачатия, ни божественности Христа Спасителя... А сколько таких еретиков в штундизме! Долг опытных врачей направлять уврачевание не на видимые только струны, но и на внутренние язвы. Обличение вредных лжеучений сектантства по вопросам социально-политическим должно вестись пастырями и миссионерами с чрезвычайной осторожностью и осмотрительностью, чтобы не пустить в обращение толпы тех ядовитых идей, каких она ещё не знала или не понимала; затронув такой вопрос, надо выяснить его со всех сторон до конца и на том-же основании, на котором сектантство пытается укрепить свои заблуждения, т. е. на Св. Писании. Независимо от того полемико-апологетический разбор коммунистических тенденций должен иметь для внутренней миссии интерес ещё и в другом отношении: заблуждения западного социализма ищут путей и помимо сектантства прокрасться в православную массу фабричного люда, о чём свидетельствует летняя стачка и забастовка на петербургских фабриках. Редактор.

²⁸⁰ - Богосл. Вест. 1893 г. Янв. стр. 156–157.

²⁸¹ - См. статью автора „Чем вреден штундизм для Церкви и Государства“ в „Чтен. Общ. Любит. Духов. просвещ.“ 1893 г. Май, и хронику „Миссионер. Обозр.“ Февраль м. 1896 г.

²⁸² - Дело Канцелярии Херсон. Губер. Ч. III, стр. 723.

²⁸³ - См. Сент., кн. 2.

²⁸⁴ - Иоанн Смоленский. О свободе совести Христ. Чт. 1864 г., 3 кн., 39–42 стр.

²⁸⁵ - Там-же

²⁸⁶ - Кипарисов, О свободе совести 1883, Москва, 55–61.

²⁸⁷ - Там-же, 30 стр.

²⁸⁸ - Там-же, 54 стр., Иоанн Смоленский, указ. соч. 43–44.

²⁸⁹ - Там-же, 36 стр.

²⁹⁰ - Там-же, 55 стр.

- 291 - Там-же, 57 стр.
- 292 - Там-же, 61 стр.
- 293 - Иоанн Смоленский, указ. соч. 45 стр.
- 294 - Кипарисов, указ. соч. 62 стр.
- 295 - Там-же, 69 стр.
- 296 - Там-же, 70–98 стр.
- 297 - Там-же 81 стр.
- 298 - Там-же, 83–84 стр.
- 299 - Там-же, 80–81 стр.
- 300 - Там-же, 81 стр.
- 301 - Там-же, 108–122 стр.
- 302 - там-же, 112 стр.
- 303 - Там-же, 108 стр.
- 304 - Там-же, 374 стр.
- 305 - Там-же, 375 стр.
- 306 - Там-же, 376 стр.
- 307 - Книга правил.
- 308 - Кипарисов, указ. соч., 381 стр.
- 309 - Русский перевод толкований, 1465, 1534 стр.
- 310 - Кипарисов, указ. соч., 382 стр.
- 311 - Там-же, 365 стр.
- 312 - Там-же, 324 стр.
- 313 - Там-же, 128–133 стр.
- 314 - Там-же, 149–181 стр.
- 315 - Иоанн Смоленский, указ. соч., 160 стр. Беседа, 1871, Март 125–133 стр.
- 316 - Кипарисов, 59 стр.; И Смоленский, 102 и 165 стр.
- 317 - Кипарисов, 31 стр.; Иоанн Смолен. 101 стр.
- 318 - Там-же, 31 стр.
- 319 - Там-же, 60 стр., 32–61 стр.
- 320 - Иоанн Смоленский 47 стр.
- 321 - Там-же, 48 стр.

322 - Там-же, 48 стр. о свободе совести в древне-вселенской Церкви. Беседа, 1871 г., Март 125 стр. Маассен, о свободе совести. 11 стр.

323 - Иоанн Смоленский 48 стр.

324 - Там-же, 49 стр.

325 - Там-же, 53 стр.

326 - Там-же, 51 стр.

327 - Там-же, 51 стр.

328 - Там-же, 51 стр.

329 - Там-же, 40 стр.

330 - Там-же, 40 стр.

331 - Там-же, 40 стр.

332 - Там-же, 52 стр.

333 - Прав. Соб. 1889 г., 88: Душеп. Чтен. 1874 г., I т. 74–8; Странник, 1863 г., III т., 40 стр.

334 - Иоанн Смоленский. Христианское Чтение, 1865 г. 1 ч., Церковь и государство, 535–537 стр.

335 - Bluntschli. Algem. Staatsrecht. B. II, S. 269.

336 - Кипарисов В. Ф., указ. соч., стр. 24, примеч. I.

337 - И. Бердников. Новое государство в его отношении к религии Прав. Соб. 1888 г., 3 к. 309 стр.

338 - Там-же 310 стр.

339 - Исследование главных положений основных законов Росс. Империи, Харьков, 1839 г., 91–92 стр.

340 - Кипарисов 14 стр., примеч. I-е, Прав. Соб. 1883 г., 3 к., 13–14. Суворов, О происх. и разв. русск. раскола.

341 - Прав. Соб. 1888 г., 3 к., 315 стр.

342 - Там-же 310, стр.

343 - Суворов, курс... II т., 482–83; Маассеп, указ соч., 277–284; 286–305, 305–306 стр.

344 - Прав. Собесед. 1888 г., 3 к., 325 стр.

345 - Русское Обозрение, 1893 г., 7–8 кн. к вопросу о терпимости, Л. Тихомиров, 375–384, Прав. Соб. 1858 г., 2 кн. I стр.

- 346 - Исследов. главных положений основных законов Российской империи: 86–94 стр.
- 347 - Русское Обозрение, 1883 г., 7–8 кн.
- 348 - Прав. Собесед. 1883 г., 3 к., 10 стр.
- 349 - Прав. Соб. 1883 г., 3 к., 9 стр.
- 350 - Там-же, 10 стр.; Русское Обозрение, 1893 г., 7–8 к., 376 стр.; Странник, 1863 г., III к., 40 стр.
- 351 - Прав. Собесед. 1888 г., 3 к., 310 стр.
- 352 - Там-же, 311 стр.
- 353 - Маассен, указ. соч., 18 стр.
- 354 - Прав. Собесед., 1888 г. 3 кн. Новое государство в его отношении к религии.
- 355 - См. Июль–Август кн. 1, стр. 27–41.
- 356 - Виновные как в распространении существующих уже между отпавшими от правосл. Церкви ересей и расколов, так и в заведении каких-либо новых повреждающих веру сект подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь и Закавказье.
- 357 - Продаётся в синодальных книжных лавках.
- 358 - „Они, подобно отцам их, – род упорный и мятежный, неустроенный сердцем и неверный Богу духом своим”.
- 359 - Презóрство – ср. устар. Высокомерие, надменность, самомнение. – Редакция Азбуки веры.
- 360 - См. кн. 1 Октябрь, стр. 231–257.
- 361 - Христ. Чтение, 1865 г., 512 стр.
- 362 - Хрис. Чтение. 1865 г., 512 стр. Церковь и государство.
- 363 - Там-же, 513 стр.
- 364 - Прав. Собеседн. 1889 г., 1 кн. Церковное право православной Церкви по воззрениям канониста – западника, И. Бердникова, 88 стр., Маассен, 7 стр.
- 365 - Суворов. Курс . . . II т. 484; Прав. Собесед. 1888 г., 3 кн., 28 стр.
- 366 - Бердников, Крат. Курс церк. права, 275.
- 367 - Там-же, 275 стр.

- 368 - Там-же, 276 стр.
369 - Там-же, 276 стр.
370 - Маассен, указ. соч., 9 стр.
371 - Там-же, 10 стр.
372 - Прав. Соб., 1888 г., 3 кн., 348 стр.
373 - Прав. Соб., 1888 г., 3 кн., 348 стр.
374 - Маассен, указ. соч., 321.
375 - Христ. Чтение, 1865 г., I, 513 стр.
376 - Там-же, 513 стр.
377 - Христ. Чтение, 1865 г., I, 514 стр.
378 - Там-же.
379 - Христ. Чтение, 1865 г., I, 511 стр.
380 - Там-же, 512 стр.
381 - Там-же, 525 стр.
382 - Христ. Чтение, 1865 г., I, 526; Прав. Собесед. 1889 г., 1, 88; Душепол. Чтение, 1874 г., I, 74–78 стр.
383 - Христ. Чтение. 1865 г., I, 538 стр.
384 - Прав. Собесед., 1858 г. Русское Обозрение 7–8, 382 стр.
385 - Изложение главных положений основных законов Росс. Империи, 87 стр.; Христ. Чтение, 1865 г., I. 511.
386 - Прав. Собесед., 1888 г., 3 кн., 346 стр.
387 - Иоанн Смоленский, Христ. Чтение, 1864 г., III кн., 160; Кипарисов, указ. сочин., стр. 62, 69, 70–77, 81–86, 108–112: Воскр. Чтение, 1862–1863 г., 26, 2, 146 стр.
388 - Рус. Обозр. 1893 г., 7–8 кн., 369–370 стр.; Прав. Соб. 1883 г., 3 кн., 9.
389 - Христ. Чтение, 1865 г., I. 536 стр.
390 - Правосл. Соб. 1888 г., 3 кн. 348 стр.
391 - Христ. Чтение, 1864 г., III кн., 40, 51 стр.
392 - Бердников, Курс . . . 275–6 стр.; Прав. Соб. 1888 г., 3 кн.; Рус. Обозр. 1893 г., 7–8 кн., 372 стр.
393 - Христ. Чтение 1865 г., 513 стр.
394 - Там-же, 514 стр.

³⁹⁵ - Изложение главных положений основных законов Росс. Империи, Харьков, 1839 г., 88 стр.

³⁹⁶ - Христианство, Церковь и православие. Душеп. Чтение, 1894 г., май–июнь, 16 стр., свящ. Петропавловский.

³⁹⁷ - Там-же, 17 стр. проф. Доброклонский, Религиозность в древней и новой России; Душ. Чтение, февраль, 154 стр.

³⁹⁸ - Русс. Обзорение 1893 г., 7–8, стр. 383.

³⁹⁹ - Исслед. главн. полож. основн. законов Росс. Империи, стр. 87.

⁴⁰⁰ - Прав. Соб. 1893 г., 3 кн., 10 ст.; то же, Самар. Епар. Ведом. 1891 года, № 8-й; Странник, 1887 г., 3 кн. О даровании раскольникам общегражданских прав и свободы в отправлении богослужения, 88 стр. Н. И. Ив-ского.

⁴⁰¹ - Русское Обзорение, 1893 г., 7–8 кн.

⁴⁰² - Суворов. Курс, II т. 508.

⁴⁰³ - Там-же, 509 стр.

⁴⁰⁴ - Церк. Вед. 1888 г., № 7-й.

⁴⁰⁵ - Градовский, Начала государствен. права, I т., 378 стр.

⁴⁰⁶ - Там-же, 379 стр.

⁴⁰⁷ - Суворов, О происх. и разв. русского раскола 61–62 стр. Лохвицкий, указ. соч. 318 стр., Суворов, Курс II т., 514 стр., Изд. 1890 г.: Странник, 1887 г. III кн. 245 стр.

⁴⁰⁸ - Прав. Собесед., 1883 г., 3 кн., 11 стр.; Прав. Соб. 1883 г., 2 кн., 203 стр.; Самар. Епарх. вед. 1891 года, № 8-й; Пенз. Епарх. вед. № 20-й.

⁴⁰⁹ - Прав. Собеседн., 1883 г., 3 кн. 12 стр.

⁴¹⁰ - См. Окт., кн. 1, стр. 257–272.

⁴¹¹ - При составлении настоящих очерков автор руководствовался во 1-х архивными документами Кавказской (ныне Ставропольской) духовной Консистоии, касающимися местного шалопутства, затем – личными сведениями о жизни и учении шалопутов, насколько удалось автору изучить их за время его миссионерской деятельности, а главное – подробными сообщениями о вероучении северно-кавказских шалопутов, которые он получил от бывшего шалопутского

регента и певца, крестьянина села Елизаветинского, ставропольской губ., Ксенофонта Разумова (ныне помощника окружного миссионера). От последнего автор получил целую тетрадь записанных со слов его священником А. Перевозовским шалопутских стихов-распевцев (свыше 200 №№) и две тетради с записями шалопутских толкований новозаветных книг.

⁴¹² - Ветхий Завет, как содержащий в себе древний закон, мимошедшее (2Кор.5:17), не в почёте у шалопутов: на него они ссылаются весьма редко.

⁴¹³ - Кавказские Епарх. Вед. 1874 г. стр. 164.

⁴¹⁴ - Дело Екатеринодарского Окруж. Суда о шалопутах ст. Крымской, Ахтырской, Холмской и др. от 1877–78 гг. т. I, л. 83.

⁴¹⁵ - Тело, по объяснению шалопутов, есть дело; человек, поражённый язвами – грешник, острупленный пороками.

⁴¹⁶ - Так, говорят шалопуты, Господь воскресил и Лазаря. Лазарь был болен не телом, а душою, он сомневался в правде шалопутского пути. Сомнение привело его к греху, к духовной смерти („Лазарь умер»); он стал грешить и грешить чрезмерно, так сильно и отвратительно, как отвратителен бывает смрад от разлагающегося трупа (Лазарь „смердит»). Христос строгим обличением исторг его из пучины греха (повелел выйти из пещеры), открыл ему глаза духовные (приказал снять повязки) и таким образом воскресил его для царствия Божия.

⁴¹⁷ - Своё общество шалопуты именуют новым Иерусалимом в отличие от старого, т. е. Церкви православной.

⁴¹⁸ - Дело Кавк. дух. Конспст. 1871 г. № 17 по описи лл. 113–114.

⁴¹⁹ - Ibid. л. 114.

⁴²⁰ - Халявка, казак станицы Уманской Кубанской области.

⁴²¹ - Кавк. Епарх. вед. 1874 г. стр. 163.

⁴²² - Кавк. Епарх. вед. 1874 г. стр. 167.

⁴²³ - № 14 стихов К. Разумова.

⁴²⁴ - Ibid № 55.

⁴²⁵ - Ibid стр. 67.

⁴²⁶ - Ibid стр. 70.

⁴²⁷ - Пользуемся случаем исправить допущенную на 5 стран. „Мис. Обзор.“ за май–июнь месяц кн. 1-я неточность, что Амвросий был принят не 3 чином, а 2, т. е. чрез миропомазание. Редактор.

⁴²⁸ - Помещаем полностью это синодальное послание к Константинопольскому патриарху. Знать подлинно содержание его пастырям и миссионерам необходимо для интересов полемики. Не лишне справляться с ним и защитникам раскольниковых вождедений. „Святейшему Анфиму, архиепископу Константинополя, нового Рима, вселенскому патриарху Святейший, Правительствующий Всероссийский Синод, О Господе радоваться“. Православная Всероссийская Церковь, по началу своему дочь св. Константинопольские Церкви, всегда тщила и тщится сохранять с нею и со всею вселенскою восточного исповедания единомыслие веры и единодушное общение. В настоящее время имеет особую причину указать на пример таковых отношений из церковных событий седмого-надесять столетия. Когда Всероссийская Церковь возымела нужду вновь удостовериться в правости некоторых чиноположений и обрядов против неких сомнящихся и непокорствующих, она приобрела сие удостоверение через совещание с Церковью Константинопольскою, как свидетельствует грамота св. патриарха Паисия и бывшего с ним собора лета 1654 года. В уверенности, что таковое единодушное попечение об общем мире и благосостоянии церквей продолжается и продолжится также неизменно, как неизменно Господне обетование, что врата ада не одолеют Церкви Его, мы обязанностью почитаем обличить перед вашим святейшеством и сущим с вами Синодом случай столько же оскорбительный для достоинства Константинопольской иерархии, сколь неблагоприятный для Церкви Российской. Известным сделалось нам, что некий епископ Амвросий, удалённый от управления Боснийскою епархией, и пребывавший в Константинополе под кровом милосердия патриаршего вселенского престола, внезапно сделавшись и непокорен и неблагодарен, без благословения вашего святейшества удалился в Буковину и там вошёл в общение с людьми, подобно ему, непокорными,

которые, упорно держась некоторых, несогласных с Церковью обрядов, ещё от предков, отлучили себя от неё, а хуления на неё возносят, а потому и святой Церковью от общения отлучены и постановлением Московского собора лета 1667 г., которое и восточными блаженнейшими патриархами Паисием александрийским и Макарием антиохийским и другими от священного чина восточной Церкви утверждено, и неблагословенный оный у неблагословенных священная действовать начал. Мудрость ваша не требует от нас изъяснения, какой суд на таковых неправедных, нарушающих мир церковный, делателей изрекают священные правила и особенно десятое святых Апостолов, второе Антиохийского и тридесять пятое Лаодикийского соборов. Но по общему долгу охранения мира церковного, и по предосторожности, чтобы зло раскола не распространялось, мы не можем остаться бездейственными зрителями столь дерзновенного нарушения священных правил; и сего ради убеждаем и молим ваше святейшество употребить силу сих самых священных правил и данной вам от Бога власти, чтобы пресечь сей новый соблазн, чтобы побудить непокорного епископа принести покаяние, отвергнуть и осудить общение раскольническое и возвратиться в истинное общение церковное, а в противном случае, осудить его с самоосужденными, к которым он приобщился; и если он отважится совершить неблагословенные рукоположения, то и оные силой церковных правил упразднить. Верховного-же Пастыреначальника, прошедшего небеса Господа нашего Иисуса Христа, смиренно молим, да своею божественною благодатию, обильно на служение ваше излианную, выну споспешествует вам посредством священно-пастырских подвигов и посредством руководимых вами добрых пастырей, неврединно соблюдать стадо Божие от наёмников, которые пасут себе самих, а не овец Господних, и потом бегут и предают овец ещё худшим и себя волкам, не щадящим стада. В С.-Петербурге, в лето спасения 1847, месяца июня в 30 день.

⁴²⁹ - В ведении лже-архиерея Силуана в Донской области числится 5 протоиереев, 28 лже-попов, 1 архимандрит, отмеченный „запрещён за противозаконные действия, но

самовластно священствует”, несколько монахов. В Кубан. обл. 16 лже-иереев и 2 лже-протопопа, в Терской – 16 лже-попов и 1 протоиерей, в Екатеринослав. – 7 попов и 1 протоиерей. Как лже-архиереи, так и все прочие чины австрийской лже-иерархии законом не признаются в сущем сане, а значатся во всех актах состояния по тому сословию, в каком состоят, главным образом – крестьяне – отбывают наряду с прочими односельчанами все повинности. Так, лже-архиерея Сильвестра Балтского, крестьянина, волость ежегодно вызывает повестками отбывать „череду”, – стеречь свиней и телят. Повинность эту лже-епископ отбывает деньгами.

⁴³⁰ - Особенно много в раскольничьем лже-священстве беззаконий на счёт совершения браков. У лже-попов за хорошие деньги можно повенчаться от 2 и от 3 живых жён. Из одной кавказской станицы нам прислан список, в коем числится 29 многоженцев.

⁴³¹ - Вопросы эти редактированы так: 1) Фамилия (прозвище), имя и отчество; 2) пол; 3) как записанный приходится главе хозяйства и главе своей семьи; 4) сколько минуло лет и месяцев отроду; 5) холост, женат, вдов или разведён; 6) сословие, состояние или звание; 7) где родился? 8) где приписан? 9) где обыкновенно проживает? 10) отметка об отсутствии, отлучке и о временном здесь пребывании; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) грамотность: а) умеет-ли читать? б) где обучался или кончил курс образования? занятие, ремесло, промысел, должность или служба.

⁴³² - См. Ноябрь кн. 1, стр. 320–337.

⁴³³ - Таганцев, Улож. о наказ., 164 стр. прим. 1-е.

⁴³⁴ - Устав о пред. и прес. преступл., ст. 45.

⁴³⁵ - Там-же, 48-я статья.

⁴³⁶ - Там-же, 48-я ст.

⁴³⁷ - Там-же, 48-я ст. примеч. 3. Собр. Зак., 1883 г., Мая 3 (1545), I т., ст. 12.

⁴³⁸ - Уст. о пред. и прес. преступл., 48 ст.

⁴³⁹ - Там-же, ст. 48; Собр. Зак. 1883 г. Мая 3 (1545), I т., 5–8 стр.

- 440 - Улож. о наказ. 206 ст.
- 441 - Уст. о пред. и пресеч. преступлений, 46 ст.
- 442 - Полп. свод зак. IX т., 1883 г., Мая 3 (1545), I, ст. 10-я
- 443 - Уст. о пред. и прес. прест., 52 ст.
- 444 - Градовский, т. I, 379. (Критическая оценка этого закона до сих пор была сделана в „Вестнике Европы”, 1874 г., Декабрь, внутреннее обозрение и в „годе” „Вестника Европы”.
- 445 - Устав торговый; тоже 1833 г., Мая 3 (1545) I ч., 2 ст.
- 446 - Устав о пред. и прес. преступл., 1883 г., Мая 3 (1545), I ч., ст. 62, 1 примечание.
- 447 - Там-же, 1883 г., Мая 3 (1545) I, 3 ст.
- 448 - Там-же, 1883 г., Мая 3 (1545) 60 ст.
- 449 - Там-же, прим. к 59 ст., тоже 1841 Март 27 (14409), ст. 221, 1865, Июля 2 (42345), Выс. пов. 1883 Мая 3 (1454) I, 11 ст.
- 450 - Там-же, 49 ст., 1883 г. Мая 3 (1545) 1, 2 ст.
- 451 - Уст. о пред. и прес. прест., 45 ст.
- 452 - Лишение это, по 50-й ст. Устава, сопровождается для дворян: запрещением вступать в государственную или общественную службу, участвовать в выборах и быть избираемыми в какие-либо должности, даже и в опекуны, по назначению дворянской опеки; для священнослужителей: исключением из духовного звания; для почётных граждан и купцов: запрещением участвовать в городских выборах и быть избираемыми в почётные или соединённые с властью городские должности; для людей всех прочих состояний: также потерей права участвовать в выборах и быть избранными в почётные или соединённые с властью должности.
- 453 - Степень 4-я 31-й статьи Уложения: ссылка на житьё в губернию Томскую или Тобольскую, с заключением на время от одного года до двух лет, или работы в исправительных арестантских отделениях, на время от полутора до двух с половиной лет.
- 454 - Улож. о наказ. 189 ст.
- 455 - Там-же, 189 ст. 1 примечание.
- 456 - Там-же, 196 ст.

- 457 - Уст. о пред. и прес. прест. 50 ст.
- 458 - Там-же, 57 ст.
- 459 - Там-же, ст. 50; Собр. Зак. 1818 г., Дек. 3 (27611).
- 460 - Улож. О нак. 205 ст., 1884 г., Мая; Собр. узак. 438, III.
- 461 - Устав о пред. и прес. прест., 47 ст.
- 462 - Улож. о наказании, 206 ст.
- 463 - Уст. о пред. и прес. прест. 53 ст.
- 464 - Улож. о нак., 196 ст. Эта статья предусматривает распространение ересей и расколов вообще, в отличие от ст. 197-й, которая имеет в виду распространение ересей особенно вредных. Таганцев, 196 ст., пр. 6-е.
- 465 - Там-же, 196 ст., прим. 1-е.
- 466 - Там-же, 196 ст. буква б.
- 467 - Уст. о пред. и прес. прест., 54.
- 468 - Улож. о наказ. Таганцева, 165, примеч.
- 469 - Уст. о пр. и прес. прест., 59 ст.; Улож. о нак. 197.
- 470 - Уложение о наказ., 197 ст. прим. 2-е.
- 471 - См. Улож. о наказ. Таганцева, изд. 1866 г.; курс уголовного права, Лохвицкого, 313; Руковод. для сельск. паст. 1875 г., 3 кн., 71 стр.— Преступления против веры и церкви по русск. законодат. Н. Трейеров.
- 472 - Лохвицкий, Курс, 309 стр.; Пенз. епарх. вед. 1883, № 20; Сборник узаконений по части раскола; классификация сект по степени их вредности, сделанная Министром Внутренних Дел; Липранди, Странник, 1887 г., 2 кн., 273–274 стр.
- 473 - Таганцев, Улож. о наказ., 165 стр., примеч. к 197 ст.; Лохвицкий, 315 стр.
- 474 - Улож. о наказ., 200 ст.
- 475 - Там-же, 203 статья.
- 476 - Там-же, 203 статья, примеч. 1.
- 477 - Там-же, 203 статья, примечание 4.
- 478 - Там-же, примечание 5.
- 479 - Там-же, примечание 6.
- 480 - Там-же, 201 статья.

- 481 - Там-же, 201 ст., прим. 2; Лохвицкий, 317 стр.
- 482 - Там-же, 201 ст., прим. 1; Лохвицкий, 316, 319 стр.
- 483 - Лохвицкий, курс, 319 стр.
- 484 - Таганцев, 201 ст., прим. 25.
- 485 - Там-же, 170 ст., прим. 1; Рук. д. сельск. п. 1875 г., 3 кн., 273 стр.
- 486 - Уст. о пред. и прес. прест., XIV т., изд. 1890 г., 62 ст.
- 487 - Улож. о наказ., 202 ст.
- 488 - Таганцев, 171 стр., примеч.
- 489 - Уст. о пред. и прес. прест., 61 ст.
- 490 - Уложен. о наказ., 202 ст.
- 491 - Там-же, 202 ст., 1 прим.
- 492 - Уст. угол. судопроиз.; Св. Зак., XVI т., ч. II, изд. 1892 г.; О судопроизв. по преступл. против веры, 546 ст.
- 493 - Там-же, 547 ст.
- 494 - Уст. о пред. и прес. ирест., 621 ст.
- 495 - Уст. угол. судопроизв., XVI т., II ч., изд. 1892 г., 543 ст.
- 496 - Там-же, ст. 545.
- 497 - Уст. о пред. и прес. преступл., XIV т., 63 ст.
- 498 - Уст. угол. судопр., XVI, 2, 548. О судопр. по преступл. против веры.
- 499 - Улож. о наказ., 204 ст.
- 500 - Уст. угол. судопроизв. XVI, 2, 548; то же улож. о наказ., 204 ст.
- 501 - Уст. о пред. и прес. преступл., 55 ст.; то же, уст. духовн. консист. 1841 г., марта 27 (14409), ст. 20.
- 502 - Там-же, 56 ст.
- 503 - Уст. о пред. и прес. прест., ст. 56; Уст. Дух. Конс., 1841 г., марта 27 (14409), 21 ст.
- 504 - Уст. дух. конс. 1840 г. марта 21 (13280), ст. 5.
- 505 - Уст. о пред. и прес. прест., 57 ст.; Собр. узак., 1840 г., марта 21 (13280).
- 506 - Уст. о пред. и прес. прест., 58 ст.

- ⁵⁰⁷ - Уст. дух. консис. Собр. зак., 1841 г., 27 (14409), прим. к ст. 22.
- ⁵⁰⁸ - Собр. зак., 1865 г., июня 9 (42345), I, Уст. дух. копсис.
- ⁵⁰⁹ - Там-же, прим. под цифрой I.
- ⁵¹⁰ - Свод. зак. Р. И., т. XVI, ч. I, О судопр. по угол. дел., произв. с участ. духовн. ведом., 1002 ст.
- ⁵¹¹ - Поли, свод закон. XVI т., изд. 1892 г., ч. I. О судопроизв. по угол. делам с участ. духов, ведом., 1004 ст.
- ⁵¹² - Там-же, 1003 ст.
- ⁵¹³ - Там-же, 1005 ст.
- ⁵¹⁴ - Там-же, 1006 ст.
- ⁵¹⁵ - Лохвицкий, курс угол. права, 322 стр.
- ⁵¹⁶ - Поли. св. зак. XVI т., I ч., изд. 1892 г. О судопр. по уголов. дел., произв. с участ. дух. вед., 1007 ст.
- ⁵¹⁷ - Там-же, 1008 ст.
- ⁵¹⁸ - У нас в Казани некоторые из последователей австрийского священства и держащиеся Единоверия начинают высказывать, хотя пока довольно прикровенно, мысли чисто рационалистические, в роде штундизма.
- ⁵¹⁹ - Об учении духоборцев см. в нашем Руководстве, ч. 3, стр. 177 и дал., изд. 4.
- ⁵²⁰ - См. ноябрь, кн. 1-я стр. 337.
- ⁵²¹ - Насадитель шалопутства на Северном Кавказе, христос-бог, батенька Перфил Петров Катасонов (крест. сел. Перевозова Тамб. губ. Борисоглебского уезда), был учеником Аввакума Копылова.
- ⁵²² - Дело Екатер. Окр. суда, т. I, л л. 46—47.
- ⁵²³ - „Кавк. Еп. Вед.“ 1875 г. стр. 760.
- ⁵²⁴ - Ibid. 1881 г., стр. 458.
- ⁵²⁵ - Ibid. стр. 392.
- ⁵²⁶ - Выражение: „Се бо в беззакониях зачат есмь“ показывает, по шалопутскому толкованию, что человек зачинается и рождается от греха (плотского соития мужа и жены).

⁵²⁷ - Что Иисус Христос по плоти родился обычным порядком человеческого рождения, это видно, говорят наши шалопуты, и из того, что у Него были братья и сёстры по плоти, о которых упоминается в разных местах Св. Писания (напр., Мк.3:31 ср. Мф.12:46,47).

⁵²⁸ - т. е. выделять из „мира”.

⁵²⁹ - в книге живой на небесах.

⁵³⁰ - для удобства езды на похотливом коне – плоти.

⁵³¹ - = своим учением.

⁵³² - Тамбов = „Там Бог”.

⁵³³ - О предшественниках Катасонова, напр., о Данииле Филиппове и даже Аввакуме Копылове, наши шалопуты не знают ничего и потому всё, что говорится о Христе, Его учении и „страдах”, относится исключительно к Катасонову.

⁵³⁴ - Толкуя Мф.2:2, шалопуты обыкновенно говорят: „вот и о нас все звездят, т. е. говорят, что мы, шалопуты, и такие, и сякие, а всё-таки идут испытать, справедлива ли молва”.

⁵³⁵ - За пропаганду в широких размерах шалопутства и за участие в убийстве одной женщины.

⁵³⁶ - И теперь ещё у шалопутов наших, как святая икона, хранятся портреты Катасонова, изображающие его в цепях и арестантском костюме.

⁵³⁷ - „Кавк. Еп. Вед.” 1881 г., стр. 458.

⁵³⁸ - Всеведение „батеньки” шалопуты воспевают так: „Мы не можем скрыться от пречистого лица. Ему видно, искупителю, потускнелый в (у) кого лик”.

⁵³⁹ - По поводу появления в Ставропольской губ. и Кубанской области двух учителей – „лже-христов”: некоего крест. Ставр. губ. Варфоломея Горяйнова и мещ. г. Черкаска Евтея Люлькевича, Катасонов в 1873 г. разослал по кораблям северокавказским именной указ, в коем, между прочим, писал (чужой рукой, ибо сам был безграмотен): „ещё дети мои приказываю вам строго не отлучайтесь вы от своего стада и не слушайте других под названием христов, не избранных мною; Евтея Григорьевича (разум. Люлькевич) и Холомея Медвеженского, кто их учению последует, тот да будет от мене

Анафем и трижды проклят, и вы верные не слушайте их“ (Дело Екатеринод. Окр. суда, ч. I-я, л. 64).

⁵⁴⁰ - См. ноябрь, кн. 1, стр. 337.

⁵⁴¹ - Духовенство Москвы, куда секта скоро была занесена и где она особенно распространялась, было также весьма необразованно. „В лето 1464, сентября 3“, – читаем в летописи, – „оставил м. Феодосий свою митрополию. Феодосий потому оставил, что хотел священников и дьяконов навести силою на Божий путь; начал их каждое воскресенье созывать, и учить по святым правилам“... Духовенство разбежалось и „многие церкви остались без священников; люди начали тужить об этом и порицать (проклинати) митрополита“. Это так подействовало на митрополита, что он решился отказаться от митрополии... Это происходило как раз накануне занесения секты в Москву.